Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы [Imperatorskaja Arxeologičeskaja Komissija (1859-1917) : istorija pervogo gosudarstvennogo učreždenija rossijskoj arxeologii ot osnovanija do reformy] tom 2

Aleksandr Musin, Maria Medvedeva

▶ **To cite this version:**

Aleksandr Musin, Maria Medvedeva (Dir.). Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы [Imperatorskaja Arxeologičeskaja Komissija (1859-1917) : istorija pervogo gosudarstvennogo učreždenija rossijskoj arxeologii ot osnovanija do reformy] tom 2. Institute for the History of Material Culture, 2019, 978-5-9072-9807-1. ⟨10.31600/978-5-9072-9807-1⟩. ⟨hal-03140888⟩

HAL Id: hal-03140888

https://normandie-univ.hal.science/hal-03140888

Submitted on 4 Mar 2021

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

(1859-1917)

2

Всем потрудившимся
на ниве отечественной археологии
ПОСВЯЩАЕТСЯ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

THE IMPERIAL ARCHAEOLOGICAL COMMISSION (1859–1917)

HISTORY OF THE FIRST STATE INSTITUTION OF RUSSIAN ARCHAEOLOGY FROM THE BEGINNING UNTIL THE REFORM

Volume 2

Edited by
Alexander Musin & Maria Medvedeva

2nd revised edition

Saint Petersburg
2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории материальной культуры

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ (1859–1917)

ИСТОРИЯ ПЕРВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ОТ ОСНОВАНИЯ ДО РЕФОРМЫ

Том 2

Научные редакторы-составители
А. Е. Мусин и М. В. Медведева

2-е издание,
переработанное и дополненное

Санкт-Петербург
2019

УДК 930.25
ББК 63.4(2)
И54

Печатается по решению Ученого Совета ИИМК РАН

Исследование осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект №07–01–512а)

Первое издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект №09–01–16101д)

И54 Императорская археологическая комиссия (1859–1917) : история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы : Коллективная монография : в 2 т. Т. 2 / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. — СПб. : ИИМК РАН, 2019. — 728 (1616) с.

ISBN 978-5-9072-9807-1
DOI 10.31600/978-5-9072-9807-1

Книга посвящена истории Императорской археологической комиссии, первого государственного археологического учреждения в России. Комиссия сыграла важную роль в становлении российской археологии как науки в сложении теории и практики реставрации объектов культурного наследия и формировании мер по охране памятников культуры в России XIX — начала XX в. Впервые систематически изложена и охарактеризована разносторонняя деятельность ИАК, даны биографии членов и сотрудников Комиссии, опубликован справочный материал по ее исследовательской деятельности. В богато иллюстрированном издании использованы уникальные фотографии из Научного архива ИИМК РАН. Второе издание коллективного труда, переработанное и дополненное, предназначено специалистам в области отечественной археологии и истории, историкам искусства и реставраторам, общественным и политическим деятелям, сотрудникам органов охраны памятников, студентам исторических специальностей, всем, интересующимся судьбой памятников культуры.

УДК 930.25
ББК 63.4(2)

Рецензенты:
чл.-корр. РАН И. В. Тункина, к.и.н. О. А. Сиротина

Редакционная коллегия:
к.и.н. О. И. Богуславский, д.и.н. В. А. Лапшин (председатель),
к.и.н. М. В. Медведева (науч. ред.-сост.), д.и.н. А. Е. Мусин (науч. ред.-сост.),
д.и.н. Н. И. Платонова

Предисловие — д.и.н. В. А. Лапшин; Предисловие к первому изданию — чл.-корр. РАН Е. Н. Носов; Предисловие составителей — д.и.н. А. Е. Мусин, к.и.н. М. В. Медведева; Введение и история архива — д.и.н. А. Е. Мусин, к.и.н. М .В. Медведева, д.и.н. Г. В. Длужневская, Н. А. Белова; Летопись ИАК — д.и.н. А. Е. Мусин; Глава I — д.и.н. А. Е. Мусин, к.и.н. М. В. Медведева, д.и.н. Н. И. Платонова, Л. М. Всевиов, д.и.н. И. Л. Тихонов; Глава II — д.и.н. Ю. А. Виноградов; Глава III — к.и.н. М. Ю. Вахтина; Глава IV — д.и.н. Ю. А. Виноградов, д.и.н. А. Е. Мусин; Глава V — к.и.н. Р. В. Стоянов; Глава VI — д.и.н. Н. И. Платонова, д.и.н. А. Е. Мусин, д.и.н. С. А. Васильев; Глава VII — д.и.н. Г. В. Длужневская, Н. А. Лазаревская; Глава VIII — к.и.н. О. В. Игнатьева-Вильбоа, д.и.н. Н. Б. Крыласова, д.и.н. А. М. Белавин; Глава IX — к.и.н. М. Б. Рысин, В. Я. Стеганцева; Глава X — д.и.н. Г. В. Длужневская, д.и.н. Л. Б. Кирчо; Глава XI — д.и.н. А. Е. Мусин, д.и.н. Г. В. Длужневская, к.и.н. М. В. Медведева, д.и.н. Н. И. Платонова; Глава XII — к.и.н. Д. Д. Ёлшин; Глава XIII — д.и.н. А. Е. Мусин, к.и.н. М. В. Медведева; Глава XIV — д.и.н. А. Е. Мусин, д.и.н. Н. И. Платонова; Биографии — д.и.н. И. Л. Тихонов, д.и.н. А. Е. Мусин; Библиография — Л. М. Всевиов; Английское резюме — А. В. Гилевич; Указатели — д.и.н. А. Е. Мусин; Подготовка иллюстративного материала — Т. А. Ершова

В оформлении обложки использованы материалы ФО НА ИИМК РАН

9 785907 298071

© ИИМК РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Том 1

Предисловие 7
Предисловие к первому изданию 9
Предисловие составителей 13
Введение. История формирования архива Императорской археологической комиссии и обзор ее фондов в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН 29
Летопись Императорской археологической комиссии 41
Сотрудники Императорской / Российской археологической комиссии, 1859–1918 56
ГЛАВА I. Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 гг. 62
ГЛАВА II. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского 354
ГЛАВА III. Императорская археологическая комиссия и изучение скифских древностей 537
ГЛАВА IV. Императорская археологическая комиссия и исследование древней Ольвии и Березани 654
ГЛАВА V. Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического 743
ГЛАВА VI. Императорская археологическая комиссия и первобытные древности 783
ГЛАВА VII. Археологические памятники Сибири в исследованиях Императорской археологической комиссии 833

Том 2

ГЛАВА VIII. Императорская археологическая комиссия и археология Пермского края 895
ГЛАВА IX. Императорская археологическая комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья 921
ГЛАВА X. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Средней Азии 1056
ГЛАВА XI. Славяно-русские и средневековые древности в исследованиях Императорской археологической комиссии 1092
ГЛАВА XII. Императорская археологическая комиссия и раскопки в Киеве 1908–1914 гг. 1202
ГЛАВА XIII. Императорская археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры 1237
ГЛАВА XIV. Императорская археологическая комиссия и ее преобразование в 1917–1919 гг. 1401
Summary 1463
Список сокращений 1469
Библиография изданий Императорской / Российской археологической комиссии 1476
Библиография 1482
Указатель географических названий 1561
Указатель имен 1586
Информация об авторах 1609

CONTENTS

Volume 1

FOREWORD 7
FOREWORD TO THE FIRST EDITION 9
FOREWORD OF EDITORS 13
INTRODUCTION. The history of archives of the Imperial Archaeological Commission and surveys of its collection in the depository of the Institute for the History of the Material Culture, Saint Petersburg 29
Chronicles of the Imperial Archaeological Commission 41
Staff of the Imperial / Russian Archaeological Commission, 1859–1918 56
CHAPTER I. Essay on the history of the Imperial Archaeological Commission in 1859–1917 62
CHAPTER II. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of the Cimmerian Bosporos 354
CHAPTER III. The Imperial Archaeological Commission and Scythian archaeology 537
CHAPTER IV. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of ancient Greek cities of Olbia and Berezan Island 654
CHAPTER V. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of the Tauric Chersonesos 743
CHAPTER VI. The Imperial Archaeological Commission and prehistoric archaeology 783
CHAPTER VII. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of Siberia 833

Volume 2

CHAPTER VIII. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of the historical region of Perm 895
CHAPTER IX. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of the Caucasus and Ciscaucasia 921
CHAPTER X. The Imperial Archaeological Commission and archaeology of Central Asia 1056
CHAPTER XI. The Imperial Archaeological Commission and Slavic and Russian mediaeval archaeology 1092
CHAPTER XII. The Imperial Archaeological Commission and excavations in Kyiv in 1908–1914 1202
CHAPTER XIII. The Imperial Archaeological Commission: restoration and protection of monuments and sites 1237
CHAPTER XIV. The Imperial Archaeological Commission and its reform in 1917–1919 1401
Summary 1463
Abbreviations 1469
Bibliography of the publications of the Imperial / Russian Archaeological Commission 1476
Bibliography 1482
Index of places 1561
Index of names 1586
About the authors 1609

DOI: 10.31600/978-5-9072-9807-1-2019-895-920

Глава VIII

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Изучение «чудских древностей» занимало в деятельности Императорской археологической комиссии особое место по целому ряду причин (см.: Длужневская 2014). Эти древности, представленные интереснейшей металлопластикой «пермского звериного стиля» культового характера, разнообразными бронзовыми украшениями, в том числе шумящими подвесками, поясными наборами, кресалами с фигурными бронзовыми рукоятями и т. п., в целом датируются сегодня I — началом II тыс. н. э. и охватывают территории современных Пермского края, Свердловской и Челябинской областей, Республик Удмуртия, Коми и, частично, Республики Башкирия и Кировской области. Современная наука выделяет здесь разнообразные археологические культуры эпохи средневековья (бакальская, неволинская, юдинская, ломоватовская, поломская, кушнаренковская и пр.), связанные с финно-угорскими племенами, в определенной степени являющимися историческими предками коми, удмуртов, хантов, манси и венгров (см.: Игнатьева 2009). Они попали в поле зрения исследователей как в результате целенаправленных археологических раскопок, так и в составе частных коллекций, возникших на основе приобретения случайных находок и кладоискательства еще с XVIII–XIX вв. К тому же собирание и изучение этих коллекций связано с ключевыми именами в истории Императорской археологической комиссии — С. Г. Строганова и А. А. Спицына.

Пермская губерния, образованная в 1781 г. по повелению Екатерины II, представляла собой огромный край, вобравший в себя почти весь Средний Урал. Границы ее западной области практически совпадают с современным Пермским краем (Предуралье, Западный Урал), восточная часть находилась на территории современных Свердловской и, частично, Челябинской областей (Центральный Урал и Зауралье).

Древнейшие известия об археологических памятниках Предуралья относятся к XVII в. Не случайно царь Алексей Михайлович в 1669 г. интересовался тем, что на р. Каме и р. Белой «русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые и серебряные всякие вещи и посуды...». Сведения о «чудских городках» Верхней Камы встречаются уже в писцовых книгах И. Яхонтова, М. Кайсарова (Писцовые книги Пермской губернии 1872; Книги сошного письма 1879) и в других документах XVI–XVII вв. Начало сбора научной информации об археологии Пермского Предуралья следует отнести к первой половине XVIII в. Наиболее ранней публикацией археологических материалов Прикамья была книга шведского путешественника

Ф.И. Страленберга «Историко-географическое описание Северной и Восточной части Европы и Азии», вышедшая в 1730 г. в Стокгольме на немецком языке, которая содержала описание уникального памятника — Камня Писаного, скалы на р. Вишера, покрытой изображениями людей, животных и абстрактных фигур (всего более 200) в эпоху неолита, бронзового и раннего железного веков (Strahlenbergs 1730). Ряд средневековых камских городищ в Чердынском и Соликамском уездах осмотрел и описал в своих дневниках, опубликованных в 1770-х гг., русский путешественник капитан Н.П. Рычков, сын известного ученого, члена-корреспондента Петербургской Академии наук П.И. Рычкова (Рычков 1772). В 1819 г. на городищах Искор, Пянтежском и поселении Урол В.Н. Берхом, чиновником Пермской казенной палаты, впоследствии известным историком русского военного флота, были проведены первые археологические раскопки в Прикамье (Берх 1821).

К 1840-м гг. относится попытка проведения комплексного исследования для сбора сведений о «чудских урочищах» на территории Пермской губернии с целью «сделать историческое, по возможности, разыскание о народе Чуди», предпринятая под руководством директора Пермских училищ И.Ф. Грацинского (см. информацию в: ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 262). Своим предписанием от 3 марта 1847 г. он предложил учителю истории и географии Пермского уездного училища Петрову составить план будущего сочинения «Описание чудских урочищ Пермской губернии, находящихся в уездах: Пермском, Соликамском, Чердынском и Оханском», который был представлен последним в марте 1848 г. Научное руководство воплощением этого плана взял на себя известный русский историк, профессор Казанского университета Николай Алексеевич Иванов (1813–1869). Отзыв Н.А. Иванова послужил своего рода методическим руководством в проведении сбора сведений о древней чуди. План Петрова был назван в нем «слишком обширным», а задача написания в ближайшее время цельной истории древнего населения Прикамья — преждевременной. Вместо этого Н.А. Иванов предложил заняться «только описанием урочищ, городищ, курганов, насыпей и могил, равно и тех предметов, которые в них будут найдены». Он также считал, что «дело пойдет успешнее, если подобная работа будет возложена на несколько лиц» (Там же).

7 августа 1848 г. план вместе с рекомендациями профессора Н.А. Иванова был размножен и циркулярами направлен всем штатным смотрителям уездных училищ. Ответная информация поступила лишь от троих. Штатный смотритель Чердынского уезда сообщил о находке в Ныробе старинных грамот; от штатного смотрителя Верхотурских училищ (уроженца с. Рождественское Соликамского уезда) были получены сведения о находящемся вблизи села чудском городище и от штатного смотрителя Ирбитских училищ Н. Тихонова было получено описание Ирбитского городища со сведениями о находках на нем серебряных монет и «костяных копий», а также значительного количества человеческих костей и целого скелета (Там же).

Осенью того же 1848 г. И.Ф. Грацинским были посланы письма управляющим частновладельческих имений с просьбой сообщить о имеющихся на их землях чудских урочищах и находках древних вещей. Оказалось, что один из них — управляющий графов

Строгановых Федот Алексеевич Волегов — уже давно, по поручению своего хозяина, занимается собиранием чудских древностей и составил значительную коллекцию. Описание и рисунки вещей из коллекции Волегова были посланы в Казань, где заинтересовали Н. А. Иванова, предложившего их опубликовать. В. А. Волегов ответил отказом на это предложение, так как коллекция была еще не описана и требовала большого внимания.

Эта коллекция стала формироваться в 1830-х гг., она была одной из самых известных в дореволюционной России археологических коллекций, положившей начало как Эрмитажной коллекции графов Строгановых, так и знаменитой Пермской коллекции А. Е. и Ф. А. Теплоуховых (см.: Игнатьева 2015а). Первыми собирателями этой коллекции стали представители крепостной интеллигенции братья Волеговы — Федот (1790–1856) и Василий Алексеевичи (1807–1864).

Первоначально коллекцию археологических предметов в с. Ильинском (с. Ильинское — центр современного Ильинского района Пермского края. В селе сохранились контора главного управления, дом Теплоуховых и другие памятники старины) собирал В. А. Волегов, выпускник Строгановской школы, бывший с 1845 по 1864 г. главноуправляющим Пермского нераздельного имения фамилии Строгановых, один из выдающихся представителей которых, С. Г. Строганов, возглавлял ИАК в 1859–1882 гг. В Ильинском находилось Главное управление Строгановским имением. В архивных документах семейного фонда Волеговых имеется указание, что уже к концу 1840-х гг. у В. А. Волегова образовалась интересная коллекция древностей (см.

Федот Алексеевич Волегов (1790–1856), управляющий имением Строгановых (по: http://enc.permculture.ru)

материалы в: ГАПК. Ф. 672. Оп. 1). На это же указывает и А. А. Спицын в предисловии к изданию «Древностей камской чуди по коллекции Теплоухова» со ссылкой на информацию П. И. Мельникова: «…даже в 1845 г. Мельников насчитал в коллекции Волегова 55 вещей, и сообщает, что они собраны между 1830–1839 гг…» (Спицын 1902а: 9). С 1845 г. все ценные вещи В. А. Волегов отсылал в Петербург графу С. Г. Строганову, однако перед этим значительная часть коллекции была зарисована. Согласно А. А. Спицыну, В. А. Волегов пригласил для этого художника Г. К. Козьминых из крепостных Строгановых, альбом рисунков которого «прекрасно заменял сами вещи». Именно эти отосланные в Петербург вещи стали основой для Эрмитажной коллекции Строгановых. Начало регулярным отсылкам новых находок в столицу

«Туйский (Пермский) всадник» из клада, найденного в 1839–1841 гг. у д. Ковнино, Пермский уезд, Пермская губерния (по: Шмидт 1925: 557)

было положено после распоряжения С.Г. Строганова собирать найденные старинные вещи силами сельских приказчиков, передавать их в с. Ильинское, а оттуда самые интересные и редкие из них переправлять в Петербург. Поводом к такому распоряжению послужила находка Туйского (Ковинского) клада Сасанидских вещей 1840–1841 гг. со знаменитым «Пермским всадником» (Шмидт 1925: 410–434; Голдина 1985). В 1851 г. распоряжение о сборе и отсылке археологических находок в Петербург было подтверждено письмом С.Г. Строганова В.А. Волегову, что произошло после поступления в коллекцию Строгановых «Таманского» клада (Таман (Туман) — село на р. Кама ниже г. Усолье в пределах имения Строгановых. Рядом с селом известны два средневековых городища, с одного из которых и происходит указанный клад) серебряных вещей. Копия этого письма сохранилась в фонде А.А. Спицына в Научном архиве ИИМК РАН:

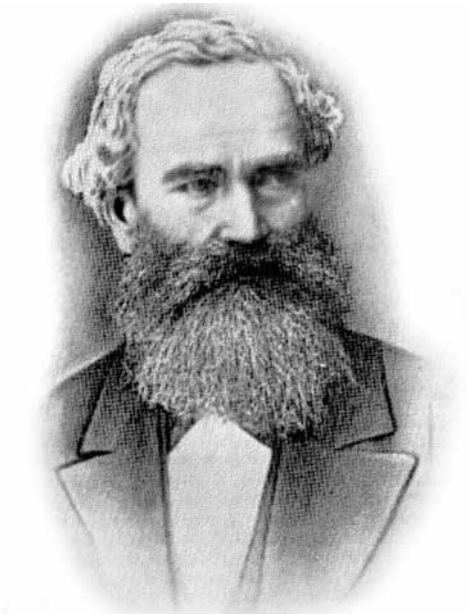
«Присланные Вами к батюшке моему графу Григорию Александровичу 36 старинных вещей, 9 камней и 1 медный наконечник — переданы им мне. Поэтому я посылаю к Вам при сем двадцать пять рублей серебром для выдачи крестьянину Михайлу Щукину за находку этих вещей.

Так как батюшка мой совсем не занимается археологией и потому не имеет в таких вещах никакой нужды, а я же страстный до них охотник, то прошу Вас на будущее время извещать прямо меня о подобных находках, и не только о серебряных, но и о медных вещах, в особенности с изображениями чудских богов: ибо и медные вещи, смотря по значению их, могут быть много ценны не ниже серебряных.

Также прошу Вас уведомлять о нахождении старинных вещей и присылать рисунки оных даже в тех случаях, если такие вещи будут открыты не в имении батюшки, а в других соседственных местах, и посторонними людьми, от коих я мог бы оныя приобретать» (РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 258. Л. 193).

По точному замечанию А.А. Спицына, граф С.Г. Строганов, даже будучи председателем ИАК, вплоть до самой кончины признавал в российских древностях достойными внимания «лишь классические, пермские и хазарские». Эрмитажная коллекция Строгановых, по сути, стала первым регулярным археологическим собранием Эрмитажа и положила начало современному Отделу археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ. Кроме того, можно утверждать, что еще до формирования ИАК ее первый председатель оказал существенное влияние на зарождение научной археологии на Урале. Поступление наиболее интересных вещей из Пермского имения в коллекцию Императорского Эрмитажа продолжалось вплоть до смерти С.Г. Строганова в 1882 г., т. е. как раз в то время, когда именно он возглавлял Комиссию.

Александр Ефимович Теплоухов (1811–1885), став после смерти В.А. Волегова (1864 г.) главным управляющим и унаследовав вместе с должностью коллекцию и альбом, оказался единственным в то время человеком, перед которым во всей полноте открылась картина древнего прошлого Предуралья (Игнатьева 2011). В дальнейшем деятельность Александра Ефимовича и его сына и наследника должности, коллекции и археологических исследований Федора Александровича развивалась в русле становления российской археологии и велась в тесном



Александр Ефимович Теплоухов (1811–1885), главный управляющей Нераздельным имением Строгановых в 1864–1875 гг. (по: Верхоланцев 1913: 190)

контакте с ИАК (ср.: Игнатьева 2014; 2015b). В личном фонде семьи Теплоуховых, хранящемся в Государственном архиве Пермской области (ГАПК. Ф. 613), отложилось полтора десятка писем — переписка с ИАК, С.Г. Строгановым и А.А. Спицыным.

Так, 10 октября 1868 г. С.Г. Строганов пишет А.Е. Теплоухову из Петербурга: «В настоящее время я в особенности занимаюсь исследованиями в происхождении Скифов, одноплеменных с Чудами или финнами, переселившимися с равнин Ср. Азии в первых веках после Рож. И.Х. На юге раскопки курганов открыли науке важные данные, но недостаточно много, чтобы определить, где поблизости Волги или Камы [произошло] разделение племени, часть которого потянулась на юг, а другая пошла на север и населила север России и берега Балтийского моря!

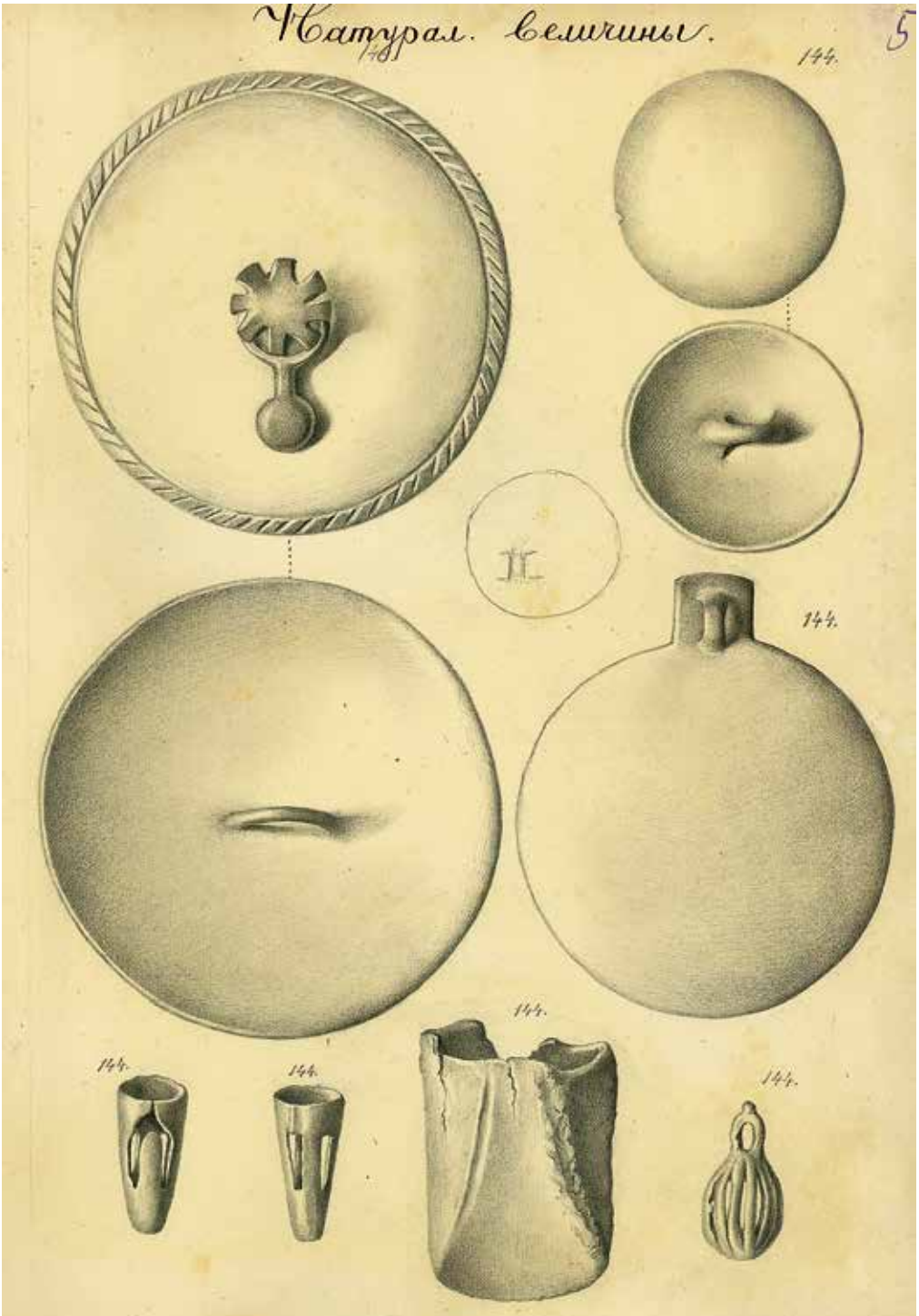
А.А. Спицын с матерью Дарьей Семеновной, 1891 г. Архив музея истории СПбГУ

В последнем случае все находки в старинной Биармии могут быть очень важны для науки, а потому, Александр Ефимович, я обращаюсь к Вам не из-за одной прихоти, а от имени науки я прошу способствовать мне... к отысканию археологических памятников означенной эпохи и радушно и щедро расплачивать моими средствами. Граф Сергей Строганов» (ГАПК. Ф. 613. Оп. 1. Д. 192).

После ухода С.Г. Строганова с поста председателя и его кончины интерес ИАК к древностям Пермского края несколько угасает и возрождается вновь лишь в 1892 г. в связи с переездом в Санкт-Петербург для работы в Комиссии А.А. Спицына, чья деятельность по исследованию финно-угорских древностей Предуралья оказалась принципиально важной для уральской археологии. Она началась еще в 1886–1887 гг. в Вятской губернии, где он, в то время учитель местной гимназии, составил сводное описание всех известных в то время памятников этой губернии, исследовал Еманаевское и Пижемское городища в Вятской губернии. А.А. Спицын вновь вернулся к их изучению, уже будучи членом Комиссии в 1893–1894 гг.

С приходом А.А. Спицына в ИАК археология России, частью которой были и пермские древности, стала занимать в ее деятельности надлежащее место (Жебелев 1948: 9–11). Безусловно, роль А.А. Спицына как археолога-систематизатора имела важное значение для провинциальной археологической общественности России, для тех археологов, которые в конце XIX — начале XX в. стали активно собирать древности в губерниях, организовывать охрану и изучение археологических памятников. Так же весьма важна роль А.А. Спицына и как археолога-профессионала, яркого и активного представителя ИАК, грамотно владеющего методикой раскопок и обладающего талантом организатора. Невозможно представить себе развитие археологии на Урале, и в Пермской губернии в частности, без сотрудничества А.А. Спицына с самыми яркими представителями археологического сообщества Урала того времени — Н.Н. Новокрещенных, Ф.А. Теплоуховым, С.И. Сергеевым, В.Л. Борисовым, Д.А. Удинцевым и др.

Начало работы А.А. Спицына в Комиссии и активизация деятельности Пермской ученой архивной комиссии и Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания способствовали пробуждению нового интереса к «чудским древностям» со стороны ИАК. Впрочем, первые археологические раскопки, связанные с ИАК в Пермском крае, можно



Археологические находки у д. Каркакулин на р. Каме. Вятская губерния. Исследования профессора Казанского университета И.Н. Смирнова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 144. Л. 5)

отнести к 1861 г. Тогда крестьянин А.Н. Зырянов, член-сотрудник ИРГО и РАО, передал в Комиссию статью с чертежами курганов, расположенных между деревнями Коротковой и Максимовой, и курганной группы близ с. Замораевского Шадринского уезда Пермской губернии. Последний из некрополей он раскапывал по поручению ИАК в 1866–1867 и 1871 гг. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 24).

В 1893 г. ИАК приступила к осуществлению своего давнишнего намерения — произвести исследования в районе «камской чуди». Отмечалось, что, несмотря на имеющиеся коллекции древностей, входящие в них предметы не датированы и назначение многих из них остается неясным, так как все существующие коллекции составлены путем покупки случайных находок. В связи с этим особые надежды были возложены на организацию раскопок на местах могильников Камского края Пермской губернии. Поручение организовать этот процесс от имени ИАК было дано профессору Казанского университета Ивану Николаевичу Смирнову; одна из целей начатых работ — поиск угорских корней «камской чуди» и доказательств родства ее с вогулами и остяками; в качестве первого опыта профессор И.Н. Смирнов предпринимает обследования низовий р. Чусовой, где «уже издавна указываются чудские могильники и, кроме того, была надежда найти следы вогульских поселений XV–XVI вв., а м[ожет] б[ыть], и самые могильники вогулов...» (ОИАК за 1893 г. 1895: 21).

Следует указать, что план И.Н. Смирнова потерпел неудачу: проверенные им урочища под названием «могильники» не дали никаких результатов, что приводит его к заключению о бедности данной территории на археологические памятники. Однако с этими выводами не было согласно местное археологическое сообщество.

Комиссия привлекала И.Н. Смирнова и для оперативной экспертизы пермских древностей на местах, финансируя эти мероприятия. В 1892 г. из Вятского губернского статистического комитета поступило сообщение о находке археологических предметов близ д. Каркакулин на р. Каме. 31 августа В.Г. Тизенгаузен, полагая, что здесь был открыт могильник бронзовой поры, обращается к нему с предложением, «если есть время и остатки ассигновки, покорнейше просим Вас произвести пробные раскопки» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 144. Л. 1, 6).

В июне 1894 г. в Перми в здании Общественного собрания по инициативе председателя ПУАК Николая Никифоровича Новокрещенных (1842–1902), при активном участии Федора Александровича Теплоухова (1845–1905) и других энтузиастов из числа членов ПУАК была устроена археологическая выставка материалов коллекции Теплоуховых, или, как она именуется с 1885 г., «Собрание пермских древностей наследников А.Е. Теплоухова». Выставка, призванная показать научной и культурной общественности России археологические богатства края, стала важным событием в жизни города (Верхоланцев 1913: 124). За две недели работы выставки ее посетили 6 тысяч человек, что составило 1/6 часть населения города. Благодаря выставке были не только заложены основы будущего музея. Были налажены связи с ИАК, впервые получены Открытые листы на производство раскопок, которые и начались в том же году

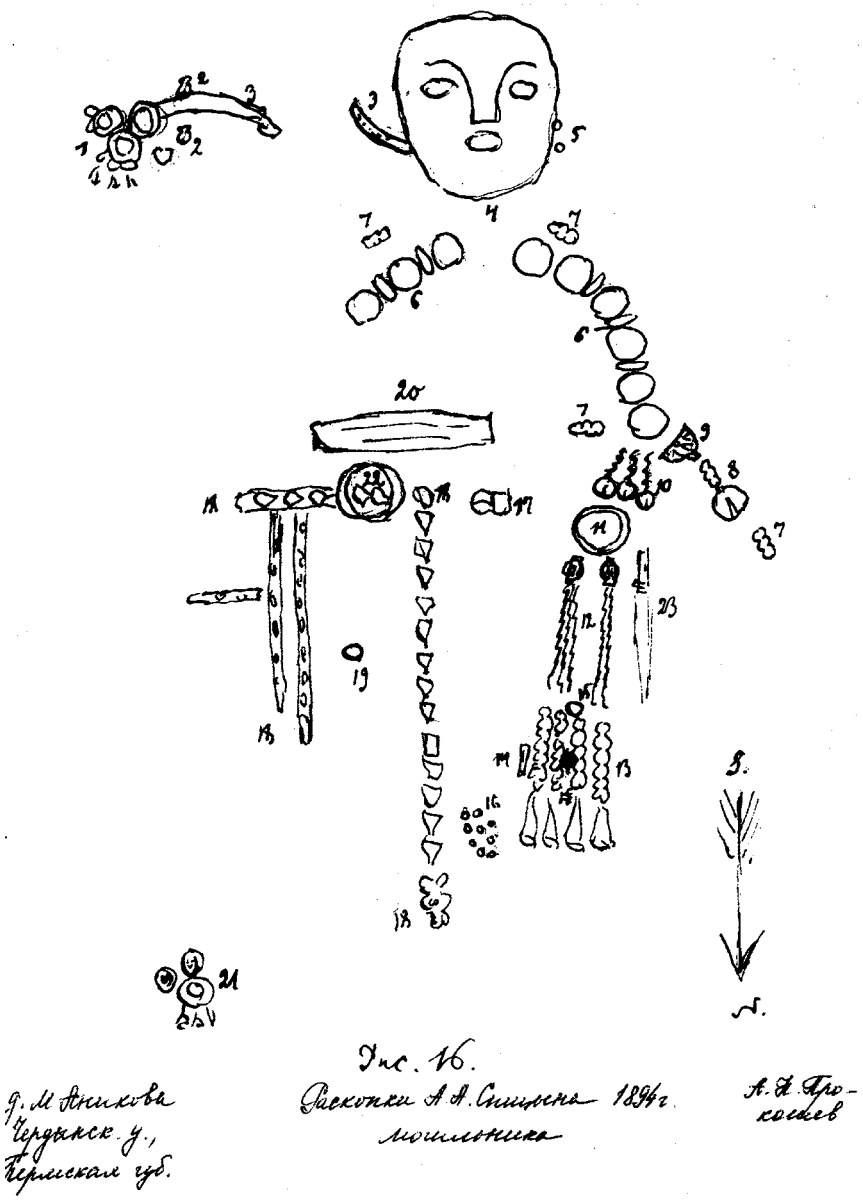
Николай Никифорович Новокрещенных (1842–1902), горный инженер (по: Верхоланцев 1913: 178)

Федор Александрович Теплоухов (1845–1905), главный лесничий Пермского нераздельного имения Строгановых с 1875 г. (по: Верхоланцев 1913: 191)

на остатки от пожертвованных на выставку средств. С точки зрения организации археологической науки главным стало прибытие в Пермскую губернию после настоятельных просьб Пермских комиссий УОЛЕ и ПУАК А. А. Спицына для производства полевых исследований. В 1894 г. он проводит исследования на камских городищах и на могильниках X в. у д. Малая Аникова Чердынского уезда. В своем кратком отчете А. А. Спицын отмечает, что все могильники изрыты с грабительскими целями, исследовать удалось только одну целую могилу с захоронением девочки, костяк лежал головой на юг, на лицевой части черепа находилась небольшая серебряная погребальная маска, при костяке разные вещи (два серебряных браслета на одной руке — один круглый проволочный, другой пластинчатый: см. дневник Теплоуховых: РО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 630), в том числе в могильнике найдено 5 дирхемов первой половины X в. (ОИАК за 1894 г. 1896: 29). Сохранился рисунок погребения девочки из отчета А. А. Спицына (Длужневская 2007b: 121). В археологическом дневнике Теплоуховых указано: «...в д. Малая Аникова в ноябре 1894 г. Спицыным на могильнике вырыты еще 2 маски» — и приводится их изображение и изображение маски из упомянутого погребения девочки (РО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 83 об.).

В этом же году А. А. Спицын предпринял экскурсию в низовья р. Колвы, обследовав при этом еще ряд средневековых памятников. По заключению А. А. Спицына, эта местность была настолько богата памятниками, что почти в каждом селении ему удалось приобрести древние вещи. Почти одновременно с ним Соликамский и Чердынский уезды и течение р. Колвы на средства ИАК посетили член ПУАК С. И. Сергеев и фотограф А. А. Якунин. Кроме небольших по площади раскопок они оставили ценный фотографический материал, запечатлевший местный ландшафт и памятники деревянного зодчества (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 64).

В ходе этих исследований А. А. Спицыным фактически впервые были изучены средневековые прикамские могильники и заложены основы



Погребение у д. Малая Аникова Чердынского уезда Пермской губернии. Раскопки А.А. Спицына. 1894 г. (ФО. Отп. О.1488-59)

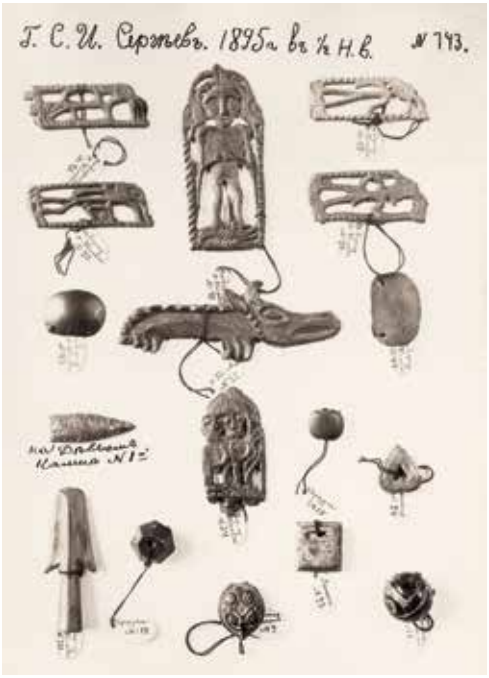
научного полевого изучения пермских средневековых древностей. Раскопки Мало-Аниковского могильника, начатые А.А. Спицыным, были продолжены в 1900 г. Н.Н. Новокрещенных и председателем земской управы Д.А. Удинцевым по Открытому листу, выданному ИАК на имя Удинцева (впоследствии на основании письма пермского губернатора, в котором

Место раскопок С.И. Сергеева на левом берегу р. Колвы у д. Подбобыка. Фото А.А. Якунина. 16 июля 1895 г. (ФО. Отп. О.698-2)

освещалась антиправительственная позиция Д.А. Удинцева в 1905 г., его участие в растрате земских денег на политические цели, он был признан неблагонадежным лицом «в нравственном и политическом отношении», и в выдаче Открытых листов ему было отказано (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 154. Л. 25 об.)).

Находки из этих раскопок, а возможно, и из раскопок, проведенных самим А.А. Спицыным: бусы, орудия труда, оружие, бронзовые украшения, прорезные бляхи в пермском зверином стиле, монеты — до сих пор хранятся в Чердынском музее (ОИАК за 1899 г. 1902: 143; ОИАК за 1900 г. 1902: 129; ОИАК за 1901 г. 1903: 151; РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 2; РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 44; РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 79; ФО. Нег. II 26430, III 7713–7715).

В 1909 г. близ деревень Большая Аникова и Малая Аникова был найден известный клад серебряных вещей, включавший два серебряных слитка, блюдо с изображением осады башни, чашу с изображением сирены и надписью на ножке «принадлежит Хамар Тегину Эльдара», кружку с куфической благопожелательной надписью и три шейные гривны глазовского типа (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 227–228. Рис. 268–271). Данный «клад», как и большинство ему подобных находок, маркирует древнее угорское святилище. Подобные находки, а также общий облик «чудских» древностей Пермской губернии заставили А.А. Спицына впоследствии оценивать этническую принадлежность «камской чуди» как угорскую (РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–9). К сожалению, в настоящее



Археологические находки из раскопок С.И. Сергеева в Пермской губернии. 1895 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 64. Л. 78)

Археологические находки из раскопок С.И. Сергеева в Пермской губернии. 1895 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 64. Л. 79)

время могильник и святилище у деревень Аниковских, частично разрушенные при строительстве автомобильной дороги, продолжают активно раскапываться, но уже грабителями.

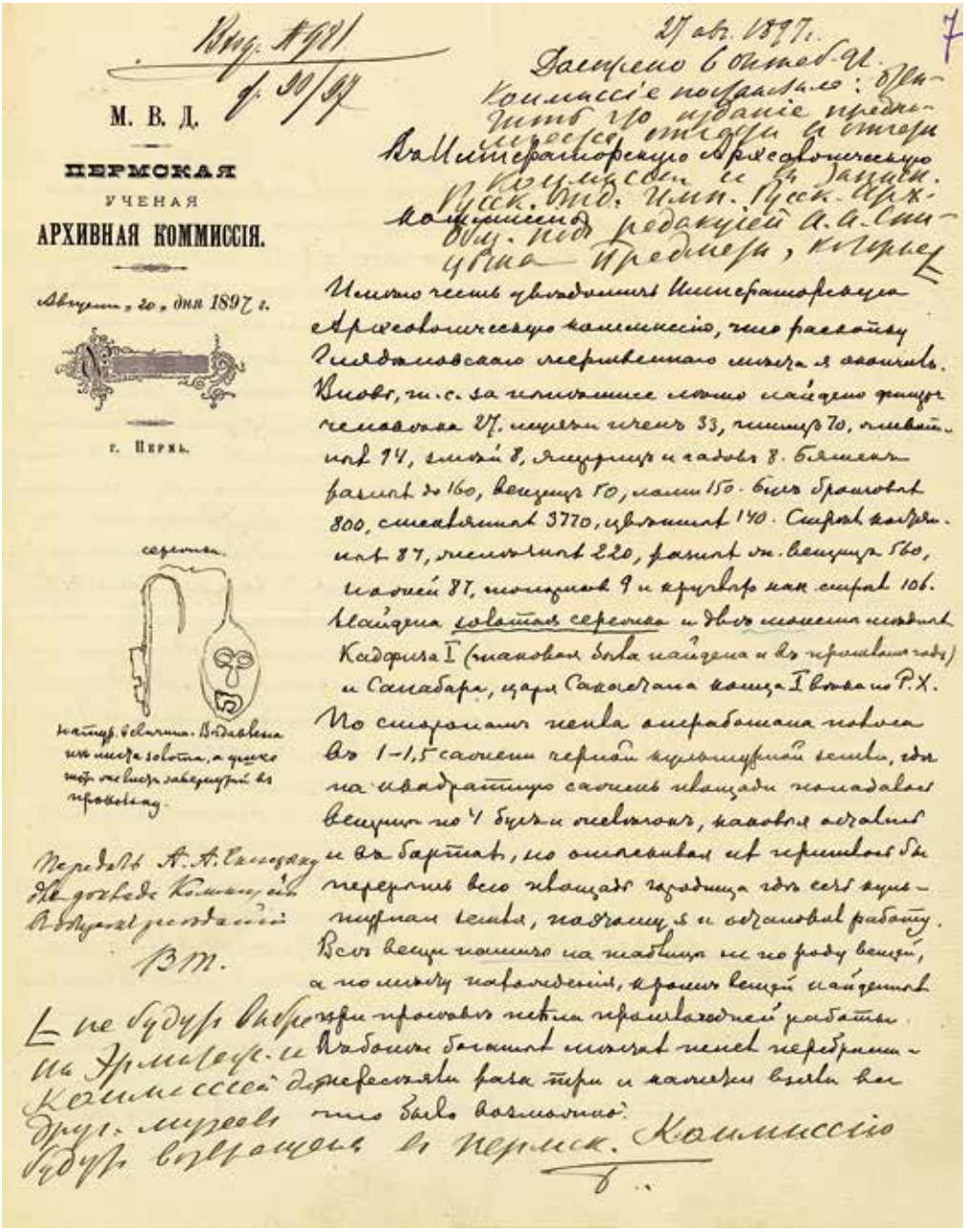
В 1895 г. по рекомендации А. А. Спицына Открытый лист на раскопки могильников в Пермской губернии был получен С. И. Сергеевым. Он осуществил «значительные раскопки могильников в Чердынском уезде близ сел Искор и Верх-Боровского и у деревень Ратеговой — Мало-Аниковской. Им вскрыто 200 могил, причем не найдено ни одного целого погребения, и пришлось удовольствоваться немногими находками»

Древности, обнаруженные Пермской ученой архивной комиссией в 1895 г. Гаинская волость. Чердынский уезд Пермской губернии. Фото А.А. Якунина (ФО. Отп. О.703-8)

Раскопки Н.Н. Новокрещенных на Гляденовском костище, 1896–1899 гг. Пермская губерния. Фото К.Ф. Чайковского (ФО. Отп. F 125-37)

(ОИАК за 1895 г. 1897: 36). Эти немногие находки, однако, ярко характеризовали весьма развитую материальную и духовную культуру «камской чуди» раннего средневековья: круглая серебряная бляха, украшенная тонким орнаментом из скани и зерни, поясные наборы из «белой» бронзы с прямоугольными и сердцевидными накладками, бубенчики, трубочки, кольца, разнообразные пронизки и подвески; шедевром «древнего искусства» может быть признана серебряная ажурная позолоченная «пряжка» (накладка?) из Мало-Аниковского могильника с изображением двух человеческих фигур и зверей (Там же: рис. 69–75). «Чудской могильник» у с. Верх-Боровского на поверку оказался, как сообщал С.И. Сергеев, поселением, а «чудские ямы» оказались не могилами, а жилищами (Сергеев 1896: 34–36). В том же году С.И. Сергеевым был обследован камень «Светик» около д. Подбобыка у с. Ныроб на р. Колве, где собраны вещи VI–X вв., в том числе предметы пермского звериного стиля (ОИАК за 1894 г. 1896: 39; ОИАК за 1895 г. 1897: 36–37; РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 95; РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 64; ФО. Отп. О.698-1–7).

В 1896–1897 гг. Н.Н. Новокрещенных и С.И. Сергеевым были проведены раскопки на Гляденовском костище. Гляденовское костище — святилище или, по выражению Ф.А. Теплоухова, «жертвище» — один из опорных памятников гляденовской археологической культуры IV в. до н.э. — III в. н. э., находится на средней площадке одноименного городища на левом берегу р. Нижней Мулянки, левого притока Камы в окрестностях г. Перми. Впоследствии


М. В. Д.

ПЕРМСКАЯ
УЧЕНАЯ
АРХИВНАЯ КОММИССІЯ.

г. Пермь.

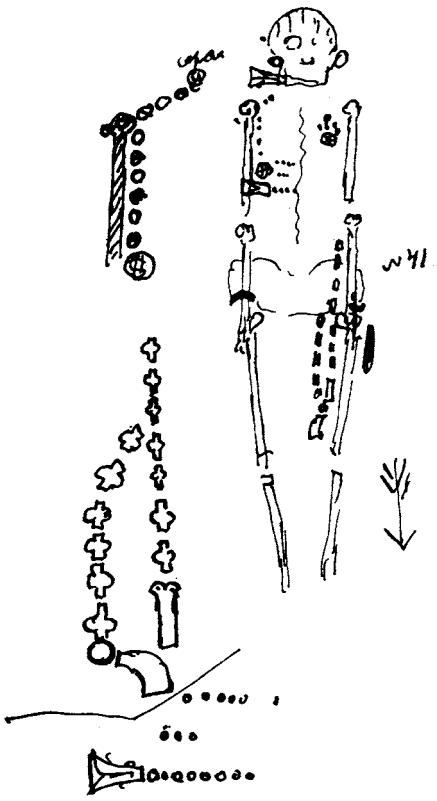
Письмо Н.Н. Новокрещенных в ИАК от 20 августа 1897 г. с изображением предметов, найденных на Глядновском костище (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 90. Л. 7)

раскопки проводились в 1898 г. С.И. Сергеевым и Н.Н. Новокрещенных, в 1981–1984 гг. — А.Д. Вечтомовым, в 1991 г. — А.Ф. Мельничуком, в 1995–1997 гг. — А.Н. Лепихиным, с 2014 г. — А.В. Васильевой и М.Л. Перескоковым. Всего за 1896–1897 гг. на костище была вскрыта площадь

в 170 кв. сажен (771 кв. м) и получен огромный материал. В ходе раскопок было обнаружено около 20 тысяч находок, из которых 1000 бронзовых изображений, в том числе: 456 — изображения зверей, 267 — изображения птиц, более 100 — изображения человека, 90 — изображения пчел и мух, 56 — змей (ОИАК за 1896 г. 1898: 143; РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 28; ФО. Отп. Q 460-1–23; ОИАК за 1897 г. 1900: 49–51; РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 90; РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 29; ФО. Отп. О.125-1–41). На эти исследования Комиссия выделила 200 руб. и, несмотря на присылку весьма краткого отчета, 6 февраля 1898 г. выразила раскопщикам свою благодарность (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 90. Л. 11 — 15 об.).

Материалы этих раскопок, прежде всего — предметы звериного стиля, были оперативно описаны и опубликованы А.А. Спицыным (Спицын 1901b). В результате коллекции были переданы в Исторический музей в Москве. Отчет автора раскопок Н.Н. Новокрещенных опубликован посмертно с примечаниями Ф.А. Теплоухова (Новокрещенных 1914). Кроме того, по рекомендации А.А. Спицына, Н.Н. Новокрещенных осмотрел еще два небольших костища — Топосихинское на р. Н. Мулянка и Пьянковское в нынешнем Осинском районе Пермской области (Новокрещенных 1901: 123, 132). Раскопки на этих памятниках не проводились, место хранения материала неизвестно.

В 1898 г. А.А. Спицын совершил большую поездку по Волге и Каме, во время которой, в частности, провел небольшие раскопки Бродовского могильника в Кунгурском уезде Пермской губернии (Бадер 1950: 27), в 1899 г. эти работы продолжил



Погребения у д. Броды близ Кунгура. Пермская губерния. Раскопки А. А. Спицына в 1898 г. (ФО. Отп. О.1488-63)

Н.Н. Новокрещенных. В архив Комиссии поступили многочисленные фотографические снимки орудий, оружия, железных стремян, удил, псалиев, бронзовых бляшек, подвесок, крестиков, лунниц, глиняных сосудов и выполненные А.А. Спицыным рисунки погребений (ОИАК за 1898 г. 1901: 46–49; ОИАК за 1899 г. 1902: 143; РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 63; РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 2). В 1899 г. А.А. Спицын производит раскопки могильника Горбунята в Кунгурском уезде Пермской губернии и Зуевского могильника в Сарапульском уезде Вятской губернии (ОИАК за 1898 г. 1901: 41–46; РО. Ф. 1.

Оп. 1-1898 г. Д. 63; ФО. Отп. О.1488-60, 61, отп. Q 444-1–8, 24–37, отп. Q 220-44–45; отп. Q 709-20, О.298).

Последний раз А.А. Спицын был на Верхней Каме в 1901 г. За период конца XIX — начала XX в. он обследовал могильник VI–VII вв. у д. Грудята на р. Ломоватовке, осмотрел местонахождения у деревень Зобачева и Маркова, раскопал 47 погребений на Деменковском могильнике VII–IX вв., вскрыл Селянинский могильник (20 погребений) в Кунгурском уезде и Шибановский могильник (40 погребений) в Пермском уезде, произвел раскопки Чикманского могильника (которые не дали ничего, кроме отдельных вещей), совместно с Н.Н. Новокрещенных исследовал Бродовский могильник, где костяки всех 10 вскрытых погребений «лежат на плотиках всего на глубине 0,22–0,3 м» (ОИАК за 1901 г. 1903: 114–115; Талицкий 1951: 34). Шибановский могильник у с. Ильинского представлял собой залесенный склон холма «усеянный рядами могильных ям» (ОИАК за 1901 г. 1903: 114), это по сию пору один из немногих изученных в Пермском крае позднесредневековых могильников XIII–XIV вв. Практически все исследованные в Пермской губернии могильники оказались ограбленными еще в древности, а также демонстрировали следы культа огня.

По рекомендации А.А. Спицына в Чердынском уезде Пермской губернии начал раскопки памятников древности аспирант Казанского университета, а позже инспектор народных училищ этого уезда В.Л. Борисов. В течение 1900–1901 гг. им были проведены исследования на Харинском, Агафоновском, Бурдаковском, Пыштайнском, Бельковском курганных могильниках V–VI вв., где было раскопано в общей сложности 68 насыпей с 86 погребениями (ОИАК за 1900 г. 1902: 87–89; ОИАК за 1901 г. 1903: 115; РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 110; РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 98; ФО. Нег. II 26464, III 7776–7783). В 1902 г. он получил лист на раскопки в Чердынском и Соликамском уездах Пермской губернии и произвел раскопки Бельковского и Харинского могильников (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 113). Таким образом, была решена задача по изучению могильников Предуральского края, поставленная ИАК в 1893 г., изучено несколько сотен погребений. В 1901 г. в своем докладе в Русском археологическом обществе А.А. Спицын подвел итоги предшествующих исследований в Восточной Европе и попытался выделить отдельные культуры (Бадер 1950: 27).

Еще во время приезда в Пермскую губернию в 1898 г. А.А. Спицыным была начата подготовка к изданию коллекции Теплоуховых, которая послужила основой для создания атласа «Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых», вышедшего с предисловием и систематизацией А.А. Спицына в 1902 г. как 26-й выпуск «Материалов по археологии России». Это была, по сути, первая научная систематизация прикамских древностей, проведенная на обширном материале. Как отмечал автор в предисловии к изданию, «когда содержание коллекции в общих чертах определилось, приложено было старание определить те могильники и клады вещей, в которых наиболее характерно и чисто отразился каждый период... Затем в каждом периоде определились элементы более старые и более новые, и наконец, для тех и других отыскивались аналогии в других русских древностях, более или менее точно датированных, и так выяснялась их дата. Так определена была главная масса вещей...

Предметов, упорно не поддающихся определению, в коллекции оказалось сравнительно небольшое количество» (Спицын 1902а: 18). Так, старшим членом ИАК А.А. Спицыным в рамках основной научной деятельности Археологической комиссии впервые была предложена периодизация прикамской археологии, которая легла в основу существующей в настоящее время периодизации. Как отмечал О.Н. Бадер, А.А. Спицын, по сути, установил для Прикамья эпохи железа ананьинско-пьяноборскую, гляденовскую и ломоватовскую культуры, а также культурные типы X–XV вв. (Бадер 1950: 28). Важнейшим вкладом А.А. Спицына в развитие прикамской археологии стало определение хронологии многочисленных категорий вещей. Как отмечал сам автор, «точнее всего определены вещи IX–XI и XIII–XIV вв., менее точно — предметы из костищ и вещи XII в. Вещей VII в. не отмечено вовсе, хотя возможно, что они в собрании имеются» (Спицын 1902а: 19).

Для эпохи средневековья А.А. Спицын выделил несколько периодов начиная с V в. и заканчивая XIV в. Знакомство с карточками, подготовленными им к этому выпуску «Материалов по археологии России», которые хранятся в «фонде Спицына» в Научном архиве ИИМК РАН, позволяет понять его подход к выделению хронологических этапов в развитии древних вещей (РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 48). Опираясь на ряд монетных находок V–VII вв. (Зарадятский, Плесинский и другие могильники), А.А. Спицын разрабатывает хронологию, разбивая вещи на типы и датируя их по развитию от простого к сложному, что ему в то время представлялось справедливым. Так, все браслеты почему-то им отнесены к X в., биконьковые подвески — к IX–XIII вв., биякорьковые подвески — к X–XII вв. В качестве датированных аналогий он привлекает

«Шаманские изображения» из раскопок Н.Н. Новокрещенных на Гляденовском костище, 1896-1899 гг. Пермская губерния. Фото К.Ф. Чайковского (ФО. Отп. F 125-2)

«Шаманские изображения» из раскопок Н.Н. Новокрещенных на Гляденовском костище, 1896–1899 гг. Пермская губерния. Фото К.Ф. Чайковского (ФО. Отп. F 125-17, 25)

находки гривен, лунниц и накладок из числа находок в Болгарах и на Руси.

Хронология прикамских средневековых древностей А. А. Спицына на протяжении долгого времени являлась определяющей для пермских археологов, несмотря на то что еще в предисловии к изданию коллекции Теплоуховых А. А. Спицын сделал следующее замечание: «…она еще далека от совершенства. Каждое хронологическое определение должно быть принято как первая попытка установить дату того или другого предмета и с оговоркою, что оно установлено лишь приблизительно» (Спицын 1902а: 18). Впоследствии в 1933 г. от его имени будут опубликованы такие строки: «Данная мною в 1902 г. (МАР № 26) хронология основана на печальном недоразумении и есть одно из моих неприятнейших воспоминаний» (Древности Камы 1933: 4). Однако для начала XX столетия хронология и периодизация, предложенные А. А. Спицыным для средневекового Прикамья, были единственными и послужили основой для дальнейшей систематизации средневековых древностей. В определенном смысле они сформировали современные представления о хронологии и периодизации средневековых археологических культур не только Пермского края, но и всего Предуралья. Именно такая зависимость от этой, во многом ошибочной, хронологии и периодизации Спицына является, на наш взгляд, причиной многих хронологических лакун, нестыковок и споров в современной археологии Прикамья. Несмотря на это, последующие исследователи высоко оценили вклад А. А. Спицына в определение хронологии прикамского материала. К примеру, М. В. Талицкий отмечал, что, несмотря на отдельные неточности, «в целом вещи X–XIV вв. им определены были, безусловно, верно» (Талицкий 1951: 33).

Спицын неоднократно давал научные консультации и советы Ф. А. Теплоухову и другим пермским археологам, это видно из его переписки с Ф. А. Теплоуховым, сохранившейся в Пермском областном архиве. Его оценки деятельности пермских коллег были высоки. Так, после ознакомления с коллекцией Теплоуховых и методами ее сбора он отмечал особенно качественное ведение авторами коллекции «Археологического дневника», который, по его оценке, является ключом к археологической коллекции Теплоуховых, и без него она не имеет «и трети своего значения». Необходимо отметить, что Ф. А. Теплоухов в своей деятельности руководствовался программой С. В. Ешевского, которая предполагала не только приобретение и собирание древностей, а также сбор сведений об археологических памятниках Пермского края как опубликованных, так и неопубликованных, и о частных коллекциях, но и группировку предметов по «характеристическим особенностям», по сути дела, их типологию, с последующим изданием (Ешевский 1859: 138). «Дневники» Теплоуховых (Археологический дневник А. Е. Теплоухова — РО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1; Археологический дневник Ф. А. Теплоухова — Там же. Д. 2) находятся не в Перми и, особенно в наше время, в силу экономических обстоятельств малодоступны пермским музейщикам, хранящим саму коллекцию.

В 1903 г. И. Н. Смирновым для «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона была написана статья о пермском зверином стиле на основе анализа предметов Гляденовского костища и коллекции Ф. А. Теплоухова. Автор увидел в предметах пермского

Раскопки В.Г. Дружинина в д. Муслюмово. Пермская губерния. Фото В.Г. Дружинина, 1891–1895 гг. (ФО. Отп. Q 395-16)

звериного стиля детали шаманского костюма и отражение тотемических представлений «чуди» (Смирнов 1903: 20–23).

Продолжая «чудскую программу» ИАК, А.А. Спицын предпринимает научную систематизацию описанных И.Н. Смирновым предметов пермского звериного стиля. На основе работы с «коллекцией Теплоухова» А.А. Спицын составляет подробный каталог всех известных ему изделий пермского звериного стиля, который насчитывал 496 позиций (Спицын 1902b). Ему принадлежит и обоснование связи этих предметов с шаманскими представлениями финно-угорских народов и их эволюцией во времени, воплотившейся в примитивизации композиций и деградации техники исполнения, что было характерно для обширного региона бассейнов рек Оби, Иртыша, Камы с прилегающими частями бассейнов Вычегды и Печоры. Исследуя пермский звериный стиль, А.А. Спицын считал районом распространения культового литья бассейн р. Оби с Иртышом и бассейн Камы с прилегающими частями бассейнов Вычегды и Печоры. А.А. Спицын перечислил все известные в то время музейные коллекции «шаманских» изображений: Императорский Эрмитаж, собрание Теплоуховых, коллекция графов Строгановых, Томский и Тобольский музеи, коллекция М.Н. Зеликмана, музей П.И. Щукина, а также Пермский, Екатеринбургский, Румянцевский музеи.

Лучшие изображения пермского звериного стиля, своеобразный

«золотой век», по мнению А. А. Спицына, относятся к VIII–IX вв. (Очерки 2002: 176). Именно он сформулировал причину особенностей этого художественного стиля, связав ее с тем, что «возник он в очень своеобразной стране, сочетавшей тонкую роскошь сасанидского серебра с первобытной грубостью диких охотников». А. А. Спицын считал, что возникновение пермского звериного стиля могло быть связано с влиянием на местные народы иранских верований и искусства: «Из того же источника должны были выйти разнообразные металлические поделки религиозного значения, вызвавшие обильные местные подражания, причем в культ могли войти и изображения прямо художественного замысла, но почему-либо совпавшие с религиозными представлениями местного населения» (Спицын 1902а: 4–5).

Впоследствии А. А. Спицын неоднократно обращался к пермским материалам для поиска аналогий и сравнения. Систематизаторская и полевая деятельность А. А. Спицына в Пермской губернии имела решающее значение для превращения губернской археологии из любительской в научную (Белавин, Крыласова 2008; Вяткин 2014). На основании Открытых листов в этой части Пермской губернии полевыми изысканиями занимались секретарь пермской комиссии УОЛЕ С. И. Сергеев, Н. В. Сорокин, В. Л. Борисов, Д. А. Удинцев и другие исследователи.

Если в изучении западной (Прикамской) части Пермской губернии активно участвовал член ИАК А. А. Спицын, то в ее восточной части работал член ИАК В. Г. Дружинин. В 1891–1895 гг. он произвел раскопки городища Большая Нанога близ Кыштымского завода в Екатеринбургском уезде Пермской губернии (ОИАК за 1891 г. 1893: 106–117, 130; ОИАК за 1892 г. 1894: 70–71; ОИАК за 1893 г. 1895: 22; ОИАК за 1894 г. 1896: 28–29; РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 88; РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 89; РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 63; РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 80; ФО. Нег. II 13129–13131, 25759–25763, II 25746–25758, IV 178–183, отп. Q 377-2, 4). В Пермской губернии В. Г. Дружинин также изучал курганы в г. Верхотурье и близ д. Муслюмово: сохранились редкие для того времени снимки видов курганов и процесса раскопок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 149; ФО. Отп. Q 395-16–25, Q 400-18, 19). В. Г. Дружинин был членом Уральского общества любителей естествознания, Каслинского общественного собрания и одним из совладельцев Кыштымского завода и производил раскопки археологических памятников на заводской территории, совмещая их с инспекторскими поездками.

В деле изучения местных древностей активно сотрудничали с Комиссией Н. Е. Макаренко, а также В. В. Гольмстен, Д. Н. фон Эдинг, С. И. Руденко и другие специалисты. Так, исследование Чортова городища и могильника при нем близ д. Александровка Белебеевского уезда было осуществлено В. В. Гольмстен и Д. Н. фон Эдингом в 1910–1912 гг. (ОИАК за 1912 г. 1916: 75; РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 114; ФО. Нег. III 11840–11843, 12207–12209, 12588–12590).

ИАК активно содействовала развитию местной археологии и в этой части Урала. Из наиболее активных исследователей, работавших на основании Открытых листов ИАК, следует отметить преподавателя екатеринбургской гимназии, ученого секретаря Уральского общества любителей естествознания О. Е. Клера, которому принадлежит

честь открывателя свайных построек на Горбуновском торфянике. Помост из сосновых бревен держался на настиле из продольных бревен, опиравшихся на крепкие колья. На одном конце помоста находился домик с двускатной крышей, внутри которого были найдены горшок из глины и каменные орудия.

Необходимо упомянуть и других исследователей. В 1906 г. чиновник особых поручений при переселенческом Управлении, член Уральского общества любителей естествознания Н.К. Минко исследовал курган близ г. Челябинска, а в 1907–1909 гг. — курганы в пос. Смолино, Сосновский и Исаково близ г. Челябинска (ОИАК за 1907 г. 1910: 127; РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 219; РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 219; ФО. Отп. Q 679-1–55). А в 1914 г. археолог, действительный член Императорского археологического института В.Я. Толмачев исследовал Баклановский могильник на р. Миасс в Уфимской губернии. При раскопках был обнаружен фрагментированный глиняный сосуд с врезанным орнаментом. Большое количество снимков В.Я. Толмачева, сделанных им в 1911–1914 гг. к работе «Древности Восточного Урала», нашло свое место в фонде А.А. Спицына (Прошлое Урала 1993).

Исследования ИАК, осуществляемые как специалистами — членами Комиссии, так и местными исследователями, получавшими в ИАК Открытые листы, проводились в Уральском регионе вплоть до ликвидации всех учреждений императорской России в 1917 г., при этом постоянно совершенствовалась методика изучения разнотипных и разновременных памятников. Эти изменения находили свое отражение в отчетах исследователей, качество которых контролировалось ИАК, что дополнительно подчеркивало ее роль как научно-методического археологического центра России.

Кроме организации и проведения научных археологических изысканий в обязанности ИАК входило «разыскание» предметов древности, их фотографирование и передача на хранение в музеи. Прежде всего, это различные предметы восточной, преимущественно сасанидской, торевтики, найденные в различных местах Пермской и Уфимской губерний, а также различные другие древние изделия. Часть из этих находок после фотографирования возвращалась на места, однако большая их часть составила коллекции в Императорском Эрмитаже (Длужневская 2007: 128). Кроме того, ИАК занималась перераспределением между различными музеями предметов, которые поступали в Комиссию от разных частных находчиков из уральских губерний.

Помимо учета и распределения древностей, их определения и проведения полевых исследований в разных частях Урала ИАК зачастую решала и иные проблемы, связанные со становлением провинциальной научной археологии. Так, ИАК противостояла ограблению археологических памятников местными жителями, не только крестьянами, но и представителями иных сословий, тем более что в России конца XIX — начала XX в. это явление приобрело практически такой же катастрофический характер, как и современное развитие грабительской «черной» археологии. В июне 1874 г. А.Е. Теплоухов записывает в «Дневнике», что купец П.А. Степанов из с. Ильинского специально ездит в с. Рождественское, дабы скупать старые вещи из серебра и золота. А.Е. Теплоухов дал интересное пояснение судьбе скупаемых предметов:

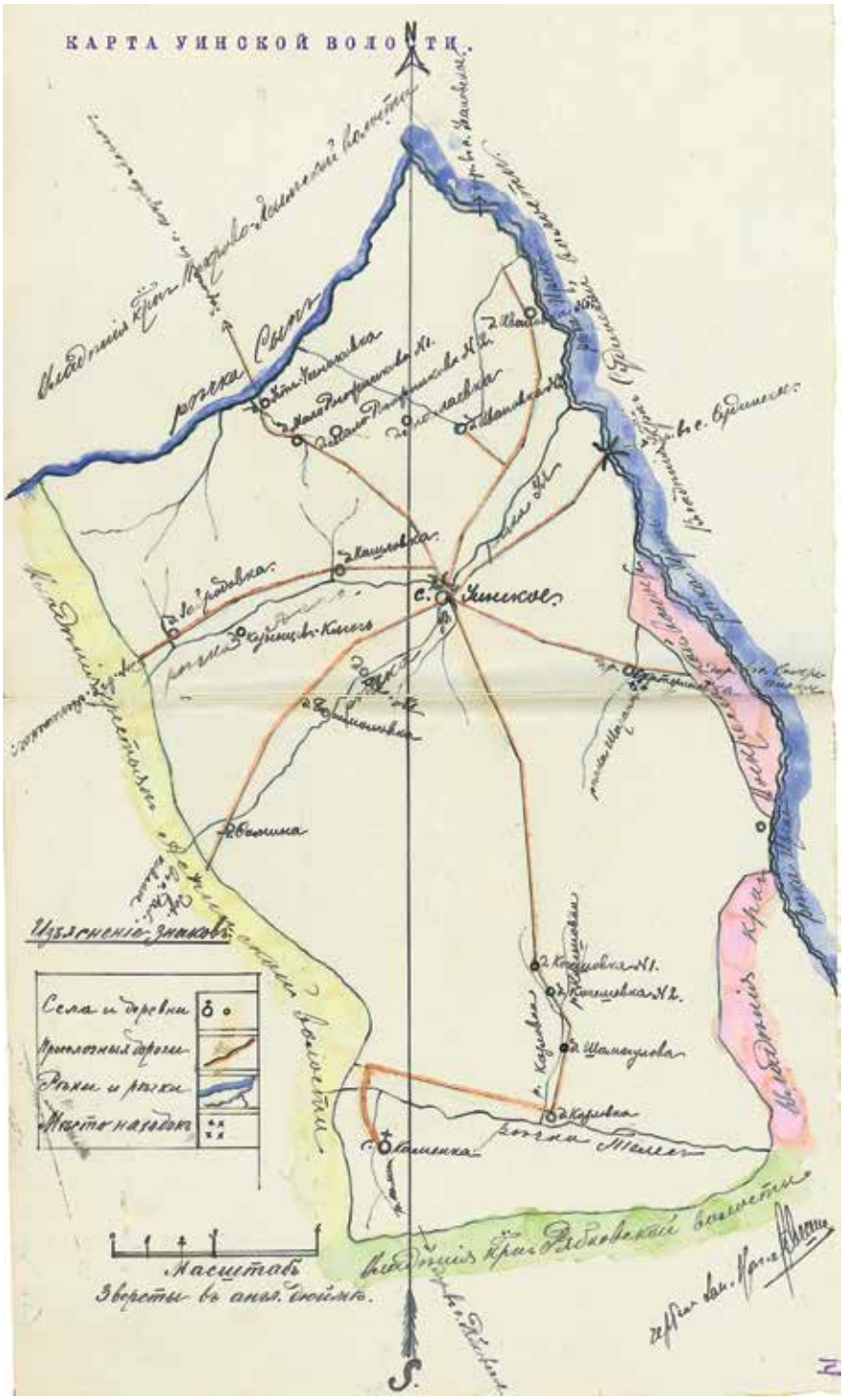
«Находимые в Пермской губернии серебряные вещи привозили в Вятку, где, как сказал И. Кривощеков, братья Агафоновы в иной год перерабатывали до 30 пудов серебра и 20 пудов золота на разные образки и прочие вещи. По их словам, серебряные вещи, находимые в земле, из хорошего серебра, лучше, чем наше, оно лучше плавится и меньше чернеет на воздухе. Поэтому находчики серебряных вещей и перекупщики везут его в Вятку» (РО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Тетр. V). В своем отчете об исследованиях Рождественского городища и могильника Н. Н. Новокрещенных сообщал следующие сведения: «Наследники Хатинского — теперь Полежаева — жиды, поселившиеся в Рождественском селе в виде управляющих смотрителей, скупают найдушки и отправляют для продажи в Нижний. Один из этих жидов говорил мне, что купил найдушек на 25 копеек, а продал в Нижнем за 3 рубля» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 29. Л. 13 об.).

В фонде ИАК в Научном архиве ИИМК имеется копия письма, которое 16 февраля 1898 г. за подписью председателя ИАК А. А. Бобринского было направлено на имя пермского губернатора. В письме по просьбе Н. Н. Новокрещенных, председателя Пермской комиссии УОЛЕ и Пермской губернской ученой архивной комиссии, выражалась благодарность полицейскому уряднику Лавру Егоровичу Короваеву, проживающему в с. Рождественское, за ревностную охрану им местных городищ от незаконных раскопок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 90). Таким образом, ИАК вносила свою лепту и в решение проблемы охраны культурного наследия Урала.

Н. Н. Новокрещенных в конце 1890—1900-х гг. вообще стал одним

Иван Яковлевич Кривощеков (1854–1916) (Коми-Пермяцкий окружной государственный архив. Ф. Р-138)

из главных агентов ИАК в Пермской губернии. Археологическая комиссия неоднократно прибегала к его помощи для приобретения найденных в Пермском крае древностей, проверки сведений об этих находках и выяснения их археологического контекста. В марте 1900 г. земский начальник 4-го участка Уинской волости Осиновского уезда Пермской губернии Левшинов сообщил в РАО о древних вещах, найденных близ с. Екатериновка при распашке земли. Записка поступила в ИАК, и 13 мая Комиссия обратилась к нему с просьбой предохранить этот участок земли от раскопок. 20 мая из Петербурга было отправлено письмо к Н. Н. Новокрещенных. Адресата спрашивали, не найдет ли он возможным принять на себя труд разыскать место находки и исследовать его. Для этих целей ему выделялось 150 руб. при условии, что предметы, которые могут быть найдены, должны быть отправлены в Комиссию. 31 мая, полагая, что речь идет



Карта Уинской волости Осиновского уезда Пермской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 85. Л. 13 об. — 14)

Медведь. Бронза. Находка близ с. Екатериновка, Осиновский уезд, Пермская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 85. Л. 59)

об открытии еще одного «костища», он дает свое согласие и уже 19 июня присылает в ИАК краткий отчет о поездке (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 85. Л. 1, 4, 5, 16 — 17 об.). Однако тогда же возникли проблемы с самим Левшиновым, который приобретал найденные вещи за свой счет, потратив на это 35 руб., и искренне считал, что это его собственность, которую он жертвует государству. ИАК, объяснив, что найденные на крестьянской земле вещи составляют государственную собственность, все же сочла возможным вознаградить земского начальника.

К «просвещенному и неоднократно испытанному содействию» Н.Н. Новокрещенных Комиссия вновь обратилась

Сосуды, найденные у д. Кошелевка, Пермская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 85. Л. 63, 67)

DOI: 10.31600/978-5-9072-9807-1-2019-921-1055

Глава IX

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ КАВКАЗА И ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Кавказ лежит на скрещении путей, связывающих древние культуры Востока и Запада, Азии и Европы. Этот регион насыщен множеством разнообразных археологических памятников, хранящих следы истории и культуры местных племен и их взаимодействия с народами сопредельных регионов. Памятники Кавказа являются ценнейшими объектами культурного наследия и неисчерпаемым источником исторической информации.

Кавказ всегда был регионом столкновения интересов крупных держав, и это, как и процесс его включения в состав Российской империи, в значительной степени определило ход и хронологию историко-археологического изучения края. Исследование древностей Кавказа неразрывно связано с историей России. Подобно тому, как внимание к античным памятникам впервые проявилось после присоединения Крыма и Северного Причерноморья и начала их освоения русскими переселенцами, так и древняя история Кавказа в качестве темы для российской науки появилась с приходом России к предгорьям Кавказа. Несмотря на различие политических судеб самого Кавказа и Предкавказья, культурно-историческое прошлое, пронизанность общими культурными импульсами и логика развития российской археологии позволяют рассмотреть историю деятельности ИАК в этом регионе в рамках единого очерка. Интеграция Кавказа в Российскую империю в середине — третьей четверти XIX в. способствовала не только распространению исследовательских интересов Комиссии за Кавказский хребет, но интенсификации археологических разысканий на Северном Кавказе и в Предкавказье, а также на Кубани и Таманском полуострове.

Россияне обратили внимание на древности Кавказа и Предкавказья еще при реализации «Петровского проекта» по выходу России к побережьям Черного, Азовского и Каспийского морей. Ко времени персидского похода Петра на Каспий относится упоминание средневековых стен Дербента, перекрывавших проход от горных отрогов до моря. Наибольшим вниманием путешественников на Северном Кавказе пользовались развалины средневекового города Маджары вблизи современного г. Буденновска в Ставропольском крае. В 1734 г. Маджары осмотрела экспедиция, направленная для исследования Северного Кавказа астраханским губернатором В.Н. Татищевым (Прозрителев 1906: 3; Колесникова 1996: 50) (см. главу XI). О десятке древних каменных христианских церквей в осетинских селениях, для части из которых «известны названия, а в некоторых сохранились святые иконы», впервые упоминается в донесении протоиерея

Иоанна Болгарского Святейшему Синоду в 1780 г. (Каменский 1887: 142).

Начало научному исследованию Кавказа было положено экспедициями Академии наук в XVIII в. Императрица Екатерина пыталась реализовать «Греческий проект» на южном направлении российской политики. Развернулась борьба за «византийское наследство», и Кавказ с христианскими грузинскими и армянскими царствами и княжествами был вовлечен в орбиту этой борьбы. Во второй половине XVIII в. на Кавказе работали академические экспедиции: И. А. Гюльденштедта в 1769–1773 гг., С. Г. Гмелина в 1771–1773 гг., П. С. Палласа в 1793–1794 гг. (Колесникова 1996: 48–49). Сведения об археологических памятниках Кавказа и о христианских храмах оставили ученые и путешественники, посетившие регион в конце XVIII — первой половине XIX в., — Я. Рейггс, И. О. Потоцкий, Т. Мариньи, Г. Ю. Клапрот, Д. Монпере, Н. А. Муравьев (Там же: 49–50).

В это время Россия воевала за Кавказ с Ираном и Турцией. Еще в XVIII в. на берегах Кубани и Терека сформировалась Кавказская пограничная линия — южный рубеж Российской империи. При Екатерине II кавказский театр военных действий служил лишь для того, чтобы оттянуть часть турецких войск от основного направления — причерноморского. Борьба с Османской империей в 1774 г. завершилась Кучук-Кайнарджийским договором и аннексией Россией Крымского ханства с его кубанской частью. Георгиевский трактат 1783 г. предотвратил включение Картли-Кахетинского царства в состав Ирана и установил российский протекторат над Восточной Грузией. В 1801 г. Картли-Кахетинское царство вошло в состав Российской империи в качестве Грузинской губернии. В 1804–1810 гг. были присоединены княжества Западной Грузии и Абхазии. По Гюлистанскому мирному договору 1813 г. персидский шах навечно признал за Россией право на Дагестан, Грузию, ханства Бакинское, Ганжинское, Дербентское, Карабахское, Кубинское, Шекинское, Ширванское и Талышское. В 1828 г. по Туркманчайскому мирному договору с Ираном Восточная Армения также была присоединена к Российской империи. Адрианопольский мир с Турцией 1829 г. передавал под владычество российского императора Черноморское побережье Кавказа южнее Кубани.

Формально с этого времени весь Кавказ вошел в состав Российской империи, однако горские племена Северного Кавказа сопротивлялись продвижению русских войск как посягательству на их независимость. Активная фаза кавказской войны для Российской империи началась в XIX в., когда Закавказье вошло в состав России. Тогда была проложена Военно-Грузинская дорога, и горские общины Северного Кавказа оказались в тылу русских войск. Изначально боевыми действиями российских войск руководил генерал А. П. Ермолов. Окончание войны было связано с назначением на пост главнокомандующего князя А. И. Барятинского, который начал планомерную работу по строительству крепостей, прорубанию просек и переселению казаков для освоения подконтрольных территорий. Для поощрения горцев, решивших перейти на службу «белому царю», А. И. Барятинский получил значительные суммы из казны и создал особую систему управления с привлечением местной знати (Олейников 2004).

Восточная часть Северного Кавказа была подчинена с пленением имама

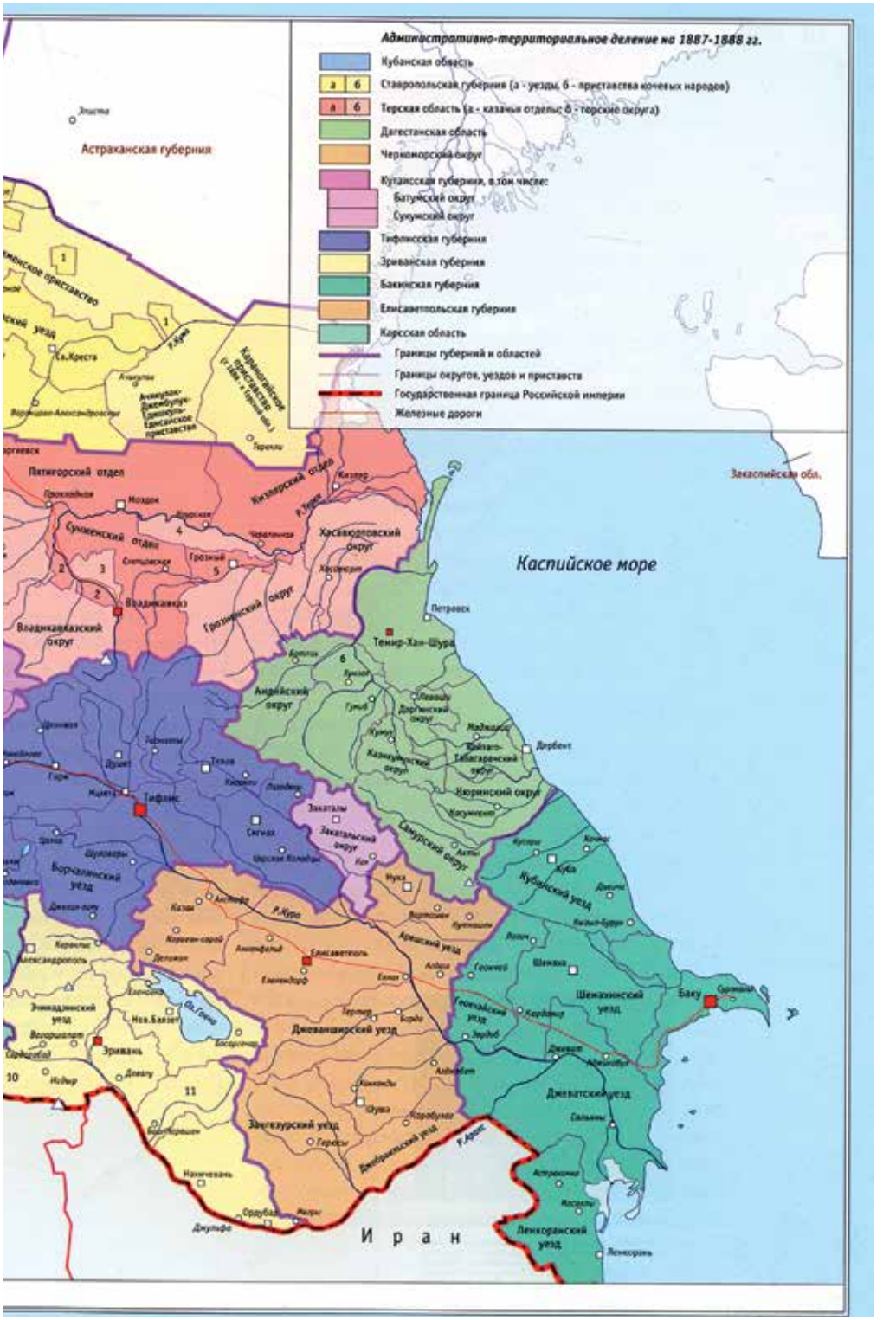
Шамиля в ауле Гуниб в год основания Императорской археологической комиссии, но боевые действия в его западной части продолжались еще пять лет до капитуляции убыхов в урочище Кбаада (современная Красная Поляна, Краснодарский край) в 1864 г. Последовала массовая депортация адыгских, абазинских и абхазских общин с Западного Кавказа. Заселяя зачищенные местности казаками и гражданскими переселенцами, Российская империя в то же время стремилась ликвидировать плацдарм для возможной интервенции Турции на Северо-Западный Кавказ. В мае 1877–1878 гг. ситуация повторилась: часть абхазского населения, принимавшая участие в восстании на Западном Кавказе в ходе русско-турецкой войны, ушла вместе с отступавшими турецкими войсками. В результате лишь те абхазы, которые остались верными империи, сохранили частную собственность на землю, закрепленную за ними по положению 1870 г., хотя отдельные очаги восстания горцев на Кавказе тлели и после официального окончания войны, вплоть до 1884 г.

Интеграция Кавказа в состав России сопровождалась мероприятиями культурного характера, связанными с изучением и реставрацией христианских и аланских памятников. Первые описания архитектурных и археологических памятников в XIX в. были сделаны офицерами русской армии, военными топографами и путешественниками, служившими на Кавказе. Майор Потемкин в 1802 г. посетил Нижне-Архызское городище и описал в путевом дневнике существующие здесь христианские храмы (Кузнецов 1973: 6). Начальник Кавказской линии и Черноморья генерал от кавалерии Г.А. Эммануэль в 1829 г., получив сообщение о старинных храмах близ аулов Сенты и Шоан, отправил на Теберду и Кубань архитектора И. Бернардацци в сопровождении 50 казаков и двух горских князей (об этих памятниках см.: Белецкий, Виноградов 2011).

И. Бернардацци обследовал аланские святилища и скопировал надписи на расположенных рядом кладбищах. Результатом поездки явилась статья в «Журнале Министерства внутренних дел». Г.А. Эммануэль вознамерился отреставрировать церкви, возобновить в них службу и крестить проживавших здесь абазинцев и другие черкесские и карачаевские племена. Проект создания форпоста христианства одобрил Николай I, но в Карачае опять вспыхнула война, а Г.А. Эммануэля сменил генерал А.А. Вельяминов, предпочитавший силовой подход во взаимоотношениях с горскими племенами. Упоминания о древних христианских храмах в предгорьях Северного Кавказа оставили, например, члены Русского археологического общества Нарышкины (Отчет гг. Нарышкиных 1876: 363). Храмы и развалины крепости Хумаринского городища осматривал также миссионер А. Фиркович (Фиркович 1857; ср.: Биджиев 1983). С именем последнего связано первое исследование археологического памятника на Северном Кавказе — раскопки кургана у сел. Псыгансу в Кабарде в 1849 г. (Иессен 1941: 9).

Многолетняя кавказская война, длившаяся почти полвека, вызывала и поддерживала интерес русского общества к Кавказу, к его природе, истории, к нравам и обычаям его разноплеменного населения. Волею судеб оно познакомилось с Кавказом и благодаря побывавшим на театре военных действий писателям и поэтам: А.И. Полежаеву, А.А. Бестужеву-Марлинскому, М.Ю. Лермонтову, Л.Н. Толстому.

Административно-территориальное деление Кавказа и Предкавказья в составе Российской империи, 1881–1888 гг. (по: Цуциев 2006: 31, карта 9)


Административно-территориальное деление на 1887-1888 гг.
Кубанская область
Ставропольская губерния (а - уезды, б - приставства кочевых народов)
Терская область (а - казачьи отделы, б - горские округа)
Дагестанская область
Черноморский округ
Кутаисская губерния, в том числе:
Батумский округ
Сухумский округ
Тифлисская губерния
Эриванская губерния
Бакинская губерния
Елисаветпольская губерния
Карсская область
Границы губерний и областей
Границы округов, уездов и приставств
Государственная граница Российской империи
Железные дороги
Астраханская губерния
Каспийское море
Закаспийская обл.
Иран
Пятигорский отдел
Кизлярский отдел
Сунженский отдел
Владикавказский округ
Грозненский округ
Хасавюртовский округ
Темир-Хан-Шура
Андийский округ
Дербент
Кюринский округ
Самурский округ
Тифлис
Борчалинский уезд
Закатальский округ
Кубинский уезд
Елисаветполь
Джеванширский уезд
Шемахинский уезд
Баку
Эриванский уезд
Зангезурский уезд
Джеватский уезд
Ленкоранский уезд

Интерес к истории присоединенного Кавказа возрос необычайно именно в период социально-политических преобразований всех сторон жизни русского общества во второй половине 50-х — 70-е гг. XIX в. В год основания Императорской археологической комиссии А.И. Барятинский инициировал организацию Общества восстановления христианства на Кавказе, которое занималось просвещением и образованием среди горцев Кавказа, распространяя свою деятельность преимущественно на районы, где население исторически исповедовало христианство. К изучению археологических памятников Кавказа приступили местные археологические общества. Со второй половины 80-х гг. XIX в. все шире распространяется практика этнографических и статистических описаний управляемых территорий, что продолжает традицию военно-разведывательного описания племен и местностей Кавказа.

Создание Императорской археологической комиссии в 1859 г. совпало с рядом внешне- и внутриполитических событий, так или иначе влиявших на положение на Кавказе и способствовавших его изучению. 1860–1870-е гг. с их либеральными реформами Александра II и установлением «гласности» характеризовались политическим курсом на сближение этого региона с остальной Россией. Александр III упразднил институт наместничества, приступив к созданию административно «однородной» национально ориентированной империи.

Административно-территориальное деление в Закавказье в 1880-е гг. включало в себя Бакинскую, Елизаветпольскую, Кутаисскую, Тифлисскую, Эриванскую губернии, Карскую область и Черноморский округ, а на Северном Кавказе — Кубанскую, Терскую, Дагестанскую области и Ставропольскую губернию (Цуциев 2006: 29–30). Территориально-административное деление Кавказа важно учитывать, поскольку оно напрямую связано с исследовательской деятельностью ИАК, а позднее научных центров СССР и независимых государств, возникших на развалинах империй. Последующие полтора века археологические исследования Кавказа основывались на этих искусственно установленных империей административных и политических границах, не имеющих ничего общего с ареалами древних археологических культур, пределами исторических государств, территориями проживания местных народов.

Завершение кавказской войны выдвигало на первое место устройство путей сообщения — сухопутных, речных, морских. В 1858 г. кавказский наместник А.И. Барятинский инспектирует строительство Военно-Имеретинской дороги, в 1859 г. он проехал по строящейся Военно-Грузинской дороге, а позднее по долине Ардона, где предполагалось построить Военно-Осетинскую дорогу. Мечтой наместника было строительство Закавказской железной дороги от Тифлиса до Баку, а затем от Тифлиса до Поти. Вместе с путями сообщения строились города, порты и укрепления (порт Поти, порт Баку, гавань в Петровске, укрепление Гагры и др.). Массовое строительство и связанные с этим земляные работы не могли не привести к обнаружению археологических памятников в регионе, буквально насыщенном ими, что положило начало новому этапу изучения местных древностей.

Когда при прокладке шоссе в местности Самтавро в 1871 г. возле Мцхета,

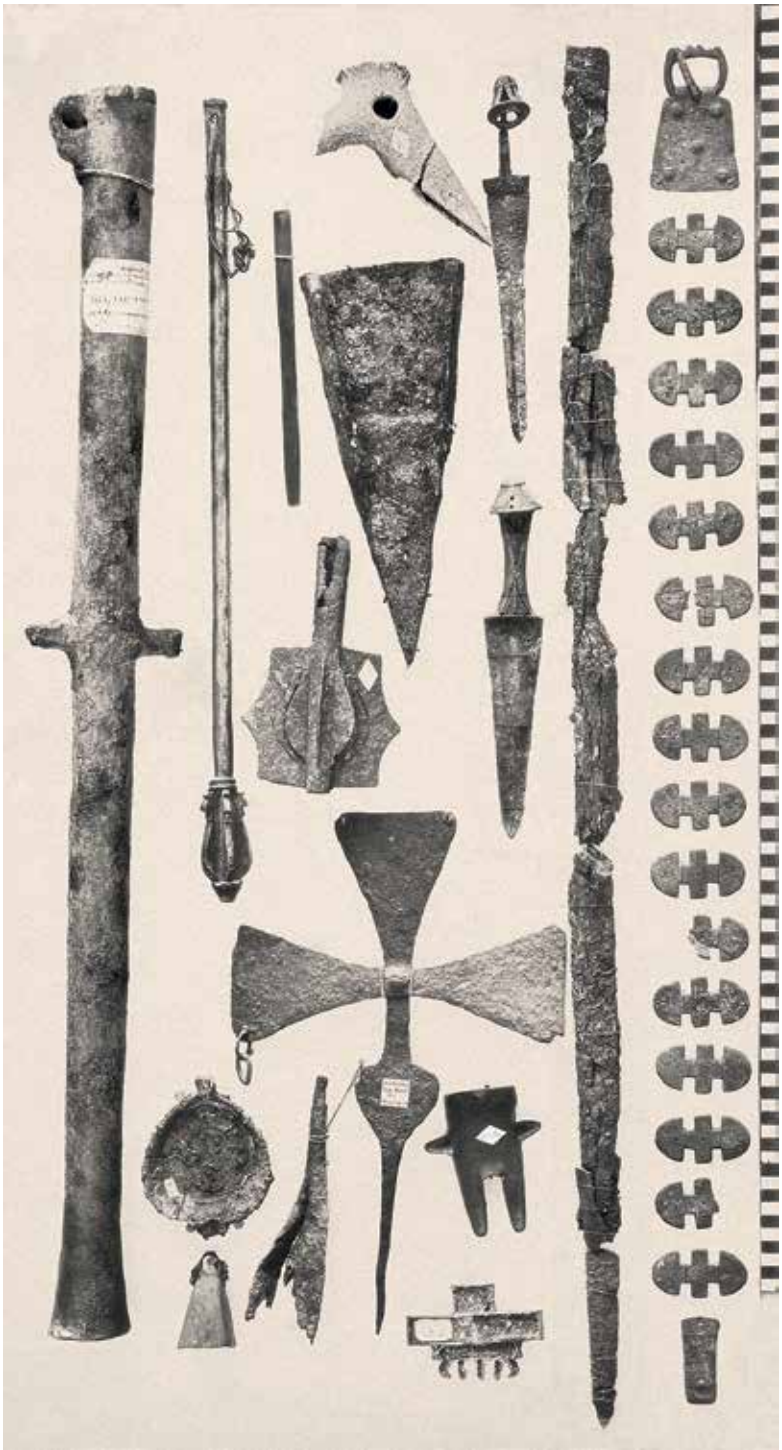
древней столицы Картли, были разрушены древние погребения, по рекомендации и при содействии ИАК наместник великий князь Михаил Николаевич отправил для проведения раскопок Фридриха Самуиловича Байерна (1817–1886), который с 1851 по 1863 г. заведовал Музеем при Кавказском отделе ИРГО (РО. Ф. 1. Оп. 1-1872 г. Д. 32. Л. 6; Bayern 1885; Абрамишвили 1957; Гобеджишвили 1971; Ломтатидзе 1974; Лордкипанидзе 1989; Пицхелаури 1979; ФО. Отп. Q 461-4–6). Впоследствии исследованные в Самтавро погребения были датированы эпохой поздней бронзы — раннего железа, а на их материалах выделена самтаврская, или восточногрузинская, культура, синхронная колхидо-кобанской.

У сел. Ворнак в ущелье р. Дебед в том же 1871 г. Александр Давидович Ерицов (Ерицян) (1840–1902) раскопал обширный могильник, также аналогичный Самтаврскому (материалы раскопок были опубликованы в газете «Кавказ» № 103 за сентябрь 1871 г.; Записки КОИРГО 1871). В связи с возросшим интересом к памятникам древней истории Закавказья в Тифлисе, в октябре 1871 г. был организован Кавказский археологический комитет, в 1873 г. реорганизованный в Тифлисское общество любителей кавказской археологии. В ноябре 1872 г. вышел первый выпуск журнала «Кавказская старина», издаваемый А. Д. Ерицовым.

Первым археологическим открытием в Армении было обнаружение могильника «Редкин Лагерь» Ф. С. Байерном в 1879 г. при строительстве дороги в 6 км от г. Дилижана (Bayern 1885: 1–26; Протоколы 1882: 60–62; РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 44; ФО. Отп. Q 505-5, 17, 30, 31, 56, 57). Позднее, в 1891 г., председатель ИАК

Рельеф на розовом камне с изображением ангела с крестом в руке. Церковь Джвари Сакдари. Мцхети. Фото Н. Я. Марра, 1907 г. (ФО. Отп. Q 470-10)

граф А. А. Бобринской осмотрел местность Мец-Чал в ущелье Дилижана, на правом берегу р. Акстафа (Елизаветпольская губерния) и исследовал там 12 погребений в каменных ящиках (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 53. Л. 39, 211–213). Только одно из них оказалось нетронутым грабителями, в нем были найдены бронзовые браслеты, височные кольца, медальоны, лунница, сурьмяные подвески и «пуговицы», сердоликовые бусы и большое количество глиняных сосудов. Находки датируются II тыс. до н. э. Необходимо отметить, что материалы этого могильника важны для понимания ситуации поздней бронзы — начала железного века в Закавказье. Обнаруженные погребения относятся к периодам поздней бронзы — раннему железу, а находки сходны с материалами Самтаврского могильника (Мартиросян 1964).

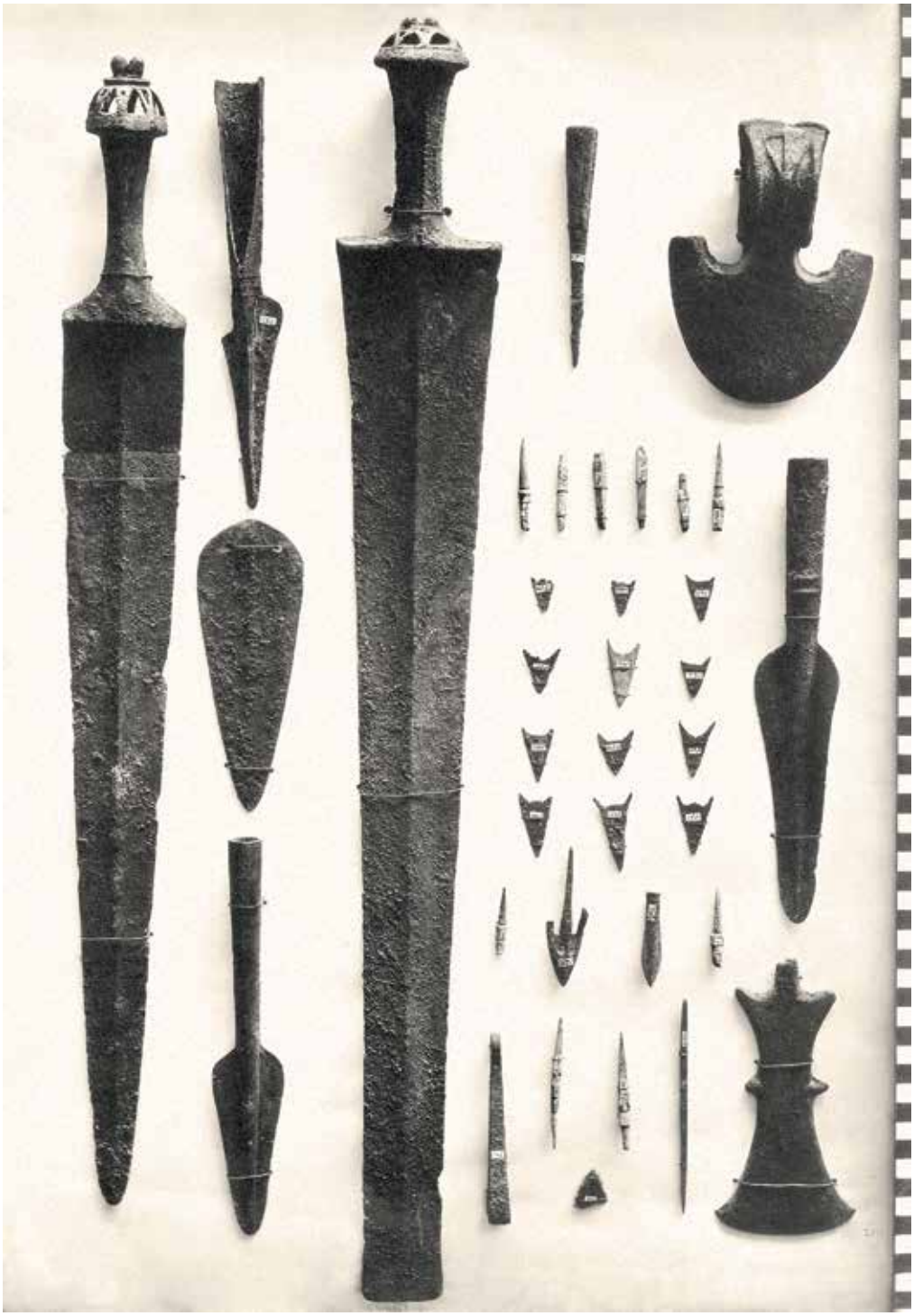


Предметы из погребений. Раскопки в Самтавро, Менглиссе и Редкине Лагере. Фото Д.И. Ермакова, 1890-е гг. (ФО. Отп. Q 505-5)

Предметы из погребений. Раскопки в Самтавро, Менглиссе и Редкине Лагере. Фото Д.И. Ермакова, 1890-е гг. (ФО. Отп. Q 505-17)

Необходимо отметить, что в эти годы активное участие в изучении кавказских памятников принимало Московское археологическое общество и его руководители А.С. Уваров и П.С. Уварова. Еще на II Археологическом съезде в Санкт-Петербурге председатель Кавказского археологического комитета Адольф Петрович Берже (1828–1886) огласил «Записку об археологии Кавказа», где представил обзор всех известных памятников. В обзоре на первом месте стояли развалины храмов, монастырей и крепостей, руины древнегреческих, римских и генуэзских поселений, эпиграфические и палеографические памятники. Согласно А.П. Берже, всякое исследование и охрана древностей в России может организовываться только с участием Правительства и ИАК, при участии которых уже был организован Археологический комитет в Тифлисе для оценки древностей и их изучения (Берже 1876). Примерно в то же время Комиссия осуществляла археологическое наблюдение и при прокладке Северокавказской железной дороги.

Особую роль в истории изучения Кавказа и всей российской археологии сыграл V Археологический съезд в Тифлисе 8–21 сентября 1881 г. Были разработаны инструкции для исследователей, предприняты экспедиции и проведены раскопки памятников в различных местностях Кавказа. А.С. Уваров лично руководил полевыми работами в 1879–1881 гг. в Осетии, Дагестане, в долине Аракса, в Армавире, в Абаранском и Дилижанском



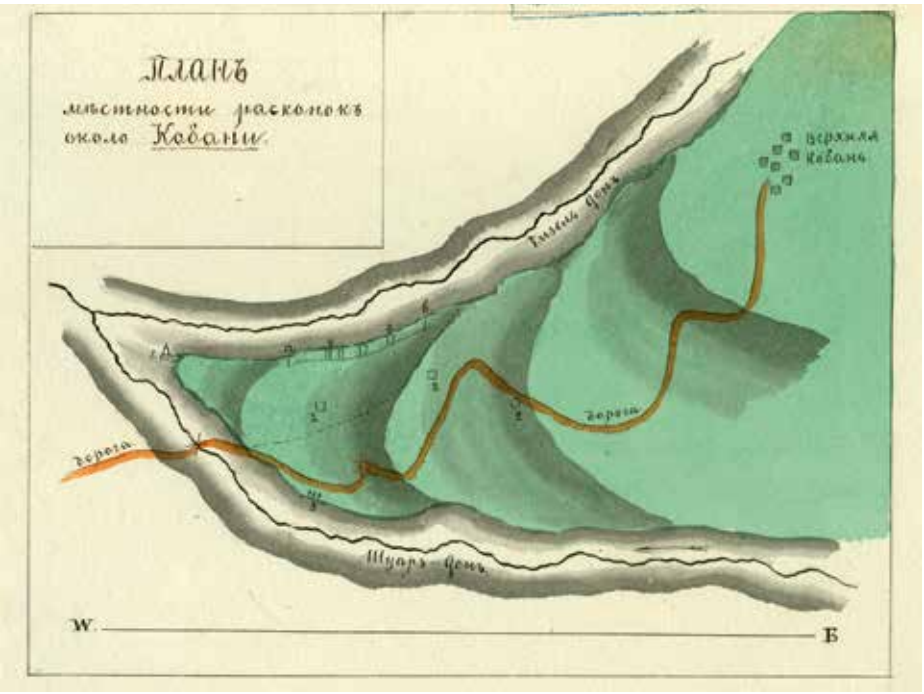
Предметы из погребений могильника Самтавро близ Мцхета на правом берегу р. Арагви, Душетский уезд, Тифлисская губерния. Фото Д.И. Ермакова, 1890-е гг. (ФО. Отп. Q 506-58)

ущельях и изучал Эчмиадзинскую библиотеку. Раскопки памятников предпринимали В.Б. Антонович, Н.С. Поляков, А.Д. Ерицов, К.И. Ольшевский, Н.О. Цилосани (Протоколы 1879: 456–473), Д.З. Бакрадзе, И.Т. Беленький, В.Л. Беренштам (Там же: 297–321). А.А. Русов раскопал курган в Дагестане (Там же: 503–621, табл. XVI), в районе Дербента, Дешлагара, Чиркаты работали А.В. Комаров, Ф.С. Байерн и С.В. Штейн (Мунчаев 1961). ИАК, вообще прохладно относившаяся к проведению съездов, переживала в это время закат «эпохи Строганова», что сводило к минимуму ее участие в подготовке мероприятия.

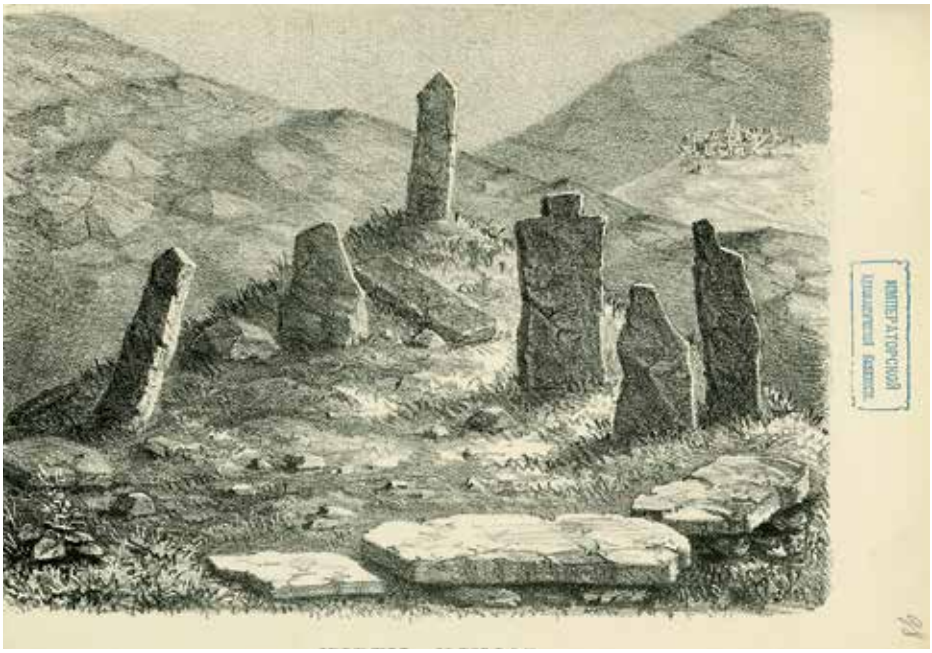
Съезд открыл новую страницу в исследовании Кавказа для представителей российской науки. Как сказал Д.И. Иловайский в выступлении на V Археологическом съезде в Тифлисе 11 сентября 1881 г.: «По стопам совершивших свое славное дело русских военных людей приходят мирные труженики науки, чтобы на месте изучать и удивляться историческим памятникам Кавказа» (Труды 1887: XVI). Тогда же была разработана программа исследования Кавказа. В программу вошли такие разделы, как: памятники первобытные; памятники языческие и классические; памятники христианские; памятники мусульманские; памятники искусств и художеств; памятники письма и языка; лингвистика; исторические география и этнография.

Впоследствии Императорская археологическая комиссия и ее новый председатель граф А.А. Бобринской естественным образом присоединились к осуществлению этой программы. Активизация деятельности ИАК закономерно совпала с периодом возвращения Кавказа к мирной жизни после 1884 г., с более тесной интеграцией кавказских народов в Российскую империю, с развернувшимся в регионе строительством, с переселенческим движением и возникновением первых курортов в Предкавказье, а позднее и на Черноморском побережье. С конца 1880-х гг. археологические раскопки и исследование памятников Кавказа многие годы вели члены ИАК Н.И. Веселовский, Н.П. Кондаков, Н.Я. Марр, Э.А. Реслер, а также лица, с которыми Комиссия активно сотрудничала: В.Р. Апухтин, В.И. Долбежев, А.А. Миллер. Отдельные экспедиции в те же десятилетия организовали А.А. Бобринской, И.А. Орбели, И.А. Владимиров, Я.И. Смирнов, А.А. Спицын, Д.М. Струков, В.М. Сысоев и др.

Однако деятельность Комиссии внесла важные коррективы в представления о развитии культур Кавказа, которые были высказаны на съезде в Тифлисе. Прежде всего это касалось хронологии местных памятников. Из археологических докладов, прочитанных на съезде, стоит отметить сообщение А.С. Уварова «К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе». Автор относит кобанские бронзы к началу железного века и сопоставляет их с европейскими находками из Гальштата, Вилланови и др. По мнению А.С. Уварова, кобанские бронзы демонстрируют своеобразие, свидетельствующее об их местном кавказском происхождении (Труды 1887: 1–9). Особое значение для периодизации культур Северного Кавказа представлял и доклад профессора Д.Я. Самоквасова «Могильные древности Пятигорского округа» (Самоквасов 1887b). Д.Я. Самоквасов получал финансовые средства на проведение раскопок начиная



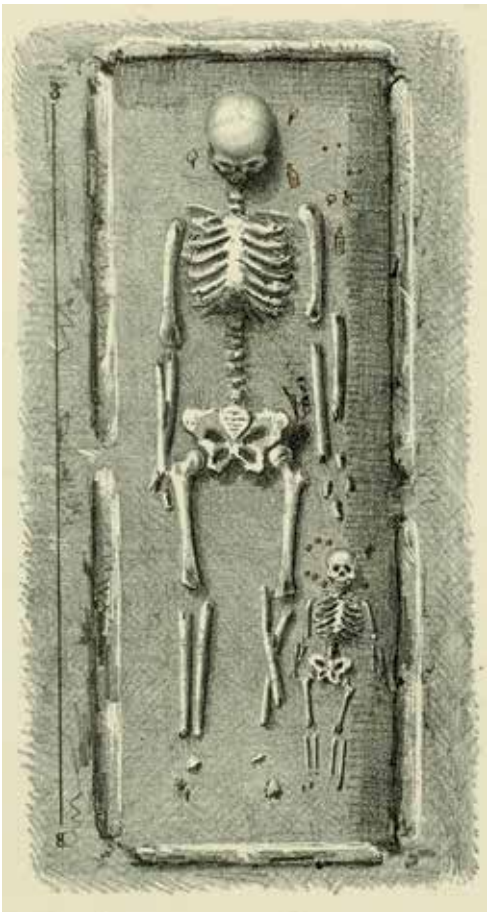
Глазомерный план окрестностей с. Верхний Кобан. Исследования В.Б. Антоновича (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 68. Л. 91)



Могильник у сел. Лизгор в местности Нарты-Нахас. Исследования Д.Я. Самоквасова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 68. Л. 98)

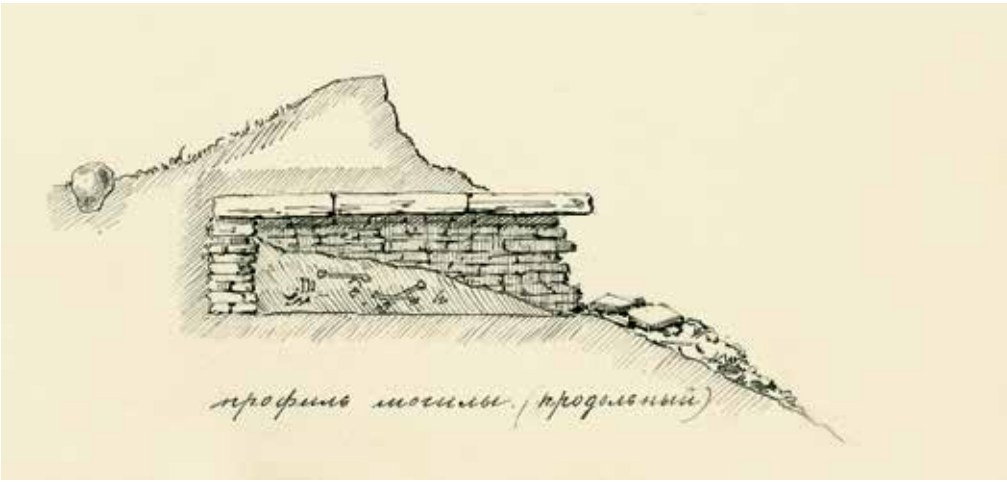
с 1875 г. В 1882 г. Д. Я. Самоквасов произвел раскопки могильников эпохи раннего железа у сел. Чми, Кумбулта, Лац и Зивгис (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 68. Л. 89–120). У сел. Чми, в урочище Саургом («Воровская балка») Д. Я. Самоквасов, прокопав пять траншей, обнаружил 36 катакомбных могил (дальнейшие раскопки были прерваны из-за его болезни). Могилы были датированы Д. Я. Самоквасовым по находкам монет VII–VIII вв. н. э., хотя, по справедливому замечанию П. С. Уваровой, в них встречаются и вещи, сходные с кобанскими (Уварова 1900). Д. Я. Самоквасов по собственной оригинальной методике в 1881–1882 гг. при финансировании со стороны Комиссии раскопал несколько десятков могильников (всего около двух сотен погребений) в районе Пятигорья — у колоний Константиновской, Николаевской, в урочище «Берег» и в других местностях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1882 г. Д. 20). Д. Я. Самоквасов разделил исследованные им могилы по особенностям обряда и инвентаря на три группы. Первая группа (наиболее поздняя) относится к железному веку — «старые кабардинские могилы», вторая группа синхронизируется с кобанскими древностями начала железного века, третья, наиболее древняя группа погребений не содержала изделий из железа, но включала в состав инвентаря каменные орудия. Эта группа могил отнесена Д. Я. Самоквасовым к эпохе бронзы (Труды 1887).

В 1886 г. Д. Я. Самоквасов получил звание члена-корреспондента, а в 1891 г. стал сверхштатным членом ИАК. Позднее он подготовил каталог собранных им древностей к выставке в Варшаве (Самоквасов 1892) и написал монографию «Могилы Русской земли» (Самоквасов 1908), в которой

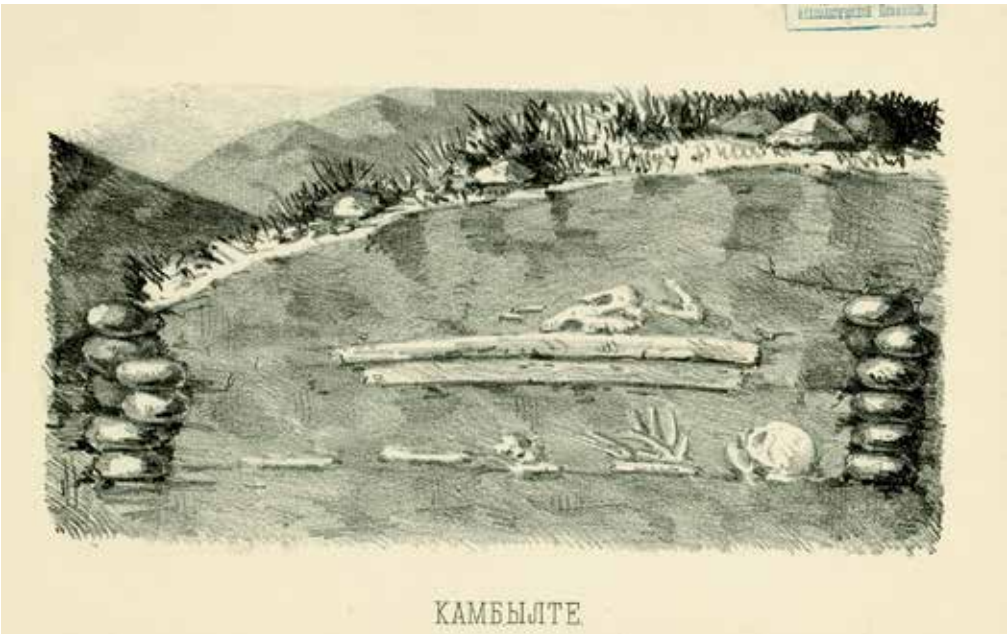


Погребение № 2 в каменном ящике. Могильник у сел. Лизгор в местности Нарты-Нахас (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 68. Л. 102)

проанализировал погребальный обряд и предпринял попытку «хронологической классификации» древних погребений. В результате Д. Я. Самоквасов предложил первую научно обоснованную классификацию могильных древностей Пятигорья, опирающуюся на стратиграфические и типологические наблюдения. Впоследствии В. А. Городцов, учитывая разработки Д. Я. Самоквасова, А. А. Спицына и других, разработает свою периодизацию культур Причерноморья (ср.: Городцов 1910; 1916).

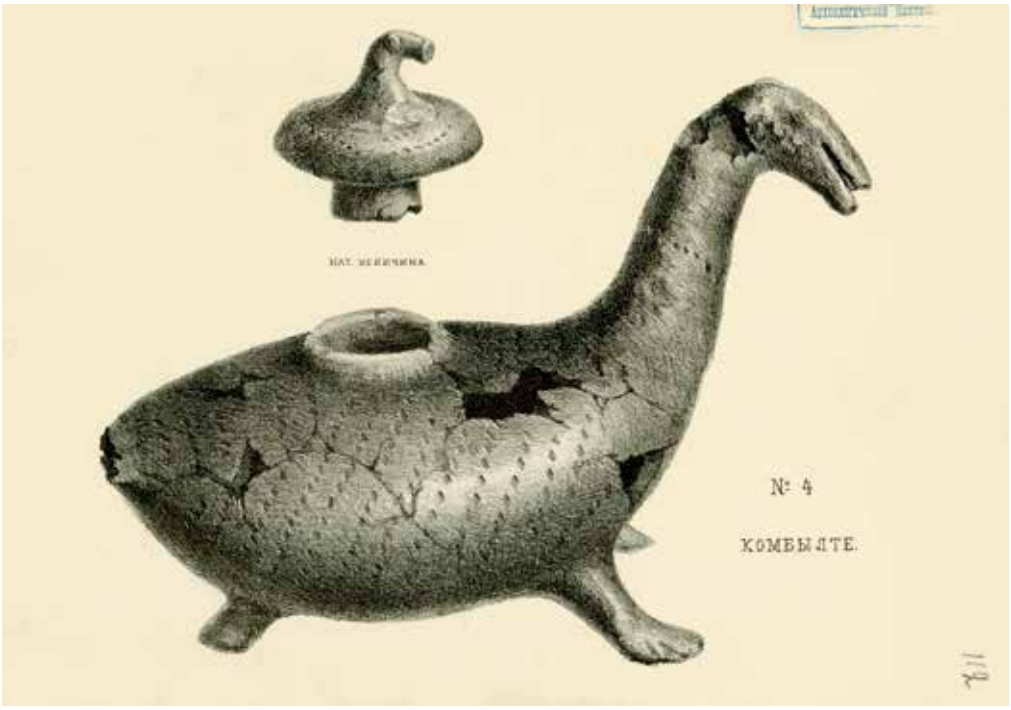


Разрушенный курган у сел. Кумбулта (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 68. Л. 105)



План и профиль погребения № 3. Могильник у сел. Кумбулта (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 68. Л. 110)

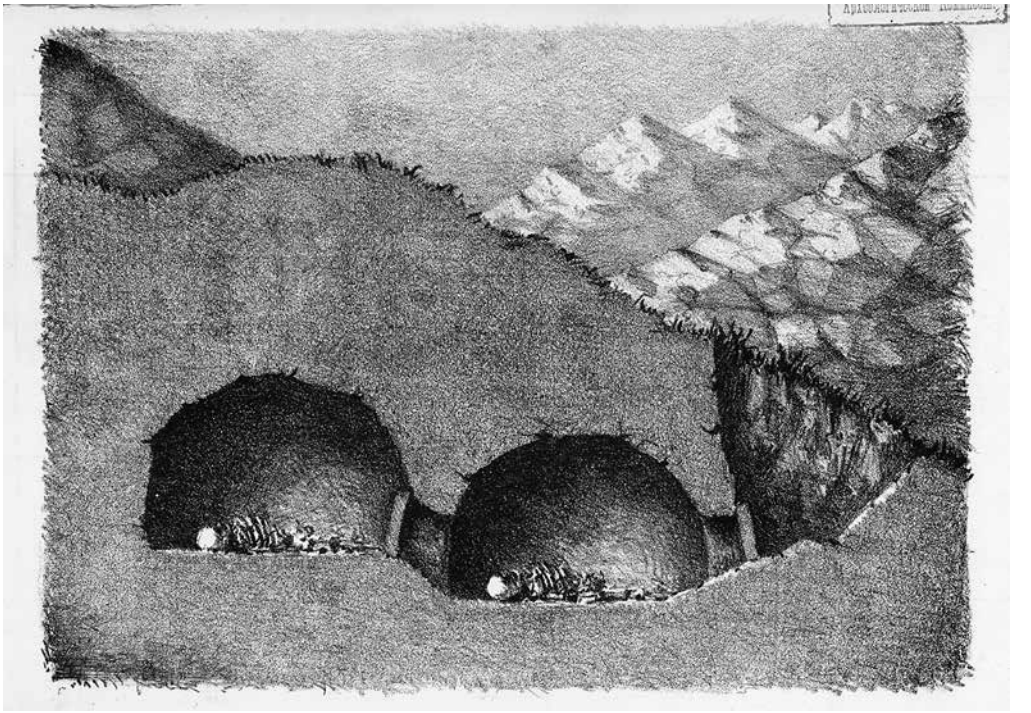
Надежную абсолютную хронологическую позицию кавказских древностей эпохи бронзы обосновать было достаточно сложно. Самыми древними здесь считались киммерийские и урартские памятники. Полагали, что эпоха бронзы на Кавказе была не особенно древней и продлилась вплоть до V в. до н. э., когда аборигенов познакомили с обработкой железа греческие колонисты. В конце XIX в. знаменитые «царские» погребения Больших кубанских курганов традиционно сопоставили с ассирийскими древностями



Глиняный сосуд в виде утки. Погребение № 3. Могильник у сел. Кумбулта (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 68. Л. 112)

Ближнего Востока и с изделиями греческих мастеров в могилах скифских «царей». Позднее, уже в XX в., Большие кубанские курганы сопоставляли с хеттскими древностями, а М. И. Артамонов даже обосновывал их скифскую принадлежность (Артамонов 1974). Поэтому Д. Я. Самоквасов, в согласии с графом А. С. Уваровым, относил открытые им в Пятигорье окрашенные костяки ранней ступени к киммерийской эпохе — VII в. до н. э. (Самоквасов 1892; 1908).

В ходе дискуссии, развернувшейся по итогам тифлисского съезда, было высказано мнение о незначительности бронзовой эпохи на Кавказе. Так, Л. Н. Майков прямо утверждал, что Кавказ являлся «захолустьем, лежавшим вдали от культурных центров» (Протоколы 1882). Крупный европейский специалист по первобытным культурам Р. Вирхов, также присутствовавший среди гостей на съезде в Тифлисе, полагал, что на Кавказе не сложилось предпосылок к развитию культур эпохи бронзы, и развитие региона полностью зависело от событий на Востоке. Своеобразие кавказских культур проявилось довольно поздно, уже в исторический период (Virchow 1883). Иной точки зрения придерживался только Жак де Морган, инженер Алавердских рудников, который провел раскопки в 1888 г. на р. Дебед и в Талыше (Иранский Азербайджан), где раскопал 976 погребений конца эпохи бронзы и раннего железа. В Ахтале, у Алаверди и в Мусиери им были исследованы десятки воинских погребений в каменных ящиках. Скелеты в могилах лежали скорченно, на левом боку, головой на север. Инвентарь гробниц



Катакомбное погребение. Продольный разрез. Могильник в местности Саургом у сел. Чми (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 68. Л. 92)

Результаты хищнических раскопок Камунтского могильника местными жителями. Рисунок В.Б. Антоновича, 1879 г. (ФО. Отп. Q 396-63)

был буквально «насыщен» металлическими изделиями из бронзы и железа. Это были в основном предметы вооружения: наконечники копий, стрел, кинжалы, мечи и топоры-секиры. Сравнив находки в могилах Талыша с изделиями соседнего Ирана и Месопотамии, Жак де Морган пришел к выводу о большей древности бронзовой культуры в Закавказье и о тесных (генетических?) связях с культурами Центральной Азии (Morgan 1889).

Б.А. Куфтин в работе «К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии» (Куфтин 1940: 5–7) привел объяснение проблем датировки кавказских древностей, во многом не потерявшее актуальность и сегодня. Он отметил, что в свое время территория Переднего Востока, примыкавшая к Кавказу с юга, была слабо изучена. Поэтому для хронологической периодизации культур Закавказья чаще обращались к Северному Кавказу, Причерноморью и даже к Западной Европе. К тому же, из-за ошибочного понимания направления исторических путей, появилось впечатление об обратной зависимости Кавказа от Причерноморья и Западной Европы, что занизило датировку. Наконец, исторически сложилось преувеличенное внимание к роли письменных памятников ванской эпохи, из-за чего даже неолитические памятники Закавказья пытались «стянуть» к ванскому (урартскому) времени.

Все это указывает, что в то время главной задачей кавказской археологии являлось выяснение хронологических и стадиальных предшественников кобанской и синхронной ей закавказской бронзы. Отметим, что в XIX и в начале XX в. территория Северного Кавказа была так же слабо изучена, как и Закавказье. Здесь, на Северном Кавказе, А.А. Спицын впервые, опираясь на раскопки Д.Я. Самоквасова и других археологов, предположил существование более древней культуры эпохи бронзы на Кавказе и выделил (на основании характерного погребального обряда) два района погребений с окрашенными костяками — Кубанский и Терский. По мнению А.А. Спицына, культуру бронзы на Кавказ могли принести пришельцы из Малой Азии или из Ассирии (Спицын 1899d).

Нельзя не отметить, что труды Комиссии на Кавказе и в Предкавказье не носили систематического характера, а осуществлялись в достаточной степени случайно и ситуативно. В этой ситуации целенаправленная исследовательская и публикационная деятельность МАО выглядит как осуществление хорошо продуманной программы (ср.: Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского археологического общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства. Вып. 1–12. М., 1888–1909). Однако именно благодаря работам сотрудников Комиссии и привлекаемых ею лиц, в результате возникшей научной дискуссии стало возможным утончить важные моменты абсолютной и относительной периодизации кавказских памятников. Выяснилось, в частности, безусловно местное кавказское происхождение феномена кобанских художественных бронз. Исследователи смогли также установить, что Кавказ не был в древности «труднодоступным захолустьем», но являлся ярким культурным центром, тесно связанным с цивилизациями Передней Азии и «жившим с нею одною культурной жизнью» (ср.: Городцов 1910).

Необходимо отметить, что на начальном этапе деятельности

Бронзовые изделия из клада, приобретенного Г. Д. Филимоновым в ауле Казбек в Осетии. Фото Д. И. Ермакова, 1890-е гг. (ФО. Отп. Q 506-7)

Императорской археологической комиссии в этом регионе археологические раскопки велись только на Тамани, в Приазовье и на Нижнем Дону и были связаны преимущественно с изучением древностей Боспора Киммерийского (подробнее см. главу II). Однако уже тогда началось изучение памятников кобанской культуры, некоторые из этих работ были поддержаны ИАК.

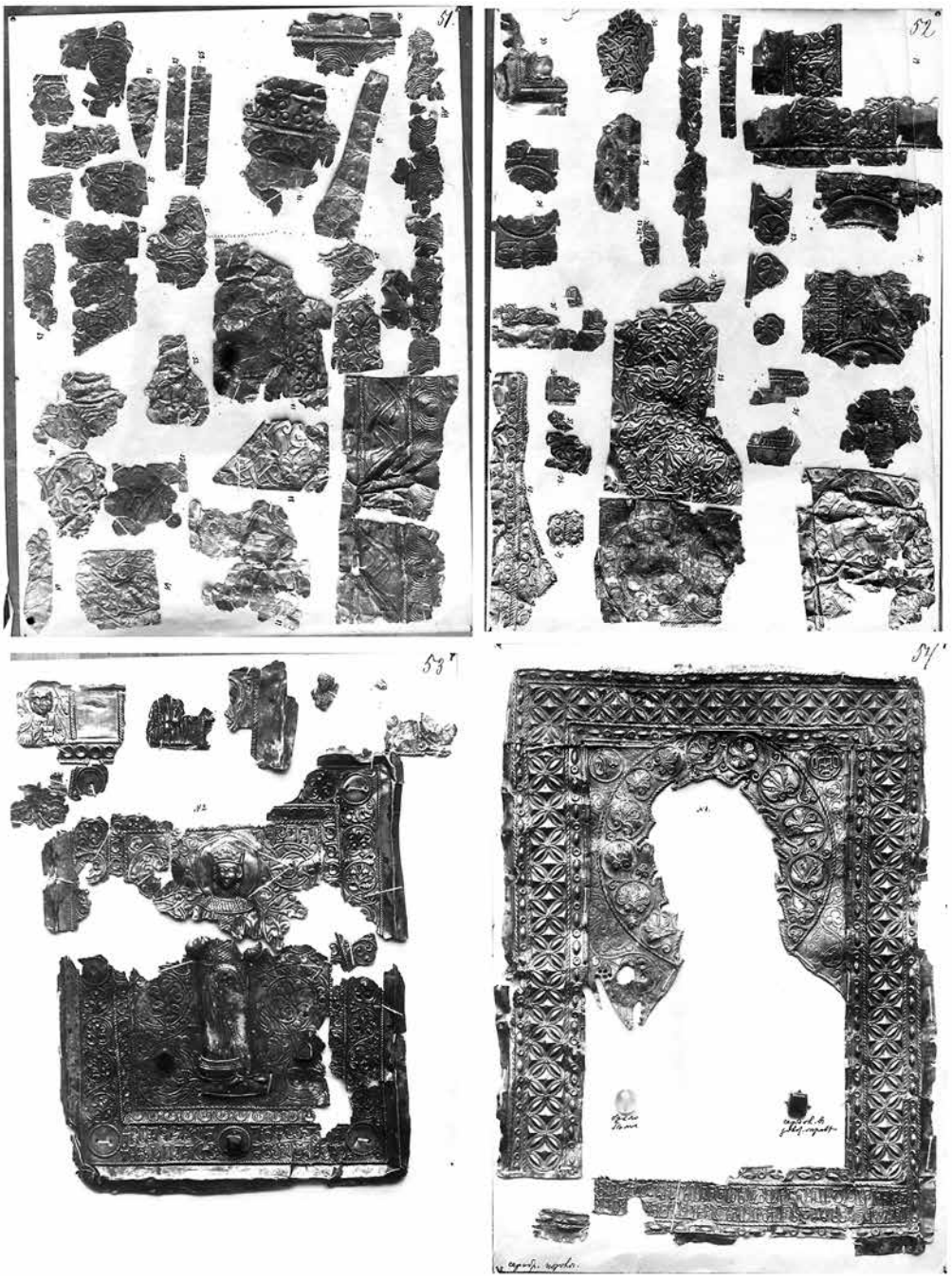
В 1875 г. во время строительных работ в крепости Александрополя (Гюмри, Армения) Г. Д. Филимоновым было исследовано погребение воина начала железного века с мечом, кинжалом и наконечниками стрел. Это погребение, судя по сопровождающему инвентарю, синхронно кобанским памятникам. В 1877 г. Г. Д. Филимонов раскопал погребения в могильнике у сел. Кобань (Протоколы 1882). В том же году при дорожных работах у станции Казбек рабочие нашли древние предметы. Комиссия послала обследовать местность Г. Д. Филимонова. Здесь в нескольких металлических сосудах им был найден знаменитый комплекс художественных бронзовых изделий — так называемый «Казбекский клад» (Филимонов 1900; Уварова 1900: 139; Tallgren 1930; ФО. Отп. Q 506-7–20). В. Б. Антонович в 1879 г. проводил раскопки могильников в Терской области у сел. Кобань, Камунта, Казбек, Галиат, Зивгис, Эльхотово и Христианское (Протоколы 1879: 216–270), а также составил глазомерный план местности с могильниками у сел. Кобань (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 68. Л. 91). В 1881 г. при подготовке к V Археологическому съезду он

раскопал могильники у сел. Кобань в Северной Осетии (Протоколы 1882: 242). Тогда же, в 1882 г. Д.Н. Анучин раскопал несколько погребений и святилище скифского периода в Дагестане у сел. Темир-Хан-Шура (Буйнакск; Анучин 1884).

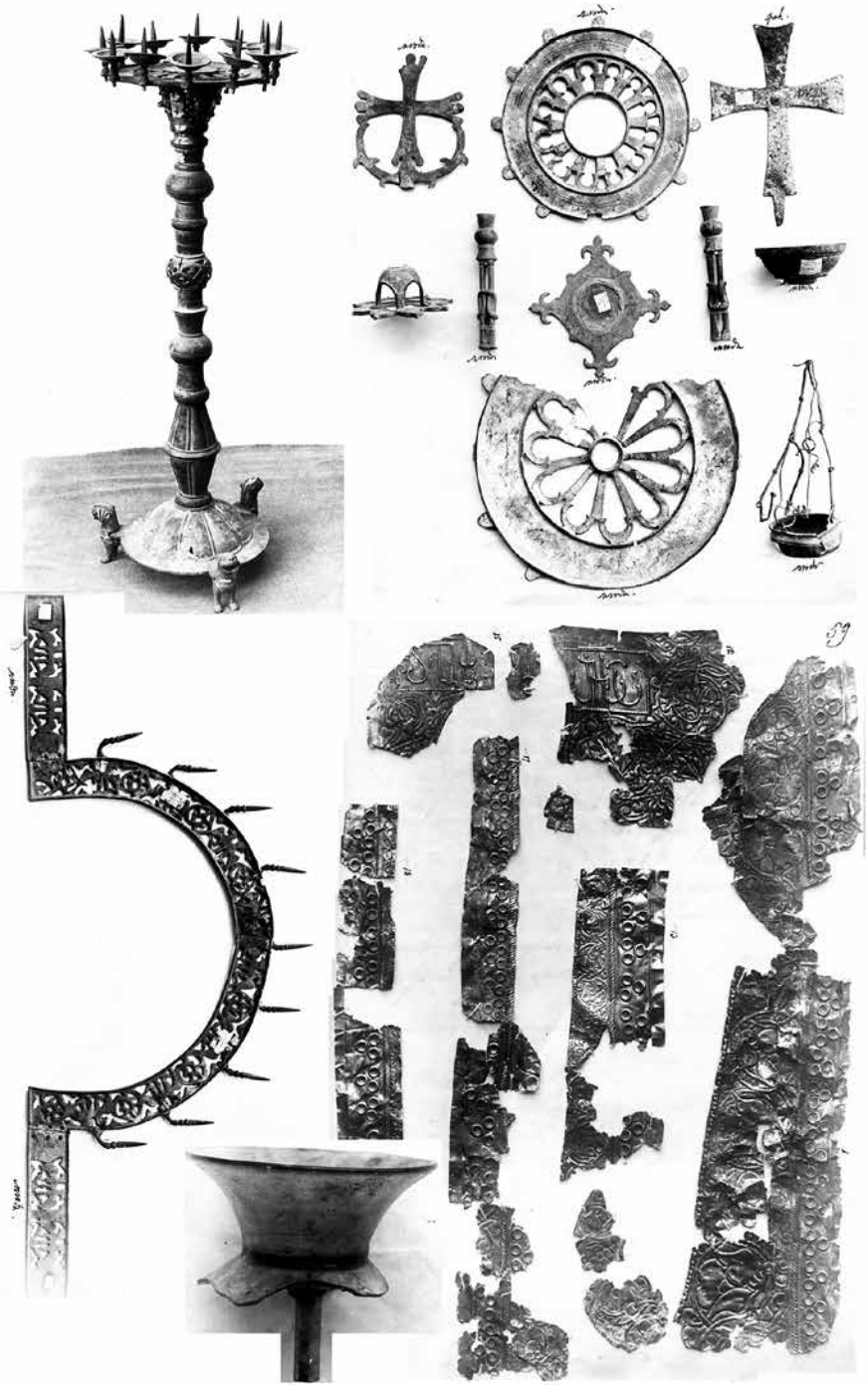
Новый этап в изучении и охране памятников Кавказа и Закавказья, как уже было отмечено, начался в середине 1880-х гг. Он, в частности, характеризовался установлением тесных взаимоотношений между новым председателем Комиссии А.А. Бобринским и товарищем председателя Кавказского археологического общества действительным статским советником Дмитрием Захариевичем Бакрадзе (1826–1890), впоследствии членом-корреспондентом Академии наук в Санкт-Петербурге.

Как всегда, ИАК пристально следила за сообщениями прессы о случайных находках. 5 февраля 1886 г. «Правительственный вестник» сообщил об открытии церкви в сел. Полтавском возле г. Сухуми на р. Западная Махарка. Уже 13 февраля А.А. Бобринской пишет письмо князю Александру Михайловичу Дондукову-Корсакову (1820–1893), главноначальствующему на Кавказе (1882–1890) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 6а. Л. 2 — 2 об.) с просьбой командировать на место обнаружения древнего храма археологов. А.М. Дондуков-Корсаков командировал в сел. Полтавское известного знатока кавказских древностей Д.З. Бакрадзе. Часть вещей из церкви уже была перевезена в Окружное управление по распоряжению начальника Сухумского округа полковника И.Введенского: серебряные и золоченые ризы от икон, к сожалению, разорванные на мелкие куски, из которых удалось восстановить лики св. Екатерины и св. Иоанна Крестителя, с несколькими мелкими медальонами; медные детали колонны и резной арки с припаянным к ней крестом; кадило, дискос со звездицей, две чаши, четыре грифона, два блюда; железные кресты, какие встречаются и в других церквах Грузии, и стеклянная лампа оригинальной формы. По палеографии надписей на ризах икон и каменной плите Д.З. Бакрадзе датировал находки XI в. Небольшая церковь длиной ок. 7 м, сложенная из рваного камня, к моменту обнаружения была полностью разрушена. Внутри церкви Д.З. Бакрадзе нашел две известняковые плиты с орнаментом и надписями, позволившими ему определить, что церковь была освящена во имя св. Феодора. В имении Воронова в 1,5 км к юго-западу от сел. Ольгинское находились развалины еще одной церкви. Воронов, приступив к постройке нового дома, задумал воспользоваться камнями из этой церкви и, откапывая их, нашел две известняковые плиты, покрытые скульптурными изображениями святых. Фигуры, по отзыву Д.З. Бакрадзе, были тщательно проработаны, за исключением ликов. Сюжет был связан с евангельскими сценами.

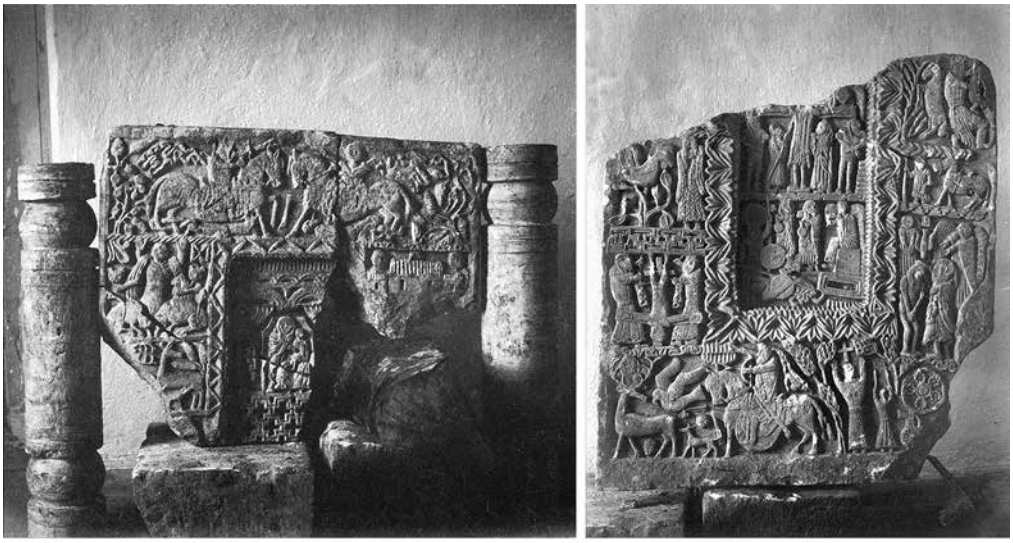
Третья церковь находилась на площадке в 6,5 км от имения Воронова. Участок был расчищен греками, живущими в соседнем сел. Ольгинское. Греки три раза в году приходили сюда со своим священником служить молебен. Стены церкви, обложенные изнутри тщательно отесанными камнями, сохранились в высоту ок. 2 м. Внутри уцелел престол в алтаре, состоящий из цельной плиты на четырехугольной каменной ножке. Длина церкви была ок. 9 м, ширина ок. 4 м. Д.З. Бакрадзе нашел здесь резные каменные плиты, в том числе с рельефным изображением благословляющего святителя



Серебряные обломки окладов из церкви села Полтавское близ Сухуми. Фото Д. И. Ермакова, 1880-е гг. (ФО. Отп. Q 510-23, Q 510-22, Q 510-26, Q 510-25)



Серебряные оклады икон из церквей, открытых в Цебельде
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 6а. Л. 55–59)



Резные каменные плиты — части алтарной преграды церкви, открытой в имении Воронова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 6а. Л. 90, 94)

Рельефы церкви, открытой в селе Ольгинском в Цебельде (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 6а. Л. 96, 97)

Базы отъ колоннъ иконостаса изъ церкви близъ сел. Полтавскаго

Базы отъ колонн иконостаса изъ церкви близъ сел. Полтавскаго въ Цебельдѣ.

Базы от колонн иконостаса церкви, открытой в селе Полтавском в Цебельде (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 6а. Л. 88, 91)

и фигурой диакона с кадилом в руке. На другой плите был изображен всадник. Среди находок отмечен обломок медного блюда. Вещи были отправлены в Тифлис, в Кавказское археологическое общество.

16 июля 1886 г. Д.З. Бакрадзе отправил в ИАК отчет о находках при храме у сел. Полтавское, а также о находках христианских древностей из других мест (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 6а. Л. 9 – 16 об). Так, в поле зрения ИАК впервые попали знаменитая плита из Цебельды, колокол из Келасури с латинской надписью, фрагменты басманных окладов икон и др. В результате 15 июня 1887 г. ИАК обратилась к Д.З. Бакрадзе с предложением провести комплексное исследование территории по всему культурно-хронологическому спектру существовавших памятников. 17 августа 1887 г. тот представил текст, озаглавленный «Сухумский округ в его древностях и проект программы их исследований». В его основе лежало порайонное описание монументальных памятников разных эпох, в том числе и древних пещер в процессе их посещения экспедициями. Д.З. Бакрадзе предполагал проведение раскопок в Питиунте близ соборного храма, а также в Николпии, Сухуми и Гвалдзе. Для его проекта было вообще характерно внимание к памятникам христианства. В отношении развалин древних сельских храмов он намеревался снять верхние слои земли на этих памятниках и произвести их натурные осмотры с необходимыми обмерами и фотофиксацией, подчеркивая при этом, что часть уникальных предметов как раз и была открыта случайно в развалинах церквей близ Сухуми. Он собирался уделить внимание и поиску сохранившихся фресок. Интересны его предложения картировать разные пласты местной топонимики, а также посвятить отдельные усилия «археологии путей». Он предполагал издавать отдельные отчеты своих экспедиций под эгидой ИАК, а часть найденных предметов передавать в тифлисский музей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 74; РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 6а. Л. 67 – 85 об.).

Необходимо отметить, что именно в сотрудничестве с Д.З. Бакрадзе Н.П. Кондаков по Высочайшему повелению описал и издал в 1889–1890 гг. христианские древности некоторых храмов и монастырей Грузии (см. главу I). В 1890 г. ИАК планировала осуществить при участии Д.З. Бакрадзе серию полевых исследований в Сухумском округе, о чем свидетельствует ходатайство Н.П. Кондакова о выдаче грузинскому исследователю Открытого листа на раскопки от 11 августа 1889 г. Внезапная кончина Д.З. Бакрадзе в феврале 1890 г. не позволила осуществиться планам Комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 88).

Другой ревнитель кавказской старины и издатель грузинских церковных грамот (гуджаров), кахетинский помещик, тайный советник Дмитрий Петрович Пурцеладзе († 1891) в 1886 г. по поручению ИАК посетил и описал развалины древних городов в Тифлисской губернии: Колы (ок. 15 км от Телави), Некреси и Греми или Накалакеви (соответственно ок. 45 и 24,5 км от Телави), Череми (ок. 55,5 км от Сигнахи), языческого кладбища в сел. Кварели на левом берегу р. Алазани, древних гробниц в с. Веджини Сигнахского уезда и пещеры в Шоропанском уезде Кутаисской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 24). Д.П. Пурцеладзе планировал произвести масштабные раскопки по всему востоку Грузии. По его словам, ему

было необходимо для раскопок курганов 8–10 человек рабочих на пять месяцев — с 1 мая по 1 октября.

Он делился с ИАК своими планами: «Платить рабочим надо по 1 рублю в день (меньше не наймешь рабочего). Еще мне необходим "присмотрщик", чтобы присматривать за находками, а то в прошлом году вещи все разворовали местные жители прямо из раскопа. Присмотрщика надо непременно из русских. Платить ему надо 20 рублей в месяц (меньше 20 рублей нельзя найти). Необходимы также две верховые лошади — для меня и для присмотрщика» (ср.: Там же. Л. 2 об. — 3 об., 5). Комиссия выслала Д.П. Пурцеладзе 600 руб., предложив ограничить планируемые работы и перенести часть раскопок на будущий сезон. Д.П. Пурцеладзе в своем отчете описал находки, но в Комиссию они не поступили, поскольку на полях рукой рецензента приписаны слова: «А где же вещи?» Выборочные раскопки могильников были произведены Д.П. Пурцеладзе в нескольких местах. Так, около развалин Колы были вскрыты две грунтовые могилы, размываемые рекой. В одной из них оказались черепки глазурованной посуды, кусочек стекла и уголь. В Некреси уцелела древняя церковь с фресками византийского стиля. В Греми, бывшем некогда столицей Кахетии и богатым торговым городом, сохранились развалины многих церквей. В алтаре церкви архистратига Михаила он отметил резное деревянное епископское кресло, а на стенах остатки фресок и изображение царя Леона (XVI в.). Рядом с церковью он указывает на существование развалин дворца и следы сводчатого хода из города к реке.

В Череми Д.П. Пурцеладзе описывает развалины городских башен, соборного храма, царского дворца и нескольких церквей, часовен и кладбищ. Особенное внимание исследователя обратили на себя два языческих кладбища, с мегалитическими памятниками, называемыми здесь «акельдамы». Это большие гробницы, сложенные из 4 громадных плит (длиной ок. 2 м, шириной 1,2-1,8 м и высотой 1,2 м), перекрытые более крупной плитой. Эти гробницы ориентированы длинной стороной с востока на запад и заполнены землей. Д.П. Пурцеладзе нашел в гробницах от 4 до 8 покойников, погребенных в сидячем положении в западной части гробниц. Из вещей при погребенных были найдены женские украшения: различные булавки бронзовые и железные с головками из стекла и сердолика, бронзовый и стеклянные браслеты. Кроме того, во всех гробницах найдено по небольшому куску обсидиана.

В его отчете упомянуты и другие осмотренные и исследованные им памятники. В сел. Кварели на левом берегу р. Алазань сохранились развалины древнего укрепления с могильником. Здесь каменные гробницы «акельдамы» заросли лесом и были размыты водой. Д.П. Пурцеладзе вскрыл 16 могил. Все гробницы были ориентированы с севера на юг и содержали по одному скелету, обращенному головой на юг. В могилах находились угли, куски железа, железный наконечник стрелы, обломки глиняных сосудов. В одной гробнице скелет женщины сопровождался бронзовыми серьгами, браслетом, стеклянным медальоном и железными гвоздями. Около развалин Троицкой церкви в сел. Веджини скрыты 5 гробниц из каменных плит, в которых обнаружено по 3–4 покойника, похороненных, как и в Череми, в сидячем положении. Все покойники были ориентированы с востока на запад,

только в одной гробнице скелеты были обращены лицом к востоку, ногами на запад. Поперек них лежали два других скелета головою к северу, а лицом вниз к земле. У ног скелетов, лежавших с востока на запад, валялась в беспорядке целая куча человеческих костей, но без черепов. По мнению Д.П. Пурцеладзе, это были кости врагов, убитых на войне, так как по обычаю тела таких покойников зарывали в одной могиле, а головы отделяли. Впрочем, это могли быть остатки обычного христианского кимитирия, где представлен характерный для этого региона обряд посмертной эксгумации.

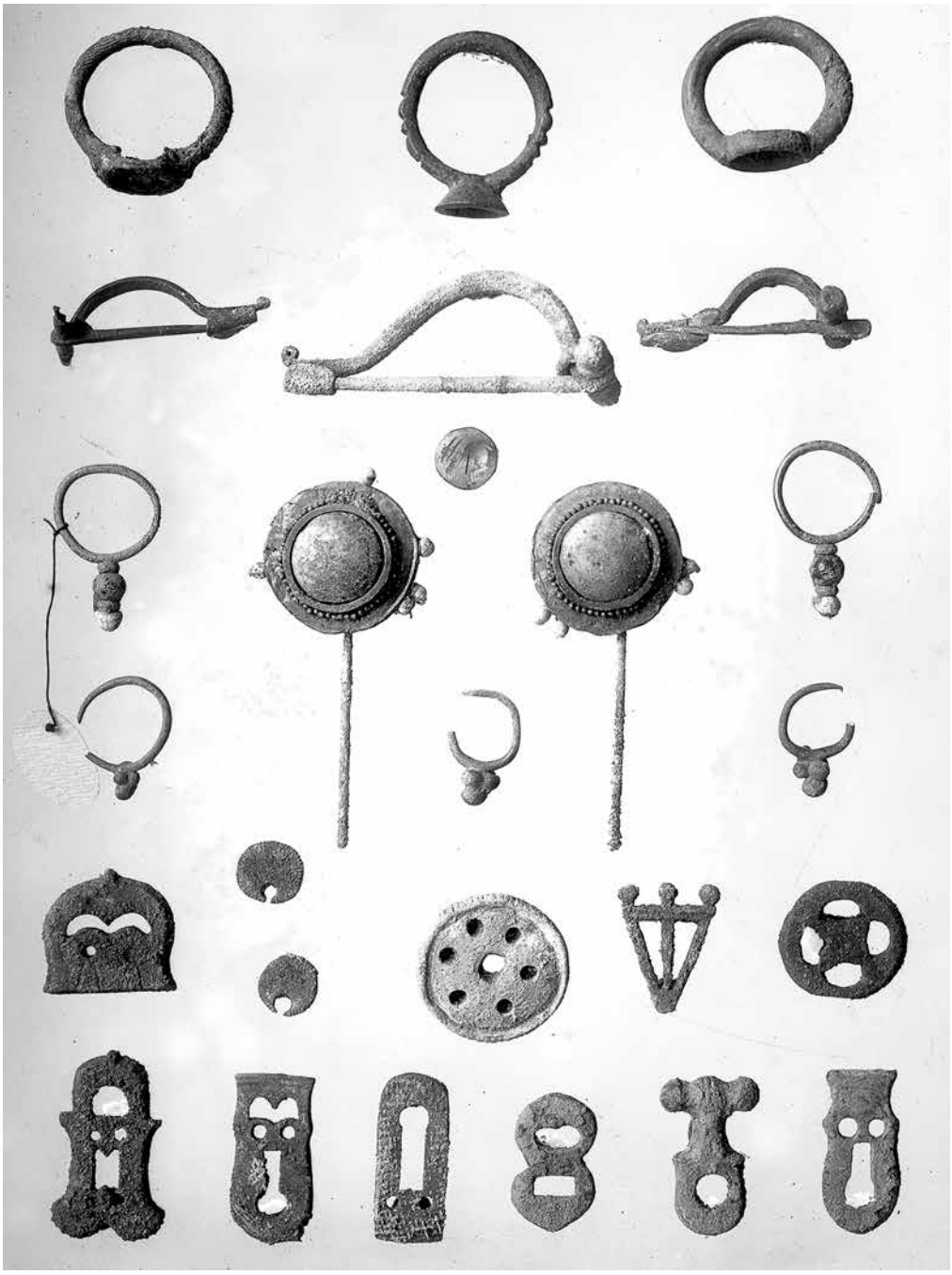
Одновременно сбор сведений об археологических древностях на Кавказе был поручен «академисту» Федору Густавовичу Беренштаму (1862–1937). 25 апреля 1887 г. он известил ИАК о своей предполагаемой поездке в этот район, чем руководство Комиссии и воспользовалось, одобрив программу «Собирание сведений об остатках древности». Программа предполагала зарисовку архитектурных памятников и сбор информации о случайных находках, на что путешественнику было выделено 450 руб., а также выдано удостоверение и Открытый лист. В результате поездки в ИАК был представлен отчет, содержащий картографические материалы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 27. Л. 1 — 1 об., 2, 3, 4).

Заведующий Дворянской школой в Тифлисе Евфимий Семенович Такайшвили (1863–1953) активно сотрудничал как с ИАК, так и с Кавказским отделением МАО. Впервые в 1889 г. под его руководством были произведены раскопки античного здания в Багинети на территории древней Мцхеты (Гамкрелидзе 1977). Вторично раскопки Мцхета Е.С. Такайшвили произвел в 1902 г. Здесь им было раскопано более 50 погребений и остатки построек I тыс. н. э. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 74). Украшения из могильника: бронзовые булавки, фибулы, подвески, кольца, бляхи и бусы были переданы на хранение в Исторический музей в Москве (ФО. Нег. II 26897, нег. III 8497–8501, отп. О.1611-37, 38).

В 1894 г. по поручению ИАК Е.С. Такайшвили провел раскопки Ворнакского могильника (современный Акнер, область Лори, Армения). Более 40 погребений принадлежали к позднебронзовой и урартской эпохам. Оружие в могилах нижнего слоя оказалось близко к находкам из Мцхетского могильника Самтавро. Е.С. Такайшвили справедливо указал на социально-имущественную дифференциацию в позднем бронзовом веке, определив особо богатое погребение с бронзовым панцирем как могилу вождя. В том же году по поручению Комиссии он проводил раскопки в Западной Грузии: в Хуцубани, Саджавани и в Вани. В Саджавани он открыл первый памятник ремесленного производства в Грузии — остатки античной гончарной мастерской. На городище Вани вскрыты остатки церкви и винохранилища, собраны золотые и бронзовые предметы, монеты и свинцовые разновесы. Опираясь на находки из Вани, Е.С. Такайшвили предположил, что здесь находился значительный центр античной Грузии, а также указал на существование местных очагов художественного ремесла (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 17).

В 1896 г. Е.С. Такайшвили провел раскопки недалеко от Гори, в Триалети и обследовал Цалкинское плоскогорье, где обратил внимание на месторождения обсидиана и многочисленные циклопические крепости железного

Карта исследованной местности из отчета Ф.Г. Беренштама. 1887 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 27. Л. 4)



Изделия из бронзы: перстни, фибулы, серьги, головные булавки, бляхи. Могильник Самтавро в окрестностях Мцхета, Тифлисская губерния. Раскопки Е.С. Такайшвили, 1902 г. Фото И.Ф. Чистякова, 1903 г. (ФО. Нег. III 8499)

века (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 57; Такайшвили 1913: 14–15, 36–37, 50). В 1902 г. в имеретинском сел. Бори возле крепости Шоропани — Сарапанис были случайно обнаружены богатые погребения. Большую часть находок приобрел Эрмитаж. Е.С. Такайшвили обследовал местность и дал предварительную характеристику важнейшей находки — серебряной чаши с изображением коня перед алтарем с неизвестной надписью арамейским шрифтом. Он дал интерпретацию богатого погребального инвентаря. Погребенные принадлежали к местной знати, использовавшей греко-римские изделия (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 74). В 1903 г. по проекту Н.Я. Марра Е.С. Такайшвили собирает и проверяет армянские и грузинские надписи на древних памятниках (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 84).

В 1908 г. Е.С. Такайшвили спасает большую часть «Ахалгорийского клада» — инвентаря богатого погребения ахеменидского времени, который уже начали распродавать перекупщики (Смирнов 1934; Цитланадзе 1976). В этом же году, осмотрев находки металла в окрестностях Ахалкалаки, он выделил «кельтообразные» колхидо-кобанского типа топоры и впервые пришел к выводу о производстве их в местных мастерских.

Спустя три года гипотеза Е.С. Такайшвили нашла подтверждение при обнаружении В.А. Городцовым бронзолитейной мастерской в с. Цагвери. В 1909 г. в основанный Е.С. Такайшвили Музей Грузинского общества истории и этнографии поступило несколько медных топоров из Сачхере (Имеретия). Е.С. Такайшвили доследовал ограбленный курган в Сачхере и, собрав коллекцию металлических изделий и керамики, датировал курган «медным веком Кавказа», который мог предшествовать кобанской культуре. Предположение Е.С. Такайшвили подтвердилось, когда Б.А. Куфтин выделил ранние этапы медно-бронзовой индустрии Закавказья, опираясь в том числе и на его находки из могильника Сачхере (Куфтин 1940: 7–8). В 1910 г. в экспедиции по Западной Грузии Е.С. Такайшвили фиксирует случайные археологические находки, хранившиеся в церквах. Эти находки позволили ему отметить сходство культуры бронзового века Сванетии с кобанской (Гамкрелидзе 1977).

В середине 1880-х гг. ИАК поддерживала инициативы исследований Кавказа разного рода, в том числе и с целью художественной фиксации его памятников. В 1888 г. по заданию ИАК ущелье Большого Зеленчука посетил художник и археолог Д.М. Струков. Мнение о том, что он сопровождал епископа Ставропольского Владимира (Петрова, 1886–1889 гг.) в его поездке на место будущего Зеленчукского монастыря в 1886 г., судя по всему, не верно (Туаллагов 2015). Д.М. Струковым был собран очень ценный материал, представленный в виде рукописи «Сообщение о поездке 1888 г. на Кавказ для осмотра храмов на реке Большой Зеленчук близ Кабарды», таблиц и рисунков (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 87). Ценность графических материалов Д.М. Струкова состоит в том, что почти все им зафиксированное позже было уничтожено или сильно разрушено, хотя современные исследователи, признавая их значимость, считают, что к ним, как к «не обладающим абсолютной документальной достоверностью, следует относиться с крайней осторожностью» (Белецкий, Виноградов 2011: 68).

Позднее художник А.П. Эйснер в 1898 и 1900 гг. получил Открытый

Нижний Архыз. Общий вид местности древнего города Магас с храмами с восточной стороны, правый берег р. Большой Зеленчук. Акварель Д.М. Струкова (РО. Р-I. Оп. 1. Д. 339. Л. 9)

Вид курганов на берегу р. Малый Зеленчук; на другом берегу на горе вид старинной башни на Адиюхском городище. Акварель Д.М. Струкова (РО. Р-I. Оп. 1. Д. 339. Л. 56)

Сотрудники Этнографического отдела Русского музея А.А. Миллер (справа), К.К. Романов и К.З. Кафтарадзе среди группы манекенов в народных одеждах. Фотография из фонда К.К. Романова, до 1917 г. (ФО. Отп. О.1699-82)

лист для снятия копий со стенной церковной живописи в грузинских монастырях в Сенакском, Зугдидском, Озургетском и Шаропанском уездах Кутаисской губернии. Впоследствии ИАК вела переговоры о приобретении этих рисунков для своего архива (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 93; РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 156).

Еще одним исследователем Кавказа, сотрудничавшим с ИАК, был Александр Александрович Миллер (1875–1935) — хранитель Этнографического отделения Русского музея в Санкт-Петербурге, штабс-капитан запаса и военный инженер, который впоследствии стал директором этого музея (1918–1923 гг.), членом совета РГАК (1918 г.) и одним из основателей РАИМК (1919 г.) (о нем см.: Алекшин 2015; 2019; Григорьева, Лазаревская 2015; Дмитриев 2017).

В 1907 г. А.А. Миллер был командирован Комиссией в Сухумский округ и Черноморскую губернию для осмотра и исследования памятников (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 27). Комиссия выплатила ему 300 руб. командировочных, и в результате этой поездки был предоставлен подробный отчет о командировке (Там же. Л. 61–90). По словам А.А. Миллера, в Сухуми, на месте древней Диоскурии — Себастополиса, земляные работы открывают кладку на цементе, монеты греческие и римские, античные сосуды в большом количестве. Возможно, город располагается под водой, затопленный наступающим морем. Местный старожил В.И. Чернявский видел якобы под водой стены, башни и храмы. Раньше после сильных волнений на берег выбрасывало монеты и другие памятники древности. Собирать монеты

на берегу было одно время даже промыслом, за что городу платилась известная сумма. В других местах города найдены камень с латинской надписью, фундамент мола времени правления императора Адриана. У здания музыкального общества земляными работами открыта древняя кладка, связанная с фундаментом старой крепости. Здесь же, в саду Сочино Иоселиани открыт фундамент маленькой церкви, и в ней на месте алтаря — камень с изображением креста. При рытье колодца в саду дома Фроленко на глубине 3 м открыт водопровод из глиняных трубок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 27. Л. 62–63). В основании стен старой турецкой крепости видны древние фундаменты из крупных тесаных камней (Там же. Л. 63 — 63 об.).

А. А. Миллер отметил, что между реками Келасури и Ингури Цебельдинскую долину перегораживают древние стены с башнями, сложенные из булыжника на цементе. Общая протяженность древних стен более 179 км (Там же. Л. 64). В 32 км от Сухуми в долине Цебельды на горе Адаго обнаружен «укрепленный городок» (несколько рядов стен с башнями), а внутри стен развалины двух небольших одноапсидных храмов. В одном из них после разборки мусора на алтарной стене стали видны сохранившиеся фрески по штукатурке. При расчистке храма были найдены каменная резная капитель с гроздьями винограда, медный крест, кадильница с цепью, черепки поливных сосудов и осколки стеклянных сосудов с росписью. Храм был, видимо, крыт черепицей, обломки которой видны среди развалин. Местное армянское население сразу же стало почитать развалины храма: зажигать свечи и приносить жертвоприношения в виде петухов и куриных яиц. На кусты молящиеся вешали амулеты в виде лент и тряпок грубой материи (Там же. Л. 66). Здесь же под завалами земли видны фундаменты домов, яма с оцементированной цистерной для вина. У входа в крепость возвышается сторожевая башня с окном, в котором видна вся долина р. Кодори до моря на 37 км (Там же. Л. 67). Вершина предгорья окружена стенами (видимо, здесь располагалась цитадель). На вершине еще один храм, развалины дома и подземный ход к реке (Там же).

А. А. Миллер также писал, что в 21,3 км от г. Гудауты, у сел. Ачандара находится священная гора Дудрипш. Название общины «Ачандара» происходит от слова «ацан» — карлик. Так по преданию назывались предшественники абхазов на Западном Кавказе, которым приписывали сооружение дольменов и циклопических оград из крупных камней — «ацангуаров» — «ограды карликов». На вершине горы Дудрипш находилась гробница святого. Там же был зафиксирован камень с изображением Богоматери. Перед этим камнем приносили в жертву быков. Жертвенное место — холм с группой высоких грабов был связан со священной рощей. Почитание деревьев на побережье оказывалось очень древним явлением. Воспоминание об этом обычае, писал А. А. Миллер, сохранилось лишь в Ачандарской общине, где до сих пор в священной роще на горе Дудрипш приносят жертвы, молятся и присягают. На одном из деревьев можно видеть остатки старых жертвоприношений: секиру с золотой насечкой, шлем и другие металлические предметы. На вершине горы фиксировались развалины древнего христианского храма. Народное предание говорит о том, что здесь известна и икона Богоматери,

вросшая в дерево или в камень. Само название «святилища» — «Анипсныха Дудрипш» — в переводе значит «Богородица, что на Дудрипше». Очень вероятно, что древний храм на горе был освящен во имя Богородицы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 34. Л. 27).

Археологические работы были осуществлены А. А. Миллером и в г. Гагры и окрестностях. При проведении водопровода здесь обнаружено женское погребение с золотой диадемой и монетами. Находчики передали вещи в городскую климатическую станцию. В сел. Пиленково им были обнаружены развалины храма. В другом селении, Веселое, крестьянин Лизунов нашел и передал властям железный меч и серебряную крестообразную фибулу с камнем в золотой оправе. А. А. Спицын относил фибулу к V в. н. э (Спицын 1907). В шурфе, заложенном в этом селе А. А. Миллером, не было найдено человеческих костей, но одни только лежащие в беспорядке вещи: наконечник копья, нож, наконечник стрелы, серебряная пряжка, серебряная прорезная бляшка. Здесь же, в сел. Веселом, на поляне в сторону моря был зафиксирован большой холм с развалинами храма. На поверхности холма встречались обломки кирпичей и черепицы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 27. Л. 72 — 72 об.).

Возле г. Туапсе был найден дольмен, перекопанный местными жителями в поисках денег. Между щебнем и плитами фиксировались выброшенные грабителями человеческие кости. Перед дольменом лежала каменная пробка (Там же. Л. 73). Дольмены располагались по рекам Аше, Шахе, близ сел. Лазаревское, в Красноалександровском ауле, как на вершинах холмов, так и в долинах, у берегов рек. Большинство построек было составлено из каменных плит и перекрыто каменной плитой. Также были обнаружены дольмены, высеченные в скале и сверху накрытые плитой. Дольмен на р. Куоте, в 42,5 км от Туапсе, был высечен в скале, и лишь часть скалы была обработана. Наконец, дольмен в ущелье р. Годлик целиком сделан в скале. Круглое отверстие вело в камеру овальной формы. Большинство дольменов к моменту исследования А. А. Миллера оказалось разбито, а погребения уничтожены. Исследователь также сообщает об оригинальном способе использования дольменов, о котором другими наблюдателями не упоминалось. По его словам, во времена черкесского владычества на побережье дольмены часто использовались как тюрьмы, судя по нередким случаям находок в них кандалов и колодок. Уцелевшими дольменами, по словам А. А. Миллера, пользуются охотники для ночлега. В 9,5 км от г. Туапсе в урочище Холодная балка исследователь зафиксировал остатки черкесского аула, выше которого располагались могильники из небольших курганов с каменными набросками. Многие курганы были уже разрушены. А. А. Миллер раскопал курган высотой 0,5 м и диаметром 4 м. Вокруг могилы было сооружено кольцо из камней (Там же. Л. 74). В кургане открыли кости ребенка. Однако работу пришлось приостановить, поскольку глинистая почва была необыкновенно твердой. Исследования проводились А. А. Миллером и в других местах. В 4 км от станицы Ново-Михайловской, в имении В. М. Бескровной, при планировании местности было найдено множество предметов старины, например, обломок мраморной плиты с ранней византийской посвятительной надписью. Найдены также серебряный

браслет и серебряные флакончики для духов с изображением женской фигуры с кувшином. На даче Бескровной были открыты также черкесские могилы с кувшинами, саблями и наконечниками стрел. На мысу над морем находились развалины древних построек. Мыс по бокам был окружен стенами из тесаных камней. В обрыв к морю выходит подземный ход. Местность эта называлась у черкесов Дузу-Кале. Несомненно, название только приурочено к крепости гораздо более древней, видимо, еще ранневизантийской поры. Одновременно на даче аптекаря Фронберга были открыты погребения, в которых найдены оружие, утварь, скелеты лошадей с уздой и стременами. Для этих могильников характерны длинные сабли и крупные наконечники копий с выступами по краям у основания пера.

А. А. Миллер проверял и иную поступавшую к нему информацию. В долине р. Агой, у сел. Карповка, в 13 км от г. Туапсе и в 5,3 км от моря местные жители стали находить древние вещи и продавать их в Туапсе. Большинство находок сделано при рытье канавы вдоль улицы: украшения, бронзовые браслеты, сабли, сосуды. В окрестностях селения были зафиксированы небольшие каменные курганы, давшие находки сабель, трубок, кресал. Выбрав место с более благоприятной почвой, А. А. Миллер раскопал в могильнике 24 погребения. В ямах глубиной 45–80 см лежали скелеты на спине головой на юго-восток. Могильник был грунтовым, а поскольку оградок из камней не существовало, пришлось раскапывать большую площадь, чтобы обнаружить могилы. В погребениях оказалось много оружия: ножи, кинжалы с боковыми выступами, копья легкие и тяжелые, особой формы удила, стрелы железные с тремя выступами, браслеты бронзовые, серебряная фибула, серебряный наборный пояс с орнаментом, янтарные бусы и бусы из раковин (Там же. Л. 83–84). В облике инвентаря прослеживаются связи населения, оставившего этот могильник, с Закавказьем, конкретно — с Лазикой.

В нескольких километрах от г. Сочи, на берегу моря находилось древнее укрепление, известное у русских поселенцев под названием «Город Мамай». Стены крепости находились под углом к круглой башне, а у моря оба конца стен оканчивались бастионами (Там же. Л. 90 об.). Это укрепление повторяло в деталях крепость близ р. Годлик. К отчету А. А. Миллера прилагается альбом с рисунками, чертежами и фотографиями (Там же. Л. 91–93). Часть рисунков и фотографий была обнаружена в архиве М. И. Артамонова после его смерти и вшита в дело. Однако глазомерный план Мамайской крепости, упомянутый в описи иллюстраций к делу А. А. Миллера, так и не был возвращен в архив, хотя он опубликован Ю. Н. Вороновым (Воронов 1979: 80, рис. 42: 7).

В 1908 г. Миллер получил Открытый лист на раскопки памятников в области Войска Донского, Таврической губернии и Черноморской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 34), предоставив впоследствии в ИАК отчет о командировке на Черноморское побережье Кавказа для ознакомления с памятниками старины, особенно с могилами, известными Комиссии по случайным находкам (Там же. Л. 25–54). Здесь А. А. Миллер отмечает, что побережье четко делится на северную и южную части как в климатическом, так и в историческом, археологическом и этнографическом отношениях. Границей можно считать середину расстояния между городами

Адлер и Сочи. Южная часть характеризуется остатками капитальных построек: церквей, башен, крепостей и почти полным отсутствием древних погребений. По мнению А.А. Миллера, это связано с распространенным у абхазов с древности обычаем не предавать покойников земле, а выставлять их на помостах или на деревьях (Там же. Л. 25). Северная часть побережья (древняя Зихия) отличается большим количеством могильников, многочисленными дольменами и почти полным отсутствием монументальных сооружений. Примечательно, что севернее Адлера проходила в VIII–X вв. граница Абхазского царства (Воронов 1979: 102). Еще и сегодня абхазы называют черкесов «зуху».

А.А. Миллер разделил черкесские погребения на несколько основных типов. Он считал наиболее древними могилы без каменных конструкций и без насыпей (грунтовый могильник в сел. Карповка). Позднее были совершены погребения без насыпей, с каменными конструкциями (погребения в имении Дузу и на даче Фронберга). Подкурганные черкесские могилы А.А. Миллер датировал XVII–XVIII вв. По его словам, курганные погребения практиковались даже после распространения ислама, поскольку возле некоторых курганов вкопаны вертикальные каменные столбы с изображением чалмы наверху. Кроме того, в курганах нередко находят предметы огнестрельного оружия (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 34. Л. 29). В 1909 г. А.А. Миллер по поручению ИАК доследовал четыре кургана в разрушающемся могильнике в окрестностях пос. Солнцедар (современный г. Геленджик) в Черноморской губернии. Коллекция поступила в Русский музей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 40). В 1912 г. А.А. Миллер вновь получил Открытый лист и 500 руб. на исследования территории Войска Донского и Черноморской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 158). В конце 1912 г. ИАК запросила у исследователя отчет для публикации, однако тот смог представить отчет о раскопках городища в станице Елизаветовской только 24 августа 1915 г.

Одним из постоянных сотрудников ИАК на Северном Кавказе был секретарь Статистического комитета Кубанской области Евгений Дмитриевич Фелицын (1848–1903) (о нем: Шамрай 1907; см. также главу III), который главным делом своей жизни считал изучение древностей Кавказа и их сохранение. Е.Д. Фелицын много лет собирал материалы для археологической карты Северо-Западного Кавказа. Составив опросные листы и распространив их по станицам, он обязал приставов и старшин присылать сведения о памятниках археологии и о случайных находках древностей. Его собственные разведки и раскопки помогли пополнить информацию о памятниках археологии на Западном Кавказе. Особое внимание Е.Д. Фелицын уделял мало известным общественности мегалитическим памятникам Кавказа — дольменам. Е.Д. Фелицын нанес на карту, описал, обследовал и сфотографировал сотни дольменов с 1878 по 1886 г. Им предложено типологическое подразделение этих памятников.

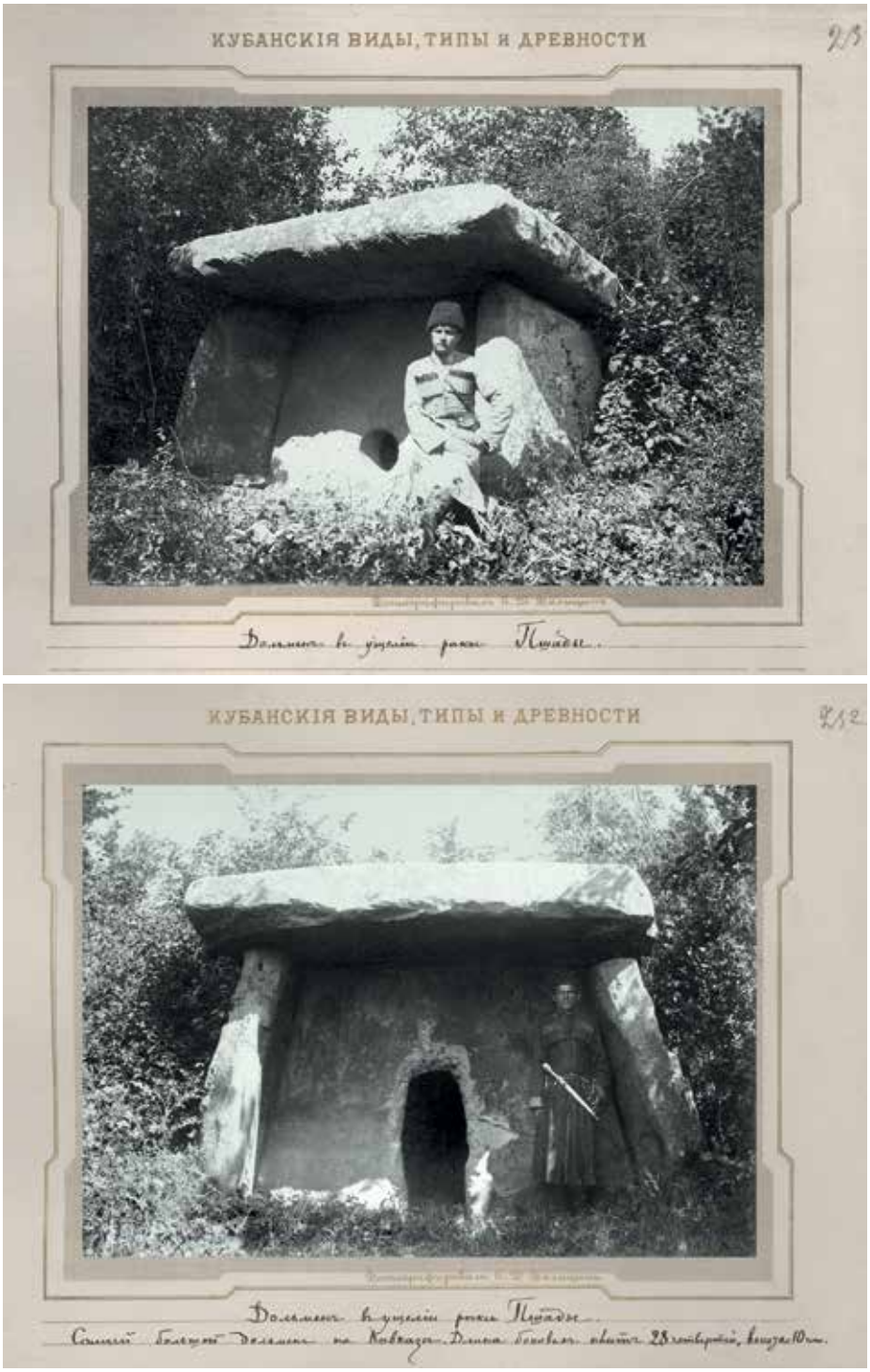
Опираясь на результаты собственных раскопок памятников, давших находки железных предметов и античную монету — «Боспорского царя Рискупориса», что неудивительно, если учесть, что дольмены много веков использовались для совершения впускных погребений, — Е.Д. Фелицын посчитал возможным датировать дольмены периодом

Евгений Дмитриевич Фелицын (по: Щербина 2014: 405)

«первых веков по Рождестве Христовом». Монография Е. Д. Фелицына о кавказских дольменах была опубликована уже после его кончины в 1904 г. в IX томе «Материалов по археологии Кавказа», издаваемых Московским археологическим обществом (Фелицын 1904). Несколько раньше мегалитические памятники мира были описаны и проанализированы в статьях графа А. С. Уварова (Уваров 1876; 1887).

Сотрудничество ИАК с Е. Д. Фелицыным началось в 1886 г., когда он направил в Комиссию письмо с предложением издать карту древностей «Черкесии», включающей местность от Эльбруса до Черноморья, ограниченную левым берегом Кубани, «в том виде, в каком она была до покорения русскими» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 16. Л. 1–2, 10–11) (см. главу II). Кроме древностей на карту были нанесены названия рек, гор, урочищ, собранные у горцев. «Карта моя, — писал Е. Д. Фелицын, — должна представлять собой наглядную историю края. Издание ее… важно в том отношении, что собранные мною сведения могут навсегда и бесследно погибнуть для науки без всякой надежды на восстановление их когда-либо потому собственно, что главный и наиболее ценный источник этих сведений — горцы — исчезают с лица земли с поразительной быстротой, и в скором времени от этого народа не останется никаких воспоминаний, а между тем в их языке, преданиях и названиях местностей и урочищ кроется масса любопытнейших фактов для истории нашего края. То, что сделал я, никто другой сделать уже не сможет, вот почему мне бы и хотелось издать свой труд под личным моим наблюдением, так как никто другой не в состоянии будет располагать таким запасом сведений, каким удалось запастись мне для этого серьезного и кропотливого труда». Автор выдвинул Комиссии три условия: 1) посвятить издаваемый труд имени С. А. Шереметева; 2) издавать «под личным наблюдением (автора. — *Авт.*) и притом в Тифлисе, где имеются готовые камни (типографские матрицы. — *Авт.*) с основными контурами местности, и где я уже заручился согласием на отгравирование новых камней и печатание карты по самой уменьшенной цене»; 3) чтобы в распоряжение автора было предоставлено 100 экземпляров (см. об этом в: РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 16).

Требования автора в пунктах 2–3 показались Комиссии чрезмерными, и ИАК отказала в субсидировании издания карты, сославшись на нехватку денежных средств и на то, что в карте был приведен слишком разнородный этнографический материал. Комиссия обещала снова рассмотреть этот вопрос, если в карте останется только археологический материал: курганы,



Фотографии дольменов из отчета Е.Д. Фелицына с личными подписями автора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886. Д. 16. Л. 234, 232)

городища, дольмены и т. д. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 16. Л. 17). В итоге карта Е. Д. Фелицына была издана в Москве в переработанном виде гораздо позже. Однако сотрудничество исследователя с Петербургом не прекратилось. В 80-е гг. XIX в. Е. Д. Фелицын производил раскопки меотских могильников в нижнем течении Кубани. В 1888 г. на средства ИАК он раскопал у станицы Крымской известный курган Карагодеуашх (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894) (подробнее см. главу III). Масштаб деятельности Е. Д. Фелицына поразил столичных ученых, организаторов Московской антропологической выставки (1879 г.): они были удивлены, узнав, что все коллекции раздела по археологии Кубани собраны и подготовлены одним человеком — Е. Д. Фелицыным. Материалы его коллекций легли в основу собрания основанного им Кубанского музея.

Иначе складывалось изучение древностей Армении трудами ИАК. Доцент Петербургского университета Н. Я. Марр, ставший в 1907 г. членом-корреспондентом ИАК, проводил археологические исследования в Карской, Кутаисской, Черноморской и Эриванской губерниях в 1887, 1889, 1892, 1893, 1899–1917 гг. В 1889 г. ИАК поручила Н. Я. Марру провести разведочные раскопки для поиска древних городов Арташата или Двина, расположенных, по данным армянских летописей, севернее Аракса в Эчмиадзинском и Эриванском уездах. Н. Я. Марр заложил раскопы у сел. Арташат на холме с цитаделью (Вышгородом) и в районе стен нижней крепости. Своими раскопками Н. Я. Марр привлек внимание верховного архимандрита Эчмиадзинского монастыря Хачика (Дадяна), которому в 1907 г. удалось установить, что развалины у сел. Арташат являются остатками средневековой столицы Армении — Двина (ср.: Баликян, Оганесян 1984).

Хачик (Дадян) в 1900 г. произвел раскопки в монастырском имении, предоставив рукописный отчет об исследованиях церквей св. Григория, Звортноц и описание Эчмиадзинского монастыря (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 81). В 1901 и в 1903 гг. архимандрит продолжил раскопки на землях Эчмиадзина (Там же), собрал большое количество надписей и описания храмов IV–X вв. Он обратился к Н. Я. Марру с просьбой о переводе: «...если только Проф. Марр в состоянии будет перевести эти исторические описания, то я себя буду считать самым счастливым человеком» (см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 73. Л. 4). Его трудами был выявлен первый византийский храм на южном Кавказе.

Впоследствии Хачик (Дадян) просил Комиссию прислать ему специалиста-археолога для консультаций по методике раскопок и для перевода текстов древних надписей. Архимандрит занимался трудоемкой и кропотливой расчисткой древних храмов и составлял проекты их реставрации. В частности, им был представлен план реставрации круглого храма с гробницей св. Григория. В 1903 г. в присутствии Н. Я. Марра в центре храма был открыт баптистерий и крипта под алтарем. В отчете представлена фотокопия чертежа круглого храма (Там же. Л. 7–8). Хачик (Дадян) сетует, что не смог завершить очистку храма от мусора, поскольку рабочие боялись выходить из домов: «...без исключения всех арестовали... наш край был на военном положении» (Там же. Л. 9). Здесь речь идет, видимо, о волнениях 1903–1905 гг.

Звартноц. Вид развалин. Раскопки архимандрита Хачика (Дадяна), 1900 г. (ФО. Отп. О. 468-19)

в Закавказье. Впоследствии он действительно был интернирован во внутренние губернии России.

В 1904 г. архимандрит Хачик (Дадян) раскапывал могилы в местности Вагаршапат, в Двине и Ани, в Эриванской губернии и Карской области. В письме в ИАК Хачик (Дадян) сообщает, что из-за отсутствия средств не может прибыть в Санкт-Петербург: «Бог даст, расчищу мусор в окрестностях круглого храма, составлю реставрацию храма и построек, а потом приеду, взяв с собою все материалы, указания мест раскопок, фотографические снимки реставрации, прочту Комиссии свои результаты». Далее он пишет, что для завершения реставрации храма намерен произвести розыск в развалинах двинских и анийских храмов и могилы св. Григория. Храм св. Григория в Ани построен по образцу раскопанного храма — таких же размеров и архитектуры. Если Комиссия окажет помощь, то она окажет большие услуги для истории архитектуры VII столетия (Там же. Л. 20). В 1907 г. Хачик (Дадян) получил Открытый лист для раскопок развалин средневековых построек в Армавире, Вагаршапате, Двине и Гарни в Эчмиадзинском и Эриванском уездах Эриванской губернии. Однако в Архиве Комиссии, к сожалению, нет никаких материалов этих исследований (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 40. Л. 3).

Все же главная заслуга в изучении памятников Армении в рамках деятельности ИАК принадлежит Николаю Яковлевичу Марру. В 1893 г. Николай Яковлевич, тогда приват-доцент

Инвентарь погребений. Ворнакский могильник. Эриванская губерния. Раскопки Н.Я. Марра, 1893 г. (ФО. Отп. Q 396-33)

Санкт-Петербургского университета, обследовал древние могильники и циклопические крепости на горе Арагац, где открыл погребения ранней бронзы, а в могильнике у сел. Кафтарлу обнаружил расписные сосуды эпохи средней бронзы. В том же году Н.Я. Марр подготовил свой «План археологических изысканий», а также раскопал множество каменных ящиков в Ворнакском могильнике (современное название Акнер). В могилах V–IV вв. до н. э. были найдены мечи, кинжалы, копья, скифская стрела, булавки, керамика, украшения (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 61).

Основными объектами деятельности Н.Я. Марра являлись древние и средневековые города, крепости, храмы и монастыри (Ани, Армавир, Двин и др.). В 1899 г. Н.Я. Марр получил Открытый лист на раскопки в Эриванском

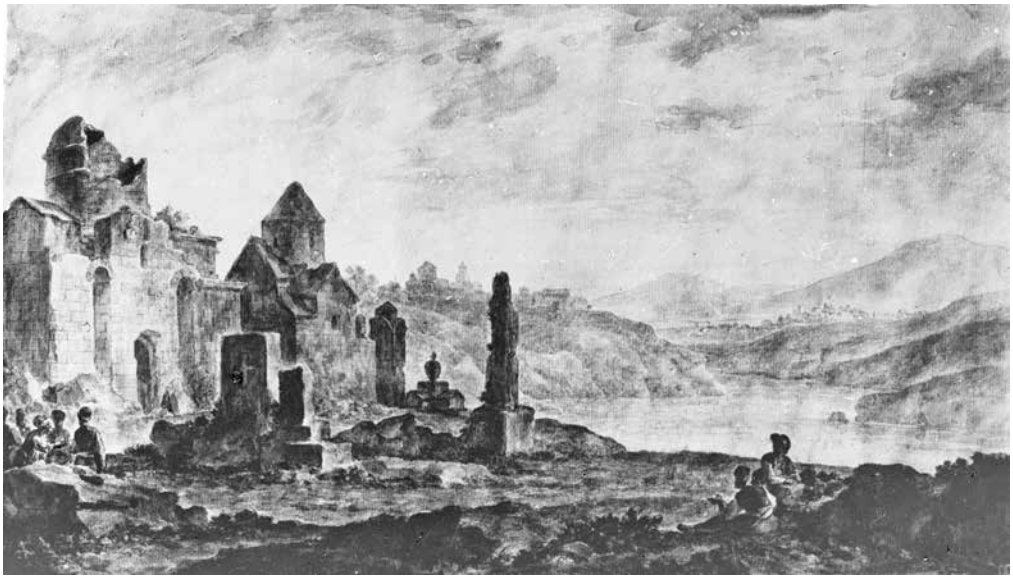
Инвентарь погребений. Ворнакский могильник. Эриванская губерния. Раскопки Н. Я. Марра, 1893 г. Фото И.Ф. Чистякова, 1897 г. (ФО. Отп. Q 328-12)

уезде, предоставив в Комиссию отчет под заглавием «Поездка Марра в 1899 г. в г. Двин для разведочных раскопок и Дневник», а также план «крепости» развалин древнего армянского города, по предположению Двина или Ардашара, опись и фотографии находок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 119). Раскопки древней армянской столицы Ани начаты Н. Я. Марром в 1892 г. и продолжались в 1893 и в 1904–1917 гг. В 1892 г. работы в Ани длились месяц. В этом году Н. Я. Марр провел также разведочные раскопки в Армавире и обследовал древние могильники и циклопические крепости на горе Арагац (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 61).

Именно исследование Ани стало главным предприятием ИАК на Кавказе. Средневековая столица Армении располагалась на правом берегу р. Ахурян (сегодня Турция, вилайет Карс). Ани был известен как средневековый город в V–XVI вв. В 961–1045 гг. он являлся столицей царства династии Багратидов. Город имел крепостную часть — Вышгород и нижнюю часть. Торговая часть состояла из нескольких специализированных кварталов купцов и ремесленников. По преданию, в Ани была 1001 церковь. Архитектурными доминантами Ани являлись три храма: 4-столпный крестово-купольный собор Богоматери (989–1001 гг.), круглая в плане церковь св. Григория (1001–1020 гг.) и церковь свв. апостолов (начало XI в.). Дворцы и монументальные постройки украшали город. Был построен водопровод, доставлявший воду из чистых источников. Посад был окружен двойным рядом каменных стен, в которых было 80 башен, 11 ворот и 3 калитки. Общая площадь города превышала 150 га.

После разрушительного землетрясения 1319 г. город постепенно пришел в упадок и в XVI в. упоминается в летописях уже только как деревня. На развалинах Ани побывало множество путешественников. Во время похода графа В. А. Зубова в Закавказье (1796 г.) Ани посетил художник М. М. Иванов: альбом с запечатленным им видом Ани хранится в Государственном Эрмитаже. В 1846 г. в Ани побывал Н. Я. Муравьев, описавший развалины древнего города в книге «Грузия и Армения»: «Армянская пальмира красовалась вдали сонмом своих храмов и мечетей, минаретов и бойниц, как будто люди еще не покинули ее на жертву времени...» (Муравьев 1848).

Раскопки Ани были начаты по инициативе и на средства ИАК, а затем субсидировались также армянскими общественными организациями (см. об этом предприятии: Pravilova 2016). Работы 1893 г. длились месяц. Раскопки были проведены в трех местах: около церкви Спасителя, у восточной стены Анийского собора, у церкви св. Стефана. Были обнаружены также квартал бедных домов и общественные бани (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 119). Наряду с работами в Ани Н. Я. Марр предпринял экскурсии для ознакомления с окрестностями. В том же году он открыл древнейшую стену и более точно определил границы древней части города. Был обнаружен фундамент церкви — упрощенной базилики. Исследователь пришел к выводу, что древнейший тип армянских церквей имел форму креста без пристроек по углам. Был предпринят осмотр памятников в Карской области и Тифлисской губернии, обнаружены развалины множества церквей и монастырей с заметными чертами слияния грузинского и армянского стилей. Н. Я. Марр вывез из поездки до 160 фотоснимков. Раскопки были прерваны, поскольку



Вид развалин Ани. Акварель художника М. М. Иванова. Фото И. Ф. Чистякова, 1910-е гг. (ФО. Нег. I 26203)

Ани. Церковь Спасителя после ремонта (ФО. Нег. II 43004)

«Крестный камень» — хачкар близ Ани с двумя фигурами с копьями и надписью. Фото Я. И. Смирнова, 1911 г. (ФО. Отп. Q 470-28)

Н.Я. Марр считал нежелательным вывоз из города археологических находок. Лишь в 1904 г., когда были получены средства для приспособления под музей мечети Мануче, работы продолжились (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 79. Л. 262).

В 1904 г. в Ани были открыты линии крепостных стен X в., сооруженных царем Ашотом III Милостивым. В 1905–1906 гг. здесь были раскопаны остатки церкви св. Григория (круглой в плане), или Гагикова храма, сооруженного зодчим Трдатом по повелению царя Гагика. Верность реконструкции храма, проведенной архитектором Торосом Тораманяном (см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 79), подтверждается найденной в развалинах каменной моделью храма. Здесь была обнаружена также двухметровая каменная статуя царя Гагика, который держит в руках модель храма.

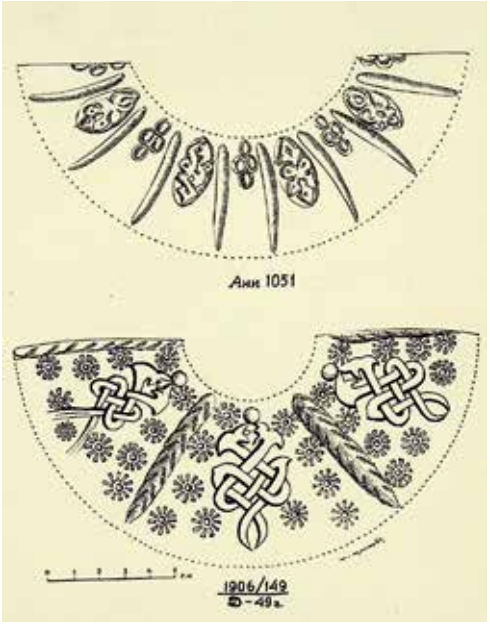
В 1907–1908 гг. основные работы велись в Вышгороде, где раскапывался дворец. На стенах дворца сохранилась штукатурка с фресковой живописью и следы деревянных панелей. Во дворце располагалась баня, куда по глиняным и железным трубам подавалась горячая и холодная вода. Возле церкви свв. Апостолов обнаружена гостиница (караван-сарай) XII–XIII вв. В 1909 г. исследовалась церковь свв. апостолов. Были раскопаны древние улицы в Вышгороде. В 1910–1911 гг. раскопки проводились в новом городе — между Ашотовыми и Смбатовыми стенами. Была исследована главная улица, ведущая от Ашотовых стен до Главных ворот (на которых высечен армянский перевод текста ярлыка монгольского хана о предоставлении городу автономных прав во внутренних делах). В этих сезонах были найдены остатки городского водопровода, частных домов, мастерских и множество надписей. Интересна церковь свт. Григория Просветителя, построенная по заказу купца Тиграна Оненца в 1215 г. и украшенная скульптурными изображениями зверей на фоне растительного орнамента. На куполе церкви сохранились фрески со сценами из жития свт. Григория.

Уникальным по своим масштабам являлся так называемый подземный город с вырубленными в скалах жилыми пещерами, церквами и усыпальницами. В 1911–1917 гг. Анийская экспедиция исследовала различные части города. Были открыты развалины церквей, мечетей, дворцов, караван-сараев, улицы, древние кладбища и др. При раскопках Ани был получен огромный археологический материал: керамическая, фарфоровая, стеклянная посуда, изделия из металла, в том числе лампады, кресты, мощехранилища. Здесь представлены каменные гири и ремесленные инструменты. Однако судьба материалов Анийской экспедиции оказалась драматичной. Во время Первой мировой войны, из-за угрозы захвата Ани турками, наиболее ценные вещи были вывезены в Петроград, а в 1917 г. их решили перевезти в Тифлис. По пути, на Северном Кавказе, вагоны с находками бесследно исчезли, и о судьбе их ничего не известно. Незначительную часть вещей, спрятанную сотрудниками музея в горах, позже удалось перевезти в Ереван. Музей же в Ани вместе с оставшимися коллекциями был частично уничтожен при захвате города турками.

Огромная заслуга в исследовании Ани принадлежала непосредственно руководителю экспедиции Н.Я. Марру. Исследования проводились на высоком для своего времени научном уровне. Здесь трудились Я.И. Смирнов, В.В. Бартольд, Т.А. Тораманян,

Ани. Статуя царя Гагика I (990–1021 гг.) в Анийском музее. Фото Н. Я. Марра, 1906 г. (ФО. Отп. Q 473-16)

Ани. Вышгород. Раскопки во дворце. Фото Н. Я. Марра, 1900-е гг. (ФО. Нег. I 26226)

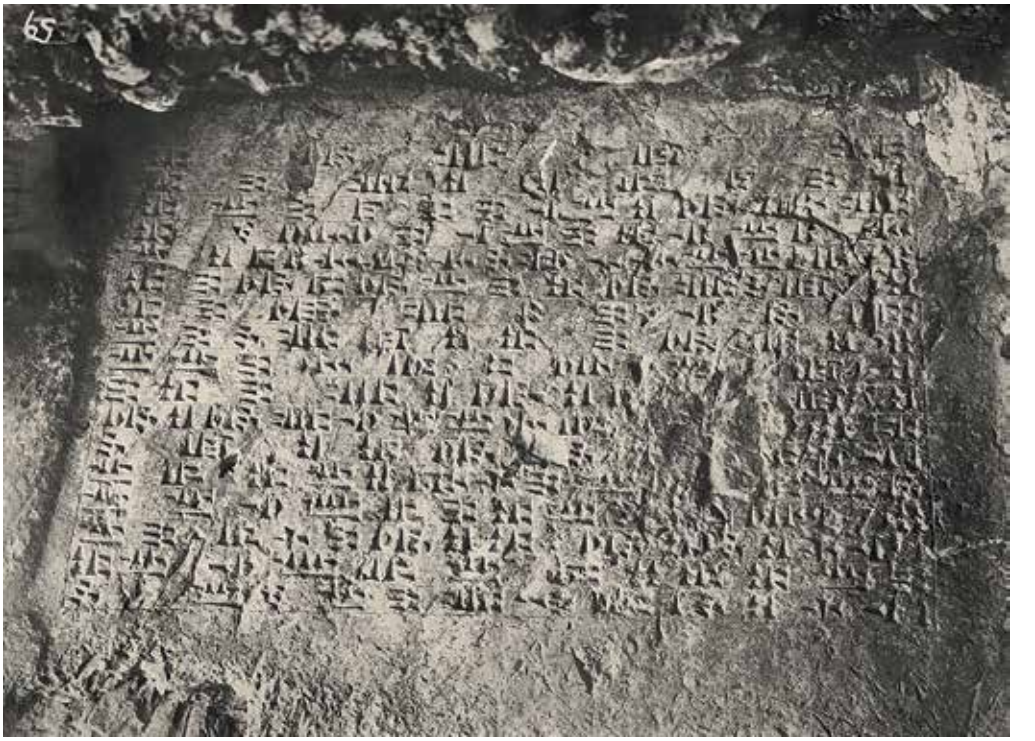


Орнаментированные сосуды из Ани и Двина. Прорисовка орнамента (ФО. Нег. II 65870)

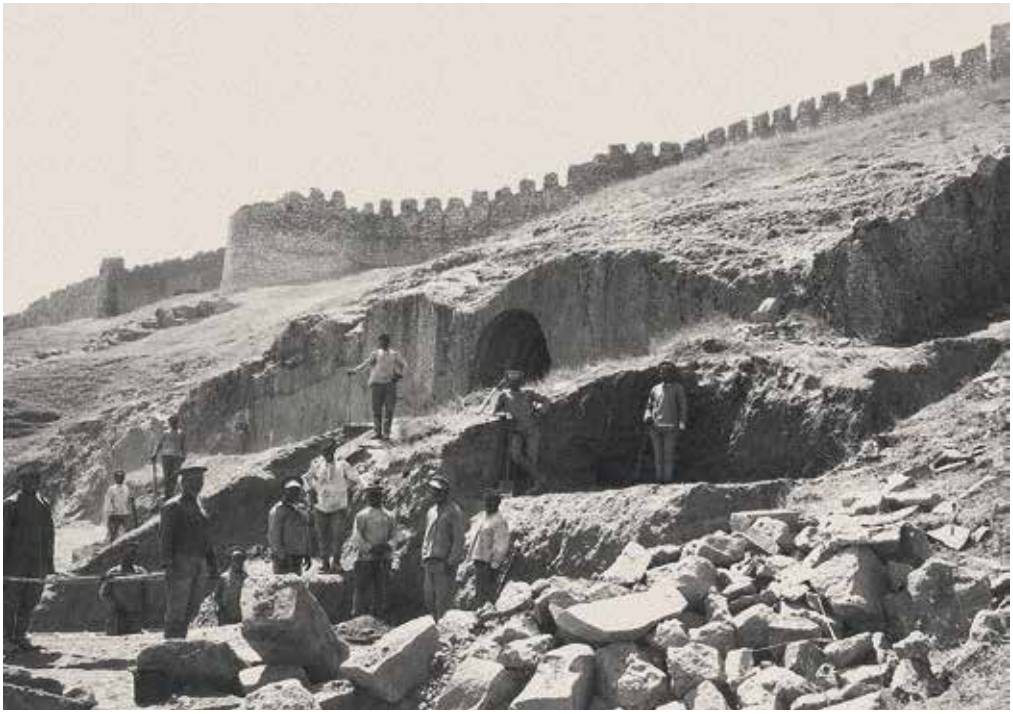
студентами начинали научную деятельность И. А. Орбели, А. А. Калантар, Г. А. Капанцян, Д. А. Кипшидзе, Н. М. Токарский и др. На базе экспедиции вырос Анийский археологический институт — первое научно-исследовательское учреждение на территории Армении, сыгравшее важную роль в развитии кавказоведения. Впоследствии он послужил основой для появления в Тифлисе Кавказского историко-археологического института (1917 г.), от которого ведут свое происхождение все ныне действующие научные учреждения Закавказья.

Интересы Н. Я. Марра и представляемой им на Кавказе Археологической комиссии не ограничились этими памятниками. В 1911 г. Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов предприняли поездку в Гегамские горы и обследовали в нескольких местностях (Аждага-юрт,

Армения. Поездка Н. Я. Марра и Я. И. Смирнова на Гегамские горы в 1911 г.
Вид вишапа после расчистки. Стоит Н. Я. Марр. Фото Я. И. Смирнова (ФО. Отп. Q 560-45)



Ван. Турция. Халдская надпись на скале. Фото А. М. Вруйра. 1916 г. (ФО. Отп. Q 469-25)



Ван. Турция. Вид цитадели и раскопок на склоне Ванской скалы с северо-запада. Фото И. А. Орбели, 1916 г. (ФО. Отп. Q 470-33)

Тохмахан-Гель, Имирзех) каменные изваяния-вишапы в форме рыб или четырехгранных стел. На стелах были вырезаны изображения шкур буйволов с головой и ногами (символические жертвоприношения). По мнению исследователей, вишапы связаны с культом воды и плодородия. А в 1913 г. в Баш-Шурагале Н. Я. Марр раскопал катакомбные погребения, которые позднее станут хорошо известными по работам Т. С. Хачатряна в Артикском могильнике (ср.: Хачатрян 1979).

Менее значителен вклад ИАК в изучение Урарту. Клинописные надписи из Закавказья были впервые опубликованы известным русским ассириологом М. В. Никольским, членом Московского археологического общества, в 1862 г. В 1893 г. М. В. Никольский посетил Армению вместе с А. А. Ивановским. Исследователи впервые обратили внимание на холм Арин-берд около Еревана, где позднее была открыта крепость Эребуни, давшая название современной столице Армении. Исследования Ванского царства (Урарту) были признаны важной задачей российской востоковедческой науки. Впоследствии значимую роль в этих исследованиях сыграло РАО. В 1911–1912 гг. по поручению Восточного отделения РАО Ван посетил И. А. Орбели и осмотрел урартские клинописные надписи.

В 1914 г. на заседании Восточного отделения РАО вновь обсуждался вопрос об исследованиях урартской культуры, в частности о необходимости проведения раскопок на Топрахкале. Первая мировая война приостановила эти планы. Только в 1915–1917 гг., когда русские войска заняли

Ван. Турция. Вид западной ниши со стелой Сардура II. Фото И. А. Орбели, 1916 г. (ФО. Отп. Q 471-4)

Гарни. Праздник, устроенный Н. Я. Марром для рабочих, участвовавших в раскопках: канатоходец. Фото Н. Я. Марра, 1910 г. (ФО. Отп. Q 470-23)

некоторые районы Западной Армении, Н. Я. Марр совместно с И. А. Орбели осуществили давно задуманные ими раскопки урартских памятников в Ване. В состав экспедиции входили Н. Я. Марр, И. А. Орбели, архитектор П. Е. Кнегницкий и фотограф А. М. Вруйр (Гущян 2017).

Н. Я. Марр производил раскопки на Топрах-кале, где в 1898 г. работала германская экспедиция под руководством австрийского историка Карла Леманн-Гаупта (Lehmann-Haupt 1910). Было подтверждено предположение немецких исследователей, что крепость Топрах-кале погибла в результате пожара. Памятник был сильно разрушен, поскольку после немецких раскопок его «оккупировали» кладоискатели и полностью перекопали весь холм.

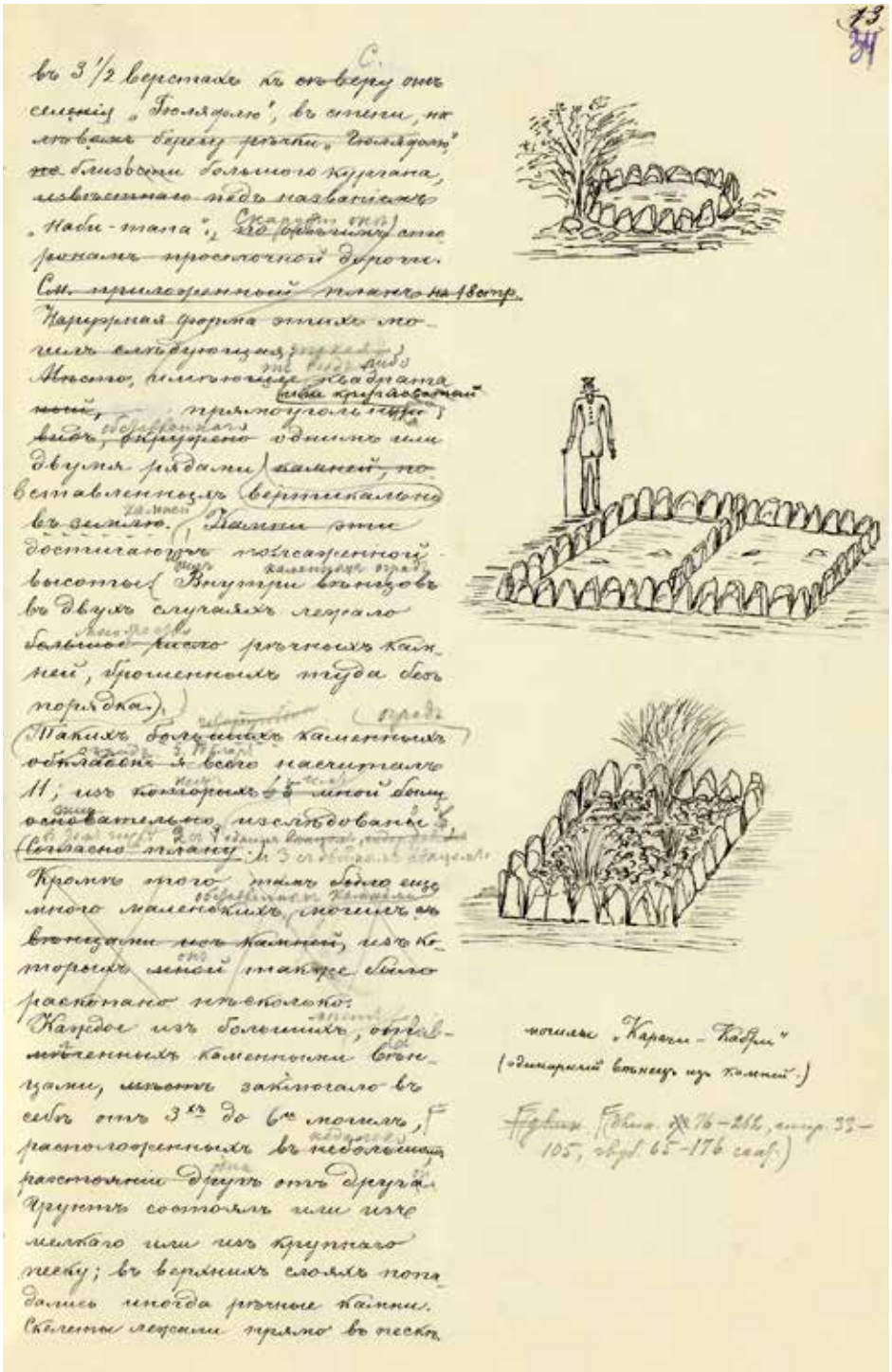
И. А. Орбели обследовал Ванскую скалу с цитаделью. Здесь он расчистил две каменные ниши, «дверь сокровищницы», за которыми, по преданию, находилось помещение, наполненное золотом и драгоценными камнями. В первой нише Орбели обнаружил стелу с истинным «сокровищем» — клинописной надписью, которая оказалась летописью урартского царя Сардура, сына Аргишти. Во второй нише были установлены стелы с победными надписями урартских царей (Марр, Орбели 1922). Кроме РАО и ИАК в их изучении принимала участие и Академия наук. Зимой 1915/16 гг. по поручению Академии в Западную Армению для регистрации и охраны памятников приехали хранители Кавказского музея С. В. Тер-Аветисян и А. Н. Казаков, собравшие и доставившие в Кавказский музей 20 урартских

Гарни. Архитектурные фрагменты, среди них орнаментированная плита антаблемента. Фото Н. Я. Марра, 1910 г. (ФО. Отп. Q 470-20)

клинообразных надписей и множество эстампажей и фотографий надписей.

Археологическая комиссия была связана и с изучением Гарни. Первые археологические работы в Гарни были проведены в 1907–1908 гг., когда по поручению ИАК уже упоминавшийся архимандрит Хачик (Дадян) произвел расчистку ворот крепости и фиксацию лежащих на поверхности камней (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 40). В 1909 г. к исследованиям ИАК в Гарни присоединилось РАО. Руководил экспедицией Н. Я. Марр, в работе принимали участие Я. И. Смирнов, К. К. Романов и фотограф Н. Н. Тихонов. В 1909–1911 гг. здесь были расчищены развалины храма, проведена топографическая съемка местности и классификация архитектурных остатков. В 1911 г. за недостатком средств раскопки пришлось прервать. В то же время на заседаниях РАО и ИАК поднимались вопросы о необходимости охраны этого памятника. Было выдвинуто предложение о включении территории города в число казенных земель и о постройке ограды вокруг развалин. Записка была передана наместнику Кавказа. Для охраны памятника Комиссией был нанят сторож. Предварительные итоги работы экспедиции Н. Я. Марра были подведены в 1911 г. в «Известиях ИАК», однако материалы обмеров и чертежи были опубликованы только в 1933 г. Н. Буниятовым (Буниятов 1933).

Еще одним исследователем Армении, труды которого были поддержаны ИАК, был Эмиль Александрович Реслер, член-корреспондент ИАК,



Погребения с каменными обкладками. Лист из отчета о раскопках Э. А. Реслера в Шуше в 1896 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 36. Л. 34)

Бронзовая подвеска в виде птички и короткий «цилиндрик» с отверстиями из курганов в м. Ходжалы, Шушинский уезд, Елизаветпольская губерния. Раскопки Э. А. Реслера. Фото И. Ф. Чистякова, 1897 г. (ФО. Нег. II 25737)

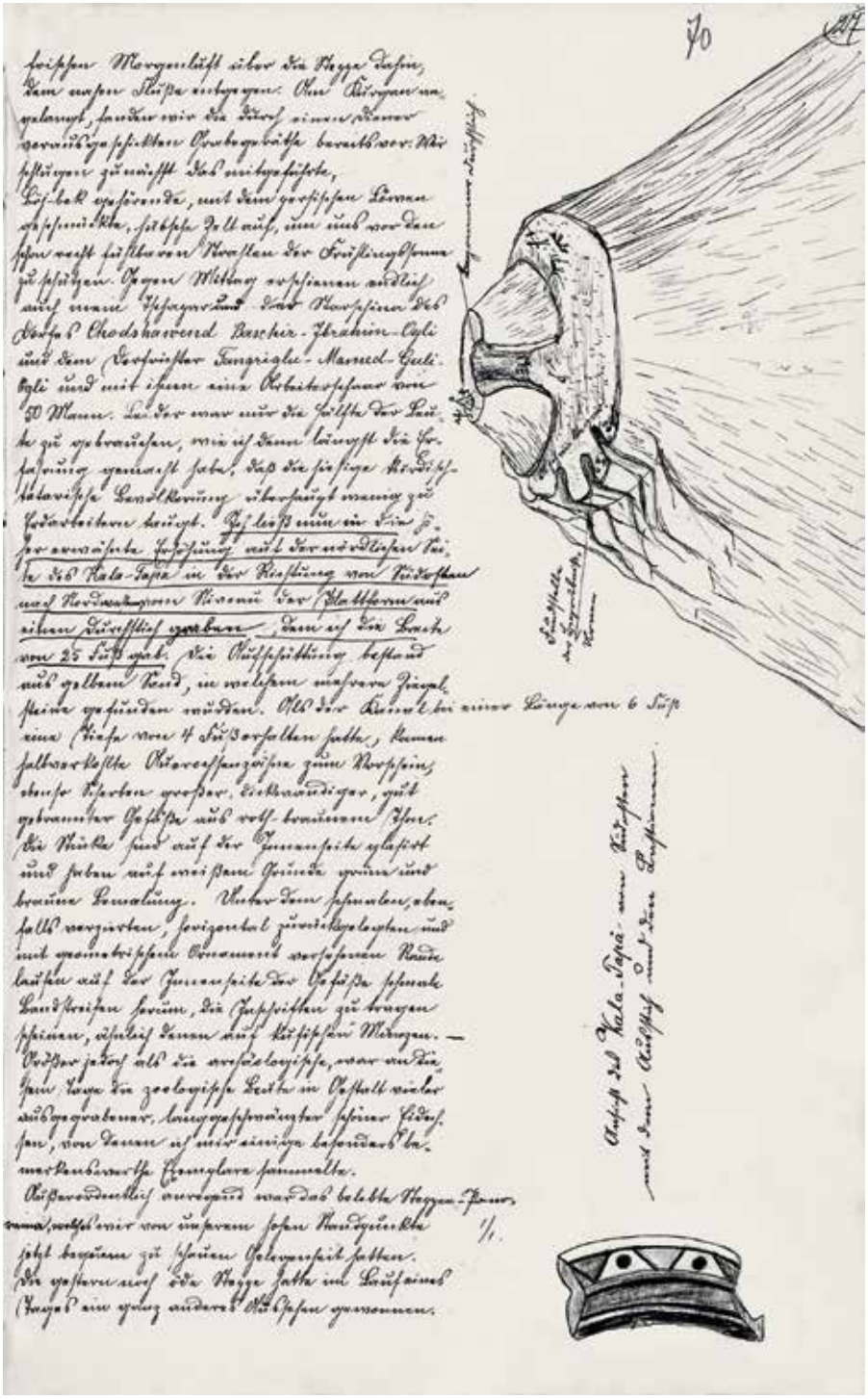
Светильник из курганов в м. Ходжалы, Шушинский уезд, Елизаветпольская губерния. Раскопки Э. А. Реслера. Фото И. Ф. Чистякова, 1897 г. (ФО. Нег. I 20515)

Агатовая цилиндрическая печать с клинописной надписью из курганов в м. Ходжалы, Шушинский уезд, Елизаветпольская губерния. Раскопки Э. А. Реслера. Фото И. Ф. Чистякова. 1897 г. (ФО. Нег. I 20516)

который производил раскопки в Елизаветпольской губернии в 1891–1907 гг. (см. также: Гадирова-Атеши 2016; 2017; Gadirova-Ateshi 2017a; 2017b). В Нагорном Карабахе Э.А. Реслер работал в 1891–1897 гг. В 1891 г. Реслер раскапывал могильник в окрестностях г. Шуша (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 130). В 1892 г. он так и не использовал взятый им Открытый лист на раскопки близ г. Шуша из-за эпидемии холеры (Там же). Затем Э.А. Реслер регулярно с 1893 по 1898 г. раскапывал курганные могильники в Шушинском, Джеванширском и Джебраильском уездах Елизаветпольской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 54; РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 60; РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 36; РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 64).

Им были обследованы, в частности, могильники эпохи бронзы и железного века в Арчадзоре, Ходжалах, Хаченагете, Шуше (см. его публикации: Rösler 1892; 1895; 1896; 1897; 1898; 1901; 1902; 1905; Rösler, Belck 1894). Наиболее интересные находки происходят из Ходжалинского могильника. Так, в 1894 г. здесь была найдена бронзовая орнаментированная поясная пластина. В 1895 г. в Ходжалах обнаружены фигурка птички, бляхи, пронизки, светильник, глиняные сосуды и агатовая цилиндрическая печать с клинописной надписью ассирийского правителя Ададнирари. Подобные печати использовались при заключении договоров и при опечатывании товаров для торговых сделок. Находка ассирийской печати в захоронении позднего бронзового века подтверждает предположение о разнообразных и тесных связях населения Кавказа с древневосточными цивилизациями. Поскольку возраст печати старше самого погребения, где она была найдена, можно предположить, что сама печать являлась реликвией, долгое время хранившейся у членов какого-то рода и только потом попавшей в могилу (Мещанинов 1926).

В 1897 г. Э.А. Реслер выполнил небольшие по площади раскопки на кургане Кала-тепе на р. Каркарчай в Мильской степи близ Мартуни / Ходжавенда (ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 293). В 1898 г. на средства ИАК он производил раскопки близ сел. Гюляфлю Шушинского уезда и кургана Ярма близ г. Шуша. В 1898 г. им были осуществлены раскопки кургана Кетти-тепе близ села Дыг Зангезурского уезда Елизаветпольской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 64), а в 1899 г. раскопки на месте древнего г. Гянджа Елизаветпольской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 244). В 1900 г. Э.А. Реслер получил Открытый лист на раскопки участков Зарушад Карской области и близ Александрополя по течению р. Арпа-чай Эриванской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 244, 244а). В 1901 г. Э.А. Реслер раскапывает погребение с «бревенчатым накатом» близ колонии Еленендорф (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 37а, 37б). В 1902 г. он исследовал древние города Ани и Александрополь в Елизаветпольской губернии. Годом позже, в 1903 г., Э.А. Реслер работал в Тифлисском уезде, в результате чего в Комиссию были предоставлены записки «Поездки в Баку и в Эриванскую губернию и раскопки курганов у сел. Кущи-Дамарчи на р. Араксе», «Раскопки у сел. Глдани Тифлисского уезда», «Поездка в монастырь св. Георгия у сел. Мамкоди и раскопки на площади Маркателлы Тифлисского уезда» и «Поездка в дер. Голицыно Елизаветпольской губернии и произведенные там раскопки». По всем экспедициям Э.А. Реслер готовил рукописные



Раскопки кургана Кала-тепе в 1898 г. Лист из отчета Э. А. Реслера (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 48. Л. 70)

отчеты на немецком языке, которые сопровождались рисунками местности и погребений, планами курганов, зарисовками вещей и описями находок. За рукописным текстом на немецком языке, снабженным рисунками на полях, следовал машинописный текст «выдержек» из отчета на русском языке. В 1903 г. Э. А. Реслер отчитался также за предпринятую по поручению ИАК поездку в г. Баку и Эриванскую губернию, где присутствовал при вскрытии пещеры, содержащей, по уверению персидского подданного муллы Мирзы Ахмед-Ага Магомед-Оглы, драгоценности (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 124).

В 1904 г. Э. А. Реслер вновь раскапывал могильники в Эриванской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 122). В 1905 г. он проводил раскопки в Елизаветпольской и Тифлисской губерниях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 34). Основные находки Э. А. Реслера в 1904 и в 1905 гг. были связаны с подкурганными погребениями эпохи бронзы и раннего железа.

Чтобы лучше представить деятельность Э. А. Реслера и обстановку, в которой ему приходилось работать, стоит подробнее остановиться на полевых сезонах 1897 и 1898 гг., что нашло отражение в отчетах и переписке Э. А. Реслера с ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 48). Дело озаглавлено «О находке каменного молоточка в сел. Горадис Джабраильского уезда Елизаветпольской губернии и о раскопках там г. Э. А. Реслера». Оно открывается перепиской Э. А. Реслера с Комиссией «по поводу находки при строительстве дома каменного шлифованного молотка с проушиной». Местный пристав, получив от рабочих находку, не польстился на предлагаемые за молоточек деньги и передал его Э. А. Реслеру. Исследователь отметил, что это первая находка неолитической эпохи на Восточном Кавказе, и просил Комиссию поблагодарить пристава (Там же. Л. 1–3). К отчету приложен рисунок молоточка. Одновременно в письме от 22 марта 1897 г. Э. А. Реслер просил выслать ему Открытый лист и аванс на проведение раскопок, а также сообщал, что А. А. Ивановский, член МАО, раскапывал курганы у сел. Карабулак и обнаружил в могилах остатки деревянных конструкций. Местные жители просили у Э. А. Реслера разрешения забрать дерево из курганов на дрова, что неудивительно, если учесть, что и сегодня деревья в Мильской степи большая редкость. Э. А. Реслер обратился за соответствующей санкцией в Комиссию. А. А. Бобринской выразил благодарность приставу Ванского участка за передачу в Петербург каменного молотка и сообщил, что «не возражает» против использования местными жителями дерева из курганов (Там же. Л. 6).

Одновременно Комиссия выслала Э. А. Реслеру Открытый лист на работы в 1897 г. и аванс в размере 200 руб. Э. А. Реслер намеревался поехать раскапывать курган Кала-тепе («крепостной холм») на берегу р. Каркарчай, в 42,5 км от почтовой станции Агдам, на пасхальных каникулах. По его словам, летом работать там было невозможно из-за нестерпимой жары и бесчисленного множества ядовитых змей. Здесь, посреди Мильской степи, находились три гигантские насыпи: Уч-тепе, Ян-тепе и Кала-тепе. Э. А. Реслер начал раскопки кургана Кала-тепе высотой ок. 30,5 м, с плоской вершиной диаметром 115–130 м. Однако он понимал, что для раскопок такой огромной насыпи нужны многие сотни рублей и десятки землекопов. В результате Э. А. Реслер был вынужден свернуть начатые

работы, поскольку в его распоряжение был прислан всего... один землекоп.

Он перебрался в сел. Ходжалы, чтобы продолжить раскопки здешнего могильника, и послал 12 мая 1897 г. письмо в Комиссию, разъясняя экстраординарную ситуацию, сложившуюся в Мильской степи (Там же. Л. 12 —12 об.). Оказывается, путешествие в эту глухую, безлюдную местность было сопряжено с опасностью для жизни и имущества, поскольку требовался конвой из казаков, а местные жители были совершенно ненадежны. Администрация и полиция полностью устранились от местных дел. Жители казенных поселений взбунтовались и разбежались, скрываясь от работы. Кроме того, ни дня не проходило без грабежа, убийства, угона скота и т. д. В этой местности «царит полное кулачное право». Сам Э. А. Реслер только волею случая избежал ограбления. Рабочие вообще боялись удаляться от своих селений на несколько километров (Там же. Л. 12 об. —13).

В ответном письме В. Г. Тизенгаузен спрашивал Э. А. Реслера, чем Комиссия может помочь в деле обеспечения безопасности при раскопках кургана Кала-тепе (Там же. Л. 13). Поскольку Э. А. Реслер собирался в Джеванширский уезд, где участились случаи нападений и убийств, ИАК обратилась к губернатору с просьбой принять меры к назначению охранного конвоя для археолога (Там же. Л. 15). 9 июля Э. А. Реслер написал, что вернулся из сел. Ходжалы, и просил аванс для продолжения работ. Из Петербурга ему было выслано 200 руб. (Там же. Л. 16). Отправляя в Комиссию отчет, Э. А. Реслер просил передать вещи в Исторический музей. Одновременно он вновь ходатайствовал о конвое из 10 казаков, чтобы иметь возможность спокойно путешествовать. Местные власти были согласны дать двух человек, однако потребовали сразу же отослать их обратно по прибытии в Джебраильский уезд. Далее Э. А. Реслер сообщал, что пристав из Ханкенди отказал ему в содействии: «При таких обстоятельствах пуститься в дорогу, ведущую через громадный густой лес, в котором уже много лет скрывается временами известный разбойник Дали-Али со своей шайкой (если ему наскучит относительно спокойная жизнь в выстроенном им доме близ железнодорожной станции Евлах), было бы в высшей степени легкомысленно с моей стороны. Поэтому, чтобы не терять времени даром, я решил пока продолжать исследование Ходжалинских курганов» (Там же. Л. 23).

Одновременно он спрашивал у Комиссии, нужно ли ему набирать рабочих только в казенных селах и следует ли им платить за работу или только давать на «чай», как он делал ранее, а также сколько следует платить за работу крестьянам из неказенных селений? В ответе Комиссии было сказано, что расчет с рабочими должен производиться по устной взаимной договоренности, а единой нормы оплаты землекопам за день работ не существует (Там же. Л. 24). Впоследствии, представляя в ИАК финансовый отчет, исследователь просил возместить ему «перерасход» в размере 89 руб. 74 коп., которые он заплатил из собственных «весьма скудных» сбережений.

Тогда же он выслал в Комиссию опись находок в Елизаветпольской губернии, а сами находки переправил через транспортную компанию «Надежда» 12 января 1898 г. (Там же. Л. 40). В описи перечислялись вещи из могильников возле Шуши, Мехтикенда,

Ходжалы, Арчадзора, Ахмахи, Ченахчи, Зерты и кургана Кала-тепе в Мильской степи. В тексте имеется приписка, сделанная ИАК: все вещи переданы в Исторический музей, только медная лампа из кургана № 1 у сел. Зерты поступила в Императорский Эрмитаж (Там же. Л. 47 об.). 23 марта 1898 г. А.А. Бобринской просил казначейство перечислить Э.А. Реслеру 165 руб. 9 коп., которые и были посланы 10 апреля 1898 г. (Там же. Л. 53).

Новый Открытый лист на 1898 г. и аванс в 300 руб. были посланы Э.А. Реслеру 16 июня 1898 г. (Там же. Л. 56). В отчете за этот год на одном из рисунков (Там же. Л. 70) изображен курган Кала-тепе, на плоской вершине которого для масштаба помещены фигурки человечков и пасущихся лошадей. Э.А. Реслер замечает, что курган не случайно назван «крепостным холмом», поскольку его вершину использовали в целях фортификации, однако, вероятно, здесь было все же городище на естественном холме, а не курган. В результате исследований были обнаружены остатки сырцовых построек, погребения в кувшинах и множество «поливной» керамики. На некоторых черепках есть надписи. По мнению Э.А. Реслера, расшифровка надписей позволила бы датировать остатки укреплений на вершине кургана, хотя его возведение происходило намного раньше. Еще один рисунок Э.А. Реслера (Там же. Л. 70) весьма реалистично передает «колонию змей в Мильской степи».

Договорившись с командой вольнонаемных землекопов, Э.А. Реслер попытался исследовать соседний курган Уч-тепе. Копать он начал узким «колодцем в центре вершины». В отчете приведен рисунок кургана Уч-тепе с заложенным здесь шурфом. В ходе раскопок выяснилось, что, как и в большинстве исследованных им ранее курганов, сердцевина насыпи сложена из крупной речной гальки. Эти камни вываливались из стенок шурфа-колодца, что сильно затрудняло работу. В конце концов Э.А. Реслер был вынужден остановить раскопки, не прокопав курган до конца (Там же. Л. 81–90).

У сел. Дыг в том же году Э.А. Реслер раскопал 9 курганов. Поскольку пристав из Шуши не предоставил ему обещанных рабочих, не отвечал на вежливые напоминания археолога, а позднее при личной встрече вообще отказался принимать какое-либо участие в делах исследования древностей, часть сезона была потеряна. В результате Э.А. Реслер был вынужден продолжить раскопки могильника у сел. Ходжалы и исследовал могильник в каменных ящиках у сел. Дашалти (Там же. Л. 148–248, 249–285). Представляют интерес погребения с оружием раннежелезного века, среди которых стоит отметить наконечники копий, стрел, мечи с набалдашниками на рукояти, бронзовые орнаментированные пояса.

У сел. Ченахчи на вершине скалы над рекой обнаружен могильник, называемый местными жителями «княжеским». Погребения были совершены в каменных ящиках, вещей в могилах не обнаружено. Над могилами устанавливались гранитные плиты с вырезанными изображениями. Два погребения с надгробными плитами были раскопаны (Там же. Л. 239–240). Размеры каменных надгробий составляли 166 × 101 × 31 см и 199 × 117 × 30 см. На одной плите были изображены всадник, музыкант, олень и т. п. На другой стороне этой же плиты были вырезаны кресты «древнеармянской» формы. Судя по всему, погребения совершены

Могильник у сел. Ченахчи, надгробная плита с гравировкой. Лицевая и оборотная стороны. Раскопки Э. А. Реслера (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 48. Л. 239 об., 240)

в средневековое время. Увидев на многих надмогильных камнях изображения всадников, оленей и горных козлов, Э. А. Реслер предположил, что погребенные в могилах при жизни увлекались охотой.

Помимо вполне профессиональных исследований Э. А. Реслера в этом крае ИАК поручала проведение раскопок и явным любителям. Так, ротмистр пограничной стражи Н. В. Федоров, купивший вещи из грабительских раскопок могильника у армянского монастыря Кизыл-Ванк у г. Нахичевань на р. Аракс у местных жителей, впоследствии получил Открытый лист на раскопки могильника (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 19. Л. 10). Этот могильник он раскапывал в 1896 г. ИАК переслала ему аванс на исследования 100 руб. В своей инструкции граф А. А. Бобринской попросил Н. В. Федорова обратить внимание на возможные при исследованиях находки древних надписей, в том числе клинописных. В 1897 г. раскопки продолжились. В том же году Н. В. Федоров выяснил, что могильник раскапывается настоятелем расположенного поблизости монастыря, и сообщил об этом в ИАК. В результате незаконные раскопки были прекращены по непосредственному указанию католикоса всех армян.

Найденные при исследованиях уникальные для Кавказа полихромные сосуды поступили в ИАК (Спицын 1909b). 3 ноября 1896 г. датирована телеграмма об отправке этих вещей из Комиссии в Исторический музей в Москве. При этом было выражено сожаление, что часть вещей оказалась поломана. В архиве ИАК сохранились фотографии планшетов с вещами из погребений и глиняных расписных сосудов с указанием масштаба. Хотя из-за плохой документации нельзя было разделить находки по комплексам, здесь можно отметить материалы разновременных погребений. Выделяются расписные полихромные сосуды с геометрическим орнаментом, изображениями людей, птиц, змей, глиняные статуэтки, бронзовые черенковые кинжалы, очковидная подвеска, бронзовые булавки. Позднее находки Н. В. Федорова дали основание для выделения кизылванской (кармирванской) культуры средней бронзы. В 1898 г. Н. В. Федоров переслал остальные находки в Петербург. По его словам, сохранность костей в могилах была очень плохая. Поверхность горшков покрыта известковой коркой, однако после ее очистки открывается многоцветная роспись. Н. В. Федоров также сообщал, что выше могильника, у стен монастыря располагалось «капище», где была найдена глиняная антропоморфная фигурка — идол.

С изучением памятников Кавказа был связан и Керченский музей древностей. В 1894 г. его заведующий К. Е. Думберг получил Открытый лист на раскопки кургана в сел. Ашнак Эчмиадзинского уезда Эриванской губернии. Одновременно им велась переписка о создании музея в Эчмиадзине. Во время исследований были открыты армянская церковь, позднее превращенная пристройками в крепость, и часовня. В окрестных селениях исследователь осмотрел развалины других церквей и огромный холм Шрешблур, предположительно скрывавший развалины древнего города Армавира. В ИАК был предоставлен отчет о раскопках и обследовании близлежащих памятников, рисунки рельефов, орнамента, украшавших часовню и церковь, планы часовни, опись находок, фотографии приобретенных вещей, перечень эстампажей, снятых с надписей

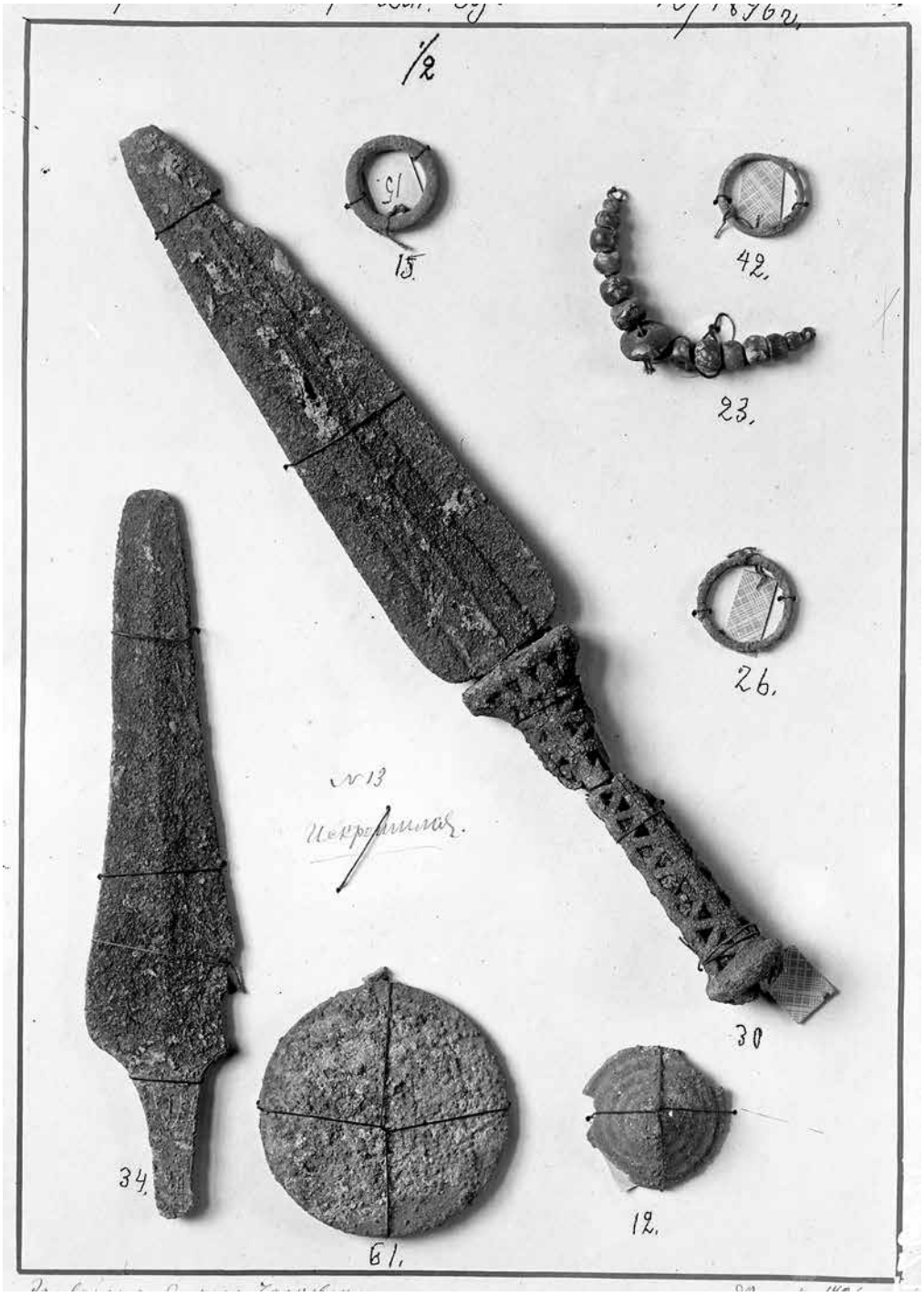
на камнях, а также историческая справка о сел. Ашнак (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 207; РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 47). В 1895 г. К.Е. Думберг вновь получил лист на раскопки в Эриванской губернии. Помимо раскопок он также составил план церкви в сел. Ашнак и прислал в Петербург фотографии надписей на камнях вместе с перечнем памятников Эриванской губернии, опись приобретенных монет (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 207). К отчету был приложен рапорт о мерах к сохранению археологических памятников в Закавказье с заключением Н.Я. Марра.

Интуиция не подвела К.Е. Думберга. В 1909 г. в газетах были опубликованы заметки о случайной находке золотых украшений и серебряных монет римского периода, сделанных жителями сел. Ашнак Эриванской губернии. ИАК поручила Я.И. Смирнову ознакомиться с находками и обратилась к эриванскому губернатору с просьбой переслать вещи в Петербург. В сентябре 1909 г. эти предметы были переданы Археологической комиссии, а в 1913 г. отправлены в Эрмитаж, где уже хранились предметы из Ашнака, найденные ранее К.Е. Думбергом. Ашнакские находки, датируемые II в. н. э., были опубликованы Р.В. Кинжаловым только в 1961 г. (Кинжалов 1961: 51–63).

Еще один краевед Кавказа, Е.А. Лалаянц, преподаватель Нерсесовской семинарии и редактор-издатель «Этнографического сборника», в 1903 и 1904 гг. получал Открытый лист для собирания надписей на древних памятниках (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 84. Л. 14). Впоследствии он также сотрудничал с МАО, по поручению которого в 1905, 1906 и 1908 гг. раскопал более 500 курганных погребений у озера Севан. Правда, материалы из этих «раскопок» просто собирались «в кучу» без разбивки по комплексам и какой-либо документации. Даже по меркам того времени раскопки Е.А. Лалаянца скорее были разрушением курганов, чем исследовательской работой (Мартиросян 1964). В 1904 г. Е.А. Лалаянц раскапывал могилы у Кизыл-Ванка на р. Аракс. Им же были предприняты первые раскопки поселений культуры ранней бронзы, позднее получившей название куро-араксской: в 1904 г. он произвел раскопки на телле Кюльтепе около Нахичевани на р. Аракс, а в 1913 г. — поселения Шреш-блур у Эчмиадзина (Лалаянц 1905: 48).

ИАК была связана и с исследованием Тазакендского могильника, который весьма интересен из-за находок в погребениях расписной керамики, редкой для Южного Кавказа, но традиционной для Переднего Востока. Могильник, насчитывавший несколько сотен погребений, расположен в 12 км к северу от Еревана на берегу р. Раздан, у сел. Тазакенд. Его пересекают руины крепости Кармир-берд, поэтому выделенная позднее на материалах этого могильника культура среднего бронзового века получила название кармир-бердской.

Первым начал исследование могильника служивший на Кавказе полковник П.В. Чарковский. В письме в Комиссию в 1896 г. он просит снабдить его свидетельством на право «иногда производить раскопки при военно-служебных поездках». П.В. Чарковский также попросил прислать ему список археологической литературы, касающейся района долины р. Аракс, «который интересен ему в его археологическом и историческом значении». Он запрашивал личных указаний графа А.А. Бобринского относительно



Медные кинжалы, кольца, бляхи, сердоликовые бусы. Тазакенд, Эриванская губерния. Раскопки П. В. Чарковского. Фото И. Ф. Чистякова, 1899 г. (ФО. Нег. II 26021)

Глиняные сосуды. Тазакенд, Эриванская губерния. Раскопки П. В. Чарковского. Фото И. Ф. Чистякова, 1899 г. (ФО. Нег. III 7029)

археологических исследований (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 140. Л. 1–2). Граф оставил на письме полковника адресованную В.Г. Тизенгаузену резолюцию: «...это умный и энергичный человек; не знаю, какова его научная подготовка, но это тот самый, которого коллекция через мое посредство приобретена из Темирхан Шуры для музея Штиглица. Путем официальной переписки, думаю, можно бы в нем иметь полезного сотрудника, но надо поставить наши условия категорично, со всеми точками над i» (Там же. Л. 1). ИАК отправила П. В. Чарковскому Открытый лист, перечислив требования, предъявляемые Комиссией к проведению археологических раскопок (Там же. Л. 3–4). Высланы были также бланк дневника раскопок, руководство по их производству и список публикаций об исследованиях в Эриванской губернии. В 1896 г. П.В. Чарковский раскопал 22 погребения и, прислав дневник, отчета так и не представил (Там же. Л. 7–44). Дневник содержал план окрестностей Тазакенда, чертежи могил, их описание и опись находок. Здесь были найдены медные ножи и кинжалы, украшения, керамика гладкая и орнаментированная черной росписью по красной обмазке (Спицын 1909b: 1–2, рис. 5, 9, 22). Дневник завершает «Перечневая опись предметам древности, доставленным П.В Чарковским из раскопок 1896 г., произведенных при с. Тазакенд» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 140. Л. 54–55). На фотографических снимках в дневнике представлены таблицы с находками: сосуды, браслеты, кинжалы с ажурными рукоятками, бусы, височные кольца (Там же. Л. 48–51).

А.А. Бобринской в письмах к П.В. Чарковскому (октябрь 1897 г.; январь 1898 г.) просил его указать музей, в который могут быть переданы находки из Тазакендского могильника (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 140. Л. 46, 47). Тот предложил Комиссии поступить с его находками по собственному усмотрению (Там же. Л. 52–53). Письмо отправлено уже не с Кавказа,

а из Белостока, куда, видимо, привела П. В. Чарковского его офицерская служба. Материалы раскопок Комиссия отправила в Тифлисский музей, сегодня Государственный музей Грузии в Тбилиси. Другая часть находок (около 350 предметов) осталась у П. В. Чарковского и впоследствии была выкуплена музеем Грузии. Б. А. Куфтин также передал в музей Грузии приобретенную им личную коллекцию П. В. Чарковского, состоящую из сосудов и бронзовых изделий из Эриванской губернии. Часть расписных сосудов, вероятно, происходит из того же Тазакендского могильника. Погребения могильника относятся к эпохам средней и поздней бронзы.

ИАК осуществляла на Кавказе и контроль над научным качеством проведенных исследований, в том числе и в связи с изучением Тазакендского могильника. В 1903 г. МАО поручило своему члену епископу Месропу (Смбатянцу) провести раскопки в районе крепости Кармир-берд. Архиерей перепоручил проведение раскопок Мкртичу Захарьянцу — дилетанту, вовсе не разбиравшемуся в методике археологических работ. Тот раскопал 17 могил, однако прислал в МАО только несколько находок, а большую их часть продал Археологической комиссии как случайный находчик.

Отчет М. Захарьянца в ИАК был составлен им по памяти и свидетельствовал о низком уровне проведенных им работ. С целью проверки на месте раскопок М. Захарьянца и для исследования интересного памятника Комиссия в 1904 г. направила в Кармир-берд Э. А. Реслера. Он сообщил, что к моменту его приезда почти все могилы (несколько сотен погребений!) оказались разграбленными. Э. А. Реслеру удалось раскопать лишь 28 оставшихся могил, вещи из которых переданы ИАК в МАЭ (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 122. Л. 46–59).

Позднее по примеру Хачика (Дадяна) другой архимандрит Эчмиадзинского монастыря Месроп Тер-Мовсесян, который был и заведующим Музеем древностей, в 1905 г. также получил лист на раскопки на землях Эчмиадзинского монастыря (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 73. Л. 18). В его дневнике представлено описание разведок в окрестностях Тазакенда и Тазакендского грунтового могильника, устройства могил, план погребения с расположением вещей: мечей, украшений и сосудов. Много лет спустя, в 1934 г., место раскопок обследовал Б. Б. Пиотровский, которому удалось установить идентичность могильника, раскапывавшегося П. В. Чарковским и М. Захарьянцем, а также зафиксировать хронологическую связь материалов могильников и кладки циклопической крепости. Наконец, изучив архивные данные и музейные коллекции из Армении, Грузии, Москвы и Санкт-Петербурга, К. Х. Кушнарева сумела реконструировать яркую кармирбердскую культуру среднего бронзового века Южного Кавказа с расписной керамикой (Кушнарева 1960). Раскопки могильника продолжили А. А. Мартиросян в 1962 г. и С. А. Есаян в 1965–1967 гг. На этом памятнике были также обнаружены погребения эпохи поздней бронзы с сосудами, кинжалами, браслетами, подвесками в виде фигурок птиц и т. д.

По примеру П. В. Чарковского интерес к занятиям археологией проявляли и другие служившие на Кавказе офицеры. Так, прапорщик 261-го запасного пехотного Шемахинского полка Владимир Адамович Скиндер запросил в 1905 г. Открытый лист на раскопки, в том числе, в Елизаветпольской

губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 67). Комиссия выслала ему правила проведения раскопок и предоставления отчетов по ним. В. А. Скиндер сообщил в ответном письме, что изучил химию и собирался провести археологические раскопки за границей: в Северной Африке и в Персии. Однако началась русско-японская война и его призвали в армию. Вернувшись в расположение полка, в Елизаветпольскую губернию, он обнаружил следы деятельности доисторического человека и вознамерился их исследовать. На присланных им фотографических снимках видны курганные могильники.

В. А. Скиндер просил выслать Открытый лист как можно раньше, поскольку позже здесь рабочие руки дóроги и трудно получаемы. После окончания работ исследователь прислал печатный отчет, который был заслушан Комиссией, однако в архиве так и не сохранился, и сопроводительное письмо. В письме он сообщал, что в имениях Араплы и Топаласанглы работать ему пришлось в чрезвычайно тяжелой обстановке: «Во время работы я дважды едва не был убит разбойниками» (Там же. Л. 3, 10). Одновременно он писал, что «впервые в России применил общий метод исследования». К сожалению, из письма не понятно, о каком «общем методе» идет речь. Тогда же В. А. Скиндер обратился к Комиссию с просьбой выслать ему 300 руб. для раскопок в Терской и Дагестанской областях и в Бакинской губернии в 1906 г. Другая его просьба не касалась напрямую ИАК: он хотел «за бескорыстную деятельность» быть принятым в члены-сотрудники Петербургского археологического института.

Открытый лист на 1905 г. В. А. Скиндер не использовал, поскольку копал курганы на частных землях. Перечень находок этого сезона он привел в печатном отчете, а сами вещи обещал привезти в Петербург лично. Интересно, что В. А. Скиндер хотел произвести «электролитические анализы» бронзовых изделий из раскопок и просил Комиссию выслать ему 80–100 руб. для приобретения необходимой для производства анализов платиновой посуды. ИАК выслала В. А. Скиндеру Открытый лист на 1906 г., но на просьбу прислать денег на платиновую посуду из Петербурга резонно заметили, что такого поручения Скиндеру Комиссия не давала (Там же. Л. 17–18). В 1907 г. В. А. Скиндер возвратил Открытый лист на 1906 г. и просил передать найденные вещи в дар Археологическому институту. В результате ИАК передала 13 глиняных сосудов и камень из раскопок В. А. Скиндера в институтский музей. Отчет В. А. Скиндера с описаниями раскопанных им погребений так и не сохранился, но известны несколько фотографий находок. Здесь действительно представлены сосуды, но вместо камня — бронзовые браслеты и обломок булавки (Там же. Л. 23–26).

Два полевых сезона раскопки в Армении производил доцент Б. М. Халатьянц: в 1908 г. он получил Открытый лист на исследования в местности Арташат близ сел. Багаран Карской области и в сел. Кулиджан Александропольского уезда Эриванской губернии. Свой краткий отчет, присланный в ИАК, он озаглавил «Археологическая поездка в Двин-Хор-Вирап-Кулиджан Эриванской губернии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 117). В 1909 г. он снова раскапывал могильники в Александропольском уезде Эриванской губернии (Там же). Изучением письменных памятников Закавказья занимался и Ф.Г. Беренштам (1862–1937) — библиотекарь

Императорской академии художеств, который, получив согласие ИАК, фотографировал армянские и грузинские рукописи и вещественные памятники (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 84).

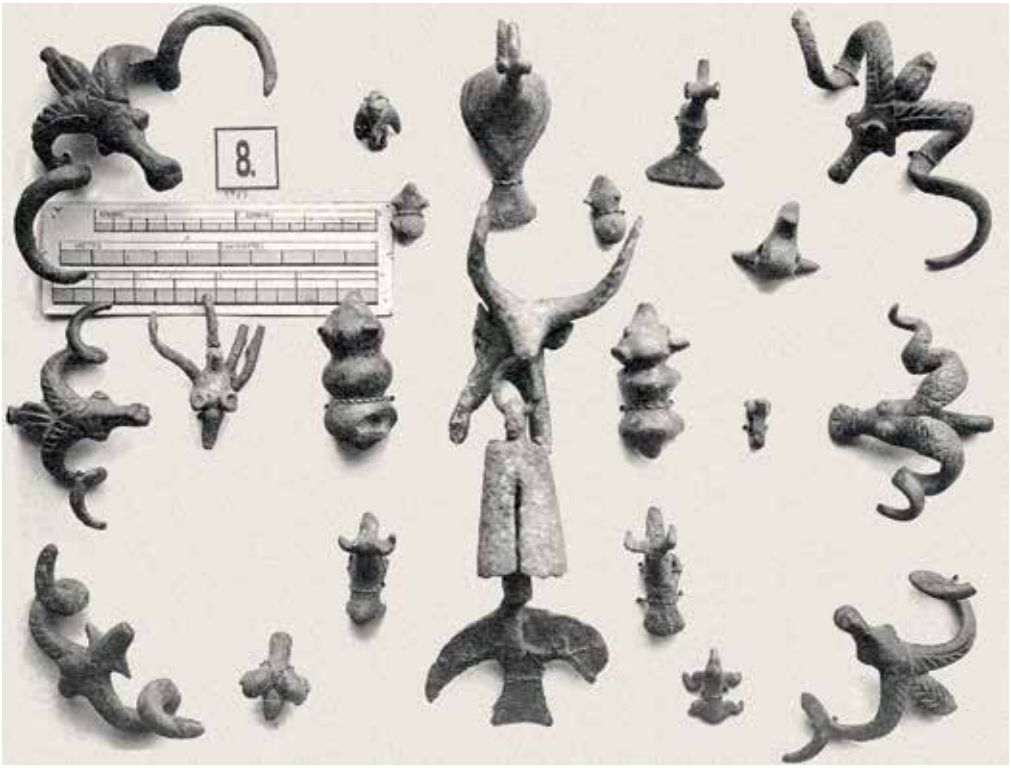
Многочисленные случайные находки различных древностей, сделанные в Терской области и поступившие в Археологическую комиссию отрывочные сведения о раскопках курганов и древних могил в окрестностях городов Владикавказа и Грозного побудили председателя Комиссии А. А. Бобринского посетить лично эти места с целью точнее определить характер надгробных памятников и погребальные обряды народов, обитавших здесь в древности.

В марте–апреле 1888 г. граф А. А. Бобринской раскопал несколько курганов в ближайших окрестностях Владикавказа. Недалеко от почтовой станции Балты на Военно-Грузинской дороге он исследовал могильник в урочище Херх. Грунтовый могильник протянулся вдоль высокого берега р. Терек на полкилометра. Погребения совершались в каменных ящиках, перекрытых шиферными плитами. Разыскивание древних могил при помощи железных щупов составляло одно из любимых занятий жителей соседнего сел. Чми. А. А. Бобринской смог насчитать более сотни разрытых могил. Часть золотых вещей и стеклянных сосудов из этого могильника попали в коллекцию Ольшевского. В раскопанных погребениях А. А. Бобринской обнаружил железные ножи, бронзовые зеркала, стеклянные и бронзовые браслеты, бусы из серебра, бронзы и пасты. При посредничестве В. И. Долбежева, сопровождавшего его в поездке, А. А. Бобринской купил у местных жителей добытые из могильника бронзовые бляхи, зеркала и глиняные сосуды (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 64).

В другом могильнике у той же деревни, между станциями Балта и Ларс, в местности Беахни-Куп погребения в грунтовых ямах оказались разрушены при частых оползнях. Здесь А. А. Бобринской обратил внимание на сильно удлиненные в результате искусственной деформации черепа погребенных. Много украшений, происходящих из этого могильника, попало в руки местных жителей (Там же. Л. 104–115). В соседнем могильнике, в долине р. Су-Аргом, были исследованы погребения в склепах-катакомбах, в каждой из которых было найдено от одного до трех скелетов. Инвентарь катакомб — железный наконечник копья, нож, серебряное кольцо, стеклянные бусы, пряслице, глиняные сосуды (Там же. Л. 115–125).

Затем граф А. А. Бобринской посетил аул Кобан и известный Кобанский могильник. Возле сел. Нижний Кобан в священной роще находились боевая башня и святое место «дзуар», представлявшее древнюю часовню. Родовое кладбище состояло из наземных каменных склепов (Там же. Л. 126–131). В сел. Верхний Кобан была расположена еще одна боевая башня, а над высоким берегом р. Кобань — знаменитый грунтовый могильник, занимающий склоны и вершину большого холма. Холм уже был ископан со всех сторон. Здесь были добыты все те замечательные бронзы, которые поставили кобанский могильник в один ряд с важнейшими памятниками бронзового века. Бронзы эти находятся в музее Сен-Жермен-ан-Ле под Парижем, в Лионе, Вене, Берлине, в Эрмитаже, в Историческом музее в Москве, в Тифлисском музее.

Могильник оказался расположен на земле, принадлежащей Хабошу Канукову. Во время визита А. А. Бобринского Х. Кануков был занят вторичной



Навершия в виде бараньих головок, фибулы и другие изделия из бронзы. Могильник Кобан. Осетия-Тагаурия. Фото Д. И. Ермакова, 1890-е гг. (ФО. Отп. Q 506-30)

раскопкой уже обследованного им пространства. По его словам, во время первых раскопок он «искал исключительно предметы больших размеров и отбрасывал все мелкие вещи, считая их ненужными» (Там же. Л. 134 — 134 об.). При новых раскопках было обнаружено множество более мелких изделий. Кроме уже известных и описанных типов было зафиксировано несколько оригинальных вещей, в том числе две орнаментированные большие булавки в виде гладких топориков с привесками и головками козлов. А. А. Бобринской приобрел для своей коллекции собрание Х. Канукова (ФО. Отп. Q 506-24–44).

Х. Кануков разрешил А. А. Бобринскому провести раскопки на холме и подарил найденные при исследованиях вещи. На склоне холма была заложена траншея 22 на 10,5 м, глубиной 2 м до материка. Были обнаружены 10 скелетов в различных положениях и с разной ориентацией и добыто большое количество бронзовых предметов. К редким находкам А. А. Бобринской отнес золотой браслет со змеиными головками на концах, серебряную колесообразную бляшку с железной кнопкой наверху и кремневое острие (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 64. Л. 132–140). Другой приобретенной при посредничестве В. И. Долбежева в этом месте коллекцией были вещи из Галиатского могильника, расположенного в 64 км к юго-западу от Владикавказа около сел. Галиат, из которого происходили древности, приобретенные у местных жителей:

пять булавок с ажурными головками, два колесообразных украшения, 5 колец, браслеты, поясная бляшка, пастовые бусы, обломки бронзовых гривен и поясов (Там же. Л. 141 — 141 об.).

Из Кобани А.А. Бобринской перебрался в окрестности Грозного, где исследовал некоторые курганы, а также произвел обширные раскопки в курганном могильнике, окружающем аул Алды. По словам А.А. Бобринского, вдоль берега р. Сунжи до гор тянутся ряды крупных курганов и могильники из небольших насыпей. Крупные курганы имеют высоту 4–7 м. Встречаются и более высокие. В результате шоссе Владикавказ — Грозный на протяжении более 100 км проходит как бы сквозь сплошное поле курганов (Там же. Л. 148 об.). В Алхан-Юртском могильнике в 13 км от Грозного у сел. Алхан-Юрт насыпи вплотную примыкают друг к другу. А.А. Бобринской насчитал здесь до 5 тысяч курганов, но, по его словам, их было гораздо больше. Три четверти курганов больших размеров имеют правильную куполообразную форму. Многие насыпи имеют более пологий склон с юга и круче к северу, что должно рассматриваться как признак древних насыпей, поскольку за тысячи лет курганы размываются при таянии снега с юга сильнее, чем с севера. Здесь встречаются и средневековые городища, окруженные валами и рвами, например, у сел. Закан-Юрт и у сел. Алхан-Юрт. А.А. Бобринской раскопал четыре больших кургана колодцем диаметром 7 м, обнаружив под насыпями ограбленные в древности склепы-катакомбы. В могилах были найдены человеческие кости, железные ножи, железная пряжка, бронзовые и пастовые бусы (Там же. Л. 150–159). Ранее в этом могильнике местным жителям удалось найти неограбленные склепы. В Комиссию поступили вещи изящной работы: цепи, серьги, фибулы, привески, золотые перегородчатые украшения со вставками из темно-красных гранатов и стекла времени переселения народов.

А.А. Бобринской посетил окрестные аулы и на правом берегу р. Сунжи: Урус-Мартан и Куляры, где также исследовал некоторые курганы. В одном из них были найдены глиняный сосуд, тарелочка, человеческие кости, 30 железных наконечников и один медный наконечник стрелы. Между прочим, был исследован и тот курган, в котором местные жители незадолго до того нашли погребение с золотыми спиральными серьгами, бронзовым зеркалом, янтарными и серебряными бусами и золотой диадемой, которую разбили на три части. Помощник начальника округа Г.К. Чураковский провел следствие, отыскал все части диадемы и отправил ее графине П.С. Уваровой вместе с некоторыми другими предметами. У местных жителей А.А. Бобринским были куплены золотая серьга, 7 бляшек, большая бляшка «меровингского типа», пряжки, кольца, бусы, железные удила.

Во время этой поездки А.А. Бобринской осмотрел вещи, добытые коллежским асессором Семеновым при раскопках возле укрепления Ведено, и сам раскопал несколько могил в двух аулах Веденского округа. Здесь погребения совершались в каменных ящиках. Ящики были расположены близко к поверхности, иногда перекрытие лежало на земле. В каждом погребении было по нескольку скелетов, при которых постоянно встречались изделия из железа. Частыми находками в могилах были железные сабли и серебряные серьги. А.А. Бобринской в ходе своей разведки сделал вывод о пространственном распределении разных типов

могил: в горах обычными являются каменные ящики, часто склепы, а на равнине чаще встречаются подкурганные погребения в склепах-катакомбах.

Отправившись в Тифлисскую губернию, А.А. Бобринской остановился на станции Казбек Военно-Грузинской дороги на правом берегу р. Терек в ауле Стефан Цминда («цминде» — святое место). Здесь на высоте более 2250 м над уровнем моря располагалась усадьба семейства Казбек, которое дало разрешение на исследование могильника на принадлежащей ему земле. Однако А.А. Бобринской в заложенных траншеях не нашел следов погребений и человеческих костей, но только кости животных, серебряную римскую монету, бронзовый перстень, резные камни от перстней, бронзовые фибулы, железный наконечник копья, части удил и 140 бусин (Там же. Л. 212–216). Им были осмотрены и окрестные памятники. В небольшой каменной церкви, освященной во имя св. архангела Михаила в 1809 г., хранился реликварий-мощевик — серебряная фигурка агнца. Фигурка украшена медальонами с изображениями Богоматери, св. Георгия и образами Спасителя. По мнению видевшего этот памятник А.А. Бобринского, фигура барана была древней византийской работы (Там же. Л. 220 об.).

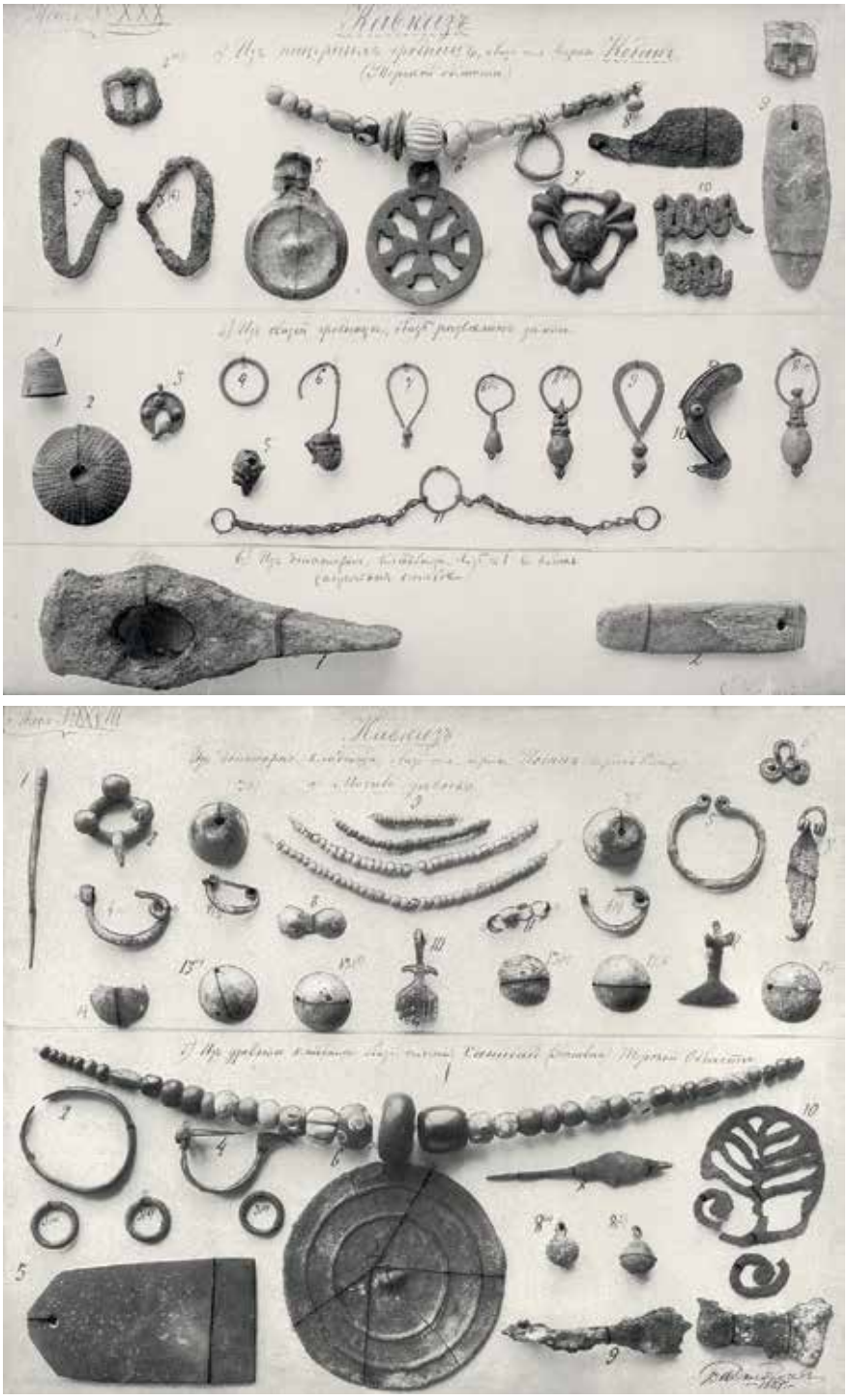
В окрестностях аула А.А. Бобринской видел и описал каменную башню и разрушенную каменную часовню, возведенную на вершине отколовшегося от скалы крупного обломка. В стену часовни, сложенной из тесаных камней на известковом растворе, был вставлен каменный крест. Известно, что обычно в стену церкви замуровывали крест, стоявший над могилой, которую пришлось разрушить при строительстве или при совершении нового погребения. С западной стороны в стене часовни имеется выступ из черного шифера — своеобразный жертвенник, на который охотники приносили черепа или рога добытых ими туров. Жители из окрестных селений собирались здесь для совместного празднования дня Пасхи. Под часовней был зафиксирован подземный склеп-катакомба с костными останками, подобный катакомбам из могильника Херх византийской эпохи. К северу от аула Стефан Цминда расположен могильник с каменными набросками. Однако раскопки были затруднены как неблагоприятным климатом и высотой местности над уровнем моря, так и, по мнению графа, бестолковостью туземцев-рабочих, которые не в силах производить какую-либо несколько порядочную или терпеливую работу (Там же. Л. 218–225). Вместе с отчетом А.А. Бобринской предоставил в архив Комиссии многочисленные таблицы с находками из раскопок этого года и приобретенных им коллекций, сопровождавшиеся подробным описанием (Там же. Л. 225–249).

А.А. Бобринской проводил археологические исследования и разведки и в сложные для России 1914 и в 1917 гг. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 247; РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 35). 17 апреля 1917 г. ему был выдан Открытый лист от Археологической комиссии, дающий «право производства археологических раскопок в течение 1917 года на землях казенных, общественных и принадлежащих разным установлениям, в пределах Терской области...» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 35. Л. 3). Вероятно, организация раскопок на Украине, где он обычно раскапывал курганы в своем имении Смелы, была затруднена, и поэтому исследователь проводит свой последний полевой

сезон в Предкавказье. А.А. Бобринской предоставил счет за «сметный период 1917 года» (Там же. Л. 5), согласно которому «в передержке» оказывается сумма в 49 руб. 10 коп.: всего же на раскопки было отпущено 500 руб., и финансовый отчет от 3 апреля 1918 г. Итогом работ явился «Отчет о раскопках кургана близ г. Кисловодска в 1917 году», включавший дневник, написанный в обычной, тщательной и аккуратной манере, с карандашными рисунками и схемами 5 погребений кургана эпохи бронзы (Там же. Л. 17–25). Существующее мнение, что раскопки лишь планировались, но так и не были проведены, основано на неверной интерпретации некоторых архивных материалов (см.: Смирнов 2015а: 304).

Курган располагался в 1 км от товарной станции Кисловодска. Окружность кургана составляла 15,5 м. Вершина срезана, в центре западина, заполненная камнем, вокруг насыпи — кромлех из крупных камней. А.А. Бобринской сетует, что из-за дороговизны рабочей силы он был вынужден ограничиться траншеей шириной 5 м через насыпь с юга на север. В кургане обнаружено 5 погребений в каменных ящиках. Все они были ограблены в древности. Удалось найти только один фрагмент стенки сосуда «скифского типа», переданный в Исторический музей в Москве.

К наиболее активным исследователям памятников Центрального Кавказа, тесно сотрудничавшим с ИАК, без сомнения, относится В.И. Долбежев. Василий Иванович Долбежев (1842–1911) — статский советник, преподаватель Владикавказского реального училища — работал в Терской области, Кабарде, Грозненском округе, Северной и Южной Осетии, Дигории, Тифлисской губернии в 1886–1894 и 1897–1904 гг. Исследованные им могилы принадлежали в основном к периодам от финала бронзового века до эпохи средневековья. Его интенсивную и продолжительную полевую деятельность можно сопоставлять разве что с раскопками Н.И. Веселовского на Кубани. Хотя на Центральном Кавказе не встречено блестящих «царских» усыпальниц, подобных Келермесским и Майкопским, но здесь найдены сотни погребений со знаменитыми кобанскими художественными бронзами. Еще в 1886 г. В.И. Долбежев обратился к графу А.А. Бобринскому с просьбой содействовать охране древностей в Терской области, где памятники «гибнут в результате торговли, заведенной К.И. Ольшевским и московскими профессорами». Его инициатива была поддержана ИАК. В 1886 г. граф А.А. Бобринской советовал Х. Канукову во избежание разграбления памятников производить раскопки могильника у сел. Верхний Кобан совместно с В.И. Долбежевым. В этом году он предпринял по Открытому листу ИАК раскопки во Владикавказском округе Терской области, в Джейраховском ущелье (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 20). Им были раскопаны курганы, грунтовые могильники и древние кладбища и собраны местные предания. В Джейраховском ущелье могилы представляли собой углубленные в материк каменные ящики. Скелеты одного, реже двух покойников были уложены на спине головой на запад, ногами на восток. В могилах были найдены железные и бронзовые кольца, перстни, браслеты, бронзовое зеркало, бронзовые булавки, бусы серебряные и стеклянные и небольшой глиняный кувшин с волнообразным орнаментом. В верховьях Джейраховского ущелья был



Кобанский могильник. Раскопки В. И. Долбежева, 1889–1890 гг.
(ФО. Отп. F 128-31, 29)

Изделия из железа в погребениях Кобанского могильника. Раскопки В. И. Долбежева, 1889–1890 гг. (ФО. Отп. F 128-52)

открыт могильник из наземных каменных склепов с окошками для вноса покойников. Погребенные были уложены на каменные плиты вдоль стен склепа. Здесь фиксировался средневековый материал: истлевший деревянный лук, железные наконечники стрел, железные ножи и кресало.

У сел. Беслан В.И. Долбежев раскопал курган высотой 4,2 м и свыше 150 м в окружности. Здесь найдены древние захоронения с глиняными сосудами и каменным отбойником. В другом погребении вместе с покойником были положены наконечники копий, железные наконечники стрел, кремневое орудие и сердоликовые бусы. Вблизи сел. Донифарс найдена могила воина с металлическим оружием: саблей со следами деревянных ножен, шестопером, наконечниками дротиков, стрел, а также кольцом, браслетом и глиняным сосудиком. Погребение совершено в каменном ящике, перекрытом тяжелыми плитами. Костяк лежал на спине головой на север. Хорошая сохранность железных изделий свидетельствует о незначительной древности погребения (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 20. Л. 23 об. — 25).

Близ сел. Лезгур В.И. Долбежев исследовал могильник из каменных ящиков, перекрытых огромными плитами и каменными глыбами. В стенке ящика, обращенной вниз по склону, устроено отверстие, через которое вносились покойники. В одном ящике найдено до ста черепов, в других ящиках находились останки 10–12, иногда 3–4 погребенных. Положение скелетов — вытянутое на спине, ногами к югу, востоку и юго-востоку. В процессе раскопок встречен череп с искусственной деформацией. Инвентарь могил составляли золотые серьги, золотая фибула с камнями, золотая подвеска и бусина,

обломки серебряного сосуда. Найден ряд бронзовых изделий: 8 блях, 20 браслетов, 5 шейных гривен, 11 зеркал, одна булавка, 11 колец, один колокольчик, 37 подвесок, 86 пряжек, 15 фибул, а также серьги, погремушки, ложечки, щипцы, пряслица. Здесь же были найдены и различные литые украшения: фигурки животных, изображающие оленей, козла и баранов, круглые и крестообразные орнаментированные бляхи. Есть изделия из железа: пластины от панциря, наконечник копья и наконечники стрел, удила, пряжка, подкова. Кроме того, были найдены 3 точильных камня, стеклянные серьги, свыше 300 стеклянных бус и до 16 кувшинов и сосудов из необожженной глины с орнаментацией. Особый интерес представляют оригинальный сосуд с пятью горлышками и остродонный кувшинчик, найденный возле детского скелета (Там же. Л. 27 об. — 30 об.).

По мнению В.И. Долбежева, могильник у сел. Лезгур датировался позднее, чем кладбища у сел. Камунта и Галиат. К юго-западу от развалин замка рода Багайта им был открыт еще один грунтовый могильник, где скелеты в грунтовых ямах лежали головой к северу. Здесь были найдены: точильный камень; 100 бус разного рода, среди которых много янтарных; бронзовые шестопер, человеческая фигурка, пряжки, застежки, 41 фибула, 3 гривны, 17 подвесок, 6 зеркал. Среди находок присутствуют изделия из железа: топоры, кинжал, ножи, наконечники стрел, удила и ножницы для стрижки овец. Найдены были также 10 глиняных сосудов и две чашки. Среди черепов 32 несут следы искусственной деформации. В окрестностях сел. Галиат и Камунта могильники оказались разграблены. Доследовав эти могилы, В.И. Долбежев все же нашел множество украшений из стекла, янтаря и бронзы: бусы, браслеты, серьги, пряжки, фибулы, зеркало и т. п. Изделия из этих могильников весьма напоминали кобанские бронзы.

В поисках следов передвижения исторического населения с южного склона Кавказского хребта на его северный склон В.И. Долбежев решил перейти через главный хребет Кавказской цепи. Узнав о древностях, происходящих из окрестностей сел. Эдисси, он направился в Горийский уезд Тифлисской губернии. Здесь у сел. Эдисси обнаружен каменный прямоугольный «дзуар» — христианская часовня. Внутри часовни вдоль стен устроены каменные скамьи, с восточной стороны в стене имелось небольшое отверстие — окно. Внутри и снаружи возле стен часовни найдены железные наконечники стрел, бронзовые подвески, обломки бронзовых и стеклянных браслетов, серебряный перстень с камнем, кремневый наконечник стрелы и глиняный кувшинчик. Христианское население до сих пор приходило туда на поклонение, а в прежние времена оставляло разные приношения. К югу от сел. Эдисси на холме у недавно построенной церкви В.И. Долбежев обнаружил могильник и вскрыл 30 могил на склоне холма. Погребенные были уложены в ямах, перекрытых шиферными плитами, в деревянных гробах, в вытянутом положении, на спине или на боку, головой на запад, лицом к северу. С погребенными обычно помещались в могилу железный нож, браслет, серебряный перстень с камнем, бронзовые браслеты, фибулы, перстни и бусы. У подножия «церковного бугра» и на вершине соседнего холма исследователь зафиксировал развалины каменных построек. По местному

преданию, это были остатки древнего города Эдисси, основанного царицей Тамарой. Вернувшись на северный склон хребта, В.И. Долбежев обследовал окрестности сел. Зекари в верховьях р. Лиахвы. Наконец, ему удалось приобрести значительное количество преимущественно бронзовых древностей из раскопок алдара Х. Канукова у селений Лац и Верхний Кобан. Раскопками В.И. Долбежева в сел. Лац был вскрыт могильник с узкими каменными ящиками из плитняка. Скелеты лежали на спине, головой на запад. При них найдено 80 различных бус, 7 бронзовых подвесок, перстень, зеркала, кольца, пряжки, булавки, браслеты, а также изделия из железа — наконечники стрел, кольца и ножи.

В Кобанском могильнике на этот раз также были найдены железные предметы, такие же, как бронзовые изделия в самых древних погребениях этого могильника у ручья. В погребении воина были найдены бронзовая пряжка с железным язычком, железные боевой топор, наконечник копья и кинжал. В другой могиле найдена железная фибула из витой ребристой проволоки. Также найдены кусок железного серпа и мелкие железные обломки (ФО. Отп. F 128-23–29).

В 1887 г. В.И. Долбежевым были произведены раскопки во Владикавказском округе Терской области, у сел Чми, Санибай, Камунта, Галиат и Лезгур. В 4,5 км по р. Терек выше сел. Чми он нашел разрытый катакомбный могильник. Здесь ему удалось отыскать лишь одну неограбленную катакомбу. Входной коридор был засыпан песком и гравием и перекрыт каменной плитой. В камере на слое древесного угля лежали два скелета взрослых субъектов. Скелеты лежали на правом и левом боках, головой на юго-запад. В катакомбе были найдены различные украшения (браслеты, пряжки, бусы). К северу от сел. Чми В.И. Долбежев нашел могильник на склоне осыпи в местности Беахни-Куп. Здесь были найдены бронзовые и железные украшения, наконечники копий, ножи, бронзовый топор, железные удила, кольца и пряжки, а также грубая глиняная посуда. На могильнике Херх, у въезда в Джейраховское ущелье, им были обнаружены погребения в каменных ящиках и в купольных склепах со сводчатым потолком. В раскопанных В.И. Долбежевым каменных ящиках оказались изящные бронзовые украшения, в том числе и покрытые тонким листовым золотом 4 бронзовые бляхи с рельефными изображениями грифонов и разных зверей, а также стеклянный стакан с голубыми разводами. Здесь встречались и подвески-лунницы. Покойников вносили внутрь камеры через отодвигаемый приставной камень у короткой стенки каменного ящика. С востока видна приставная плита, закрывавшая вход в склеп. Катакомбная гробница уже была разграблена местным населением задолго до приезда В.И. Долбежева.

Могильники близ сел. Камунта и Галиат, в верховьях Уруха в дигорской Осетии, у речки Улла Комб, некогда исследованные В.Б. Антоновичем, В.И. Долбежев нашел до того перерытыми и разграбленными, что с трудом разыскал здесь нетронутые могилы. В процессе исследований им были найдены различные бронзовые изделия: топоры, браслеты, кинжалы, булавки, ложки, колокольчики, бляхи, зеркала, пуговицы; несколько золотых застежек, пуговиц и серег; железные ножи, топоры, долота и пряжки. Раскопы у сел. Лезгур принесли несколько

бронзовых пряжек, застежек, фибул, привесок, булавок, колокольчик и круглое зеркало (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 18).

В 1888 г. В.И. Долбежев произвел раскопки в Терской области, в Кабарде и в Дигории. В Терской области им снова обследованы могильники Беахни-Куп и Херх у сел. Чми. В могильнике Беахни-Куп не удалось проследить устройство могил, но бронзовые вещи были близки к находкам в Кобани. На древнем кладбище Херх В.И. Долбежев, продолжая раскопки, начатые А.А. Бобринским в предшествующем сезоне, вскрыл 43 погребения в каменных ящиках. Только один ящик содержал кости нескольких покойников, в трех были погребены один взрослый и один ребенок, а в остальных 39 могилах были одиночные захоронения. Ящик-склеп на восточной стене обычно имел отверстие для внесения покойников. Внутри он был разделен каменной перегородкой на две неравные части. Вероятно, в южной части погребались мужчины, а в северной — женщины. В «мужской» половине ящика-склепа были найдены точильные камни, железный нож с костяной ручкой, кабаньи клыки, а в «женской» — различные украшения (бусы, пуговки, подвески, серьги и пряжка с камнем).

В Кабарде было раскопано пять курганов и грунтовый могильник с перемещенными из-за оползня погребениями напротив аула Атажукина I на правом берегу р. Баксан. На противоположном берегу р. Баксан был исследован могильник, состоящий из каменных ящиков.

В Дигории В.И. Долбежев раскопал погребения у сел. Галиат в местности Фасс-Кау, где ему не удалось определить тип могильного устройства, и провел разведки в окрестностях сел. Галиат и Кумбулта. В районе сел. Кумбулта в разрушенных могильниках было найдено множество бронзовых изделий: булавок, украшенных звериными головками; фибул; серег; колец; изображений оленя, медведя, козла, барана, собаки; браслетов; погремушек; шейных гривен; зеркал; топориков; наконечников стрел и копий. Отсюда же происходит и множество бус из камня, стекла и пасты, а также железный шестопер и несколько глиняных сосудов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 12).

В 1889 г. археологическими исследованиями на Кавказе занимался только В.И. Долбежев. По поручению ИАК он производил раскопки древних могильников Рутха и Хор-Гон в верховьях Уруха, могильника Кумбулта близ одноименного селения и в Джейраховском ущелье р. Терек. Рутха и Хор-Гон относятся к одной эпохе по строению могил — каменных ящиков и погребального инвентаря, состоящего из прекрасных бронзовых вещей: булавок, браслетов, колокольчиков, фибул, керамики (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 16).

В 1890 и 1891 гг. В.И. Долбежев предпринял первые раскопки могильников в Юго-Осетии у сел. Тли, Стырфаз и Дыргджын. В 1890 г. на раскопках В.И. Долбежева в Северной Осетии присутствовал секретарь Венского антропологического общества, сотрудник Венского дворцового музея Франц Хегер, о чем было сообщено письменно в ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 39). В 1891 г. В.И. Долбежев продолжил исследования могильника близ сел. Большой Кобан, раскопал курган у станицы Нестеровской на р. Ассе в Малой Чечне, могильники у сел. Нар на берегу Уруха в Дигории. На могильнике Хор-Гон В.И. Долбежеву удалось

раскопать нетронутую грабителями могилу. Вблизи сел. Хвце вверх по течению р. Лиахвы Горийского уезда Тифлисской губернии им была исследована еще одна могила.

На следующий 1892 г. В.И. Долбежев совершил поездки в сел. Корца (Северная Осетия) и в Малую Кабарду для предотвращения хищнических раскопок. В этом же году в ущелье Фиаг-Дон у сел. Корца он обнаружил два могильника и раскопал несколько погребений. В Карталинском ущелье у сел. Зивгис им был выявлен могильник с погребениями в каменных ящиках, а у сел. Лац осмотрен круг из камней, по преданию называющийся «судилище нартов» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 16).

В журнале о раскопках в Кабарде в 1893 г. В.И. Долбежев упоминает о том, что у ущелья Уруха им были раскопаны два Анзоровских кургана между сел. Кайсын и Хату. В своем отчете он приводит копии фресок на стенах осмотренного им христианского храма (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 74). По поручению ИАК он пытался найти в Кабарде плиты с греческими надписями, описанные почти 100 лет назад академиком И.А. Гюльденштедтом, но нашел только арабские надмогильные плиты. В ущелье Чегема им были обнаружены развалины маленькой церкви с грубыми фресками на стенах.

После небольшого перерыва в 1897 г. В.И. Долбежев раскапывал могильники в сел. Чми Владикавказского округа Терской области и у почтовой станции Балта по Военно-Грузинской дороге (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 137). В 1898 г. при прокладке железнодорожного полотна строящейся Дербентской ветки Владикавказской железной дороги этот исследователь по поручению ИАК раскапывал древний могильник возле сел. Каякент. Этот некрополь стал эпонимным памятником для каякентско-хорочоевской культуры эпохи поздней бронзы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 45). Позднее, в 1901 г., он исследовал могильник на р. Малка у станицы Прохладная. В 1902 г. по поручению ИАК В.И. Долбежев производил раскопки в Грозненском округе Терской области (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 36), а в 1904 г. вел раскопки во Владикавказском округе Терской области (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 72). Позднее В.И. Долбежев по неизвестным причинам покинул Кавказ, однако сохранил связи с ИАК, в архиве которой хранится дело о его раскопках в Алтайском крае (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 13).

За время работы на Кавказе у В.И. Долбежева сложились творческие и доброжелательные отношения с Петербургом. В 1887 г. А.А. Бобринской в связи с попытками составить новое штатное расписание для ИАК предполагал включить учителя Владикавказской гимназии в члены Комиссии. Очевидно, именно в силу того, что новые штаты так и не были учреждены, этого не произошло. Однако когда в 1896 г. В.И. Долбежев обратился к руководству ИАК с просьбой помочь финансировать обучение своей дочери Евгении в консерватории Императорского музыкального общества, председатель Комиссии сделал все от него зависящее, чтобы это обучение состоялось. Свидетельством уважения к деятельности В.И. Долбежева служит обращение А.А. Бобринского к министру императорского двора с просьбой начислить Евгении Долбежевой стипендию в 200 руб. в год. Деньги по тем временам были немалые. Так, к примеру, на организацию экспедиции на Кавказе на полевой сезон ИАК обычно выделяла сотрудникам по 300 руб.

В течение нескольких лет раскопки на Центральном Кавказе при поддержке ИАК производил художник Иван Алексеевич Владимиров (1869–1947). Он исследовал в 1896–1907 гг. памятники в Ставропольской губернии, в Нальчикском округе Терской области. В основном его раскопки были связаны с погребениями — от кобанских могил эпохи поздней бронзы до средневековых захоронений. В 1896 г. И. А. Владимиров прислал в ИАК описание раскопок и рисунки вещей из раскопанных им погребений. К отчету прилагались два плана исследованных курганов, 2 планшета с бронзовыми изделиями из раскопок в Нальчикском округе и 5 фотографий коллекций древностей, собранных начальником Нальчикского округа полковником Д. А. Вырубовым. Позднее, по рекомендации И. А. Владимирова, ИАК приобрела собранную Д. А. Вырубовым в Терской области коллекцию (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 252).

В 1897 г. И. А. Владимиров получил Открытый лист и раскопал курган на землях горца Бахарокова из Чегемского общества. В письме И. А. Владимирова в ИАК от 13 ноября 1897 г. содержатся перечневая опись находок, дневник с чертежами и разрезами курганов и могил и рисунки вещей, найденных в погребениях. Им был предоставлен авансовый отчет о расходовании полученной от ИАК суммы в 100 руб., который сопровождался просьбой вернуть ему перерасход в сумме 33 руб. 50 коп., затраченных из собственных средств. Резолюция представителя ИАК на письме гласила: вещи направить в Исторический музей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 215).

Отчеты И. А. Владимирова отличает в лучшую сторону от отчетов большинства исследователей его времени присутствие профессионально составленных глазомерных планов местности с расположением древних памятников. На планах имеются масштаб и горизонтали. Планы и разрезы курганов отличаются детальностью и точностью (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 293; РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 215; РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 40). Его руке принадлежат планы долин рек Баксан и Кисанта. Здесь И. А. Владимировым раскопаны курганы, грунтовый могильник и зарисованы развалины средневековой каменной церкви. Среди находок встречаются бронзовые пряжки, удила, серьги, подвески, бляшки, браслеты, фигурки животных, зеркала, бусы. Найдены также изделия из железа: наконечники копий и стрел, колокольчик. Серебряные изделия включают украшения и нательный крест. К эпохе средней бронзы можно отнести подвески с шариком на конце. К финалу средней бронзы, наименее изученному на сегодняшний день, так называемому предкобанскому периоду, относятся бронзовые булавки с веерообразной ажурной головкой.

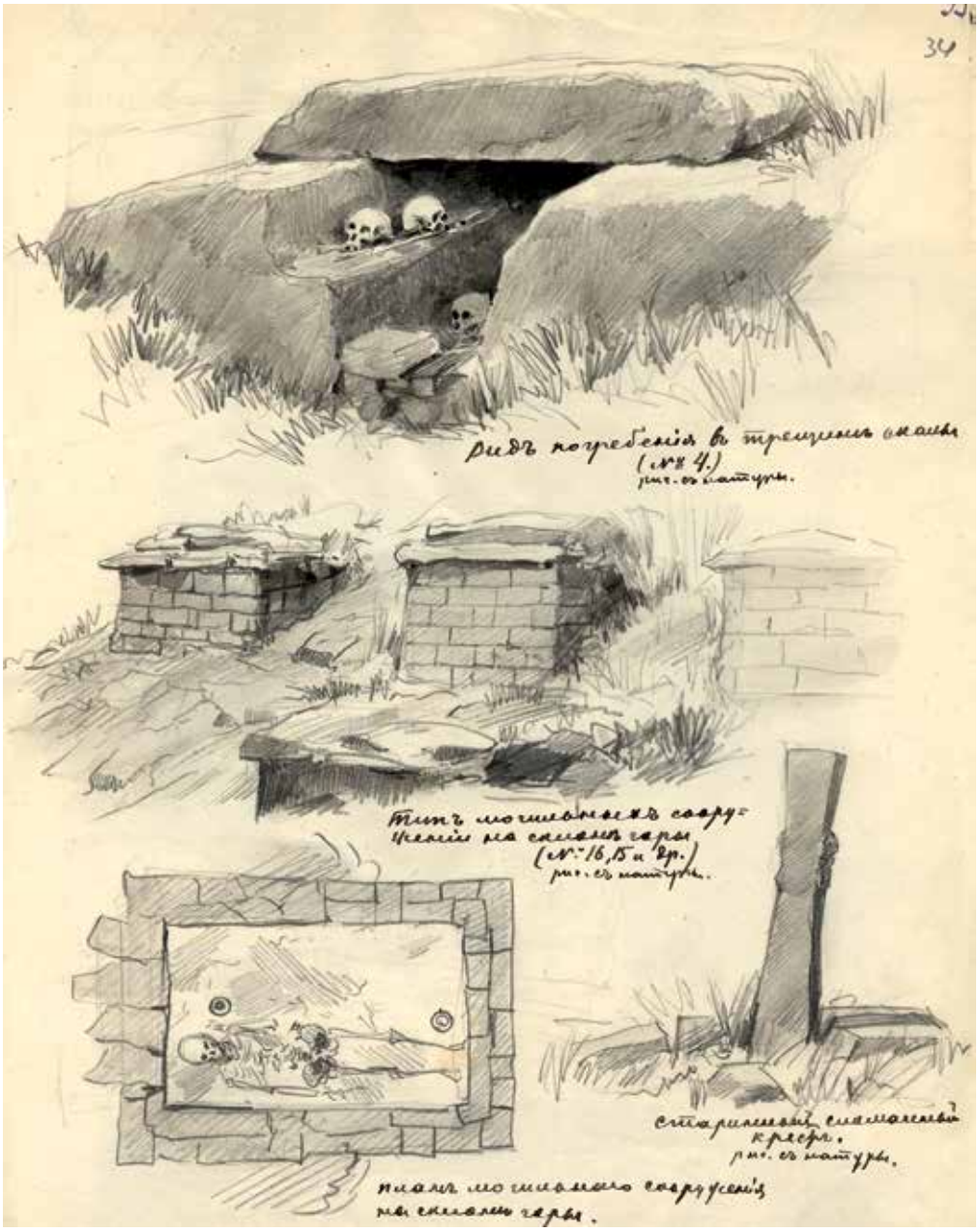
У сел. Гунделен им были найдены и зарисованы наземные средневековые склепы. Здесь же И. А. Владимиров раскопал средневековый грунтовый могильник с погребениями в каменных ящиках и деревянных колодах. На выполненных художником рисунках представлены планы и разрезы могил, скелеты погребенных. На рисунках и фотографиях можно видеть железные наконечники стрел, фибулы, серьги, пряжки, браслеты, бусы, глиняные горшки с пролощенным орнаментом, остатки шелковых и шерстяных тканей от одежды, череп с преднамеренной деформацией. На планшетах закреплены железная сабля, ножи, наконечники

стрел, пояса. Все вещи тщательно зарисованы, указано их расположение в могилах, что позволяет получить наиболее полную информацию для научных исследований. Вещи из раскопок И. А. Владимирова 1897 г. ИАК переслала в Исторический музей в Москве только 30 августа 1902 г. 17 марта 1903 г. Исторический музей получил через Комиссию еще 5 глиняных сосудов из его раскопок в Нальчикском округе.

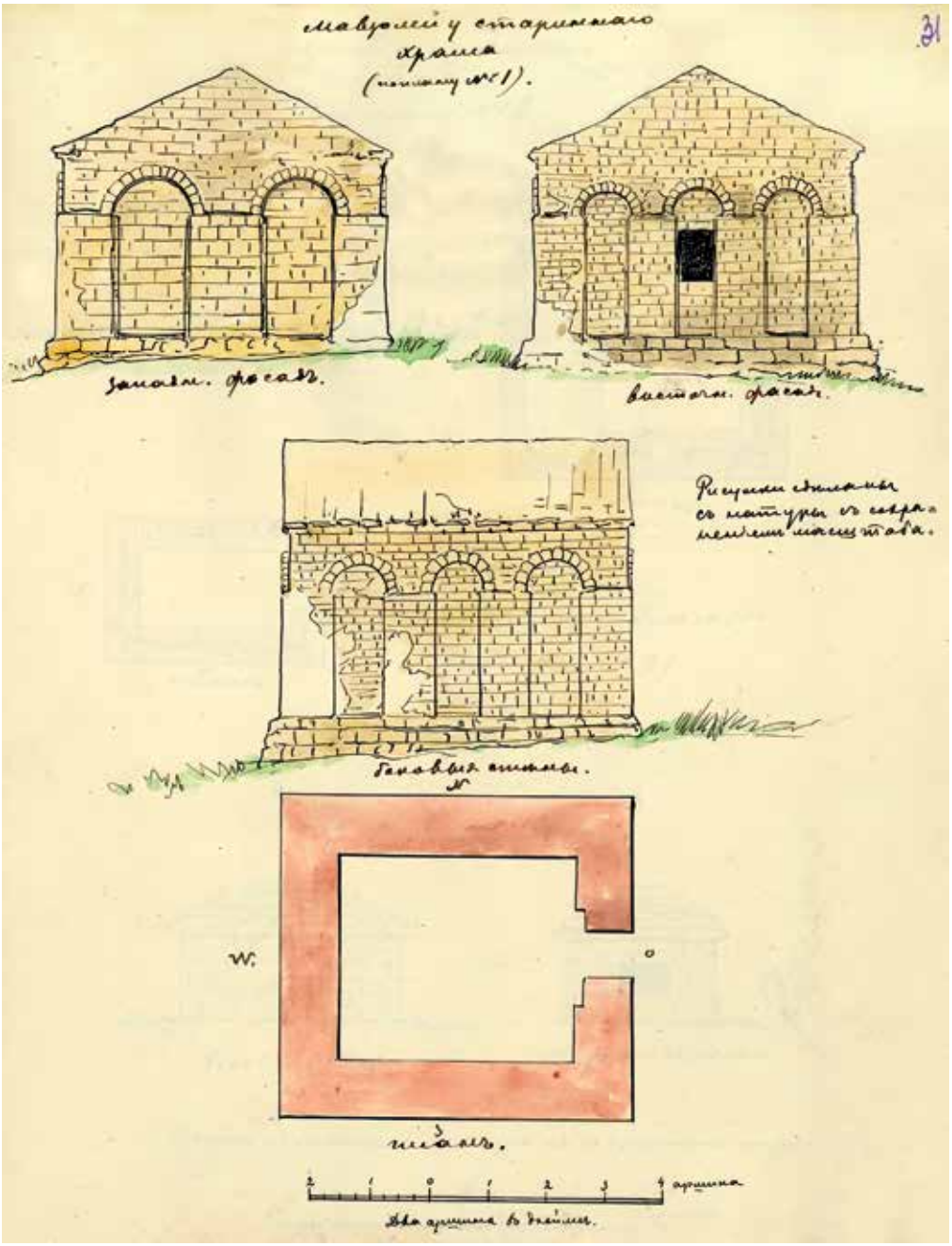
Особый интерес представляют работы И. А. Владимирова в 1899 г. по обследованию христианского храма и могильников у Сентинского аула на р. Теберде, в Баталпашинском отделе Кубанской области (сегодня Карачаевский район Карачаево-Черкесской Республики) (см. о памятнике: Белецкий, Виноградов 2011). Около этого времени член Кубанского областного статистического комитета В. М. Сысоев подготовил для ИАК докладную записку о намерении настоятельницы женского монастыря произвести ремонт Сентинского храма с фресками XI в. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 16. Л. 1 — 1 об.). Одновременно и наказной атаман Кубанского казачьего войска, опасаясь повреждения фресок при ремонте, обратился в ИАК 11 января 1899 г. с просьбой скопировать фрески, а игуменью монастыря просил подождать с ремонтом. ИАК послала в Сентинский аул И. А. Владимирова для осмотра храма и снятия копий с фресок, выделив ему 300 руб. на командировку. Только благодаря чертежам и зарисовкам И. А. Владимирова в наши дни у сотрудников Карачаево-Черкесского краеведческого музея-заповедника появилась возможность законсервировать и сохранить от разрушения этот один из древнейших на территории России христианских храмов и составить представление об имевшейся в нем фресковой живописи, сегодня почти совсем утраченной. Отчет И. А. Владимирова включает схему окрестностей храма, планы и рисунки мавзолея, рисунки типов могильных сооружений, опись находок, рисунки фасадов Сентинского храма, фотографии остатков живописи храма и находок (Там же; РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 102). В 2004–2005 гг. исследователям удалось обнаружить на стене Сентинского храма остатки надписи, которая позволяет установить точную дату официального освящения церкви в честь Богородицы — 965 г. н. э. Таким образом, эта постройка является единственным сохранившимся до наших дней точно датированным христианским храмом в бывшей Аланской епархии Вселенского патриархата (Белецкий, Виноградов 2004; 2005; 2011).

В начале XX в. активные полевые работы вел на Центральном Кавказе еще один исследователь, активно сотрудничавший с Комиссией, — поручик Всеволод Ростиславович Апухтин (1874 — после 1916). Будучи членом-сотрудником Петербургского археологического института, он исследовал могильники в Пятигорском отделе Терской области, в Нальчикском округе и в Александровском уезде Ставропольской губернии в 1902, 1903, 1906, 1908 гг. Наиболее ранние из найденных им погребений эпохи бронзы В. Р. Апухтин датировал киммерийским периодом — VII в. до н. э.

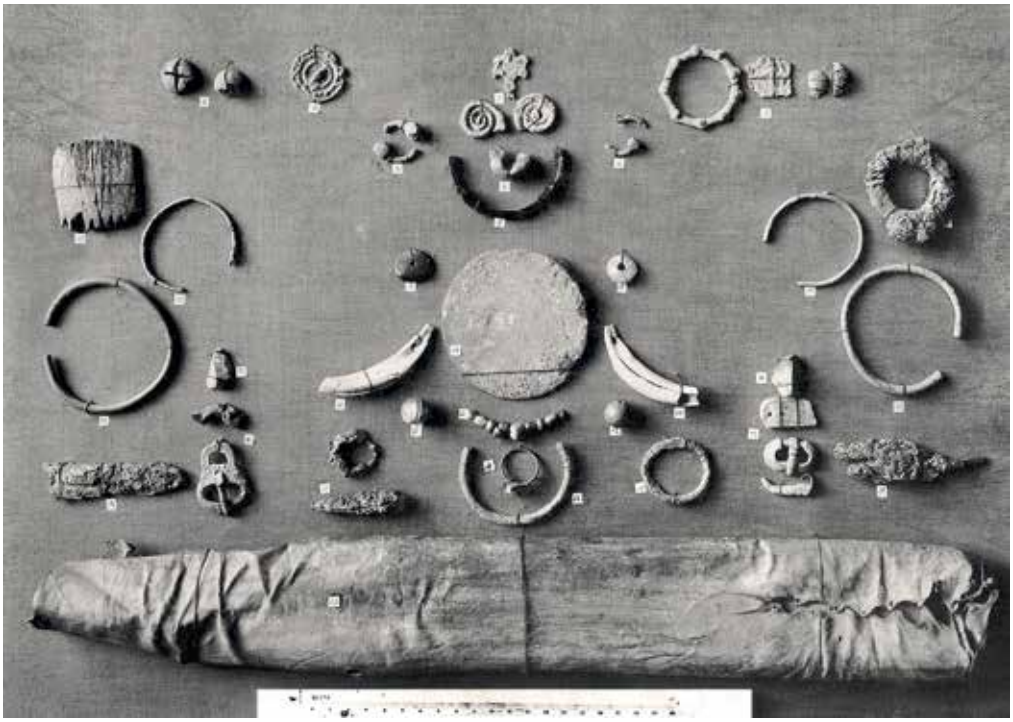
Археологией он увлекся в юности и прослушал курс в Санкт-Петербургском археологическом институте. С 1902 г. в письмах в ИАК он представлялся «членом-сотрудником археологического института». В. Р. Апухтин проводил раскопки курганов и городищ в Орловской губернии,



Типы средневековых погребений. Могильник на склоне горы, на левом берегу р. Теберды. Исследования И. А. Владимирова, 1899 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 102. Л. 34)



Мавзолей правителя Алании у Сентинского храма, X в. Аул Сенты. Кубанская область. Исследования И. А. Владимирова, 1899 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 102. Л. 32)



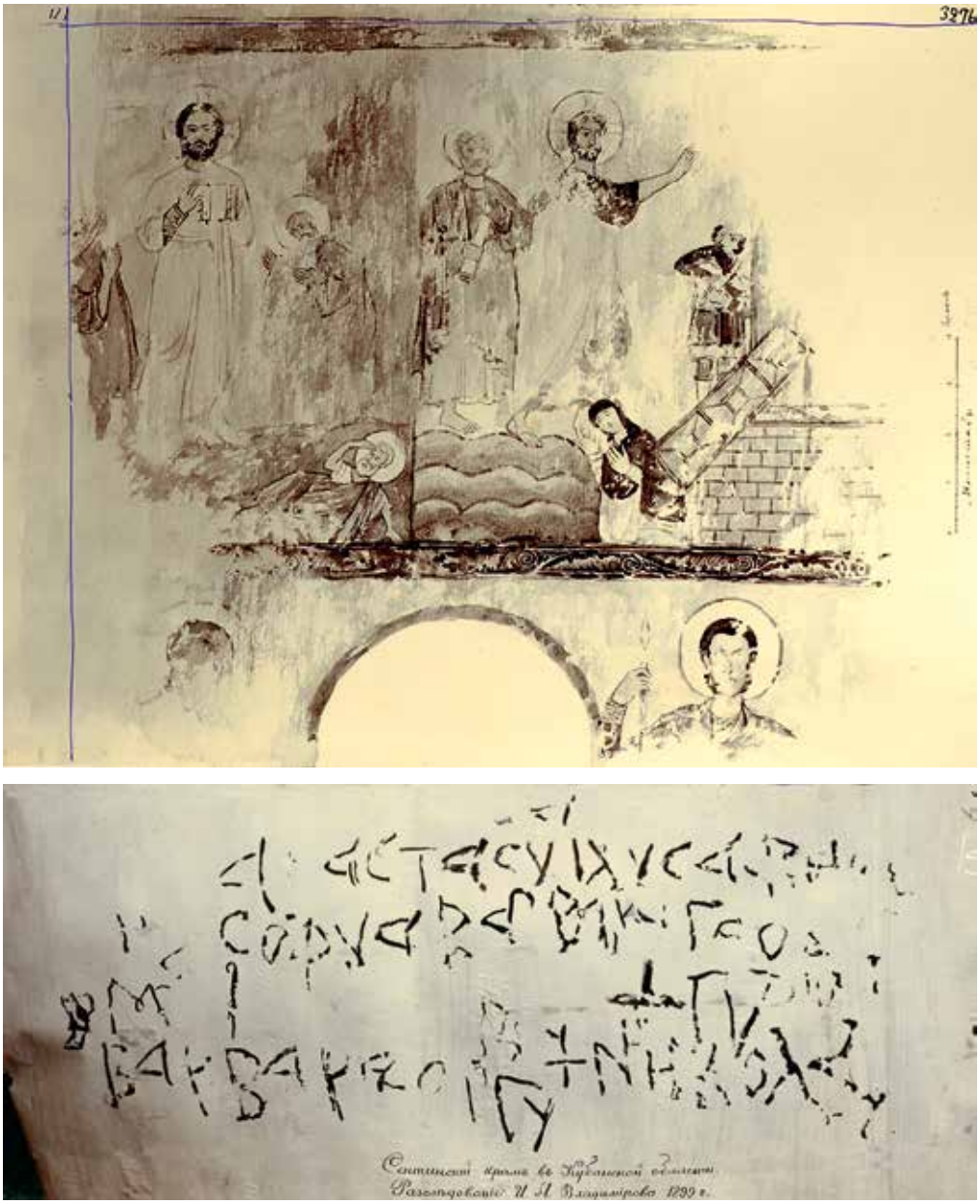
Археологические находки из раскопок И. А. Владимирова, 1899 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 102. Л. 110)

в том числе и поблизости от своего имения Бильдино. Археологией Северного Кавказа он занялся достаточно случайно. В 1902 г., будучи на лечении в Пятигорске, он обратился в ИАК, отметив, что интересуясь археологией, осмотрел курганы, пещеры и мегалитические памятники, которые сегодня или разграбляются по ночам, а вещи стекаются через агентов за границу, или разрушаются, и даже готовый тесаный камень идет на постройки. Он просил ИАК о присылке Открытого листа на проведение раскопок, полагая, что в дни перерыва грязелечения мог бы исследовать несколько «курганчиков» и пещер (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 110. Л. 5 об.). На письме сохранилась резолюция графа А. А. Бобринского: «Лист выслали 10 июля 1902 г. и дневник и бланки для занесения находок».

В. Р. Апухтин, получив Открытый лист, активно взялся за работу и раскопал несколько десятков курганов: между станицей Горячеводской и колонией Константиновской на берегу р. Подкумок (39 курганов), в окрестностях станицы Ессентукской (2 кургана), у аула Канглы на р. Сорокаул Ставропольской губернии (6 курганов), у аула Бабукова на р. Баксан в Кабарде (1 курган). Совместно с Кавказским горным обществом им был осмотрен грунтовый могильник у горы Бештау.

Первые курганы с каменной насыпью были раскопаны В. Р. Апухтиным у станицы Горячеводской. Один из курганов, высотой 9,5 м, как раз содержал окрашенный костяк. Инвентарь погребения включал бронзовую булавку с орнаментом из валиков и шишечек, «алебастровый столбик» (возможно,

Вид Сентинского храма с юго-восточной стороны. Аул Сенты. Кубанская область. Исследования И. А. Владимирова, 1899 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 102. Л. 104)



Сентинский храм. Копия фрески южной стены южной ветви креста храма. Преображение Господне, Воскрешение Лазаря. Ктиторская надпись на северной стене алтарной апсиды. Аул Сенты. Кубанская область. Исследования И. А. Владимирова, 1899 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 102. Л. 93, 99)

акролитическая статуэтка, подобная найденной в Ульском ауле), еще одну булавку зеленого цвета (может быть, окислы бронзы) в костяном футляре, обломок бронзового сосудика (бронзовой полусферической бляшки?), глиняный сосуд с орнаментом и три сосудика один в одном — светильники. В других курганах были найдены средневековые погребения. В одном лежали огниво и кресало, в другом — железные ножницы для стрижки овец, в третьем — железная сабля. Краткое описание раскопок на почтовой карточке В.Р. Апухтин отправил в Императорскую археологическую комиссию 23 июля 1902 г.

26 июля им послан в ИАК рукописный журнал раскопок с рисунками погребений и вещей. К сожалению, рисунки выполнены достаточно небрежно, отсутствуют масштаб и размеры. В дневнике за 1902 г. на каждой странице поверх типографского рисунка скелетов погребенных археолог изображал сопроводительный инвентарь и погребальное сооружение, например, обкладку стенок ямы камнями (Там же. Л. 11–16). В.Р. Апухтин сообщил, что послал находки, в том числе и костные останки, в Харьков на выставку XII Археологического съезда, и что рабочая сила, используемая на раскопках на Кавказе, весьма дорогостоящая: 1 руб. — 1 руб. 20 коп. на одного человека в день.

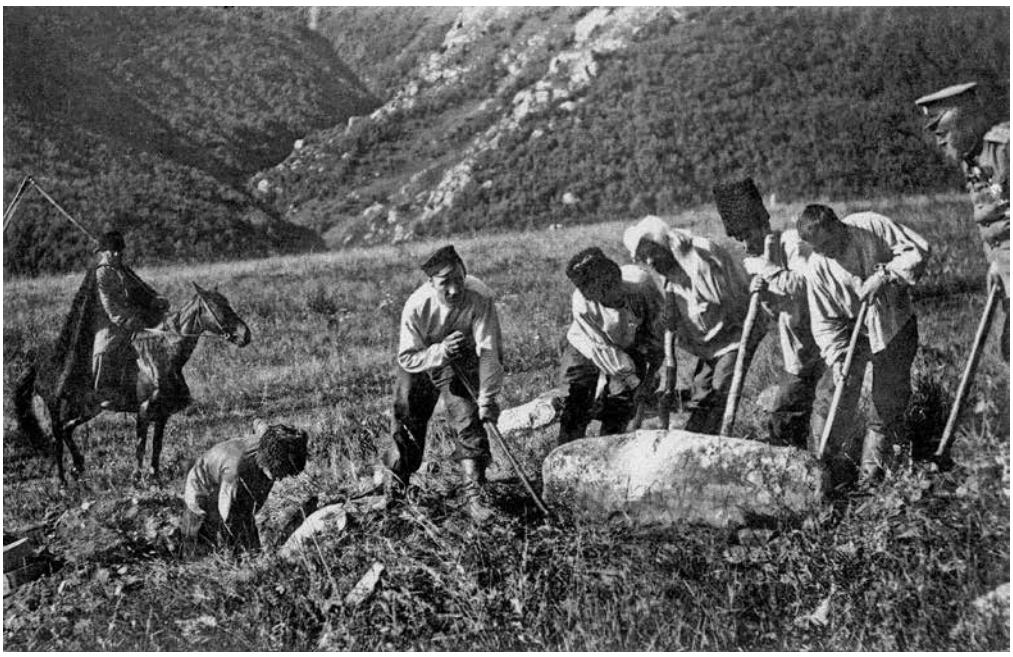
14 августа 1902 г. В.Р. Апухтин послал в ИАК новую докладную записку. Он сообщал, что в тот же день, когда он доставил материалы своих раскопок в Харьков, сюда прибыла из своего имения графиня П.С. Уварова, бывшая председателем Московского предварительного комитета. Далее завязалась интрига: «Сначала мне было отказано в помещении вещей на выставку из-за отсутствия места и позднего прибытия, но благодаря любезности профессора Д.И. Багалея мне отведено было место на открытых полках между двумя окнами. Теперь, когда выставка открыта, неудобство этих полок очевидно, во-первых, находясь в простенке, они совсем не освещены, а во-вторых, зрители трогают вещи руками, причем 2 предмета совсем пропали, а один сломан». Описав далее работу съезда, В.Р. Апухтин просил выслать ему Открытый лист для раскопок в Орловской губернии (Там же. Л. 12 — 13 об.). Однако в этом просителю было отказано, поскольку ему уже выдан лист по Терской области. Комиссия попросила В.Р. Апухтина предоставить ей обстоятельный отчет об уже исполненных работах, лишь в таком случае ИАК могла бы выдать Открытый лист на производство раскопок в указанных местностях средней России и Кавказа.

В 1906–1908 гг. В.Р. Апухтин по указанию Д.Я. Самоквасова раскапывал в Пятигорье курганы с окрашенными костяками, где погребения зачастую безынвентарны (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 107). В 1908 г. им были раскопаны 3 кургана у городов Кисловодск и Ессентуки. Здесь были открыты погребения в каменных ящиках и с обкладкой могил камнями. Покойники в могилах были уложены на спине. Из могил эпохи бронзы, которые В.Р. Апухтин, вслед за А.А. Спицыным, отнес к киммерийскому времени, происходили каменная булава, каменный молоток, два бронзовых ножа (по В.Р. Апухтину — наконечники копий), бронзовые привески и глиняные сосуды с орнаментом. Д.Я. Самоквасов сфотографировал таблицы с находками и выслал фотографии в ИАК. В.Р. Апухтин же, вместо подробных отчетов о раскопках, посылал

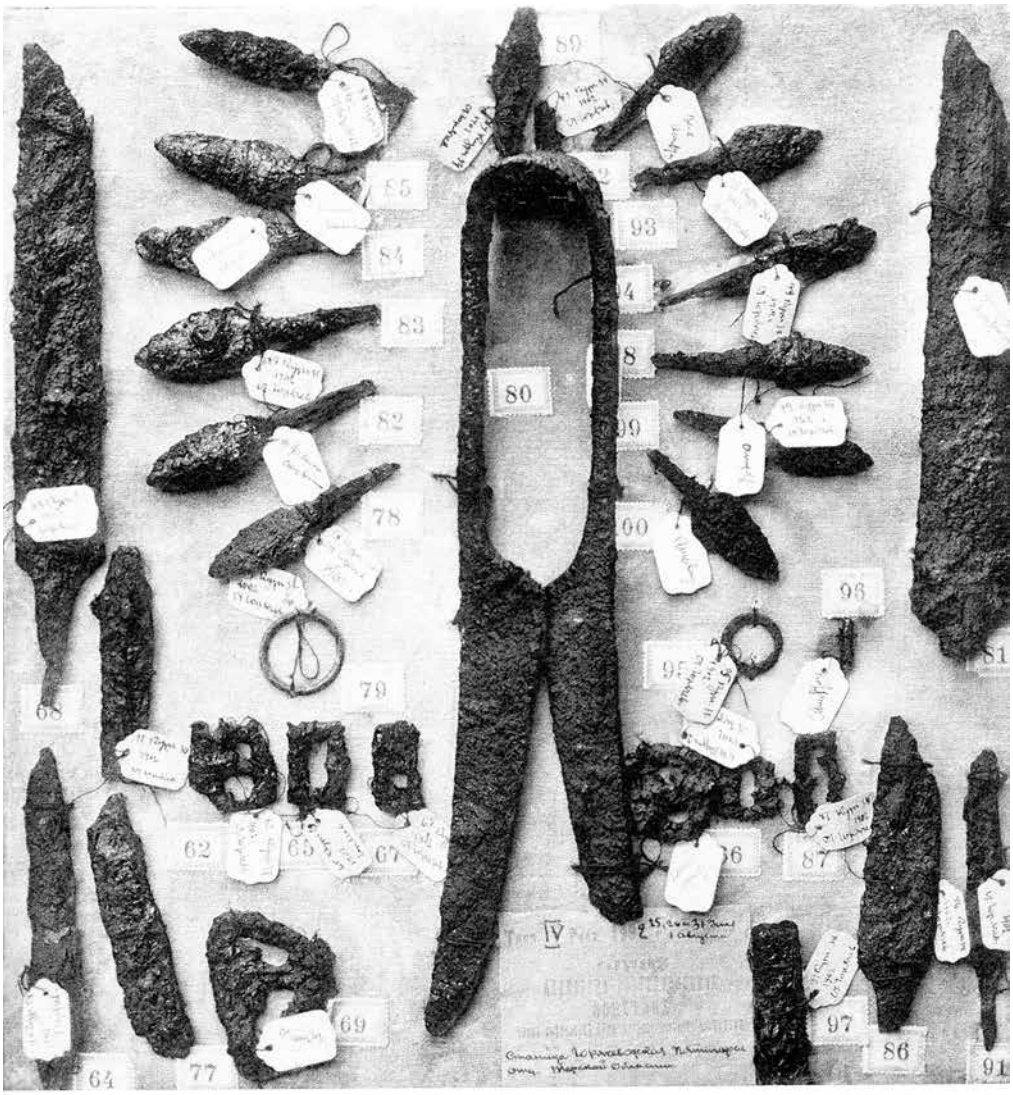
в Петербург схематичное, «телеграфное» описание могильников на одном-двух тетрадных листах. На рисунках отмечены разрезы курганов, планы погребений и отдельные находки (ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 162. Л. 27–28).

20 ноября 1908 г. В.Р. Апухтин сообщал в ИАК, что занят разборкой предметов из раскопок на Северном Кавказе, и в скором времени обещал привезти эти древности и дневники в Санкт-Петербург. Также он сообщал, что с финансированием раскопок ему помог Д.Я. Самоквасов. Позднее, в 1909 г., В.Р. Апухтин вновь посылал новые запросы на Открытый лист для раскопок памятников в Пятигорском отделе. В качестве «оправдательных документов» он приводил фотографии, переданные в ИАК с Д.Я. Самоквасовым, серию открыток и популярную книжку о раскопках на Кавказе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 134. Л. 8 — 10 об.). На выпущенных В.Р. Апухтиным открытках изображены характерные типы погребальных памятников Пятигорья: киммерийского периода (эпоха бронзы), скифо-сарматских и средневековых (ФО. Отп. О.746-27–36).

Однако исполнявший тогда обязанности председателя В.В. Латышев в своей резолюции справедливо указал, что «не возвращен прошлогодний лист, отчет не доставлен, а равно и вещи». Последнее могло быть связано с тем, что В.Р. Апухтин собирался вместе с Д.Я. Самоквасовым открыть в Пятигорске музей и просил оставить находки для будущего музея. 20 июля 1909 г. Комиссия затребовала необходимые материалы от поручика, подключив к решению этого вопроса и самого Д.Я. Самоквасова. Непростую ситуацию хорошо отражает переписка В.Р. Апухтина и Д.Я. Самоквасова, хотя письма Апухтина достаточно подробно описывают открытые



Раскопки В. Р. Апухтиным «курганов старокабардинского типа XII–XIV вв. половецко-татарской эпохи». Терская область, 1902 г. (ФО. Отп. О.746-31)



Археологические находки из «курганов старокабардинского типа XII–XIV вв. половецко-татарской эпохи». Терская область. Раскопки В. Р. Апухтина, 1902 г. (ФО. Отп. О.746-36)

погребения, и становится непонятным, что, собственно, мешало ему предоставить необходимую полевую документацию в Комиссию (Археология 2007: 64–75). Участие Д.Я. Самоквасова в этом деле осложнялось еще и тем недоразумением, которое возникло между ним и А.А. Спицыным в связи с предполагаемым изданием ИАК Гочевских древностей (подробнее см. главу XI). В результате В.Р. Апухтин только в январе 1910 г. смог выехать в Петербург. Однако отчет в ИАК так и не появился, поскольку в ответ на новую просьбу о выдаче Открытого листа Комиссия 20 июля 1911 г. вновь предлагает В.Р. Апухтину предъявить отчет за предыдущие годы. На этом переписка с ИАК прерывается.

Всего за семь лет работ на Кавказе В.Р. Апухтин собрал коллекцию из 3000 предметов, еще более 200 предметов были отобраны им у расхитителей могил. Эта коллекция должна была составить ядро будущего музея, который В.Р. Апухтин предполагал создать на свои средства в Пятигорье. Одновременно В.Р. Апухтин проводил архивные изыскания о связях Кабарды с Россией в XVI–XIX вв. В 1911 г. он принимал участие в XV Археологическом съезде в Новгороде. Судьба В.Р. Апухтина с середины 1920-х гг. неизвестна.

Другие исследователи, чьи отчеты поступали в ИАК, работали на Кавказе обычно по два-три сезона. Так, Алексей Николаевич Грен (1862–1932) — приват-доцент Университета св. Владимира в Киеве, производил раскопки могильников в 1902 г. близ колонии Николаевской Терской области (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 160). В 1903 г. он раскапывал могилы у станицы Кисловодской, близ оз. Николаевского у сел. Каррас (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 85). В 1904 г. А.Н. Грен произвел раскопки в Хасав-Юртовском округе Терской области (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 48). Ранее три сезона производил разведки и раскопки на Кавказе и А.А. Спицын, в частности в Кубанской области и Черноморском округе в 1891, 1892, 1897 гг. А.А. Спицын уделил особое внимание могилам с окрашенными костяками, которые из-за бедности сопровождающего инвентаря обычно не привлекали исследователей. В результате им были намечены типологические особенности инвентаря и характерные черты обряда этих погребений, отнесенных позднее к эпохам энеолита — бронзы (Спицын 1899c; 1907; 1909b).

Активное заселение Черноморского побережья Кавказа и Ставропольского края и развитие здесь курортов в первые десятилетия XX в. привели к обнаружению на побережье памятников античного времени и средневековых. Комиссия направляла своих эмиссаров на Западный Кавказ, чтобы описать и попытаться спасти здешние древности от разрушения. Так, в 1912 г. в Черноморской губернии на Тонком мысу возле Солнцедара (Геленджика), у Рыбачьей бухты Всеволод Васильевич Саханев (1885–1940), тогда студент Петербургского университета, а впоследствии историк и этнограф в российской эмиграции, производил раскопки в Черноморском отделе. По поручению ИАК он раскопал 135 погребений разрушающегося могильника и несколько курганов. Раскопанные могилы были средневековыми и могли принадлежать зихам, известным по письменным источникам (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 89; РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 146). В 1913–1914 гг. В.В. Саханев, уже окончивший курс университета, продолжил раскопки могильника близ Геленджика.

Тогда им было раскопано 74 погребения (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 339; РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 299).

В 1860-е гг. исследования памятников северной части кавказского региона проводили член Археологической комиссии В.Г. Тизенгаузен, а позднее П.И. Хицунов, В.Н. Ястребов, Н.Е. Бранденбург, Н.И. Веселовский и А.А. Миллер. Естественно, что основное внимание здесь уделялось скифским древностям (подробнее см. главу III), однако эти исследования заложили основу изучения археологических культур эпохи бронзы и средневековья. Так, в 1864 г. в области Войска Донского В.Г. Тизенгаузен не только доисследовал курган Хохлач близ Новочеркасска, но и раскопал соседний курган, обнаружив в нем три каменные стелы, три погребения эпохи средней бронзы и два погребения железного века. В своем отчете о раскопках он писал:

«По середине насыпи, почти параллельно верхнему склону, тянулся тонкий слой похожей на золу плесени, по-видимому, от перетлевшего камыша или перегнивших растений. На 0,5 аршина глубины (ок. 30 см. — *Авт.*) от верхней площадки кургана оказались обломки трех развалившихся "каменных баб" из известкового камня. Одна из них, наиболее сохранившаяся, изображает усатого воина в остроконечной шапке или шлеме, с серьгами в ушах и чем-то вроде лат на груди... По срытию курганной насыпи, в юго-западной части разреза, в материковом черноземе, найден человеческий остов, лежавший в небольшом углублении в кучке, так что погребенный, вероятно, был брошен в могилу изрубленным на части (погребение А). Все кости его были покрыты ярко-красным цветом, даже земля, проникшая в череп, имела такой же цвет (скорее всего, это было расчлененное "упакованное" погребение катакомбной культуры. — *Авт.*). У северо-восточной стены разреза, под самым материком, найден небольшой глиняный сосуд грубой работы. Костей при нем не оказалось (погребение В). По снятии черноземного материка, оказались 4 углубления, вырытые в материковой глине и засыпанные землею. Сперва вскрыта была круглая яма, в северо-восточном углу разреза (погребение С) в диаметре 2 арш., глубиною от поверхности материка 1,5 арш (ок. 1,4 м и 1 м. — *Авт.*). В ней лежал человеческий остов по направлению от юга к северу, голова скелета была обращена на восток. В изголовье его находился простой глиняный сосуд, раздавленный землею, и на нем толстая раковина с просверленною дырочкою и три костяные пронизки, составлявшие, вероятно, ожерелье покойного. К югу от этой ямы было продолговатое углубление, идущее от востока к западу (погребение D), длиною в 4 арш. 9 верш. (ок. 3,2 м. — *Авт.*), шириною: с восточной стороны, с которой оно имело четырехугольную форму, в 1,5 арш. (ок. 1 м. — *Авт.*), а с западной, где оно оканчивалось круглой ямой, — в 1 саж. в поперечнике (ок. 2,1 м. — *Авт.*) и в 2,5 арш. глубины (ок. 1,8 м. — *Авт.*).

Дно этой могилы шло уступом; верхняя, или четырехугольная, часть его была отделена от нижней или круглой рядом камней, между которыми находились следы перегнившего дерева. В круглом углублении лежали: у северо-западной стенки конский остов, а у юго-западной — человеческий, сильно перетлевший скелет, в изголовье которого найдены глиняный узорчатый сосуд, с остатками перегоревшего

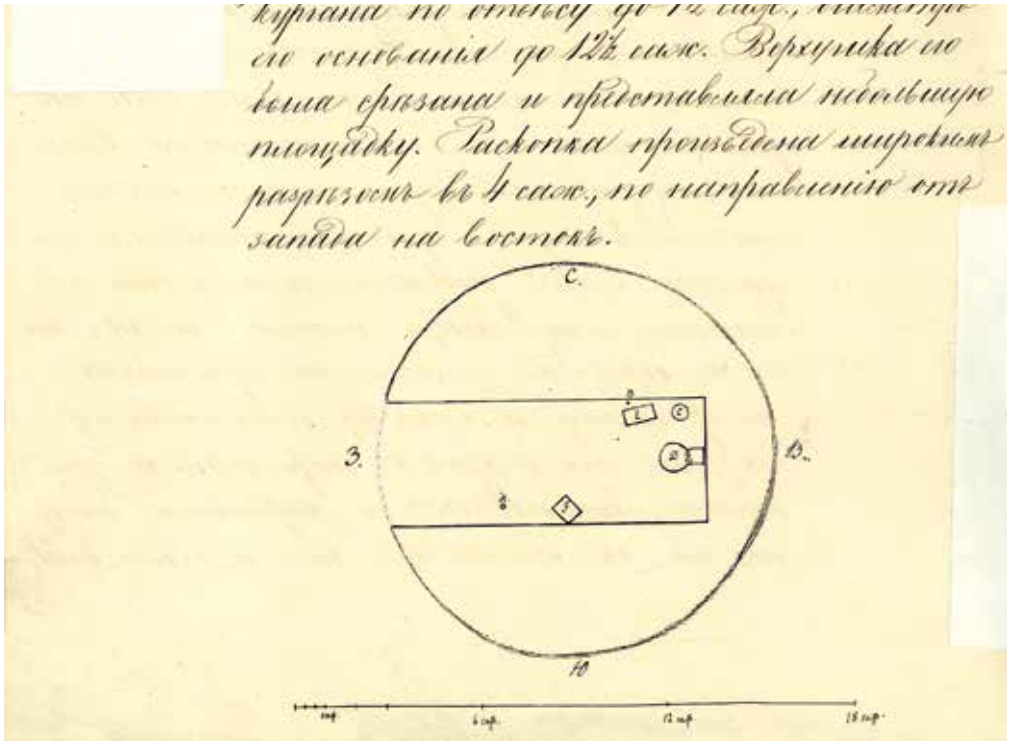


Рисунок из отчета В. Г. Тизенгаузена об исследовании кургана к западу от кургана Хохлач (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 15. Л. 11 об.)

проса и двумя скелетами небольших животных из породы грызунов. При человеческом остове открыты еще бронзовый нож и бронзовое шило.

К западу от этого углубления находилась четырехугольная яма глубиною в 1 саж., длиною также в 1 саж. (ок. 2,1 м. — *Авт.*) и шириною в 1 арш. 11 вершков (ок. 1, 2 м. — *Авт.*) (погребение E). У северной ее стенки оказался на 1 арш. (ок. 0,7 м. — *Авт.*) от поверхности конский череп, а на самом дне, в углу, также на северной стороне, небольшая ниша, в которой стоял простой глиняный сосуд.

Наконец, четвертое четырехугольное углубление у южной стенки разреза (погребение F), длиною и шириною в 2 арш. 12 вершк. и глубиною в 2 арш. 14 вершк. (ок. 2 м и 2,1 м. — *Авт.*), весьма плотно забитое землею, заключало в себе только несколько обломков простого сосуда из красноватой глины» (ОИАК за 1864 г. 1865: XXI–XXII; РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 15. Л. 16–18, 23–24).

В эти же годы В.Г. Тизенгаузеном были исследованы курганы Гиреева могила, Круглый, Клиновый и пять небольших курганов вблизи Гиреевой могилы. Все они дали материалы от раннего и среднего бронзового века до средневековых погребений. Методика раскопок того времени не предполагала полного снятия насыпи, поскольку все землекопные работы проводились вручную. Курганы раскапывали несколькими методами: сплошной траншеей, глухой траншеей, котлованом, заложенным по центру насыпи. В.Г. Тизенгаузен обычно копал двумя крестообразно расположенными

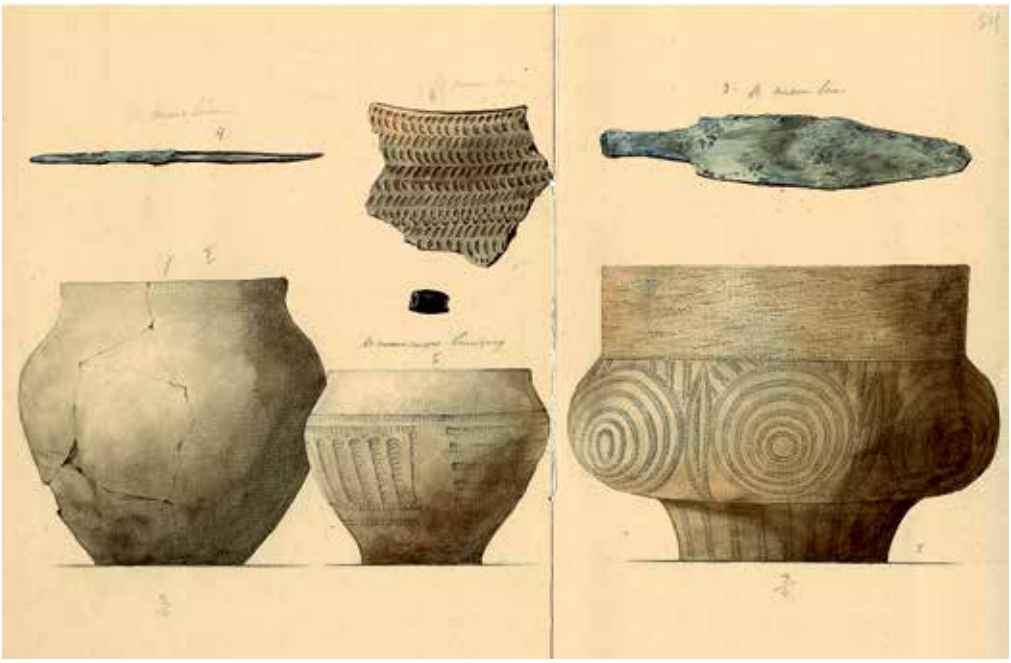
траншеями, пересечение которых приходилось на центр кургана. Даже при этой несовершенной методике внимательный исследователь обращал внимание на строение насыпи, делал стратиграфические наблюдения и на основании этих наблюдений — выводы об относительной хронологии погребений. Так, в отношении Круглого кургана близ Ростова, содержащего разновременные погребения (см. также главу III), исследователь писал, что курган «состоял так сказать из трех ярусов и заключал в себе могилы, несомненно, относящиеся к трем различным эпохам: каменной, бронзовой и железной. На это явно указывают и различное устройство гробниц и различного типа вещи, найденные при остовах. К древнейшей каменной эпохе должна быть отнесена вырытая в материке неглубокая могила, в которой находились два человеческих остова, с длинным необделанным кремневым ножом, костяными бусами и раковинами.

К этому же периоду, вероятно, относятся и две другие могилы, вырытые в материке на одном уровне с предыдущей, и заключавшие в себе, при человеческих остовах, необожженные глиняные горшки очень грубой работы. Могила второй эпохи очевидно, как это доказывали слои насыпи, устроена была в материке уже тогда, когда над первыми был насыпан курган. Находившийся в ней остов лежал на глубине 2-х сажен (4, 2 м. — *Авт.*) от поверхности материка, в небольшой катакомбе, для устройства которой прорыт был через курганную насыпь спуск в виде колодезя, сажен в пять глубины (ок. 10 м. — *Авт.*). При покойнике, лежавшем на истлевшей соломе, находились глиняный сосуд, также довольно грубой работы, но уже с различными выпуклыми украшениями, и длинный бронзовый наконечник копья, от древка которого сохранились едва заметные следы. Наконец, к третьей, железной эпохе следует отнести могилу, устроенную в самой насыпи кургана. Тут при человеческом остове найдены две гладкие бронзовые вазы, две довольно изящной работы бронзовые львиные головки, несколько более или менее искусно сделанных сосудов из обожженной глины и какое-то железное орудие» (ОИАК за 1866 г. 1868: XV).

Автор разделил полученный материал на основе стратиграфических наблюдений по вполне современной, применяемой и теперь методике, датировал выявленные группы захоронений, следуя принятому в то время хронологическому делению. Однако его подвели отсутствие четких критериев для культурной стратификации региона и наивная условность тогдашних датировок. В результате он отнес ямное погребение с кремневым ножом к каменному веку. До серьезного изучения бронзового века на этой территории оставалось еще более 30 лет.

К сожалению, фиксация материалов осуществлялась на далеко не надлежащем уровне и достаточно выборочно. Так, после раскопок 1864 г. почти все находки из кургана, раскопанного рядом с курганом Хохлач, были зарисованы в цвете (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 15. Л. 23–24). В 1866 г. были зарисованы только две наиболее выразительные находки: курильница и реповидный сосуд, а в 1865 г. ни одна находка не была зарисована.

Следует отметить, что захоронения, где в погребальном обряде использовалась охра, кусками и в виде порошка, произвели впечатление на археологов. В результате С.Г. Строганов 30 ноября 1866 г. обратился



Находки из кургана, исследованного к западу от кургана Хохлач (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 15. Л. 23 об. — 24)

с письмом к Константину Степановичу Веселовскому (1819–1901), секретарю Императорской академии наук, где, в частности, писал:

«При человеческих остовах, отрываемых в курганах южной России, нередко находится ярко-красная краска, которая по большой части лежит небольшими кусочками возле самого скелета, иногда же в простых глиняных сосудах, встречающихся рядом с покойником, а в одной из гробниц, исследованных... на правом берегу Дона, близ Гниловской станицы, покрывала два скелета с головы до ног. Препровождая при сем образчик этой краски, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство предложить ее на рассмотрение гг. членов физико-математического отделения Императорской академии наук и о мнении их по этому предмету почтить меня уведомлением...» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 10. Л. 3 — 3 об.).

7 февраля 1867 г. в ответном письме К. С. Веселовский сообщил:

«<...> согласно желанию Вашего сиятельства, я счел долгом представить конференции Императорской академии наук образчик краски, приложенной при Вашем, милостивый государь, отношении <...>. Рассмотрение сего образца конференция поручала академику Фрицину (Юлий Федорович Фрицин (Фритцше) — химик и натуралист, уроженец Дрездена (1808–1871), в 1834 г. переселился в Россию, в 1838 г. был избран адъюнктом Академии наук в Санкт-Петербурге, в 1844 г. стал экстраординарным, а в 1852 г. ординарным академиком, ему принадлежат свыше 60 работ, состоял членом комиссии при Министерстве внутренних дел для исследования и устройства Кавказских Минеральных Вод. — *Авт.*), который, произведя химическое исследование оного, нашел, что означенная

краска состоит из глины, окрашенной окисью железа, и, следовательно, принадлежит к роду красок, известных под названием болюсов или мумий» (Там же. Л. 4). На этом дело остановилось. В дальнейшем при раскопках на Таманском полуострове исследователям иногда встречались в курганах погребения, где костяки лежали на подстилке из «перетлевшего камыша», на «выбеленном полу», в скорченном положении, с грубой керамикой. Их называли «скифскими», «киммерийскими», и к их исследованию относились недостаточно внимательно. Более того, наличие скорченных или окрашенных костяков в кургане определенно указывало на то, что насыпь была создана задолго до того, как появились погребения скифской или эллинистической эпохи с богатым и ценным в художественном отношении инвентарем.

В 1872 г. В.Г. Тизенгауазен в одном из курганов Таманского полуострова, на возвышении северо-западного берега Ахтанизовского лимана, напротив хутора Панабака, открыл «большую каменную гробницу, сложенную из огромных плит, между которыми швы были замазаны каким-то смолистым веществом и покрыты сверху красною краскою». Устройство гробницы и обширные размеры позволяли рассчитывать на открытие здесь погребения с богатым инвентарем: «К сожалению, ожидания эти не оправдались: на каменном помосте гробницы лежал на правом боку, без признаков гроба, человеческий остов; возле головы его справа — другой человеческий череп...; слева в изголовье самый простой горшок из черной глины с глиняным кружком, составляющим, кажется, дно другого такого же горшка, бронзовое шило, бронзовый наконечник копья (скорее всего, бронзовый нож. — *Авт.*) и мелкие обломки от какой-то бронзовой вещи» (ОИАК за 1872 г. 1875: XIV–XV). К сожалению, планы гробницы и рисунки вещей в архиве ИАК отсутствуют.

В.Г. Тизенгаузен не был единственным представителем ИАК, изучавшим этот хронологический пласт древностей в регионе. В 1890 г. Комиссия обратилась к преподавателю Елизаветградского реального земского училища В.Н. Ястребову с предложением заняться расследованием «местности в старой Азовской крепости, где в октябре минувшего года найдена мраморная надгробная плита с латинской надписью 1362 года», раскопками «двух или трех курганов в Новочеркасске, в окрестностях того кургана, в котором в 1864 году найдены были известные Вам древности, хранящиеся в Императорском Эрмитаже» и «нескольких курганов в юрте станицы Голубинской... близ местности, в которой в августе минувшего года найдены два золотых, украшенных камнями, браслета». Археологическая комиссия поручила ему также осмотреть Новочеркасский музей и сообщить в Петербург о наиболее выдающихся предметах древности в его коллекции. Еще В.Н. Ястребову предписывалось при разъездах по территории Войска Донского собирать сведения о местных городищах, о наиболее важных группах курганов, которые будут встречаться на пути, о случайных археологических находках, сделанных в тех местностях, о частных коллекциях древностей и т. п. Эти наблюдения должны были носить систематический характер и иметь перспективу развития: на основании собранных материалов В.Н. Ястребову предлагалось

Надгробная плита венецианского консула Джакомо Корнаро, 1362 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 9. Л. 6)

составить «в общих чертах» план дальнейших археологических раскопок в юго-восточной части «Войсковой Земли» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 9а).

В течение полутора летних месяцев 1890 г. В.Н. Ястребов провел разведки и раскопки в Области Войска Донского. Вблизи Новочеркасска он раскопал 4, а у хутора Мостовского близ станицы Голубинской — 10 разновременных и по большей части ограбленных курганов. В Азове им были уточнены обстоятельства находки надгробной плиты венецианского консула и посла Джакомо Корнаро (август 1362 г., сегодня в Музее донского казачества, г. Новочеркасск) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 9. Л. 1–7). Заложив траншеи между местом обнаружения этой плиты и открытого тогда же еще одного надгробного памятника — плиты с орнаментом, В.Н. Ястребов обнаружил несколько новых могил и остатки стен здания, которое он интерпретировал как церковь.

В результате он коротко описал курганные группы и городища, встретившиеся ему на пути из станицы Голубинской в Новочеркасск и Азов, ознакомился с древностями Новочеркасского музея и некоторых частных коллекций и охарактеризовал увиденные собрания, сделав вывод, что среди коллекций донских древностей преобладают средневековые материалы. Главной задачей предстоящих исследований В.Н. Ястребов определил поиск классических древностей и предложил заняться раскопками курганов в станицах Батайской и Романовской, а затем в Мариинской и Цимлянской, «где можно ожидать в курганах остатков культуры, современной расхищенному в настоящее время городищу», а также у станиц Нижне-Кундрюченской, Бессергеневской, Мелиховской, Раздорской, Кумшацкой и в окрестностях Таганрога (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 9а. Л. 35 об.). Остается добавить, что во второй половине XX в. в указанных исследователем пунктах было раскопано множество курганов, давших богатый материал, характеризующий все археологические культуры, представленные на Нижнем Дону.

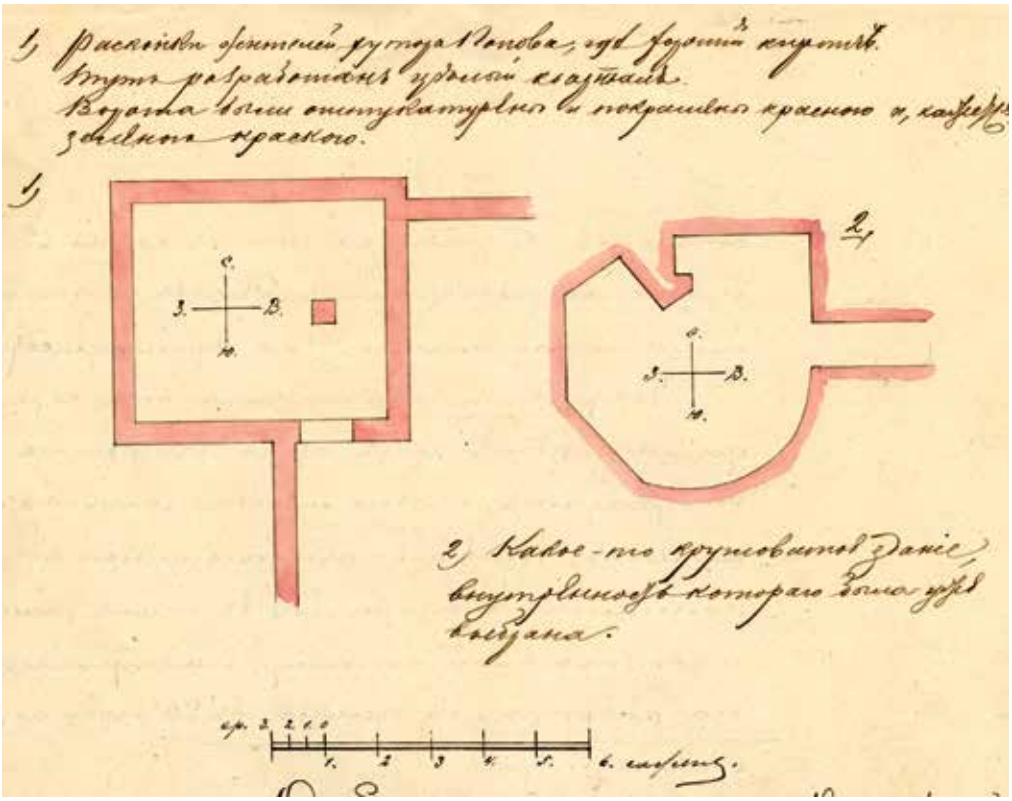
Еще одним исследователем, посетившим по заданию ИАК Область Войска Донского, был Н.Е. Бранденбург, с которым у Комиссии были достаточно сложные отношения (см. главу I). В 1891 г. он предпринял поездку для разыскания курганов с каменными бабами и произвел раскопки некоторых из них. Он объехал местность между Новочеркасском, Ростовом, Ейском, Кагальником и станицами Егорлыкская и Мечетинская. По дороге Н.Е. Бранденбург насчитал более 600 курганов и раскопал насыпь у сел. Царедар. Он обнаружил здесь погребения с белым тленом и охрой, которые можно

отнести к ямной и катакомбной культурам, впервые, по сути дела, обратив внимание на характерные черты погребального обряда бронзовой эпохи, в частности на особенности архитектуры ранней катакомбы у сел. Царедар на Дону. Н.Е. Бранденбург писал, что в кургане «высотою не более 2 саженей» (4,2 м) были встречены впускное вытянутое погребение и две могильные ямы в материке «несравненно более глубокой древности». Первая была найдена на южной стороне. На уровне материка здесь прежде всего была встречена покрытая белым налетом полоса, занимавшая около 4,5 кв. м, на которой местами замечены остатки дерева, а под ними обнаружена впущенная в материк могила (1,45×1,12 м), расположенная с востока на запад. В могиле, на глубине 1,5 м, лежал совершенно истлевший костяк, в скорченном положении, и, по-видимому, на левом боку. Дно могилы покрыто тем же белым налетом, у ног и головы скелета скелета найдены ясные следы красной краски, а в ногах черепки от простого глиняного сосуда. На северной стороне обнаружена в материке другая яма, почти квадратной формы (2,15×1,92 м), имевшая глубину ок. 3,2 м и оказавшаяся спуском в погребальную камеру. На более длинных стенках ямы (с севера на юг) оказалось по три узких уступа, на других по одному. Дно шло скатом на юг, где был открыт низкий вход в погребальную камеру, расположенную с востока на запад и имеющую в вышину ок. 1 м, а в других направлениях — ок. 2,4 м и 2, 2 м. Потолок и стены покрыты глиняной смазкой и вся камера набелена. Скелет лежал головой на восток, конечности вытянуты. Из вещей при нем найдено лишь серебряное колечко в виде спирали с плоскими концами. В результате было получено представление об архитектуре раннего пласта катакомбных погребений.

В поездке на р. Донец, вблизи станицы Константиновская, исследователь осмотрел курганы Баба и Казак с каменными стелами. Здесь были найдены три погребения эпохи средней бронзы с теми же чертами погребального обряда: белым налетом на дне и стенах могил, с употреблением охры. Одно из погребений было совершено в катакомбе. На костяках были обнаружены бронзовые украшения и нож и костяные острия. «В результате поездки г. Бранденбурга получилось большое количество сведений по курганографии края и вообще заключение, что исследование курганов с каменными бабами потребует много времени и больших издержек, но обещает быть интересным» (ОИАК за 1891 г. 1893: 79–82).

Особый вклад в дело исследования памятников Северного Кавказа принадлежит Н.И. Веселовскому, с 1886 г. члену-корреспонденту ИАК, с 1892 г. — ее сверхштатному члену, и, наконец, в 1895 г. — старшему члену (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 186). Действительный статский советник и профессор Петербургского университета с 1887 г. четверть века планомерно исследовал курганные погребения на Северном Кавказе и в Предкавказье. До 1894 г. он занимался раскопками курганов в Таврической губернии, по заданиям ИАК выезжая в Область Войска Донского и в Кубанскую область. Первыми работами Н.И. Веселовского в Предкавказье можно считать осмотр и небольшие пробные раскопки городища Саркел вблизи станицы Цимлянской в 1887 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 15).

5 марта 1887 г. в газете «Новое время» появилась заметка об открытии

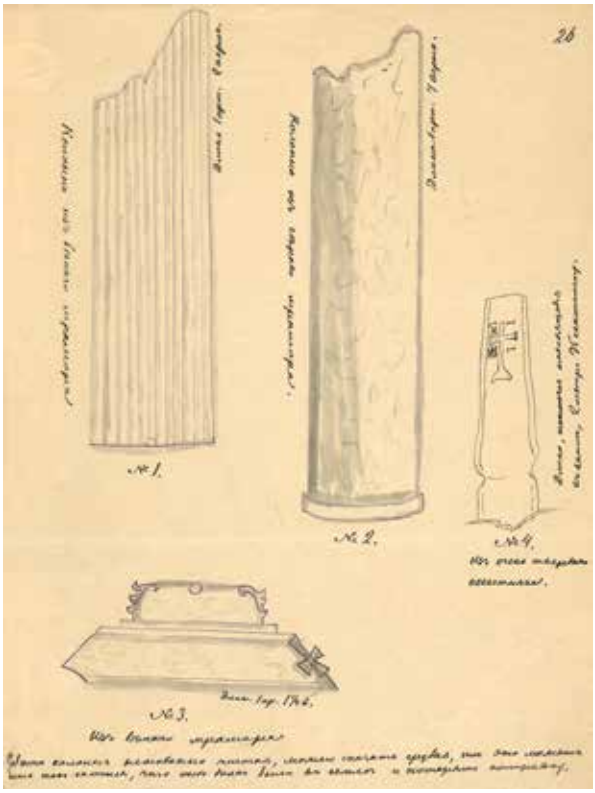


Планы археологических памятников из отчета Н. И. Веселовского об осмотре Цимлянского городища (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 15. Л. 20 об.)

в станице на глубине 2 м капитальных зданий из качественного кирпича, мраморных колонн и других находок, причем отмечалось, что местные жители разбирают кирпич для своих нужд. ИАК телеграммой обратилась к наказному атаману Цимлянской станицы с просьбой принять меры против расхищений и дальнейших раскопок и выслать найденные древности и сведения о них (Там же. Л. 1). Затем последовали письма в канцелярию наказного атамана Войска Донского с просьбами о допущении Н.И. Веселовского к раскопкам в станице Цимлянской и о прикомандировании к нему опытного землемера для снятия плана городища.

По прибытии в станицу Н.И. Веселовский выяснил, что в течение двух предыдущих сезонов на городище проводил раскопки сотрудник МАО В.И. Сизов, и что у Х.И. Попова, правителя канцелярии Войска Донского, имеется готовый план городища. Н.И. Веселовский, судя по всему, не заинтересовался городищем Саркел и ограничился его осмотром и небольшими пробными раскопками. Результатом поездки стало его краткое описание, как и отчет о посещении второго городища у станицы Цимлянской.

В том же году Н.И. Веселовский по заданию ИАК обследовал курганы близ с. Обиточное Бердянского уезда и раскопал несколько из них. Он выявил здесь четыре хронологических горизонта, к самому древнему из которых отнес ямные погребения. Н.И. Веселовский



Страница из отчета Н. И. Веселовского с зарисовками архитектурных деталей, найденных на городище Саркел (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 15. Л. 26)

подробно описал форму погребального сооружения, позы погребенных, инвентарь, наличие красной краски и белого тлена, при этом ошибочно полагая, что красный цвет костям придали якобы лежавшие рядом изделия из железа (Там же. Л. 29–30; Веселовский 1887b: VI–IX). По его просьбе был проведен химический анализ найденных в погребениях фрагментов красной краски. Аналитическая записка сообщала, что «проведенный анализ буро-красной краски из кургана показал, что она состоит из следующих частей:

Водной окиси железа:

$Fe_2 O_3 + H_2 O = 82{,}11\,\%$

Глина (каолин): 17 % / 99,11 %

Несмотря на огромное количество окиси железа, нельзя с уверенностью сказать, чтобы краска была искусственно изготовлена, т. к. и в природе встречаются подобные смеси железной (?) охры и глины» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 15. Л. 47).

Позднее его исследования были связаны с памятниками эпохи средневековья и бронзового века (по поводу исследования Н. И. Веселовским скифских древностей см. главу III). В 1894 г. у станицы Раевской, в окрестностях Анапы, между Новороссийском и Мысхако, Н. И. Веселовский раскопал несколько небольших курганов, содержащих каменные ящики с вытянутыми костяками с железными саблями, наконечниками копий и стрел. По аналогии с вещами, найденными В. Г. Тизенгаузеном в 1879 г. в курганах у станицы

Абинской, погребения были датированы XIII–XIV вв. (ОИАК за 1894 г. 1896: 12–13).

Тогда же, в середине 1890-х гг., ИАК, обеспокоенная усиливающимися хищническими раскопками местных кладоискателей, направляет его в Кубанскую область, где Н.И. Веселовскому было поручено организовать систематические раскопки. Он работал здесь более 20 лет, с 1895 по 1917 г., проводя раскопки на территории всей области. Его полевые сезоны продолжались по 2–3 месяца. За это время им было раскопано более 480 курганов, а также более 50 грунтовых погребений. Таким образом, ИАК положила начало многолетним полевым исследованиям Н.И. Веселовского в долине р. Кубань, позволившим осуществить настоящий «прорыв» в изучении древностей Северо-Западного Кавказа.

Обычно Н.И. Веселовский работал на Кубани с двумя надсмотрщиками Керченского музея — Иваном Маленко и Дмитрием Ефимовым. Так, в ноябре 1899 г. И.Ф. Маленко был командирован ИАК в Майкопский отдел «для подробного осмотра курганов». В «Предложении» ИАК было сказано: «Поручается собрать и сообщить Комиссии самые подробные сведения, осмотреть на месте курганы, находящиеся в лесных и горных местах Майкопского отдела, по рекам Белой, Курджипсу и другим. Для этого следует обратиться к содействию сведущих людей из бывших рабочих. В описании должно быть точно обозначено место кургана, чтобы его легко было найти. Описать надо величину кургана, его форму, то есть острый курган или расплывшийся, есть ли у него ров или ограда, есть ли признаки камня. Нет ли на кургане ям, какие они: старые или новые. Раскопан ли курган, или грабители до могилы не дошли. На какие курганы следовало бы прежде всего обратить внимание для раскопок... Если бы оказалось что-либо особенно интересное, или обнаружились бы у жителей какие-нибудь находки, об этом следует немедленно уведомить Комиссию. Описание курганов должно быть представлено в Комиссию по окончании поручения...» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 96. Л. 12–13).

Однако нам известны отрицательные характеристики этих личностей как «врагов археологии» и «закоренелых счастливчиков», данные керченским и майкопским начальством и некоторыми членами ИАК (подробнее см. главу I). Впрочем, именно они снабжали исследователя постоянной бригадой опытных рабочих-землекопов. Эта бригада приезжала из Керчи, надсмотрщики также служили в Керченском музее древностей. Так, это видно из того, что в 1897 г. один из рабочих, Иван Кольга, казак Полтавской губернии, получив перелом ноги при обвале стены раскопа одного из курганов в юрте станицы Ярославской, обратился в ИАК с прошением о помощи на лечение. Адрес его проживания был керченский, и деньги для него, 25 руб., были переведены директору Керченского музея древностей К.Е. Думбергу (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 204. Л. 99–104).

Керченская бригада позволяла Н.И. Веселовскому не зависеть от сезонных колебаний в наличии рабочей силы и ее оплаты, чем и должно объясняться благосклонное и покровительственное отношение Н.И. Веселовского к И. Маленко и Д. Ефимову. Обычная плата рабочему-землекопу составляла 1,25 руб. в день, но в страду на сельскохозяйственных работах платили больше. Дополнительно в финансовых

отчетах Н. И. Веселовского указывались расходы на доставку рабочих из Анапы в Екатеринодар и далее в Майкоп, на приобретение парусины, изготовление палаток и их упаковку, на доставку рабочим воды и т. д.

Как правило, начало работ Н.И. Веселовского предварялось письменными обращениями ИАК к начальству области. Необходимо отметить, что ему удавалось проводить работы не только на общих и казенных землях, но и на частных. Иногда землевладельцы действовали бескорыстно, иногда — желая получить вознаграждение. Последнее не всегда оправдывало надежды.

В 1899 г. урядник Кубанского войска И.П. Харин разрешил Комиссии раскопать курган на своем участке близ Хатажукаевского аула, что и было поручено Н.И. Веселовскому. В письме от 16 октября 1899 г. ИАК выразила ему благодарность и сообщила, что добытые из кургана вещи будут представлены для обозрения императорской семьи на выставке весной 1900 года (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 96. Л. 9). 6 декабря И.П. Харину было направлено письмо о том, что «рассмотрев вещи, добытые из кургана на принадлежащем Вам участке близ Хатажукаевского аула, Комиссия оценивает их в 97 с половиною рублей, по нижеследующему расчету: золотых мелких украшений 9 золотников, считая каждый золотник в полтора раза против номинальной стоимости, т.е. по 7 руб. 50 коп., итого 67 руб. 50 коп.; а все прочие предметы вместе с медным котлом 30 руб. Из этой суммы Вам на основании личных переговоров с профессором Н.И. Веселовским следует получить третью часть, что составит 32 руб. 50 коп., которые при сем высылаются, с просьбою прислать расписку в получении этих денег» (Там же. Л. 24).

Обычно средства, выделяемые Н.И. Веселовскому для проведения раскопок, составляли от 3500 до 4000 руб. Приблизительно 2500 руб. выплачивались непосредственно за земляные работы: деньги получали надсмотрщики по распискам. 500 руб. составляли личные расходы Н.И. Веселовского (проезд до места работ, разъезды и пребывание), остальные деньги тратились на проезд рабочих, приобретение необходимых инструментов, закупку парусины и других материалов для изготовления палатки, доставку воды, фотоработы и т. п.

Во время своего пребывания на Северном Кавказе Н.И. Веселовский зачастую выступал как полномочный представитель ИАК. Когда в 1895 г. выяснилось, что сотник Нестеров, которому ИАК разрешила раскопать три кургана под присмотром Е.Д. Фелицына, разрыл кроме этого еще курган у станицы Крымской и золотые украшения из него сначала оставил себе, а потом заложил часть из них крымскому купцу Калианиди за 400 руб., то Н.И. Веселовскому пришлось выкупать их (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 46). Он выдал купцу сначала 200 руб., а потом еще 100 руб. с тем, что оставшиеся 100 руб. были бы взысканы с Нестерова. Дополнительные обращения ИАК к кубанскому и донскому атаманам не дали результата: сотник Нестеров отбыл в неизвестном направлении.

В том же году Н.И. Веселовским были проведены раскопки 2 курганов у станицы Крымской, 2 курганов у станицы Ярославской, 29 курганов у Бесленевской, 5 курганов в окрестностях Анапы и 9 курганов у станицы Псебайской. В последнем случае 8 из этих курганов оказались средневековыми, а в одном находилось погребение

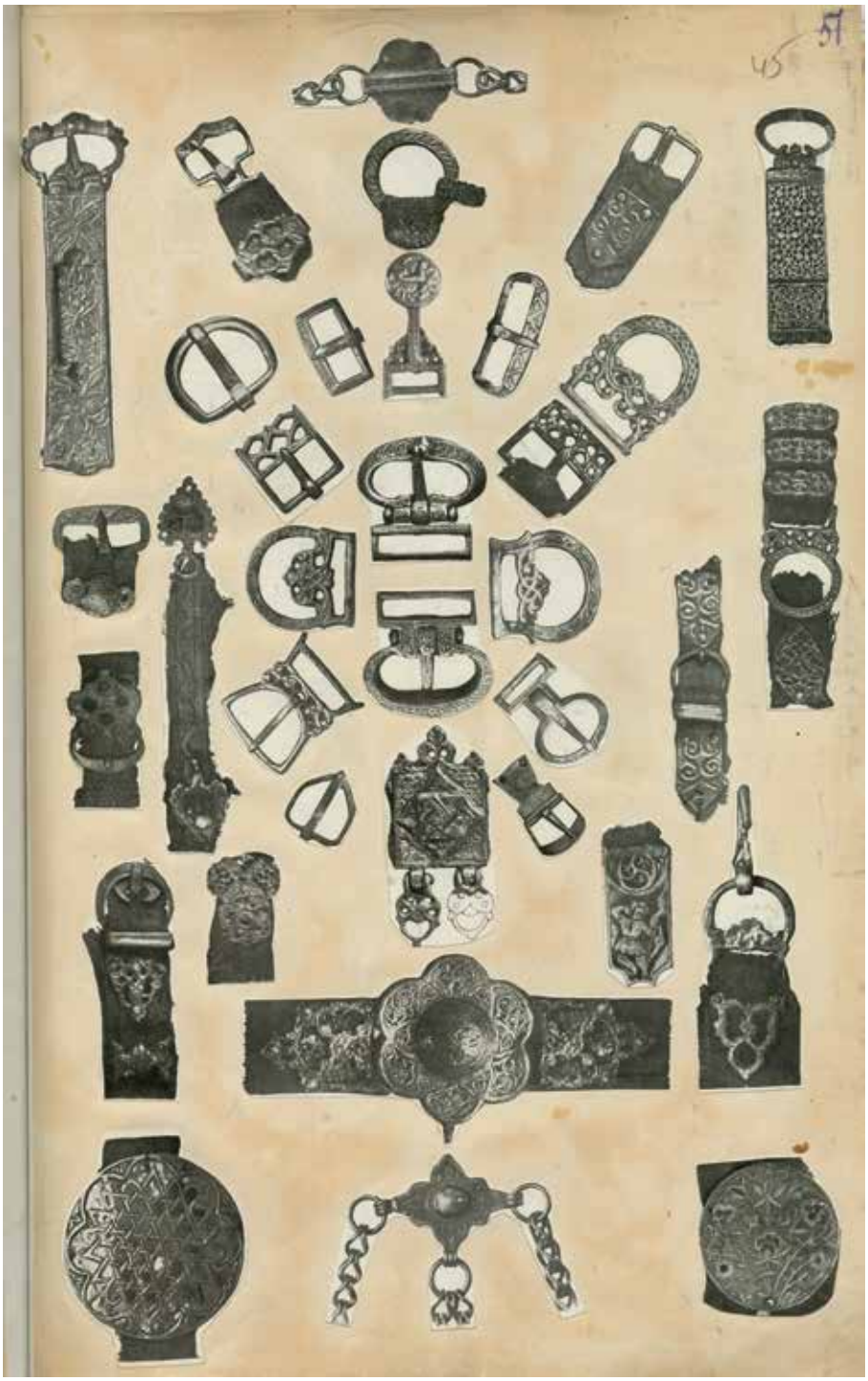
Сцена соколиной охоты. Прорись. Страница из отчета Н. И. Веселовского о раскопках Белореченских курганов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 52. Л. 20)

ранней бронзы с медными топором, теслом, ножом, вилообразным орудием, булавкой и сердоликовыми и золотыми бусами (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 93; ОИАК за 1895 г. 1897: 30).

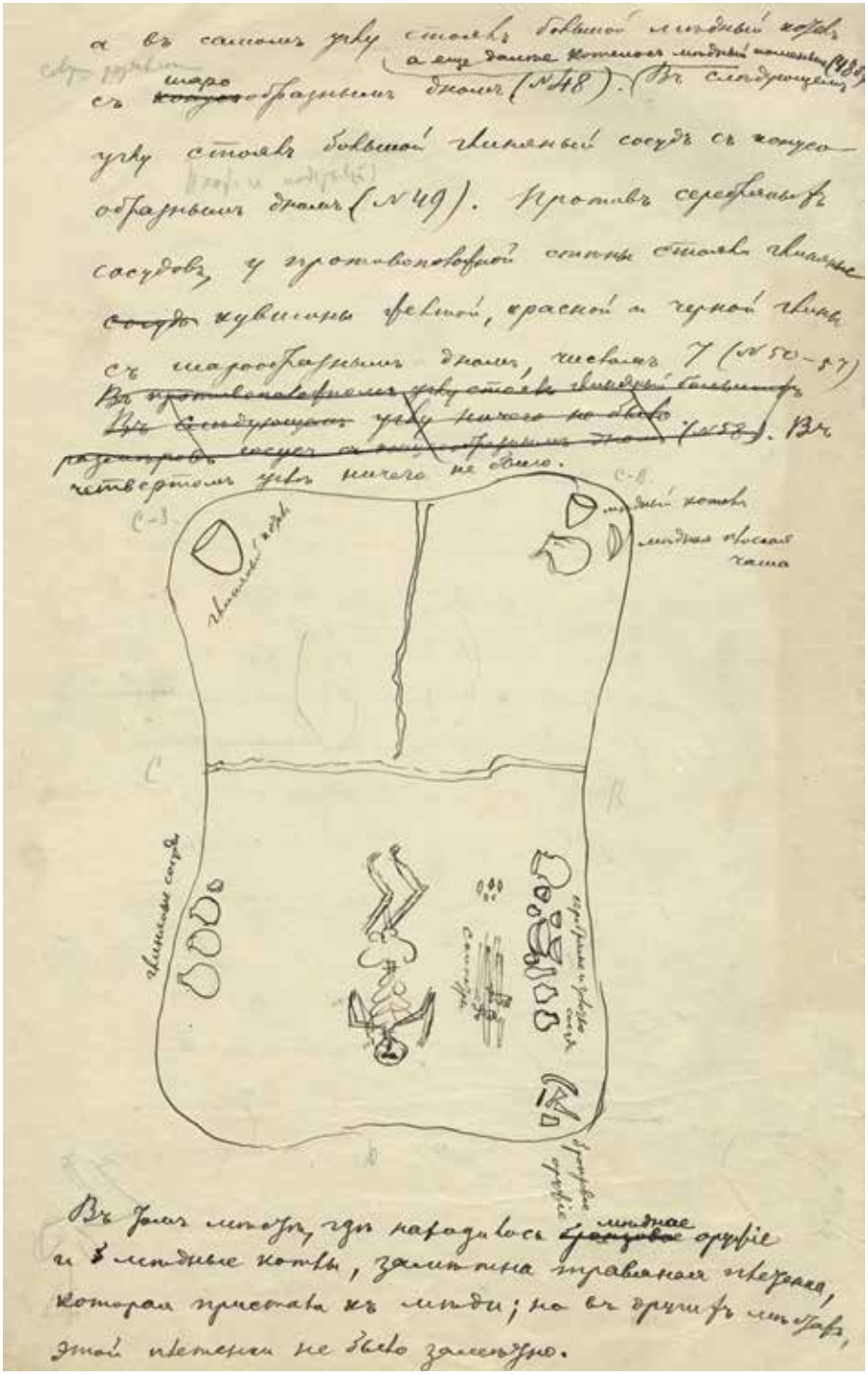
К заслугам Н.И. Веселовского как полевого исследователя относится открытие подкурганных могил золотоордынского времени в устье р. Белой. У станицы Белореченская в 1896 г. им были раскопаны 53 кургана, а в 1897 г. здесь же он исследовал еще несколько курганов. Погребения были совершены под невысокой насыпью в яме с каменными обкладками. Покойники лежали в могиле на спине в вытянутом положении. Погребальный инвентарь состоял из железной сабли, положенной у пояса, украшенного серебряными накладками. К поясу же была подвешена серебряная чашечка или ковшик с растительным орнаментом (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 52). Эта яркая группа памятников позднее получила название белореченской культуры / культуры белореченских курганов, хотя ее историческое и этническое содержание является сегодня предметом дискуссии (Крамаровский 2002; 2010; Фоменко 2018; Чхаидзе, Дружинина 2018)

Среди памятников иной культурной принадлежности в 1896 г.

Элементы поясного набора. XIV–XV вв. Страница из отчета Н. И. Веселовского о раскопках Белореченских курганов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 52. Л. 44 об.)



Элементы поясного набора. XIV–XV вв. Страница из отчета Н. И. Веселовского о раскопках Белореченских курганов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 52. Л. 45)



План погребения. Страница из отчета Н. И. Веселовского о раскопках Майкопского кургана (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 204. Л. 53 об.)

Н.И. Веселовским было раскопано 14 курганов у станицы Андрюковской, 2 больших кургана у станицы Ярославской и 12 курганов у станицы Костромской (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 52; ОИАК за 1896 г. 1898: 3–61), заключавших в себе яркие погребения эпохи бронзы, а также скифского и сарматского времени.

В 1897 г. он продолжил систематические исследования курганов в Кубанской области. Им было раскопано 46 курганов в районе станиц Костромской, Белореченской, Андрюковской, Губской, Царской, Тульской и 2 кургана близ Анапы (ОИАК за 1897 г. 1900: 2–23). Именно в этом году был открыт эпонимный курган с уникальным погребением в Майкопе.

Еще в октябре 1896 г. ИАК направила майкопскому городскому голове извещение о том, что она предполагает провести раскопки «кургана, находящегося в 1-м участке города Майкопа на перекрестке двух улиц». Однако выяснилось, что курган частично находится в частном владении, ввиду чего Комиссия просила уточнить условия такого пользования (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 204. Л. 1). Черновик написан рукой Н.И. Веселовского. Майкопский голова сообщал, что два склона кургана находятся в собственности двух городских мещан, которым они были отведены под дворовые постройки. Склоны эти уже были нарушены жителями, добывающими глину. Через полицию дальнейшие раскопки были запрещены (Там же. Л. 2).

В апреле 1897 г. майкопский голова сообщил, что «мещане города Майкопа, добывая для мощения тротуаров камень… из курганов, разбросанных вблизи города, натолкнулись в одном из курганов на дольмен». Узнав об этом, он распорядился в тот же день поставить около кургана караул, а затем под личным своим наблюдением приказал «обнажить» этот дольмен, сняв вокруг него часть земли, причем во время работ на глубине 70 см в разных местах начали встречаться кости черепа и других частей человеческого скелета. Поскольку, с точки зрения местного начальства, «другого интереса для науки в смысле археологической редкости не обнаружено», работы были остановлены до приезда Н.И. Веселовского. Однако городской голова не преминул «просить разрешения об извлечении из кургана пяти камней, составляющих дольмен, для постановки их в Городском саду» (Там же. Л. 8). На документе имеется пометка: «На заседании 27 апреля 1897 г. Комиссия постановила: поручить дальнейшее ведение этого дела Н.И. Веселовскому при личном его посещении Майкопа…»

В этом же году Майкопский курган (Ошад) высотой более 10 м был исследован. Этот памятник дал сегодня название блестящей культуре эпохи ранней бронзы Северного Кавказа. В кургане был погребен представитель родоплеменной знати — вождь-жрец. Инвентарь этого захоронения по праву открывает коллекцию Золотой кладовой Государственного Эрмитажа. По сложному погребальному сооружению, обилию украшений и сосудов из драгоценных металлов, а также по присутствию сопровождающих захоронений майкопское погребение не случайно сопоставлялось с захоронениями скифских царей. Оно отражает сложность социальной структуры раннебронзовых племен Северного Кавказа. Инвентарь погребения позволил реконструировать высокоразвитую металлообработку и гончарство у носителей майкопской культуры.

В инвентаре майкопского погребения присутствуют ювелирные украшения и серебряные сосуды с гравированными изображениями, находящие параллели в памятниках урукского периода на Переднем Востоке. Учитывая типологические параллели в урукских памятниках массовой керамической посуде майкопской культуры, исследователи справедливо полагают наличие различных связей северокавказского и передневосточного населения и, возможно, даже миграцию на Кавказ из районов Сирии и Восточной Анатолии (Мунчаев 1994). К сожалению, в материалах, относящихся к полевым работам Н.И. Веселовского, сведений о собственно раскопках содержится не больше, чем в опубликованных отчетах ИАК. Дневники отсутствуют, вместо чертежей имеются, и то не всегда, кроки или беглые наброски. 15 марта 1901 г. комплекс находок из Майкопского кургана был передан в Эрмитаж (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 204. Л. 118).

Помимо исследования Майкопского кургана большой удачей Н.И. Веселовского в Предкавказье было обнаружение и исследование «царских» погребений скифского времени в Келермесских, Костромских, Ульских и Разменных курганах (подробнее см. главу III). Характерно, что к тому же скифскому периоду (VII–V вв. до н. э.) были им отнесены «царские» захоронения, открытые в «Больших кубанских курганах» в Майкопе и в станице Царской (Новосвободной) (ОИАК за 1897 г. 1900: 2–11; ОИАК за 1898 г. 1901: 33–38). Такое сопоставление древностей, датируемых сегодня периодом ранней бронзы (конец IV — начало III тыс. до н. э.), со скифскими было вызвано в первую очередь социоархеологическими параллелями, такими как богатство сопровождающего инвентаря, сопоставимое с материальной культурой элиты скифского общества, и присутствие в комплексе изделий восточных ремесленников, как и в погребениях скифской военной аристократии, вернувшейся из малоазийского похода, например, в Келермесских курганах.

Приступая к раскопкам больших курганов в Закубанье, Н.И. Веселовский, видимо, ожидал найти в них новые захоронения скифских вождей. Однако большинство исследованных им насыпей (курганы у станиц Новолабинской, Андрюковской, Кавказской, Тифлисской и Ульского аула) сооружалось в эпоху бронзы (Мунчаев 1994; Марковин 1994a; 1994b). Н.И. Веселовскому удалось собрать значительную коллекцию металлических изделий бронзового века, как считали тогда — «киммерийского» периода, или периода «окрашенных костяков». Последнее название возникло благодаря обычаю посыпать останки погребенных порошком минерального красителя — «охрой».

Принято считать, что Н.И. Веселовский интересовался в основном памятниками античного периода, однако именно ему принадлежит заслуга первой научно обоснованной датировки древностей Кавказа бронзовой эпохи методом типологических параллелей. Сопоставив найденные в погребении Ульского аула алебастровые антропоморфные статуэтки с эгейскими идолами, Н.И. Веселовский датировал кубанские погребения крито-микенской эпохой — 1500–1200 гг. до н. э. (Веселовский 1910: 7–9).

В отличие от масштабных и планомерных исследований в Причерноморье и на Северо-Западном Кавказе, менее известны полевые работы

Н.И. Веселовского в верхнем течении р. Кубань. Здесь, в месте выхода Кубани к предгорьям Кавказа, Н.И. Веселовского привлекли курганные насыпи, расположенные к югу от г. Баталпашинска (современный Черкесск), города, который уникальным образом сохранил имя Батал-паши — предводителя турецкого войска, разгромленного русскими. Н.И. Веселовский, предполагая, видимо, повторить или даже превзойти успех раскопок «царских» скифских курганов на Кубани, поскольку здешние насыпи действительно превосходили все прочие и размерами, и числом, попытался раскопать самый крупный из известных сегодня кавказских курганов — Сангарау-тепе у станицы Усть-Джегутинской в долине р. Кубань (ныне г. Усть-Джегутинск, Карачаево-Черкесия). Высота этой горы земли достигает 16 м, а ее диаметр превышает 140 м. Очевидно, именно курган Сангарау-тепе изображен на акварели Д.М. Струкова, хотя на подписи в альбоме ошибочно указано направление не к югу, а к северу от г. Баталпашинска (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 87. Л. 59). Н.И. Веселовский надеялся открыть здесь погребение могущественного скифского царя. Раскопки «глухой» траншеей с юга на север продолжались два сезона: в 1901 и 1902 гг. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 103; ОИАК за 1901 г. 1903: 86–89).

Надеждам, возлагавшимся на этот памятник, не суждено было сбыться. Раскопки Сангарау-тепе стали, наверное, самым большим разочарованием в блестящей полевой археологической деятельности Н.И. Веселовского. Результатом двух сезонов работ стало обнаружение разграбленной каменной гробницы, к которой через насыпь вел грабительский ход, с фрагментами красной и черной «лаковой» посуды и разрозненными человеческими костями, окрашенными охрой (ОИАК за 1901 г. 1903: 86–88). Можно предположить, исходя из конструкции насыпи, которая характеризуется плоской вершиной, галечным панцирем и кромлехом из крупных камней, деталей могильного сооружения (гробница из каменных плит, перекрытие из бревен, каменная наброска над погребением), окраски костей охрой и наличия в погребальном комплексе прочной красной и черной посуды, что это погребение, как и Большие кубанские курганы, относилось к «новосвободненским» захоронениям вождей в каменных гробницах (Мунчаев 1994; Резепкин 1991).

Н.И. Веселовский был настолько потрясен неудачей или, скорее, несоответствием полученного результата своим завышенным ожиданиям, что рассчитал рабочих и, забросив раскопки, уехал. Поспешный отъезд исследователя из Усть-Джегутинской станицы породил местную легенду, передаваемую казаками устно и услышанную одним из авторов очерка во время разведки памятников в Усть-Джегутинском районе спустя почти 100 лет, в 1994 г. По версии казаков, столичный профессор, обнаружив гробницу с богатым захоронением «царя», рассчитал и отослал землекопов, а сам, загрузив вьюки драгоценностями, спешно отбыл в Санкт-Петербург. Поскольку ценностей с тех пор никто не видел, а в музей они не попали, значит, профессор был «нечист на руку», заключили местные жители.

Н.И. Веселовский более не возвращался в верховья Кубани, даже не попытавшись раскопать гигантские десятиметровые насыпи, до сих пор возвышающиеся на ровной террасе Кубани

возле г. Усть-Джегута, продолжив исследование причерноморских скифских курганов и античных городов в других регионах. Известно, что в Ставропольской губернии Н.И. Веселовский предпринял исследования курганов в ауле Кулики, у с. Александрия Благодарненского уезда, у сел Орехов, Высоцкого и Старо-Марьевского (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 158–160).

В 1908 г. Н.И. Веселовский продолжил раскопки Шатохина кургана в юрте станицы Кужорской Майкопского отдела. Все погребения относились к бронзовому веку, они содержали скорченные костяки, окрашенные охрой, в составе инвентаря присутствовали бронзовые ножи и шилья, медные полусферические бляхи и костяные булавки (ОИАК за 1908 г. 1912: 116–118). Курган в юрте станицы Келермесской содержал погребения того же времени. В Ульском ауле им было раскопано три ограбленных кургана скифского времени. В юрте станицы Некрасовская на р. Зеленчук курган содержал три скорченных погребения с охрой. Пять курганов у станицы Тифлисской были ограблены в древности. Курган в юрте Анапской станицы содержал в себе каменный погребальный склеп, дважды ограбленный (Там же: 118–122).

В этом же году Н.И. Веселовским были предприняты исследования грунтового могильника Танаиса в хуторе Недвиговском. Могилы были выдолблены в скальном грунте, содержали трупосожжения и трупоположения, но все были ограблены в древности (Там же: 122–129). В следующем году раскопки были продолжены в меньшем масштабе, но также не дали ожидаемых результатов.

Позднее, в 1911 г., Н.И. Веселовский вновь раскопал курганы бронзового века у станиц Брюховецкая, Переяславская, Ново-Джерелиевская и Роговская (ОИАК за 1911 г. 1914: 43–46). Костяки, окрашенные охрой, в сопровождении традиционных грубых сосудов, бронзовых ножей и шильев и костяных булавок были коротко и сухо описаны автором раскопок. В 1912 г. в Кубанской области Н.И. Веселовский исследовал еще один курган бронзового века у станицы Роговская, а также курганы скифского времени у станиц Марьевская и Елизаветинская (ОИАК за 1912 г. 1916: 50–59). В 1913–1914 гг. им же были раскопаны еще два скифских кургана у станицы Елизаветинской, большой курган, оставленный недокопанным, у сел. Вольного близ Армавира, курган скифского времени на Лысой горе между Майкопом и Туапсе и несколько средневековых курганов у станицы Гурийской (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 148–159).

Знакомство с археологическими отчетами Н.И. Веселовского оставляет противоречивое впечатление (по этому поводу см. также главу I). Исследователь, отдавший раскопкам более половины своей жизни, совершивший уникальные открытия, он не всегда был внимателен к деталям, копал быстро, интересовался только ценными находками, пренебрегая керамической частью погребального инвентаря даже уникальных скифских комплексов. По странной прихоти судьбы возможность величайших открытий комплексов Майкопского кургана и курганов у станиц Новосвободной (Царской), Костромской и Келермесской досталась человеку, который не счел необходимым сделать полевые чертежи, оставив после себя лишь наброски. Однако хорошо известно, что в это время многие археологи, зачастую даже не имеющие специального образования, гораздо

более ответственно относились к полевой фиксации, составляя тщательные дневники и полевые чертежи с масштабами. Отдавая Н. И. Веселовскому честь как первооткрывателю уникальных археологических комплексов, нельзя не признать, что они во многом оказались обесценены низким уровнем полевой фиксации и небрежным отношением к артефактам бытового уровня.

Интересно, что в начале своей деятельности Н.И. Веселовский, впервые столкнувшись с погребениями бронзового века в раскапываемых курганах под г. Бердянском и у с. Обиточного, был гораздо более внимателен к вопросам полевой фиксации и микроисследований. Здесь он раскопал все погребения, выявил хронологические горизонты, отправил взятые образцы охры на анализ и даже получил ответ специалиста-химика (см. выше; РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 15. Л. 47). В дальнейшем в отчетах Н.И. Веселовского появилась печально известная формулировка: «Так как присутствие краски уже обнаружило характер погребения в этом кургане, то работы здесь были прекращены и курган остался недокопанным до материка», как это было при исследовании кургана у станицы Казанской (ОИАК за 1901 г. 1903: 68). Иногда эта фраза слегка варьировалась. Например, в отчете об исследованиях у пос. Праздничного: «Можно полагать, что таких могил в кургане было несколько; но дальнейшее исследование его не было произведено» (Там же: 77). В отношении кургана № 12, исследованного в юрте станицы Петропавловская, Н.И. Веселовский писал: «Вверху кургана, под центром, обнаружилась впускная могила, отмеченная по углам деревянными столбами, сильно сгнившими; по длине было 6 столбов, по ширине 3… направление с В на З. Костяк, почти совершенно истлевший, лежал головою на В, в скорченном положении, никаких погребальных предметов при нем не оказалось. На дне могилы в разных местах находилась темно-бурая охра. Ввиду того, что характер кургана определился, дальнейшая раскопка была прекращена» (ОИАК за 1907 г. 1910: 88–90).

Стоит отметить, что исследование кубанских курганов, которое взяла на себя Комиссия, столкнулось с неожиданной проблемой — правомочностью снятия с насыпей тригонометрических знаков. Областная чертежная организация обратилась к атаману Майкопского отдела с отношением по поводу тригонометрического знака, уничтоженного раскопками кургана на даче станицы Белореченской (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 204. Л. 12–21, 109, 112). Н.И. Веселовскому пришлось писать объяснительную записку, в которой он сообщил, что его надсмотрщик И. Маленко, в самом начале работ в Белореченской, в отсутствие самого члена ИАК, обратился к станичному атаману уряднику Бобрикову, и последний сам снял знак и отвез в станицу, заявив, что восстановит его впоследствии: «Таким образом, знак был снят не Императорскою археологическою комиссиею, хотя и для ее надобностей». Н.И. Веселовский заверил местные власти, что ему известно значение тригонометрических знаков, что если бы он знал о снятии знака, то обратился бы в Межевое управление, поскольку он уже сталкивался с необходимостью снять такой знак в связи с работами в станице Костромской. «Не могу умолчать также и о том, — писал Н.И. Веселовский, — что во время разъездов по Кубанской области мне не раз приходилось видеть выброшенные с курганов

местными хищниками тригонометрические знаки, и об одном из них в Бенокском поселке я словесно сообщал атаману Майкопского отдела полковнику Савицкому в прошлом 1896 году» (Там же. Л. 18–19). В результате 5 марта 1898 г. был обнародован циркуляр № 8658 начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска станичным и хуторским атаманам, волостным и сельским старшинам Кубанской области о недопущении сноса тригонометрических знаков, при этом в качестве примера приводился именно случай сноса знака с кургана в даче станицы Белореченской.

Вместе с этим письмом ИАК направила в Межевое управление Кубанской области и атаману Майкопского отдела отношение, в котором сообщила, что Н. И. Веселовскому поручено летом будущего года при начале археологических работ войти в непосредственное сношение с Областной чертежной организацией относительно принятия на будущее время мер к восстановлению тригонометрических знаков, причем Комиссия считает своим долгом заявить, что расход по установлению снятых знаков она примет на свой счет (Там же. Л. 20, 21).

19 ноября 1898 г. ИАК направила отношение и в Главное управление казачьих войск с вопросом «к кому именно она должна обращаться за содействием по снятию тригонометрических знаков на время раскопки курганов, когда таковое оказывается совершенно необходимым при производстве археологических работ». В письме говорилось, что со своей стороны ИАК изъявляет полную готовность содействовать своими рабочими восстановлению знаков на кургане по окончании раскопки (Там же. Л. 109 — 109 об.). В ответе из Главного управления сообщалось, что триангуляционная сеть состоит из пунктов четырех классов, из которых пункты 1-го класса установлены чинами военно-топографического отдела Кавказского военного округа, и решение о снятии этих пунктов зависит от начальника военно-топографического отдела Главного штаба. Знаки топографических пунктов 2–4-го классов могут быть временно сняты по разрешению управления казачьих войск и Кубанского областного начальства, причем только если снятие и восстановление их будет производиться за счет Археологической комиссии (Там же. Л. 112–113).

Как было отмечено выше, цельной программы исследований на Кавказе и в Предкавказье у ИАК не было, за исключением, быть может, отдельных памятников и их историко-археологического контекста, связанных с деятельностью Н. Я. Марра. В остальных случаях первоначальные намерения А. А. Бобринского о систематическом регионоведении Кавказа так и не реализовались из-за огромного объема текущих исследований, работы с поступающими кладами и случайными находками, а также с возрастанием объема реставрационных работ, которые контролировала Комиссия. Вместе с тем ИАК всегда поддерживала инициативу «снизу», особенно если это было связано со спасением памятников от разрушения или разграбления. Именно благодаря такой активности Комиссии оказались спасены многие шедевры кавказского искусства и археологии, помогающие понять прошлое этого края. Коллекционная и «музейная» деятельность ИАК, равно как и спасение ею культурного наследия Кавказа, заслуживают отдельного очерка.

***

Кроме постоянно работавших на Кавказе экспедиций и доследования разрушенных или ограбленных могильников деятельность ИАК заключалась в приобретении случайных находок, их изучении и передаче на хранение в Эрмитаж, Исторический музей и другие музеи. Еще в 1859 г. в Эрмитаж была доставлена коллекция древностей, случайно найденных курдами в Персии у пограничного поста Алишар и происходивших из разрушенного погребения. Бронзовые предметы были переданы в столицу ереванским военным губернатором генерал-майором Н.П. Колюбакиным и городничим Нахичевани Н.Н. Квартано. В сопроводительном письме был приведен рисунок пещеры и описана высеченная в скале двухкамерная гробница. В 1860 г. алишарские находки были включены в каталог Эрмитажа при консультации нумизмата генерала И.А. Бартоломея и описаны как сасанидские. Хранителю Эрмитажа не с чем было сравнить древности, доставленные из Еревана. Только через 94 года на одном из алишарских бронзовых колокольчиков под слоем патины открыли урартскую клинописную надпись, содержащую имя урартского царя Аргишти I. Так, почти через 100 лет после обнаружения, погребение из Алишара было отнесено к урартской цивилизации и надежно датировано (Есаян 1977: 6–7). Известно, что только в 1860-е гг. были открыты урартские надписи в различных местах: на берегу р. Арпа-чай, у озера Севан, в Эларе, в Абовяне, а в Армавире найдены надписи урартских царей Аргишти I и Русы II (Там же: 8).

При А.А. Бобринском на покупки коллекций и отдельных «древностей» у частных лиц было получено дополнительное финансирование — так называемые сверхсметные кредиты. Резиденция Главноначальствующего на Кавказе находилась в Тифлисе, поэтому находки, до отмены наместничества в 1881 г., сначала поступали в Тифлисский кавказский музей, а потом часть из них, прежде всего изделия из золота, серебра, монеты, надписи и произведения античного искусства, передавались в Петербург. В 1889 г. Я.И. Смирнов, в то время еще студент, был командирован по поручению ИАК на Кавказ для описания древностей Тифлисского музея (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 44). Среди находок преобладали монетные клады и инвентарь из разрушенных погребений, реже встречались клады орудий труда, оружия и украшений. ИАК систематически приобретала целые коллекции, например, коллекцию кобанских бронз, купленных у крестьян-раскопщиков К.И. Ольшевским, а также коллекции древностей, собранные Д.А. Вырубовым, И. Урусбиевым, А.Л. Млокосевич и генералом А.А. Неверовским. В 1909 г. Я.И. Смирнов, уже став профессором Петербургского университета, получил Открытый лист на раскопки в Шаропанском уезде Кутаисской губернии и Эриванском уезде Эриванской губернии. Именно тогда он приобрел близ сел. Бори Шаропанского уезда Кутаисской губернии коллекцию местных археологических находок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 35) (о начальном этапе изучения культуры региона на основе приобретенных коллекций см.: Вольная 2010).

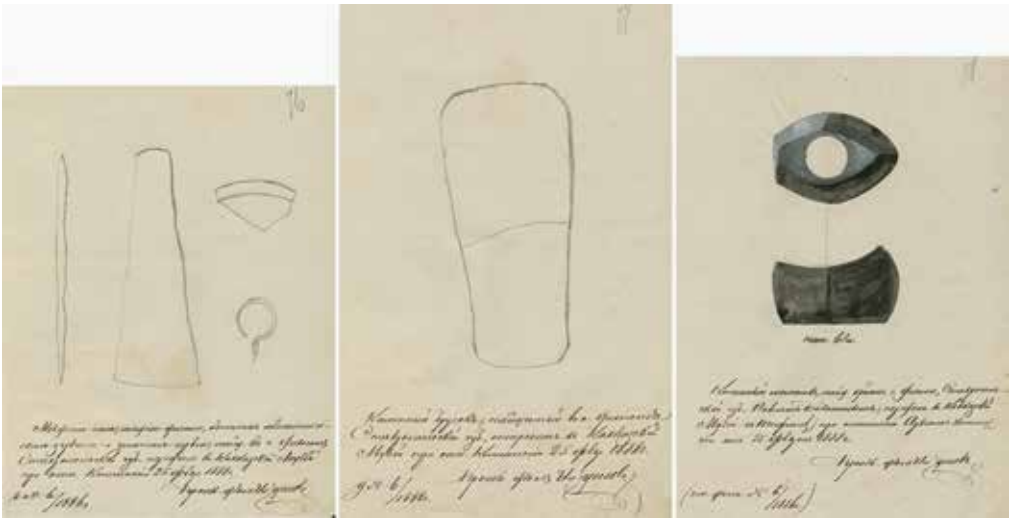
Среди коллекций кавказских древностей, спасенных усилиями Комиссии и приобретенных для отечественных музеев, наибольшую известность получило собрание К.И. Ольшевского,

не в последнюю очередь из-за истории ее приобретения. Казимир Игнатьевич Ольшевский († 1894), инженер Управления путей сообщения на Кавказе, производил раскопки могильников во Владикавказском отделе Терской области. Так, в 1880 г. он копал у сел. Каллахта и Хамаз; в 1882 г. — близ сел. Лизгор, Камбулта и Камунта; в 1883 г. около сел. Зигвис и Лац (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 68). В результате своих раскопок и покупок древностей у местных жителей-«бугровщиков» К.И. Ольшевский собрал коллекцию из 3000 предметов (ФО. Отп. Q 503-2–21, 44–49).

Однако скупая находки из разрушенных могил у местного населения, К.И. Ольшевский тем самым поощрял горцев к грабежу могильников. Докладная записка В.И. Долбежева по этому поводу в ИАК была озаглавлена предупреждающе: «О торговле древностями, заведенной К.И. Ольшевским на Кавказе» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 20). Правда, в торговле древностями, в первую очередь «кобанскими бронзами», К.И. Ольшевский был вовсе не одинок. Европейские профессора, в частности Р. Вирхов, Е. Шантр, К. Ане, приезжали на Кавказ или посылали своих агентов за ставшими модными кобанскими раритетами, столь близкими к гальштатским бронзам, но еще более ценными, поскольку были обнаружены вдали от европейских памятников.

В связи с приобретением ИАК коллекции К.И. Ольшевского для Эрмитажа в 1889 г. (см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 68) возникла обширная переписка, отражающая связанные с ней перипетии. В свое время в Комиссию поступило письмо от местного краеведа и одного из будущих основателей Владикавказского отделения Русского горного общества К.А. Проскуры по поводу этой коллекции. К.А. Проскура сообщал графу А.А. Бобринскому, что «полковник К.И. Ольшевский» решил продать собранную им коллекцию и сделал предложение Венскому музею, но потерпел неудачу. Поэтому он предлагал не выпускать эти древности из России и приобрести их у К.И. Ольшевского. В.И. Долбежев также сообщил в ИАК о коллекции К.И. Ольшевского и о возможности ее приобретения. Благодаря содействию последнего рисунки предметов из этой коллекции были переданы в ИАК еще в 1887 г. Почти два года длилась переписка ИАК с К.И. Ольшевским, завершившаяся приобретением коллекции и передачей ее в Императорский Эрмитаж.

В апреле 1888 г. А.А. Бобринской попросил выслать коллекцию в ИАК для ее оценки. 15 апреля 1888 г. К.И. Ольшевский выслал коллекцию, оценив ее в 15 000 руб. Позднее граф А.А. Бобринской сообщил ему, что 22 мая собрание кавказских древностей было представлено императору. При этом он упомянул, что Комиссии «немалых хлопот стоило привести... собрание в подобающий вид, так как упаковка предметов оказалась непрочной. До половины вещей, нашитых на каждую из таблиц, выпали. Многие вещи разбиты и переломаны. Как Эрмитаж, так и спрошенные ученые археологи полагают, что более десяти тысяч рублей собрание не стоит <...>». Далее он писал: «Смею посоветовать Вам, многоуважаемый Казимир Игнатьевич, принять предложение. Оценка Вашего собрания произведена беспристрастно. <...> Вы будете иметь приятное сознание, что добытые Вашими многолетними стараниями и трудами предметы остаются в пределах России



Случайные находки из с. Дивное Ставропольской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 6. Л. 76-78)

и служат украшением отечественного музея, а не сделались достоянием какого-либо заграничного учреждения» (Там же. Л. 7 — 10 об.).

К.И. Ольшевский отвечал графу А.А. Бобринскому следующее:

«Позвольте принести Вам мою искреннюю признательность за хлопоты, причиненные Вашему сиятельству моей коллекцией, благодаря которым она была повергнута на благоусмотрение его императорского величества государя императора. Глубоко сожалею, что коллекция моя дошла до Петербурга в таком плачевном виде, в каком Вы ее описываете, и причинила… Комиссии столько забот и труда по приведению ее в порядок, <…> немало меня беспокоит мысль, что я вынужден причинить Вашему сиятельству еще несколько хлопот моей покорнейшей просьбой выслать мне обратно мою коллекцию. <…> Мне очень прискорбно лишиться поистине приятного сознания оставить мою коллекцию в пределах отечества и быть вынужденным уступить ее там, где мне без всякого торга дадут 15 000 руб.» (Там же. Л. 11–12).

Всю осень и зиму 1888 г. длилась переписка В.Г. Тизенгаузена с управляющим Кабинетом его императорского величества Н.С. Петровым. В результате 22 ноября 1888 г. граф А.А. Бобринской вновь был вынужден сообщить К.И. Ольшевскому, что за его коллекцию государство готово предложить 10 000 руб., в противном случае ее отправят назад, во Владикавказ. Только 19 февраля 1889 г. К.И. Ольшевский дает согласие на продажу коллекции за предложенную сумму.

Однако в финале драматической истории приобретения коллекции прозвучали комические ноты: выяснилось, что К.И. Ольшевский не может получить свои деньги! В.Г. Тизенгаузен в письме от 30 марта 1889 г. пояснял Кабинету министров, что ИАК в сношениях своих с министром императорского двора ошибочно именовала Ольшевского полковником, как он сам представлял себя Комиссии, тогда

Кадило из Святой Земли с евангельскими сценами, найденное у с. Казмалар, Закатальский округ. VI–VII вв. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 14. Л. 44)

как он в действительности был только коллежским советником. Поэтому ИАК просит Хозяйственный отдел сделать распоряжение о беспрепятственной выдаче денег К.И. Ольшевскому уже как коллежскому советнику за поступившую в 1889 г. в Эрмитаж коллекцию древностей (Там же. Л. 30 — 30 об.).

Позднее, в 1890 г., ИАК приобрела коллекцию фотографических снимков кавказских памятников у Д.И. Ермакова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 8. Л. 8–17). Кроме упомянутых собраний можно назвать коллекции, приобретенные у Г.К. Козлова и Н. Новикова в Майкопе, у Д.А. Вырубова и Ш. Агжигитова в Нальчике, у Ф.С. Романовича в Ростове-на-Дону, у М.М. Тебенькова в Тифлисе. Комиссия также купила для Эрмитажа ценную коллекцию бронзовых изделий (главным образом оружия начала I тыс. до н. э.), собранных А.Л. Млокосевич в горном Дагестане (Мунчаев 1961). Еще больше отдельных вещей, также приобретенных Комиссией в качестве случайных находок на Кавказе. Большинство из этих артефактов происходит, конечно, из грабительских раскопок крестьян и казаков, продавших находки приезжим археологам либо сначала скупщикам и коллекционерам древностей, а затем уже в виде «собраний» приобретенных сотрудниками ИАК.

Благодаря многолетнему археологическому надзору Комиссии местные чиновники и частные лица присылали в ИАК находки, сделанные при различных обстоятельствах. Некоторые находчики желали вознаграждения, иные уступали их безвозмездно. В последнем случае, как правило, за отдельные вещи следовало небольшое вознаграждение в размере 3–5 руб. Так, в 1887 г. крестьянин с. Дивное Ставропольской губернии Павел Бабынин нашел в кургане два истлевших человеческих скелета. Возле костяков были обнаружены котел красной меди с кольцами в ушках, обломки серебряной позолоченной чашки, гранитный брусок, «мраморный молоток» (каменный топор-молот кабардинского типа), «медные долото (клинок)» (тесло привольненского типа), серьга и игла, небольшой обломок бронзового зеркала и остатки булавы.

Крестьянин «заявил желание уступить» вещи ИАК «за вознаграждение». В итоге находчик получил 10 руб. Вещи были направлены 25 февраля 1888 г. в Кавказский музей и приняты в его археологическое отделение (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 6. Л. 71–75). Впрочем, из дела непонятно, была ли эта находка сделана при земляных работах или курган был разрушен сознательно. Ранее крестьянин Иван Андриенков при распашке земли в степи у с. Круглолесского Ставропольской губернии нашел «древнее медное орудие в виде топора» (бронзовый вислообушный топор) и «изъявил согласие уступить казне эту находку без всякого вознаграждения». 16 декабря 1886 г. ИАК просила местное начальство объявить крестьянину «благодарность за готовность его уступить казне находку свою... и вместе с тем выдать ему препровождаемые при сем три рубля...» (Там же. Л. 98–100).

Вещи, не имевшие археологической ценности, возвращали владельцам. Достаточно регулярно в Комиссию сообщали о находках древностей. Работа по собиранию древностей спасала от уничтожения и вывоза за границу многочисленные произведения искусства и ремесла. Большинство поступлений в ИАК с Кавказа все же было монетными кладами. Дела о поступлении

в Комиссию случайных находок и кладов в два-три раза превышают количество дел о раскопках в той же местности. Это относится как к Терской области, так и к Тифлисской, Елизаветпольской и Бакинской губерниям. Так, у сел. Сандатовского Ставропольской губернии в 1891 г. был найден клад 54 серебряных монет, собранных местной администрацией. Из них 42 относились к чеканке хана Менгли-Гирея и одна являлась генуэзско-крымской последней четверти XV в. (Пахомов 1957: 67).

Летом 1904 г. в сел. Эндери на территории Дагестана найдена бургундская монета XV в. (Пахомов 1949: 70). В 1909 г. у станицы Петровская (бывшая Кубанская область, Краснодарский край) найден клад монет, зарытый не позднее середины XV в. В 1911 г. клад передан в Эрмитаж. В его составе было 23 686 монет: династии Гиреев (Хаджи-Гирея, Нур-Девлета и Менгли-Гирея) — 20078 экз.; Османидов — 2385 экз. (1444–1481 гг.); генуэзско-татарских — 1107 экз.; астраханских ханов — 113 экз.; русских и литовских — 3 (великих князей Владимира Ольгердовича, Ивана III и Ивана IV) (Виноградов, Деппуева 1987: 79). В 1907 г. близ городища Маджары в числе монет, собранных Г.Н. Прозрителевым, была найдена медная денга хана Джанибека с надчеканкой начала XV в. (Прокопенко 1996).

Канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, согласно существующим положениям, регулярно отправляла в ИАК монетные клады и случайные находки. Так, 30 апреля 1887 г. начальником Закатальского округа был отправлен в Петербург «сосуд медный, имеющий вид кадильницы или лампадки», найденный близ сел. Казмалар жителем с. Алибегло Теймуразом Мурадошвили. 22 ноября в Эрмитаж поступило одно из шести близких по оформлению кадил сирийской работы первой половины VII в. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 14. Л. 40–41, 51) (ср.: Синай. Византия. Русь 2000: 68–69; Billod 1987: 39–56).

***

Деятельность ИАК со дня ее основания была направлена не только на собирание, но и на сохранение памятников истории и культуры на Кавказе и на противодействие грабителям могил. Императорская археологическая комиссия вплоть до 1917 г. осуществляла надзор за раскопками в России. Вообще, кавказские народы относились к древним могилам с почтением: горцы даже отказывались принимать участие в их раскопках. Все же есть известия о разграблении могил кавказцами еще до появления «моды» на «кобанские древности». Так, адыгеец на службе России Султан Крым-Гирей сообщает, что черкесы в XIX в. на побережье разрывали могилы и находили огромные костяки людей, лошадей, большие мечи, кувшины, бокалы и даже золотые предметы. Эти кости Султан Крым-Гирей связывал с эпическими нартами (Каменецкий 1998: 128, 130). Горцы предполагали, что в курганах сокрыты несметные богатства. Есть и свидетельства иного рода времен кавказской войны. В 1846 г. на берегу Кубани произошла стычка казаков-пластунов с черкесами. Среди вещей в захваченной у черкесов сумке оказалась «бронзовая монета времени древней Пантикапеи» (Щербина 1913: 493).

Вскоре после открытия на Центральном Кавказе «кобанских бронз» — бронзовых украшений, оружия, доспехов и конской упряжи неизвестной ранее культуры — эти изделия были высоко оценены европейскими учеными и коллекционерами. Кавказские художественные бронзы стали заполнять собрания музеев Вены, Берлина, Парижа, а также частные коллекции. Как уже говорилось, знаменитый Кобанский могильник был открыт случайно в 1869 г., когда возле сел. Верхний Кобан в размытой р. Гизель-дон береговой террасе обнажились каменные ящики. Житель сел. Верхний Кобан Х. Кануков собрал изделия из бронзы из погребений и отвез в Кавказский музей в Тифлисе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 6).

Между тем внезапно распространившаяся «мода» на кавказские бронзы привела в горы многих «искателей сокровищ» и агентов-скупщиков. Чтобы оценить ситуацию с сохранением древностей Кавказа и отношением к ним общества во второй половине 1890-х гг., приведем пространную цитату из периодической печати того времени. Вот что писал владикавказский корреспондент газеты «Русские ведомости» в № 84 за 26 марта 1889 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 16. Л. 1):

«У дигорцев северо-западной Осетии и ингушей, засевших по склонам Дарьяльского и Джераховского ущелий, недавно появился новый промысел — торговля археологическими редкостями, извлекаемыми из древних могильников. В настоящее время по Владикавказу бродят ингуши и осетины с древними изделиями из кремня, бронзы, железа, золота и серебра, относящимися к разным периодам культуры.

Вещи эти большей частью продаются за бесценок и охотно приобретаются состоятельными жителями для украшения кабинетов и других надобностей; золотые же и серебряные вещи, в том числе и монеты, разбираются на сплав ювелирами. <...> Одному из здешних инженеров посчастливилось купить у дигорцев за 200 руб. довольно большую коллекцию, состоящую из золотых и серебряных вещей, монет и римских, греческих, арабских и персидских печаток, большей частью сделанных из сердолика и опала. <...> Местные молоканские девушки украшают себя бусами, которые когда-то принадлежали первобытным обитателям Северного Кавказа, а многие состоятельные дамы заменили современные золотые и серебряные браслеты древними... Два-три дигорца распродали имущество, навсегда переселились во Владикавказ, приобрели здесь дома и открыли склады археологических древностей, приобретаемых ими дешевою покупкой, а отчасти и самостоятельными раскопками.

Один из таких “археологических складов”, в котором имеется несколько тысяч предметов, осенью минувшего года осматривала председательница МАО графиня Уварова, недавно известившая письмом владельца этих редкостей о желании Московского исторического музея приобрести всю эту коллекцию. Но осетины неохотно продают вещи ученым обществам, потому что последние приобретают их оптом и притом по дешевой цене, выгоднее продавать редкости частным лицам небольшими коллекциями. <...> Иностранцы и жители Кавказских Минеральных Вод охотно покупают различные вещи и дают за них нередко хорошие деньги. Ввиду того многие осетины сняли в арендное содержание несколько пахотных и покосных участков земли по склонам гор малодоступной дикой

Осетии, где обыкновенно и находятся могильники древних обитателей Северного Кавказа.

<...> Самое большое число вещей было извлечено частными лицами из могильников Фаскау, между р. Сонгути-дон и р. Галиат-дон. В могилах Фаскау были исключительно изделия из бронзы; железо и золото отсутствовали. Тут находились... топоры, ножи, копья, дротики, фибулы, браслеты, гигантские булавки, шлемы и др. <...> Попадается много острых кремневых стрел и топоров, грубо выточенных из камня, но... эти вещи бросают как никуда не годные. С осени минувшего года в этих горах идет деятельная работа: лопата, кирка и топор извлекают из глубины земли драгоценные для науки остатки первобытной культуры. Но это, к сожалению, работа не опытного археолога и просвещенного техника, а темных, невежественных горцев. Раньше суеверный страх сдерживал их от прикосновения к могилам предков; но теперь этот страх стушевался пред жаждою к скорой и легкой наживе».

Наиболее известным среди местных «бугровщиков» был житель сел. Верхний Кобан Хабош Кануков, раскопавший более 600 могил. Дошли до нас также имена гробокопателей из Осетии Бегизара Дзелихова и кабардинского князя Измаила Урусбиева.

Спецификой северокавказского региона была произошедшая в XIX в. смена населения в наиболее обильной различными памятниками предгорной части и на Черноморском побережье. Черкесское население целыми племенами переселялось в Турцию, Сирию, Иорданию и на Балканы. Освободившиеся земли заселялись казаками и иногородними. Здесь возникли немецкие колонии, польские, греческие, армянские поселения. Правительство содействовало колонизации кавказских земель для их скорейшего хозяйственного освоения поселенцами. Вновь прибывшие, в отличие от прежних насельников-горцев, не были знакомы с историей края, не слышали преданий и легенд о местных памятниках. Древние могильники и руины, которые горцы почитали и считали могилами своих предков, для переселенцев были просто кучами земли и камней, их разбирали при распахивании полей, камни употребляли на возведение жилья, дорог и овечьих загонов. Так, знаменитые еще по запискам путешественников XVII–XVIII вв. развалины древнего города Маджары в конце XIX в. были уже разграблены, а кирпич средневековых и древних зданий употреблен на постройки. Как с болью сообщает автор статьи о «необходимости охранить памятники прошлого» (Известия ИАК 1906: 56): «не пощажена даже церковь...».

Когда же стали обнаруживать в могилах изделия из бронзы, серебра и золота, участь могильников была решена: их стали разрушать и грабить регулярно и массово, собираясь целыми артелями «бугровщиков». Грабили могилы не только простые крестьяне и казаки. Не гнушались такими «раскопками» и «просвещенные» дворяне, владельцы усадеб и угодий, где были расположены памятники древности. В Керчи и других городах юга России иностранные агенты скупали вещи из грабительских раскопок и вывозили за границу для продажи в европейские музеи и частные коллекции.

Уже самые первые шаги ИАК на Кавказе сопровождались ощущением ответственности за сохранение древностей. Особенно острой была проблема охраны памятников, расположенных

на частных землях. В 1868 г. на земле помещицы Гурьевой механик Биллер начал раскопки кургана. Директор Керченского музея А.Е. Люценко сообщил об этом в ИАК и в начале 1869 г. получил ответ: «<...> Как ни прискорбен этот факт, но к устранению его не представляется возможности, так как земля, на которой производятся раскопки, составляет частную собственность. Остается только, насколько возможно, воспользоваться тем, что работы производятся не тайно, т. е. обратиться к Биллеру с просьбою, чтобы он и впредь предъявлял Вам найденные вещи и просить того приглашать Вас или помощника Вашего присутствовать при самом вскрытии гробницы. О всем... прошу вести подробный журнал, а из находимых вещей наиболее интересные и новые типы приобретать у Биллера по возможно сходным в подобных случаях ценам...» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 4. Л. 1).

Тема расхищения археологического наследия Кавказа звучала и во взаимоотношениях ИАК и МАО, которые, как известно, всегда были достаточно напряженными. К сожалению, иногда подобные обвинения использовались даже в деле научной конкуренции. В 1896 г. Э.А. Реслер обратил внимание Комиссии на действия члена Московского антропологического общества А.А. Ивановского, который предпринял раскопки возле исследуемых им памятников в Елизаветпольской губернии, хотя «поле деятельности огромно и можно было не мешать друг другу». Возмутило Э.А. Реслера и то, что А.А. Ивановский раскритиковал его методику раскопок курганов, утверждая, что тот, не являясь членом ученого общества, будто бы не имел права раскапывать курганы. Однако самое тяжелое обвинение было припасено напоследок: Э.А. Реслер обвинялся в том, что он якобы работает по протекции Р. Вирхова, чтобы передавать добытые археологические ценности за границу. Э.А. Реслер справедливо оценил такого рода обвинения: «Подобное мнение, основанное на зависти к моим занятиям, приводит к тому, что вовсе не хочется продолжать раскопки».

Действительно, будучи этническим немцем и являясь членом Венского антропологического общества, Э.А. Реслер часть своих научных отчетов писал на немецком языке, что позволяло своевременно знакомить европейскую научную общественность с археологическими памятниками, открытыми на Кавказе. Как уже отмечалось, его отчеты были выполнены на уровне методических требований своего времени и явно превосходили по скрупулезности и вниманию к отдельным находкам труды многих археологов того времени.

Обвинения со стороны А.А. Ивановского были поддержаны и председателем МАО графиней П.С. Уваровой. Эта переписка с претензиями к Э.А. Реслеру продолжалась более 12 лет. Стоит предположить, что в основе «столкновений» лежит не только борьба руководства МАО за право выдачи Открытых листов, якобы узурпированное ИАК, но и стремление сохранить свой приоритет в научном исследовании Кавказа. П.С. Уварова писала в Петербург, что из издания Р. Вирхова (публикация находок кобанских поясов с Кавказа) она узнала, что немец Э.А. Реслер расхищает древности и посылает вещи Вирхову. Она просила попечителя учебных заведений (начальника Э.А. Реслера) Кирилла Петровича Яновского пресечь расхищение памятников (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г.

Д. 60. Л. 121 — 121 об.). Известно, что руководство ИАК не согласилось с этими обвинениями. В частности, А. А. Спицын свидетельствовал, что Э. А. Реслер систематически высылает все находки в Петербург.

Скептически относясь к этой позиции, П. С. Уварова выразила желание увидеть «воочию» бронзовые пояса, найденные Э. А. Реслером и описанные в книге Р. Вирхова. Граф А. А. Бобринской указал ей, что в этой книге есть ссылка на рисунок Э. А. Реслера, где представлены два обломка от бронзовых поясов, которые ныне хранятся в Эрмитаже, куда графине и было предложено обратиться (Там же. Л. 122–123). К тому же Р. Вирхов в своей книге также категорически заявлял, что Э. А. Реслер не посылал ему вещи, найденные при раскопках, но лишь копии отчетов, причем это делалось с разрешения ИАК (Virchow 1896). А. А. Бобринской выразил в связи с этой перепиской сожаление, что председатель ИМАО поспешила обратиться к попечителю учебных заведений Кавказского округа с жалобой на Э. А. Реслера, чем могла вызвать неприятности по отношению к неповинному и добросовестному археологу...

А. А. Бобринской предположил, что П. С. Уварова увидела пояса у Р. Вирхова в Берлине, не зная, что Э. А. Реслером найдены только фрагменты от поясов, вследствие чего и обвинила исследователя в вывозе вещей за границу. Найденные же Э. А. Реслером обломки от бронзовых поясов, которые в публикации Р. Вирхова значились под номерами XVII и XVIII, в действительности находятся на хранении в Эрмитаже. Копию ответа в ИМАО граф А. А. Бобринской отправил попечителю округа К. П. Яновскому. В конце письма А. А. Бобринской выражал надежду, что председатель ИМАО признает справедливым загладить последствия возведенного на Э. А. Реслера поспешного обвинения (Там же. Л. 126–128).

Однако надежды А. А. Бобринского не оправдались. Графиню П. С. Уварову не убедили доводы председателя ИАК, и в новом послании она настаивает на своем обвинении: из 60 кавказских поясов, опубликованных Вирховым, только два обломка в России, а остальные находятся в Берлине. Виновным в передаче поясов за границу снова был «назначен» Э. А. Реслер. Между тем Э. А. Реслеру стало известно о происхождении берлинской коллекции кавказских бронзовых поясов, о чем графиня тут же была проинформирована. Как пояса, так и множество других бронзовых изделий добыл и отправил в Берлин В. Бельк, электрик и химик с медеплавильного завода в г. Кедабеге Елизаветпольской губернии (сегодня — Республика Азербайджан).

У ИАК не было правовой возможности остановить раскопки В. Белька, поскольку последний проводил их на частных землях Вернера фон Зименса. Всего в 1888–1890 гг. В. Бельком было раскопано более 300 могил, из которых Р. Вирхову был передан ряд целых бронзовых поясов. В свою сводку поясов Р. Вирхов включил и обломки из могильника Ходжалы, о которых ему стало известно из отчета Э. А. Реслера (Там же. Л. 141–142; ср. однако: Belck 1893; 1898; Rösler, Belck 1894).

В 1901 г. из очередного письма П. С. Уваровой А. А. Бобринскому становятся известны истоки обвинений против Э. А. Реслера. Оказывается, о том, что пояса в коллекции Р. Вирхова в Берлине якобы происходили из раскопок Э. А. Реслера, графине, по ее словам, сообщил французский археолог

и путешественник барон Жозеф де Бай (Joseph de Baye, 1853-1931; см.: Луняк 2013; Joseph de Baye 2013; Pic 2016). В связи с этим П.С. Уварова обвинила ИАК чуть ли не в предательстве национальных интересов: Комиссия якобы отстаивает монополию на охрану памятников перед русскими учеными обществами, но отказывается проверять слухи о хищениях и вывозе древностей. Так, она сообщила, что недавно немцы-туристы беспрепятственно скололи клинописную надпись у Эривана и увезли ее в Берлин (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 60. Л. 148 — 148 об.). А.А. Бобринской тут же написал письмо Ж. де Баю в надежде проверить эту информацию: в архиве Комиссии сохранились не только копии писем А.А. Бобринского во Францию, но и ответ Ж. де Бая на французском языке. Информация П.С. Уваровой не подтвердилась. Ж. де Бай на запрос Комиссии уведомил, что он давно не был в Берлине и, естественно, не мог никому сообщить о якобы доставленных туда Э.А. Реслером древностях. Учитывая ответ де Бая, А.А. Бобринской справедливо посчитал, что ИАК не находит нужным давать ход заявлению Московского общества о якобы имевших место хищениях древностей Э.А. Реслером, поскольку выдвинутые против него обвинения голословны (Там же. Л. 153 —153 об.).

Э.А. Реслеру удалось встретиться с графиней П.С. Уваровой в Тифлисе в 1901 г. Он сообщал об этом А.А. Бобринскому следующим образом: «Я просил Уварову взять назад свои обвинения». По его словам, П.С. Уварова не только согласилась, но и высказала намерение установить более доверительные отношения между ИМАО и ИАК: «Ради общего русского дела следует забыть мелкие обиды, мелкие расчеты и личные интересы, чтобы вместе препятствовать вывозу древностей за границу». В конце визита П.С. Уварова, по словам самого Э.А. Реслера, сказала ему: «Мы расстаемся друзьями!», на что он ответил: «Прошу распоряжаться мною, так как я во всякое время к Вашим услугам» (Там же. Л. 154–155).

История, однако, имела неожиданное продолжение. П.С. Уварова, описывая в одной из работ древности из Тифлисского музея, в том числе находки из Ходжалинского могильника, раскопанного Э.А. Реслером, указывала, что в Берлинском музее имеются кавказские бронзовые пояса, «происходящие из той же местности» (Уварова 1902: 97). Познакомившись с этой работой значительно позднее и ее выхода в свет, и личной встречи с графиней, Э.А. Реслер вновь увидел здесь намек на свои раскопки в Ходжалах и расценил его как косвенное обвинение в краже древностей и передаче их в Берлин. Поэтому он решил опубликовать опровержение в газете «Кавказ» (1903. № 23). Наряду с этим он делится с А.А. Бобринским своими опасениями о судьбе памятников культуры в крае вообще. По мнению Э.А. Реслера, прогресс деятельности по обустройству экономической жизни приводит лишь к ускорению разрушения памятников. В заключение Э.А. Реслер писал, что этот чудный край, где можно было копать круглый год, похож на предоставленную хищникам обильную ниву, ждущую освобождающую руку жнеца (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 60. Л. 159). «Пострадал» от МАО не один Э.А. Реслер. Против В.И. Долбежева также было выдвинуто обвинение, но иного рода. Ему было приписано, что он якобы

выдавал за собственные находки вещи, купленные им у грабителей могил (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 135).

Э.А. Реслеру приходилось защищать себя не только от ревнивых коллег из МАО, но и от падкой до сенсаций местной прессы. Так, в газете «Кавказ» некий журналист сообщал, что Э. А. Реслер якобы нашел в могиле «серебряные сосуды, украшенные изумрудами». Археолог был вынужден опубликовать опровержение и, посылая обе заметки в ИАК, прокомментировал их с нескрываемой иронией: «...простой народ упорно держится того мнения, что раскопки предпринимают только с целью отыскать какой-нибудь клад». Далее он пишет: «...корреспонденты собирают у нас материал, чтобы угостить читателей своих пикантными новостями» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 36).

Еще одним традиционным обвинением ИАК со стороны МАО было утверждение, что Открытые листы на право проведения раскопок выдаются Комиссией «кому попало», зачастую людям случайным, а то и попросту расхитителям могил. Это было связано с раскопками горного техника Давида Богомиловича-Готлибовича Шульца в Елизаветпольской, Тифлисской и Кутаисской губерниях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 62), который, по иронии судьбы, был членом Кавказского отдела... Московского археологического общества. При этом Д.Г. Шульц все время просил принять его в постоянные сотрудники Комиссии и выслал свою фотографию, сохранившуюся в архиве.

В 1897 г. он получил свой первый Открытый лист с правом работать в Закавказье. Но представленная им научная документация оказалась крайне неудовлетворительной. Все же получив новый лист в 1899 г., Д.Г. Шульц через

Давид Готлибович Шульц
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 9. Л. 32)

некоторое время вновь обратился в ИАК за разрешением на раскопки и финансовой поддержкой. Почувствовав неладное, А.А. Бобринской попросил Э.А. Реслера дать оценку личности просителя и сообщить конфиденциально, можно ли доверять Шульцу. Э.А. Реслер добросовестно отнесся к поручению и осмотрел места «раскопок» Д.Г. Шульца возле колонии Еленендорф. По словам Э.А. Реслера, он увидел «поверхностное отношение к делу» и даже принял работы Д.Г. Шульца за «грабительские раскопки». Далее, наведя справки, он сообщил, что Д.Г. Шульц имеет семью с дюжиной детей в Тифлисе, что семья его бедствует, а сам Д.Г. Шульц временно работает в конторе братьев Нобилей в Баку.

Известно, что Д. Г. Шульц приезжал к Э. А. Реслеру домой. «Из двухчасовой беседы я вынес впечатление, — пишет

Э. А. Реслер, — что Шульц занимается раскопками не столько из интереса к <...> археологии, а преследуя свои цели. Он постоянно интересовался материальной стороной дела: находил ли я много золота; где находятся богатые золотом курганы; получают ли сотрудники Комиссии вознаграждение за свои труды» (Там же. Л. 23). Д. Г. Шульц, по словам Э. А. Реслера, с детства искал клады и мечтал разбогатеть. При этом он отмечал, что тот отличается беспокойным, непостоянным характером.

Д. Г. Шульц тем временем продолжал «атаковать» Комиссию просьбами об Открытом листе, хотя бы без финансирования со стороны Петербурга (Там же. Л. 27 — 27 об.). Наконец А. А. Бобринской обратился к Э. А. Реслеру с просьбой взять Шульца под свою опеку и обучить его методике археологических работ (Там же. Л. 31–32). Однако Э. А. Реслер не признал возможным взять Д. Г. Шульца даже себе в помощники:

«Поскольку слишком дорожу честью Комиссии и своим честным именем, не вижу возможности войти в какие-либо отношения с подобными темными личностями, как Шульц. <...> Все, что я <...> узнал о г. Шульце <...> и, судя по ужасно безграмотным и бестолковым письмам, которыми он меня осыпал, у меня сложилось убеждение, что этот господин не что иное, как фанфарон, авантюрист и болтливый хвастун, на вид искренний, но на деле довольно хитрый человек, слова которого не следует принимать за чистую монету. К тому же он стоит на слишком низкой ступени образования, чтобы иметь хоть смутное представление о важности такой науки как археология, требующей столь честного и серьезного отношения к делу и усердной работы» (Там же. Л. 33–34).

Комментируя патетические высказывания Д. Г. Шульца о необходимости спасать археологическое наследие от грабителей, Э. А. Реслер писал: «Поэтому я и не могу считать предложенные так настойчиво господином Ш. услуги полезными для Комиссии... послать Ш. например на остановку хищнических раскопок, по-моему, было бы все равно, что пустить козла в огород. Для меня вообще загадка, какими путями господин Ш. вкрался так в доверие Комиссии, что в продолжение нескольких лет почти все Закавказье, так сказать, было в его распоряжении относительно раскопок». Действительно, Открытый лист был выдан ему сразу на три губернии. Интересно, что в связи с этим Э. А. Реслер предложил учредить должность уполномоченного от ИАК по всей территории Закавказья. Он даже выразил готовность сам оставить должность учителя для работы по систематическому изучению памятников, поскольку «ежегодно значительная часть их навсегда пропадает для науки» (Там же. Л. 33–34).

ИАК, прислушавшись к мнению Э. А. Реслера, отказала Д. Г. Шульцу в выдаче Открытого листа. Однако позднее, в 1901 г., в ответ на новые обращения Д. Г. Шульца (Там же. Л. 37–38), Комиссия направила его в Тифлисское отделение МАО, где он мог попросить разрешения на производство раскопок под гарантии представителей местного ученого общества. При этом А. А. Бобринской ссылался на то, что частные лица не могут вести раскопки в тех городах, где имеются ученые сообщества, — практику, которая восходила ко времени «археологической конференции» апреля 1889 г. (Там же. Л. 39).

К сожалению, история Д.Г. Шульца, который писал в ИАК, что «готов пожертвовать собою на поприще открытия исторических тайн для всего человечества», и даже выслал копию своего членского диплома Кавказского отделения МАО, имела продолжение, печальное по своим последствиям для археологической науки. При этом полностью подтвердились оценки личности Д.Г. Шульца, данные дальновидным Э.А. Реслером. Остается совершенно непонятным «благодушие», проявленное по отношению к Д.Г. Шульцу членами Кавказского отделения МАО. Отношение же к Д.Г. Шульцу члена ИАК Н.И. Веселовского, доверившего тому раскопки на Кубани, что и создало драматическую ситуацию, вполне объяснимо с учетом той «кадровой неразборчивости», которую профессор проявлял и ранее, в частности в истории с И. Маленко (по этому поводу см. выше и главу I).

Несмотря на характеристику, данную Д.Г. Щульцу Э.А. Реслером, Комиссия в июле 1903 г. все же доверила первому доследовать под наблюдением Н.И. Веселовского разрушенные кладоискателями курганы у станицы Апшеронской. После завершения этих работ Д.Г. Шульц втайне от ИАК в сентябре того же года приступил к раскопкам двух больших курганов у станицы Келермесской (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 88. Л. 22). По донесению казачьего атамана, которое поступило в Петербург и, очевидно, было составлено со слов самого Д.Г. Шульца, курганы находились на землях помещицы Ткачевой (Там же. Л. 31). Однако, как выяснилось впоследствии, эти памятники находились на казенных землях. Подобный обман нужен был Д.Г. Шульцу для получения компенсации, полагавшейся владельцам земель, на которых располагались раскапываемые памятники. Так как ему посчастливилось открыть здесь выдающиеся погребения раннескифского времени, сумма затребованной им компенсации была значительной и составляла 300 руб. В конце 1903 г. Д.Г. Шульц отправил в Петербург отчет о раскопках и 2 ящика с находками, среди которых были такие известные вещи, как золотая нашивная бляха в виде пантеры, акинак в драгоценных ножнах и парадная секира. Полученные вещи вызвали в Петербурге сенсацию, Д.Г. Шульцу была направлена телеграмма за подписью графа А.А. Бобринского: «Превосходные вещи получены, просимые триста рублей высылаются, сообщите подробности» (Там же. Л. 28). Келермесские древности были представлены на Высочайшее воззрение, а находчика было решено наградить ценным памятным подарком. В удостоверении от 18 мая 1904 г. было засвидетельствовано: «Дано горному технику Шульцу в том, что ему пожалован перстень, украшенный рубинами и брильянтами из Кабинета его императорского величества» (Там же. Л. 53). Однако перстня Д.Г. Шульц так и не получил.

Изначально успех раскопок способствовал тому, что Д.Г. Шульцу вновь был выдан Открытый лист на исследования в 1904 г. В этом году им было раскопано пять Келермесских курганов; три из них относились к скифскому времени, два — к эпохе бронзы. Зимой из-за сильных морозов работы были временно прекращены (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 9. Л. 4–5), чем и воспользовались местные казаки-кладоискатели, разграбившие несколько погребений. Некоторые вещи кладоискатели продали в Майкопе, откуда они попали в Ростов-на-Дону

к скупщику-ювелиру, который в конечном счете и согласился продать их Комиссии (Там же. Л. 64–68). Когда Д.Г. Шульц вернулся, оказалось что все курганы хищнически раскопаны местными казаками. Доследовав курганы, он нашел бронзовый котел, золотую диадему и золотую чашу.

В письмах Д.Г. Шульца в Комиссию постоянно звучит призыв остановить расхищение памятников местными крестьянами и казаками и жалобы на начальников, не проявляющих заботы о древностях. По его словам, когда атаман станицы Келермесской доставил в Майкоп 18 грабителей, пойманных с поличным, майкопский наказной атаман выругал станичного атамана, а грабителей выгнал (Там же. Л. 33 об.). Он указывал, что среди грабителей, раскопавших курганы у хутора Церковного зимой 1904 г., был и урядник Плотников, участвовавший в прежних грабежах и оставшийся безнаказанным по вине окружного атамана, так как начальство старается его «покрывать, поскольку он является общественным казначеем, а недавно был выборным депутатом при Келермесском обществе» (Там же. Л. 34).

Однако вскоре дело приняло совершенно иной оборот: кубанские древности внезапно объявились в г. Ростове-на-Дону в ювелирном магазине П.А. Остера. Одновременно книготорговец Ф.С. Романович, бывший в свое время постоянным корреспондентом И.А. Суслова, сообщил в Комиссию, что лично выкупил у П.А. Остера золотые вещи, происходящие из древних курганов, которые были привезены каким-то горным инженером, который просил как можно скорее переплавить оставшиеся золотые изделия в слитки. Большая часть вещей уже была переплавлена и предложена ростовскому часовщику Канторовичу, который, не имея достаточных средств, согласился посредничать за процент от сделки и свел инженера с П.А. Остером. П.А. Остер, сплавив 4 фунта слитков, отправил золото в Москву. Ювелиру Рувинскому таинственный инженер также продал как лом 4 фунта золотых изделий. Часовщик Канторович, получивший всего 12 руб., считал себя обделенным при сделке и хотел «увидеть кровь своих обидчиков», почему и стал еще одним источником информации о торговле древностями.

Для расследования обстоятельств этого странного дела ИАК командировала в Ростов Н.И. Веселовского. Он убедился, что вещи, купленные Ф.С. Романовичем, происходят из кубанских курганов скифского времени и представляют огромную художественную ценность. Н.И. Веселовский просил Комиссию заплатить просимую за них сумму — 5000 руб. Комиссия, «несмотря на экономию, вызванную военным временем» (шла русско-японская война), просила выделить из казны деньги на приобретение этих древностей. Одновременно Н.И. Веселовский провел расследование и выяснил, что вещи из курганов и золото в слитках продал ювелиру под чужой фамилией не кто иной, как Д.Г. Шульц! Все участники сделки признали его по фотографии. Вскоре от Н.И. Веселовского в Петербург пришла телеграмма: «Сознался, лист отобран» (Там же. Л. 86–89).

Д.Г. Шульц был полностью разоблачен. Одновременно выяснилось, что копал он на казенных, а не на частных землях. Разразился скандал, в результате которого Д.Г. Шульц, естественно, был отстранен от раскопок. По примерным подсчетам, за два года «раскопок»

на Кубани он собрал около 10 фунтов золотых изделий. Из золотого лома Д.Г. Шульц заказал кольца и браслеты для жены, с которой и приезжал в Ростов, и которая могла, по догадке Н.И. Веселовского, «соблазнить» его на преступление (Там же. Л. 86). Так, Д.Г. Шульц нашел свой «клад», а наука и мировое искусство навсегда утратили шедевры древних мастеров.

Однако же переписка Комиссии с Д.Г. Шульцем продолжалась до 1910 г. Последний постоянно обращался с прошениями о возвращении ему денег, потраченных на раскопки курганов на Кубани, где он якобы добыл и переслал в Петербург «сокровища» на 100 000 руб. Прошения посылались и в ИАК, и в различные министерства, и в канцелярию императрицы Александры Федоровны, и даже самому императору. Комиссия была вынуждена отвечать на официальные запросы и разъяснять, что Д.Г. Шульц не оправдал ее доверия, утаил часть находок и продал их ювелирам в Ростове. За эту сделку он получил больше денег, чем требовал в качестве возмещения затрат на раскопки (Там же. Л. 224 — 224 об.).

К тому же выяснилось, что Д.Г. Шульц нанимал местных жителей на работу не за определенную плату, а на условии выдачи им половины найденных вещей. Если же им ничего не удавалось найти, то он ничего им не платил. Единственная достоверно установленная выплата рабочим произведена Д.Г. Шульцем в станице Келермесской: 300 руб., тогда как он писал о своих расходах в 1000 руб. Это происходило в то время, когда семья Д.Г. Шульца, брошенная им в Тифлисе, бедствовала, и для нее через газеты делался общественный сбор. Сам Д.Г. Шульц проживал в Ростове с какой-то дамой, якобы его родственницей, для которой и заказывал из добытого золота браслеты и кольца, израсходовав те деньги, которые желал бы теперь возместить за счет Высочайшей милости. В своих ответах ИАК неизменно подчеркивала, что хотя Д.Г. Шульц постоянно утверждал, что продавал только принадлежащие ему вещи, якобы купленные им во время поездок по Кавказу, в действительности он торговал находками из кубанских курганов, раскопанных им на общественных землях, сознавая при этом преступность своих деяний, отчего часто менял в Ростове квартиры и фамилии (Там же. Л. 233–234). Естественно, история с Д.Г. Шульцем тоже была поставлена П.С. Уваровой на вид Археологической комиссии.

Взаимные обиды не мешали московским и петербургским археологам служить любимой науке о древностях и совместными усилиями заботиться о сохранении памятников отечественной истории и культуры. Настоящая «бескровная» война, следы которой сохранились в архиве Комиссии, велась профессиональными исследователями, энтузиастами-археологами и просвещенными правителями кавказских земель против хищников-гробокопателей разных мастей — от любителей «интересных находок» до корыстных агентов европейских музеев и частных коллекционеров. К подобным «хищникам» относились, к примеру, не только упомянутый ранее Вальдемар Бельк, разрывший на частных землях без какой-либо научной фиксации более 300 могил по заказу профессора Р. Вирхова, но и Шарль Генрихович Лоран, «директор трамвая» во Владикавказе. Об этом в Комиссию 29 ноября 1913 г. писал преподаватель Владикавказского кадетского училища капитан

К.А. Проскура, который еще ранее, в 1889 г., выражал беспокойство по поводу судьбы коллекции К.И. Ольшевского. Ш.Г. Лоран, по его словам, был гидом по местным древностям у Клода Ане, представившегося как «профессор Сорбонны» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 573 — 576 об.).

Как уже было отмечено, особое внимание российских археологов вообще и ИАК в частности памятники Кавказа стали привлекать с начала 1880-х гг., с момента стабилизации здесь военно-политической ситуации. В частности, Комиссия препятствовала деятельности дилетантов, устремившихся на раскопки курганов и пытавшихся заручиться официальным разрешением. Так, начиная с 1883 г. в ИАК неоднократно обращался неграмотный отставной унтер-офицер Федотов с просьбой о разрешении ему производить раскопки в поисках сокровищ, сведения о которых были переданы ему местными старожилами (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 6). На каждое из его прошений следовал подробный ответ с разъяснением, что кладоискательство запрещено законом и раскопки можно производить только с научной целью и только лицам, уже известным ИАК. С Федотова каждый раз бралась подписка, что ответ из Петербурга доведен до его сведения. Однако эти запреты не остановили искателя. Для подтверждения своей благонадежности Федотов выслал часть находок в Петербург, получив за них 15 руб. Все вещи относились к сарматскому времени.

Однако в 1884 г. Ставропольская городская управа самостоятельно разрешила Федотову раскопки на городских выгонных землях и даже выдала ему на эти работы 45 руб. Комиссия, которая получила находки, сделанные во время этих раскопок, была вынуждена компенсировать местным властям научные издержки. Интересно отметить, что городская управа толковала в свою пользу некоторые положения законодательства, в частности, Строительного устава, и Комиссии пришлось направить в Министерство внутренних дел письмо о необходимости подтвердить запрет кладоискательства, что и было сделано циркуляром от 31 мая 1884 (№ 11), упомянув в нем и о Ставропольской городской управе:

«<...> если неграмотному унтерофицеру позволительно прийти к мысли отыскивания предполагаемых кладов, вследствие каких-то таинственных примет, переданных ему местными старожилами, то Городской управе совершенно непростительно относиться к делу с таким невежественным легкомыслием, тем более что при таких неумелых раскопках легко уничтожаются курганы, городища и другие урочища, представляющие иногда весьма важный археологический интерес...» (Там же. Л. 59 об.). Как всегда, одним из поводов для ИАК реагировать на ситуацию был проводимый ее членами «мониторинг СМИ». 24 апреля 1885 г. Комиссия обратилась в Министерство внутренних дел с отношением, в котором сообщалось, что в одном из французских археологических журналов появилась статья Ж. Бапста о его раскопках в Дагестане (сел. Ретло в Дидойском наибстве) и в Хевсурии и сделанных там находках бронзовых украшений и статуэток, а также сообщение о большом памятнике восточного искусства в тамошней местности, части которого он собирается перевезти в Париж. В письме ставился вопрос, каким образом иностранный подданный получил разрешение производить

раскопки на Кавказе и вывозить археологические находки из России (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 30. Л. 1).

Очевидно, речь шла о Жермене Бапсте (1853–1921), специалисте по древнему и средневековому металлургическому и ювелирному делу, который в 1883–1884 гг. совершил три ученых экспедиции на Кавказ, в том числе и с научной целью выяснить происхождение использовавшегося в древности свинца (см. о его работах на Кавказе: Bapst 1885; 1886; 1887). 12 августа 1885 г. МВД сообщило, что препровождает копию с отношения главноначальствующего гражданской частью на Кавказе от 30 июня 1885 г. «по поводу археологических раскопок, произведенных в 1883 г. командированными французским правительством на Кавказ с ученой целью поручиком артиллерии Андреем Бапстом и братом его, чиновником Министерства народного просвещения Германом Бапстом» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 30. Л. 2). Главноначальствующий сообщал:

«<...> Вследствие ходатайства посла нашего в Париже об оказании содействия командированным... сообщено было по моему приказанию начальникам губерний и областей Кавказского края оказать означенным иностранцам внимание и возможное содействие при предстоящем их путешествии... братья Бапст снабжены были Открытым листом для благополучного и безопасного путешествия по краю.

Затем, производили ли они, в бытность свою в 1883 году на Кавказе, раскопки и найдены ли ими какие-либо древности — мне неизвестно, только из дел моей канцелярии видно, что Герман Бапст, встретив в Дагестане некоторые медные изделия местного горского населения, в том числе и котлы, выразил готовность приобрести их, и что впоследствии куплен был для Бапста, по его поручению, один из котлов и доставлен по принадлежности; другой же котел, которого также ожидал Бапст, не был ему выслан, так как хозяин не согласился уступить его. Этот доставленный Бапсту котел не есть ли тот большой памятник восточного искусства, а изделия горского населения — те древности, о которых помещена статья в парижском археологическом журнале и на которую обратила внимание ИАК. Что же касается другого восточного памятника, который г. Бапст намеревался перевезти в Париж, то не следует ли под этим памятником разуметь другой котел, для покупки которого оставлены были Бапстом деньги, но который не был ему выслан вследствие нежелания хозяина продать.

В заключение долгом считаю присовокупить, что со стороны Кавказского начальства приняты все зависящие меры к охранению памятников древностей здешнего края и что о находимых древностях доставляются надлежащие сведения в ИАК с приложением и самих находок» (Там же. Л. 3–4).

ИАК была вынуждена обратиться в Министерство императорского двора с описанием отношения кавказских властей к своим обязанностям по охране древностей. В этом рапорте было упомянуто и оставленное без ответа обращение Комиссии к кутаисскому губернатору по поводу находки остатков древнего храма и могил с надгробными надписями в окрестностях Сухума (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 46) и отписка главноначальствующего на Кавказе в ответ на запрос о раскопках Бапста. Здесь же были перечислены все иллюстрации к публикации Ж. Бапста 1886 г. и подробно описаны изображенные на них

вещи. Комиссия утверждала, что братья Бапсты не имели права ни производить раскопки, ни вывозить находки за пределы России, хотя в то время уже было известно, что подобные исследования на Кавказе производили Р. Вирхов и Е. Шантр. Характерно, что министр императорского двора, направивший на Кавказ письмо, в котором просил принять соответствующие меры для ограждения интересов ИАК, получил в ответ копию известной отписки местных властей от 30 июня 1885 г.

Новый председатель ИАК А. А. Бобринской уже на второй год пребывания в своей должности отправился на Кавказ. Его первая поездка 1888 г. сопровождалась обстоятельным рапортом министру императорского двора от 5 мая 1888 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 64. Л. 2–6). Здесь сообщалось, что уничтожение памятников старины на Кавказе практикуется в обширных размерах. В качестве наиболее «неблагоприятных районов» назывались Терская область, окрестности Владикавказа и округа Грозного. Точно так же неутешительно представляется дело археологии в Грузии, где церкви и монастыри изобилуют богатствами, накопившимися за много веков. Гелатский монастырь, например, известен большим количеством превосходно сохранившихся византийских эмалей. Высокая ценность эмалей подала повод к ограблениям церковных богатств. На образе Хохульской Богоматери в Гелате многие эмали теперь вынуты и заменены современными подделками. Как церковные древности, так и вещи из курганов и могил усердно скупаются иностранцами и посылаются во множестве за границу.

А. А. Бобринской писал, что местная администрация везде встречала его обращения сочувственно, однако личных просьб в этом деле недостаточно. В письме говорилось, что необходимо особое императорское повеление об обязательной охране отечественных древностей и о поддержке властями сотрудников ИАК в преследуемых ими целях. Царское слово тем более необходимо, что против стремления Археологической комиссии несколько упорядочить дело археологических раскопок в России и спасти, что возможно, от невежественного разрушения, восстает Московское археологическое общество, которое категорически заявляет о своем нежелании подчиниться правилам урегулирования археологической деятельности частных лиц и нападает на ИАК в печати. В результате местные власти получают от ИАК требование о прекращении хищнических раскопок, а с другой стороны предписание МАО о дозволении раскопок лицам, снабженным Открытым листом общества. Часто право на раскопки получают лица, имеющие лишь весьма слабое представление о требованиях археологии, только роняющие науку в глазах местных властей (сами скупают и продают древности). Следует подчинить все археологические учреждения империи общим правилам; обусловить выдачу Открытого листа согласием ИАК. На Южном Кавказе следует составить опись сокровищ во всех монастырях. Поручить труд ИАК или высшему духовенству, запретить всякое вмешательство в это дело частных лиц и иностранцев. Дело археологии в России требует еще правительственной опеки и правительственной охраны. Надзор за ним должен быть сосредоточен в руках правительства (Там же).

Если возможным следствием этого рапорта можно считать Высочайшее повеление от 11 марта 1889 г., то

для принятия мер к охране и описанию церковных древностей в Грузии дополнительно потребовалась памятная записка Н. П. Кондакова от 26 мая 1889 г., поданная им в Министерство императорского двора, которая и явилась непосредственным поводом к составлению описания памятников церквей и монастырей Грузии (подробнее см. главу I).

Через 20 лет, 23 марта 1910 г., А. А. Бобринской в письме начальнику Главного управления уделов князю Виктору Сергеевичу Кочубею вновь обратился к теме сохранения национального достояния страны, раскрывая побудительные мотивы продолжающихся массовых ограблений памятников юга Российской империи, их конкретных виновников и участников, а также ряд конкретных мер по исправлению сложившейся ситуации.

Он писал, что в Крыму и на Кавказе раскопки курганов достигли необычайных размеров, отчасти вследствие слабого надзора по охране памятников на месте, отчасти же вследствие большого спроса на классические и кочевнические древности за границей. Последнее обстоятельство до такой степени подняло цены на подобные предметы, что приобретение их для русских правительственных музеев сделалось недоступным, так как они не в состоянии конкурировать с иностранцами на этой почве. С годами дело все более ухудшается, несмотря на то, что русские монархи постоянно демонстрировали заботу о пополнении отечественных музеев добываемыми в стране древностями и признавали их высокое научное значение для государства. В настоящее время одним из главных виновников такого вредного для России явления оказывается лицо, состоящее на русской службе. Это — главный винодел Удельного ведомства француз Масоно. Хотя в России не установлено запрета для вывоза древностей за границу, едва ли можно сомневаться, что подобный вывоз наносит ущерб государству и что деятельность в этом направлении недопустима для лица, состоящего на государственной службе.

Между тем положительно известно, что Масоно продал за границу несколько собранных им коллекций, конечно, с выгодой для себя; он покрыл Крым и Кавказ сетью своих агентов для скупки древностей, а эти агенты отвлекают местное население от ежедневного труда и подбивают его на тайные раскопки древних могил.

ИАК не могла оставить действия Масоно без внимания и обратилась в Главное управление уделов с просьбой повлиять на него и указать ему на желательность прекратить на будущее время свою деятельность по скупке и продаже древностей, находимых в империи (см. также главу III, с. 584).

Под письмом приписано от руки: «Осуществление этого ходатайства Археологической комиссии оказало бы большую услугу правильному развитию ее научных задач в южной России» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 535 — 536 об.).

В промежутке между этими датами члены Комиссии принимали вполне конкретные меры по охране древностей на местах. Так, Н. Я. Марр постоянно информировал Петербург о продаже древностей за границу и о разрушении памятников, в частности, о винограднике, разбитом на территории крепости Двин (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 393). Н. Я. Марр сообщал об этом не только в Комиссию, но и переписывался с Министерством государственных имуществ. Предметом для

переписки стала сдача в аренду под пастбище для скота развалин города Ани — древней столицы Армении (Там же. Л. 394 и сл.). Он сообщал, что это было сделано непосредственно агентом министерства, который заключил соответствующий контракт с крестьянином сел. Араз. По словам Н. Я. Марра, животные паслись непосредственно на руинах и даже заходили в разрушенные храмы. Далее исследователь пишет:

«Они (армянские крестьяне. — *Авт.*) одичали и не ведают, что творят (как в какой-нибудь Турции!). В книге отзывов о подобном безобразии пишут все посетители: русские, немцы, англичане, французы, даже американцы! И, конечно, армяне. Польза казне от аренды ничтожная. Вначале в аренду были сданы пахотные земли вне стен Ани. Против этого поздно возражать — постройки сравняли с землей. Теперь прибавили пастбища внутри стен, т. е. развалили живой музей. Арендная плата составляет 442 рубля. Следует прекратить варварское отношение к развалинам. Арендатор хотя и обязан следить за сохранением развалин, но не заинтересован в этом и по невежественности не выполняет контракт защитить колыбель христианства в Армении».

Далее Н. Я. Марр сообщает: «Я собрал для постройки хранилища древностей 950 рублей. Поскольку на новое здание средств не хватает, я нашел мастера для реставрации мечети (в древнем городе Ани. — *Авт.*), чтобы получить музей и сохранить памятник архитектуры».

В ответе из министерства сообщалось, что участки в стенах Ани впредь не будут сдаваться в аренду, и будет осуществляться надзор за сохранением руин древнего города. Министерство вообще предлагало изъять городище Ани из состава казенных земель и передать его в собственность ИАК. Однако, поскольку закона о передаче земли в Российской империи не было, для подобного следовало испросить Высочайшее разрешение и, уточнив у Н. Я. Марра размеры пространства для музея, обратиться к наместнику его императорского величества. Впоследствии было проведено межевание участка, и право на землю было передано учрежденному Комиссией Анийскому музею. Государственная дума в 1914 г. одобрила проект закона о выделении средств на производство раскопок в городище Ани: с этого времени в течение трех лет должно было выделяться 5000 руб. на исследования. На охрану памятника также было предусмотрено ежегодно выделять такую же сумму. Проект подписан председателем Государственной думы М. В. Родзянко. Естественно, в этом деле стоит отметить личную харизму Н. Я. Марра, однако известно (см. главы I и XIV), что подобная практика передачи памятников в собственность ИАК стала одной из форм деятельности Комиссии по охране культурного наследия.

Не менее острой была ситуация с охраной памятников на Кубани и на Северном Кавказе. С 1907 по 1912 г. А. А. Миллер производил раскопки в низовьях р. Дон, исследуя курганы и городища античного времени. В 1909 г. А. А. Миллер был вынужден послать письмо в Комиссию, а Петербург в свою очередь обратился к начальнику Донской области и наказному атаману Донского казачьего войска (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 40. Л. 22–23). Поводом для этой переписки послужили грабительские раскопки курганов местными казаками и добыча ими строительного камня на Елизаветовском городище.

В обращении Комиссии к донским властям, в частности, говорилось, что среди местного населения неизвестен закон о производстве раскопок. Казаки прямо заявляют, что земля и все в ней находящееся принадлежит им, казакам. В результате ИАК просила наказного атамана поставить в известность станичные власти, что исключительное право выдачи разрешений на производство раскопок на землях казенных и общественных предоставлено Комиссии. ИАК также просила установить наблюдение за курганами в окрестностях станицы Елизаветовской, принимая во внимание информацию А.А. Миллера, что некоторые казаки намерены с наступлением теплых дней приступить к хищническим раскопкам (Там же. Л. 23, 31).

Показателем неравнодушного и совестливого отношения местных властей к культурному наследию могут служить письма и обращения начальников Кубанского и Терского казачьих округов. Так, начальник Терской области и Терского казачьего войска генерал-лейтенант Сергей Николаевич Флейшер (1856–1918) писал А.А. Бобринскому следующее:

«Богатства исторических памятников Северного Кавказа... издавна привлекали и привлекают внимание как людей науки, так и любителей-дилетантов и хищников. Первые, интересуясь историей края, ищут ответа на спорные вопросы, а вторые зачастую удовлетворяют лишь свое обывательское любопытство и страсть к собиранию коллекций, поэтому наряду с серьезными обследованиями строго научного характера наблюдались и наблюдаются случаи любительских поисков “чего-либо интересного”, а то и просто ценных кладов» (приказ № 328 от 11 мая 1913 г.; ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 539–540).

Далее генерал писал, что за разрешением производить раскопки в Петербург обычно обращаются лица, малоизвестные Комиссии, и их просьбы удовлетворяются лишь в силу доверия к их служебному или общественному положению. Однако в любом случае получалось, что раскопки проводятся любопытствующими дилетантами, которые передают в Комиссию только отдельные наиболее ценные и не громоздкие предметы. А весь остальной инвентарь или вовсе не заносится в дневник раскопок и бросается на месте, или же попадает в руки частных любителей или скупщиков. Производство раскопок без определенной заранее поставленной цели, в любом месте области, заставляет опасаться за возможность безвозвратной гибели для науки и истории очень ценных данных, восстановить которые в будущем не представляется никакой возможности. Помимо того, дилетантское отношение к серьезным научным исследованиям вызывает среди местного малокультурного населения страсть к кладоискательству, что уже окончательно губительно отражается на сохранении в целостности памятников старины (Там же. Л. 539 — 539 об.).

В своем письме С.Н. Флейшер просил Комиссию перед выдачей Открытых листов лицам, проживающим во вверенной ему области, получать нужные справки об этих лицах через подведомственные учреждения, а при выдаче листов сообщать район и время предполагаемых раскопок. Последнее, как известно, делалось ИАК в обязательном порядке с самого начала. Для упорядочения раскопок генерал предлагал проводить их в одном, заранее определенном месте, в отличие

Иван Ефимович Гладких (Сайт «Историко-культурное наследие Кубани»)

от практики выдачи Открытых листов по уездам, поставив в известность о времени начала работ администрацию Терского областного музея, чтобы передать в музей все находки, которые не отправляются в Комиссию. Соблюдение такого порядка желательно ввиду того, что Областной музей ставит себе задачей точное и подробное нанесение на карту всех исторических памятников и могильников с соответствующим перечнем и описанием добытых в каждом районе предметов, с указанием — куда и кем переданы последние, с фотографической фиксацией внешнего вида памятников до раскопок и во время их проведения. (Там же. Л. 539 об. — 540).

Необходимо отметить, что и генерал-лейтенант Флейшер, и хранитель Областного музея А. Распопов, чьи подписи стоят под документом, оказались «на голову выше» многих дилетантов и даже специалистов-археологов своего времени. В ответном письме от 28 мая 1913 г. (Там же. Л. 557) граф А. А. Бобринской полностью поддержал просьбу начальника Терской области получать справки о лицах, малоизвестных Комиссии, в соответствующих учреждениях.

Не менее ответственно к охране памятников подошли начальник Кубанской области, наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант Михаил Павлович Бабыч (1844–1918) и заведующий Екатеринодарским музеем войсковой старшина Иван Ефимович Гладких (1862–1930). Атаман издал серию указов по Кубанской области, посвященных охране древних памятников и борьбе с их расхищением, копии которых были переданы в Петербург (Там же.).

В приказе № 246 от 11 апреля 1913 г. (Там же. Л. 558 — 558 об.) атаман упрекает таманцев за производство хищнических раскопок курганов и продажу за бесценок в Керчь находок, имеющих государственное значение. Он повествует о том, что местная власть пыталась сделать для предотвращения этих преступлений: десятки людей привлекались к уголовной ответственности, совершались обходы и разъезды для осмотра местности. Но это не принесло хороших результатов вследствие обширности территории, хитрых уверток и отговорок кладоискателей и, самое главное, из-за назначения судьями столь ничтожных наказаний, которые только ободрили кладоискателей, у них пропал всякий страх перед уголовным преследованием. Итогом такой принципиальной позиции войскового начальства стало то, что таманцы постановили производить раскопки силами общества лишь под руководством директора Керченского музея.

Следующий приказ по Кубанской области появился 31 мая 1913 г. (Там же. Л. 560). В связи с разграблением

курганов у станицы Ахметовской здесь говорилось:

«Объявляю строгий выговор проживающим в станице Ахметовской крестьянам: Ивану Моренцову, Григорию Нижильскому и Филиппу Сахарову и казакам той же станицы Василию Анищенко и Войска Донского Козьме Ежову за бродяжничество по ночам и хищнические раскопки курганов с целью добычи находок, которые составляют предмет науки и достояния войска и государства.

Полицейским казакам Ахтырскому и Павлюченко за поимку этих воришек я объявляю мое спасибо.

Фамилии опорочивших крестьян и казаков предписываю объявить на станичных, хуторских и сельских сходах. Станичной же администрации предписываю усилить надзор за лицами, имеющими преступную наклонность к кладоискательству».

После расследования грабительских раскопок у станицы Костромской генерал М.П. Бабыч издал новый приказ (№ 210 от 31 мая 1913 г.; РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 560–561), в котором излагались причины, приведшие к его появлению:

«<...> по делу о производстве в станице Костромской хищнических раскопок курганов устанавливается... что крестьянами... Иваном Зябиным, Николаем Дубогрызовым и другими были похищены из разрытых курганов золотая корона и иные золотые вещи значительной материальной и научной ценности, а вместе с тем выясняется, что многие казаки этой станицы также принимали участие в кладоискательстве.

<...> Костромцы и все казаки родной мне Кубани, прошу вас, как старший, как отец, образумьте же неразумных ваших товарищей, храните незапятнанной добрую славу дедов ваших, не следуйте дурным примерам пришлого элемента, так как не на крестьян Зябина и других падает позор, а на вас, казаков, и детей ваших за допущение кощунственного разрытия и разграбления могил времен Рождества Христова, сознайте же позор своих действий и не допускайте в своем родном крае подобных преступных действий.

Атаману Майкопского и других отделов предлагаю, если подобные явления еще будут иметь место на Кубани, подвергать виновных самому строгому наказанию.

Приказ этот предлагаю объявить на полных сходах во всех станицах, хуторах, селениях, аульных правлениях и всем чинам полиции в Кубанской области» (Там же. Л. 561).

Следующее обращение наказного атамана Кубанского войска к населению было вызвано донесением, полученным от заведующего Кубанским войсковым музеем войскового старшины И.Е. Гладких об ограблении курганов в станице Баракаевской Майкопского отдела. Взывая к казачьей совести, М.П. Бабыч требовал исполнительности и от собственных подчиненных, которые должны были на сей раз не только пресекать преступную деятельность воров, но и заставлять их «рекультивировать» разрушенные ими памятники: «Неоднократно обращался я с просьбою ко всему населению Кубанской области оберегать курганы и все вообще предметы старины, так как они составляют достояние Государства и науки, но, очевидно, пагубная страсть к кладоискательству укоренилась слишком глубоко, и находятся еще лица, которые ни просьб не слушают, ни добрых слов не понимают. Поэтому предписываю... принять все зависящие

меры и самое живое участие в деле искоренения кладоискательства в Кубанской области.

От всех лиц полиции и администрации требую перейти от увещеваний к делу: всех лиц, пойманных на месте преступления или уличенных свидетельскими показаниями в кладоискательстве, привлекать к уголовной ответственности или, в пределах предоставленной власти, подвергать высшей мере административного взыскания; вместе с этим обязательно предъявлять таких лиц, как опорочивших себя, на суд общества, для выражения им порицания целым сбором, назначать их на самые трудные общественные работы, строго следить за всеми действиями их, не давать покоя производством у них на дому и у тех лиц, с коими они часто соприкасаются, самых тщательных обысков и днем и ночью.

Заставлять виновных в кладоискательстве под караулом снова зарывать, разравнивать и утрамбовывать разрытые ими или их соучастниками курганы, чтобы и следов разрытия не было видно. Лиц иногородних, которые преимущественно занимаются кладоискательством и растлевают нравы казаков, лишать тех преимуществ, которыми они пользуются, живя среди казаков, дабы положить конец кладоискательству.

Вместе с этим предписываю периодически проверять осмотром целость курганов в юртах (в окрестностях станиц. — *Авт.*). Все же предметы старины… обязываю полицию и лиц администрации доставлять при описаниях в Кубанский войсковой музей… где они и будут храниться или как дар, или как отобранные от грабителей и укрывателей.

<…> Крестьянам Северинову и Зубкову и казаку Погребенко, опорочившим себя кладоискательством, предлагаю на полном сходе объявить мой строгий выговор и порицание их преступному действию и затем вменяю станичному атаману строго следить за ними, производя периодически у них обыски как у лиц, опорочивших себя.

<…> Тех же станичных и хуторских атаманов и старшин селений и аулов, которые будут индифферентно относиться к преследованию кладоискателей или будут утаивать о производящихся… раскопках, я буду считать не распорядительными и не способными к дальнейшей службе. О чем и буду объявлять в приказах по области» (приказ № 332 от 17/19 июля 1913 г.; РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 564–565).

Обращает на себя внимание, во-первых, неравнодушное отношение к памятникам старины со стороны войскового начальства: чего стоит один пассаж о признании служебного несоответствия и отстранении от должности местных начальников в случае небрежения охраной памятников! Кто из прежних советских первых секретарей обкомов или новых российских губернаторов мог бы похвастаться подобным отношением к древностям на вверенной их заботам территории? Во-вторых, излагается «системный» подход к охране памятников. Это и постоянное наблюдение за их состоянием, вполне современный мониторинг памятников, и обращение не только к местной администрации (атаманам, старостам, полиции, лесникам), но и к любителям древностей, к краеведам и общественности.

К расхитителям было приказано применять жесткие административные меры, но главную роль должны сыграть меры общественного воздействия: осуждение на сходах, направление

на тяжелые общественные работы, постоянное наблюдение за «бугровщиками» и обыски в их домах. Все это должно служить профилактикой против вовлечения новых граждан в ряды грабителей. Требование заставить грабителей засыпать ямы на курганах служило и как воспитательная «трудотерапия», и предохраняло памятники от дальнейшего разрушения, в том числе от «соблазна» новых ограблений этих же насыпей. Наконец, местное начальство было обязано в приказном порядке все древности, найденные при земляных работах, в местах обрушений берега или отобранные у грабителей или скупщиков, передавать в Кубанский музей, снабдив их соответствующим описанием.

Не была обойдена атаманом М.П. Бабычем и проблема «разрытия курганов на частновладельческих участках» (приказ по Кубанской области № 424 от 19 сентября 1913 г.), составлявшая одну из главных забот ИАК. Дабы пресечь попытки перекупщиков древностей найти «лазейку» в Высочайшем повелении 11 марта 1889 г., которое вроде бы не распространялось на частные земельные владения, генерал направил письмо руководству Комиссии со следующим запросом: могут ли лица, не имеющие Открытого листа из Петербурга, производить разрытие курганов на частных землях с согласия их владельца? Он, в частности, писал:

«<...> Мне удалось немного сократить пагубное стремление порочных членов населения к кладоискательству, а от видных и опасных скупщиков в Майкопском отделе Самонина и Карапетова отобрать подписки, что они больше этим делом заниматься не будут. В настоящее время один из них заявляет заведующему Кубанским войсковым музеем о праве производить раскопки на частновладельческих участках. Ввиду этого прошу поставить меня в известность, могут ли все лица, кто пожелает, без Открытых листов Археологической комиссии, производить с согласия владельцев разрытие курганов в их собственных владениях. Если могут, то я бы просил установить, чтобы на разрытие каждый раз испрашивалось мое разрешение для установления контроля, чтобы всему добытому в таких случаях делалось подробное описание в особых шнуровых книгах, и чтобы подобные книги... могли бы... контролироваться Заведующим музеем и лицами администрации <...>. И наконец, чтобы вещи эти могли бы продаваться частным лицам только после осмотра и разрешения одного из членов Императорской археологической комиссии. Этим я полагаю, можно было бы... сократить стремление к кладоискательству, а равно продажу и покупку предметов старины скупщиками и хищниками» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 567 — 567 об.).

Этот документ свидетельствует, что на Кубани, как ранее в Крыму, на Тамани и на Центральном Кавказе, к 1913 г. грабители курганов представляли собой хорошо организованную, структурированную цепочку от «бугровщиков» через скупщиков и антикваров к местным и иностранным коллекционерам, способную обойти существовавшие нормы российского законодательства. Аналогичный запрос поступил и из Терского областного музея г. Владикавказа. ИАК отвечала на них в том духе, что «раскопки курганов, городищ и других памятников старины на землях укрепленных в частную собственность» должны производиться на основании того же Указа от 11 марта 1889 г., т. е. исключительно с разрешения ИАК (Там же. Л. 584).

Насколько действенны были меры, принятые войсковым начальством, а само это начальство способно остановить расхищение древностей на Кубани? В связи с мерами против «бугровщиков» в ИАК поступил рапорт из Таманской станицы от 28 декабря 1913 г. (Там же. Л. 578). Здесь говорилось, что курганы раскапывались целыми группами до 30 человек и не ночью, а открыто, «средь белого дня». На месте в «раскопах» никогда не были найдены ниши для светильников, необходимые для ночных работ, да и сами «счастливцы» рассказывали, что никогда не копают по ночам, поскольку можно свободно делать это днем. Очевидно, что меры, предпринимаемые ИАК совместно с местными властями для сохранения памятников старины, были недостаточны. Здесь сказывался как дефицит специалистов и финансирования, так и ограниченные полномочия Комиссии. Б.В. Фармаковский по этому поводу писал:

«Надзор за сохранением памятников оставался в ведении МВД, где царила прежняя неорганизованность. Археологическая комиссия фактической власти не имела и на своих постановлениях часто настоять не могла ни в отношении прекращения хищнических раскопок, ни в отношении соблюдения правил ремонтов и реставрации монументальных памятников» (Там же. Л. 601). Вхождение Кавказа в состав России имело важное значение для формирования цивилизованного подхода местных народов к объектам культурного наследия. Представители поколения, выросшего после кавказской войны, получившие образование в столицах империи, начинали понимать значение памятников древности и были готовы участвовать в их сбережении и защите от разграбления своими родственниками-односельчанами. О таких случаях свидетельствует обращение графа А.А. Бобринского к атаману Баталпашинского отдела. Студент-карачаевец Хамзат Басиятович Голаев, отъезжающий из Петрограда на родину в аул Учкулан, сделал в ИАК сообщение о состоянии могильников в районе аула и выразил готовность содействовать сохранению их от расхищения местными кладоискателями. А.А. Бобринской письмом от 20 октября 1914 г. просил атамана оказать Х.Б. Голаеву содействие в деле охранения могильников (Там же. Л. 605). В то же время с просьбой защитить могильники в окрестностях аулов Хурзук и Карт-Джурт от разграбления, опираясь на содействие администрации, к Х.Б. Голаеву обратился и профессор Н.И. Веселовский (Там же. Л. 609). Такова была ситуация с охраной древностей на Северном Кавказе к началу Первой мировой войны.

***

Подводя некоторые итоги археологического исследования Императорской археологической комиссией различных районов Кавказа и Предкавказья, можно прийти к ряду существенных выводов. Несмотря на значительную разницу в политической и культурной судьбе обоих регионов, деятельность ИАК развивалась здесь параллельно и может быть подразделена на несколько этапов. Первый этап может быть датирован 1859–1874 гг. Археологические работы проводились в двух регионах: на Таманском полуострове и в Области Войска Донского и только самими членами ИАК. Круг

исследований ограничивался преимущественно античными и скифскими древностями.

На втором этапе, в 1875–1885 гг., археологические интересы ИАК выходят за пределы Кубани и Таманского полуострова. Раскопки проводятся и в окрестностях Анапы — древней Горгиппии и в Темрюкском районе. Одновременно активизируются исследования МАО на Кавказе, начинают выходить издаваемые Обществом «Материалы по археологии Кавказа» (с 1888 по 1916 г. вышло 14 томов МАК), возникают местные археологические общества, проходит V Археологический съезд в Тифлисе. Все это стимулирует исследовательский интерес Комиссии к местным древностям, а политическая ситуация стабилизируется, что создает благоприятные предпосылки для распространения деятельности ИАК в этом регионе.

Третий этап, объемлющий собой 1886–1914 гг. и связанный с новыми подходами к деятельности ИАК, практикуемыми А.А. Бобринским, приводит к тому, что круг археологических исследований здесь предельно расширяется, а сами исследования приобретают большую систематичность и вид осуществления цельной программы. В это время археологическими исследованиями охватывается весь Кавказ, вплоть до недавно присоединенных к Российской империи районов Армянского нагорья. Исследуются памятники огромного хронологического и культурного диапазона: от каменного века до средневековья. К работам впервые привлекаются местные исследователи. Существенно повышается качество издаваемых Комиссией «Отчетов», которые приобретают более строгую, унифицированную форму. Сведения о раскопках приводятся по областям и регионам. В приложениях даются выдержки из дневников исследователей, таблицы распределения находок и приобретений. Тексты снабжены рисунками высокого качества и схематическими чертежами раскопов.

Необходимо признать, что деятельность Императорской археологической комиссии на Кавказе представляла собой главным образом накопление материалов по археологии и древней истории кавказских народов и была связана с охраной памятников местной старины. Иначе обстояло дело с аналитическим осмыслением добытого раскопками материала. Слабая изученность и сложность культурно-исторической картины этой горной страны не позволяли до некоторого времени перейти к созданию периодизации археологических культур, как это было сделано для Причерноморских степей В.А. Городцовым уже в 1910 г. (Городцов 1910). В конце концов, полевые работы сотрудников ИАК привели к значительному пополнению фонда источников, что позволило уже в 1920-е гг. предложить первые схемы периодизации археологических культур Северного Кавказа (Schmidt 1929; Tallgren 1929; Миллер 1933; Иессен 1941). Примечательно, что основу периодизации А.А. Иессена эпохи бронзы Северного Кавказа составили памятники, открытые членом ИАК Н.И. Веселовским (Майкопский курган, гробницы станицы Новосвободной), и клады, выкупленные Комиссией у находчиков (Привольненский клад, Костромской клад). Для Закавказья такие схемы впервые были разработаны позднее, в 1940-е гг. (Куфтин 1941; Schaefer 1948; Пиотровский 1949).

Обращаясь к вкладу отдельных членов ИАК в изучение древностей

Кавказа и Предкавказья, отметим особую «производительность» полевых работ Н.И. Веселовского, хотя и не свободных от претензий, связанных с фиксацией раскапываемых памятников, на материалах которых на Северо-Западном Кавказе были выделены несколько археологических культур. Прежде всего, это культура больших кубанских курганов, сегодня разделенная на майкопскую и новосвободненскую культуры или же рассматриваемая как майкопско-новосвободненская культурно-историческая общность, скифская культура, белореченская культура средневековых кочевников. Е.Д. Фелицын, изучая мегалитические памятники, подготовил «почву» для выделения дольменной культуры Западного Кавказа, которое по ряду причин затянулось почти на столетие (Марковин 1978).

В различных районах Северного Кавказа и Предкавказья членами и сотрудниками ИАК — Д.Я. Самоквасовым, Н.И. Веселовским, В.М. Сысоевым, В.Р. Апухтиным, В.И. Долбежевым — были раскопаны погребения с «окрашенными костяками». Их относили к «киммерийскому» периоду, а в 1920-е гг. — к эпохе бронзы. А.А. Миллером была предложена схема периодизации северокавказских культур, построенная исключительно на материалах, полученных в результате исследований Комиссии (Миллер 1933; Марковин 1960). Поскольку фонд источников на протяжении XX в. существенно не пополнился, то и в 1960-е гг. при характеристике культур бронзового века Северного Кавказа, так называемой северокавказской культуры, В.И. Марковину (Марковин 1969) и Е.И. Крупнову (Крупнов 1958) пришлось опираться на анализ музейных коллекций, собранных сотрудниками ИАК и ученых обществ России. В обобщающих работах по памятникам эпохи бронзы Закавказья Б.А. Куфтина, К.Х. Кушнаревой, О.М. Джапаридзе, К.Н. Пицхелаури, А.А. Мартиросяна, В.Г. Алиева и других также учитывался вклад археологов, тесно сотрудничавших с ИАК или же бывших членами Комиссии (Куфтин 1944; Кушнарева 1993; Мартиросян 1964).

Блестящие памятники эпохи бронзы и раннего железа, выявленные у Дарьяльских ворот на Центральном Кавказе, быстро получили мировую известность благодаря находкам высокохудожественных «кобанских бронз». Коллекции российских и европейских музеев пополнялись находками с Кавказа, добытыми раскопками В.Б. Антоновича, В.И. Долбежева, А.С. Уварова, П.С. Уваровой, К.И. Ольшевского, В.Ф. Миллера, Г.Д. Филимонова и приобретением вещей у «бугровщиков». Одновременно началась работа по изучению и атрибуции найденных археологических материалов. Раскопки кобанских древностей членами ИАК или же организованные Комиссией экспедиции сделали возможным комплексный анализ материалов кобанской и колхидской культур эпохи поздней бронзы — раннего железа, осуществленный впоследствии трудами А.А. Иессена, Е.И. Крупнова, В.И. Козенковой, Е.П. Алексеевой, Б.В. Техова, В.Б. Виноградова, И.М. Чеченова, К.Н. Пицхелаури и др.

Исследования членов ИАК позволили опровергнуть мнение о Кавказе как о захолустной окраине Европы. Было установлено, что Кавказ являлся в древности центром формирования оригинальных и ярких археологических культур. Обнаружение погребений в Больших кубанских курганах позднее

позволило сделать вывод о том, что кавказский регион в эпоху ранней бронзы входил в орбиту влияний цивилизаций Древнего Востока. Результаты раскопок памятников Урарту, древних городов Армении и храмов Северного Кавказа доказывали, что с эпохи железа в регионе уже существовали городские цивилизации, тесно взаимодействовавшие с передневосточным и средиземноморским регионами.

Научный задел, накопленный ИАК за 50 лет исследований Кавказа, оказался столь значительным, что этот потенциал 70 лет использовала археология советского периода истории России. Сегодня к нему по-прежнему обращаются археологи новой России и стран СНГ. На Кавказе и в Предкавказье трудами Комиссии были обнаружены многие десятки археологических памятников, историческое значение которых зачастую было выяснено много позднее. Можно сказать, что все ключевые разделы древней истории Кавказа были в той или иной степени затронуты деятельностью ИАК. Больше того, члены Комиссии задали направление будущих исследований в этом регионе вплоть до наших дней.

ИАК стремилась воспрепятствовать деятельности заезжих коллекционеров и расхищению древностей. При этом Комиссия старалась использовать местных специалистов, способствуя тем самым подготовке национальных научных кадров. Трудившиеся на Кавказе члены и сотрудники ИАК были влюблены в его древнюю историю и культуру. Чтобы ознакомить российское общество с предметом своей любви и сохранить его для потомков, они основали несколько музеев, вокруг которых собирались просвещенные любители древностей (Владикавказский, Екатеринодарский, Пятигорский, Ростовский, Ставропольский, Тифлисский и другие музеи). В результате деятельности российской археологии на Кавказе в XIX — начале XX в., в которой ИАК занимала особое место, усилиями специалистов различных наук была намечена программа исследования региона. Ценность этой программы заключалась в ее комплексном, междисциплинарном характере и в широте охвата, в расчете на далекую перспективу исследований.

Если проследить историю изучения Кавказа за 130 лет, прошедших после активизации кавказского направления деятельности ИАК при А. А. Бобринском, станет очевидно, что сложившаяся достаточно спонтанно программа исследования кавказских древностей продемонстрировала свою академичность и жизнеспособность. Можно утверждать, что деятельность ИАК в ученом и организационном противостоянии с МАО до некоторой степени определила развитие кавказоведения не только в СССР и в новой России, но и в независимых государствах Закавказья.

М. Б. Рысин, В. Я. Стеганцева

DOI: 10.31600/978-5-9072-9807-1-2019-1056-1091

Глава X

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Изучение Средней Азии в деятельности Императорской археологической комиссии занимает особое место. Исследования этого обширного региона, вошедшего в состав Российской империи во второй половине XIX в., были сопряжены с большими трудностями как в связи с его удаленностью, так и с полной неизвестностью этих районов для российского общества в историко-культурном отношении. Непосредственные архитектурные и археологические исследования членов ИАК в Средней Азии были сравнительно немногочисленны. Однако в архивных фондах Комиссии сохранились важные археологические, архитектурные и этнографические материалы, связанные с исследованием региона и приобретавшимися там многочисленными древностями. Немаловажной для развития российской науки была и оперативная публикация информации об этих материалах в «Отчетах» и «Известиях» Императорской археологической комиссии. Эта информация, в том числе и фотографическая, стала важным инструментом передачи знаний об облике и истории Средней Азии в Россию и Европу (Длужневская 2008; 2010; 2011; ср.: Gorshenina, Sonntag 2018).

Особенности изучения Средней Азии российскими учеными и направления их исследований были напрямую связаны с этапами присоединения этих территорий к Российской империи (см. об этом: Терентьев 1906; Халфин 1960; Башина, Арапова, Бекмаханова 2008). Военные операции России в Средней Азии начинаются в 1839 г. В течение более двадцати лет продолжались походы русских войск на Коканд, в результате чего в 1865 г. к России были присоединены значительные территории севера Средней Азии (южная часть современного Казахстана). В 1867 г. образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Дальнейшие военные действия 1868–1875 гг. привели к вассальному подчинению Хивы и Бухары, а территории Кокандского ханства и горных бекств (долина Зеравшана, Фергана и Тянь-Шань) были включены в состав России. В 1880–1881 гг. к России был присоединен юго-запад Средней Азии (подгорная зона Копетдага в современном Туркменистане), а в 1884–1885 гг. — Мервский оазис и северный берег Амударьи (Южный Узбекистан) и тем самым фактически завершено формирование среднеазиатских владений Российской империи.

Начало культурно-исторического изучения Центральной Азии было положено еще в XVIII в. и связано с системой подготовки русских офицеров для участия в экспедициях и различных миссиях, в рамках которой особое внимание уделялось обучению восточным языкам. В результате в специальном

П.И. Лерх (справа) у юламейки (малой кибитки).
Фото А.С. Муренко, 1858 г. (ФО. Отп. Q 211-4)

подразделении Военного ведомства собирались и обобщались сведения о сопредельных с Россией государствах, в первую очередь — из Азиатского региона, а военное востоковедение выделилось в самостоятельное направление востоковедения российского (Колесников 1997: 33–41). Таким образом, первые исследования региона были обусловлены государственно-политическими интересами и велись официальными представителями Российской империи — военными и гражданскими чиновниками.

Одной из характерных особенностей изучения древностей Центральной Азии было одновременное и параллельное изучение архитектурных и археологических памятников трудами одних и тех же исследователей. Другой особенностью стали передовые технологии, применяемые при проведении экспедиций. Так, в частности, именно среднеазиатская коллекция фотографий является одной из самых ранних и представительных в России (ср.: Gorshenina, Sonntag 2018). Для большинства исследователей на основной территории России изготовление или приобретение фотографий не являлось первоочередной задачей, а требование непременной фотофиксации памятников в период деятельности ИАК еще не стало обязательным. Впрочем, необходимо отметить, что большая часть фотоматериалов этого периода — результаты изучения Средней Азии, хранящиеся ныне в фотоотделе Научного

Исет Кутебаров, киргиз (казах) Чиклинского рода, батыр, известный во всей Зауральской степи. Фото А.С. Муренко, 1858 г. (ФО. Отп. Q 211-10)

архива ИИМК РАН, — поступила не непосредственно в ИАК, а уже в РАИМК, несмотря на то, что оставившие их фотографы зачастую трудились в тесном взаимодействии с Комиссией.

Так, первыми в России снимками, на которых зафиксированы архитектурные сооружения Центральной Азии, были фотографии, выполненные подпоручиком артиллерии Антоном Степановичем Муренко (1837–1875) в 1858 г., когда из Оренбурга в Хиву и Бухару была направлена дипломатическая миссия флигель-адъютанта полковника Николая Павловича Игнатьева (1932–1908) (об этом см.: Девель 1994: 259–271; Калинин 2000: 49–54). Альбом из 28 снимков (ФО. Отп. Q 211-1–28), напоминающих тончайшие акварельные рисунки, был преподнесен генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу. Среди них фотографии караван-сарая в Оренбурге, глинобитных стен г. Кунграда на р. Амударье, форта № 1 на р. Сырдарье, построенного в 1853 г. и в 1867 г. переименованного в уездный город Казалинск, загородного дворца хивинского хана на канале Полван-Ата и др. Впрочем, исследователи отмечали, что для науки значение этого посольства было невелико, хотя командированный Академией наук в состав миссии ориенталист П.И. Лерх, будущий сотрудник и делопроизводитель ИАК, приобрел некоторое число рукописей для Азиатского музея, а для Эрмитажа и Русского археологического общества — монеты (Бартольд 1977а: 441).

Коллекция снимков имеет важное историко-этнографическое значение. На фотографиях запечатлены и исторические личности, такие как известный во всей Зауральской степи батыр казах Исет Кутебаров и министр двора хивинского хана узбек Якши-Мурат, представители разных национальностей из числа местного населения (казах-мулла, пленный персиянин, хивинский солдат, русские пленные), бытовые сцены и предметы быта, одежда середины XIX в. и т. д. В настоящее время эти снимки позволяют считать вклад миссии в востоковедческую проблематику более весомым, чем это считалось в свое время. Это были практически первые фотографии, происходящие из этого региона, и первое посольство, использовавшее фотографию для демонстрации результатов своей миссии (Длужневская 2006: 282–291).

Спустя 15 лет по распоряжению первого туркестанского генерал-губернатора Константина Петровича фон Кауфмана, управлявшего

генерал-губернаторством в 1867–1882 гг., и под руководством ориенталиста Александра Людвиговича Куна был изготовлен знаменитый «Туркестанский альбом». Туркестанское генерал-губернаторство включало тогда пять областей: Семиреченскую, Закаспийскую, Сырдарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую, где и были произведены фотосъемки, организованные в первую очередь для ознакомления публики с недавно присоединенным к России регионом. Позднее, в 1882 г. вместо Западносибирского губернаторства из областей Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской было образовано Степное генерал-губернаторство.

В 1871–1872 гг. для альбома, состоявшего из археологического, этнографического, промыслового и исторического разделов, фотографы Н.Н. Нехорошев, Г.Е. Кривцов и другие зафиксировали виды городов и крепостей, отдельных архитектурных памятников, быт и традиционные занятия местного населения, сделали портреты представителей разных национальностей (ФО. Q 487). Эта коллекция, хранящаяся ныне в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, оказалась впоследствии востребована ИАК в предпринимаемых ею исследованиях Средней Азии. В 1890-е гг. по заказу Н.И. Веселовского, готовившегося к исследованиям в Самарканде, фотографом ИАК И.Ф. Чистяковым были пересняты материалы «Туркестанского альбома» (ФО. Q 135; Q 136 и др.).

Первая экспедиция ИАК в Среднюю Азию относится к 1867 г., когда «в видах изучения вещественных памятников древнего Востока» (ОИАК за 1882–1888 г. 1891: LXI) Археологическая комиссия направила в Среднюю Азию ориенталиста П.И. Лерха (о нем см. главу I) для обследования развалин древнего Джаникента в устье Сырдарьи (РО. Ф. 1. Оп. 1-1867 г. Д. 8. Л. 6). При этом ИАК, обращаясь к исследователю, считала, что «весьма желательно, чтобы Вы занялись и осмотром других развалин в долине Сырдарьи», а «на производство необходимейших раскопок и разведок в означенной местности» ИАК не только был выдан Открытый лист, но и выделена огромная по тем временам сумма — 3000 руб. (Там же. Л. 8–11).

В отчете о поездке (Там же. Л. 12–17) П.И. Лерх описал развалины бывшего Хивинского укрепления Джан-Кала, остатки глинобитных стен цитадели Джаникента и собственно города (Янгикенда), упоминавшегося в исторических повествованиях о завоевании царства Хорезмшахов Чингисханом и его сыновьями. Город, по мнению П.И. Лерха, не был разрушен, но со временем глинобитные постройки развалились сами, а кирпичи из нижних частей домов местное население использовало для возведения мазаров.

Активное разрушение Джаникента случилось в 1866 г., когда здесь работали до 2000 человек, разбивая стены в поисках кирпичей. Прибывший через год П.И. Лерх не мог рассчитывать на какие-либо ценные находки и приступил к разведкам — внутри и вне крепости. За пределами крепости им были исследованы пять холмов. В наиболее цельном виде сохранилось мусульманское кладбище — умершие были похоронены на материке, в сложенных из обожженного и необожженного кирпича могилах без каких-либо надписей. Под исследованными холмами П.И. Лерх обнаружил погребальные сооружения, в украшении которых использовались изразцы с синей поливой.

Под самым большим из них находился мавзолей, существовавший по крайней мере в XIV в. У северо-восточного угла его было найдено до 50 медных и две серебряные золотоордынские монеты XIV–XV вв., чеканенных в Новом Сарае. Под одним из холмов были выявлены развалины гончарной мастерской с остатками печей и множеством фрагментов керамической посуды, раздробленной обрушившимися потолком и верхними частями стен. Наиболее ценные находки — черепа, монеты, обломки надписей и архитектурных украшений — П.И. Лерх доставил в Санкт-Петербург.

Далее П.И. Лерх отправился на поиски города Дженда, взятого монголами приступом в 1219 г., и предположил, что он находился между фортом № 1 и укреплением Джулек рядом с кладбищем Хорхут. Кроме того, он произвел небольшие раскопки на месте бывшего г. Саурана, где обнаружил остатки двух башен, возвышавшихся у входа в медресе, и снял копии надписей с надгробных камней старого городского кладбища, обследовал небольшое укрепление Мир и затем отправился в г. Туркестан, где занялся исследованием мечети Ахмеда Ясави, возведенной в 1404 г. Под ее сводами кроме могилы Ясави находились погребения родственников Улугбека, туркестанских шейхов и киргизских султанов XV–XVI вв. Во время своего пятимесячного путешествия П.И. Лерх посетил также Чимкент, Ташкент, Ходжент, Ура-Тюбе, ущелье Джалан-Ута, где снял копии с надписей на персидском языке, повествующих о походе Улугбека в 1424–1425 гг. в Могулистан, а также в память победы, одержанной в 1571–1572 гг. в здешнем ущелье бухарским ханом Абдуллахом над владетелями Ташкента, Туркестана, Ферганы и Дешт-и-Кипчака (ОИАК за 1867 г. 1868: XXII–XXXI; Лерх 1868f). Таким образом, работы П.И. Лерха положили начало изучению средневековых древностей севера Средней Азии.

С изучением этого региона было связано и имя другого постоянного корреспондента ИАК В.В. Радлова (о нем см. главы I и VII). В 1868–1869 гг. он, в то время — преподаватель Барнаульского окружного училища, по поручению и на средства ИАК (ему было выделено 400 руб.) проводил «розыскания в Семиреченской области» и в своем отчете о двух поездках описал многочисленные группы курганных насыпей в долинах рек Чу и Или, а также южнее Ташкента и в долине Зеравшана (РО. Ф. 1. Оп. 1-1868 г. Д. 22. Л. 9 — 19 об.).

Однако первые систематические археологические исследования в Центральной Азии, предпринятые при непосредственном участии ИАК, были связаны с именем востоковеда Николая Николаевича Пантусова (о нем см. главу I; см. также: Горбуров, Горбуров 2016; Скопа 2017; Тункина, Застрожнова 2017; последняя публикация с ошибкой в дате избрания членом-корреспондентом ИАК). В 1871 г. генерал-губернатор К.П. Кауфман обратился на восточный факультет Петербургского университета с предложением к его выпускникам выехать на работу в Туркестанский край. Среди студентов, изъявивших желание и «способных, трудолюбивых и могущих быть полезными для края», был и Н.Н. Пантусов. В 1872 г. его направили в Туркестан, где впоследствии он служил чиновником особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области. С 1884 по 1903 г. Н.Н. Пантусов осуществил ряд поездок и археологических раскопок.

Общий вид кладбища близ Пишкека. Раскопки Н.Н. Пантусова. Фото 1886 г. (ФО. Отп. О.693-17)

Многолетнее сотрудничество Н.Н. Пантусова с ИАК началось в 1884 г. в связи с обнаружением у г. Пишпека Токомакского уезда Семиреченской области (сегодня — Бишкек, Киргизская Республика) разбросанных камней с надписями и крестами (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 40. Л. 4 — 4 об.). Н.Н. Пантусову для исследования этой местности ИАК было выделено 300 руб. и добавочно еще 200 руб. для зарисовки камней и раскопок некоторых гробниц (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 40а. Л. 20, 23 — 24 об.). На эти средства в 1886 и 1887 гг. он начал проводить археологические исследования древних несторианских могильников XI–XIII вв. около Пишкека и на городище Бурана рядом с Токмаком в Семиреченской области (Там же. Л. 19 об. — 20), завершившиеся только

Вид намогильного камня с крестом и сирийскими надписями. Раскопки Н.Н. Пантусова. Фото 1886 г. (ФО. Отп. О.693-11)

в 1892 г. (ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 70. Л. 4). Н.Н. Пантусов тщательно зафиксировал неизвестные ранее надгробные камни с крестами и сирийскими надписями (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: CLIX–CLX; ФО. Отп. О.693-10–28; РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 40а (приложение)), раскопал свыше 100 могил и составил подробные описания и планы могильников (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 40б. Л. 1–120; ср.: Кольченко 2017; 2019). Высокий уровень фиксации и добросовестность исследователя, вероятно, произвели чрезвычайно благоприятное впечатление на Комиссию, и Н.Н. Пантусов в 1894 г. стал членом-корреспондентом ИАК.

Интересно, что с открытием несторианских кладбищ связано и первое в Средней Азии свидетельство об охране археологических памятников. В письме ИАК военному губернатору Семиреченской области было прямо указано, «чтобы <...> без ведома и согласия Комиссии не было увозимо ни одного памятника с означенных кладбищ, равно как и с других подобных урочищ, так как на местной администрации по закону лежит ближайшее охранение древностей» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 40а. Л. 19 об. — 20).

В 1889 г. на средства, полученные от ИАК в 1887 и 1888 гг. (200 и 100 руб. соответственно), Н.Н. Пантусов вместе с Алексеем Михайловичем Фетисовым, городским садовником Пишкека, проводил обследования и раскопки средневековых памятников в долинах рек Чу и Алматинка. В Чуйской долине к северу от Пишпека ими был исследован крупный средневековый курган Ак-Тепе (Ак-Дабе), под которым находилась подземная камера с боковым входом. К востоку от кургана было обнаружено городище, а на скалах — изображения козлов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 12. Л. 8 — 14 об.). Еще три кургана были раскопаны в долине р. Алматинки к западу от г. Верного (сегодня — Алма-Ата, Казахстан) (Там же. Л. 34–44), причем Н.Н. Пантусов отмечает, что «курганами средней и малой величины покрыты вся территория и все окрестности г. Верного и прилегающих Алматинской станицы и выселка» (Там же. Л. 34 об.). Раскопки курганов в Семиреченской области по поручению Н.Н. Пантусова производил фактически А.М. Фетисов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 76).

В 1890 г. ИАК поручает Н.Н. Пантусову обследование местности в районе г. Копала, где, по сведениям обратившегося в Петербург полковника П.С. Нечогина, в 1850 г. в киргизской степи им были обнаружены «индусские древности» — святилище и пещеры (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 5). В результате проведенных на средства ИАК работ Н.Н. Пантусов (исследователю было выделено 250 руб.) произвел съемку местности к северо-востоку от г. Копала, в районе урочища Кызыл-Агач, где им были найдены группы степных курганов, две небольшие крепости-убежища, остатки строений из жженого кирпича. Раскопки пяти курганов, проведенные траншейным методом, не дали интересных находок — были обнаружены лишь захоронения мусульманского времени и кости животных, обломки горшков и куски стекла в насыпях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 108. Л. 52 — 55 об). Кроме того, в ущельях р. Кызыл-Агач им были обнаружены наскальные изображения людей, лошадей, маралов, стрелков из луков (Там же. Л. 56 об.). Исследователь писал, что «много подобных изображений находится и на скалах ущелья Тамгалы-Таш, направо при входе в ущелье...» (Там же. Л. 57).

Изучение древностей Копальского уезда было продолжено Н. Н. Пантусовым в 1895 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 53). Были выявлены курганы, небольшие крепости, «каменные бабы», камни с надписями, с которых сделаны прорисовки и фотографии. В 1897 г. Н. Н. Пантусов на 300 руб., выделенных ИАК, предпринимает новые поездки по Копальскому и Верненскому уездам. В Копальском уезде, где имелось «до 27 интересных в археологическом отношении пунктов», он подробно фиксирует тибетские и буддийские изображения «печатного или писаного камня» Тамгалы-Таш (Там же. Л. 20, 21, 31 — 32 об.; этот памятник находится на северных склонах Тянь-Шаня и имеет одинаковое название со знаменитыми писаницами Тамгалы-Таш эпохи бронзы и раннего железа в Фергане) и писаницы на тибетском языке в ущельях Аир-кезень и Тайгак (Там же. Л. 26–28; РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 230)

В Верненском уезде Куртинской волости в местности Капчагай по долине р. Куртинки он фиксирует изображения маралов на скалах и каменные «бабы» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 53. Л. 19 об.), а в предгорьях (на адырах) массу курганов. Постоянным спутником Н. Н. Пантусова в поездках был фотограф из г. Верного А. Лейбин.

В 1898–1899 гг. Н. Н. Пантусов побывал в Кульдже и прислал в ИАК фотографии мавзолеев Тоглук-Темир-ясина и Шир-Али-ясина (ФО. Отп. Q 439-53–56), а также подробные описания и снимки мавзолеев Чокана Валиханова близ Кунякузской станции Копальского уезда и Танека Дюсетова близ г. Копала, ряда других сооружений и наскальных изображений (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 56; ФО. Отп. Q 439-1–44). В г. Сергиополе Н. Н. Пантусов сфотографировал и описал каменных «баб» — древнетюркские изваяния, поставленные у домов станичного правителя, мещанина К. Чираджиева, у лавки на базаре и др. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 10; ФО. Отп. Q 439-45–52).

Исследования продолжались и позднее. В 1900 г. Н. Н. Пантусов обследовал, снял ситуационный план и сфотографировал разрушающееся здание в китайском стиле «Могила Актам» близ г. Джаркента в долине р. Или и камни с тибетскими и монгольскими надписями в местности Арасан Джаркентского уезда на правом берегу р. Кегень (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 2. Л. 33–40, 121–125). Кроме этих материалов Н. Н. Пантусовым для публикации в «Известиях» ИАК были присланы в 1901 г. рукопись, посвященная исследованию средневекового комплекса «Таш-Рабата», а также планы, разрезы и фотографии этого древнего купольного здания на Великом шелковом пути и другие материалы — фотографии каменных «баб», наскальных изображений и развалин Кошой-Кургана, найденных в районе Нарынского укрепления Пржевальского уезда (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 49. Л. 34–44, 65–78, 357–380).

Помимо обследований и раскопок, Н. Н. Пантусов собирал и отсылал местные древности в музеи Петербурга. Так, в коллекцию РАО от него поступили металлическое четырехугольное блюдо на 4 низких ножках и бурхан — изображение будды (ФО. Отп. Q 243-29, 30); в ИАК — происходящие из Кочкорской долины пряжки, поясные бляхи, серьги, кольца, зеркало и монета (ФО. О.693-1–7); в Азиатский музей — надгробия с сирийскими надписями, найденные у с. Мазар (развалины Алмалыка) в Верненском уезде Семиреченской

области (ФО. Нег. III 9274–9278); в Императорский Эрмитаж — восточная монета и глиняный орнаментированный сосуд, найденные близ г. Верного (ФО. Нег. III 7831, отп. О.693-9).

Обследованиями и раскопками памятников в Семиреченской области занимался также врач Пишпекского госпиталя, краевед Федор Владимирович Поярков (1851–1910). В 1889 г. он обследовал берега оз. Иссык-Куль и Токмакский уезд и прислал в ИАК статью, где описал камни с мусульманскими арабскими надписями и каменных «баб» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 67. Л. 3–19).

В 1897 г. Ф.В. Поярков, уже возглавлявший Семиреченский отдел ИРГО, на средства ИАК провел раскопки 4 курганов близ с. Лебединка Пишпекского уезда Семиреченской области (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 41). Под курганными насыпями были обнаружены захоронения в подбойных могилах, входы в которые были заложены сырцовым кирпичом. В двух курганах парные подбойные захоронения имели общую входную яму, еще в одном кургане найдено два отдельных подбойных захоронения и одно, совершенное в яме, а в четвертом кургане исследованы две могильные ямы и одна подбойная могила. Скелеты лежали на спине, головой на север. Согласно имеющемуся описанию: «Руки их расположены разными способами… Никаких вещей при костяках не оказалось» (ОИАК за 1897 г. 1900: 56–57). Однако в той же местности Ф.В. Пояркову удалось приобрести у местных жителей несколько средневековых находок, возможно из разграбленных погребений: сосуды, серебряные перстни, браслеты, зеркала, топор и кинжалы, переданные впоследствии на хранение в Исторический музей в Москве (ОИАК за 1897 г. 1900: 71–72; ФО. Нег. II 26237–26239, 26247).

Другим исследователем среднеазиатских древностей, связанным с ИАК, был заведующий государственным имуществом в Акмолинской и Семипалатинской областях Алексей Васильевич Селиванов (1851–1915). В 1894 г. на средства ИАК (выделено 300 руб., израсходовано 77 руб.) он произвел в Акмолинской области «исследования древних могил и курганов, во множестве разбросанных в различных местностях киргизской степи» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 64. Л. 1). Однако большая часть курганов оказалась разграбленной (Там же. Л. 8). Отметим, что это единственные исследования памятников Средней Азии, где фиксация раскопок проведена с помощью типового дневника, разработанного ИАК (Там же. Л. 10–35).

Более удачной оказалась поездка А.В. Селиванова на оз. Иссык-Куль в 1895 г., на которую Комиссия выделила ему 150 руб. Здесь им были осмотрены древние города Чигу и Чигучин, собраны сведения и составлена опись вещей, вынесенных на берег из озера в местности Кой-сары Пржевальского уезда, описаны петроглифы, могильные камни с надписями и каменные «бабы», а также составлено описание вещей и монет, найденных на Иссык-Куле в 1873–1891 гг. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 81).

В 1884–1885 гг. от ИАК и Петербургского университета в Туркестанский край был впервые командирован Н.И. Веселовский — с целью обследования региона в археологическом, этнографическом и культурном отношениях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 20; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891:

LXI–LXXX). В декабре 1884 г. Н.И. Веселовский провел раскопки на городище Той-Тюбе Кураминского уезда Сырдарьинской области. Городище включало в себя четырехугольную цитадель, окруженную глинобитной стеной, и предместье. Постройки были возведены из обожженного кирпича, что свидетельствует о времени их сооружения не ранее IX в. На Той-Тюбе были найдены глиняный светильник, нож, фрагмент бронзового колокола, орнаментированная пластина (ФО. Нег. III 2407), а также фрагменты керамики, стеклянной посуды и медные монеты хорезмшахов XIII в. Кроме того, Н.И. Веселовский провел «пробные» (сейчас их назвали бы рекогносцировочными) раскопки на средневековом поселении Чорлен-тепе близ кишлака Намданак в 40 км от Ташкента, которые, однако, не позволили ему представить ни устройство поселения, ни длительность его существования, хотя были найдены медные монеты бухархудатов, джагатайская и китайская.

В феврале 1885 г. Н.И. Веселовский посетил Ферганскую область и, осмотрев более сотни сооружений, называвшихся местным населением курумами (россыпями камней), мук-ханэ (дом Муков) или кара-хатай-ханэ (дом каракитайцев), впервые определил их как древние погребения — «могилы», сложенные из камней, дал их описание, осуществил раскопки 30 курганов и выделил несколько типов конструкций наземных сооружений и могил (Лунин 1979: 45–46). Он также провел разведывательные раскопки на развалинах трех древних столиц — Ахсыкета, Касана и Узгена; а в Оше на Сулейман-горе нашел арабскую надпись 941 г. и перевел ее (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: LXI–LXXIV).

Минарет в Узгене. Фото П. Надара, 1890 г. (ФО. Отп. Q 292-18)

Н.И. Веселовский достаточно точно выполнял инструкцию ИАК: помимо археологических исследований в Зеравшанском округе произвести таковые и в Ферганской области, а если позволят время и средства, то проникнуть в Бухару для «приведения в известность» тамошних древностей, кроме городищ «разрыть… несколько курганов», составить краткую опись археологического отдела Ташкентского музея, ознакомиться с содержанием кладов, обнаруженных в Туркестанском крае, археологическими коллекциями частных лиц и пополнить минц-кабинет Эрмитажа разновременными монетами. В «Заметке к инструкции» было объяснено, что древнейшие культуры

Туркестанского края известны в основном по письменным источникам, тогда как серьезных археологических изысканий там ранее не производилось (Лунин 1979: 44). Стоит вновь обратить внимание читателя, что существенное расширение проблематики занятий ИАК в «эпоху Бобринского» было подготовлено в предшествующий период (по этому поводу см. главы I, IX, XI и XIII), как это показывает история изучения Средней Азии, начало которой Комиссия положила еще в 1867 г.

Помимо названных памятников Н.И. Веселовский провел раскопки на тепе Туди-Калян, Туди-Хурд, Мунчак-тепе и вскрыл «курумы» в Пунуке и кишлаке Чодак. Он отметил, что «курумы», скорее всего, семейные склепы, поскольку в них встречаются и мужские, и женские вещи. Во время поездок по Туркестану он собрал и приобрел у местных жителей для Археологической комиссии многочисленные предметы древности, в том числе в Самарканде — перстень с датой 802 г. х. (1399–1400 гг.), оказавшийся перстнем-печатью третьего сына Тимура — Миран-шаха мирзы.

Однако основной задачей Комиссия просила считать исследования «Афрасиабова» городища близ Самарканда, к которым Н.И. Веселовский приступил в марте 1885 г. и продолжал больше четырех месяцев. «Раскопку» следовало доводить до слоя материковой земли, вести подробный журнал с указанием номеров находимых вещей, которые затем с теми же номерами заносить в особую опись. Он провел раскопки в нескольких местах Афрасиаба траншейным методом с расширением траншеи в стороны при существенных находках. Было обнаружено много древних предметов, остатки строений и следы городского благоустройства (Лунин 1979: 44, 51). Важное научное значение имело заключение Н.И. Веселовского о том, что «это городище дало вещественные доказательства широкого распространения в Согдиане буддизма рядом с зороастрийским учением, и наконец обнаружило, что греческое влияние в Средней Азии выразилось, между прочим, и в терракотовых статуэтках, там найденных» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 20. Л. 55).

В архиве Императорской археологической комиссии сохранились сделанные во время этой поездки снимки глиняных статуэток, сосудов, фрагментов стенок оссуариев и крышки оссуария с ручкой в виде бюста человека (Там же. Л. 38–50, 156–158; ФО. Нег. II 28094, 46367; III 10215–10218, 14708; IV 1557, 221, 223, отп. Q 673-11–14, F 168-7–14; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: 32; ЗВОИРАО. Т. 2. 1887: XCII–CIV). Термин «оссуарии» введен в отечественную науку именно Н.И. Веселовским (ЗВОИРАО. Т. 13. 1901: III). По его инициативе был составлен топографический план Афрасиаба, исполненный специалистами военно-топографического отдела Туркестанского военного округа Васильевым и Кузьминым (РО. Ф. 1. Оп. 1-1883 г. Д. 20; ФО. Отп. О.1602-21). В Бухаре Н.И. Веселовский приобрел медные сосуды с куфическими надписями, глиняные сосуды с росписью и подвеску (ФО. Нег. IV 222).

Отмечая недостатки методики исследований Н.И. Веселовского, не следует забывать, что это были его первые археологические раскопки, что в целом изучение недавно включенного в состав Российской империи Западного Туркестана только начиналось, что задачи, поставленные перед ним Археологической комиссией, были слишком

обширны, а также и то, что Афрасиаб — гигантский сложнейший многослойный памятник, изучение которого ведется более 100 лет и продолжается по сей день. Древнейшее укрепленное поселение VI(?)–IV вв. до н. э. на Афрасиабе, занимавшее огромную территорию — 219 га, предшественник античной Мараканды и средневекового города Самарканда — было открыто только в 70-х гг. XX в. (Шишкина, Сулейманов, Кошеленко 1985: 274, 277).

Через 10 лет, во время небольших раскопок на Афрасиабе, Н.И. Веселовским были обнаружены поливной сосуд с орнаментом и арабской надписью, глиняная головка быка, костяная дудка, обломки орнаментированных кирпичей и фрагменты глиняных сосудов, которые затем поступили на хранение в Эрмитаж (ФО. Нег. II 26259–26260, III 7391–7393, 7480–7484, отп. Q 673-5–7; ОИАК за 1895 г. 1897: 49). Однако основным направлением деятельности Н.И. Веселовского, к тому времени уже члена ИАК, в Туркестане с 1895 г. становится фиксация и научное описание архитектурных памятников Самарканда.

Н.И. Веселовский в 1895–1896 гг. возглавил историко-архитектурную экспедицию, организованную ИАК совместно с Императорской академий наук и получившую с помощью С.Ю. Витте специальное финансирование сверх сметы ИАК: в 1896 г. — 4000 руб., в 1897–1898 гг. — по 3000 руб. ежегодно (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 69–69а; см. об этом также: Смирнов 2012). В задачи экспедиции входило скорейшее, наиболее полное и детальное описание памятников старины, которыми «так богат Туркестанский край» и которые находятся «в печальном положении», медленно разрушаясь от землетрясений, выветривания и выпадения

Глиняный оссуарий. Афрасиаб. Раскопки Н.И. Веселовского, 1885 г. Фото И.Ф. Чистякова, 1896 г. (ФО. Отп. Q 673-13)

изразцов. Многие постройки уже представляли собой развалины. Разработанный Н.И. Веселовским план экспедиции включал многочисленные обмеры, исполнение чертежей, рисунков, изготовление эстампажей и фотографий. Работы, в которых участвовали архитектор П.П. Покрышкин, художник С.М. Дудин, фотограф И.Ф. Чистяков, а также Н.И. Щербина-Крамаренко, А.В. Щусев и другие, были сосредоточены в мечетях Гури-Эмир и Биби-Ханым в Самарканде. Продолженные в 1898–1899 гг., эти спасательные работы абсолютно справедливо считаются началом систематического изучения историко-культурных памятников Туркестана.

В начале 1899 г. Археологическая комиссия сообщала, что «по изготовлению чертежей и рисунков самаркандских мечетей сделано следующее: окончен альбом рисунков с мечети Гури-Эмир, затем сделаны обмеры

Самарканд. Шах-и Зинда. Фото П. Надара, 1890 г. (ФО. Отп. F 1-3)

Самарканд. Общий вид мавзолея Гури-Эмир. Фото И. Введенского, 1890-е гг. (ФО. Отп. Q 159-24)

Самарканд. Вид мавзолея Гури-Эмир зимой. Фото И. Введенского, 1890-е гг. (ФО. Отп. Q 159-23)

и черновые чертежи, ныне изготовляющиеся набело, с соборной мечети Биби-Ханым, и эта работа к весне будущего года будет закончена, начаты работы по изготовлению архитектурных чертежей мечети Шах-Зинда… Нынешним летом предвидится возможность окончить описание и этой мечети» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 69а. Ч. II. Л. 1). В 1905 г. вышел в свет оставшийся, к сожалению, единственным альбом, посвященный мавзолею Гур-Эмир (совр. Гури-Эмир) (Мечети Самарканда 1905. Вып. 1), хотя аналогичные фиксационные работы были проведены также для строений Биби-Ханым, медресе Улугбека и мазара Рухабад.

Этим изданием было положено «начало важнейшей задаче — сохранению памятников для нужд науки путем монографического исследования каждого из них» (Якубовский 1940: 229). Многолетние работы историко-архитектурной экспедиции стали началом систематического изучения памятников Самарканда, а направление исследований Археологической комиссии под руководством Н.И. Веселовского по отношению к самаркандским памятникам — «на том этапе правильным» (Якубовский 1940: 294–295).

Кроме того, в результате поездок в Среднюю Азию в 1897–1899 гг. Н.И. Веселовский привез из Самарканда древности, происходящие из Афрасиаба: обломок плиты с изображением лица человека, бронзовый подсвечник на 3 ножках, глиняные сосуды и фрагменты таковых, фигурку птички, фрагмент оссуария с рельефными

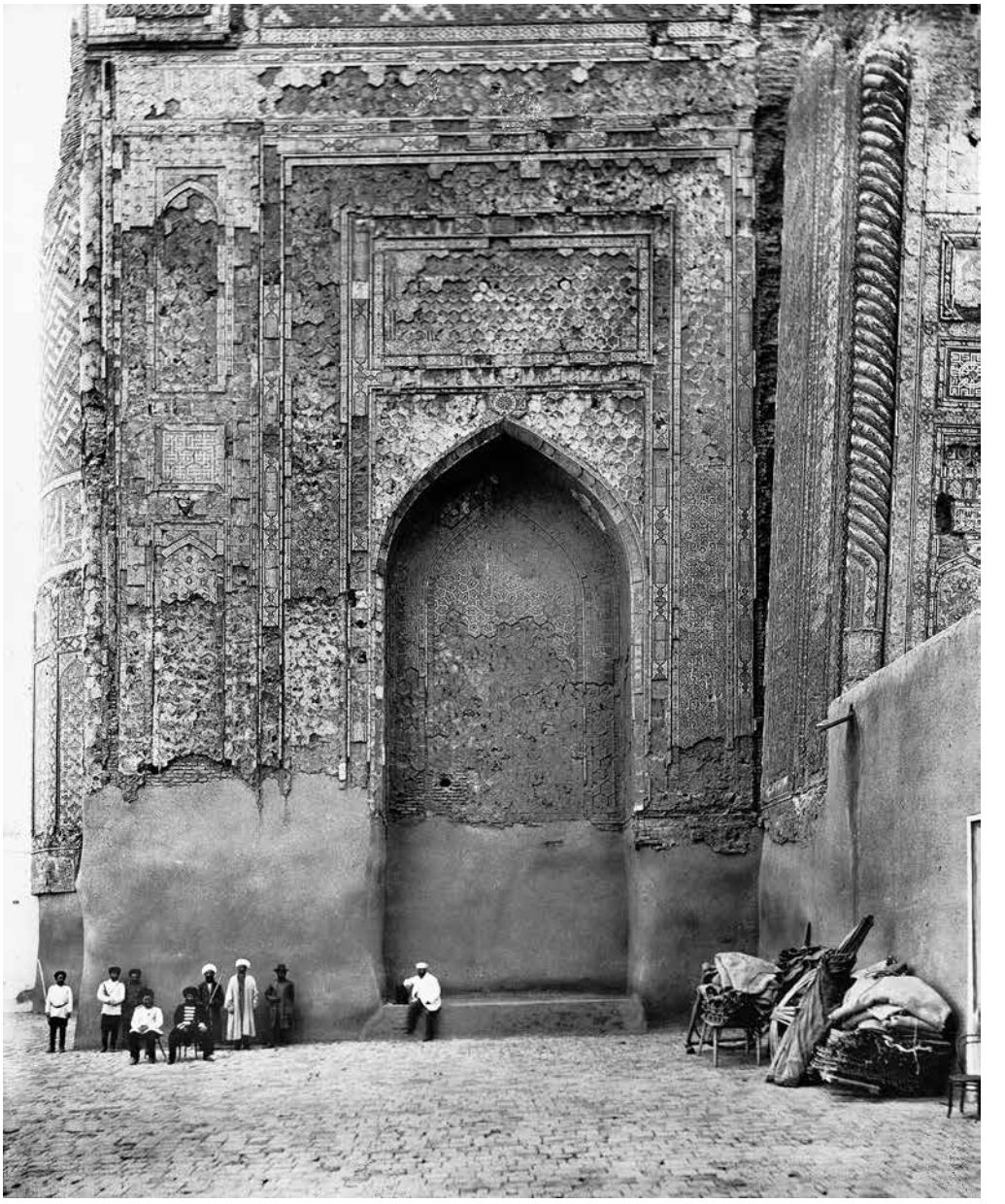
изображениями сирены и головы человека, а также глиняные оссуарии, найденные в еврейском квартале Самарканда (ФО. Отп. Q 673-3–4, 8–10, 21, Q 710-27, нег. II 26066, III 7235–7236, 7447–7449, 7865, 7921–7922).

В 1898 г. Н.И. Веселовский вместе с сотрудниками экспедиции побывал в Шахрисябзе с целью визуального обследования дворца Ак-Сарай. Фотографии и негативы, сделанные во время поездки И.Ф. Чистяковым, сохранились в архиве ИАК (ФО. Нег. III 2636–2638, 7033–7034, IV 564–575; альбом отп. Q 135). На одной из них запечатлен Н.И. Веселовский, сидящий у портала Ак-Сарая.

Стоит отметить и другие исследования ИАК в этом регионе. В 1886 г. востоковед-исламовед Николай Петрович Остроумов (1846–1930), директор Ташкентской гимназии и действительный член РАО, по инициативе и на средства ИАК, которая выделила ему 100 руб., исследовал курган по дороге в кишлак Дурмен близ Ташкента. Сохранились планы сооружения (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 34. Л. 33–40; ФО. Отп. О.2482-14–15). Он отметил, что окрестности г. Ташкента «богаты древними земляными сооружениями разных типов. Здесь встречаются древние укрепления и городки, а также изобилуют курганы, которые длинными цепями тянутся по хребтам сыртов, следуя по долинам рек» (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: CXCIII). Искусственные насыпи в районе Ташкента представляли собой сооружения двух типов — собственно курганы с коническими насыпями и укрепленные поселения (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 34. Л. 125–137). В 1887 г. Н.П. Остроумов исследовал около 20 курганов с подбойно-катакомбными могилами. Часть захоронений оказалась потревожена, кроме скелетов людей в насыпях курганов и в могилах обнаружены кости животных, в том числе лошадей. Инвентарь захоронений включал глиняную посуду, железные ножи и металлические пластинки, изредка бусы и серьги (Там же. Л. 114–117; ФО. Нег. II 40903–40906; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: CXCIII–CXCIX). Кроме того, Н.П. Остроумов представил в ИАК описание археологических памятников на дороге из Ташкента в Чимкент (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 34. Л. 122–124).

Продолжая изучение местных древностей в 1893 г., Н.П. Остроумов сообщил в ИАК о находке клада серебряных джагатайских монет и украшений примерно в 26 км от Отрара, запросил 200 руб. на раскопки курганов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 92. Л. 1, 2) и писал: «Я намерен снова возбудить вопрос о нанесении на план развалин Отрара и о нанесении на карту курганов Сырдарьинской и Ферганской области» (Там же. Л. 7 об.). В результате исследования еще двух курганов около Ташкента им были выявлены раннесредневековые коллективные захоронения в сводчатых склепах из сырцового кирпича, в сопровождении глиняных сосудов (Там же. Л. 56 — 60 об.).

В 1889 г. ИАК обратилась к Евгению Федоровичу Калю (1863–1891), чиновнику по особым поручениям при генерал-губернаторе Ташкента, с поручением «собирать сведения о местных памятниках древности… знакомиться с коллекциями древностей… у частных лиц. Противодействовать при помощи местных властей самовольным раскопкам и кладоискательствам, сопряженным с повреждением и уничтожением курганов, городищ и вообще древних урочищ» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 86. Л. 3). На приобретение предметов



Дворец Ак-Сарай. Низ левой щеки главного фасада. Шахрисябз. В центре сидит Н. И. Веселовский. Фото Н. П. Петровского, 1895 г. (ФО. Отп. Q 135-14)

древности ему было выделено 150 руб. Выполняя задачи, поставленные ИАК, Е. Ф. Каль осмотрел и снял планы 24 курганов в окрестностях Ташкента, собрал сведения о некоторых кладах, найденных в последнее время в Туркестанском крае, и произвел разведки курганов в Аулиеатинском уезде (Там же. Л. 19–20; ср.: ОИАК за 1890 г. 1893: 76–77; см. также: Каль 1889).

Важное значение имела поездка Е.Ф. Каля в 1890 г. на русско-афганскую границу, на которую ИАК выделила 400 руб. Это фактически первое обследование древней Бактрианы, где им были осмотрены, описаны и составлены глазомерные планы свыше трех десятков курганов и городищ на правобережье Амударьи от Термеза до Керки и собрана коллекция древних предметов. К сожалению, внезапная смерть помешала Е.Ф. Калю подготовить отчет об этих обследованиях. В фонде ИАК сохранился только рабочий дневник этой поездки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 86. Л. 59 об. — 60, 65 об. — 80 об., 140 об. — 153 об.).

Среди первых исследователей древностей Средней Азии следует также назвать генерала от инфантерии Александра Виссарионовича Комарова (1830–1904), в 1883 г. назначенного начальником Закаспийской области. При нем к России были присоединены Мервский, Тедженский, Серахский и Иолатанский оазисы. В 1883–1889 гг. А.В. Комаровым была собрана большая коллекция древних предметов и монет, а в 1886 г. проведены раскопки на Северном холме Анау около Ашхабада, результаты которых доложены им на заседании Восточного отделения РАО (ЗВОИРАО. Т. 3. 1888: 4; см. также: Джуракулов 1964). К середине 1880-х гг. относятся и немногочисленные сделанные им фотографии («Караван невесты», вход в Шах-и Зинда и др.). Они наклеены на картонные паспарту охряного цвета и подписаны, вероятно им самим, черными чернилами (ФО. Отп. Q 135-1, Q 493-1).

Генерал А.В. Комаров проводил свои исследования самостоятельно, не особо считаясь с существованием ИАК в Петербурге, однако их результаты оказались востребованы Комиссией. Так, его статья «Закаспийская область в археологическом отношении», включавшая подробное описание развалин древних памятников на юго-западе Средней Азии от Прикаспия до Мургаба и раскопок в Анау, была опубликована в 1888 г. в газетах «Туркестанские ведомости» и «Новости». Интересно, что автор обратил внимание на отсутствие в подъемном материале Старой Нисы средневековой керамики и высказал предположение о древности этого памятника. Эти данные были сохранены в архиве ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 47. Л. 7–18) и использованы при подготовке исследований В.А. Жуковского, организованных непосредственно Комиссией.

Иранист В.А. Жуковский — основатель нового этапа в области изучения мусульманской Персии, по сути, разработал методологию историко-археологического исследования среднеазиатских городов — в 1890 и 1896 гг. на средства ИАК, которая выделила ему 2300 руб., он совершил ряд поездок в Туркестан (о нем см. главу I). Комиссия поставила перед ним задачу «обратить главное внимание на тщательное изучение мервских развалин и ближайших к ним окрестностей по обоим берегам Мургаба» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 47. Л. 1). Интересно, что в число задач В.А. Жуковского входило наблюдение за строительными работами по возведению новой плотины на Мургабе — фактически это был первый в Средней Азии археологический надзор за новостроечными работами. Обследовав Мерв, ученый проехал вверх по Мургабу вплоть до иранского Хорасана, где осмотрел Мешхед и Тус (Там же. Л. 35 — 42 об.). Во время поездки он сфотографировал виды

местности в Нисе и городище Анау (ОИАК за 1890 г. 1893: 79–86, 131; ФО. Отп. О.680-1–3, 21; Q 292, Q 396, нег. III 2953–2955), а также мавзолей Абу-Сеида Мейхенейского у сел. Меана. Древности, привезенные В.А. Жуковским, были найдены при раскопках могилы Мир-Джафар-Хана в местечке Гяур-Кабристани близ Табриза: бронзовые наконечники стрел, копья и эсовидный стержень поступили в Исторический музей в Москве (ФО. Нег. III 8096).

Результатом первого путешествия стало исследование о развалинах древнего Мерва — «Древности Закаспийского края» (Жуковский 1894; см. об этом: Смирнова 1960). Второй раз В.А. Жуковский был в Закаспийской области в 1896 г. и произвел небольшие раскопки на городище Анау, прорезав траншеей склон тепе (ФО. Отп. О.680-5, 8, 13, Q 292, Q 396; Бартольд 1977b: 689–703), хотя он и не был археологом и не ставил себе целью производство полевых работ. Он полагал, что «прежде следует позаботиться о том, что уцелело еще на поверхности, — уберечь и сохранить для науки развалины городов и памятников путем снятия рисунков, фотографий, бумажных оттисков с надписями на камнях, планов, сопровождая их простым, но добросовестным описанием и пояснениями» (Жуковский 1894: 199).

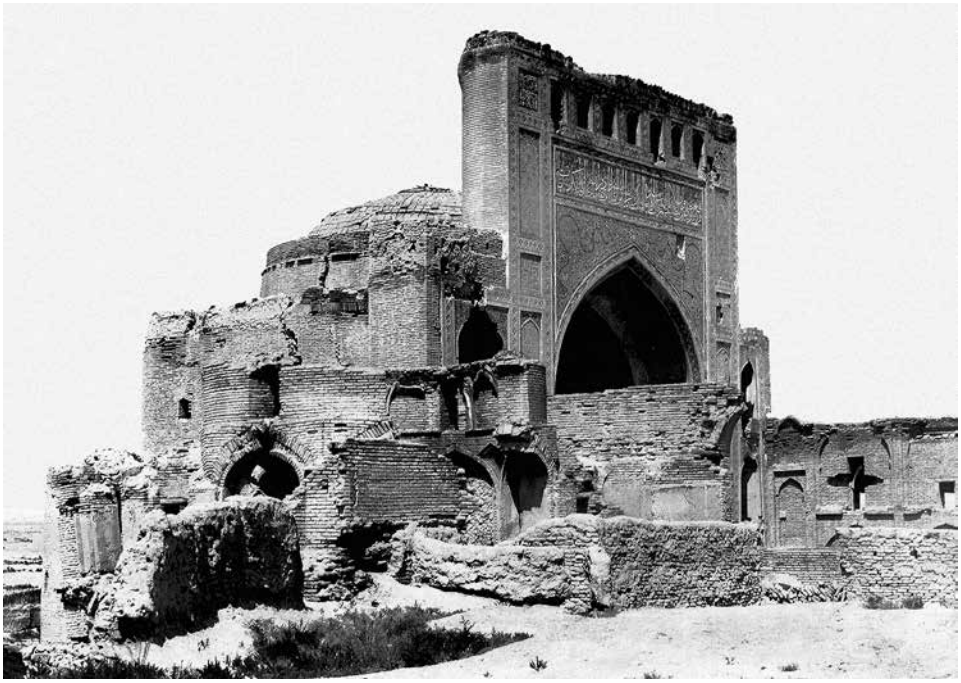
В архиве ИАК сберегались материалы и любительских исследований памятников этого региона. В 1898 г. во время раскопок средневековых курганов близ с. Большое Владимирское Семипалатинской области священником Георгием Васильевичем Васильевым, окончившим Казанскую учительскую семинарию и бывшим настоятелем Троицкой церкви в том же селе (РО.

Меана. Развалины мечети напротив мавзолея Абу Сеида Мейхенейского. Фото В.А. Жуковского, 1890 г. (ФО. Отп. О.680-19)

Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 8), в ямах с деревянными накатами были обнаружены захоронения с конем, инвентарь которых включал топор, наконечники копий и стрел, сбруйные украшения, удила и бусы. Недалеко от курганов в степи был найден медный бурхан — изваяние будды (ФО. Нег. II 26018, 26218).

Однако в Средней Азии трудились и профессиональные археологи, результаты исследований которых были сохранены Комиссией. В том же 1898 г. финский археолог А.О. Гейкель исследовал курганы у с. Дмитриевского Аулиеатинского уезда Сырдарьинской области. Находки хранятся в Гельсингфорсском (Хельсинкском) музее, фотографии зарисовок находок и больших глиняных сосудов — в фотоотделе НА ИИМК РАН (ФО. Нег. III 7290–7294). На следующий год он провел исследования средневековых курганов в долине

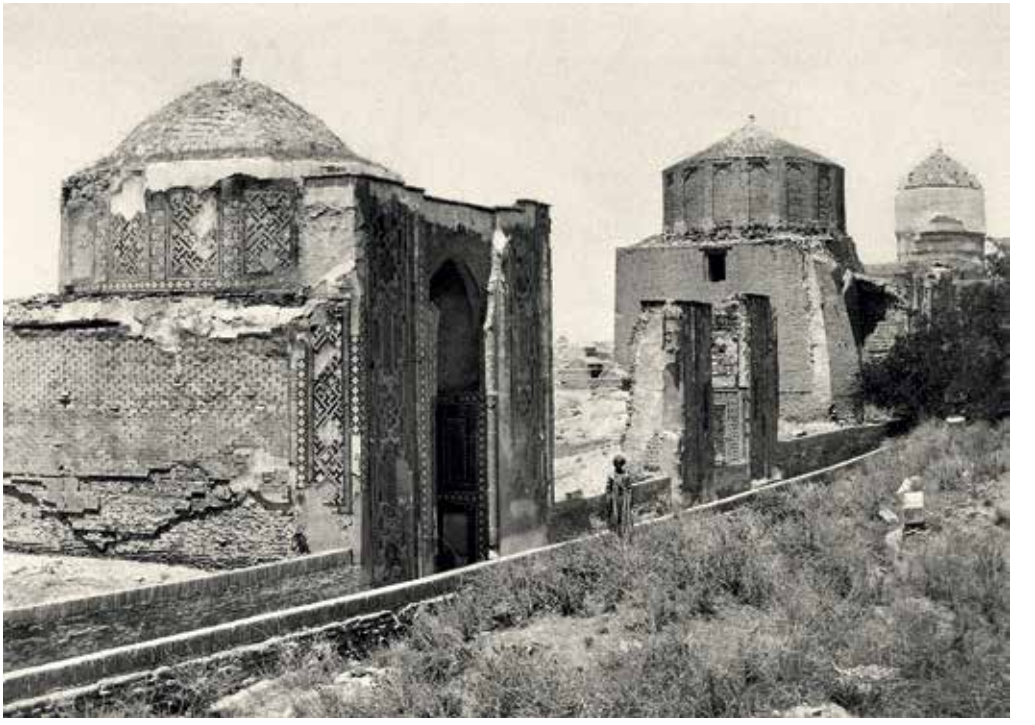
Анау. Вид дворового фасада развалин мечети. Фото В. А. Жуковского, 1896 г. (ФО. Отп. О.680-23)



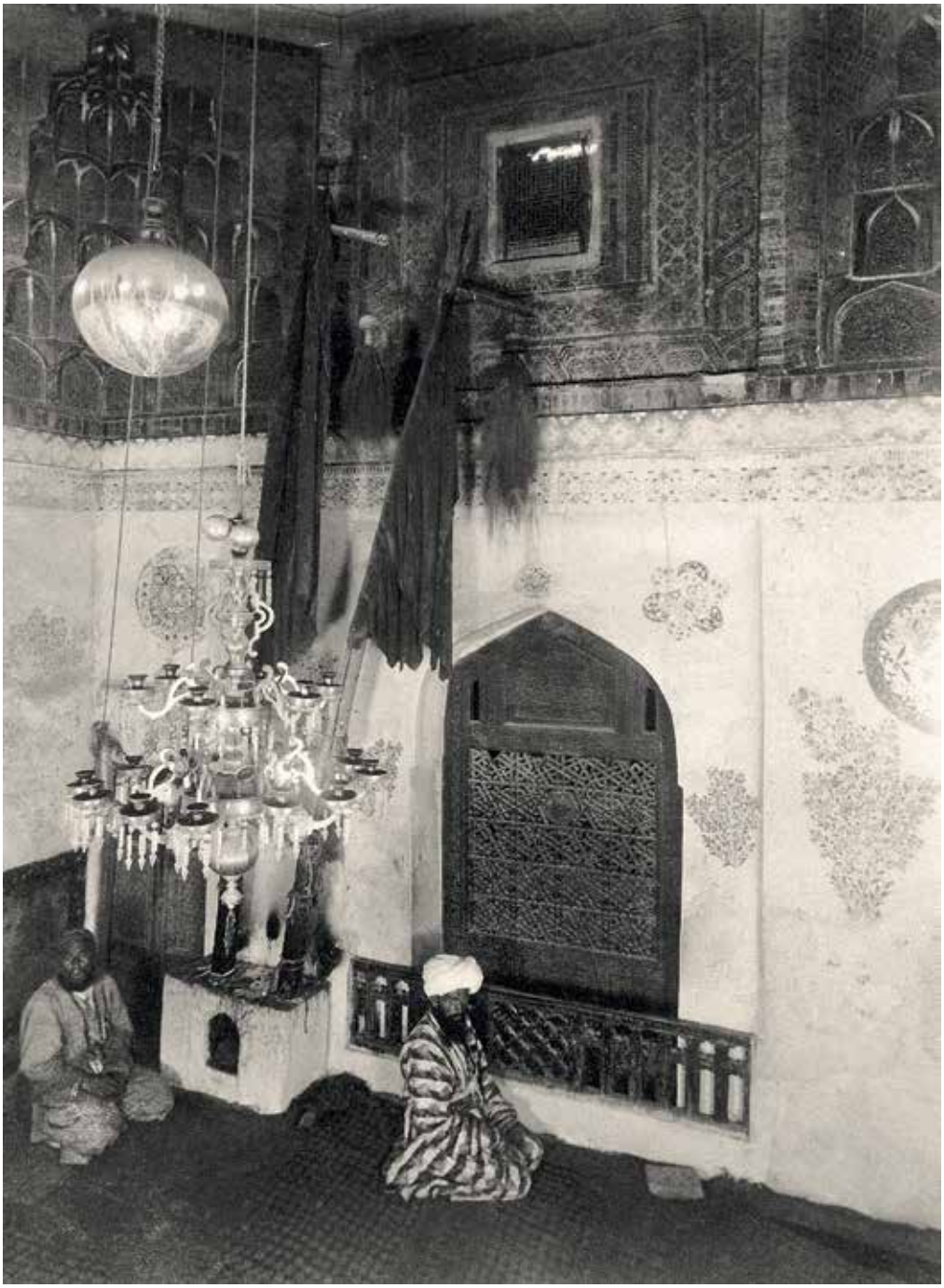
Мечеть Анау. Фото Д. И. Ермакова, 1890-е гг. (ФО. Отп. Q 292-4)

р. Талас Аулиеатинского уезда (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 57). Находки — украшения, зеркало, орудия и оружие — также были отправлены в Гельсингфорсский музей (ФО. Нег. II 26304).

В то же время продолжалась и начатая ранее фотофиксация памятников Средней Азии, результаты которой были так или иначе востребованы ИАК. В 1880–1890-е гг. в Туркестане работали профессиональные фотографы и фотографы-любители Г.А. Панкратьев, В.Ф. Козловский, И. Введенский, Н. Ордэ и др. Ими сделано множество фотографий архитектурных сооружений старых городов Туркестана, бытовых сцен, праздников и типов местного населения. Эти фотоальбомы были преподнесены их авторами или заказчиками ИАК как главному археологическому учреждению России. Г.А. Панкратьев, капитан русской армии, служил в Самарканде и на полученную от графа Н.Я. Ростовцева стипендию в 300 руб. исполнил полный и детальный альбом памятников древностей Самарканда и его окрестностей. Альбом, снабженный переводами куфических и арабских надписей на мавзолеях, был выпущен в продажу всего в нескольких десятках экземпляров (ФО. О.681). Этот альбом является совершенно уникальным, поскольку многие зафиксированные им памятники более не существуют. Ю. Якубовский, автор статьи «Незаменимые люди» в газете «Туркестанские ведомости» (№140, 1904 г.), беспокоился о негативах, «которые портятся, в то время как памятники разрушаются».



Мавзолеи Шах-и Зинда: Эмир-Бурундука, жены Тамерлана Туман-Ака, племянника Тамерлана и неизвестного лица. Самарканд. Фото Г.А. Панкратьева, 1890-е гг. (ФО. Отп. О.681-43)



Комплекс Шах-и Зинда. Интерьер мавзолея Кусама-Ибн-Аббаса. Самарканд. Фото Г.А. Панкратьева, 1890-е гг. (ФО. Отп. О.681-48)

Общий вид усыпальницы Шейбанидов. Самарканд. Фото Г.А. Панкратьева, 1890-е гг. (ФО. Отп. О.681-18)

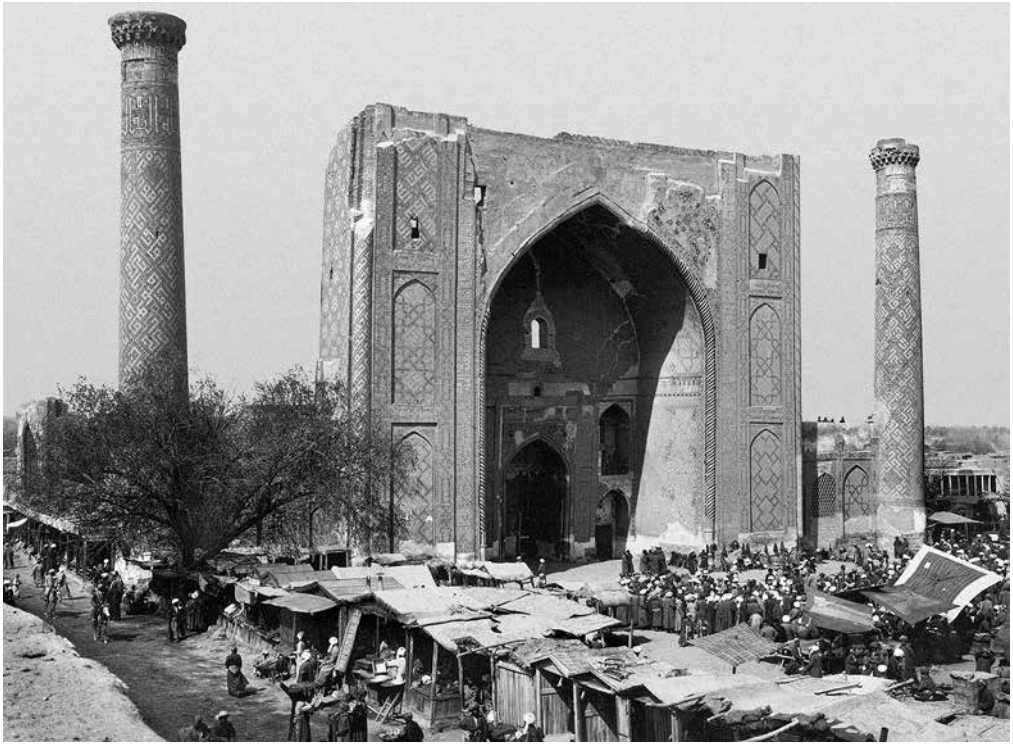
Арки на р. Зеравшан, построенные в XV столетии. Фото Г.А. Панкратьева, 1890-е гг. (ФО. О.681-74)

Он предлагал музеям использовать негативы Г.А. Панкратьева для издания полного альбома самаркандских памятников древности, который, по мнению автора статьи, «не любитель, а настоящий художник-фотограф».

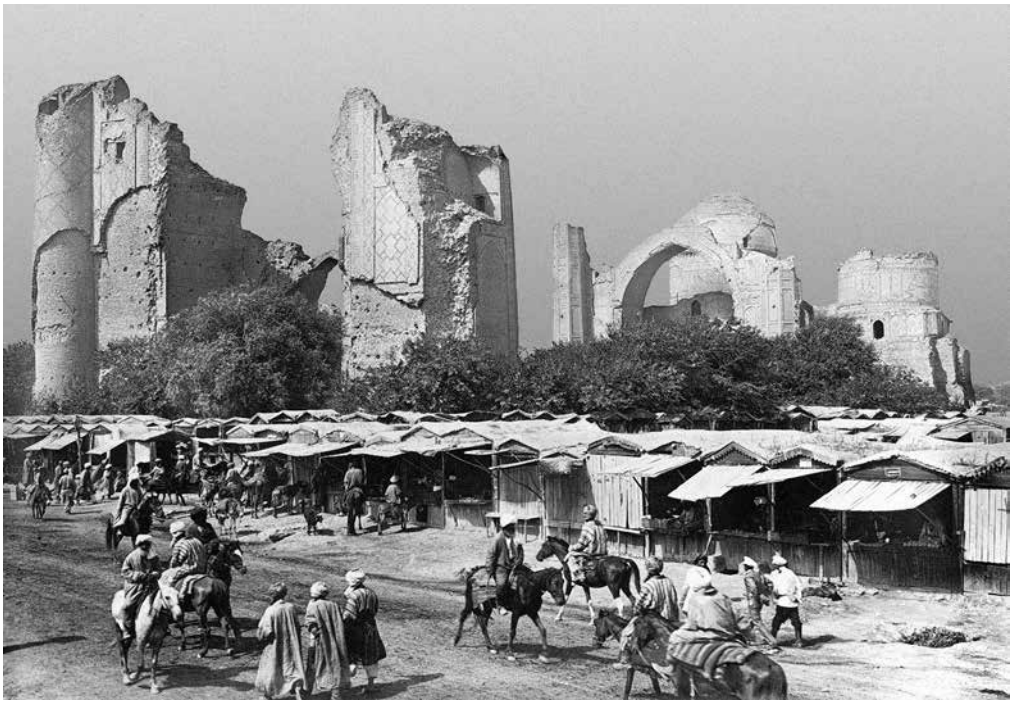
И. Введенский наиболее активно работал в Самарканде в 1894–1897 гг. В архиве ИАК сохранился альбом с великолепными фотографиями архитектурных памятников Самарканда и его окрестностей (ФО. Q 159). В.Ф. Козловский снимал памятники архитектуры в Коканде, Шахрисябзе и Самарканде (ФО. Q 290, О.1118, О.1120). В Коканде, в частности, он сфотографировал общие виды и интерьеры ханского дворца. В те же годы профессионал Н. Ордэ фотографировал типы народностей Центральной Азии и памятники местной архитектуры. Д.И. Ермаков, фотограф, путешественник и этнограф, в Закаспийской области зафиксировал памятники Асхабада (Ашхабада), Самарканда, Бухары, Мерва и др. (ФО. Q 507, Q 481).

Не менее интересны крупноформатные отпечатки Поля Надара, сына известного французского фотографа Гаспара Надара, сделанные им во время поездки в 1890 г. в Туркестан (см.: L'odyssée de Paul Nadar 2007). Альбом из 28 фотографий был подарен ИАК в 1900 г. и хранился до организации фотоархива в библиотеке ИАК (ФО. F 1).

Для того чтобы объективно оценить роль ИАК в изучении Азии, необходимо рассматривать ее деятельность в контексте активности других научных учреждений России того времени и их представителей. Так, в мае 1893 г. профессор Василий Владимирович Бартольд (1869–1930) был командирован

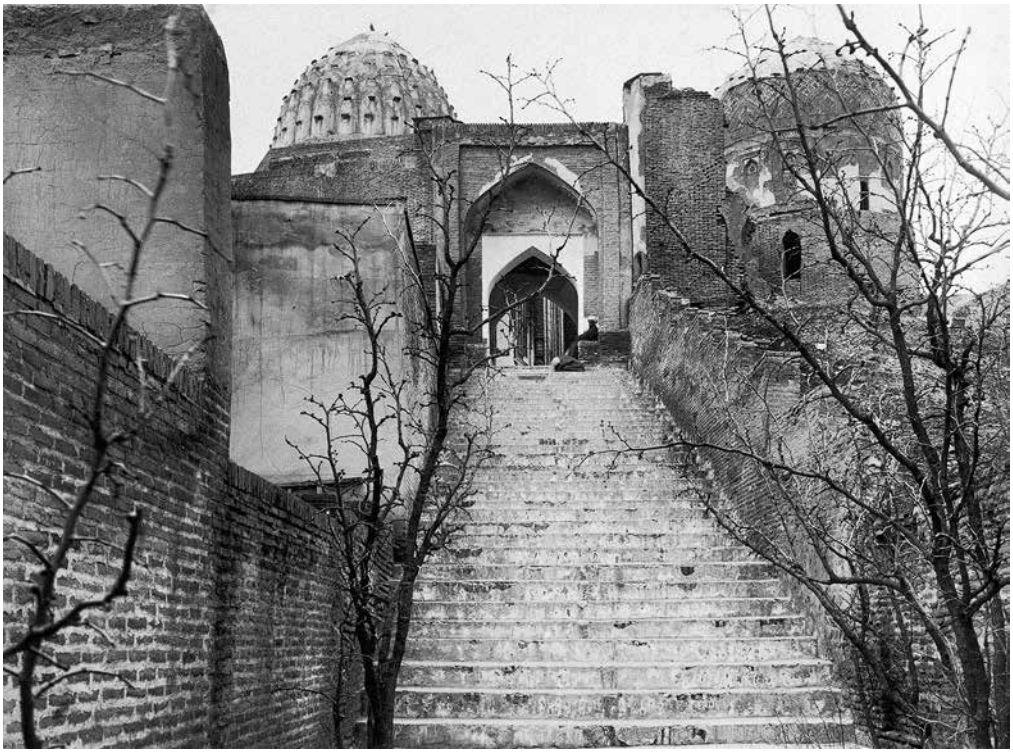


Медресе Шир-Дор. Самарканд. Фото И. Введенского, 1890-е гг. (ФО. Отп. Q 159-13)

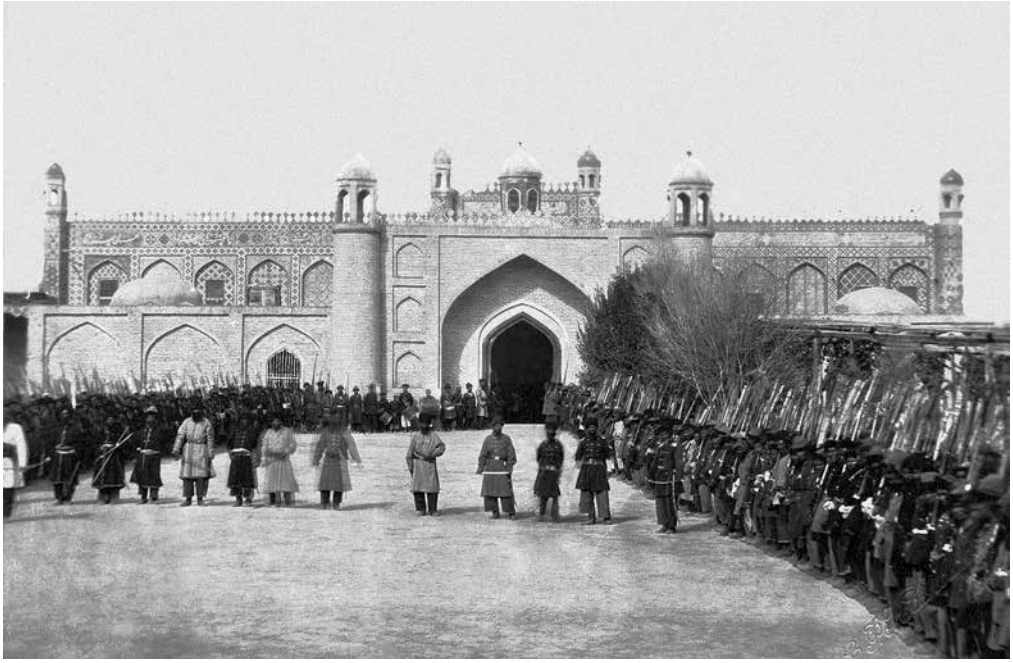


Общий вид комплекса Биби-Ханым. Самарканд. Фото И. Введенского, 1890-е гг. (ФО. Отп. Q 159-2)

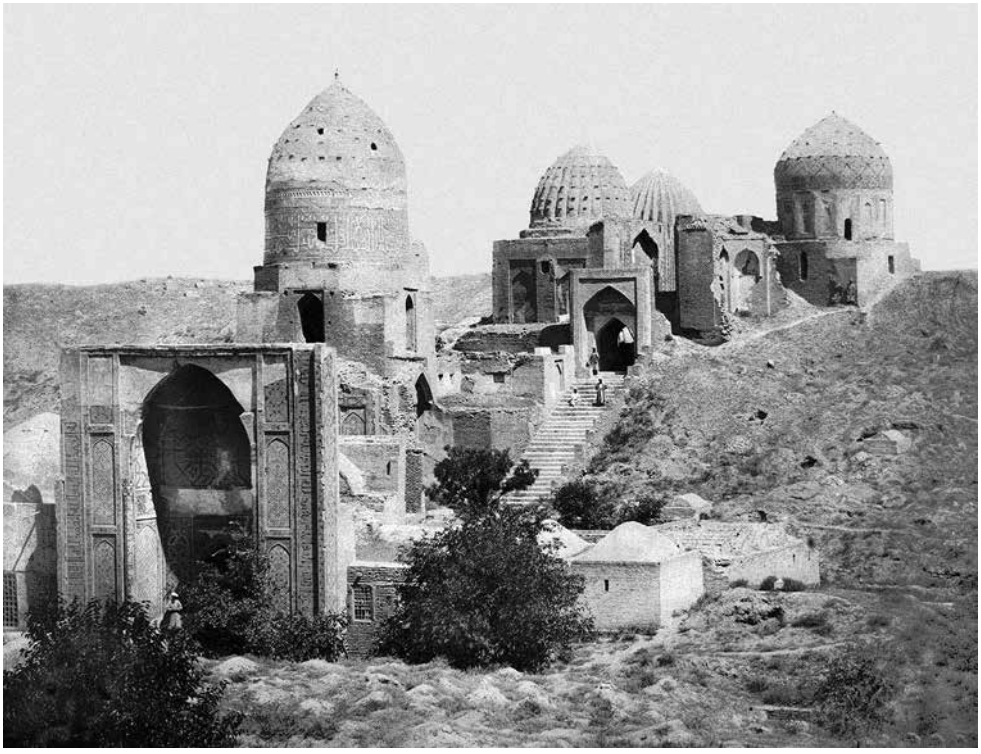
Общий вид на Регистан. Самарканд. Фото И. Введенского, 1890-е гг. (ФО. Отп. Q 159-34)



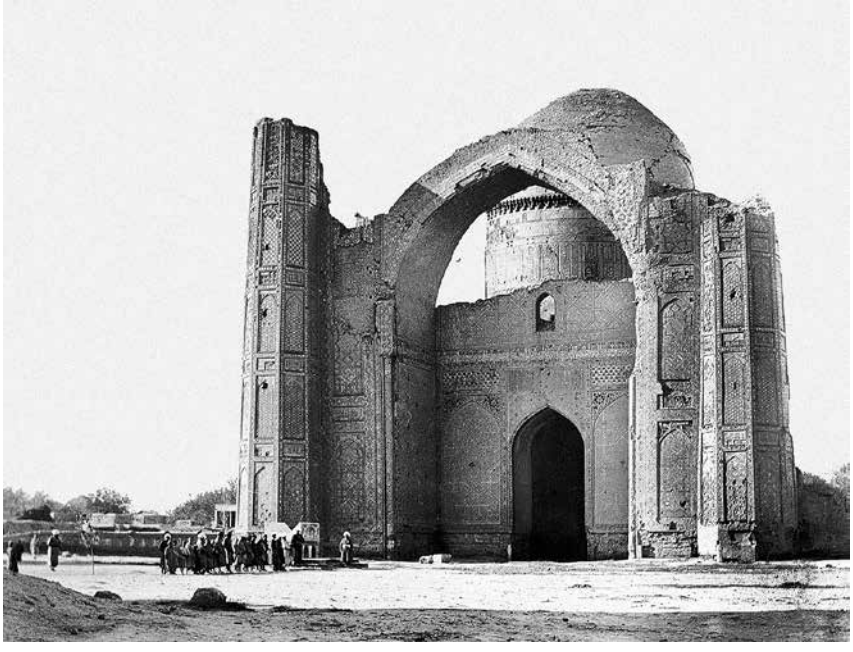
Лестница — подъем к мавзолеям Шах-и Зинда. Самарканд. Фото И. Введенского, 1890-е гг. (ФО. Отп. Q 159-7)



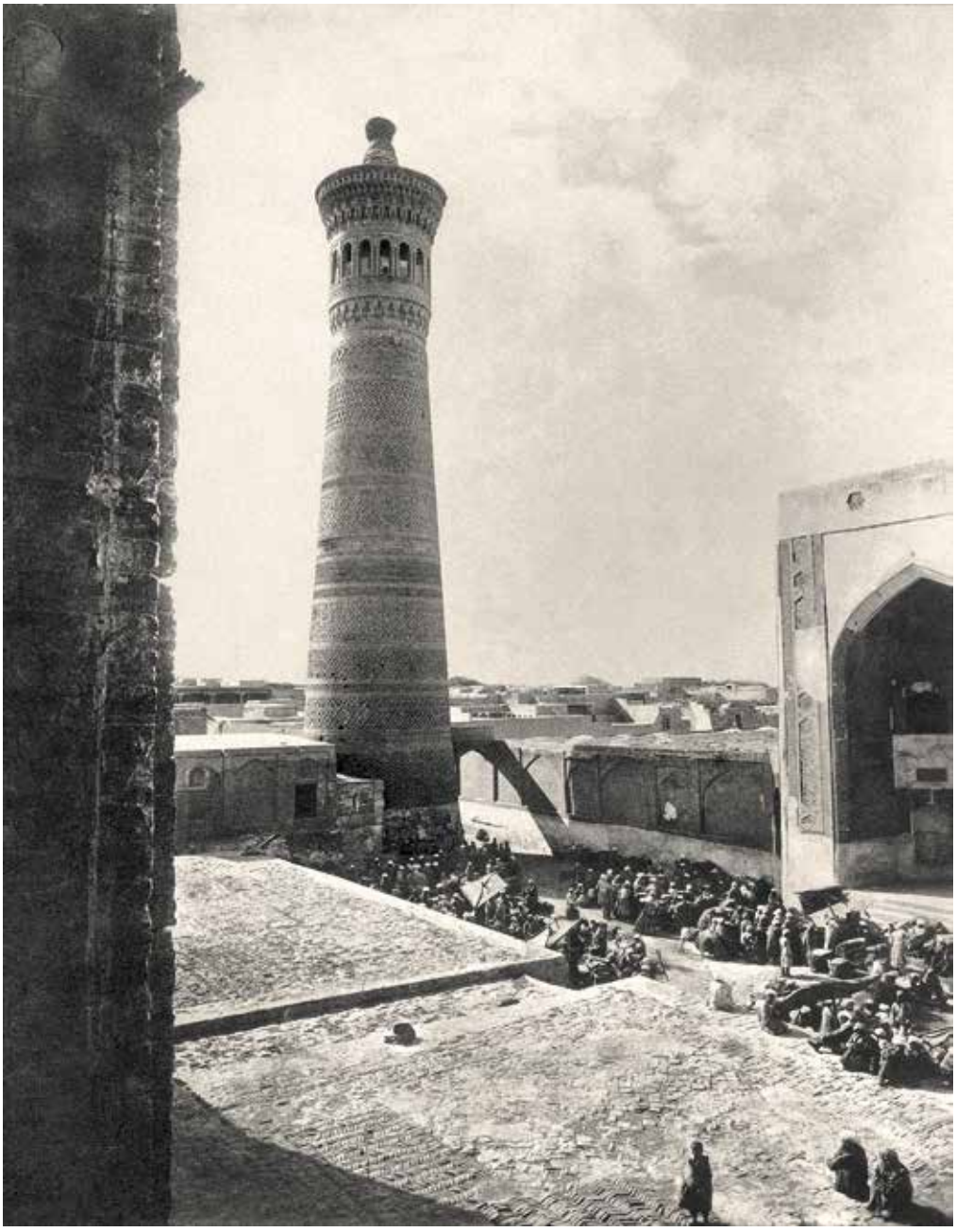
Войско у дворца хана. Коканд. Фото В. Ф. Козловского, 1890-е гг. (ФО. Отп. Q 290-47)



Общий вид Шах-и Зинда. Самарканд. Фото В.Ф. Козловского, 1890-е гг. (ФО. Отп. Q 290-26)



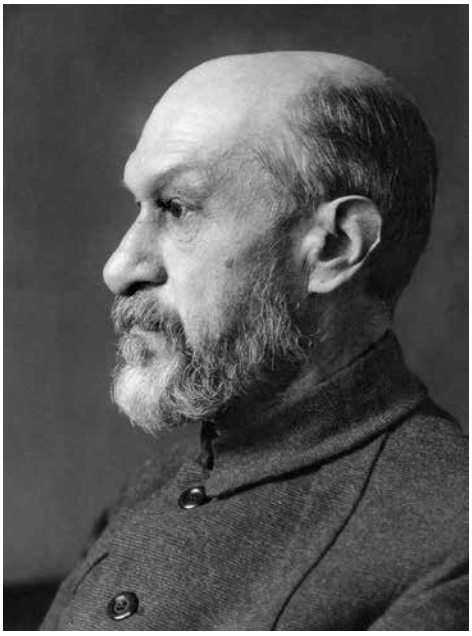
Комплекс Биби-Ханым. Ляух — подставка для Корана — установлен перед зданием мечети. Самарканд. Фото А.В. Комарова, 1890-е гг. (ФО. Отп. Q 290-9)



Регистан: медресе Мири-Араб, минарет Калян и мечеть Мееджид-и-Калян. Бухара. Фото П. Надара, 1890 г. (ФО. Отп. F 1-15)

Санкт-Петербургским университетом в Среднюю Азию для исследования памятников древности, главным образом в Чуйской и Илийской долинах. Поручение такого же рода было получено и от Академии наук, вместе с ним был направлен художник С.М. Дудин (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 187). Производство раскопок и вообще каких-либо работ, требующих познаний в области археологии, не предполагалось. Задача заключалась в том, чтобы, в дополнение к письменным известиям о прошлом Средней Азии, собрать «сведения о следах, оставленных прежними обитателями ее, и по возможности дать краткое описание развалин городов, укреплений и т. п.» (Бартольд 1966а: 21). Перелом ноги не позволил В.В. Бартольду в 1893 г. выполнить задание. Он успел осмотреть памятники по пути от Чимкента до Аулие-Ата и долину Таласа. Однако С.М. Дудин сумел совершить поездку в Чуйскую долину и вокруг озера Иссык-Куль и предоставил свои материалы для отчета В.В. Бартольду.

В 1894 г. в качестве участника экспедиции В.В. Бартольд пригласил поручика Е.П. Ковалева, члена Таврической ученой архивной комиссии, для осмотра памятников древности, к которым можно было проникнуть только верхом, и снятия необходимых рисунков и фотографий. Таким образом, были осмотрены развалины по Таласу ниже Аулие-Ата, на пути от Таласа к Чу, в Чуйской долине, в бассейне Нарына, по северному берегу Иссык-Куля и на р. Или. В.В. Бартольд полагал, что все данные, включенные им в отчет, пригодятся будущим исследователям (Бартольд 1966а: 22). Краткий отчет был опубликован в 1894 г., а подробный — в 1897 г., однако вопрос о судьбе материалов фотофиксации этих памятников



Василий Владимирович Бартольд. Фото 1910-х гг. (ФО. Отп. Q 715-2)

остается открытым. Помимо четких описаний памятников В.В. Бартольд приводит в отчете данные из известных ему письменных источников, местные легенды, в ряде случаев дает датировку памятников и предположительную идентификацию их с памятниками, известными по арабским и китайским письменным источникам.

В Джаркентском уезде В.В. Бартольд осмотрел великолепный памятник мусульманской культуры — построенную на средства таранчинского богача Вали-Ахуна Юлдашева мечеть в дунганском стиле. Внутренность храма мало соответствовала устройству мечетей и скорее напоминала христианские церкви: михраб, похожий на алтарь, находился против входа, с которым был соединен двумя рядами колонн; по обе стороны располагались хоры, на которые вели лестницы. Фотографии этой

мечети позднее поступили в ИАК, однако кто сделал снимки, осталось неизвестно. В архив они поступили вместе с негативами, исполненными Б. Литвиновым во время раскопок на Афрасиабе в 1904 г. (ФО. Отп. О.3519-20–22).

Самого С.М. Дудина, художника, путешественника, этнографа, археолога, музейного работника, фотографа, который в 1893 г. был в Средней Азии вместе с В.В. Бартольдом, ИАК в 1895 г. командировала в Самарканд в экспедицию Н.И. Веселовского. Им было сделано около 200 негативов размером 24 × 30 см, часть которых сохранилась в архиве Комиссии.

Самуил Мартынович Дудин (1863–1929) был связан не только с ИАК, но и с Академией наук и с Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. В 1900 г. В.В. Радлов предложил ему подготовить программу и смету экспедиции в Среднюю Азию. Для этих целей были закуплены фотоаппараты, оптика, фотоматериалы, изготовлено оборудование для походной лаборатории. Экспедиция началась в феврале 1900 г. и в общей сложности продолжалась три года. Задача ученого-фотографа заключалась в съемке населенных пунктов, характерных построек, домашней утвари, национальных костюмов; требовалось также запечатлеть повседневную жизнь обитателей края, торговлю, религиозные обряды, обычаи, разнообразные ремесла, типы людей. С.М. Дудин сделал более 2000 снимков и собрал огромную вещевую коллекцию, положившую начало среднеазиатского собрания Российского этнографического музея. В Самарканде им были приобретены древности, происходящие из Афрасиаба, — глиняные головки, фрагменты статуэток, резные и мозаичные изразцы, часть плиты с мозаичным орнаментом. Эти предметы фотограф ИАК И.Ф. Чистяков впоследствии сфотографировал для Н.И. Веселовского (ФО. Нег. III 8255–8260, отп. Q 673-22–25).

В 1909–1910 и 1914–1915 гг. С.М. Дудин принимал участие в экспедициях в Восточный Туркестан и Западный Китай под руководством С.Ф. Ольденбурга. Собранные этнографические и археологические коллекции и альбом фотографий легли в основу его научных публикаций о технике буддийского и исламского искусства Центральной Азии.

В 1905–1908 гг. по поручению РКИСВА С.М. Дудин совершил три поездки в Самарканд с целью подробной регистрации местных архитектурных памятников — фотографированию подлежали все архитектурные детали, в том числе изразцы и мозаики. Результат этих работ — собрание превосходных снимков. С.М. Дудин не только первым поставил вопрос о подробнейшей съемке, но и осуществил ее. Его фотографии Шах-и Зинде, попавшие в архив ИАК (ФО. Q 345a-d, О.683а-с), были использованы реставраторами при работах на памятнике в послевоенные годы (Памяти С.М. Дудина 1930: 341–358).

Археологическая комиссия контролировала и иностранные археологические экспедиции, работавшие в Средней Азии. В 1904 г. на основе Открытого листа, выданного ИАК В.В. Бартольду, американская экспедиция под руководством геолога Р. Пампелли произвела раскопки в Закаспийской области — на Гяур-Кала (цитадели древнего Мерва) и в Анау (Известия ИАК 1905: 29–30). Работы проводились на средства фонда Карнеги и носили комплексный характер — полученные материалы

Вид развалин мавзолея Ишрат-Хана. Самарканд. Фото С. М. Дудина, 1908 г. (ФО. Отп. Q 345-48)

изучали как археологи, в частности Г. Шмидт, ранее проводивший раскопки Трои, так и специалисты естественных наук: зоолог И. Дюрст, антрополог Г. Серджи и др. С российской стороны научную экспертизу плана исследований и результатов осуществлял В.В. Бартольд. В результате раскопок северного и южного холмов Анау была открыта древнеземледельческая анауская культура, выделены четыре этапа ее развития (Анау I–IV) эпохи энеолита — раннего железного века, а оперативное введение в научный оборот материалов экспедиции (Pumpelly 1908; ср.: Пампелли 2004) способствовало тому, что археологические памятники юга Средней Азии получила широкую международную известность. Коллекция археологических находок экспедиции была доставлена в Санкт-Петербург. Предметы античного времени из раскопок в Мерве — терракотовые статуэтки — поступили в Эрмитаж (ФО. Нег. II 27616), древности эпохи энеолита и бронзы из раскопок в Анау: кремневые и каменные орудия и утварь, пращевые камни, игрушка-тележка — в Музей антропологии и этнографии Петра Великого (ФО. Нег III 9574–9579), однако предварительно они были предоставлены для фотофиксации ИАК.

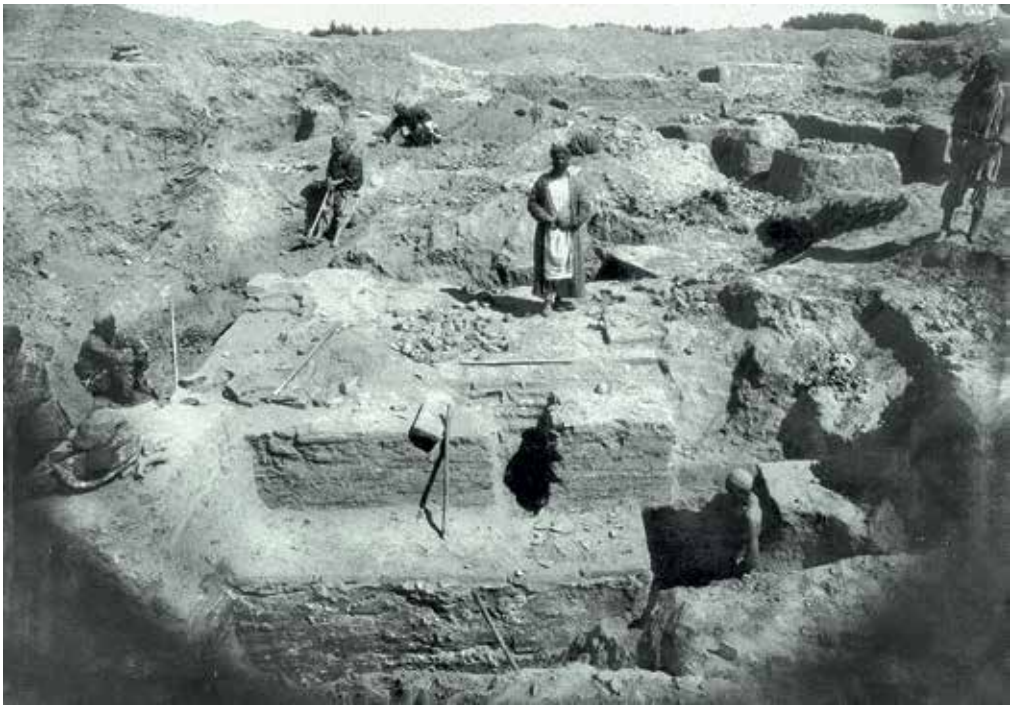
Одновременно в 1904 г. В.В. Бартольдом были проведены раскопки на Афрасиабе, являвшиеся,

Изразцы из облицовки мавзолея Ишрат-хана. Самарканд. Фото С.М. Дудина, 1908 г. (ФО. Отп. Q 345-60)

по существу, продолжением раскопок Н.И. Веселовского 1885 г. и имевшие целью выяснить местоположение соборной мечети. Подготовительные работы были выполнены по поручению РКИСВА местными силами еще в 1903 г. В.В. Бартольд предполагал посвятить исследованиям три месяца: первый месяц — топографическому изучению Афрасиаба, второй — пробным раскопкам на этом городище, третий — изучению остальных городищ и памятников древности в пределах длинных стен, некогда окружавших город и его пригороды. Однако по семейным обстоятельствам программа была сокращена, и раскопки проводились с 17 июля по 13 августа. Во время исследований к западу от цитадели найдено множество мелких предметов, в особенности фрагментов стеклянной посуды, кусков жженого кирпича с синими и белыми изразцами. Была обнаружена и многоступенчатая постройка из жженого кирпича на гипсовом цементе, по мнению В.Л. Вяткина и А.Ю. Якубовского, являвшаяся основанием минарета саманидской мечети (Вяткин 1927: 17; Якубовский 1940). Исследования, проведенные по вопросу о снабжении города водой, подтвердили предположение, основанное на изучении письменных источников: водопроводная труба была проложена с юга. Как топографические, так и археологические изыскания были проиллюстрированы 20 фотографическими снимками, выполненными по заказу В.В. Бартольда фотографом Б. Литвиновым. Эти фотографические материалы поступили на хранение в архив ИАК (ФО. Отп. О.3519-1–22, нег. II 17827–17829, III 2936–2952, IV 625–627; Бартольд 1966b: 130–133; 1966c: 139–140; Длужневская 1987: 111–112).

Раскопки В.В. Бартольда на Афрасиабе в 1905 г. были продолжены самаркандским археологом В.Л. Вяткиным, который вел исследования городища по заданию РКИСВА. Им были найдены фрагменты керамических сосудов (ФО. Отп. Q 673-15; Вяткин 1908: 22–36). Открытые листы на проведение раскопок были выданы непосредственно ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 24; РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 25), однако Комиссия отмечала, что научный отчет так и не был представлен. В ходе дальнейших раскопок 1908–1909 гг.

Глиняная модель тележки. Мерв. Раскопки Р. Пампелли. Фото 1904 г. (ФО. Нег. III 9579)



Раскопки В. В. Бартольда на Афрасиабе. Фото Б. Литвинова, 1904 г. (ФО. Отп. О.3519-6)

В. Л. Вяткин обнаружил остатки самаркандской обсерватории Мирзы Улугбека (Глазенап 1909: 33–35).

В 1904 г. туркестанский краевед А. А. Козырев и заведующий ирригацией Самаркандской области, краевед и фотограф-любитель Н. П. Петровский исследовали позднесредневековый курган в урочище Кара-Агач Акмолинской области (РО. Ф. 1.

Оп. 1-1904 г. Д. 39). Здесь были обнаружены золотой венчик с привесками на дужках, стеклянный сосуд на ножке, глиняные столбики, обитые золотым листом, украшенным камнями и зернью, такая же серьга и бусы (ФО. Нег. III 9331–9332, II 27491–27493). В 1905 г. А.А. Козырев продолжил исследование кургана и обнаружил каменную статую «бабы, сидящей на корточках». Материалы раскопок поступили в ИАК (ФО. Нег. II 27864–27866; РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 39. Л. 5 об.).

Наконец, в 1911–1914 гг. раскопки средневековых курганов, по большей части полностью разграбленных, проводились частично на средства ИАК Н.П. Куборским и В. Петровым — преподавателем и директором Кустанайского реального училища — в Кустанайском уезде Тургайской области (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 80); гидрогеологом Н.М. Петровским — в урочище Тибис-сох этой же области (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 357) и студентом Петербургского университета Н.Н. Бортвиным, которому было выделено 20 руб., в районе г. Петропавловск Акмолинской области (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 212).

Комиссия учитывала в своей деятельности и случайные находки, большая часть которых поступила в Петербург и затем, после предварительной фотофиксации сотрудниками Комиссии, передавалась на хранение в столичные музеи. Так, в Семиреченской области близ Пишпека туркестанский краевед Г. Фролов в 1891 г. нашел клад золотых вещей: перстни, браслет со звериным орнаментом, обкладка пояса и др. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 91; ФО. Нег. II 85455). В 1895 г. А.В. Селиванов приобрел бронзовые треножники и фрагментированный котел, происходящие из урочища Койсар (ФО. Отп. Q 644-8, нег. II 25669–25671; ОИАК за 1895 г. 1897: 75). Фольклористом и коллекционером И.В. Аничковым в ИАК была прислана каменная «баба», сфотографированная в Петербурге И.Ф. Чистяковым (ФО. Отп. Q 464-63). В с. Дмитриевском Пишпекского уезда в 1903 г. был найден клад восточных монет и вещей (ФО. Нег. I 20800), а в 1904 г. близ этого же села, в урочище Сын-Таш — медный сосуд с арабской надписью (ФО. Отп. Q 660-5, нег. II 27900, III 9834, 9842; ОИАК за 1904 г. 1907: 139). Наконец, в 1908 г. близ с. Лебединка Пишпекского уезда был найден клад серебряных изделий XII–XIII вв.: серьги, бусы, браслеты, серебряная чашечка (ФО. Нег. II 32258–32262).

В Сырдарьинской области на кургане Караул-Тюбе у с. Мамаевка Чимкентского уезда в 1893 г. обнаружен клад, включавший браслеты с несомкнутыми концами, бусы, зеркало и др. Сохранились рисунки, сделанные художником Сусловым (ФО. Нег. II 85454). В сел. Сайрам-су Чимкентского уезда в 1900 г. клад также включал украшения из серебра — браслеты, серьги, дирхемы, фрагменты других изделий (ФО. Нег. III 7605–7610; ОИАК за 1900 г. 1902: 124–125).

Из Закаспийской области происходит чеканное медное блюдо с изображением всадника в центральном медальоне и животных и людей в арочках по краю, найденное в 1893 г. и хранившееся в коллекции фотографа Дмитрия Ивановича Ермакова (1845–1916) (ФО. Отп. Q 543-17–18). В 1916 г. в пещере у оз. Батыр Мангышлакского уезда обнаружены кувшин из орехового дерева, каменные грузила, пара серег со вставками из камней, золотой

флакончик, штампованная пластина, золотая кружка и кожаная коробочка (ФО. Нег. III 13250–13251).

В Самаркандской области в урочище Танге-Танды Джизакского уезда в 1897 г. был найден свинцовый слиток с отпечатками хорезмшахских монет (ФО. Нег. II 26263; ОИАК за 1897 г. 1900: 180–181). Стеклянные подвески с восточными буквами происходят из Самарканда (ФО. Нег. I 22000), с Афрасиаба — костяная статуэтка всадника с палицей на коне (ФО. Нег. Q 672-12). В Самарканде и Бухаре И. Ф. Барщевским сфотографированы мозаика, керамика и лепные украшения (ФО. Отп. О.493-32, 33, 40). В 1902 г. коллекционер С. А. Лапин привез из Бухары золотые украшения: ажурную бляху, украшенную филигранью и камнями, бляшку-розетку, розетку с привесками на спиральках, наконечник из четырех прорезных бус (ФО. Нег. II 26465, III 8134–8136). В Семипалатинской области священником Г. Васильевым в с. Большое Владимирское найден нефритовый бурхан, изображающий Будду (ФО. Нег. II 26218). В Тургайской области в сопке Ак-Карча у р. Тобол нашли бронзовый бурхан с изображением четырехрукого божества (ФО. Нег. II 26475–26476), а в 1901 г. у коллекционера И. С. Назарова ИАК приобрела большое медное «полулуние» (пектораль), золотой наконечник с изображением головки сайги, костяной наконечник стрелы, каменное блюдо на высоких ножках (ФО. Нег. II 26724, 26579, 26580).

После Высочайшего обозрения и фотографирования в ИАК на хранение в Императорский Эрмитаж поступили приобретенные в Самарканде у коллекционера Мирзы Бухарина в 1888 г. глиняные статуэтки, сосуды, светильники, мелкие поделки, медная узорчатая сетка, бронзовые светильник и курильница (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 66; ФО. Нег. II 13158, III 2418, IV 247–254), три глазурованных кирпича, случайно найденные в 1897 г. близ г. Андижана Ферганской области (ФО. Нег. III 7872). Коллекция древностей, происходящих из Кашгара (Восточный Туркестан), была приобретена Археологической комиссией в 1898 г.: терракотовые, каменные и бронзовые изделия, а именно сосуды и фрагменты сосудов, статуэтки людей и животных, орнаментированные пластины (ФО. Нег. III 7169–7175), а также медное восточное блюдо с инкрустированными серебром изображениями парных человеческих фигур и шествия зверей (ФО. Нег. IV 1318). Еще одно приобретение составили случайно найденные в Сырдарьинской области золотые и серебряные украшения: браслеты, серьги, перстни (ФО. Нег. III 7062–7063; ОИАК за 1898 г. 1901: 78) и медное четырехугольное блюдо с изображением человеческой фигуры, сидящей с поджатыми ногами, и арабской надписью по борту блюда, найденное в Пенджикенте (ФО. Нег. III 7187–7188; ОИАК за 1898 г. 1901: 76).

Ф. В. Поярковым в Петербург был доставлен чугунный ажурный предмет колоколовидной формы, найденный в с. Токмак Семиреченской области в 1899 г. (ФО. Нег. III 7426; ОИАК за 1899 г. 1902: 139), а также бронзовый подсвечник, найденный в м. Асиль-Арык Сырдарьинской области (ФО. Нег. III 8802). Приобретенные в Самарканде медный цилиндр от подсвечника, каменный сосуд в виде ведра с ушками и половиной крышки, медный орнаментированный кувшин восточнотуркестанского типа привез Н. И. Веселовский (ФО. Отп. Q 710-27, Q 475-71,

нег. III 7952; ОИАК за 1899 г. 1902: 138–139).

Императорская археологическая комиссия передавала приобретенные казной предметы и в другие музеи. В Исторический музей через ИАК поступили бронзовый сосуд на трех ножках с восточным орнаментом, найденный близ г. Верного Семиреченской области и приобретенный А.В. Селивановым в 1895 г. (ФО. Отп. Q 670-7, нег. II 25665; ОИАК за 1895 г. 1897: 76), и золотые штампованные бляшки и колокольчик из кургана в Акмолинском уезде Семиречья, а в 1900 г. — гипсовые слепки с резных камней с изображениями человеческих голов и зверей, приобретенные в Бухаре (ФО. Нег. I 20739, II 26824), и медная кирка и серп, найденные близ Себинского оз. в Семипалатинской области (ФО. Нег. I 26612).

В Русский музей были переданы случайно найденные в кургане близ с. Биш-Тала-Юкари Ферганской области серебряное сасанидское блюдо и глиняные сосуды (ФО. Отп. О.30-44–54, нег. II 10382–10383, III 13318). В музей Русского археологического общества из Средней Азии поступили глиняные сосуды, бронзовый наконечник стрелы и др. предметы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 241. Л. 36–37; ФО. Нег. III 7047). В Азиатский музей в 1890 г. поступило мраморное блюдо с арабской надписью, присланное в дар Археологической комиссии Н.П. Остроумовым (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 130; ФО. Нег. II 13145). На средства ИАК Н.И. Веселовский купил у Мирзы Бухарина древности из Афрасиаба: обломки глиняных оссуариев, фигурки животных и крышки глиняных сосудов (ФО. Отп. О.2427-69–75, нег. IV 1617–1618), а также перстни, резные камни, индикации (оригиналы и слепки) (ФО. Отп. Q 480-63, нег. II 31033–31034, 31120).

Находки «восточного серебра» в Средней Азии были немногочисленны. Практически все они опубликованы в известном атласе «Восточное серебро» Я.И. Смирнова (Смирнов 1909). Стоит упомянуть серебряную фигурку оленя из кургана близ Усть-Каменогорска Семипалатинской области (Смирнов 1909: №18; ФО. Отп. Q 661-10, нег. II 26885, 26888), серебряную чашу с точечным орнаментом, найденную в 1891 г. в Кочкорской долине (Смирнов 1909: №236; ФО. Нег. II 26831–26832), серебряный ковш с орнаментированной ручкой (Смирнов 1909: №233) и две чаши: одна с растительным орнаментом по борту и другая — с точечным орнаментом (Там же: №234, 235; ФО. Отп. Q 666-19–20, Q 663-20, Q 661-14, нег. II 26828, II 26830, 26839, 26834, III 7964), найденные в Верненском уезде Семиреченской области в 1892 г., серебряную чашу с рельефным изображением мифологической сцены из Кустанайского уезда Тургайской области, найденную в 1903 г. (Смирнов 1909: №284; ФО. Отп. Q 476-80–81, нег. III 8934–8936, 8954–8955), чашу с кольцеобразной ручкой и гравированным изображением зверя на дне, обнаруженную в 1888 г. в Акмолинской области (ФО. Отп. Q 663-18–19, нег. III 7965, II 26827). Для Берлинского антикварного дома в 1904 г. в Бухаре была приобретена серебряная чаша с изображением человеческих фигур в растительном обрамлении (Смирнов 1909: №283; ФО. Отп. Q 664-13–15, нег. II 27460).

Подводя итог нашему обзору, можно выделить два этапа в деятельности ИАК по изучению древностей Средней

Азии. На первом этапе, во время постепенного присоединения этого региона к Российской империи во второй половине XIX в., инициатива и финансирование исследований архитектурных и археологических памятников в русском Туркестане принадлежали ИАК, хотя занимались ими почти исключительно востоковеды и местные краеведы. Наиболее масштабные и целенаправленные работы по заданиям ИАК велись в последней четверти XIX в. Начало систематических археологических раскопок связано с именами востоковедов Н.Н. Пантусова и Н.И. Веселовского, последний продолжал археологические и архитектурные исследования с 1884 г. до начала XX в. Обследованием древних городов в 1890 и 1896 гг. занимался В.А. Жуковский. Каждый из них являлся основоположником исследований в своем направлении. Это же можно сказать и о сотрудничавшем с ИАК фотографе и этнографе С.М. Дудине.

На втором этапе, в первые десятилетия XX в., основные усилия ИАК были направлены на контроль над исследованиями, проводившимися в Средней Азии другими научными учреждениями Санкт-Петербурга (ИРАО, Академией наук, Петербургским университетом, РКИСВА, ИРГО). Это предполагало выдачу Открытых листов, прием и хранение отчетов о работах и находках, описание и распределение полученных древностей по музейным собраниям. В то же время ИАК последовательно собирала и публиковала информацию как об исследованиях, так и о случайных находках на территории Средней Азии, а также о состоянии архитектурных и археологических памятников, в том числе об умышленных разрушениях и кладоискательстве, тем самым привлекая внимание общества к этой проблеме. Помимо первых исследований ключевых памятников региона и их правильных культурно-хронологических интерпретаций к заслугам ИАК в деле изучения Средней Азии стоит отнести собирание и сохранение уникального фотографического материала, который сегодня выполняет роль первоисточника мировых знаний об истории и культуре этого региона.

Г.В. Длужневская, Л.Б. Кирчо

DOI: 10.31600/978-5-9072-9807-1-2019-1092-1201

Глава XI

СЛАВЯНО-РУССКИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

В истории науки давно утвердилась мысль, что главные усилия Императорской археологической комиссии в начальный период ее деятельности были сконцентрированы на археологических исследованиях греко-скифского мира юга России. В силу этого Комиссия не связывала свои занятия со славяно-русскими и средневековыми древностями (ср.: Пескарева, Рябинин 1984: 303).

Действительно, археология в глазах общества была наукой о прекрасных древностях, связанных в первую очередь с традициями античности. Даже в краткой исторической записке о деятельности ИАК, составленной С. Г. Строгановым для Министерства императорского двора в 1881 г., указывалось, что на первом этапе своего существования Комиссия «обращала главное внимание на изыскание древностей, относящихся к периоду процветания греческих колоний на <...> Черноморском прибрежье и ко времени обитания Новороссийского края различными скифскими племенами», и лишь во вторую очередь наблюдала «за случайными археологическими находками», сделанными на остальной территории России (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 1. Л. 24, 24 об.).

Однако сложившееся в историографии представление, что, в отличие от исследований памятников юга России, раскопки «неантичных» памятников на остальной территории империи отличались бессистемностью, нуждается в безусловном уточнении. Сегодня оно представляется некорректным. Кажущаяся бессистемность изучения средневековых памятников обуславливалась объективными причинами — особенностями развития отечественной археологии на разных этапах и различными периодами в деятельности ИАК. Лишь с приходом в Комиссию А. А. Спицына в 1890-е гг. с его систематизаторским талантом средневековые древности заняли в ее деятельности подобающее им место (Жебелев 1923: 111; 1948: 9).

Стоит подчеркнуть, что в обязанности ИАК, согласно первому параграфу «Положения» 1859 г., входило «разыскание предметов древностей, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россией». Эти обязанности и возрастание интереса к древностям в обществе изначально побуждали ИАК обращать внимание на памятники старины, находимые на Восточно-Европейской равнине, пусть это внимание и не было оформлено в виде целенаправленной

исследовательской программы. Именно эта территория в I тыс. н. э. входила в зону славянского расселения, а позднее стала ядром формировавшегося Российского государства.

Первоначально информация об археологических древностях российских, украинских и белорусских губерний, поступавшая в ИАК, укладывалась в небольшую справку в конце публикуемого ежегодного «Отчета» о количестве доставленных в Комиссию случайных находок. Среди последних особо выделялись предметы, интересные в археологическом, художественном и историческом отношении. Присылаемые древности представляли собой в первую очередь русские, польские, шведские и немецкие серебряные и медные монеты XVI–XVII вв. Большая часть их, по мнению членов ИАК, не имела ни научного, ни антикварного интереса (ОИАК за 1875 г. 1878: XXXVI). Чаще всего их отсылали обратно находчикам. Если же они представляли интерес для исследователей, то нашедшим их лицам выплачивалась стоимость не только по весу металла, но и согласно их археологической ценности и редкости (см. главу I).

Сведения о находках, обнаруженных случайно в процессе полевых и строительных работ, поступали в Комиссию из статистических комитетов, департамента железных дорог, от губернских властей, от крестьян, духовенства и частных лиц. Так, в июне 1859 г. начальник Архангельской губернии прислал в ИАК серебряные монеты, найденные 10-летней крестьянкой Рогалевой на берегу реки, в деревне Рях-ковской Грихновского сельского общества Мардинской волости Онежского уезда (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 14). Археологическая комиссия взяла на себя все заботы по оценке монет и пересылке денег. Около 8 фунтов найденных девочкой серебряных монет (ок. 3,3 кг) были отправлены на переплавку в Монетный двор, который выдал за них сумму, соответствующую весу серебра, — 158 руб. и 95 с половиной коп. Означенная сумма была выслана архангельскому губернатору для выплаты Рогалевой.

Летом 1860 г. новгородский губернатор прислал в ИАК 278 древних серебряных монет, найденных в июне на берегу р. Волхов мещанином К. Васильевым. Оценив их научное значение, Комиссия приняла решение приобрести 38 наиболее интересных экземпляров за 8 руб. Оставшиеся 240 монет и деньги за приобретенные экземпляры были отправлены в Новгород в ноябре того же года (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 19).

Не следует забывать, что Императорская археологическая комиссия возникла в эпоху подъема национального самосознания в России. Империя готовилась к празднованию 1000-летия русской государственности. Общественная ситуация не могла не задать определенного направления научным интересам ИАК. Не случайно одним из первых дел, носящих характер источниковедческой экспертизы, стало дело «О рассмотрении венца, называемого шапкой Владимира Мономаха» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 5). 21 ноября 1859 г. на заседании Общества истории и древностей российских директор Оружейной палаты Александр Фомич Вельтман (1800–1870), трудившийся в 1842–1843 гг. над составлением описания ее собрания, выдвинул оригинальное предположение. Обратившись к тексту грамоты Вселенского патриарха Иосифа 1561 г. о даровании Ивану IV царского титула,

Шапка Мономаха (по: Древности Российского Государства. Отд. II. № 1)

он предположил, что шапку Мономаха, хранящуюся в «дворцовом тереме», следует именовать «царским венцом св. благоверного и равноапостольного великого князя Владимира», что подразумевало одновременно ее древность и византийское происхождение (Вельтман 1860: 31–44).

В преддверии празднования тысячелетия Руси это сообщение привлекло Высочайшее внимание. 16 февраля 1861 г. министр двора пишет С. Г. Строганову пространное письмо, излагая существо дела, и просит того высказать суждение Комиссии по этому поводу. В ответном донесении С. Г. Строганов ссылается, не указывая точную дату, на уже имевшийся опыт обсуждения данного вопроса в Академии наук в связи с докладом Дмитрия Николаевича Блудова (1785–1864), общественного и политического деятеля, и совыступлением Ариста Аристовича Куника (1814–1899). Тогда выяснилось, что поиск источников, могущих просветить этот вопрос, остался безрезультатным. В итоге С. Г. Строганов писал, что не видит каких-либо оснований для переименования «шапки Мономаха», которому она и так приписывается «по народному преданию». Характерна и ссылка на мнение историка Сергея Михайловича Соловьева, считавшего предположение А. Ф. Вельтмана «совершенно неосновательным». При этом С. Г. Строганов подчеркивал, что для прояснения указанного вопроса необходим искусствоведческий анализ, и предлагал продолжить изучение проблемы, назначив для этого одного из членов Комиссии и самого А. Ф. Вельтмана.

В своем письме А. Ф. Вельтману, написанном в то же время, С. Г. Строганов напоминал, что интересующий его вопрос уже поднимался в 1837 г. в связи с описанием собрания Оружейной палаты, составленным А. Ф. Малиновским (Малиновский 1807). Однако заключения, сделанные А. Ф. Малиновским, не могут быть привлечены к вопросу о происхождении шапки, поскольку касаются иных царских венцов и регалий. Сам С. Г. Строганов, в свое время стоявший во главе Комиссии по проверке описания Оружейной палаты, указал, что академик Иосиф Христианович Гамель (1788–1862) тогда же в своей докладной записке опровергал достоверность происхождения «Мономаховой шапки». Записка в архиве не сохранилась, но А. Ф. Вельтман утверждал, что в ней не было сказано о венце ничего специфического, кроме того, что он лишь упоминался в описях 1642 и 1696 гг. (см. о переписке и дискуссии: РО. Ф. 1. Оп. 1-1861 г. Д. 5. Л. 1, 4, 5, 7, 8, 9).

Забегая вперед, можно отметить, что через 50 лет ИАК в лице своих сотрудников вновь оказалась вовлечена в дискуссию о происхождении

«шапки Мономаха». Так, Н.П. Кондаков, в контексте изучения древнерусского прикладного искусства и кладов домонгольского времени, допустил византийское происхождение этого головного убора (Кондаков 1896: 60–75; Толстой, Кондаков 1897: 40–46). Несколько позже А.А. Спицын одним из первых предположил и обосновал возможность изготовления шапки в золотоордынских мастерских XIV в. (Спицын 1906а: 146–184). Само обращение к данной теме и особенности ее трактовки следует связывать не только с определенными научными подходами, но и с личными отношениями членов Комиссии.

В конце XX в. исследователи вновь вернулись к вопросу о происхождении этой царской регалии. Согласно одному из мнений, особенности стилистики головного убора могут быть обусловлены соединением фатимидской и лоянско-бухарской ремесленных традиций. Иной взгляд допускает, что признаки восточного искусства «шапки Мономаха» вовсе не обязательно противоречат ее византийскому происхождению (Крамаровский 1982: 66–70; 2001: 169–183, 176–177; Жилина 2001: 4, 203–204). В свете современных исследований мнение А.А. Спицына представляется все же наиболее обоснованным. Тем не менее очевидно, что участие ИАК в этой дискуссии на ее раннем этапе, в 1860-е гг., равно как и «записка» И.Х. Гамеля, оказались упущены современной историографией.

Похожая история произошла с «Корсунскими» вратами Новгородского Софийского собора. Музей в Нюрнберге через германского посла ходатайствовал перед российским императором о предоставлении ему «гипсового слепка» врат, которые, согласно письму, были якобы выполнены в Германии в XI в. Министр двора посчитал нужным выяснить в ИАК, являются ли врата «произведением германского искусства». Наименование их «Корсунскими» явно противоречило такой гипотезе. В ответном письме от 4 ноября 1866 г. С.Г. Строганов справедливо указал, что эти врата получили свое имя «вследствие одного только предположения», которое не подтверждается никакими письменными доказательствами. По его мнению, стиль фигур и украшений, изображение магдебургского епископа и имена литейщиков «не позволяют сомневаться, что это произведение германского литейного искусства XIV века». Несмотря на 200-летнюю ошибку в датировке, истоки произведения были определены абсолютно верно, а некорректная атрибуция отринута (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 22. Л. 1 — 2 об.; о «корсунской» мифологии церковных древностей, связанных своим происхождением с Западной Европой, см.: Ропре 1984).

Помимо экспертной оценки национальных древностей ИАК должна была отвечать и на запросы частных лиц. Так, в сентябре 1869 г. священник Петр Постников из г. Белева Тульской губернии попросил Комиссию рассмотреть икону Спаса Нерукотворного, принадлежавшую купцу Ивану Тинькову. По сообщению информатора, икона была писана в 7092 [1583/1584] г. по прошению царя Ивана Васильевича, образ был «среброзлащен от цесаря Рудольфа» и пожалован Федору Иоанновичу. В 7187 [1678/1679] г. царь Федор Алексеевич якобы пожертвовал ее из Кремлевской иконохранительницы диаку Андрею Виниусу, которого автор записки попытался связать с голландцем Винниусом, создателем

«Корсунские» врата западного портала Софийского собора в Новгороде, 1150-е гг., Германия. Фото Н. П. Сычева, 1920 г. (ФО. Нег. II 72593)

железоплавильных заводов около Тулы. Иконе, побывавшей в Петербурге, было отказано в подлинности: согласно заключению, она была написана новейшею краскою академическим письмом, а риза относилась ко времени императрицы Анны Иоанновны. Образ был отправлен обратно. Очевидно речь могла идти о позднем списке с иконы XVI в. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 25. Л. 1 — 2 об., 5).

В поле зрения Комиссии попадали и другие христианские памятники, связанные с поздним средневековьем. 27 мая 1871 г. землемер Минского управления государственными имуществами М. Ф. Авдеев, впоследствии инженер-строитель Минской консистории, прислал в Комиссию рисунки с надгробной плиты, хранящейся в Петропавловском соборе г. Минска, и с древней «панагии», ему принадлежавшей. Плита с поэтической эпитафией по легенде была связана своим происхождением с Минским Вознесенским мужским монастырем. «Панагия», квадратная костяная иконка, представляющая развитую иконографию сцены «О тебе радуется» с образом Печерской Богоматери, по мнению землемера, была связана с прп. Алипием Печерским (1085–1088), однако С. Г. Строганов вполне справедливо отнес и то, и другое к XVII в. и оценил все в 25 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1871 г. Д. 17. Л. 2–3, 8).

Таким образом, функции Археологической комиссии в области славяно-русской археологии в 1859–1886 гг. в основном ограничивались исполнением поручений Министерства двора по экспертизе национальных реликвий, приобретением для Императорского Эрмитажа кладов и отдельных вещей, найденных в процессе строительных работ, а также оценкой предметов, присылаемых в Комиссию частными лицами. Собственно полевые исследования предпринимались очень редко, но они оказываются показательными для портрета эпохи. По сути дела, до середины 1880-х гг. ИАК всего лишь дважды была инициатором проведения археологических «разысканий» средневековых памятников с научной целью.

Первыми такими археологическими работами стали раскопки в окрестностях Белозерска. Главной их задачей являлось ознакомление с северными курганными насыпями, а выбор Белозерска в качестве объекта исследований был обусловлен его упоминанием в летописи в связи с легендой о призвании варягов в 862 г. (ОИАК за 1860 г. 1862: XII). Согласно «Повести временных лет» один из братьев Рюрика,

Прорись костяной иконки (1) и надгробной плиты (2), присланные в ИАК М. Ф. Авдеевым. XVII в., Беларусь (РО. Ф. 1. Оп. 1-1871 г. Д. 17. Л. 4, 5)

Синеус, получил Белозерск в свое княжение. Совершенно очевидно, что интерес к исследованию местных древностей был вызван предстоящим в 1862 г. юбилеем русского государства.

В мае 1860 г. чиновник Министерства внутренних дел коллежский секретарь Яков Матвеевич Лазаревский (1829–1880) обратился в Комиссию с предложением провести исследования в этом районе. К этому времени он уже имел опыт полевых работ, так как еще при Л. А. Перовском принимал участие в археологических раскопках на Таманском полуострове, в Керчи, в Феодосии и в Екатеринославской губернии и служил несколько лет в Керченском музее.

Я. М. Лазаревский планировал «составление топографического описания древних городищ, окрестностей г. Белоозера и близлежащих курганов», «собрание о них местных сведений» и пробные раскопки в случае необходимости (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 15. Л. 1). Комиссия поддержала его инициативу, выдала Открытый лист и денежное пособие для проведения работ, а также послала новгородскому губернатору извещение о предполагаемых исследованиях. В июне того же года Ю. Б. Иверсен, занимавшийся в ИАК разбором и описанием монетных кладов, выразил желание присоединиться к археологическим разысканиям в окрестностях Белого озера.

В начале июня Я. М. Лазаревский объехал Белое озеро, составил подробное описание нескольких исторических и археологических объектов в волости Киснема, в районе деревень Росляково и Бутаково, а также Крохинского посада с приложением местных преданий о них. Он представил отчет в ИАК с результатами своих исследований, где указал, что собирается раскопать одну из двух насыпей близ д. Росляково, «известной

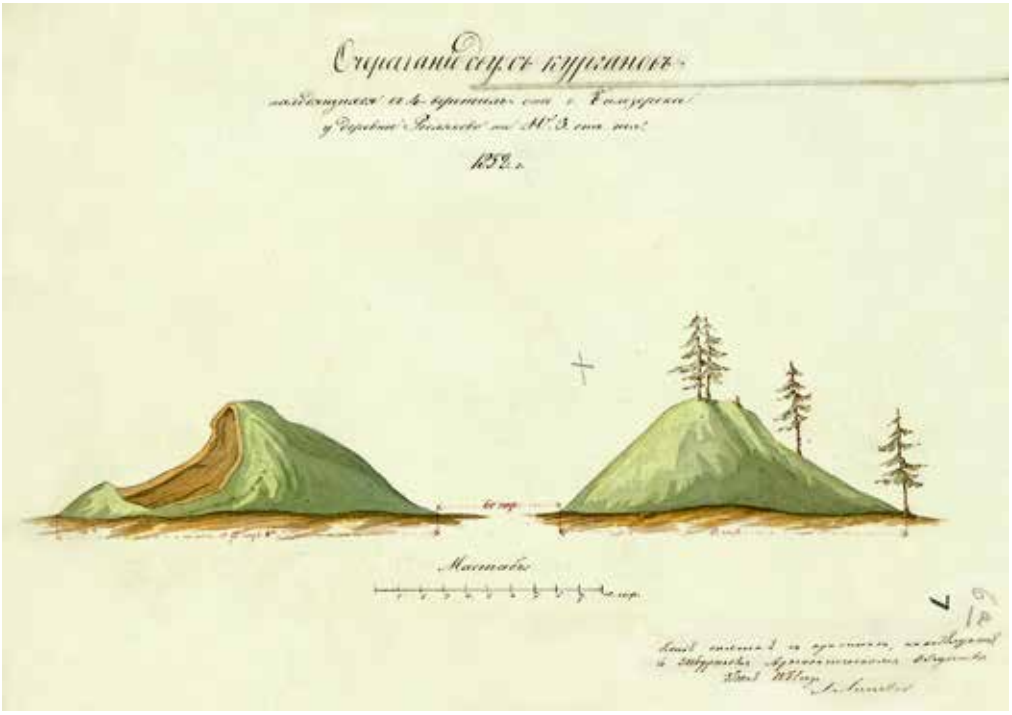
Открытый лист на археологические исследования в окрестностях Белозерска, выданный Я. М. Лазаревскому в 1860 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 15. Л. 38)

у местных жителей под названием «Меленки» (Там же. Л. 8 об.). Хотя изначально Археологическая комиссия предполагала ограничиться лишь сбором сведений о памятниках археологии в окрестностях Белозерска, она одобрила и поддержала намерения Я. М. Лазаревского провести немедленные раскопки, так как обнаруженные курганы были сильно повреждены и в ближайшее время могли быть полностью утрачены (ОИАК за 1860 г. 1862: XIV).

В результате были исследованы два кургана около д. Росляково: «Меленки» и «Синеус», а также две насыпи на территории урочища Старый город. Курган «Меленки», «до ста саженей в окружности и сажени 3 высоты» (более 213 м и ок. 6,5 м соответственно), был наполовину разрушен местными жителями, которые использовали песок и щебень для строительных целей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 15. Л. 13). Исследования прорезали сохранившуюся часть насыпи траншеей, в центре обнаружили углубление в материк, обложенное камнями; многие из них «были покрыты окисью железа и меди, но металлических вещей никаких найдено не было» (Там же. Л. 17 об.).

Курган «Синеус» обладал такими же значительными размерами — более 200 м в окружности и 8,5 м высотой. Насыпь кургана исследовалась разрезом с севера на юг длиною в 17 саженей, шириною в 4 сажени (ок. 36 м и 6,5 м). В архивных материалах сохранился карандашный рисунок разреза. Несмотря на схематичность изображения, по нему можно реконструировать строение насыпи и предположить наличие кольцевого валика — важного конструктивного элемента в ее основании. Исследователи отметили эту особенность, но интерпретировали ее как «два небольших курганчика», насыпанных до образования кургана. К сожалению, из-за появления грунтовых вод и угрозы обвалов работы по изучению кургана пришлось прервать, и они так и остались незавершенными. Никаких находок сделано не было. Культурная принадлежность памятника остается невыясненной.

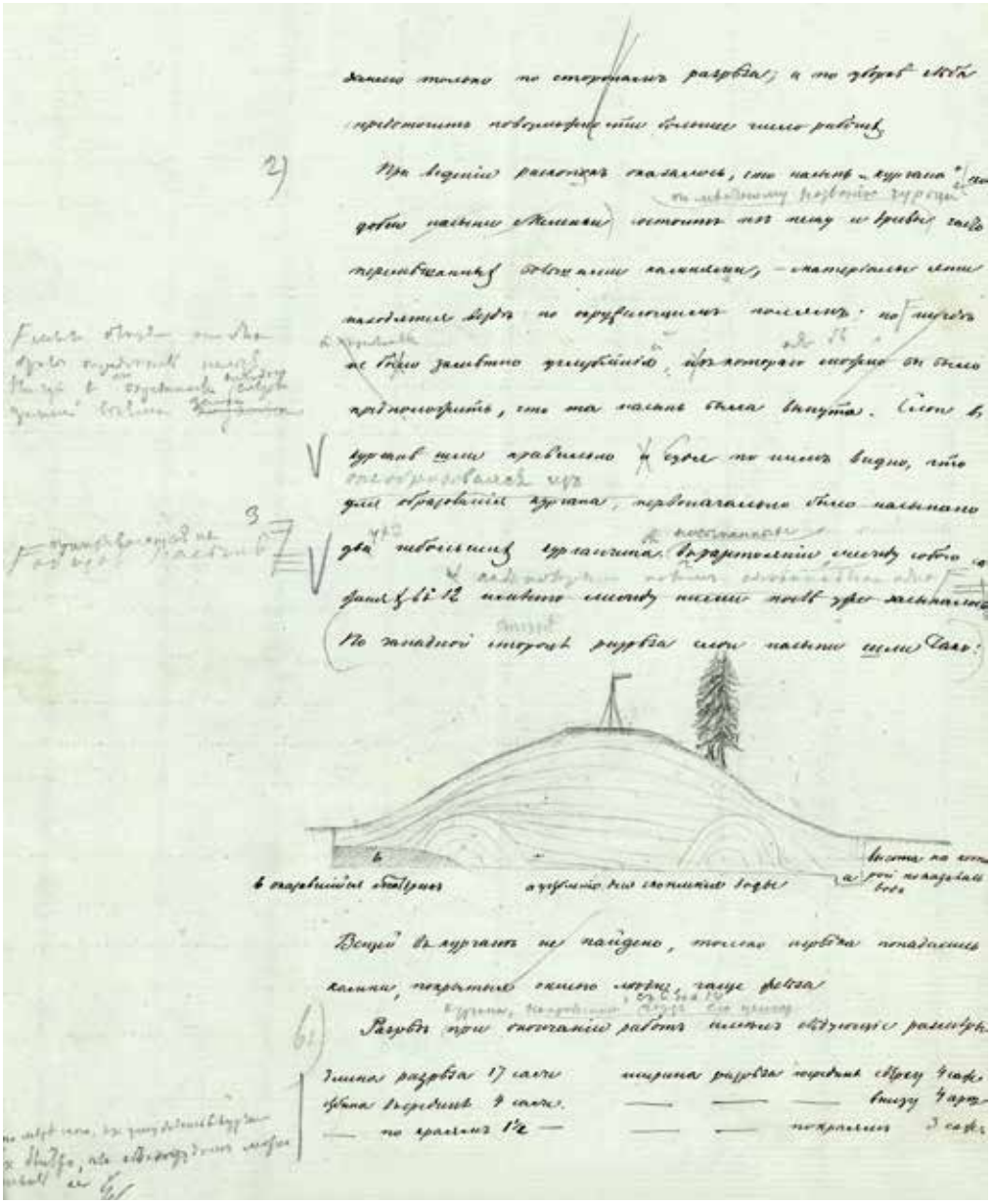
Отчет о раскопках курганов в 1860 г. на территории Старого города в Археологическую комиссию представил Ю. Б. Иверсен. Насыпи также исследовались траншеями. В них было обнаружено несколько погребений, в основании одного из которых прослеживался культурный слой с кухонными остатками и камнями от печей (ср.: Макаров, Захаров, Бужилова 2001: 25).



Курганы у д. Росляково в окрестностях Белозерска. Общий вид (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 15. Л. 7)

Работы 1860 г. Я.М. Лазаревского и Ю.Б. Иверсена положили начало археологическому обследованию Белозерья и наметили основные направления полевых исследований в этом регионе, продолжающихся по сей день. Вместе с тем они стали первым примером археологического изучения памятников Северо-Западного региона России, выполненного по заданию и на средства ИАК.

Следующим таким примером можно считать поездку для «разыскания» древностей в Олонецкую, Вологодскую и Вятскую губернии, предпринятую в 1865 г. П.И. Лерхом (ОИАК за 1865 г. 1866: XII–XIII). Несмотря на то, что целью экспедиции был прежде всего поиск первобытных древностей, стоит принять во внимание синкретичность понятия «первобытная археология» в эту эпоху. В ряде случаев сделанные экспедицией наблюдения касались оценки местной исторической культуры в целом. Справедливо считая П.И. Лерха преимущественно «первобытником», нельзя забывать о серьезном вкладе его в славяно-русскую археологию на заре ее становления в России. Таким вкладом стали высокопрофессиональные рецензии на книги В. Макушева «Сказания иностранцев о быте и нравах славян» (Лерх 1863: 267–270) и А.А. Котляревского «О погребальных обычаях языческих славян» (Лерх 1868a: 613–625), а также на публикации А. А. Гатцука и А.П. Богданова о подмосковных курганах (Лерх 1868b: 25–28; 1868c: 28–29). Кроме того, П.И. Лерху принадлежат первое определение, описание и публикация восточных монет, найденных близ Старой Ладоги (Тизенгаузен, Веселовский 1884: 57–66).



Разрез кургана «Синеус» в окрестностях Белозерска (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 15. Л. 27)

Иначе складывались отношения Комиссии с местными краеведами и авантюристами, вдохновленными поисками славянских древностей. В отдельных случаях ИАК просто отклоняла поступавшие запросы, особенно когда они сопровождались просьбами о «пособии». Это происходило несмотря на то, что некоторые из подобных «прожектов» явно увязывались их авторами с предстоящим празднованием юбилея русской государственности и имели

чиновных покровителей. В 1861 г. в Новгород прибыл «служащий в ведомстве Святейшего Синода» коллежский советник Юрий Львов с предложением подготовить к открытию памятника «Тысячелетие России» выставку древностей, обнаруженных в процессе его «изысканий», начатых еще в 1854 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1862 г. Д. 1. Л. 2). Приняв во внимание, что новгородские древности, уже открытые Ю. Львовым, могут быть интересны для науки, новгородский губернатор В. И. Филиппович предложил Новгородскому городскому обществу оказать тому пособие, на что было выделено 200 руб. Однако, найдя такое пожертвование недостаточным, губернатор обратился в столицу за дополнительными средствами (Там же. Л. 2 — 2 об.).

В данном случае обращают на себя внимание сведения о том, что Ю. Львовым ранее производились в Новгороде какие-то раскопки, заинтересовавшие и городскую администрацию, и местное общество, которое горячо их поддержало и выделило солидную по тем временам сумму. Стоит отметить, что никакой докладной записки, свидетельствующей о серьезности намерений советника и степени его подготовленности в области отечественной истории, к делу приложено не было. Самого же Ю. Львова Комиссии пришлось разыскивать через адресный стол.

Сохранилась копия рапорта С. Г. Строганова министру императорского двора, составленного после упомянутой встречи. В нем полностью отрицалась какая-либо научная ценность «изысканий» Ю. Львова. «Переговорив лично с г. Львовым относительно плана и системы его предприятия, — писал С. Г. Строганов, — имею честь уведомить... что, по моему мнению, предположения его не заслуживают ни внимания, ни поддержки со стороны правительства, так как они лишены всякого научного и археологического интереса» (Там же. Л. 4 об.). Безусловно, речь тут шла не об оценке культурного слоя Новгорода как памятника археологии, а исключительно о способности «искателя пособия» к археологической деятельности. Описанная история примечательна тем, что она является одним из первых упоминаний об археологических «разысканиях» в Новгороде, сохранившихся в материалах ИАК.

Подобная история произошла и со Старорязанским городищем, в исследование которого ИАК включилась гораздо позже. 4 марта 1860 г. Осип Максимович Бодянский (1808–1877), председатель Императорского общества истории и древностей российских, предложил Археологической комиссии организовать на городище Старая Рязань раскопки «кургана с великокняжеским дворцом». Частично это мероприятие предполагалось осуществить на средства соревнователя общества И. Ф. Диттеля. Не отрицая в целом такой возможности, граф С. Г. Строганов лишь спрашивал у О. М. Бодянского, может ли кто-нибудь из членов общества возглавить это начинание «самым рациональным образом» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 8. Л. 1–3).

На заседании общества 3 декабря 1860 г. выяснилось, что желающих нет. Однако 7 апреля 1861 г. инспектор Рязанской гимназии П. Кудряшов, узнавший из отчета ОИДР об отсутствии желающих возглавить раскопки, предложил Археологической комиссии свою кандидатуру. Интересно, что С. Г. Строганов, изначально вроде бы сочувствовавший проекту, 21 апреля того же года отвечает П. Кудряшову, что по разным причинам Комиссия

не может воспользоваться его предложением. Причины такой позиции открываются дальше. «Из прилагаемого Положения вы увидите, — пишет граф, — в чем заключается назначение [Археологической комиссии]». Похоже, в данном случае председатель ИАК подразумевал, что организация раскопок средневековых городищ не входит в круг ее ведения.

В деле раскопок Константина Никитича Тихонравова (1822–1879), редактора газеты «Владимирские губернские ведомости» и секретаря Владимирского губернского статистического комитета, инициатива исследования славяно-русских древностей Владимирской губернии вновь принадлежала частному лицу. Однако на сей раз Комиссия не только не препятствовала работам, но даже опубликовала их результаты в своем «Отчете» (ОИАК за 1863 г. 1864: XVI–XVII; РО. Ф. 1. Оп. 1-1863 г. Д. 3. Л. 1–4). К.Н. Тихонравов в 1851–1852 гг. уже участвовал в раскопках А.С. Уварова и П.С. Савельева в Суздальском Ополье и даже прослыл там «владимирским Нестором Летописцем». Привлечение его к работам, проводимым под эгидой Комиссии, хорошо вписывается в контакты ИАК с губернскими статистическими комитетами, с которыми С.Г. Строганов с 1862 г. осуществлял политику сотрудничества.

Экспедиция была предпринята на средства, пожертвованные директором Московской школы технического рисования мануфактур-советником Я.П. Гарелиным, обратившимся со своей докладной запиской непосредственно к С.Г. Строганову. Предметы, добытые при раскопках, планировалось передать в распоряжение Московского промышленного музея, открываемого при школе. Граф ответил на обращение теплым письмом, из которого становится ясно, что директора он хорошо знал лично. Последнее не может удивлять: именно С.Г. Строганов в 1825 г. основал это учебное заведение (будущую «Строгановку»), вплоть до 1843 г. содержал его за собственный счет, а в дальнейшем не переставал курировать свое детище. Всякий проект, направленный на дальнейшее развитие этого учреждения, был ему близок и дорог.

Достаточно скоро К.Н. Тихонравов, назначенный «наблюдающим за раскопками», получил письмо от В.Г. Тизенгаузена, сообщавшего, что «граф С.Г. Строганов вполне одобряет прекрасную мысль г. Гарелина». Затем последовали официальные обращения ИАК во Владимирскую палату государственных имуществ, Владимирскую удельную контору и к владимирскому губернскому предводителю дворянства с просьбой оказать содействие намеченным работам (РО. Ф. 1. Оп. 1-1863 г. Д. 3. Л. 2, 7–9).

Достаточно интересный документ представляет собой инструкция К.Н. Тихонравову, написанная лично С.Г. Строгановым. Стоит привести ее текст подробно, чтобы составить представление об уровне требований к полевым отчетам по археологическому изучению средневековых древностей, который ИАК пыталась провести в жизнь в указанный период:

«1. До начала раскопок составить план местности с обозначением расположенных на ней курганов.

2. Обо всем ходе работ вести поденный журнал с возможной подробностью. В этом журнале должно заключаться описание наружного вида и величины разрываемого кургана, свойства его насыпи, обозначение,

в каких слоях какие попадались вещи. Наконец, при открытии в нем гробницы, устройство и размеры ее, положение в ней погребенного и расположение вещей около остова или на самом покойнике.

3. Для более наглядного объяснения <...> прилагать к ним (описаниям. — *Авт.*) точные планы.

4. Принять в соображение, что в могильной насыпи могут быть открыты вещи: а) древнее самого кургана, попавшие в него в то время, когда он насыпался, находясь случайно в земле, которая употреблена была для насыпи; в) вещи, засыпанные при сооружении кургана, вследствие народных обычаев, как, например, при совершении на нем жертвоприношений или при отправлении годовщины; с) вещи, попавшие в него впоследствии случайно, например, простые клады или позднейшие могилы.

5. Иметь также в виду, что гробница может заключаться не в насыпи кургана, а под ней, в глубине материка, и потому не оставлять последнего без расследования.

6. Каждая найденная вещь должна быть снабжена особым номером, по которому бы можно было ее отыскать в журнале.

7. Для определения племени, к которому принадлежали погребенные, сохранять их черепа точно таким же порядком, как и самые вещи. Если бы в гробнице встретились кости животных, то необходимо сберегать существенные их части, по которым бы можно было определить породу этих животных.

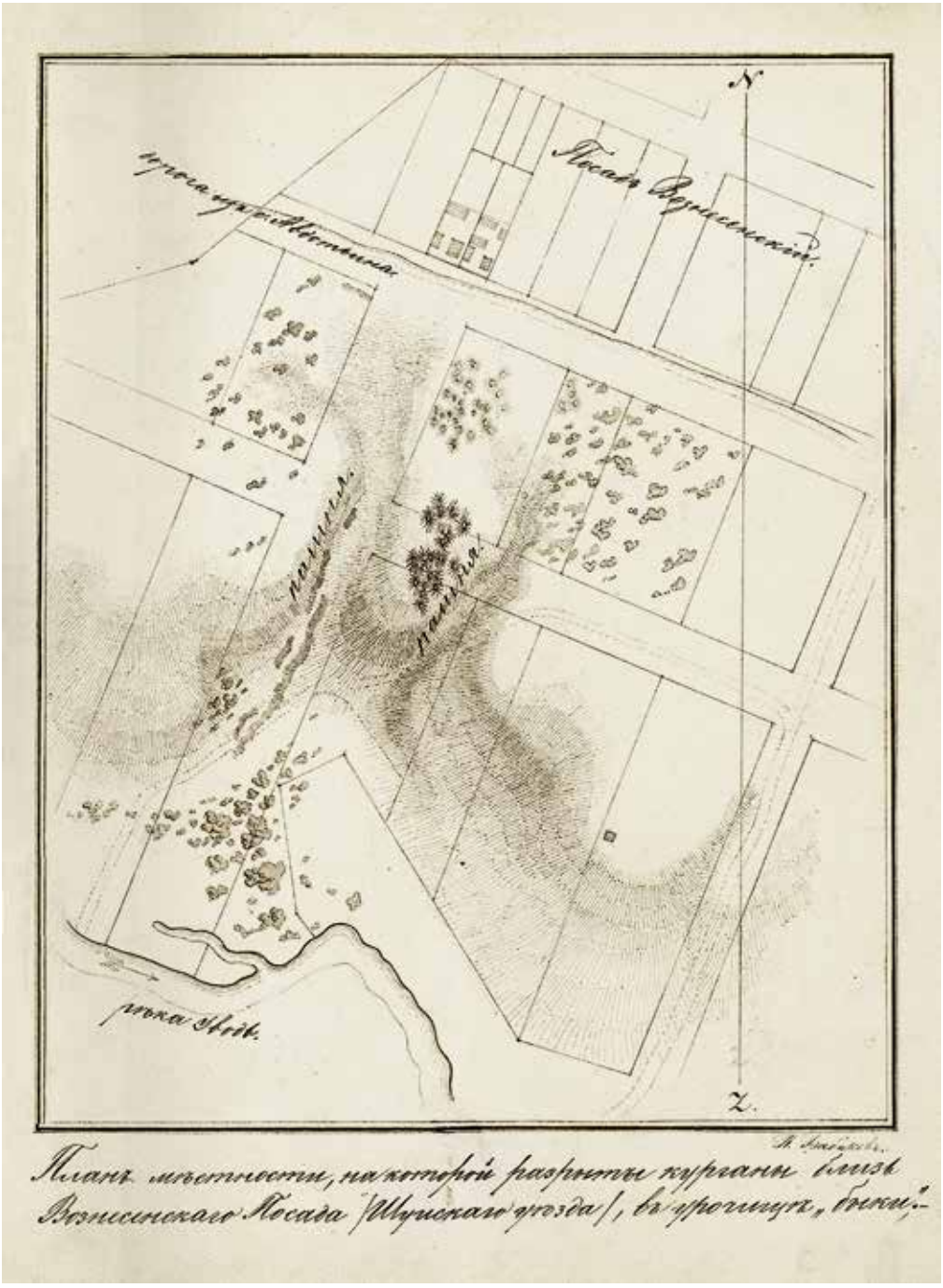
8. О ходе работ и открытиях сообщать мне, представляя и найденные вещи, по тщательной их упаковке, в рубленой соломе или сухих опилках.

9. Работы не оставлять без надзора, с тем, чтобы открываемые вещи не подвергались расхищению <...>» (Там же. Л. 10, 11, 11 об.).

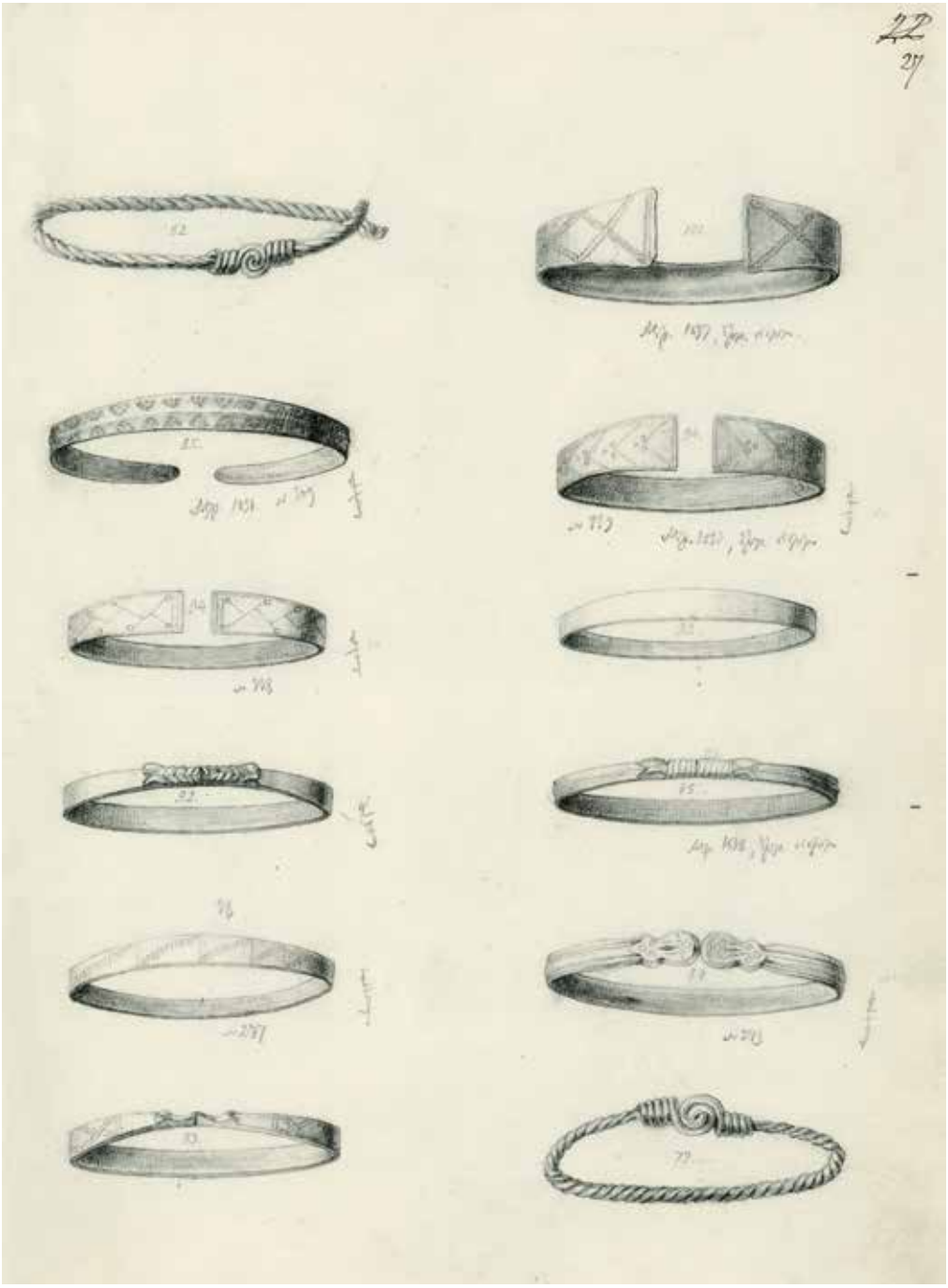
Данная инструкция составлена в том же духе, что и современные ей документы, содержавшие требования к исследованию скифских курганов. Очевидно, в ИАК понимали принципиальное единство памятников различных эпох как археологического источника, хотя и принимали во внимание хронологическую и территориальную специфику.

В отчете, представленном К.Н. Тихонравовым, указывалось, что «за 24 июня — 30 июля срыто 164 кургана» близ Вознесенского посада Шуйского уезда. К тексту были приложены неплохой топографический план, журнал раскопок и опись 70 предметов, в основном браслетов, височных колец, пряжек, характерных для древнерусских курганов XII–XIII вв. По сообщению К.Н. Тихонравова, «так как курганы эти находились на распаханном поле под картофель, то первоначально определить положение остовов не было никакой возможности, потому что все кости были перемешаны плугом и вещи находимы уже в беспорядке. Только впоследствии 2 остова найдены нетронуты...» (Там же. Л. 24). Эти два погребения и стали единственными, для которых автор раскопок дал описание — хотя далеко не такое подробное, как следовало по инструкции. Таким образом, указания С.Г. Строганова на необходимость подробной фиксации погребений, по большей части, пропали втуне.

Разумеется, можно отнести такую ситуацию всецело на счет неопытности или недобросовестности раскопщика. Однако в пореформенное время



План местности раскопок К.Н. Тихонравова во Владимирской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1863 г. Д. 3. Л. 17)



Браслеты из раскопок К.Н. Тихонравова во Владимирской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1863 г. Д. 3. Л. 27)

масштабы освоения крестьянами новых площадей под пашни и, соответственно, распахивания древнерусских могильников действительно резко возросли. О темпах же разрушения позволяет судить пример, относящийся к несколько более позднему периоду — 1909 г. В этом году Д.Я. Самоквасовым были произведены масштабные раскопки недавно открытого Гочевского археологического комплекса в Курской губернии (Обоянский уезд): «Раскопки неожиданно продлились из-за спора, завязавшегося между археологами перед намеченным было отъездом: "В какой срок должен уничтожиться распашкой курганник (курганный могильник. — *Авт.*), даже такой исключительной величины, как Гочевский?". Оказалось, что на месте самих раскопок еще лет пять назад рос лес, сведенный крестьянами для увеличения пашни. Приняли в расчет, что на данном участке уже не осталось ни одного не потревоженного плугом погребения. На соседних же участках, пахавшихся более 10 лет, не сохранилось даже внешних следов курганов. <...> Тогда Д.Я. Самоквасов заявил, что он не может допустить потери для науки тех вещей, которые заключены в начатых распашкой курганах, и в таком случае должен, по возможности, все такие насыпи вскрыть» (Дневник раскопок 1915: V). Раскопки продолжались, однако целых погребений на пашне попадалось мало; «археологи подбирали остатки раздраконенных пахарями комплексов. Этим объясняется сравнительно большое число обследованных экспедицией в то лето могил <...>» (Щавелев 2002: 179). Позднее В.Н. Глазов, член-сотрудник РАО, при участии ИАК продолжил археологическое исследование в районе д. Гочево, причем эти работы также носили спасательный характер: курганы раскапывались на распахиваемой крестьянами земле. В Комиссию были представлены отчет и опись вещей, причем иллюстративный ряд зачастую заменялся отсылкой к позициям таблиц «атласа Глазова», составленного ранее А.А. Спицыным (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 123. Л. 9–30, 31–35).

Вполне возможно, что в 1863 г. близ Вознесенского посада К.Н. Тихонравовым тоже исследовался именно такой, обреченный на скорое и полное уничтожение могильник. В подобной ситуации даже его несовершенные раскопки можно считать ценным вкладом в науку — тем более что отчет сопровождался довольно профессиональными рисунками значительного количества находок. Выполнены они были, по-видимому, учащимися Московской школы технического рисования, куда и поступила коллекция.

Помимо курганов в Шуйском уезде К.Н. Тихонравов раскопал Федоровский холм в с. Красное на р. Риень, близ Владимира. Исследования обнаружили каменные стены и деревянные кельи, а также посуду бывшего здесь монастыря. Эти раскопки показательны в плане отношения общества к средневековым древностям и памятникам христианской старины. По признанию автора, основная цель исследования — поиск следов «языческой эпохи» — так и не была достигнута. Примечательно, что в 1908 г. Владимирская ученая архивная комиссия вернулась к изучению местности вокруг Федоровского монастыря (ОИАК за 1908 г. 1912: 188).

Можно привести несколько примеров любительских раскопок средневековых памятников, так или иначе поддержанных ИАК. В 1867 г. коломенский мировой судья А.П. Кикин обратился в МВД с просьбой о даровании ему

разрешения «разрывать» курганы в Коломенском уезде Московской губернии, с тем, чтобы найденные «вещи» были переданы в «Московский этнографический музей» (sic!). Министерство переправило это прошение в ИАК, присовокупив, что разрытие курганов предполагается с «целью кладоискательства», хотя из письма самого А.П. Кикина это никак не следовало. Последний явно предполагал исследования с «научными целями». Комиссия ответила просителю через департамент общих дел МВД, что с ее стороны не встречается препятствий к исследованиям «за свой счет». Однако при этом были выдвинуты требования ведения «подробного журнала своим раскопкам», которые в противном случае «не будут иметь научного значения», и присылки древностей в Комиссию для последующей передачи в музей по ее усмотрению (РО. Ф. 1. Оп. 1-1867 г. Д. 32. Л. 3).

В феврале 1869 г. помещик П.А. Шишкин прислал запрос в Археологическую комиссию о разрешении раскопать курганные насыпи в Великолуцком уезде Псковской губернии. Последние располагались на земле государственных крестьян, ему не принадлежавшей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1869 г. Д. 5). Помещик просил Комиссию выдать письменное разрешение, чтобы беспрепятственно со стороны местной власти «разрыть» курганы. В случае обнаружения древностей в ходе работ он обещал представить их на рассмотрение специалистов ИАК. Разрешение было получено, и для обеспечения правильности и тщательности работ Комиссия снабдила П.А. Шишкина инструкцией, которой он должен был придерживаться. «Свидетельство», выданное ему, выглядело следующим образом: «Дано сие г. Опочецкому помещику Петру Андреевичу Шишкину в том, что Императорская археологическая комиссия на основании Высочайше утвержденного 2 февраля 1859 года Устава ее разрешает ему производство под личным наблюдением и на его собственный счет раскопку курганов на казенной земле Вязовской волости Великолуцкого уезда в течение летнего времени 1869 года» (Там же. Л. 2 об.).

В 1869 г. П.А. Шишкин приступил к раскопкам одной из насыпей у д. Грихново, но раскопать до конца ее не успел, в связи с чем в 1870 г. он сделал очередной запрос в Комиссию на продолжение работ. «По громадной величине кургана я не успел раскопать и до половины одного кургана, который имеет пространство в диаметре около десяти саженей и в горизонтальной поверхности шесть саженей (более 21 м и около 13 м соответственно. — *Авт.*); наружная поверхность этого кургана выложена диким камнем в два ряда, вероятно для того, чтобы не осыпалась земля, которая состоит из мелкого кварцу и мелких камней. В раскопанной части, поверхностной, кургана ничего замечательного не найдено, но, по расспросам моим, старики местного селения говорят, что в одном из четырех курганов почти равной величины и расположенных правильным квадратом в недальнем расстоянии один против другого скрыто литовское оружие» (Там же. Л. 3, 3 об.). Приведенным отрывком, к сожалению, и ограничивается описание раскопанного памятника и самих работ. Разрешение на продолжение раскопок в 1870 г. помещику П.А. Шишкину было дано, но более никаких сведений от него в Комиссию не поступило.

В 1888 г. ИАК посылала запрос исправнику Великолуцкого уезда в попытке узнать какие-либо сведения о раскопках помещика П.А. Шишкина,

но ответ исправника мало прояснил ситуацию. «Имею честь уведомить Археологическую комиссию, что действительно лет 17 или 18 тому назад Опочецкий помещик Петр Андреев Шишкин приезжал в Вязовскую волость и, прожив дней 5 в дер. Грихново у крестьянина Алексея Захарова, прокопал за это время вдоль один курган между деревнями Грихново и Девичьей, и, как заявили крестьяне этих двух деревень, положительно ничего не нашел. Более же раскопок он нигде не производил» (Там же. Л. 6, 6 об.).

Столь же печален был и полевой опыт местного краеведа «купеческого сына» Сергея Бочарникова (Бочарников 1885), который запросил разрешение на раскопки курганов и городищ в Зарайске и окрестностях. В июне 1871 г. он получил от ИАК Открытый лист и в качестве руководства — «Записку для обозрения древностей русских» И.П. Сахарова. Однако проект так и не осуществился, а сам С.И. Бочарников вскоре скончался. В сентябре 1888 г., как и в случае с П.А. Шишкиным, ИАК отправила запрос местному исправнику и получила обратно свой Открытый лист, возвращенный наследниками (РО. Ф. 1. Оп. 1-1871 г. Д. 15. Л. 3, 6). Оба случая весьма показательны для истории складывания практики регламентации полевых исследований, предполагающей возвращение выданного разрешения на раскопки, вне зависимости от того, проводились сами исследования или нет.

В архиве Комиссии сохранились сведения и о раскопках писателем и археологом-любителем Алексеем Алексеевичем Гатцуком (1832–1891) курганов у д. Потапово в Подольском уезде Московской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1863 г. Д. 21). Инициатор исследований представлял собой просвещенного дилетанта, к 1860-м гг. вышедшего в отставку, обосновавшегося в Москве и на досуге увлекшегося археологией. В раскопанных древнерусских курганах А.А. Гатцук обнаружил бронзовые украшения и на этом основании приписал их бронзовому веку. В дальнейшем он вошел в окружение А.С. Уварова и в 1864 г. участвовал в основании Московского археологического общества.

Необходимо отметить, что с самого начала деятельности ИАК в ее архив начали поступать материалы, связанные с изучением памятников украинских земель. В 1863 г. А.И. Дыминский отправил в Комиссию план и описание городища Мациорское Улицкого уезда Подольской губернии близ г. Вербовец и, ссылаясь на официальные издания, просил прислать инструкции по производству раскопок. 4 декабря он получил из ИАК резонный ответ, что «книги эти рекомендуются в руководство при разрытии курганов, но о высылке их тем, которые желают производить раскопки, нигде не говорится ни слова» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1863 г. Д. 16. Л. 1–3, 5, 7). В 1867 г. из департамента уделов в ИАК поступили «древние вещи и монеты», присланные из Киевской губернии еще Л.А. Перовскому. Эти предметы представляли собой коллекцию, полученную в результате раскопок семи древнерусских курганов и состоящую в основном из керамики, наконечников копий и нескольких колец. С.Г. Строганов в ответном письме указал, что ценность этих вещей тем больше, что в «делах» Л.А. Перовского есть сведения о месте и обстоятельствах их открытия. Впрочем, о дальнейшей судьбе коллекции из дела ничего не известно (РО. Ф. 1. Оп. 1-1867 г. Д. 19. Л. 2 — 2 об., 3).

Информация о различных древностях Русского Севера, оседавшая в Комиссии, была преимущественно связана с проверкой газетных сообщений. Так, в апреле 1868 г. в Кокшенгской волости Тотемского уезда Вологодской губернии были найдены «чудские древности», переданные затем в Вологодскую семинарию. ИАК попросила епископа Палладия (Раева) о присылке этих древностей, который выслал не только сами предметы, но и выполненные на месте рисунки, а также сообщил об обстоятельствах этой находки, сделанной священником Спасской церкви Николаем Ржаницыным в осыпи речного берега. Древности, в число которых входили подковообразные фибулы, шейные гривны и коньковые подвески с лапками, в 1871 г. были отправлены обратно в Вологду (РО. Ф. 1. Оп. 1-1871 г. Д. 12. Л. 1, 3–6).

Комиссия проверяла сообщения и о позднесредневековых древностях. Так, в Тверской губернский статистический комитет попала информация о каменных гробах в Твери, найденных еще в 1865 г. на землях «пароходского общества “Самолет”», близ устья р. Тьмаки у Федоровского монастыря. ИАК просила комитет содействовать передаче древностей в музей, а также сообщить о внешнем и внутреннем виде обнаруженных саркофагов. В Комиссию была доставлена записка Федора Николаевича Глинки (1786–1880) с планом местности, описанием и рисунками гробов. К сожалению, рисунки в деле не сохранились. Однако из описания следует, что в гробах было «иссечено изголовье» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1872 г. Д. 33. Л. 3 — 13 об.).

Несмотря на определенный интерес к полевым археологическим работам в области изучения славяно-русских древностей I–II тыс. н. э., нельзя не упомянуть, что летом 1877 г. С. Г. Строганов отклонил предложение А. С. Уварова организовать совместную экспедицию в Киевскую, Черниговскую и Полтавскую губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1877 г. Д. 4, Л. 6 — 6 об., 7). Представляется, что этот факт нельзя объяснить только личными неприязненными отношениями (точнее, отсутствием всяких отношений) двух «отцов-основателей» российской археологии. Это было связано и с приоритетами исследовательской политики С. Г. Строганова.

«Восточное направление» в изучении древностей России было присуще деятельности ИАК изначально, чему в историографии редко уделяется должное внимание. В значительной степени оно было связано с научными интересами барона В. Г. Тизенгаузена. Стоит отметить, что еще в 1859 г. Комиссия командировала А. С. Линевича в Астраханскую область для осмотра Царевского городища и, возможно, для оценки перспектив его дальнейшего исследования как продолжения предприятия Л. А. Перовского (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 17; РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 16). В 1864 г. В. Г. Тизенгаузен получил самостоятельное задание произвести раскопки на городище Сарайчик близ Гурьева и собрать сведения о местных курганах. Отправившись в Поволжье вместе с прикомандированным сотрудником Комиссии И. П. Вольским, он посетил городища Булгары, Бабий бугор на самом берегу Волги и Увек в окрестностях г. Саратова. Наконец, добравшись до Сарая, путешественники осмотрели результаты раскопок 1843–1852 гг., проведенных по заданию Л. А. Перовского. В. Г. Тизенгаузен пришел к выводу, что курганы в окрестностях городища не раскопаны

до конца, а на самом городище надо возобновлять исследования (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 15. Л. 7).

3 апреля 1865 г., через год после инспекционной поездки В.Г. Тизенгаузена, в ИАК обратился член Русского географического общества Агафангел Петрович Архипов (1821–1875) с предложением заняться исследованием древностей Маджар и Сарая. Опираясь на Положение об ИАК, он предлагал свои «посильные услуги» для раскопок городищ и их топографической съемки, если на это будут выделены «достаточные средства». Сам А.П. Архипов рассчитывал стать членом-корреспондентом ИАК и в мае 1866 г. прислал в Санкт-Петербург свои «Очерки исследований о развалинах древнего города Маджара». В Комиссии даже рассматривался вопрос о «вознаграждении» автора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1865 г. Д. 16. Д. 6–22). Интересно, что, судя по всему, А.П. Архипову не были известны публикации Н.К. Тетеревникова и А.В. Терещенко с топографической съемкой указанных памятников в «Журнале Министерства государственных имуществ» за 1843 г. и в «Журнале Министерства внутренних дел» за 1847 г.

Царевское городище на левом берегу старого русла р. Ахтубы в Волгоградской области отождествляется рядом исследователей с городом Сарай-аль-Джедил или Гюлистан, существовавшим в 1340–1390-х гг. Городище стало одним из первых памятников, исследование которых началось в 1843 г. археологическими чиновниками графа Л.А. Перовского (см. главу I). Работы велись под руководством титулярного советника А.В. Терещенко. Оценка их современными исследователями достаточно противоречива и затрагивает в какой-то степени деятельность ИАК.

Современные авторы пишут, что широкая эрудиция позволила А.В. Терещенко «подойти к исследованиям памятника с научных позиций. Был снят новый план царевских развалин, который и до сего времени является одним из лучших; делалось описание раскапываемых объектов, которые отмечались на местности, составлялись их чертежи; подвергался предварительной обработке и определению нумизматический материал. Но после нескольких лет работы на городище А.В. Терещенко переориентировался исключительно на добычу ценных предметов, и раскопки приняли кладоискательский характер <...> Девятилетние труды царского чиновника дали богатейший научный материал... В то же время ни местные, ни центральные власти не сумели организовать должного хранения и обработку этого бесценного материала. Сдаваемые А.В. Терещенко царевской полиции предметы сваливались в огромные, смешанные в беспорядке кучи. Не лучше обстояло дело и с вещами, отправленными в МВД. Оттуда они поступили в Императорскую археологическую комиссию, где был устроен так называемый “научный разбор” царевских древностей. После него в Эрмитаж и в Оружейную палату поступили только наиболее ценные красивые предметы. Остальные вещи уничтожались. Впоследствии из архивов исчезли дневники, рисунки и чертежи А.В. Терещенко. В результате огромная работа во многом была обесценена для науки...» (Блохин, Яворская 2006: 76–77).

Приведенные здесь оценки носят явно пристрастный, эмоциональный характер, что доказывается материалами архива ИАК. Следует уточнить, что после смерти графа Л.А. Перовского материалы раскопок Царевского

городища и курганов Суздальского Ополья были переданы в ИАК в 1860 г. не из МВД, а из Кабинета его императорского величества. «Разбор» коллекций, предусматривавший отделение оригинальных вещей от массового материала, был совершен еще до поступления их в Комиссию. При этом сам С.Г. Строганов сумел оценить значимость, по крайней мере, царевских материалов, в отличие от коллекций владимирских курганов, которые, по его мнению, не имели никакого значения.

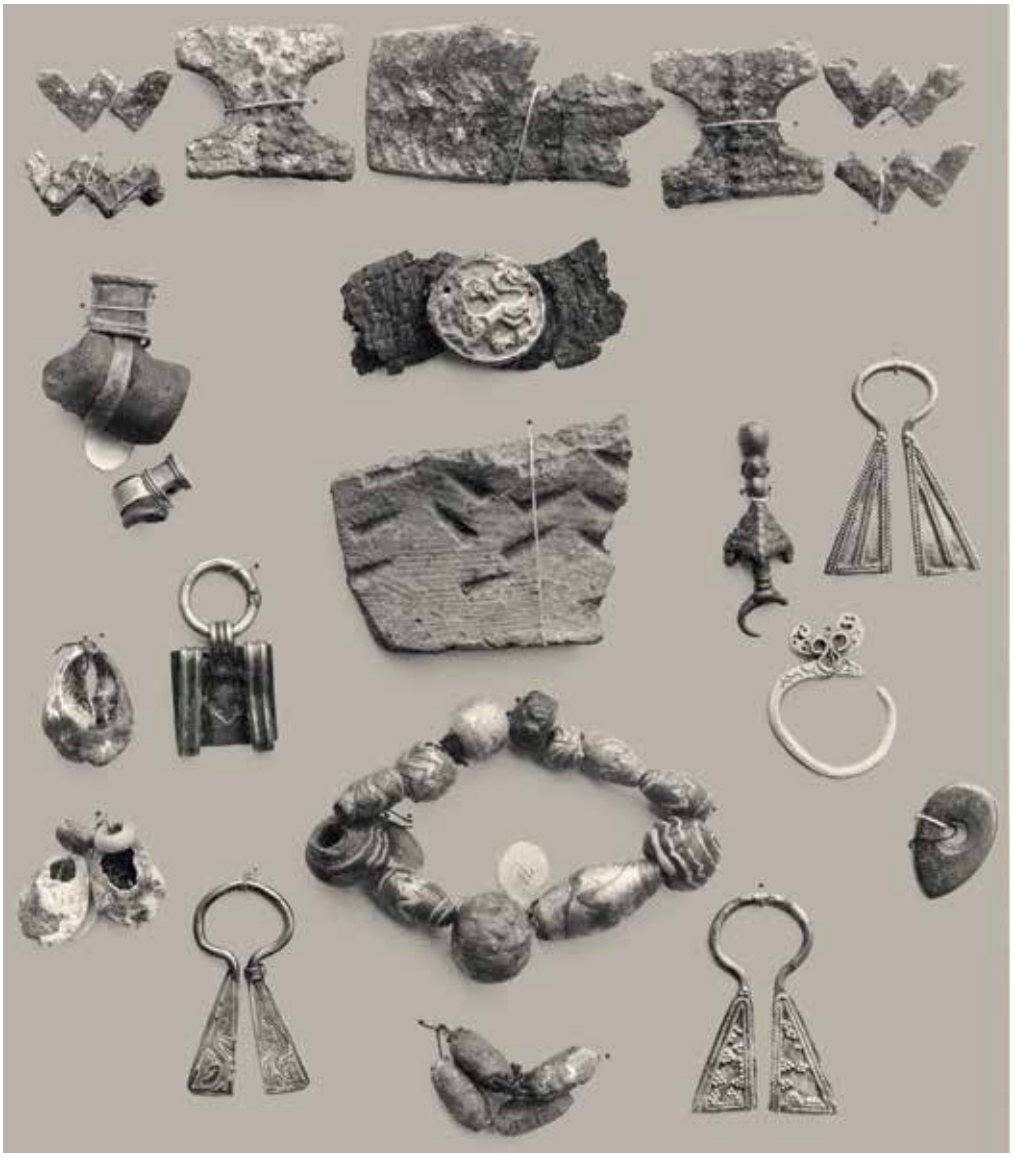
Забегая вперед, отметим, что 30 лет спустя А.А. Спицын оценил результаты «уваровских» раскопок древнерусских могильников Владимиро-Суздальского Ополья излишне критически, отнеся на счет их автора все многочисленные проблемы, возникшие уже потом, в ходе музейного хранения и транспортировок коллекций (Спицын 1905а). Тем не менее он сумел превратить эти материалы в археологический источник, предприняв в целях верификации результатов раскопок А.С. Уварова самостоятельное исследование Владимирских курганов (ОИАК за 1895 г. 1897: 33–34). Современные исследования В.А. Лапшина в значительной степени реабилитировали не только информативность результатов раскопок А.С. Уварова и П.С. Савельева, но и самих исследователей (Лапшин 1987: 147–148; 1991: 7–9; РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 31. Л. 2 — 5 об.). Поскольку коллекции были признаны «излишними» для ИАК, то разбор их и прием оказался поручен хранителю Этнографического музея Академии наук Л.Ф. Радлову. Таким образом, вопреки убеждению некоторых коллег, материалы эти вовсе не «уничтожались» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 31. Л. 11 об.). Стоит отметить и то, что еще в 1863 г. Комиссия параллельно нанимала помещения в Цареве для хранения части обнаруженных раскопками древностей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1864 г. Д. 2. Л. 8).

В дальнейшем археологическое исследование ордынских памятников осуществлялось преимущественно силами провинциальных ученых сообществ — Петровского общества исследователей Астраханского края (1872 г.) и Саратовской ученой архивной комиссии (1886 г.). Однако нельзя не отметить и роль ИАК в организации этих работ. Так, председатель Симбирской губернской ученой архивной комиссии В.Н. Поливанов в 1880–1890-е гг. исследовал курганный Муранский могильник золотоордынского времени у с. Муранки Симбирской губернии. Одна из наиболее интересных находок — женская коса, уложенная между деревянными полужелобками, обвитыми лубком. Все находки поступали в ИАК и после съемки передавались на хранение преимущественно в Исторический музей в Москве. Методика археологических исследований еще не требовала обязательной фотографической фиксации, и В.Н. Поливанов сделал снимки общих видов могильника только в 1891–1892 гг. (ОИАК за 1889 г. 1892: 89–90, 93; ОИАК за 1890 г. 1893: 114; ОИАК за 1891 г. 1893: 101–103; ОИАК за 1892 г. 1894: 51–52; ОИАК за 1893 г. 1895: 22, 25–26; ОИАК за 1898 г. 1901: 175; РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 83; ОИАК за 1900 г. 1902: 130; РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 71; РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 51; РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 51; РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 92; РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 71; РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 124). Точно так же материалы раскопок золотоордынского городища Увек в Саратовской губернии, произведенные «правителем дел» Саратовской ученой архивной

Муранский могильник. Раскопки В.Н. Поливанова, 1892 г. (ФО. Отп. О.693-33)

комиссии С.С. Краснодубровским, в 1891 г. поступили в ИАК. Среди материалов сохранились и видовые снимки, сделанные фотографом Д. Финогеевым (ОИАК за 1891 г. 1893: 99–100; РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 30; ФО. Отп. Q 400-1–3).

В некоторых случаях осмотр и изучение средневековых памятников Поволжья члены ИАК совершали самостоятельно, причем эти разведки могут быть поставлены в связь с предшествующими интересами Комиссии. В 1893 г. А.А. Спицын обследовал местность, именуемую «Жареный бугор», расположенную выше Астрахани в 5 км от с. Карантинного, издавна использовавшуюся местным населением для добычи кирпичей, среди которых встречались кости, различные металлические обломки и медные монеты. С целью выявления перспективности исследований он произвел здесь небольшие траншейные раскопки, давшие, по его мнению, отрицательные результаты. Однако в раскопе на правом склоне бугра были им обнаружены каменные склепы интересной конструкции — квадратные кирпичные сооружения со сводчатыми выступами по углам и широкими арочными отверстиями. Как пишет А.А. Спицын, сохранившаяся часть склепа производит впечатление нижней части каменной кибитки, доведенной до высоты в пояс. В склепе оказалось 4 костяка, лежавших головой на запад, лицом слегка на юг. На городище была собрана коллекция монет XIV в. и обычные для золотоордынских городов находки: обломки бронзовых зеркал, медных замочков в виде коньков, оловянные и стеклянные перстни, бусы сравнительно поздних типов, трехгранная бронзовая стрелка и др.



Находки из раскопок Муранского могильника. Раскопки В.Н. Поливанова, 1892 г. (ФО. Отп. О.693-37)

Кроме того, А.А. Спицын осмотрел бугры, называемые «Могильным» и «Стрелецким», причем на последнем обнаружились монеты XVIII в. Им также были разведаны остатки старого города в с. Селитренном (Старый Сарай) и Цареве. Дубовское городище — место города Бенджамена — было им признано весьма перспективным для раскопок. Изучением Увека в это время занимался Флегонт Васильевич Духовников (1844–1897) (ОИАК за 1893 г. 1895: 27–28; РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 107; РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 107а), поэтому А.А. Спицын ограничился внешним осмотром городища (ОИАК за 1893 г. 1895: 77–94).

Глиняный орнаментированный кувшин. Городище Сарай Берке близ Астрахани, XIII–XIV вв. (ФО. Отп. О.1956-45)

Бронзовый светильник. Городище Сарай Берке близ Астрахани, XIII–XIV вв. (ФО. Отп. О.1956-28)

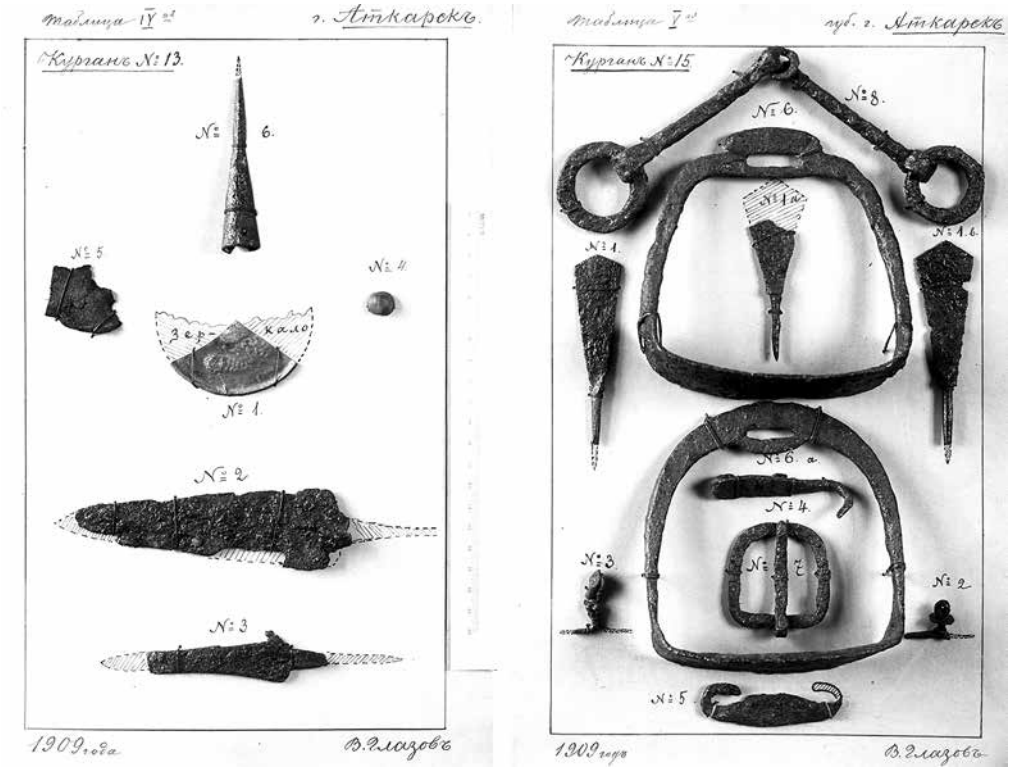
ИАК и впоследствии проявляла интерес к изучению этих памятников, что нашло отражение в ее публикациях, связанных, в частности, с работами на городище Увек членов Саратовской ученой архивной комиссии в 1909 г. и в 1914 г. При раскопках было вскрыто основание мавзолея, откуда происходили золотые и серебряные украшения с монетой 1320 г., остатки женского головного убора с жемчугом, шелковое покрывало пурпурного цвета с изображением медуз, фрагменты деревянных чашки и ложки, серебряный ковш с изображением грифонов и 6 тонких золотых круглых пластинок, положенных в рот погребенным. Кроме золотоордынских древностей на Увеке найдено множество каменных и медных предметов христианского культа XI–XIV вв. Тогда же во время разведок по правому берегу Волги в 50 км от г. Царицына члены Саратовской архивной комиссии вновь обследовали развалины древнего Бенджамена, разгромленного около 1400 г. во время нашествия Тимура. В заложенных траншеях было обнаружено множество кирпича периода Золотой Орды, цветные изразцы и фрагменты мозаики. Скорее всего, это остатки архитектурных сооружений XIII–XIV вв.

ИАК была связана и с исследованиями древнего Болгара. В 1892 г. Казанское общество археологии, истории и этнографии запросило у Комиссии Открытые листы профессорам А. А. Штукенбергу, И. А. Износкову и Н. А. Фирсову для раскопок в с. Болгары (Успенское) Спасского уезда Казанской губернии. ИАК не только выдала разрешение на исследования, но и выделила для этих целей 300 руб. Раскопки каменного строения на городище проводились Н. А. Фирсовым, И. Н. Смирновым и Ф. Г. Мищенко (ОИАК за 1892 г. 1894: 67–69; РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 47). На следующий год И. Н. Смирнов и А. И. Александров произвели раскопки «малого городка» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 47; РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 57). Случайные находки из Болгар поступали в ИАК

Вид северной башни после расчистки в с. Успенское (Болгары), Казанская губерния. Раскопки Н.А. Фирсова, Ф.Г. Мищенко, И.Н. Смирнова, 1892 г. Фото К.Т. Софонова (ФО. Отп. О.703-28)

и ранее. В 1891–1892 гг. Б.Н. Буличем были доставлены бронзовые восточный сосуд, покрытый сплошным орнаментом с изображениями всадников и звериным фризом по краю, и зеркало с изображениями рыб (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 112; ФО. Нег. II 13109–13119, III 2399, 2405, IV 280–281, отп. Q 480-9–16), в 1895 г. — зеркало с рельефным изображением и арабской надписью. Раскопки Болгар проводились и позднее (Крелленберг 1919: 89–95; Смолин 1919a: 113–116; 1919b: 67–73; Худяков 1919: 117–120). В 1914–1915 гг. для руководства работами в Болгарах по рекомендации ИАК был приглашен С.И. Покровский. В это время были исследованы развалины близ так называемого «малого минарета» и «четырехугольника» — постройки

Зеркало с рельефным изображением и арабской надписью из древнего Болгара. Поступило ИАК в 1895 г. Фото И.Ф. Чистякова (ФО. Нег. II 27394)



Погребальный инвентарь XIII в. из курганного могильника XIII в. близ г. Аткарска, Саратовская губерния. Раскопки В.Н. Глазова, 1909 г. (ФО. Нег. III 11926)

с богатыми архитектурными и декоративными деталями конца XIV–XV в., возникшей после завоевания Тимура, когда в Поволжье усилилось влияние среднеазиатской культуры.

ИАК принимала участие в организации и других исследований в Поволжье. В 1909 г. В.Н. Глазов произвел раскопки могильника близ г. Аткарска Саратовской губернии. За три дня было вскрыто 18 мужских и женских могил. В мужских могилах слева от погребенного лежали остатки конских шкур. В головах и ногах были уложены железные стремена, удила, пряжки, фрагменты колчанов с украшениями. В женских могилах было найдено много украшений, цветных бус и др. Могильник отнесен к началу XIII в. (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 190; РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 18; Медведева, Соболев 2014: 422).

Заметный прогресс в отношении ИАК к археологическому изучению славянских и средневековых древностей на территории Восточной Европы наметился с середины 1880-х гг. Непосредственными предпосылками этих изменений послужили: общее расширение деятельности Комиссии после прихода А.А. Бобринского на пост ее председателя, предоставление ИАК исключительного права на производство археологических раскопок и выдачу разрешений на них на территории России в 1889 г. и увеличение ассигнований на работы Комиссии. Однако настоящей причиной наметившихся сдвигов

стал всплеск интереса российского общества к своему прошлому, связанный в том числе и с новыми консервативными тенденциями политической жизни и «охранительной» политикой эпохи императора Александра III, провозглашенной манифестом 29 апреля 1881 г.

Становление русской национальной археологии к 1880-м гг. обернулось на практике расширением диапазона исследований, привлечением внимания к новым категориям памятников и контекстам их находок. Этот научный прорыв традиционно связывается с приходом в Комиссию ряда талантливых ученых, в первую очередь А.А. Спицына. Считается, что именно благодаря ему, ставшему членом ИАК в 1892 г., исследовательские интересы Комиссии переместились в сторону изучения славяно-русской археологии. С.А. Жебелев высоко оценил вклад ученого в развитие этого направления. В статье, посвященной памяти А.А. Спицына, он писал: «…до начала работы Александра Андреевича в Археологической комиссии русская археология там особым престижем не пользовалась, ее мало знали и мало ею интересовались. В этом легко убедиться, если пересмотреть издания Археологической Комиссии приблизительно до 1895 г. <…> И первой заслугой Александра Андреевича на археологическом поприще нужно признать бесспорно то, что с его появлением в Археологической комиссии русская археология стала занимать в ней надлежащее место…» (Жебелев 1948: 9).

Действительно, А.А. Спицын пытался показать, что «археология России — это не только звон античных монет и золото скифских курганов, но скромные по сравнению с ними древности городищ и могильников необъятных просторов Восточной Европы» (Носов, Гайдуков 2008: 30–33). Его роль в становлении славяно-русской археологии представляется очевидной и не подлежит сомнению. Особенно ярко это прослеживается при ретроспективном анализе его наследия с точки зрения подходов, возобладавших в отечественной археологии с 1930-х гг. Именно здесь, прежде всего в работах Б.А. Рыбакова и А.В. Арциховского, был продолжен отработанный А.А. Спицыным подход к изучению древнерусских летописных племен на основе выделения и картирования характерного набора женских украшений XI–XIII вв. (Арциховский 1930; Рыбаков 1932; 1947; 1950). Показательно, что в полемике с П.Н. Третьяковым именно Б.А. Рыбаков защищал взгляды А.А. Спицына — «в полном противоречии с распространенными сейчас рассуждениями о коренном различии петербургской и московской археологических школ» (Носов, Гайдуков 2008: 30–33; ср.: Третьяков 1937).

Реконструкция древних этнографических сообществ Восточной Европы по археологическим данным была реализована А.А. Спицыным уже в первой крупной работе (Спицын 1899b). Там еще нет «культуры» как обобщающего понятия археологии, но есть фактическое выделение культурных комплексов в рамках более широкой общности, которую А.А. Спицын назвал «общерусской». По сути дела, в его трудах речь шла о «древнерусской культуре», сложение которой исследователь относил к XI в., сразу же выделяя в ней ряд вариантов, которые он связал с летописными «племенами» (ср.: Платонова 2004: 144–145).

Было бы неверным полностью отождествлять роль А.А. Спицына в развитии средневековой археологии

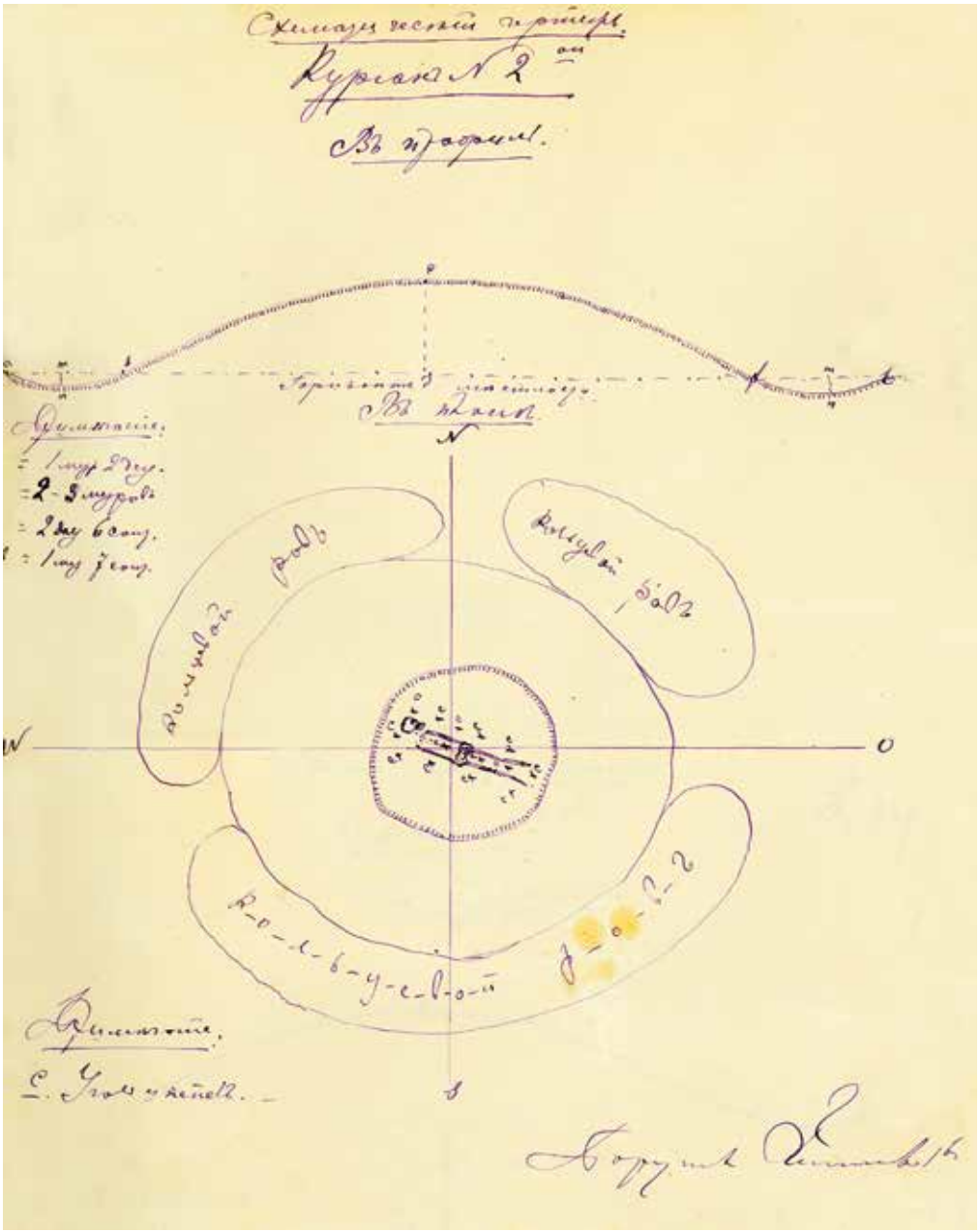
Восточной Европы в целом с его участием в становлении этой проблематики в деятельности ИАК. Представляется очевидным, что он как талантливый систематизатор использовал опыт Комиссии, сложившийся в результате попыток А.А. Бобринского придать систематический характер исследованию славянских территорий силами ученых, которых можно условно причислить к «киевской школе» археологии. Не исключено, впрочем, что подобные подходы просто витали в научной атмосфере конца 1880-х — начала 1890-х гг.

1886 год стал своеобразным поворотным моментом. Целый ряд новых перспективных инициатив, определивших дальнейшие направления деятельности ИАК, видимо, не случайно совпал с приходом в Комиссию нового председателя. В июне того года волынский генерал-губернатор сообщил в ИАК, что под г. Житомиром поручик третьей батареи 32-й артиллерийской бригады Гамченко 1-й «без всякого разрешения» раскопал три кургана, о чем донес житомирскому полицмейстеру, доказывая важность проведенных исследований этого кладбища «древляно-полян» X–XII вв. Губернатор переслал в Комиссию записку будущего видного археолога Украины Сергея Спиридоновича Гамченко (1860–1932), его чертежи и ящики с найденными предметами и просил разрешить ему продолжить работы под руководством В.Б. Антоновича.

Сам профессор В.Б. Антонович, ставший в 1891 г. сверхштатным членом Комиссии (о нем см. главу I), подчеркивал значимость местных курганов для изучения истории славянского этногенеза (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 66. Л. 1–2, 18–21). 5 июля Комиссия ответила, что с ее стороны препятствий не встречается. Из бюджета ИАК в 1887 г. на продолжение исследований и на покрытие предыдущих издержек было выделено 110 руб. (Там же. Л. 35). В результате в Комиссию поступил образцовый отчет о раскопках житомирских могильников с необходимыми планами, разрезами и краниологическими обмерами погребенных из 44 курганов (Там же. Л. 38–242).

Возможно, именно эта история привела к тому, что в декабре 1886 г., во время встречи А.А. Бобринского и В.Б. Антоновича в Киеве, последний согласился произвести археологические исследования в юго-западных губерниях «от имени Императорской археологической комиссии». 25 февраля 1887 г. А.А. Бобринской попросил В.Б. Антоновича сообщить ему план предполагаемых раскопок, способ публикации отчета — в официальных отчетах Комиссии или как-нибудь иначе (сам профессор предполагал издавать каждую из своих исследовательских поездок-экскурсий отдельным приложением к трудам ИАК), а также предварительную смету (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 13. Л. 1 — 1 об.).

Некоторое время пришлось потратить на устранение ряда недоразумений, связанных с ожиданием В.Б. Антоновичем официального приглашения из Петербурга и с неверными представлениями о целях исследования, которые он вынес из беседы с Н.П. Кондаковым (подробнее см. главу VI). В результате исследователь предложил трехлетний план работ в Киевском Полесье. Предполагалось провести ряд «археологических экскурсий» в междуречье Ирпеня, Днепра, Припяти и Случи, которые соединяли бы в себе интерес как к историческим, так и к доисторическим древностям (Там же. Л. 6 — 6 об.).



Разрез и план кургана близ г. Житомира. Раскопки С. С. Гамченко, 1885 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 66. Л. 13)

В основу маршрутов экскурсий были положены историко-этнографические сведения русской летописи. Предполагалось «во всех точно определенных старославянских землях постараться путем археологических раскопок курганов и исследования городищ установить племенной

тип похоронного обряда и возможные характеристические черты быта». Затем планировалось перейти к изучению территорий, доисторическая география которых была еще неясна или совсем неизвестна. Таким образом, В.Б. Антонович рассчитывал достичь следующих результатов: «определить этнографические типы славянских доисторических племен, определить границы их территорий, установить новые типы и указать места пребывания таких племен, о которых летопись ничего не говорит или дает лишь неясные намеки» (Там же).

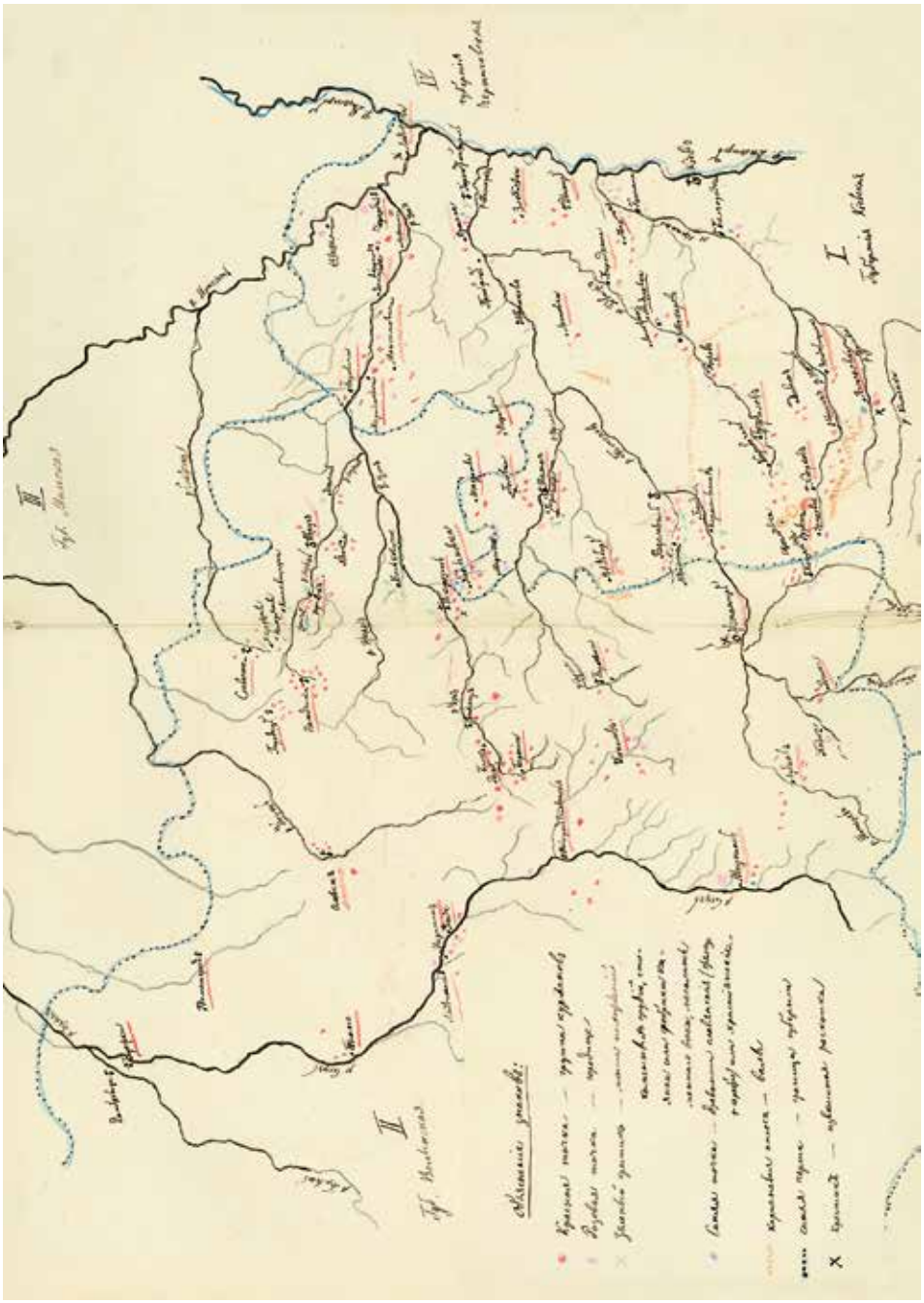
К земле полян он относил бассейны рек Стугны и Ирпеня. Древляне, по его мнению, проживали на Ирпене, Припяти и Случи. На Волыни обосновались дулебы, волыняне и бужане. Для исследования им было выделено несколько регионов: Побужье с Винницей, Подолия, разделенная на две части, включавшая Поднестровье с центром в Бакоте, а также еще четыре области на правобережье Днепра. Исследователь предполагал провести свои «археологические экскурсии» по следующим направлениям: а) от местечка Влодава к Владимиру-Волынскому в междуречье Западного Буга и Стыря; б) в долине Стыря и в нижнем течении Горыни, начиная от Луцка; в) по Нагорной Волыни в верхнем течении Горыни в районе Шумска, Кременца и Дубно.

20 апреля Комиссия одобрила в целом план В.Б. Антоновича, но отметила огромность территории, предназначенной для исследования (22 500 кв. верст, более 20 000 курганов).

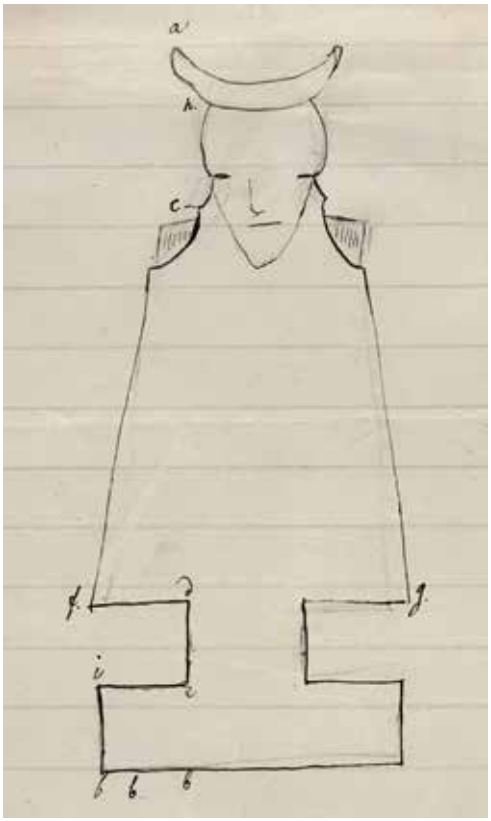
Выделяемых ИАК 1500 руб. хватило бы только на 100 курганов. Такой громоздкий план, по мнению А.А. Бобринского, затруднял добычу «прочных данных для точного определения погребальных обрядов и могильной обстановки» (Там же. Л. 23 — 24 об.). В результате было решено ограничиться исследованием курганов на р. Раставица у сел Буки и Ягнятин и городищ Трубск и Щиглиевка, а также курганных групп по течению р. Уши. Работа по организации экскурсий предполагала составление карты, топографических планов городищ и подготовку библиографии (Там же. Л. 12–16). Сам В.Б. Антонович отмечал, что этот регион практически не изучался. Таким образом, исследование было явно новаторским, особенно в плане методических подходов к изучению славянского расселения.

29 апреля 1887 г. ИАК выдала В.Б. Антоновичу Открытый лист на раскопки в Киевском, Бердичевском, Радомысльском, Сквирском уездах Киевской губернии, Житомирском, Овручском, Новоград-Волынском и Ровенском уездах Волынской губернии, а также Речицком, Мозырском и Пинском уездах Минской губернии. Вместе с листом в Киев была послана инструкция по камеральной обработке найденных вещей: к каждой из них должен быть прикреплен особый ярлык с номером, соответствующим номеру в полевой описи (Там же. Л. 20 — 20 об.).

В 1887–1888 гг. В.Б. Антоновичем были раскопаны курганные группы у поселений Буки (33 кургана), Ягнятин (16), Блыставицы (2), Грубск (61), Виленская слобода (11), Страдивка (37), Коростыево (10), Городск (12), Минино (6), Краганы (7), Котельни (5), Житомир (33), Искоростень (5), Головки (7), а также несколько «каменных гробниц» у с. Вышевичи. Каждые 20 дней он отправлял в Петербург краткий отчет об исследованиях. О них писала и российская пресса: так, «Московские ведомости» в № 255 от 14 сентября



Карта исследований В. Б. Антоновича в Киевской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 13. Л. 15 об. — 16)



Каменный истукан у с. Буки, Сквирский уезд, Киевская губерния. Сборы В.Б. Антоновича (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 13. Л. 41)

1888 г. в связи с раскопками В.Б. Антоновича сообщали о находке каменного «истукана» близ села Буки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 13. Л. 38). В присланном в Комиссию дневнике раскопок 1887–1888 гг. помимо описания раскопанных курганов приводятся «общие замечания» автора: курганы характеризовались конусообразной формой, насыпью из желтого песка, близким расположением друг к другу и погребениями на горизонте. Только в одном случае было зафиксировано погребение в подкурганной яме (Там же. Л. 54–205).

Одновременно Археологическая омиссия поручила В.Б. Антоновичу провести исследования на углу Вознесенского и Кияновского спусков в Киеве, где на усадьбе Чеботаревской были обнаружены остатки фундаментов и сама хозяйка была готова предоставить Комиссии право вести «раскопку» (Там же. Л. 2). Тогда же, после сообщения киевского губернатора от 6 мая 1887 г. о провале грунта в пещерах в с. Кальник Липовецкого уезда, ИАК поручила В.Б. Антоновичу произвести осмотр провала с целью определения «археологического интереса» открывшегося памятника, который был впоследствии определен исследователем как «казацкая крепость» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 2. Л. 45, 47–50).

Таким образом, именно на средства и по поручению ИАК В.Б. Антонович впервые провел масштабные раскопки, позволившие очертить ареал расселения древлян. Характерной чертой этих погребений он считал захоронение без коня (Антонович 1893a). В 1890-х гг. он продолжил изучение славянских древностей, связанных с курганами радимичей на территории Посожья, правда, уже без видимой организационной связи с деятельностью Комиссии (Антонович 1893a; 1893b; 1894). Но именно работы, предпринятые в конце 1880-х гг. под эгидой ИАК, позволили ему приступить к составлению археологической карты этих территорий (Антонович 1895; 1901b) и наметить новые перспективы исследований в регионе в 1897–1898 гг. (Антонович 1901a: 134–140).

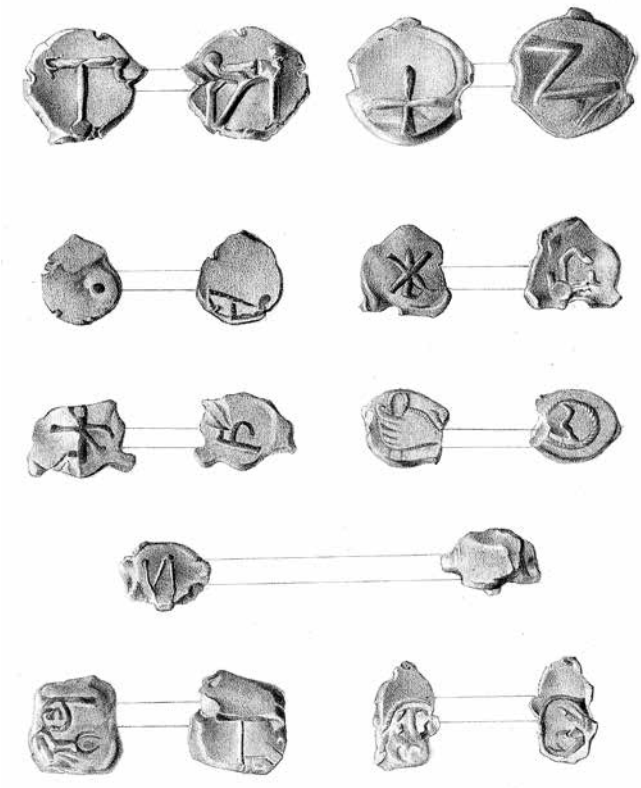
Инициатива Комиссии и исследования В.Б. Антоновича дали и иные результаты, важные для развития славянской археологии. В связи с началом, как тогда полагали, систематического исследования славянских древностей 1 мая 1887 г. ИАК отправила запрос в Центральный статистический комитет

МВД об археологических материалах, прежде всего курганах и городищах, собранных в 1873 г. в Минской губернии. Видимо, предполагалось, что эти материалы могут понадобиться В.Б. Антоновичу в процессе его работы — не случайно в его Открытом листе значились исследования в Минской губернии. В процессе переписки выяснилось, что в свое время весь материал был передан Д.Я. Самоквасову, который и инициировал массовое применение анкетирования местного населения с целью составления карты археологических памятников. В августе–октябре 1872 г. подобный опрос был проведен в Черниговской губернии. На следующий год Центральный статистический комитет МВД размножил составленные исследователем анкеты и разослал их по губерниям. Так был начат сбор сведений об археологических памятниках таких губерний, как Тульская, Тверская, Харьковская, Курская, Тамбовская, Волынская, области Войска Донского, Царства Польского и др. Полученные материалы отправлялись в Варшаву, к месту службы Д.Я. Самоквасова. Несмотря на то, что, в связи с отсутствием «критики источника» в материалах анкетирования, наряду с археологическими реалиями нашли отражение и фольклоризованные представления местного населения об окружающем ландшафте, полученная информация стала основной для новых исследований, в частности, связанных с применением картографического и географического метода в археологии.

30 мая 1887 г. делопроизводитель ИАК И.А. Суслов сделал на черновике письма от 1 мая 1887 г. пометку, что Д.Я. Самоквасов готов передать эту информацию в распоряжение ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 13. Л. 26, 27). 20 февраля 1888 г. Д.Я. Самоквасову из ИАК передали литографированный текст сведений по волостным правлениям Волынской губернии, с целью его проверки для последующей публикации под грифом самой Комиссии (Там же. Л. 42 — 42 об.; Самоквасов 1888; Щавелев 1992: 255–264; Археология 2007: 83–85).

Позднее это «картографическо-статистическое» направление исследований было продолжено А.А. Спицыным, последовательно составлявшим «обозрения некоторых губерний в археологическом отношении». Он неоднократно консультировался с Д.Я. Самоквасовым и, в частности, в своем письме к нему от 23 ноября 1895 г. упоминал собранные им библиографические материалы по 15 губерниям (Археология 2007: 340–341; Спицын 1896b: 177–186; 1899c: 289–302).

Почти одновременно с развитием сотрудничества ИАК с В.Б. Антоновичем в Комиссию обратился инспектор Белостокского учительского института Николай Петрович Авенариус (1834–1903) — через посредство своего брата, детского писателя и беллетриста Василия Петровича Авенариуса (1839–1919[?]) с предложением провести раскопки в районе летописного Дрогичина над Бугом (ср.: Алексеев 1996: 139–140). 28 октября 1886 г. он представил на рассмотрение Комиссии древние предметы, найденные под Дрогичином, где он провел свой первый «полевой сезон». В ответе от 17 января 1887 г. ИАК не только поблагодарила его, но и выдала инструкции для дальнейших раскопок. 20 августа в Комиссию Н.П. Авенариусом были отправлены новые находки, в том числе и знаменитые «дрогичинские пломбы» — торговые пломбы древнерусского времени, и отчет (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 55,



Вид Дрогичинского городища и пломбы, найденные Н. П. Авенариусом в Дрогичине (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 55. Л. 16, 33)

Л. 1 — 12 об., 5–6, 21–39). Похоже, находки Комиссией так и не были получены. В своем письме к Д. Я. Самоквасову от 11 ноября 1887 г. автор раскопок сообщает, что отчет в Петербург дошел, а вещи пропали. При этом он делится любопытной подробностью своей полевой методики: исследователь «просеивал» землю при раскопках могильника (Археология 2007: 51).

На следующий год Н. П. Авенариус обратился в ИАК уже с конкретной программой исследований, включавшей попытку интерпретации найденных материалов. Он относил дрогичинские древности к «славяно-русским племенам», полагая, что ятвяги жили дальше на север. Тем самым автор вступал в полемику с графом К. Тышкевичем, который считал Дрогичин столицей ятвягов (Тышкевич 1865–1867: 115–122). Для исследований 1888 г. Авенариус наметил ряд могильников по правому берегу р. Буг, на что ему было выделено 300 руб. Помимо отчета он прислал в ИАК карты местности, планы памятников и подъемный материал, собранный им на берегу реки, в том числе 21 нательный крест и образок (Авенариус 1890: табл. II). Подробного описания находок и рисунков к отчету приложено не было. Вещи из этих раскопок были переданы в 1891 г. в РИМ (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 13. Л. 3 — 3 об., 10 — 34 об., 38 — 38 об.; ср.: Авенариус 1892; 1893).

В 1889 г. Н. П. Авенариус на средства ИАК предпринимает раскопки в Минской губернии и разведку памятников оборонного зодчества. Он осматривает башню князя Владимира Васильковича в Каменце-Литовском, городище Самбор, замок Визна Ломжинского уезда и городище Буды Борисовского уезда Минской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 42. Л. 29, 31, 72, 73). 12 апреля 1890 г. он вновь рассчитывает на поддержку Комиссией его исследований в Гродненской и Ломжинской губерниях в надежде определить территорию расселения ятвягов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 38. Л. 1).

Запрашивая в дальнейшем Открытые листы, Н. П. Авенариус заметно снизил интенсивность своих исследований. Он так и не прислал в Комиссию отчета за 1890 г. (ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 38), а в 1892 г. не производил раскопок вовсе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 72). Впрочем, на первых порах это было связано с его непосредственной работой над составлением текста первого выпуска «Древностей Северо-Западного края», за что он получил от Комиссии 200 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 20. Л. 71; ср.: Авенариус 1890).

Задуманный ИАК издательский проект изначально предполагал более широкий охват материала. В 1889 г. Комиссия предложила Алексею Максимовичу Сементовскому (1823–1893), уже прославившемуся изучением и публикациями белорусской старожитности, опубликовать изучаемые им витебские древности в подобном сборнике (ср.: Сементовский 1867). Исследователь посчитал это неудобным, ссылаясь на большой объем материала. Однако он сообщил, что в будущем почтет за честь публиковать свои труды в изданиях ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 20. Л. 78; ср.: Алексеев 1996: 95–100).

Еще одним агентом Комиссии в северо-западных губерниях Российской империи был Эдуард Александрович Вольтер — филолог по образованию, специалист по прибалтийским языкам, приват-доцент Петербургского университета. Весной 1888 г. в связи с предстоящей поездкой Э. А. Вольтера

ВОЛЬТЕР Эдуард Александрович (6.03.1856 — 14.12.1941) — этнограф, лингвист, археолог, библиограф, приват-доцент Петербургского университета с 1886 г. Учился в Лейпцигском, Дерптском и Харьковском университетах. Получил степень магистра русской словесности за диссертацию «Разыскания по вопросу о грамматическом роде». Совершил ряд этнографических и археологических поездок в населенные латышами уезды для сбора этнографических материалов. Сотрудничал в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона. В 1888 г. по поручению ИАК собирал сведения о памятниках древности в губерниях Минской, Гродненской, Ковенской, Виленской. Вещи из его раскопок были представлены на выставке IX Археологического съезда в Вильно. В 1891 г. по поручению ИАК работал над библиографическим указателем археологической литературы.

Осн. соч.: Археологическое исследование о могильных древностях Северо-Западного края // Виленский вестник. 1889. Т. VII. С. 3; Материалы по этнографии латышского племени Витебской губернии. Т. 1. СПб., 1890.

Лит. о нем: *Тихонов И.Л.* Исследователь Прибалтики: этнограф, лингвист, археолог Э. А. Вольтер // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. статей памяти проф. И.В. Дубова. СПб., 2004. С. 160–163; Вольтер Эдуард Александрович // Каталог личных архивных фондов отечественных историков. М., 2012. Вып. 3. Ч. 1. С. 747–756.

(Фото: СПбФ АРАН. Р. X. Оп.1-В. Д. 82. Л. 1)

по поручению правительства в Минскую, Гродненскую, Ковенскую и Виленскую губернии А.А. Бобринской обратился к нему с предложением произвести сбор сведений для ИАК. Комиссию интересовали данные о памятниках местных древностей, а также о лицах, которые могли бы быть полезны ИАК в осуществлении ее научных целей.

За несколько месяцев Э.А. Вольтер проделал огромную работу, плоды которой нашли отражение в архиве Комиссии. Так, им был раскопан Олавский курган XIV в. в Трокском уезде на землях помещика Кейстута Гедемина. Совместно с Вандалином Александровичем Шукевичем (1852–1919) им были проведены исследования в м. Пузеле Лидского уезда. Уже 18 июля Вольтер выслал в Комиссию ящики с найденными вещами и краниологические материалы, а также «Опись предметов литовской древности», куда входили артефакты, относящиеся ко временам от неолита до позднего средневековья. Среди собранной информации были сведения о коллекциях местных помещиков и материалы по архитектуре края с соображениями

Курган, усадьба Олава, Трокский уезд, Виленская губерния. Раскопки Э. А. Вольтера (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 15а. Л. 7 об.)

по их реставрации. Параллельно были представлены «Список древних кладбищ Сувалкской губернии» и «Ответы» на вопросы программы МАО по собиранию местных сведений по Виленской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 15а. Л. 3, 5 об., 12, 24–26, 27 — 38 об., 39, 53, 56–59, 118–122, 151). В это же время вышли и его труды по этнографии края (ср.: Вольтер 1890).

На следующий год Э. А. Вольтер сам обратился в ИАК с намерением продолжить раскопки «в Литве и Жмуди». Воспользовавшись этим, 24 мая 1889 г. В. Г. Тизенгаузен сделал ему встречное предложение. Ввиду предстоящего издания «Древностей Северо-Западного края» он просил Э. А. Вольтера заняться «подробным осмотром, описанием и фотографированием» древностей Витебской, Виленской, Ковенской и Гродненской губерний, хранящихся в Виленском музее. Помимо того, ИАК была заинтересована в сборе предварительных сведений о местных древностях, случайных находках, общественных и частных археологических коллекциях, имеющихся в Ковенской губернии. Одновременно Э. А. Вольтеру было выделено 300 руб. для окончания археологических исследований в Лидском и Трокском уездах. В июле 1889 г. он прислал в ИАК список сделанных им фотографий, а также описание раскопок «староверских могил» в Виленской губернии, к сожалению, не сопровождавшееся рисунками (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 43. Л. 1, 3 — 3 об.,

Позднесредневековые изразцы, собранные Э.А. Вольтером. Рисунок В.А. Вейтко (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 15а. Л. 39)

14–32, 48–80). В то же самое время Э.А. Вольтер работал в Дрогичине совместно с Н.П. Авенариусом.

В начале 1890-х гг. исследователь несколько изменил форму своего взаимодействия с Комиссией. Так, при его посредничестве в 1890–1891 гг. в ИАК были доставлены отчеты В.А. Шукевича о раскопках курганов с каменными обкладками, в том числе у деревень Сырни и Вильканцы в Лидском уезде, а также карта археологических памятников по р. Уле в Виленской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 103). В 1891 г. он по просьбе ИАК принял на себя задачу по составлению археологической библиографии (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: 329–331; ОИАК за 1889 г. 1892: 50–53). Впоследствии в 1910–1912 гг. Э.А. Вольтер плодотворно сотрудничал с Этнографическим отделом Русского музея в деле формирования коллекций, характеризующих быт населения Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской и Сувалкской губерний.

Ему были не чужды и теоретические взгляды на развитие археологии. Он справедливо указывал, что отсутствие прогресса в изучении курганов и городищ связано не с недостатком интереса к этим древностям, а с общим состоянием археологии, для которой еще только подошло время собирания фактов, картирования памятников и выявления антропологических особенностей (Тихонов 2004: 160–163). Поэтому мнение М.И. Кояловича об Э.А. Вольтере как о «псевдоученом», которое приводит Н.П. Авенариус в одном из писем к Д.Я. Самоквасову, должно остаться на совести этого краеведа (Археология 2007: 47). Стоит отметить, что после исследований Э.А. Вольтера и В.А. Шукевича к позднесредневековой археологии Литвы по-настоящему вернулся лишь Е. Светикас на рубеже XX–XXI вв. (Svetikas 2003).

На средства ИАК исследование археологических памятников в Виленской губернии проводил в 1893 г. и Федор Васильевич Покровский (1855–1903), один из систематизаторов и исследователей археологии Литвы (Kuliauskas, Gintautas 1999: 128–133; Krasnodębski 2003), младший брат Н.В. Покровского, сверхштатного члена Комиссии. Работы велись им в преддверии IX Археологического съезда. Однако, получив аванс на раскопки, исследователь отчета в ИАК так и не предоставил. Отчет попал в РАО (РО. Ф. 3. Оп. 1. Л. 632), а коллекции предметов из раскопок поступили от Ф.В. Покровского в МАО, а затем в РИМ (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 207. Л. 75–85, 115–116, 152). По результатам исследований Покровского была подготовлена обширная публикация в Трудах съезда (Покровский 1897).

В это же время начинается плодотворное сотрудничество ИАК с доцентом Киевской духовной академии Владимиром Зеноновичем Завитневичем (1853–1927). Все началось с того, что в газете «Сын Отечества» № 98 за 1887 г. появилась небольшая заметка, в которой сообщалось об археологических исследованиях В.З. Завитневича в междуречье рек Немана и Березины. 27 апреля А.А. Бобринской послал соответствующий запрос минскому губернатору о правомочности проведения подобных исследований. Из ответа следовало, что в 1885–1886 гг. В.З. Завитневич действительно проводил раскопки в Минском и Игуменском уездах, в частности, у д. Кленники на р. Усе в имении помещицы Тарасовой (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 20. Л. 1). Именно тогда вышла его первая работа, посвященная археологии дреговичей (Завитневич 1886).

Через два года, 22 февраля 1889 г., ИАК обратилась уже непосредственно к В.З. Завитневичу. При этом Комиссия подчеркивала свое намерение издать результаты его исследований среди прочих древностей Северо-Западного края. Археологу предлагалось выбрать местность для раскопок по своему усмотрению, со ссылкой на то, что Комиссия уже заручилась его согласием на производство раскопок за счет казны в сумме 150–200 руб. Как и в случае с В.Б. Антоновичем, здесь явно имели место предварительные переговоры. В результате, 20 мая 1889 г. В.З. Завитневичу был выдан Открытый лист и выделено 250 руб. для раскопок в области дреговичей, в бассейнах рек Припяти и Двины.

Еще 15 марта 1889 г., излагая план своих раскопок, В.З. Завитневич предполагал решить с их помощью вопрос о первобытной этнографии изучаемого края, а также установить границы

ЗАВИТНЕВИЧ Владимир Зенонович (1853–1927) — гражданский и церковный историк, преподаватель, археолог, богослов, философ, литератор, публицист. Профессор Киевской духовной академии по кафедре русской гражданской истории. Член Поместного собора 1917–1918 гг.

Родился в семье православного священника в белорусском селе Литвяны Минского уезда. В 1879 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. Магистр богословия (1883), доцент Киевской духовной академии (1884), экстраординарный профессор (1899), доктор церковной истории (1903), ординарный профессор (1904). Был членом многих исторических и археологических обществ.

Осн. соч.: Из археологической экскурсии в Припятское Полесье // ЧОИНЛ. 1890. Т. 4. Отд. 2. С. 1–29; Из воспоминаний о В.Б. Антоновиче как археологе // ЧИОНЛ. 1909. Кн. 21. С. 38–43.

Лит. о нем: *Киселев В.* Исследователь внимательный и трудолюбивый. О жизни и деятельности историка и богослова профессора В.З. Завитневича. М., 2007.

(Фото: СПбФ АРАН. Р. Х. Оп. 2. Д. 60)

между дреговичами и кривичами. В число исследованных областей должны были войти Речицы, Бобруйск, Логойск, Борисов, Минск и Изяславль. По итогам своих работ в декабре автор переслал в Комиссию полевые дневники не только за текущий год, но и за раскопочные сезоны 1886–1887 гг. Поступившие в Комиссию материалы раскопок В.З. Завитневича в дальнейшем были переданы в РИМ (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 20. Л. 1 — 4 об., 9 — 9 об., 13–48).

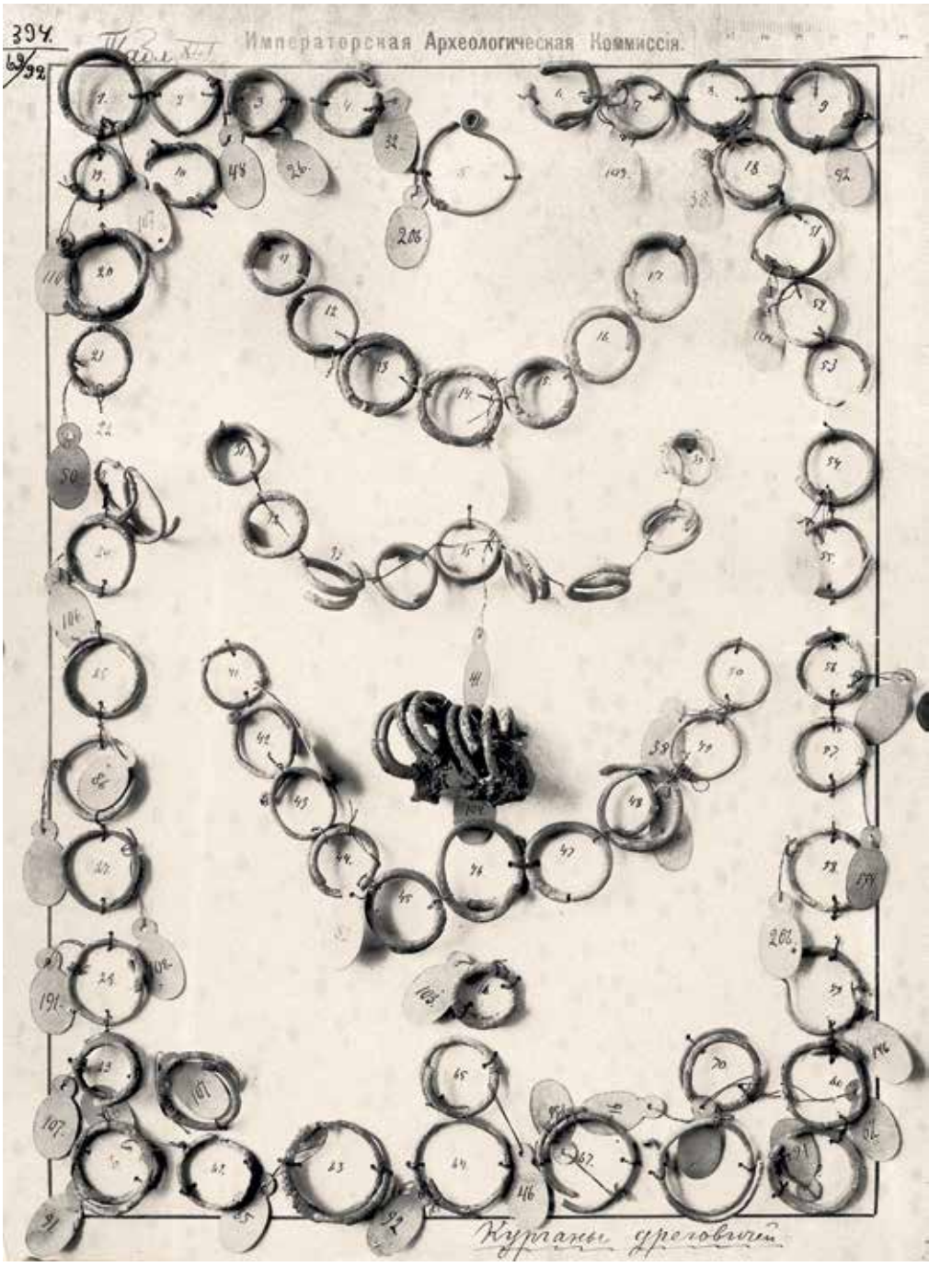
В 1890 г. В.З. Завитневич продолжил исследования в Речицком уезде Минской губернии и в Черниговской губернии. Он впервые в истории отечественной археологии провел раскопки позднесредневекового городища — замка князя Семена Олельковича под Киевом, на что ИАК выделила ему 450 руб. Раскопки замка лишь слегка приоткрыли завесу над материальной культурой этой эпохи. Немногочисленные находки, всего 10 предметов, были также отправлены в РИМ (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 32. Л. 7 — 8 об., 31–69; ср.: Завитневич 1891: 134–141).

В 1892 г. ИАК вновь обращается к В.З. Завитневичу с предложением продолжить начатые исследования в Бобруйском уезде Минской губернии в долине р. Березины. На раскопки ему было выделено 300 руб., которых хватило на исследование 230 курганов. Именно здесь В.З. Завитневичу удалось выделить характерные группы средневековых погребений в могильниках (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 69. Л. 1, 2, 10–35).

По подсчетам В.В. Седова, В.З. Завитневичем было раскопано 700 насыпей в 82 могильниках; по мнению Л.В. Алексеева — 647 (Седов 1982: 113; Алексеев 1996: 135; ср.: ОИАК за 1891 г. 1893: 131; ОИАК за 1892 г. 1894: 52–56, 124–153; см. также: Завитневич 1890a; 1890b; 1892a; 1892b; 1893; 1894a; 1894b). После работ 1893 г., связанных с подготовкой к IX Археологическому съезду в Вильно, В.З. Завитневич более не обращался к археологии. Однако он не только был «добытчиком» археологического материала, причем весьма тщательным, но и его грамотным интерпретатором. Именно благодаря его раскопкам впервые оказались зафиксированы остатки внутрикурганных столбов. Обряд трупосожжения он считал пришедшим с востока.

Основная проблема, интересовавшая В.З. Завитневича, была связана с определением границы расселения летописного племени дреговичей. Первоначально он считал, что эти границы могут быть определены на основе картирования погребального обряда. Для древлян он полагал более характерными погребения в подкурганных ямах, а для дреговичей — на горизонте. Одним из основных выводов его исследования стало то, что предполагаемый им ареал расселения дреговичей не совпадал с этнографической картой белорусской нации. В конце концов, он признал «преждевременным» и «рискованным» определять границы племенного расселения на основании погребального инвентаря (Завитневич 1895: 226). Впрочем, это не помешало А.А. Спицыну посчитать наиболее характерными для дреговичей перстнеобразные височные кольца с заходящимися концами, крупные зерненые бусы и деревянные конструкции в курганах (Спицын 1899b).

Еще одним ареалом славянского расселения и связанного с ним финского субстрата, исследованным при поддержке ИАК, являлась земля вятичей, где в 1899–1903 гг. произвел крупные раскопки Н.И. Булычев. Он стал сверхштатным членом ИАК в 1903 г., правда,



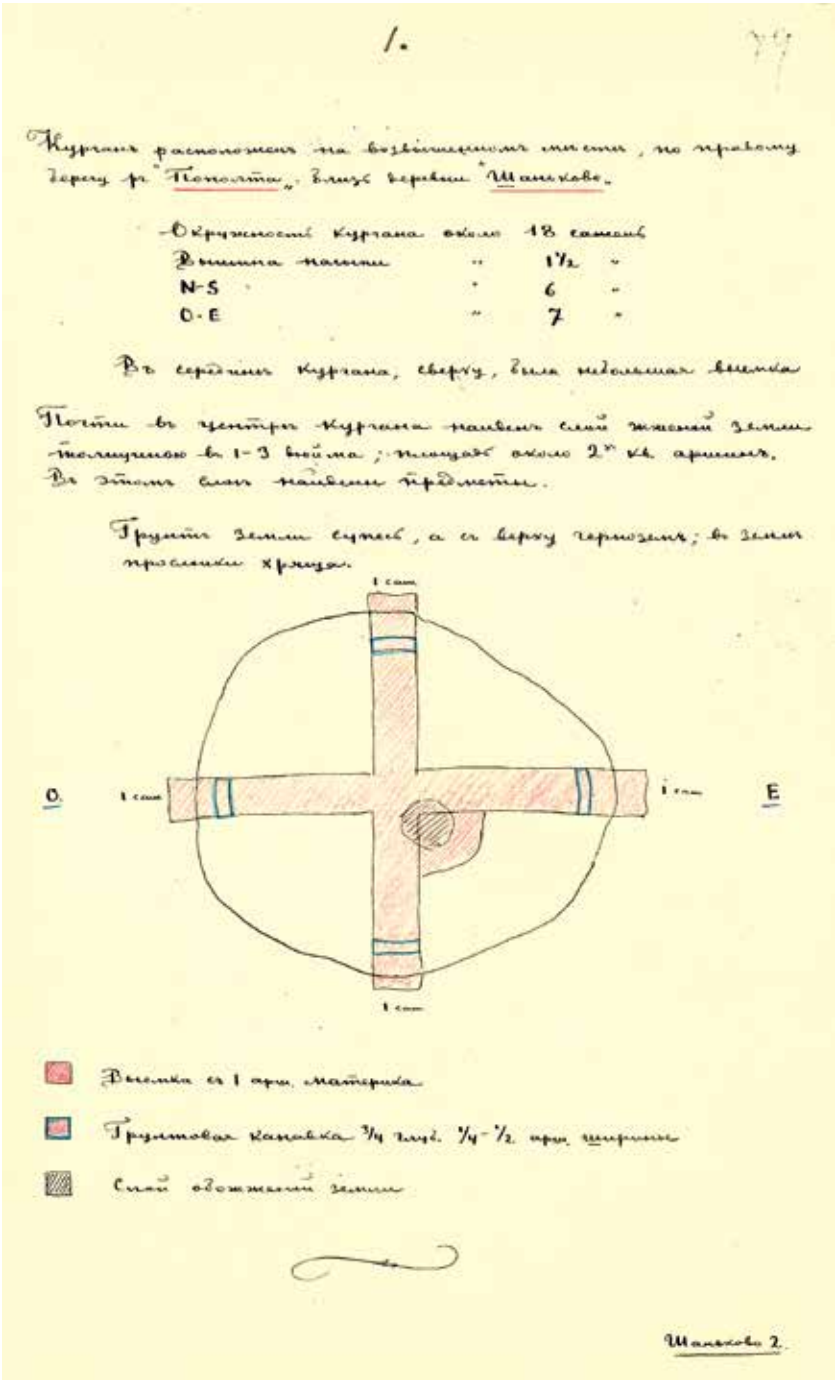
Находки из раскопок В.З. Завитневича (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 69. Л. 38)

с поручением ему разборки поступающих в Комиссию монетных кладов. Еще в апреле 1886 г. Н. И. Булычев обратился в Комиссию с просьбой выдать ему Открытый лист на Калужскую и Смоленскую губернии, где он намеревался копать «курганы различных размеров на границе литовского и московского государства». Вместе с разрешением ИАК выделила ему на эти исследования 300 руб. Однако совокупный отчет Н. И. Булычев доставил лишь в 1891 г., когда добытые им древности, в том числе и древности вятичей, были представлены на Высочайшее обозрение. Посредством траншей им было раскопано несколько курганных групп вдоль течения рек Полота и Реса (у д. Шахово, Васильевское, Леоново, Шаньково, Спас-Перекша, Дубровка), а также валообразные конструкции у д. Жуковка, которые он рассматривал как «литовские валы» или оборонительные сооружения «1812 г.». Результаты его исследований способствовали частичному выяснению культурной стратиграфии региона от неолита до XVII в. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 23. Л. 1 — 1 об., 9–10, 35–138). В отношении существовавших в истории этнографических ареалов он полагал, что западной границей Мерянской земли следует считать линию водораздела части левых притоков Оки и Десны.

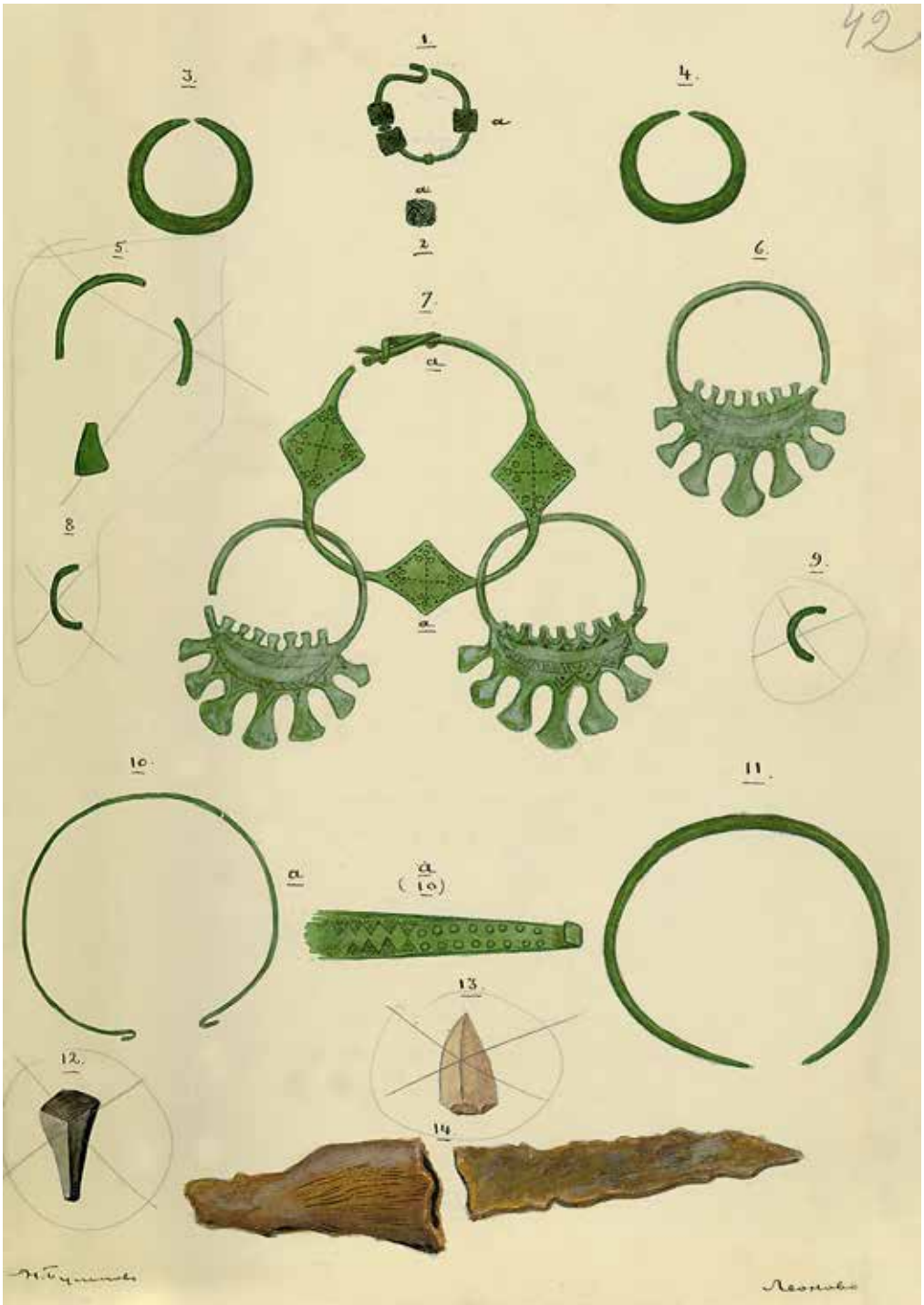
В 1890–1891 гг. Н. И. Булычев исследовал «Мощинский городец и курганчик», где в 1888 г. им был обнаружен «Мощинский клад». Описание условий находки отсутствует, однако в деле сохранилась краткая записка, составленная делопроизводителем Комиссии И. А. Сусловым со слов самого Н. И. Булычева: «Клад бронзовых вещей с эмалью найден в Мощинском городище у подошвы самого древнего наслоения насыпи <...> в самой земле. Все вещи были сложены в кучу и зарыты в ямку <...>». 15 октября 1890 г. клад был взят Н. И. Булычевым из Комиссии «для временного пользования», как и все рисунки, «относящиеся до раскопок в 1886–1889 гг.» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 59. Л. 7, 8). Позднее клад вместе с результатами прочих исследований этого времени был издан находчиком с посвящением на титульном листе: «Графу Алексею Александровичу Бобринскому» (Булычев 1899: 15–22, табл. VI–XVII). Очевидно, это было обусловлено не только личными отношениями, но и чувством признательности ИАК за поддержку его научных начинаний.

В конце 1890-х — начале 1900-х гг. Н. И. Булычев раскапывал курганы и городища по р. Болва, в Серенске, в Мещовском и Мосальском уездах Калужской губернии, по р. Жиздре и ее притокам, а также в Ельнинском и Юхновском уездах по верхним притокам Волги и Днепра (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 12; РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 24; РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 34; РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 26; РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 46; РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 93). Эти работы он вел уже исключительно за свой счет, поскольку полевые отчеты поступали от него в ИАК весьма нерегулярно, и в государственном финансировании ему было отказано. Так, в 1895 г. Комиссия напомнила ему, что в Петербурге до сих пор не получен отчет за 1892 г. и что только после предоставления этого документа ИАК готова выдать автору раскопок новый Открытый лист (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 61. Л. 2).

Подводя итоги организационным трудам Комиссии в области славяно-русской археологии в начале «эпохи Бобринского», стоит обратить внимание на совпадение между приходом



План кургана у д. Шаньково, Калужская губерния. Раскопки Н.И. Булычева (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 23. Л. 49)



Сборы Н.И. Булычева у д. Леоново, Калужская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 23. Л. 42)

в Комиссию А.А. Спицына и прекращением сотрудничества ИАК с другими исследователями, занимавшимися изучением славянских древностей в конце 1880-х — начале 1890-х гг.

Инициативу А.А. Бобринского в исследовании памятников Киевской губернии и древностей Северо-Западного края не стоит связывать исключительно с русификаторской политикой правительства в указанный период. Известно, что генерал-губернатор М.Н. Муравьев еще в апреле 1864 г. подал на имя императора Александра II докладную записку, где Западный край рассматривался как исконно русский и составляющий древнее достояние России (Муравьев 1882–1883). 17 мая 1864 г. РАО принимает решение об отправке сюда «археологической экспедиционной комиссии», в задачи которой входил бы «розыск русских и православных древностей» на этих территориях, представленных в основном архитектурой и связанными с ней движимыми памятниками (ИРАО. Т. 4. Вып. 1. Отд. 2. 1866: 4; ср.: Веселовский 1900: 75). Однако уже при новом генерал-губернаторе Западного края А.Л. Потапове (1868–1874) идейная и интеллектуальная атмосфера здесь существенно изменилась (ср.: Комзолова 2005). Есть все основания полагать, что и 20 лет спустя интерес А.А. Бобринского к славяно-русским древностям не был чрезмерно политизированным, но географически широким.

Об этом свидетельствует история участия ИАК в исследовании Старой Ладоги и Старо-Рязанского городища. 10 марта 1886 г. Николай Ефимович Бранденбург (1839–1903) представил А.А. Бобринскому памятную записку о целесообразности проведения археологических исследований в Старой Ладоге — в частности, в отношении кургана, именуемого «могила Олега». Целью исследования была попытка согласования данных летописи с археологическими реалиями. Н.Е. Бранденбург обратил внимание председателя ИАК на то, что выше Старой Ладоги по течению р. Волхов, у с. Михаил-Архангел сохранились два больших кургана. Автор записки сопоставил это место с летописным сказанием, отметив, что, согласно логике текста, смерть настигла Олега на подходе к Старой Ладоге, южнее села. Это дало ему повод подозревать, что именно здесь, в Михаило-Архангельской сопке, должен быть погребен князь Олег (Панченко, Петров, Селин 1999: 82–91). В соседнем кургане, по мнению исследователя, должна была находиться могила жены князя, «погибшей вместе с последним, согласно языческим обрядам того времени, а курган на другом берегу может быть свидетелем кровавой тризны по Олеге».

На свои работы Н.Е. Бранденбург просил отпустить «до 700 рублей». 27 марта деньги были Комиссией выделены, а санкт-петербургскому губернатору направлена просьба оказать содействие исследованиям. 3 мая 1886 г. Н.Е. Бранденбургу был выдан Открытый лист на исследование с ученой целью старинных могильных курганов и городищ в Санкт-Петербургской губернии с тем, чтобы все древности были предоставлены на рассмотрение ИАК. Особо оговаривалось, что производство раскопок на землях частных лиц зависит от согласия местных землевладельцев, а в случае интересных находок ими может быть получено соответствующее вознаграждение сообразно стоимости, древности и редкости вещей.

Так, благодаря организационной и финансовой поддержке ИАК, началось изучение древностей эпохи

становления русской государственности. 16 декабря 1886 г. кальцинированные кости из раскопок Н.Е. Бранденбурга передаются Ю.Е. Ананову для анализа. Тогда же, в декабре, Н.Е. Бранденбург уже предполагает провести раскопки средневековых церквей в Ладоге. Собственно, идея исследования местных христианских древностей в рамках «комплексной экспедиции» появилась у ИАК еще летом 1886 г., когда в августе для осмотра ладожских фресок сюда собирался прибыть Н.В. Покровский. Однако его поездка была приостановлена в связи с тем, что Н.Е. Бранденбург уже успел завершить свои работы. В 1887 г. он получил 200 руб. и Открытый лист «на раскопки развалин древней церкви» в Старой Ладоге. В том же году им был исследован Спасский храм XII в. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 17. Л. 1 — 2 об., 3, 9, 23–24, 25–32, 61, 63, 65, 70, 73 — 73 об., 74–83, 89–90).

Материалы раскопок Н.Е. Бранденбурга в Старой Ладоге и Приладожье были изданы Археологической комиссией в серии «Материалы по археологии России» (Бранденбург 1896). Однако в дальнейшем сотрудничество ИАК с Н.Е. Бранденбургом не получило должного развития. В 1888 г. последний в солидарности с МАО выступил против «монополии» Комиссии на контроль над археологическими исследованиями в России. 2 ноября 1896 г. он обратился к П.С. Уваровой за поддержкой своего нового начинания, предложив раскапывать курганы на левом берегу Днепра и сообщив при этом, что «с Археологической комиссией дела иметь нежелательно». Впрочем, указанная «нежелательность», похоже, была связана с тем, что раскопки предполагалось вести на частной земле, а найденные в процессе исследования вещи археолог намеревался забрать себе (ср.: Археология 2007: 127).

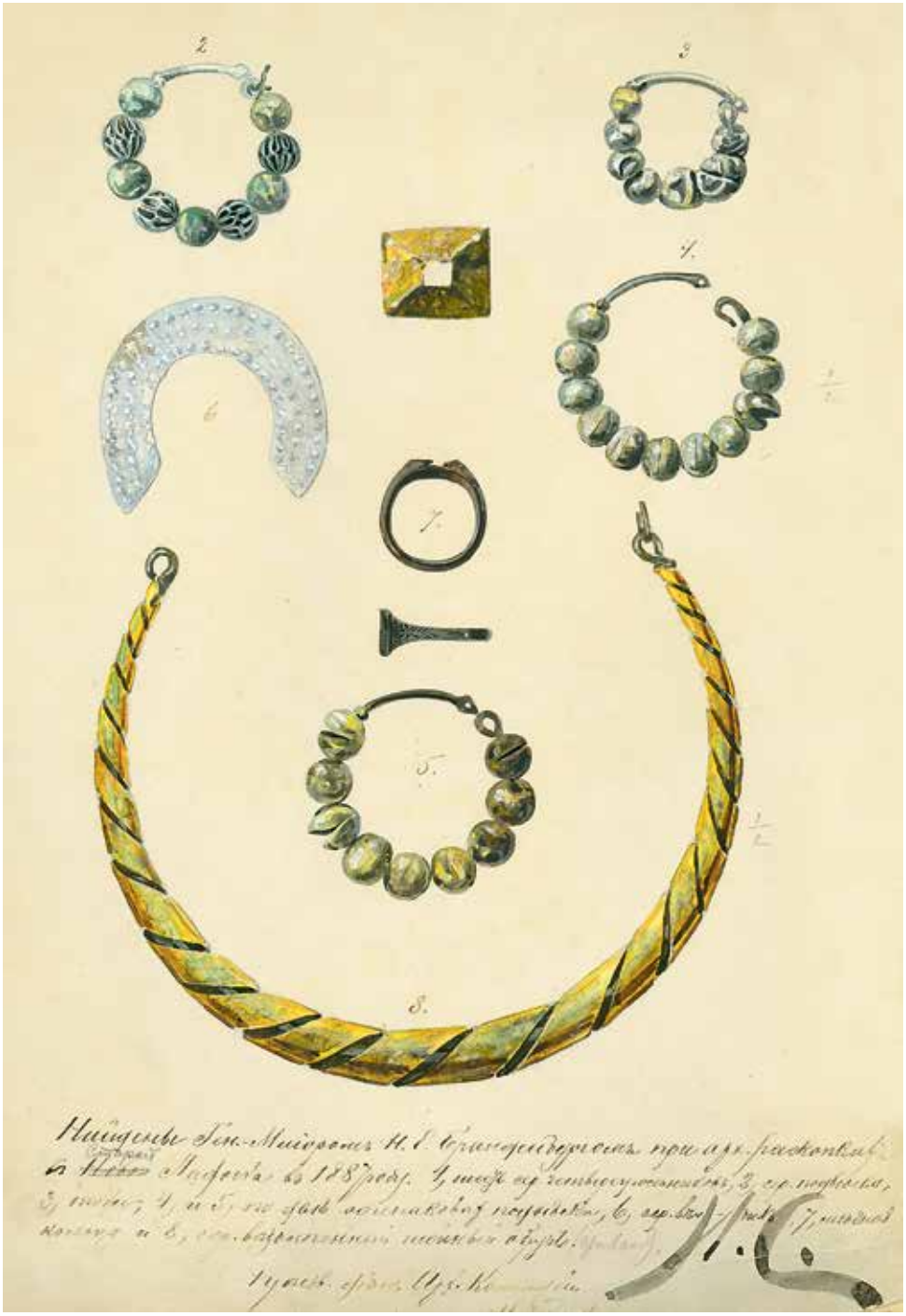
Подобным же образом обстояло дело с раскопками Старо-Рязанского городища, инициированными Рязанской ученой архивной комиссией. 13 октября 1887 г. товарищ председателя комиссии архимандрит Владимир (Добролюбов), подчеркивая значимость этого городища для русской истории, обратился в ИАК с предложением произвести «обстоятельное исследование города по возможности на всей площади его». Из числа сделанных открытий он упоминал клад 1822 г., Спасский храм, обнаруженный в 1836 г. Д. Тихомировым, и клад серебряных предметов, найденных 12 мая 1887 г. близ усадьбы Стерлигова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 45. Л. 1 — 2 об.). Недостаток средств на это мероприятие заставил архивную комиссию просить у ИАК пособие на производство раскопок в размере от 300 до 500 руб.

28 ноября ИАК высказала полное сочувствие этой идее и выделила 400 руб. на раскопки в 1888 г. Не считая нужным вмешиваться в план работ архивной комиссии, ИАК лишь указала, что все раскопки на городище должны быть доведены до «материковой целины» и обозначены на плане. Был дан еще ряд методических указаний: уже исследованные места следовало не забрасывать вынимаемой землею, а вывозить ее за пределы городища; необходимо вести подробный дневник и делать чертежи; к найденным вещам надлежало прилагать ярлычки с номерами, под которыми они будут значиться в общей описи находок. Было поставлено дополнительное условие, что если ИАК решит командировать на место одного из своих членов, то таковой

Спасская церковь XII в. в с. Старая Ладога, Санкт-Петербургская губерния. Раскопки Н. Е. Бранденбурга, 1886 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 17. Л. 107)

должен быть допущен к осмотру работ с правом изменить ход раскопок. 10 июня 1888 г. И. И. Толстому был выдан Открытый лист на осмотр рязанских раскопок, что сопровождалось личной просьбой председателя Комиссии отправиться в Старую Рязань с инспекцией. Известно, что в 1888 г. член местной архивной комиссии Алексей Васильевич Селиванов (1851–1915) раскопал на городище Борисоглебский храм. Публикуя свой отчет о раскопках храма двумя траншеями, он подчеркивал, что «земля выбиралась до материка», что соответствовало требованиям ИАК (Селиванов 1888: 160).

В феврале 1889 г., переправляя в Комиссию вещи и дневник раскопок, А. В. Селиванов просил вернуть коллекцию в Рязанский музей и выделить 500 руб. на раскопки в новом году. Однако после 1890 г. активных контактов между Рязанской архивной комиссией и ИАК не было. К сожалению, в архиве не сохранились и чертежи раскопок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 45. Л. 1 — 2 об., 3–4, 9, 17, 18 — 24 об., 27, 58). В 1899–1903 гг. работы на городище продолжили Алексей Иванович Черепнин (1841–1905) и Владимир Николаевич Крейтон (1871–1931), однако в связи со смертью А. И. Черепнина его план систематических исследований городища так и не был осуществлен. Необходимо отметить, что эти раскопки также финансировались и контролировались ИАК.

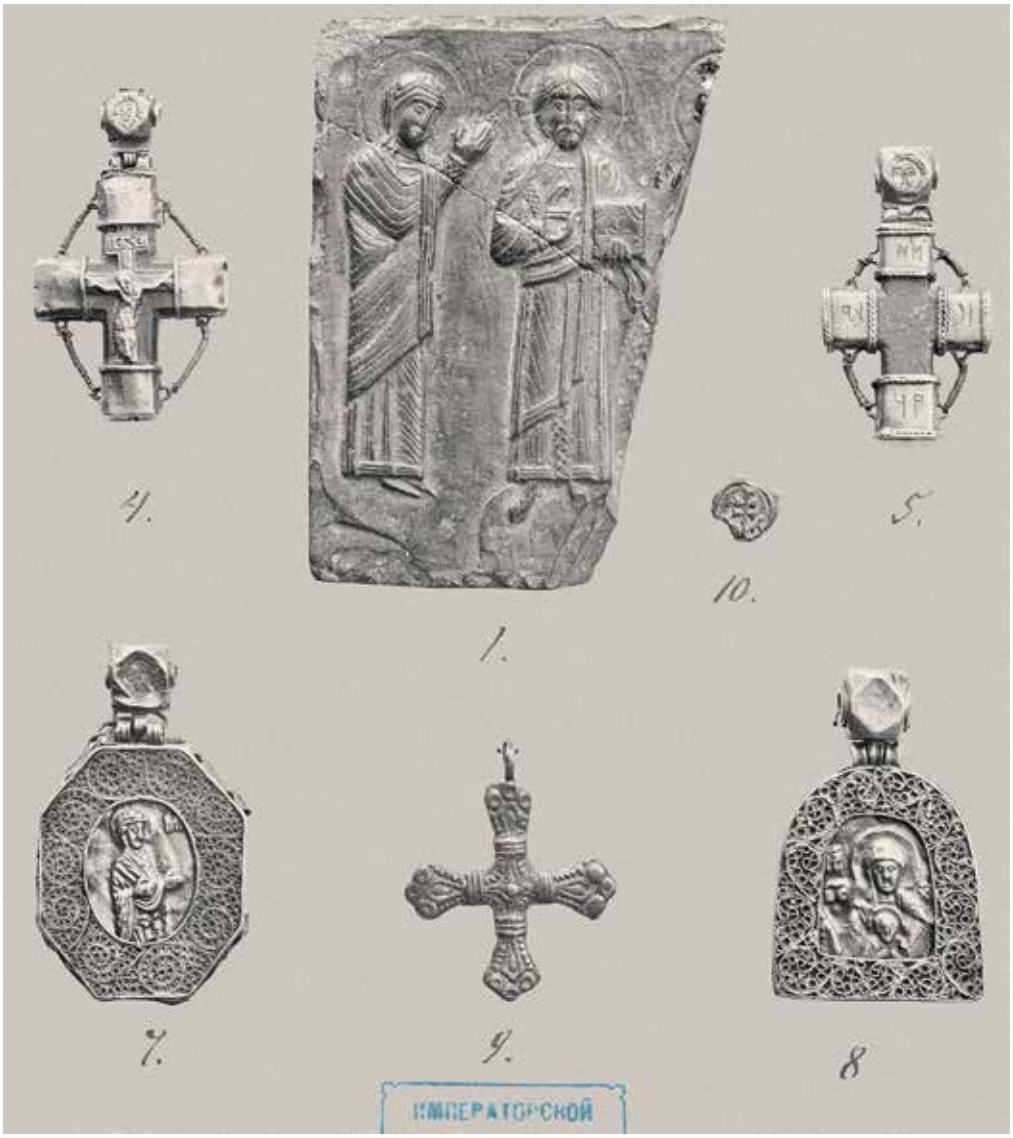


Находки в Спасской церкви XII в. в с. Старая Ладога, Санкт-Петербургская губерния. Раскопки Н.Е. Бранденбурга, 1887 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 17. Л. 103)

Находки в Спасской церкви XII в. в с. Старая Ладога, Санкт-Петербургская губерния. Раскопки Н.Е. Бранденбурга, 1887 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 17. Л. 105)

Характерно, что до сих пор в историографии подчеркивалось исключительное участие Рязанской ученой архивной комиссии в исследовании Старой Рязани. При этом указывалось, что лишь «в советское время» «активно включилось в работу по археологическому изучению Рязанского края центральное археологическое учреждение» СССР «ГАИМК–ИИМК–ИА» (Монгайт 1955: 8–9; 1961: 18–19).

Помимо «славянского» направления в деятельности ИАК можно выделить «балтское» и «финно-угорское».



Христианские древности Рязанской земли. Фотография Либавич, Рязань. На обороте снимка рукою делопроизводителя ИАК И. А. Суслова сделана запись, очевидно, ошибочная: «Найдены 12 мая 1887 г. в с. Старая Рязань, близ усадьбы г. Стерлигова»
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 45. Л. 3)

В 1868 г. финский археолог Даниэль Европеус (1820–1884) произвел археологические работы на Белоозере, Мологе и Шексне (РО. Ф. 1. Оп. 1-1868 г. Д. 29). Им исследовались, в частности, курганы близ погоста Белые Кресты Устюженского уезда Новгородской губернии. В дальнейшем материалы этих раскопок поступили в Национальный музей Финляндии. Очевидно, изначально интерес к финским древностям находился в русле «восточных интересов» В.Г. Тизенгаузена, которому принадлежала идея начать

систематические раскопки в Пермской и Вятской губерниях — для решения вопроса о происхождении так называемых чудских древностей и их связях с алтайскими памятниками. Он же предлагал привлечь к этим исследованиям другого археолога из Финляндии — Иоганна Аспелина (АВ ИВИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2).

Еще в июне 1869 г., благодаря сотрудничеству С. Г. Строганова с Министерством путей сообщения, в Комиссию поступили классические древности мордвы X–XI вв. из Лядинского могильника, впоследствии полностью исследованного в 1888–1889 гг. благодаря организующей деятельности ИАК (подробнее см. главу I; см. также: Ястребов 1893; Воронина 2007: 4–7). В 1894 г. к изучению древностей мордвы вернулся член ИАК А. А. Спицын (ОИАК за 1894 г. 1896: 45–51).

Практически одновременно Комиссия оказалась вовлечена в изучение эталонного памятника средневекового балтского населения Восточной Европы — Люцинского могильника X–XI вв. (Алексеев 1996: 145–150). В начале 1890 г. Евдоким Романович Романов (1855–1922) прислал в Комиссию газетную заметку о находках на Комаровой горе близ с. Люцин-Лудз и о коллекции почетного гражданина Риги Людвига Фохта, составленной из случайных находок и материалов дилетантских раскопок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 33. Л. 1).

31 мая 1890 г. А. А. Бобринской отправил запрос витебскому губернатору о ситуации с раскопками и разграблением памятника, одновременно выдав Открытый лист самому Е. Р. Романову и сотруднику Исторического музея в Москве В. И. Сизову. Памятник был раскопан этими исследователями в 1890–1891 гг. и издан ИАК (Там же. Л. 2 — 16 об.; МАР. № 14. 1893; Спицын 1894: 403–406). Еще ранее, в 1886–1887 гг., А. А. фон Крузе раскопал несколько погребений Людвиковского могильника близ оз. Стучаны Динабургского уезда Витебской губернии, и найденные здесь средневековые балтские древности были изданы в первом выпуске «Древностей Северо-Западного края». По признанию самой Комиссии, впоследствии она была «лишена возможности воспользоваться предложением Крузе заняться дальнейшей разведкой Людвиковского могильника» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 42; МАР. № 4. 1890: 53–58).

Помимо организации полевых работ Комиссии пришлось решать еще две проблемы, связанные с Люцинским могильником. В июле и сентябре 1890 г. ИАК провела переговоры с Л. Фохтом о приобретении его коллекции, за что тот потребовал 5000 руб. Выслать вещи в Петербург он отказался, как отказался и предоставить их опись, ссылаясь на свой непрофессионализм, а также на то, что такая опись якобы уже есть у Е. Р. Романова. В конце концов, во время личного общения с А. А. Спицыным, Л. Фохт согласился переслать в Комиссию часть вещей, наиболее интересную для издания, о чем ему вновь пришлось напоминать 25 ноября 1892 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 33. Л. 29, 36, 37).

Отдельной проблемой был владельческий статус земли, на которой располагался Люцинский могильник. 5 декабря 1890 г. выяснилось, что местные крестьяне заявили себя хозяевами этой территории. А. А. Бобринской в переписке с Министерством государственных имуществ попросил прояснить ситуацию. В результате оказалось, что ее юридический статус не был до конца ясен,

но как только в губернское Управление государственных имуществ поступила информация о Высочайшем повелении 1889 г., местному лесничему, поначалу препятствовавшему раскопкам, было поручено оказывать им всяческое содействие (Там же. Л. 29, 87 — 89 об.).

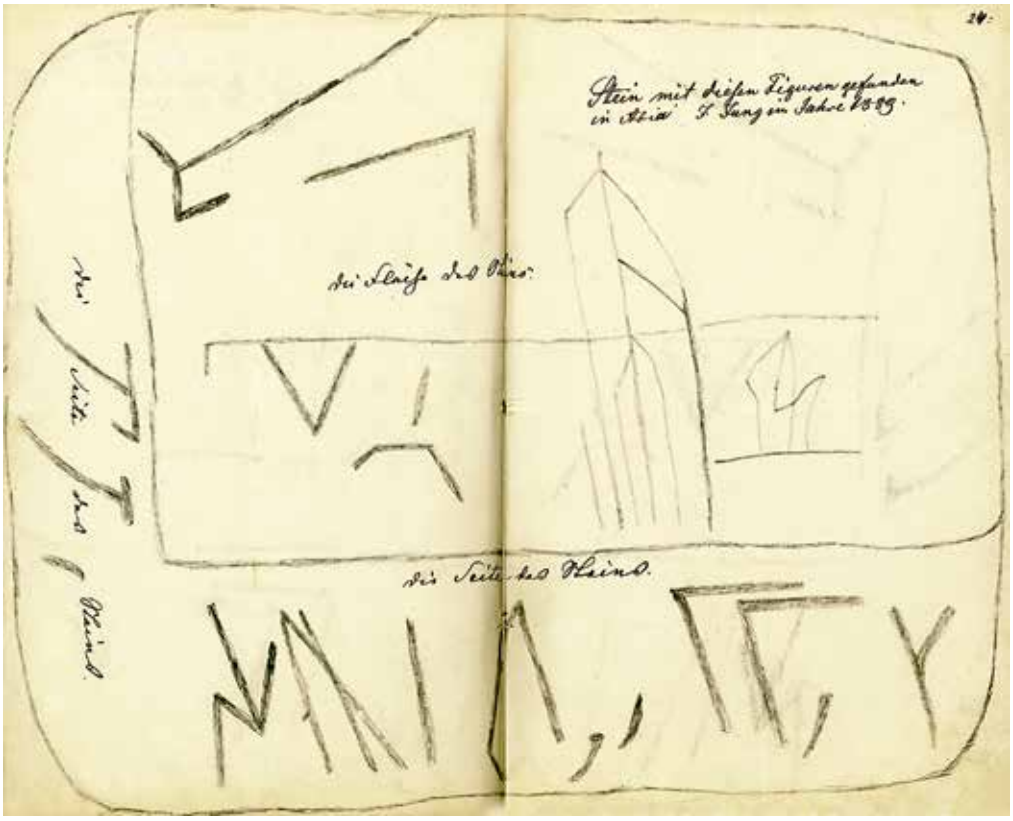
ИАК финансировала и другие археологические работы на территории Прибалтийских губерний. Летом 1887 г. Э. Шмидт, инспектор городского училища в Бауске (Курляндская губерния), обратился в ИАК с просьбой поддержать его исследования в окрестностях города, в частности в Альт-Радене. 28 августа ему был выдан Открытый лист, и уже 2 октября в Комиссию были доставлены найденные при раскопках вещи, в том числе надписи, интерпретированные как рунические. На эти исследования ИАК выделила ему 100 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 58. Л. 62–63, 64, 65; ср.: Медведева 2010: 157–158).

Вслед за тем, летом 1892 г. в Комиссию обратился приват-доцент Петербургского университета Ф.А. Браун, будущий сотрудник самой ИАК, с предложением провести раскопки на том же Альт-Раденском могильнике, на территории усадьбы Унтинг. Ф.А. Браун полагал, что здесь были захоронены представители народности восточногерманского происхождения, вандальского или готского, мигрировавшие сюда «из Скандинавии или Дании» «в VII–X вв.». Комиссия выделила ему на эти цели 150 руб., в процессе раскопок ему удалось обнаружить несколько погребений и зафиксировать расположение могил. Уже 27 июля он представил в Комиссию отчет о работах и опись вещей, к сожалению, не сопровождавшихся рисунками. Всего на исследования Ф. А. Браун израсходовал 98 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1892 г. Д. 103. Л. 6 — 9 об.).

В 1891 г. в том же Баусском уезде у с. Цемальден при строительстве ограды лютеранского кладбища был обнаружен ряд бронзовых предметов и связанные с ними костные остатки. Некоторые находки попали в собственность учителя Митавского реального училища Крюгера. Преподаватель Митавской гимназии Карл Бой также сумел выкупить несколько предметов, после чего обратился в ИАК, получил Открытый лист и в 1895 г. приступил к раскопкам, исследовав 27 погребений балтского облика V–XIII вв., близких по культуре к Альт-Раденскому могильнику (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 158. Л. 14 — 22 об.). В 1896 г. ему вновь был выдан Открытый лист, но, к сожалению, работы не производились, в том числе и потому, что поле в Цемальдене засеяли.

В 1898 г. К. Бой вновь обратился в ИАК и предложил, при условии минимальной оплаты, осуществлять археологический надзор за строительными работами, а также содействовать предупреждению незаконных раскопок — словом, осуществлять охрану памятников в Курляндии. Похоже, это предложение осталось без ответа. Известно, что вещи Цемальденского могильника, а также находки из Сессау и Анненбурга в коллекции Крюгера, привлекли внимание А.А. Спицына. Сделанные для него снимки интересны еще и с точки зрения истории развития технологий фотографического дела. Целая группа отпечатков выполнена в технике цианотипии — одного из ранних способов фотопечати (1880–1920-е гг.), в основе которого лежит светочувствительность не серебра, а солей железа (Там же. Л. 93–101; ср.: Медведева 2010: 158-161).

В 1908 г. ИАК поддержала идею исследований в Лифляндской губернии и 4 апреля выдала Открытый лист



«Руны» из раскопок Э. Шмидта, Баусский уезд, Курляндская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 58. Л. 23 об. — 24)

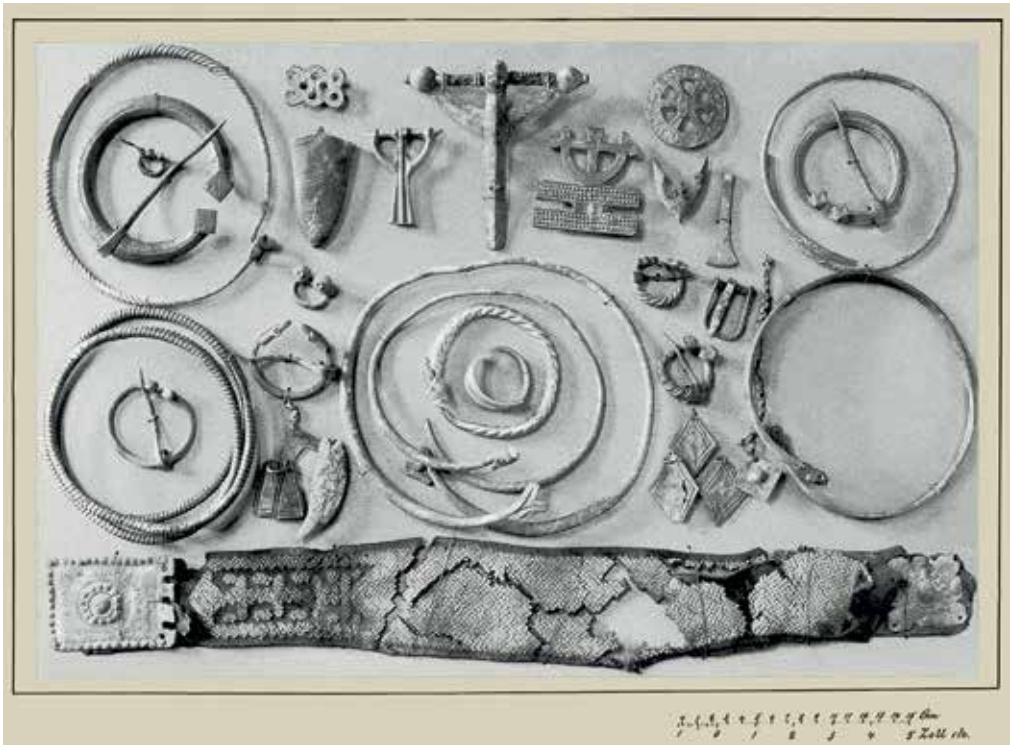
Московскому археологическому институту. Непосредственным исполнителем работ стал Франц Владимирович Баллод (1882–1947), впоследствии известный египтолог, предполагавший исследовать городище Беверин и древнюю область Талава или «Имера» у р. Юмара в Вольмарском уезде Лифляндской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 52. Л. 5, 9–37). Ему удалось изучить часть средневекового могильника в усадьбе Дранкис, зафиксировать материалы предшествующих раскопок 1905 г., произведенных его отцом В. Д. Баллодом, а также раскопать «курган» напротив Вольмарской учительской семинарии. Всего им было открыто 16 раннесредневековых погребений, описания которых представлены в отчете. Помимо описания конкретных археологических изысканий в отчете также содержатся подробные географические данные о долине р. Юмара (Медведева 2010: 165–166).

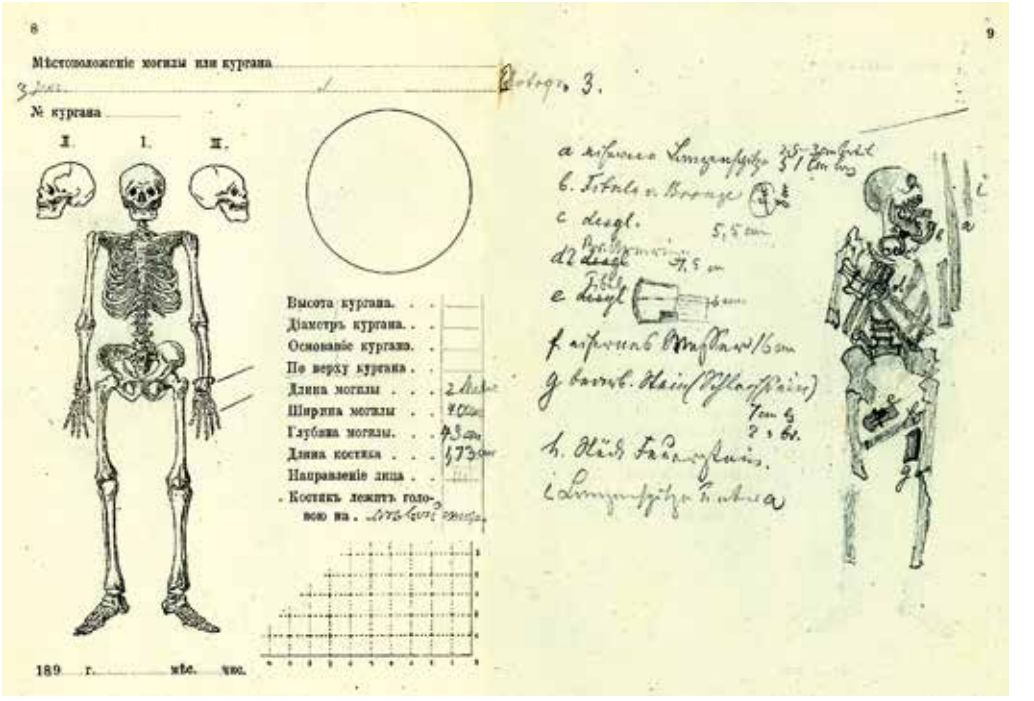
Приблизительно в тот же период исследования христианских и славянорусских древностей, прежде всего Великого Новгорода, стали неотъемлемой частью деятельности Комиссии. 7 июля 1888 г. известный новгородский церковный краевед протоиерей Павел Ильич Тихомиров (1928–1913) обратился в ИАК с предложением издать за ее счет составленное им «Историческое описание Новгородского Знаменского собора». Текст этого

Раскопки К. Боя. Цемальден, Баусский уезд, Курляндская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 158. Л. 27)

сочинения был прислан им в Петербург. 17 сентября того же года протоиерею ответил В.Г. Тизенгаузен. Он поблагодарил автора за предложение, подчеркнул желательность издания самого описания, но указал, что ИАК не может взять на себя труд «вследствие обилия материала, подлежащего печати». К тому же в письме говорилось, что в случае напечатания труда в серии «Материалы по археологии России» будут нужны дополнения технического и художественного характера (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 42. Л. 2). Сам текст был отправлен автору обратно и уже на следующий год был опубликован в Новгороде (Тихомиров 1889). Указанный труд оказался не слишком объемным (174 страницы), что заставляет предполагать, что отказ был вызван, прежде всего, различием подходов к материалу между церковным краеведением и археологией.

Документы свидетельствуют о самостоятельном интересе Комиссии к христианским древностям Знаменского собора в Новгороде. В 1860 г. выходит первый серьезный труд по церковной археологии Новгорода, принадлежавший перу архимандрита Макария (Миролюбова) (1817–1894). Описывая главную святыню собора, икону Божией Матери Знамение, автор упоминает два золотых приклада, сделанных к иконе Иваном Грозным и его сыном Иваном с соответствующими надписями: «Лета 7087 [1578] октября сию чепь к Пречистой Богородице





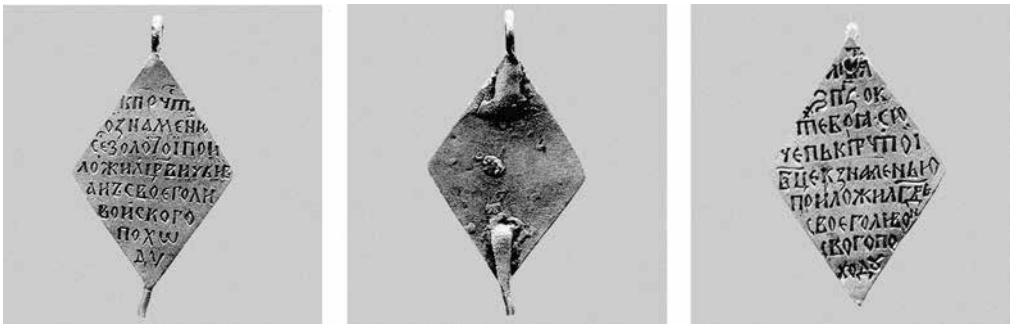
Материалы раскопок К. Боя. Цемальден, Баусский уезд, Курляндская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 158. Л. 30, 43 об. — 44)

Фрагмент полевого отчета Ф.В. Баллода (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 52. Л. 30)

к Знаменью приложил государь своего ливонского похода» и «К Пречистой Знамению сей золотой приложил царевич Иван своего ливонского походу» (Макарий 1860: 242, примеч. 17). 9 февраля 1885 г. А.А. Васильчиков, ознакомившись с изданием, направляет обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву письмо, где просит «прислать на рассмотрение или сделать снимок» этих «двух золотых четырехугольных продолговатых медалей с надписями», хранящихся в соборной ризнице. 21 сентября председателю вновь пришлось напомнить обер-прокурору о своей просьбе. 15 ноября К.П. Победоносцев уведомлял А.А. Васильчикова, что приклады от старорусского епископа Анастасия (Добрадина), управлявшего тогда Новгородской кафедрой, получены и хранятся в канцелярии обер-прокурора. В связи с этим он просил командировать сотрудника Комиссии для осмотра предметов и их фотографирования. В результате бляшки были переданы в ИАК и возвращены в Синод в декабре того же года (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 12. Л. 1–3). Эти приклады, ныне утраченные, сохранились лишь в фотографиях, сделанных ИАК в 1885 г. (ср. подобные приклады, сделанные царем годом раньше в Псково-Печерский монастырь: Moussine 2017: 510).

В дальнейшем участие Комиссии в исследовании новгородских церковных древностей продолжалось. 3 мая 1890 г. Егор Кузьмич Редин (1863–1908) обратился в ИАК с просьбой поддержать его намерение заняться изучением церковной старины и ходатайствовать о допущении его в храмы и древлехранилища Новгородской епархии. Уже 31 мая ИАК обратилась с соответствующей просьбой к епископу Старорусскому Владимиру (Богоявленскому) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 70. Л. 2 — 2 об.).

В связи с началом реставрации и исследования Софийского собора в Новгороде ИАК поручила приват-доценту Санкт-Петербургского университета Илье Александровичу Шляпкину составить описание древних настенных надписей, сохранившихся в новгородских церквах. Это был первый шаг к комплексному изучению древнерусской эпиграфики. В своем письме И.А. Шляпкину от 17 декабря 1894 г. А.А. Бобринской обратил его внимание на важность настенных надписей и задал вопрос: не найдет ли он возможным принять на себя эпиграфическое изучение на месте и снятие копий за счет Археологической комиссии? 22 декабря И.А. Шляпкин ответил согласием (РО. Ф. 1.



Приклады царя Ивана Грозного и царевича Ивана к образу Богоматери Знамение, Знаменский собор, Новгород, 1578 г., не сохранились (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 12. Л. 4)

Оп. 1-1894 г. Д. 237. Л. 1 — 1 об., 2 — 3 об.). При этом он полагал, что традиция граффити начинается в XII в., и уже на святках 1895 г. был готов поехать посмотреть не только Софию, но и храмы на Нередице и на Волотовом поле.

Поездка должна была занять 8–10 дней и потребовать 120–150 руб. В плане развития темы И.А. Шляпкин предложил Комиссии обратить внимание не только на граффити, но и на вещевую эпиграфику, прежде всего поручи прп. Варлаама Хутынского, а также памятники Зверина монастыря, храмов вмч. Феодора Стратилата и свв. Бориса и Глеба и монастыря Воскресения на Мячине, что могло потребовать уже большей суммы в 300–400 руб. В тот же день ему был выдан первый в истории Открытый лист на исследование эпиграфических памятников и отправлены соответствующие письма гражданским и духовным властям (Там же. Л. 6).

Однако во время работ возник ряд проблем, которые были порождены уже начавшимся конфликтом между ИАК и архитектором В.В. Сусловым (подробнее см. главу I). Настоятель собора протоиерей Анатолий Иванович Конкордин 15 февраля 1895 г. в своем письме в Комиссию посчитал, что поскольку честь открытия и фиксации граффити принадлежит В.В. Суслову, то без него пересылать их в ИАК «не удобно» (Там же. Л. 11). 4 марта А.А. Бобринской отправил письмо в Строительный комитет Синода с просьбой прислать ящики со штукатуркой с надписями, снятой со стен В.В. Сусловым, в Комиссию. Очевидно граф полагал, что академик поступил в Софии так же, как поступил с фресками при реставрации Преображенского собора в Переславле-Залесском, т. е. снял их со стен вместе со штукатуркой. Дело дошло до того, что 3 января 1901 г. А.А. Бобринской был вынужден писать уже обер-прокурору Синода, жалуясь на В.В. Суслова, не желающего показывать Комиссии новооткрытые надписи. К К.П. Победоносцеву была обращена «покорнейшая просьба», не признает ли он возможным оказать ИАК «начальническое содействие к предложению академику Суслову доставить снятые им снимки на временное рассмотрение Комиссии» (Там же. Л. 335–336).

Впрочем, из отчета И.А. Шляпкина летом 1895 г. выяснилось, что В.В. Суслов лишь снял кальки с граффити, а сами надписи заштукатурил. Отбить «цемент» на лестнице и на хорах И.А. Шляпкину не удалось. В результате он прислал в Комиссию 22 снимка новгородских древностей, в том числе и изображение креста архиепископа

ШЛЯПКИН Илья Александрович (09.05.1858 — 29.04.1918) — филолог, палеограф, историк древнерусского искусства. Происходил из крестьянской семьи. В 1877 г. поступил в Петербургский университет. Учился у И.И. Срезневского, А.И. Веселовского и И.В. Ягича. В 1879 г. становится членом-корреспондентом ОЛДП. В 1881 г. был оставлен при кафедре русского языка и словесности у О.Ф. Миллера. В 1887–1900 гг. на правах приват-доцента читает лекции по теме «Введение в историю русской литературы». В 1900 г. экстраординарный профессор. Иконографический интерес представляет его статья, посвященная канонизации и изображению Александра Невского. Его исследования о новгородских крестах XII–XV вв. до сих пор остаются востребованными современной наукой.

Осн. соч.: Русское поучение XI века в перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным. СПб., 1881; Древние русские кресты. СПб., 1906; Русская палеография. СПб., 1913; Иконография благоверного великого князя Александра Невского. Пг., 1915; Лекции по истории русской литературы. Пг., 1915. Ч. 1. Вып. 2.

Лит. о нем: *Громов А.А.* Очерк научной деятельности И. А. Шляпкина, СПб., 1907; *Буш В.В.* Илья Александрович Шляпкин: Некролог. Пг., 1920; *Перетц В.Н.* Описание собрания рукописей профессора И.А. Шляпкина // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 361–461.

(Фото: СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-Ш. Д. 72. Л. 1)

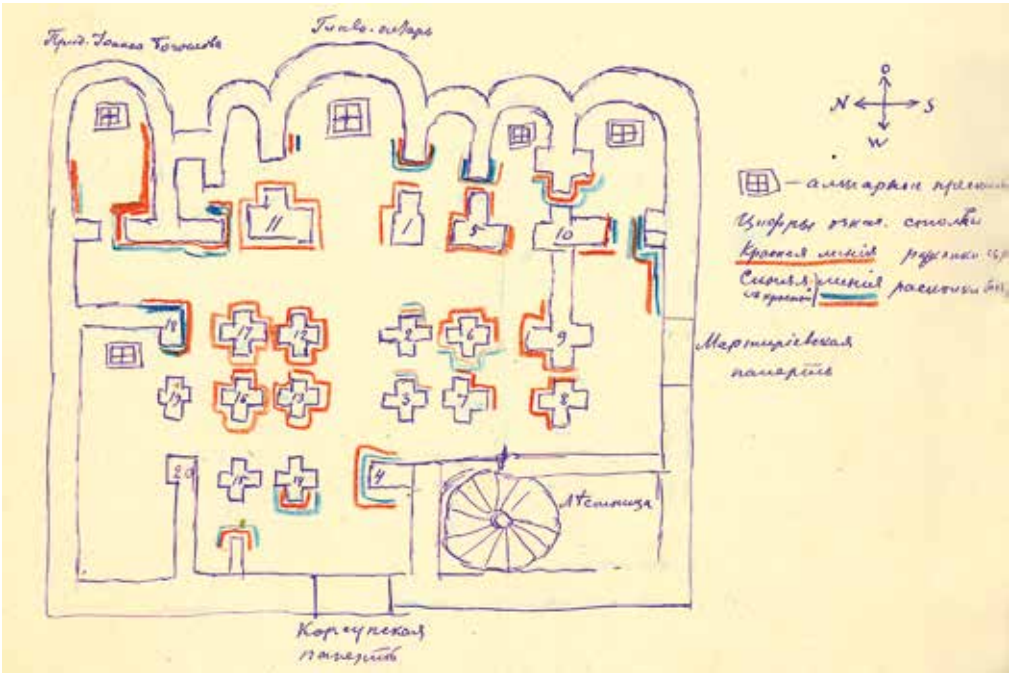
Алексия 1360-х гг. Его отчет сопровождался предложением существенно расширить исследовательский проект. Помимо корпуса древнерусских надписей, который включил в себя не только граффити, но и вещевую палеографию и надгробия XI–XVI вв., этот проект должен был завершиться изданием эпиграфического свода (Там же. Л. 4–18, 21–22).

19 июня к исследованию надписей Софийского собора присоединился Алексей Иванович Соболевский (1856–1929). Им удалось определить места, где располагались надписи, и к 24 июня было заложено 6 шурфов, в каждом из которых обнаружено по 5–10 граффити. В процессе работ И.А. Шляпкин сделал 188 снимков рисунков и надписей. Однако в то же время в адрес Комиссии возникли нарекания со стороны протоиерея А. Конкордина, который объявил, что духовное ведомство отказывается от идеи «делать выемки в полу» для открытия надписей, как это было предложено ИАК, и вообще просил «не трогать глубоко ям», полагая, что повсюду на глубине могут находиться мощи новгородских святителей.

В 1897 г. дело издания корпуса древнерусской эпиграфики продолжилось. От имени ИАК всем заинтересованным лицам был разослан соответствующий циркуляр о подготовке свода русских вещевых надписей XI–XIV вв. с предложением максимально его пополнить неизвестными Комиссии сведениями (Там же. Л. 127 — 128 об.). В результате в Комиссию поступили дополнительная информация и предложения. Е.Р. Романов предложил включить в издание надписи на Борисовых камнях на р. Двине и клейма на кирпичах Коложской церкви в Гродно, а профессор Киевской духовной академии Николай Иванович Петров — учесть в корпусе памятники древнерусской нумизматики. Предложения сопровождались фотографиями. Возникли идеи издать в будущем томе фрески церкви св. вмч. Георгия в Старой Ладоге, потир князя Юрия Долгорукого, змеевик с образом свв. Козмы и Дамиана, приобретенный А.И. Черепниным в Рязани в 1897 г., омофор XV в. из Владимира-Волынского (Там же. Л. 131, 195, 266, 267). Многие из фотографий, сделанных для И.А. Шляпкина сторожем Комиссии И.Ф. Чистяковым в 1896 г. в частности в Полоцке, оказались бесценны, поскольку памятники, изображенные на них, в том числе и крест св. княгини Ефросинии Полоцкой, были позднее утрачены (Алексеев 1996: 152; 1957). В корпус должны были войти и эпиграфические памятники, открытые в процессе работ, осуществленных самой Комиссией. Так в 1891–1892 гг. В.Б. Антонович, при поддержке ИАК, исследовал пещерный монастырь Бакота на Подолии на Днестре (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 237. Л. 149, 152 об.).

Крест. Новгород. Фото И. А. Шляпкина (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 237. Л. 41)

Надгробие. Новгород. Фото И. А. Шляпкина (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 237. Л. 42)



План Софийского собора с указанием мест, обследованных И.А. Шляпкиным (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 237. Л. 77 об.)

Еще одной уникальной находкой, сделанной в рамках этого проекта, стала ныне не сохранившаяся вотивная подвеска из коралла в золотой оправе с именем святого Ермолая Никомедийского, поднесенная иконе Божией Матери XVI в. в монастыре Зимно, которую И. А. Шляпкин обнаружил во время своей поездки на Волынь в 1897 г. Подвеска, изготовленная в конце XV — начале XVI в. предположительно в Венеции, могла быть фамильной реликвией семейства сербских деспотов Бранковичей. Дочь Йована Бранковича, Мария-Магдалена, была замужем за князем Александром Чарторыйским, ктитором монастыря в Зимно, и могла пожертвовать подвеску в обитель в 1560-е гг. (Мусин 2019).

К сожалению, издание так и не было осуществлено, и все материалы будущего свода осели в архиве ИАК. Публикация корпуса древнерусской эпиграфики осуществилась лишь в XX в. (ср.: Орлов 1952; Рыбаков 1964; Николаева 1971; Медынцева 1977; 1991).

В дальнейшем И. А. Шляпкин продолжил сотрудничество с Археологической комиссией в деле изучения археологических и эпиграфических памятников русского Северо-Запада. В 1898 г. он предпринял поездку в Боровичский уезд Новгородской губернии для изучения надписи на каменном кресте в часовне д. Воймерицы и произвел частичные раскопки жальника и курганов, расположенных в окрестностях деревни (ОИАК за 1898 г. 1901: 57–58). В этом же году И. А. Шляпкин обследовал жальник в Тихвинском уезде Новгородской губернии около д. Новый Бор. Немногочисленные находки попали в Новгородский музей древностей, антропологическая коллекция

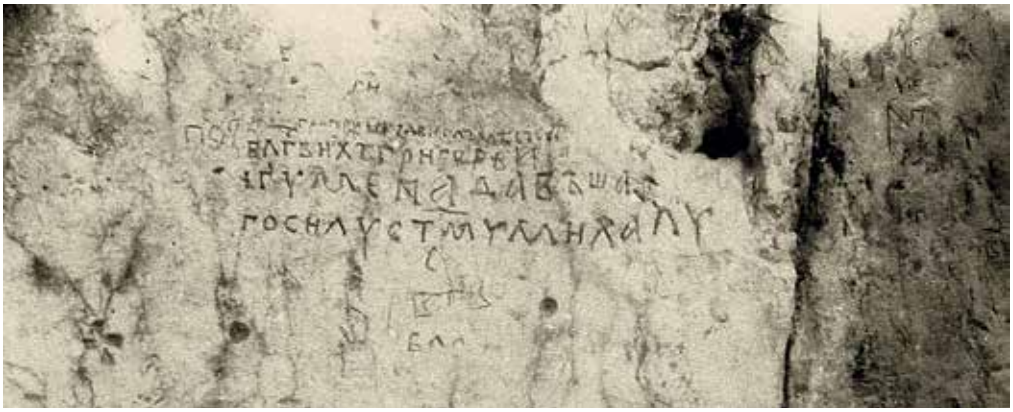
из раскопок была передана в музей Военно-медицинской академии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 223. Л. 47–48).

Главным проектом Комиссии в области древнерусского и византийского прикладного искусства стало издание русских кладов, предпринятое Н. П. Кондаковым (Кондаков 1896). В отечественной литературе, естественно, отмечалась роль Комиссии в этом издании. Однако сама публикация характеризовалась, как правило, достаточно критично, а в оценках чувствовалось определенное противоречие. С одной стороны, утверждалось, что в дореволюционное время изучение кладов велось ради чисто искусствоведческих задач. С другой — подчеркивалось, что единственная ценность труда Н. П. Кондакова заключалась в публикации фактического материала, причем типологическое и хронологическое распределение этого материала не было обосновано. Претензии возводились на идейных основаниях: автору ставилось в вину, что тот считал древнерусское искусство лишь ухудшенным, провинциальным вариантом искусства Византии, а вопрос о древнем самобытном русском искусстве был «утоплен» им в море бесконечных перекрестных влияний (Корзухина 1954: 5–6).

Систематизация и издание собранных ИАК и доставленных ею в Императорский Эрмитаж кладов были Высочайше поручены Н. П. Кондакову еще в мае 1885 г., однако в силу ряда причин проект был приостановлен в августе того же года (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 59. Л. 64 — 64 об.) К этому времени корпус древнерусских кладов был уже достаточно представителен: Рязанские клады 1822 и 1885 гг., Владимирский клад 1865 г., Орловский клад 1878 г., Киевские клады 1881 и 1885 гг.,

Крест преподобной Евфросиньи Полоцкой. Полоцк, Витебская губерния. Фото И. Ф. Чистякова, 1896 г. (ФО. Отп. О.705-22)

Черниговский клад 1883 г., Полтавский клад 1885 г. и др. (подробнее см. главу I). После «провала» авантюры А. В. Прахова, пытавшегося взять издание кладов в свои руки, работа Н. П. Кондакова продолжилась. В мае 1886 г. он просил выслать ему в Одессу уже готовые рисунки и материалы, связанные с предстоящей публикацией (Там же. Л. 29–30). 17 мая А. А. Бобринской обратился к директору Императорского Эрмитажа А. А. Васильчикову с просьбой оказать Комиссии помощь в фотографировании хранящихся в музее кладов для будущего издания (Там же. Л. 31–32). Процесс затянулся, и лишь в феврале 1887 г. опись кладов (Там же. Л. 36–53) была



Надписи в Бакотских пещерах, открытые В.Б. Антоновичем (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 237. Л. 149)

Зимненская икона Матери Божией. Фото И.Ф. Чистякова, 1897 г. (ФО. Нег. III 6968)

Зимненская икона Матери Божией. Фото А. В. Прахова, 1887 г. (по: 150 святинь Великої Волині 2001: 46)

Подвеска из коралла на Зимненской иконе Матери Божией. Рисунок И. А. Шляпкина, 1897 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 237. Л. 201)

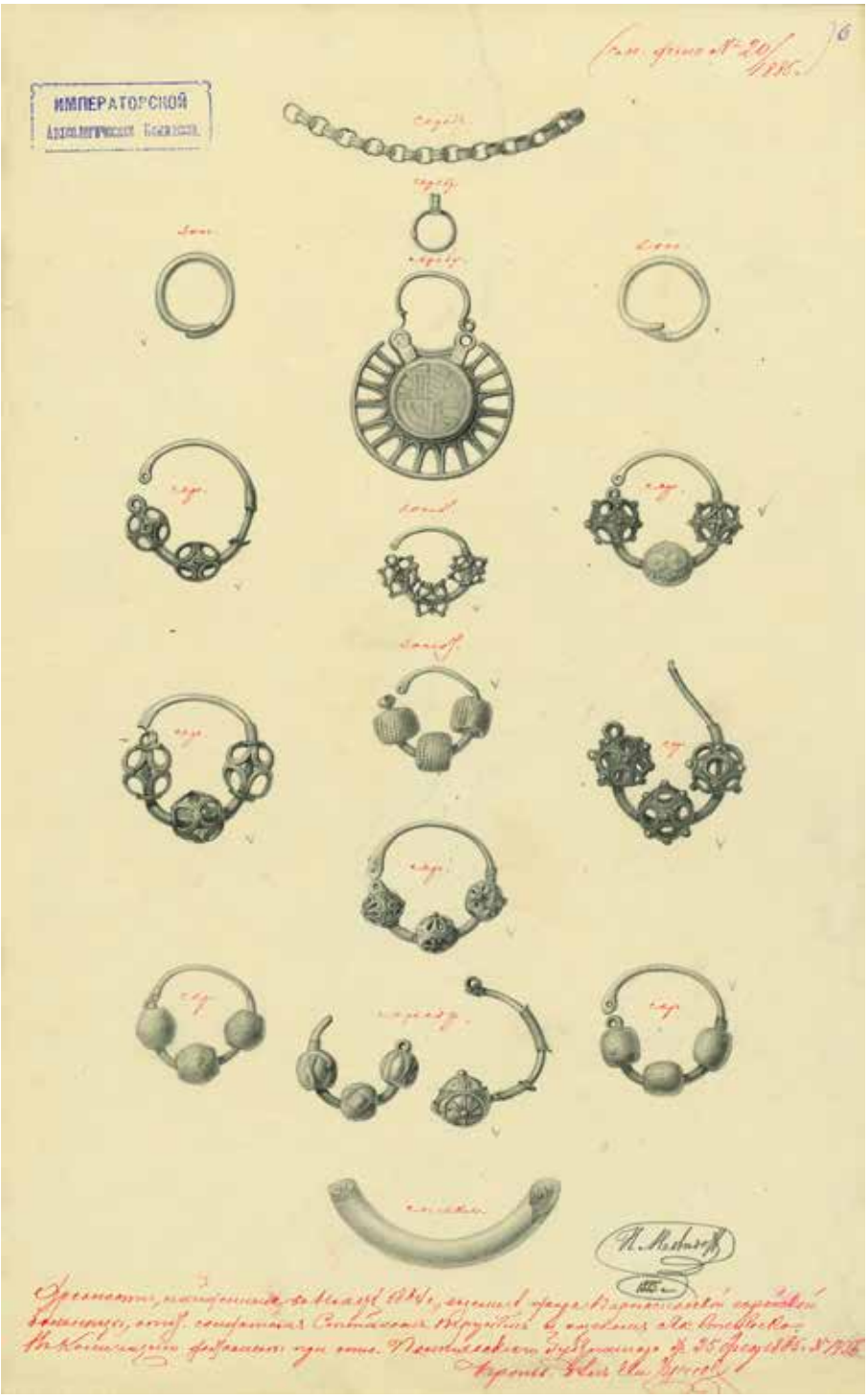
Каменные кресты с надписями из часовни в д. Воймерицы, Боровичский уезд, Новгородская губерния (ФО. Отп. Q 243-9)

Фрагмент полевого дневника И. А. Шляпкина. План сопки из Воймерицкого могильника, Боровичский уезд, Новгородская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 223. Л. 18)

выслана Н. П. Кондакову (Там же. Л. 54). Но еще ранее, в конце декабря 1886 г., тот, сознавая важность исследования и необходимость поиска точных аналогий, просит у председателя Комиссии разрешения на поездку в Европу с научной целью для обозрения имеющихся там памятников. С 1 мая по 1 августа 1887 г. предполагалось посетить Бухарест, Пешт, Вену, Берлин, Лондон, Стокгольм и Копенгаген (Там же. Л. 61–62). Уже в январе 1887 г. А. А. Бобринской, понимая необходимость такого путешествия, подает рапорт министру двора, испрашивая на эту командировку 1200 руб. 7 февраля разрешение было получено (Там же. Л. 66).

К 17 февраля 1887 г. Н. П. Кондаков получил от И. А. Суслова 5 посылок с фотографиями вещей из кладов (Там же. Л. 67). Тогда же он заказывает новую серию фотографий с древностей Оружейной палаты и Киевского университета (Там же. Л. 70 — 71 об.). Потом дело вновь затягивается. Но 15 марта 1893 г. император Александр III, посетив очередную выставку археологических находок, организованную Комиссией, обратил внимание на еще не изданные рисунки. Выяснив, что работы были приостановлены за недостатком денежных средств, он согласился способствовать изданию кладов (Там же. Л. 110).

26 мая 1893 г. А. А. Бобринской подает докладную записку министру двора В. Б. Фредериксу, испрашивая 9196 руб. на два года на будущее издание кладов (Там же. Л. 111). Одновременно он изложил стратегию новой



Переславский клад 1885 г. Рисунок И.Н. Медведева (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 20. Л. 6)

издательской политики Комиссии, которая включала в себя фрески керченских катакомб (1890–1891), древние персидские блюда и сосуды из восточной части империи (1887–1890) и др. Дело издания русских кладов сдвинулось с места только к 1896 г. В январе Н.П. Кондаков отправляет В.Г. Тизенгаузену два письма о возможности расширения будущего издания за счет включения в него «шапки Мономаха» и других памятников, которые он уже использовал в своем издании «Византийские эмали» (Кондаков 1892: 244, рис. 87; ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 59. Л. 198–199). При этом особое внимание предполагалось уделить исследованию филиграней. В дальнейшем много времени заняла переписка по Рязанскому и Киевскому Михайловскому кладам. 20 декабря 1896 г. наконец было получено разрешение на посвящение труда Александру III (Там же. Л. 266). Издание было датировано тем же годом.

Однако уже в 1896 г. во Владимире был найден новый клад, весьма близкий по составу к кладу 1865 г. (Там же. Л. 325). В сентябре 1897 г. Н.П. Кондаков предложил Комиссии издать второй том русских кладов, в который, в частности, должны были войти и ткани, найденные в Успенском соборе г. Владимира. Эти ткани он намеревался опубликовать вместе с Василием Тимофеевичем Георгиевским (1861–1923) (Там же. Л. 298). 4 октября 1897 г. ИАК направила письмо архиепископу Владимирскому Сергию (Спасскому), и уже в конце октября ткани были выданы В.Т. Георгиевскому для доставки их в Петербург (Там же. Л. 302). 28 апреля 1899 г. последовала просьба к тому же архиерею предоставить возможность опубликовать ризы из Покровского Суздальского монастыря с эмалевыми дробницами (Там же. Л. 327).

Работа над вторым томом шла медленно. В январе 1904 г. фотографии, сделанные, в частности, фирмой Альберта Мея, уже были полностью готовы, однако проект был заморожен, очевидно, в связи с политическими и экономическими потрясениями в стране. Лишь в январе 1917 г. Б.В. Фармаковский сообщил Комиссии о намерении Н.П. Кондакова вернуться к изданию (Там же. Л. 380). ИАК согласилась привлечь для этой работы дополнительного сотрудника и платить ему 50 руб. в месяц. 30 января 1917 г. Н.П. Кондаков отвечал, что готов пригласить для этих целей Е. Яценко. Издание так и не было осуществлено, саму рукопись исследователь вывез с собой в эмиграцию (см., напр.: Тункина 1995b: 102, 106, 108; 2004: 760–761). В российских архивах сохранились отдельные рисунки и комплект таблиц, выполненные Т.Н. Барсуковой и Д.К. Крайневым (Васильева 2001: 43–45; ср.: СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 2. Д. 17). Материалы второго тома древнерусских кладов, задуманного Н.П. Кондаковым, были изданы А.С. Гущиным только в 1930-х гг. достаточно избирательно и без должного упоминания о работе, проделанной Н.П. Кондаковым и ИАК (Гущин 1936; Корзухина 1954: 6).

В начале 1890-х гг. Археологическая комиссия, используя потенциал, накопленный в сотрудничестве с В.Б. Антоновичем и В.З. Завитневичем, активно включилась в археологическое изучение массовых славяно-русских древностей, преимущественно на Северо-Западе России. Распоряжение 1889 г. об исключительном праве ИАК выдавать разрешения на проведение

археологических исследований на казенных и общественных землях значительно изменило характер поступления археологических находок в Комиссию. В результате поменялся и формат их публикации. С этого времени отдельная глава отчетов о действиях Комиссии посвящалась подробному описанию наиболее интересных предметов из «приношений» и случайных находок, с привлечением иллюстративного материала. В приложении к отчету публиковались таблицы распределения древностей, случайно найденных в различных губерниях России и доставленных в ИАК местными учреждениями и частными лицами. Там же приводился список обнаруженных древностей с указанием места их находки и названия организации, куда они были впоследствии переданы Комиссией.

Самым ценным поступлением 1890 г., из «безвозмездно предоставленных в собственность» Археологической комиссии, стала коллекция средневековых древностей из раскопок Льва Константиновича Ивановского (1845–1892) на территории бывшей Водской пятины Новгородской земли. Эта коллекция впоследствии послужила основой для создания типологии и хронологии русских курганных древностей (ОИАК за 1890 г. 1893: 111). В течение 1872–1890 гг. он раскопал при поддержке Русского археологического общества 5731 курган (Спицын 1896а: 2), в результате чего появилось богатейшее собрание археологических находок. Качественное издание столь обширных материалов требовало большого труда и денежных вложений. Русское археологическое общество, «не имея у себя достаточно средств для составления и издания надлежащим образом ученого описания» коллекции Л.К. Ивановского, в 1890 г. передало его древности в ИАК для публикации и последующего распределения между Эрмитажем и РИМ, с условием, что Комиссия впоследствии предоставит обществу 400 печатных экземпляров изданного труда (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 89. Л. 1).

Осенью 1890 г. в ИАК поступило 4 ящика с древностями из коллекции Л.К. Ивановского. Большая часть предметов была сгруппирована в таблицы и прикреплена к картону (Там же. Л. 2), что в дальнейшем, по свидетельству А.А. Спицына, значительно помогло в систематизации материалов. Перед тем как приступить к подготовке издания, весной 1891 г. автор исследований обратился в ИАК с ходатайством о разрешении раскопок по течению р. Луги для дополнения собранных им и уже находящихся в Комиссии древностей, найденных в курганах Вотской пятины, а также о «сношениях с санктпетербургским военно-медицинским инспектором на предмет командирования доктора Ивановского в распоряжение ИАК на июль, август, сентябрь» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 71. Л. 77 об. — 78). Археологическая комиссия полностью удовлетворила его просьбу и ассигновала на работы 500 руб. Летом 1891 г. Л.К. Ивановский раскопал еще 146 курганов в Ямбургском и Гдовском уездах Петербургской губернии (ОИАК за 1891 г. 1893: 94–95). Вскоре после этого он скончался, не успев подвести итог своим исследованиям.

Материалы его раскопок были изданы в 1896 г. трудами членов ИАК В.Г. Дружинина и А.А. Спицына. Первый из них привел коллекцию в порядок перед окончательной подготовкой к публикации (Спицын 1896а: 3), но главная заслуга, безусловно, принадлежит А.А. Спицыну, который кропотливо

обработал и проанализировал все собрание древностей. К сожалению, вся отчетная документация Л.К. Ивановского ограничивалась его дневниками — «журналами раскопок», содержавшими лишь перечни находок и указания на их расположение в погребениях, нанесенные на типовые рисунки скелетов. Более подробные данные об устройстве насыпи, погребальном обряде и т. п. в «журналах» отсутствовали. Коллекция была издана А.А. Спицыным в серии «Материалы по археологии России» в виде монографии с атласом рисунков. Русское археологическое общество получило 400 обещанных томов. Отдельный экземпляр был поднесен императору (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 89. Л. 15, 20). После публикации археологическую коллекцию Л.К. Ивановского распределили в Эрмитаж, Исторический музей и музей Русского археологического общества.

Комиссия организовывала и самостоятельные полевые исследования. Представляется закономерным, что большая часть этих работ была связана с Северо-Западом России: находившаяся в Санкт-Петербурге ИАК могла оперативно реагировать на информацию с мест, касающуюся состояния археологических памятников и угрозы их существованию. В 1892 г. в ИАК поступили сведения о том, что крестьяне с. Миронеги Валдайского уезда Новгородской губернии предприняли кладоискательские раскопки одной из насыпей сопочной группы, располагавшейся рядом с селом, но были остановлены местным исправником (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 51. Л. 12). На следующий год крестьянская община послала прошение новгородскому губернатору с ходатайством продолжить раскопки на законном основании. Чтобы предотвратить дальнейшие самовольные работы крестьян, Археологическая комиссия обратилась к князю Павлу Арсениевичу Путятину (1839–1919) с просьбой исследовать миронежские сопки.

Летом 1893 г. князь произвел раскопки 5 насыпей в Валдайском уезде (ОИАК за 1893 г. 1895: 18). Он своевременно представил в ИАК отчет о своих работах с приложением описи находок и подробным дневником. Копали курганы те самые крестьяне, которые подавали прошение губернатору, — под контролем самого П.А. Путятина и местного исправника. В полевом дневнике археолог указывал: «Работало человек пятьдесят мужчин и баб с такой энергией, что приходилось зачастую сдерживать неправильное и усиленное ворошение земли лопатами» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 51. Л. 12 об. — 13). Анализируя конструктивные особенности исследованных насыпей, П.А. Путятин отнес миронежские сопки к типу ладожских курганов, раскопанных Н.Е. Бранденбургом (Там же. Л. 14). Находки из этих раскопок ИАК направила в Новгородский музей древностей.

Часть древностей в этом регионе была спасена Комиссией при сотрудничестве с Министерством путей сообщения. В июле 1899 г. Строительная контора Московско-Виндавской железной дороги уведомила ИАК, что в процессе прокладки железнодорожной ветки от ст. Дно до ст. Новосокольники при разработке балластного карьера в Порховском уезде Псковской губернии были найдены «пещеры и черепа» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 159. Л. 1). Начальник участка приостановил работы до прибытия представителя Комиссии. Для осмотра места строительства ИАК направила

преподавателя Археологического института художника Николая Константиновича Рериха (1874–1947), снабдив его Открытым листом и денежными средствами. Порховский уездный исправник был предупрежден о намеченной поездке: ему отправили просьбу оказать Н.К. Рериху «законное содействие» (Там же. Л. 9). В результате обследования выяснилось, что сделанные находки относятся к остаткам старообрядческого кладбища, что в то время не представляло археологического интереса (ОИАК за 1899 г. 1902: 102–103).

Подобным образом были организованы работы ИАК и в других местах. В 1894 г. консерватор Минералогического кабинета Санкт-Петербургского университета В.К. Агафонов сообщил в ИАК, что в процессе почвенно-геологических работ на территории имения Григоровской сельскохозяйственной школы около г. Новгорода он «наткнулся на скопления глиняных черепков и кусков различных каменных пород, обработанных отбивкой и шлифованием» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 120. Л. 9). Комиссия поддержала его инициативу провести там раскопки, выдала Открытый лист и выделила денежные средства. В 1894 г. в ходе археологических работ В.К. Агафонов раскопал остатки углежогных ям, нашел обломки шлифовальных камней и фрагменты позднесредневековой керамики. Находки также были сданы в Новгородский музей древностей (ОИАК за 1894 г. 1896: 25, 154–155).

По инициативе ИАК продолжалось исследование и восточных районов Новгородской земли. Осенью 1899 г. герцог Николай Лейхтенбергский сообщил великому князю Константину Константиновичу о кургане, находящемся на границе его усадьбы Горы в Новгородской губернии около ст. Окуловка, и признал необходимость его исследования. В письме содержалось описание памятника: «Весь курган покрыт был гранитными плитами, из которых многие видны были над поверхностью земли, а кругом были врыты остроконечные плиты в виде венца или ограды». Герцог обещал содействовать в раскопках и предоставить рабочих, лошадей и инструменты (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 233. Л. 1).

Исполнение работ было возложено на ИАК. Вначале Комиссия предложила провести раскопки кургана Н.Е. Бранденбургу, но тот ответил отказом, сославшись на здоровье. «Поехать на раскопки в ноябре месяце, в распутицу, грязь и холод, — писал он, — было бы в мои годы слишком смело, тем более, что я вообще крайне подвержен простудам, при этих же работах обязательно присутствовать безотлучно и, следовательно, приходится рисковать весьма скверными последствиями» (Там же. Л. 5 — 5 об.). Он также сомневался в научной значимости предполагавшихся раскопок. «По поводу самого кургана позволю себе высказать предположение, что, по моему мнению, едва ли он оправдает ожидаемые научные интересы. Лет 20 тому назад я, кажется, раскапывал подобный же курган (покрытый плитами) на севере Новгородской губернии, если не ошибаюсь, на р. Сяси, но ничего интересного в нем, сколько помнится, не оказалось, — едва ли даже не позднейшие лишь погребения! Думается, что таковые же результаты даст и курган, намеченный в настоящем случае» (Там же. Л. 5 об. — 6). В итоге ИАК поручила произвести исследование Н.К. Рериху, который и раскопал курган в мае 1900 г., проследив конструкцию насыпи (ОИАК за 1900 г.

1902: 85). Обнаруженные в кургане погребения Н.К. Рерих датировал несколькими периодами от X в. до начала XVI в., но затруднился точно отнести его с определенностью к какому-либо типу памятников (Рерих 1901: 64).

Н.К. Рерих проводил раскопки и в других местностях Северо-Запада России (Королев 1998: 46–48; Рябинин 1999: 15–34). Несмотря на то, что уровень полевой фиксации и интерпретации материалов этих исследований оставлял желать лучшего, нежели у прочих раскопок, организованных ИАК, эти работы пополнили ученые представления об археологической карте Новгородской земли.

Изучение Северо-Запада можно рассматривать и как часть общей программы взаимодействия ИАК с областными археологическими съездами. В целях содействия областному археологическому съезду в Твери (подробнее см. главу I) ИАК в течение 1902–1903 гг. организовывала под руководством А.А. Спицына экспедиции в Новгородскую, Тверскую и Ярославскую губернии для исследования памятников археологии в малоизученном регионе — в верховьях Волги. В 1903 г. А.А. Спицын попытался «отыскать финский древний могильник в верхнем Поволжье» и с этой целью направился в Валдайский уезд Новгородской губернии. Его внимание привлек район пустоши Часовня в окрестностях оз. Кафтино — место находки «проволочной плетеной пряжки с подвесками» финно-угорского типа, поступившей в Тверской музей от художника Д.Н. Чудковского, владевшего имением на берегу озера. Указанное им место находилось в частном владении — в имении «Святое» швейцарского подданного Г.Г. Фолленвейдера. По закону ИАК могла беспрепятственно заниматься археологическими изысканиями только на казенных или общественных землях. Поэтому Комиссия обратилась к владельцу с официальным прошением разрешить раскопки, обещая, что они «будут произведены без малейшей порчи земли или порослей». Тот полностью поддержал инициативу Комиссии и даже пригласил А.А. Спицына остановиться на время работ в его доме (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 70. Л. 3–4). Летом 1903 г. А.А. Спицын произвел осмотр означенной территории, но его надежды найти «финский могильник» не оправдались. Были обнаружены жальник и остатки древнерусского селища (Спицын 1904: 65–67; РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 210).

В 1902 г. в рамках этой программы обследование Деревской пятины на территории Демянского уезда Новгородской губернии было поручено (по ходатайству А.А. Спицына) слушателю Археологического института Николаю Ивановичу Репникову (ОИАК за 1902 г. 1904: 113; Репников 1904: 18–20). Согласно данным отчета, представленного Н.И. Репниковым в ИАК, он раскопал 9 насыпей в курганной группе около д. Хозютино и остатки позднего кладбища в урочище Таборы. В районе д. Пески он произвел разведочные работы, зафиксировал и описал жальник, курганные и сопочные могильники. Н.И. Репников обратил особое внимание на древнерусское городище Княжа Гора, приобрел у крестьян 4 медных креста и 2 складня, найденных на городище (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 96. Л. 99 об. — 101). Собранные им древности были переданы в Тверской музей. Параллельные исследования в связи с Тверским съездом проводили Н.Е. Макаренко и С.А. Гатцук — тоже по программе ИАК (Там же. Л. 103, 117).

Н. И. Репников (справа) и П. М. Раевский. Партенит, 1907 г. (ФО. Отп. Q 455-62)

Характерно, что сотрудничество Комиссии с Н.И. Репниковым в области изучения средневековых древностей (Королькова 2004: 118–125) вскоре продолжилось, но уже в других широтах. 5 мая 1903 г. Н.И. Репникову был выдан Открытый лист и выделено 100 руб. на раскопки в Ялтинском уезде (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 91. Л. 2, 4). Объектом исследований должен был стать могильник крымских готов Сууксу, которому угрожала распашка под виноградник. 9 августа Н.И. Репников отправляет в Петербург телеграмму: «Могильник огромен, грунт тяжел, нашли золото, хищничают, запретил, одному не управиться, пришлите Макаренку». Сложность работ привела к тому, что деньги оказались «израсходованы с передержкою (121 руб.), а раскопка могильника далеко не кончена» (Там же. Л. 9, 10). Параллельно возникла новая проблема: местное население стало готовить под виноградник соседний могильник — Балготу, и Н.И. Репников обратился в Комиссию за инструкциями.

21 декабря 1903 г. А.А. Бобринской написал таврическому губернатору, сообщая ему, что татары Гурзуфа распахивают под виноградник готский могильник. Председатель ИАК просил запретить здесь посадки вплоть до окончания работ. В ответ на это таврический губернатор 14 февраля 1904 г. сообщал, что «раскопка готского могильника в Гурзуфе приостановлена и установлено наблюдение о нераспашке до особого разрешения со стороны ИАК» (Там же. Л. 44,

РЕПНИКОВ Николай Иванович (9.04.1882 — 25.12.1940) — археолог, специалист по иконописи, монументальной живописи и прикладному искусству Древней Руси. В 1904 г. окончил Санкт-Петербургский археологический институт, в 1904–1908 гг. вольнослушателем учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, ученик А. А. Спицына. Провел серию археологических исследований на Северо-Западе России и в Крыму. С 1902 г. сотрудничал с ИАК и РАО.

Составил сводную карту жальников с их описанием, изучал жертвенные места Новгородской земли. С 1910 г. сотрудник Этнографического отдела музея императора Александра III, хранитель археологической коллекции музея. В 1909–1913 гг. исследовал Земляное городище Старой Ладоги. Участвовал в реставрации фресок храмов св. Георгия в Старой Ладоге и Никольского в д. Гостинополье. В 1928–1937 гг. проводил раскопки пещерного города Эски-Кермен в Крыму. Собрал большую библиотеку по истории и древностям Крыма, поступившую после его смерти в ИИМК.

Осн. соч.: Жальники Новгородской земли // Известия ГАИМК. 1931. Т. IX. Вып. 5; Раскопки в городище Старой Ладоги: Отчет о работах 1909–1913 гг. // Старая Ладога. Л., 1948. С. 11–69.

Лит. о нем: *Бернштам А. Н.*, *Бибиков С. Н.* Н. И. Репников (1882–1940). [Некролог] // КСИИМК. 1941. Вып. IX. С. 121–123; *Равдоникас В. И.* Памяти Н. И. Репникова // Старая Ладога. Л., 1948. С. 6–10; *Королькова Л. В.* Н. И. Репников — исследователь Северо-Запада России // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2004. С. 118–125.

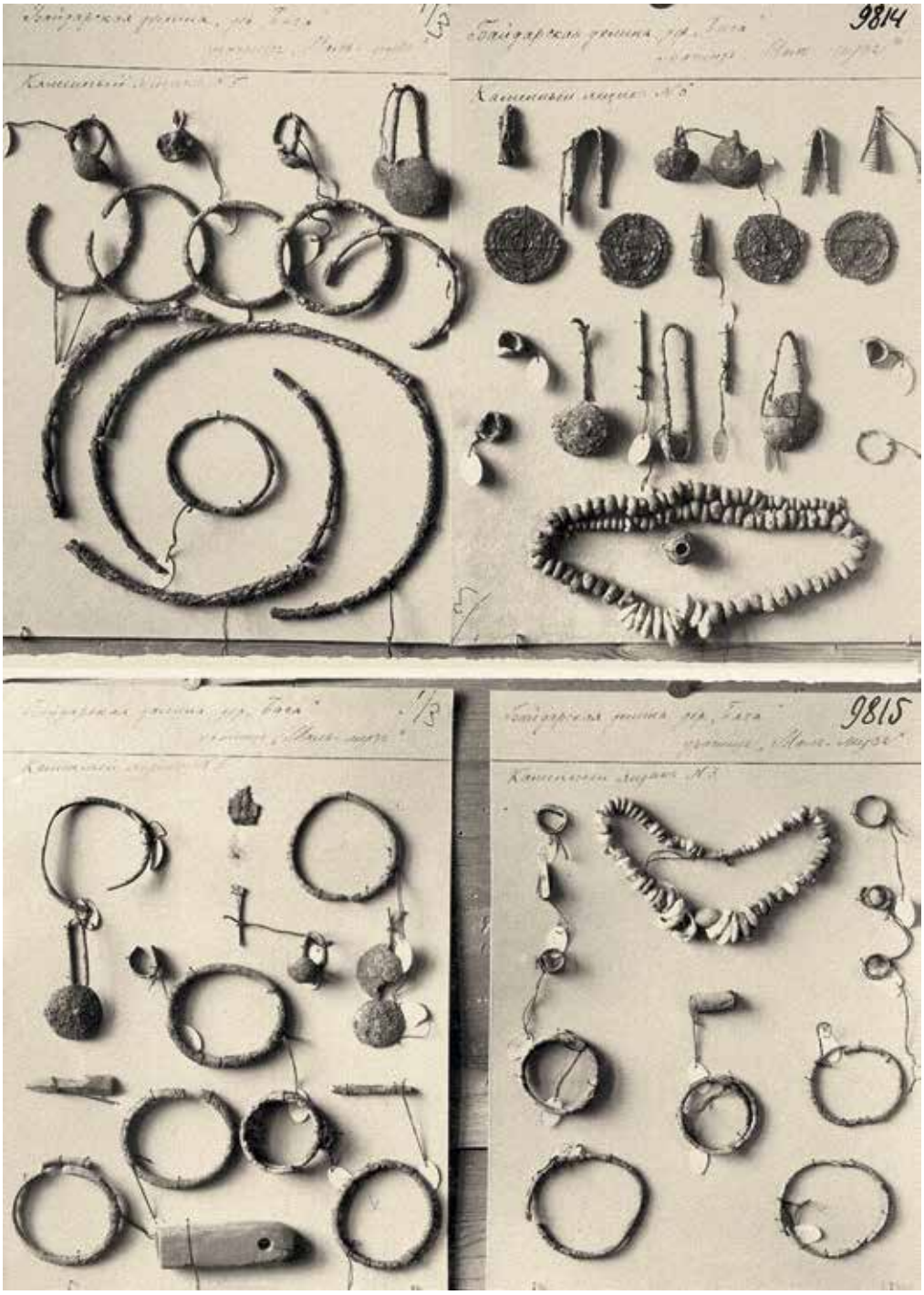
48, 65). На 1904 г. Н. И. Репникову было выделено 600 руб., однако уже 28 января 1904 г. он рапортует в Петербург, что исследование могильника закончено (очевидно, речь шла об определенном участке), и предлагает начать раскопки соседнего некрополя — Балготы. Впрочем, как свидетельствует докладная записка делопроизводителя Комиссии А. С. Раевского от 23 января 1905 г., разграбление могил, оставшихся неисследованными, продолжалось. В связи с этим он предлагал приступить к раскопкам участка некрополя между дорогой и морем (Там же. Л. 63, 70 — 70 об.).

Раскопки могильника Суук-су и синхронных древностей на средства Комиссии продолжались и позднее: так, в 1905 г. на эти цели ИАК выделила до 1000 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 94; РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 44; РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 98; ср.: Репников 1906: 1–80). Затем, после кончины К. К. Косцюшко-Валюжинича, Н. И. Репникову в 1908 г. на непродолжительное время было поручено возглавить исследования Херсонеса (подробнее см. главу V). К сожалению его последующие исследования в Старой Ладоге в начале 1910-х гг., начатые по инициативе Этнографического отдела Русского музея, проходили без видимого участия ИАК, и даже материалы отчетов практически не поступали в архив Комиссии (ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 42). А ведь именно в это время трудами ИАК исследовался культурный слой и архитектурные памятники другого древнерусского города — Киева (подробнее см. главу XII).

Еще одним постоянным агентом Комиссии стал после предварительных работ Тверского областного археологического съезда Николай Емельянович Макаренко (Нестуля 1998: 173;

Могильник Суук-су. Раскопки Н.И. Репникова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 94. Л. 39)

План грунтовой могилы № 61 могильника Суук-су из отчета Н. И. Репникова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 94. Л. 57)



Вещи из раскопок Н. И. Репникова у д. Скала в Байдарской долине (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 44. Л. 86)

ср.: Павловский 1912: 26–28). По поручению ИАК он участвовал в раскопках финно-угорского могильника Заколпье (Судогодский уезд Владимирской губернии), организованных Владимирской ученой архивной комиссией (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 18). Тогда же Н.Е. Макаренко исследовал Донецкое городище в Харьковской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 70) и памятники слободы Верхние Салты Волчанского уезда Харьковской губернии. Эти работы были связаны с инспектированием раскопок памятников салтово-маяцкой культуры, которые проводил Василий Алексеевич Бабенко (1877–1955). Они также производились по поручению ИАК. Н.Е. Макаренко активно сотрудничал с Комиссией в 1902–1918 гг., осуществляя на ее средства исследования и разведки на территории южных губерний: Воронежской, Полтавской, Екатеринославской; работы сопровождались регулярной присылкой отчетов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 69; РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 43; РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 65; РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 84).

На рубеже веков ИАК выступила в роли организатора археологических исследований в Смоленской губернии, в частности в Гнездове, и опубликовала их результаты (см.: Медведева 2018). Это было одно из первых изданий археологических памятников периода становления древнерусского государства X в., связанных с присутствием скандинавов в Восточной Европе и их участием в жизни древнерусского общества. Инициатива проведения этих работ, как и во многих других случаях, пришла в ИАК извне. Она принадлежала ученому секретарю Исторического музея Владимиру Ильичу Сизову (1840–1904).

Изначально целью исследований было определение племенной территории кривичей, что восходило к идеям А.С. Уварова выявить тип «русско-языческих погребений» в данной местности (Сизов 1902b). Еще в 1872–1883 гг. к осуществлению этого намерения приступил Михаил Францевич Кусцинский (1829–1905), начавший раскопки курганов в Лепельском уезде Витебской губернии (Алексеев 1996: 170). Первые небольшие раскопки Гнездова были проведены М.Ф. Кусцинским в 1874 г. (Кусцинский 1881: 1–6), а в 1881–1883 гг. здесь на средства МАО уже работал В.И. Сизов.

Однако еще в 1867 г. в ИАК поступил первый Гнездовский клад, а в 1870 г. еще два (Прозоровский 1872; Корзухина 1954: 88; Пушкина 1998), что привлекло внимание научной общественности к этому памятнику. В 1895 г. В.И. Сизов запросил в ИАК Открытый лист на Смоленский и Духовщинский уезды Смоленской губернии, одновременно предложив предоставить Комиссии для публикации часть своего труда о смоленских курганах. Но в том году раскопки им не производились, а его исследование было опубликовано в Трудах XI Археологического съезда (РО. Ф. 1. Оп. 1-1895 г. Д. 115; Сизов 1902a; 1895). В 1896 г. В.И. Сизову было выделено 200 руб. на раскопки в Гнездово, тогда же им было раскопано 94 кургана в Лесной группе «за рекою Свинкой» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 69. Л. 6 — 14 об.). На следующий год ИАК поддержала его исследования в Мизиново и Ярцево, выплатив 65 руб. Помимо погребений по обряду кремации и ингумации В.И. Сизов, вполне в духе эпохи, «выделил» на памятнике «промежуточную форму» обряда в виде якобы «обожженных скелетов». Кроме того, в одном из «удлиненных

Н.Е. Макаренко (справа), В.В. Саханев и сестры Верховские на раскопках Мордвиновского кургана, Таврическая губерния, 1914 г. (ФО. Отп. Q 600-51)

МАКАРЕНКО Николай Емельянович (4.02.1877 — 4.01.1938) — археолог, искусствовед, художник. Действительный член ИРАО, ИРГО, Тверской, Оренбургской, Черниговской и Полтавской ученых архивных комиссий, Общества архитекторов-художников, член-корреспондент ИМАО (1913 г.), почетный член Псковского археологического общества. В 1897 г. окончил Лохвицкую гимназию, в 1902 г. — Училище технического рисования барона Штиглица со званием художника 1-го разряда. В 1902–1904 гг. обучался в Петербургском археологическом институте. С 1902 г. по поручению ИАК занимался исследованиями и раскопками в различных губерниях. В 1911 г. был принят в Эрмитаж как приватно занимающийся в Отделении Средних веков, с 1915 г. — кандидат на классную должность, в конце марта 1917 г. был командирован на турецко-кавказский фронт в качестве члена ученой экспедиции для регистрации и изучения памятников искусства и старины. В 1919–1921 гг. был приват-доцентом по кафедре археологии Украины Киевского университета, с 1919 по 1929 г. возглавлял секцию искусств Всеукраинской академии наук. Профессор Украинской государственной академии искусств, член Всеукраинского археологического комитета. В 1920–1924 гг. — директор Музея западного и восточного искусства. С 1925 по 1929 г. проводил на Украине раскопки памятников трипольской культуры, в 1930 г. открыл и исследовал Мариупольский неолитический

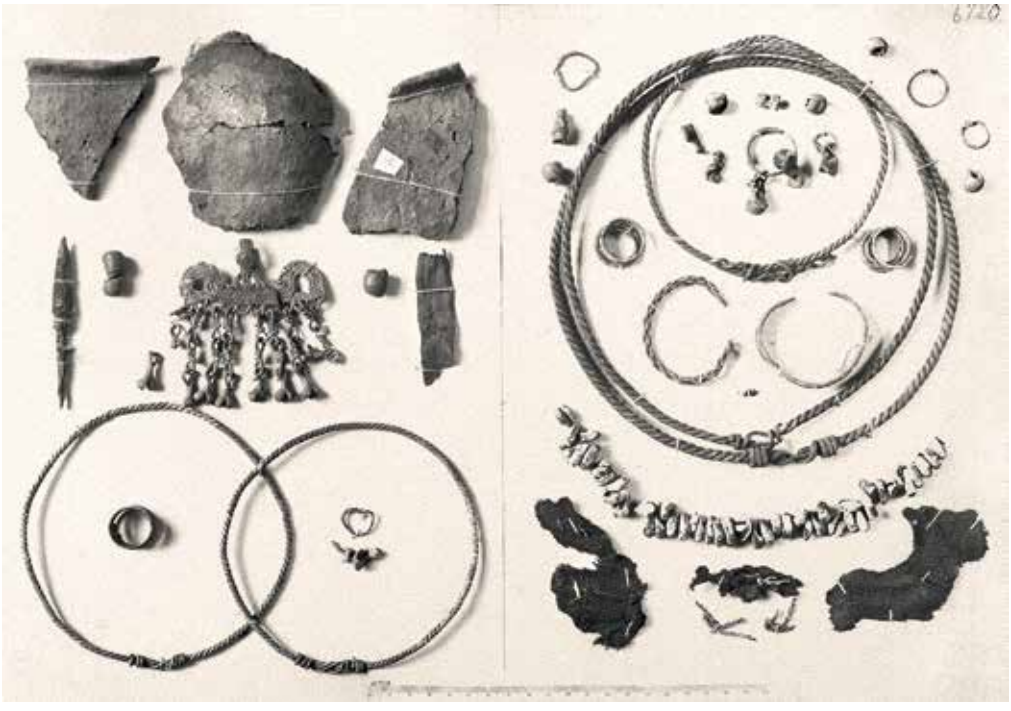
могильник. В 1934 г. Н. Е. Макаренко был единственным членом комиссии, не подписавшим акт об уничтожении Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. В 1934 г. арестован и на три года выслан в Казань. Второй раз арестован в 1936 г. и выслан в Томск; после третьего ареста расстрелян 4 января 1938 г. в Томске. По всем делам реабилитирован в 1960, 1965 и 1989 гг.

Осн. соч.: Результаты археологических экскурсий в Тверской и Ярославской губерниях. Тверь, 1905; Первый Мордвиновский курган. Пг. 1916; Мариупольский могильник. Киев, 1933.

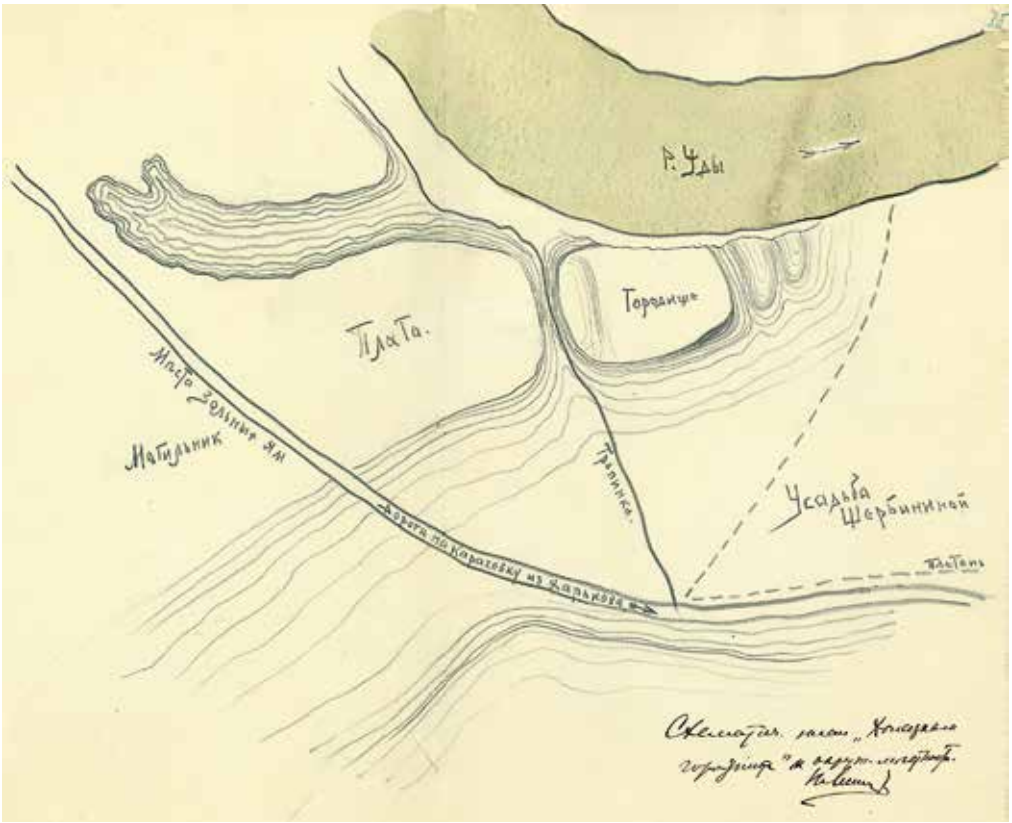
Лит. о нем: *Макаренко Д. Є.* Микола Омелянович Макаренко. Київ, 1992; Сотрудники императорского Эрмитажа. Библиографический справочник. СПб., 2004. С. 102–104.

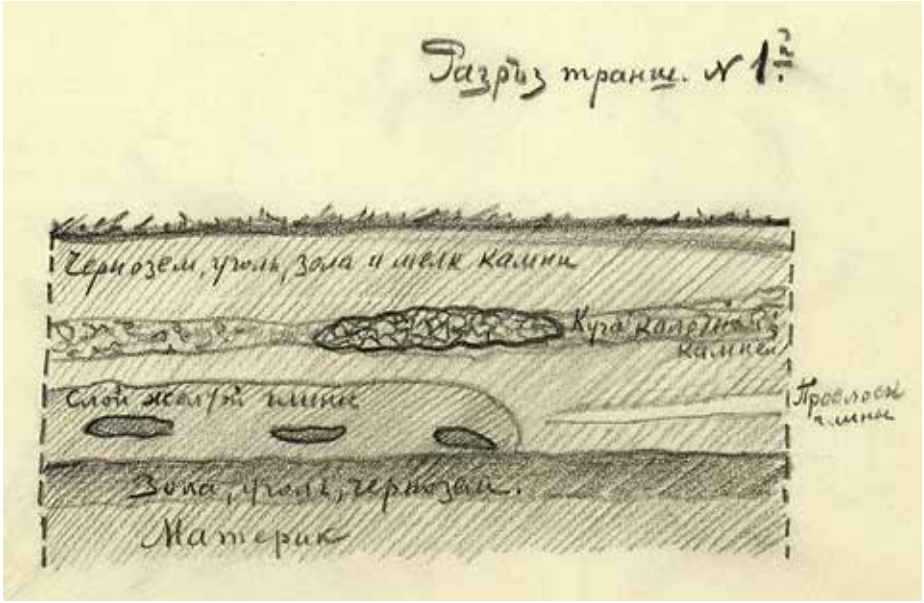
курганов» в Ярцево им была найдена «эмаль готского стиля», а также нож с волютообразным навершием. В 1897 г. он предоставил в ИАК часть собранный им в Гнездово скандинавской коллекции (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 172).

В 1899 г. ИАК вновь поддержала исследования длинных курганов, выдав В. И. Сизову 8 мая 150 руб. для раскопок курганов «удлиненной формы» и древнерусских курганов у деревень Пищино, Михейково, Миново и Благодатное (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 100. Л. 7–10). В 1901 г. на его работы в Духовщинском, Вяземском и Смоленском уездах, а также непосредственно в Гнездово, «если останется время», была выделена сумма в 100 руб. В тот год им было раскопано 10 из 12 курганов у д. Пнева слобода на р. Вопь, а также 18 курганов в Гнездово.



Вещи из раскопок Владимирской ученой архивной комиссии, Заколпье, Владимирская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 18. Л. 7)



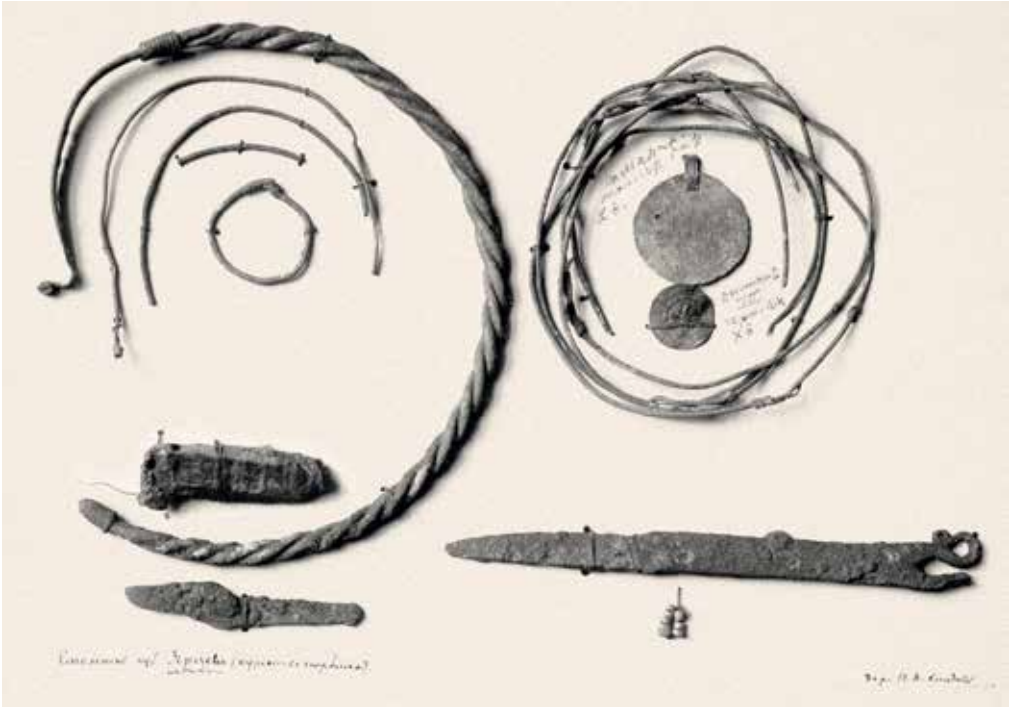


Раскопки Н.Е. Макаренко в Харьковской губернии. План Донецкого городища и разрез траншеи №1 (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 70. Л. 62 об., 64, 65)

Отчет за этот год, к тому же весьма низкого качества, В.И. Сизов сдал лишь в 1903 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 141. Л. 8–11). Впрочем, это могло быть связано с тем, что именно в это время он по заданию ИАК готовил материалы Гнездовского могильника к публикации (Сизов 1902b). В последний раз В.И. Сизов работал на средства ИАК в 1903 г. Тогда он получил 200 руб. на исследования и представил краткий отчет о раскопках 54 курганов у деревень Ярцево, Митино, Колодня, Рудня и Мошевое (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 76. Л. 5 — 6 об.).

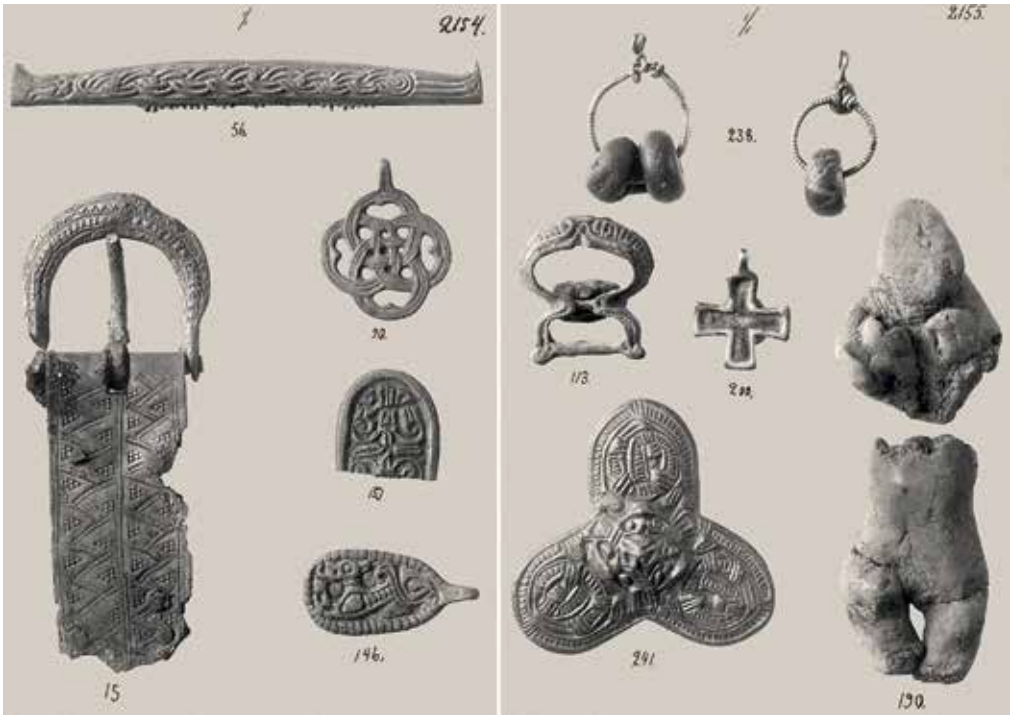
Весьма ярким, хотя столь же непродолжительным, было сотрудничество Комиссии в деле изучения Гнездовского комплекса с ревизором движения Рижско-Орловской железной дороги Сергеем Ивановичем Сергеевым

Владимир Иванович Сизов
(ФО. Отп. Q 697-8)



Вещи из раскопок и сборов В.И. Сизова у д. Ярцево, Смоленская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 172. Л. 15)

Курганы на Днепре и раскопки балластного карьера, 1900 г.
Фото С.И. Сергеева (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 106. Л. 18, 22)



Раскопки балластного карьера и находки древнерусского времени. Станция Гнездово Рижско-Орловской железной дороги, 1900 г. Фото С.И. Сергеева (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 106. Л. 14, 21)

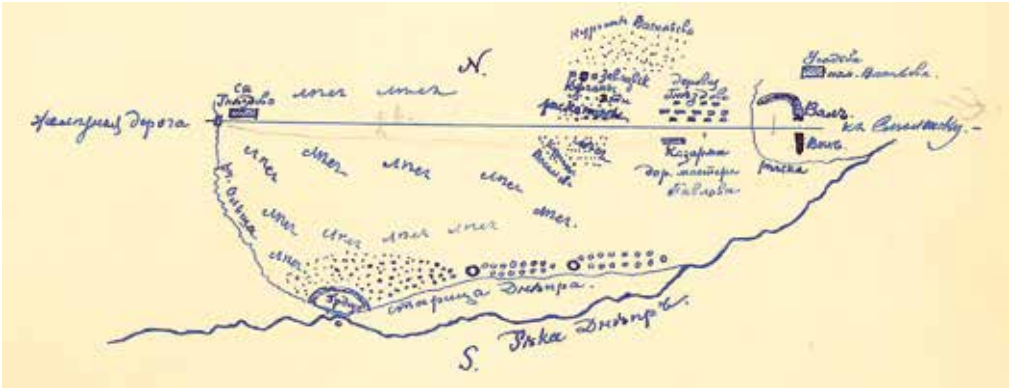
(1855–1904), который уже помогал Комиссии в Пермской губернии. Благодаря ему в архив Археологической комиссии попали уникальные фотографии археологических памятников Гнездова, ныне не существующих, а также весьма информативный материал. Весной 1899 г. С.И. Сергеев уведомил А.А. Спицына о начале нового железнодорожного строительства в районе Гнездова. 8 мая 1899 г. А.А. Спицын «ввиду важности известного Гнездовского могильника» направил на имя председателя Комиссии А.А. Бобринского рапорт, в котором задавал вопрос, не найдет ли тот желательным для ИАК «подвергнуть группу курганов предварительному исследованию, которое готов взять на себя Сергеев, уже имевший такого рода поручения» от Комиссии. Получив от Комиссии аванс в 50 руб., С.И. Сергеев начал присылать в Петербург первые материалы о производимых работах и собранные им коллекции предметов из раскопанных 4 курганов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1899 г. Д. 106. Л. 2; РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 17. Л. 1–3).

В 1900 г. для работ в Гнездово было выделено 100 руб. На эти деньги С.И. Сергеев раскопал 23 кургана в «новом балластном карьере», 5 курганов в Правобережной группе, а 6 сентября прорезал вал Гнездовского городища. По итогам исследований им был предоставлен в Комиссию подробный полевой дневник (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 17. Л. 9, 37–48). В 1901 г. на археологическое исследование Гнездова ИАК выделила 150 руб. В этом году С.И. Сергеев раскопал 10 курганов и 16 марта 1902 г. представил не только дневники за истекший год, но и полевую документацию за 1899 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 7. Л. 1, 23–29).

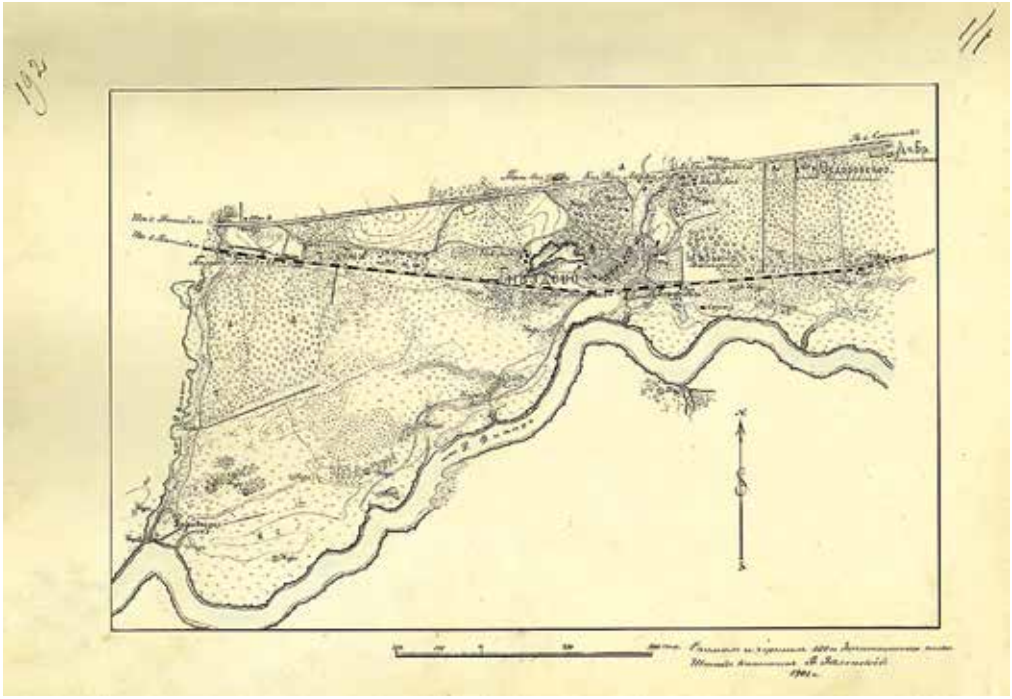
С.И. Сергеев планировал расширить свои исследования, но состояние здоровья не позволило этим замыслам осуществиться. В 1902 г. Комиссией было выделено ему 150 руб. на исследования в Могилевской губернии, однако 7 февраля 1903 г. он сообщил в Петербург, что по болезни раскопки не производились (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 90. Л. 7). Археолог рассчитывал начать работы на следующий год, для чего ИАК выдала ему аванс в 200 руб. для раскопок в Рогачевском уезде. Однако 3 марта 1904 г. исследователь скончался, о чем А.А. Бобринского уведомила его вдова. Финансовая отчетность по так и не состоявшимся раскопкам С.И. Сергеева представлена не была. Это вызвало некоторые трения между ИАК и руководством Кабинета его императорского величества, которое своим письмом от 21 июня 1904 г. потребовало от Комиссии, чтобы при невозможности предоставления счетов в израсходовании аванса в срок соответствующий надзорный орган уведомлялся бы заблаговременно. Однако впоследствии, в связи со смертью С.И. Сергеева, было разрешено «авансовые суммы со счетов сложить» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 32. Л. 10, 12 об., 13).

Гнездовские материалы, добытые и собранные С.И. Сергеевым, были описаны и частично изданы В.И. Сизовым в 1902 г. (см.: Сизов 1902b).

Последующие раскопки в Гнездове в 1905 г. связаны с именем члена-сотрудника Петербургского археологического института, члена Географического общества и учителя городского училища Ивана Спиридоновича Абрамова (1874–1959). ИАК уже их не финансировала, несмотря на ходатайство 11 мая за подписью А.А. Спицына. Открытый лист И.С. Абрамову был выдан 18 мая, однако предоставленный

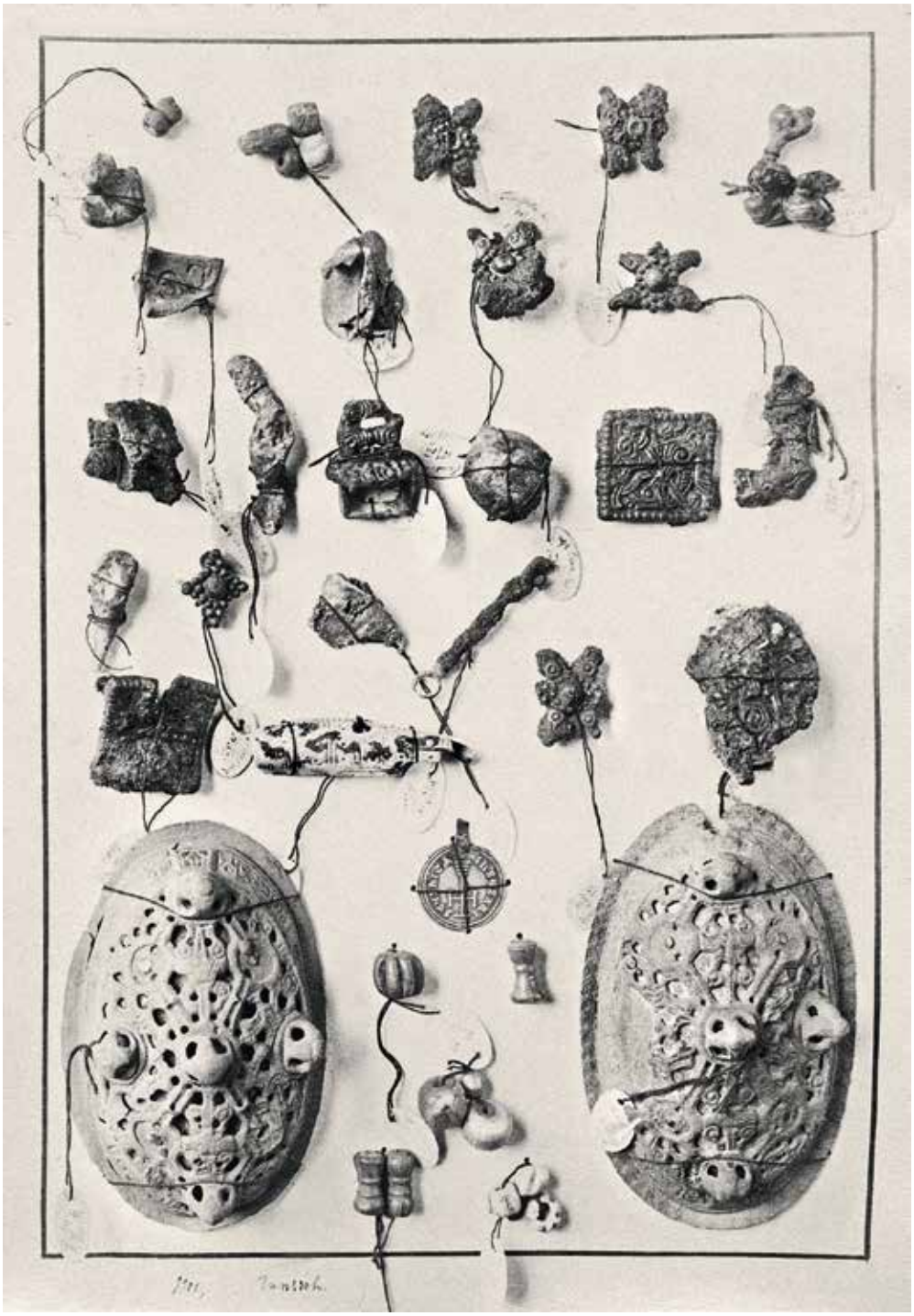


План Гнездова из отчета С.И. Сергеева (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 17. Л. 1)



План Гнездова. Снимал и чертил 164-го пехотного Закатальского полка штабс-капитан В. Заленский, 1901 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 7. Л. 22)

им дневник не отвечал требованиям Комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 54. Л. 5, 7, 35). В 1907 г. он попытался вновь получить поддержку ИАК в своих начинаниях. 27 мая А.А. Спицын сообщал А.А. Бобринскому, что И.С. Абрамов предложил «произвести для Комиссии» исследование «загадочных курганов» в мызе Ворона Глуховского уезда Черниговской губернии. Ему был выдан аванс в 30 руб., но из отчета, поступившего в Комиссию, трудно понять культурную принадлежность раскопанных памятников (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 54. Л. 1, 6–22). В частной переписке с Д.Я. Самоквасовым И.С. Абрамов около 1909 г.



Находки из раскопок С.И. Сергеева, Гнездово (РО. Ф. 1. Оп. 1-1900 г. Д. 17. Л. 54)

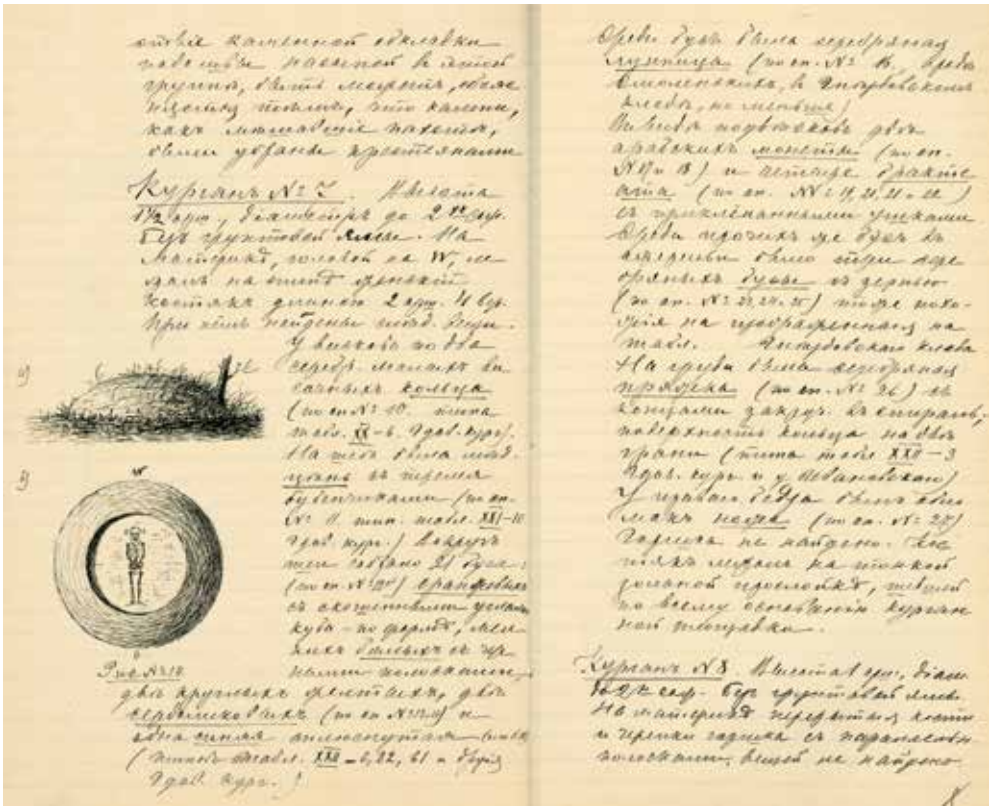
утверждал, что на эти исследования он не получал денег ни от ИАК, ни от РАО (Археология 2007: 39).

В 1900–1910-х гг. основные работы ИАК в области славяно-русской археологии по-прежнему сосредоточивались на Северо-Западе. В 1903 г. член-сотрудник РАО Владимир Нилович Глазов (1862–1933) (о нем см.: Медведева, Соболев 2014) по заданию ИАК совершил поездку в Крестецкий уезд Новгородской губернии для археологического обследования р. Мсты в ее среднем течении. Он обнаружил и описал значительное количество разновременных погребальных памятников — сопки, длинные и древнерусские курганы, грунтовые и жальничные могильники — и произвел пробные раскопки памятников разных типов (Глазов 1904: 50–60). По окончании работ он предоставил в ИАК подробнейший отчет, сделанный на высоком профессиональном уровне (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 49. Л. 105–126). Находки из раскопок В.Н. Глазова поступили в Исторический музей в Москве.

Некоторые из этих работ были связаны со спасательными раскопками. В феврале 1904 г. при строительстве железной дороги Санкт-Петербург — Вологда в Шлиссельбургском уезде близ с. Мишкино были обнаружены древние вещи, которые Министерство путей сообщения сразу же переслало для рассмотрения в ИАК. Комиссия определила, что комплекс найденных древностей, вероятно, происходил из одного погребения и «по тождеству вещей с инвентарем Кексгольмских корельских могильников» принадлежал «родственному корелам племени ижоре, скорее всего XIII веку» (ОИАК за 1904 г. 1907: 109). Производство археологического обследования на месте находки Комиссия поручила магистру Гельсингфорсского университета А.О. Гейкелю, снабдив его Открытым листом и денежными средствами (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 33. Л. 5–9). К сожалению, ему не удалось обнаружить никаких следов других погребений. Найденные при строительстве железной дороги древности ИАК направила в Музей РАО (Там же. Л. 18).

Порой имела место и частная инициатива. В 1909 г. крестьянин Н.Е. Воронов из д. Средние Озерцы Лужского уезда Петербургской губернии дважды обращался в Археологическую комиссию с просьбой «срыть курган» на усадьбе, мешавший ему пользоваться земельным участком в полном объеме (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 128. Л. 1, 4). В первом письме он просил разрешения раскопать курган собственными силами, на что получил отказ Комиссии. В следующий раз он предложил провести работы специалисту от ИАК, чтобы быстрее «решить вопрос относительно кургана окончательно». Археологическая комиссия поручила произвести раскопки гдовскому археологу К.Д. Трофимову, который по окончании работ предоставил подробную отчетную документацию. К.Д. Трофимов отнес курган из д. Средние Озерцы к сопкам. В процессе раскопок он обнаружил в верхней части насыпи 15 плохо сохранившихся костяков — «позднейшие христианские погребения». На поверхности насыпи и у ее подножья сохранились каменные кресты. Находки, относящиеся к изначальному погребению, были незначительны. Они поступили в Московский археологический институт (ОИАК за 1909 и 1910 гг. 1913: 164, 244).

Тогда же, в августе 1909 г., в Археологическую комиссию поступило



Описание кургана № 7 из курганно-жальничной группы близ д. Бор, Новгородская губерния, раскопки В.Н. Глазова, фрагмент отчета, 1903 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 49. Л. 122 об.)

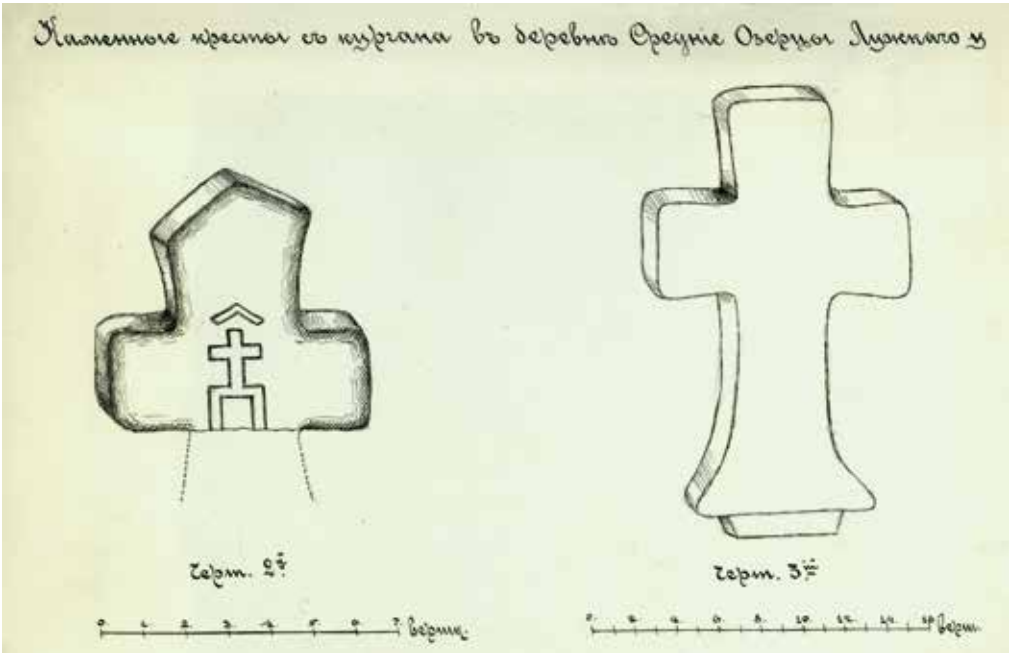
письмо от Псковского археологического общества. В нем содержалась информация, что помещик В.Г. Петерсен в своем имении Паниковичи Псковской губернии в процессе «расчистки участка под пашню от ольховых зарослей» (Там же: 167) обнаружил на принадлежащих ему землях древний могильник, состоящий из 25–30 насыпей. Землевладелец предложил Псковскому археологическому обществу их раскопать и обещал предоставить необходимое количество рабочих. Общество, не располагая средствами и опытными специалистами, способными провести квалифицированные раскопки памятника, обратилось в три столичных компетентных учреждения — ИАК, РАО, Археологический институт — с просьбой командировать кого-нибудь из своих сотрудников для производства исследований (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 79. Л. 36–37). ИАК направила на раскопки курганов студента Петербургского университета, ученика А.А. Спицына Андрея Вячеславовича Тищенко (1890–1914). Летом 1910 г. он после работ в Валдайском уезде Новгородской губернии переехал в Псковскую губернию и раскопал 22 древнерусских кургана, из которых 12 оказались граблеными (Тищенко 1914b: 23–28). Сделанные находки пополнили коллекцию Археологического кабинета Санкт-Петербургского университета и музей Псковского археологического общества

Предметы, найденные при строительстве железной дороги Санкт-Петербург — Вологда, 1904 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 33. Л. 19)

Котел, найденный при строительстве железной дороги Санкт-Петербург — Вологда, 1904 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 33. Л. 20)

Общий вид курганной насыпи в д. Средние Озерцы, Лужский уезд, Петербургская губерния перед раскопками К.Д. Трофимова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 128. Л. 69)

Процесс раскопок кургана в д. Средние Озерцы в 1909 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 128. Л. 70)

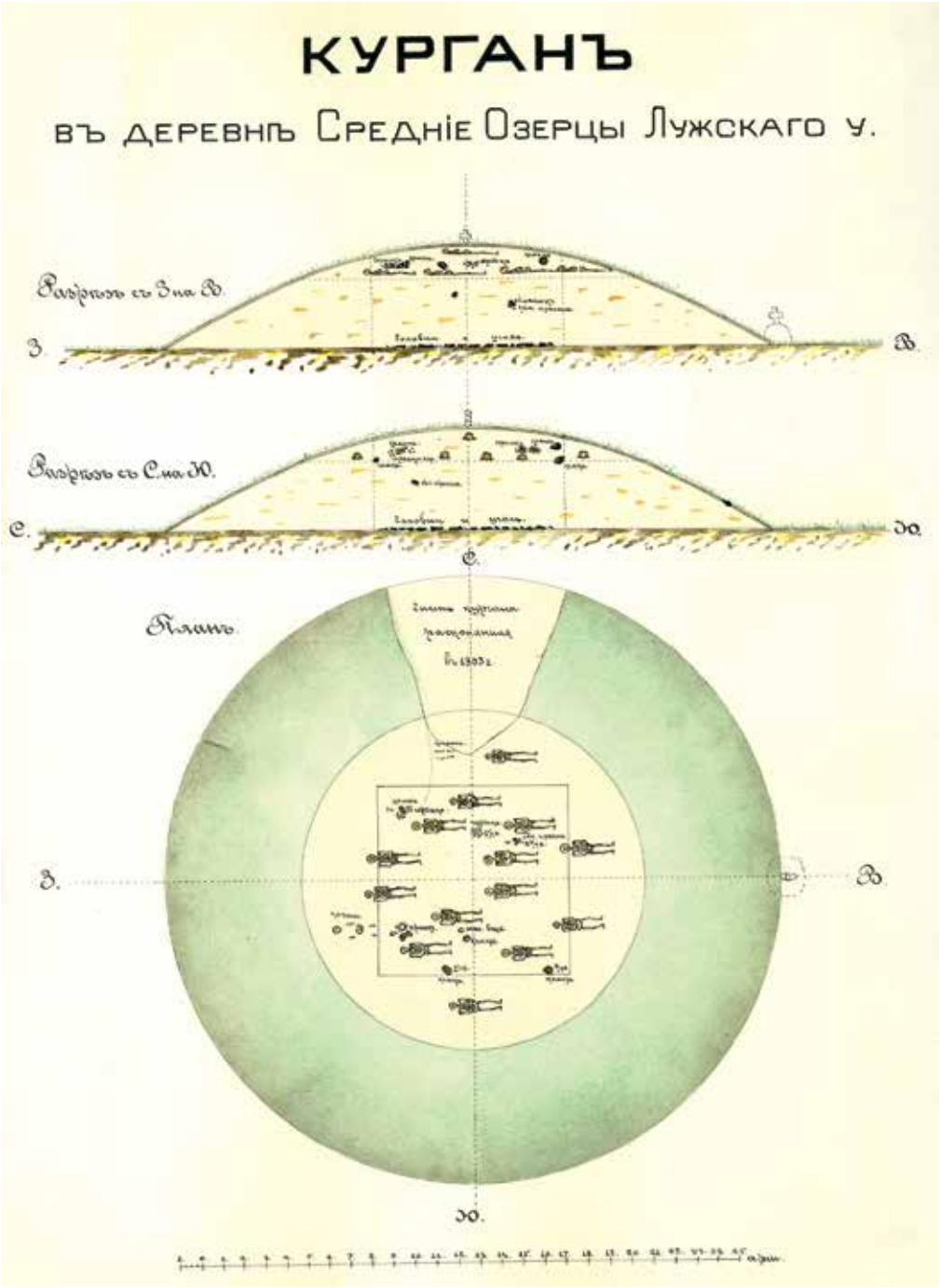


Рисунки каменных крестов с курганной насыпи в д. Средние Озерцы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 128. Л. 68)

(ОИАК за 1909 и 1910 гг. 1913: 244; РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 79. Л. 6).

Комиссию, безусловно, продолжали интересовать и южнорусские средневековые памятники. Именно в это время завершились исследования Д.Я. Самоквасовым могильника древнерусского времени в Гочево. 10 октября 1909 г. он предложил ИАК (конкретно А.А. Спицыну) издать материалы раскопок в очередном томе МАР, полагая, что такое издание потребует 700 руб. 28 октября последовал ответ Комиссии, в котором содержалось встречное предложение: издать «типичные вещи» для публикации отчета о раскопках. 7 ноября автор раскопок отвечал, что он не может «принять на себя выборку» вещей и «во избежание в будущем возможных недоразумений» отказывается от собственного предложения «издать на средства Комиссии могильные древности Чернигова». 21 декабря 1909 г. он адресует в ИАК еще одно письмо, где вновь высказывается против публикации субъективной выборки «типичных вещей из могильного содержания», поскольку «издания таких вещей и выводы, на них основанные, приносят русской археологии более вреда, нежели пользы». Так и не получив ответа на свое предложение доставить в Петербург «гочевские древности», он отвозит их в Курск (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 162. Л. 12 — 12 об., 15 — 15 об.; Археология 2007: 74, 283, 284).

Начало 1910-х гг. ознаменовалось важным начинанием, связанным с формированием собственной полевой школы ИАК в области славяно-русских древностей. В 1910 г. Археологическая комиссия поддержала проект А.А. Спицына по производству «опытных» раскопок для группы студентов Санкт-Петербургского университета (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 162–168; ОИАК



Чертежи кургана в д. Средние Озерцы. Фрагмент отчета К.Д. Трофимова, 1909 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 128. Л. 71)

за 1911 г. 1914: 66–69). Работы проводились в рамках осуществления научной программы А.А. Спицына по организации систематического археологического изучения русских курганных древностей, поддержанной Русским археологическим обществом. К тому моменту А.А. Спицын являлся одновременно членом Комиссии, преподавателем университета и одним из руководителей отделения славяно-русской археологии РАО. Это давало ему широкие возможности проводить свои исследования на базе трех научных учреждений. В 1899 г. он совместно с Н.И. Веселовским представил в Совет РАО проект «Об исследовании собственно русских курганных древностей», предполагавший сплошное обследование определенных территорий для планомерного выявления и изучения различных типов погребальной обрядности и установления их хронологической взаимосвязи (Тихонов 2003а: 79).

Еще в 1904 г. А.А. Спицын подал в Комиссию рапорт с предложением разработать программу производства систематических раскопок. В нем он подчеркнул, что Комиссия является одним из ведущих научных учреждений в России, и ее статус позволяет более организованно и продуманно подходить к археологическому изучению памятников, для чего потребуются целевое финансирование, предварительная научная подготовка и внимательный подбор сотрудников. Студенческие экспедиции 1910-х гг., проводившиеся либо под руководством А.А. Спицына, либо при его ближайшем содействии, были направлены на воспитание молодой смены опытных археологов, которые обеспечили бы в дальнейшем успешное осуществление систематических раскопок в России (Медведева 2007: 161).

В 1910 г. группа университетских слушателей под руководством А.А. Спицына произвела археологическое исследование в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии у д. Малый Удрай и Замошье. Сведения об обнаружении могильника близ одноименной д. Замошье Псковского уезда поступали в Комиссию еще в 1906 г., когда земский начальник уведомил ее, что местные крестьяне самовольно производили раскопки курганов и нашли «много древнего происхождения медных вещей, как то колец, цепочек, частей панцирей» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 121. Л. 1). Замошские курганы в Лужском уезде, намеченные к раскопкам в 1910 г., располагались на частных землях. Археологическая комиссия обратилась за разрешением к владельцу, инженеру-технику М.Н. Гротену. Он предоставил возможность производства археологических работ и предложил свою помощь, но попросил оставить нетронутыми два кургана, особо почитаемых местными жителями (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 79. Л. 3 об., 10, 12).

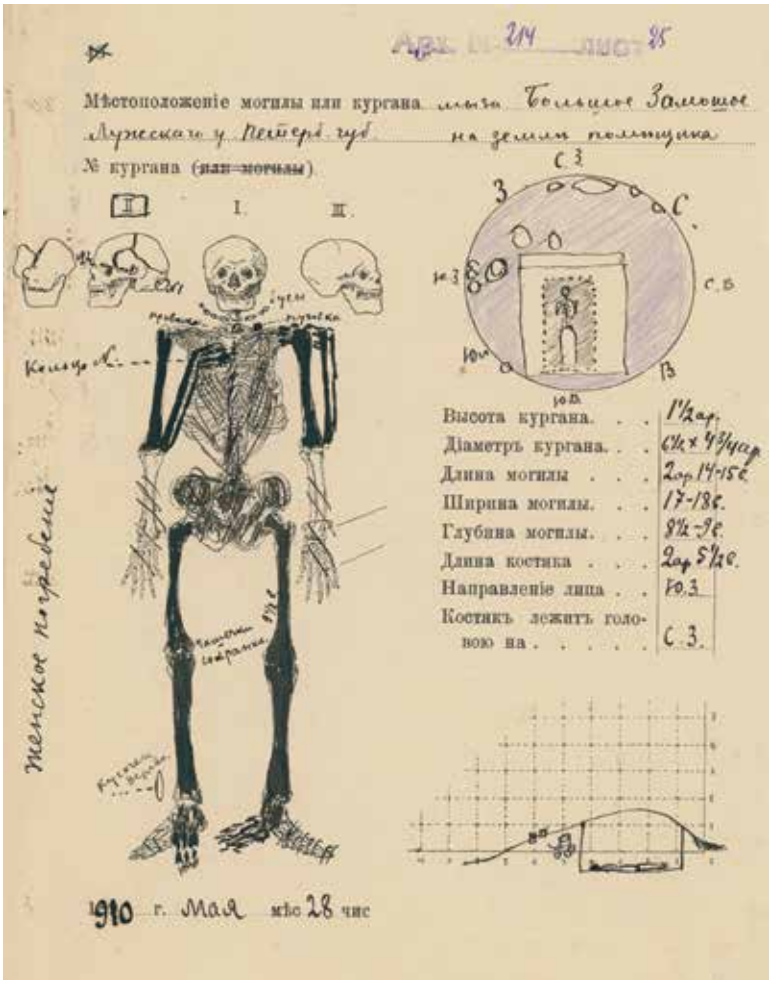
В результате археологической экспедиции 1910 г. в Лужский уезд под руководством А.А. Спицына при участии группы студентов были «раскопаны 24 кургана XI в., полуфинских-полурусских, весьма интересных своими обложениями из камня, которым подобные позднее были обнаружены под Ладогой», «осмотрено и слегка тронуто оригинальнейшее, единственное в своем роде четырехугольное сооружение, облицованное камнем», найдено городище раннего железного века, «раскопан старый удлиненный курган, интересно сооруженный», а также «раскопано несколько маленьких курганов особого типа, встречающихся очень редко» (Спицын 1914: 94).

Курганы раскапывались студентами под наблюдением А. А. Спицына. Он определил каждому из них для исследования по 1–2 разнотипных кургана на обоих могильниках. Затем студенты самостоятельно производили раскопки и составляли отчетную документацию. Сохранились рукописные отчеты студенческих работ в Удрае и Замошье в мае 1910 г. (РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 214). Они написаны в свободной форме и отличаются друг от друга по уровню исполнения и с точки зрения методики полевых исследований. Наиболее профессионально выполнены отчеты К. В. Кудряшова, С. А. Дубинского, В. А. Острогского и П. А. Садикова. А. А. Спицын собрал все студенческие отчеты, отредактировал их и дополнил, после чего опубликовал в «Известиях ИАК» (Спицын 1914), указав под описанием каждого кургана имя производившего раскопки студента. Таким образом, информация о том, что каждый из них исследовал отдельный курган и самостоятельно составлял отчетную документацию, нашла отражение в публикации материалов (Тихонов 2003а: 77).

При сравнении напечатанного отчета о раскопках 1910 г. в Лужском уезде и работ студентов из архивного дела выяснилось, что иногда в рукописных материалах содержится более детальная и подробная информация, заметно дополняющая наши представления о данных исследованиях. Так, например, в публикации кургана № 2 у д. Замошье (нумерация по изданному в «Известиях ИАК» отчету) А. А. Спицын дает следующее описание шейных украшений погребенной: «На шее 2 большие сердоликовые гранчатые бусы типов “Иван. табл. XIII, 7 и XXII, 61” (ссылки следуют на издание материалов из раскопок Л. К. Ивановского: Спицын 1896а. — *Авт.*), две стеклянные палевые и серебряная привеска из клиппы англо-саксонского шиллинга Этельреда II (979–1016 гг.)» (Спицын 1914: 90). Автор раскопок С. А. Дубинский приводит более полные данные: «Вокруг шеи отысканы бусы разного вида и материала. Бус всего найдено семь экземпляров; думается, что их было несколько больше, но некоторые, как слишком хрупкие и из слабо обожженной глины, рассыпались. Налицо, во всяком случае — две сердоликовые бусы, одна гранчатая, суживающаяся на концах, другая цилиндрической формы; две светлых глиняных круглых, две желтых глиняных, одна металлическая, повидимому, серебряная, покрытая выпуклым точечным орнаментом; особая шейная привеска из серебра четырехугольная с приклепанным к ней медным ушком» (РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 214. Л. 24 об.).

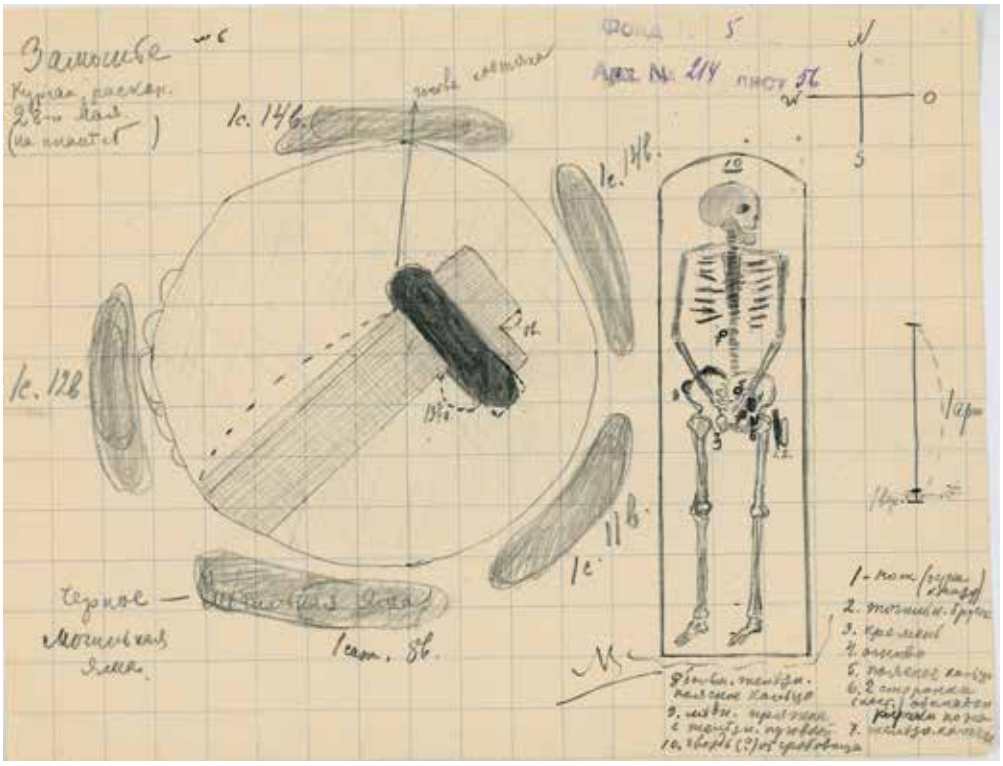
Необходимо также отметить, что рукописные отчеты студентов о раскопках 1910 г. в Лужском уезде содержат значительное количество графической документации (около 50 рисунков и чертежей), не опубликованной в статье А. А. Спицына, — рисунки курганов и погребений, чертежи стратиграфии и планиграфии насыпей, планы групп. Здесь же представлены черновые описи находок. Хотя на многих чертежах и рисунках отсутствует масштаб, анализ иллюстративного материала дает дополнительную информацию о конструктивных особенностях исследованных курганов, о методике произведенных раскопок (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 61. Л. 1–2; ср.: Медведева, Соболев 2012; 2013).

Это начинание не ограничивалось ближайшими к Петербургу губерниями. Благодаря одному из сотрудников



Погребение в кургане № 2 в группе у д. Замошье, Лужский уезд, Петербургская губерния. Фрагмент отчета С.А. Дубинского, 1910 г. (РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 214. Л. 25)

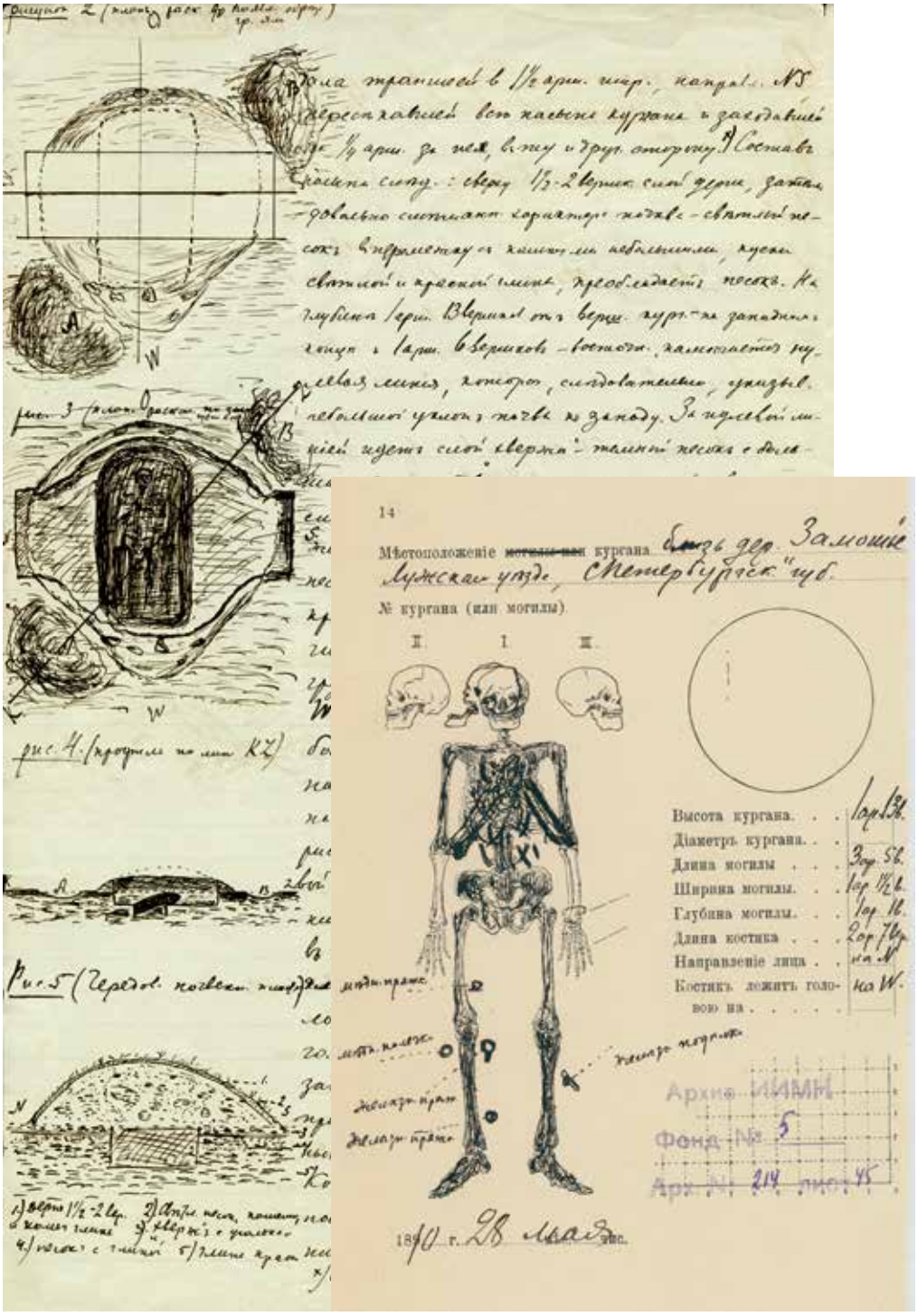
А.А. Спицына, студенту Петербургского университета Сергею Антоновичу Дубинскому (1884–1937) (см. о нем: Каробушкіна 1986; Семенчук 2010; Семенов 2018), ИАК продолжила археологические исследования в Гродненской губернии вообще и под Дрогичином в частности, начатые еще Н.П. Авенариусом в 1880-х гг. 24 мая 1911 г. А.А. Спицын обратился в ИАК с просьбой выдать С.А. Дубинскому Открытый лист на Бельский уезд. Для проведения исследований ему было выделено 100 руб., однако в результате он потратил 131 руб. 27 коп. С.А. Дубинский исследовал несколько курганных групп у деревень Дальние и Ближние Бацики, Клюково, Козлики и Ляхи на севере уезда. В его отчете имеются некоторые общие замечания, касающиеся исследованных курганов: так, на севере уезда курганы выше, поскольку здесь отмечен «иной элемент», связанный с ятвяжско-литовской колонизацией, тогда как в южной части вплоть до XIII в. преобладают



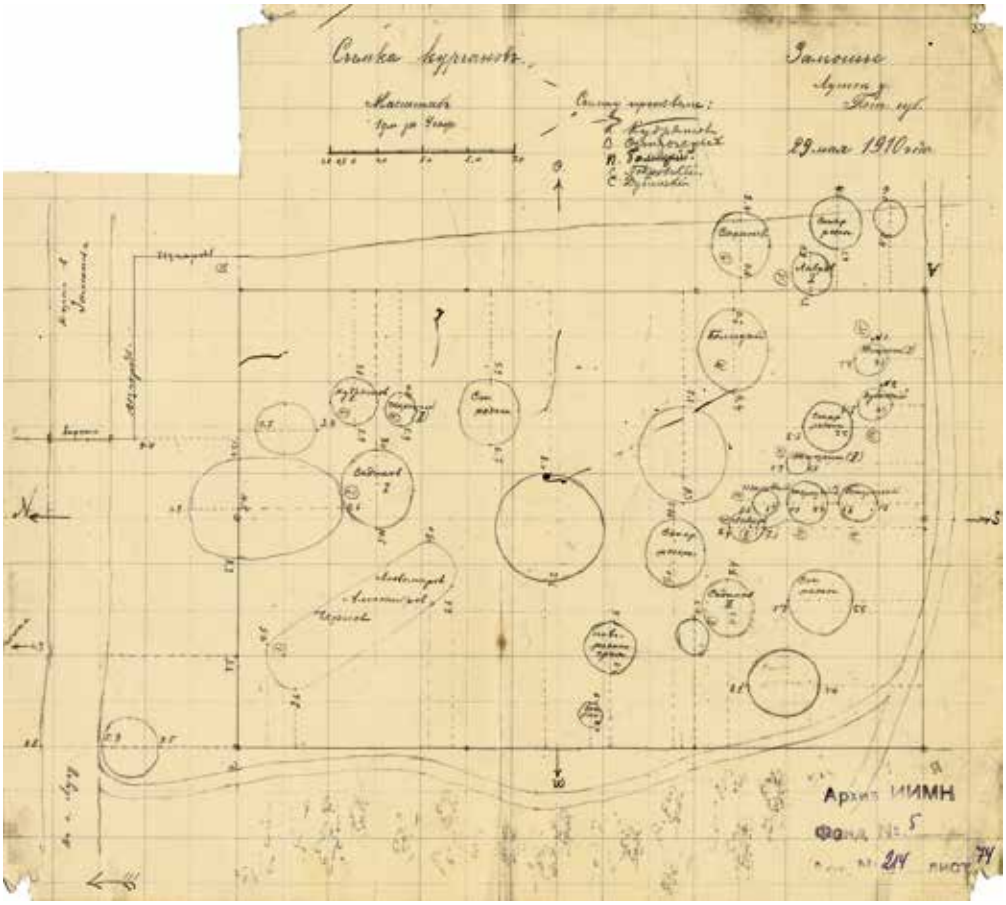
Чертежи кургана № 6 в группе у д. Замошье, Лужский уезд, Петербургская губерния. Фрагмент отчета П. А. Садикова, 1910 г. (РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 214. Л. 56)

славянские памятники. Материалы исследований С. А. Дубинского, проведенных более 100 лет назад, не утратили своей актуальности и сегодня и активно используются польскими археологами при изучении средневекового населения этого региона и эволюции погребального обряда местных общин (см., напр.: Dzik 2012; 2015).

Кроме этого, им были проведены разведки 4 городищ — «форпостов мирной славянской колонизации, продвигающейся в глубь вражеских лесов», включая Дрогичин, который он считал «важнейшим передовым форпостом киевской колонизации». Он обратил внимание и на «дрогичинские» пломбы, которых к тому времени, по его подсчетам, было найдено до 10 000. Сам он приобрел 450 новых экземпляров у местного собирателя Феликса Коханского, который «снискивает себе пропитание сбором древностей». С. А. Дубинской сделал несколько наблюдений над топографией находок пломб: так, на самой Замковой горе пломбы не находят никогда, а их наибольшее количество сосредоточено на приречной террасе. По итогам своих работ он ходатайствовал о выделении суммы для планомерных исследований (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 89. Л. 13, 47, 132 — 132 об.). Другие исследования С. А. Дубинского в Гродненской губернии были мало результативны, а некоторые не состоялись из-за начавшейся Первой мировой войны (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 164; РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 295).



Чертежи кургана № 9 в группе у д. Замошье, Лужский уезд, Петербургская губерния. Фрагмент отчета В.А. Острогского, 1910 г. (РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 214. Л. 44 об., 45)



Топографический план курганной группы у д. Замошье, Лужский уезд, Петербургская губерния, снятый К.В. Кудряшовым, В.А. Острогским, П.А. Балицким, С.И. Покровским и С.А. Дубинским, 1910 г. (РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 214. Л. 74)

Формирование «спицынской» школы полевой археологии продолжалось. В 1910 г. в Археологическую комиссию поступили сведения о существовании «древнего городища» в имении Н.А. Тройницкого у д. Ловницы Валдайского уезда Новгородской губернии. Комиссия по рекомендации А.А. Спицына командировала туда одного из самых талантливых его учеников А.В. Тищенко. В 1910 г. он обследовал и описал средневековое городище и раскопал один длинный и 9 круглых курганов (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 166–167). В 1911 г. он продолжил археологические исследования городища и курганной группы. Результаты его работ были опубликованы в изданиях Комиссии (ОИАК за 1911 г. 1914: 69; Тищенко 1914а: 1–22).

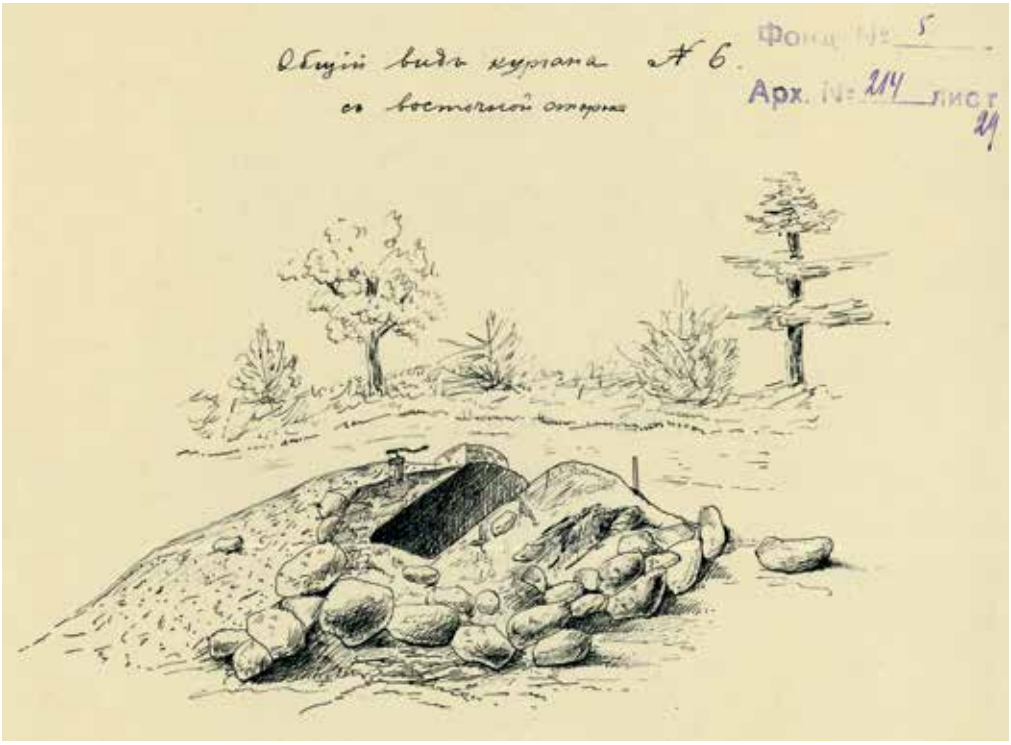
В 1911 г. внимание А.А. Спицына привлекло побережье Чудского озера в окрестностях г. Гдова. Вместе со студентами он произвел обследование различных типов памятников, в том числе было раскопано 10 насыпей в курганной группе около д. Залахтовье: один длинный курган и 9 курганов «X–XI вв., принадлежавших местному полурусскому населению» (ОИАК

Раскопки курганной группы у д. Замошье, Лужский уезд, Петербургская губерния, 1910 г. (ФО. Отп. О.732-4)

за 1911 г. 1914: 67). К сожалению, сохранившиеся архивные документы содержат только финансовый отчет поездки и опись находок, что не дает представления о проделанных работах (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 89. Л. 146–147, 197–200).

Основываясь на составе вещевого материала, Н.В. Хвощинская предположила, что А.А. Спицын в 1911 г. копал в центральной части могильника. В ходе исследований памятника под ее руководством были также зафиксированы следы его траншей на длинном кургане (Хвощинская 2004: 15). Идентификация местоположения раскопок 1911 г. представляет сложность еще и потому, что Санкт-Петербургско–Псковское управление земледелия и государственных имуществ сразу после их окончания потребовало от ИАК зарыть ямы, оставленные раскопками А.А. Спицына и его студента К.В. Кудряшова, который также производил в 1911 г. работы в Залахтовье по заданию РАО. ИАК удовлетворила просьбу лесничества, направленную на предохранение лесопосадок от высыхания и выветривания, и ямы на 14 курганах были засыпаны (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 89. Л. 101–103). Пожалуй, это был один из первых примеров рекультивации раскопанного археологического объекта в деятельности ИАК. Находки, обнаруженные в 1911 г. в процессе исследования археологических памятников в Гдовском уезде под руководством А.А. Спицына, поступили в Археологический кабинет Санкт-Петербургского университета.

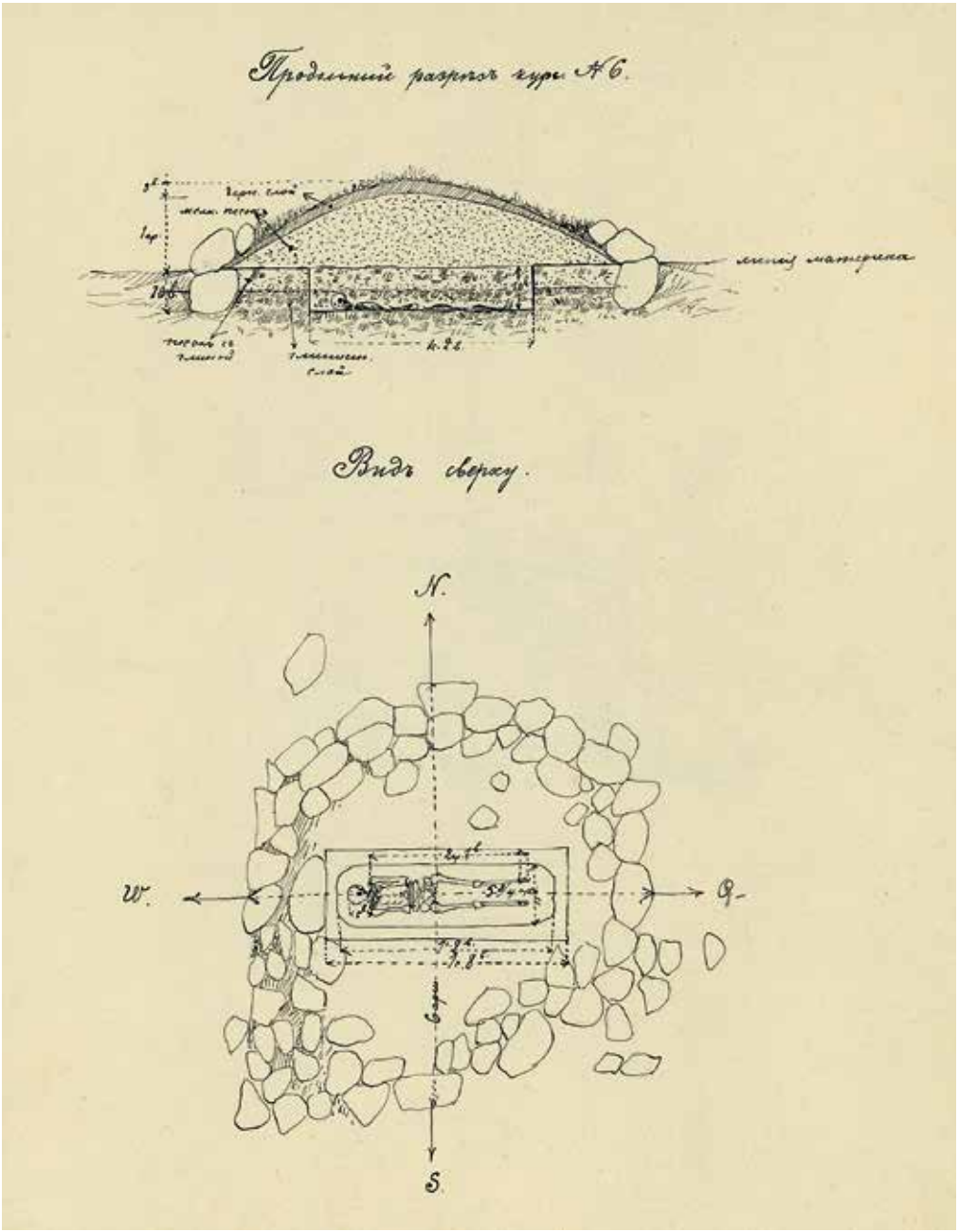
В 1912 г. А.А. Спицын произвел «показательные» раскопки нескольких насыпей в курганной группе близ станции Войсковицы Царскосельского



Общий вид кургана № 3 в группе у д. Малый Удрай, Лужский уезд, Петербургская губерния. Фрагмент отчета К.В. Кудряшова, 1910 г. (РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 214. Л. 29)

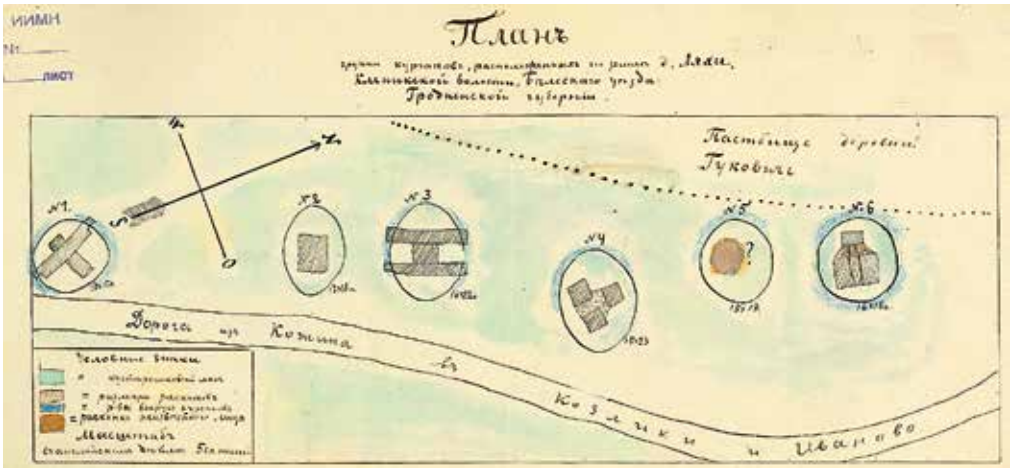
уезда Петербургской губернии (ОИАК за 1912 г. 1916: 72–73). Он идентифицировал курганы, раскопанные Л.К. Ивановским, и исследовал 3 насыпи XIII в. с целью уточнить данные предыдущих раскопок. В процессе работ подтвердились его сомнения по поводу правильности стратиграфических наблюдений Л.К. Ивановского и его выводов о положении погребенных в могиле (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 108. Л. 14). ИАК поддерживала ходатайства и Археологического института о проведении показательных раскопок для студентов в целях их ознакомления с практикой полевых археологических работ. Так, в 1912 г. В.Н. Глазов и А.А. Спицын организовали в Войсковицах раскопки курганов XII–XIII вв. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 60. Л. 13 — 14 об.).

В числе экспедиций, организованных Комиссией на Северо-Западе, были не только предприятия, связанные с изучением курганных древностей, но и первые раскопки поселений древнерусского времени. В 1913 г. Археологическая комиссия предложила А.А. Спицыну произвести археологические изыскания с целью поиска культурного слоя древнерусского поселения близ с. Взвад Новгородской губернии в устье р. Ловати (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 165). Судя по документам архивного дела об этой поездке, он организовал ее совместно со своим студентом Н.Ф. Лавровым. Лист на данное обследование Археологическая комиссия выдала на имя Н.Ф. Лаврова по ходатайству А.А. Спицына (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 327.



Разрез и план кургана № 3 в группе у д. Малый Удрай, Лужский уезд, Петербургская губерния. Фрагмент отчета К.В. Кудряшова, 1910 г. (РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 214. Л. 29 об.)

Раскопки могильника у д. Малый Удрай, Лужский уезд, Петербургская губерния. А.А. Спицын со студентами и рабочими, 1910 г. (ФО. Отп. О.732-14)



План могильника у д. Ляхи, Бельский уезд, Гродненская губерния. Исследования С.А. Дубинского, 1911 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 89. Л. 208)

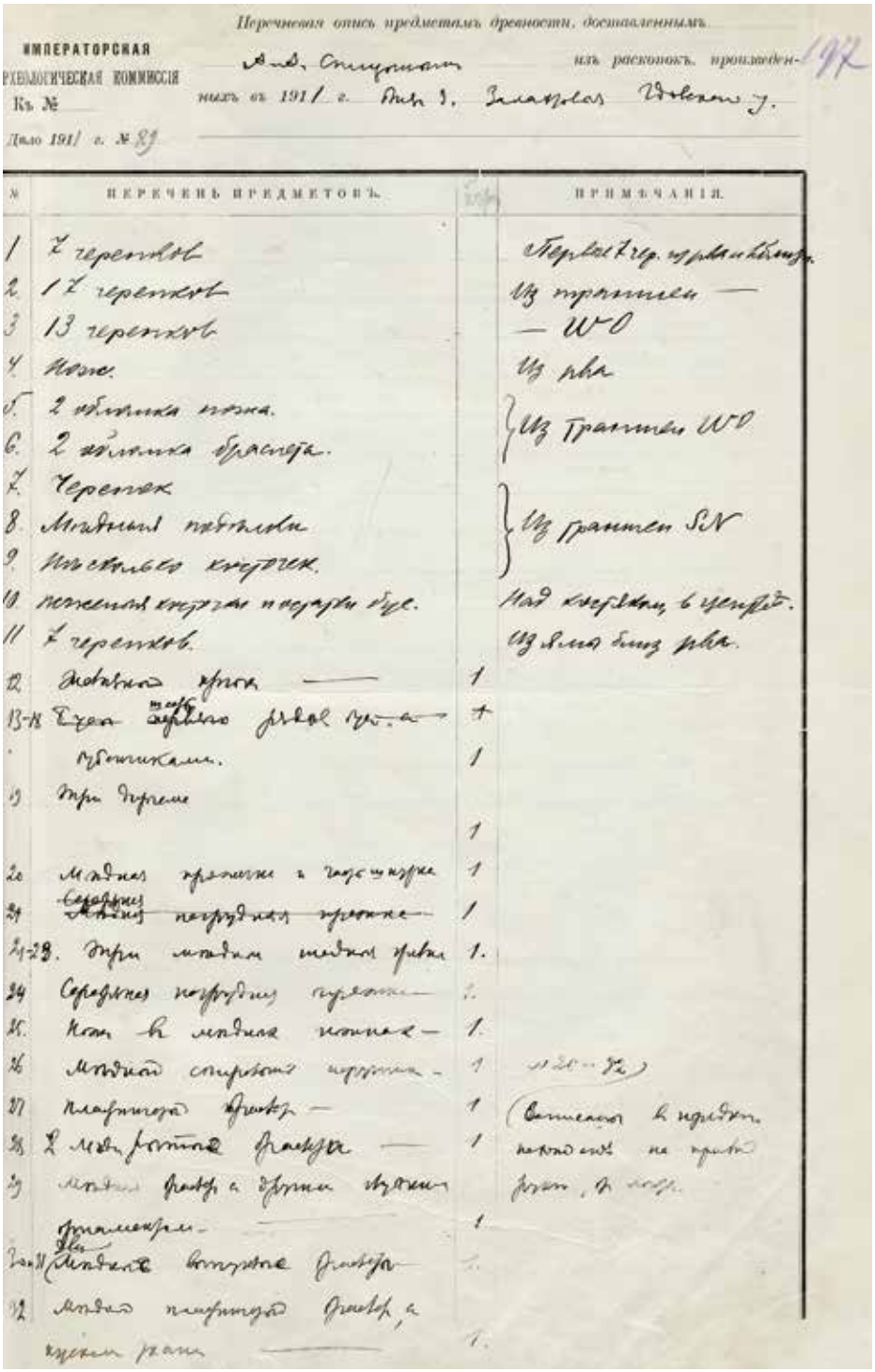
Л. 12–14). Видимо, они поехали туда в период паводка, так как место запланированных раскопок оказалось затоплено и проведение работ сделалось невозможным. Археологи осмотрели обрывы берегов реки и не обнаружили в напластованиях признаков наличия культурного слоя. Тогда же Комиссия поручила Н.Ф. Лаврову раскопать курганы около д. Углы Новоладожского уезда Петербургской губернии, откуда в 1911 г. поступили в ИАК в виде случайных находок три железных топора и два наконечника копий (ОИАК за 1911 г. 1913: 73). Сразу после обследования в Новгородской губернии Н.Ф. Лавров направился в д. Углы. К 1913 г. из курганной группы сохранились 4 насыпи, причем только 2 из них содержали относительно целые погребения, остальные были разграблены. По результатам своего исследования Н.Ф. Лавров отнес курганы к древнерусским и датировал их XI–XII вв. (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 164).

В зону исследовательских интересов ИАК входили и средневековые древности востока Новгородской земли, на материалах которых А.А. Спицын предполагал проследить эволюцию древнерусского погребального обряда. В 1911 г. Археологическая комиссия поддержала исследования Н.Ф. Лаврова в Череповецком уезде Новгородской губернии. Он произвел пробные раскопки на нескольких предполагаемых городищах и раскопал два кургана. Научные результаты его работ оказались незначительны, он не смог ни датировать памятники, ни идентифицировать их культурную принадлежность (ОИАК за 1911 г. 1914: 68–69; РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 89. Л. 187–196).

В том же году исследование в этих краях было продолжено спасательными раскопками. Один из земских начальников Вологодской губернии сообщил в Археологическую комиссию о 15 курганах на р. Сухоне близ д. Медведевой Великоустюжского уезда. Насыпи незаконно раскапывали крестьяне окрестных деревень и постоянно находили «человеческие кости, черепа» и «медные украшения». Вологодский губернатор приказал местному исправнику «принять меры к недопущению дальнейших

Вид городища Дрогичин с указанием основного места находок пломб. Фото С.А. Дубинского, 1911 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 89. Л. 138)

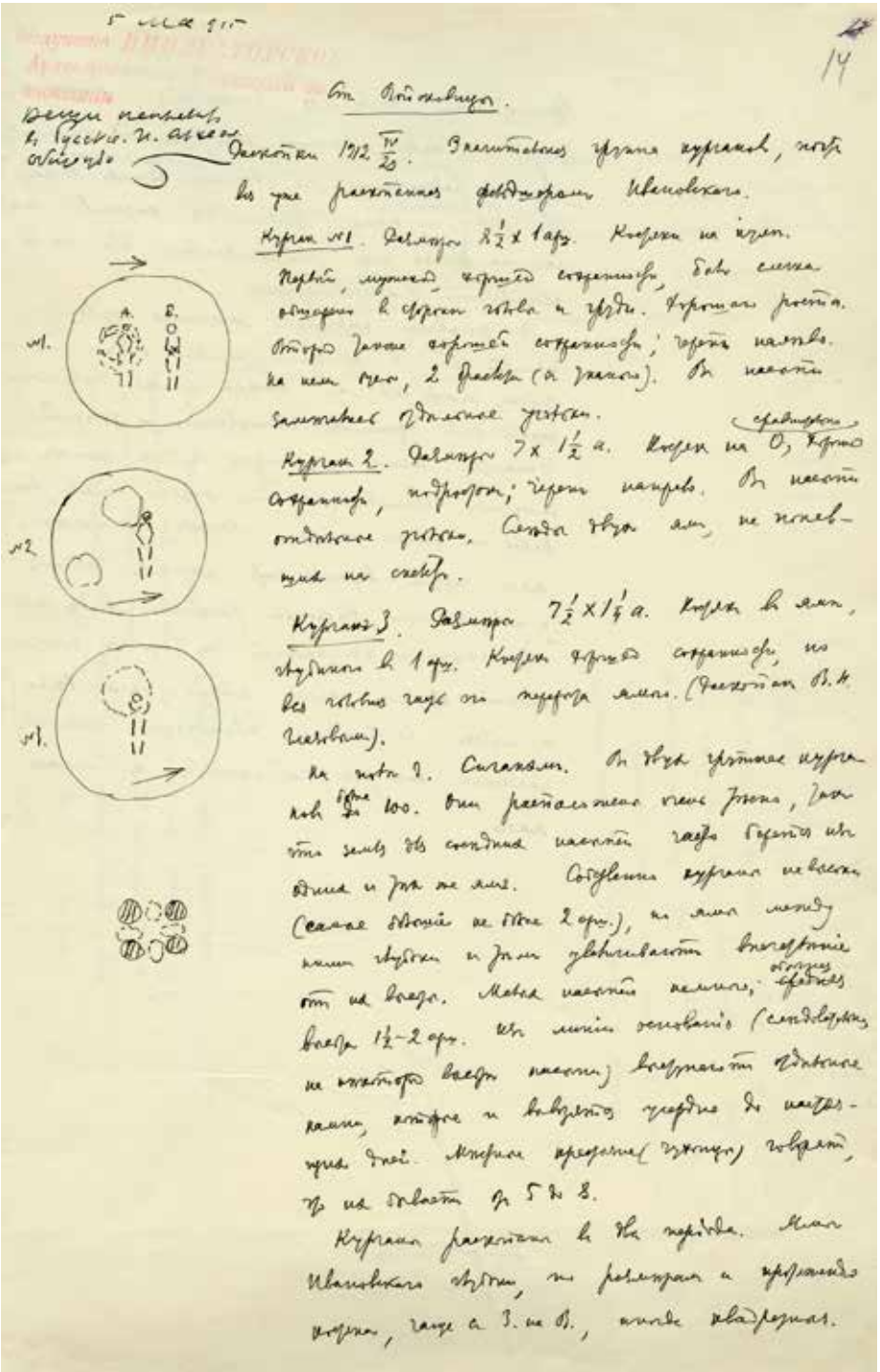
Сборщик дрогичинских пломб Феликс Коханский за работой. Фото С.А. Дубинского, 1911 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 89. Л. 138)



Перечневая опись предметовъ древности, доставленныхъ
ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОММИССІЯ
Къ № Дѣло 191/ г. № 89
Д. д. Спицыным изъ раскопокъ произведен-
ныхъ въ 191/ г. Дѣл. д. Залахтовье Гдовскаго у.

№	ПЕРЕЧЕНЬ ПРЕДМЕТОВЪ.		ПРИМѢЧАНІЯ.
1	2 черепка		Первый гор. культ.
2.	1 черепокъ		Изъ траншеи —
3	13 черепковъ		— W O
4.	Кость.		Изъ раз
5.	2 обломка ножа.		Изъ траншеи W O
6.	2 обломка браслета.		
7.	Черепокъ		Изъ траншеи S N
8.	Медный наконечникъ		
9.	Костяной скребокъ.		
10.	Железный гвоздь и обломокъ гвоз.		Надъ костякомъ въ центрѣ.
11	2 черепковъ.		Изъ ямы близъ раз.
12.	Желѣзный крюкъ —	1	
13-18	Пять [illegible]	1	
	пуговицами.	1	
19	Три бусины		
		1	
20	Медная проволочка и гвоздикъ	1	
21	[illegible]	1	
22-28.	Двѣ медныя тонкія пряжки	1.	
24	Середина погремка	1.	
25.	Кость и медная пластинка —	1.	
26	Медный спиральный перстень —	1	(№ 20 — 26)
27	Плавникъ щуки —	1	(Остались в предм.
28	2 медныя [illegible]	1	находятся на пункт
29	Медныя [illegible]		[illegible]
	[illegible] —	1	
30-31	Медныя [illegible]	1.	
32	Медная пластинка [illegible]		
	[illegible] —	1.	

Фрагмент описи находок близ д. Залахтовье, Гдовский уезд, Петербургская губерния. Раскопки А.А. Спицына, 1911 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 89. Л. 197)



Раскопки курганной группы близ ст. Войсковицы, Царскосельский уезд, Петербургская губерния. Фрагмент отчета А.А. Спицына, 1912 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 108. Л. 14)

раскопок могил» и попросил Археологическую комиссию вмешаться в ситуацию (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 79. Л. 5).

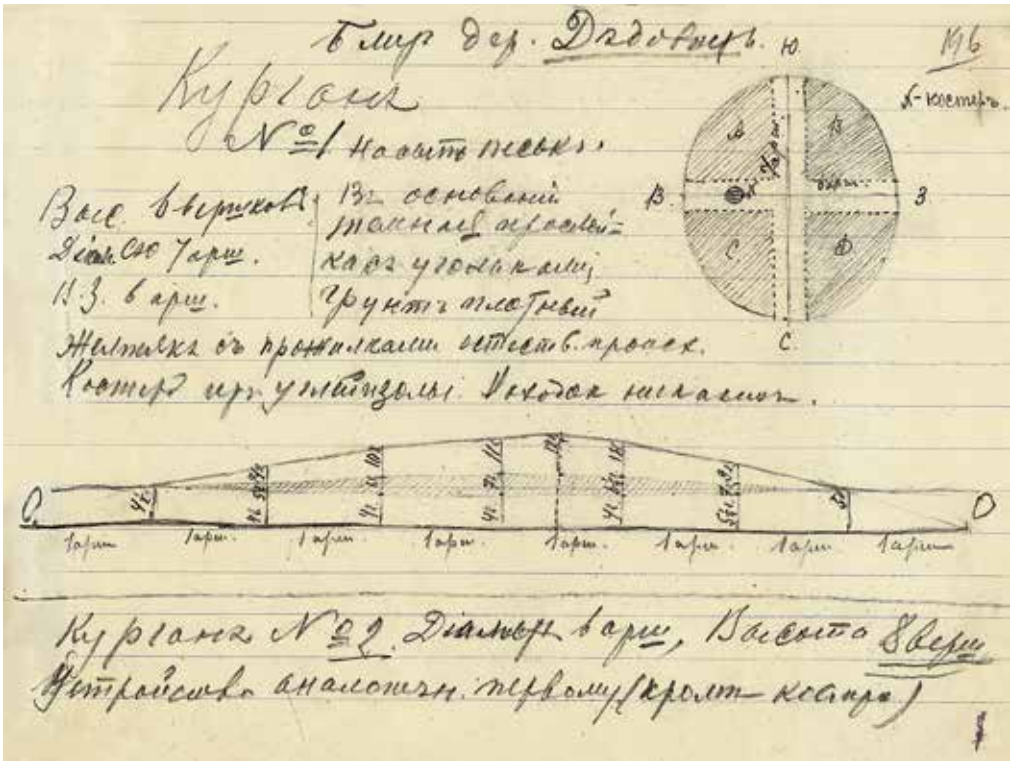
Комиссия обратилась к В.Н. Глазову с просьбой провести их исследование. Его кандидатура была выбрана по нескольким причинам. Во-первых, Комиссия уже имела опыт успешного сотрудничества с ним как в исследованиях по ее поручению, так и в раскопках по выданным ею Открытым листам. В.Н. Глазов являлся членом РАО, его раскопки в Гдовском уезде были широко известны благодаря изданной А.А. Спицыным в 1903 г. монографии с материалами его работ (Спицын 1903). К тому же он ближе всех археологов в тот момент проживал к месту расположения памятника, так как являлся председателем Вельского уездного съезда Вологодской губернии.

Когда В.Н. Глазов приехал на место, выяснилось, что почти все курганы разрыты крестьянами в поисках клада еще за два года до этого. «Клада, конечно, не нашли, — писал он в отчете, — а насыпи сильно попортили большими круглыми ямами-колодцами, доходившими до сажени в диаметре. Раскопки производились всей деревней, и земский начальник, осматривавший группу, не понял, конечно, что она испорчена окончательно и для археолога погибла» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 79. Л. 18). Все же В.Н. Глазов решил раскопать наиболее сохранившиеся насыпи, чтобы выяснить их устройство и характер погребений. По вещевому материалу и конструкции он датировал курганы XII–XIII вв. Несмотря на сильные повреждения исследуемых памятников и немногочисленность находок, В.Н. Глазов признал свою экспедицию результативной, так как «была установлена наличность в Вологодской губернии русских курганов XII–XIII вв.»,

Находки, сделанные в 1911 г. около д. Углы, Новоладожский уезд, Петербургская губерния (ФО. Нег. II 34902)

о существовании которых до того времени не было известно (Там же. Л. 21). Древности из курганов были переданы в Вологодский музей (ОИАК за 1911 г. 1914: 69–70).

Для периода 1910-х гг. можно отметить определенное преемство исследовательских интересов ИАК с предшествующей эпохой. В 1914 г. А.А. Спицын по заданию ИАК продолжил археологическое обследование памятников Новоладожского уезда. В его задачи входило доследование могильника XI–XII вв., зафиксированного Н.Е. Бранденбургом в основании сопки у с. Михаил-Архангел. Раскопки оказались невозможны, так как предполагаемое место их проведения уже было застроено (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 164), дальнейшие работы носили разведочный



Раскопки в Череповецком уезде, Новгородская губерния. Фрагмент отчета Н. Ф. Лаврова, 1911 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 89. Л. 196)

характер. Напротив Новой Ладоги в д. Березье он сделал разрезы берега Волхова и описал их структуру, а также осмотрел остатки городища, по-видимому, раннего железного века, в окрестностях ст. Званки (Там же: 165; РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 292. Л. 20–21).

Параллельно с изучением средневековых археологических памятников Комиссия принимала меры против кладоискательства с целью защиты памятников от разграбления. В 1902 г. в ИАК поступили сведения, что в Псковской губернии группа частных лиц обратилась к крестьянам д. Белино Великолуцкого уезда с просьбой о разрешении провести на их земле раскопки с целью поиска ценных вещей. В июне того же года от лица Комиссии был направлен запрос псковскому губернатору о проверке ситуации на месте. В письме Комиссия указывала, что раскопки могут производиться только с научной целью, а кладоискательство запрещено законом, и призывала губернатора запретить противозаконные, несанкционированные кладоискательские работы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 450). После получения письма губернатор провел расследование и прислал отчет в Комиссию. В нем он уведомил, что деревню «посетило четверо лиц… и предложили крестьянам произвести на их земле раскопки с целью кладоискательства, принимая на себя обязательство все найденное при раскопках представить по принадлежности и полученное вознаграждение разделить

поровну между собою и крестьянами, но последние на это предложение не согласились и попытка вышеупомянутых лиц склонить крестьян к кладоискательству не имела никаких последствий» (Там же. Л. 451).

Показательный случай произошел в 1909 г. в Санкт-Петербургской губернии. Летом 1909 г. в Гдовском уезде близ д. Апалева шестеро местных крестьян 15–17 лет самовольно раскопали сопку, но были уличены в этом урядником 5-го Узьминского участка (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 128. Л. 37). Во время дознания каждый из них выдвинул свою причину, по которой он принимал участие в раскопках. Павел Григорьев (15 лет) объяснил, «что он <...> в июле месяце с. г. раскапывал сопку, бывшую на надельной полосе его отца Григория Захарова и вредившую посеву хлеба, так как из этой сопки общество крестьян д. Апалева и крестьян д. Реки брали... песок для своих потреб, остальная часть этой сопки при ветре разносила песок и вредила посевам на этой полосе, ввиду этого в свободное время он... пригласил местных крестьян-подростков... и развалили эту сопку канавою поперек ее, каких-либо древностей в этой сопке не было найдено» (Там же. Л. 37 — 37 об.). Другой из них — «лужский мещанин» Николай Петров (17 лет) — показал, «что, уничтожая эту вредившую сопку, думал найти что-либо из древностей» (Там же. Л. 37 об.). Урядник вместе с понятыми произвел осмотр места преступления и сообщил в ИАК, что «курган... кругловатого вида вышиною около 1,5 саж., шириною около 4 саж. (соответственно более 3 м и около 8,5 м. — *Авт.*) прокопан... канавою, раскопов, кроме этого кургана, где-либо в других местах не имеется». Для привлечения виновных к ответственности согласно 33-й статье Устава о наказаниях урядник передал дело в Узьминский волостной суд (Там же. Л. 26). Суд состоялся в декабре 1909 г., обвиняемые «виновными себя не признали», свидетели — крестьяне из соседней деревни — заявили, что они не видели, кто раскапывал курган, а знают лишь, что крестьяне деревни Апалева из сопки «возили песок» (Там же. Л. 29 об.). Волостной суд решил, что обвинение не доказано, и полностью оправдал обвиняемых (Там же. Л. 30 об.).

Еще в 1904 г. Комиссия попросила секретаря Новгородского губернского статистического комитета В. А. Подобедова контролировать все земляные работы, производящиеся в Новгороде, и по мере возможности покупать найденные в их процессе предметы. Комиссия предложила выделить небольшую сумму на приобретения (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 479). Секретарь с полной готовностью откликнулся осуществлять покупку древностей, находимых при производстве земляных работ в Новгороде, для Археологической комиссии и даже за свой счет, но предупредил, что, поскольку придется приобретать весь комплекс находимых вещей, то среди них могут попасться как предметы особого исторического значения, так и рядовые, мало интересные в археологическом и историческом отношении (Там же. Л. 488).

Похожая просьба была адресована в 1908 г. санкт-петербургскому губернатору. ИАК просила его проконтролировать немедленное прекращение хищнических раскопок и наказать виновных в их проведении. Поводом к этому стали сведения, поступившие в Комиссию, о том, что в Гдовском уезде производились раскопки «курганов и старых кладбищ (жальников)» с целью «добывания вещей», которые открыто

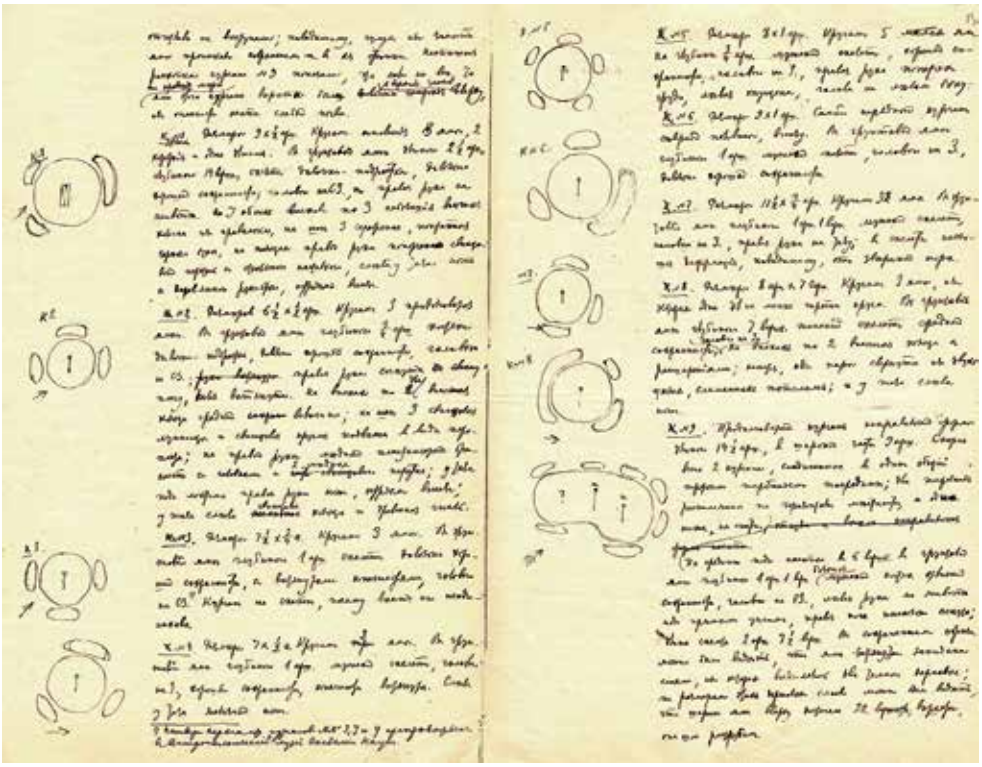
продавались затем в Санкт-Петербурге и сбывались в Швецию (см. об этом в: РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69).

Последние исследования славяно-русских древностей, организованные ИАК, пришлись на время Первой мировой войны. В связи с общей ситуацией в России полевая деятельность Комиссии начиная с 1915 г. резко сократилась во всех регионах. «Вызванное войной сокращение кредитов», «непомерно возрастающая дороговизна и недостаток рабочих рук» привели к тому, что стало невозможным даже продолжение традиционных многолетних археологических исследований ИАК в Херсонесе, Ольвии и Керчи (Известия ИАК. Вып. 65. 1918: 157). Все же в 1916 г. А.А. Спицын на средства ИАК произвел археологические работы в Устюженском уезде Новгородской губернии. Он раскопал 9 насыпей древнерусского времени в курганной группе у д. Гришковой (Спицын 1918b: 153–156). Сохранились краткий отчет об этих работах, опись находок и справка о передаче антропологических материалов в Антропологический музей Академии наук. Проанализировав конструктивные особенности насыпей и состав вещевого комплекса, в полевом отчете А.А. Спицын написал: «Раскопки показали, что данный район в XI в. уже занят был русским населением, и что население это было однородно с новгородским — кривичским, особенно характерны височные кольца с ромбическими расширениями» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 146. Л. 13 об.). После этого раскопки практически были прекращены, хотя сам А.А. Спицын в 1918–1919 гг. предпринимал попытки продолжить исследования у д. Гришковой, дабы, в частности, проследить переход от курганных погребений к жальникам.

В целом, оценивая археологическую деятельность ИАК по изучению средневековых древностей России и Восточной Европы, можно разделить ее на два этапа. До середины 1880-х гг. раскопки этих древностей составляли лишь небольшой процент полевых работ Комиссии и не являлись основным направлением ее деятельности. Производившиеся по поручению Комиссии работы носили случайный характер. Чаще всего они были вызваны инициативой и научным интересом отдельных исследователей либо проводились по запросу официальных лиц и организаций. Иногда они были продиктованы необходимостью срочного исследования — в случае поступления в Комиссию сведений, что под угрозой уничтожения находится особо ценный памятник древности.

Программа планомерного археологического изучения славяно-русских древностей была впервые в общих чертах разработана В.Б. Антоновичем по просьбе А.А. Бобринского в 1886 г. Этот факт необходимо поставить в связь с общими намерениями нового председателя реформировать работу ИАК. Вторая половина 1880-х — начало 1890-х гг. отмечены активным сотрудничеством Комиссии с исследователями славяно-русских и средневековых древностей на территории современной Украины. Одновременно в обществе все более пробуждался интерес к национальным древностям, что обусловило участие ИАК в изучении Старой Ладоги и Старой Рязани.

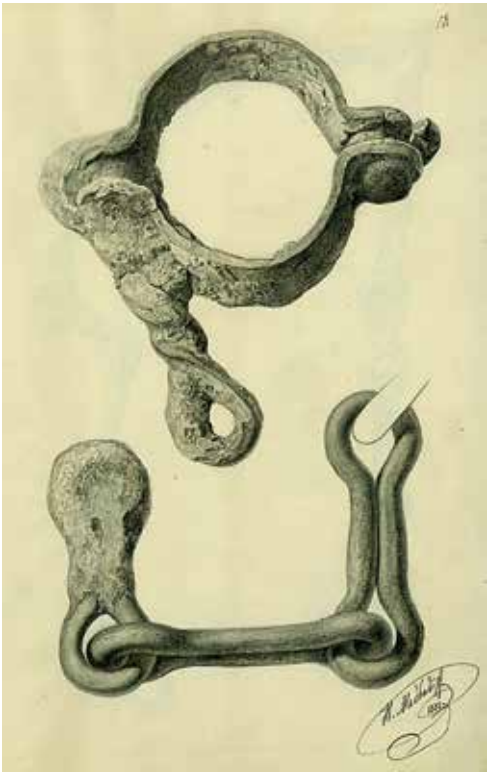
Тогда же активизировалось и изучение финно-угорских и балтских древностей. Первичное накопление информации о них произошло в результате поступления в Комиссию сведений об археологических памятниках,



Раскопки в Устюженском уезде, Новгородская губерния. Фрагмент отчета А.А. Спицына, 1916 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1916 г. Д. 146. Л. 12 об. — 13)

открытых при «новостроечных работах», благодаря сотрудничеству С.Г. Строганова с ведомством путей сообщения, начатому в 1862 г. Это сотрудничество было продолжено А.А. Бобринским в 1891 г. Именно этому направлению отечественная археология обязана и раскопками гнездовских курганов и городища в конце XIX — начале XX в. Необходимо отметить, что как раз тогда в недрах Комиссии возникают и начинают реализовываться проекты по изданию русских кладов и русской эпиграфики. Благодаря трудам членов ИАК, в свет выходит одно из первых топографических исследований, посвященное кладам восточных монет — важнейшего источника по истории Древней Руси (Марков 1910).

В архиве Комиссии накапливались материалы и по археологии позднего средневековья и нового времени, в том числе и в рамках того, что сегодня может быть названо «археология Петербурга». Так, в связи с тем что при прокладке подземных газовых труб в здании Санкт-Петербургской портовой таможни на Стрелке Васильевского острова в подземном туннеле были найдены человеческие кости и «длинные цепи», 16 октября 1884 г. ИАК обратилась к санкт-петербургскому градоначальнику, указав, что, в силу 6-го пункта «Положения» о Комиссии 1859 г., ему надлежало доставить ей как цепи, так и сведения об обстоятельствах находки. Известно, что во времена Петра I в этой местности находилось



Цепи из Секретной канцелярии эпохи Петра I. Стрелка Васильевского острова, Петербург. Рисунок И. Н. Медведева (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 45. Л. 18)

здание секретной канцелярии, существовавшая здесь система тоннелей и кандалы неоднократно обнаруживалась и при других работах, в частности, в 1876 г. Находки были зарисованы художником Комиссии И. Н. Медведевым. Рисунки уникальны не только тем, что сохранили для нас редкие артефакты, но и тем, что вскоре, в связи с техническим прогрессом, ИАК вообще отказалась от должности художника, перейдя преимущественно к фотофиксации (РО. Ф. 1. Оп. 1-1884 г. Д. 45. Л. 11, 14, 16; Соболев 1998: 280–289).

С середины 1890-х гг. исследования средневековых древностей несколько сбавили свой темп, что было связано с новым этапом осмысления и обработки накопленного материала, предпринятым А. А. Спицыным, пришедшим в ИАК в 1892 г. Благодаря трудам Археологической комиссии были введены в научный оборот ценнейшие археологические коллекции курганных древностей из раскопок Н. Е. Бранденбурга (Бранденбург 1895), Л. К. Ивановского (Спицын 1896а) и В. Н. Глазова (Спицын 1903). Монографические издания, посвященные их полевым исследованиям, были напечатаны в серии «Материалов по археологии России». Они не утратили своей актуальности и поныне, являются образцом публикации археологических материалов и остаются уникальным источником как для современных исследователей курганных памятников в их практической и научной деятельности, так и для изучения дореволюционного этапа развития отечественной археологии.

Полевые работы Императорской археологической комиссии в области средневековых древностей вновь активизировались в начале XX в. в основном благодаря деятельности А. А. Спицына и преимущественно на Северо-Западе России. В первые десятилетия XX в. он начал разворачивать программные археологические исследования средневековых древностей при финансовой и организационной поддержке Комиссии. Такая активность совпадала по времени с многосторонней и многотрудной деятельностью ИАК по реставрации и охране средневековых памятников монументального зодчества и с началом становления городской и архитектурной археологии в Киеве и Ладоге.

Необходимо признать, что в XIX в. гораздо активнее археологическим изучением славяно-русских древностей

DOI: 10.31600/978-5-9072-9807-1-2019-1202-1236

Глава XII

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И РАСКОПКИ В КИЕВЕ 1908–1914 гг.

Одной из первых страниц в изучении археологии древнерусского города являются раскопки начала XX в. в древнейшем городском центре — Киеве. Эти исследования проводились Императорской археологической комиссией и были связаны с целым рядом таких значительных имен русской археологии, как В.В. Хвойка, П.П. Покрышкин, Б.В. Фармаковский и Д.В. Милеев. За семь лет, с 1907 по 1914 г., были исследованы огромные площади в центре Киева, обнаружены и изучены древние поселения и укрепления, языческие и христианские некрополи, памятники монументальной архитектуры, в том числе — древнейший каменный храм на Руси: Церковь Богородицы Десятинной (989–996 гг.).

Последовавшая затем Первая мировая война прервала раскопки. Материалы исследований не были обработаны, опубликованы были лишь краткие результаты работ. Археологические находки и документация раскопок (чертежи и записи дневникового характера, фотоматериалы) оказались по большей части депаспортизованы и рассредоточены по музейным и архивным собраниям Киева и Санкт-Петербурга (см.: Церква Богородиці 1996). Когда в конце 1930-х гг. отечественные исследователи вновь обратились к изучению древнего Киева, они посчитали, что эта обширная научная документация потеряна для науки, в силу чего опирались лишь на краткие опубликованные выводы и незначительные по объему архивные материалы (Корзухина 1956; Каргер 1958: 132). В связи с этим, а также в силу идеологических установок того времени, оказалось весьма сложно оценить по достоинству значение раскопок Десятинной церкви, проведенных ИАК, и роль последней в развитии отечественной археологии средневекового города.

В недавние годы были обнаружены уникальные материалы дореволюционных археологических исследований, ранее считавшиеся безвозвратно утерянными (Грибанова 1996; Козюба 2005; 2010; Ёлшин 2007; 2008). Среди них — записи дневникового характера, полевые и чистовые чертежи, а также фотоматериалы киевских раскопок 1908–1914 гг. (см., в частности: Архив Інституту рукопису НБУ ім. В. Вернадського. Ф. 152. Д. 163). В то же время стало возможным исследовать материалы обширной официальной и личной переписки археологов, трудившихся тогда на раскопках в Киеве. Новые данные позволили воссоздать более полную картину дореволюционных археологических исследований, оценить их научно-методическую значимость, понять роль Археологической

комиссии в становлении средневековой археологии.

Внимание центрального археологического учреждения Российской империи к киевским древностям в начале XX в. привлекла активная исследовательская деятельность известного археолога В.В. Хвойки. Викентий Вячеславович Хвойка по праву считается первооткрывателем многих археологических памятников и нескольких археологических культур, его биография и научная деятельность довольно подробно освещены в целом ряде работ (Бахмат 1964; Шовкопляс 2000; Колеснікова 2005; 2007; 2008a; 2008b).

Летом 1907 г. В.В. Хвойка, в то время возглавлявший археологическое отделение Киевского городского музея древностей и искусств Николая II, предпринял масштабные археологические изыскания на частной земле усадьбы доктора М.М. Петровского, занимавшей большую площадь на северо-западе Старокиевской горы. Раскопки производились на средства меценатов Б.И. Ханенко и М.А. Терещенко, первый из которых был сверхштатным членом ИАК. Уже в первый год эти работы дали неожиданные результаты и яркие находки, отмеченные вниманием современников. За несколько месяцев были обнаружены остатки двух разрушенных в древности каменных построек, некогда украшенных фресковой росписью. Раскопанные руины были отождествлены с постройками, упомянутыми в летописи, — «теремом святой княгини Ольги». Среди находок была одна, привлекшая особое внимание, — кирпич с рельефным знаком-трезубцем, так называемым «знаком Владимира» (Болсуновский 1908; Древности 1909: 190–191). Кроме древних дворцов были обнаружены многочисленные остатки жилищ и мастерских, существование которых было прервано штурмом Батыя 1240 г., а также братская могила киевлян, погибших при этом штурме (Хвойко 1913: 63–75). Г.Ф. Корзухина отмечала: «Впервые в истории археологического изучения Киева культура Киевской Руси предстала перед исследователем во всем своем многообразии и богатстве» (Корзухина 1956: 318). Уже в августе 1907 г. раскопки посетили Н.П. Кондаков, Д.В. Айналов, Я.И. Смирнов, А.В. Щусев и др. (Известия ИАК. Приб. к вып. 26. 1908: 29).

7 января 1908 г. в Императорском Московском археологическом обществе, членом-корреспондентом которого с 1899 г. являлся В.В. Хвойка, его близкий приятель профессор И.А. Линниченко сделал доклад, в котором ознакомил собравшихся с новыми открытиями в Киеве. Эффект от доклада был столь велик, что на его обсуждении был поднят вопрос о необходимости приобретения государством усадьбы М.М. Петровского с целью продолжения раскопок (Древности 1909: 191; РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 509). Однако еще ранее, 30 декабря 1907 г., Н.П. Кондаков, которому стали известны уникальные результаты раскопок, подал на имя президента Академии наук великого князя Константина Константиновича докладную записку, в которой предлагал проект систематических археологических исследований Киева. Называя раскопки В.В. Хвойки «замечательными» и ссылаясь на опыт систематических исследований Херсонеса, Н.П. Кондаков предложил создание в Академии, при Отделении русского языка и словесности, «особой комиссии», которой был бы поручен этот долговременный (десятилетний) проект. Проект должен был включить

ХВОЙКА Викентий Вячеславович (21.02.1850 — 20.10.1914) — археолог-самоучка, коллекционер, исследователь древностей на территории Украины. Родился в Чехии, происходил из старинного рода, окончил коммерческое училище, в 1864 г. переехал в Прагу, в 1876 г. — в Киев, где служил учителем. В 1893 г., наблюдая за земляными работами, открыл Кирилловскую палеолитическую стоянку, первооткрыватель Трипольской культуры, исследователь скифских, зарубинецких, черняховских и раннеславянских древностей. Один из основателей Киевского городского музея древностей и искусств (ныне — Национальный музей истории Украины), а с 1904 г. — хранитель археологического отдела музея, куда передал свои коллекции. Сотрудничал с Б. И. Ханенко, начал раскопки средневековых памятников на территории Киева.

Осн. соч.: Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913; 2-е изд. Київ, 2008.

Лит. о нем: *Колеснікова В. А.* Вікентій (Чеслав) Хвойка. Сторінки науковой біографии. Київ, 2007.

(Фото: Колеснікова 2008а: 8)

в себя не только раскопки, но и их немедленное осмысление и публикацию находок. Смета на осуществление этих задач составляла 4 тыс. руб. в год (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 30. Л. 1–6).

При подготовке проекта Н. П. Кондаков консультировался с В. В. Хвойкой относительно наиболее важных объектов для исследования и требуемых средств, очевидно, предполагая, что последний будет исполнителем проекта (СПбФ АРАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 456. Л. 3 — 5 об.).

Проект был обсужден Академией наук 20 января 1908 г. и направлен на рассмотрение Императорской археологической комиссии как центральной организации, в обязанности которой входило собирание сведений о находимых в России древностях и их ученая оценка. Тот факт, что бывший член ИАК Н. П. Кондаков обратился с «археологическим» предложением не в Комиссию, а в Академию, был связан с его давним конфликтом с самой ИАК и с ее председателем А. А. Бобринским, что и привело к уходу ученого из этого учреждения в 1891 г. (подробнее см. главу I).

При рассмотрении проекта членами ИАК к поступившим предложениям был предъявлен ряд серьезных претензий (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 30. Л. 7–13). В рапорте Комиссии

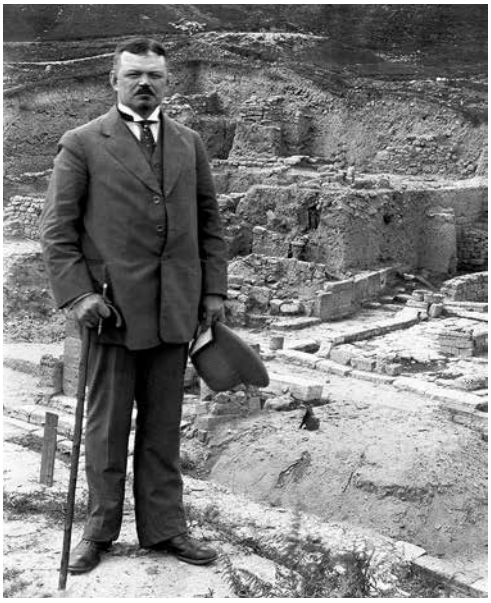
указывалось, что, во-первых, согласно постановлению от 11 марта 1889 г., только ИАК имела исключительное право проведения раскопок на общественных и казенных землях, к которым относились киевские усадьбы Десятинной и Трехсвятительской церквей, а также Софийского собора, упомянутые в проекте Н.П. Кондакова. Появление альтернативной организации, занимающейся раскопками на этих землях, вошло бы в противоречие с постановлением 1889 г. и, «породив двоевластие, могло бы отразиться гибельно на организации общего дела археологического исследования в России» (Там же. Л. 8). Во-вторых, согласно проекту, предложенному Н.П. Кондаковым, все находки должны были поступать в Киевский городской музей, что также входило в противоречие с постановлением, по которому наиболее примечательные из них должны были поступать на Высочайшее воззрение, после чего решалась их музейная судьба: чаще всего эксклюзивные вещи поступали в Императорский Эрмитаж. «Лишать Эрмитаж этого права по отношению к раскопкам, производимым на средства Государственного казначейства, едва ли желательно», — считал А.А. Бобринской (Там же. Л. 8 об.).

А.А. Бобринским был предложен альтернативный проект исследований в Киеве, во главе которых встала бы сама Императорская археологическая комиссия. Была сокращена и смета — половина расходов, предполагавшаяся по проекту Н.П. Кондакова для вознаграждения руководителя раскопок и издания отчетов, была излишней при выполнении работ Комиссией, и без того публиковавшей ежегодные отчеты.

В позиции А.А. Бобринского можно усмотреть ревнивое отношение по отношению к будущим археологическим раскопкам, обещавшим большие открытия. В то же время это было не просто желание сохранить монопольные права ИАК. Полувековой опыт систематических археологических исследований Комиссии и наличие ведущих отечественных специалистов-археологов в числе ее членов действительно давали право считать, что такие важные задачи, как исследование древнего Киева, должны быть всеми возможными усилиями ограждены от дилетантов и исполнены именно Комиссией. Во многом эта позиция основывалась и на скептическом отношении членов Комиссии к некоторым полевым работам В.В. Хвойки, о чем будет сказано далее.

2 апреля 1908 г. Министерство императорского двора уведомило ИАК о Высочайшем повелении произвести раскопки в Киеве. Проект был рассчитан на 10 лет, причем ежегодно выделялась сумма в 2000 руб. Уже 8 мая были выданы Открытые листы на право проведения раскопок в пределах Киева члену ИАК Б.В. Фармаковскому и художнику-архитектору Д.В. Милееву (Там же. Л. 42).

Назначение руководителем раскопок в Киеве Б.В. Фармаковского, известного к тому времени своими исследованиями античных памятников, кажется несколько странным, но оно преследовало сразу несколько целей. Естественно, что руководителем полевых работ в Киеве должен был быть непременно член ИАК. Однако еще до начала раскопок киевские газеты, отражавшие мнение местной общественности, настроенной резко против столичной бюрократии и Комиссии в частности, негативно отреагировали на это назначение. 6 июня 1908 г.



Б.В. Фармаковский, Ольвия (ФО. Нег. II 83361)

Б.В. Фармаковский, Киев (ФО. Нег. II 83357)

в прессе был опубликован ответ самого А.А. Бобринского, объяснявшего такое решение высоким профессионализмом раскопщика: «Исследование древнего Киева, раскопки на местоположении старого города требуют совершенно специальных знаний и навыка. Более кого-либо другого в России обладает этим опытом магистр Фармаковский. Его многолетние, образцовые, последовательные раскопки в городище древней Ольвии составили ему, независимо от прочих его научных заслуг, громкое имя как среди русских ученых, так и в остальной Европе. Разбираться в обломках каменных фундаментов и кирпичных кладок, в хаосе поломанной штукатурки и отбитых фресок требует особого умения, осторожности, а главное — опыта» (Известия ИАК. Приб. к вып. 27. 1908: 48).

Таким образом, Б.В. Фармаковский был специально направлен в Киев, чтобы обеспечить высокий уровень научно-методической организации археологических исследований. Известно, что еще в самом начале своей карьеры Б.В. Фармаковский прошел великолепную школу за рубежом. После окончания Новороссийского университета он был в 1893–1894 гг. командирован в Грецию для изучения европейского опыта полевых работ, обучался в Афинах, наблюдал раскопки В. Дерпфельда в Олимпии. В 1896 г. Б.В. Фармаковский по поручению ИАК руководил раскопками в Ольвии и на Березани, а с 1901 г., уже в качестве члена Комиссии, он начинает свои многолетние раскопки в античном полисе Ольвии, где применил методический опыт крупномасштабных раскопок античных памятников (подробнее см. главу IV).

Первоклассная полевая методика археологических исследований в Ольвии была отмечена современниками: «...строгие методы археологических исследований, производившихся в Афинах и других местах Греции,

Б.В. Фармаковский всецело и умело применил к исследуемой им Ольвии. Не погоня за находками во что бы то ни стало руководит им в его работах. Он стремится воскресить пред нами ее древний облик в его исторической последовательности, дать "монументальную историю" Ольвии. Свою работу Б.В. Фармаковский ведет постепенно, не бросаясь из стороны в сторону. Начав где-либо на территории Ольвии раскопку, он доводит ее до возможного конца, относится внимательно к производству работ, ведет им тщательные дневники, детально регистрирует находимые предметы, отмечая при этом все детали производства работ и нахождений памятников, фотографирует раскапываемую местность в различные моменты раскопки, привлекает, где это оказывается нужным, на помощь себе архитектора и т. д., и т. д.», — писал С.А. Жебелев (Жебелев 1915: 2). Ученик Б.В. Фармаковского В.Д. Блаватский много лет спустя так охарактеризовал методы ученого: «В своих полевых исследованиях Б.В. Фармаковский руководствовался определенными теоретическими положениями и принципами, которые не были освещены им в каком-либо методическом труде, но тем не менее нашли отчетливое выражение в практике раскопок Ольвии <...> Система Б.В. Фармаковского отнюдь не устарела в настоящее время, ибо в ее основе лежит понимание задач полевой археологии как изучения истории раскапываемого города» (Блаватский 1967: 70).

Руководство киевскими раскопками, параллельно с ольвийскими, оказалось для Б.В. Фармаковского непростым делом. В письме товарищу председателя ИАК В.В. Латышеву от 7 июля 1908 г. он признается: «Конечно, я не специалист по русск[ой] археологии, и потому здесь я чувствую себя совсем не так, как в Ольвии. Я это чувствую в связи с разными интригами и с тем, что все же я, на котором лежит пред наукой ответственность за раскопки в Киеве, не буду здесь все время, как того требовала бы идеальная обстановка дела, что повергает меня часто в своего рода меланхолию. Оставлять работы в Ольвии, хотя бы и на краткие сроки, тоже будет весьма неприятно. Дело в Киеве столь важно, что надо здесь быть постоянно члену Комиссии, как и в Ольвии» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 30. Л. 58). Поэтому в первый год работ в Киеве Б.В. Фармаковский навещал раскопки почти каждые две недели, в остальное время требуя от своего помощника и заместителя Д.В. Милеева постоянно держать в курсе событий и находок письмами и телеграммами.

Первой задачей киевского проекта было исследование фундаментов древней Десятинной церкви, и поэтому Б.В. Фармаковский пригласил в качестве помощника художника-архитектора Д.В. Милеева, к этому времени уже несколько лет сотрудничавшего с ИАК. Д.В. Милеев впоследствии стал непосредственным руководителем киевских раскопок, которые явились делом всей жизни архитектора.

Д.В. Милеев — один из самых деятельных исследователей русского зодчества начала XX в., чье имя по праву может быть помещено в один ряд с такими величинами в науке как П.П. Покрышкин и К.К. Романов. Менее чем за 10 лет участия в различных проектах Императорской археологической комиссии этот ученый успел выполнить огромную работу по исследованию, обмерам, реставрации и археологическим раскопкам десятков памятников

Д.В. Милеев, Киев (ФО. Нег. II 83358)

русской архитектуры. Судьба не позволила ему обобщить и опубликовать большинство результатов своих исследований, почему он незаслуженно и отошел на второй план в трудах, посвященных истории изучения русской архитектуры (см.: Д.В. Милеев 1915: 193–198; Покрышкин 1915a; Грибанова 1996; Ёлшин, Мелюх, Ходаковский 2015).

В студенческие годы Д.В. Милеев посвящал свободное время путешествиям по памятникам древнего зодчества. К этому времени относится и знакомство его с П.П. Покрышкиным, о чем последний вспоминал весьма трогательно: «Он, с этюдным ящиком за спиной, пешком ходил по окрестностям этого древнего города [Новгорода] и забрел ко мне на работы по ремонту Спасо-Нередицкой церкви; впоследствии я узнал случайно, что в кармане его были гроши, а существовал он впроголодь; производил он впечатление аскета» (Покрышкин 1915b: 1). После окончания Высшего художественного училища при Академии художеств Д.В. Милеев в 1905–1906 гг. дважды командировался Комиссией по изучению древнерусского зодчества (при Академии художеств) на обмеры и исследования памятников деревянной архитектуры Архангельской, Вологодской, Костромской и Олонецкой губерний, а в 1911–1913 гг. руководил реставрацией деревянных храмов русского Севера (Памятники архитектуры 2002: 417–418; Ёлшин, Мелюх, Ходаковский 2015: 25-133) (см. главы I и XIII).

К 1908 г. Д.В. Милеев постоянно принимал участие в работах ИАК. Вместе с П.П. Покрышкиным в мае 1908 г. он производил обмеры церкви свт. Василия Великого в Овруче (Архив ГЭ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 118. Л. 2), в конце сентября — октябре 1908 г., по окончании работ в Киеве, Д.В. Милеев провел архитектурно-археологические раскопки Борисоглебской церкви на Смядыни в Смоленске (Воронин, Раппопорт 1979: 43). В Киеве же Д.В. Милеев оказался не просто «приглашенным архитектором», подобно тем, которые работали у Б.В. Фармаковского на раскопках в Ольвии (кстати, в 1904–1907 гг. в таком качестве там трудился К.К. Романов) (см. главу IV). С первых дней киевских раскопок на плечи Д.В. Милеева легла вся ответственность за организацию рабочего процесса: наем рабочих, устройство ограждений и пр. (Архив ГЭ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 118. Л. 2–6, 15–16). Для 30-летнего архитектора это был первый опыт руководства подобными работами, но, судя по письмам самого Д.В. Милеева, это нисколько его не смущало. «Как вдумчивый художник, беззаветно преданный делу познания древнего русского

Д. В. Милеев, Е. В. Милеева и С. П. Вельмин, Киев, 1910–1911 гг. (ФО. Нег. II 32116)

искусства, он сразу оценил глубокий смысл открытия киевских великокняжеских церквей, давно разрушенных и погребенных, ни на секунду не задумавшись пред трудностью черной раскопочной работы», — писал П.П. Покрышкин (Покрышкин 1915b: 2). Б.В. Фармаковский дал самую яркую характеристику работе Д.В. Милеева: «Сложность ведения дела заставила меня оставить здесь в помощь Милееву еще Данилова… И Милеев, и Д[анилов] работают с редким самоотвержением. Точность чертежей и промеров и наблюдательность Милеева выше всяких похвал! Уезжаю отсюда, не опасаясь, что что-либо будет не замечено или уничтожено» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 30. Л. 58). По письмам Д.В. Милеева, отправленным из Киева Б.В. Фармаковскому в Ольвию и Санкт-Петербург на протяжении сезонов 1908 и 1909 гг., хорошо видно, что Д.В. Милеев, фактический руководитель раскопок, полностью подчинялся старшему руководителю, согласовывая с ним каждое свое действие, еженедельно и подробно сообщая о ходе раскопок, заложенных «ямах» и прирезках, обнаруженных кладках, погребениях и отдельных находках. До очередного приезда в Киев Б.В. Фармаковского, А.А. Бобринского и других крупных специалистов Д.В. Милеев старался всегда оставлять раскопы незасыпанными, так, «чтобы был виден весь ход работ» (Архив ГЭ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 118. Л. 11–12).

О том, какую ответственность ощущал Д.В. Милеев за работы в Киеве, говорит хотя бы тот факт, что за шесть лет он так и не смог доехать в летнее время до Ольвии, куда Б.В. Фармаковский постоянно его приглашал. В 1913 г. Д.В. Милеев пишет ему: «Несмотря

на то, что мне так давно хотелось попасть на работы к Вам в Ольвию, все же совместить Киев и Ольвию представляется мне трудным в этом году, боюсь оторваться в ущерб Киеву, тем более что с Киевом у меня работы еще много» (Там же. Л. 38 об.).

Д. В. Милеев руководил раскопками в Киеве до самой своей смерти в 1914 г. После второго сезона раскопок в Киеве Д. В. Милеев был зачислен в штат ИАК на должность канцелярского чиновника. В своем новом качестве Д. В. Милеев был назначен уже полноправным руководителем киевских раскопок. 4 февраля 1910 г. Д. В. Милеев был избран и в действительные члены Императорского Русского археологического общества (РО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 335. Л. 3, 7, 9).

Кроме археологических раскопок в Киеве на Д. В. Милеева было возложено и немало обязанностей по участию в реставрационной деятельности Императорской археологической комиссии в Архангельске, Челмужах и Костроме. Эти работы значительно сократили время пребывания Д. В. Милеева в Киеве в эти сезоны: в 1911 г. — до двух месяцев, в 1912 г. — до полутора, а в 1913 г. загруженный текущими делами по реставрации Д. В. Милеев вообще не смог приехать в Киев, и исследования в этот год не проводились.

Работы Императорской археологической комиссии на усадьбе Десятинной церкви были начаты в июне 1908 г. Их первейшей задачей было исследование остатков древнего храма Богородицы (Десятинной церкви), возведенного в конце X в. История исследований этого памятника восходит к XVII столетию, когда митрополит Киевский Петр (Могила) произвел здесь первые раскопки с целью выявления остатков церкви и поиска реликвий. Археологические раскопки на этом месте проводились и в начале XIX в.: К. А. Лохвицким в 1824 г. и Н. Е. Ефимовым в 1826 г. Тогда были полностью открыты фундаменты храма, но опубликованные планы существенно отличались. Тем не менее из этих публикаций было известно, что новая церковь, построенная в 1828–1842 гг., была размещена на древних фундаментах, хотя часть из них все же осталась вне пятна строительства и могла быть вновь открыта и доследована (Ёлшин 2012; см. также об истории «реконструкций» Десятинной церкви в социально-политическом контексте: Musin 2017a; Мусін 2018).

В 1908 г. Императорская археологическая комиссия начала исследования с того, что были заложены две траншеи вдоль восточной и северной стен Киево-Десятинной церкви XIX в., в некоторых местах подходившие к фундаментам. За полевой сезон, продолжавшийся с июня по сентябрь, были открыты и исследованы остатки фундаментов апсид и северной галереи древнего храма, резной шиферный саркофаг XI в., а также более ранние комплексы: глубокий ров «древнейшего городища» и погребения могильника, существовавшего на этой территории в X в. еще до строительства церкви. В следующем сезоне (май — август 1909 г.) была исследована вся доступная площадь к востоку от храма в пределах прицерковной усадьбы. Результатами этого сезона стало выявление огромного позднесредневекового кладбища, шиферных саркофагов, древней сырцовой вымостки, комплексов X в. — погребений и нескольких кладов.

В проект исследования усадьбы Десятинной церкви очень скоро были внесены изменения, вызванные

беспрецедентной строительной активностью на Старокиевской горе. В начале апреля 1909 г. Д.В. Милеев срочно отправился в Киев для проведения наблюдений и обмеров при «выемке земли» в усадьбе Софийского собора («Митрополитанской усадьбе»), на углу Стрелецкой и Георгиевской улиц, которая производилась для постройки четырехэтажного дома. Работы на Митрополичьей усадьбе были продолжены и в сентябре — октябре 1909 г. В ходе этих работ были обнаружены остатки фундаментных рвов большого храма XI в., в результате чего постройка нового здания на этом месте была свернута. В середине октября 1909 г. Д.В. Милеев провел также наблюдения внутри киевского Софийского собора, приостановив планируемую замену чугунных полов. Результатом этих наблюдений явилась заметка с подробным описанием и хронологией наслоений в интерьере Софийского собора (Милеев 1911b; ФО. Отп. О.2426-38–57, отп. О.1722-25). Таким образом, киевская экспедиция ИАК уже в 1909 г. становится «спасательной». В случае необходимости она перераспределяла свои ресурсы для исследования уничтожаемых участков культурного слоя в центре Киева.

В 1910 г. работы Д.В. Милеева сосредоточились на спасательных раскопках на усадьбе Трубецкого, где предполагалась постройка нового дома. Здесь с 22 апреля по 17 июня были исследованы остатки построек и комплексов зерновых ям XVII в., а также несколько погребений X в. С 17 июня 1910 г. исследования были сосредоточены на усадьбе Новицкой (участок Крестьянского Поземельного банка), где производилась выемка котлована для строительства нового дома. В июле — середине октября 1910 г. продолжились работы и на Митрополичьей усадьбе, завершенные полным раскрытием обнаруженных остатков храма, а также открытием обширного некрополя древнерусского времени (Милеев 1911a). Лишь в октябре 1910 г. были проведены небольшие раскопки на усадьбе Десятинной церкви, в результате которых к югу от храма были обнаружены остатки светской постройки, возведенной одновременно с церковным зданием X в.

Сам Д.В. Милеев так выражал свое отношение к этим работам: «Древние пепелища и новая жизнь старых городов, застройка их новыми доходными домами — интересное поле для исследований… Последние годы в городе спешно возводятся доходные дома, унося с собой навсегда следы древней жизни… На землях казенных и общественных дело обстоит лучше. Здесь Императорская археологическая комиссия имеет узаконенное право производить исследования, которые и ведутся теперь систематически… Гораздо хуже дело обстоит в усадьбах частных, на которые закон не распространен. Частным владельцам, спешно строящим новые постройки, мало дела до того, что земля хранит нам историю прошлой жизни. Застраивая место без предварительных исследований, они навсегда вырывают целые страницы нашей истории. Таким образом, дело исследования в частных усадьбах пока всецело зависит от произвола их владельцев, а также строителей. Их добрая воля не допустить вандализма…» (Там же: 117–121).

С 1911 г. тяжесть спасательных работ в Киеве взял на себя ученик Д.В. Милеева Сергей Петрович Вельмин (1890–1950[?]), сын настоятеля

С. П. Вельмин во время упаковки материалов из раскопок Десятинной церкви для отправки в Санкт-Петербург, 1909 г. (по: Пекарская 2017: 416, рис. 1)

Десятинной церкви протоиерея Петра Дмитриевича Вельмина. В 1908 г., когда начались раскопки церкви, Сергей Вельмин только что окончил гимназию и поступил в Киевский университет св. Владимира. В списках студентов историко-филологического факультета С. П. Вельмин значился до 1916 г. (Грибанова 1996: 26). Его старший брат Анатолий (1883–1977), окончивший юридический факультет Киевского университета, в 1920-е гг. был членом антибольшевистского «Киевского областного центра действия», но впоследствии сумел выехать за границу, где занимался собиранием частных архивов, будучи представителем Русского заграничного исторического архива в Польше, а затем — Бахметевского архива при Колумбийском университете в Париже. Еще один брат, Владимир (1885–1974), был математиком, работал в Ростове и Киеве, другой, Виктор — священником и настоятелем Владимирского собора в Киеве, был арестован и расстрелян в 1937 г. (см.: Косик 2011).

Все университетские годы С. П. Вельмин активно участвовал в раскопках ИАК. Уже в марте 1910 г. он сделал развернутый доклад о раскопках 1908–1909 гг. на заседании киевского отделения Императорского военно-исторического общества. Доклад этот опубликован и является важным источником о ходе работ ИАК (Вельмин 1910). Весной 1911 г., когда Д. В. Милеев был занят на реставрационных работах в Костроме, ИАК поручила 21-летнему С. П. Вельмину продолжить раскопки в усадьбе Крестьянского поземельного банка. Раскопки же на территории усадьбы Десятинной церкви в этом году были сокращены до двух месяцев (июль — начало сентября). За это время была раскрыта большая часть постройки к югу от храма, исследованы участки у северо-западного угла и перед западным фасадом церкви XIX в. С середины июля по конец августа 1912 г. была исследована большая площадь к северу от Десятинной церкви, изучено заполнение рва городища. В 1913 г. из-за невозможности приезда Д. В. Милеева в Киев исследования взял на себя С. П. Вельмин, начавший в середине марта наблюдения в усадьбе Земских приютов (№ 31 и 33 по Владимирской улице). В ходе раскопок, длившихся

два месяца, были исследованы вал и ров начала XVIII в., остатки фундамента стен храма XI в., а также еще одной светской постройки этого же времени рядом с ним.

1914 год стал последним сезоном исследований на Старокиевской горе. Исследования в этом году были связаны с понижением уровня дневной поверхности по Владимирской улице и Десятинному переулку в непосредственной близости от усадьбы Десятинной церкви. Кроме этого, были исследованы значительные площади к северу от Десятинной церкви на территории рва и площадки «древнейшего городища». В разгар исследований, 19 июля 1914 г., от сыпного тифа скончался Д. В. Милеев. Ему было неполных 37 лет. С. П. Вельмин вместе с В. П. Цареградским, представлявшим Киевское общество охраны памятников старины и искусства, завершали наблюдение за работами этого года. В сентябре–октябре 1914 г. в Десятинном переулке, к юго-западу от Десятинной церкви, были открыты и исследованы остатки фундаментов еще одного светского сооружения конца X в. (см. также: Пекарская 2017).

Еще одним объектом исследований ИАК в Киеве стала церковь Спаса на Берестове XII в., находившаяся в ведении Киево-Печерской лавры. С 1910 по 1913 г. здесь проводил реставрацию П. П. Покрышкин, а в 1914 г. им же были проведены раскопки восточной части древнего храма, от которой сохранились лишь фундаменты. В сентябре 1914 г. Духовный собор Киево-Печерской лавры прекратил финансирование и остановил археологические работы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 275. Л. 96; Сіткарьова 2001: 214–225; о реставрации см.: Памятники архитектуры 2002: 437–440) (подробнее см. главу XIII).

За семь лет в центре Киева работами ИАК были исследованы огромные объемы культурного слоя. Точно рассчитать общую площадь раскопок невозможно из-за того, что далеко не по всем объектам сохранились полевые материалы. Д. В. Милеев в письме П. П. Покрышкину указывал, что за сезон 1908–1909 гг. было исследовано в общей сложности более 1200 кв. м (РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 207. Л. 9). По подсчетам В. К. Козюбы, только на усадьбе Десятинной церкви за 1908–1912 и 1914 гг. была раскопана площадь до 1800 кв. м (Козюба 2005: 177).

Фрагментарно сохранившаяся полевая документация, письма и редкие отчетные документы позволяют до некоторой степени восстановить картину киевских раскопок, их научно-методическую организацию и административно-бытовые моменты.

Раскопкам предшествовала серьезная подготовка. Д. В. Милеевым были сделаны копии планов Десятинной церкви, снятых при раскопках 1820-х гг. (Вельмин 1910: 22). Киевские газеты в 1908 г. писали о визите на раскопки президента Академии наук великого князя Константина Константиновича: «Великий князь <…> интересовался старыми планами храма и вопросом о том, насколько эти планы соответствуют данным, добытым нынешними раскопками. Д. В. Милеев демонстрировал выкопировки со старых планов, причем оказалось, что все старые планы неверны» (Известия ИАК. Приб. к вып. 31. 1909: 71).

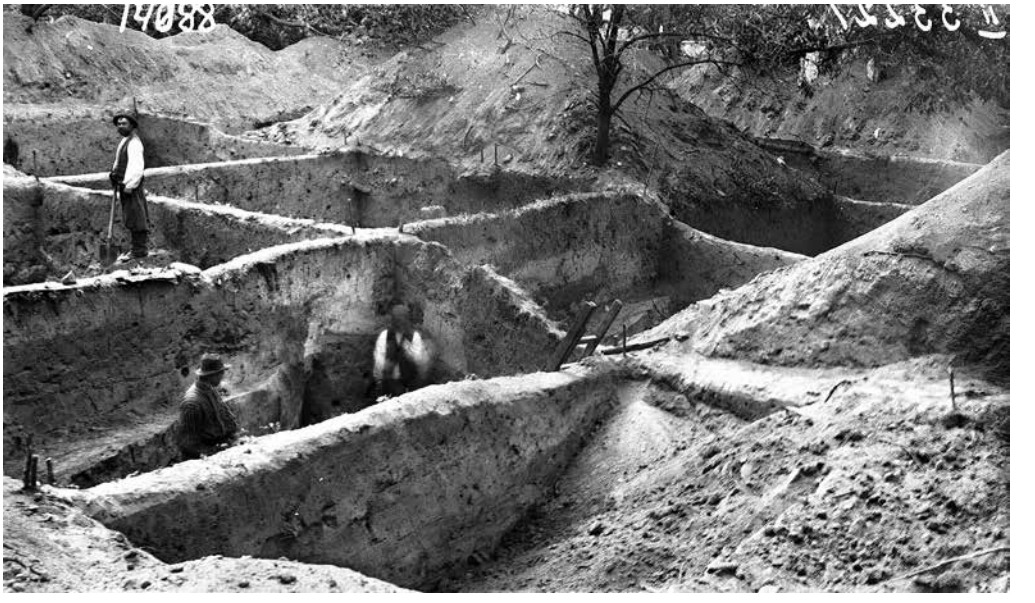
Исследователи неоднократно обращали внимание на своеобразную полевую методику, характерную для киевских работ ИАК (Каргер 1961: 52;

Раскопки церкви на Митрополичьей усадьбе, в раскопе — С.П. Вельмин, 1911 г. (ФО. Нег. II 74654)

НА ИА НАНУ. Д. 1989/29. Л. 6; Козюба 2005). С первого сезона 1908 г. при раскопках Б.В. Фармаковского и Д.В. Милеева применялся «кессонный метод», заключавшийся в систематическом исследовании культурного слоя раскопами («ямами») размерами около 5 × 3 м, разделенных тонкими бровками («гребешками»). Такая сетка обеспечивала густо расположенные параллельные разрезы, проходящие вдоль и поперек раскопа. Именно на эти кессоны, располагавшиеся в восточной части усадьбы, попали раскопы Ф.Н. Молчановского 1936 г. (НА ИА НАНУ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 33. Л. 9), а на другие, к западу от церкви, попал раскоп М.К. Каргера в 1948 г. (Каргер 1961: 52; Козюба 2005: 176).

Этот метод, да и само исследование городского культурного слоя было в новинку для русской археологии, поэтому методика подробно описывалась в опубликованном отчете:

Раскопки юго-западного дворца на Старокиевской горе, вид с востока, 1911 г. (ФО. Нег. III 12045)



Раскопки на Митрополичьей усадьбе, 1910 г. (ФО. Нег. II 33227)

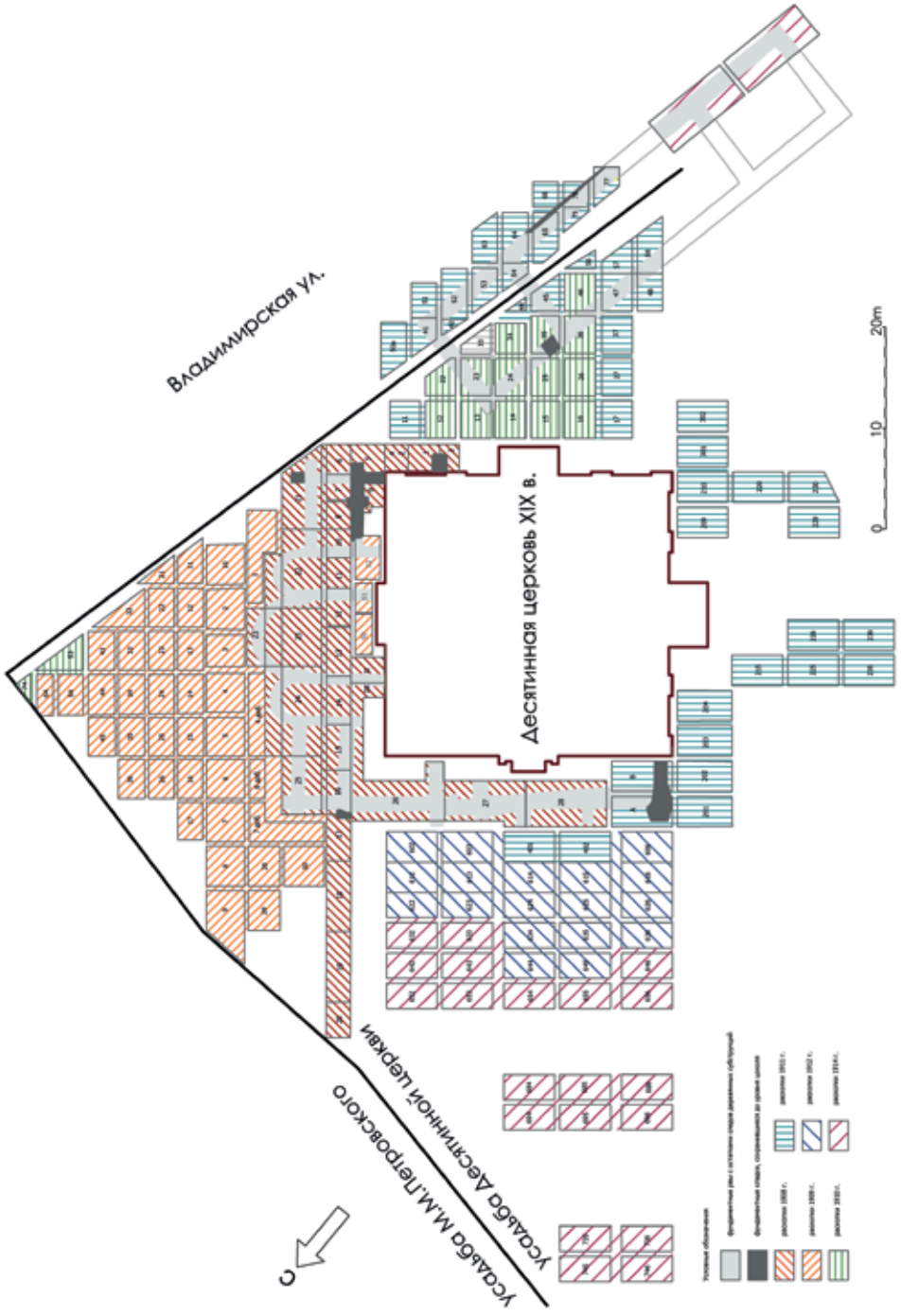
«Исследования <...> велись правильными прямоугольными ямами, между которыми оставлялись небольшие промежутки нетронутой земли, так называемые гребешки (толщиной 0,30 м): эти гребешки служат стенками ям (обрезы), и на них ясно вырисовываются культурные наслоения. Обрезы ям после подробного обмера и общей нивелировки дали возможность получить точные разрезы культурных наслоений как в продольном, так и в поперечном направлениях. Каждый культурный слой тщательно разбирался отдельно, и все найденные предметы отмечались соответствующим слоем каждой ямы. Обмер горизонтальных планов в ямах по мере выяснения и удаления наслоений производился самостоятельно на известной глубине; таким образом, впоследствии получился общий горизонтальный план всех выяснившихся наслоений. По мере окончания изучения каждой отдельной ямы разделяющие их гребешки также разбирались по слоям. По удалении гребешков получался общий вид исследуемого места. Все исследования доводились до материка» (ОИАК за 1908 г. 1912: 134).

Методика была сразу же высоко оценена ведущими специалистами славяно-русской археологии. Уже в 1910 г. А.А. Спицын включает в свое руководство к археологическим раскопкам целый ряд фотографий киевских исследований и подробное описание методики: «Русские археологи, избалованные легкими раскопками в курганах, еще не выработали детальных приемов для разборки культурных слоев. Наиболее строгие раскопки этого типа производятся в настоящее время кругом Десятинной церкви в Киеве. Здесь работа идет выемками-кессонами. Каждый из них разрабатывается отдельно, с составлением точных чертежей всех четырех стенок кессона и всех горизонтальных обрезов. Отдельные слои заносятся на чертеж с точностью архитектурных памятников и снимаются отдельно один за другим, с немедленной упаковкой вещей в пакеты, снабженные точными шифрами слоев. Здесь исполняется то, что должно быть желаемо во всех подобных раскопках: собираются решительно все находимые обломки — черепки, стекла, гвозди, камни со следами употребления, кости. Изучение материала идет уже позднее, кабинетным путем» (Спицын 1910: 78–79). Особых трудностей выявление источника подобной методики не вызывает. Именно такими квадратами-кессонами, именуемыми «отсеками», с 1902 г. раскапывал Ольвию Б.В. Фармаковский. Во время своих греческой и европейской стажировок он собрал все самое лучшее, чего достигла передовая археологическая мысль в полевой методике раскопок, и стал активно вводить новые практики в России, в частности, в киевских исследованиях, подробно проинструктировав перед этим Д.В. Милеева. С 1899 г. эта методика применялась Артуром Эвансом при раскопках Кносса. Впоследствии этот метод (grid system) широко применялся в Европе: в Польше его пропагандировал В. Голубович, а в середине XX в. он стал особенно популярен в Великобритании и известен там как метод М. Уиллера — К. Кенион (Клейн 2001: 73). Только полное и тщательное изучение культурного слоя, которое обеспечивала «кессонная методика», позволяло избавиться от порочного «монографического» метода раскопок, как в античной, так и в средневековой городской археологии, при котором внимание уделялось лишь конкретному архитектурному объекту (Блаватский 1967: 73).

Из сводного плана раскопок Д.В. Милеева видно, что последовательность работ четко планировалась и была подчинена строгой сетке раскопов. То же самое можно сказать и о раскопках в других частях Старокиевской горы. Известно, что С.П. Вельмин применял ту же методику в собственных раскопках 1913 г., а именно по фронту Ирининской улицы, между усадьбой г. Белянкина и угловым домом, где помещались училище и типография, и на границе между усадьбами 31 и 34, где сохранились остатки земляного вала — в каждом районе работ рылись 16–20 ям, каждая 5 × 2,5 м (Известия ИАК. Приб. к вып. 50. 1913: 106). По фотофиксации П.П. Покрышкина 1914 г. можно судить, что при раскопках апсидной части церкви Спаса на Берестове применялась та же кессонная методика, что и на усадьбе Десятинной церкви и других объектах (ФО. Нег. I 84 511–84 520).

Сведения о стоимости работ сообщает сам Д.В. Милеев в письме П.П. Покрышкину: «<...> оказывается, раскопка у нас занимает в год всего площадь около 600 кв. м, на глубину от 3 м до 8 м (причем глубокой площади было немного). Среднюю глубину можно считать 4 метра, тогда выходит, что в год на 2000 рублей можно раскопать около 2400 куб. метров, в эту сумму входит содержание помощника, затем составление описи, промывка предметов и их упаковка, а также отвозка земли и снова засыпка раскопки, причем надо принять в соображение сложность раскопки, когда пришлось иметь дело с целым рядом погребений, расчистка которых занимает много времени и сил. Думаю, что можно сделать раскопку по оценке: 2 куб. метра стоит 1 рубль, или 1 куб. сажень раскопки стоит 4 рубля» (РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 207. Л. 9). Начав раскопки в 1908 г., Д.В. Милеев ограничился лишь 4 рабочими, позже это количество было увеличено: «Ввиду необходимости вести раскопки с большей тщательностью и перебирать каждый комок земли, Б.В. Фармаковский решил больше 15 землекопов на работы не ставить, так как при большем числе рабочих было бы затруднено руководство и ближайшее наблюдение за работами» (Известия ИАК. Приб. к вып. 27. 1908: 53). О тщательности разборки культурного слоя свидетельствует множество упоминаний современников: «Раскопки велись столь осторожно и тщательно, что на фотографиях, снимаемых в разное время с одного и того же места, можно ясно видеть всю последовательность наслоений и остатков от построек различных эпох, а равно и приемы подготовки почвы для фундаментов этих построек, стен которых не сохранилось вовсе» (Протокол заседания 1913: 290).

Тщательностью и скрупулезностью отличалась и работа с находками: «Запись и разборка производятся по траншеям, затем по слоям земли, в которых древности обнаруживаются: каждой траншее и слою соответствуют особые билетики, по номерам которых древности раскладываются и затем подвергаются тщательному осмотру» (Известия ИАК. Приб. к вып. 27. 1908: 50). Для находок не делалось исключений: «Из раскопок кругом Десятинной церкви были доставлены решительно все находки, не исключая малейших черепков, обломков стекла, камешков, костей животных, куски штукатурки» (Спицын 1910: 117). Передовые методические установки на сбор и каталогизацию всех находок, авторство которых чаще всего приписывают А. Питт-Риверсу, были воплощены в Российской империи



Сводный план раскопок Д.В. Милеева 1908–1914 гг. Автор Д.Д. Ёлшин

Киев. Места раскопок Д.В. Милеева и С.П. Вельмина в 1908–1914 гг.: 1. Десятинная церковь (раскопки 1908–1914 гг.); 2. Митрополичья усадьба (раскопки 1909–1910 гг.); 3. Софийский собор (раскопки 1910 г.); 4. Усадьба Трубецкого (раскопки 1910 г.); 5. Усадьба Новицкой (Крестьянского поземельного банка, раскопки 1910–1911 гг.); 6. Место памятника Александру II (надзор 1911 г.); 7. Усадьба Музыкального училища (раскопки 1911 г.); 8. Усадьба Земских приютов (раскопки 1911 г.); 9. Раскопки гражданской постройки в Десятинном пер. (1914 г.). Составил Д.Д. Ёлшин

в начале XX в. в полной мере. Например, коллекция керамики, собранная в 1908–1910 гг., включала в себя даже неорнаментированные фрагменты стенок сосудов и поздние материалы XVII–XVIII вв. На раскопе велась постоянная полевая опись находок с использованием печати и синего химического чернильного карандаша (Архив ГЭ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 118. Л. 6). К сожалению, ни одна из описей Д.В. Милеева до сих пор не найдена.

«Особые архитектурные интересы» Д.В. Милеева и знакомство с реставрационным делом обусловили и его интерес к обнаруженным при раскопках строительным материалам. Газеты отмечали, что «в усадьбе Десятинной церкви идет разборка и сортировка по эпохам древнего кирпича, добытого в прошлые годы во время раскопок из рвов и фундаментов древней церкви. Образцы кирпичей, по эпохам, будут отосланы для изучения в Петербург, в Императорскую археологическую комиссию» (Известия ИАК. Приб. к вып. 44. 1912: 96). В дневниках

Д. В. Милеева есть и табличка со сравнительным анализом характеристик размеров древнего кирпича. Очевидно, что Д. В. Милеев перенял опыт П. П. Покрышкина, который при раскопках церкви свт. Василия Великого в Овруче вел записи, где фиксировались результаты исследований строительных растворов и формовки плинф (Медникова 1995: 305).

В 1910 г. был построен специальный сарай для первичной камеральной обработки находок: «Опись теперь оборудована с большими удобствами и ведется интенсивно с параллельной разборкой по слоям, т. е. то, что у нас делалось потом в Петербурге» (Архив ГЭ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 118. Л. 31–32). После первого сезона 1908 г. в Петербург железной дорогой отправилось 20 ящиков находок, в 1909 г. — 10 тысяч предметов по описи в 14 ящиках (Там же. Л. 7–8) и 5 ящиков из раскопок на Митрополичьей усадьбе. Наиболее ценные вещи были застрахованы.

Некоторые известия свидетельствуют о том, что предпринимались попытки химических анализов находок (Известия ИАК. Приб. к вып. 56. 1914: 93). Для анализа антропологического материала приглашались, правда эпизодически, эксперты-анатомы. К отчету за 1908 г., например, было сделано специальное приложение с подробным описанием костных останков женского погребения в шиферном саркофаге у северной стены храма (киевские газеты немедленно после открытия окрестили его «гробницей княгини Ольги») (ОИАК за 1908 г. 1912: 193–195).

Одной из отличительных сторон методики киевских раскопок Д. В. Милеева является подробнейшая графическая фиксация. Газеты того времени отразили предельное внимание к обмерам раскопок (Известия ИАК. Приб. к вып. 27. 1908: 49). До последнего времени исследователи не представляли, какой огромный массив полевой графической фиксации был выполнен в ходе киевских раскопок. Каждый из четырех вертикальных обрезов (профилей «ямы») и горизонтальные обрезы на определенных высотах зарисовывались в виде крок в специальные тетради, которые были не так давно обнаружены в Киеве и частично обработаны в последнее время В. К. Козюбой (Грибанова 1996; Козюба 2005). К чертежам делались многочисленные выноски с пояснениями, характеристиками напластований и находок, размерами строительных материалов. Кроки выполнялись самим Д. В. Милеевым, а в его отсутствие — помощником и учеником С. П. Вельминым.

На докладе Д. В. Милеева в РАО 28 февраля 1909 г. Б. В. Фармаковский констатировал «ту необычайную, можно сказать небывалую еще у нас, тщательность и точность, с которой докладчик вел порученные ему раскопки, зарисовывая и фотографируя малейшие детали наслоений почвы и остатков постройки; столь тщательное отношение его к мелочам, которые были бы многими оставлены без внимания, увенчались должным успехом: чертежи Д. В. Милеева, не нашедшего уже никаких остатков стен и лишь в немногих местах обнаружившего части фундаментов, исправляют тем не менее и значительно дополняют чертежи, описания и заключения прежних исследователей, пред которыми стояли еще местами стены Десятинной церкви» (Протокол заседания 1913: 293).

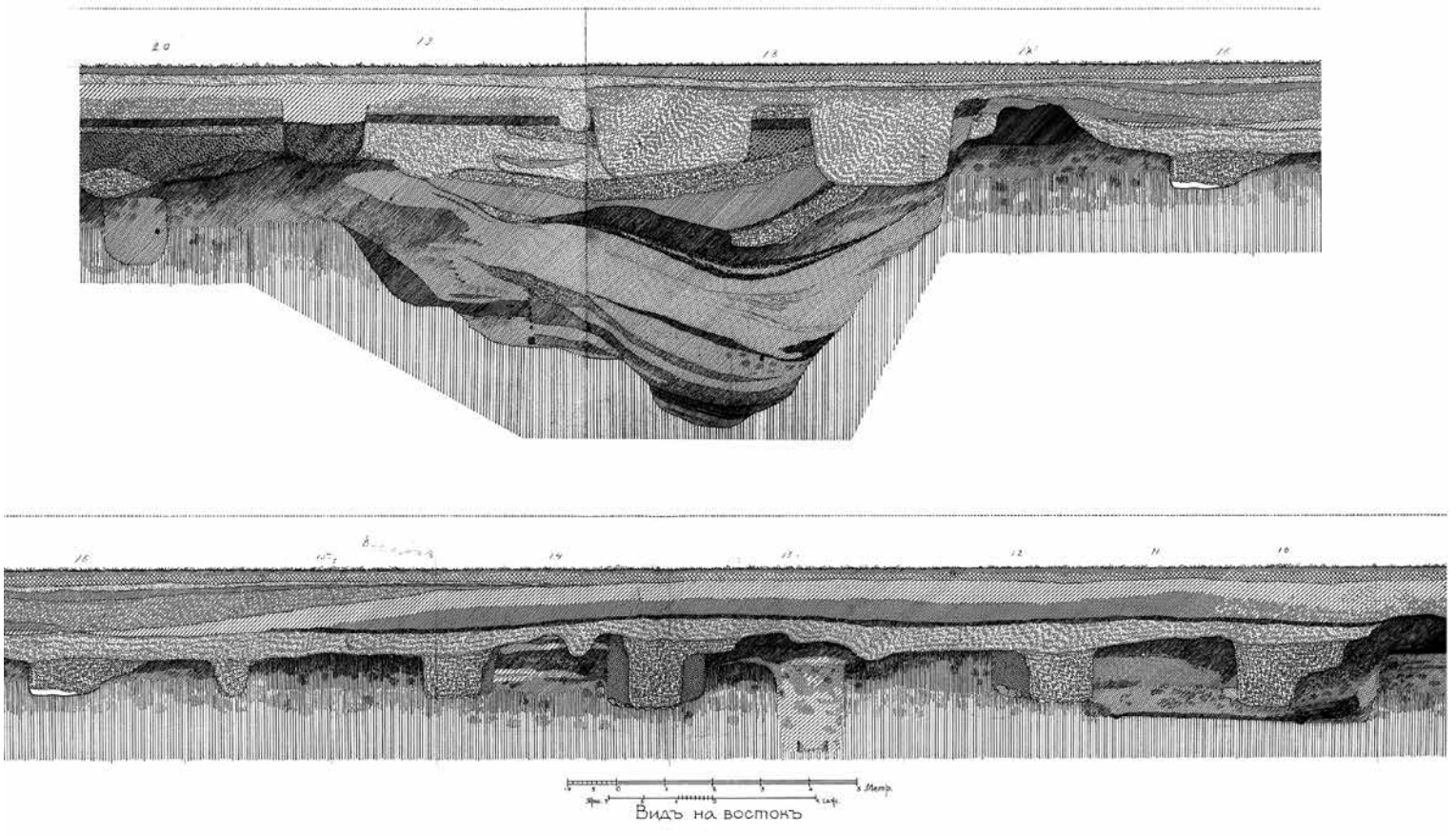
Д. В. Милеев прекрасно осознавал необходимость получения наиболее полной картины древних наслоений

усадьбы Десятинной церкви. 22 мая 1909 г. он пишет Б.В. Фармаковскому: «Также прошу Вас, нельзя ли переслать в Киев все чертежи по раскопкам Десятинной церкви 1908 г. Мне необходимо на месте раскопок дальнейшее присоединение на тех же листах», а 25 августа 1909 г.: «Стремился непременно исследовать весь юго-восточный угол Десятинной усадьбы, чтобы получились цельные чертежи» (Архив ГЭ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 118. Л. 7–10).

Впоследствии в камеральных условиях кроки подвергались перерисовке тушью на ватмане, в масштабе 1:50. Отдельные профили «ям»-отсеков сводились в сплошные профили по всей длине раскопа, так же составлялись сводные планы из отдельных планов отсеков, зарисованных на определенных глубинах. На чертежи наносились линия нивелира (на усадьбе Десятинной церкви за нее был принят обрез цоколя храма XIX в., на плане раскопок С.П. Вельмина на усадьбе Крестьянского поземельного банка в марте 1911 г. обозначена «точка нивелира») (РО. Р-I. Оп. 1. Д. 138. Л. 893), границы квадратов, двойной линейный масштаб (в метрах и саженях). Условные обозначения соответствовали цветовым характеристикам культурных напластований. Большую часть чертежей Д.В. Милеев и его помощники обработали в зимнее время в Костроме, параллельно с реставрационной деятельностью (Архив ГЭ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 118. Л. 35 — 37 об.). Зимой 1913/1914 г. Д.В. Милеев закончил, по выражению П.П. Покрышкина, «колоссальную работу по исполнению чертежей к раскопкам второй и третьей киевских археологических кампаний», и чертежи вместе с находками из раскопок были представлены императору на выставке в Эрмитаже» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 9. Л. 107). Часть этих неопубликованных чертежей хранится в рукописном архиве ИИМК РАН (РО. Р-I. Оп. 1. Д. 32).

Особое внимание Д.В. Милеев уделял фотофиксации полевых работ, которую производил сам. Раскопы-«ямы» сфотографированы на разных этапах раскрытия с разных сторон, крупно сфотографированы архитектурные и стратиграфические детали, в некоторых особо важных местах (при разборке субструкций апсид древнего храма) фотоснимки производились после снятия каждого очередного слоя (ФО. Отп. О. 2873–2877 и др.). При расчистке шиферного резного саркофага у северной стены храма Д.В. Милеев «по мере очищения гробницы от земли производил фотографические снимки с саркофага» (Известия ИАК. Приб. к вып. 31. 1909: 73). При раскопках на Митрополичьей усадьбе в 1910 г. была применена стереофотосъемка (ФО. Отп. О. 2426), которая использовалась на раскопках Б.В. Фармаковского с 1904 г. На Д.В. Милеева определенно оказал влияние старший учитель — П.П. Покрышкин, придававший огромное значение фотофиксации в деле реставрации памятников архитектуры (Медникова 1995; Медведева 2004: 383).

Раскопки Десятинной церкви, проведенные ААЭ ИА НАНУ в 2005–2006 гг. и повторно раскрывшие кессоны 1908–1909 гг., обнаружили неожиданно дальновидную методику, примененную Д.В. Милеевым при консервации раскопов. По трассам фундаментов, от которых порой сохранилось лишь несколько сантиметров рыхлого слоя строительного раствора, были насыпаны валики «сигнального» слоя — ярко-желтого материкового

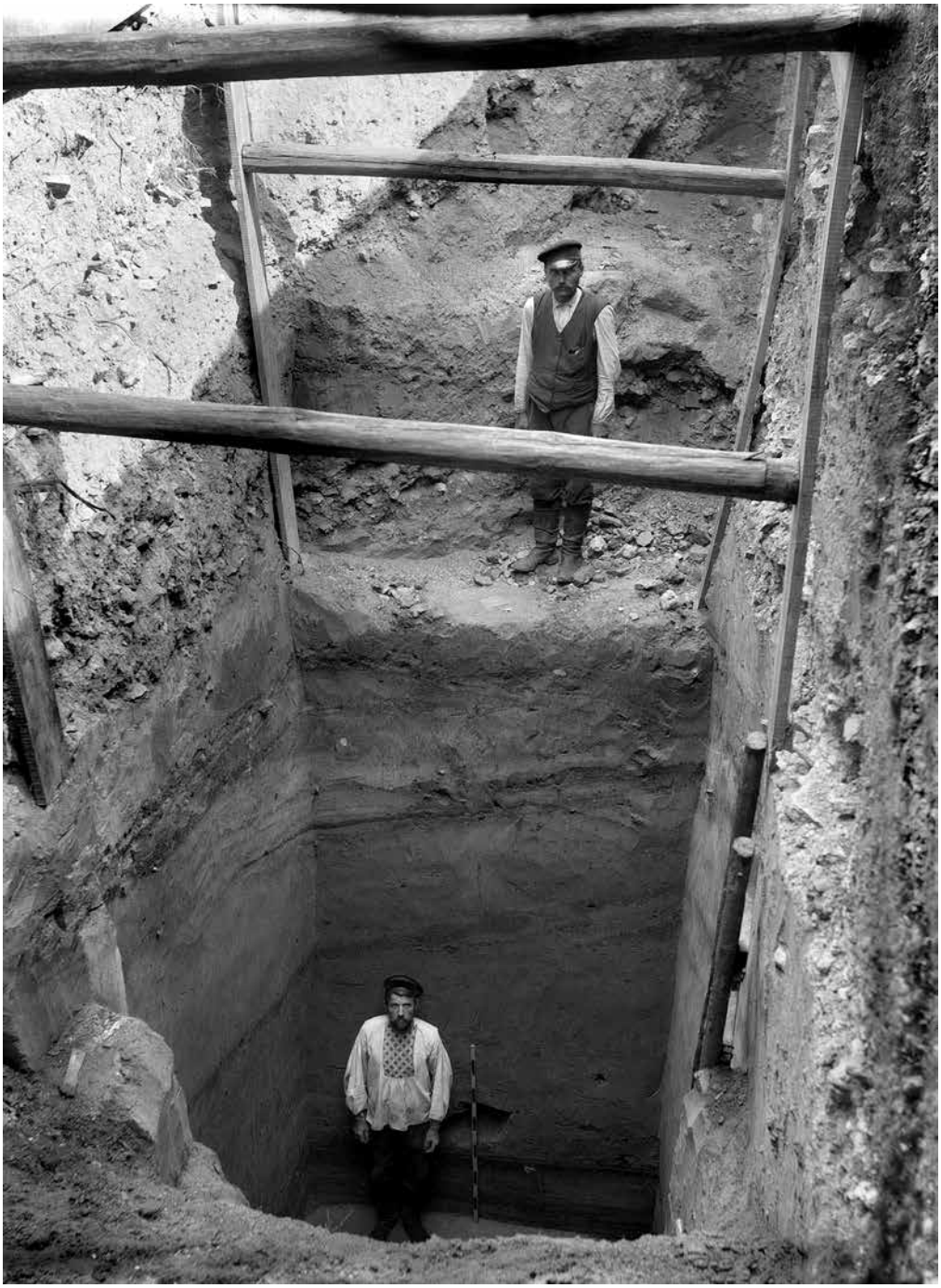


Восточный профиль восточной траншеи 1908 г. Поперечный разрез рва городища, фундаментных рвов восточной части Десятинной церкви, погребения №1 и сруба под южной апсидой (РО. Р-I. Оп. 1. Д. 32. Л. 11)

Начало раскопок Д. В. Милеева на усадьбе Десятинной церкви. Восточная траншея, 1908 г. (ФО. Нег. II 85860)

лесса, и только потом произведена засыпка мешаным гумусированным грунтом. Идеально вертикально зачищенные тонкие «гребешки» в некоторых случаях вообще оставались неразобранными, в других — разобраны не до конца. Вопреки собственному описанию методики, в некоторых местах небольшие участки однородного культурного слоя не добирались до материка, а были сознательно оставлены, что позволило археологам XXI в. верифицировать стратиграфические наблюдения Д. В. Милеева (ср.: Івакін та ін. 2006).

Сохранились свидетельства того, что уже Д. В. Милеев осознавал необходимость музеефикации открытых раскопками объектов. В письме Б. В. Фармаковскому от 8 октября 1910 г. он пишет об открытых остатках храма на Митрополичьей усадьбе: «Нельзя ли поднять вопрос в Комиссии о сохранении этой церкви как памятника старины. Я полагал бы возможным сохранившиеся части фундаментов оставить открытыми, разрушенные части нанести на современной поверхности земли в виде бетонных дорожек, которые ясно показывали бы план всей церкви» (Архив ГЭ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 118. Л. 31). В 1911 г. близкие меры были предприняты по отношению к исследованным фундаментам Десятинной церкви: «Представителями археологической комиссии приняты меры к тому, чтобы сделать возможным обозрение всех результатов раскопок за последние 4 года. Для этого весь исследованный план апсид и северо-восточного угла древней церкви нанесен на поверхность земли, в виде каменных



Раскопки рва городища на Старокиевской горе, 1912 г. (ФО. Нег. II 86051)

Шиферный саркофаг у северной стены Десятинной церкви, 1911 г.
(ФО. Нег. II 33365)

Шиферный саркофаг у северной стены Десятинной церкви, 1908 г.,
личности не установлены (ФО. Нег. II 86009)

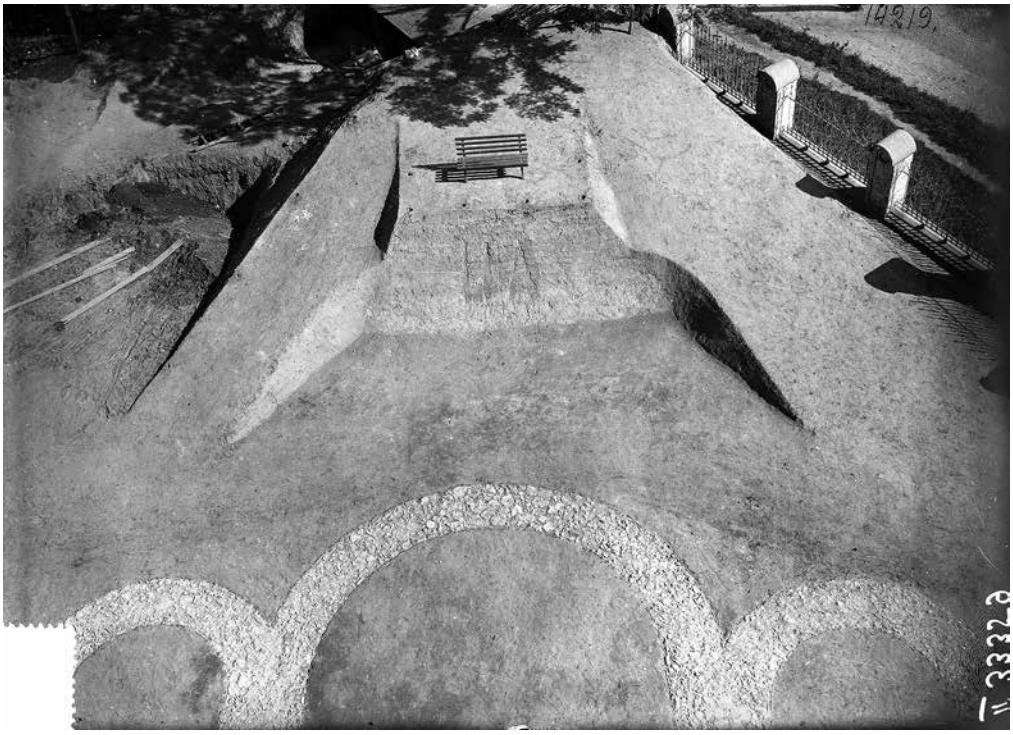
полукружий, а место престола отмечено в вид квадрата, с красным крестом посередине. Кроме того, снова отрыты найденные в прошлые годы и исследованные тогда 3 шиферные гробницы (1 орнаментированная и 2 простые), открытые у восточного придела древней церкви. Для удобства обозрения во дворе усадьбы сооружена возвышенная площадка, с которой открывается вид на все место раскопок» (Известия ИАК. Приб. к вып. 44. 1912: 98). В дальнейшем Д.В. Милеев предполагал устроение склепа над резным саркофагом и подземного хода к нему, а также заливку известью трассировок фундаментов.

Подтверждая данную А.А. Спицыным высокую оценку полевой методике и научному энтузиазму Д.В. Милеева, П.П. Покрышкин так охарактеризовал исследователя: «...он был первым русским архитектором, установившим научно, что должно не только расчищать от засыпей остатки зданий, но следует попутно “читать землю”. Его раскопки были именно таковы, что им нельзя бросить обычного упрека в бесследном уничтожении памятников древности и всего их окружающего. В многочисленных черновых тетрадях, в чистовых чертежах и в его удивительно красивых фотографических снимках сохранена полная картина всего того, что неизбежно уничтожается, но имеет значение при научном истолковании открытых остатков древности. Стало ясно, что только художник-архитектор в состоянии справиться с задачами архитектурной раскопки; методы Д. В. могут стать нарицательными. “Милеевские раскопки” могут стать идеалом архитектурных раскопок в России...» (Покрышкин 1915b: 2).

Раскопки ИАК в Киеве в первые два сезона происходили в обстановке крайнего недружелюбия со стороны местной общественности. Исключением был, видимо, настоятель Десятинной церкви — П.Д. Вельмин. Судя по некоторым данным, он сам проявлял большой интерес к открытию древностей. Тот факт, что на протяжении работ ИАК на усадьбе церкви находки хранились в помещении храма, а непосредственное и активное участие в раскопках принимал сын настоятеля С.П. Вельмин, указывает на расположение духовенства к петербургским ученым (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 30. Л. 24, 98).

Воздух был наполнен интригами. Одной из причин этого была позиция ИАК по отношению к киевской бюрократии и краеведческому сообществу. С марта по декабрь 1908 г. шла борьба за передачу финансирования, выделяемого Государственным казначейством Киевской комиссии для разбора и печатания древних актов, состоявшей при киевском генерал-губернаторе, в ведение ИАК. Эта статья финансирования суммой в 429 руб. в год некогда предназначалась для открытия древностей в Киеве, но к 1908 г. уже давно подвергалась нецелевому расходованию, что и послужило поводом для обширной переписки руководства ИАК и соответствующих инстанций (Там же. Л. 16–17, 21–22, 28, 53–54, 87). В итоге ИАК удалось добиться своего — с 1909 г. эта сумма передавалась из киевской комиссии на нужды экспедиции ИАК (Архив ГЭ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 118. Л. 9–10).

Другой причиной были взаимоотношения между учеными кругами. В июне — августе 1908 г., параллельно с раскопками ИАК на усадьбе Десятинной церкви, на соседней усадьбе М.М. Петровского продолжал вести раскопки В.В. Хвойка, который полагал, что исследует вал древнего



Трассировка фундаментов апсидной части Десятинной церкви, 1911 г. (ФО. Нег. II 33359)

городища. Скорее всего, это были неверно интерпретированные укрепления XVII в. (Козюба 2008: 249). Самым ярким открытием этого года стала каменная конструкция в виде неправильного круга с четырьмя выступами, интерпретированная им как языческое капище (Хвойко 1913: 66; Клейн 2004: 165–170; Козюба 2010).

Полевая методика раскопок В.В. Хвойки отражала уровень развития киевской археологии в то время. Даже М.К. Каргер, не будучи знакомым с дневниковыми записями и чертежами Д.В. Милеева, отмечал, что «по сравнению с раскопками Д.В. Милеева почти одновременные работы В.В. Хвойки поражают наивным дилетантизмом» (Каргер 1958: 56). Еще по итогам первого года раскопок на усадьбе Петровского В.В. Латышев в ответе МАО вынес строгий вердикт: «Раскопки, проведенные в 1907 г. В.В. Хвойко в усадьбе Петровского в Киеве, признаются интересными, но преждевременными... Результатом работ г. Хвойко было уничтожение навсегда самого важного из открытых им памятников — фресок [светской постройки]» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д 69. Л. 510).

Действительно, раскопки 1907–1908 гг. В.В. Хвойки с трудом можно назвать систематичными. Опубликованный план его шурфов и траншей (Килиевич 1982: 18) свидетельствует скорее о хаотичности исследований, хотя в некоторой степени это было обусловлено стесненными обстоятельствами раскопок в фруктовом саду. В.В. Хвойка из самых лучших

побуждений стремился пополнить коллекцию своего детища — археологического отделения Киевского городского музея. А.А. Бобринской по поводу раскопок В.В. Хвойки в 1908 г. писал: «В интересах науки, быть может, лучше было бы не копать вовсе, чем копать ямами, т. е. так, как наука не одобряет... современная наука требует от таких лиц детального знания техники производства археологических раскопок, иначе замечательные памятники часто будут (как это и случилось, к глубокому сожалению, минувшим летом в Киеве) безвозвратно гибнуть» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 30. Л. 9–10). Граф, неоднократно осматривавший киевские раскопки, оценивал в 1908 г. работу В.В. Хвойки более чем негативно: «Хвойка по-прежнему разбрасывается и сюда и туда. У него масса интересного, которое наполовину обнаружено и изгажено такими дилетантскими раскопками» (Архив ГЭ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 17. Л. 12–13).

В то же время В.В. Хвойка пользовался покровительством Московского археологического общества и Н.П. Кондакова, с которым поддерживал переписку. Отстранение В.В. Хвойки, представителя киевской интеллигенции, от организации государственных раскопок в Киеве воспринималось киевскими археологами с большим недружелюбием и обидой. Б.В. Фармаковский писал: «Еду в Ольвию с радостью после пребывания в Киеве, где все настроены против Комиссии. Под “все” разумею здешних главных и второстепенных “археологов”. Линниченко письменно грозит графу начать против Комиссии кампанию в печати, потому что, по его мнению, деятельность К[омиссии] “направлена во вред для киевской археологии”. Я просил графа ответить Л-у в том смысле, что было бы важно видеть его выражения напечатанными. В письме его нет ничего, кроме чувства уязвленности личного самолюбия» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 30. Л. 56). За лето 1908 г. в газете «Киевлянин» несколько раз появлялись большие статьи известного публициста А.И. Савенко, критиковавшие деятельность ИАК. А.А. Бобринскому приходилось лично решать вопрос престижа Комиссии: «...немало изумила заметка Савенко в “Киевлянине”, где так нагло прошелся против нас. Как раз в это время в Киеве был граф. На заметку граф ответил, я написал также (граф проредактировал). Редактор “Киевлянина”, конечно, очень извинялся, говорил, что это дело Уваровой» (из письма Д.В. Милеева Б.В. Фармаковскому, 27 августа 1908 г.) (Архив ГЭ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 118. Л. 15–16).

Давний конкурент ИАК графиня П.С. Уварова пыталась использовать сложившуюся ситуацию для нагнетания конфликта, активно используя газеты и XIV Археологический съезд, проведенный обществом в августе 1908 г. в Чернигове. А.А. Бобринской доверительно писал Б.В. Фармаковскому: «...на съезде, как и Вы, предвижу травлю комиссии на либеральном заигрывании... Как Вы скажете: не поехать ли и мне с Вами в Чернигов или опасно? <...> Напишите откровенно, если мне лучше не ехать к волкам?» (Архив ГЭ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 17. Л. 12–14).

На Археологическом съезде в Чернигове был прочтен доклад «О раскопках В.В. Хвойко в Киеве, у Десятинной церкви», подводивший итог исследованиям 1907–1908 гг. Собравшиеся выразили благодарность В.В. Хвойке, и съезд постановил обратиться к императору с ходатайством о приобретении в казну усадьбы Петровского с целью

продолжения раскопок, которое планировалось передать в заведование самого В.В. Хвойки, «работы которого, веденные с такой опытностью и тщательностью, дали такой блестящий результат» (Труды 1911: 68–69).

Впоследствии вопрос о приобретении усадьбы М.М. Петровского дважды, в 1911 и 1913 гг., выносился на обсуждение Государственной думы, но в итоге завершился ничем. Повлияло на это и заключение ИАК. А.А. Бобринской в ответ на запрос Думы о степени необходимости приобретения усадьбы ответил, что этот вопрос «подлежит отклонению» (Корзухина 1956: 319).

Зная отношение графа к работам В.В. Хвойки, можно предполагать, что подобное заключение было вынесено не из-за незнания ситуации или непонимания ценности усадьбы и ее археологического наследия, а исключительно из тех же соображений, что «лучше было бы не копать вовсе, чем копать ямами». Это мнение разделяли в Комиссии: еще в 1908 г. в официальном ответе на запрос из Императорского Московского археологического общества о позиции ИАК по вопросу об усадьбе Петровского В.В. Латышев отмечал: «Комиссия, для которой широко и научно поставленные раскопки на площади старого Киева давно составляют предмет горячих желаний, весьма сожалеет, что она, по существующим узаконениям, лишена права запрета раскопок на землях частных владельцев, которым воспользоваться она сочла бы непременно своею обязанностью по отношению ко всем владельцам усадеб в черте старого Киева, пока не будут изысканы средства на раскопки в довольных размерах» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 69. Л. 510 об.).

Обида на ИАК прослеживается в последующей оценке этого конфликта украинскими археологами (Бахмат 1964). В статье М.Ю. Брайчевского В.В. Хвойка выступает чуть ли не героем: «Лето 1908 г. было последним сезоном для Хвойки в Киеве: не видя возможности тягаться со всесильной комиссией, с подорванным здоровьем, он оставил борьбу и перебазировался в Белгородку. ИАК избавилась от опасного соперника и конкурента» (Брайчевський 1989: 137). Приведенные выше высказывания о методике раскопок В.В. Хвойки из личной переписки специалистов ИАК скорее подтверждают мнение Г.С. Лебедева, объективно оценившего смысл этого противостояния. В столкновении 38-летнего Фармаковского и 58-летнего Хвойки предшествующая историография видела «прежде всего давление столичной аристократии и бюрократического аппарата на демократическую общественность». Однако согласно предлагаемому Г.С. Лебедевым подходу, «вряд ли можно упрекнуть в аристократическом высокомерии Б.В. Фармаковского, сына вятских учителей; скорее уж его требовательность определялась высокой научной квалификацией, достигнутой прежде всего собственными усилиями» (Лебедев 1992: 262).

В 1909 г., так и не найдя средств на раскопки в усадьбе М.М. Петровского, В.В. Хвойка оставил намерение работать в Киеве и после длительной переписки с ИАК все-таки добился выдачи ему Открытого листа на разведки в Киевском уезде. Уже в июле–августе 1909 г. при содействии киевского отдела Императорского военно-исторического общества он проводит «разведочные» работы в селе Белгородке на Ирпене — древнерусском Белгороде,

обнаружив целый ряд объектов, относящихся к древнерусскому времени (Известия ИАК. Приб. к вып. 34. 1910: 179–187; Латуха 1991). Методический уровень этих работ характеризует заключение на отчет, написанное П. П. Покрышкиным: «По личному сознанию автора, раскопки проведены тщательно. Однако отсутствие достаточного количества фотографических снимков, а главное, чертежей делает результаты раскопок несерьезными. Например, несмотря на усилия автора описать культурные слои и расположение упавших стен, представить их без чертежа невозможно. Генеральный план и другие рисунки сделаны на глаз, что, конечно, никого удовлетворить не может» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909. Д. 96. Л. 10–11). Тем не менее летом 1910 г., судя по упоминаниям в письмах А. А. Бобринского, между ИАК и В. В. Хвойкой наступило перемирие: «…Хвойко спокоен. Инцидент улажен. Все же я остаюсь в некоторой степени почитателем Хвойко. Видели Вы его 4 витрины с белгородскими находками? Это, несомненно, представляет огромный интерес, и так скептически к нему относиться, как это делает А. А. [Спицын] — несправедливо. Да и весь музей — ведь это прелестное провинциальное творение» (Архив ГЭ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 17. Л. 24).

Граф также писал: «Был в Белгородке и восхищался работой Хвойко. Она очень интересная, и он выражает полное феодальное подчинение сюзеренитету АК. Накануне моего посещения были там Покрышкин и Милеев. Оба сполна удовлетворены и в этой области установлен мир. <…> Вообще в Киеве авторитет Комиссии крепнет» (Там же. Л. 27).

Когда в 1909 г. разразился очередной археологический скандал и ИАК пришлось останавливать несанкционированные раскопки, которые проводились у церкви Спаса на Берестове, журналист «Киевлянина» А. И. Савенко выступал уже на стороне Комиссии (Сіткарьова 2001: 216). В результате налаживания отношений Комиссия была согласна поручить В. В. Хвойке раскопки курганов близ Искоростеня, результаты которых предназначались для Высочайшего обозрения в 1911 г. (см. главу VI).

От раскопок В. В. Хвойки до нас дошли редкие фотографии и эскизные зарисовки-реконструкции (Козюба 2010). Полевые дневники В. В. Хвойки были вывезены за рубеж и пока неизвестны науке, кроме выписок, сделанных А. А. Спицыным (Корзухина 1956). Известно, что зарисовка стратиграфических разрезов им не применялась. Исследователя интересовали яркие объекты, на основе которых он строил свою «историю» поселения. По мнению Л. А. Беляева, «открытие В. В. Хвойкой монументальных сооружений в Белгородке и Киеве было последним подарком уходящего века дилетантов вновь родившейся области науки — архитектурной археологии» (Беляев 2000: 462). Действительно, в подходе В. В. Хвойки отразились искусствоведческие корни молодой археологической науки, порожденные «винкельмановским подходом». Такой подход давал смелость обнаруживать новые памятники культуры, зачастую жертвуя самими памятниками. Но этот же подход позволял получить немедленные результаты, необходимые для популяризации как отдельных памятников, так и археологической науки в целом. На этом фоне строго научные, предельно осторожные и методичные раскопки ИАК, на первый взгляд, кажутся менее

результативными. В действительности же они представляли значительный шаг вперед. Даже те остатки обширной документации киевских раскопок Комиссии, которые дошли до нас, позволяют гораздо более объективно судить об исследованных памятниках.

Разные источники указывают на то, что материалы раскопок первых трех лет, прекрасно отраженные в полевой документации и снабженные описями, были отправлены в ИАК в Петербург. Впоследствии судьба их, однако, сложилась весьма печально. После смерти Д.В. Милеева разборка материалов так и не была произведена. Часть вещевых коллекций из его раскопок 1910 и 1912 гг. была передана в 1925 г. в Средневековый и Византийский отделы Эрмитажа, а в 1932 г. частично была возвращена Украине и, по всей видимости, погибла в Харьковском музее в годы Второй мировой войны (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 422). Большая часть находок осталась в подвалах РАИМК. Несколько десятков ящиков с материалами из раскопок на территории усадьбы Десятинной церкви были обнаружены в 1939 г. На них еще сохранялся полевой шифр, но описи уже были утрачены. Некоторые вещи удалось атрибутировать по описаниям комплексов (Каргер 1958: 174). В 1950-х гг. эти коллекции были переданы в Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа. Последняя партия находок из киевских раскопок была передана в ОИРК ГЭ лишь в 1989 г.

Материалы раскопок 1911 и 1914 гг. ожидала другая судьба. В 1914 г. находки и документацию Д.В. Милеева, оставшуюся в Киеве, разбирал С.П. Вельмин (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 30. Л. 88). В 1917 г. на деньги, выделенные ИАК, К.В. Шероцкий в киевском Городском музее произвел разборку коллекций, добытых раскопками Д.В. Милеева и оставшихся по разным причинам в Киеве (Там же. Л. 98; РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 344. Л. 2). Эти коллекции перешли в собственность Государственного исторического музея в Киеве, ныне Национальный музей истории Украины. К сожалению, впоследствии они оказались перепутаны с находками из раскопок В.В. Хвойки 1907–1908 гг. (Архипова 1996: 55; ср.: Пекарская 2017).

Огромная коллекция фрагментов фресковых росписей, собранная в ходе раскопок Д.В. Милеева, также оказалась разделена между Киевом и Петербургом. Оставшиеся в ГАИМК части собрания фресок в разные годы (1930, 1949) были переданы в различные отделы Государственного Эрмитажа. До этого, в начале 1920-х гг. часть этих фрагментов обрабатывалась и копировалась сотрудниками Разряда русского искусства ГАИМК под руководством А.И. Кудрявцева, но результаты исследования не были опубликованы (Пивоварова 2004б).

В результате коллекции вещевых находок, строительных материалов и фрагментов стенной живописи из киевских раскопок В.В. Хвойки и Д.В. Милеева 1908–1914 гг. оказались депаспортизированы и рассредоточены по музейным собраниям. Некоторые из коллекций последний раз обрабатывались в 1914 г. В коллективной монографии, посвященной Десятинной церкви, была опубликована только часть коллекций из раскопок В.В. Хвойки и Д.В. Милеева, хранящихся в НМИУ и ОИРК ГЭ (Церква Богородиці 1996: 111–204).

Аналогичная судьба постигла и документацию раскопок. В 1914 г. разборкой полевой документации последних лет раскопок занимался С.П. Вельмин

(Грибанова 1996: 27). Среди найденных недавно в архиве ИИМК РАН материалов есть и заготовки чистовых сводных чертежей раскопа к северу от храма 1912–1914 гг. По какой-то причине работы эти были прекращены. Известно, что к 1918 г. Комиссия еще не получила отчетов за 1913–1914 гг. «вследствие отъезда С. П. Вельмина в действующую армию» (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 168). К сожалению, не были отчеты подготовлены и позже, а верного ученика Д. В. Милеева в 1930-е гг. постигла трагическая, но обычная для того времени участь (Павлова 2015; ср.: Пекарская 2017). Сводные чертежи к отчету ИАК, изданному в 1918 г., были выполнены сотрудником ИАК, ее регистратором Н. В. Суходольским (РО. Ф. 21. Д. 344. Л. 1).

Лучше сохранилась полевая графическая фиксация раскопок Д. В. Милеева, но только та, которая касалась раскопок на усадьбе Десятинной церкви. Тетради с полевыми чертежами 1908–1911 гг. остались в Киеве и ныне хранятся в личном фонде К. В. Шероцкого в Институте рукописи библиотеки им. В. Вернадского в Киеве. Они стали известны научной общественности лишь в 1995 г., а первая подробная публикация появилась десять лет спустя (Козюба 2005).

В конце 1930-х гг. М. К. Каргер специально занимался поиском и обработкой материалов раскопок Д. В. Милеева. Однако в итоговой публикации исследователь констатировал полную утерю графической документации: «В архиве Археологической комиссии удалось найти лишь… часть не вполне законченных чертежей» (Каргер 1961: 20). Нет сомнений, что имелись в виду черновые и перебеленные чертежи раскопок 1908–1909, 1912 и 1914 гг., которые хранятся в архиве ИИМК РАН (РО. Р-I. Оп. 1. Д. 32). Это сведенные планы и стратиграфические профили по всем раскопам, открытым в указанные годы, всего более 60 листов. Удивительно, что чертежи не подверглись обработке и совершенно не использовались М. К. Каргером при дальнейшем исследовании, за исключением одного сводного плана и двух профилей траншеи 1908 г. (Каргер 1958: рис. 8, 24). В инвентарной книге архива сводный план из этого дела (РО. Р-I. Оп. 1. Д. 32 (отсуствующий л. 1)), опубликованный М. К. Каргером (Каргер 1958: рис. 24), значится как отсутствующий с 1938 г. На другом сводном плане раскопок Старокиевской горы 1898–1939 гг., составленном Г. Ф. Корзухиной (Михайлов, Ёлшин 2004), также не показан большой раскоп 1912–1914 гг. к северу от Десятинной церкви, полевые планы и профили которого в полном составе представлены в вышеописанном комплексе документов.

Огромный массив фотофиксации киевских раскопок — негативы на стеклянных пластинах — сохранился в фотоархиве ИИМК РАН. При подготовке к печати исследования М. К. Каргера о Десятинной церкви (Каргер 1950: 46–140) большая часть этих негативов была отпечатана и проаннотирована. Сопоставление этих отпечатков с известными ныне дневниковыми материалами и чертежами Д. В. Милеева позволяет успешно атрибуировать как первые, так и вторые. Некоторая часть негативов раскопок Д. В. Милеева осталась в Киеве и требует дальнейших поисков (Каргер 1961: 20).

К сожалению, точно не известно, вел ли Д. В. Милеев дневники в собственном смысле этого слова, описывавшие ежедневный ход предпринятых

им раскопок. Практика археологических исследований членов Комиссии и исключительная тщательность и подробность тех отчетных материалов Д.В. Милеева, которые были опубликованы в «Отчетах» ИАК, позволяют предполагать, что текстовые дневники все же существовали. К сожалению, никаких следов их пока не обнаружено.

Необходимо отметить, что документация раскопок Д.В. Милеева сохранилась лучше, чем добытый в процессе полевых исследований вещевой материал. Однако работа по исследованию этой документации сейчас еще только начинается. Даже ее первичная обработка в свете новых проблем, поставленных в процессе раскопок последних лет, позволила по-новому взглянуть на некоторые особенно важные вопросы средневековой истории, археологии и архитектуры Киева (Реутов 1996; Козюба 2004; 2005; Ёлшин 2007; 2008).

В рамках советской идеологической парадигмы ученым-археологам в своих программных трудах приходилось доказывать, что именно после октябрьского переворота и внедрения марксизма в археологию произошли коренные изменения в научной деятельности, разумеется, в лучшую сторону, особенно в изучении археологии древнерусского города. Порой это доказательство достигалось за счет сознательного принижения роли дореволюционных археологических учреждений, т. н. детищ «буржуазно-монархического» строя. Так, М.И. Артамонов писал: «В царской России некоторое движение в сторону новой методики раскопок наблюдается со значительным запозданием по сравнению с передовыми странами Запада… Многолетние исследования Б.В. Фармаковского в Ольвии сыграли крупную роль в перенесении в Россию методики, выработанной западной наукой для раскопки античных городов. И именно здесь со всей яркостью сказалось все ее несовершенство, заключающееся в подходе к архитектурным остаткам как к цели раскопочных работ. Смысл раскопок ограничивался расчисткой этих остатков для последующего изучения в качестве памятников архитектуры. Что же касается изучения их в слое, в тесной связи со всем его составом, то этого в Ольвии не было и быть не могло» (Артамонов 1935: 163). М.Ю. Брайчевский считал, что «объектом исследований ИАК в Киеве были, в основном, памятники двух категорий: остатки каменных построек, которые несложно было расчистить от культурных наслоений, и погребения, методика раскопок которых была разработана достаточно основательно» (Брайчевський 1989: 135). Несколько иначе выказывал свою негативную оценку и Н.Н. Воронин: «Дореволюционная археология не была, по сути дела, исторической дисциплиной. Точно отвечая своему названию, это была наука о древностях, о древних вещах, “вещеведение”. Связанная своим положением при царском дворе, “Императорская археологическая комиссия” — центральное археологическое учреждение России — определяла и поддерживала это направление» (Воронин 1948: 25).

Пришло время пересмотреть эти утверждения. Методика дореволюционных раскопок ИАК в Киеве несомненно вбирала в себя все передовые на тот момент теоретические и практические установки специалистов-археологов, выразившиеся в принципах послойного стратиграфического изучения культурного слоя, полноте исследования и реконструкции исторического развития

памятника. Процедура фиксации всего процесса археологических исследований и находок в основных своих чертах отвечала подходам и требованиям, практикуемым и сейчас.

В ходе раскопок памятников древнего Киева, предпринятых Императорской археологической комиссией в 1908–1914 гг., российские археологи, пожалуй, впервые провели подлинно научное исследование культурного слоя средневекового города. Отличительной чертой памятника являлась сильная поврежденность слоя многочисленными разновременными перекопами. Однако именно здесь была отработана и могла получить дальнейшее развитие скрупулезная методика изучения городских культурных напластований, основанная на принципе их полного систематического вскрытия и пристальном внимании к стратиграфии памятника.

Заметим, что практически одновременно с киевскими раскопками ИАК, на другом краю Древней Руси, на Земляном городище в Старой Ладоге, проводил раскопки член-сотрудник РАО, связанный своей деятельностью с Императорской археологической комиссией — Н.И. Репников, уже известный до этого раскопками античных и средневековых памятников Крыма. В 1909–1910 гг. в Ладоге были проведены разведочные работы, а в 1911–1913 гг. было вскрыто 780 кв. м культурного слоя мощностью до 3 м. В силу особенностей культурных напластований и сохранившихся остатков деревянной застройки кессонный метод был здесь нецелесообразен и неприменим. При раскопках городища был использован иной метод — раскопки широкой площадью (раскопы 1911–1913 гг. имели размеры 12×18 м и 15×15 м), при этом принципы послойного вскрытия и точной фиксации находок по слоям были соблюдены особенно тщательно, что отмечалось как самим автором, так и современниками (Репников 1948: 36). Несмотря на сравнительно небольшую площадь раскопок Н.И. Репникова в Старой Ладоге, их методическая организация позволяет считать, что именно здесь «впервые в славяно-русской археологии на широкой площади, систематично, с полным раскрытием построек, фиксацией планиграфии и стратиграфии всех видов находок был исследован культурный слой древнерусского города» (Лебедев 1992: 359). Материалы этих раскопок, к сожалению, постигла судьба, близкая киевским: часть находок была депаспортизирована еще до октябрьского переворота, чертежи не были опубликованы, полевая документация была разрознена и частично утрачена.

Очевидно, что понимание важности методики было знаком эпохи. В результате системность исследований на усадьбе Десятинной церкви позволила специалистам Комиссии сделать такие важные открытия, как обнаружение рва древнейшего городища и могильника, относящихся ко времени до строительства Десятинной церкви. Эти открытия полностью изменили представление о топографии Старокиевской горы в период до конца X в. и до сих пор служат ключевыми моментами при создании концепций формирования древнего Киева. Исследование монументальных сооружений, сохранившихся исключительно в виде ничтожных фрагментов и следов фундаментов, впервые позволило говорить о целом ансамбле культовых и гражданских построек, возведенных по инициативе князя Владимира Святославича в конце X в. Изучение той части фундаментов Десятинной

церкви, которые сохранились хуже всего, тем не менее, позволило выяснить ряд важных архитектурных и строительно-технических особенностей храма, высказать гипотезы об этапах его строительства. Чрезвычайно информативным оказалось изучение памятника монументальной архитектуры в комплексе с окружающими его археологическими объектами.

Некоторые из таких объектов, не введенные в научный оборот, были вскоре забыты и заново открыты только много лет спустя. Так, С.Р. Килиевич были вновь открыты кирпичеобжигательные печи из кирпича-сырца, раскопанные Д.В. Милеевым в 1914 г. (Кіліевич 1979; Козюба 2005: 212), а раскопками Г.Ю. Ивакина в 2007 г. была исследована уникальная сырцовая вымостка (Івакін, Іоаннісян 2008: 202).

Не все из гипотез 1910-х гг. получили подтверждение. Версия о пристройке галерей храма, произведенной позднее, возникла еще в ходе раскопок 1908 г. Так, в газетном известии, перепечатанном в «Известиях» ИАК, читаем следующее: «...[возможно] точно установить, что Владимиром была построена церковь небольших размеров (на трех апсидах). Другие ее части были пристроены значительно позже, при Ярославе, который, согласно летописным сказаниям, был этой постройкой занят в течение 30 лет» (Известия ИАК. Приб. к вып. 34. 1910: 170).

Обоснования этого вывода конкретизируются самим Д.В. Милеевым на докладе по итогам первого года раскопок, сделанном 28 февраля 1909 г. на заседании Отделения русской и славянской археологии РАО. В обсуждении доклада Д.В. Милеева участвовал Д.В. Айналов, связавший с пристройкой к храму Владимира Ярославом Мудрым галерей известный отрывок из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона. Впоследствии, однако, этот же отрывок Д.В. Айналов связывал с другим храмом, строительство которого, по его мнению, было также начато Владимиром, — Софией Киевской (Айналов 1917: 35–36): «Справа и слева к трехапсидной церкви примыкали широкие, до 6–8 аршин, помещения, пристроенные, как видно по сохранившимся признакам конструкции их, позднее, чем возведенная на ростверке церковь. От этих стен местами сохранился фундамент» (Протокол заседания 1913: 219), а также С.П. Вельминым в сообщении на собрании киевского отделения Императорского военно-исторического общества в марте 1910 г.: «Техника же постройки боковых прямых частей церкви... показывает, что апсиды и боковые части сооружения были не в одно время: сначала была сооружена сравнительно небольшая церковь чисто византийского типа — имевшая три апсиды, затем, и вероятно очень скоро (может быть, лет через 25–30), к этой церкви были пристроены боковые, прямые части» (Вельмин 1910: 23–24).

Результаты археологических исследований 2005–2011 гг. показали, что Д.В. Милеев действительно имел основания разделять возведение центрального объема и галерей храма на разные строительные этапы на основании различий в технологии устройства фундаментов. Однако чрезвычайно важным является то, что эта рабочая гипотеза, определявшая важнейшие хронологические этапы постройки, не была введена в официальный опубликованный текст отчета (ОИАК за 1908 г. 1912: 132–158). Из писем Д.В. Милеева ясно, что окончательный текст отчета

о первом сезоне раскопок был подготовлен лишь в январе 1912 г. (Архив ГЭ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 118. Л. 37 — 37 об.), т. е. значительно позже упомянутых докладов. Немаловажным является и то, что в 1911 г. Д.В. Милеевым был раскопан сохранившийся северо-западный угол храма, в котором отчетливо прослеживалась идентичная структура деревянных субструкций (см.: ФО. Нег. II 33337, нег. II 33348–33359). Очевидно, что Д.В. Милеев отказался от раннего варианта интерпретации данных раскопок и предпочел более осторожный подход. М.К. Каргеру, который воспользовался рабочей версией Д.В. Милеева без прямой ссылки на автора, были известны перечисленные публикации, но он не предпринял необходимого анализа чрезвычайно важной археологической аргументации (Каргер 1950: 74, 77; Ёлшин 2010).

Высокий уровень качества исследований ИАК значительно превосходил не только современные им раскопки В.В. Хвойки, но и раскопки древнего Киева, проведенные в 1930–1950-х гг. экспедицией ЛОИА под руководством М.К. Каргера, не оставившего ни одного стратиграфического разреза культурных напластований открытых им памятников. На фоне документации раскопок М.К. Каргера вовсе не таким уж и тривиальным кажется призыв Н.Н. Воронина к тщательной фиксации стратиграфических профилей, прозвучавший в 1951 г.: «...обязательно точнейшее изучение состава и характера примыкания к стенам здания культурного слоя, которое дает основания для весьма детального выяснения истории постройки и последующей жизни сооружения, а также позволяет установить точные границы отдельных зон внутри самого культурного слоя» (Воронин 1951: 156). Благодаря Н.Н. Воронину, ученику сотрудника ИАК К.К. Романова, тщательная фиксация стратиграфических профилей, разработанная в процессе исследований Археологической комиссии, снова заняла подобающее ей место в современной практике архитектурно-археологических исследований.

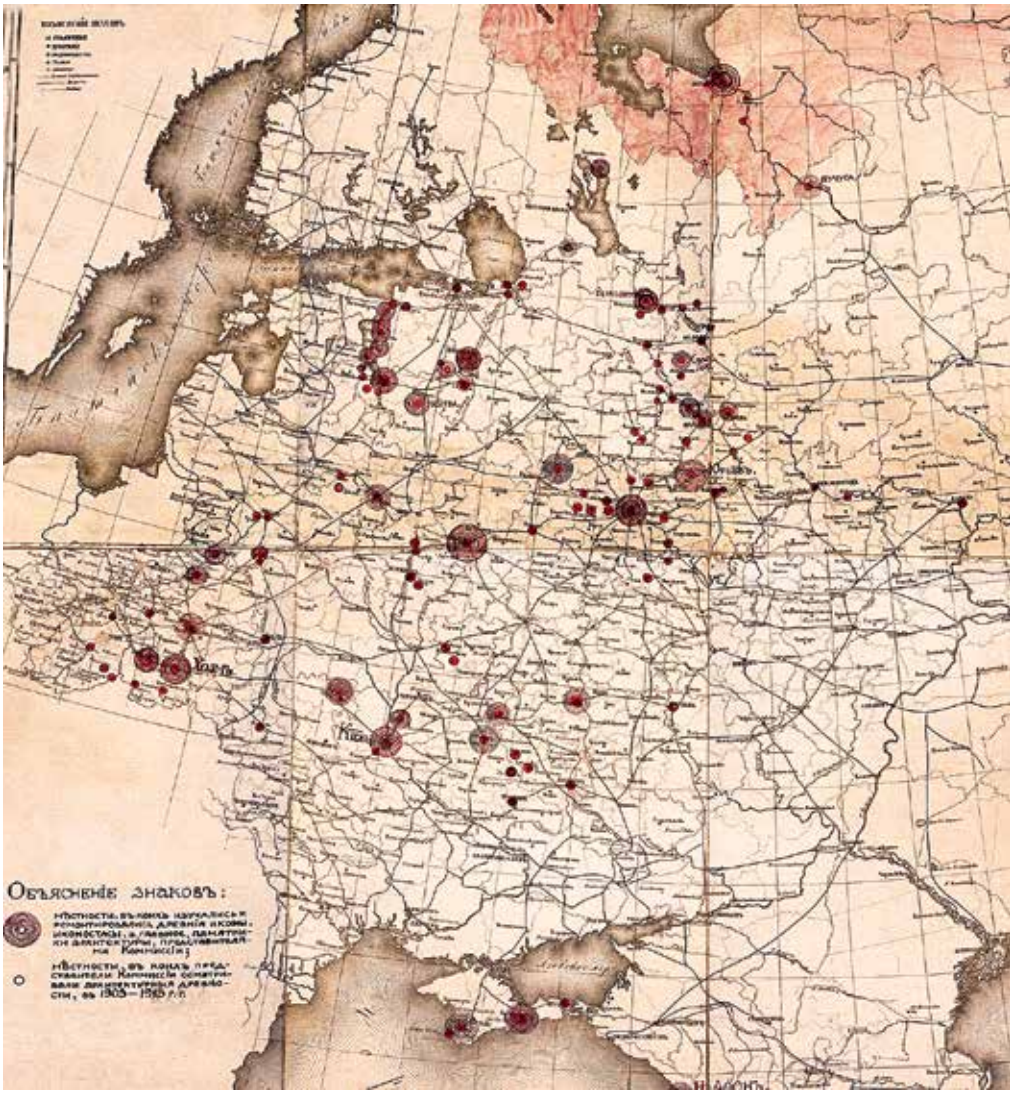
Д.Д. Ёлшин

DOI: 10.31600/978-5-9072-9807-1-2019-1237-1400

Глава XIII

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ: РЕСТАВРАЦИЯ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ

В 1918 г., в связи с реформой Археологической комиссии, П.П. Покрышкин составил документ, озаглавленный «Обзор деятельности отдела монументальных памятников древности Российской государственной археологической комиссии с 1907 по 1917 г. по печатным протоколам ее “реставрационных” заседаний и предположения о реорганизации этого отдела» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 20. Л. 66–73; РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 11; см. также: Медникова 2002: 302–311; Медведева 2004: 379–386). Это было своеобразное подведение итогов деятельности Императорской археологической комиссии в области реставрации и охраны памятников архитектуры. В этом обзоре П.П. Покрышкин выделил следующие направления в деятельности Комиссии: художественно-архитектурное изучение монументальных памятников, обсуждение вопросов ремонта и реставрации, наблюдение за точным выполнением указаний реставрационных заседаний Комиссии, сбор материалов для регистрации древних сооружений, публикация материалов реставрации. К числу наиболее значимых реставрационно-исследовательских проектов ИАК он отнес работы в храмах Спаса на Нередице в Новгороде и Спаса на Берестове в Киеве, в Овруче, на Коложе в Гродно, в Георгиевском соборе в Юрьеве-Польском. При активном участии ИАК происходили ремонт, исследования и реставрация Успенского собора Московского Кремля, Троицкого собора Ипатьевского монастыря в Костроме, Ферапонтова, Бахчисарайского дворца, смоленских крепостных стен, Якутского острога. В актив Комиссии были записаны выпрямление колокольни Боровско-Успенской церкви в Архангельске, реставрация икон ныне уничтоженного храма Спаса на Бору в Московском Кремле и освобождение их от окладов, реставрация деревянной церкви в Танищах Белозерского уезда Новгородской губернии, иконостаса Белгородского Успенско-Николаевского собора, Старо-Черкасского войскового собора, собора в Зарайске, Иоанновской церкви и Новодворской чудотворной иконы из с. Новорождествено Бронницкого уезда Московской губернии, псковских крепостных стен и стен Московского Кремля, замка в Остроге, деревянной церкви в с. Федоровское-Столыпино на Пошехонье, выбор места для постройки нового собора в Изборске, ремонт шатра церкви Вознесения Господня в Коломенском, реставрация Донской иконы Божией Матери, образа свт. Николая из Николо-Дворищенского собора и стенописи церкви Успения на Волотовом поле в Новгороде, сохранение Троицкого



Карта западной части Российской империи с указанием мест реставрационной деятельности ИАК на 1913 г. (РО. Р-I. Оп. 1. Д. 647)

собора в Петрограде и Георгиевской церкви в Старой Ладоге, реставрация фресок Люблинского замка…

П.П. Покрышкин отмечает, что в ряде случаев ИАК приходилось повторно возвращаться к, казалось бы, уже решенным проблемам: принимать меры к защите фресок Спаса на Нередице во время строительства поблизости железной дороги, решать проблемы, связанные с новым штукатурным покрытием стен, и упорядочить проветривание храма, изыскивать способ спасти собор Мирожского монастыря в Пскове от наводнений и соборы Шенкурска — от размывов берега. При спасении памятников нового времени Комиссии удалось предотвратить искажение старых петербургских мостов и Румянцевского обелиска, а также спасти воеводский дом

в Соликамске. К явным неудачам Комиссии, которые та не сумела предотвратить, он относил самовольную расчистку местным духовенством Иерусалимской иконы Божией Матери XVI в. из Борисоглебской церкви в Новгороде (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 27), разборку деревянной церкви св. вмц. Параскевы в с. Княжполь Каменецкого уезда Подольской губернии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 134) и оттеску кирпичных глав храма «Белая Троица» в Твери в 1913 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 185; Известия ИАК. Вып. 59. 1915: 73–75).

По его подсчетам, члены Комиссии совершали объезды в 75 000 верст ежегодно. Жалобы на медлительность работы ИАК при реставрации памятников архитектуры были справедливы, потому что эта медлительность была вызвана чрезмерной загруженностью членов Комиссии. В 1914 г. к рассмотрению в ИАК было принято 217 дел, связанных с ремонтом и реставрацией древних зданий, но лишь 70 памятников было осмотрено de visu. В 1915 г. в Комиссию поступило 122 дела, в 1916 г. — 81, в 1917 г. — 25, всего за 1907–1917 гг. — 1498 дел, причем больше всего их пришлось на период 1912–1914 гг.: каждый год в Комиссию поступало более 200 дел (статистику за 1895–1903 гг. см. в главе I). Характеризуя деятельность реставрационных заседаний и подразделяя их на «большие», с участием специалистов других институций и ведомств, и «малые» (летние, во время отпуска большинства приглашаемых участников), которые собирались начиная с 1910 г., П.П. Покрышкин упоминает в числе их активных участников Евгения Александровича Сабанеева (1847–1919) и Николая Евгеньевича Лансере (1879–1942). Он приводит и необходимые подсчеты.

Год	Число реставрационных заседаний	Количество рассмотренных дел	Количество дел, рассмотренных на «малых заседаниях»
1907 осень	4	50	—
1908	10	96	—
1909	8	88	—
1910	9	100	56
1911	9	106	49
1912	7	106	85
1913	11	153	132
1914	10	123	172
1915	10	116	101

Большинство рассмотренных дел было связано с памятниками христианской древности, и П.П. Покрышкин отмечает наиболее добросовестные епархии, чье руководство так или иначе стремилось согласовать все реставрационные проекты с ИАК: прежде всего, это Московская, Новгородская и Петроградская епархии, тогда как Ковенская, Курляндская и сибирские епархии в Комиссию не обращались вовсе.

П. П. Покрышкин среди сотрудников экспедиции в Буковине, 1917 г. (ФО. Нег. II 37193)

В своей записке 1918 г. он предлагает ряд важных мер по реставрации и сохранению памятников церковной старины. Известно, что в конце 1916 — 1917 г. П. П. Покрышкин возглавлял экспедицию на территорию Буковины, оккупированной тогда российской армией. Экспедиция была организована Академией наук совместно с ИАК. Ей были делегированы полномочия Комиссии по охране и спасению памятников древности, науки и техники, коллекций и учреждений в местностях, где велись военные действия, созданной еще в 1914 г. Она стала единственной заграничной миссией Археологической комиссии на территориях, «занятых по праву войны», имевшей целью мониторинг состояния памятников старины и научных собраний в условиях военного времени. В состав экспедиции вошли инженер-архитектор В. Г. Леонтович, художник А. П. Хотулев, ученик Высшего художественного училища при Академии художеств А. П. Удаленков и прапорщик С. А. Боравский — от Петроградского отделения Варшавского общества попечения о памятниках старины.

Исследователи посетили архитектурные памятники и музейные собрания в Черновцах и их окрестностях, Сучаве, Драгомирне, Гуморе, Радовцах, Воронце, Молдавице, Путне, Ваме, Фундул-Молдове, Кимполунге и др., многие из которых сегодня входят в список всемирного наследия ЮНЕСКО (см.: Басаргина 2008а: 488–489; Медведева, Мусин, Александрович 2017; Медведева 2017а). Опыт поездки в Буковину подсказал П. П. Покрышкину, как бороться с самовольными переделками древних храмов со стороны причта и прихожан. Это возможно лишь в том случае, если средства на реставрацию будут сосредоточены в руках государства. Он приводит пример «Буковинской православной церкви», содержащейся на особый «религийный фонд», который тратится государством исключительно на церковные нужды. Это позволяло соблюдать требования Императорско-королевской центральной комиссии для изучения и сохранения исторических памятников в Вене, имевшей консерваторов в регионах (о ней см. главу I), без разрешения которой в храме нельзя даже было произвести перестановки внутреннего убранства. Археологический порядок проистекал из финансового. К тому же П. П. Покрышкин отмечал в своей записке, что местное буковинское духовенство в массе образованнее

российского, а среди священников нет не окончивших гимназии, тогда как большинство окончило богословский факультет; в каждом из них твердо укоренено сознание, что древность священна и неприкосновенна. Это сознание позволяло органам охраны памятников Австро-Венгерской империи возлагать на священников обязанности консерваторов — местных хранителей древности.

За пять лет до этого отчета, в 1913 г., П. П. Покрышкин также подводил определенный итог работам Археологической комиссии. Он составил сводный отчет о ее архитектурной деятельности начиная с 1903 г. в качестве приложения к рапорту по поводу поступившего в Государственную думу законопроекта об охране памятников древности. Здесь отмечалось, что реставрационные совещания ИАК «стали популярны» и создали «солидные традиции». Совместно с Академией художеств они воспитали «надежные молодые силы», способные «научно справиться с возникшим обилием вопросов реставрации» и «поставить правильно регистрацию памятников старины» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 123 об.). Одновременно с законопроектом он предложил обсудить возможность создания специального «архитектурного отдела» ИАК. П. П. Покрышкин подчеркивал, что количество реставрационных дел стремительно возрастает с каждым годом, что реставрационные совещания ИАК не могут справиться с таким объемом дел в существующем составе, и в доказательство привел статистику рассмотренных ИАК вопросов, связанных с ремонтом древних зданий. Всего за десятилетие (1903–1912) в ИАК поступило 847 дел, причем 482 из них пришлось на три последних года (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 135). По его мнению, это можно было связать с общим подъемом научно-исследовательской деятельности Комиссии и с расширением ее штата. П. П. Покрышкин скрупулезно подсчитал, что в течение 1903–1913 гг. он находился в командировочных разъездах три года и два с половиной месяца, проделал путь в 166 318 верст и издержал на личные расходы и путевые 6700 руб., или по 4 коп. на каждую версту. За это время он посетил 34 российские губернии. Как писал Н. П. Сычев в некрологе П. П. Покрышкина, «нет места в России, где, кажется, не был, не руководил работами и сам не работал бы П. П.» (РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1616. Л. 4).

Одновременно его помощник и сотрудник Комиссии Д. В. Милеев объехал Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую, Костромскую, Ярославскую и Киевскую губернии, тогда как другой архитектор, сотрудничавший с Комиссией, К. К. Романов — Ярославскую, Виленскую, Московскую, Псковскую, Петербургскую, Новгородскую, Владимирскую губернии и Сухумский округ. П. П. Покрышкин отметил, что за период 1903–1912 гг. по вопросам реставрации в ИАК ни разу не обращались представители Ковенской, Курляндской, Оренбургской, Уфимской и Сувалкской губерний, а также все кавказские губернии, сибирские, за исключением Иркутской и Тобольской губерний, и все степные и среднеазиатские области, за исключением Самарканда. В этот список почему-то попали и финляндские губернии, хотя известно, что с 1884 г. там существовала своя Археологическая комиссия, о чем П. П. Покрышкин не мог не знать. За это время в архиве ИАК скопилось 13 512 фотоснимков архитектурных и церковных древностей,

и библиографическая картотека по ним составила 85 000 единиц (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Л. 50. Л. 131 — 133 об.).

В силу ряда причин, среди которых стоит отметить особенную активность Комиссии в деле реставрации монументальных памятников, репрезентативность и общественную значимость осуществленных ею проектов, а также самостоятельное осмысление членами ИАК накопленного опыта и его востребованность в современных условиях, именно реставрационная сторона деятельности ИАК оказалась наиболее полно представлена в современных исследованиях (Памятники архитектуры 2002; Jokilehto 2002). Однако ее деятельность традиционно воспринималась как преимущественно связанная с кабинетным рассмотрением актов о состоянии древних зданий и выдачей формальных разрешений на ремонты, с научно-эстетической оценкой памятников архитектуры и анализом технического решения их сохранения и его последствий для судьбы здания. В результате в научной литературе оказались осмыслены, прежде всего, теория, идеология и собственно методология реставрации, тогда как ее методика и специфика конкретных технологических решений, применяемых в каждом случае, описывались суммарно.

Однако при всей важности этой стороны работы Комиссии ее деятельность не просто сводилась к охране древних зданий, а служила сохранению древности как таковой, исторической памяти во всех ее проявлениях. К характерным особенностям служения ИАК стоит отнести принципиальный протест против разделения памятников истории и археологии на значимые и незначимые, «второстепенные». И если в целом ряде случаев членам Комиссии приходилось уделять больше внимания именно этим «имиджевым» памятникам, то это было связано скорее с государственным заказом и общественной потребностью, чем с рожденным в недрах Комиссии и пропагандируемым ею отношением к старине.

Необходимо проследить, как именно слагалось архитектурное направление деятельности ИАК во второй половине XIX — начале XX в., и в чем заключались его особенности, в том числе в связи с изучением и сохранением того «массового архитектурного материала», который, в отличие от архитектурных шедевров, зачастую выпадает из поля зрения историков архитектуры. При этом важной представляется не только профессиональная сторона реставрации и охраны, но и сопровождавшие ее общественные и культурные отношения того времени с присущей им сложной системой ценностей и столкновением интересов.

К моменту создания ИАК в 1859 г. в России не существовало специального научного учреждения для руководства реставрационными мероприятиями, отсутствовали единая законодательная система и планирование в деле охраны памятников архитектуры, еще не осознавались в полной мере значение и необходимость научного подхода к сохранению национального архитектурного наследия. Контроль за ремонтными и восстановительными работами архитектурных памятников в зависимости от статуса здания принадлежал Министерству внутренних дел, Министерству императорского двора и Святейшему Синоду. Отсутствие законодательной базы, критериев признания памятника «древностью» и самой процедуры такого признания делали контроль в этой области «весьма относительным» (ср.:

Памятники архитектуры 2002: 175–176). Однако именно в это время возникает интерес к национальным древностям и происходит его общественная структуризация.

Изначально стоит отметить приоритетное внимание к оборонным памятникам русского зодчества: ставится вопрос о ремонте Зарайского кремля (1801) и ремонтируется Новгородский кремль (Там же: 50–51, 77). В дальнейшем местом приложения археологических и архитектурных сил становятся Крым, памятники современной Украины и Беларуси и древние столицы, что подчеркивает всегда существовавшую связь между политикой, идеологией и реставрацией. В Москве ремонтируются храмы Новоспасского и Андроникова монастырей, церковь свв. Адриана и Натальи, в Полоцке — Софийский собор и Спасский собор Евфросиньевского монастыря, в Вильно — церковь св. вмч. Параскевы Пятницы (1851), а также Новгородская (1830) и Киевская Софии (1844–1853) и Дмитриевский собор во Владимире (1830). В поле зрения МВД, отвечавшего, согласно имперскому законодательству, за сохранность древних зданий, попадают памятники оборонного зодчества: реставрация совершается в кремлях Астрахани (1830–1857), Нижнего Новгорода (1834–1857), Казани (1832–1833), Серпухова (1833–1850), Коломны (1837–1854), Пскова (1843–1882), Китай-города (1830–1848), Архангельска (1845–1847), Новгорода (1843–1852), Смоленска (1847), Ивангорода и Нарвы (1846–1849) (Там же: 78, 110, 115–118, 119, 130–131).

Именно в это время складываются новые категории реставрационного мышления в связи с историзмом, эстетикой романтизма и апологией средневековья, идеализацией облика прошлого и разрыв с античностью и академизмом. Иногда предпринималась консервация руинированных памятников, имеющих особое значение, первые шаги делала практика фиксации памятника перед разборкой и сохранения или перенесения подлинных элементов. Впрочем, к реставрации памятника иногда приравнивались простой ремонт или подновление, работы чаще всего проводились техниками, гражданскими инженерами, только в особых случаях — столичными архитекторами, специальность реставратора отдельно не выделялась (Подъяпольский и др. 2000: 33). Это предполагало сохранение существующего вида памятника при совершенствовании его функциональных свойств. Однако опыты восстановления памятника «в древнем виде», его обновление/поновление или придание ему предположительных форм, зачастую именуемое «восстановлением памятника», приводили к появлению совершенно нового архитектурного сооружения на «основе широкого использования весьма отдаленных аналогов» (Памятники архитектуры 2002: 98, 134, 146, 153).

На этом фоне созданная в 1859 г. ИАК рассматривается современными исследователями как «первое правительственное научное учреждение, которое должно было по замыслу его учредителей централизовать деятельность по открытию и описанию «предметов древности» (Там же: 177). Общепризнано, что круг занятий Археологической комиссии изначально мало затрагивал вопросы реставрации и охраны памятников, однако уже в начале 1860-х гг. в положении Комиссии как единственного правительственного археологического органа можно

найти предпосылки будущего изменения всей организации реставрационного дела.

Решение вопроса о роли ИАК в изменении организации реставрационного дела России невозможно без преодоления странного противоречия, сохраняющегося в историографии, посвященной Археологической комиссии (см., напр.: Вздорнов 1986). Общим местом стало утверждение о том, что к числу предметов, входивших в ведение ИАК, с конца 1859 г. относилось и «отыскание и возобновление древней стенной иконной живописи в старинных православных храмах в России» (см. главу I). В этом случае остается непонятным, почему подобную функцию нужно было сообщать Комиссии вторично в 1889 г., уже в виде категоричного распоряжения императора, что «реставрация монументальных памятников древности производится по предварительному соглашению с Императорской археологической комиссией и по сношению ее с Императорской академией художеств», и почему в 30-летний период истории ее деятельности исполнение этой важной миссии практически не осуществлялось, по крайней мере, в части реставрации древних фресок?

Прежде всего, речь должна идти о различном правовом статусе делегированных Комиссии полномочий. Предоставление Комиссии функции согласования проектов реставрации памятников культуры от 11 марта 1889 г. было оформлено «Высочайшим повелением» и в силу этого приобретало статус государственного закона. Положение об ИАК и «особое Высочайшее повеление» о фиксации памятников монументальной живописи и ее реставрации от 20 декабря 1859 г. были лишь внесены в Полный свод законов Российской империи, а повеление 1889 г. было доложено Правительствующему сенату министром юстиции и включено в Собрание узаконений и распоряжений Правительства за № 359 (см. главу I). Это и придало Комиссии необходимые авторитет и полномочия.

Нельзя не отметить, что «особое Высочайшее повеление» от 20 декабря 1859 г. было сформулировано императором Александром II достаточно расплывчато и сообщено председателю Комиссии министром двора письмом за № 5823 в форме «пожелания» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 29. Л. 1 — 1 об.). В нем говорилось, чтобы пресловутое «отыскание и возобновление» «продолжаемо было по-прежнему, но с тем, чтобы занятия эти были отнесены к обязанностям Археологической комиссии». Это пожелание так никогда и не было внесено ни в Положение об ИАК, ни в Свод законов. Не имея правового статуса, эта миссия не стала приоритетом ИАК. В то же время был очевиден приоритет «прежнего» порядка ремонта и поновления, где основная ответственность лежала на МВД и церковных структурах.

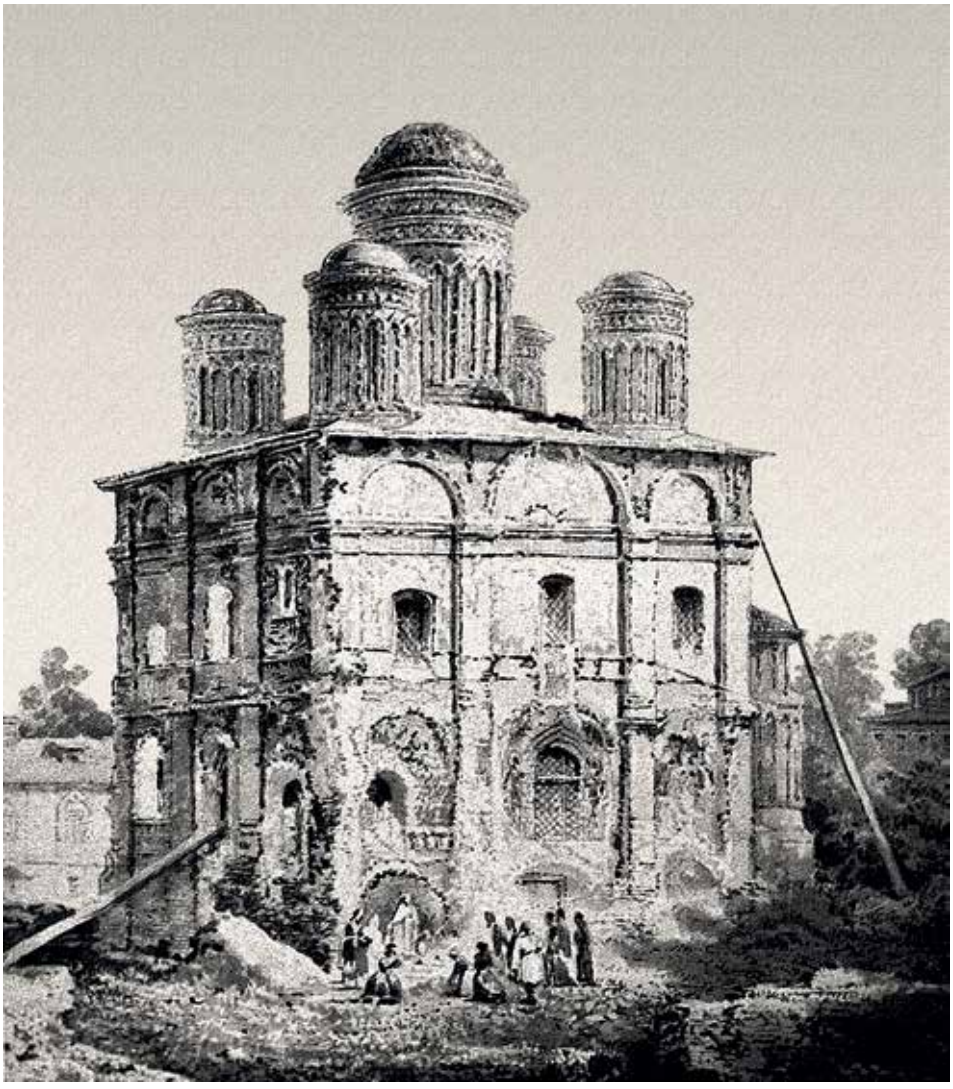
Известно, что царскому «пожеланию» предшествовали следующие события. Летом 1859 г. по Высочайшему повелению академик Ф. Г. Солнцев осматривал состояние архитектуры и стенописи во Владимире. Его отчет датирован ноябрем 1859 г., императору результаты поездки были представлены 4 декабря 1859 г. Совершенно очевидно, что распоряжение об отнесении к обязанностям ИАК «отыскания и возобновления» фресковой живописи было отдано именно под впечатлением от этих документов и, возможно, личной беседы царя с Ф. Г. Солнцевым (РО.

Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 9. Л. 3–12). Таким образом, функция Комиссии по фиксации и реставрации храмовой живописи, приданная ей 20 декабря 1859 г., являлась следствием личной инициативы Ф. Г. Солнцева, что не было согласовано с С. Г. Строгановым (ср.: Памятники архитектуры 2002: 157–158, где инициатива в реставрации Успенского собора во Владимире приписывается именно С. Г. Строганову).

К тому же новая для ИАК миссия предполагала сохранение предшествующей практики, где подобные мероприятия были прерогативой Министерства внутренних дел, Министерства императорского двора и Синода. Уже 2 января 1860 г. граф С. Г. Строганов обращается к министру двора с письмом, где указывает на незнание «прежнего порядка» вещей в отношении реставрации (РО. Ф. 1. Оп. 1-1859 г. Д. 29. Л. 3). Из ответа министра, датированного 11 января 1860 г., становится ясно, что до сих пор подобного рода дела находились в совместной компетенции Министерства императорского двора и Святейшего Синода. За дополнительными сведениями председателю Комиссии было рекомендовано обратиться к обер-прокурору. В архиве ИАК отсутствуют какие-либо документы, указывающие на то, что впоследствии С. Г. Строганов действительно запрашивал Синод и получал оттуда какие-либо разъяснения.

Стоит вспомнить, что «прежний порядок вещей» в церковной жизни был определен указом Синода от 31 декабря 1842 г., состоявшимся по случаю императорского повеления «строго подтвердить впредь во всех памятниках ни к каким обновлениям не приступать без Высочайшего разрешения», что, как известно, было вызвано реставрацией стенописи в Успенской церкви Киево-Печерской лавры. Вопросы ремонта и реставрации должны были рассматриваться Синодом, куда надлежало представить соответствующую документацию (указ по Высочайшему повелению «О неприступании к обновлению древних церквей без Высочайшего разрешения»; см.: ПСЗРИ. Т. 17. 1843: 288, № 16401; Охрана памятников 1978: 53, № 28). Кроме того, епархиальным архиереям было поручено наблюдать, дабы нигде, ни под каким предлогом в древних церквах не дозволялось ни малейшего исправления, возобновления и изменения живописи и других предметов древнего времени, а всегда испрашивалось на то разрешение от Святейшего Синода (определение от 20 апреля 1843 г., № 16770). Такая норма была зафиксирована и в Строительном уставе (ст. 207), где было запрещено приступать без Высочайшего разрешения к каким-либо обновлениям в древних церквах и во всех подобных памятниках (см., напр.: Устав 1881). Вообще древний как наружный, так и внутренний вид церквей должен быть сохраняем тщательно, и никакие произвольные поправки и перемены без ведома высшей духовной власти не дозволялись. Таким образом, председатель ИАК был поставлен в достаточно сложные условия. С одной стороны, реставрация памятников церковной старины целиком находилась в ведении Синода, что имело законодательную базу, с другой стороны, он имел Высочайшее повеление о частичном отнесении этой сферы деятельности «к обязанностям Комиссии», но без должного правового обоснования.

Ни «особое Высочайшее повеление», ни соответствующее прикомандирование к ИАК академиков живописи Ф. Г. Солнцева и И. П. Вольского (см. главу I) не способствовали активности



Богоявленский собор. Кострома. Вторая половина XIX в. Фото А. Шмидта (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 5. Л. 28)

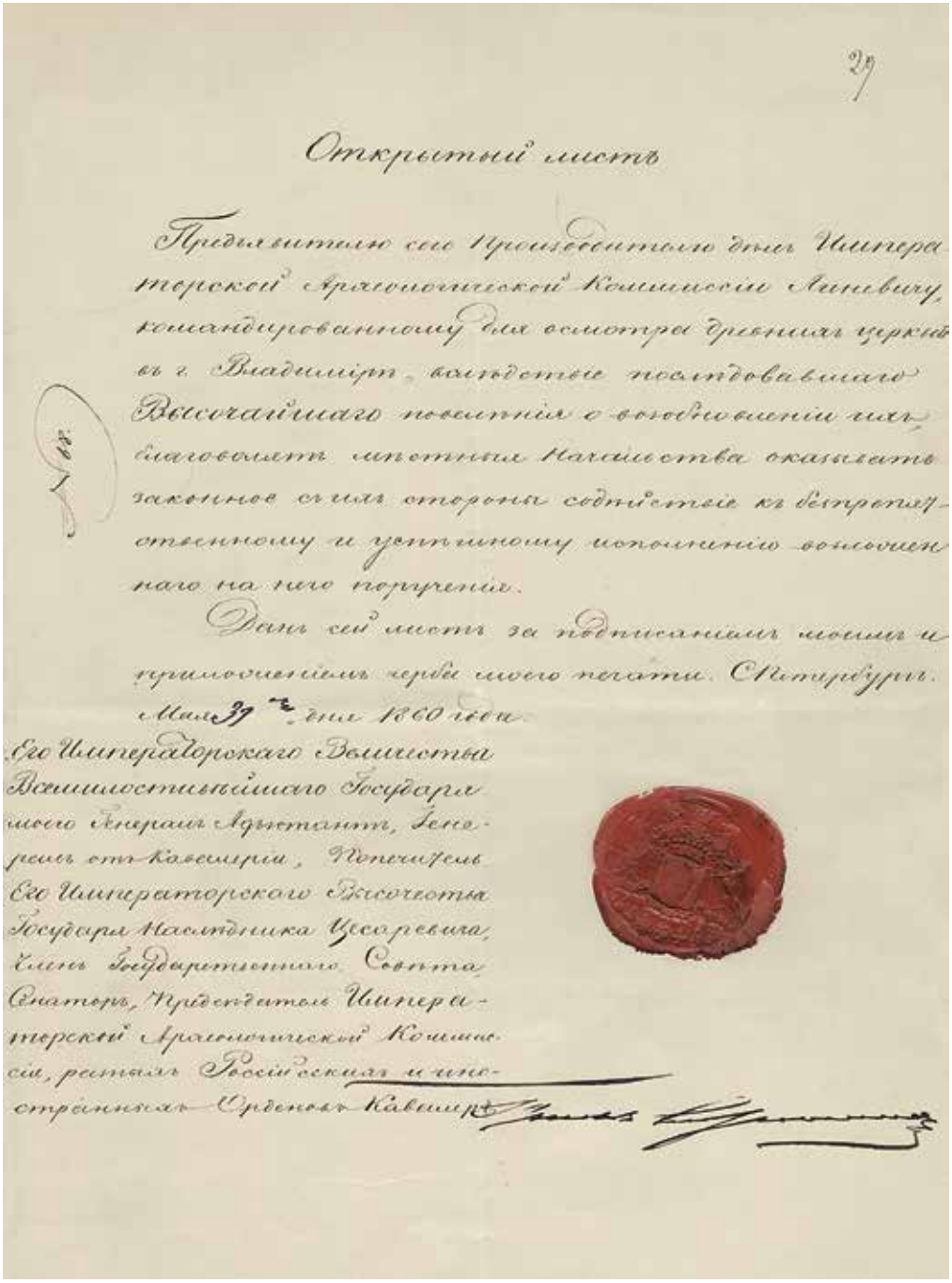
Комиссии в деле «отыскания и возобновления древней стенной иконной живописи». Очевидно, что помимо достаточной для выполнения этой миссии правовой базы в деятельности Археологической комиссии в то время попросту отсутствовали приоритеты в изучении русских древностей, как отсутствовали четкие объективные критерии для научной оценки и экспертизы этих памятников. В этом смысле характерной является история с Богоявленским Костромским монастырем (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 5. Л. 1–17). Это был первый случай, когда ИАК было предложено заняться вопросом, связанным с древнерусской церковной культурой. 26 февраля 1860 г. президент Академии художеств князь Г.Г. Гагарин со ссылкой на редактора

«Архитектурного вестника» А.Т. Жуковского сообщил председателю Комиссии о бедственном состоянии памятника архитектуры XVI в., в котором сохранились росписи XVII в., — Богоявленского собора в соименном монастыре Костромы.

Характерно, что князь Гагарин, обращая внимание С.Г. Строганова на состояние храма, пишет, что сам он не знает, насколько это может касаться действий ИАК. С.Г. Строганов отвечает в том духе, что собор по архитектуре относится к XVII в. («время Михаила Федоровича и особенно Алексея Михайловича»), а плохо сохранившиеся остатки древней живописи утратили всякое значение от многочисленных переделок. В силу этого собор не может быть признан лучшим памятником древнего искусства, который бы заслуживал специального изучения и издания. Налицо не только 100-летняя ошибка в датировке собора, заниженная оценка культурной значимости его росписей, но и явное нежелание связывать себя заботой об этом памятнике. Очевидно, председатель ИАК стремился максимально ограничиться возложенными на него поручениями, проистекающими из Положения о Комиссии и соответствующими его собственным представлениям о задачах и функциях археологической науки.

Стоит заметить, что в 1912 г. Комиссии вновь пришлось заниматься собором. В 1863 г. храм был передан в ведение Крестовоздвиженского Анастасьинского женского монастыря, здесь был произведен ремонт, а живопись в 1865–1868 гг. возобновлена артелью известного «богомаза» Н.М. Сафонова, бывшего, по мнению Н.П. Кондакова, «археологическим извергом или Герострáтом» (Кондаков 2004: 86). В преддверии 300-летия дома Романовых 24 апреля 1912 г. игуменья Сусанна запросила разрешение ИАК на реставрацию собора. Комиссия прибегла к экспертному заключению от 25 июня того же года, подписанному М.П. Дикаревым и М.Г. Чириковым, и после окончательной экспертизы, проведенной Д.В. Милеевым, 22 августа надзор поручается именно ему (см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 5; см. также: Известия ИАК. Вып. 31. 1909: 88–91; Вып. 48. 1913: 2; Приб. к вып. 44. 1912: 106; Приб. к вып. 46. 1912: 142, 143).

История с Богоявленским монастырем носила не случайный характер. Такой же подход мы видим и в деле реставрации Успенского собора во Владимире и других памятников владимирского зодчества. 14 марта 1860 г. датировано письмо министра двора В.Ф. Адлерберга, где С.Г. Строганову поручалось составить соображения о возможных сроках произведения ремонтно-восстановительных работ и будущих затратах. Отсутствие в штате архитектора заставило графа, бывшего еще и членом Комиссии по строительству храма Христа Спасителя в Москве, отправить в конце мая во Владимир архитектора Иосифа Стефановича Каминского (1818–1898), состоявшего при той же Комиссии, а вместе с ним делопроизводителя ИАК А.С. Линевича, Ф.Г. Солнцева и художника. Именно А.С. Линевичу впервые в истории отечественной археологии был выдан Открытый лист на архитектурно-археологические раскопки с «приложением герба моего (С.Г. Строганова. — *Авт.*) печати» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 9. Л. 29). Впрочем, известно, что исследования Ф.Г. Солнцева и И.П. Вольского во Владимире в рамках их работ в Комиссии коснулись лишь фресковых



29

Открытый лист

Предъявителю сего Председателю Императорской Археологической Комиссии Линевичу, командированному для осмотра древних церквей в г. Владимире, впредь до последования Высочайшего повеления о возложении них, благоволят чиновные Начальства оказывать законное с сего стороны содействие к беспрепятственному и успешному исполнению возложенного на него поручения.

Дан сей лист за подписанием моим и приложением герба моего печати. С.Петербург. Мая 27 дня 1860 года.

Его Императорского Величества Всемилостивейшего Государя моего Генерал Адъютант, Генерал от Кавалерии, Попечитель Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича, Член Государственного Совета, Сенатор, Председатель Императорской Археологической Комиссии, ордена Российских и иностранных Орденов Кавалер

Первый Открытый лист на архитектурно-археологические исследования, выданный А. С. Линевичу (РО. Ф. 1. Оп. 1-1860 г. Д. 9. Л. 29)

росписей Успенского собора (Известия ИАК. Вып. 26. 1908: 74–75; ср.: Памятники архитектуры 2002: 177).

На основании результатов этой поездки С.Г. Строганов пишет рапорт в Министерство двора. В нем сообщается, что Покровская церковь на Нерли реставрируется местными средствами, а плохо и мало сохранившаяся живопись не имеет особого значения для истории русской иконописи. Успенская церковь в Рождественском монастыре не требует капиталовложений для реставрации. Речь может идти лишь об Успенском соборе. Однако в случае проведения в нем ремонтно-реставрационных работ С.Г. Строганов просит возложить на Комиссию лишь художественную сторону, так как чисто хозяйственные вопросы отвлекали бы ИАК от непосредственной деятельности. В результате дело передается в Строительную контору Министерства двора. Одновременно 25 мая 1861 г. создается Комитет по реставрации собора. Его председателем был назначен сам С.Г. Строганов, безмерно тяготившийся этим. Осенью появляется записка архитектора Аполлинария Каэтановича Красовского (1817–1975), представителя Строительной конторы в Комитете, где он не соглашается с Ф.Г. Солнцевым в том, что собор разрушается. Именно на этой записке и базируется новое письмо С.Г. Строганова министру от 16 декабря 1861 г., где утверждается, что собор безо всякого вреда можно оставить «без восстановления». И уже 30 декабря 1861 г. следует Высочайшее решение об отмене ремонта собора и о роспуске Комитета, чего, собственно, и добивался С.Г. Строганов.

Есть все основания полагать, что граф С.Г. Строганов допустил стратегическую ошибку в вопросах реставрации церковных памятников. Известно знаменитое определение Святейшего Синода № 2236 от 20 декабря 1878 г. / 9 января 1879 г. «О запрещении переделывать и разрушать архитектурные исторические памятники, находящиеся в ведении епархии». Оно основывалось на ст. 207 Строительного устава и соответствующем Высочайшем повелении, воплощенном в известном указе Синода № 16401 от 31 декабря 1842 г. о недопустимости самовольных переделок в древних храмах без Высочайшего разрешения, без тщательного сохранения внешнего и внутреннего вида и без доклада Святейшему Синоду. Новое определение предписывало епископату в случае необходимости ремонта и реставрации памятников старины обращаться за консультациями и научным обеспечением к существующим археологическим обществам: Церковно-археологическому обществу при Киевской духовной академии, Русскому археологическому обществу, Московскому археологическому обществу и Одесскому обществу. Считается, что данный указ Синода привел к изменению структуры реставрации и к ее профессионализации (см.: Сохранение памятников 1997: 113–114; Памятники архитектуры 2002: 249).

Для нас в данном случае важно, что если в 1842 г. поводом для Высочайшего повеления и синодального указа были неудовлетворительные реставрационные работы в Успенской церкви Киево-Печерской лавры, то в 1878 г. — произведенный годом раньше архиепископом Владимирским Антонием (Павлинским) ремонт Покровской церкви на Нерли. В результате этой «реставрации» остатки фресок и стены были закрашены масляной краской, а некоторые фрагменты каменной резьбы уничтожены или

заменены изделиями новейшей работы. Этим и воспользовался граф А.С. Уваров, который обратился в Синод с ходатайством о возобновлении распоряжения № 16401. По сути дела, здесь он обошел С.Г. Строганова, который еще ранее скептически отнесся к идее контроля ИАК над деятельностью по реставрации этого храма и недооценил его живопись. Очевидно, что синодальное определение совершенно игнорировало Высочайшее повеление 1859 г. об участии ИАК в деле реставрации храмовой живописи: Комиссия в числе консультантов церковного ведомства не упоминалась вообще.

Впоследствии ИАК точно так же практически самоустранилась от архитектурно-археологических исследований в истории с раскопками М.Н. Полесским-Щепило собора на Протоке в Смоленске в 1867–1868 гг. С.Г. Строганов возложил всю ответственность на МВД и смоленского губернатора. Состоявшиеся раскопки обнаруженного храма были личной инициативой преподавателя Смоленской гимназии и местных властей, поскольку в своем письме в Смоленск от 22 марта 1868 г. С.Г. Строганов говорит лишь об охранении остатков, но не об их исследовании (см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1867 г. Д. 7). Если же в будущем на этом месте могут быть сделаны какие-либо находки (очевидно, лишь фрески и утварь, с точки зрения С.Г. Строганова, являются археологическим объектом, сами архитектурные формы его не интересовали), то лица, уполномоченные к этому, должны будут сообщить о находках в Комиссию. Таким равнодушием ИАК к архитектурным древностям моментально воспользовался А.С. Уваров, побывавший в Смоленске и увезший собранные фрески в Москву. Кстати, раскопки собора на Протоке — первый документально засвидетельствованный в отечественной археологии случай применения на раскопках подневольного труда: с 25 июня по 28 августа 1868 г. здесь трудились заключенные смоленского арестантского исправительного отделения. За этот труд в канцелярию смоленского губернатора в 1871 г. из ИАК было перечислено 71 руб. 40 коп. Основанием для предоставления счета Комиссии стало то, что раскопки были произведены в ее «интересах», хотя, как мы знаем, ИАК никакого «интереса» к ним не проявила, а их результатами воспользовалось МАО. Характерно, что С.Г. Строганов сразу оплатил счет, признавая тем самым косвенную ответственность Комиссии за производство раскопок на территории России.

В случае с открытием еще одного древнего храма в Смоленске — церкви в устье р. Чуриловки конца XII — начала XIII в. — ИАК вообще себя никак не проявила. Член-корреспондент МАО С.П. Писарев сообщил обществу 1 июня 1885 г. об открытии купцом Бибиковым фундаментов храма на Богословской улице, остатки которого сохранились в виде «кургана». Сообщение об этом было опубликовано в «Русских ведомостях» № 235 от 27 августа 1885 г. МАО поручило наблюдать за этими исследованиями самому С.П. Писареву и командировало туда В.И. Сизова (РО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 110. Л. 201–204). Никакой реакции ИАК не последовало.

Однако Комиссия с самого начала своей деятельности, уже в 1860–1870 гг., была вовлечена в обсуждение вопросов сохранения и реставрации памятников другого рода — оборонного зодчества, отдавая тем самым дань общественно-государственным приоритетам того времени. Нельзя сказать,

что здесь С.Г. Строгановым сразу было найдено верное решение. Оно формировалось в процессе деятельности ИАК и взросления российского общества в отношении к собственному прошлому.

19 июля 1866 г. Министерство внутренних дел передало в Комиссию просьбу начальника Смоленской губернии о возможности сломки тех частей крепостной стены в Смоленске, которые «более невозможно поддерживать починками». В письме говорилось, что крепостная стена на значительном своем протяжении и 7 башен находятся в крайне ветхом состоянии. К письму прилагался чертеж, который в архиве Комиссии не сохранился. Министерство, хотя данный вопрос и находился полностью в его компетенции, «прежде распоряжения» решило запросить заключение ИАК.

В ответном письме С.Г. Строганов писал, что «к сломке самых ветхих частей Смоленской крепостной стены и некоторых наиболее поврежденных ее башен я со своей стороны препятствий не встречаю», однако потребовал, дабы перед разборкой были сняты «точные виды» — чертежи и рисунки — разбираемых частей и был сделан подробный план с описанием. Отдельной задачей во время разборки должно было стать выявление тайных помещений и ходов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 17. Л. 1, 3 — 3 об.).

Даже в отношении Якутского острога, для спасения которого ИАК впоследствии сделала многое, С.Г. Строганов высказался в том же духе. На письме из Хозяйственного департамента МВД от 22 ноября 1878 г., в котором сообщалось, что якутский губернатор, «ввиду невозможности исправления за совершенной ветхостью находящихся в г. Якутске четырех древних башен, угрожающих общественной безопасности», запросил разрешения на их снос, он наложил свою резолюцию: «Я полагаю, что нет нужды в сохранении этих башен» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1878 г. Д. 4. Л. 26).

Очевидно, подобное отношение к крепостной архитектуре было до определенного времени нормой для российского общества, с которой соглашалось и руководство ИАК. Однако даже в рамках этой нормы Археологическая комиссия выработала определенный алгоритм действий, связанный с фиксацией состояния памятников древности и сохранением исторической информации, что впоследствии позволяло вернуться к вопросу их изучения и сохранения.

Это хорошо демонстрирует следующая история. 9 ноября 1866 г. Министерство внутренних дел переслало в Комиссию ходатайство тульского губернатора о ежегодном выделении из казны 400 руб. 56 коп. на поддержку Тульского кремля, поскольку стены его находятся в таком виде, что их поддержание превышало средства, выделяемые городской казной. Рассматривая такие выплаты как «вполне непроизводительный расход», министр «полагал бы более соответственным совершенно разобрать стены». В связи с этим он просил сообщить в министерство, в какой мере необходимо поддерживать крепостные стены в должном виде, прилагая при этом текст исторической записки, составленной представителями тульской общественности. 17 ноября С.Г. Строганов подписал ответное письмо в МВД. По его мнению, «тульские крепостные стены как памятник XVI столетия, ничем особым не отличающийся и уже дважды подвергавшийся переделкам, при недостаточности городских средств на дальнейшее

поддержание их не заслуживает сохранения». Вновь, как и в случае со смоленской крепостной стеной, он просит при разборке стены снять их «точный вид и описание» и обратить внимание на тайники и подземные ходы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 31. Л. 1 — 1 об., 4 — 4 об.).

По счастью, памятник не был разрушен, очевидно, в связи с тем же недостатком денежных средств, и ИАК вновь пришлось вернуться к проблемам его спасения, как это имело место и в Смоленске. Такое возвращение не только позволяет увидеть изменяющееся отношение российского общества к своим древностям, но и детали становления практики охраны культурного наследия в деятельности Комиссии за 50 лет. 29 мая 1915 г. тульский губернатор А.Н. Тройницкий объявил о создании особой комиссии для реставрации местного кремля, в связи с ходатайством Тульского городского общества, которое просило выделить на эти цели 25 000 руб., и предложил ИАК направить в комиссию своего представителя. Таким представителем стал П.П. Покрышкин. В официальном акте от 1 августе 1915 г. о состоянии крепостных стен отмечалось, что здесь отсутствуют покрытия, защищающие кладку от атмосферных явлений, происходит отслаивание наружной облицовки на глубину от полутора до половины ширины кирпича, при этом внутри кладки обнаружены кирпичи слабого обжига. В числе первоочередных мер предлагалось соорудить крыши над башнями без претензии на реставрацию древних покрытий, устроить городовой настил с водонепроницаемым покрытием, убрать со стен столбы от электрических проводов, а вычинку стен производить из специально изготовленного кирпича.

Организация работ была поручена ИАК, и 28 октября 1915 г. А.А. Бобринской обратился в МВД с предложением производить отпуск средств на реставрацию по аналогии с уже сложившейся практикой при ремонте смоленских крепостных стен и Бахчисарайского дворца (речь шла о выделении финансирования местным властям и особым комиссиям, однако расходование средств происходило по согласованию с ИАК; по поводу этих реставраций см. ниже). Однако в связи с обсуждением нового проекта закона об охране древностей и предполагаемым созданием центрального органа по их охране (подробнее см. главу I) финансирование реставрационных работ в империи было вообще прекращено, «кроме тех отдельных случаев, когда удостоверялось, что памятникам старины угрожает немедленная гибель», о чем Комиссия была уведомлена 6 ноября 1915 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1866 г. Д. 31. Л. 5–15).

Подобная история, с точностью до формулировок и последствий, повторилась и в Гдове. Здесь городская дума 6 сентября 1874 г. обратилась в вышестоящие инстанции с ходатайством о разборке местной крепости. С.Г. Строганов точно так же допустил разборку памятника с предварительной фиксацией, однако посчитал, что крепостные ворота заслуживают сохранения. В своем письме он отмечал, что крепостной стены как таковой не существует, и о восстановлении ее не может быть и речи: даже если бы она и не была разрушена вследствие добычи камня местными жителями, «едва ли можно тратить большие деньги на сохранение, потому что возведение ее восходит не далее XV столетия и не представляет каких-либо особенностей». Отмечалось и то, что гдовская

крепость не играла какой-либо особой роли в истории России (РО. Ф. 1. Оп. 1-1874 г. Д. 18. Л. 3–4). При участии ИАК в то же время решался вопрос и о разборке крепостной стены в Порхове (РО. Ф. 1. Оп. 1-1873 г. Д. 9).

Однако позднее ИАК защищала не только крепостные стены Гдова, но и историко-культурную среду города. 19 ноября 1916 г. петроградский губернатор написал в ИАК по поводу обращения Уездного отделения Петроградского епархиального училищного совета, где поднимался вопрос о постройке внутри крепости особого дома для епископа Гдовского, которым тогда был будущий митрополит Петроградский Вениамин (Казанский). При этом сам губернатор подчеркивал, что возведение построек в том месте нежелательно, поскольку существующие дома уже вносят диссонанс в общую картину, которую не стоит усугублять новыми пристройками. В частности, упоминался дом наследников Лебедева, «неизвестно как внедрившийся в сердце исторического памятника». 19 ноября Комиссия подтвердила, что сочувствует идее не застраивать древний Гдовский кремль и что для новых строений епархиального училища и архиерейского дома в городе и без того достаточно места (РО. Ф. 1. Оп. 1-1874 г. Д. 18. Л. 5 — 5 об., 6) (ср.: Кирпичников 2000).

Подобная ситуация складывалась и в Пскове, где С.Г. Строганов так же изначально разрешил разборку городских стен. Определенным новшеством в этом деле было предложение ИАК создавать в таких случаях особые комиссии на местах для осуществления необходимых предварительных исследований крепостных сооружений, в том числе и с участием членов Археологической комиссии. Впрочем, создание такой комиссии так и не состоялось, поскольку руководство ИАК каждый раз ссылалось на занятость своих сотрудников (РО. Ф. 1. Оп. 1-1871 г. Д. 26. Л. 5; ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1873 г. Д. 9).

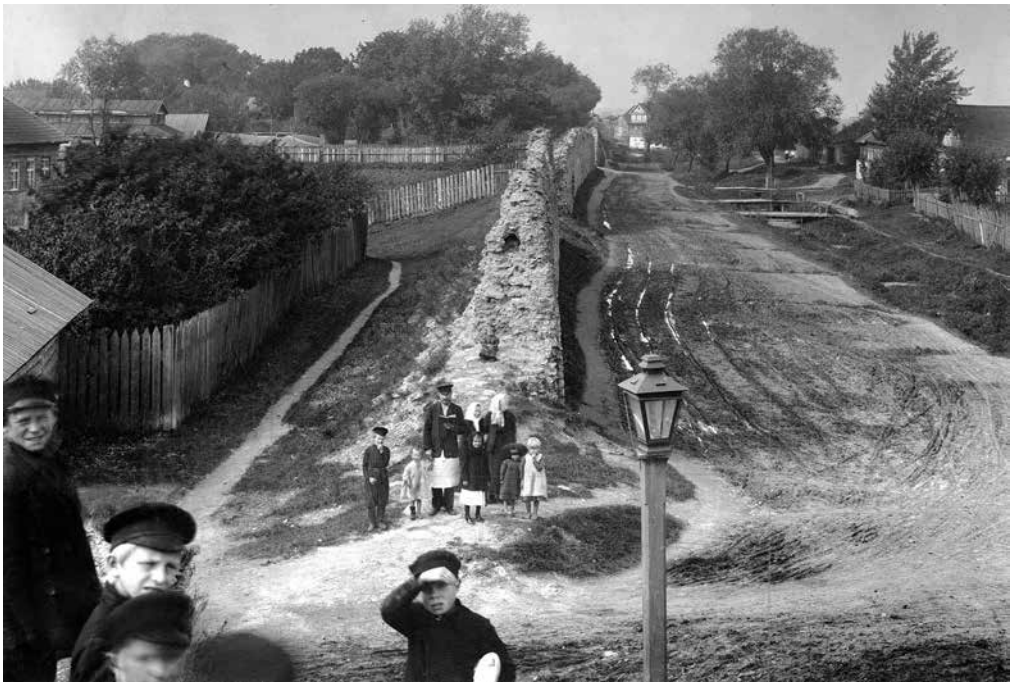
Новый этап в истории спасения крепостного зодчества Пскова связан уже с новым председателем Археологической комиссии и ее активной позицией в деле спасения памятников архитектуры (Медведева 2010). В 1898 г. псковский губернатор по просьбе псковской городской думы вновь направил в МВД ходатайство о снесении части городских стен для благоустройства города. После обсуждения этого ходатайства на реставрационном заседании ИАК оно было отклонено «ввиду ценного исторического значения» стен. В следующем году от псковского губернатора поступило вторичное прошение, в котором подчеркивалось, что городская дума вовсе не покушалась разрушать исторические памятники Пскова, а всего лишь просила «о дозволении снести не имеющие особого исторического значения части стен», «почти разрушенные» и представляющие «далеко не привлекательный вид» в центре города, между Петровскими воротами и Михайловской башней, для образования площади и на Запсковье от Гремячих ворот до Кисловской башни для устройства улицы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 24. Л. 11–14, 19 об.). Однако одновременно с этим Псковское археологическое общество обратилось в ИАК с просьбой сохранить городские стены. В 1899 г. Н.В. Султанов произвел осмотр псковских стен для составления компетентного заключения на ходатайство городской думы и выработки рекомендаций «о способах поддержки их от разрушения». По результатам его поездки на реставрационных

заседаниях ИАК с участием представителей Комиссии, МВД и Святейшего Синода при обсуждении присланных ходатайств разрушение исторических стен Пскова было признано «крайне нежелательным» и в разрешении сносить хоть какие-либо части стен городским властям было отказано (РО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 29. Л. 30–34). Позднее, в 1902–1906 гг., Н.В. Султанов трудился по поручению ИАК в Пскове, осуществляя наблюдение и руководство ремонтом «Поганкиных палат» (Там же. Л. 57, 68–73).

В 1907 г. в Археологическую комиссию вновь поступило письмо из ПАО с просьбой «оказать содействие к спасению древних стен и прислать архитектора для их осмотра». В письме содержалось описание их плачевного состояния: «Вследствие атмосферных влияний, они выветриваются и разрушаются, превращаясь в груды мусора и щебня; этому разрушению деятельно помогают и человеческие руки: стенные плиты растаскивает всякий, кто хочет. Одни полицейские меры в данном случае не помогут: во-первых, чины полиции не в состоянии уследить за разрушениями, так как стены тянутся на расстоянии более 7 верст; во-вторых, полицейским распоряжениям в деле охраны стен не придают серьезного значения, ибо самый вид этих одряхлевших развалин вызывает мысль о чем-то заброшенном, лишнем, никому не нужном». Здесь указывалось, что ни средств самого общества, ни городских денег не хватает на улучшение состояния сохранности стен. «Рассчитывать на частную благотворительность» также не приходилось «за неимением в Пскове богатых людей, проникнутых беззаветной любовью к старине», а попытка обратиться за помощью к государственной казне тоже не увенчалась успехом, поскольку ходатайство губернатора о выделении ежегодной суммы на поддержание древних псковских стен, поданное еще в 1901 г., было отклонено четыре года спустя. Поэтому, после очередного осмотра стен, ПАО на своем заседании постановило вывесить в нескольких местах стен железные доски с надписями о воспрещении разрушать стены, просить псковского губернатора об издании соответствующего постановления и обратиться в ИАК с просьбой «оказать содействие к спасению древних стен и прислать архитектора для их осмотра» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 24. Л. 24 — 26 об.).

В конце августа — начале сентября 1908 г. для экспертизы состояния сохранности псковских стен по поручению ИАК выехал П.П. Покрышкин (РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 12). К поездке в Псков П.П. Покрышкин подготовился, изучив планы Псковской крепости 1694 г. и 1740 г. и названия стен и башен по описанию И.Д. Годовикова. В дневнике поездки П.П. Покрышкин очень подробно дает внешнее описание каждого участка стены, отдельно описывает детали и особенности, документирует степень сохранности с рекомендациями о том, что надо сделать в каждом конкретном случае, сетует на обилие частных построек на территориях, прилегающих непосредственно к разрушающимся стенам. В ходе поездки он произвел первоначальные обмеры, что отражено в дневнике, и фотофиксацию исследуемого объекта. В результате обследования П.П. Покрышкин вынес несколько минимальных рекомендаций по сохранению памятника: «1. Надо покрыть башни, очистив их, но рвов отнюдь не засыпать. 2. Деревья близ самой стены вредят ей (сырость, корни, сор). 3. Засыпку

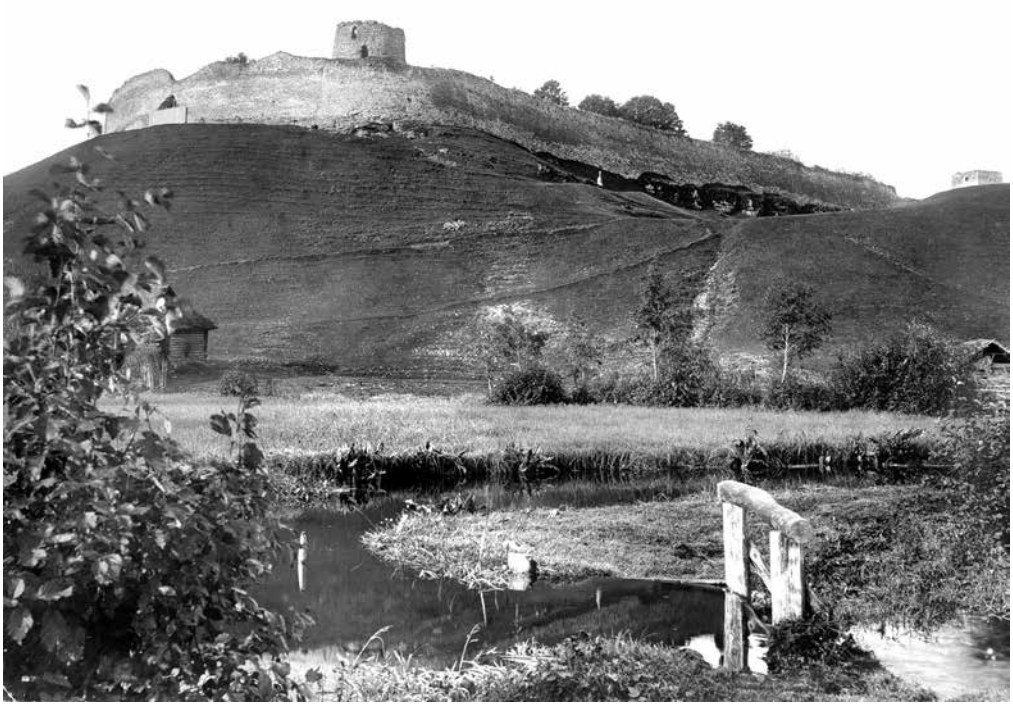
Псков. Запсковье. Вид на крепостные стены вдоль р. Великой. Поездка П. П. Покрышкина, 1908 г. (ФО. Отп. Q 766-43)



Псков. Крепостная стена в Запсковье. Поездка П. П. Покрышкина, 1908 г. (ФО. Отп. Q 767-30)

рва между Петровской и Михайловской башнями надо прекратить, а тот мусор, что насыпан, убрать. 4. Насыпь у стены близ Власьевского спуска восстановить. 5. Окрестить известью впадины ради наблюдения» (Там же. Л. 58).

Во время пребывания П.П. Покрышкина в Пскове случился еще один инцидент с крепостными стенами. Городское общественное управление решило расширить пристань, для чего делалась подсыпка берега. 25 августа 1908 г. секретарь ПАО Н.Ф. Окулич-Казарин направил на место пребывания П.П. Покрышкина в Пскове записку, в которой сообщалось, что «на набережной р. Великой, под Довмонтовой стеной, рабочие разрыли берег



Изборская крепость. Вид с востока, 1910 г. (ФО. Отп. О.1678-13)

и обнаружили его профиль, состоящий из ряда слоев с остатками кострищ, черепов и проч.». Работы удалось приостановить лишь при помощи полиции. Осмотрев указанное место, П.П. Покрышкин тут же телеграфировал в Комиссию об опасности, угрожающей сохранности стены, и о необходимости обязательного технического исследования фундамента до продолжения работ. Уже 30 августа особая комиссия произвела осмотр стены на месте, дальнейшая выемка земли была признана недопустимой, так как в слоях были обнаружены остатки деревянных лежней, изразцы XVI в., каменные ядра, целые костяки, нательные кресты, а также «херсоно-византийская монета» Василия I, Константина и Льва VI 870 г. Специалисты особой комиссии вынесли решение обязать Псковскую управу восстановить целость насыпи под обязательным наблюдением представителя ПАО (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 24. Л. 34, 40 об., 44, 57 об.).

Начиная с 1910 г. П.П. Покрышкин привлекал к архитектурным исследованиям на Северо-Западе К.К. Романова. Так, в 1910–1911 гг. К.К. Романов руководил обследованием Изборской крепости. В ноябре 1910 г. на собрании разряда военной археологии и археографии Императорского русского военно-исторического общества К.К. Романов представил альбомы обмеров, снимки и коллекцию предметов, найденных при раскопках. Председатель собрания Н.И. Веселовский высоко оценил архитектурные исследования Изборской крепости, проведенные под руководством К.К. Романова, и признал их уникальность на тот момент «по обширности, законченности и точности» среди всех работ по изучению

крепостной архитектуры (Известия ИАК. Приб. к вып. 39. 1911: 13–14). Изборской крепости угрожало не только время. В 1911 г. на реставрационном заседании ИАК, где рассматривалось отношение ИРВИО о необходимости укрепления крепостных башен, К.К. Романов отмечал, что «в Изборске развелось много кладоискателей, которые немало портят и крепость» (Известия ИАК. Вып. 44. 1912: 60–61).

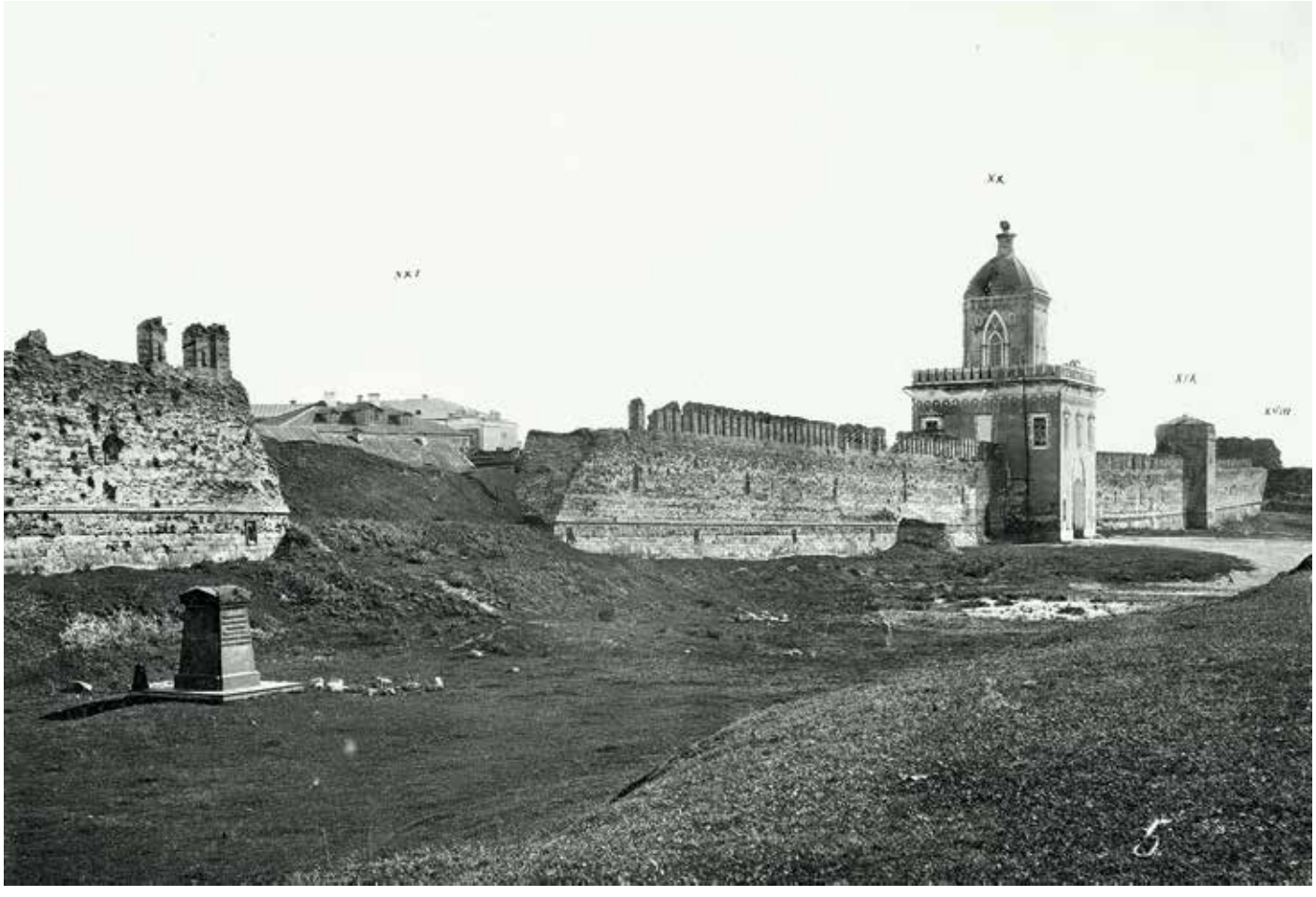
В 1912 г. на одном их заседаний ИРВИО К.К. Романов вновь доложил о результатах раскопок и обмеров Изборского тайника, произведенных под его руководством в 1911 г., продемонстрировал план, разрезы и фотоснимки тайника (Записки разряда 1912: XVII). В 1913 г. он занимался изучением Гремячей башни, которая частично обрушилась годом раньше. По запросу ПАО Археологическая комиссия направила П.П. Покрышкина для обследования этого участка и для обсуждения необходимых мер для охраны псковских стен.

После этого на реставрационном заседании в начале 1913 г. был принят план ремонтных работ, осуществление которых взяло на себя Псковское общество на ассигнованные МВД и городской думой средства. План включал в себя починку упавшей части стены и превентивные меры против падения соседнего участка, укрепление Ввозских ворот и стены городского сада, а также закрепление боковых частей Баториева пролома. В качестве научного консультанта назначался П.П. Покрышкин. Непосредственным исполнителем работ стал студент Академии художеств В.С. Биркенберг, которому по просьбе К.К. Романова был выдан лист на право обмера, изучения и фотографирования башни. После проведения первоначального обследования было установлено,

Псков. Гремячая башня, 1913 г. (ФО. Отп. О.1753-4)

что башня подвергается разрушению сверху от выветривания и снизу от весенних разливов. Затем были произведены раскопки в основании башни, открывшие подвальное помещение и ведущую в него каменную лестницу, что позволило К.К. Романову прийти к некоторым выводам о времени и этапах постройки башни, а также укреплена разрушавшаяся верхняя часть башни (Журнал ИРВИО 1913: 564–565; Известия ИАК. Приб. к вып. 57. 1915: 2). В 1916 г. К.К. Романов по заданию ИАК принимал участие в утверждении проекта и определении места постройки нового храма в г. Изборске (Известия ИАК. Вып. 64. 1917: 70).

Несмотря на то, что работы К.К. Романова по архитектурному изучению крепостных сооружений Пскова и Изборска являлись частью научной



Крепостная стена Смоленска в процессе разрушения. Памятник П. И. Энгельгардту и Молоковские ворота. Фото Н. Миницинского, 1902 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 18д. Л. 4)

программы ИРВИО по исследованию «древних укрепленных мест», ИАК принимала активное участие в этом проекте. Архитектор разработал несколько подробных методических рекомендаций, на основе которых должны были производиться работы. Он составил правила архитектурных измерений и обмеров крепостных конструкций, которые предусматривали всестороннее обследование памятников, и требования к фотофиксации древних крепостей, практически полностью соответствующие современному уровню методики полевых работ (Записки разряда 1911: XXVI–XXVIII).

К делу сохранения псковской крепостной старины П.П. Покрышкин привлекал и компетентных местных архитекторов, в частности младшего архитектора Псковского строительного отделения Н.И. Клименко. К сожалению, подобных специалистов существовали единицы (см.: Памятники архитектуры 2002: 353). П.П. Покрышкин отмечал, что он придает «громадное значение своевременному появлению на местах сведущих людей», относя к таким среди псковских специалистов еще и А.А. Подчекаева (РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 11. Л. 2).

В течение 1911–1917 гг. К.К. Романов совместно с П.П. Покрышкиным по поручению ИАК продолжали наблюдение за состоянием псковской крепостной стены (Известия ИАК. Вып. 44. 1912: 80–82; Вып. 48: 1913: 31–32; Вып. 59: 1915: 5–6, 37–38; Вып. 64. 1917: 71; Известия РГАК. Вып. 66. 1918: 124–128). Однако необходимо признать, что эти мероприятия носили экстраординарный характер и не могут рассматриваться как систематическое научное архитектурно-археологическое изучение памятника и как меры по ежегодному проведению профилактических работ для поддержания его стабильного состояния. Еще в 1912 г. в ИАК поступила резолюция участников Всероссийского съезда художников, на котором обсуждались проблемы охраны российских древностей, в том числе и сохранение крепостных стен Пскова. В ней, в частности, говорилось: «В настоящее время часть древних стен сохранилась хорошо, другая же начинает разрушаться в особенности по причине того, что горожане берут из нее камень для фундаментов, целый ряд стен угрожает падением. Не лучшая участь постигает и башни. Расположенные вблизи казарм, эти ценнейшие памятники древности приводятся в безобразное состояние солдатами. Просьба, обращенная к военному начальству, осталась тщетной» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1898 г. Д. 24. Л. 104 об.). Ввиду этого участники Съезда обратились в ИАК с просьбой о содействии в вопросе организации охраны крепостных сооружений Пскова. Археологическая комиссия предложила ПАО озаботиться составлением сметы этих мероприятий для последующей передачи в Министерство внутренних дел. В 1915 г. на одном из своих реставрационных заседаний ИАК поддержала смету и проект общества.

Последний раз Археологическая комиссия занималась судьбой псковских крепостных стен в 1917 г. В обстоятельствах военного времени в Комиссию поступило настоятельное ходатайство о том, что для нужд Псковской электрической станции необходимо устроить проезд в древней стене у Мстиславской башни. В письме подчеркивалось, что электростанция является предприятием, работающим на оборону, и отсутствие указанного проезда тормозит

доставку топлива с берега р. Великой. Специалисты ИАК не могли препятствовать такому требованию, но тем не менее П.П. Покрышкин съездил в Псков, после чего высказал свои рекомендации, каким образом можно проделать отверстие с минимальным ущербом крепостным конструкциям.

Еще одним значимым и продолжительным, хотя и не во всем последовательным деянием ИАК в деле сохранения российского оборонного зодчества было ее участие в реставрации смоленских крепостных стен. После достойного сожаления разрешения С.Г. Строганова в 1866 г. разобрать часть укреплений ИАК некоторое время не возвращалась к этому вопросу. Однако в мае–июне 1888 г. в Комитете министров слушалась записка министра внутренних дел «Об изъятии смоленской крепостной стены» из ведения местного земства и передаче ее губернскому начальству. В связи с этим встал вопрос о ее печальном состоянии, и 31 мая было решено основать «Комиссию по охранению, надзору и приведению остатков древней смоленской крепостной стены в безопасное положение» под председательством смоленского губернатора. Было также решено, что работы будут проводиться при ближайшем участии ИАК, которая должна была за свой счет командировать в Смоленск одного из своих членов. Все эти положения были утверждены императором 10 июня (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 18. Л. 9–12).

13 декабря 1888 г. смоленская городская дума решила приступить к строительству водопровода и использовать для этого одну из крепостных башен между Никольскими и Малаховскими воротами, в связи с чем ею был направлен запрос в Комиссию. ИАК в принципе не возражала (Там же. Л. 13–14). 4 апреля 1889 г. МВД передало в ИАК инструкцию «по поддержанию стен», разработанную Техническостроительным комитетом, и уже 10 мая для осмотра смоленских стен был отправлен В.В. Суслов. Одновременно ему было поручено осмотреть развалины двух древних храмов и оценить, насколько эти развалины «заслуживают внимания, дальнейшего исследования и охранения». Очевидно, речь шла о соборе на Протоке и церкви в устье р. Чуриловки, исследовавшихся соответственно в 1867–1868 и 1885 гг. (см. выше).

25 мая В.В. Суслов, будучи в Смоленске, одобрил строительство водопроводного бака на крепостной стене. Тем временем 9 июня МВД запросило у ИАК уточняющие инструкции для работ по реставрации стены, которые должна была возглавить «смоленская комиссия» (Там же. Л. 18 — 19 об., 23–26, 27, 30, 32, 36).

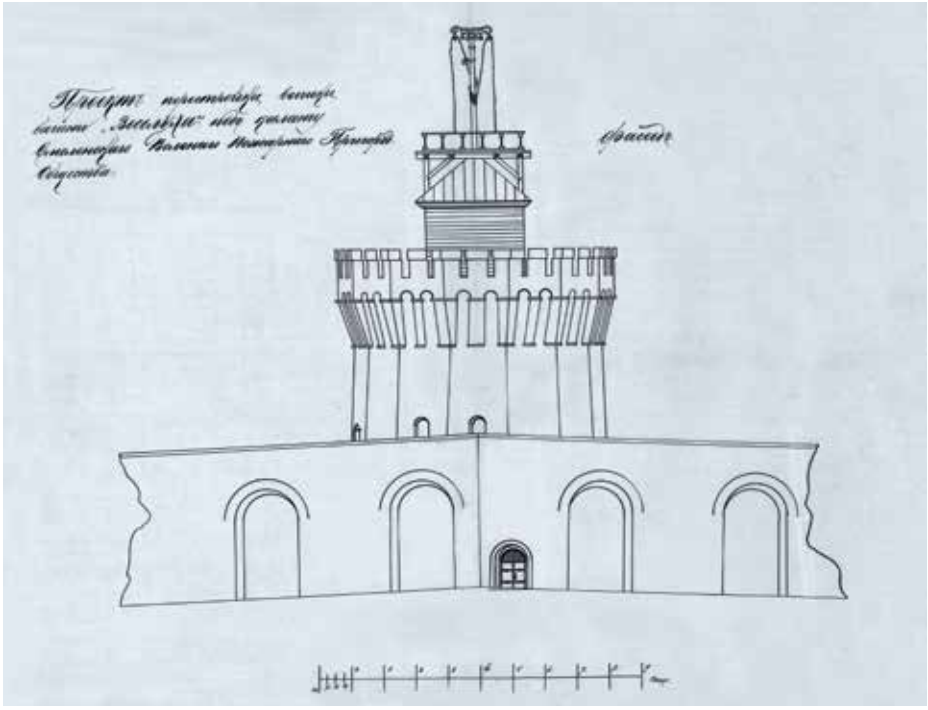
В октябре 1896 г. смоленский губернатор ходатайствовал перед Комиссией о возможности превратить пешеходную калитку у Никольской башни в районе Офицерской слободки в проездные ворота. Он полагал, что ущерба памятнику это не нанесет, потому что «такой же точно стены останутся рядом еще многие сотни саженей». 11 декабря 1896 г. свое заключение ИАК предложил Н.В. Султанов, которому, судя по всему, в выработке правильного подхода помогал местный краевед К.Я. Маевский, еще в ноябре 1887 г. подготовивший смету на ремонт стен на сумму 141 410 руб. 17 коп. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 18а. Л. 1 — 50 об.). Комиссии предлагалось перед вынесением окончательного решения еще раз запросить и рассмотреть губернаторский проект (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 18. Л. 69–70).

В марте 1898 г. в Смоленске возник проект срытия средневековых валов в районе Авраамиевской улицы для застройки прилегающей территории жилыми домами, тогда как полученная при срытии земля должна была пойти на засыпку рвов. Гласный городской думы С.П. Писарев выступил против проекта и обратился в ИАК. 31 марта губернатор приостановил принятое решение, предвидя протест ИАК, который так и не воспоследовал. Комиссия запросила лишь дополнительную информацию по этому поводу и 27 апреля отвечала, что «на снятие земляного вала и засыпку рва... со стороны Комиссии препятствий не встречается». Точно так же не встретилось препятствий и к превращению калитки у Никольской башни в широкие проездные ворота (Там же. Л. 74–75, 77–78, 80, 81–83).

Это вызвало возмущенные публикации Н. Энгельгардта «о варварстве под видом реставрации» в местной прессе. Вообще надо отметить, что ИАК постоянно реагировала на газетные сообщения о небрежении памятниками старины. Так, 10 ноября 1906 г. А.А. Бобринской писал смоленскому губернатору по поводу заметки в «Новом времени» о расхищении крепостной стены на строительный материал (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 18в. Л. 3). В декабре 1913 г. ИАК вновь пришлось обратить внимание смоленского губернатора на факты расхищений в 1911 и 1912 гг. остатков крепостной стены Смоленским городским самоуправлением, однако в этот раз речь уже шла не о кирпиче, а о белокаменных фундаментных блоках (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 18б. Л. 237).

В 1902 г. княгиня М.К. Тенишева предложила разместить свой музей в Никольской башне. 8 января 1903 г. для осмотра помещений в Смоленск был командирован П.П. Покрышкин, который уже 27 января писал о нежелательности такого «приспособления», поскольку в данном случае планировалось расширение башенных бойниц, тогда как Никольская башня осталась единственной в своем роде. Тогда же «смоленская комиссия» запросила в ИАК разрешение на устройство пролома в крепостной стене в районе Александровской улицы, на что 18 февраля разрешение все-таки было получено, однако при условии, что работы не должны затрагивать пилястров, а самому пролому должен был быть придан вид арки (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 18. Л. 86, 92, 96–99, 100, 106–107). Очевидно, что в вопросах сохранения древности эстетический подход преобладал над необходимостью сбережения памятника в его целостности.

В конце 1900-х гг. появился целый ряд проектов по приспособлению крепостных башен для различных нужд растущего города. 24 сентября 1907 г. «смоленская комиссия» просила разрешить пристройку к Воскресенской башне, в которой на втором этаже уже была устроена церковь свт. Тихона Задонского. 28 августа 1908 г. такое разрешение от ИАК было получено при условии сохранения древних ходов в стене (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 18а. Л. 52, 64). В сентябре 1908 г. Смоленское пригородное пожарное общество пыталось сделать наблюдательный пункт в башне Веселуха, что ИАК не признала возможным, поскольку проект предполагал строительство деревянной беседки над башней (Там же. Л. 67, 68). 12 сентября 1909 г. местная комиссия препроводила в ИАК просьбу Смоленской городской управы, которая, «в целях повышения давления в водопроводной



Проект реконструкции башни Веселуха. Смоленск, 1908 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д.18а. Л. 229)

сети», предполагала надстроить «водонапорную колонку» над Евстафиевской башней, что ИАК было разрешено 19 ноября (Там же. Л. 70, 75). В июле 1908 г. поступило предложение приспособить Долгочевскую башню под водонапорный бак, к чему препятствий не встретилось. Впрочем, «смоленская комиссия» дала разрешение на строительство баков только при условии, что городская управа сделает деревянные перекрытия на остальных 6 еще не покрытых башнях (Там же. Л. 132, 133, 138, 141).

Собственно, реставрационные работы на смоленской крепостной стене, которые были связаны с именем Н.В. Султанова, начались лишь в конце 1900-х гг. В это время регулярно стала собираться и местная «Комиссия по поддержанию» смоленских стен. Еще в октябре 1907 г. зашла речь о восстановлении зубцов на крепостной стене у Троицкого пролома. По проекту К.Я. Маевского для подобных целей предполагалось употреблять кирпич из разобранных участков, однако в это время «смоленская комиссия» провозгласила «освободительное движение» от «сметы Маевского» (Там же. Л. 90, 103, 104 — 104 об.). Почти одновременно в результате осмотра, произведенного Н.В. Султановым в сентябре 1907 г., выяснилось, что участки крепостной стены сохраняются лучше там, где существуют бульвары, и местная комиссия в своем заседании 28 сентября просила городскую управу устроить такие бульвары по возможности на большей протяженности стен (Там же. Л. 106–108 об.). Эта же комиссия на своем заседании 8 мая 1908 г. запланировала устройство крыш над всеми башнями,

Смоленская крепостная стена. Евстафьевская, Никольская и Четырехугольная башни. Фото В. В. Суслова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 18а. Л. 231)

а также расшивку трещин на некоторых из них, в частности на Гуркинской. 25 июня ИАК согласовала намеченные работы. Весной 1913 г. Смоленская губернская земская управа планировала приспособить под архив Долгочевскую башню, что 7 мая было согласовано с ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 18б. Л. 142, 144). Вообще, стоит отметить постоянную переписку «смоленской комиссии» с ИАК по согласованию планируемых реставрационных мероприятий (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 18а. Л. 165–166, 168–169).

В конце 1900-х гг. охрана и реставрация смоленской крепостной стены вступили в новую фазу. В январе 1910 г. осмотр памятника и знакомство с реставрационным архивом были поручены ИАК П. П. Покрышкину (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 18б. Л. 1). На заседании «смоленской комиссии» в декабре 1909 г. на будущий год был намечен перебор кладки зубцов. Работы должен был производить архитектор Ю. Конопланский. В декабре 1910 г. по ходатайству ИАК МВД согласовало с Министерством финансов вопрос о выделении 5000 руб. для изготовления точных чертежей и фотографий стены, всего же по смете на 1911 г. было запрошено 13 344 руб. 13 коп.

Весной и летом 1911 г. заседания «смоленской комиссии» были особенно частыми. Проведение ремонта в том году планировалось между Малаховскими воротами и «Губернаторским» проломом. На заседании комиссии 16 сентября ввиду предстоящих юбилея войны 1812 г. и дома Романовых в 1913 г. было решено сделать мощеную тропу вдоль всей стены шириною

Троицкий пролом. Смоленск, начало XX в. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 186. Л. 242–243)

более 10 м (Там же. Л. 84 — 84 об.). Впрочем, эта идея натолкнулась на проблему собственности. Реализация «прообраза охранной зоны» так и не состоялась. В мае 1913 г. «смоленская комиссия» запрашивала ИАК, кому принадлежит стена: казне или местному самоуправлению, и в «чьем ведении должна находиться трехсаженная полоса земли вокруг крепостной стены» (Там же. Л. 149).

Существовали и иные проблемы методологического и технического характера, связанные прежде всего с системой гидроизоляции. 11 мая 1913 г. П.П. Покрышкин направил в ИАК рапорт о том, что предложенный ранее проект по строительству асфальтовых покрытий на спусках с фасадов стен не исполняется ныне, так как был остановлен Технически-строительным комитетом МВД из-за его высокой стоимости. 14 октября 1913 г. «смоленская комиссия» обратила внимание ИАК, что асфальтовое покрытие, делаемое по проекту инженера В.В. Иванова, весьма неудачно, в нем образуются трещины, а попадающая внутрь вода наносит еще больший вред, чем вода, попадающая под бетон. Необходимо было поставить вопрос о водонепроницаемом покрытии на всю стену. Технически-строительный комитет МВД в ноябре 1913 г. предлагал дешевое и прочное покрытие из кирпича-полужелезняка на цементном растворе, причем самому покрытию нужно было придать уклон. Однако здесь вставал вопрос о качестве материалов, хотя 10 декабря ИАК все же предложила «смоленской комиссии» «опробовать» новое покрытие в 1914 г. (Там же. Л. 163, 179, 186).

27 февраля 1914 г. произошел обвал наружных пластов кирпичной кладки на башне Веселуха, и 8 августа 1914 г. «смоленская комиссия» составила смету и проект по закреплению некоторых участков крепостной стены путем устройства железобетонных карнизных плит, что, впрочем, по отзывам специалистов, несколько нарушало форму стены (Там же. Л. 206). В 1916 г. обсуждался проект заделки трещин в башне Донец, однако главной проблемой оставался вопрос о собственности на землю в предполагаемой охранной зоне памятника.

28 ноября 1916 г. «смоленская комиссия» вновь писала П.П. Покрышкину и в ИАК по поводу самовольной застройки земли рядом с крепостью, необходимой для целей постоянного наблюдения за сохранностью стены и производства работ по укреплению ее фундамента и разрушающихся от времени участков. Главное управление МВД по делам местного хозяйства в ответ на запрос ИАК указывало, что, согласно плану г. Смоленска, утвержденному 18 октября 1897 г., вдоль древней крепостной стены на значительном ее протяжении значится полоса земли различной ширины, не подлежащая застройке. По городовому положению 1899 г., эта территория принадлежала городу, и в данном случае давали о себе знать противоречия российского законодательства (Там же. Л. 219–221, 229–231).

Несмотря на некоторую «мозаичность» мероприятий ИАК в деле охраны и реставрации смоленской крепостной стены, необходимо отметить не только важную роль Комиссии в их позитивном исходе, но и формирование за это время механизма взаимоотношений различных органов, так или иначе связанных с эксплуатацией и реставрацией памятника. Городская управа или губернатор изначально обращались в местную комиссию, которая, после соответствующей

Серпухов. Вид части крепостной стены около собора. Фото П. П. Покрышкина, 1915 г. (ФО. Отп. О.354-1922)

экспертизы, переправляла это ходатайство на согласование в ИАК. Так хозяйственные и реставрационные мероприятия были заключены в рамки многоступенчатого контроля.

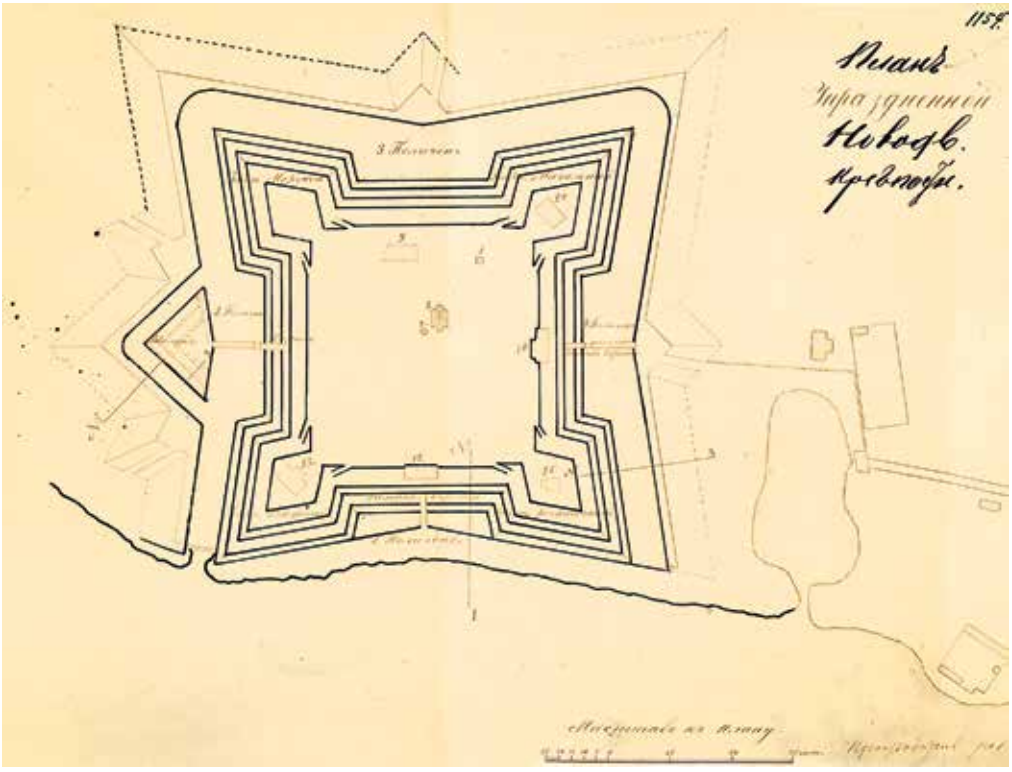
Иначе складывалась судьба Серпуховского кремля, роль ИАК в сохранении которого стоит признать достаточно противоречивой. 3 апреля 1889 г. в Комиссию поступили письмо из МВД и комплект документов о состоянии памятника. В письме кратко излагалась история реставрации кремля при Николае I, когда здесь была возобновлена часть крепостных стен. В 1880-е гг. с инициативой ремонта выступили сами жители Серпухова, которые обратились в МАО, их поддержавшее. Поскольку, согласно ст. 183 Устава строительного, расходы на содержание памятника должны были покрываться за счет города, а Государственное казначейство участвовало в таком финансировании лишь при недостатке средств, то МВД просило Комиссию рассмотреть проект, дабы использовать ее мнение при получении финансирования за счет казны, ибо МАО уже возбудило соответствующее ходатайство (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 31. Л. 1 — 9 об.).

Ответ А. А. Бобринского от 17 апреля 1889 г. был выдержан еще вполне в духе взглядов С. Г. Строганова. Он указывает, что из приведенного описания «не видно, чтобы стены в археологическом или техническом отношении представляли такое замечательное сооружение, поддержка которого составляла существенную для науки и искусства потребность и требовала бы отпуска от казны столь значительной суммы» на восстановление незначительной сохранившейся части кремля. Однако, «ввиду поддержания в обществе любви к хранению вещественно-исторических памятников старины», ИАК признает желательным, чтобы местные власти, по возможности, изыскали средства к реставрации (Там же. Л. 10–11). МВД, не удовлетворенное таким ответом, 9 ноября 1890 г. вновь запрашивает Комиссию о возможности выделения средств на реставрацию за счет казны и 23 января 1891 г. получает окончательный ответ: «ввиду отсутствия местных средств» ИАК «остается при своем мнении» и «находит непроизводительным ассигнование денег со стороны казны на временное восстановление незначительной части означенных стен» (Там же. Л. 11–12, 14).

В то же время ИАК выступала в роли защитника памятников оборонного зодчества Нового времени. 15 декабря 1897 г. архангельский губернатор обратился в ИАК с просьбой разрешить разборку части стен Новодвинской крепости, построенной в 1701 г. и упраздненной в 1863 г., для строительства Архангельско-Вологодской железной дороги. 5 февраля 1898 г. выяснилось, что о том же просил и местный епископ Иоанникий (Надеждин) через Святейший Синод, в надежде употребить камень в нужных ему целях. Одновременно выяснилось, что крепостные камни расхищались и местными жителями. В 1898 г. Археологическая комиссия однозначно запретила разрушать памятник, состояние которого было описано в акте от 22 июня 1898 г. В 1911 г. по требованию ИАК охрана крепости была возложена на чины уездной полиции, а в сентябре того же года крепость осматривал П. П. Покрышкин (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 276. Л. 1, 11, 12–14, 38–44, 60).

Помимо оборонного зодчества в середине 1880-х гг. ИАК приходилось иметь дело с памятниками гражданской архитектуры, в частности с реставрацией дворца царевича Дмитрия в Угличе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 41; ср.: Памятники архитектуры 2002: 268–272). В 1887 г. в Комитет министров был внесен отчет о состоянии Ярославской губернии, после чего управляющий делами Комитета отправил соответствующее письмо в Министерство императорского двора. В отчете сообщалось, что по инициативе губернатора генерал-майора А. Я. Фриде, при участии предводителя дворянства и по благословению епископа в губернии планировалось «восстановление в прежнем виде уцелевшей до наших дней части терема или так называемого дворца царевича Дмитрия, приписанного к городской церкви царевича Дмитрия». На отчете против этого предложения последовала отметка самого Александра III «Весьма желательно», о чем 28 июня 1888 г. и было решено сообщить в министерство.

13 июля А. А. Бобринской, которому были переправлены эти документы, вкратце изложил министру историю реставрации памятников в России в XIX в. При этом, еще до появления Высочайшего повеления 1889 г., он указывал на желательность того, чтобы реставрация была проведена по заранее обдуманному плану, выработанному специалистом по взаимному соглашению ИАК и Академии художеств. Почти одновременно, 28 июля, ярославский губернатор сам обращается в ИАК и спрашивает, не найдет ли Комиссия возможным, в соответствии с § 7 Положения 1859 г., командировать специалиста-архитектора для осмотра дворца с целью составления плана реставрационных работ и их сметы. 3 августа ИАК обращается к Н. В. Султанову, который и выезжает в Углич, предоставляя в Комиссию свою докладную записку от 20 октября (Савельев 2003b: 185–187; Памятники архитектуры 2002: 268–272). Он отмечал печальное состояние дворца, груды мусора, трещины на его стенах, заложенные окна. Перед составлением детального плана реставрации он предлагал произвести раскопки внутри и снаружи, а также поставить легкие леса для осмотра фасадов. Еще до проведения этих обследований он уже намечал ряд очевидных мер на будущее. Так, в число этих мер, зачастую вполне современных, входили: сломка новейшей каменной ограды, понижение уровня культурного слоя вокруг дворца, обводка нового



План Новодвинской крепости, Архангельская губерния, конец XIX в.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 276. Л. 15)

Новодвинская крепость, Архангельская губерния, 1911 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 276. Л. 65)

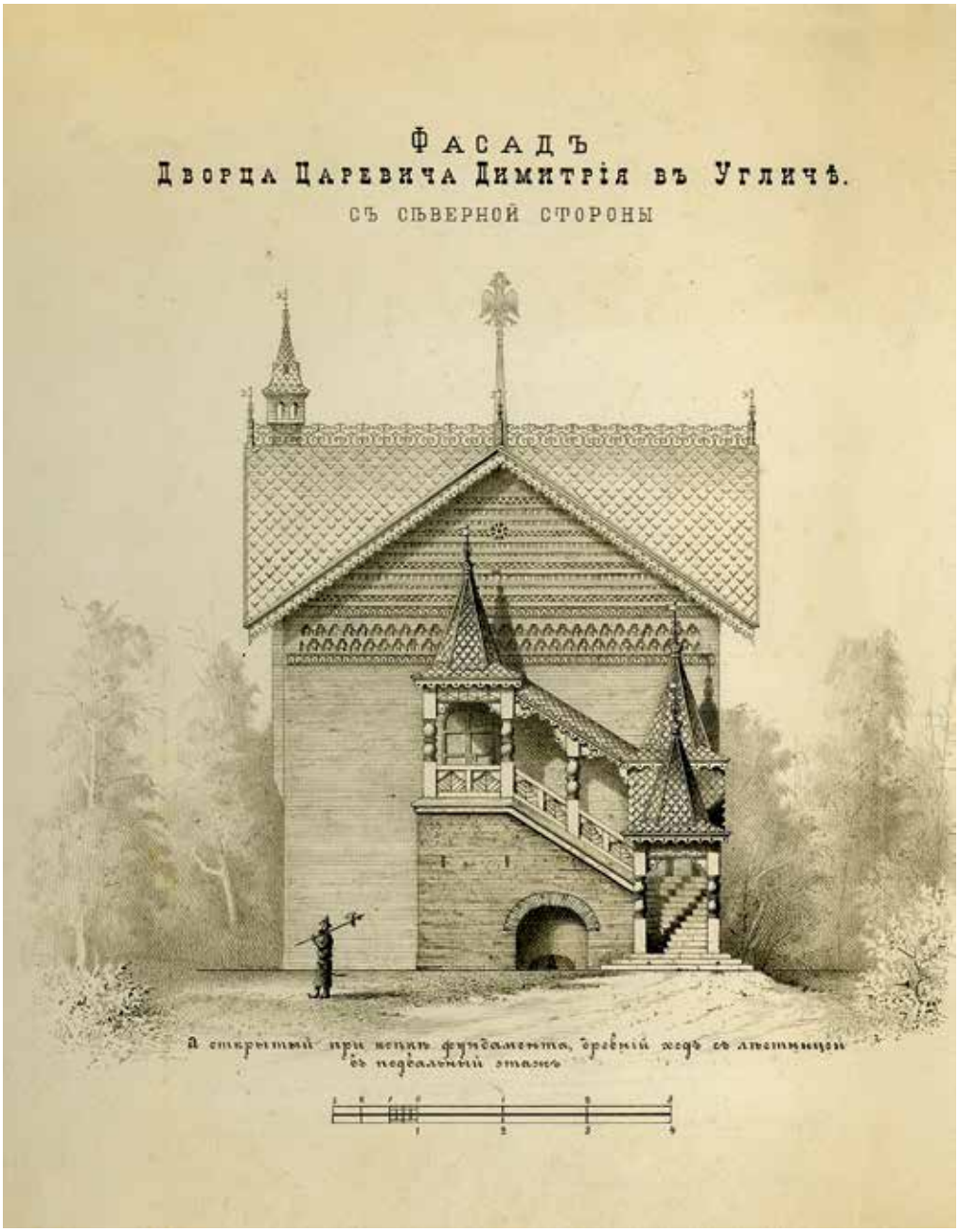
фундамента в местах его разрушений, открытие заложенных проемов, «подделка» кирпичом на цементе отваливающейся части кладки, расшивка всех трещин, восстановление подвальных сводов, стяжка стен, создание древних слюдяных оконниц, починка крыши, восстановление лестницы в подвал, исследование древней стенописи и сломка нового уродливого крыльца и замена его другим, более подходящим по форме и стилю (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 41. Л. 14 — 15 об.).

25 марта 1889 г. вся переписка по поводу предстоящей реставрации дворца была передана из МВД в ИАК. 22 июня под руководством Н.В. Султанова начались раскопки. Через год проект, им разработанный (Там же. Л. 120 — 135 об.) и представленный ярославским губернатором в Техническо-строительный комитет МВД, был одобрен с «частными замечаниями». Здесь же и выяснилась подоплека губернской инициативы: 15 мая 1891 г. исполнялось 300 лет со дня убиения царевича, и губерния хотела успеть завершить реставрацию именно к этой дате. Впрочем, проект с самого начала вызвал критику. Так, видевший его В.В. Верещагин выступал против проекта по эстетическим соображениям; в частности, он находил предлагаемый эскиз крыльца «игрушечным» и «пряничным».

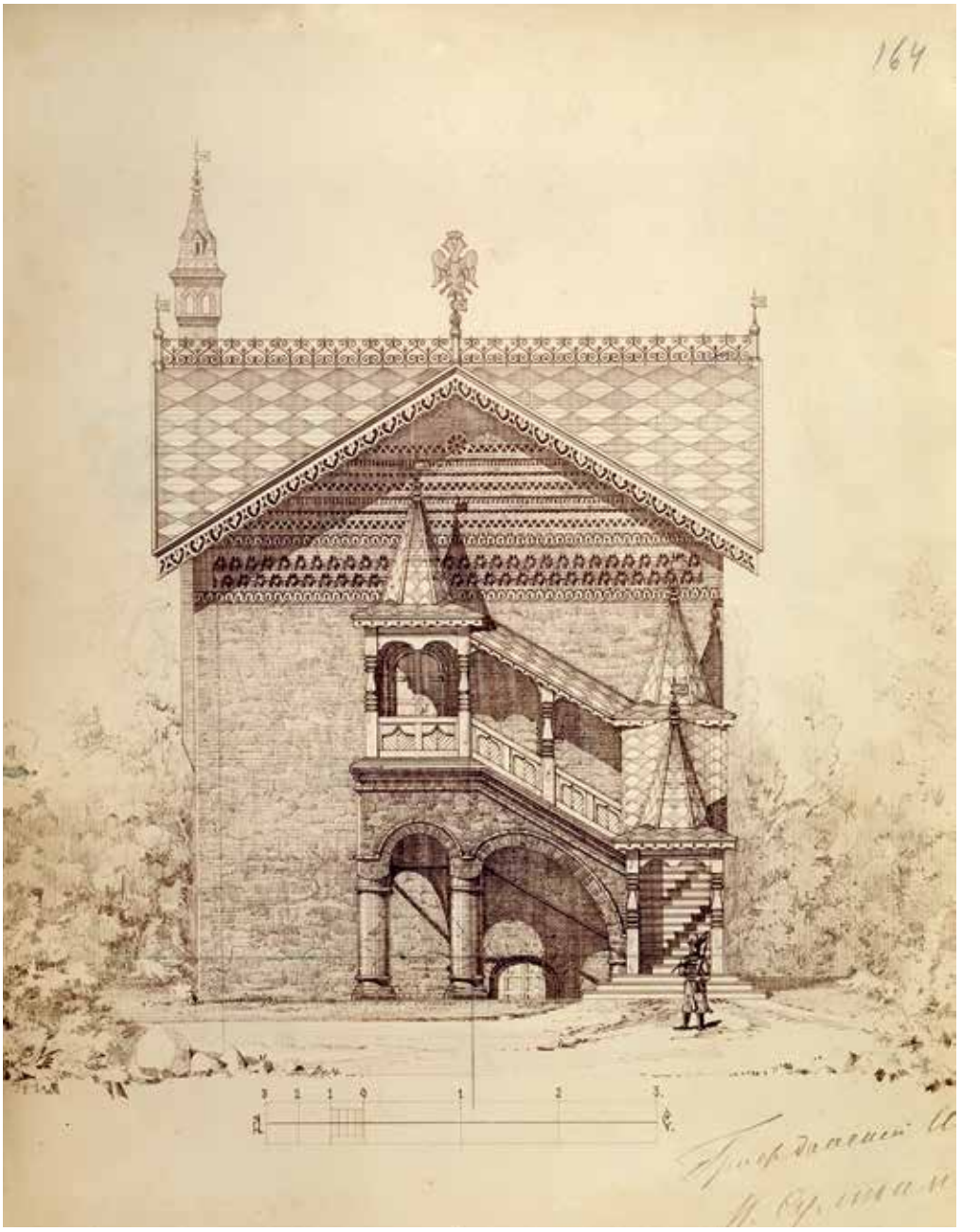
Осенью 1890 г. в газете «Новое время» появилась информация о том, что во время новых раскопок во дворце было найдено много церковных древностей, и 5 ноября 1890 г. ИАК обратилась к губернатору с просьбой выслать сами вещи или их рисунки. Однако 18 декабря губернатор не только сообщил о недостоверности информации о новых раскопках и находках, но и прислал на согласование проект И.А. Шлякова взамен предложенного Н.В. Султановым. При обсуждении нового проекта столкнулись позиции ИАК и МАО.

Летом 1890 г. И.А. Шляков наблюдал за археологическими зондажами, которые были сделаны только перед древними окнами. Тогда же, как становится ясно из его пояснительной записки, выяснилось, что в расчеты Н.В. Султанова вкралась ошибка. Длина северного фасада от западного угла до дверного проема верхнего этажа составляла 5 аршин 15,5 вершков, тогда как у Н.В. Султанова значилось 4 аршина 9 вершков, т. е. ошибка в обмерах составляла более метра. Тогда же была открыта и подвальная лестница, что также затруднило создание запланированной Н.В. Султановым пристройки. За образец для своего крыльца И.А. Шляков взял соответствующую конструкцию Архиерейского дома Ростовского кремля. Основным отличием от проекта Н.В. Султанова здесь было повышение крыши на чуть более чем полметра, ее медное покрытие, а также непосредственная пристройка крыльца к стене здания взамен соединения ползучими арками (Там же. Л. 104 об., 106, 113 об., 117 об.).

25 января 1891 г. состоялось заседание ИАК по проекту реставрации, предложенному ярославским губернатором. Одним из его новшеств было восстановление калориферного отопления. Поступило предложение о проведении новых раскопок и обследовании стен на предмет обнаружения остатков сводов, которые предполагалось восстановить. В отношении самого спорного момента — висячего крыльца — было озвучено предложение В.В. Суслова о том, чтобы сделать его деревянным (Там же. Л. 40–41). Однако в целой серии писем: 14 февраля, 18 февраля и 9 марта



Северный фасад дворца царевича Дмитрия в Угличе. Эскизный проект И. А. Шлякова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 41. Л. 162)



Северный фасад дворца царевича Дмитрия в Угличе. Эскизный проект Н. В. Султанова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 41. Л. 164)

губернатор продолжал настаивать на строительстве именно каменного крыльца, угрожая тем, что если крыльцо будет деревянным, то члены МАО, входящие в состав губернской комиссии, могут выйти из ее состава. Местный проект все же был доработан с учетом мнения ИАК, хотя итоговые чертежи так и не были присланы в Петербург. На заседании губернской комиссии по восстановлению дворца 28 февраля 1891 г. было решено указания ИАК принять к сведению и «в чем окажется возможным, к точному и непременному исполнению» (Там же. Л. 94 — 96 об.). В конце марта министр внутренних дел все же предложил не форсировать реставрацию к юбилею, но лишь ограничиться некоторыми необходимыми работами, в том числе и строительством временной лестницы вместо крыльца «во избежание ошибки», о чем было сообщено ярославскому губернатору.

Одновременно с реставрацией дворца Комиссия участвовала и в судьбе угличского колокола, сосланного в 1593 г. в Тобольск. Еще в октябре 1888 г. в Комиссию обратился директор Петербургского археологического института Иван Ефимович Андреевский (1831–1891) с просьбой о содействии в возвращении колокола, о необходимости которого говорилось в письме уполномоченного Угличской городской думы Л. Ф. Соловьева.

Однако главные труды ИАК в области реставрации сосредотачивались на памятниках церковной старины. В середине 1880-х гг., еще до официального поручения ИАК вести надзор за судьбой памятников архитектуры, Комиссия оказалась вовлечена в целых ряд реставрационных проектов, связанных с христианскими древностями. В сентябре 1886 г. ИАК обратилась к обер-прокурору Святейшего Синода в связи с появившейся в прессе информацией о раскопках А. В. Прахова в Успенском Мстиславовом храме, якобы предпринятых по благословению местного епископа (подробнее см. главу I). На самом деле инициатором археологических работ, предваряющих реставрацию храма, выступил волынский губернатор, озабоченный восстановлением памяти о Древней Руси на украинских землях бывшей Речи Посполитой, именовавшихся в империи Юго-Западным краем.

В ответ на озабоченное письмо Комиссии губернатор В. В. фон Валь 20 октября 1886 г., сообщая о древности храма и намерении провести его реставрацию, писал о создании местной комиссии, в которую помимо А. В. Прахова входили В. Б. Антонович и член-секретарь Киевской археографической комиссии О. И. Левицкий. Извещая, что основной задачей раскопок были очистка церкви от мусора и исследование ее подземных частей, губернатор гарантировал, что автором раскопок будут предоставлены в ИАК надлежащий отчет и опись вещей. Уже 30 октября в Петербург было отправлено следующее письмо, где говорилось не только о том, что А. В. Прахов уехал за границу, а отчет должен составить мировой судья Дворницкий, но и о том, что раскопки храма предполагается продолжить на будущее лето. В связи с этим губернатор спрашивал, не сочтет ли нужным ИАК назначить своего представителя для проведения исследований. Отчет поступил в Комиссию только в начале 1887 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 65а. Л. 14 — 21 об.), а уже 20 января 1887 г. стало известно, что А. В. Прахов, в обход Комиссии, представил часть находок

Успенский храм во Владимире на Волыни, 1880-е гг. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 65а. Л. 118)

на Высочайшее воззрение. Естественно, после этого предметы были переданы «по принадлежности» в ИАК, что вызвало длительную переписку о возможности их возвращения на Волынь.

После 1887 г. в деле о реставрации Успенского собора наступило затишье, и только в апреле 1890 г. А.В. Прахов, наконец, предоставил проектную записку (Там же. Л. 35–67), обсуждение которой в Комиссии было намечено на 30 мая 1890 г. В заседании должны были принять участие Д.И. Гримм, Г.И. Котов и М.Т. Преображенский, однако до осени оно так и не состоялось. Из имеющихся письменных отзывов членов ИАК, в частности И.И. Толстого и Н.П. Кондакова, становится ясно, что проект А.В. Прахова уже летом 1890 г. был оценен критически. Приложенные к тексту рисунки не представляли, по мнению членов ИАК, архитектурного проекта и не давали материала для серьезного анализа планируемых мероприятий. Поэтому Комиссия воздержалась от суждения о стиле предполагаемой реставрации и его отношении к древнему памятнику, тем более что предлагаемое восстановление «удаляется» от русско-византийского стиля в архитектуре. Современные исследователи также затрудняются оценить проект 1890 г. однозначно, поскольку в реконструкцию облика вносились художественные элементы, оправданные не анализом руин самого памятника и возможных аналогов, а концепцией мемориального храма, связанного с историей православия в крае и событиями 17 октября 1888 г. — спасением царской семьи в железнодорожной катастрофе у с. Борки Харьковской губернии (см.: Памятники архитектуры 2002: 254).

Эскизный проект реставрации Успенского храма во Владимире на Волыни, выполненный Г. И. Котовым (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 65а. Л. 137)

24 января 1891 г. обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев командировал для обсуждения проекта в ИАК Ф.И. Чагина и Н.В. Покровского. Оно состоялось, наконец, 1 января 1893 г., однако проект был фактически отклонен. 27 мая 1893 г. генерал-губернатор вновь просил командировать члена ИАК для осмотра развалин и решения вопроса о способе «дальнейшего охранения остатков», а также для того, чтобы понять, какие примыкающие постройки заслуживают сохранения и какие могут быть разобраны без ущерба для интересов «церковной археологии», поскольку местная комиссия не имеет «в числе своих членов необходимого для разъяснения вышеозначенного и подобных ему вопросов лица со специальным техническим образованием» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 65а. Л. 87–89). ИАК решает командировать для этих целей Н.В. Покровского и В.В. Суслова, для чего В.Г. Тизенгаузен запрашивает у министра двора кредит в 250 руб. По итогам поездки В.В. Суслов совместно с Г.И. Котовым сделали доклад в Комиссии 27 октября.

24 апреля 1894 г. К.П. Победоносцев, ссылаясь непосредственно на повеление 11 марта 1889 г., направил в ИАК два проекта восстановления храма: с одним куполом (стоимостью 59 051 руб.) и пятью куполами (68 295 руб.), и спрашивал, не встречается ли препятствий со стороны Комиссии к возобновлению храма по одному из предложенных проектов. В мае оба проекта обсуждались в Комиссии. По заключению Г.И. Котова и В.В. Суслова оба они противоречили формам византийской архитектуры, но лишь 19 октября обер-прокурора официально извещают, что ни один из проектов не может быть утвержден. Только в апреле 1896 г. появляется новый проект реставрации, подготовленный Г.И. Котовым, который и ложится в основу работ.

Однако настоящее начало реставрационной деятельности Комиссии было связано с работами в рамках проекта восстановления «трех древних сооружений во Владимирской и Псковской губерниях». 20 ноября 1886 г. в Комиссию из Министерства двора поступила инициатива, привлекшая внимание ее членов к исследованию и реставрации памятников архитектуры. Фотограф и художник И.Ф. Барщевский, сотрудничавший с РАО, Академией художеств и МАО, представил министру записку о состоянии трех памятников русского церковного зодчества: часовни близ Переславля-Залесского, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и собора Спаса в псковском Мирожском монастыре с соответствующими фотографиями. Министр посчитал уместным обратить «при посредстве Императорской археологической комиссии» внимание надлежащих властей на желательность принятия возможных мер к сохранению этих сооружений, однако предварительно счел нужным проверить эту информацию (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63. Л. 1 — 1 об.). В развитие этой инициативы Комиссия запросила у И.Ф. Барщевского коллекцию его фотографий русского зодчества. К февралю 1887 г. в Петербурге получили 610 отпечатков, за что художнику выплатили 407 руб. Дополнительно ИАК получила еще 697 фотографий древних вещей, что положило основу формирования фотоархива Комиссии.

1 декабря 1886 г. Комиссия, понимая важность предполагаемого начинания, обратилась за консультациями к Н.В. Султанову с вопросом, насколько

упомянутые памятники заслуживают сохранения и каким способом стоило бы осуществить эти мероприятия (Там же. Л. 9 — 9 об.). Н.В. Султанов в ответном письме 18 декабря указал на ценность памятников, реставрацию которых надлежало вести очень осторожно, с тем, чтобы «невредимо и неизменно сохранить то, что нам досталось в наследие от нашей старины». В отношении собора в Юрьеве-Польском меры должны состоять только в уничтожении новых пристроек, тогда как купол и алтарь не должны быть затронуты. Он также предлагал собрать и учесть все элементы каменной резьбы собора, которые находились во вторичном использовании. По поводу Мирожского собора было отмечено, что рассматриваемый памятник «весьма любопытен» и является одним из «немногих представителей "крестового" типа наших древних церквей». В качестве необходимых реставрационных мероприятий он предлагал удалить поздние угловые пристройки с западной стороны, чтобы вернуть собору первоначальные формы, а также придать луковичной главе более древний силуэт и расчистить древние фрески. Однако, по мнению архитектора, колокольня должна быть оставлена в целости. В часовне в Переславле-Залесском следовало расшить кирпичом все трещины и покрыть железом шатровое завершение (Там же. Л. 11 — 13 об.; Известия ИАК. Вып. 26. 1908: 78).

Именно при обсуждении этих трех предполагаемых «точечных» реставраций у А.А. Бобринского рождается идея создания особой комиссии-совещания с участием представителей Академии художеств и Святейшего Синода (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63. Л. 16 — 19 об.), что позднее воплотилось в «Правилах о порядке рассмотрения Археологической комиссией и Академией художеств ходатайств о восстановлении древних монументальных памятников», утвержденных министром двора графом И.И. Воронцовым-Дашковым 31 октября 1890 г. (подробнее см. главу I). Однако на первых порах подобные совещания носили несистемный характер, а сам статус межведомственной комиссии оказывался чрезвычайным и не был окончательно определен. В развитие идеи А.А. Бобринского 14 февраля 1887 г. президент Академии художеств великий князь Владимир Александрович докладывал государю о необходимости учреждения особой комиссии по реставрации указанных памятников в составе двух членов Академии художеств, двух членов ИАК и одного представителя от Синода для решения «художественных и научно-археологических вопросов» (Там же. Л. 67–68).

Весной того же года А.А. Бобринской отправил в Академию соответствующее отношение, в котором приглашал ее представителей к участию в заседаниях, а также изложил соображения Н.В. Султанова. Академия 20 апреля 1887 г. ответила согласием, назначив в присутствие Д.И. Гримма. 5 марта А.А. Бобринской пригласил войти в члены комиссии В.В. Суслова как представителя ИАК. 29 апреля соответствующее приглашение было направлено обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву, который 8 мая определил в комиссию И.В. Помяловского.

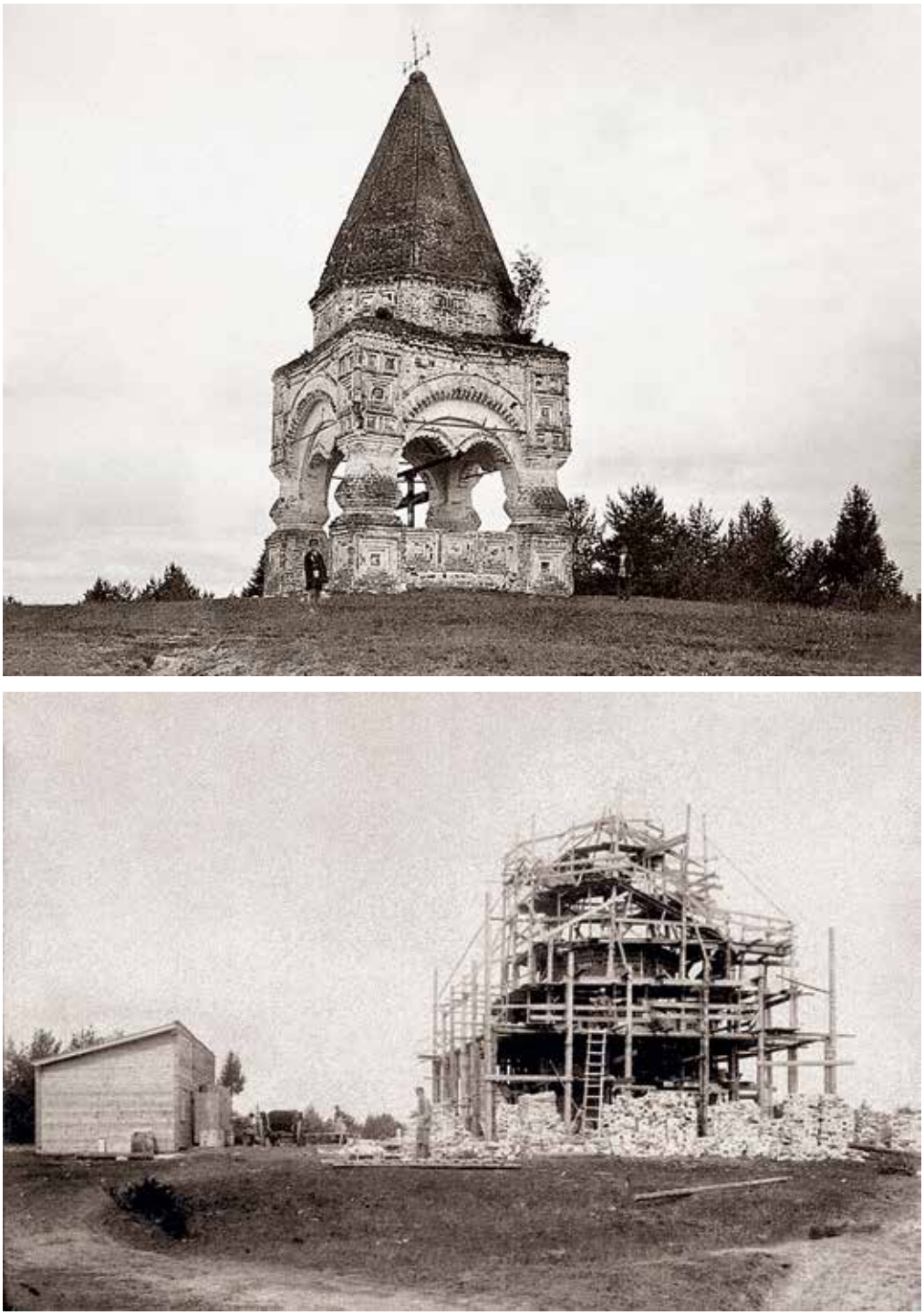
Первое предварительное заседание «реставрационной комиссии» состоялось 18 мая 1887 г. в Академии художеств. Здесь непосредственным распорядителем работ был рекомендован В.В. Суслов. При этом отмечалось, что

ему будет крайне сложно исполнить свою миссию без содействия местного клира, для чего было решено просить И.В. Помяловского обеспечить реставрации «особое покровительство от духовной власти». Окончательно межведомственная «Комиссия по реставрации Георгиевского собора в городе Юрьеве-Польском, Спасского собора в Мирожском монастыре в городе Пскове и двух часовен близ города Переславля-Залесского» под председательством великого князя Владимира Александровича была создана только 18 апреля 1888 г.

В основу реставрации должны были лечь эскизные рисунки В.В. Суслова. На ремонт было собрано 5000 руб. Всего на работы планировалось потратить по смете 40 418 руб. 31 коп. (Там же. Л. 34–37). 4 февраля 1889 г. из казны было выделено 35 418 руб., которые должны были поэтапно передаваться в распоряжение президента Академии художеств (Там же. Л. 65 — 65 об.). По сути дела, этим функции реставрации трех памятников в Пскове, Юрьеве-Польском и Переславле-Залесском буквально накануне официального опубликования Высочайшего повеления 1 марта 1889 г. о полномочиях ИАК в деле сохранения монументальных древностей были переданы в Академию. В связи с этим Академия запросила Комиссию, как та видит свое участие в будущей реставрации, а также кто именно будет представлять ИАК на заседаниях реставрационной комиссии, поскольку В.В. Суслов официально становился руководителем проекта. 22 апреля А.А. Бобринской предлагает включить в состав членов новой комиссии, первое заседание которой должно было состояться 25 апреля, И.И. Толстого и Н.П. Кондакова.

Тем временем один из объектов реставрации — часовня при Никитском монастыре в Переславле 21 мая 1889 г. окончательно разрушилась, превратившись, по сообщениям корреспондентов, «в кучу мусора». Поскольку архимандрит Наум, не вполне понимая разницу между МАО и ИАК, адресовал претензии московскому обществу, то П.С. Уварова 4 июня не преминула переслать их в Петербург и сообщала, что настоятель «выражает сетование и как бы претензию на то, что обещание, данное ему на восстановление часовни от лица Археологической комиссии архитектором Сусловым в истекшем 1888 г., не было приведено в исполнение». При этом подчеркивалось, что, поскольку МАО не занималось осмотром вышеуказанной часовни, а в отношении архимандрита Наума усматривается смешение общества и Комиссии, то общество считает своею обязанностью довести вышесказанное до сведения ИАК (Там же. Л. 71, 73 — 73 об.).

По завершении работ сезона 1889 г. выяснилось, что произведенные расходы существенно не дотягивали до сметных размеров. В.В. Суслов израсходовал на Федоровскую часовню в Переславле и Мирожский собор лишь 7361 руб. На 1890 г. было запланировано еще 10 000 руб., однако Министерство финансов не смогло гарантировать этих выплат. Все это создало дополнительные проблемы вокруг работ в Спасском соборе Мирожского монастыря в Пскове. Еще на своем первом заседании 18 мая 1887 г. члены особой комиссии полностью одобрили предложения Н.В. Султанова по его реставрации и поручили произвести предварительное обследование В.В. Суслову (Там же. Л. 28–32). Он обмерил и сфотографировал памятник, составил подробные



Часовня в Переславле-Залесском до и в процессе реставрации, Владимирская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63. Л. 77, 79)

Часовня в Переславле-Залесском после реставрации, Владимирская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63. Л. 78)

чертежи собора и в 1888 г. представил в особую комиссию программу дальнейших действий (Суслова, Славина 1978: 39–41). В.В. Суслов планировал вскрыть штукатурку, разобрать часть кровли, чтобы выяснить способ кладки стен и точнее отделить первоначальные формы храма от позднейших наслоений и переделок; вынуть часть пола, чтобы узнать, есть ли под собором подвалы; произвести шурфовку около стен для определения глубины фундамента и «толщины наносного слоя» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63. Л. 52 — 52 об.). Кроме суммы, выделенной на реставрационные работы государством, иеромонах Мирожского монастыря Иоанн 14 сентября 1887 г. пожертвовал для этого собственные 5000 руб. (Там же. Л. 33). Сумма была положена в банк и должна была быть выдана доверенному лицу ИАК по его прибытии в Псков. 25 февраля А.А. Бобринской ходатайствовал о награждении иеромонаха наперсным крестом, что и произошло ко дню Пасхи (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63б. Л. 1 — 1 об., 3, 6).

22 мая 1889 г. В.В. Суслов был командирован в Псков великим князем Владимиром Александровичем непосредственно от Академии художеств и приступил к исполнению намеченной программы. Он поставил леса внутри собора, убрал иконостас, снял полы и начал отбивку штукатурки, которая так и не была закончена. Большего он сделать не успел, что обычно оправдывается тем, что новых сумм на производство реставрации отпущено не было (Известия ИАК. Вып. 26. 1908: 81). Однако

Спасский собор Мирожского монастыря, Псков. Фото И. Ф. Барщевского (ФО. Отп. О.491-13)

собор был им оставлен в печальном состоянии: отбитая местами штукатурка, стоящие по стенам леса, разобранные иконостас, престол и каменные полы, не засыпанные шурфы...

Известно, что после окончания работ по копированию фресок Мирожского собора в конце 1893 г. В. В. Суслов в своем докладе в ИАК констатировал ухудшение сохранности памятника. В частности, он писал: «При постановке лесов в храме самые нижние части стен были защищены мною досками и мусор около них не отгребался, так как в основании стен штукатурка отваливалась, между тем на ней замечались признаки фресковой раскраски. Этими остатками я имел в виду руководиться при реставрации храма. В настоящее время многое уже утратилось, так как мое участие в судьбе собора исключилось с 1889 года, интереса же к этому у других лиц не последовало. Вообще собор за последние четыре года, оставаясь без всякого присмотра и радения к его охранению, обветшал еще более, чем я нашел его в 1888–1889 гг.» (Там же: 83). Дальнейшие работы по восстановлению собора оценивались им как обычный ремонт, не соответствующий изначальным требованиям научной реставрации (ср.: Суслова, Славина 1978: 42). Очевидно, роль самого В. В. Суслова в происшедшем возможно оценить более объективно.

В связи со вступлением в силу Высочайшего повеления 1889 г., 5 мая 1890 г. ИАК обратилась в Академию художеств с просьбой передать ей дело о реставрации Мирожского монастыря.

Но скандал, связанный с работами В.В. Суслова в Пскове, уже начал набирать обороты (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63б. Л. 14 — 29 об.). Прождав целый год, 18 ноября 1891 г. епископ Псковский Гермоген (Добронравин) просит Академию художеств закончить работы в храме, однако 22 февраля 1892 г. получает оттуда отписку о том, что созданная в 1888 г. межведомственная комиссия имела лишь компетенцию обсуждения художественных и археологических вопросов, которые могут возникнуть при реставрации, но не была обязана производить сами работы.

Одновременно великий князь Владимир Александрович направил государю новый доклад, в котором просил возвратить возглавляемой им комиссии ее первоначальное назначение, связанное с обсуждением исключительно теоретических моментов реставрации, а «ближайшее распоряжение» работами и суммами предоставить духовному начальству. Он просил перевести 10 000 руб. из Академии непосредственно монастырю, что отчасти и было сделано в начале февраля 1892 г. На заделку трещин в стенах собора было выделено 1000 руб., тогда как общая сумма на реставрацию составляла 6466 руб. Очевидно, что замысел президента Академии полностью противоречил Высочайшему повелению 11 марта 1889 г. о полномочиях ИАК в деле реставрации монументальных памятников.

30 марта 1892 г. епархиальное начальство поручило игумену Павлу привести собор в порядок, однако буквально вслед за этим в обители последовала смена настоятеля. 19 апреля 1892 г. новый игумен Порфирий писал в Псковскую духовную консисторию с тем, чтобы разобраться в ситуации и выяснить, кто же в конце концов отвечает за реставрацию храма: игумен, Археологическая комиссия, Академия художеств или же сам Суслов. Сопоставив все факты вместе и «вникнув в сущность», он пришел к выводам, что В.В. Суслов был командирован Академией художеств исключительно в научных целях без должного «согласования с епархиальным начальством» вопросов ремонта и реставрации. При этом Академия практически самоустранилась от работ в соборе, которые не проводились уже два года, и «благолепие храма превратила в безобразный вид». В связи с этим он просил консисторию ходатайствовать «перед кем следует», чтобы Академия художеств, с которой ассоциировалась межведомственная комиссия, если она отказывается от реставрации собора, в ближайшее время возвратила монастырю храм в том виде и состоянии, в котором получила его до реставрации (Там же. Л. 20).

13 мая 1892 г. епископ Гермоген сам ищет подрядчика для работ в соборе и создает епархиальную комиссию по реставрации, которую возглавил протоиерей Павел Кустов. 6 июня комиссия, при участии псковского городского архитектора Ф.П. Неструха, составила акт о состоянии собора. Такое развитие событий не ускользнуло от внимания ИАК, которая, по сути дела, в 1889–1891 гг. была устранена Академией художеств от работ в Пскове. 24 марта 1893 г. А.А. Бобринской просил псковского епископа выслать в Петербург дело о реставрации из архива консистории и приостановить работы, что и было сделано 5 апреля (Там же. Л. 13).

Наибольшую озабоченность тогда вызывало состояние фресок, в связи с чем ИАК выдала тому же В.В. Суслову

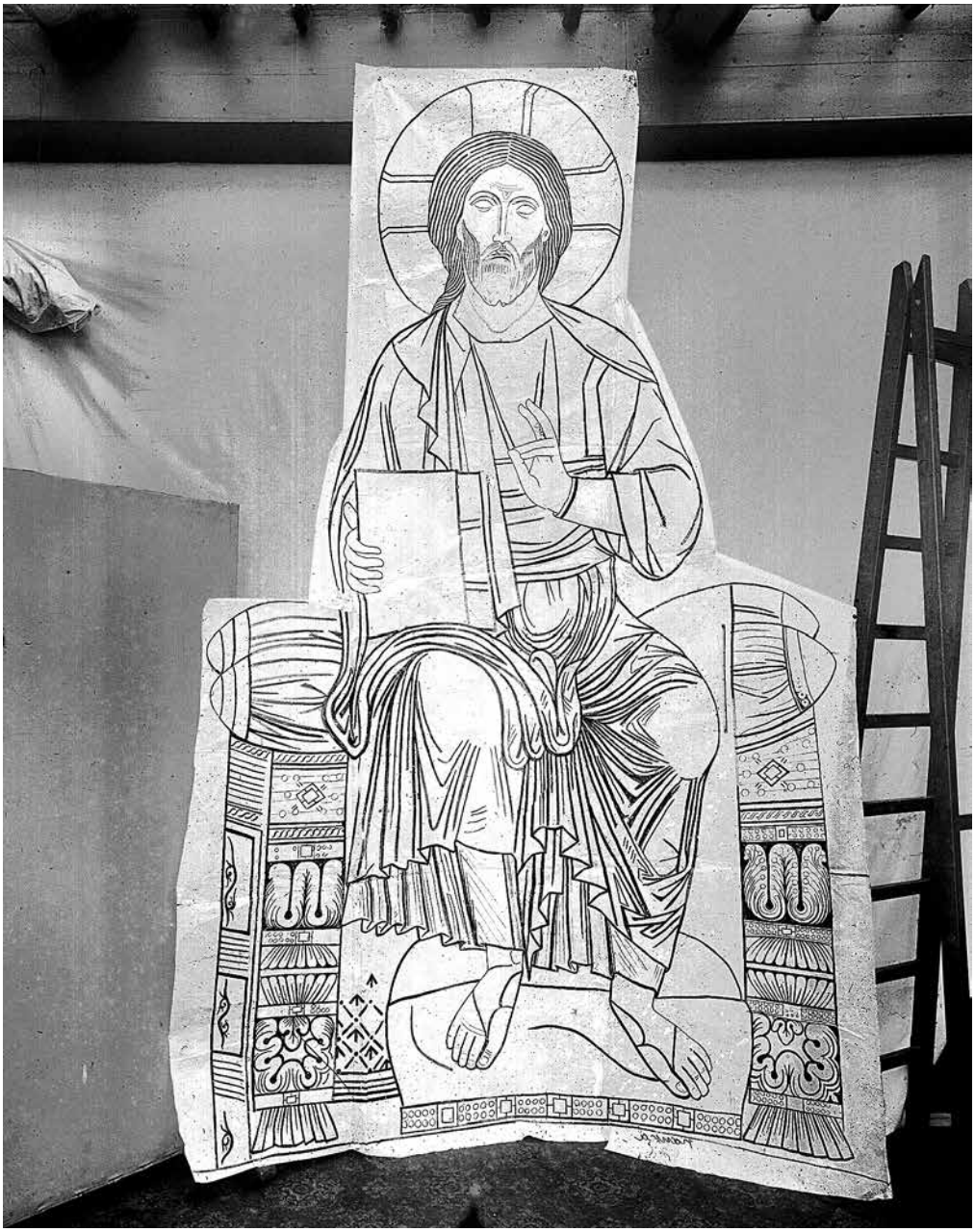
17 марта Открытый лист для осмотра древней живописи в связи с ее возможным изданием. 18 мая от Академии художеств в Псков было направлено несколько специалистов, в том числе Т.П. Шинкаренко. 1 июня 1893 г. епископ Гермоген, со ссылкой на отсутствие средств на реставрацию, просил у ИАК разрешения оставить на некоторое время собор в настоящем виде, а нижнюю часть стен закрыть щитами, при условии снятия лесов и приведения в порядок алтаря. Очевидно, леса продолжали стоять еще какое-то время, пока Ф.М. Фомин под руководством В.В. Суслова снимал копии фресок с 3 июля по 26 октября.

Только в апреле 1894 г. вновь был возбужден вопрос о реставрации собора (Там же. Л. 67). Однако Академия художеств снова пожелала передать его в собственную комиссию по реставрации древних памятников, созданную общим собранием 19 декабря 1894 г. Дело затянулось, и только через год, 7 декабря 1895 г., Г.И. Котов, М.Т. Преображенский и В.В. Суслов произвели осмотр собора и сделали в Академии соответствующий доклад. В результате в протоколе было отмечено, что в качестве первоочередных мер необходимо укрепить фундамент путем переборки с двух сторон и обезопасить его от действия воды. При этом комиссия рекомендовала сделать бетонную облицовку фундамента и использовать жидкий раствор цемента для фундаментной кладки. Обсуждался вопрос об уровне пола и реставрации интерьеров. Снаружи предполагалось оставить храм в существующем виде при условии изменения оконных проемов, а также подвести кружала на подпорках под все подпружные арки (Там же. Д. 63в. Л. 1 — 1 об., 3).

Лишь 25 ноября 1896 г. в переписке между Академией художеств и ИАК возникает тема о следовании правилам реставрации 31 октября 1890 г., с чем Академия, наконец, согласилась (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63б. Л. 68). Этому предшествовал достаточно долгий процесс налаживания взаимного сотрудничества, отягощенный личными взаимоотношениями А.А. Бобринского и И.И. Толстого (подробнее см. главу I). Еще в 1890 г. Академия передала в ИАК метрики с описанием православных храмов. Известно, что 17 февраля 1886 г. Т.В. Кибальчич обратился к президенту Академии великому князю Владимиру Александровичу, указав на отсутствие в России цельной программы для учета и изучения русского церковного зодчества (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 10а). Он с печалью писал об «искажении и разрушении старины под видом усугубления благолепия храмов Божьих». Его предложение заключалось в проведении своеобразной переписи памятников как основы для будущего свода русского искусства. Для этой переписи он предложил свой образец опросного листа — «Метрики для получения верных сведений о древнеправославных храмах Божьих, зданиях и художественных предметах». По сути, впервые в империи была сделана попытка создания «единого государственного реестра» памятников культуры.

Запросы епархиальным преосвященным за подписью президента были разосланы уже 14 октября 1886 г. В письме содержалась просьба содействовать Академии в получении сведений о храмах и священных предметах до начала XVIII в. и предоставить их не позднее марта 1887 г. Самое интересное в письме — критерий предполагаемого отбора.

Схема росписи Спасского собора Мирожского монастыря
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63б. Л. 52)



Христос на троне. Спасский собор Мирожского монастыря, Псков. Калька фрагмента фресковой росписи. Работы В. В. Суслова, 1893 г. (ФО. Нег. IV 1540)

Листъ 2.

МЕТРИКА

для полученія вѣрныхъ свѣденій о древне - православныхъ храмовъ Божіихъ, зданій и художественныхъ предметовъ.

г. Кіевъ.

Вопросы:	*Отвѣты:*
I. Исторія церквей, монастырей и ихъ мѣстоположеніе.	
1) Во имя какого святаго монастырь или церковь описываемая?	— Во имя Спаса-Преображенія. Приходская церковь.
2) Если описывается монастырь, то сколько въ немъ церквей и другихъ зданій? (Каменныя постройки по 1700-ый, а деревянныя до 1764-ый годъ, считать отдѣльно.)	— " —

«Метрика для получения верных сведений о древнеправославных храмах Божьих, зданиях и художественных предметах». Церковь Спаса на Берестове, XI в., Киев (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 275. Л.109)

Описанию подлежали те предметы, которые епископ «соизволит» признать заслуживающими внимания как по оригинальности, так и по художественному качеству и историческим воспоминаниям. Вплоть до начала января 1887 г. архиереи, которые не могли отказать члену императорского дома, присылали в Академию запросы с указанием потребного для епархии количества метрик в соответствии с количеством памятников, заслуживающих преосвященного внимания. Последними метрики запросили Олонецкая епархия — 40 штук, Тверская епархия — 1000, Рязанская — 250, Москва — 1300, Курская епархия — 1070, Архангельская — 300, а «бедный» историческими памятниками смоленский архиерей запросил лишь 20 экземпляров. Всего было разослано 9832 вопросника, а получено в два раза меньше — 4563. В этой истории удивляет не только отсутствие в России конца XIX в. четких критериев для выявления памятников культуры, но и субъективность в подходе к православной старине.

16 марта 1890 г. ИАК, в связи с поручением ей задачи реставрации монументальных памятников, обратилась к президенту Академии с просьбой передать в ее архив существующие метрики, а также сведения губернских комитетов о памятниках древнерусского искусства и местные издания, посвященные древностям и храмам для сосредоточения в одном месте сведений о древностях. Так в архиве Комиссии оказались сведения по 52 епархиям. Среди отсутствующих епархий значились Бессарабская и Виленская. 21 июня 1891 г. дополнительные сведения были присланы из Калужской епархии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 25). Метрики оказались востребованы исследователями, краеведами и местным духовенством и используются до сих пор научным сообществом. В частности, ими интересовались МАО, Киевское общество истории Нестора Летописца, они использовались в связи с подготовкой Археологических съездов в Вильно, Харькове и Чернигове.

На фоне налаживания взаимодействия с Академией в деле псковской реставрации у ИАК возникли проблемы во взаимоотношениях со Святейшим Синодом, который воспользовался ситуацией и практически вывел вопрос о Мирожском соборе из ведения Комиссии, мотивируя это отчасти ее бездеятельностью в реставрации храма. А.А. Бобринскому 14 декабря 1896 г. пришлось излагать К.П. Победоносцеву историю этой реставрации. Так, в частности, в его письме указывалось, что по предложению Министерства двора 1886 г. Археологическая комиссия должна была лишь привлечь внимание властей, в том числе и церковных, к состоянию памятника. Упомянув об отошедшей в прошлое практике межведомственных комиссий, председатель ИАК указал, что в нынешних условиях Академия художеств должна быть совершенно освобождена от хозяйственно-распорядительных моментов реставрации, тогда как обязанность самой Археологической комиссии по реставрационным делам заключается в обсуждении, совместно с Академией, археологической и художественной стороны будущего проекта для составления руководства духовному ведомству (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63б. Л. 76–78).

В дальнейшем дискуссия о собственных полномочиях между ИАК и Синодом продолжалась. 16 октября 1897 г. А.А. Бобринской просил обер-прокурора сообщить ему о тех правительственных распоряжениях, которые

освобождают Археологическую комиссию от ответственности надзора за ремонтом Софийского собора в Новгороде и Мирожского собора в Пскове, а также предоставить сведения о распоряжениях, сделанных духовным ведомством по этому поводу. К.П. Победоносцев отвечал А.А. Бобринскому 24 октября 1897 г. Он сформулировал антитезу «археологической реставрации» и «сохранения памятника». По его мнению, она проистекала из сложности и временной растянутости процедуры согласования проектов реставрации в Комиссии. В качестве примера обер-прокурор приводил состояние Софийского собора, которое грозило храму немедленным разрушением, тогда как для полной археологической реставрации потребовались бы десятки лет. К.П. Победоносцев признал справедливость претензий ИАК к первоначальным эскизам фресковой росписи, что привело к появлению нового проекта, «но когда бы дело проходило через Археологическую комиссию, надлежало бы ожидать целые годы», прежде чем приступить к работе. Поэтому обер-прокурор «признал единственно возможным прибегнуть к помощи Боткина», которому и был поручен Синодом текущий ремонт. В своем письме К.П. Победоносцев оценивал попытку реставрации Мирожского собора В.В. Сусловом под руководством Академии художеств как «гибельную». Это привело, по его мнению, к правильному решению: «археологическую реставрацию отложить, а сохранить памятник» (Там же. Л. 80, 81 — 81 об.).

Остается прояснить ситуацию с участием М.П. Боткина в этой истории. В воспоминаниях современников — членов Комиссии — его роль в деле реставрации фресок новгородского Софийского собора оценивается как «особенно некрасивая». Ремонт собора затеял новгородский архиепископ Феогност (Лебедев). Специально учрежденная подкомиссия ИАК, состоявшая из архитекторов Г.И. Котова, М.Т. Преображенского и самого Боткина, наблюдала за работой В.В. Суслова, составлявшего эскизы фресок, и критиковала их. Естественно, это затягивало ремонт и вызывало неудовольствие Феогноста. «Тогда Боткин забежал к обер-прокурору Синода Победоносцеву и предложил свои услуги взамен подкомиссии. Победоносцев получил на это Высочайшее разрешение, и дело было передано под наблюдение одного Боткина. И после этого, как ни в чем не бывало, он продолжал бывать на заседаниях Археологической комиссии. Председатель ее граф А.А. Бобринской задал ему по этому поводу вопрос, а Боткин, не краснея, дал утвердительный ответ.

Т[аким] о[бразом], через Победоносцева Боткин стал во главе комиссии, учрежденной при Синоде по реставрации церквей, чем было парализовано Высочайшее повеление 11 марта 1889 [г.], передававшее это дело Археологической комиссии» (см.: Гайдуков 2010; ср.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. № 7. Л. 182).

Тем временем 19 августа 1897 г. государь по синодальному докладу разрешил образовать «Строительный комитет для руководства и наблюдения за исправлением и ремонтными работами в Спасо-Преображенском соборе» под председательством епископа Псковского Антонина (Державина), куда вошли настоятель Мирожского монастыря архимандрит Мефодий, настоятель Печерского монастыря архимандрит Николай, М.П. Боткин, М.Т. Преображенский и городской архитектор Ф.П. Неструх, который

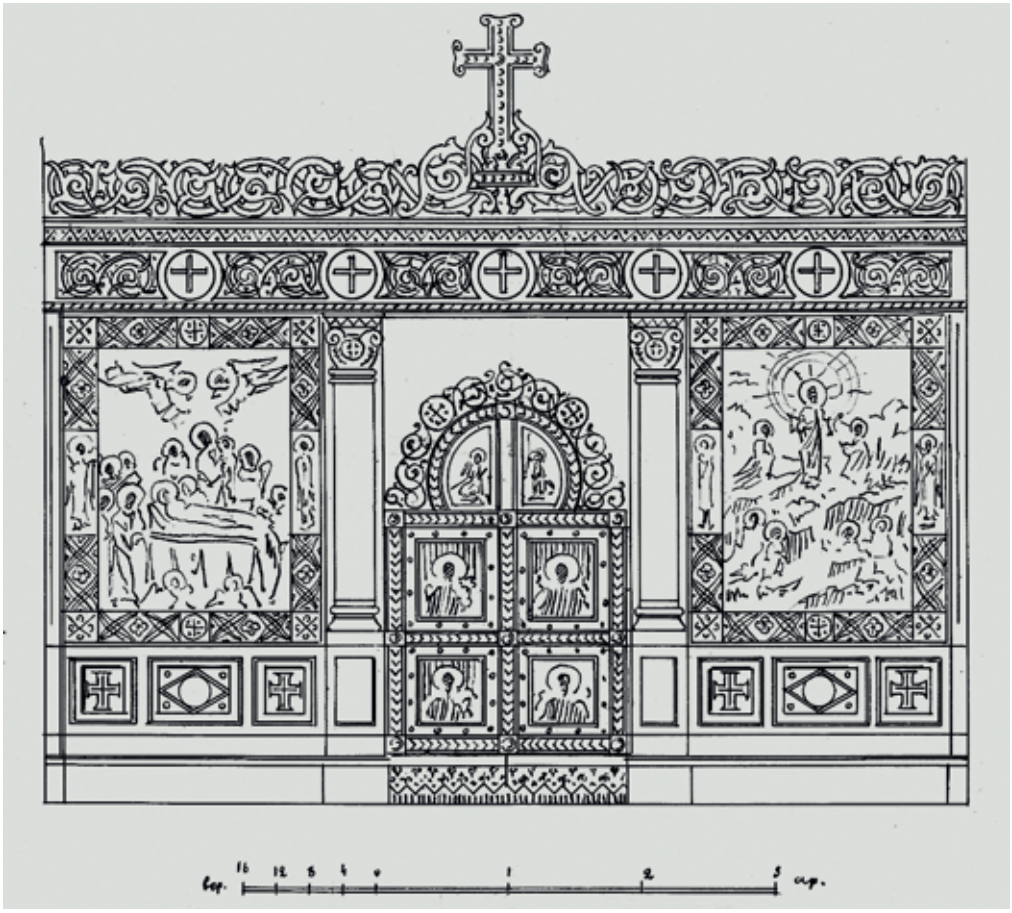
заменил епархиального архитектора. 5 сентября 1897 г. состоялось первое заседание Высочайше утвержденного Комитета (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63в. Л. 8 — 8 об.).

В мае 1898 г. наконец начался ремонт Спасского собора, который продлился до 1902 г. Затрачено на него было 19 891 руб. 13 коп. (Там же. Л. 28; Известия ИАК. Вып. 26. 1908: 86). Проект иконостаса, мрамор для которого доставили из Флоренции, был выполнен под руководствам М.Т. Преображенского (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63е. Л. 2). В августе 1902 г. Псковская духовная консистория просила командировать члена Комиссии для осмотра собора по завершении работ по ремонту и росписи, однако товарищ председателя ИАК В.В. Латышев отвечал, что не видит в этом надобности, поскольку Комиссия не принимала участия в обсуждении проекта (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63б. Л. 86, 87). Утверждение было справедливо лишь отчасти: необходимые материалы в ИАК все же были доставлены самими авторами росписи и иконостаса.

Однако ИАК пришлось еще не раз возвращаться к судьбе Мирожского собора. 19 июля 1904 г. появился новый акт о состоянии собора, подписанный благочинным и настоятелями двух монастырей, где говорилось, что участники комиссии не берутся судить о качестве проведенной реставрации, но видели на полу лужи и чувствовали постоянную сырость. При этом было засвидетельствовано, что фрески покрыты плесенью, а штукатурка отслаивалась (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63в. Л. 29–31).

Только 29 апреля 1908 г. консистория вновь обращается в Комиссию: так как собор и фрески «находятся в ведении ИАК, то посему без разрешения оной не могут быть на месте приняты меры для предохранения фресок от порчи» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63б. Л. 102). По поводу печального состояния фресок Н.К. Рерих писал в газете «Слово» от 26 августа, что побывавший в Пскове П.П. Покрышкин «конечно поторопится сделать для храма что-нибудь полезное и в художественном отношении и обойдется с этим памятником лучше, нежели с Нередицким Спасом». Уже 30 августа обер-прокурор Синода П.П. Извольский выражал в связи с этим свою озабоченность местному епископу (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63г). 22 июля местная комиссия при участии П.П. Покрышкина произвела осмотр храма и предложила сделать дренаж со стоком воды. Позднее появилось и встречное предложение: сделать не дренаж, а цементный замок с южной стороны собора, дабы не трогать существующего рядом с храмом кладбища. Тем временем П.П. Покрышкин установил, что сырость появляется по весне и к июлю исчезает, и в 1915 г. предложил особый режим проветривания здания и создание отмосток (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63б. Л. 127, 131). Реставрация храма совершилась только в 1946–1947 гг. под руководством Ю.П. Спегальского (Памятники архитектуры 2002: 251, 262, 277).

Совершенно иначе складывалась судьба третьего объекта реставрационного начинания 1886 г. — Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. 1 июня 1888 г. ИАК обратилась в Академию художеств с просьбой ходатайствовать перед ее президентом об изыскании средств на это мероприятие. 11 ноября Комиссия попыталась получить из Академии чертежи для реставрации храма, однако официальный ответ гласил, что эта документация хранится в архитектурных классах



Проект иконостаса Спасского собора Мирожского монастыря в Пскове, выполненный М. Т. Преображенским, 1901 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63е. Л. 2)

Высшего художественного училища и принадлежит Академии на полном праве, так как реставрация, которая велась на средства, испрошенные из казны президентом Академии, была поручена именно ей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63а. Л. 2–3, 4, 6).

Лишь в конце 1900-х гг. Археологической комиссии удалось вернуться к изучению и ремонту этого собора. 19 декабря 1908 г. настоятель собора направил в ИАК отношение о возможной реставрации храма в связи с предстоящим 300-летием дома Романовых и попросил провести исследования памятника и «почвы» — культурного слоя вокруг собора, а также помощи в поиске необходимых денежных средств (Там же. Л. 12 — 13 об.). 23 марта 1909 г. ИАК обратилась в Синод с просьбой выделить 450 руб. для исследований, прежде всего — обмеров храма, которые предполагалось поручить К. К. Романову, на что 30 апреля было получено согласие (Там же. Л. 16, 18). 7 сентября архитектор произвел осмотр собора, который показал, что древних резных частей is situ сохранилось немного, преимущественно в северо-западном углу здания и при

Георгиевский собор, Юрьев-Польской, Владимирская губерния. Вид с юго-запада. Фото К. К. Романова, 1912 г. (ФО. Отп. О.1692-43)

входах (Там же. Л. 30–31). 13 ноября, в связи с ходатайством причта, возник вопрос о перенесении гробниц владимирских князей Святослава и Дмитрия в новый собор. Владимирская духовная консистория в данном случае не возражала, если со стороны ИАК также не встретится препятствий. 21 марта 1911 г. ИАК сообщила в духовное ведомство об отсутствии препятствий к перенесению гробниц, которое, однако, состоялось только в 1915 г.

В середине декабря 1909 г. К. К. Романовым был поставлен вопрос о необходимости археологических раскопок. 20 февраля 1910 г. А. А. Бобринской просил министра императорского двора ходатайствовать перед министром финансов о выделении 10 000 руб. на реставрацию собора. 12 марта государь повелел выделить деньги на научное исследование (Там же. Л. 47–48, 49, 55). Уже 29 апреля К. К. Романову был выдан Открытый лист на раскопки в ограде собора, одной из целей которых была «добыча» рельефов (Там же. Л. 63). Параллельно Комиссия распорядилась изготовить с некоторых из них эстампажи и гипсовые слепки, которые 24 сентября 1911 г. были переданы в Русский музей (Там же. Л. 91, 93, 116). В том же году К. К. Романов, по представлению Я. И. Смирнова, получил серебряную медаль РАО за публикацию «Георгиевский Собор в г. Юрьеве-Польском (краткий отчет о разведке)» (Романов 1910: 70–93; РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 569. Л. 30 об.).

Теплый Троице-Крестовоздвиженский храм 1809–1817 гг., пристроенный к Георгиевскому собору, Юрьев-Польской, Владимирская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63а. Л. 382)

В 1911 г. был поднят вопрос о разборке пристроек, в связи с чем ИАК выразила свою озабоченность причту и епископу, поскольку за ними могли сохраняться древние рельефы (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 63а. Л. 151, 153 — 153 об.). Процесс приостановился, и только 2 сентября 1917 г. приходское собрание в ультимативной форме потребовало приезда представителя ИАК за свой счет для контроля над разборкой Троице-Крестовоздвиженского храма 1809–1817 гг., которую предполагалось в любом случае начать 10 сентября. 12 сентября К.К. Романов писал в Археологическую комиссию, что разборка потребует особой тщательности и много времени, дабы не утратить ценный археологический материал. В своей телеграмме ИАК решительно потребовала не допустить разборки, хотя настоятель собора уже 14 сентября известил Петроград о том, что она уже начата. 18 сентября Комиссия обратилась в Министерство исповеданий Временного правительства, информируя министра А.В. Карташева, что совершенно не видит причин спешить с разборкой храма XIX в., в стенах которого насчитывается до 30 рельефов древнерусского времени, а сам он может закрывать собой столь же древние фрагменты. Все это предполагало натурные обмеры и осторожную работу.

20 сентября министр попросил архиепископа Владимирского Сергия (Страгородского) остановить работы и командировать туда В.Т. Георгиевского. Очевидно, в своих дальнейших отношениях с Комиссией министерство руководствовалось информацией, полученной от местного причта. 14 октября министр напомнил ИАК, что решение разобрать поздний храм было принято именно ею, однако многочисленные просьбы приходского совета о присылке наблюдателей так и не были удовлетворены. При этом сообщалось,

что к разборке собора приход все-таки не приступил, однако Комиссии рекомендовалось не откладывать отправку наблюдателя в Юрьев-Польской. Одновременно была «проведена работа» и с настоятелем. 24 ноября он уже пишет в Археологическую комиссию в гораздо более мягком тоне, сообщая, что предыдущая телеграмма имела в виду лишь разборку трех голландских печей внутри храма, и просит указать срок приезда наблюдателя (Там же. Л. 160, 163–164, 166–167). Дальнейшие события не позволили Комиссии участвовать в этом процессе.

Эпоха экстраординарных реставраций памятников церковного зодчества конца 1880-х — начала 1890-х гг. должна была смениться систематической охраной архитектурных древностей после Высочайшего повеления 1889 г. об обязательности предварительного согласования реставрационных проектов монументальных памятников древности с ИАК и Академией художеств. Это позволило Комиссии осуществлять ведущую роль в решении подобных вопросов среди всех научных учреждений России вплоть до 1917 г.

Одним из переломных событий в процессе становления процедуры реставрации церковных памятников и формирования системных отношений ИАК с православным духовенством может считаться история ремонта Ильинской церкви при Архиерейском доме в Чернигове. 30 июня 1889 г. епископ Черниговский Вениамин (Быковский), задумавший произвести ремонт своего домового храма «без изменения фасада», извещал Комиссию о следующем. Согласно синодальному постановлению 1879 г. он предварительно снесся с Киевским церковно-археологическим обществом при Киевской духовной академии. Однако общество указало, что согласно Высочайшему повелению 1 марта 1889 г. епископу следует обратиться в Петербург. В связи с этим он написал в Комиссию: «Имею честь покорнейше просить почтить меня своим распоряжением по производству ремонтировки объясненного древнего памятника» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 73. Л. 1 — 2 об.). ИАК отвечала, что с ее стороны препятствий для этого не встречается, но чертежи и планы будущей реставрации должны быть предварительно предоставлены на ее рассмотрение.

Эта переписка послужила толчком к тому, чтобы В.Г. Тизенгаузен 12 августа обратился в канцелярию Святейшего Синода с просьбой временно предоставить в Комиссию материалы, связанные с появлением Синодального определения от 20 декабря 1878 г. / 9 января 1879 г. Это позволило ИАК оценить допущенные С.Г. Строгановым в 1860–1870-х гг. «промахи» при реставрации памятников владимиро-суздальского зодчества. После рассмотрения черниговских чертежей, которые, к сожалению, были возвращены авторам проекта, а копии для архива так и не сняты, 19 июня 1890 г. ИАК дала «добро» на ремонтные работы при соблюдении следующих условий: архитектурный план церкви и вся «строительная часть», как то: своды, стены, столпы — должны оставаться неизменными на своих местах, при ремонте не должны пробиваться новые двери и окна, а если на стенах откроется древняя роспись, то епархия должна будет немедленно уведомить Комиссию (Там же. Л. 3 — 3 об., 4 — 4 об., 5–17, 19 — 19 об., 20).

В то же время начались работы ИАК, связанные с реставрацией собора в Переславле-Залесском, которые были инициированы соборным

причтом в соответствии с новым законодательством по охране монументальных памятников (см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 68). Правда, обращению в Петербург предшествовал конфликт местного духовенства с МАО. Еще в 1886 г. протоиереем Василием Добронравовым перед Московским обществом был поставлен вопрос о возможности замены старого иконостаса, разборке заложенных окон и даже производства раскопок для обнаружения фундаментов старых построек, однако положительного ответа он так и не получил. Протоиерей обращался в ИАК дважды: 25 июня и 21 июля. Контакты соборного причта с Петербургом не ускользнули от внимания П. С. Уваровой. 21 июля датировано ее письмо А. А. Бобринскому о том, что местный причт демонстрирует «непонимание ценности святыни» и важности работы, которая «не предполагает той поспешности, которая желательна» ИАК (здесь и далее см.: Там же. Л. 25 — 30 об.). Однако 5 августа Комиссия подтвердила, что она готова принять дело реставрации собора в свое ведение, но так как, по ее собственному признанию, среди членов Комиссии не было соответствующего специалиста, то ИАК сама предложила причту «сочинить» проект реставрации с тем, чтобы потом обсудить его совместно с Академией художеств.

Деньги на проведение ремонтных работ были найдены только весной–летом 1890 г. По поручению причта проект был составлен В. В. Сусловым при участии М. Т. Преображенского и Н. П. Кондакова. Сам М. Т. Преображенский 28 ноября 1890 г. был назначен Академией художеств для обсуждения будущей реставрации, тогда как представитель от Синода — архитектор-академик Сергей Васильевич Садовников был

Собор Спаса Преображения, Переславль-Залесский, Владимирская губерния. Вид с северо-востока. Фото В. В. Суслова, 1880–1890-е гг. (ФО. Нег. II 14040)

командирован для этих целей только 12 января 1891 г. 31 января 1891 г. состоялось первое заседание реставрационной комиссии, на котором был заслушан доклад В. В. Суслова. Он предлагал в процессе реставрации понизить уровень земли — «наносной слой», заново облицевать цоколь, заменить камни кладки, восстановить первоначальный вид окон, сломать позднейшие пристройки с западной стороны храма, разобрать ветхий пятиярусный иконостас и заменить его невысоким каменным или мраморным по образцу «древних преград», восстановить фрески под хорами, выбрать на хорах поздние закладки в арках, сделать новое паникадило, соответствующее стилю памятника, а также произвести раскопки с целью выявить возможное существование ранних пристроек и исследовать две

Надгробия в Спасском соборе Переславля-Залесского, Владимирская губерния. Работы В. В. Суслова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 68. Л. 130)

могилы в храме. Им же была предложена историко-архитектурная типология памятников древнерусского зодчества: к единой группе, вместе с Переславским собором, были отнесены храмы Спаса на Нередице, церковь вмч. Георгия в Старой Ладоге и Дмитриевский собор во Владимире.

11 апреля 1891 г. К. П. Победоносцев уведомил Комиссию, что со стороны архиепископа Владимирского Феогноста (Лебедева), который должен был представить ИАК окончательный проект реставрации, и причта не встречается препятствий к вскрытию и исследованию могил, о желательности чего упоминал В. В. Суслов (Там же. Л. 38–40). Из письма следовало, что обер-прокурор предполагал, что деятельность Комиссии носит рекомендательный характер, и оставлял за собой право окончательного решения. 6 марта 1892 г. В. В. Суслов понизил пол на 10 вершков (т. е. примерно на 45 см), исследовав гробницы, сооруженные прямо «на глине» (материке или строительной прослойке?), которые он определил как «поздние» и отнес их к XIII–XVII вв. При этом отмечалось, что гробница в южной апсиде, по легенде принадлежавшая князю Дмитрию Александровичу, развалилась еще 28 мая 1891 г. в процессе реставрации. В. В. Суслов разрешил сломку кирпичных надгробий, что было подтверждено как местным епископом, так и К. П. Победоносцевым (Там же. Л. 43, 48, 53). Он же высказал мнение, что фрески собора ничего

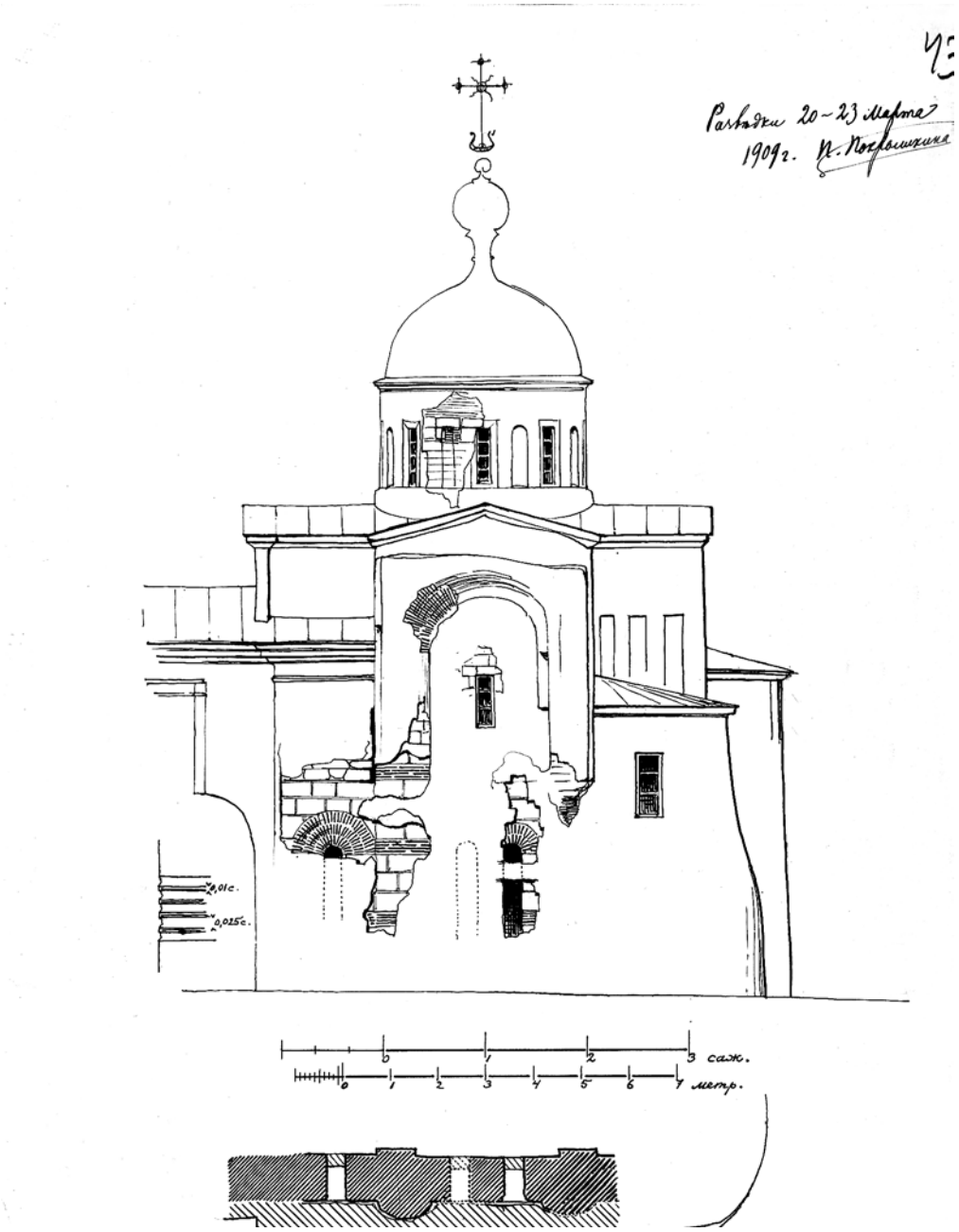
собой не представляют в научном отношении, поскольку есть «похожие в других церквах». В.В. Суслов предлагал сделать копии фресок, расписать храм заново и построить новые гробницы, «согласные с видом древних», что было согласовано В.Г. Тизангаузеном и А.А. Бобринским (Там же. Л. 47–48, 58 — 58 об.).

Однако 17 апреля 1892 г. поступило и альтернативное предложение Г.И. Котова — снять штукатурку с фресками и передать их для хранения в один из российских музеев. К 30 ноября 1892 г. фрески были сняты (Там же. Л. 57 — 57 об.), и А.А. Бобринской просил Синод выделить средства для их сохранения. 8 января 1895 г. в Комиссию сообщили, что для этого нет никакой возможности (Там же Л. 71 — 71 об.). Однако к этому времени в Переславле произошел конфликт между В.В. Сусловым и соборным причтом. Еще 7 июня 1893 г. В.В. Суслов сложил с себя всякую ответственность за наблюдением над правильностью реставрации, несмотря на то, что причт утверждал, что все произведенные работы сделаны по непосредственному распоряжению академика (Там же. Л. 74 — 83 об.).

Для реставрации собора Комиссией был командирован Г.И. Котов. 15 октября 1894 г. ИАК свидетельствовала перед новым архиепископом Владимирским Сергием (Спасским), что работы закончены удовлетворительно, и дополнительно попросила залить известкой снятые вместе со штукатуркою части фресок, после чего препроводить их в «хранилище» (Там же. Л. 93 — 93 об.). Но 17 ноября 1894 г. соборный староста отказался нести расходы по сохранению фресок. При этом он указывал, что В.В. Суслов не сделал соответствующих распоряжений, Г.И. Котов констатировал их утрату, а причт не знает, как с ними поступить далее, не имея к тому же понятия о технических приемах сохранения фресок и не желая нести за них ответственность (Там же. Л. 99–100).

9 декабря 1894 г. с согласия архиепископа Сергия было решено препроводить фрески в древлехранилище церковного братства св. кн. Александра Невского во Владимире, на что было выделено 50 руб., однако причт и староста отказались и от содействия братству. К тому же 25 февраля 1895 г., после осмотра фресок В.Т. Георгиевским, было выяснено, что древлехранилище не может их принять, в том числе и потому, что фрески стали «непригодны» для хранения. Несмотря на то что 21 марта ИАК признала фрески «незаслуживающими» дальнейшего сохранения, нельзя сказать, что Комиссия не предпринимала никаких мер для их спасения, поскольку, наряду с прочими ведомствами, она якобы так и не нашла для этих целей «мизерной суммы» и «небольшого помещения» (ср.: Вздорнов 1986: 159).

Еще одной, неколлегиальной формой первоначального участия ИАК в реставрации древних памятников был непосредственный выезд специалиста на место, как это происходило при реставрации Иоанно-Предтеченской церкви в Керчи. 9 мая 1889 г. Н.П. Кондаков был уведомлен о предстоящем ремонте, о чем и сообщил в Комиссию. 22 мая В.Г. Тизенгаузен отправляет причту письмо, где информирует его о только что состоявшемся Высочайшем повелении 11 марта. В результате переписки Н.П. Кондакову было поручено осмотреть храм и производимые работы. Результатом его деятельности явился предоставленный в Комиссию отчет, а в процессе реставрации была



Церковь св. Иоанна Предтечи, Керчь. Северный фасад с расчищенными древними кладками. Чертеж П. П. Покрышкина, 1909 г. (ФО. Нег. II 85437)

найдена надпись об освящении церкви в 752 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 45. Л. 5, 6 — 8 об.).

В начале 1890-х гг., в период, когда отношения с духовным ведомством еще только формировались, ИАК участвовала в реставрации Софийского кафедрального собора в Новгороде, что надолго связало научные и практические интересы Комиссии с этим городом. Работы в Софийском соборе, впоследствии изъятые из ведения Комиссии (см. выше), продолжались с 1893 по 1900 г. Они начались в связи с ходатайством Новгородского архиерейского дома об утверждении проекта отопления и вентиляции собора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 54. Л. 11 — 11 об.). Проект был рассмотрен на реставрационном заседании ИАК в апреле 1893 г. при участии М.Т. Преображенского и Г.И. Котова от Академии художеств, И.С. Китнера от Технически-строительного комитета Министерства внутренних дел, гражданского инженера Е.Л. Морозова от Святейшего Синода и академика В.В. Суслова. Члены заседания одобрили проект при условии проведения предварительного подробного археологического исследования памятника. Представителем ИАК для разрешения всех «сомнительных вопросов» и наблюдения за работами был назначен В.В. Суслов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 71. Л. 145 — 145 об.).

Именно ему в 1893 г. епархиальное начальство поручило реставрацию фресковой живописи внутри храма, которая впоследствии переросла в масштабное исследование и общую реставрацию Софийского собора. Под его руководством было сделано до полутораста шурфов внутри и снаружи собора, собраны образцы строительного материала, обработаны письменные и изобразительные источники (Суслова, Славина 1978: 46, 47). Исследование сопровождалось обмерами, графической фиксацией, фотографированием, копированием фресок в натуральную величину. После этого В.В. Суслов составил проект реставрации собора, в процессе осуществления которого стремился к восстановлению древнейших архитектурных форм храма (Суслова 1959: 198, 201).

Реставрация Софийского собора вызвала широкий отклик общественности, ее результаты рассматривались на археологических съездах. Наиболее активная дискуссия развернулась по поводу проекта стенной фресковой росписи, составленного В.В. Сусловым, который так и не был утвержден (Суслова, Славина 1978: 56–60). Обсуждение данного проекта освещалось в отдельном выпуске «Материалов по археологии России» (Обсуждение проекта 1897), что свидетельствует об особой значимости этих работ, так как за все время издания «Материалов», публикуемых ИАК, из 37 выпусков только в 2 из них поднимались проблемы реставрации памятников монументального зодчества. В силу известных обстоятельств (см. выше) В.В. Суслов не смог завершить запланированные работы, однако примененные им методы исследования архитектурного памятника послужили формированию научного подхода в изучении и реставрации монументального зодчества в России (Подъяпольский и др. 2000: 36).

Работы ИАК по реставрации и исследованию другого новгородского храма — церкви Спаса на Нередице стали самым значительным новгородским проектом Комиссии. Еще в 1892 г. в Археологическую комиссию поступило

Софийский собор, Новгород. Общий вид во время реставрации. Работы В. В. Суслова, 1896 г. (ФО. Нег. II 3707)

ходатайство от Новгородской духовной консистории о необходимости проведения здесь ремонтных работ. В 1898–1900 гг. В. В. Суслов по поручению ИАК произвел первоначальное обследование технического состояния памятника и подготовил проект реставрации храма. Реставрационную комиссию в 1900 г. возглавил Н. В. Султанов (Савельев 2003b: 234). Этим работам, которые были отложены по финансовым соображениям и завершены П. П. Покрышкиным только в 1903–1904 гг., также был посвящен отдельный выпуск «Материалов по археологии России» (Покрышкин 1906). В. В. Суслов в свое время заложил более 40 шурфов для осмотра фундаментов и нижних частей кладки и обнаружения первоначального уровня пола, сделал множество зондажей для выявления древних конструктивных элементов здания и отделения их от позднейших наслоений (Ядрышников 2000: 73). Он подробно документировал все свои работы и представил в Комиссию отчет, приложив к нему кроки обмеров, чертежи и смету проекта реставрации. Проект предполагал нивелировку культурного слоя вокруг церкви, понижение уровня пола до первоначального, ремонт фундаментов, сводов, стен, перемычек, барабанов, восстановление посводного покрытия, раскрытие древних проемов и заделку позднейших.

В связи с непосредственным началом работ в мае 1903 г. для наблюдения и руководства П. П. Покрышкин приехал в Новгород прямо из Владимира, где обследовал Дмитриевский собор, на юго-западной стороне которого лопнул обруч на основании

Софийский собор, Новгород. Внутренний вид во время реставрации. Работы В. В. Суслова, 1896 г. (ФО. Нег. II 3702)

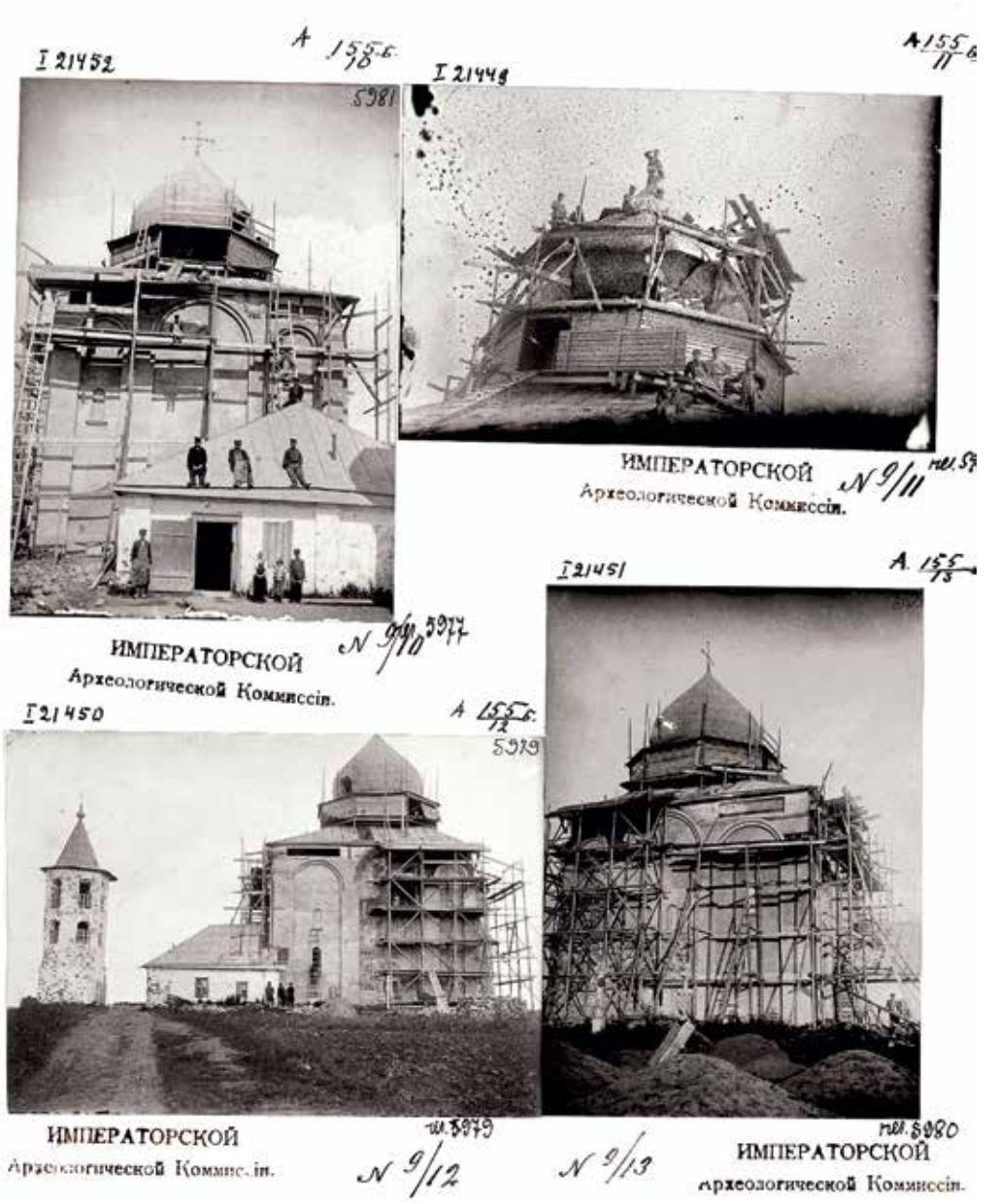
Софийский собор, Новгород. Царское и святительское место в период реставрации. Работы В. В. Суслова, 1896 г. (ФО. Нег. II 14133)

подкупольного барабана (Медникова 1995: 304; ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 243. Л. 3). В июне он послал рапорт в ИАК с просьбой выслать ему чертежи В. В. Суслова. Вместе с этим он просил Комиссию немедленно прислать в Новгород И. Ф. Чистякова для фотографирования фресок Спасо-Нередицкой церкви. В тот момент в церкви были устроены подмостки и разобран иконостас, что значительно облегчало процесс фотофиксации. «Чистяков должен взять с собой, — писал П. П. Покрышкин, — все принадлежности для проявления, большой “самаркандский” фотоаппарат, растворы, ванны, фонарь, пластинки. Для большого аппарата потребуется дюжин 5 и столько же размером 18 × 24 см. Все пластины должны быть высшей чувствительности и половина из них противуореольная. Требуется также прибор для снимания при свете магния» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 34. Л. 142 — 142 об.).

Название «самаркандский» возникло не случайно. Когда П. П. Покрышкин работал в Самарканде в составе экспедиции Н. И. Веселовского по обследованию памятников древней архитектуры Самарканда, фотофиксацией занимался И. Ф. Чистяков, используя именно этот фотоаппарат. Подобный аппарат, в отличие от других, позволял производить качественные крупноформатные снимки, но при этом для съемки на нем требовались стеклянные пластины размером 24 × 30 см, хрупкие и тяжелые, что делало процесс фотографирования весьма трудоемким.

Таким образом, при производстве ремонтных работ летом 1903 г. в церкви Спаса на Нередице у ИАК появилась

Церковь Спаса на Нередице под Новгородом до и после реставрации. Вид с юго-востока (ФО. Отп. О.623-2, отп. О.627-51)



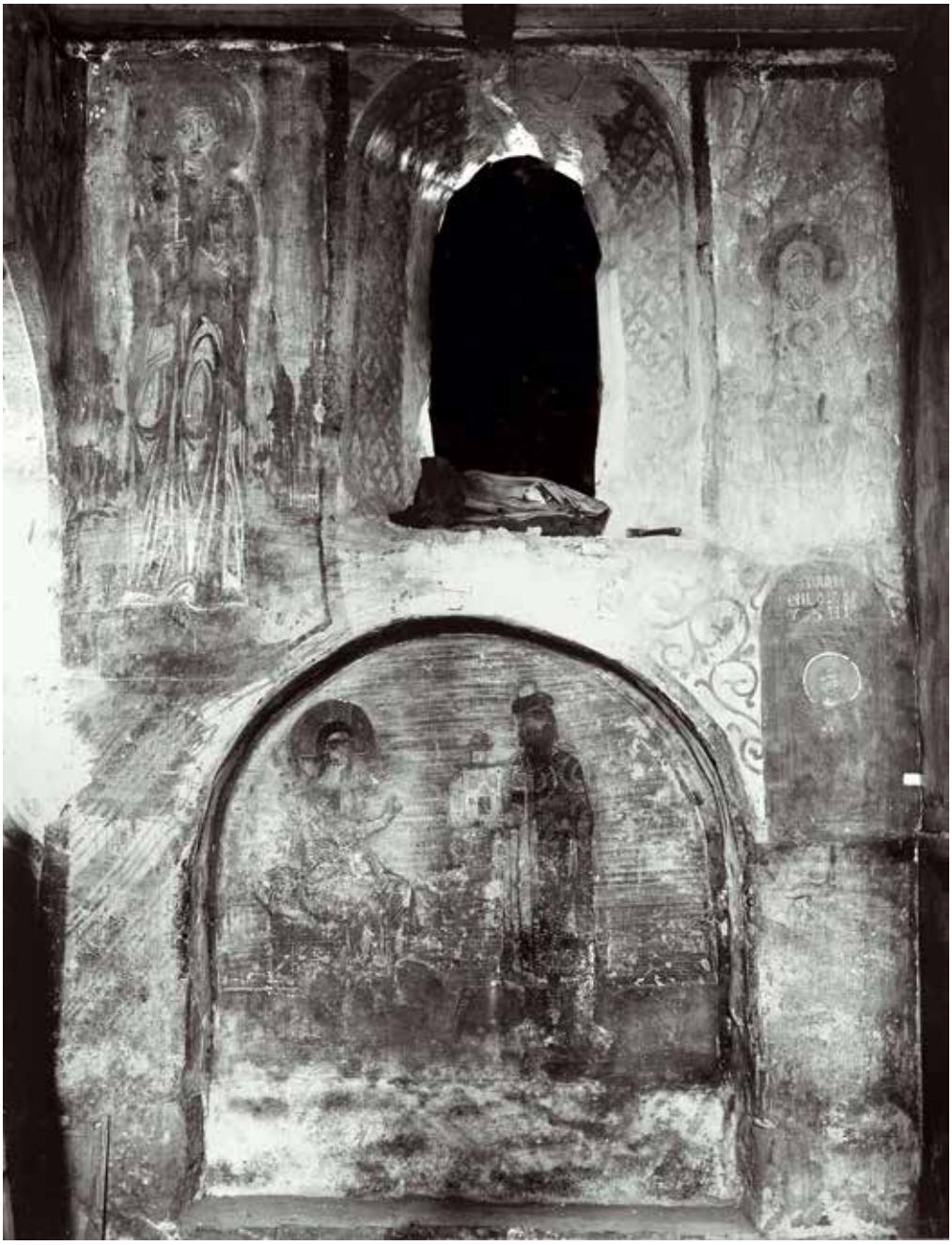
Церковь Спаса на Нередице под Новгородом в процессе реставрационных работ под руководством П. П. Покрышкина в 1903–1904 гг. (ФО. Отп. О.627-1)

возможность, благодаря возведенным внутри лесам, сделать фотографии со всех без исключения фресковых изображений. Было отобрано 164 снимка, из которых был составлен альбом для подношения императору. 9 апреля 1904 г. император и императрица посетили ежегодную выставку древностей, добытых ИАК, где И.Ф. Чистяков собственноручно преподнес альбом фотографических снимков его работы с фресок Спасо-Нередицкой церкви (Известия ИАК. Приб. к вып. 10. 1904: 2–3).

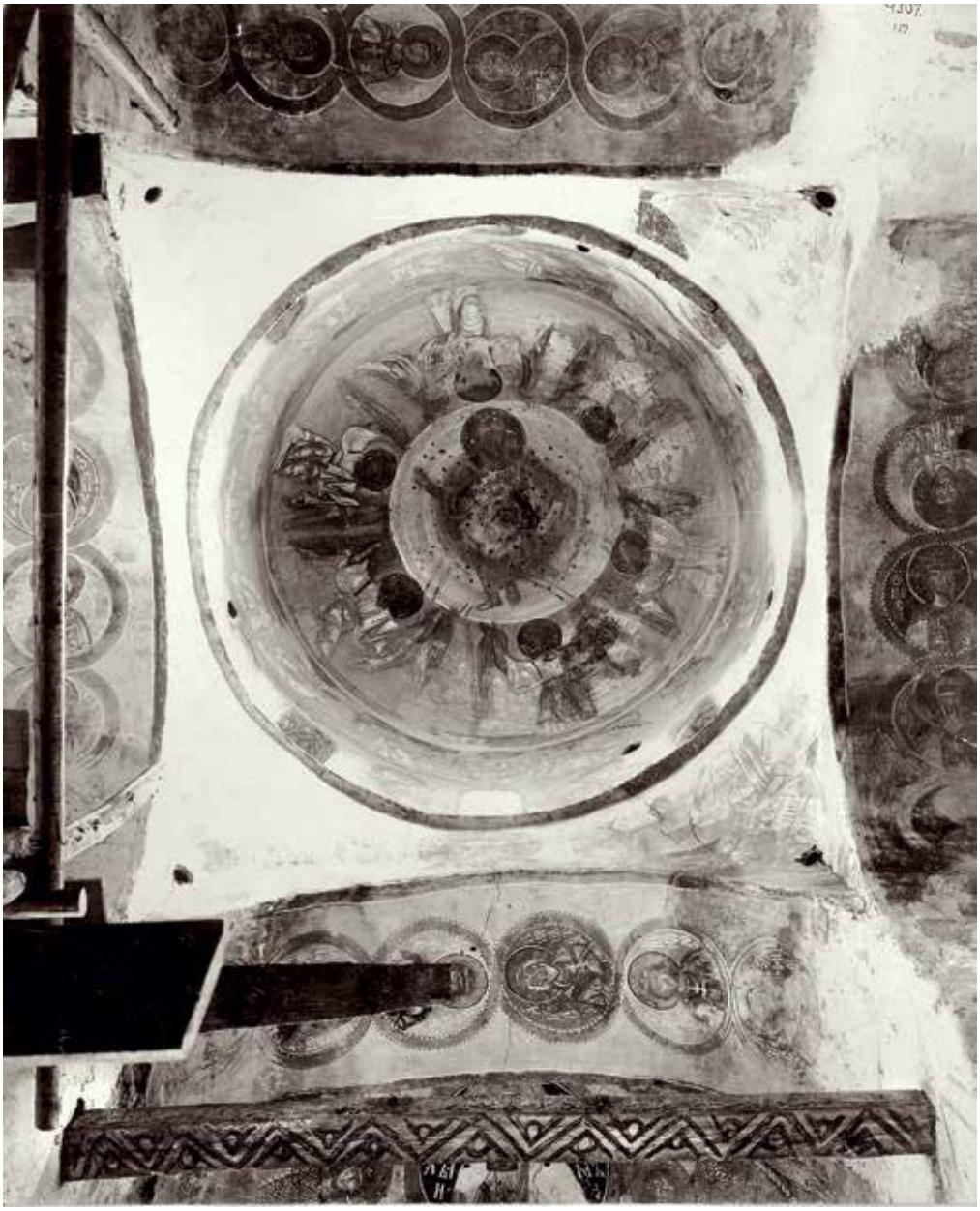
Масштабная реставрация храма 1903–1904 гг., проведенная на высоком для того времени технологическом и научном уровне, стала ярким событием в культурной жизни России и, конечно же, вызвала споры и разногласия среди представителей ученой общественности. Оппоненты П.П. Покрышкина вменяли ему в вину ликвидацию поздней пристройки, некоторые спроектированные им элементы декора позакомарного покрытия и употребление цементной штукатурки (см.: Памятники архитектуры 2002: 409–410). Тем не менее, несмотря на критику современников, «по тщательности исследования памятника, его фиксации, выполнения строительных работ эта реставрация не имела прецедентов» (Подъяпольский и др. 2000: 36). По мнению Е.В. Михайловского, «широкая дискуссия специалистов и общественности», развернувшаяся вокруг реставрации церкви Спаса на Нередице, способствовала «победоносному развитию в дальнейшем аналитического метода реставрации на русской почве» (Михайловский 1971: 132). Принято считать, что реставрация церкви Спаса на Нередице была переломным моментом в истории архитектурной науки, поскольку при осуществлении этих работ впервые от иконографического подхода, предполагавшего значимость лишь общего облика здания, исследователи стали переходить к пониманию ценностей нюанса исторического решения. Другой особенностью стала обязательность ведения натурных археологических обмеров (Памятники архитектуры 2002: 406, 410).

В период Первой мировой войны Комиссии вновь пришлось обратиться к защите Нередицкой церкви. В 1916 г. началось строительство стратегически важной железнодорожной магистрали Петроград — Царское Село — Новгород — Орел. Участок дороги должен был проходить рядом с храмом. К сожалению, общественности не удалось добиться переноса магистрали к северу от Новгорода. Исторически сложившийся ландшафт между Новгородом и Юрьевым монастырем и водная система были нарушены, состояние фресок в церкви Спаса на Нередице ухудшилось в связи с увеличением влажности (Маркина 2000: 331–362). В 1916–1917 гг. П.П. Покрышкин по заданию ИАК осуществлял археологический надзор за работами по проведению железной дороги вблизи церкви (Медведева 2013) и сделал уникальные фотографии, представляющие панораму этой местности во время строительства, а также фиксирующие состояние фресок. Фотографии округи, еще не обезображенной так никогда и не завершенной железнодорожной насыпью, были сделаны еще ранее в процессе реставрации 1903–1904 гг. (Носов, Хвощинская, Медведева 2013: 200–213).

ИАК была связана с изучением и фиксацией средневековой фресковой живописи и в других храмах Новгорода. В сентябре 1894 г. В.В. Суслов обратил



Церковь Спаса на Нередице. Фрески на южной стене под хорами. Князь Ярослав Всеволодович подносит Спасителю модель церкви. Фото И. Ф. Чистякова, 1903 г. (ФО. Отп. Q 730-26)



Церковь Спаса на Нередице под Новгородом. Вид на подпружные арки, паруса и купол. Фото И. Ф. Чистякова, 1903 г. (ФО. Отп. Q 730-35)

Вид от церкви Спаса на Нередице на Юрьев монастырь и Городище. Фото И. Ф. Чистякова, 1903 г. (ФО. Нег. IV 1048)

Строительство железной дороги у церкви Спаса на Нередице. Новгород. Фото П. П. Покрышкина, июль 1917 г. (ФО. Нег. II 39035)

Церковь Успения на Волотове под Новгородом. Общий вид. Работы В. В. Суслова, 1894–1895 гг. (ФО. Нег. II 14184)

внимание ИАК на состояние фресковой живописи в церкви Успения на Волотовом поле. Он писал: «Посещая Новгород по делам реставрации Софийского собора, я каждый раз сталкиваюсь с вопросами, подлежащими ведению археологических ученых обществ. В настоящее время я обращаю просвещенное внимание Комиссии на весьма интересный памятник по отношению к древней живописи. В церкви Успения в селе Волотово, построенной в 1352 г., сохранилась на всех внутренних стенах храма древняя фресковая живопись. Последняя была запылена, запачкана и частью покрыта плесенью» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 152. Л. 1). Известно, что В.В. Суслов произвел очистку и промывку фресок (Вздорнов 1989: 25) и в своем докладе в ИАК ходатайствовал о необходимости сделать кальки с росписей храма. Комиссия поддержала его инициативу и ассигновала 500 руб. для проведения работ. В течение 5 месяцев в 1894–1895 гг. художник Ф.М. Фомин снимал с фресковой живописи в церкви Успения на Волотовом поле под наблюдением В.В. Суслова кальки на прозрачный коленкор и бумагу в натуральную величину, а также выполнил ряд фотографий (ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 152. Л. 15 — 15 об.).

Много сил было отдано обследованию и сохранению крепостных стен и башен новгородского Кремля (Медведева 2014; 2016). Неоднократно обсуждался вопрос ремонта Спасской башни. В 1903 г. в Археологическую комиссию от новгородского губернатора О.М. Медема поступило отношение о разрешении капитального ремонта «пришедшей в крайнюю ветхость» кремлевской башни, в которой «находится часовня Живоносного источника», а также прилегающих стен. На место работ от ИАК командировали П.П. Покрышкина для осмотра и составления заключения. Ремонт башни был разрешен с условием обязательного сохранения ее в «существующем виде». Вместе с тем П.П. Покрышкин обращал внимание, что требуется более капитальный ремонт крепостного сооружения с привлечением дополнительных средств, так как и стена рядом с башней находится в плохом состоянии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 81. Л. 1–3).

В 1914 г. вновь потребовался ремонт Спасской башни. П.П. Покрышкин выехал в Новгород и произвел осмотр. На одном из реставрационных заседаний были утверждены проект и смета. Во время ремонта часовня при башне оставалась открыта для богослужений по причине «общего почитания, коим она пользуется» (Там же. Л. 86).

В 1915 г. от церкви свв. Флора и Лавра, к которой была приписана часовня Живоносного источника, поступил запрос о постановке креста на крыше башни и иконы Спасителя, «писаной на железе» в нише северной стены. После командировки специалистов Комиссии все работы были разрешены при условии, что крест должен иметь «древнюю форму», а икона, по возможности, написана в «древнем стиле» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 151. Л. 13 — 13 об.).

В 1906 г. Новгородская духовная консистория обратилась в ИАК с просьбой разрешить отремонтировать Покровскую церковь в Кремле за счет средств Софийского собора. Северная стена храма осела и наклонилась наружу, требовалась переборка части стены и замена фундамента. 30 сентября 1906 г. специалисты ИАК осмотрели церковь и выполнили фотофиксацию. Ремонт был одобрен при условии, что древние архитектурные формы не будут искажены и о каких-либо находках в процессе земляных работ для отведения фундамента будет немедленно сообщено в Комиссию (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 120).

В 1914 г. потребовалось переустройство Покровской башни, в которой находилась богадельня. Еще в 1898 г. с одобрения великой княгини Марии Павловны башня была безвозмездно передана Обществу попечительства о бедных и использовалась как пристанище престарелых. Вскоре для удобства использования помещений башни была построена деревянная лестница на три этажа. Средств у Общества попечительства о бедных на тот момент было немного, и «пришлось мириться» с пожароопасной лестницей, либо «закрыть пристанище и оставить на произвол судьбы» старух, здесь проживавших. В 1914 г. появились благотворительные деньги, и новгородский губернатор М.В. Ислявин обратился в Археологическую комиссию с проектом новой каменной пристройки к Покровской башне с пожаробезопасной лестницей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 81. Л. 45 — 45 об.). Обитательницы богадельни переехали на лето в мызу графини Орловой-Чесменской близ Юрьева монастыря, но к осени должны были вернуться обратно, поэтому новую пристройку, по словам губернатора, требовалось возвести в летние месяцы (Там же. Л. 81).

В июне 1914 г. П.П. Покрышкин совместно с новгородскими архитекторами А.Г. Эренбургом и А.Н. Дьяковым осмотрели башню и составили рапорт, что предполагаемая пристройка нежелательна и обезобразит ее внешний вид. П.П. Покрышкин также просил председателя ИАК содействовать освобождению башни от богадельни и поиску для нее иного помещения (Там же. Л. 81–82). Несмотря на это, новгородский губернатор продолжал писать письма в ИАК и лично ее председателю А.А. Бобринскому с просьбами ускорить принятие проекта, так как материалы уже закуплены, деревянная пристройка снесена, и рабочие готовы начать работы (Там же. Л. 62–63). А.А. Бобринской в своем ответе писал: «При всем стремлении идти навстречу высказанному Вами желанию, я не могу не считаться с доводами специалистов по отечественной старинной архитектуре. <…> Быть может, Вы признали бы возможным приказать доставить в Археологическую комиссию новый проект пристройки, <…> составленный с таким расчетом, чтобы пристройка вовсе не видна была снаружи, т. е. не выдавалась бы вверх за линию стен и башни;

желательно также, чтобы с внутренней стороны пристройка была в стиле, соответствующем стилю стен и башен и имела бы вид строения, установленного одновременно со стенами. Быть может, с таким проектом признают возможным согласиться и представители разных ведомств и Императорской академии художеств, которые участвуют в реставрационных заседаниях Комиссии» (Там же. Л. 67 — 67 об.).

Новый проект был составлен и после длительной дискуссии принят на одном из сентябрьских реставрационных заседаний, когда сотрудники ИАК вернулись обратно в Петроград после летних исследований. Вместе с тем Археологическая комиссия и П. П. Покрышкин лично обратились к новгородскому архиепископу с просьбой продлить срок пребывания жительниц богадельни на мызе Юрьева монастыря на время ремонта.

Большие работы были проделаны и по обследованию состояния сохранности крепостных сооружений Новгородского кремля. В августе 1910 г. в ИАК стало известно, что новгородские городские власти собираются замуровать часть ниш кремлевских стен (Там же. Л. 15). На запрос Комиссии новгородский губернатор П. П. Башилов ответил, что губернское правление, действительно, планирует приспособить для собственного архива одиннадцать глубоких ниш по соседству с уже оборудованными под хранение архива Казенной палаты и вплоть до Дворцовой башни. Он писал: «Губернское правление, ввиду недостаточности помещения, занимаемого его архивом в здании губернских присутственных мест, предполагает приспособить для архива одиннадцать глубоких ниш кремлевской стены <…> между башней, занимаемой архивом Губернского казначейства, и архивом Казенной палаты, устроенном в таких же нишах кремля. Эта часть кремля, обрушившаяся в начале шестидесятых годов (XIX в. — *Авт.*), возобновлена с устройством в ней ниш, которые, оставаясь открытыми, заносятся снегом и вообще, больше других частей, подвергаются вредному влиянию атмосферных осадков. Таким образом, с осуществлением проектируемой заделки ниш, достигается использование свободных помещений и сохранение целости в этой части кремля, не изменяя внешнего вида его» (Там же. Л. 17 — 17 об.).

Данные обстоятельства стали поводом к проведению сплошного осмотра и фотофиксации стен новгородского кремля специалистами-архитекторами под руководством П. П. Покрышкина для оценки их состояния и степени сохранности, а также для понимания, где и что можно в дальнейшем разрешать либо запрещать губернским властям ремонтировать и совершенствовать. Предполагалось составление плана возможных реставрационных мероприятий в будущем.

Перед поездкой П. П. Покрышкин запросил в ИРВИО отчет и фотоснимки Н. К. Рериха, который в том же году по заказу общества занимался обмерами новгородского детинца. На основе его данных и собственных сведений архитектор предоставил в ИАК рапорт о печальном положении дел с сохранением стен и башен Новгородского кремля. «…Оказалось, что башни и стены лишены всякого ухода и охраны. Беспрепятственно разрушают и растаскивают кладку и деревянные части башен. Все стены сплошь заросли кустами, так что даже осмотр стен часто является невозможным, не говоря уже о вреде этих зарослей для самой кладки. Особой

ветхостью отличаются прясла стен северной части кремля и южной — между башнями Кукуевской и Княжой, — где вся стена лишена крыши и поросла кустами, корни которых разворачивают кладку. Близ Московского въезда, около звонницы Софийского собора, в июне сего года была вынута и увезена земля для постановки деревянного сруба, а с него и часть кладки стены (причем в этом месте кладка наиболее древнего типа). От этого оставшаяся кладка оказалась обнаженной и незакрытой от размыва дождем и стекающей со стены водою. Там же установлен деревянный выгреб, на расстоянии одного аршина от стены, и все стоки идут под фундамент и разрушают его. С наружной стороны стен обращает на себя внимание отпадание кирпичной облицовки. Помимо выкрашивания отдельных кирпичей, часто отваливаются большие куски этой облицовки. В северной части кремля, с наружной стороны стены, у городского сада, есть отверстие, ведущее вниз под стену в низкое помещение, устроенное в толще стены. Это помещение, заваленное мусором, собирает дождевую воду, проникающую через указанное отверстие, которая размывает фундамент.

Башни находятся в таком же ветхом, разрушающемся состоянии. Особое внимание обращают на себя бывшие ворота: башни — Спасская, так назыв. Живоносного источника (бывшие Псковские ворота) и Владимирская. Обе имеют большие сквозные трещины, покосились, и стены их выгнулись. Связи некоторые лопнули, штыри же под напором стен согнулись. У обеих башен с наружной стороны пристроены каменные часовни. Во Владимирской башне своды почти все провалились, и внизу лежит груда кирпича и камня, завалившая прежний проезд. Все остальные шесть башен в одинаково заброшенном состоянии. В южной части кремля самая высокая семиэтажная сторожевая башня Кукуй лишена лестниц, окна — иные заложены кирпичом, другие забиты ставнями. В первом этаже трещины, из которых вываливается кладка. Соседняя с нею Княжая башня, также как и две круглые башни на северной стороне кремля, лишена внутри полов и стены деревянные висят, не доходя до земли. Башня, так называемая Дворцовая, где в двух этажах помещаются архивы Судебной палаты и Казначейства, носит следы недавней переделки. Верхние же два этажа, с замурованными окнами и дверями, стоят недоступные осмотру. Архив в обоих этажах лежит на полу под слоем грязи и голубиного помета. Под архив отведена также часть стены на месте Борисо-Глебской башни, где часть арок уже заделана и устроены помещения, другую же часть арок только что решено тоже заделать, превратив их в подобные же помещения. Эта переделка производится без ведома ИАК, также как и вообще поправка стен, — причем, вовсе не считаются с тем, искажает подобная перестройка вид стены или нет. Планомерных же работ по укреплению стен не производится вовсе и даже трудно указать, что сделано в этом направлении за последние два года. Заколачивание и замуровывание входов в башни не достигает цели, так как этим путем лишь достигается невозможность наблюдать за состоянием башен и осматривать их.

Является странным также полное игнорирование новгородцами Археологической комиссии, выражающееся в том, что, несмотря на протест последней против постройки зданий

внутри южной части кремля, там продолжаются обмеры этого места и, очевидно, мысль о постройке не останавливается» (Там же. Л. 20–21).

В результате 2–3 сентября 1910 г. особая комиссия под руководством П.П. Покрышкина произвела технический осмотр стен и башен новгородского кремля от восточных ворот в южном направлении для выяснения «степени ветхости стен». В ее состав вошли архитектор А.Н. Дьяков, председатель Новгородского общества любителей древности М.В. Муравьев, губернский инженер И. Трубников. В акте осмотра дано подробное последовательное описание состояния крепостных стен и башен: зафиксированы многочисленные трещины, обрушение сводов, выветривание кладки цоколя; стены во многих местах осыпались, вываливались кирпичи, разваливались и грозили обрушением зубцы стены (Там же. Л. 26–31). В процессе осмотра была осуществлена подробная фотосъемка крепостных сооружений кремля, зафиксировавшая его состояние на 1910 г. (ФО. О.428–О.431).

После проведенного обследования ИАК просила губернатора сообщить, «на какие суммы поддерживаются эти стены, и что сделано для поддерживания их в последние годы» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 81. Л. 33 — 33 об.), а также приостановить работы по устройству хранилищ для губернского архива в нишах стены, так как это «уродует исторический вид стены». Новгородский губернатор ответил, что ежегодно «ассигнуется» 1000 руб. на ремонт кремля, работы ведутся в наиболее опасных и грозящих обрушением местах, и что «вообще поддерживался кремль в надлежащем порядке: очисткой снега с наступлением весны и уничтожением зарослей» (Там же. Л. 37 об.).

Вновь к вопросу о комплексной реставрации стен и башен Новгородского кремля в ИАК вернулись весной 1914 г. по заявке Техническо-строительного комитета МВД и новгородского губернатора (Там же. Л. 49). В Комиссию был прислан проект (Там же. Л. 75–76) с описанием предполагаемых работ по капитальному ремонту стен и подсчетом требуемых средств (около 200 тыс. руб.). Он был составлен по результату осмотра стен специальной комиссией, куда входили новгородские архитекторы, инженеры и чиновники. К проекту прилагались фотографические снимки кремлевской стены в Новгороде (Там же. Л. 55).

По заданию Археологической комиссии летом 1914 г. П.П. Покрышкин отправился в командировку в Новгород для подтверждения проекта капитального ремонта и представленной сметы (Там же. Л. 52). 4 июня он осмотрел стены и составил отчет (Там же. Л. 85). Проект был принят к действию с небольшими поправками. По мнению П.П. Покрышкина, перед началом и в процессе работ требовалось обязательно составить «грамотные» чертежи и обеспечить наблюдение опытного архитектора-археолога, чтобы «соблюсти древний архитектурный стиль» (Там же. Л. 85 об.), поэтому к смете добавили еще 2 тыс. рублей на проведение археологического надзора и изготовление чертежей. Отдельно П.П. Покрышкин подчеркнул в своем рапорте, что «нельзя не приветствовать почина» новгородского губернатора в организации «единовременного» крупного ремонта крепостных стен кремля.

Проект капитального ремонта крепостных стен и сооружений новгородского детинца, подготовленный и утвержденный в начале XX в., так и остался

неосуществленным из-за начавшейся Первой мировой войны и последующих политических событий в России.

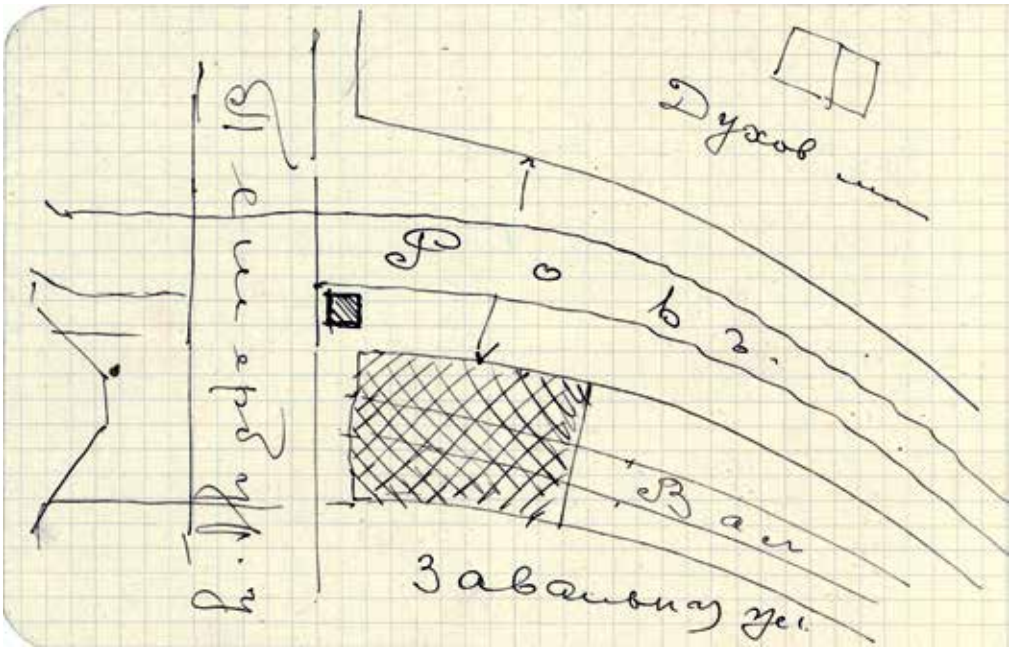
ИАК реставрировала памятники и на территории Новгородской губернии. В течение 1904–1905 гг. П.П. Покрышкин проводил обследование в Ферапонтовом монастыре при участии студентов, среди которых был и К.К. Романов. Монастырь был упразднен в 1798 г. Поводом к изучению его архитектурных построек послужило его возобновление и необходимость ремонта монастырских зданий. В отчете П.П. Покрышкин с сожалением писал: «...местные бытовые обстоятельства (каковы, напр., непонимание важности сохранения древних зданий, или же неправильное понимание идеи сохранения, а также спешность, с которой пришлось заселить монастырь и пр.) сделали то, что прежде чем Императорская археологическая комиссия узнала о восстановлении монастыря, уже было произведено расширение семи окон в нижнем этаже Благовещенской церкви. Более серьезные искажения были застигнуты вовремя и многое спасено от гибели» (Покрышкин, Романов 1908: 107).

Благодаря стараниям архитектора было сохранено единственное оставшееся в монастыре к началу XX в. служебное здание — «сушило» XVI в. Все остальные служебные постройки были разобраны на кирпич для строительных нужд. Если бы не вмешательство ИАК, то и данное здание было бы снесено, так как изначально Новгородская духовная консистория и обратилась в Комиссию в 1904 г. с просьбой разрешить «подвергнуть разборке ветхий и уже совершенно обрушивающийся каменный корпус», а кирпич употребить в дело постройки нового дома на этом месте (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 76. Л. 3). Однако по заключению П.П. Покрышкина, после его поездки в монастырь в августе 1904 г., Археологическая комиссия оценила корпус, о котором шла речь в прошении, как «редкий памятник древнерусского гражданского зодчества» и запретила его уничтожение (Там же. Л. 5 об.). Кроме того, были обмерены все постройки Ферапонтова монастыря, составлено их подробное описание и предложены проекты реставрации (Там же. Л. 24–34; Покрышкин, Романов 1908).

Реставрация Ферапонтова монастыря завершилась только в 1912–1915 гг. по инициативе Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (о нем см.: Алябьева 2001). В 1911 г. Обществом был создан специальный комитет под председательством А.В. Оболенского. В его состав вошли П.И. Нерадовский, Д.С. Стеллецкий, Н.К. Рерих, В.Т. Георгиевский, А.В. Щусев, П.П. Покрышкин, К.К. Романов (РО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 53. Л. 2 об.; РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 76. Л. 80 — 80 об.). Больше всего комитет беспокоила судьба Рождественского собора монастыря, где «обветшали и выветрились цоколи, стены местами обсыпались и дали трещины, доходившие до купола». На реставрацию храма комитету удалось собрать 4000 руб. частных пожертвований, затем с разрешения Святейшего Синода 27 мая 1912 г. был проведен всероссийский кружечный сбор, который дополнил сумму. Быстрый приток необходимых для работ средств позволил уже весною того же 1912 г. приступить к укреплению стен собора, которым грозила наибольшая опасность (Медведева 2007с: 262; ср.: Сарабьянов 2014). В 1912 и 1913 гг. выполнялись инженерные работы, с 1914 г. начались

Ферапонтов монастырь. Общий вид. Работы П. П. Покрышкина, 1905 г. (ФО. Нег. II 27820)

Ферапонтов монастырь. «Святые» ворота и «сушило». Работы П. П. Покрышкина, 1905 г. (ФО. Нег. II 27814)



План размещения офицерского собрания на месте городского вала Новгорода (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 145. Л. 4 об.)

архитектурные (см.: Памятники архитектуры 2002: 426). Реставрация зданий Ферапонтова монастыря производилась по проекту А. Г. Вальтера, который несколько раз обсуждался на реставрационных заседаниях ИАК и был утвержден в 1915 г. (Известия ИАК. Вып. 50. 1913: 44; Вып. 55. 1914: 85–86; Вып. 57. 1915: 8; Вып. 59. 1915: 60–62, 72–73).

Новгород и его памятники по целому ряду причин занимали в деятельности ИАК особое место. Именно здесь оттачивалась система взаимоотношений между ученым сообществом в лице Комиссии и православным духовенством. 4 мая 1910 г. в ИАК обратилась настоятельница Свято-Духовского монастыря в Новгороде игуменья Нина с просьбой вмешаться в предполагаемые срытие вала и засыпку рва для постройки здания офицерского собрания. Городская дума по просьбе военного ведомства решила отвести этот участок земли для будущего строительства. Игуменья просила оградить древний памятник от уничтожения. Относя его к XI в., она полагала, что вал составлял «оплот горсточки славян-колонистов среди враждебных им туземных финских племен». Впрочем, из прилагаемого плана выяснилось, что мать-игуменью заботила не столько сохранность исторической памяти, сколько то, что будущее офицерское собрание должно было расположиться как раз напротив монастырских келий.

10 мая ИАК обратилась к новгородскому губернатору. В письме говорилось, что если информация верна, то Археологическая комиссия считает своим долгом «категорически протестовать против такого распоряжения памятниками древности, подлежащими охране, а не уничтожению». Новгородское общество любителей древности на своем собрании 16 мая также

постановило защищать средневековый вал. И уже 21 мая губернатор П. П. Башилов уведомил Комиссию, что 20 мая постановление городской думы о строительстве отменено Губернским присутствием по земским и городским делам (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 145. Л. 7, 10). Здание офицерского собрания было построено в другом месте, а вал в этой северной части древнего города сохраняется и поныне.

28 марта 1912 г. правление Новгородского духовного училища сообщило в Археологическую комиссию, что еще 24 августа 1911 г. Святейший Синод распорядился организовать баню при этом учебном заведении, которое располагалось в Новгородском кремле. Съезд депутатов духовенства решил обратиться в Комиссию за разрешением построить здание бани на 60–70 студентов рядом с кремлевской стеной, к северу от училища. Комиссия определенно заявила, что «в кремле постройка бани не может быть разрешена», однако 23 декабря 1913 г. училищное правление вновь обратилось в ИАК уже за разрешением пристройки к зданию училища в связи с его переводом из четырехклассного в шестиклассное. Новый корпус планировалось построить с северо-востока уже существовавшего здания вдоль крепостной стены. Ответ 13 января 1914 г. Комиссии носил принципиальный характер. В реставрационном заседании было «не признано возможным согласиться на предполагаемое расширение здания», поскольку новая постройка вредно отзовется на сохранности близлежащей кремлевской стены и заслонит собою вид на этот редкостный памятник русской древней крепостной архитектуры (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 358. Л. 4).

22 апреля 1911 г. Новгородская духовная консистория известила ИАК о предстоящей постройке епархиального дома и консисторского здания в Новгородском кремле. При этом должна была быть разобрана предшествующая постройка 1826 г. Церковные власти, несмотря на то, что постройка, по их мнению, не представляла интереса, посчитали своим долгом сообщить о начале строительства. 3 мая Комиссия обратилась в Новгородское общество любителей древности с просьбой установить наблюдение за строительными работами, на что было получено согласие, однако впоследствии выяснилось, что подрядчики чинили археологам препятствия, а в июле 1911 г. местный архиерей распорядился забрать все находки, в основном каменные кресты XIV–XV вв., в архив консистории.

28 июля Комиссия была вынуждена направить архиепископу Новгородскому Арсению (Стадницкому) письмо, напоминая, что согласно Высочайшему повелению 11 марта 1889 г. раскопки на церковных землях могут проводиться лишь с разрешения ИАК, а сделанные здесь находки должны предоставляться на Высочайшее воззрение. В связи с этим ИАК просила архиепископа «не отказать сделать распоряжение о том, чтобы лицам, командируемым... обществом, было оказываемо возможное содействие», а о всех найденных древностях предоставлялся соответствующий отчет. 27 августа архиепископ отвечал, что соответствующие распоряжения были сделаны, найденные вещи помещены на выставке Археологического съезда, а впоследствии их предполагалось поместить в местный церковно-археологический музей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 83. Л. 14). Строительство епархиального дома

Каменные кресты, найденные у здания новгородской Духовной консистории во время строительства епархиального дома. Новгород, 1911 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 83. Л. 26)

Здание Духовной консистории в Новгородском кремле, снесенное в 1911 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 83. Л. 29)

в 1911 г. интересно еще и тем, что после сноса здания начала XIX в. были обнаружены следы разобранной в 1745 г. Воскресенской башни, где некогда находилась соименная надвратная церковь, основанная в 1298 г. Проездная арка на месте башни появилась лишь в 1820 г. (Кузьмина, Филиппова 1987: 28–29, рис. 64 а).

История церковной реставрации в Новгородской епархии представляется достаточно противоречивым явлением, хотя и П.П. Покрышкин, и Н.П. Кондаков единодушно ставили ее священноначалие в пример остальной России. К числу удачных возможно отнести ремонт Николо-Дворищенского собора и реставрацию храмовой иконы свт. Николая (XII в.). 27 декабря 1910 г. П.П. Покрышкин произвел осмотр собора, намечая археологические аспекты предстоящего ремонта. В результате он предписал при переустройстве фундамента тщательно отслеживать возможные находки погребений. 23 сентября 1913 г. был осмотрен образ свт. Николая (о нем см.: Гордиенко 2008). Комиссия в лице протоиерея А. Конкордина и А.И. Анисимова зафиксировала обкрошившийся до холста левкас на шее и правой руке святителя. На остальном пространстве иконы вскипела и начала шелушиться олифа, отпадая скорлупками и обрушивая левкас. На лике, носе и глазах святого образовались «выпадины». Было отмечено, что лик и руки святого были покрыты кусочками слюды, прикрепленными воском. В мае 1914 г. ИАК поручила Ф.А. Каликину закрепить левкас и краски на иконе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 295. Л. 34, 41).

В целом успешно проходила и реставрация церкви св. вмч. Феодора Стратилата на Ручье, начатая в 1910 г. по инициативе НОЛД и МАО и приуроченная к XV Археологическому съезду в Новгороде. В комиссию по надзору над расчисткой фресок вошли А.И. Анисимов, П.И. Юкин и Л.И. Стальнов, который лично финансировал работы. От ИАК в ней принял участие В.К. Мясоедов. Накануне съезда значительная часть труда была закончена, и Комиссия обратилась к новгородскому архиепископу с просьбой оставить строительные леса в храме, чтобы участники встречи могли познакомиться с фресками. Работы по открытию росписи были закончены к осени 1912 г. Однако уже в 1914 г. возникла идея установить новый иконостас работы Г.И. Чирикова на тяблах XVII в., хотя консистория настаивала на возвращении старого иконостаса. Впрочем, сама идея закрыть только что расчищенные фрески высоким иконостасом вызвала на реставрационном заседании ИАК совместный протест П.П. Покрышкина, К.К. Романова и А.И. Анисимова. Прозвучало предложение оставить леса в храме до окончания работ по укреплению фресок и стен, которые стоило отложить до возвращения в Новгород П.И. Юкина, наиболее знакомого с состоянием росписи. Эта дискуссия не получила продолжения из-за начавшейся мировой войны (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 183. Л. 30 — 30 об.; ср.: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 542. Л. 190 об., 204 об. — 205; см. также: Царевская 2007).

В августе 1911 г. члены XV Археологического съезда в Новгороде увидели не только фрески церкви вмч. Феодора Стратилата. Осматривая Лихудов корпус конца XVII в., некоторые из них были поражены «вандализмом» по отношению к памятникам старины. Чуть раньше, 30 июля 1911 г., об этом писал «Волховский листок», обвиняя

епархиального эконома в желании «невинность соблюсти и капитал приобрести» при ремонте этого корпуса в Новгородском кремле, а делегат съезда В.М. Турчанинов-Орловский предложил выработать общероссийские правила реставрации церковных памятников. 31 августа Комиссия запросила архиепископа Арсения по поводу справедливости прозвучавшей критики, и уже 10 сентября Лихудовский корпус, «приспосабливаемый» для епархиальной школы псаломщиков, осматривал П.П. Покрышкин. Он констатировал, что внутри здания были разобраны древние перегородки на втором этаже, уничтожены сводчатые переходы в одном из коридоров, увеличены оконные проемы и пробиты двери. 6 октября архиепископ Арсений, частично соглашаясь со справедливостью выдвигаемых обвинений, признавал себя ответственным лишь за то, что своевременно не обратился за разрешением в ИАК. 18 октября Комиссия официально выразила Новгородской епархии свое «глубокое сожаление сделанными переделками», однако уже в 1912 г. Арсений вновь разрушил несколько надворных построек во владычном дворе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 214. Л. 3, 4, 6, 9, 10).

Впоследствии Комиссия фиксировала в Новгороде случаи недолжного обращения с иконами. В феврале 1915 г. П.П. Покрышкин констатировал «ужасающе небрежную расчистку» Иерусалимской иконы Божией Матери XIV–XV вв. Когда он наблюдал этот образ весной 1914 г., такого еще не было. П.П. Покрышкин отметил, что «расчисткою стравлены наиболее существенные части иконы… части ликов Божией Матери и Спасителя, фон же остался нерасчищенным», и что «икона поражает в сохранившихся частях ликов

Иерусалимская икона Божией Матери XIV–XV вв. после «поновления». Церковь свв. кнн. Бориса и Глеба, Новгород (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 27. Л. 23)

своею красочностью и ярким румянцем». 25 февраля Археологическая комиссия направила архиепископу Арсению соответствующий запрос по этому поводу, который остался без ответа (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 27. Л. 1 — 4 об.).

Для молчания могли иметься весомые причины. 20 июля 1915 г. был издан новый синодальный указ о порядке разрешения споров между консисториями и Археологической комиссией (см.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Д. 98. Л. 7). В основу указа лег доклад Комиссии по вопросу «об устранении затруднений при перестройках и ремонтах церквей, имеющих археологическое значение», созданной Определением Синода от 28–29 января 1915 г. за № 702 и возглавляемой как раз архиепископом Арсением. Доклад был датирован 6 марта

1915 г. В нем отмечалось, что ИАК вступает в пререкания с духовным ведомством при разрешении вопросов «удовлетворения духовных потребностей православных прихожан», под которыми имелись в виду поновления и перестройки древних храмов. Согласно докладу, «археология» настаивала на сохранении памятника в неприкосновенном виде, тогда как «духовные потребности» — на приспособлении храма для удобств паствы. Таким образом, ИАК лишала архипастырей возможности исполнять свой пастырский долг. В тексте доклада содержались прямой шантаж и передергивание фактов: церкви остаются без ремонта из-за запретов ИАК. Определение предполагало, что Синод должен иметь большее значение в подобных вопросах, чем ИАК, а «археологические потребности», в отличие от духовных, могут быть удовлетворены через фотографирование остатков старины. В результате было определено, что епархиальные архиереи в спорных случаях должны представлять дело в Синод, где председатель Строительного комитета сам решает этот вопрос со своим археологом, назначенным обер-прокурором.

Такая практика, по мнению Синода, соответствовала статье 91 Строительного устава 1900 г. и статье 47 Устава Духовных консисторий 1883 г. Эта была явная натяжка, поскольку в случае с древними памятниками, имеющими археологическое значение, должна была действовать статья 50 Консисторского устава, упоминающая археологические общества, и статья 95 Устава строительного. Синод пытался использовать лазейки в законодательстве, его несовершенство и несогласованность.

А.А. Бобринской узнал о новом указе даже не из столичных, а из волынских газет. Председатель ИАК дважды, 30 сентября 1915 г. и 28 января 1916 г., писал в канцелярию Синода, прося подтвердить факт такого указа и прислать его полный текст. Очевидно, чувствуя юридические проблемы своего решения, Синод всячески затягивал с ответом. Лишь 12 февраля 1916 г. циркулярный указ № 20, разосланный во исполнение определения Синода 24 апреля — 19 июня 1915 г., был препровожден в ИАК (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 346 — 346 об., 351–352, 353 — 353 об.). В ответ на это председатель Комиссии написал в Синод в марте 1916 г., возражая против принятого решения и ссылаясь на повеление 11 марта 1889 г., имевшее силу закона. Ответом на это явилось письмо из синодальной канцелярии от 16 августа 1916 г. (Там же. Л. 354 — 356 об.; ср.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Отд. 1. Д. 98. Л. 14–18).

Письмо отличалось запутанным стилем и логикой бюрократической отписки. Оно начинается с упоминания о том, что уже в 1909 г. в Синоде рассматривался вопрос об отмене ст. 78, 91 и 95 Строительного устава и ст. 50 Устава консисторий. Напомним, что ст. 78 предписывала производить реставрацию монументальных памятников древности по предварительному соглашению с ИАК и Академией художеств, ст. 91, дублирующая ст. 47 Устава духовных консисторий, определяла, что постройка, перестройка и распространение храмов могут производиться с разрешения епархиального начальства, тогда как для столичных и древних церквей требуется разрешение Синода или Высочайшее соизволение, а ст. 95 Строительного устава, аналогичная ст. 50 Устава консисторий, напоминала, что обновления в древних церквах без Высочайшего соизволения

запрещены. Согласно двум последним статьям, на исправление, возобновление и изменение живописи и других предметов древности требовалось разрешение Синода после предварительного сношения с археологическими обществами.

Далее перечислялся целый ряд синодальных указов и определений (1894, 1908, 1909 гг.), где духовному ведомству предписывалось обязательное сношение с ИАК при осуществлении ремонта и реставрации. В письме рассказывалось о деятельности синодальной комиссии 1915 г., передавалось содержание указа от 20 июля 1915 г. и вновь утверждалось, что все спорные дела должны поступать в Синод для решения их в последней инстанции, что якобы как раз и соответствует ст. 91 и 47 консисторского и строительного устава. Однако, по сравнению с текстом указа 1915 г., письмо содержит дополнительную информацию о работе синодальной комиссии. К числу ее рекомендаций относилось пожелание, чтобы в состав ИАК входил один из епископов по назначению Синода. Однако, поскольку вхождение архиерея в Комиссию было затруднено из-за ее штатного расписания, это признавалось невозможным.

Существующее противоречие Синод полагал разрешить на более высоком уровне. Министр императорского двора должен был дать ИАК особое разрешение на непосредственный контакт с обер-прокурором с целью окончательного решения спорных дел. Одновременно Синод подтверждал, что указ 1909 г., предписывающий духовному ведомству входить в сношение с ИАК, остается в силе, и что новый циркуляр не предполагает ослабить закон, но лишь устанавливает контроль над деятельностью епархиального начальства со стороны Синода в случае споров между консисторией и Комиссией. Поскольку в этом случае соглашение достигается между центральными учреждениями — Синодом и ИАК, нет никакой нужды в особом циркуляре с соответствующими разъяснениями. В письме дело подается так, будто бы Синод берет на себя роль посредника в спорных делах и будет сам улаживать вопрос с археологами, тогда как по смыслу синодального указа 1915 г. ясно, что вопрос будет решаться без участия ИАК в Техническо-строительном комитете Синода. Нельзя сказать, что в 1915–1916 гг. Российская церковь вышла из-под общей системы государственного надзора за охраной памятников. Однако синодальная бюрократия воспользовалась тяготами страны и ослаблением государственной власти в условиях военного времени для создания себе привилегированного положения.

В условиях всероссийского общественно-политического кризиса Поместный собор 1917–1918 гг. закрепил сложившуюся к этому времени тенденцию в деле охраны памятников церковной старины. Определение о епархиальном управлении (14, 20 и 22 февраля 1918 г.) 13-м пунктом в обязательном порядке постановляло, что «в каждой епархии действуют на основании особых уставов епархиальные церковно-археологические, церковно-исторические… общества и существуют епархиальные древлехранилища» (Собрание определений и постановлений 1994: 18, пагинация I). Ремонт древних храмов и поновление икон и иконостасов, ценных в археологическом отношении, должны были производиться только с разрешения епархиального архиерея. Порядок

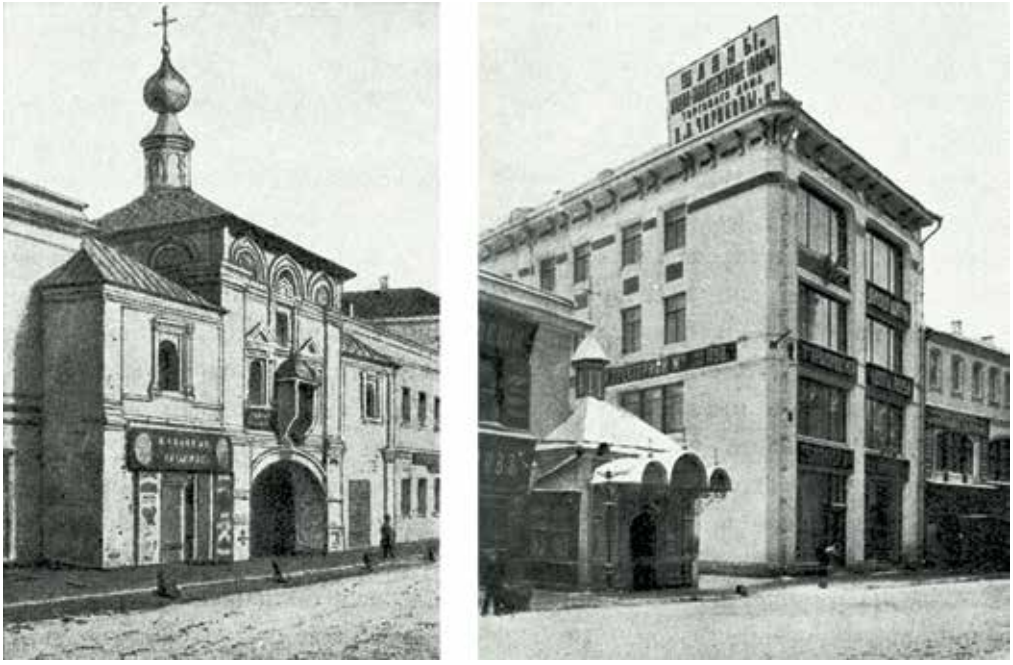
получения такого разрешения не был указан, как не была упомянута необходимость согласования этих проектов с Археологической комиссией или археологическими обществами, хотя в данном случае подразумевалось участие церковно-археологических епархиальных обществ в деле реставрации местных памятников. Воспользовавшись системным кризисом российской государственности, Собор, как и Синод в 1915–1916 гг., поспешил избавиться от «внешней» опеки, целиком положившись на «ведомственные» общества и комитеты.

Попытки создания синодальной комиссии, которая бы подменяла собой ИАК в деле охраны и реставрации церковных памятников, предпринимались и до Первой мировой войны, однако, по счастью, ни одна из них не увенчалась успехом. В 1908–1909 гг. в Синоде обсуждался проект преобразования Комиссии по разбору и описанию синодального архива в Архивно-археологическую комиссию (подробнее см. главу I), где предполагалось, что комиссия и епархиальные церковно-археологические общества будут самостоятельно, без участия ИАК, решать вопросы охраны и реставрации церковных памятников. Несмотря на то, что проект так и не осуществился, соборное определение 1918 г. ориентировалось на принципы, возникшие в синодальной канцелярии за 10 лет до этого.

Попытка создания такой церковно-археологической синодальной комиссии была связана с инцидентом 1907–1908 гг., в результате Синод был вынужден 28 сентября — 2 ноября 1909 г. вновь подтвердить права и полномочия ИАК, запрещая перестраивать и реставрировать древние церкви без согласования с ней (см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 50. Л. 347 — 347 об.). Поводом для синодального указа послужил запрос «одного из епархиальных архиереев» о предоставлении ему права самостоятельно решать вопросы перестройки и ремонта без сношений с Синодом. Речь шла о конфликте вокруг некоего храма 1670 г., когда ИАК поставила архиерею в вину его самовольное переустройство и разрушение.

Этот конфликт связан с именем митрополита Московского и Коломенского Владимира (Богоявленского) и Богоявленским монастырем в Москве. В свое время монастырская братия во главе с епископом Дмитровским Трифоном (Туркестановым) начала сносить древний надвратный храм в честь свт. Николая ради постройки четырехэтажного доходного дома. Работы были остановлены МАО, и 17 августа 1907 г. монастырское руководство сняло с себя всякую ответственность за сохранность полуразобранной церкви на Никольской улице, которую так и не удалось сохранить. История 1907 г. закончилась тем, что МАО обратилось к митрополиту с запросом, не сочтет ли тот возможным предотвратить повторение подобного (Древности 1907: 40). Однако уже на будущий год епископ Трифон задумал устроить Никольский придел в галерее Богоявленского собора, используя для этого престол только что разрушенного храма. Поскольку это предусматривало серьезное переустройство галереи, МАО, а затем и ИАК ответили отказом. Митрополит обратился в Синод, что и вызвало новое постановление об обязательности согласования вопросов ремонта и реставрации храмов в ИАК.

Это постановление было тут же опротестовано МАО как не соответствующее закону. Графиня П. С. Уварова,



Святые ворота с надвратной церковью в Богоявленском монастыре, Москва. Рисунок Мартынова. Монастырский доходный дом на месте ворот и церкви в Богоявленском монастыре, Москва (по: Древности 1907: 92, 93, рис. 23, 24)

используя расплывчатость юридических формулировок, выдвинула свое толкование ст. 78 Строительного устава, которая предписывала согласовывать с ИАК лишь реставрацию монументальных памятников, тогда как статьи 91 и 95, охватывающие, по ее мнению, все остальные случаи реставрационных работ, предписывают контакты с МАО (Древности 1912: 154–160). Она и не подозревала, что через 5 лет именно такое толкование позволит Синоду фактически избавиться от контроля общества и государства над реставрацией памятников церковной культуры.

Комиссия участвовала в ремонте и реставрации и других церковных памятников Москвы. В 1910–1913 гг. происходила реставрация икон в храме Спаса на Бору в Московском Кремле. 2 марта 1913 г. на реставрационной комиссии возник спор о восстановлении первоначальных золотых надписей над клеймами чудес при образе нерукотворного Спаса. П.П. Покрышкин, ссылаясь на нормы музейной реставрации, призывал пощадить и не записывать сохранившиеся подлинные фрагменты. Он, в частности, говорил о том, что нужно избегать реставрации там, где в этом нет крайней необходимости. Однако он встретил сопротивление с самой неожиданной стороны. С.Д. Милорадович, академик живописи и представитель МАО, настаивал на том, что надписание есть совершенно необходимый элемент иконы, раскрывающий ее догматическую сущность. Эта традиция священна, и «археологический взгляд» должен быть принесен ей в жертву. Его поддержал архитектор Московского дворцового управления А.В. Иванов, жестко заявивший, что нельзя превращать церковь в музей. Свое «особое

мнение» о реставрации письменно изложил протоиерей Николай Извеков. Согласно его записке, в задачи реставрации входит восстановление чистоты картины на время ее написания, снятие наростов последнего времени и «обнажение примитива», который вышел из-под руки первоначального художника. С точки зрения протоиерея, «музейная реставрация» может закрыть или ослабить содержащийся в иконе источник святого воодушевления, благочестивые мысли и святые чувства верующих: «Какое впечатление могут произвести на богомольцев иконы, на которых реставраторы, в угоду археологии, будут оставлять без исправления повреждения и разные пятна?» Все это вызвало удивление П.П. Покрышкина: религиозное чувство ничуть не оскорбляется при виде фрагментов подлинных надписей на иконах. К тому же подобный прецедент уже существовал, когда без поновления были оставлены надписи на фресках Троицкого собора Ипатьевского монастыря (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 198а; РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 26 (1910–1913 гг.). Л. 84 об. — 85, 98 — 99 об., 125–128).

Подобные споры возникали и в отношении реставрации стенописи Успенского собора в Кремле в 1910–1918 гг. В 1915 г. П.П. Покрышкин отметил, что попытка золочения на фресках 1643 г. оказалась неудовлетворительной (Известия ИАК. Вып. 59. 1915: 1–5). Характерно, что во время дискуссии высказывались мнения о допустимости различных подходов к восполнению утрат фресок, расположенных в разных частях храма. Участники реставрации полагали, что если росписи наоса должны быть «приспособлены» к особенностям восприятия «богомольцев-простецов», то иконопись в алтарных пространствах вполне может быть оставлена без тонировок, поскольку созерцается лишь людьми богословски образованными, с развитым религиозно-эстетическим чувством (Качалова 1998: 36–44).

Сложности взаимоотношения ИАК и церковной администрации хорошо раскрываются на примере конфликта, который произошел у П.П. Покрышкина с профессором Киевской духовной академии и заведующим ее Церковно-археологическим музеем Николаем Ивановичем Петровым (1840–1921). В своих воспоминаниях Н.И. Петров выделил две тенденции в области охраны памятников церковной старины, сложившиеся в начале XX в.: централистическую, идущую от ИАК и стремящуюся сохранить в неприкосновенности всякий остаток церковной древности, «поставив его под стеклянный колпак», и местную, связанную с епархиальными архиереями, приходскими и монастырскими настоятелями (здесь и далее см.: Петров 1997: 108–112). Девизом первого направления, по его мнению, могло бы стать изречение «pereat mundus, fiat archeologia». Н.И. Петров полагал, что по смыслу закона археологической охране подлежали только памятники досинодальной эпохи, но «гг. Покрышкины стараются охранять и более поздние памятники». Он приводит в своих воспоминаниях эпизод, связанный с попыткой строительства в Михайловском Златоверхом монастыре в Киеве новой трапезной церкви вместо прежней, созданной в 1760-е гг. и к началу XX в. обветшавшей. В этот поздний храм оказался встроен портал боковой двери, оставшийся от древнего храма. Несмотря на заверения монастырской комиссии, что дверь может быть сохранена и при строительстве, П.П. Покрышкин, произнеся

Икона Преображения Господня. Церковь Спас на Бору, Кремль, Москва. Рукописное примечание — «Колера отмечал П. И. Юкин», 1913 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 198а. Л. 31)

Икона Преображения Господня по удалении грязи с образа св. прор. Ильи в левой части. Церковь Спас на Бору, Кремль, Москва. Фото монаха Антония. 1911 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 198а. Л. 32)

Икона Преображения Господня после реставрации. Церковь Спас на Бору, Кремль, Москва. Фото монаха Антония. 1913 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 198а. Л. 33 об.)

свой вердикт о нежелательности каких-либо перестроек, абсолютно утратил интерес к работе комиссии. На недоуменные вопросы собственников, что же им делать после запрещения вести переделки древних церковных зданий, П.П. Покрышкин, по свидетельству Н.И. Петрова, якобы отвечал: «Это не мое дело, я имею в виду только археологические интересы». Сам Н.И. Петров был сторонником того, чтобы сочетать задачу охраны церковной старины с повседневными литургическими и хозяйственными нуждами, хотя, по его собственному признанию, эти «нужды» зачастую диктовались вкусами или прихотями архиерея или настоятеля. По его наблюдению, в церковной практике в обиход вошло создание «домашних» экспертных церковных комиссий, принимавших выгодные епископу-заказчику решения или же просто констатировавших факт перестроек.

Разница отношения к церковной старине со стороны членов Археологической комиссии и некоторых представителей духовенства нашла свое наиболее полное выражение в 1910 г. в связи с предполагаемым ремонтом Никольского храма в Московском Новоспасском ставропигиальном монастыре (1652 г.) (здесь и далее см.: Известия ИАК. Вып. 41. 1911: 24–28). Для целей «церковно-просветительской деятельности» монастыря было решено приспособить Никольский храм. Московская синодальная контора решила, что храм не имеет археологического интереса, и ремонт превратился в расширение церкви. Все это вызвало вполне предсказуемую реакцию МАО в письмах от 12 и 17 июня 1910 г. в синодальную контору, где требовалось «принять меры против варварского своеволия монахов».

В ответ настоятель монастыря архимандрит Макарий (Гневушев) сформулировал особую идеологию отношения к древности. По его мнению, несвоевременное удовлетворение духовных нужд приходов ведет к гибельным последствиям. Между тем среди археологов — «решительных специалистов», не имеющих никаких других занятий, ревность к «археологическим подробностям» нередко доходит до идолопоклонства перед каждым древним кирпичом. У церкви нет денег и места, чтобы строить новые храмы. Остается лишь одно — оставить храм разрушаться и пренебречь современными пастырскими обязанностями. Такие случаи ясно говорят, что вопрос о взаимных отношениях между археологией и насущными нуждами современности должен подвергнуться всестороннему обсуждению и должны быть положены пределы «запрещениям», исходящим от археологии в деле первостепенной важности для Церкви. Границы допустимого должны быть обусловлены не одним только мертвым служением старине, но и высшими побуждениями религиозно-нравственной жизни, постоянно развивающейся. Церковная власть должна понять, что любовь к старине у «варваров монахов» более целесообразна и глубока, чем у археологов. На заседании ИАК 23 февраля 1911 г. эта теория вызвала законное недоумение. Сохранение древних храмов в чистоте их исторических форм есть одна из важных форм православного служения, как и хранение канонов и традиций вообще. Для дела веры лучше отнюдь не то, что удобнее, просторнее, практичнее и блестит новизною, поскольку религиозное настроение не достигается золотом. В частности, А.А. Спицын

отметил, что Комиссия впервые столкнулась со столь решительной отповедью со стороны духовенства в адрес охраны памятников старины...

При изучении истории архитектурной реставрации и охраны памятников в России научное и общественное внимание традиционно было приковано к деятельности ИАК в области изучения, охраны и реставрации высококлассных памятников русского средневекового зодчества. Но едва ли не более, чем эти яркие страницы ее истории, время, усилия и внимание Комиссии занимали мало чем знаменитые сельские храмы, раскиданные по всей России, и складывавшийся вокруг них сакральный ландшафт.

Так, 8 ноября 1913 г. А.А. Бобринской должен был вступиться за сосновую рощу на Святой горе близ с. Едимонова Корчевского уезда Тверской губернии и обратиться к министру финансов, поскольку эта земля принадлежала Крестьянскому поземельному банку, с просьбой не допустить ее вырубку. Накануне этого обращения 28 октября Тверская духовная консистория переслала в ИАК прошение причта и прихожан с. Едимонова о защите вековой рощи вокруг часовни в честь св. кн. Михаила Тверского, куда на праздник Вознесения Господня отправлялся крестный ход. По преданию, отсюда родом была мать князя Ксения, дочь местного пономаря Афанасия, и здесь Михаил прощался с ней перед своей последней поездкой в Орду (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 280. Л. 1 — 1 об.).

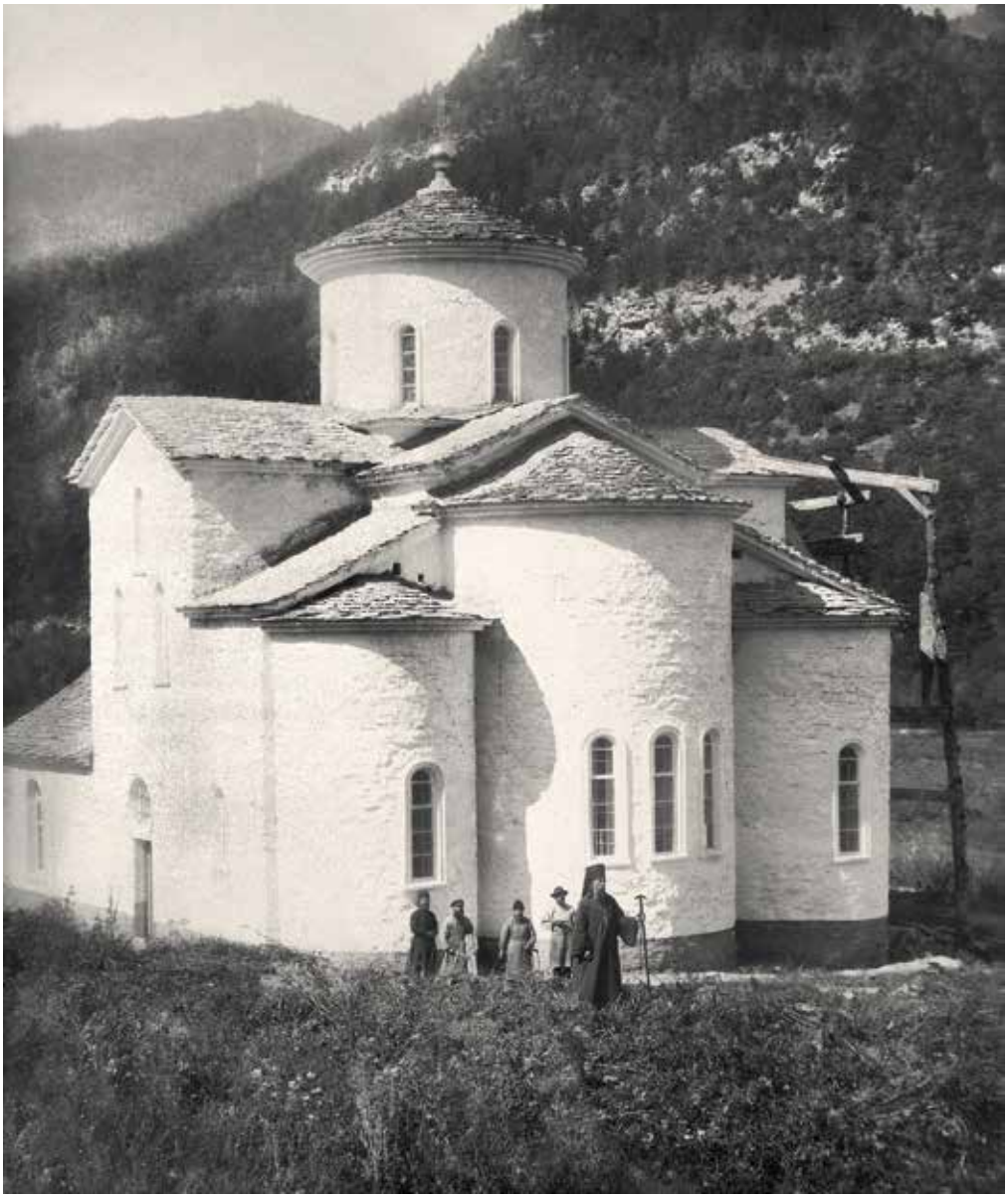
5 апреля 1911 г., узнав из газет о подмывах берега р. Ветлуги под Никольской церковью в г. Варнавине, где находились мощи прп. Варнавы Ветлужского, ИАК обратилась в Костромскую духовную консисторию с просьбой проверить появившуюся информацию. Консистория отвечала, что еще в 1905 г. берег был укреплен инженерами Министерства путей сообщений системой свайного заграждения. Однако в мае 1912 г. произошел новый подмыв, и консистория уже сама извещала Комиссию о происшедшей беде. На месте был составлен акт, и совершение богослужений было временно приостановлено (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 132. Л. 4 об.). Комиссия принимала участие и в обсуждении вопроса об укреплении берега р. Ваги и перенесении Шенкурских соборов в 1909 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1902 г. Д. 117. Л. 12, 17).

Не все начинания Археологической комиссии в этой области были одинаково удачны. 11 августа 1905 г. подольский благочинный священник И. Угринович обратился в «Санкт-Петербургское историко-археологическое общество» в связи с вопросом о возможности разборки церкви во имя св. вмц. Параскевы в с. Княжполь Подольской губернии, построенной в 1602 г. Попав в РАО, письмо было переправлено в ИАК, которая 26 апреля 1906 г. командировала для осмотра храма В.Д. Караулова. Из его докладной записки выяснилось, что из храма, представлявшего несомненный интерес в архитектурном отношении, были уже вынесены все иконы и утварь, и сам он предназначался к полной разборке (РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 134. Л. 3, 7).

Обращения провинциального духовенства не всегда получали отклик из Петербурга, особенно если за ними стояла не столько необходимость защиты памятника принятием административных или реставрационных мер, сколько просьбы о материальном вспомоществовании. 10 марта 1897 г. в Императорскую археологическую

Подмыв Варнавинской горы, Костромская губерния, 11 мая 1912 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 132. Л. 7)

Церковь св. вмч. Параскевы в с. Княжполь, Каменецкий уезд, Подольская губерния
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1905 г. Д. 134. Л. 12)



Храм в Зеленчукском ущелье, возобновленный настоятелем св. Александро-Афонской Зеленчукской пустыни игуменом Серафимом. Фото А. Старжевского, 1897 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 42. Л. 8)

комиссию обратился настоятель Александро-Афонской пустыни в Зеленчукском ущелье игумен Серафим об оказании ему содействия в сохранении местных памятников (см.: Древние христианские храмы 1897; см. также главу IX). Обитель, состоящая из нескольких храмов VIII–X вв., была восстановлена 18 октября 1889 г. синодальным указом. Игумен, проявив немалый организационный талант, уже отреставрировал несколько храмов, однако,

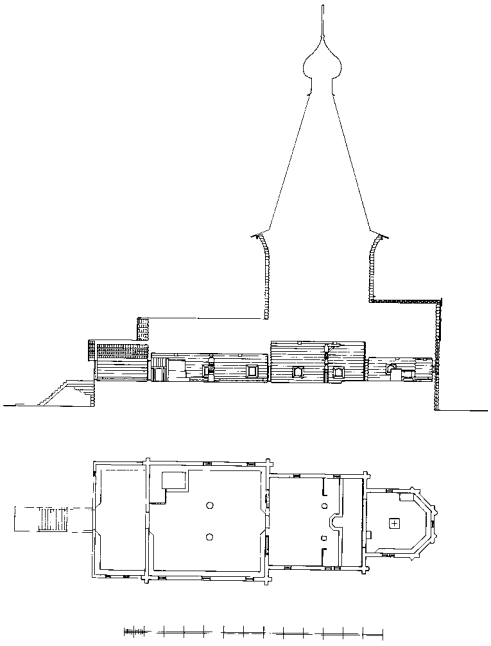
Храм в Зеленчукском ущелье Кавказского хребта до реставрации. Акварель Д. М. Струкова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 42. Л. 3)

поскольку средств явно не хватало, он просил Комиссию прийти ему на помощь «выбранным способом». Ответа не последовало, хотя для ИАК было бы целесообразно проверить методическую грамотность и эстетическую ценность осуществленного восстановления. К тому же игумен оказался искренним краеведом. Он обратил внимание Комиссии на то, что рядом с монастырем находится древнее кладбище, где «гробы такие же, как в римских катакомбах», и прислал тряпичные прориси плит с погребальными надписями. Несмотря на то, что ИАК никак не прореагировала на его первое обращение, 8 марта 1900 г. игумен вновь писал в Комиссию, сообщая, что им найдена плита с греческой надписью на каменном кресте, и попросил сделать перевод. Перевод надписи, которая была определена как «поздняя», был сделан 31 марта В. В. Латышевым: «І(ису)съ Х(ристо)съ / Святый Фома / Господи помози / рабу твоему Мине / Святый Николай / Святый Георгий» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 42. Л. 3 — 3 об., 10).

Впрочем, основным полем деятельности Комиссии в области непосредственного участия в реставрации церковного зодчества по-прежнему оставался Северо-Запад, тогда как «реставрационная комиссия МАО» в основном сосредоточивала свою деятельность в Москве и Московской губернии, Закавказье и губерниях Северо-Западного края (Памятники архитектуры 2002: 343).

Многие исследовательские и реставрационные проекты на Русском Севере были связаны с личностью Д. В. Милеева (см.: Ёлшин, Мелюх,

Ходаковский 2015). В 1905–1906 гг. он контролировал в с. Пучуга Вологодской губернии перенос деревянной Петропавловской церкви XVIII в., производившийся местными крестьянами и причтом. Он произвел фотофиксацию церкви и выполнил чертежи, которые послужили руководством для ее переустройства. Согласно отчету Д.В. Милеева на реставрационном заседании ИАК в 1907 г., разборка конструкции, перенос и ее сборка на новом месте полностью соответствовали его документации. Он также отметил, что исполнители работ проявили «глубокий интерес к сохранению всего в прежнем виде и умелое понимание чертежей». Заслушав заключение архитектора, участники заседания постановили передать через консисторию благодарность причту и старосте «за достойную всяких похвал добросовестность при переустройстве церкви» (Известия ИАК. Вып. 26. 1908: 47–48).



Петропавловская церковь в с. Пучуга, Вологодская губерния. Чертежи Д.В. Милеева (ФО. Нег. III 9934)

В 1911 г. Д.В. Милеев также выполнил обмеры деревянной Троицкой церкви Каргопольского уезда Олонецкой губернии (Известия ИАК. Вып. 44. 1912: 73–74). В 1912 г. Д.В. Милеев произвел обмеры и наблюдал за ремонтом деревянной церкви XVII в. в Челмужах Олонецкой губернии (Известия ИАК. Вып. 46. 1912: 5–7). В 1913 г. он произвел осмотр и составил подробное описание деревянной Георгиевской церкви XVI в. Шеменского прихода Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии. Духовная консистория ходатайствовала о разборке храма и воссоздании его в прежнем виде из «нового леса». После доклада Д.В. Милеева по результатам поездки было признано историческое и художественное значение этой церкви и разрешен лишь ремонт (Известия ИАК. Вып. 52 1914: 68–73). В этом же году Д.В. Милеев командировался Комиссией для осмотра и утверждения проекта работ по укреплению фундамента колокольни Воскресенской церкви Передольского погоста Санкт-Петербургской губернии и совершил поездку в Пинежский уезд Архангельской губернии для составления рекомендаций по сохранению и ремонту деревянной церкви в Мало-Немнюжском приходе (Там же: 49–50, 74–77, 85).

Одной из самых уникальных реставрационных работ ИАК, которая была осуществлена П.П. Покрышкиным и Д.В. Милеевым, стало выпрямление колокольни в Архангельске (1744 г.). В 1907 г. в ИАК поступил запрос от Архангельской духовной консистории о разрешении снять два верхних яруса с колокольни Боровской Успенской церкви для разгрузки конструкции

Георгиевская церковь, погост Шеменечи, Лодейнопольский уезд, Олонецкая губерния. Общий вид. Поездка Д. В. Милеева, 1913 г. (ФО. Нег. II 34464)

здания, так как колокольня начала наклоняться и «грозила обрушением». Из приложенного к запросу акта технического осмотра, произведенного местными техниками, следовало, что причина наклона колокольни кроется в «загнивании» фундамента из-за «неравномерного стояния грунтовых вод» и «движения пластов грунта», они связывали эти процессы с расположением Успенской церкви на берегу р. Северной Двины и оседанием его склона (Известия ИАК. Вып. 26. 1908: 54–56).

Комиссия на реставрационном заседании признала колокольню заслуживающей сохранения, несмотря на то, что укрепление фундамента требовало больших денег и чрезвычайно трудоемких работ. Дело о выпрямлении колокольни Успенской Боровской церкви в Архангельске многократно обсуждалось на заседаниях (Известия ИАК. Вып. 32. 1909: 37–38; Вып. 36. 1910: 34–35; Вып. 39. 1911: 109–110; Вып. 41. 1911: 28–30; Вып. 44. 1912: 77; Вып. 46. 1912: 56–57). В 1911 г. Д. В. Милеев, осуществляя осмотр колокольни, установил причины наклона здания на 2 градуса, выяснив слабость фундаментных конструкций и тот факт, что восточная стена опирается на фундамент церкви, задерживающий ее осадку по отношению к береговой части (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 144. Л. 47–57; Известия ИАК. Вып. 44. 1912: 77; ср.: Памятники архитектуры 2002: 462–466). Проект ремонта был утвержден Техническо-строительным комитетом МВД, и в 1912 г. П. П. Покрышкин приступил к выполнению основных работ, которые представляли большую сложность в техническом и методическом плане — требовалось «заключить колокольню в остов весьма сложной и прочной конструкции, чтобы удержать ее от падения

Успенская Боровская церковь до (ФО. Отп. Q 775-44) и после (ФО. Отп. О.471-781) выпрямления. Архангельск, 1909 г.

во время работ по устройству фундамента и починке стен» (Известия ИАК. Вып. 46. 1912: 57). Он успешно с этим справился: произвел укрепление фундамента, после чего добился выпрямления колокольни, сохранив ее устойчивость (Покрышкин 1913: 43–54).

После этих работ председателю ИАК А. А. Бобринскому поступил благодарственный отзыв от архангельского епископа: «Ныне к радости и утешению печалившихся о судьбе Успенской колокольни тревога та миновала; грозившая падением колокольня... не только выпрямлена совершенно, но и укреплена фундаментально. Ремонт названной колокольни был произведен под личным и неусыпным наблюдением, но без всякого вознаграждения, командированным Санкт-Петербургской археологической комиссией, членом оной, академиком архитектуры, Петром Петровичем Покрышкиным, применившим для выпрямления колокольни, по отзыву успенского причта и церковного старосты, весьма удачный способ» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 144. Л. 109).

Одним из последних дел Комиссии, связанных с охраной памятников церковной старины, был вопрос о предполагаемой разборке старого храма в с. Вороновка-Куцеволовка Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии. 1 сентября 1917 г. Екатеринославская консистория обратилась в ИАК. В письме отмечалось, что прихожане вообще отказываются поддерживать ветхие храмы и в данном случае намерены использовать материал для постройки церковно-приходской школы. Консисторские чиновники спрашивали Комиссию, как им следует поступать в подобных ситуациях впредь «во избежание совершенного и естественного разрушения древних храмов от времени <...>». ИАК в своем

Церковь в с. Вороновке-Куцеволовке, Верхнеднепровский уезд, Екатеринославская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 58. Л. 3)

реставрационном заседании в октябре нашла, что церковь представляет собой «весьма любопытный памятник южнорусского деревянного зодчества», вследствие чего она не может дать согласия на разборку храма, и предложила сделать школу непосредственно в древнем здании (РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 58. Л. 1 — 1 об., 2).

Примеры ответственного подхода церковных властей к сбережению памятников старины были не единичны. Тогда же, осенью 1917 г., П.П. Покрышкин посетил Соликамск, где осматривал памятники XVII в. В результате поездки он отметил, что в ряде церквей, в частности в Вознесенской и Воскресенской, самостоятельно проведены безграмотные ремонты и поновление икон. 5 октября Археологическая комиссия отправила соответствующее письмо в Пермскую епархию, и уже 31 октября в Петроград пришел ответ из духовной консистории. Церковное начальство уведомляло Комиссию, что по итогам проверки викарий Пермской епархии епископ Соликамский Феофан (Ильминский) предписал всем благочинным Соликамского и Чердынского уездов «незамедлительно сделать строгое распоряжение всем приходским советам во главе духовенства и церковных старост <...> о том, чтобы в древних храмах, имеющих археологической ценности памятники старины и искусства, отнюдь не допускалось неумелого, по неведению, самовольного обновления иконостасов, икон и других памятников церковной старины, без разрешения Археологической комиссии на ремонт их». Далее отмечалось: «Причтам и церковным старостам поименованных в циркулярном предложении сем допустившим таковой неумелый и самовольный ремонт памятников старины, поставить на вид незаконность

Ипатьевский монастырь, Кострома. Общий вид. Фото В. Д. Машукова, 1900 г. (ФО. Отп. О.600-35)

их действий, с обязательством не допускать таковых действий впредь» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 65. Л. 4 — 4 об.).

Деятельность ИАК в деле реставрации и охраны памятников старины не ограничивалась исключительно ее взаимоотношениями с духовным ведомством, хотя именно они составляли не только самый сложный, но и самый колоритный момент ее истории. Так, Комиссия и ранее принимала участие в сохранении соликамской старины. 25 июня 1911 г. член Пермской архивной комиссии В.В. Голубцов сообщил о планируемой Соликамским земством перестройке Воеводских палат XVII в. Лишь после вмешательства общественности работы по требованию губернатора были прекращены, однако был задействован и авторитет Комиссии, дабы грядущее «приспособление» было выполнено с уважением к исторической памяти. В ИАК поступило описание Воеводского дома, и впоследствии Комиссия принимала участие в обсуждении проекта его реставрации (РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 212. Л. 1 — 7 об.).

Иногда инициатива реставрации церковных памятников исходила от государственных властей. 6 января 1911 г. на Комитет по устройству празднования 300-летия дома Романовых была возложена задача «приведения в должный порядок Троицкого кафедрального собора» в Костромском Ипатьевском монастыре. Основные архитектурно-реставрационные работы были осуществлены Д.В. Милеевым (см.: Ёлшин, Мелюх, Ходаковский 2015: 197–250) под наблюдением строительного комитета, в который входили А.Н. Померанцев, В.В. Суслов, П.П. Покрышкин и др. Укрепление стен Троицкого собора было осуществлено с помощью стяжек. Реставрация фресок была поручена М.О. Чирикову, однако надписи были

Дом XVIII в. на Русиной улице. Кострома. Фото Д. В. Милеева (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 40. Л. 22)

оставлены «без поновления» (Известия ИАК. Вып. 39. 1911: 77–87). Еще ранее члены ИАК, в частности костромич Н. В. Покровский, обращались к изучению христианских памятников Костромы и росписи Троицкого собора (Покровский 1909b). Тогда же было издано описание церквей Костромской епархии (Церкви Костромской епархии 1909).

После завершения работ в декабре 1913 г. Д. В. Милеев обратился в комитет с предложением опубликовать труды по реставрации Ипатьевского монастыря отдельным изданием. Стоимость публикации была оценена в 10 000 руб., однако в связи с ликвидацией самого строительного комитета дело было передано в ИАК. 28 января 1914 г. Комиссия согласилась принять на себя обязанности по изданию. 20 сентября 1914 г. П. П. Покрышкин просил передать ему чертежи к отчету Д. В. Милеева, полагая, что все находится у Л. И. Кириллова, однако в ноябре выяснилось, что часть все же осталась у вдовы недавно скончавшегося Милеева, в частности чертежи звонницы и снимки с фресок. 8 января 1915 г. И. Ф. Чистяков просил Е. В. Милееву передать их Комиссии, однако та отказалась, даже угрожая их уничтожить. 24 ноября 1915 г. А. А. Бобринскому пришлось обратиться в МВД, формальному владельцу материалов реставрационных работ, с просьбой повлиять на ситуацию (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 22. Л. 2, 8, 15, 20 — 21 об.). Впрочем, издание так и не состоялось, свет увидела лишь небольшая статья в издании Императорского общества архитекторов-художников (Милеев 1914).

Одновременно с работами в Ипатьевском монастыре ИАК попыталась осуществить ряд мер по сохранению построек гражданского зодчества в Костроме. Комиссия выступила против сломки дома, занятого гостиницей «Старый Двор» на Русиной улице, что привело к серьезному конфликту ИАК

с городскими властями (здесь и далее: РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 40. Л. 1, 3, 4 — 4 об., 11 — 11 об.). 15 февраля 1912 г. Д.В. Милеев сообщил П.П. Покрышкину о попытке перестройки этого здания в стиле модерн как о «вопиющем вандализме». 22 февраля он подал официальный рапорт в ИАК, где указывал на ценность художественной обработки фасадов этого дома XVIII в., составляющего единый ансамбль со зданиями Гостиного двора и Присутственных мест. Комиссия заявила свой протест, направленный в губернское правление, в котором происходящее было названо актом возмутительного варварства. Протест ИАК был опубликован и в российской прессе — «Санкт-Петербургском листке» и «Костромской жизни».

Уже 9 марта костромской губернатор сообщил в Петербург, что добился изменения проекта «реставрации», однако благоприятного разрешения дела ему удалось достигнуть после серьезного противодействия большей части гласных городской думы, которые посчитали оскорбительным для себя упоминание «варварства» в соответствующем обращении Комиссии. «Из-за этого выражения я рисковал не добиться положительных результатов», — писал губернатор. Комиссии было предложено составить рекомендации по реставрации, что было выполнено П.П. Покрышкиным.

21 марта в «Поволжских ведомостях» был опубликован отчет о заседании городской думы, которая намеревалась обжаловать «незаконное» требование ИАК, подрывавшее, по мнению гласных, городовое положение. Дума потребовала оплатить ей перерасход в 10 753 руб., вызванный запрещением возводить новое здание. Одновременно в протоколе говорилось: «Городская дума выражает свое глубокое негодование по поводу крайне некорректной формы выражений обращения» ИАК. Несмотря на то, что Комиссия еще раз определенно высказалась против замены здания XVIII в. постройкой в стиле модерн и запретила его сломку, работы по реконструкции дома продолжились.

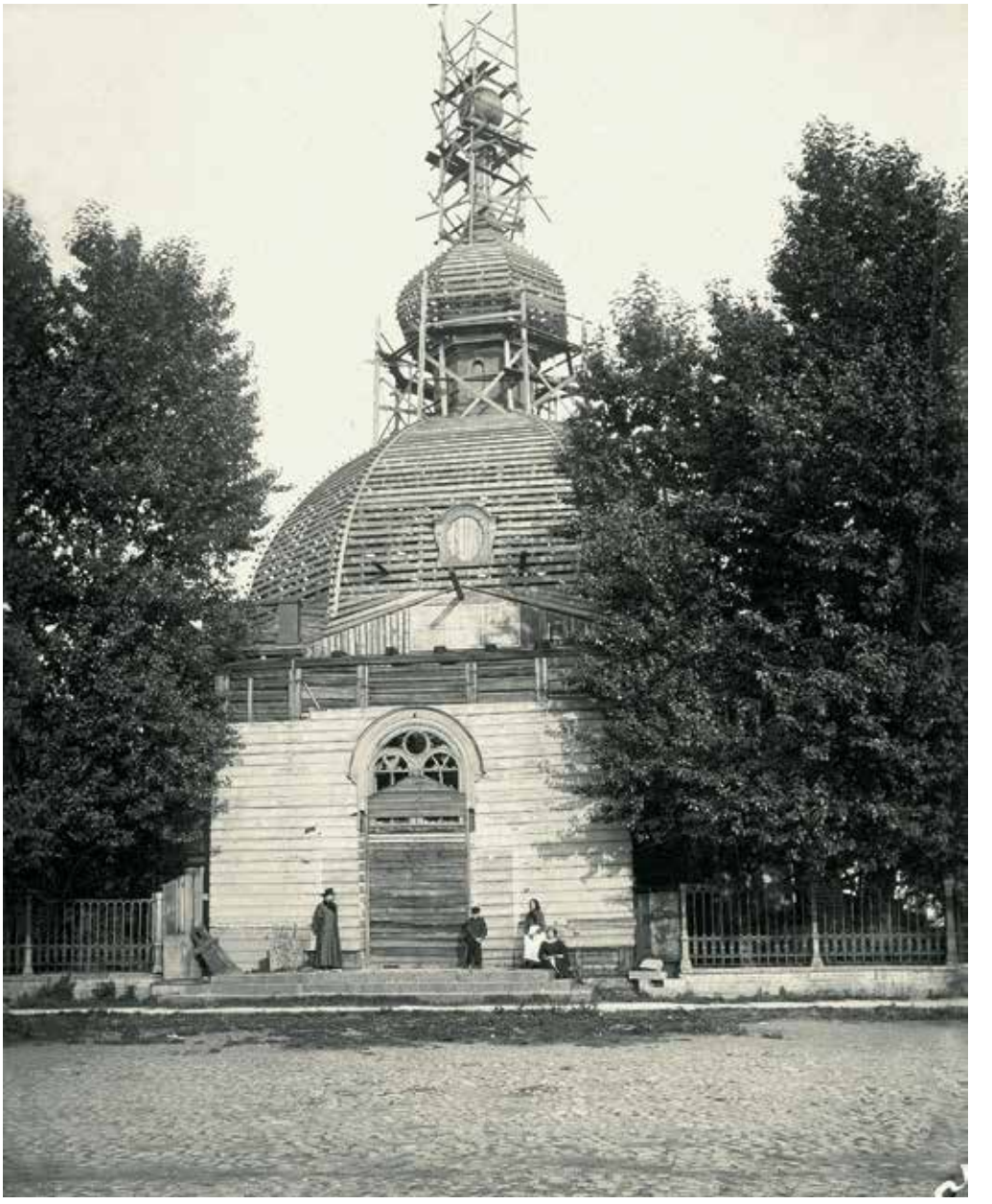
Комиссия ощущала ответственность и за сбережение и реставрацию памятников нового времени в столицах империи. Особое участие ИАК в сохранении петербургской старины было связано с именем А.С. Раевского, делопроизводителя и библиотекаря Комиссии, который в то же время был гласным городской думы. В конце 1911 г. Городским общественным управлением Санкт-Петербурга была учреждена «Комиссия для подробного ознакомления с предметами старины, оставшимися от различных городских сооружений и памятников», председателем которой и стал А.С. Раевский. 23 февраля 1912 г. он отправил в ИАК официальное извещение о создании городского органа охраны памятников, кратко характеризуя его предполагаемую деятельность как заботу о «сохранении монументальной физиономии города». Активно производимые в начале XX в. разборки фасадов домов и переустройства интерьеров были охарактеризованы им как вандализм. В частности, в связи с переустройством Сенатом «дома Полякова» на Английской набережной он просил ИАК осмотреть памятник, куда были отправлены П.П. Покрышкин и К.К. Романов (об этом см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 74).

2 октября 1912 г. А.С. Раевский от имени возглавляемой им комиссии сообщал в ИАК о предстоящей постройке библиотеки Академии наук на месте старого Гостиного двора.

Процесс разборки Гостиного двора на Васильевском острове, Санкт-Петербург. Фото И. Ф. Чистякова, 1912–1913 гг. (ФО. Отп. О.445-718)

Государственный совет не возражал против такого строительства, а сама Академия, совместно с Министерством торговли и промышленности, уже разработала проект строительства не только здания библиотеки, но и квартир для служащих (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 293. Л. 1 — 1 об.). Одновременно была создана «Высочайше утвержденная комиссия по постройке библиотеки и служительского дома». Соответствующие записки ИАК в Академию и в министерство сообщали о нарушении правил рассмотрения подобных проектов и соответствующих прав Комиссии.

Очевидно, в ИАК осознавали невозможность сохранения Гостиного двора и настаивали лишь на фотофиксации разрушаемого памятника. В этой связи интересны отзывы министерства (15 октября) и Академии наук (17 октября), из которых явствовало, что, собственно, являлось памятником в глазах чиновников обоих ведомств. В первом говорилось, что министерство не видит препятствий, чтобы ИАК, «буде она признает сие необходимым, установила при производстве работ по разборке здания надзор со своей стороны на случай нахождения предметов, имеющих археологическое значение». Второе письмо также не признавало возможность сохранения здания Гостиного двора, однако его авторы посчитали своим долгом присовокупить, «что все части здания, которые по мнению командированного лица представляют собой художественный и исторический интерес, будут переданы Комиссией в Музей Старого Петербурга» (Там же. Л. 7, 8).



Троице-Петровский собор на Петербургской стороне, Санкт-Петербург. Реставрация после пожара 1913 г. (ФО. Отп. О.3602-14)

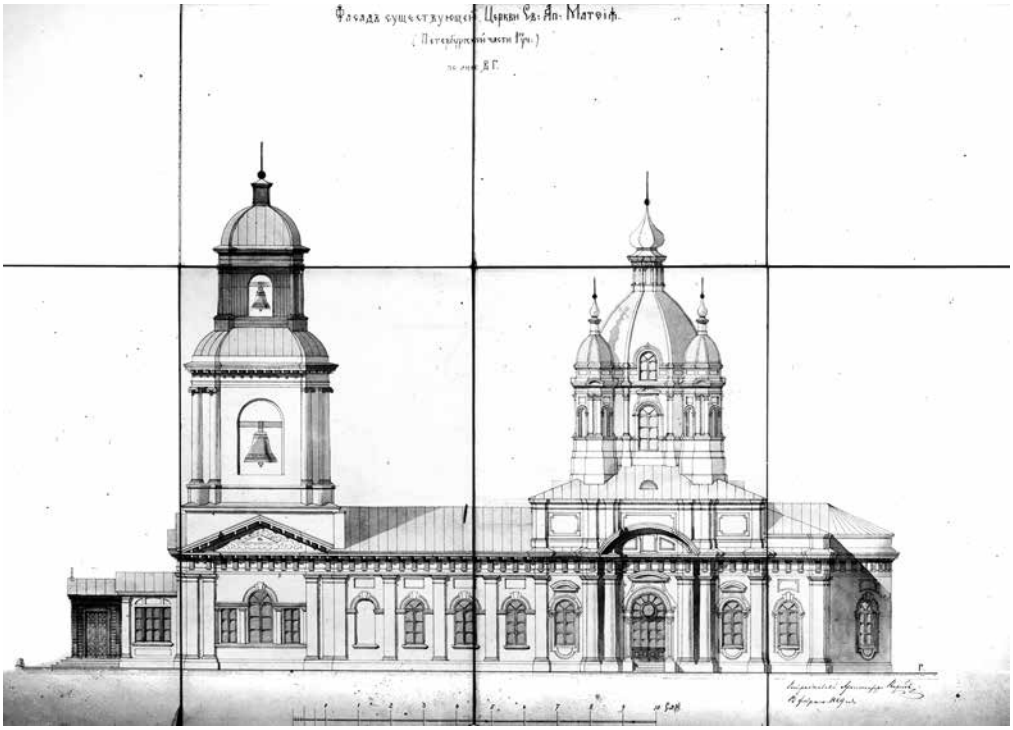
Необходимо отметить роль ИАК в судьбе древнейшего собора Петербурга — Троицкого, освященного в 1711 г. В 1907 г. Комиссия, вследствие отношения инженера Н.Ф. Романченко, обсуждала вопрос устройства придела в соборе, которое было разрешено, несмотря на незначительное искажение форм старого иконостаса (Известия ИАК. Вып. 26. 1908: 11–12, 57),

а в 1911 г. дала свое согласие на устройство здесь электрического освещения (Известия ИАК. Вып. 41. 1911: 68). В ночь на 7 февраля 1913 г. собор сильно пострадал от пожара. Через некоторое время рядом с ним епархиальный архитектор А.П. Аплаксин построил временный храм, копирующий своими формами постройку XVIII в.

Судьба деревянного сруба пострадавшего собора и его восстановление не раз становились предметом обсуждения на реставрационных заседаниях Комиссии. Однако эти обсуждения выявили неоднозначность подходов членов ИАК к сохранению историко-архитектурного наследия. Так, 13 октября 1913 г. было единодушно признано необходимым сохранить собор как часть петербургского культурного ландшафта, однако А.А. Спицын уточнил, что причиной такого сохранения являются не архитектурные достоинства храма, а его историческое значение (Известия ИАК. Вып. 52. 1914: 34–35).

Комиссия высказалась за разборку и сохранение обгоревшего сруба, несмотря на то, что Н.И. Веселовский резонно утверждал, что никаких доказательств в пользу того, что дерево относится к петровскому времени, не существует. Одновременно ИАК настаивала на восстановлении храма на старом месте и выразила протест против неоднократных попыток продажи остатков сруба Петроградской духовной консисторией (30 июня и 24 ноября 1914 г.) (Известия ИАК. Вып. 57. 1915: 46, 72–73). При этом подчеркивалось, что и Синод, и консистория игнорируют полномочия и мнение ИАК в этом вопросе (Известия ИАК. Вып. 55. 1914: 40). 15 апреля 1916 г. с инициативой продать остатки исторического сруба выступил уже сам причт Троицкого собора, предложивший построить храм в другом месте. ИАК подтвердила свою прежнюю позицию и 6 мая даже провела осмотр обгорелого здания, выяснив при этом, что собор стоит без покрытия со дня пожара и внутри здания наблюдается полная запущенность (Известия ИАК. Вып. 64. 1917: 73–74). В то время в обществе обсуждалась возможность сооружения собора в честь 300-летия дома Романовых на месте петровского храма. Попытки строительства нового церковного здания предпринимались и ранее. Так, в связи с празднованием 200-летия Петербурга ИАК принимала участие в дискуссии о возможности такого строительства, однозначно выступив за сохранение собора начала XVIII в. Новый храм в честь Федоровской иконы Божией Матери был построен в конце концов неподалеку от Николаевского вокзала.

В 1916 г. консистория вновь выступила с предложением отдать обгоревшие бревна для строительства церкви на подворье Казанского Амвросиевского Шамординского монастыря на мызе Стрельна. Это предложение вновь обсуждалось Комиссией. А.А. Бобринской указал, что если собор будет восстановлен на пережнем месте, то такая передача крайне нежелательна. Одновременно М.Т. Преображенский выказал свое удивление прочностью леса, из которого был построен сруб. Также было отмечено, что перенесение храма на новое место не может быть совершено без искажения его внешнего облика, а одно из самых значимых исторических мест Петербурга не может быть оголено. ИАК отметила, что Троицкий собор является государственным имуществом, а не синодальным, однако его судьбой пытаются распоряжаться люди, не имеющие



Матфеевская церковь, южный фасад, Санкт-Петербург. Чертеж архитектора Л. И. Карпова, 12 февраля 1889 г. (ФО. Отп. О.3623-4)

на то права. Комиссия решила обратиться к императору с просьбой принять судьбу собора под свое покровительство. Уже в новых политических условиях 13 апреля 1917 г. в ИАК было принято решение создать специальную комиссию по вопросам восстановления храма в составе П.П. Покрышкина, М.Т. Преображенского и К.К. Романова (Известия РГАК. Вып. 66. 1918: 18–20, 114). Восстановление Троицкого собора в Петрограде началось только в 1923–1924 гг. Освященный в 1926 г. храм был закрыт в августе 1933 г. и через два месяца снесен. Только в 1998 г. экспедиция ИИМК РАН провела археологические исследования на месте уничтоженного собора (Сорокин 2003: 25–74).

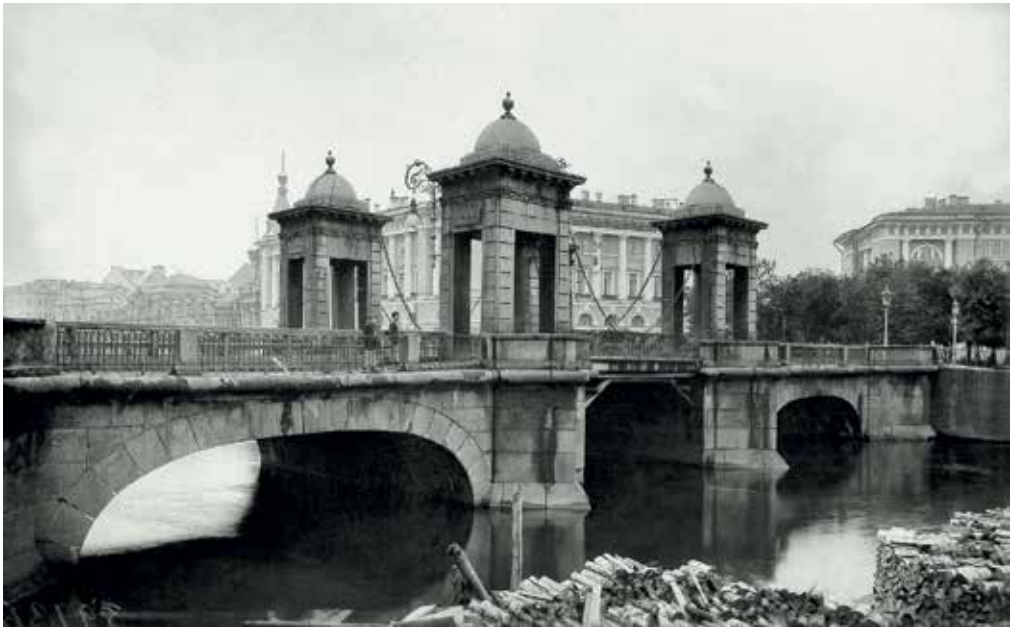
19 января 1911 г. Археологическая комиссия обсуждала состояние Матфеевской церкви на Петроградской стороне, построенной в 1790 г. и перестроенной в 1889–1890 гг. (архитекторы В.И. Миллер и Л.И. Карпов) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 257. Л. 10). На заседании отмечалось, что со своих мест были убраны иконы и картины религиозного содержания, выполненные маслом, в частности образ венчания Божией Матери. Члены реставрационного совещания постановили вернуть прежние священные изображения на свои места и посчитали созданные в 1892 г. киоты слишком громоздкими, искажающими внутреннее убранство храма и посему подлежащими замене. Интересна полемика, возникшая во время этого заседания, связанная с решением вопроса, имеет ли такое государственное учреждение, как Археологическая комиссия, право добиваться удаления из церквей икон, искажающих древний

памятник. Так, М.П. Боткин и В.В. Суслов выражали сомнения, полномочна ли ИАК вмешиваться в храмовый интерьер. Однако большинство согласилось с тем, что Комиссия должна по возможности осуществлять дарованное ей право контроля над сохранением памятников христианской культуры, и никакие работы по подновлению икон и установке новых кивотов не могут быть произведены без обсуждения в ИАК (Известия ИАК. Вып. 41. 1911: 4–12). Матфеевская церковь была разрушена в 1932 г., и в 2008 г. сотрудники ИИМК РАН принимали участие в археологическом исследовании ее остатков в связи с планируемым воссозданием. На реставрационных заседаниях Комиссии обсуждались вопросы о ремонте и двух других древнейших петербургских храмов — Пантелеймоновского и Сампсониевского (см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 205; Там же. Оп. 1-1908 г. Д. 55).

Комиссия принимала участие в сохранении петербургских мостов, что П.П. Покрышкин специально подчеркивал в своей записке 1918 г., перечисляя достижения ИАК в деле сохранения культурного наследия. Узнав о существовании в городской думе проекта переустройства Чернышева моста на Фонтанке, ИАК затребовала всю существующую документацию на рассмотрение, о чем 15 сентября 1907 г. был сделан соответствующий запрос петербургскому градоначальнику. Комиссия также просила предупредить думу о том, что поскольку речь идет о памятнике художественной старины, то проект должен быть препровожден ей на утверждение. Судя по всему, ИАК удалось получить на сохранение моста императорское разрешение. 8 мая 1909 г. В.В. Латышев сообщал городским властям, что по «особому Высочайшему повелению» мост «подлежит сохранению в неизменном виде» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 122. Л 2).

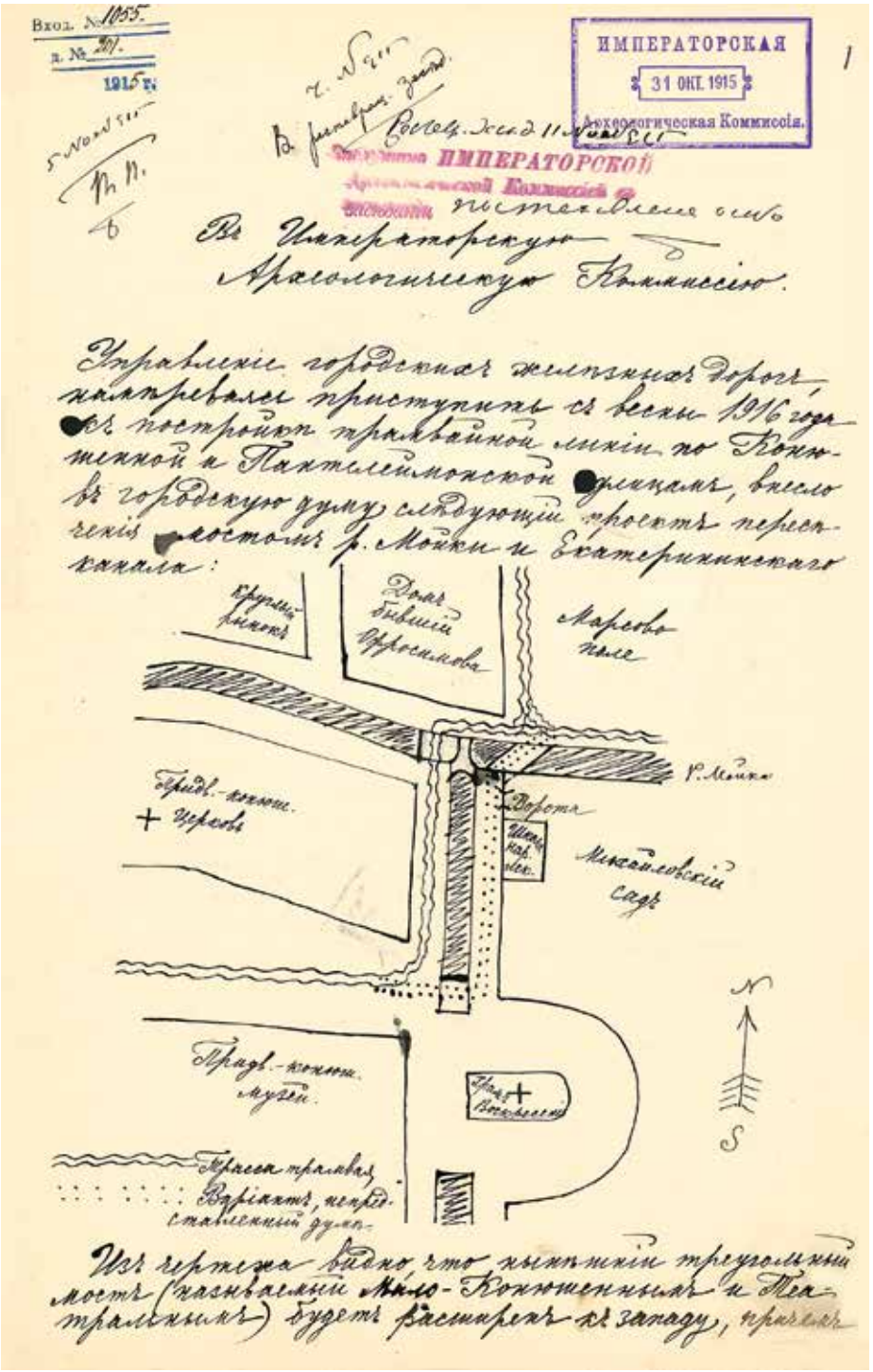
В связи с постройкой нового Египетского моста в Петербурге 21 мая 1908 г. Н.В. Султанов обратился в ИАК с просьбой способствовать приостановке разборки старого моста, который, несомненно, является «монументальным сооружением», подлежащим ведению Комиссии, а также изменению его положения для непосредственного проезда со стороны Могилевской улицы. В результате обращения ИАК части разобранного Египетского моста были сохранены и, в конце концов, сложены на Гагаринском буяне (РО. Ф. 1. Оп. 1-1908 г. Д. 75. Л. 1, 6, 13).

Осенью 1915 г. Комиссия принимала участие в переустройстве Треугольного Малоконюшенного моста через Мойку и Екатерининский канал, построенного в 1810-е гг. Эти работы были вызваны прокладкой трамвайной линии, именовавшейся тогда «железной дорогой». О предполагаемом строительстве ИАК была извещена А.С. Раевским. Комиссия поручила произвести осмотр моста И.С. Китнеру, Н.Е. Лансере, П.П. Покрышкину, Е.А. Сабанееву и самому А.С. Раевскому. Организаторам строительства было предложено найти иной путь для трамвайной линии, чтобы сохранить старый мост (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 201. Л. 7 — 8 об., 10, 16). С именем А.С. Раевского связана и реставрация обелиска в Румянцевском сквере (1799 г.). В январе 1913 г. городская управа создала специальную комиссию для этого мероприятия. Первоначальный осмотр памятника был произведен П.П. Покрышкиным и К.К. Романовым. Впоследствии ИАК вновь возвращалась к этому вопросу. Так, 4 декабря 1915 г.



Чернышев мост, Санкт-Петербург. Фото Н. Г. Матвеева, 1900-е гг. (ФО. Отп. О.3574-72)

Египетский мост после обрушения, Санкт-Петербург, 1905 г. (ФО. Отп. О.1523-4)



План переустройства Треугольного Малоконюшенного моста через р. Мойку и Екатерининский канал, Петроград, осень 1915 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 201. Л. 1)

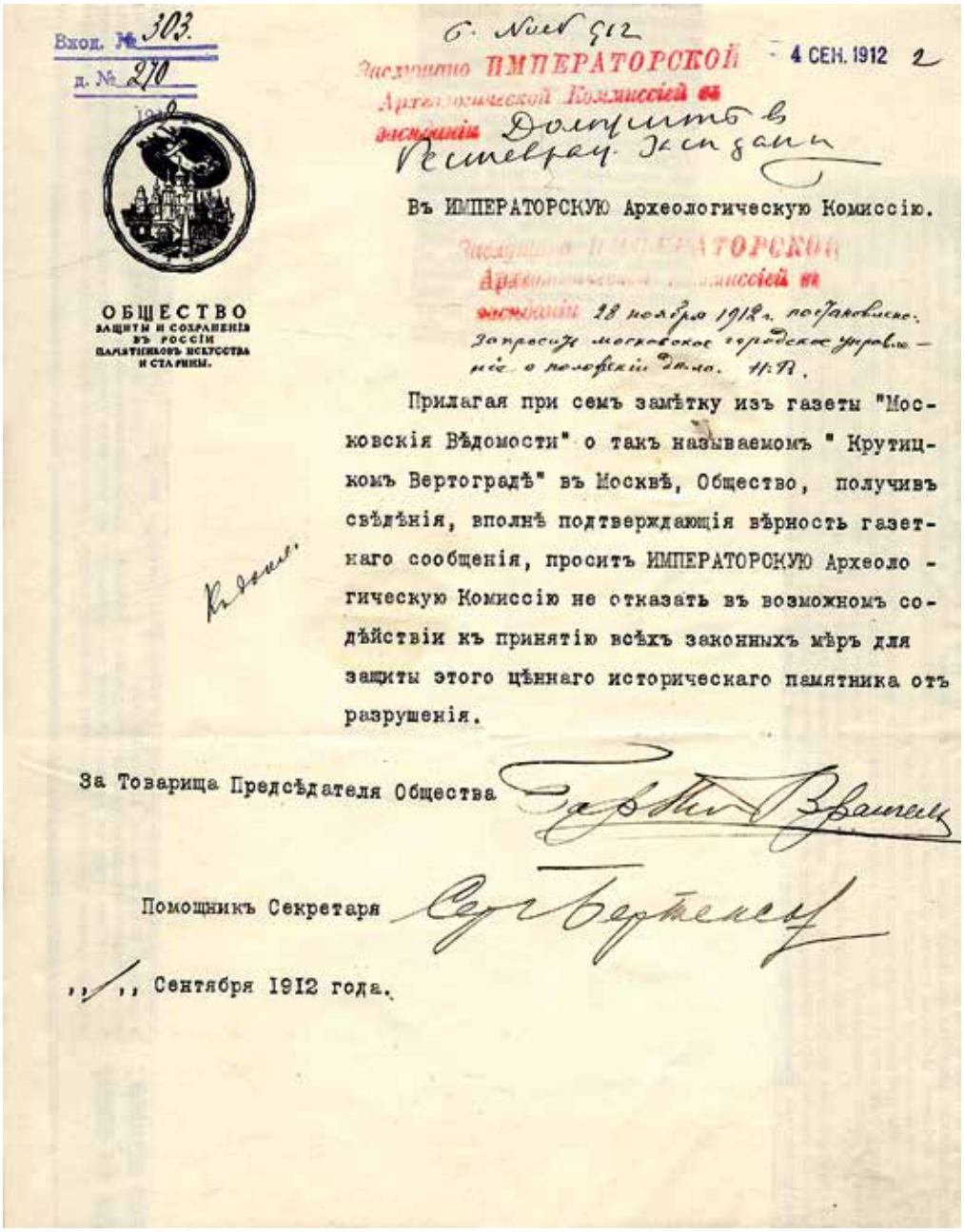
на ее реставрационном заседании обсуждалась проблема отклонения обелиска от вертикали, и в управу был послан соответствующий запрос (РО. Ф. 1. Оп. 1-1913 г. Д. 12. Л. 11— 11 об.).

ИАК сотрудничала и с другими городскими структурами, выказывавшими заботу о старине. 29 января 1915 г. Комиссия по народному образованию Петроградского городского общественного управления обратилась в ИАК с просьбой содействовать ей в охране могил литераторов, ученых, художников и артистов на кладбищах Петербурга и помочь ей составить список таких могил. Комиссия предполагала выделить по 50 руб. на благоустройство каждой могилы. Археологическая комиссия предложила принять на охрану могилу профессора Петербургского университета, историка русской литературы и фольклориста Ореста Федоровича Миллера (1833–1899) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1915 г. Д. 35. Л. 1).

Очевидно, что ИАК не всегда удавалось добиться от чиновников отмены или существенного изменения проекта, угрожающего памятникам старины, однако постоянное вмешательство ее членов в производимые работы и олицетворяемый ею общественный контроль заставляли власть и предпринимателей постоянно корректировать свои намерения с учетом требований науки и гражданских интересов.

Комиссия принимала участие и в судьбе московских памятников, что не всегда находило понимание московских властей. О предполагаемых изменениях в фасаде Английского клуба в Москве в Петербурге узнали от А.В. Щусева. Старшина клуба генерал-майор В.К. Тишенинов предполагал разобрать чугунную решетку, построить лавки вдоль фасада и перенести въездные ворота. Попытка ИАК вмешаться в ситуацию вызвала недовольство членов клуба и московского градоначальника, который запросил Петербург, «на основании каких законоположений может быть предъявлено владельцу здания Английского клуба требование о неприкосновенности фасада, а также почему фасад является историческим». В своем отзыве, демонстрируя специфические правовые представления, члены клуба полагали, что клуб не может быть причислен к памятникам, чья реставрация должна быть согласована с ИАК, так как, по их мнению, это должны быть здания, сооружаемые на правительственный и общественный счет. Частные учреждения под определения Высочайшего повеления 11 марта 1889 г. не подпадают, о чем, по мнению авторов письма, свидетельствовал раздел 6 главы 3 Строительного устава о частных зданиях в городах (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 66. Л. 1, 6, 10 — 10 об.). Вообще, члены клуба видели в деятельности ИАК попытку ограничения прав собственника на его имущество. 5 мая 1912 г. московский градоначальник А.А. Адрианов писал в ИАК, что не видит оснований для остановки постройки нового дома во владении клуба, так как полностью согласен со старшиной, который уверяет, что фасад здания не будет загорожен (Там же. Л. 7, 9).

В сентябре 1912 г. Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины просило ИАК принять меры к охранению Крутицкого вертограда в Москве, в связи с чем Комиссия обращалась в Московскую городскую управу. Газета «Московские ведомости» от 19 мая 1916 г., явно перепутав ИАК и МАО, утверждала, что Комиссия осматривала Крутицкое подворье, но так ничего и не предприняла



Вход. № 303.
д. № 270
1912

ОБЩЕСТВО
ЗАЩИТЫ И СОХРАНЕНІЯ
ВЪ РОССІИ
ПАМЯТНИКОВЪ ИСКУССТВА
И СТАРИНЫ.

6. Nov 912
Засѣданіе ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Коммиссіей въ заседаніи Доложить в Ист. Засед.
4 СЕН. 1912 2

Въ ИМПЕРАТОРСКУЮ Археологическую Комиссію.

Засѣданіе ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Коммиссіей въ заседаніи 28 ноября 1912 г. постановлено: Запросить московское городское управленіе о помѣщеніи Отд. 11:12.

Прилагая при семъ замѣтку изъ газеты "Московскія Вѣдомости" о такъ называемомъ " Крутицкомъ Вертоградѣ" въ Москвѣ, Общество, получивъ свѣдѣнія, вполнѣ подтверждающія вѣрность газетнаго сообщенія, проситъ ИМПЕРАТОРСКУЮ Археологическую Комиссію не отказать въ возможномъ содѣйствіи къ принятію всѣхъ законныхъ мѣръ для защиты этого цѣннаго историческаго памятника отъ разрушенія.

За Товарища Предсѣдателя Общества

Помощникъ Секретаря

,,/,, Сентября 1912 года.

Письмо на бланке Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 270. Л. 2)

Иоанно-Предтеченская церковь в с. Новорождествено до реставрации, Бронницкий уезд, Московская губерния, 1915 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 215. Л. 22)

для его сохранения, что не соответствовало действительности. Это сообщение осложнило ситуацию. (РО. Ф. 1. Оп.1-1912 г. Д. 270. Л. 1).

ИАК приняла деятельное участие в реставрации Иоанно-Предтеченской церкви в с. Новорождествено Бронницкого уезда в 1914 г. Стены церкви, по требованию Комиссии, должны были быть покрыты не цементом, так как это могло вызвать разрушение старой кладки, а известью, и их облицовку стоило производить с точным сохранением размеров древнего кирпича. В 1916 г. по поручению ИАК А. А. Алексеев намеревался осуществить реставрацию Новодворской иконы Божией Матери из этого храма в помещении Московской конторы Синода (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 215. Л. 6, 10, 13).

Помимо уже упоминавшегося участия Комиссии в реставрации Успенского собора и храма Спаса на Бору в Московском Кремле ИАК имела отношение и к восстановлению самих кремлевских стен и башен (здесь и далее см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 18; РО. Ф. 1. Оп. 1-1911 г. Д. 53). В 1914 г. на реставрационных заседаниях ИАК обсуждался вопрос о размере и цвете новых черепиц на башнях Кремля, при этом было высказано пожелание о сохранении, по возможности, старого черепичного покрытия. Одновременно В. В. Суслов выступил против употребления в реставрации Кремля цемента, так как он не соединялся с обмазкой. В случае неизбежности он считал возможным добавлять в него «кирпичный порошок», но вообще советовал применять известь (Известия ИАК. Вып. 52. 1914: 30–31).

«Коложский монастырь» — Борисоглебская церковь в Гродно, 1868 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 13а. Л. 42)

В 1915 г. Комиссия обсуждала вопрос о ремонте Сенатской башни. А.В. Щусев обратил внимание ИАК на тот факт, что покрытие башен железом делается прямо по кирпичу. Старое покрытие было сорвано и заменено металлическим, предполагалось применение оцинкованных листов и употребление желтой краски. Производимую в Кремле «реставрацию» он назвал «вопиющим сознательным вандализмом», что было зафиксировано в протоколах реставрационного заседания. На заседании ИАК говорилось, что башни надо чинить с таким же вниманием, как опытные реставраторы чинят, но не подновляют старые образа. При этом было высказано сожаление об отсутствии особой комиссии по реставрации Кремля (Известия ИАК. Вып. 59. 1915: 59–60). Заключительный момент этой истории пришелся на 10 ноября 1917 г., когда ИАК принимала участие в осмотре московских памятников искусства и старины, пострадавших при обстреле Московского Кремля 2 ноября (Известия ИАК. Вып. 64. 1917: 227–229).

Несмотря на то, что основные самостоятельные работы ИАК по изучению и восстановлению памятников архитектуры были сконцентрированы в северных губерниях России, Комиссия немало сделала и для изучения и сбережения культурного наследия независимых государств Европы и Азии, возродившихся или возникших после распада российской и советской империй (см. также главу IX). Одновременно с первыми реставрациями памятников древнерусского зодчества, организованными ИАК,

Трокский замок, Виленская губерния
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 13а. Л. 144)

А. А. Бобринской, воспользовавшись в 1888 г. поездкой приват-доцента Петербургского университета Э. А. Вольтера в западные губернии империи, на территорию современных Беларуси, Литвы и Польши (подробнее см. главу XI), поручил ему сбор сведений о памятниках древности этих мест. В результате Э. А. Вольтер не только доставил в ИАК уникальные снимки 1868 г. «Коложского монастыря» — Борисоглебской церкви в Гродно (XII в.) и фотографии «Трокского замка», но и подробный отчет, в котором содержались предложения о мерах по сохранению последнего. Так, он предлагал отбить местами выветрившуюся кладку и установить стропила на башнях и даже разработал смету для реализации этого проекта (2979 руб. 73 коп.), так, впрочем, и не осуществленного (ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 15а. Л. 42–43, 132 — 135 об., 137–140, 143, 144). Тогда же, во второй половине 1880-х гг., инспектор Баусского городского училища Э. Шмидт, производя раскопки могильника в Альт-Радене, обследовал также Баусский замок в Курляндской губернии и сделал ряд уникальных фотографий, которые, к сожалению, очень плохо сохранились (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887 г. Д. 58).

Впоследствии Комиссия была непосредственно связана с реставрацией Коложской церкви в Гродно. 6 декабря 1894 г. епископ Брестский Иосиф (Соколов), викарий Литовской епархии, обратился в ИАК, сообщая о «злосчастном положении» храма: в 1845 г. на северной стене образовалась глубокая трещина, а в 1853 г. южная и половина западной стены вместе с берегом

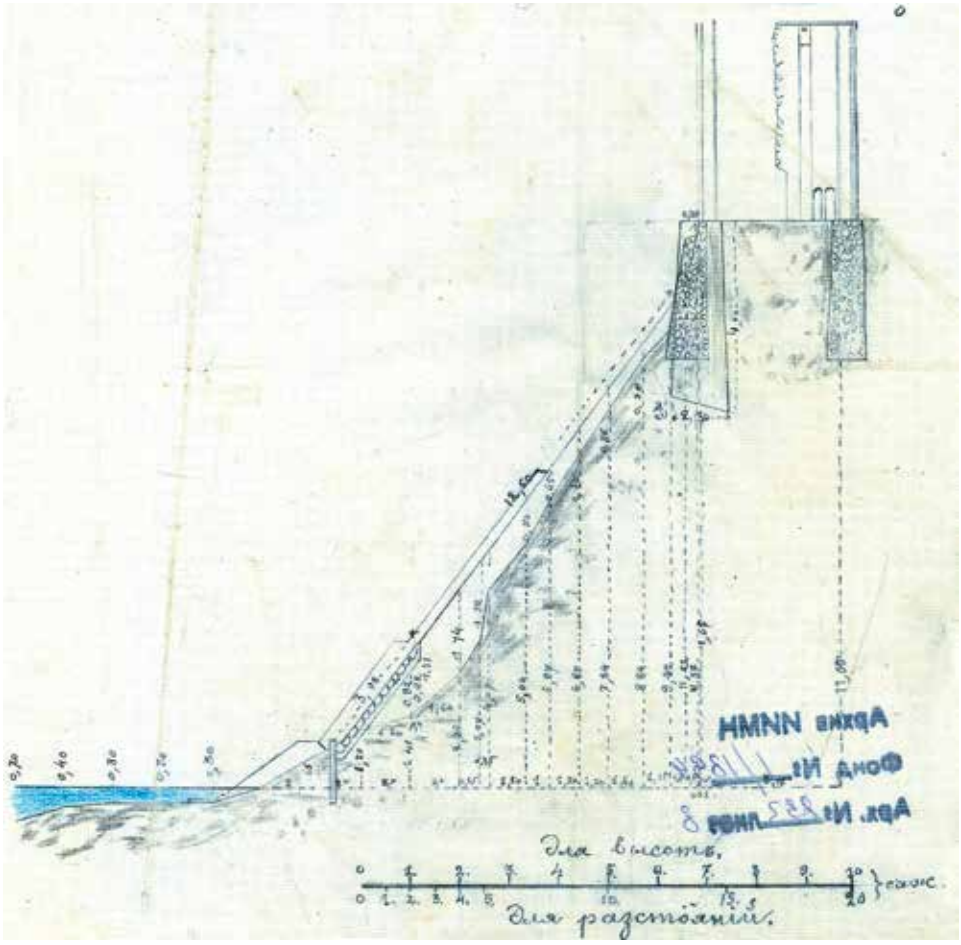
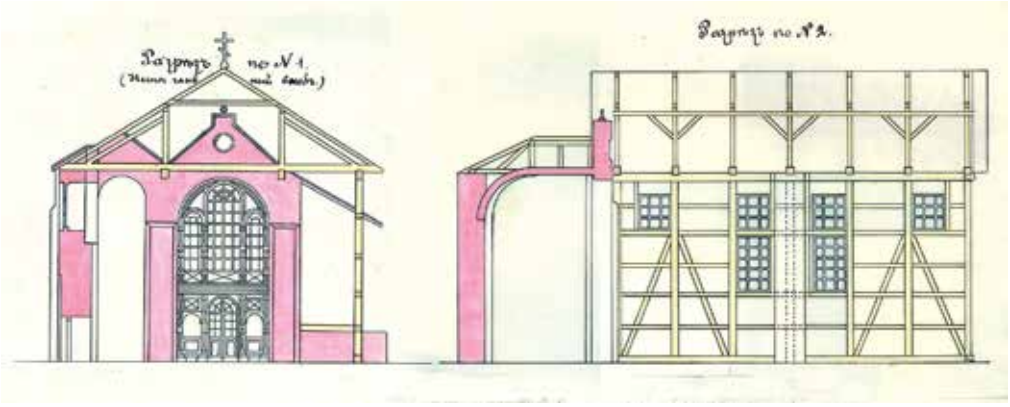


Схема устройства укрепляющей площадки под Коложской церковью, Гродно (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 233. Л. 8)



Проект деревянного покрытия и стен Коложской церкви, Гродно (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 233. Л. 14)

обрушились в Неман (ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 233. Л. 1–2). Позднее, в рамках возникшей переписки, в Комиссию поступил проект сохранения памятника с помощью легкой деревянной кровли и деревянной стенки с южной и западной сторон, выполненный гродненским губернским архитектором Н.В. Романовым. Пол древнего храма при этом не разрушался, так как брусья сберегающей конструкции укреплялись вертикально. 17 декабря ИАК выразила признательность епископу за бережное отношение к старине и предложила подумать над укреплением берега в связи с предполагаемыми на р. Неман работами Министерства путей сообщения по строительству пристани.

В ответном письме епископ писал о сложностях изменения уже утвержденной сметы строительства. Дело затянулось. Археологической комиссии пришлось самой непосредственно обратиться в министерство, откуда 14 декабря 1896 г. пришел ответ, что речь может идти не об укреплении берега вообще, а лишь об устройстве площадки в непосредственной близости от храма (Там же. Л. 32). Только 18 сентября 1898 г. виленский и гродненский генерал-губернатор И.И. Чепелевский вновь возбудил вопрос о восстановлении храма, предполагая потратить на эти работы 19 554 руб. 9 коп., о чем МВД сообщило в Комиссию.

16 ноября ИАК дала свое согласие на реставрацию, однако тут же выяснилось, что в МВД был представлен не законченный проект, а лишь чертежи и предложения составителя сметы — губернского инженера В.Ф. Небольсина. 24 ноября 1899 г. рассмотрение чертежей было поручено Н.В. Султанову (Там же. Л. 42, 46, 49), но работы так и не состоялись. В 1900-е гг. Комиссии пришлось неоднократно обращаться к вопросам состояния церкви, в частности, в связи с появившейся информацией о закладке внутрихрамовых ниш (Там же. Л. 63–64). В 1909 г. церковь была обследована П.П. Покрышкиным. Однако еще в 1904 г. обер-прокурором Синода по Высочайшему повелению была образована особая комиссия о сосредоточении всего дела реставрации Коложской церкви в духовном ведомстве (Там же. Л. 77 — 79 об.).

2 июня 1912 г. хозяйственное управление Синода вновь решило «освидетельствовать» церковь и обратилось к П.П. Покрышкину с просьбой войти в комиссию. Известно, что архитектор предложил восстановить храм как трехглавый, а не как однокупольный, в связи с чем 18 июля 1914 г. Хозяйственное управление направило в ИАК запрос о том, какие именно данные были получены при исследованиях для обоснования подобного варианта реставрации. Несмотря на начало Первой мировой войны, 30 октября 1914 г. запрос был рассмотрен в ИАК. Трехкупольный вариант был признан целесообразным по художественно-архитектурным соображениям и «требованиям архитектурного силуэта», несмотря на то, что в процессе исследований не было обнаружено каких-либо остатков сводов и куполов. Были даны ссылки и на исторические прецеденты, связанные с существованием трехглавых церквей XII в., и на отсутствие одноглавых церквей при четырех закомарах боковых фасадов (Там же. Л. 67, 69, 70 — 71 об.). Известно, что позднее П.П. Покрышкина упрекали за прямолинейность использования греческих аналогов при реставрации Коложской церкви и недооценку специфики ранних русских построек (см.: Памятники

Белая Вежа, Каменец-Литовский, Брестский уезд, Гродненская губерния. Справа священник Л. Паевский. Фото В.В. Суслова с реставрационными пометками (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 211. Л. 352)

Белая Вежа, Каменец-Литовский, Брестский уезд, Гродненская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 211. Л. 353)

Эскизы реставрации Белой Вежи, выполненные священником Л. Паевским и И. К. Плотниковым (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 211. Л. 30, 40)

архитектуры 2002: 488), однако предложенный ИАК проект и сегодня выглядит достаточно обоснованным.

В 1897 г. по Высочайшему повелению Николая II началась реставрация древней башни в Каменце-Литовском — Белой Вежи. Во время посещения государем этой местности ему был представлен краевед священник Лев Паевский (1852–1919), посетовавший на ее бедственное состояние. Император высказал желание «не дать погибнуть этим памятникам древности». 9 сентября министр императорского двора В.Б. Фредерикс сообщил об этом А.А. Бобринскому. Уже 8 октября председатель ИАК предложил гродненскому генерал-губернатору составить смету и чертежи будущего проекта, что было непосредственно поручено Л.С. Паевскому. 10 ноября 1897 г. он представил смету на 4667 руб. 88 коп. Согласно его проекту, предполагалась закладка образовавшихся в башне проемов с помощью кирпича на цементе, а также устройство смотровой площадки. Он же был автором одного из первых эскизов реставрации, присланного в ИАК 5 сентября 1898 г. Впоследствии был предоставлен еще один проект, принадлежавший И.К. Плотникову (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 211. Л. 8 —12 об., 28 — 29 об. и сл.).

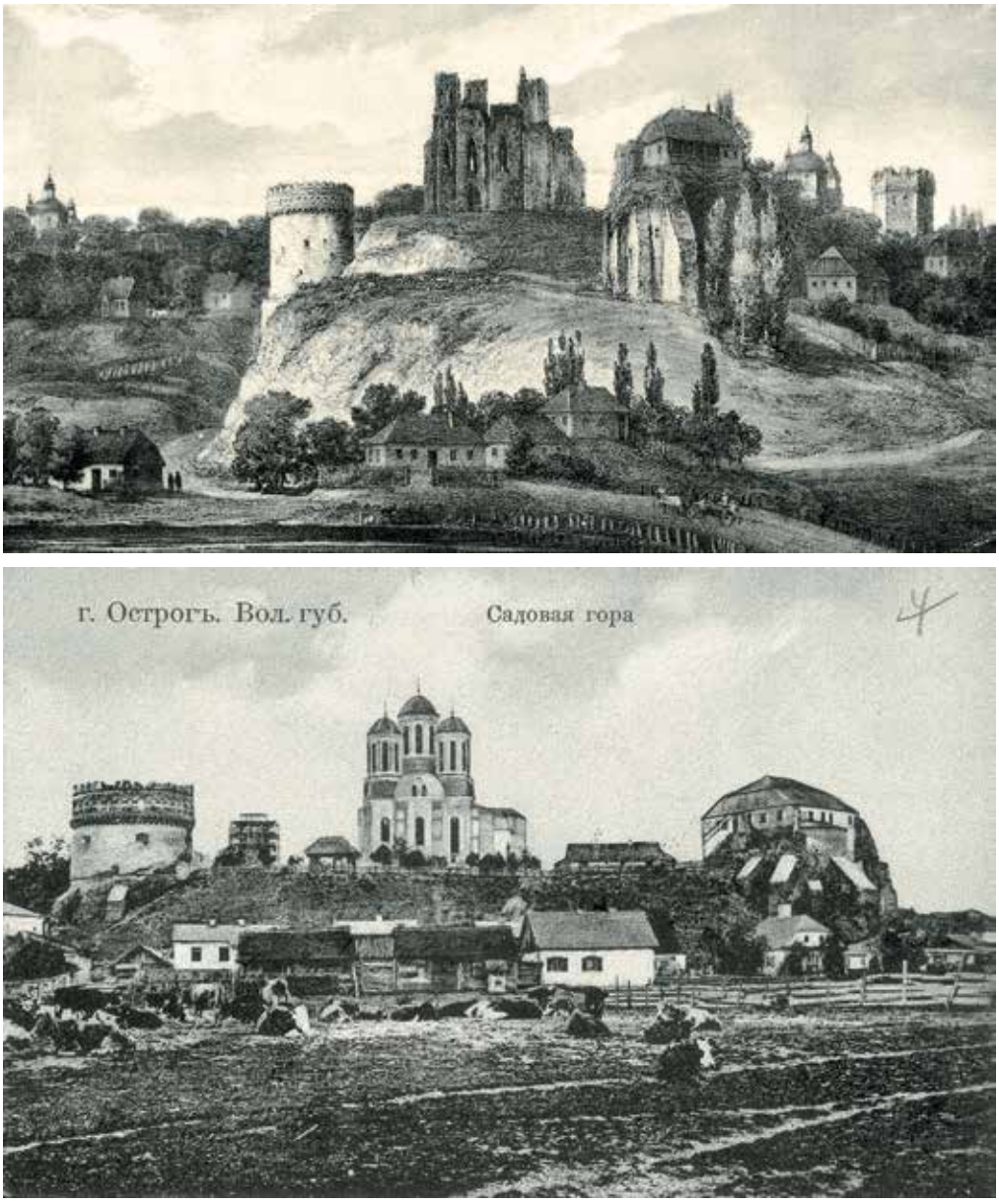
8 ноября 1898 г. ИАК препроводила дело о реставрации Белой Вежи В.В. Суслову и просила его высказать свои соображения. Комиссия выделила ему 175 руб. на раскопки, обмеры и разведки, которые он и произвел в январе 1899 г. Однако здесь возник целый ряд неожиданных препятствий. 20 мая 1899 г. из письма Кабинета его императорского величества выяснилось, что государь имел в виду «упорядочить состояние» башни «в настоящем виде», а существующие проекты предлагают «полное ее возобновление» (Там же. Л. 71–72). Одновременно Л. Паевский в своих письмах в ИАК и непосредственно государю постоянно торопил Петербург с реставрацией памятника (Там же. Л. 89). В 1902 г. реставрационные мероприятия опять не состоялись из-за плохой погоды, и лишь 14 июля 1903 г. губернская комиссия осмотрела башню и составила акт о ее состоянии. В декабре того же года к делу подключился П.П. Покрышкин. Для реализации проекта И.К. Плотникова была составлена смета в 24 500 рублей (Там же. Л. 158 — 158 об.; Известия ИАК. Вып. 31. 1909: 40; ср.: Памятники архитектуры 2002: 384 и след.). Подрядчиком выступил Иван Арцишевский, который впоследствии постоянно жаловался в ИАК на невыплату ему денег производителем работ. Наконец в 1906 г. была создана специальная «Комиссия по охранению остатков башни Белая вежа».

Деятельность ИАК была связана и с другим Каменцом. Еще 13 февраля 1873 г. МВД обратилось в Комиссию в связи с запросом генерал-губернатора Юго-Западных губерний о разрешении «сломки древних, местами растрескавшихся, проездных врат», которые угрожают обывателям Каменца-Подольского своей ветхостью. 21 февраля С.Г. Строганов, как это было и в других случаях с памятниками крепостного зодчества, отвечал, что сооружения XVII–XVIII вв. не подлежат сохранению и могут быть сломаны при обязательной фиксации и поиске «тайных помещений». Однако в августе 1912 г. Комиссия была вынуждена вернуться к судьбе местного замка, но уже на новом уровне — с точки зрения сохранения не его физического существования, а исторического облика. В связи с намерением Тюремного управления,

Крепость Каменца-Подольского, Подольская губерния. Рисунок Г. К. Лукомского (РО. Ф. 1. Оп. 1-1873 г. Д. 7. Л. 29)

«ввиду крайнего переполнения арестантами исправительного арестантского отделения», построить здесь новое здание, в ИАК обратился хранитель музея Подольского историко-археологического общества Александр Николаевич Прусевич (1878–1944), обратив внимание Комиссии на возможное искажение замкового ансамбля в результате нового строительства. Позднее в Комиссию поступило письмо архитектора Г.К. Лукомского, который просил ограничить высоту здания двумя этажами и окрасить его в серый цвет, дабы не разрушать общий вид и колорит памятника. 20 декабря 1912 г. ИАК переслала подобную просьбу в Главное тюремное управление, которое, кажется, ничего не имело против серого цвета, но 7 марта 1913 г. сообщало в ответном письме, что планируемая постройка «не может быть меньше трех этажей» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1873 г. Д. 7. Л. 4, 5–6, 9, 14–21, 31).

Комиссия принимала участие в реставрации и охранении замка и Богоявленского храма в Остроге, основание которых относилось к XV в. и было связано с именем князя Василия Федоровича Острожского. Еще в 1865 г. работы здесь были осуществлены МВД (РО. Ф. 1. Оп. 1-1891 г. Д. 109. Л. 7–16), а в 1879 г. Острожское имение вместе с замком и башнями — Татарской, Красной и Садовой были приобретены в императорский удел. В начале XX в. статус замка опять изменился: 21 октября 1912 г., согласно Высочайшему соизволению, он был передан в «хозяйственное заведование



Острожский замок и Богоявленская церковь до и после восстановления. Острог, Волынская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 39. Л. 153 об., 154 об.)

Братства имени князей Острожских под покровом преподобного князя Феодора» (Там же. Л. 226).

Изначально, в 1885–1886 гг., существовал проект сноса части замковых построек, инициатива которого исходила от местного генерал-губернатора. По собственному признанию, он не придавал «особого археологического значения развалинам» и относился «безразлично к этому делу» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1885 г. Д. 39. Л. 16, 36).

В духе предшествующей практики ИАК В.Г. Тизенгаузен, который составлял ответ от имени Комиссии, считал возможным такой исход дела, естественно, после графической фиксации.

Следующий этап сохранения памятника начался в конце 1900-х гг. с письма секретаря Киевского отдела ИРВИО Д.В. Милееву, где говорилось о разрушении дворца Острожских церковными старостами и причтом Богоявленского собора. В результате переписки с местными властями губернатор предложил ИАК воспользоваться уже сложившейся практикой и принять замок в свое ведение для охраны и реставрации. 3 мая 1911 г. Комиссия поручила осмотр замка местному епархиальному инженеру В.Г. Леонтовичу, который составил акт о состоянии памятника, а также предложил ряд конкретных мер по его ремонту и реставрации, в число которых входило укрепление нижнего этажа и восстановление внутренней лестницы, поскольку речь шла о возможном «приспособлении» замка для библиотеки и музея Братства (Там же. Л. 164, 186 — 186 об.).

В 1913 г. Острог посещал П.П. Покрышкин и инспектировал разборку завалов и исследования, проводимые под руководством В.Г. Леонтовича, который 2 сентября 1913 г. направил в ИАК подробный журнал о раскопках и исследованиях, а также ряд находок из нижних этажей здания, среди которых были фрагменты оконной слюды и изразцы (Там же. Л. 205, 226 — 227 об.). Однако еще в декабре 1912 г. из доклада П.П. Покрышкина выяснилось, что при реставрации были допущены отступления от проекта, в частности, произведена замена кирпичной кладки арки на каменную, понижен пол в среднем этаже, поставлена филенчатая дверь вместо гладкой, а взамен кованых ручек установлены «фали фабричного производства» (Там же. Л. 233, 234 — 234 об.). 10 декабря 1913 г. ИАК ходатайствует перед Министерством императорского двора об отпуске суммы в 9053 руб. 29 коп. для завершения работ, и 31 декабря в Остроге составляется акт о выполненных работах, в котором содержится требование выполнить пожелания Комиссии, связанные с исправлением отступлений от первоначального проекта (Там же. Л. 235, 239).

Ряд реставрационных дел ИАК был связан со сложной конфессиональной ситуацией, которая сложилась на землях бывшей Речи Посполитой. 29 мая 1896 г. в РАО обратился настоятель кафедрального костела свв. апп. Петра и Павла из Каменца-Подольского ксендз М. Дзендзич. Дело в том, что к храму XV в. был пристроен минарет эпохи владычества турок. Из-за постоянного движения экипажей, вызывавшего вибрацию, башня минарета несколько накренилась и в ней появились трещины. Ксендз просил общество принять минарет под свою защиту и закрыть прилегающую территорию для проезда. Дело было передано в Комиссию. Интересно отметить, что 27 июня В.Г. Тизенгаузен писал настоятелю, что по закону охрана древних памятников состоит в ведении МВД, но ИАК все же обратилась за разъяснениями к подольскому губернатору. Тот 7 августа отвечал, что его инженеры лишь предположительно связывают разрушение памятника с вибрацией, вызванной городским движением, а ксендз руководствуется в этом деле совершенно посторонними мотивами, связанными с запретом проезда транспорта рядом с костелом, а не желанием сохранить от разрушений исторический минарет.

Кафедральный костел свв. апп. Петра и Павла с пристроенным минаретом в Каменце-Подольском, Подольская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 101. Л. 1а)

Посему губернское начальство решило отложить вопрос о закрытии проезда на год. Однако уже 23 февраля 1897 г. М. Дзендзич вновь обращается в ИАК с просьбой прислать «комиссию» для объективной оценки ситуации на месте. Чем закончилось это противостояние священника и губернатора, неизвестно (РО. Ф. 1. Оп. 1-1896 г. Д. 101. Л. 2 — 2 об., 5 — 5 об., 6–7).

В другом случае Комиссии пришлось согласиться на осуществление проекта архитектора Подольской епархии В.Н. Максимова, связанного с перестройкой Михаило-Архангельской церкви в м. Новый Вишневец Кременецкого уезда (1673 г.). Еще в 1910 г. обсуждался вопрос о сносе окружавших храм зданий бывшего кармелитского монастыря. Председатель комиссии по ремонту храма камергер П.А. Демидов требовал осмотра всего комплекса со стороны представителя ИАК. Члены Комиссии высказались за сохранение барочных форм храмовой архитектуры, в частности шпилей, однако, по мнению епархиального начальства, это придавало церкви «католический вид». В июле 1913 г. — январе 1914 г. в результате переписки с Синодом мнение «ревнителей» возобладало (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 93. Л. 1, 14–17; Известия ИАК. Вып. 52. 1914: 47; Памятники архитектуры 2002: 323).

ИАК участвовала в сохранении и реставрации памятников Киево-Печерской лавры. 19 февраля 1894 г. митрополит Киевский Иоанникий (Руднев) прислал в «Санкт-Петербургскую императорскую археологическую комиссию» проект общей росписи стен Успенского собора Лавры, составленный В.П. Верещагиным и С.Н. Лазаревым-Станишевым, осуществление которого было разрешено Синодом лаврскому Духовному собору еще 27 февраля 1889 г. В соответствии с существующим положением ИАК обратилась в Академию художеств с просьбой назначить своего представителя для обсуждения полученного проекта. Эти события как раз пришлись на время противостояния А.А. Бобринского и И.И. Толстого, что дополнительно сопровождалось попыткой собрания

Церковь Спаса на Берестове, Киев (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 275. Л. 122а)

Академии художеств самостоятельно обсуждать реставрационные проекты и избирать представителей для их обсуждения общим голосованием. В связи с этим И. И. Толстой в ответном письме спрашивал, «не сочтет ли Комиссия полезным, по миновании надобности, препроводить проект на заключение Академии или же отложить его обсуждение на некоторое время». В конце концов, 11 марта от Академии художеств в реставрационное заседание все же были избраны М. П. Боткин, Г. И. Котов и П. П. Чистяков, а 16 марта от Синода сюда же были назначены Н. В. Покровский и М. Т. Преображенский. Во время обсуждения были высказаны серьезные претензии к стилю росписи, вызванные ее «отступлением от требований византийской церковной археологии». В частности, отмечалось, что запланированное в куполе изображение новозаветной Троицы появляется в европейской иконографии не ранее XV в., то же было замечено по поводу эсхатологических сюжетов и облаков, обильно рассеянных по всей росписи, трактовка которых была дана чересчур реально (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 23. Л. 1, 5 — 5 об., 7, 19 — 19 об.).

Кроме Успенского собора ИАК была связана и с другими лаврскими памятниками. 29 ноября 1903 г. А. В. Щусев сообщил в Комиссию о печальном состоянии церкви Спаса на Берестове в Киеве. 13 января 1904 г. А. А. Бобринской обратился в хозяйственное управление Синода и просил принять энергичные меры к сохранению храма. Какие меры были приняты, неизвестно, но в дальнейшем церковь, ранее принадлежавшая единоверческой общине, перешла в ведение Лавры (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 275. Л. 1, 3, 8).

2 августа 1908 г. ИАК направила митрополиту Киевскому Флавиану (Городецкому) письмо, что по имеющейся информации, Лаврой был подготовлен

Проект выемки земли крепостного вала у церкви Спаса на Берестове, Киев (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 275. Л. 28 об.)

проект реставрации церкви, который, согласно существующему законодательству, следовало представить в Комиссию. 29 октября Духовной собор дипломатично отвечал, что проект действительно существует, однако его реализация начнется не ранее, чем храм будет осмотрен специалистами ИАК. В частности, проект предполагал промывку росписи и ее «исправление», где «окажется возможным», заделку трещин на стенах, оштукатуривание внутри храма мест, не занятых росписью, расчистку и починку иконостаса и замену оконных рам и дверных проемов.

1 июля 1909 г. для осмотра церкви был направлен П.П. Покрышкин, который в своем заключении от 15 сентября обозначил необходимость проведения архитектурно-археологических исследований прежде начала ремонтных работ. В этой связи 19 октября ИАК обратилась к Лавре с вопросом, чем именно монастырь мог бы помочь при проведении раскопок. В частности, речь могла идти о предоставлении помещения, выплате содержания исследователям и найме рабочих.

Однако 13 ноября лаврское начальство отвечало в том духе, что оно обязалось реставрировать храм и сохранять его в подобающем виде, но не проводить научные исследования и археологические раскопки. 28 декабря ИАК сообщила о ситуации в Синод и, ссылаясь на отказ Лавры, попросила выделить 1000 руб. на архитектурно-археологические работы, указывая, что монастырское начальство само войдет в сношения со специалистами по промывке фресок, осмотр которых был поручен М.О. Чирикову. В результате переговоров Лавра согласилась предоставить стол для рабочих и служебные помещения (Там же. Л. 8, 9, 12 — 12 об., 14, 19 — 20 об., 24).

В связи с началом работ 14 октября 1910 г. ИАК обратилась в Военное министерство с предложением удалить часть крепостного вала, который находился в его ведении и закрывал развалины купольных столбов и алтарных полукружий древнего храма. 4 марта 1911 г. был предложен проект выемки земли вала, однако 8 августа Лавра отказалась от продолжения раскопок по финансовым соображениям. Из-за аварийной ситуации вокруг Спаса киевский генерал-губернатор 11 августа воспретил доступ к храму, а 29 августа 1911 г. реставрационно-археологические работы посетил император.

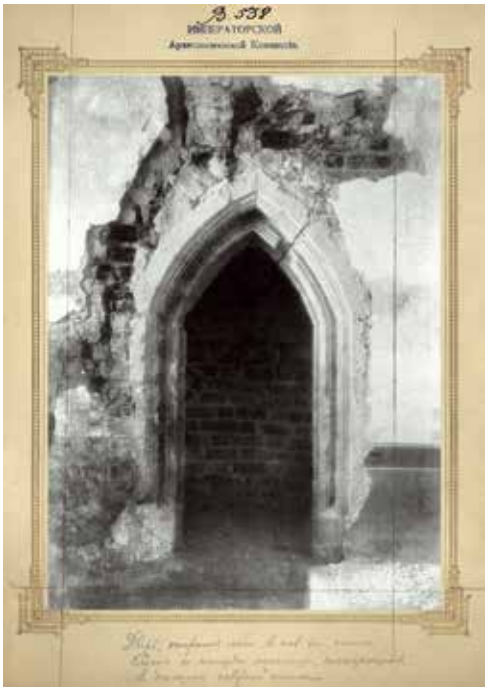
В дальнейшем дело реставрации было осложнено препирательствами с военным ведомством по поводу установки ограждений и вывозки земли и позицией Лавры, которая 26 января 1912 г. опять отказывается от оплаты археологических работ под крепостным

валом. ИАК вновь была вынуждена обратиться в Синод с просьбой выделить 3000 руб. на продолжение исследований, однако 21 июня получила отрицательный ответ со ссылкой на то, что раскопки являются делом «не церковным», а научным и общественным.

Только 4 апреля 1913 г. Лавра согласилась выделить требуемую на исследования сумму при условии перевода 2 десятин земли, или чуть более 2 га, в районе вала из военного ведомства в собственность монастыря. Лавра была согласна обменять эту землю на свои 11 десятин (почти 12 га) в Бусловском урочище и дополнительно заплатить за военные строения 180 000 руб. Такое предложение вызвало озабоченность Комиссии, которая посчитала, что заинтересованность Лавры в этих площадях связана с тем, что здесь будут строить «доходные безобразные небоскребы». Еще одной проблемой стала попытка выложить пол в храме «метлахской плиткой», тогда как П. П. Покрышкин настаивал на имитации цементной плитки или даже использовании мраморной. Процесс исследования и реставрации застопорился. В 1915 г. стала очевидна необходимость засыпки открытых раскопками фундаментов. Наблюдение за земляными работами было поручено С. П. Вельмину (Там же. Л. 30, 35, 55, 60, 68, 81, 82 — 82 об.).

Тогда же ИАК пришлось вступиться за Дальние пещеры Лавры. 26 июня 1914 г. П. П. Покрышкин отмечал, что после недавнего ремонта «все пещеры окрашены с вопиющим безвкусием в светло-сиреневый <...> цвет масляной

Костел св. Троицы и тюремный замок в Люблине. Фото начала XX в. (ФО. Отп. О.617-22)



Боковая дверь костела св. Троицы в Люблинском замке, расчищенная П.П. Покрышкиным, 1903 г. (ФО. Отп. Q 364-17)

Внутренний вид западной части костела св. Троицы с входом на хоры в Люблинском замке. Фото В. Сарацинской, 1903 г. (ФО. Отп. Q 364-23)

лоснящейся краской, а существующие изображения святых XVIII–XIX вв. также проолифлены и неприятно лоснятся». Одновременно монастырское руководство предполагало выстлать пол в пещерах металлическими плитками, чего, по мнению ИАК, «только и недоставало для полного уподобления святых пещер обыкновенным коридорам общественных уборных». 15 июля ИАК обратилась в Духовный собор Лавры с просьбой тонировать еще неокрашенные стены под цвет земли с помощью известковой краски. Похоже, что только Первая мировая война сохранила внутренний вид лаврских пещер (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 23. Л. 25, 26, 29).

Необходимо особо отметить деятельность Комиссии на территории современной Польши. Эти работы особенно активизировались в 1900–1910-х гг. В 1903 г. П.П. Покрышкин провел частичную расчистку и консервацию православных фресок начала XV в. в костеле св. Троицы в Люблинском замке, которые были открыты в 1899 г. художником Йозефом Смолиньским (1865–1927). 19 июня 1903 г. люблинский губернатор обратился в ИАК с просьбой произвести экспертизу живописи в часовне Тюремного замка, которую в 1902 г. осматривал художник и реставратор из Варшавы Антоний Ян Стржалецкий (1844–1934). В том же году часть росписи, преимущественно в пресбитерии, была освобождена от штукатурки, а также расчищены некоторые элементы храмового интерьера. В июле фрески были сфотографированы.

Ктиторская фреска с изображением короля Владислава Ягеллы при входе на хоры костела св. Троицы в Люблинском замке, XV в. Фото В. Сарацинской, 1903 г. (ФО. Отп. Q 364-24)

Башня в Столпье, Холмский уезд, Люблинская губерния. Вид с запада. Фото П. П. Покрышкина, 1909 г. (ФО. Отп. О.369-25)

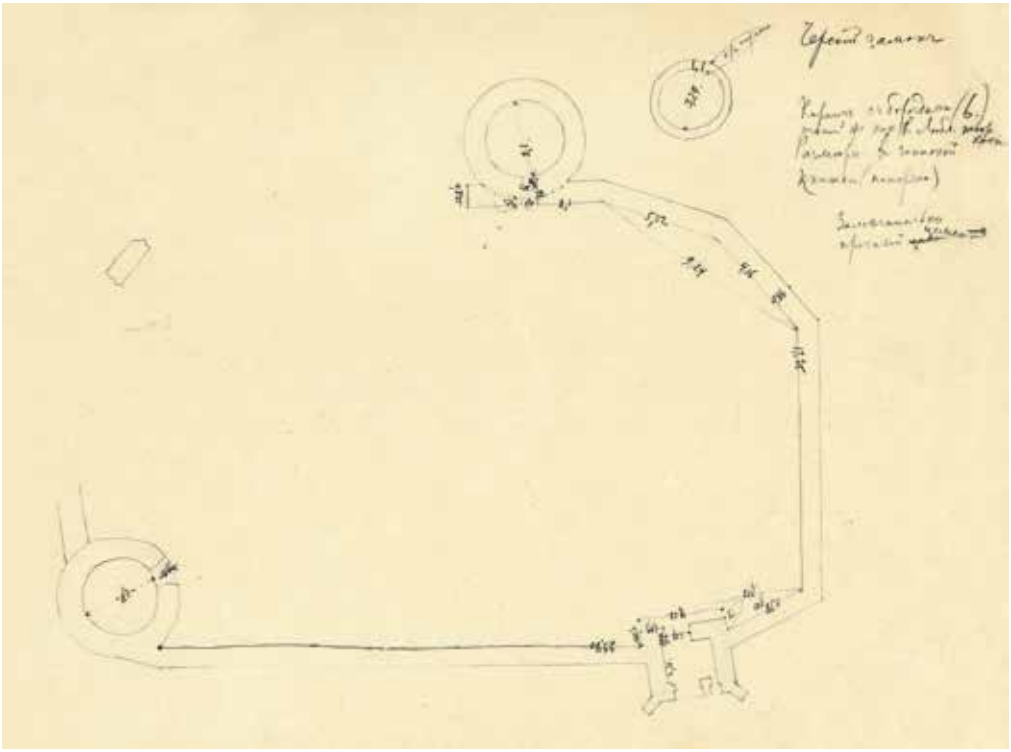
Надпись, вырезанная на зеленом камне (глауконитовом известняке), найденная при раскопках дворцового комплекса короля Даниила, XIII в. Соборная гора, Холм, Люблинская губерния. Фото П.П. Покрышкина, 1911 г. (ФО. Отп. О. 395-1387)

Резные архитектурные детали из зеленого камня (глауконитового известняка), найденные при раскопках дворцового комплекса короля Даниила, XIII в. Соборная гора, Холм, Люблинская губерния. Фото П.П. Покрышкина, 1912 г. (ФО. Отп. О.395-1389)

Замок в Черске, Гроецкий уезд, Варшавская губерния. Фото П. П. Покрышкина, 1909 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 л. Д. 62. Л. 114)

Сомневаясь в «польско-католическом» происхождении живописи, губернатор обращался в Комиссию, испрашивая разрешение на научную реставрацию и опасаясь, дабы по случайности не изгладились следы древности. Именно тогда и была расчищена «выходная» надпись 1418 г. на ктиторской фреске, что подтверждало принадлежность росписи к «византийскому пошибу». Очевидно, она принадлежала кисти мастеров восточно-христианской традиции, выходцев из земель современной Украины или Беларуси. В 1913 г. М. О. Чириков должен был расчистить фрески от штукатурки, на что министр юстиции И. Г. Щегловитов предполагал выделить 2300 руб., хотя вся смета составила 10 000 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 154. Л. 2 — 3 об., 7, 20 об., 38). Работы по сохранению фресок продолжились в 1917–1923 гг., однако их окончательная реставрация была завершена только в 1976–1995 гг. Тогда же труды ИАК были критически оценены как поспешная расчистка живописи на большой площади без надлежащего старания и необходимого применения реставрационных методов (Różycka-Bryzek 2000: 18), что, на наш взгляд, было несколько поверхностно. Сегодня дискуссия о характере и значении этих работ продолжается (Bilewicz 1999; Белковская 2015), и важную роль в этой дискуссии играет интерпретация материалов архива ИАК.

Это были не единственные работы П. П. Покрышкина на Люблинской земле. В 1909–1913 гг. он обследовал башни в окрестностях Холма, в Белавине и Столпье, которые, будучи построены в XIII в., могли иметь как оборонный,



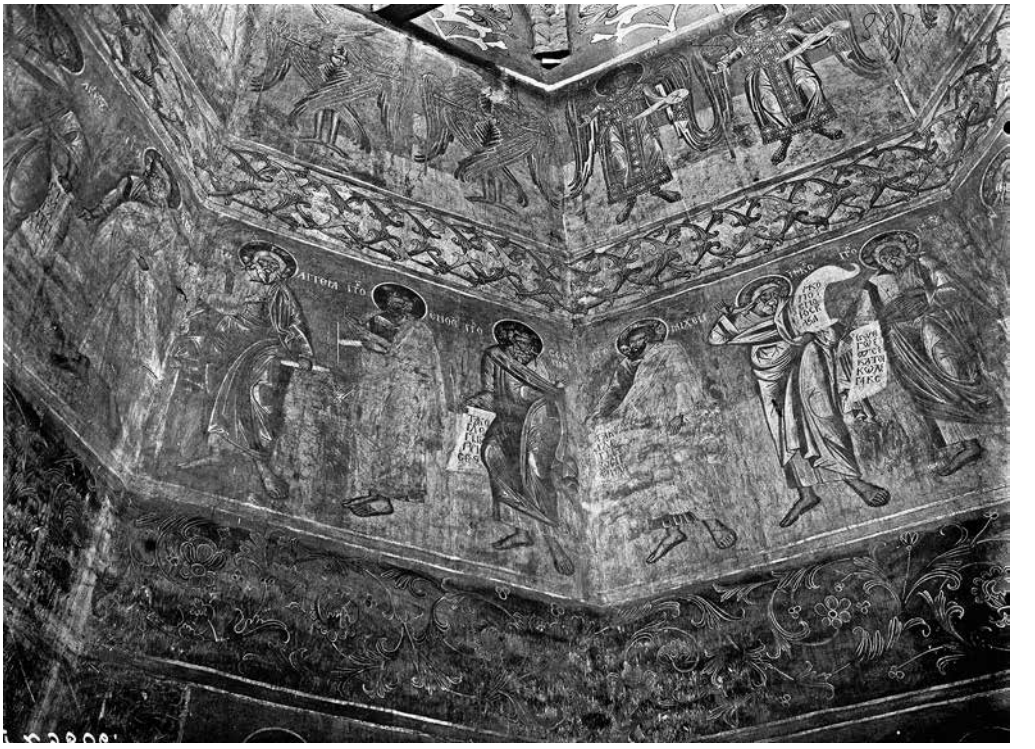
Чертеж и обмеры замка в Черске, выполненные П. П. Покрышкиным, 1909 г. (РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 83. Л. 5 об.)

так и монастырский характер, предложив конкретные меры по их реставрации и обосновав смету (РО. Ф. 1. Оп. 1-1909 г. Д. 23; ср.: Buko 2009). В 1911–1912 г. на Соборной горе в Холме на средства местного Богородицкого братства он провел археологические исследования с целью поиска летописного «Данилова града» — замка или дворца короля Даниила Галицкого, выявив большое количество архитектурных элементов XIII в. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1903 г. Д. 275; Оп. 1-1909 г. Д. 23; ср.: ОИАК за 1909–1910 г. 1913: 175). Еще ранее, в 1909 гг. П. П. Покрышкин осуществил обмеры и реставрационные работы в Черском замке (см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1893 г. Д. 62; см. также: Известия ИАК. Вып. 36. 1910: 1–4; Приб. к вып. 48. 1913: 101; ср.: Buko 2019).

Важное значение для польской культуры имели работы ИАК в монастыре в Супрасле под Белостоком, основанном на Подляшье в 1498 г. маршалом Великого княжества Литовского Александром Ходкевичем и в 1500 г. перенесенном на нынешнее место (см.: Покрышкин 1911; Мусин 2018; Musin 2019). Главный монастырский храм во имя Благовещения Богородицы, построенный в 1509–1510 гг. в стиле «оборонного зодчества», был расписан сербским иконописцем Нектарием в 1557 г. Обновление стенной живописи и ремонт церкви в 1907–1910 гг. были связаны с обращением настоятеля монастыря, епископа Белостокского Владимира (Тихоницкого), который описывал бедственное состояние храма (покосившиеся в южную сторону купол и башни, выветривание

Западный фасад Благовещенской церкви Супрасльского монастыря. Вид с северо-запада. Фото И. Ф. Чистякова, 1908 г. (ФО. Нег. II 28273)

Центральная часть иконостаса (1635–1652) Благовещенской церкви Супрасльского монастыря. Фото И. Ф. Чистякова, 1908 г. (ФО. Нег. II 29617)



Роспись в верхней части купольного восьмерика Благовещенской церкви Супрасльского монастыря, пророки Агей, Софония, Михей и др. Фото И. Ф. Чистякова, 1908 г. (?) (ФО. Нег. II 29606)

кирпичной кладки, трещины на южной и северной стене, закрашенные и страдающие от сырости росписи, требующие побелки стены, прогнившие стропила сложной конструкции и деревянные винтовые лестницы в угловых башнях) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 106. Л. 1 — 2 об.). П.П. Покрышкин осмотрел церковь в августе 1907 г., и на основе его заключения реставрационное заседание ИАК разрешило производство ремонта при условии наблюдений со стороны представителя Комиссии и безусловном сохранении барочного иконостаса середины XVII в. (Известия ИАК. Вып. 26. 1908: 25–27). Архитектор как минимум еще дважды посещал монастырь, в 1908 и 1910 гг., но интересовался преимущественно архитектурными подробностями. Так, он выявил камни первоначального фундамента церкви XVI в., отметил оригинальность деревянных чердачных конструкций и произвел обмеры некоторых компартиментов храма, специально отмечая — «метрами мерили», в отличие от еще принятых тогда в России аршинов (РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 542. Л. 7, 23).

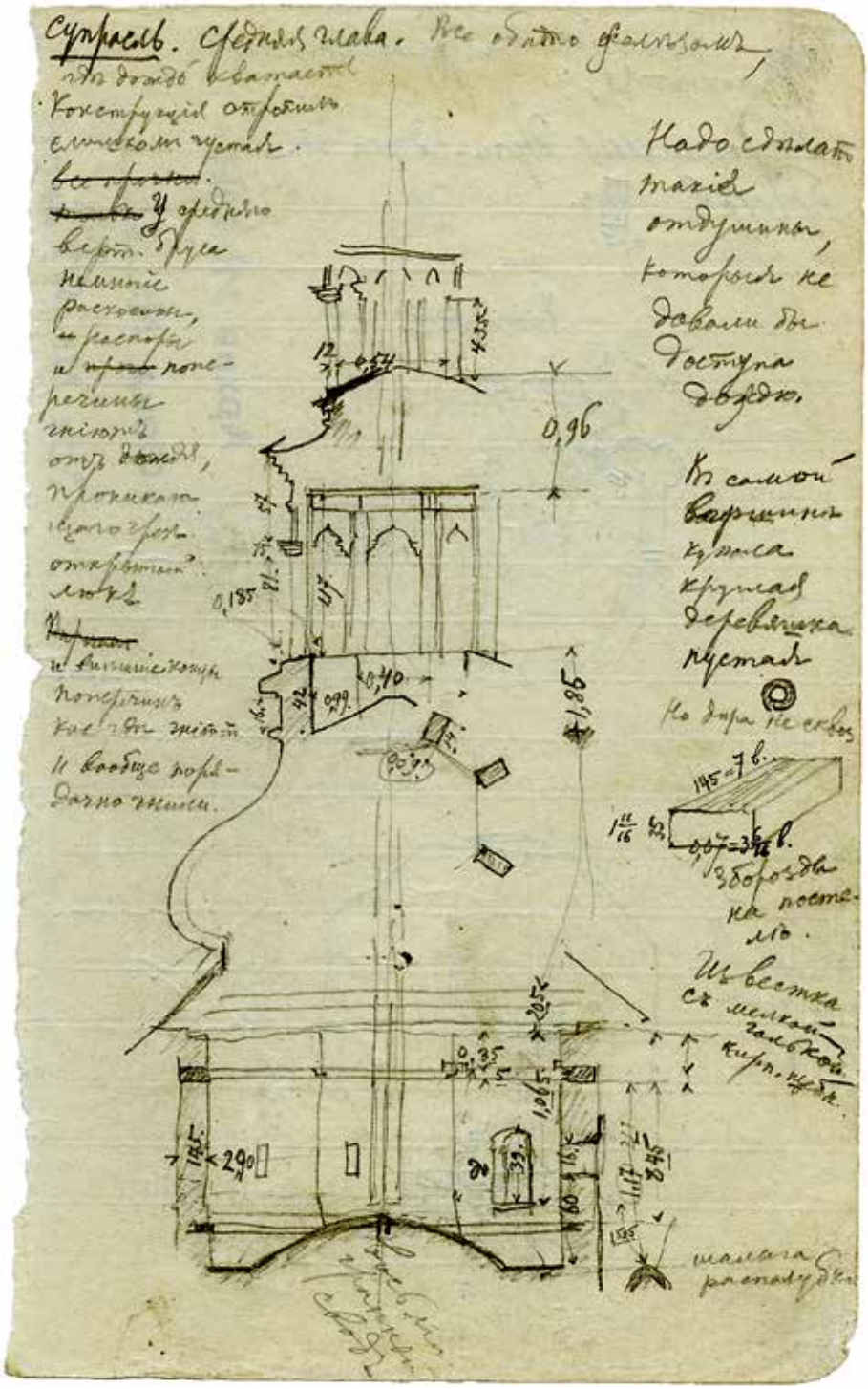
После отказа московских иконописцев Василия Гурьянова и Григория Чирикова от участия в реставрации фресок, она была поручена художнику Федору Бодалеву из Санкт-Петербурга. Эти работы получили отрицательную оценку общественности и специалистов (Иодковский 1915: 267). Сам П.П. Покрышкин, который сначала одобрил поновление (РО. Ф. 21. Оп. 1.

Деревянные конструкции чердака Благовещенской церкви Супрасльского монастыря. Фото И. Ф. Чистякова, 1908 г. (?) (ФО. Нег. II 29622)

Д. 542. Л. 9), позднее более критично оценил эти работы, произведенные, по его словам, «без ведома» ИАК, и даже предлагал смыть часть росписей Ф. Бодалева (Покрышкин 1911: 232).

Известно, что Супрасльская церковь была взорвана 23 июля 1944 г. отступавшими войсками Германии, а ее руины окончательно разобраны в процессе консервации 1956–1960 гг. Строительство новой церкви, подражающей историческим формам погибшего здания, было проведено местной епархией Польской православной церкви в 1983–1998 гг. Немногочисленные сохранившиеся фрески, снятые под руководством архитектора В. Пашковского с руин храмовых столбов в 1947 г., ныне хранятся в Музее икон в Супрасле, являющемся отделом Музея земли Подляшской в Белостоке. Материалы архива ИАК сегодня фактически играют роль первоисточника для изучения этого памятника культуры.

Интересна и история участия ИАК в попытке спасения деревянного костела св. Троицы в Мышинце, Остроленковский уезд, Ломжинская губерния. Костел был основан местным старостой Яном Коссом и завершен трудами его супруги Анастасии из рода Мышковских в 1716–1723 гг. Перед костелом стояла колокольня, построенная еще в конце XVII в. Однако в 1906 г. по инициативе нового приходского ксендза, поддержанной местным католическим епископом и частью прихожан, было решено снести старую деревянную церковь и построить новый храм в псевдоготическом стиле. Часть местной общины не согласилась с таким решением и обратилась в ИАК как к своей единственной «надежде» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 131. Л. 1, 8 — 8 об.). В ответ на запрос А. А. Бобринского ломжинский губернатор полностью поддержал позицию епископа, дополнительно отметив, что ни с археологической, ни с эстетической точки зрения костел не представляет ничего особенного, а его состояние якобы не позволяет провести эффективный ремонт. Губернская власть неоднократно обращалась в ИАК с просьбой ускорить желательное для нее решение и даже сопроводила одно из писем заключением комиссии местных чиновников об угрожающем состоянии здания (Там же. Л. 6–7, 13 — 13 об., 17 — 17 об.). В результате в мае 1907 г. в Мышинец для осмотра костела был отправлен П. П. Покрышкин (Там же. Л. 15). Несколько позднее А. А. Бобринской обращается к Варшавскому



Разрез средней главы Благовещенской церкви Супрасльского монастыря с размерами и примечаниями. Рисунок П. П. Покрышкина, 1910 г. (?) (РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 543. Л. 2 об.)

Деревянный костел св. Троицы, XVIII в., Мышинец, Остроленский уезд, Ломжинская губерния. Фото Ф. Вальца, 1907 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 131. Л. 47)

обществу попечения о памятниках старины с просьбой срочно предоставить свое мнение о состоянии костела (Там же. Л. 19 — 19 об.).

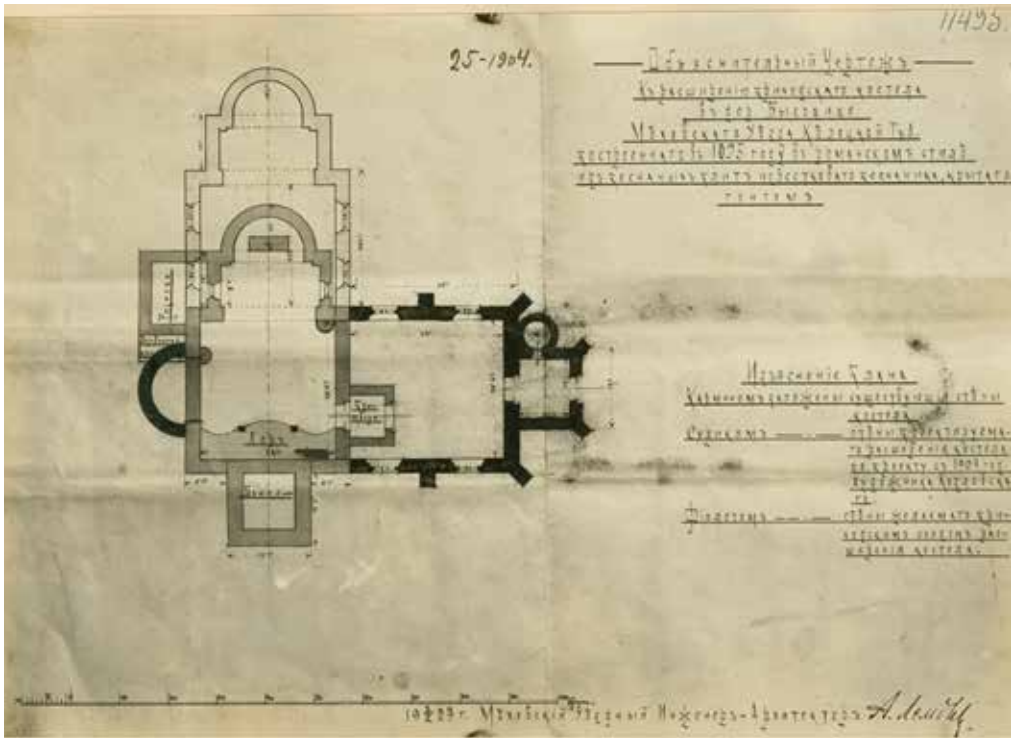
Мнения Варшавского общества и П.П. Покрышкина о значимости памятника польской деревянной архитектуры разошлись кардинально. Деревянный костел, по мнению общества, не представлял ничего достойного, поэтому правление не находит никакого основания препятствовать сломке старого деревянного костела ради задуманной прихожанами новой постройки (Там же. Л. 21 — 21 об.). Однако

Деревянный костел св. Троицы и каменная колокольня, XVII–XVIII вв. Мышинец, Остроленский уезд, Ломжинская губерния. Фото начала XX в. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 131. Л. 30)

Внутреннее убранство костела св. Троицы, Мышинец. Фото П. П. Покрышкина, 1907 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 131. Л. 50)

на реставрационном заседании ИАК 3 октября 1907 г. в Петербурге выступил П.П. Покрышкин. Он указал, что постройка отличается соединением внешней простоты с богатым, хотя и запыленным внутренним убранством, а общая группа деревянных башенок и каменной звонницы производит «художественное впечатление». Он считал, что здание безусловно запущено, однако его ремонт вполне возможен, и высказался «категорически за сохранение» памятника. К сожалению, он остался в меньшинстве в своей попытке защитить памятник, и ИАК разрешила разборку при условии предоставления в Комиссию фотографий и чертежей, которые и были выполнены фотографом Ф. Вальцем и инженером Ф. Ксенжопольским (Известия ИАК. Вып. 29. 1908: 15–18; Musin 2017b; ср.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1906 г. Д. 131. Л. 22–26). Таким образом, архив ИАК сохранил сведения о последних месяцах жизни костела.

Закрепленное в законодательстве право ИАК разрешать или запрещать реставрационные работы играло роль сдерживающего фактора при ремонте и переустройстве древних памятников, что способствовало их сохранению. Это понимали представители польской науки и искусства. Так, узнав о планах местного епископа перестроить романский костел св. Николая начала XIII в. в Высочице (Меховский уезд, Келецкая губерния), директор Национального музея в Кракове Феликс Копера 8 февраля 1904 г. обратился с письмом к председателю ИАК А.А. Бобринскому с просьбой



План переустройства и расширения романского костела св. Николая, XIII в., Высочице, Меховский уезд, Келецкая губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904. Д. 25. Л. 20)

вмешаться в ситуацию (см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 25). Благодаря позиции Комиссии, потребовавшей от губернатора остановить перестройку, костел сохранился в первоначальном виде до наших дней (Świechowski 2000: 309–311). Однако почти одновременно другой романский храм 1154 г. — костел св. Иоанна Предтечи в с. Стара Загосч (Пинчувский повет, Келецкая губерния) был радикально перестроен в 1900–1901 гг. (Świechowski 2000: 311–312). Поскольку ИАК своевременно не была поставлена в известность о планируемом ремонте, она не имела возможности остановить эти работы.

Похожим образом ИАК могла сыграть свою положительную роль в реставрации костела св. Иакова в Сандомире. В 1907 г. Комиссия разрешила здесь проведение исключительно необходимого ремонта и запретила отбивать наружную штукатурку костела на случай будущей реставрации находящейся здесь полихромии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1907 г. Д. 51; ср.: Известия ИАК. Вып. 26. 1908: 34–36). Несмотря на тот факт, что общий контроль за ремонтом был поручен Варшавскому обществу попечения о памятниках старины, архитектор Ярослав Войцеховский (1874–1942) произвел радикальную «готизацию» костела, отбив со стен позднесредневековые фрески. Этот опыт получил негативную оценку в польской науке (Frycz 1975: 232; ср.: Dettloff 2010b).

ИАК принимала участие и в судьбе гораздо менее выдающихся памятников, к сожалению, не всегда с положительным исходом. 9 марта

Чертеж поперечного разреза костела св. Николая, XIII в., Высочице, Меховский уезд, Келецкая губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904. Д. 25. Л. 26)

Костел св. Иакова в Сандомире, Радомская губерния. Фото П. П. Покрышкина, май 1907 г. (ФО. Нег. II 28781)

1912 г. Варшавское общество попечения о памятниках старины обратилось в Комиссию с беспокойством за судьбу замка Концепольских в м. Русец Лаского уезда Петраковской губернии. Новый владелец замка И. Знамеровский-Сухер намеревался разрушить одну из пристроек к зданию, тогда как бывшая владелица была готова ее выкупить. ИАК обратилась к петраковскому губернатору, который уже 11 марта приостановил работы и даже выслал снимки памятника. Однако это создавало правовую коллизию, поскольку речь шла о частной собственности. 10 июня П. П. Покрышкин

Фрески на внешней стене костела св. Иакова в Сандомире. Фото П. П. Покрышкина, май 1907 г. (ФО. Нег. II 28789)

Костел св. Иакова в Сандомире во время реставрационных работ. Фото П.П. Покрышкина, май 1907 г. (ФО. Нег. II 28792)

и А.А. Спицын предложили снять наложенное губернатором запрещение во избежание подачи гражданского иска. Несколько позднее, когда 20 августа 1913 г. Комиссия обратилась с запросом в Варшавское общество, какие меры то считает необходимым предпринять для сохранения замка, его председатель Эдуард Красинский отвечал, что наиболее интересные части уже, к сожалению, разрушены (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 58).

Реставрационные усилия ИАК касались исторических памятников Литвы, Латвии и Эстонии. В октябре 1911 г. в ИАК из «Комиссии для опеки над историческими зданиями» г. Вильно поступило известие, что полуденный выстрел с Гедиминова замка разрушительно влияет на древние здания. За письмом стояла инициатива местного краеведа В.А. Шукевича. 13 октября В.В. Латышев отправил виленскому губернатору запрос по поводу технической экспертизы возможного влияния пушечного выстрела на замок. Губернатор сообщил на это, что еще в сентябре входил в сношение с военным начальством, в частности, с начальником штаба Виленского военного округа А.Б. Преженцевым, который его заверил, что выстрелы «совершенно не могут оказывать на остатки замка разрушающего влияния». 20 февраля 1912 г. ИАК отправила соответствующий запрос в Технико-строительный комитет МВД, но оттуда также пришла отписка со ссылкой на того же губернатора и то же «военное начальство» (здесь и далее см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 24. Л. 1–2, 3, 4, 5).

Замок Концепольских, Русец, Лаский уезд, Петраковская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 58. Л. 13)

В феврале 1912 г. пошли слухи о строительстве водопроводного бака в одной из башен Виленского замка. Об этом было сообщено в ИАК все тем же В.А. Шукевичем, а также Обществом любителей наук в г. Вильно, которое еще 1 декабря 1911 г. на своем собрании приняло решение противодействовать этому намерению и теперь просило ИАК о помощи. 28 января в Комиссию обратилось ИРАО с просьбой изъять замок из собственности Виленского городского правления. Одновременно и местный губернатор поставил перед Комиссией вопрос о согласовании проекта, прислав в Петербург планы и эскиз будущего бака, но без подробных чертежей.

В связи с этим 7 февраля 1912 г. В.А. Шукевич запросил у ИАК Открытый лист на исследования Виленского замка. Однако этому воспротивилось Литовское научное общество, называя заявителя «автодидактом в археологии», не обладавшим достаточной компетенцией и сдававшим найденные при раскопках вещи в музеи Кракова или Львова. Впрочем, Общество тоже было не склонно предоставлять археологические находки на Замковой горе в Петербург, настаивая, что они обязательно должны остаться в собственности города.

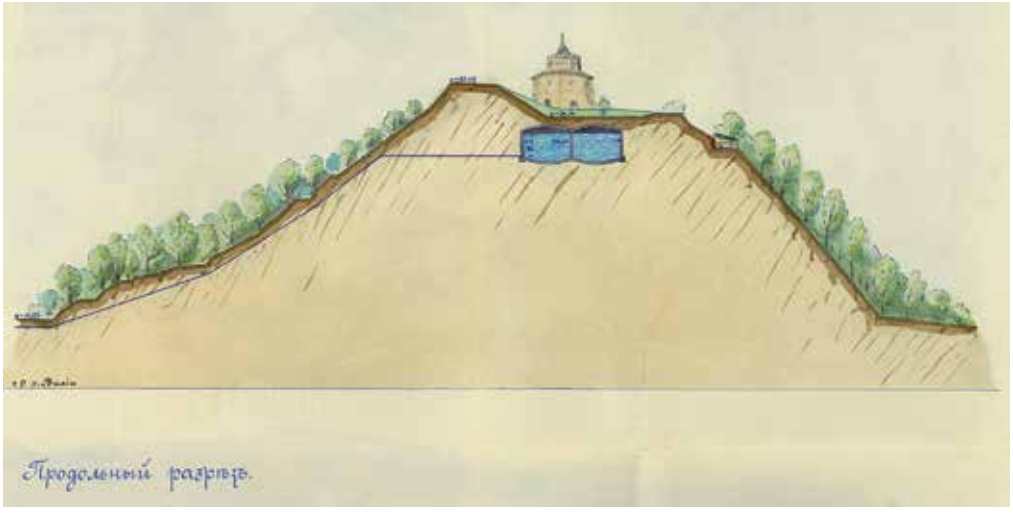
7 марта 1913 г. ИАК обратилась в Главное управление по делам местного хозяйства МВД и высказала свои соображения о невозможности строительства водного коллектора на Замковой горе в Вильно. Очевидно, подготовительные работы в башне выявили ее неудовлетворительное состояние. В связи с этим Виленская городская управа и губернатор обратились в Комиссию с просьбой разрешить

архитектору С. О. Гоувальту ремонт цоколя башни, на что ИАК 14 июня дала добро, однако потребовала, чтобы кладка была сделана на известковом растворе, а не на цементе. Дополнительными условиями были минимум перелицовки фасадных частей здания и сохранение внутри башни древнейшей штукатурки. Для наблюдения за работами Комиссия направила К. К. Романова (Там же. Л. 11, 12, 19, 23, 26, 27 — 33 об., 46, 47).

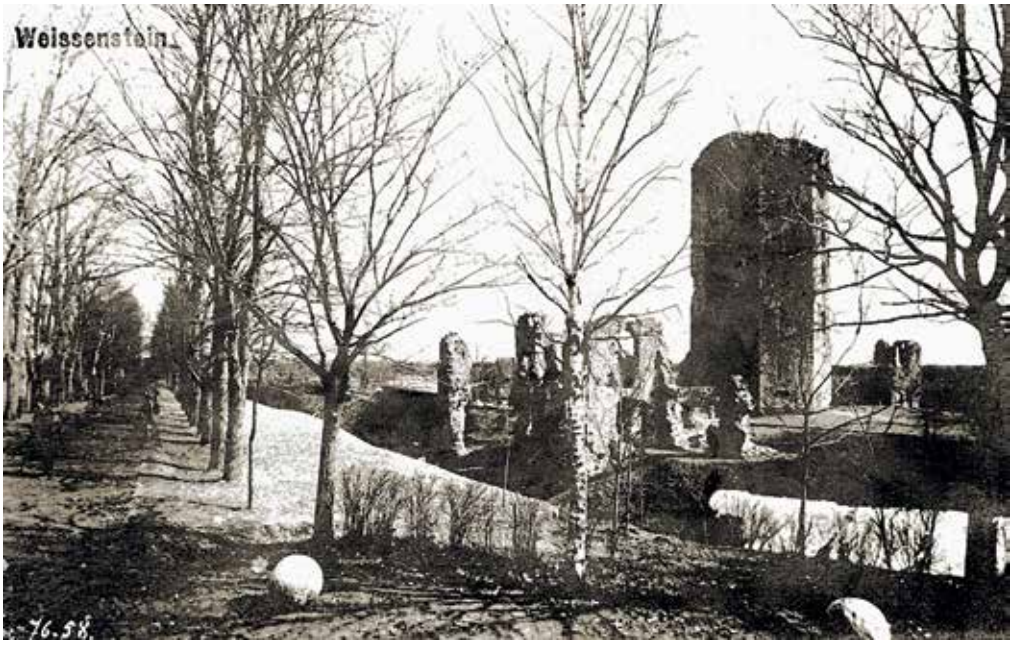
В 1912 г. Императорская археологическая комиссия высказывала озабоченность судьбой каменного дома 1646 г. по Малой Замковой улице в Риге, на который ее внимание обратил тайный советник С. Мутусов, поскольку здесь было решено построить новый дом в стиле модерн. Однако 30 апреля 1912 г. в ответ на запрос А. А. Бобринского лифляндский губернатор сообщил, что здание не предполагается к сломке (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 44).

7 января 1888 г. эстляндский губернатор С. В. Шаховской, предполагая, на основании заявления старожилов, что во дворе Вышгородского замка в Ревеле могут быть обнаружены древности, имеющие важное значение для истории, обратился в Археологическую комиссию. Поскольку

Гедеминова башня, Вильно (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 24. Л. 86)



Эскиз резервуара в Замковой горе, Вильно (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 24. Л. 76)



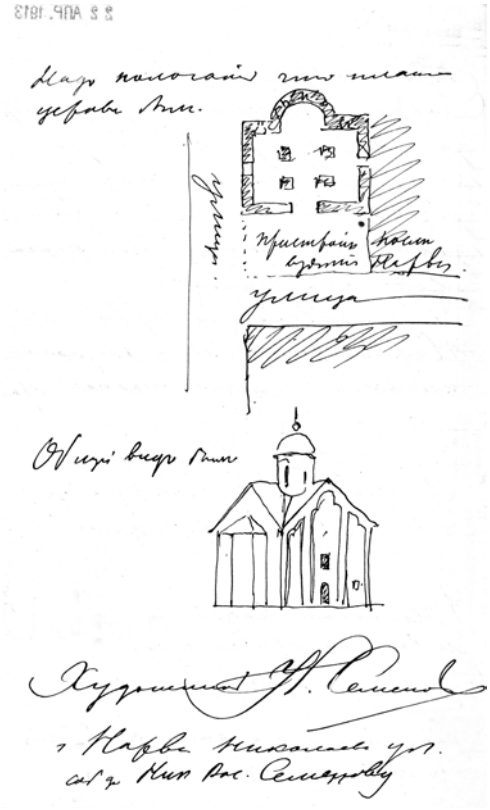
Замок Вейсенштейн, Эстляндская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 185. Л. 14)

казенных средств у него на раскопки и восстановление замка не было, он полагал, что ИАК сможет взять эти расходы на свой счет (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 6. Л. 1 — 3 об.).

В 1912 г. другой эстляндский губернатор И.В. Коростовец обратился в МВД с запросом о ремонте стен замка Вейсенштейн, построенного в 1266 г. Впрочем, этот памятник рассматривался им не столько как рыцарский замок, сколько как свидетельство славы русского оружия в Северной войне. Проект предполагал облицовку стен местным плитняком и устройство водостоков. Всего на ремонт замка планировалось потратить 800 руб., и МВД переслало отношение на экспертизу в ИАК. Очевидно, в связи с начавшимися ремонтными работами в 1913 г. Общество для сохранения древностей Вейсенштейнского уезда ходатайствовало о выдаче Открытого листа для раскопок с целью определения рва, фобурга и других конструктивных элементов оборонительной архитектуры. Раскопки должен был производить библиотекарь лифляндского дворянства Карл фон Левис-оф-Менара из Риги, однако отчет об этих работах в Комиссию так и не был представлен (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 185. Л. 5 — 6 об.).

Интересен эпизод с попыткой сохранения бывшей Никольской церкви в Нарве. В 1912 г. МВД переслало в ИАК проект перестройки здания на углу Вышгородской и Раздельной улиц, принадлежащего М. Ушару, под жилой дом. Однако уже к тому времени выяснилось, что речь идет об остове православной церкви времен Ивана Грозного, которая была построена в честь взятия Нарвы и просуществовала с 1558 по 1581 г., после чего храм перешел в частные руки и ныне был занят «пивной и винной торговлей». МВД считало, что здание непременно должно быть приобретено духовным ведомством. Нарвское

Бывший Никольский храм — дом Ушара в Нарве на углу Вышгородской и Раздельной улиц, Эстляндская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 252. Л. 30)



Проект восстановления Никольского храма, Нарва, Эстляндская губерния. Рисунки Н. Семенова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 252. Л. 12 об.)

духовенство, в лице протоиерея Василия Альбова, справедливо полагая, что назначение, которое владелец намеревается придать этому зданию, не соответствует его прошлому, возбудило перед Санкт-Петербургской духовной консисторией ходатайство об отпуске средств на покупку этого здания с целью устроить здесь музей церковных древностей. Были сделаны попытки предложить эскизный проект переустройства здания в этих целях, принадлежавший местному художнику Н. Семенову. Однако 8 апреля 1913 г. консистория отказалась от этой идеи, решив, что покупка выгодна одному лишь Ушару, запросившему за дом 10 000 руб. К тому же церковные власти посчитали, что музей — не практиковавшееся и не испытанное средство в миссионерских целях против лютеран. Впоследствии ИАК дважды, 22 августа 1912 г. и 15 марта 1913 г., рекомендовала духовным властям приобрести дом и запрашивала соответствующие инстанции о состоянии дел (РО. Ф. 1. Оп. 1-1912 г. Д. 252).

В южных регионах Археологическая комиссия также вела большую работу, связанную с охраной памятников старины. Кроме археологического исследования памятников Кавказа (подробнее см. главу IX) ИАК содействовала спасению его архитектурных сокровищ. Буквально накануне Первой мировой войны, 14 марта 1914 г., начальствующий Грузино-Имеретинской армяно-григорианской епархии епископ Месроп обратился в Комиссию. Еще 5 июля 1913 г. он

вступил в Тифлисе в контакт с Кавказским обществом поощрения изящных искусств и попросил, чтобы архитектурно-художественная группа общества приняла на себя надзор за комплексами средневековых монастырей на севере Армении Ахпат (конец X — середина XIII в.) и Санаин (конец X — XIII в.) близ г. Алаверди. На основании осмотра был составлен протокол, предлагающий ряд мер по поддержанию местных храмов. Теперь эти меры должны были получить одобрение ИАК. Выяснилось, что в Ахпате повреждены каменные перекрытия зданий, а в Санаине зафиксирована плесень и выпадение камней из стен, которые приобрели критический наклон. 27 марта ИАК рассмотрела эти предложения на своем реставрационном заседании и затребовала дополнительную информацию, в частности чертежи и фотографические снимки. 10 мая члены Комиссии вернулись к рассмотрению проекта. Выразив «живейшее сочувствие благому начинанию», ИАК дала согласие на реставрационные мероприятия, но при условии не трогать сдвинувшиеся с места камни кладки и примириться с происшедшими деформациями. При этом были высказаны возражения против использования цемента для укрепления крыши, который в силу своей гигроскопичности может спровоцировать новые трещины. Для облицовки и заполнения трещин был рекомендован строительный раствор, однородный с древним (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 214. Л. 3–5, 8). Сегодня оба монастырских комплекса хорошо сохранились и с 1996 г. включены в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

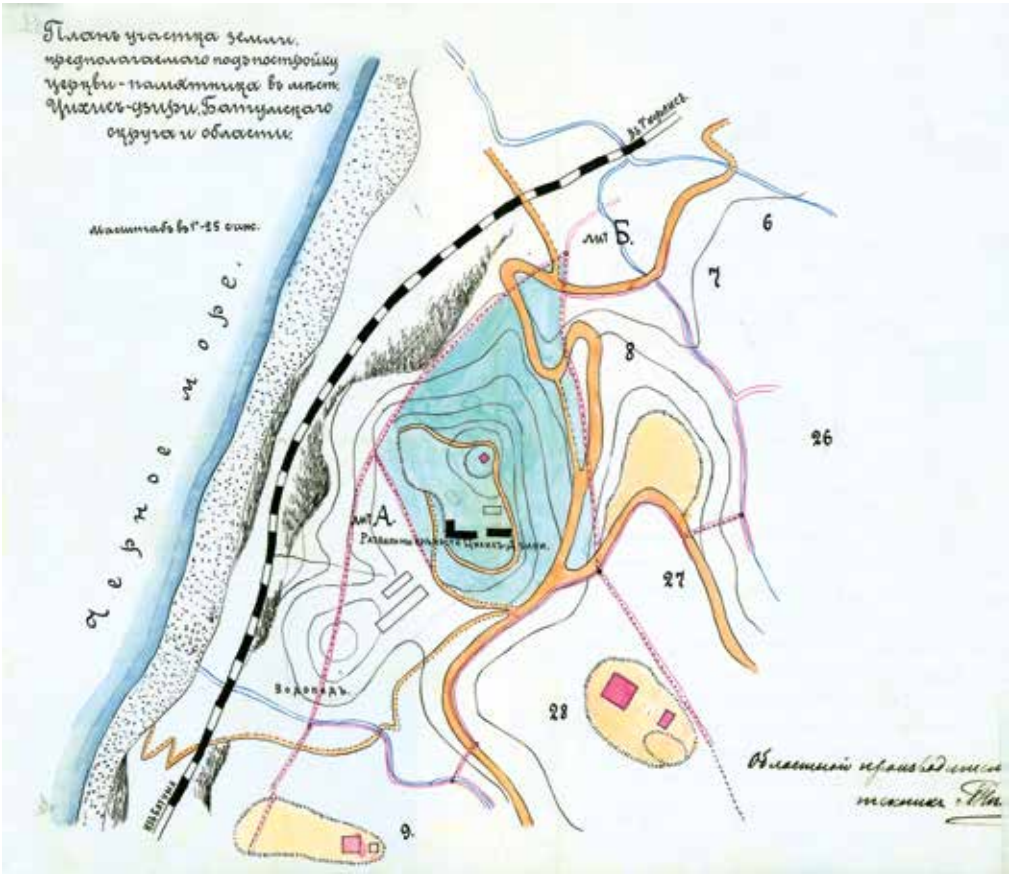
Забота ИАК распространялась и на памятники оборонного зодчества Грузии. Так, 23 июня 1890 г. А.А. Бобринской выразил начальнику работ по устройству порта в Батуми свою озабоченность по поводу возможной разборки Цихисдзирской крепости для этих нужд. К судьбе этого памятника ИАК возвращалась и позднее: 22 мая 1912 г. председатель ИАК писал военному губернатору Батуми по запросу со стороны Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, обеспокоенного планами строительства в крепости храма-памятника русским воинам, павшим при завоевании Батумского края. Впрочем, до осуществления этих планов было еще далеко: инициативная группа пока обратилась к властям лишь с просьбой о предоставлении для этих целей участка земли. Около этого времени А.А. Миллер, по просьбе А.А. Спицына, осмотрел крепость и доставил в ИАК подробный отчет о поездке с новым планом крепостных сооружений (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 109. Л. 3, 5, 9–11).

ИАК участвовала и в спасении стен генуэзской крепости в Аккермане. Как это зачастую бывало, информация была получена из заметки «Одесских ведомостей» от 23 сентября 1889 г. (№ 253), где сообщалось о «вандализме» аккерманцев, растаскивающих крепостные камни для строительства. 29 сентября А.А. Бобринской направил письма херсонскому губернатору и в ООИД, однако в связи с тем, что Аккерман входил в Бессарабскую губернию, губернаторский ответ задержался. Одесское же общество сообщило, что еще в 1887 г. оно направляло в ИАК обращение с просьбой воспрепятствовать городской думе разобрать на строительный материал стены крепости (здесь и далее см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1889 г. Д. 22. Л. 6, 11, 12, 16, 17–20, 21, 22, 23 об., 25, 29, 67, 69 — 71 об.).

Монастырь Санаин, Эриванская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 214. Л. 14)

Ответ бессарабского губернатора был датирован 8 декабря. Он извещал Комиссию, что в 1888 г., когда обрушилась одна из башен, об этом было немедленно сообщено МВД, а также о том, что им было сделано предписание местному полицмейстеру о недопущении расхищения памятника. Комиссия в свою очередь также обратилась в МВД с просьбой выделить средства на реставрацию крепости. Интересно, что из министерского ответа 8 февраля 1890 г. выяснилось, что еще в 1859 г. бессарабский генерал-губернатор граф А.Г. Строганов, брат первого председателя ИАК, разрешил Русскому обществу пароходства и торговли брать камни из контрэскарпа на устройство пристани. Впрочем, министерство утверждало, что в настоящее время крепость находится в неприкосновенном состоянии. В том же письме было выражено сомнение, является ли крепость «тем достопримечательным памятником старины, которые согласно Строительному

Церковь в монастыре Ахпат, Эриванская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1914 г. Д. 214. Л. 13)



План Цихисдзирской крепости, Батум, Тифлисская губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1890 г. Д. 109. Л. 11 об.)

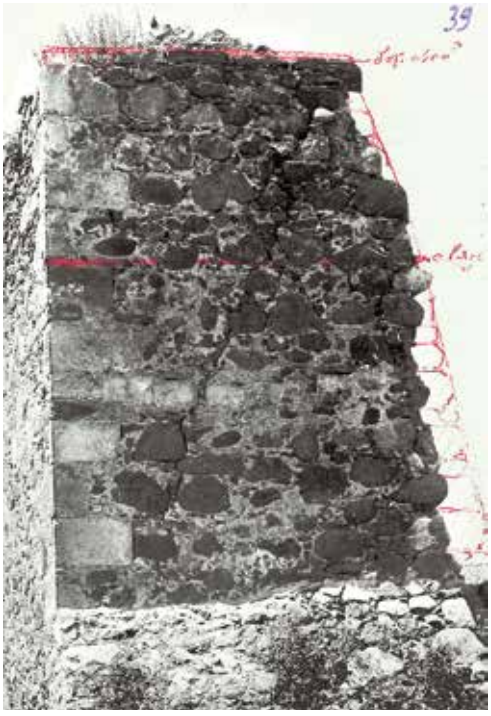
уставу подлежат обязательному сохранению и поддержанию». Последовавший 28 февраля 1890 г. ответ ИАК в Департамент общих дел МВД настаивал на обязательном сбережении местных крепостных стен.

Позднее МВД предложило бессарабскому губернатору передать крепость «на баланс» города, на что городская дума в принципе изъявила свое согласие. Поскольку земля под крепостью также передавалась новому собственнику, то министерство должно было войти с соответствующим отношением в Государственный совет. Однако и в 1895 г. вопрос так еще и не был решен. Позднее обсуждалась возможность передачи крепости в ведение ООИД. Вопрос об этом был возбужден непосредственно ИАК — в 1904 г. крепость осматривал Б. В. Фармаковский. Однако в своем письме от 30 июля 1911 г. МВД утверждало, что официальная передача крепости обществу «состоялась» еще в 1896 г. Очевидно, имелась в виду не передача в собственность, а надзор за состоянием памятника. Поскольку в течение 15 лет общество якобы не приняло никаких мер к поддержанию крепости, то городская дума вновь возбудила вопрос о передаче памятника в муниципальное ведение.

Аккерман-Белгород Днестровский. Вид на крепость с северной стороны лимана. Восточная и северная стены с башнями № 1, 3 и 4. Фото П. Геровича, 1890-е гг. (ФО. Отп. Q 380-39)

В письме говорилось, что дума готова поставить охрану и ворота, устроить фонари для освещения крепости и заделать стены цитадели. Естественно, общество на своем заседании 9 сентября не согласилось с такой оценкой собственной деятельности, а городские обещания назвало неопределенными и сбивчивыми. Сама передача памятника в городскую собственность была признана не соответствующей задачам охраны древности. Дальнейшее обсуждение судьбы Аккерманской крепости было прервано Первой мировой войной.

ИАК не только проводила раскопки на территории Крыма, но и организовывала здесь архитектурную реставрацию памятников и осуществляла соответствующий надзор. 19 октября 1897 г. Таврическая ученая архивная комиссия обратилась в ИАК с предложениями по охране крепости Алустон в связи с тем, что землевладелец москвич Н. Д. Стахеев готов принять на себя расходы на реставрацию этого алуштинского памятника (здесь и далее см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 231). 10 ноября А. А. Бобринской непосредственно обращается к Н. Д. Стахееву, спрашивая его, что именно он готов предпринять. Несмотря на то, что корреспондент изъявил согласие на сотрудничество с ИАК, в этом деле на 2 года наступило затишье. Впоследствии из отношения таврического губернатора от 27 ноября 1899 г. выяснилось, что какие-то переговоры в это время велись, поскольку речь уже шла не о простом ремонте, а о полной реставрации. Для этого был необходим проект, который был заказан ООИД. 26 декабря



Развалины крепости Алустона, Таврическая губерния. Фотографии с элементами реставрационного задания (РО. Ф. 1. Оп. 1-1897 г. Д. 231. Л. 39, 40)

общество соглашается его подготовить, а 5 февраля 1890 А.Л. Бертье-Делагард принимает на себя общее руководство и намеревается написать «историко-архивную справку».

Тем временем выяснилось, что 800 руб., отпущенные МВД на реставрацию крепости в Алуште, губернатор потратил на другие памятники, в частности на мечеть на Арабате. К маю 1901 г. ничего не было сделано, губернатор запросил новые 800 руб., а Н.Д. Стахеев перевел в губернскую казну еще 800 руб. Непонятно, были ли предприняты какие-либо шаги по реставрации памятника на протяжении 1900-х гг., но 13 мая 1909 г., через 8 лет, губернатор сам пишет в ИАК об опасности разрушения крепостной башни. Одновременно местные жители Аджа Рамазан и Гафар Умеров ходатайствовали о снятии верхних рядов камней и об укреплении нижней кладки стены. 24 июня ИАК опять входит в сношение с А.Л. Бертье-Делагардом, а в сентябре губернатор просит ускорить реставрационные работы. А.Л. Бертье-Делагард откликнулся только 19 декабря, написав, что может, даже не посещая памятника, сообщить свое мнение. Он полагал, что в данном случае «нужна сметка простого каменщика». 12 января 1910 г. таврическому губернатору было сообщено, что ремонт башни можно произвести без разборки кладок, а проломы могут быть заделаны простым камнем на цементе. Несмотря на это, губернатор попросил предоставить ему проект и смету, что было доставлено только к 1 декабря. Смета была рассчитана на 947 руб. 14 коп., а проект предполагал связки и бетонную заливку верхних

и боковых частей стены. Только после этого были осуществлены работы по укреплению крепостной кладки.

ИАК принимала меры против сломки Генуэзской крепости в Феодосии. Еще в сентябре 1873 г. новороссийский генерал-губернатор ходатайствовал о разборке башни в форте св. Константина, однако отвечавший ему И.Е. Забелин указал, что башня должна быть сохранена и забота об этом должна лежать на городском правлении (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 102. Л. 1 — 1 об., 5–6). В 1898 г. в Комиссию обратился таврический губернатор в связи с рассмотрением городской думой вопроса о выделении 200 руб. на ремонт одной из башен Феодосийской крепости. Губернатор счел эту сумму недостаточной и просил Комиссию ходатайствовать о дополнительном выделении для этих целей 2692 руб. ИАК поручила рассмотреть вопрос о возможном ремонте башни Г.И. Котову и М.Т. Преображенскому. В 1901 г. история получила свое продолжение, поскольку одна из аварийных башен близ Карантинной пристани не вошла в планируемую смету. 8 мая 1901 г. А.А. Бобринской указывал губернскому начальству, что башня является памятником, сохранение которого весьма желательно. Наконец, в 1902–1903 гг. в крепости был произведен ремонт на сумму 3392 руб. (Там же. Л. 7, 9, 16–17, 30, 31).

В 1908 г. главный врач Феодосийской морской врачебно-наблюдательной станции Арутюнов вновь поднял вопрос о ремонте стены и выделении средств для этих целей. 7 марта 1908 г. таврическим губернским инженером А. Монтагом был составлен акт состояния памятника. По его мнению, стена, стоявшая на краю неукрепленного почти вертикального откоса, угрожала

Угловая башня Феодосийской крепости, Таврическая губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 102. Л. 226)

падением, и ее требовалось разобрать. В апреле Комиссия направила в Феодосию В.В. Шкорпила из Керчи. К 8 мая 1908 г. были сняты планы крепости и сделаны ее фотографии, а также составлен новый акт, в котором подчеркивалась необходимость разобрать лишь 1/7 часть всей протяженности стены, что никак не могло повредить всему памятнику. Однако 15 июня 1908 г. свое мнение по поводу происходящего высказал А.Л. Бертье-Делагард, который считал, что падение стене совершенно не угрожает. При этом он обратил внимание Комиссии на находящуюся в крепости византийскую церковь св. Иоанна Богослова, превращенную в склад дров, где, однако, сохранились остатки фресок.

Несмотря на мнение А.Л. Бертье-Делагарда, комиссия МВД 24 ноября постановила снести часть стены

Церковь св. Иоанна Богослова в Феодосии, Таврическая губерния (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 102. Л. 199)

и устроить проезд к врачебной станции. В январе 1909 г. встал вопрос о производстве работ, которые местный губернатор намеревался поручить ИАК. Поскольку стену защитить не удалось, П.П. Покрышкин сосредоточил свои усилия на реставрации храма. В акте от 19 декабря 1909 г. П.П. Покрышкин предполагал исправить наклон его западной стены, переделать крышу и расшить все трещины. Губернский инженер Ларионов предлагал произвести более серьезные работы. Он считал, что северная стена угрожает падением, и, поскольку предлагаемые ИАК меры, по его мнению, не достигают цели, предлагал переложить северную стену заново, сделав новые связи северной и южной стен и новые дверные и оконные проемы (Там же. Л. 43, 60, 72, 83 — 83 об., 89–91, 108–109, 112, 135, 154, 179–181).

Еще одним крымским памятником, связанным с ИАК, стал ханский дворец в Бахчисарае. Заботы Комиссии по сохранению дворца начались задолго до того, как Комиссии была официально поручена его реставрация. 24 сентября 1874 г. МВД сопроводило в Комиссию запрос таврического губернатора, который просил разрешения отвести для офицеров вновь формируемого Крымского эскадрона помещения дворца. На это С.Г. Строганов отвечал, что поскольку после Крымской войны 1854–1856 гг. на реставрацию дворца были выделены некоторые суммы из казны, то его отдачей под жилье «была бы устранена цель этих жертв со стороны казны: именно сохранение памятника старины в наилучшем виде». Когда же 23 ноября 1876 г. губернатор вновь обратился в Петербург с просьбой разрешить устроить здесь лазарет, то ИАК была готова на это «лишь в случае крайней нужды» (об этом см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1874 г. Д. 19).

В начале 1890-х гг. перед обществом и государством вновь возникла проблема реставрации дворца. 5 февраля

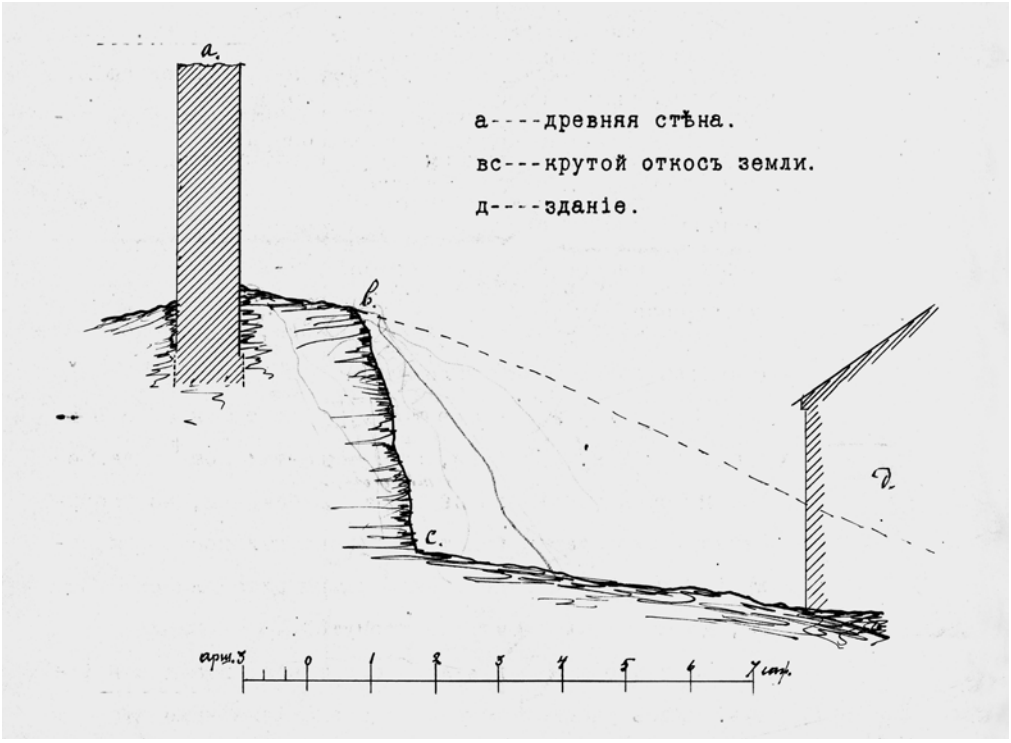
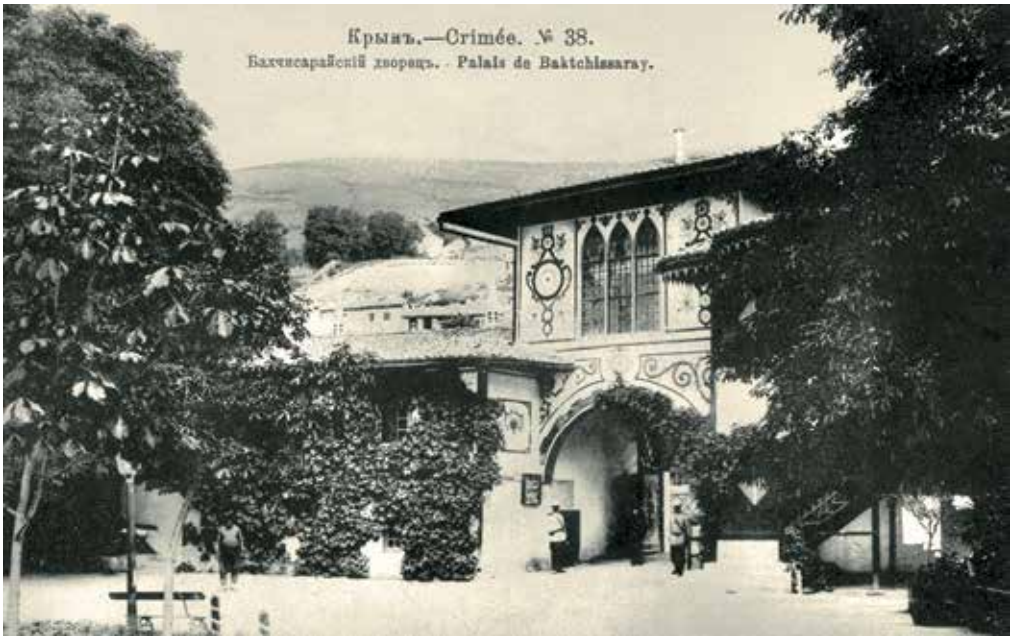


Схема местоположения крепостной стены Феодосии. Рисунок А. Л. Бертье-Делагарда (РО. Ф. 1. Оп. 1-1901 г. Д. 102. Л. 89 об.)

1894 г. таврический губернатор получил для этих целей 39 130 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 19. Л. 1 — 1 об.), после чего обратился в ИАК с просьбой снабдить губернский строительный комитет чертежами, с помощью которых можно было бы восстановить реставрируемые части в первоначальном виде. Со своей стороны, поскольку в недрах Комиссии к этому времени уже выработалась определенная практика подготовки процесса архитектурной реставрации, ИАК обратилась в Крым с просьбой прислать чертежи реализуемого проекта. 6 апреля губернатор известил Комиссию, что в министерстве никаких чертежей не оказалось, а для фотофиксации дворца у губернии нет средств. К тому же фотографирование потребует времени, а дело ремонта нужно было начинать как можно скорее. Поэтому он предлагал произвести реставрацию не по чертежам, а по цифрам: согласно одобренной смете. 23 апреля 1894 г. А. А. Бобринской написал в МВД, что без проекта и чертежей реставрация не может быть произведена, подчеркивая при этом уникальность дворца (Там же. Л. 3, 6, 7 — 8 об.).

Одновременно ИАК самостоятельно, трудами своего члена-корреспондента В. В. Стасова, собрала сведения по истории памятника и произведенным здесь ремонтам. Поскольку Комиссии так и оставалось неизвестно, в чем заключается разрешенный ныне «капитальный ремонт» Бахчисарайского дворца, то дело, согласно утвержденным министром двора «Правилам о порядке рассмотрения… ходатайств



Ханский дворец, Бахчисарай, Таврическая губерния. Открытка начала XX в. (ФО. Отп. О.469-90)

Ханский дворец, Бахчисарай, Таврическая губерния. Вид со стороны сада. Фото П. Гертика, 1903 г. (ФО. Отп. О.34-81)

о восстановлении древних монументальных памятников», было вынесено на совместное обсуждение с Академией художеств и МВД. Совещание было запланировано на 3 мая 1894 г. Определенную заминку вызвала позиция И. И. Толстого, который, как известно, настаивал, чтобы все проекты рассматривались на общем собрании Академии. Поскольку таких заседаний в ближайшее время не предвиделось, он просил, по рассмотрении чертежей в Комиссии, переслать их в Академию художеств с соответствующими замечаниями. От МВД обсуждать вопрос о реставрации дворца было предложено И. С. Китнеру.

Такая медлительность столицы вызвала недовольство местной общественности: «Крымский вестник» 24 мая 1894 г. писал, что ИАК никак себя не проявила по отношению к реставрации дворца. Однако только 2 мая

таврический губернатор переправил в Петербург все связанные с реставрацией материалы. В результате Комиссия поручила надзор за проводимыми работами Г.И. Котову, который был командирован в Бахчисарай по личному распоряжению императора. Г.И. Котову были переданы собранные ИАК планы и описания, в том числе — обмеры Вильяма Хейсти (иное написание фамилии — Гесте), российского инженера шотландского происхождения, сделанные в ханском дворце в 1798 г.

Получив отчет Г.И. Котова об обследовании дворца в 1894 г., ИАК 26 мая 1895 г. сообщила в МВД, что в первую очередь в ремонте нуждаются крыша здания и гарем. До этого совместное реставрационное заседание 24 мая обратилось к министру внутренних дел с просьбой изготовить чертежи и рисунки всех частей дворца, необходимые для реставрации. 4 июля Техническо-строительный комитет МВД поручает это Г.И. Котову, тогда как ИАК было предложено подготовить смету (Там же. Л. 76, 100–111). Однако вплоть до января 1897 г. Г.И. Котов к изготовлению чертежей и эскизов так и не приступил. 19 мая 1897 г. МВД в своем письме в ИАК указало на то, что для чертежей нужно было провести предварительные изыскания, связанные с отмыванием позднейших наслоений краски и отбивкой штукатурки для поиска орнаментов и декоративных элементов. Для этих целей требовалось 150 000 руб., однако уже 8 мая президент Академии художеств великий князь Владимир Александрович, курировавший проект, после общения с МВД посчитал, что полная реставрация дворца «оказывается излишнею» (Там же. Л. 122–129). Было признано нецелесообразным изготовить чертежи и снимки всего дворца, поскольку реставрацию предполагалось произвести «в скромных размерах», активно использовать побелку и сохранить те части дворца, которые «нельзя сломать», «простым ремонтом». При этом отмечалось, что для восстановления некоторых частей дворца вообще «не нужно особых изысканий», а лишь «вполне компетентное археологическое руководство реставрационными работами». В целом в реставрации памятника сказалось стремление придать наружному фасаду цельность и законченность, тогда как в остальных местах допускались фрагментарная роспись и частичное вмешательство (см.: Памятники архитектуры 2002: 433–437).

Одновременно возникло еще одно неожиданное препятствие, связанное с позицией Таврической контрольной палаты, отраженной в письме от 22 мая 1898 г. государственному контролеру. Здесь отмечалось, что на ремонт дворца в год выделяется средств больше, чем на содержание и ремонт городских присутственных мест в Симферополе (2778 руб. и 2740 руб. соответственно). Упоминая судьбу дворца, построенного в 1519 г., и постигшие его пожары и ремонты (1736, 1776 гг.), радетели казенных денег писали: «<...> печальная история Бахчисарайского ханского дворца, едва ли известная в 1894 и в 1895 гг. ИАК, приводит контрольную палату к заключению, что это сооружение есть не столько памятник азиатского зодчества в Крыму, сколько произведение зодческих способностей секунд-майора де Рибаса (имеется ввиду О.М. Дерибас. — *Авт.*), испорченное последующими неумелыми и некомпетентными ремонтами на щедро отпускавшиеся казною в течение ста лет деньги». Контролеры полагали,

что настало время освободить казну от дальнейших затрат на поддержание этого сомнительного в археологическом отношении памятника татарского владычества в Крыму и что ИАК должна активно, а не пассивно участвовать в реставрации, ограничив участие в этом деле некомпетентной в вопросах археологии местной губернской администрации лишь содействием командируемых лиц. Письмо было подписано управляющим Таврической контрольной палатой А. Шалубеевым (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 19. Л. 142–147). В результате 30 сентября 1898 г. таврический губернатор предложил МВД «в интересах наибольшей сохранности дворца» «передать таковой вместе с принадлежащими дворцу садами, с ассигнуемыми на содержание и ремонт его кредитами в ведение Археологической комиссии», с тем, чтобы работы по ремонту и реставрации производились непосредственно «названным учреждением».

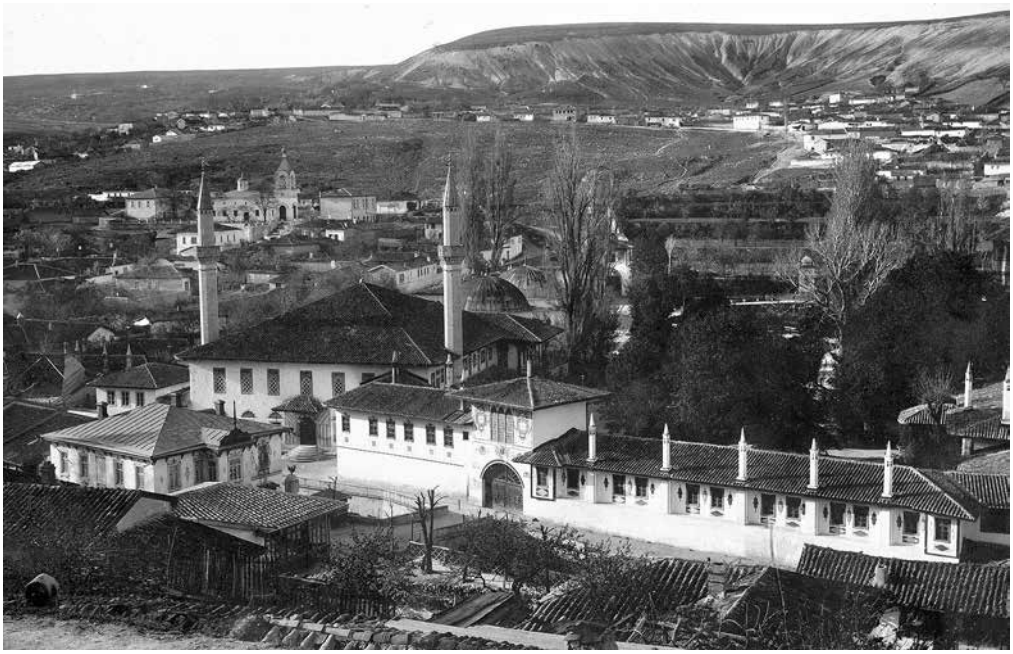
Это предложение так и не получило развития. 25 ноября 1898 г. МВД образовало комиссию для реставрации дворца под председательством губернатора, пригласив в нее Н.П. Кондакова и председателя Таврической архивной комиссии А.И. Маркевича. Главой художественной комиссии был назначен великий князь Петр Николаевич, непосредственными работами должен был руководить местный архитектор Николай Петрович Краснов. Одно из первых заседаний комиссии по делу о ремонте и реставрации Бахчисарайского ханского дворца состоялось 30 мая 1899 г. С это времени ИАК выполняла здесь только свои надзорные функции. Активное участие в деле реставрации стала играть губернская архивная комиссия. В 1903 г. ею, по Открытому листу ИАК, были предприняты раскопки ворот, сада и некоторых других участков во дворце. 17 октября ИАК произвела «инспекционный осмотр» проведенных исследований. В результате был не только открыт подземный ход, но и выявлены исторические мостовые и уровень древних полов дворца.

9 января 1910 г. император закрыл комиссию по реставрации, и все ее материалы были переданы в ИАК. Впрочем, такому решению предшествовала четкая позиция самой Комиссии. Еще в конце 1909 г. великий князь Петр Николаевич познакомил ИАК с итогами произведенных работ, и Археологическая комиссия посчитала, что реставрация дворца возможна лишь после полного исследования, а в настоящее время она может производиться лишь по частям по мере завершения исследования отдельных участков дворца, о чем и было сообщено в МВД 9 декабря 1909 г. (Там же. Л. 229, 230).

После этого ИАК решила предпринять полный технический осмотр дворца для составления плана и сметы ремонта, для чего было предложено привлечь Н.П. Краснова, руководившего предшествующими работами. 20 января 1910 г. для осмотра памятника в Крым отправляется П.П. Покрышкин. Уже 8–10 марта в Бахчисарае вновь собирается реставрационная комиссия, образованная таврическим губернатором. На этом этапе реставрации было предпринято устройство новых стропильных ферм, поскольку из-за неправильной конструкции старых стропил в черепичной крыше образовались протечки. Одновременно речь шла о восстановлении некоторых элементов дизайна, как, например, деревянной беседки в «купальне для ханских жен» (Там же. Л. 232, 237 — 239 об.).

Летом 1912 г. по указанию академика архитектуры П.П. Покрышкина Археологической комиссией в Бахчисарай был командирован ученик Высшего художественного училища при Академии художеств С.С. Некрасов с поручением произвести архитектурно-археологическое обследование зданий ханского дворца и на основании точных обмеров составить подробные чертежи. Работы продлились несколько лет (Известия ИАК. Вып. 52. 1914: 88–89; Вып. 55. 1914: 105–106; Вып. 57. 1915: 17, 106–108; Вып. 61. 1916: 180). Зимой 1914 г. руководитель исследований П.П. Покрышкин сообщал председателю ИАК А.А. Бобринскому: «Некрасов закончил чертежи большей части Бахчисарайского дворца, два года проработав под руководством Археологической комиссии, превосходно ознакомился с дворцом и имел счастье в прошлом году весьма удачно давать объяснения его величеству в самом дворце...» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1887. Д. 9. Л. 109). Полученные результаты позволили приступить к ремонту ветхих частей дворца. В 1914–1915 гг. одновременно велись реставрационные работы и продолжались обмеры зданий (см. также: РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 19а). Наблюдение за ходом работ ИАК вновь возложила на архитектора С.С. Некрасова. В 1915 г. начались вызванные обстоятельствами военного времени проблемы с финансированием исследований и мероприятий по сохранению дворца. В итоге часть работ летом 1915 г. С.С. Некрасов провел на собственные средства, которые занял перед поездкой, а вернуться в Петроград ему позволила только финансовая помощь, оказанная П.П. Покрышкиным (Там же. Л. 144–158). Одним из ценнейших результатов этих работ в Бахчисарае стала серия фотографий, исполненных С.С. Некрасовым в процессе исследований. На них зафиксирован процесс ремонтных работ, сцены из повседневной жизни Бахчисарая в начале XX в., исторические ландшафты и национальный костюм (Медведева 2017b).

В последний раз Археологическая комиссия оказалась связана с дворцом во время событий 1917 г. 25 сентября Временный крымско-мусульманский исполнительный комитет сообщил в Комиссию о своем решении: дворец был объявлен историческим достоянием татарского народа. В письме давалась собственная трактовка исторических событий, отчасти справедливая. С падением Крымского ханства памятник был «захвачен агентами воинствующего российского империализма» и находился в ведении местных органов МВД, совершенно не компетентных в вопросах искусства и археологии. В результате недопустимых случайных и необдуманных починок и «реставраций» 1783–1786, 1801, 1845 и 1857 гг. облик дворца был существенно искажен. С 1892 г. памятник был взят под покровительство Археологической комиссией, и с этих пор вопрос его охраны и реставрации встал на правильный путь, однако в то же время это выявило несоответствие грубых починок «прекрасным архитектурным массам» и тончайшим орнаментальным деталям. Принимая во внимание все вышеизложенное, комитет решил взять дворец в свое ведение и в контакте со свободными российскими учеными обществами обеспечить ему должную неприкосновенность. Письмо в Комиссию было подписано крымско-татарским просветителем и художником Усеином Боданинским (1877–1938). Именно в этот

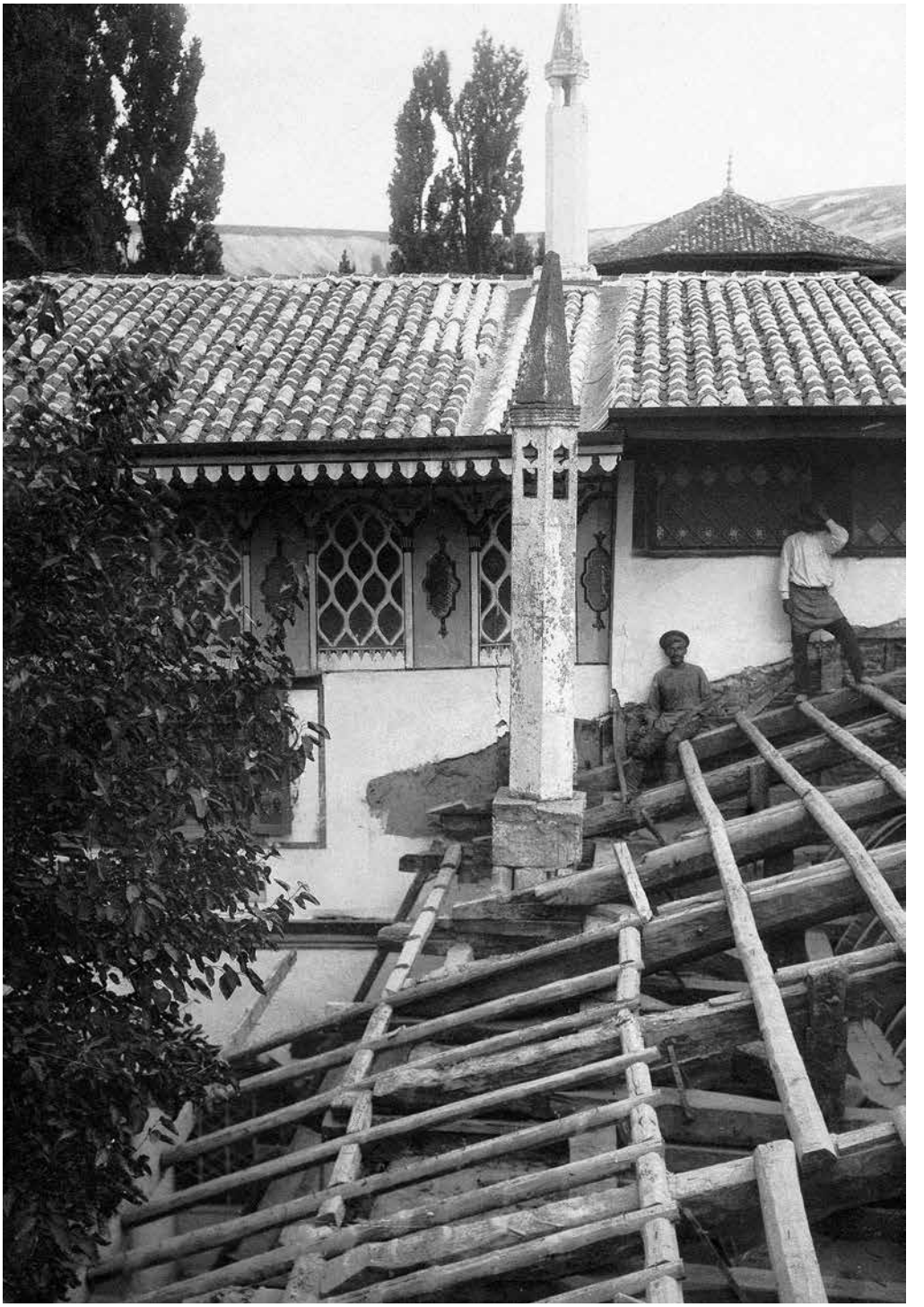


Ханский дворец и мечеть, Бахчисарай, Таврическая губерния. Фотография С. С. Некрасова, 1915 г. (ФО. Отп. О.414-2283)

день У. Боданинский, окончивший Строгановское училище в Москве и организовавший Бахчисарайский кружок Петроградского общества защиты и сохранения памятников искусства и старины в России, был назначен исполкомом временно управляющим дворцом, что в октябре было подтверждено Временным правительством. Впоследствии он становится директором музея во дворце и трудится здесь вплоть до 1934 г. (ср.: Эминов 2017).

Намерения новых властей вызвали озабоченность в Петрограде. Уже 2 октября А. А. Спицын предлагает первый вариант ответа, где говорилось, что Археологическая комиссия не может согласиться на передачу дворца в ведение комитета, так как местное население никогда не проявляло усердия к этому памятнику татарского зодчества, а также из-за опасения за сохранность дворца при его приспособлении комитетом для своих нужд. О происшедшем Комиссия доложила и комиссару Временного правительства над бывшим Министерством двора. Однако поскольку из Петрограда никак нельзя было повлиять на ситуацию в Крыму, А. А. Спицын в конце концов избрал более обтекаемую форму ответа. Здесь говорилось, что приняв дворец «в свое ведение, Комитет тем самым обязывается сохранять его в полной неприкосновенности и наблюдать за тем, чтобы никакие работы в нем без ведома Археологической комиссии не производились» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1894 г. Д. 19. Л. 241 — 241 об., 242 об., 243, 245). В жизни людей и памятников наступала новая эпоха...

Обращение к опыту деятельности ИАК в области сохранения памятников культуры демонстрирует историчность формирования культурохранных концепций, что было связано



Ханский дворец, зал суда. Деталь конструкции крыши. Бахчисарай, Таврическая губерния. Фотография С. С. Некрасова, 1915 г. (ФО. Отп. О. 412-2233)

не только со становлением профессионализма сотрудников Комиссии, развитием теории и практики реставрации и эстетических воззрений, но и с формированием гражданской ответственности российского общества за историческую память. Археологическая комиссия прошла путь от согласования сломки и переделок памятников оборонного зодчества в 1860–1870-х гг. — без предварительного обсуждения, но с обязательной графической фиксацией, до защиты историко-культурного ландшафта архитектурных комплексов и сохранения памятников нового времени в начале 1910-х гг. Столь же постепенно в общество привходило сознание ценности даже поздних архитектурных памятников XVII–XVIII вв. Не только в непосредственной реставрационной практике ИАК, но даже в нереализованных проектах Комиссии современное общество способно увидеть профессиональный подход и весь набор научных методов высококвалифицированной реставрации, соединенный с пониманием значимости своего труда в деле противостояния энтропии человеческой истории.

Однако деятельность ИАК не только пассивно отражала становление гражданского общества в России, но и активно влияла на его формирование. В 1890-е гг. в России именно в результате деятельности ИАК окончательно складывается научное представление об отечественном средневековом зодчестве, быстрыми темпами развивается историко-архитектурная наука и реставрационное дело; проблемы охраны памятников, в первую очередь архитектурных, обсуждаются на общегосударственном уровне. Начинается массовое изучение архитектурных объектов, их систематизация и анализ.

Как уже отмечалось в исследованиях, в деятельности Комиссии нашел отражение весь арсенал современных инженерных решений в реставрации: использование старых кладок, установка маяков, расшивка, подводка фундаментов, переборка памятников деревянного зодчества, замена конструктивных элементов, укрепление поверхностного слоя штукатурки и кладки, гидроизоляция, укрепление твердых пород камня, использование аутентичных материалов, создание специальных режимов проветривания; применение, в зависимости от ситуации, достаточно отличающихся друг от друга подходов — от фрагментарного раскрытия до целостного восстановления, что отражало теоретические представления о реставрации того времени. Одним из особых достоинств реставрационной деятельности ИАК было восстановление памятников с учетом их функционального использования (ср.: Памятники архитектуры 2002: 461–474, 476).

Вместе с тем в аналитических исследованиях высказывались упреки по адресу Комиссии в том, что ее сотрудники в вопросах реставрации проявили себя скорее как археологи, чем архитекторы. Однако, по нашему мнению, это должно быть отнесено к несомненным достоинствам опыта ИАК. Характерен следующий пример. Священник Троицкого женского монастыря в Смоленске Павел Троицкий 3 апреля 1908 г. обратился в ИАК с предложением произвести раскопки Борисоглебского храма на Смядыни и устроить над ними храм-реликварий, который бы перекрыл развалины. В сентябре 1908 г. Д. В. Милеев произвел археологические исследования развалин Смядынской церкви, впоследствии к этим

работам была привлечена Смоленская ученая архивная комиссия и, в частности, Екатерина Николаевна Клетнова (1869–1938), член архивной комиссии, церковно-археологического общества и студентка Московского археологического института, которая проводила здесь исследования в сентябре 1909 г. (Клетнова 1912; Медведева 2015а: 11–12). В результате, по здравом размышлении, 1 сентября 1911 г. ИАК сообщила в Смоленскую духовную консисторию, что лучший способ законсервировать руины храма — вновь покрыть их землею, т. е. принять самое «археологичное» из возможных решений. Стоит отметить, что в данном случае позиция Комиссии полностью совпадала с мнением МАО и в целом может считаться соответствующей мировой практике (РО. Ф. 1. Оп. 1-1888 г. Д. 18в. Л. 8–9, 21, 52 — 62 об., 69).

Следует отметить, что в Европе XIX в. именно археологи сыграли главную роль в формировании научного подхода к изучению и реставрации памятников архитектуры, в осознании необходимости тщательного предварительного исследования перед началом восстановительных работ, результаты которых единственно и могли подсказать, что и как необходимо восстанавливать. Архитектурный памятник начал постепенно трактоваться как исторический источник, как научный документ, как надземная археологическая «находка». Такой метод был справедливо назван аналитическим, поскольку основной целью реставрации становилось исследование памятника и «прочтение» его как исторического документа, что давало основание для проведения ремонтно-консервационных работ, основанных на принципе минимального вмешательства и строгого различения разновременных элементов при соблюдении их стилистического единства (Михайловский 1971: 102, 107–108). Неудивительно, что в этот период ведущая роль в области реставрации архитектурных памятников принадлежала именно ИАК, благодаря которой в России тоже утверждался археологический подход к реставрации (Подъяпольский и др. 2000: 34; Суслова, Славина 1978: 30). При этом необходимость археологических исследований при реставрации памятников монументальной архитектуры признавалась Комиссией на первых же шагах ее реставрационной деятельности и осуществлялась уже в конце 1880-х гг., в частности, во время работ в Угличе и Владимире-Волынском (ср.: Памятники архитектуры 2002: 451).

В результате развития археологического подхода к памятнику архитектуры, воплотившегося в деятельности ИАК, раскопки, предшествующие реставрации, обрели не только практический смысл, призванный определить состояние памятника, но позволяли в целом уяснить его контекст: ландшафтный, исторический и археологический. В этой связи вся территория исторической зоны старых городов, непосредственно окружающая памятники архитектуры, a priori оказывалась археологически ценной зоной с уникальной исторической информацией. Храм традиционно окружало кладбище, и это заставляло реставратора разбираться в последовательности погребений. К тому же на нижних частях стен храма и в культурном слое могли сохраниться непотревоженные остатки фресок и архитектурные детали. Весь этот материал нуждался в самостоятельной интерпретации (Беляев 1977: 58–62; 1991). Археологические исследования

при реставрации превратились в своеобразный «ретроспективный метод», позволяющий увидеть архитектурные наслоения и «расслоения» памятника в необходимой последовательности.

Как и в области полевых археологических исследований, где деятельность ИАК создала систему регламентации и методические рекомендации, просуществовавшие с некоторыми изменениями вплоть до настоящего времени, так и в сфере реставрации и охраны памятников можно говорить о возникновении подобных явлений в результате политики Комиссии. Становление основных принципов современной практики согласования ремонтов и реставрации объектов культурного наследия органами охраны памятников и получение от них соответствующих рекомендаций заказчиками и производителями работ восходят именно к практике ИАК.

Естественно, что такой практике можно предъявить достаточно претензий, связанных зачастую с формальным характером таких согласований и отсутствием контроля над исполнением предписаний. Несмотря на то, что эти претензии справедливы как в отношении современных государственных органов, так и в отношении ИАК, необходимо отметить и принципиальное различие двух эпох.

Известно, что в 1890-е гг. в деятельности ИАК произошел решительный отказ от созыва межведомственных комиссий, не способных нести коллективную ответственность и правильно поставить дело реставрации конкретного памятника. ИАК полностью перешла на реализацию принципа единоначалия в деле реставрации памятников и неразделенной ответственности, что предполагало сосредоточение всех текущих дел в едином центре, выполнявшем одновременно как административные, так и научно-исследовательские функции. Существование такого центра не исключало, а, наоборот, предполагало его активное сотрудничество с научными и гражданскими силами на местах, как об этом свидетельствует, пусть и небесконфликтная, история взаимоотношений ИАК с МАО, РАО, НОЛД, ИРВИО, ООИД и другими обществами, которые Комиссия активно привлекала к охране памятников, охотно делегируя им свои полномочия. Представляется, что такая практика была не «вынужденными уступками», которые привели к «неофициальной передаче множества неотложных дел» на места (ср.: Вздорнов 1986: 157), а сознательной деятельностью Комиссии по налаживанию взаимодействия с учеными силами страны. Подобная практика в отношении регламентации археологических исследований была закреплена решениями «археологической конференции» 1889 г., согласно которым ИАК делегировала обществам коллективное право выдачи Открытых листов от своего имени.

Преимущества сложившейся системы были очевидны. Подчиненная, пусть и опосредованно, верховной власти в стране, ИАК в своей деятельности не находилась в сервильной зависимости от губернских и имперских, читай — областных и федеральных властей, чем отрицательно характеризуется деятельность органов охраны памятников в современной России. ИАК самостоятельно и непосредственно решала вопросы охраны и реставрации всех памятников, находящихся в общественной или государственной собственности, независимо от ее конкретных форм. Такое отсутствие разделения объектов культурного наследия на категории стоит отнести к несомненным заслугам ИАК.

То, что Комиссия не была встроена во властную пирамиду, не имея своих представительств в губерниях, позволяло ей осуществлять независимую экспертизу как общероссийских, так и местных комиссий, образованных для реставрации конкретных объектов. Несмотря на не всегда последовательные реставрационные мероприятия, в процессе деятельности ИАК складывался механизм взаимоотношения различных органов власти и общественных организаций и соответствующая система многоступенчатого контроля с перекрестной оценкой принимаемых решений, которая широко и публично обсуждалась в обществе и прессе. В результате сложившегося положения дел ИАК могла направлять своих представителей в любой уголок России для осуществления контроля над исполнением своих предписаний или непосредственного выполнения работ, чем она, в отличие от современных охранных структур, активно пользовалась, несмотря на свой незначительный штат. Этим обусловливалась возможность ее оперативного вмешательства в процесс реставрации любого памятника.

Не менее важными моментами в деятельности ИАК, к сожалению, не получившими воплощения в современной российской практике охраны культурного наследия, являлись коллегиальность обсуждения реставрационных проектов и судьбы отдельных памятников и неотделимость принятия административных решений от научного исследования и экспертизы. «Реставрационные заседания» ИАК выполняли роль современного Федерального научно-методического совета при Министерстве культуры, однако, в отличие от сегодняшней ситуации, они обладали отнюдь не «рекомендательными» функциями. Решения ИАК, принятые на основе коллегиального научного и профессионального обсуждения вопроса, были единственным приоритетом, на основе которого и принималось соответственное административное решение. Такие решения были обязательны для исполнения, и отказ от следования им рассматривался как нарушение установленного порядка, если не как попрание существующего законодательства. Последовательное сочетание исследовательских и административных функций в области охраны памятников культуры в рамках единого учреждения являлось важнейшим принципом такой деятельности в России, обеспечившим успех многих начинаний ИАК в сохранении культурного наследия.

Высокий авторитет Комиссии был обеспечен не только ее формальным статусом как «императорской», но и возможностью непосредственно доклада министру императорского двора и через него — самому императору. В целом необходимо признать, что, несмотря на традиционное равнодушие российского общества к памятникам своей истории и культуры, имперское чиновничество обладало более высокой исполнительной дисциплиной, чем современная бюрократия, что в конечном счете и обеспечивало сохранность многих памятников культуры в Российской империи. Отчасти именно этим и стоит объяснить относительный успех в отношениях Комиссии с Синодом, епархиальными архиереями и духовными консисториями.

Дилемма «сохранения старины» и «удовлетворения духовных нужд» прихожан, «археологической реставрации» и «сохранения памятника»

зачастую решалась не столько за счет налаживания контактов с местным церковным начальством и воспитанием ответственной церковной интеллигенции из числа духовенства и членов церковно-археологических обществ, сколько за счет непосредственных контактов председателя ИАК с обер-прокурором Синода. Распоряжения последнего становились обязательными для епархиального начальства и приходского духовенства. Парадоксально, но именно существование синодально-консисторской бюрократии оказалось в дореволюционной России фактором, отчасти способствовавшим сохранению памятников церковной старины. К тому же стоит отметить и достаточно высокий культурный уровень дореволюционного клира, который позволял Комиссии надеяться на сотрудничество и взаимопонимание в деле сохранения христианской древности. Десятилетия подобной практики создали более или менее надежный механизм взаимодействия между ИАК и провинциальным духовенством и епископатом. Этот механизм оказался разрушен в 1916–1918 гг. даже не столько изменением общественной ситуации в стране, сколько амбициями церковной элиты, тяготившейся своей зависимостью от канцелярии обер-прокурора и необходимостью согласовывать свои действия со специалистами из числа мирян.

Помимо этого, ИАК за годы своей реставрационной и культуроохранной деятельности, которые неотделимы друг от друга, создала уникальный фонд фотографий, описаний, эскизов, рисунков и чертежей монументальных и художественных памятников, который, ввиду последующей утраты многих из них и искажения, становится для нас бесценным источником информации о прошлом. Императорская археологическая комиссия в полной мере осознавала, что будущее принадлежит тому, кому принадлежит прошлое.

А. Е. Мусин, М. В. Медведева

DOI: 10.31600/978-5-9072-9807-1-2019-1401-1462

Глава XIV

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И ЕЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ В 1917–1919 ГГ.

Несмотря на территориальную и ведомственную близость к Зимнему дворцу, бурные события февраля–марта 1917 г. изначально мало затронули деятельность Археологической комиссии, и без того ограниченную военным временем. Неизбежное сворачивание полевой активности ИАК в условиях мировой войны определило приоритетное ее внимание к охране памятников и культурной среды России, иногда весьма рутинного свойства. Еще 19 января 1917 г. «керамист» Егоров посылал в Комиссию и в Академию художеств телеграмму о том, что липы на шоссе Петроград — Пулково рубят на дрова, призывая спасти красоту исторической дороги, воспетой А. С. Пушкиным. На следующий день из ИАК в дорожный отдел Губернской земской управы был сделан запрос, в ответ на который 4 февраля сообщалось, что факт уничтожения 208 лип был впервые замечен еще в ноябре–декабре 1916 г. Несколько лип было спилено нижними чинами Донского казачьего полка. Комиссия поручила П. П. Покрышкину осмотреть вырубку, а 23 февраля В. В. Латышев отправил в управу письмо с требованием обеспечить сохранность ландшафта (РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 13. Л. 1, 3).

За день до этого император Николай II покинул Петроград и отправился в Ставку, находившуюся в Могилеве, а непосредственно в день отправки письма в столице начались первые демонстрации и столкновения с полицией. Через четыре дня после отречения императора от престола Комиссия на своем заседании приняла решение подчиниться ходу исторических событий. В Совет министров была отправлена телеграмма:

«6 марта 1917 г. господину председателю Совета министров. Археологическая комиссия, находившаяся в ведомстве Министерства двора и имеющая своею задачею заведывание археологическими исследованиями на всем пространстве нашего великого Отечества, а также охраною, реставрациею и ремонтом памятников старины и искусства народов, живших на территории России, занимающих видное место среди факторов, способствующих достойному самосознанию и развитию просвещения, — в экстренном заседании 6 марта единогласно постановила всецело руководствоваться в своей дальнейшей деятельности распоряжениями Временного правительства». Документ подписали В. В. Латышев, Н. И. Веселовский, А. А. Спицын, Б. В. Фармаковский, П. П. Покрышкин, И. С. Сутулло, А. С. Раевский и Н. В. Суходольский (РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 22. Л. 5).

Настроения большинства членов Комиссии в целом можно охарактеризовать как «немонархические», хотя

Феодор Александрович Головин (частное собрание)

скоропостижная кончина Н.В. Покровского 8 марта 1917 г., согласно семейной легенде, была вызвана именно новостью об отречении императора. Впрочем, известно, что начиная с 1915 г. сам Н.В. Покровский тяжело болел. В то же время сам А.А. Бобринской, судя по официальным документам ИАК, с февраля 1917 г. до лета 1918 г. практически не принимал участия в делах Комиссии, физически отсутствуя в Петрограде вплоть до ноября 1917 г., однако понимание того, было ли это связано с решением «личных проблем» (см.: Смирнов 2015а: 300), неприятием новой политической ситуации или здоровым инстинктом самосохранения, требует дополнительного знакомства с его личным архивом.

Произошло и преобразование ведомства, к которому принадлежала Археологическая комиссия. 8 марта 1917 г. Феодор Александрович Головин (1867–1937), председатель Государственной думы 1907 г., был назначен комиссаром Временного правительства над бывшим Министерством императорского двора и уделов. Его помощником стал П.М. Макаров. Конкретная деятельность нового руководства состояла в управлении структурными подразделениями упраздненного министерства (см., напр.: Китлова 2005). 13 марта под руководством Ф.А. Головина было создано Особое совещание по делам искусств (Художественное совещание). Практически одновременно была организована Комиссия по вопросам искусства при исполнительном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Ее председателем стал А.М. Горький, вице-председателями — А.Н. Бенуа и Н.К. Рерих, а секретарем — М.В. Добужинский. Деятельность совещания и «комиссии Горького», в которые входили почти одни и те же специалисты, была связана с попытками охраны дворцов и памятников в условиях революционной анархии (Галай 2008: 370–376). Какие-либо сведения об участии ИАК в деятельности обоих учреждений в настоящее время не обнаружены.

Именно тогда, после февраля 1917 г., в среде научной интеллигенции резко активизировалось так называемое «корпоративное учредительство». Выдвигались проекты новых союзов, обществ, институтов и даже министерств. Яркими фигурами в этом движении в предоктябрьский период стали будущие деятельные участники преобразования РГАК — Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург (министр народного просвещения во Временном правительстве), М.И. Ростовцев, А.Н. Бенуа и др. (Знаменский 1988: 177–179, 185–191, 277, 322–324). Несомненно, уже тогда члены Комиссии могли задумываться о грядущей реформе своего учреждения.

ИАК, как она сложилась на основе Положения 1859 г. и Высочайшего повеления 1889 г., официально являлась «органом и ученого, и административного характера». Однако в области охраны памятников она чаще всего не располагала необходимыми полномочиями, достаточными для принятия эффективных мер (Фармаковский 1921а: 1–6). Расширению же ученой деятельности мешала малочисленность штатных членов, частично восполнявшаяся лишь поразительной их работоспособностью. Ограниченность собственных штатных возможностей постоянно побуждала ИАК налаживать тесные связи с другими организациями — Русским археологическим обществом, Санкт-Петербургским археологическим институтом, Академией художеств, Санкт-Петербургским университетом и т. д. Особенно хорошей школой научного сотрудничества стали долговременные взаимоотношения ИАК и РАО (РО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 453. Л. 42).

Представление об оптимальной структуре научного учреждения как крупного научно-исследовательского центра с примыкающей к ней широкой ассоциацией ученых обществ, комиссий и музеев закономерно вытекало именно из опыта сотрудничества с этим обществом. Знаменитый тезис о необходимости работать на началах коллективизма выдвигался на ученых собраниях в 1918 г. с прямой ссылкой на «давнее обсуждение этого вопроса в стенах РАО» специалистами-востоковедами совместно с «классиками» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 20. Л. 77). Таким образом, вопрос о реорганизации археологической службы в стране считался в то время давно назревшим.

Тем не менее весной–осенью 1917 г. никаких активных шагов в этом направлении не предпринималось, хотя и был выдвинут целый ряд проектов и предложений. Отчасти это могло быть связано не только с нестабильной общественной ситуацией, но и с отсутствием в Петрограде председателя Комиссии графа А. А. Бобринского. Известно, что в конце февраля — начале марта его не было в Петрограде. По совету А. Ф. Керенского, с которым он был знаком по Государственной думе, А. А. Бобринской не возвращается в столицу, а направляется на Кавказ. 17 апреля ему был выдан Открытый лист на право раскопок в Терской области. В конце апреля — начале мая 1917 г. граф, живя в Кисловодске, провел раскопки кургана возле товарной станции (РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 35; Бобринский 2003: 522–523; мнение, что раскопки так и не были осуществлены (см.: Смирнов 2015а: 304; ср.: РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 620. Л. 139, 140, 141–150), опровергается наличием в архиве сметы и отчета, см.: РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 35. Л. 5, 17–25).

В письме от 20 августа 1917 г. член РАК Б. В. Фармаковский писал своему сотруднику по ольвийской экспедиции Г. П. Крысину: «...дела в комиссии не изменились и пока есть надежды на будущее. Граф все время (с февраля) в отсутствии. Управляет В. В. Латышев, а теперь лето, и заменяю его я. <...> Через Головина возбуждаем ходатайство о приобретении Ольвии государством. Будем там организовывать музей и т. д.» (цит. по: Фармаковская 1988: 174; ср.: Смирнов 2015а: 300).

Правовое положение Комиссии и ее административная деятельность теперь во многом определялись бурным течением российской жизни. 6 июня 1917 г. Археологическая комиссия обратилась к Ф. А. Головину, выразив озабоченность

в связи с деятельностью Особой комиссии по приемке имуществ Московского дворцового управления в ведение Городского управления, которая избегала приглашать в свою среду представителей ученых сообществ (РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 29. Л. 4). Определенные сложности вызвало продолжение финансирования деятельности Комиссии новым правительством. 20 июля комиссар предложил составить смету на 1918 г. и подать ее до 1 августа. Если на 1917 г. было запланировано 84 532 руб. 50 коп., то на 1918 г. — 77 309 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 2. Л. 1, 3–4, 13 об.).

Тогда же, 23 мая, было составлено, хотя и официально не утверждено, новое положение о Российской археологической комиссии, в основу которого лег документ 1859 г. с правовыми изменениями и распоряжениями, состоявшимися к 1917 г. Первый параграф положения был дополнен новыми пунктами. Так, к целям учреждения были отнесены оценка и приобретение поступающих в Комиссию кладов и случайных находок предметов древности, производство и разрешение, с археологической целью, раскопок в государстве, на землях казенных, принадлежащих различным установлениям и общественных и на отрубных участках, согласно Высочайшему повелению 11 марта 1889 г., а также реставрация монументальных памятников древности по сношению с Академией художеств. Из положения была исключена уже давно не существующая Римская комиссия, зато наряду с Керченским музеем появился и Херсонесский музей. Естественным образом выпал § 11 о предоставлении памятников древности на «Высочайшее воззрение», зато появился пункт 15, гласящий: «Все учреждения и лица, предполагающие производить раскопки с археологической целью, обязаны, независимо от сношения с начальством, в ведении которых состоят упомянутые земли, входить в предварительное соглашение с Археологической комиссией». При этом пункте существовало два примечания: «Найденные при разрешенных Археологической комиссией раскопках вещи доставляются ей, вместе с журналом раскопок, не позже конца года, для регистрации, после чего они передаются, по указанию лица, производившего раскопки или давшего на них средства, в один из правительственных или общественных музеев; отдельные предметы из доставленных коллекций, имеющие выдающееся научное значение, по усмотрению Археологической комиссии, могут быть выделены для помещения в Археологической комиссии или Российский исторический музей», а также: «Отчет о раскопках сохраняется в архиве Археологической комиссии. Право издания его в течение 5 лет остается за лицом, произведшим раскопки, после чего отчет поступает в распоряжение Комиссии для общего пользования». Таким образом, коллегиальным договоренностям «археологической конференции» 1889 г. придавался правовой статус.

Изменился и параграф, касающийся реставрационных вопросов: предполагалось, что они будут решаться в соответствии со сложившейся практикой: в особых заседания Археологической комиссии с участием представителей Академии художеств, Православной церкви и Технико-строительного комитета МВД. В эти заседания могут приглашаться представители ученых обществ и сведущие лица, что соответствовало распоряжению министра двора от 31 октября 1890 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 71. Л. 2 об.).

Принятое пленарными
собраніями Комиссіи
18 и 23 мая 1917 года.

1

П О Л О Ж Е Н І Е

о Россійской Археологической Коммиссіи
1859 года съ измѣненіями и дополнительными
распоряженіями по 1917 годъ.

Положенія общія.

§ 1. Россійская Археологическая Коммиссія /состоитъ отдѣльнымъ учрежденіемъ [illegible] и / имѣетъ цѣлію: 1/ розысканіе предметовъ древности, преимущественно относящихся къ отечественной исторіи и жизни народовъ, обитавшихъ нѣкогда на пространствѣ, занимаемомъ нынѣ Россіею; 2/ собраніе свѣдѣній о находящихся въ Государствѣ какъ народныхъ, такъ и другихъ памятникахъ древности; 3/ ученую оцѣнку открываемыхъ древностей; 4/ [illegible] оцѣнку и пріобрѣтеніе поступающихъ въ Коммиссію кладовъ и случайныхъ находокъ предметовъ древности /согласно Св.Зак.руб.учр. § 792 и настоящему Положенію § 10/; 5/ производство и разрѣшеніе, съ археологическою цѣлію, раскопокъ въ Государствѣ, на земляхъ казенныхъ, принадлежащихъ разнымъ установленіямъ и общественныхъ и на отрубныхъ участкахъ, согласно Высочайшему повелѣнію 11 марта 1889 г./Собр.Узак. и Расп.Правит. 7 мая 1889 г. № 43/ и закону 14 іюня 1910 г. /П.С.З. № 5841/; 6/ реставрація монументальныхъ памятниковъ древности, по сношенію съ Академіею Художествъ /согласно тому-же повелѣнію 1889 г./.

§ 2. Составъ Коммиссіи опредѣляется прилагаемымъ у сего штатомъ.

§ 3. Въ завѣдываніи Археологической Коммиссіи состоятъ Керченскій Музей древностей, Херсонесскій и другіе Музеи и склады древностей, а также пере-

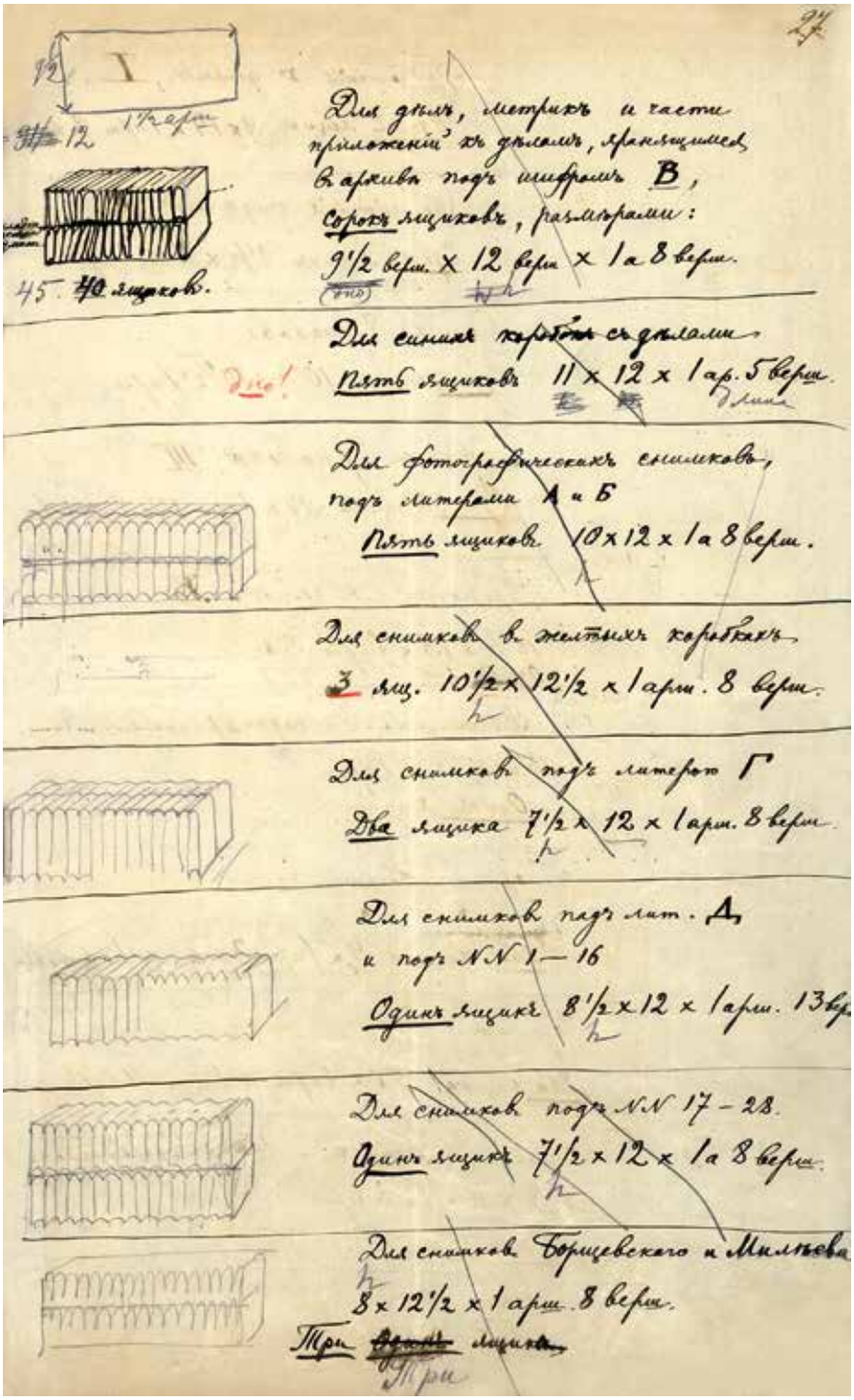
Первый лист проекта положения о Российской археологической комиссии, май–июнь 1917 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 71. Л. 1)

Впрочем, осуществлялись и проекты научного характера. В 1917 г. по поручению Археологической комиссии и на ее средства проводились раскопки и наблюдения в Киевской, Кубанской, Подольской, Новгородской, Херсонской и Таврической губерниях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1910 г. Д. 321; Оп. 1-1916 г. Д. 133), в частности членами Комиссии А.А. Бобринским, Н.И. Веселовским, А.А. Спицыным, В.В. Шкорпилом, Б.В. Фармаковским и Л.А. Моисеевым (РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 35, 27, 3, 4; Оп. 1-1916 г. Д. 75).

27 июня по предложению Н.Я. Марра в Комиссии обсуждался вопрос об учреждении Кавказского историко-археологического института. Институт должен был находиться в подчинении Министерства народного просвещения, но работать под руководством Академии наук. Пункты положения об этом учреждении в полной мере учитывали как опыт работы Н.Я. Марра на Кавказе, так и статус самой Археологической комиссии. В ведении института должен был находиться Анийский музей; по согласованию с местными властями — местности, признанные институтом выдающимися в археологическом отношении, а раскопки на казенных, общественных, церковных и принадлежащим разным установлениям землях в пределах Кавказского наместничества институт намеревался производить по соглашению с Археологической комиссией (РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 56. Л. 2 — 2 об.).

С осени жизнь Комиссии перестала быть не только стабильной, но и спокойной. 1 сентября 1917 г. был издан приказ Временного правительства № 54 о предстоящем под началом князя С.В. Гагарина вывозе из Петрограда ценностей, находящихся в дворцах Эрмитажа и других хранилищах бывшего Министерства двора. 2 сентября было решено включить в список эвакуируемых коллекций и собрание Археологической комиссии, поскольку здесь хранились драгоценные предметы из археологических раскопок для последующей передачи в Эрмитаж. Также предполагалось вывезти ее архив. К 5 сентября было подготовлено 2 ящика с золотыми предметами в количестве 195 штук. Поезд должен был отправиться в ночь с 15 на 16 сентября, однако, в силу неизвестных причин, эвакуация Комиссии так и не коснулась (РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 60. Л. 2, 8–11, 22, 23). Возможно, именно эти события подтолкнули Комиссию к тому, чтобы 2 октября передать материалы из раскопок в Керчи (1909, 1910 и 1914 гг.) и Херсонеса (1908 г.) в Музей древностей Пермского университета через профессора Бориса Леонидовича Богаевского (1882–1942), бывшего в то время деканом историко-филологического факультета в том же университете, а впоследствии — сотрудником РАИМК.

Конец 1917 г. ознаменовался не только попыткой выдворения Комиссии из Петрограда, но и выселением ее из Зимнего дворца. 8 декабря «народный комиссар по просвещению и ведомству дворцов и музеев» Республики Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) прислал в Комиссию телеграмму следующего содержания: «Ввиду предстоящего объявления Зимнего дворца, а равно Малого и Старого Эрмитажа в целом — Музеем республики, я, народный комиссар по просвещению, предлагаю Археологической комиссии снестись с Археологическим институтом и Союзом членов этого института



Чертежи способов упаковки архива Археологической комиссии для эвакуации из Петрограда, сентябрь 1917 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 60. Л. 27)

Здание на набережной р. Фонтанки, 22, — временная резиденция Археологической комиссии в марте–октябре 1918 г. Фото Т.А. Ершовой, 2009 г.

относительно совместного использования здания быв[шего] дворцового ведомства (Иезуитской коллегии) по Екатерининскому каналу №8 и занять таковое по мере освобождения в нем квартир» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1917 г. Д. 68. Л. 2). 13 декабря Н.И. Веселовскому было поручено установить связь с руководством Археологического института, а П.П. Покрышкину — осмотреть здание. Однако уже 21 декабря обоим учреждениям было предложено переселиться на Фонтанку, 22, по соседству со зданием бывшего Министерства двора, где некогда находилось управление Воздушным флотом.

Окончательное решение о предстоящем переезде в новое помещение было принято только 16 марта 1918 г. уже упоминавшимся наркомом просвещения А.В. Луначарским и народным комиссаром имуществ республики Владимиром Александровичем Карелиным (1891–1938). Переезд состоялся в конце того же месяца, и 26 марта на заседании хозяйственного комитета Комиссии обсуждался вопрос о распределении квартир первого этажа между ее служащими. На Фонтанку же в апреле 1918 г. были перевезены и вещи с Галерной улицы из коллекции графа А.А. Бобринского, находившейся в его дворце. Первоначально отношения между институтом и Комиссией складывались дружески, и 22 мая, на день памяти свт. Николая, когда должно было состояться освящение домового храма, институт пригласил на праздник и членов Комиссии. Однако уже 5 августа Совет института предполагает изгнать Археологическую комиссию из здания в связи с возобновлением занятий (Там же. Л. 4 — 4 об., 19, 24).

Комиссии вновь пришлось готовиться к переезду на набережную Невы. К 3 сентября П.П. Покрышкин осмотрел помещения в Зимнем дворце и Эрмитаже, где могла бы расположиться Комиссия. Самым удобным представлялся третий этаж Эрмитажа по набережной Невы от Зимней канавки до Ламотовского павильона или комнаты на том же этаже Зимнего дворца, выходящие на Дворцовую площадь. Правда, во втором случае отсутствовала удобная лестница, хотя площадь помещений здесь оказалась больше (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 53. Л. 1). 5 октября комиссару Зимнего дворца Г.С. Ятманову было поручено организовать переезд Комиссии обратно в Эрмитаж (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 19. Л. 1). Переезд состоялся, хотя тут же возникли проблемы с мебелью.

Начавшиеся «смены квартир» Комиссии объясняются довольно просто: одновременно с падением Временного правительства в Петрограде пошел настоящий вал самовольных реквизиций и захватов исторических зданий. Захваты осуществлялись как новыми советскими учреждениями, так и самыми различными группами, в том числе вооруженными, никому на тот момент не подчинявшимися. Новая власть, сама державшаяся на волоске, не имела возможности противостоять этой анархии. Тем не менее усилия, направленные на спасение дворцовых комплексов, ею все же предпринимались, и в эту работу оказалась вовлечена Археологическая комиссия.

27 января 1918 г. Археологическая Комиссия получила приглашение участвовать в совещании по вопросу о создании «Государственного художественного совета по охранению памятников старины и искусства в России» (РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 62. Л. 4; ср.: Платонова 2014: 523–524). Комиссию представлял П.П. Покрышкин. Письменное изложение хода этого совещания, состоявшегося 30 января, было сделано им по горячим следам. Оно позволяет реконструировать живую, местами совершенно «неполиткорректную» речь А.В. Луначарского, обнажающую многочисленные проблемы, с которыми столкнулась новая власть и он лично (Платонова 2014: 482–485).

Истинная причина созыва совещания обнаружилась, едва лишь А.В. Луначарский перешел в своем выступлении к описанию самовольных захватов зданий — в первую очередь Строгановского дворца на углу Мойки и Невского проспекта. По его словам, Наркомпросу «…удалось отстоять Шереметьевский дом, захватчики согласились перейти в кадетский корпус…» (РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 62. Л. 2 об.; ср.: Платонова 2014: 484). Но вот перед Центробалтом, пожелавшим забрать дворец Строгановых под матросский клуб, А.В. Луначарский спасовал: «Считаю нужным уступить…» (Там же. Л. 2; ср.: Платонова 2014: 483).

Подоплеку событий помогают уяснить материалы дневника А.Н. Бенуа. 27 января 1918 г. в нем появляется такая запись: «Сегодня я уже был на краю — подать в “отставку” Луначарскому… Этот неуемный человек уже услал, в отмену данного им же Строгановскому дворцу охранного листа, самоличное согласие… предоставить этот дворец матросскому клубу… и уже матросы заходят все чаще и чаще, и они уже распределяют залы под театр, читальни. Воронихинскую галерею они нашли вполне пригодной для кинематографа. Однако до ультиматума, к которому были готовы присоединиться все члены комиссии, не дошло…

Луначарский понял, что на сей раз дело обстоит серьезным образом и что надо спасать дворец. Тут же… признался в своей непоследовательности, заявил, что… сам пойдет убеждать товарищей матросов. Тут же он сочинил текст проекта декрета о превращении дворца в музей…» (Бенуа 2010: 5–6).

Описания, сделанные П. П. Покрышкиным и А. Н. Бенуа, дополняют друг друга и позволяют зримо представить себе не «официальное», а истинное положение с охраной культурного наследия в России в начале правления большевиков. Ситуация, сложившаяся вокруг Строгановского дворца, исчерпывающе показывает слабость правительства, не способного противостоять анархическому разгулу. Петроград в тот момент был буквально наводнен матросами, присланными Центробалтом в помощь большевикам. Поскольку управление армией уже полностью развалилось, правительство ничего не могло приказать морякам. Оно было способно лишь подогревать их революционный пыл на митингах, тем самым усугубляя ситуацию.

Известно, что первые месяцы после переворота ведущую роль в деле сохранения культурного наследия в Петрограде и пригородах играли так называемые художественно-исторические комиссии, работавшие в Зимнем дворце, Царском Селе, Гатчине, Петергофе и других местах под руководством В. А. Верещагина, Г. К. Лукомского, графа В. П. Зубова, Ф. Г. Беренштама. Эти комиссии, сформированные еще Временным правительством в 1917 г., имели задачей учет и охрану ценностей, хранившихся во дворцах Петрограда и пригородов. После октябрьского переворота они оказались единственной эффективной структурой, занимавшейся спасением памятников и сознательно поставившей себя — в лице своих руководителей — «вне политики» (Зубов 2004: 61). Именно на них опирался на первых порах А. В. Луначарский, не встретивший никакой поддержки своим действиям в «Союзе деятелей искусств» и других организациях, объединявших деятелей культуры.

Все четыре художественно-исторические комиссии 30 ноября 1917 г. неофициально приняли решение объединить усилия, организовав «Соединенную художественно-историческую комиссию» под общим руководством В. А. Верещагина. Этот элегантный, сдержанный европеец — статский генерал, камергер и библиофил — оказался прекрасным организатором. Когда требовалось, он бестрепетно сотрудничал и с Петроградским военно-революционным комитетом (ПВРК), и с ВЧК: «…Верещагин с помощью выделенных ПВРК специальных нарядов частей гарнизона проводил массовые обыски в антикварных магазинах, ломбардах, лавках старьевщиков, на рынках. Вскоре многое украденное из Зимнего удалось найти… Завершились розыски похищенного только в конце января 1918 года, после ликвидации силами уже ВЧК шайки самозваных “князя и княгини Эболи”, которые специализировались на кражах в Зимнем дворце…» (Жуков 2019: 24–25).

Совокупную позицию руководителей художественно-исторических комиссий по отношению к новой власти прекрасно выразил граф В. П. Зубов в своих воспоминаниях. Октябрьский переворот застал его на посту директора Гатчинского дворца-музея. Собственные действия в эти дни граф описал так: «…Среди ночи… я услышал

шаги большого числа людей по плитам коридора. Это шла “красная гвардия”, …ведомая местными коммунистами, занимать помещения. По существу, это было логично: Керенский не постеснялся превратить дворец в казарму, почему большевикам было не сделать того же!.. Я был должностным лицом низложенного правительства, без полномочий от нового… Тем не менее я вошел в сношения с теми, кого в эту минуту можно было рассматривать как исполнительную власть. Я обратил их внимание на то, что следовало охранить имущество, отнятое у “деспотов” и принадлежащее отныне народу. Таким рассуждением я добился, что только служебные помещения… будут заняты, в то время как на двери, ведшие в исторические комнаты, были наложены печати… Я составил рапорт народному комиссару просвещения Анатолию Васильевичу Луначарскому, предполагая, что мой музей должен относиться к его ведомству. Я ставил себя в распоряжение нового правительства и сообщал о принятых мною для безопасности дворца мерах… “Победителей не судят”, пусть так, но все, что я могу спасти из наследия прошлого, я спасу, буду бороться за последнюю люстру, за малейший пустяк. Я прикинусь чем угодно, приму любую политическую окраску, чтобы охранить духовные ценности, которые возместить труднее, чем людей. В течение следующих восьми лет, проведенных мною еще после того в России, я оставался верен этому решению…» (Зубов 2004: 58–62).

Вопрос о формировании Государственного художественного совета, поднятый А.В. Луначарским в январе 1918 г., в данном случае стал удобным предлогом для того, чтобы обратиться к «представителям компетенции знания» (выражение А.В. Луначарского; см.: Платонова 2014: 482) и радетелям старины за помощью в сложной ситуации. И такая помощь, действительно, была оказана. Нашелся выход из положения, казавшегося безвыходным: матросы отступились от Строгановского дворца (Платонова 2014: 490).

Упомянутый совет стал прообразом будущего Главмузея — Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины, первоначально зависевшей от двух народных комиссариатов — комиссариата имуществ республики и комиссариата по просвещению. В речи А.В. Луначарского 30 января это название еще не звучало. Архивные данные свидетельствуют: коллегия, в состав которой на первых порах вошли П.П. Покрышкин, А.Н. Бенуа, С.Н. Тройницкий и др., «приступила к своей деятельности 21 марта 1918 года» (ЦГАРФ. Ф. 2306. Оп. 28. Д. 154. Л. 4; цит. по: Качалова 2000: 219; иногда в литературе называется иная дата — 28 мая). Декрет Совнаркома «О регистрации, принятии на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», которым руководствовалась в своей деятельности Коллегия, был утвержден лишь 5 октября и опубликован 13 октября 1918 г. (Собрание узаконений и распоряжений 1942: 1008-1009).

Председатель Археологической комиссии вернулся в Петроград уже после захвата власти большевиками — 7 ноября 1917 г. По словам его сына Алексея Алексеевича, «отец думал, что ему удастся спасти кое-что из своего имущества в петербургском доме, тогда как, сидя в полном бездействии в Кисловодске, он только терял время и подвергал себя опасности со стороны

Дворец графов Бобринских на Галерной улице, 58–60, в Петрограде (ФО. Отп. О.1190-29)

местных коммунистов. Неудобства путешествия его не пугали...» (Бобринский 2003: 525–526, 532). Несмотря на уговоры со стороны родственников, 65-летний граф решается на это весьма рискованное для него путешествие. В день своего возвращения он официально уведомляет об этом комиссара по делам бывшего Министерства императорского двора (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 8. Л. 166).

Собственная научно-организационная деятельность Комиссии в первой половине 1918 г. замерла: от новой власти она не имела никаких полномочий. Чтобы их получить, пришлось, как и несколько месяцев назад, выразить свою лояльность правительству. Однако дело, возможно, упрощалось тем, что Б.В. Фармаковский был другом детства и юности В.И. Ленина. В письме от 8 апреля 1917 г. мать даже спрашивала его в письме, не встречался ли он «со своим старым приятелем Володей Ульяновым?» (цит. по: Фармаковская 1988: 174). Видимо, именно эти личные связи способствовали сравнительно безболезненной «легализации» РАК, которая к июню 1918 г. была включена в систему Народного комиссариата по просвещению. Они же могли стать причиной того, что, хотя среди членов Комиссии и было несколько «статских генералов», никто из них не был репрессирован. Впрочем, достаточно спокойная жизнь Комиссии обеспечивалась и постоянным соперничеством курирующих ее народных комиссаров.

Уже отмечалось, что при Временном правительстве Комиссия оказалась административно связанной с комиссаром правительства по делам упраздненного министерства. Ф.А. Головин отказался подчиниться организаторам октябрьского переворота и передавать дела представителям Совнаркома.

Уже после его изгнания, 9 декабря, на основе бывшего министерства возник Народный комиссариат имуществ республики, которому и стала подчиняться Комиссия. Первоначально при нем существовала Коллегия по охране памятников, ведавшая императорскими и великокняжескими дворцами, — наследница Особого совещания, образованного Ф. А. Головиным. Однако уже 16 декабря А. В. Луначарский, в надежде получить контроль над уникальными ценностями, издает постановление об объединении деятельности народных комиссариатов по просвещению и имуществ, что вызывает недовольство его наркома — В. А. Карелина.

В. А. Карелин был наркомом до 18 марта 1918 г. Эта дата имеет свое объяснение: будучи одним из лидеров левых эсеров и членом российской делегации на переговорах в Бресте, он протестовал против заключения мирного соглашения с Германией и ее союзниками, которое было ратифицировано 15 марта. Его сменил Павел Петрович Малиновский (1869–1943), председатель комиссии Московского совета по охране памятников искусства и старины, который управлял комиссариатом до 11 июля. Уже 12 апреля они совместно с А. В. Луначарским принимают решение об объединении деятельности комиссариатов. Однако только в августе объединение Народного комиссариата по просвещению и Народного комиссариата «художественно-исторических имуществ» республики происходит фактически. Луначарский победил. Впрочем, Археологическая комиссия формально подчинялась Комиссариату имуществ вплоть до его окончательной ликвидации и даже тогда, когда он вошел в Наркомпрос в виде самостоятельного отдела: еще зимой–весной 1919 г. Н. Я. Марр адресовал официальную корреспонденцию Комиссии в «Коллегию по делам музеев и охраны памятников искусства и старины отдела имуществ Республики при Комиссариате просвещения» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 20. Л. 119).

Интересно, что изначально бывшая Археологическая комиссия мало интересовала А. В. Луначарского. В постановлении от 12 апреля он вовсе ее не упоминает. Его видение системы охраны памятников в России предполагало децентрализацию. Он намеревался сотрудничать с археологическими институтами ради создания археологических комиссий на местах в целях изучения памятников старины и искусства, организации курсов для подготовки кадров музееведов, инструкторов и гидов. В коллегию Наркомпроса в апреле 1918 г. представители Археологической комиссии не вошли.

На долю Наркомата имуществ в этот период пришлось заведование кредитами и хозяйственной деятельностью, связанными с бывшим дворцовым ведомством. Однако попытки П. П. Малиновского активно включиться в процесс охраны памятников не прекращались. Так, в мае 1918 г. он рассылает письмо о координации такой охраны со стороны Наркомата имуществ, предполагая привлекать к этому и общественные организации (Охрана памятников 1973: 6; Из истории строительства 1964: 56–58, 75–76).

Сложности с финансированием деятельности Комиссии продолжились. В январе 1918 г. смета ее деятельности так и не была утверждена. Одновременно хозяин дома, в котором располагался Керченский музей, потребовал увеличения платы до 1600 руб.

В результате переговоров нарком В. А. Карелин предложил Комиссии составить новую смету для продолжения деятельности с 1 июля 1918 г. На личный состав и научные труды предполагалось потратить 155 450 руб. Для периода с января по июнь был предложен облегченный порядок составления сметы, предусматривавший всего 86 503 руб. 86 коп. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 2. Л. 29, 30, 54).

Переезд большевистского правительства в Москву со временем обусловил появление там параллельного органа, начавшего исполнять функции головного учреждения, ведающего делами археологии и охраны памятников в стране. Им и стала Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины, руководство которой окончательно перешло к комиссариату по просвещению. Руководила ею супруга Л. Д. Троцкого Н. И. Троцкая (Седова). Во главе отделения коллегии в Петрограде, в которое была превращена бывшая коллегия Петроградского совета, пытавшегося руководить деятельностью Комиссии, встал правительственный комиссар Г. С. Ятманов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 20. Л. 65).

В целом структура и состав Комиссии вплоть до осени 1918 г. оставались неизменными. 3 апреля П. П. Покрышкину удалось добиться от Главмузея частичного усиления штата реставрационного отдела РАК, который оказался в двойном подчинении. Были учреждены должности двух помощников архитектора Комиссии с окладом в 6000 руб., а также предусмотрено увеличение командировочных расходов, о чем сам П. П. Покрышкин ходатайствовал еще 20 июля 1917 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 43. Л. 1–3). В действительности же Главмузей лишь 18 мая ассигновал в распоряжение Комиссии 3000 руб. на приглашение трех помощников по архитектурной части, среди которых были художник-архитектор А. П. Удаленков, Л. И. Кириллов, помогавший П. П. Покрышкину с ведением «реставрационного архива», и В. Г. Самойлов. Так частично реализовался «проект Бобринского» 1914 г. по увеличению штатов Комиссии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 2. Л. 66).

Первое заседание (общее собрание) Археологической комиссии в новых условиях 1918 г. состоялось только 8 мая. Протокол этого заседания свидетельствует о том, что уже весной этого года активно велась подготовительная работа для утверждения РАК в качестве головного археологического органа, что предполагалось закрепить новым Уставом (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 1. Л. 1 — 1 об.). Таким образом, первая половина 1918 г. знаменует собой начало нового этапа преобразования Комиссии, когда утверждался ее расширенный состав, вырабатывались новый устав и структура. Упомянутое выше собрание стало последним, на котором присутствовал многолетний председатель ИАК граф А. А. Бобринской. Кроме него присутствовали В. В. Латышев, П. П. Покрышкин, К. К. Романов, А. И. Малеин, Б. В. Фармаковский, М. В. Фармаковский, М. И. Ростовцев, А. А. Спицын и И. С. Китнер. Собрание было созвано в связи со смертью старшего члена РАК Н. И. Веселовского и необходимостью выборов нового члена Комиссии.

Во время заседания М. И. Ростовцев высказал мнение, что открывшуюся вакансию следует заместить специалистом-востоковедом. Вероятно, кандидатуры уже были согласованы раньше, но озвучил их в собрании председатель

Комиссии А.А. Бобринской: на место старшего члена, вместо скончавшегося Н.И. Веселовского, предстояло избрать А.А. Спицына, на место нового члена-востоковеда — Н.Я. Марра. Последний был избран заочно, закрытой баллотировкой, единогласно. Утверждение А.А. Спицына старшим членом тоже возражений не вызвало.

Именно на этом собрании впервые официально было высказано суждение о скорейшем составлении проекта расширения деятельности Археологической комиссии. П.П. Покрышкин заявил, что предварительный проект, касающийся реставрационного дела, им уже составлен и внесен в коллегию Наркомпроса, а Б.В. Фармаковский и А.А. Спицын довели до сведения собрания, что ими дорабатывается проект нового устава, в связи с предполагаемым общим «Положением» об охране памятников древности в государстве. М.И. Ростовцев указал, что Археологическая комиссия в настоящее время является едва ли не единственным археологическим учреждением, продолжающим работу издания археологических трудов, и нуждается в усилении средств на это дело.

Действительно, в первой половине 1918 г. некоторые члены Комиссии не прекращали работать над книгами и даже выпускать их в свет. Именно тогда в издательстве «Огни» вышла монография Б.В. Фармаковского «Художественный идеал демократических Афин», написанная в 1917 г. В том же году уже в Москве была издана другая книга, написанная совместно Б.А. Тураевым, Б.В. Фармаковским и И.Н. Бороздиным, «Древний мир на юге России» — первая хрестоматия по античной культуре Северного Причерноморья, предназначенная для широкого читателя (Фармаковская 1988: 174).

Во время заседания появилось предложение организовать при Археологической комиссии постоянный технический штат художников и чертежников. К.К. Романов сообщил, что Главмузей уже осведомлен о предположении Комиссии по части расширения деятельности, сочувствует этому предположению и ждет соответственного проекта.

Действительно, в июне 1918 г. в Археологическую комиссию поступило отношение из коллегии Наркомпроса: «Признавая необходимым ближайшим образом ознакомиться с прошлою и предстоящею деятельностью Археологической комиссии и имеющимися предположениями о необходимых для нее реформах, Коллегия... сочла желательным посетить для этой цели Археологическую комиссию и заслушать соответственно с ее стороны доклад по настоящему предмету...» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 20. Л. 65). Инициатива в деле намеченной реорганизации явно исходила от самих ученых, а отнюдь не от советских чиновников.

Однако это совпало с их намерениями. Летом 1918 г. А.В. Луначарский всерьез заинтересовался Комиссией. Одним из поводов для этого была памятная записка Евгения Владимировича Орановского (1880–1951), заведующего Отделом фактического контроля по делам искусств и художественных ценностей Наркомата госконтроля РФСР (не позднее 8 августа 1918 г.; ср.: РГАЛИ. Ф. 965. Оп. 1. Д. 73), где шла речь о целесообразности создания при Наркомпросе особого Отдела искусств и художественно-исторических ценностей, который мог бы заменить еще только начинавшую свою деятельность Коллегию. Здесь он обратил внимание наркома на значительные средства, выделяемые на Археологическую

комиссию. Все это способствовало реформированию Комиссии параллельно с созданием в июле 1918 г. Всероссийского отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины комиссариата просвещения на основе коллегий бывшего Наркомата имуществ, Моссовета и Петросовета (Из истории строительства 1964: 91–94), который по инерции продолжал именоваться «коллегией».

Общую атмосферу и обстановку, в которой проходила подготовка преобразования Археологической комиссии, хорошо передают сохранившиеся письма П. П. Покрышкина к другу, киевскому архитектору Владимиру Григорьевичу Леонтовичу (1881–1968). С ним они вместе работали в 1916 г. в Буковине, оккупированной российской армией в результате Луцко-Черновицкой битвы, сегодня более известной как «Брусиловский прорыв», обследуя поврежденные войной памятники (Медведева 2017а; Медведева, Мусин, Александрович 2017).

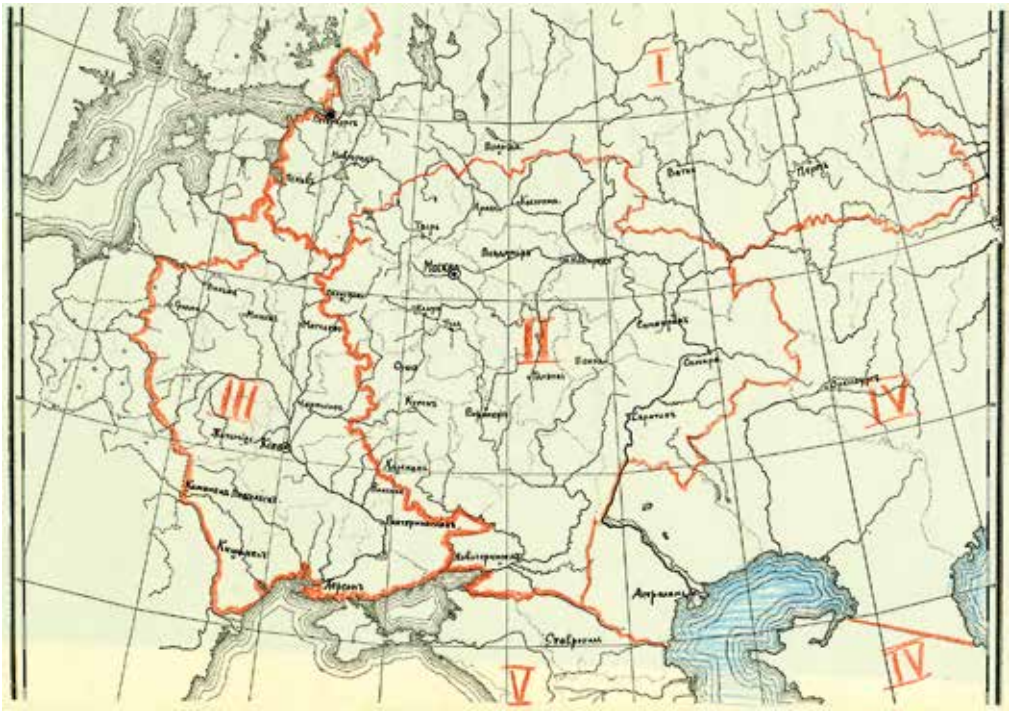
27–28 июля (ст. ст.) 1918 г. Покрышкин отправляет другу подряд две открытки, где, в частности, пишет:

«…Делаю попытку переслать Вам эту весть о себе, ввиду газетных сообщений об открытии границы для почтовых сообщений. Я, папа и сестра существуем по-прежнему, хотя и недоедаем. <…> У меня имеются вести о том, что Вы уцелели и находитесь в добром здравии. Я соскучился, не имея вестей от Вас, да необходимость ликвидации нашей Буковинской поездки меня томит. Последнее Ваше письмо было с обещанием прислать большое (готовившееся тогда) письмо. Как-нибудь коротенько сообщите о Буковине, пришлите, что имеете, готовым, отложив научную обработку до более удобного времени…» (РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1611. Л. 40).

«…Я привлечен к большой организационной работе: реформы и объединение всех научных учреждений в Комиссариате народного просвещения. Заседания ежедневно, весьма утомительные, для меня работа непривычная, я очень утомляюсь; приходилось просиживать ночи напролет, потому что правительство наседает с срочною выработкою реорганизаций. Очень досталась мне реорганизация Археологической комиссии, теперь самое трудное и спешное выполнение. Работы я не чуждаюсь, но питание крайне плохое, уехать же нельзя, не на что существовать, да и надо дорожить возможностью сделать что-либо для дорогой моему сердцу Археологической комиссии, пользующейся со стороны народного комиссара большим вниманием…» (Там же. Л. 39).

Из этих писем видно, в каких условиях, на практике, проходил процесс реорганизации. Члены Комиссии жили впроголодь — хотя новые государственные структуры использовали их знания и опыт весьма активно. Стоит особо отметить: голод в городах носил искусственный характер. Подвоз продовольствия осуществлялся в очень ограниченных масштабах; любую частную торговлю новая власть строжайше запретила.

В результате такой политики значительная часть научного сообщества Петрограда в 1918–1919 гг. оказалась на грани голодной смерти. В этих условиях власть по-своему стимулировала и направляла процесс корпоративного учредительства в научной области, имевший результатом создание новых научных и творческих объединений. Целью правительства в данном случае



Карта деления России на 7 археологических областей, согласно записке о реорганизации деятельности РАК (июнь 1918 г.) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 49. Л. 20 об.)

являлась реализация ленинской программы: заставить работать в новых организационно-государственных рамках (ср.: Ленин 1969: 310–311; Платонова 2015а: 58–61). Встречной целью ученых, в свою очередь, были легализация российской археологии в системе новой власти, необходимая для физического выживания специалистов, и — в не меньшей степени — реализация многочисленных организационных наработок, которые в условиях царской России им мешала осуществить громоздкая бюрократическая система.

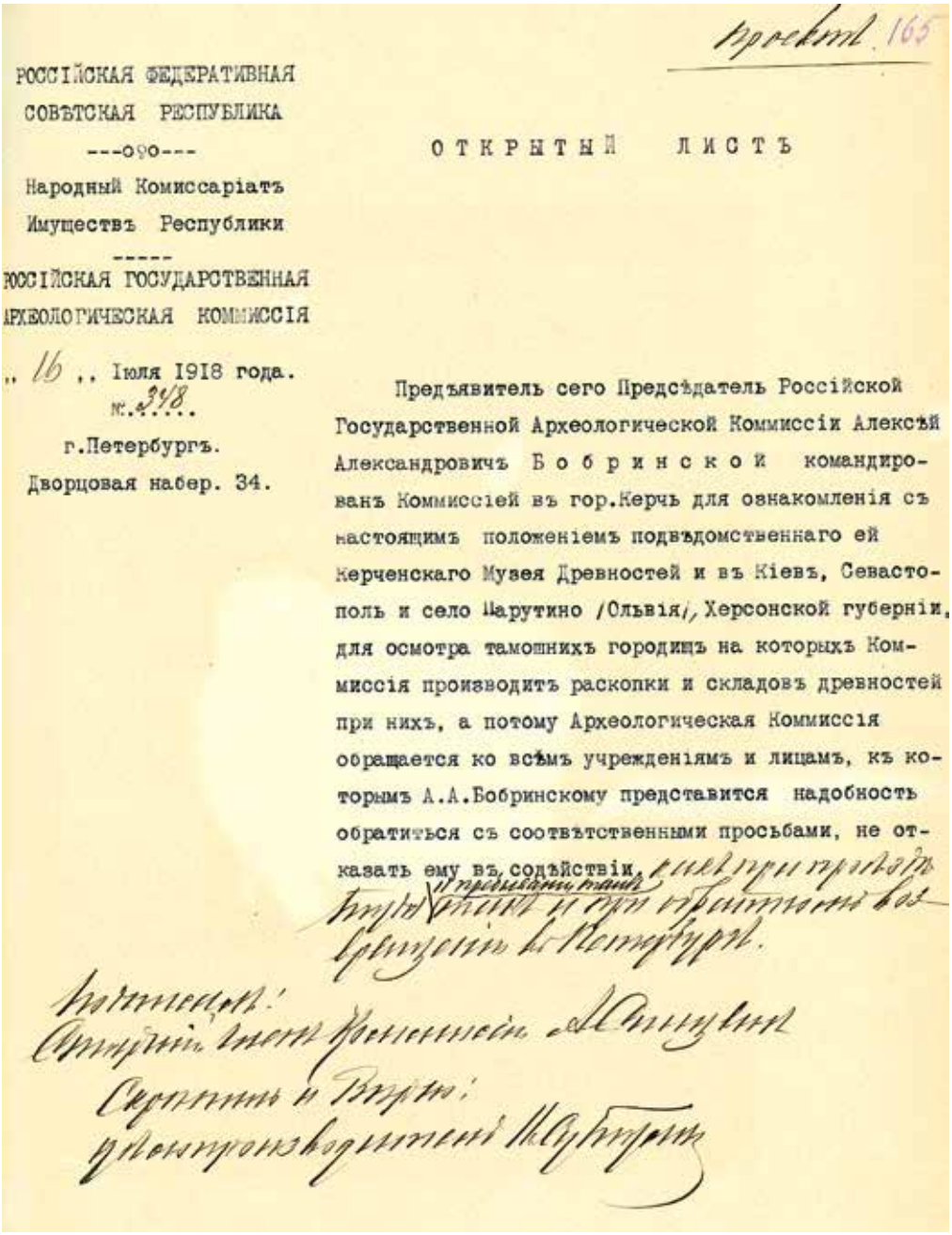
Это последнее, конечно, имел в виду П.П. Покрышкин, говоря, что в создавшихся условиях надо дорожить возможностью сделать что-либо для Археологической комиссии, «пользующейся со стороны народного комиссара большим вниманием» (РО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1611. Л. 39). В результате в середине — второй половине 1918 г. были предприняты первые практические попытки осмысления опыта деятельности Археологической комиссии, которая все чаще стала называться «государственной», и предложения по ее реорганизации, как об этом свидетельствует «Объяснительная записка к расписанию расходов РГАК на период с 1 июля 1918 по 1 января 1919 г.». Записка предлагала смотреть на Археологическую комиссию как на археологическую академию активного (рабочего) типа, которая организует изучение и охранение древностей в России, привлекая для этого ученых-специалистов. Ее авторы выражали надежду, что территориальные исследования не будут связаны с политическими границами, ибо члены Комиссии и ассистенты, подобно заграничным

членам РАН, смогут производить самостоятельные исследования. Здесь же предлагалось деление Археологической комиссии на отделы и секции, а территории России — на 7 археологических областей (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 49. Л. 10, 11, 19–21). В связи с появлением этой записки П.П. Покрышкин составил «Обзор деятельности отдела монументальных памятников древности Российской государственной археологической комиссии с 1907 по 1917 гг.» (подробнее см. главу XIII). Здесь же он намечает приоритеты будущей деятельности реставрационного отдела, полагая, в частности, что ему нужен специалист по классической и византийской архитектуре для проведения раскопок, а также список сведущих лиц, на которых Комиссия могла бы опереться в российских городах на местах. П.П. Покрышкин выдвигает и конкретное предложение по реставрации памятников церковной культуры: во избежание самовольных переделок и сознательных искажений все средства на их реставрацию должны быть сосредоточены в руках государства (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 20. Л. 67 об., 121 — 121 об.).

Тогда же, в июне, очевидно, опасаясь неминуемых репрессий, А.А. Бобринской навсегда покидает Комиссию и Петроград (см. также: Смирнов 2015а). Археологическая комиссия 16 июля выписала своему председателю последний Открытый лист № 348, где сообщалось: «Предъявитель сего председатель Российской государственной археологической комиссии Алексей Александрович Бобринской командирован Комиссией в гор. Керчь для ознакомления с настоящим положением подведомственного ей Керченского музея и в Киев, Севастополь, село Парутино (Ольвия) Херсонской губернии для осмотра тамошних городищ, на которых Комиссия производит раскопки, и складов древностей при них, а потому Археологическая комиссия обращается ко всем учреждениям и лицам, к которым А.А. Бобринскому представится надобность обратиться с соответственными просьбами, не отказывать ему в содействии». Отношение было подписано А.А. Спицыным, а делопроизводитель Комиссии И.С. Сутулло в черновом машинописном варианте после слов «в содействии» добавил от руки «как при проезде туда и пребывании там, так и при обратном возвращении в Петербург» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 8. Л. 165).

Похоже, что приписка была адресована представителям новой власти, дабы успокоить их в отношении будущего возвращения графа к месту службы. Именно этой власти, конкретно — в административный отдел Народного комиссариата имуществ республики, А.А. Бобринской 20 июля направляет свой последний документ, подписанный им в качестве председателя Комиссии. Здесь он объявляет о своем отъезде и о передаче на время своего отсутствия «заведование делами» Комиссии А.А. Спицыну.

В конце концов, Алексей Александрович оказался в числе тех беженцев, которые сумели пробраться через Киев в Одессу до занятия ее красными. На французских кораблях, стоявших на рейде, тоже было неспокойно, звучали угрозы «поднять красный флаг», если матросов не отправят на родину. В этой ситуации французское правительство отдало приказ увести свой флот из Черного моря. Ввиду описанных настроений французы весьма неохотно брали на борт русских эмигрантов (Бобринский 2003: 528; ср.: Платонова 2003: 593–594). Граф А.А. Бобринской был



Проект. 165

РОССІЙСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
---ооо---
Народный Комиссаріатъ
Имуществъ Республики

РОССІЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОММИССІЯ

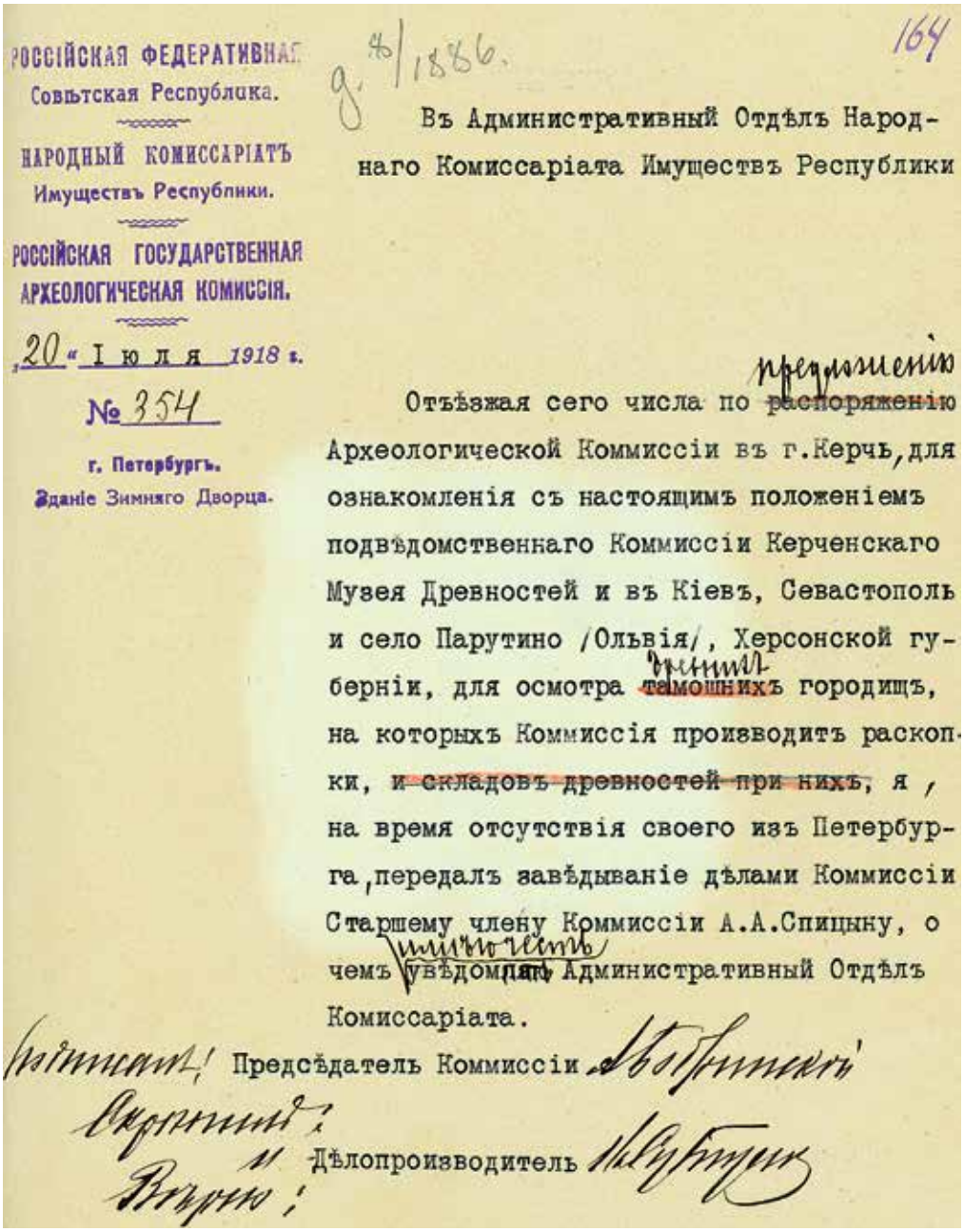
„ 16 „ Іюля 1918 года.
№ 348.
г.Петербургъ.
Дворцовая набер. 34.

ОТКРЫТЫЙ ЛИСТЪ

Предъявитель сего Предсѣдатель Россійской Государственной Археологической Коммиссіи Алексѣй Александровичъ Бобринской командированъ Коммиссіей въ гор.Керчь для ознакомленія съ настоящимъ положеніемъ подвѣдомственнаго ей Керченскаго Музея Древностей и въ Кіевъ, Севастополь и село Нарутино /Ольвія/, Херсонской губерніи, для осмотра тамошнихъ городищъ на которыхъ Коммиссія производитъ раскопки и складовъ древностей при нихъ, а потому Археологическая Коммиссія обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, къ которымъ А.А.Бобринскому представится надобность обратиться съ соотвѣтственными просьбами, не отказать ему въ содѣйствіи.

Председатель:
Секретарь и Казначей:

Последний Открытый лист № 348 от 16 июля 1918 г., выданный Археологической комиссией А.А. Бобринскому, копия (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 8. Л. 165)



РОССІЙСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
Совѣтская Республика.
НАРОДНЫЙ КОМИССАРІАТЪ
Имуществъ Республики.
РОССІЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ.
„20" Іюля 1918 г.
№ 354
г. Петербургъ.
Зданіе Зимняго Дворца.

д. 4/1886. 164

Въ Административный Отдѣлъ Народ-
наго Комиссаріата Имуществъ Республики

Отъѣзжая сего числа по ~~распоряженію~~ предложенію Археологической Коммиссіи въ г.Керчь, для ознакомленія съ настоящимъ положеніемъ подвѣдомственнаго Коммиссіи Керченскаго Музея Древностей и въ Кіевъ, Севастополь и село Парутино /Ольвія/, Херсонской губерніи, для осмотра ~~тамошнихъ~~ вновь городищъ, на которыхъ Коммиссія производитъ раскопки, ~~и складовъ древностей при нихъ~~, я, на время отсутствія своего изъ Петербурга, передалъ завѣдываніе дѣлами Коммиссіи Старшему члену Коммиссіи А.А.Спицыну, о чемъ увѣдомляю Административный Отдѣлъ Комиссаріата.

Председатель Коммиссіи А.Бобринскій

и Дѣлопроизводитель

Последнее распоряжение А.А. Бобринского № 354 от 20 июля 1918 г. о своем отъезде в Керчь и о передаче заведывания делами Комиссии А.А. Спицыну (РО. Ф. 1. Оп. 1-1886 г. Д. 8. Л. 164)

одним из немногих, кому повезло попасть на французский военный корабль. В дальнейшем он сумел перебраться из Константинополя во Францию и скончался в Ницце 2 сентября 1927 г. (Бобринский 2003: 528–529).

А. А. Бобринской спустя много лет, пусть и заочно, но все же появился на заседании Совета, правда, не самой Комиссии, а ее преемницы. 3 октября 1927 г., как свидетельствует протокол заседания Совета ГАИМК под председательством товарища председателя Академии В. В. Бартольда, тот сообщил о кончине председателя бывшей Археологической комиссии А. А. Бобринского и сделал краткое сообщение о его деятельности на этом посту. Совет постановил: «Почтить память вставанием» (РО. Ф. 2. Оп. 1-1927 г. Д. 6. Л. 13 об.).

С августа 1918 г. заседания РГАК становятся более регулярными, они следуют одно за другим — 13 августа, 20 августа, 27 августа, 3 сентября, 17 сентября. Намечаются новые археологические проекты. Так, на заседании 13 августа поступает предложение о раскопках Археополиса в Абхазии под руководством Н. Я. Марра и А. П. Удаленкова (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 1. Л. 3). Среди членов РГАК сама собой выделилась «рабочая группа» лидеров и реформаторов, не собиравшихся эмигрировать и упорно бившихся в советских официальных инстанциях за сохранение Археологической комиссии и придание ей нового статуса академического учреждения. В эту группу вошли товарищ председателя РГАК академик В. В. Латышев, штатные члены Б. В. Фармаковский, П. П. Покрышкин, Н. Я. Марр и на первых порах исполняющий обязанности штатного члена архитектор А. П. Удаленков.

Исполняющим обязанности председателя вместо А. А. Спицына вскоре стал энергичный Б. В. Фармаковский, ставший также представителем Комиссии в новом профсоюзе ученых учреждений и вузов — «Совете ученых установлений и высших учебных заведений Петрограда». Тогда же активно обсуждались проект декрета об учреждении Совета по охране памятников старины и художественных сокровищ, Положение о Комиссии по охране и регистрации памятников искусства и старины и Декрет о регистрации, приемке на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений. Его последнее чтение в охранной группе Наркомпроса состоялось 2 августа 1918 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 48). Необходимо отметить, что в это время началось обследование памятников архитектуры Олонецкой губернии, которое проводил А. П. Удаленков, в частности, в Каргопольском уезде (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 1. Л. 2 об. — 3). Инициатива здесь принадлежала преподавателю женского Политехнического института инженеру Р. М. Габе, который летом 1918 г. подал в Центральный комитет военно-технической помощи объединенных научных и технических организаций «Осведомительную записку о предполагаемых исследованиях художественных ценностей Олонецкой губернии». Через Академию наук записка, снабженная красочными рисунками, поступила в РГАК. Р. М. Габе испрашивал на поездку для фотографирования памятников 6100 руб. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 45. Л. 2, 12 об.).

Следующее заседание прошло 20 августа. Здесь обсуждалось состояние памятников Карелии, а также вопрос о реформе Эрмитажа, в которой члены

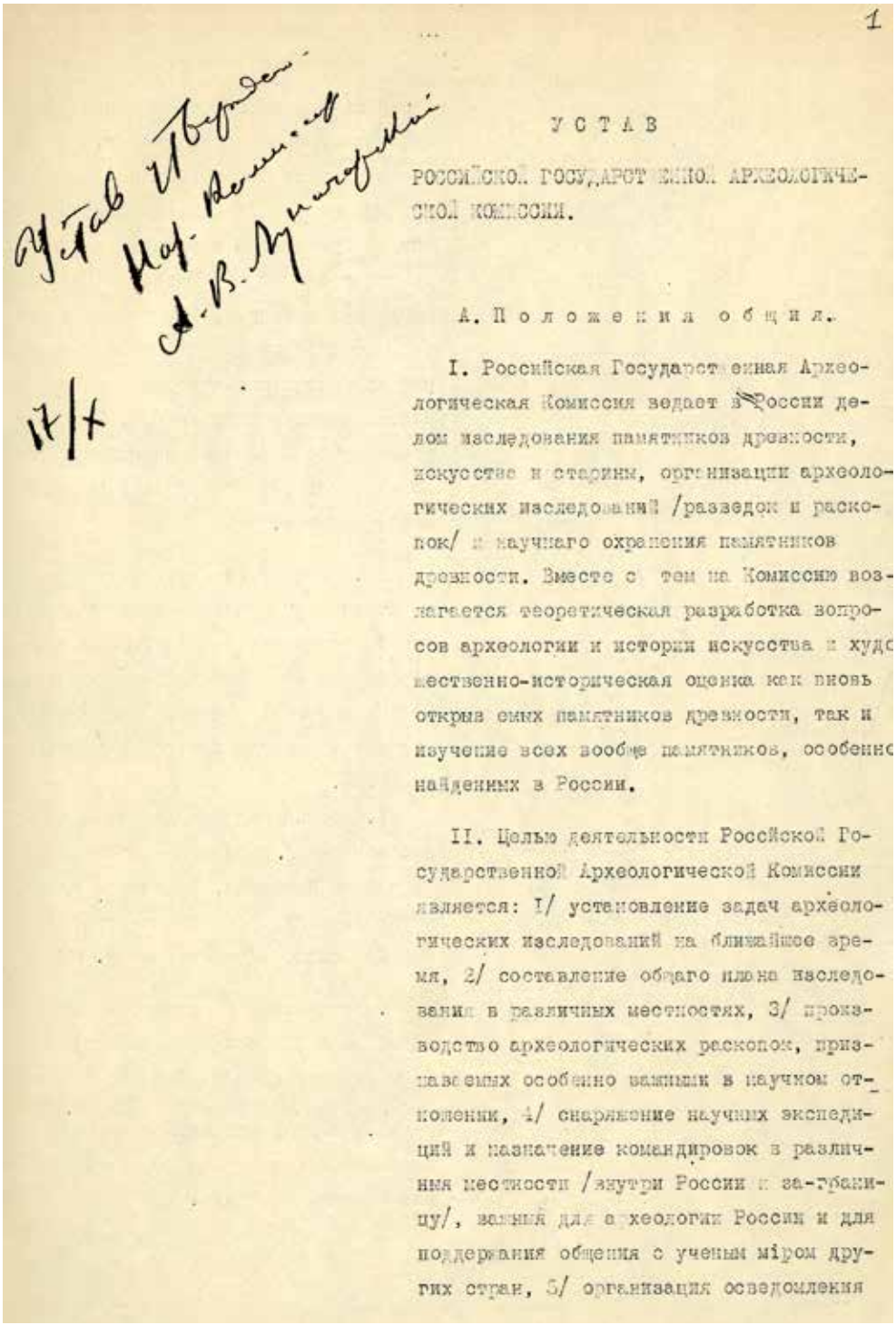
Комиссии собирались участвовать (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 1. Л. 4 об. — 5). На заседании 27 августа не только обсуждались практические меры по исследованию Археополиса, в частности, утверждение сметы, но и способы избрания членов Совета Комиссии, а также ее ассистентов, что должно было проходить в пленарных заседаниях (Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 1. Л. 6 об., 7).

3 сентября П. П. Покрышкину было поручено начать ремонт храма Спаса на Нередице, а также принять меры по ремонту и реставрации храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» на Шпалерной улице в Петрограде и по наблюдению за состоянием храма свв. апп. Петра и Павла в Кожевниках в Новгороде, что поручалось, как и ранее, протоиерею А. Успенскому. А 17 сентября Комиссии пришлось принимать решение об экспертизе монет, конфискованных Нарвским советом рабочих и красноармейских депутатов при обысках, что было поручено В. В. Латышеву (Там же. Л. 10 об.; РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 16).

Весьма символично, что сведения о деятельности РГАК, поданные в Комиссариат 1 октября 1918 г., охватывали период с 25 октября 1917 г., «начала новой эры» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 9. Л. 9–11). Здесь, в частности, сообщалось, что председатель Комиссии А. А. Бобринской находится в командировке. Среди достижений РГАК за отчетный период указывались исследования памятников русского зодчества, проведенные П. П. Покрышкиным, труды А. А. Спицына по составлению курса русской археологии, подготовка к печати Б. В. Фармаковским результатов его 15-летних раскопок в Ольвии и древностей Келермеса, а также издательская деятельность Комиссии.

На общее собрание 24 сентября 1918 г. явились, помимо перечисленной выше группы «реформаторов», сверхштатные члены РГАК Ф. А. Браун и И. С. Китнер, а также члены-корреспонденты С. А. Жебелев, А. К. Марков, К. К. Романов и М. В. Фармаковский. Был оглашен проект преобразования РГАК. Ее основу должен был составить Совет, куда на выборной основе должны были войти все прежние члены ИАК, будь они действительными членами, сверхштатными или членами-корреспондентами. Уже на этом заседании предполагалось ввести в Комиссии деление на отделы и должности членов-корреспондентов Комиссии на местах. В результате из числа присутствующих были переизбраны заново и вошли в Совет Ф. А. Браун, С. А. Жебелев, М. В. Фармаковский, Г. И. Котов, А. К. Марков и К. К. Романов. И. С. Китнер снял свою кандидатуру заранее. Заочно были переизбраны и также вошли в Совет: М. И. Ростовцев, успевший к тому времени уехать за границу, А. А. Бертье-Делагард, Ю. А. Кулаковский, А. С. Лаппо-Данилевский, В. К. Мальмберг, А. И. Малеин, А. А. Ширинский-Шихматов и Э. Р. фон Штерн. Единственным неизбранным с перевесом в один голос оказался Н. И. Булычев (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 1. Л. 13).

Для окончательной выработки устава РГАК была определена комиссия в составе Н. Я. Марра, П. П. Покрышкина и Б. В. Фармаковского. В первой половине октября 1918 г. проект нового устава был разработан и подписан наркомом А. В. Луначарским 17 октября (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 3. Л. 5). Комиссии поручалось ведение дела исследования древности, искусства и старины, организация разведок и раскопок и научного охранения памятников. Также в ее обязанности



1

Устав Утвержден Нач. Комиссии А.В. Луначарский

17/I

У С Т А В

РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.

А. П о л о ж е н и я о б щ и я.

I. Российская Государственная Археологическая Комиссия ведает в России делом изследования памятников древности, искусства и старины, организации археологических изследований /разведок и раскопок/ и научнаго охранения памятников древности. Вместе с тем на Комиссию возлагается теоретическая разработка вопросов археологии и истории искусства и художественно-историческая оценка как вновь открытых ею памятников древности, так и изучение всех вообще памятников, особенно найденных в России.

II. Целью деятельности Российской Государственной Археологической Комиссии является: 1/ установление задач археологических изследований на ближайшее время, 2/ составление общаго плана изследований в различных местностях, 3/ производство археологических раскопок, признаваемых особенно важными в научном отношении, 4/ снаряжение научных экспедиций и назначение командировок в различныя местности /внутри России и за-границу/, важныя для археологии России и для поддержания общения с ученым міром других стран, 5/ организация осведомления

Первая страница Устава РГАК, утвержденного А.В. Луначарским 17 октября 1918 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 1г. Л. 1)

входили теоретическая разработка вопросов археологии и истории искусства, художественно-историческая оценка памятников и установление задач археологических исследований на ближайшее время (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 1г. Л. 1).

В новом уставе предусматривалось значительное расширение состава РГАК, создание высшего руководящего органа в виде Совета, уже фактически существовавшего, и формирование новых тематических отделов и секций. 24 сентября шла речь о трех отделах — «восточных древностей» (руководитель Н.Я. Марр), «античных древностей», ставшем потом «отделом древностей античных и христианских» (руководитель Б.В. Фармаковский), и «монументальных древностей» (руководитель П.П. Покрышкин). В окончательном варианте устава помимо этих трех присутствуют отделы русских древностей (руководитель А.А. Спицын) и доисторических древностей (руководитель А.А. Миллер).

Все вакансии, намеченные на этом совещании, должны были замещаться путем закрытой баллотировки. Так, сотрудниками «восточного отдела» в Петрограде должны были стать С.Ф. Ольденбург, Я.И. Смирнов и В.К. Шилейко, членом-сотрудником в Ташкенте — Н.П. Остроумов, ассистентом в Петрограде по секции Дальнего Востока был намечен С.Г. Елисеев. В отделе античных древностей были организованы секции искусства в древнегреческих городах и эпохи переселения народов и Византии, куда впоследствии был избран А.А. Васильев. В отдел монументальных памятников, где была открыта секция вещевых памятников, прошли Е.И. Катонин и А.П. Удаленков — по секции архитектуры, московским сотрудником был избран Н.Б. Бакланов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 1. Л. 13, 14). Выборы прошли 1 октября, еще до официального утверждения устава. Тогда же в состав Совета РГАК помимо всех ее штатных членов были введены В.В. Бартольд, А.А. Васильев, А.А. Ильин, А.А. Миллер, С.Ф. Ольденбург, С.Ф. Платонов, Н.П. Сычев, Б.А. Тураев и М.В. Фармаковский. Заместителем (товарищем) председателя Комиссии остался В.В. Латышев.

Председателем РГАК должен был быть избран Н.Я. Марр, но тем самым он оказался бы в сложном положении, поскольку официально А.А. Бобринской об отставке не просил. 22 октября на заседании Совета РГАК состоялась дискуссия о том, что если А.А. Бобринской не может прибыть в присутствие, он должен сам предпринять шаги, чтобы вывести Археологическую комиссию из затруднительного положения (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 1а. Л. 8 об.). Находящийся за линией фронта А.А. Бобринской, естественно, не мог ничего предпринять, и на заседании 13 ноября 1918 г. единогласно новым председателем Комиссии был избран Н.Я. Марр, а ученым секретарем вскоре после этого — Б.В. Фармаковский, которые энергично взяли дело реорганизации в свои руки (Пескарева 1980; Платонова 1989). Последним в Совет 5 декабря был избран И.А. Орбели.

В области охраны памятников новое положение Комиссии привело к размежеванию функций с лишь создаваемым в это время археологическим отделом Главмузея (см.: Сорокина 2016). Последний, по мысли авторов устава, должен был располагать всеми административно-исполнительными функциями, в то время как Комиссия брала на себя роль научно руководящего

2

С П И С О К

лиц, избранных Российской Государственной Археологической Комиссией в члены Совета Комиссии.

№ по порядку.	Имя, отчество, фамилия, когда избран.	Специальность.
I	Василий Владимирович БАРТОЛЬД, с I-го Октября 1918 г.	История мусульманского Востока.
2	Александр Львович БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД, с 24-го Сентября 1918 г.	Античная нумизматика.
3	Федор Александрович БРАУН, с 24-го Сентября 1918 г.	Древности готские и западно-европейские.
4	Сергей Александрович ЖЕБЕЛЕВ, с 24-го Сентября 1918 г.	Античная археология.
5	Алексей Алексеевич ИЛЬИН, с I-го Октября 1918 г.	Русская нумизматика.
6	Григорий Иванович КОТОВ, с 24-го Сентября 1918 г.	Русская архитектура.
7	Юлиан Андреевич КУЛАКОВСКИЙ, с 24-го Сентября 1918 г.	Античная и христианская археология.
8	Александр Сергеевич ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ, с 24-го Сентября 1918 г.	Русская история.
9	Владимир Константинович МАЛЬМБЕРГ, с 24-го Сентября 1918 г.	История античного искусства.

Архив ИИМК
ф. 1/1918
Арх. 51 лист 2

Список лиц, избранных в члены Совета РГАК в 1918 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 51. Л. 2)

I0	Алексей Константинович МАРКОВ, с 24-го Сентября I9I8 г.	Античная нумизматика.
II	Александр Кустинович МАЛЕЦИН, с 24-го Сентября I9I8 г.	Античная филология.
I2	Сергей Федорович ПЛАТОНОВ, с I-го Октября I9I8 г.	Русская история.
I3	Михаил Иванович РОСТОВЦЕВ, с 24-го Сентября I9I8 г.	Древности Юга России.
I4	Николай Петрвоич СИЧЕВ, с I-го Октября I9I8 г.	История русского оскусства
I5	Борис Александрович ТУРАЕВ, с I-го Октября I9I8 г.	История древненго Востока и египтология.
I6	Эрнест Романович фон ШТЕРН, с 24-го Сентября I9I8 г.	Античная археология.
I7	Мстислав Владимирович ФАРМАКОВСКИЙ, с 24-го Сентября I9I8 г.	История античного и христ. искус.,рус.бытов.древнос.
I8	Иосиф Абгарович ОРБЕЛИ, с 5-го Декабря I9I8 г.	Древности христианских времен Кавказа.

Председатель Комиссии

И.д. Правителя Канцелярии

Список лиц, избранных в члены Совета РГАК в 1918 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 51. Л. 2 об.)

органа. В результате реорганизации Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, 14 октября 1918 г. возник ее археологический отдел. Он включал в себя четыре подотдела: археологический, музейный, охраны памятников и издательский (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 2. Л. 139). О проекте создания такого отдела на заседании РГАК 1 октября докладывал Н. Я. Марр. Похоже, он приветствовал такое преобразование, подчеркивая, что в этом случае Комиссии остается лишь область практических работ по производству археологических раскопок. Освобождение от «полицейских функций» и выдачи Открытых листов открывало, по его мнению, путь к преобразованию Комиссии в Академию археологии с чисто научными функциями (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 1а. Л. 1 об. — 2). Таким образом, идея создания Академии археологических знаний начинала оформляться в конкретный проект именно осенью 1918 г.

Упомянутое размежевание функций РГАК и археологического отдела Коллегии на деле не достигло своей цели. Радужные надежды Н. Я. Марра на избавление Комиссии от «полицейских функций» и исключительную возможность занятий «чистой наукой» не оправдались. 16 января на заседании Совета РГАК Н. Я. Марр выказал общую обеспокоенность возможным ограничением прав Комиссии в новом органе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 3. Л. 5). Через некоторое время К. К. Романовым вновь констатировалось, что «археологический отдел расширяет свою деятельность в ущерб Археологической комиссии. Но это исходит не от коллегии и Наркомата просвещения, а от руководства археологического отдела...» Совет постановил «просить К. К. Романова и А. А. Миллера, как лиц, входящих в состав Коллегии, еще раз выяснить взаимоотношения» и указать, что «научное руководство и научное изучение памятников должно остаться за Комиссией, в силу прав, предоставленных ей Уставом» (Там же. Л. 5). В дальнейшем, в 1920-х гг., эта проблема будет подниматься вновь и вновь.

Однако дело было не только в необходимости отвоевать в инстанциях более или менее твердые позиции для дальнейших шагов в преобразовании РГАК. В происходящем нельзя не усмотреть продолжения в новых условиях главного археологического противостояния России — Императорской археологической комиссии и Московского археологического общества. Во главе археологического отдела Коллегии встал активный член МАО — Василий Алексеевич Городцов (1860–1945), который трудился здесь до 1926 г. Это назначение вывело старое научное соперничество на государственный уровень, придав ему политический оттенок и законсервировав его в советский период российской истории в виде непродуктивного противостояния академических и правительственных учреждений.

Забегая вперед, следует сказать, что в 1920-х гг. между ГАИМК и археологическим отделом не раз возникали споры о месте предоставления отчетов о полевых исследованиях. Руководство отдела, похоже, раздражало само существование Академии. В 1923 г. В. А. Городцовым был выдвинут проект переустройства всей археологической службы в стране и выстраивания ее структуры в виде правильной пирамиды археологических обществ различного уровня, открытых во всех городах страны (см.: Сорокина 2018а). Вершину пирамиды должно было представлять так

Василий Алексеевич Городцов (ФО. Нег. II 67585)

называемое Центральное археологическое бюро при Отделе по делам музеев и охране памятников. С открытием указанного бюро все другие учреждения, «прикосновенные к охране и научному исследованию археологических памятников», должны были автоматически закрыться и быть распущены (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 4. Д. 4328. Г-274. Ч. 2. 1921–1924 гг. Л. 41–43).

В 1926 г. проект был поставлен на обсуждение. Резко отрицательный отзыв, написанный Б.В. Фармаковским, поступил из ГАИМК. «Три штатных члена бюро, — писал рецензент, — являются судьями по всем многочисленным специальностям, которые должны обнимать археологические исследования такой колоссальной и разнообразной по культурам территории, какой является СССР. <...> Создается ... пост своего рода археологического монарха, в его распоряжении состоит Центральное бюро с большой агентурой, основная задача которой — не пускать работать никого без ведома главы бюро и отбирать все добытые научные материалы в его распоряжение...» (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 4. Д. 4330. Г-276. Ч. 4. 1926–1929 гг. Л. 6–7).

И действительно: проект В.А. Городцова был осуществим лишь в одной своей части — в том, что касалось слома уже существующей системы учреждений, выдвигая «нежизнеспособные» планы и предложения по переустройству и организации управления археологическими музеями и научно-исследовательскими археологическими работами (ср.: СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 4. Д. 4328. Г–274. Ч. 2. 1921–1924. Л. 41–43; см. также: Платонова 2010а: 212–213). Приходится признать: в этой истории выдающийся русский археолог оказался не столько продолжателем традиций МАО, сколько орудием в руках новой власти по слому старой системы ученых организаций и в борьбе с интеллигенцией, что позволило ему в полной мере реализовать свой административный и педагогический потенциал, чего был лишен ранее. Однако, как уже отмечалось, стремление В.А. Городцова поставить Российский исторический музей в привилегированное положение повторяло не столь давнюю политику не любимой им ИАК и Эрмитажа (ср.: Кузьминых, Белозерова 2012). В целом его предложения были отвергнуты научным и музейным сообществом и не нашли серьезной поддержки со стороны государственного аппарата. Позднее, на рубеже 1920–1930-х гг., партийная номенклатура, уже «приватизировавшая» ГАИМК и поделившая академическое и общественное пространство России, перестала нуждаться в В.А. Городцове.

Однако в 1918 г. до этого было еще далеко. В конце этого года, помимо преобразования самой Комиссии, была проведена серьезная работа по обустройству ее библиотеки и архива. К ноябрю было разработано Положение о библиотеке РГАК, где была прописана систематичность ее пополнения. Пользование библиотекой для сотрудников было полностью доступно, однако на дом нельзя было брать более 10 изданий. Не связанные с работой в Комиссии читатели могли пользоваться библиотекой по особым рекомендациям. Новый штат предполагал наличие библиотекаря, его помощника, каталогизатора и служителей. Для руководства библиотекой был образован Библиотечный комитет, куда входили заведующий, сотрудники, представители отделов, члены археологических обществ и представители их библиотек. 5 декабря председателем Библиотечного комитета был избран А.А. Васильев. Еще 13 ноября Совет РГАК утвердил А.С. Раевского помощником библиотекаря по архиву (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 1а. Л. 12). Помощником библиотекаря по фотографической части стала А.П. Лебедянская (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 50. Л. 7). К 20 марта 1919 г. библиотека насчитывала 7 отделов, а одним из наиболее ценных приобретений стало поступление в ее фонд библиотеки Я.И. Смирнова (ср.: Винберг 1965: 217–232; Заднепровская 1996: 62–65; Тиханова 1980: 34–36; Левина 1980: 80–87; 1995: 322–324; 1996: 66–68). В начале 1919 г. произошло объединение библиотек РГАК и РАО (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 3. Л. 1 об.).

При всей важности достигнутых в 1918 г. результатов члены РГАК отнюдь не считали дело преобразования структуры археологической службы в России завершенным. П.П. Покрышкин писал: «Общие условия жизни русского государства побуждают нас не только ставить, но и не медлить с решением вопросов о новых путях деятельности Российской археологической комиссии <...>». Неизбежное углубление археологической специализации требовало, по его мнению, перестроить работу организационно и вести ее далее уже на коллективной основе (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 20. Л. 72 об.). По свидетельству Б.В. Фармаковского, «вновь созданное учреждение никоим образом не представляло удовлетворительного разрешения давно обсуждавшегося вопроса. С самого начала предполагалось, что реорганизованная Археологическая комиссия займется разработкой вопроса о нормальной и отвечающей всем нуждам постановке дела археологического исследования в республике и составит проект соответственных учреждений...» (Фармаковский 1921а: 7–8). Действительно, вопрос о дальнейшем преобразовании Комиссии в академию ставился Н.Я. Марром перед А.В. Луначарским еще в начале октября 1918 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 3. Л. 5).

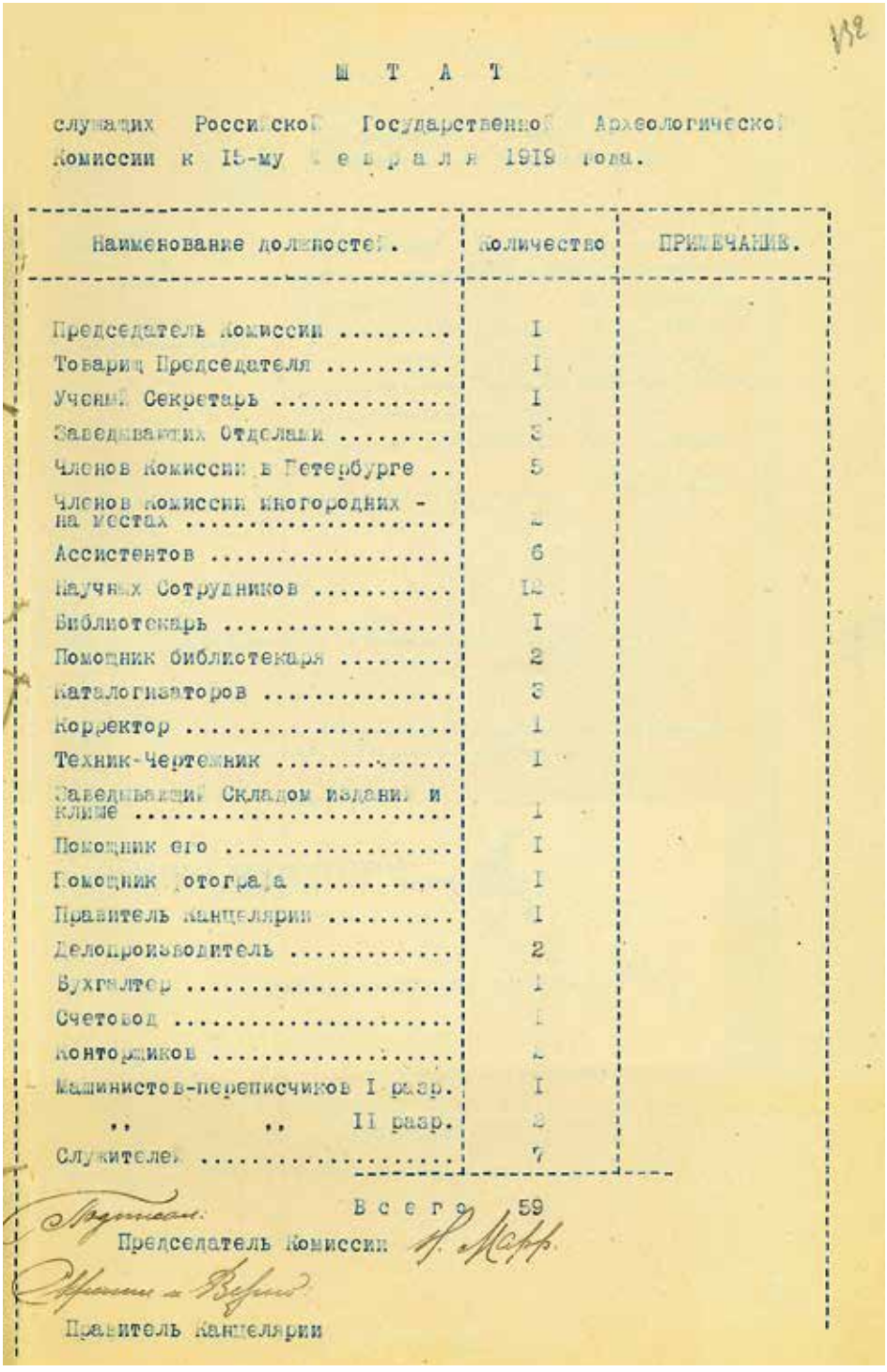
Обстановка, окружавшая РГАК в конце 1918 — начале 1919 г., была очень динамичной, а порою и угрожающей. Возникали не только многочисленные, не согласованные между собой проекты новых ученых объединений, но — что важнее — попадали под угрозу объединения старые (ср.: Ананьев 2017). Жизнь РАО совсем замерла, и оно казалось близким к полному распаду. Пособие от казны, поступавшее обществу прежде, теперь прекратилось. Его небольшие капиталы были аннулированы. Из здания на Литейном проспекте, 17, прежде занятого РАО,

его выселил Наркомат юстиции. Такая ситуация была не редкой (РО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 453. Л. 33). Не случайно осенью 1918 г. и зимой 1919 г. интенсивно стали разрабатываться проекты создания ассоциаций ученых комиссий и обществ при едином академическом центре. Всем этим организациям надо было срочно обрести свое место в непривычных, меняющихся условиях.

В то же время руководители отделов РГАК с особенным вниманием останавливались в этот период на таких вопросах, как изучение рядовых археологических объектов, перспектива их сплошного обследования и издание карт. П. П. Покрышкин заявлял: «Следует с величайшей осторожностью относиться к известной идее классификации памятников на первостепенные, второстепенные и т. д. Такое деление может повлечь за собой... гибель памятников, кажущихся второстепенными...» Касаясь вопроса о выработке законопроекта по охране древностей, он заявлял: «Давно пора на чем-нибудь остановиться и действовать. Ведь закон вообще никогда... ничего не довел до совершенства, и не законом жизнь создается, но... всякий закон является венцом тех требований, которые предъявляет сама жизнь...» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 20. Л. 72 об.).

Эти документы достаточно красноречиво показывают, что ставшие расхожими в советское время обвинения Археологической комиссии в пренебрежении к массовому материалу, погоне исключительно за красивыми находками и, как следствие этого, в избирательном подходе к памятникам (ср.: Равдоникас 1930: 109–110) являются мифом, по крайней мере, для последнего, предреволюционного периода. Необходимость расширения состава и изменения структуры Комиссии была осознана учеными именно потому, что на повестку дня встали вопросы изучения массового материала и производство тотальных разведок — задачи, непосильные для узкого круга специалистов, как бы самоотверженно они ни работали.

К 1 февраля 1919 г. личный состав РГАК насчитывал уже 59 человек (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 105. Л. 1–6). В связи с утверждением сметы на 1919 г. были составлены объяснительные записки к работе отделов и запрашиваемым суммам. Основные исследования планировалось сосредоточить на Северо-Западе России, что обусловливалось близостью памятников к Петрограду, отрезанному от остальной страны событиями Гражданской войны. Доисторический отдел планировал исследование неолита на пространстве озерных районов Петроградской, Новгородской и Олонецкой губерний. Русский отдел предполагал сосредоточить основные научные усилия на изучении племен, живших на территории России, — иранских, тюркских, монгольских, финских, литовских и славянских. В частности, А. А. Спицын хотел завершить раскопки жальничных погребений у д. Гришково Устюженского района, дабы выявить переходные типы погребений от курганов к жальникам (Спицын 1918b). Им также планировались раскопки «на Рюриковом городище, представляющем самый важный пункт в Новгороде». Раскопки должны были состоять в просеивании культурного пласта до материка и могли быть поручены местному священнику, который в свое время работал с П. П. Покрышкиным. Предполагалось, что это будет первый опыт такой работы в данной местности, на осуществление которого Комиссия запрашивала 5800 руб.



Ш Т А Т

служащих Российской Государственной Археологической Комиссии к 15-му февраля 1919 года.

Наименование должностей.	Количество	ПРИМЕЧАНИЕ.
Председатель Комиссии	I	
Товарищ Председателя	I	
Ученый Секретарь	I	
Заведывающих Отделами	3	
Членов Комиссии в Петербурге ..	5	
Членов Комиссии иногородних - на местах	-	
Ассистентов	6	
Научных Сотрудников	12	
Библиотекарь	I	
Помощник библиотекаря	2	
Каталогизаторов	3	
Корректор	I	
Техник-Чертежник	I	
Заведывающий Складом издания и Клише	I	
Помощник его	I	
Помощник фотографа	I	
Правитель Канцелярии	I	
Делопроизводитель	2	
Бухгалтер	I	
Счетовод	I	
Конторщиков	4	
Машинистов-переписчиков I разр.	I	
" " II разр.	2	
Служителей	7	
Всего	59	

Председатель Комиссии

Правитель Канцелярии

Штат сотрудников РГАК на 15 февраля 1919 г.
(РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 20. Л. 132)

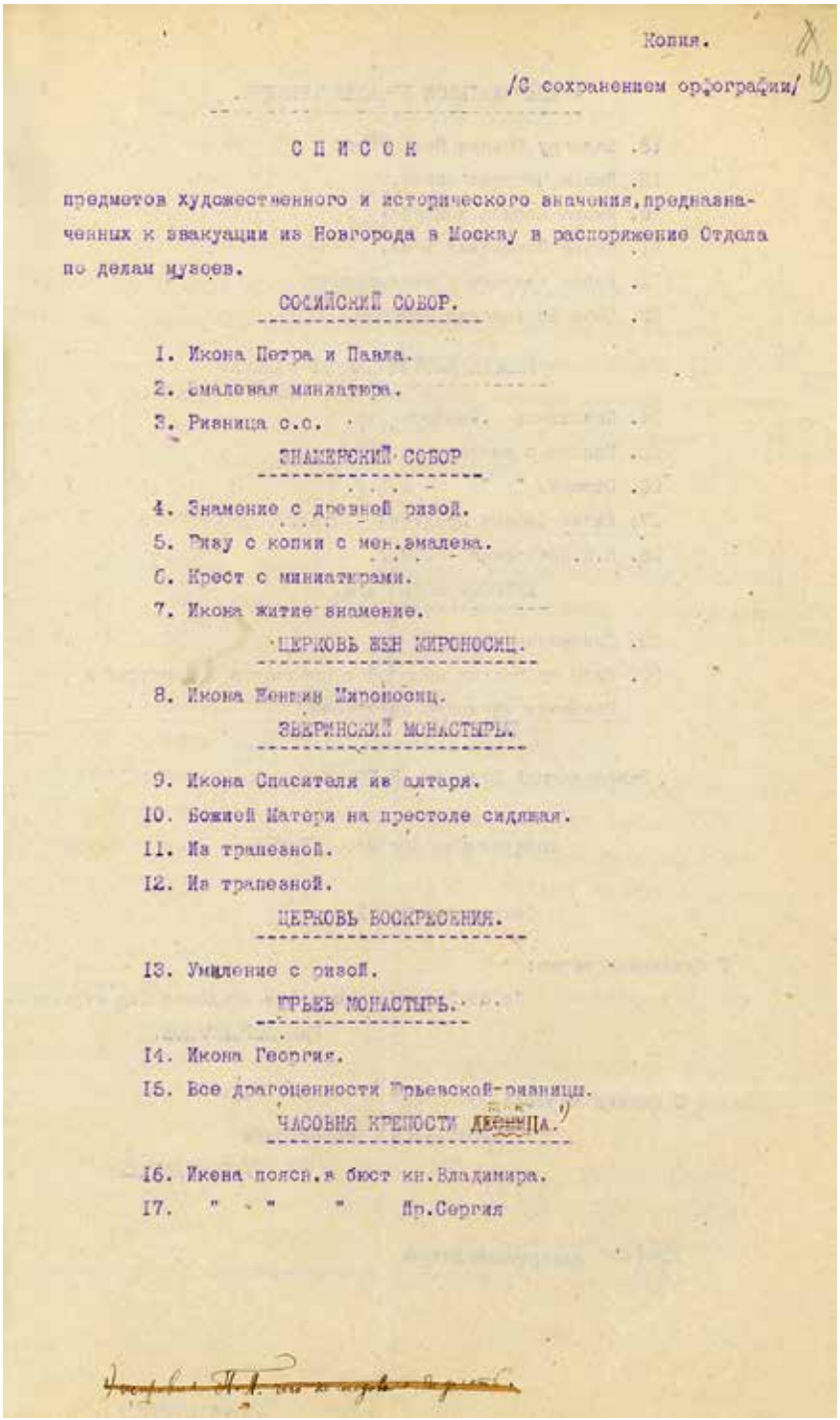
Также предполагалось проведение раскопок и разведок «на Перунище» (т. е. в урочище Перынь) и в Ракоме, на что испрашивалось дополнительно 2000 руб. Отдельное внимание было уделено Киеву, тогда отрезанному от Петрограда линией фронтов. Туда обязательно требовалось назначить младшего члена Комиссии для наблюдения за «новостроечными работами», так как много древностей гибло при переустройствах города, участившихся в последнее время: в качестве примеров приводились «починение мостовых» и «постройки небоскребов».

К общей заботе ИАК было отнесено составление археологического словаря. Заведующий отделом античных и христианских древностей А.А. Васильев планировал проведение экспедиций в Тане, на Мангупе и в Ольвии. В рамках восточного отдела предполагалось начать раскопки Археополиса, изучение памятников армянской эпиграфики, а также буддийской скульптуры в Корее (!) трудами С.Г. Елисеева.

Издательская деятельность предполагала подготовку к публикации русских средневековых надписей И.А. Шляпкина, а также фотографий самаркандских мечетей, первый выпуск которых вышел в 1905 г. (Мечети Самарканда 1905) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 46. Л. 32, 42, 45 — 45 об., 88). Были высказаны идеи об издании описания исторических памятников Польши, пострадавших во время войны. С подобным предложением в Комиссию 26 ноября 1918 г. обратились представитель отделения Варшавского общества попечения о памятниках старины в Петрограде живописец и скульптор Могилевской митрополии Александр Боравский и его супруга Анна. После получения разрешения от Наркомата иностранных дел 14 декабря им было выдано удостоверение на проезд в пограничную зону и выделено 2000 руб., однако материалы о дальнейшей судьбе этого предприятия в архиве Комиссии не выявлены (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 29. Л. 1 — 1 об., 3, 4, 6, 8). На 1919 г. было намечено и издание второго выпуска «Русских кладов», начатого некогда Н.П. Кондаковым (подробнее см. главу XI) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 39. Л. 3; ср.: Корзухина 1954: 6; Гущин 1936).

Помимо материальных трудностей издательская деятельность ИАК сталкивалась и с введением новой орфографии. 25 ноября 1918 г. РГАК обратилась в Наркомпрос с просьбой позволить ей закончить печатание трудов М.И. Ростовцева об Оренбургских курганах (МАР. №37) и его исследование о Скифии и Боспоре по старой орфографии. 6 декабря последовал ответ: «Разрешается РГАК докончить печатание начатых ею трудов, как выпусков серий, так и отдельных сочинений, старой орфографией и пользоваться ею вообще в транскрипциях собственных имен и терминов, требующих точного выражения в письме ввиду связи их с научными о них суждениями. А. Луначарский» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 30. Л. 1, 9).

Кроме планов в начале 1919 г. осуществлялась и конкретная деятельность Комиссии, которая в силу свертывания проектов по полевой археологии касалась, прежде всего, сохранения культурного наследия России, в частности, в Новгороде. 9 февраля П.П. Покрышкин, Л.А. Мацулевич и К.К. Романов по поручению Особой комиссии, созданной археологическим отделом областного отдела по делам музеев и с согласия епископа Алексия (Симанского), будущего патриарха, осмотрели Знаменскую икону в Новгороде.



Копия.

/С сохранением орфографии/

С П И С О К

предметов художественного и исторического значения, предназначенных к эвакуации из Новгорода в Москву в распоряжение Отдела по делам музеев.

СОФИЙСКИЙ СОБОР.

1. Икона Петра и Павла.
2. эмалевая миниатюра.
3. Ризница с.с.

ЗНАМЕНСКИЙ СОБОР

4. Знамение с древней ризой.
5. Ризу с копии с мен.эмалева.
6. Крест с миниатюрами.
7. Икона житие знамение.

ЦЕРКОВЬ ВВЕН МИРОНОСИЦ.

8. Икона Ввведен Мироносиц.

ЭВЕРГИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

9. Икона Спасителя из алтаря.
10. Божией Матери на престоле сидящая.
11. Из трапезной.
12. Из трапезной.

ЦЕРКОВЬ ВОСКРЕСЕНИЯ.

13. Умиление с ризой.

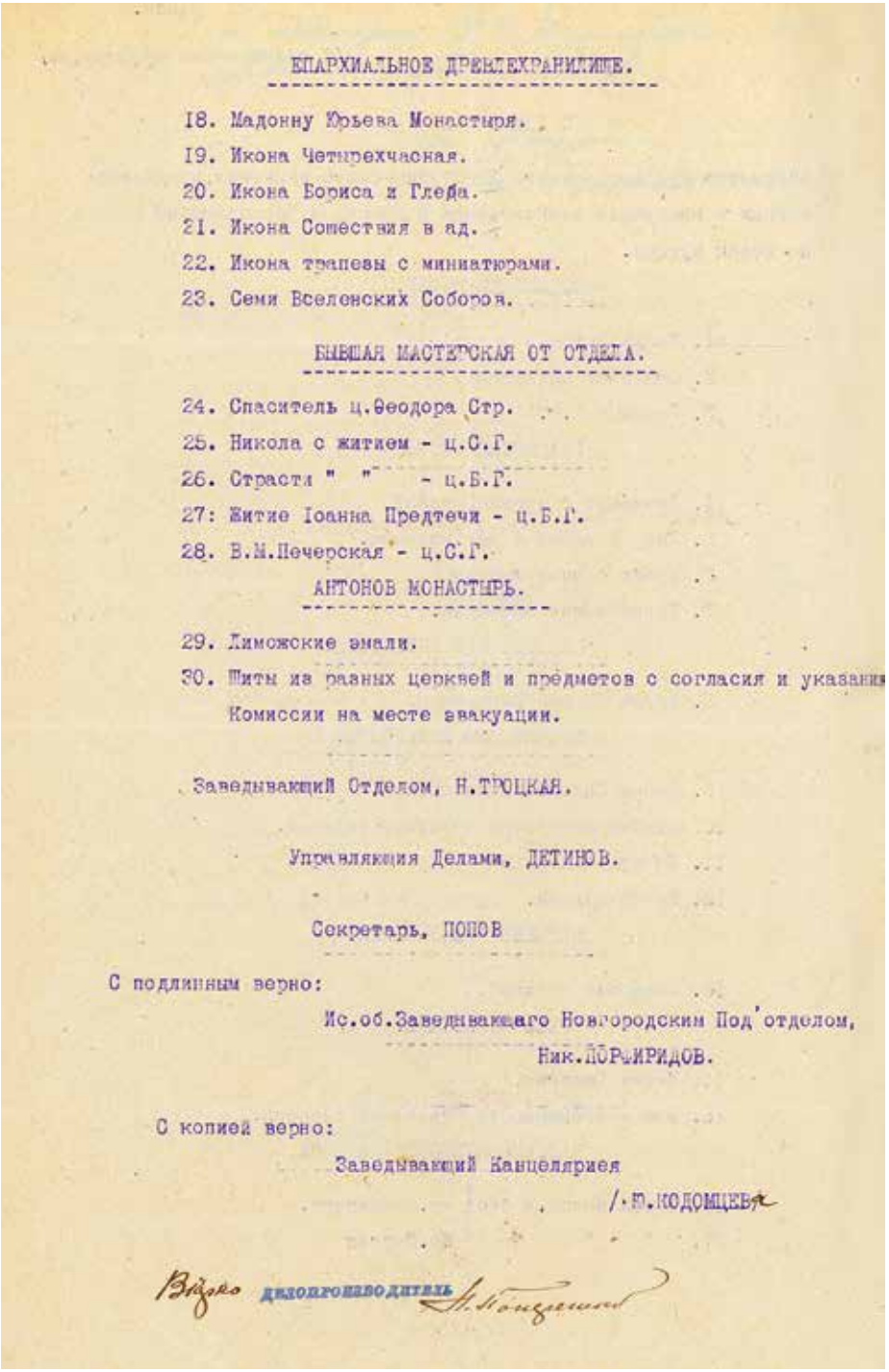
ГУРЬЕВ МОНАСТЫРЬ.

14. Икона Георгия.
15. Все драгоценности Юрьевской-ризница.

ЧАСОВНЯ КРЕПОСТИ ДЕТИНЦА.

16. Икона поясн.в бюст кн.Владимира.
17. " - " " Пр.Сергия

Список предметов художественного и исторического значения, предназначенных к эвакуации из Новгорода в Москву в распоряжение Всероссийской коллегии по делам музеев Народного комиссариата по просвещению (РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 39. Л. 19)



ЕПАРХИАЛЬНОЕ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ.

18. Мадонну Юрьева Монастыря.
19. Икона Четырехчасная.
20. Икона Бориса и Глеба.
21. Икона Сошествия в ад.
22. Икона трапезы с миниатюрами.
23. Семи Вселенских Соборов.

ВНЕШНАЯ МАСТЕРСКАЯ ОТ ОТДЕЛА.

24. Спаситель ц.Феодора Стр.
25. Никола с житием - ц.С.Г.
26. Страсти " " - ц.Б.Г.
27. Житие Иоанна Предтечи - ц.Б.Г.
28. В.М.Печерская - ц.С.Г.

АНТОНОВ МОНАСТЫРЬ.

29. Хижские эмали.
30. Щиты из разных церквей и предметов с согласия и указани Комиссии на месте эвакуации.

Заведывающий Отделом, Н.ТРОЦКАЯ.

Управляющий Делами, ДЕТИНОВ.

Секретарь, ПОПОВ

С подлинным верно:
Ис.об.Заведывающего Новгородским Под'отделом,
Ник.ПОРФИРИДОВ.

С копией верно:
Заведывающий Канцелярией
/.Н.КОДОМЦЕВА

Верно делопроизводитель

Список предметов художественного и исторического значения, предназначенных к эвакуации из Новгорода в Москву в распоряжение Всероссийской коллегии по делам музеев Народного комиссариата по просвещению (РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 39. Л. 19 об.)

Специалисты отметили многочисленные поднятия левкаса и самих красок, которые начали осыпаться. Было решено срочно приступить к укреплению иконы (РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 39. Л. 1). 8 августа П.П. Покрышкин указывал на необходимость регулярного проветривания Софийского собора (Там же. Л. 7).

В то время это были не единственные проблемы новгородских древностей. Народным комиссариатом по просвещению был составлен список из 30 предметов художественного значения, в том числе вся Софийская ризница, подлежащих эвакуации в Москву (Там же. Л. 19 — 20 об.). В этих условиях П.П. Покрышкин был вынужден 14 августа, в самый разгар реорганизации Комиссии, обратиться к Н.Я. Марру, доказывая, что эвакуация памятников искусства и древностей из Новгорода в Москву недопустима. Опыт войны показал, по его мнению, что эвакуация не достигает своей главной цели: безопасного хранения. Об этом свидетельствовали драма патриаршей ризницы, опасность, которой подверглись вещи, перевезенные в Москву из Эрмитажа при расстреле Московского Кремля, знамена из Артиллерийского музея, которые подверглись бомбардировке в Ярославле. П.П. Покрышкин писал, что увоз памятников древности с места недопустим и с точки зрения музейного строительства, и с точки зрения народного просвещения и справедливо называется «обескровлением» провинции. Он приводил исторические параллели, напоминая, что как во времена Ивана Грозного Новгород был ограблен почти вконец и обезличен для возвеличения центра, так и ныне Москва пытается довершить это преступное дело. Он призывал не забывать, что при перемещении в значительной мере обезличиваются сами памятники, ибо если теперь к ним совершается паломничество, то после переселения многие из них будут забыты. К тому же он указывал, что большинство икон, намеченных к эвакуации, в таком состоянии, что перевозить их невозможно без весьма длительных работ по укреплению. С его точки зрения, вывоз иконы Знамения был опасен и в смысле возможности народного возмущения (Там же. Л. 4 — 4 об.). Возможно, именно благодаря вмешательству П.П. Покрышкина эти святыни остались целы.

В это время П.П. Покрышкин был председателем «новгородской комиссии» археологического отдела Народного комиссариата по просвещению, которая выполняла роль его «иконописно-реставрационной секции», и его личный опыт показывал, насколько опасными для памятников старины в условиях общественной нестабильности оказываются ведомственные споры. Археологический отдел (точнее — подотдел) Всероссийского отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины имел представительство одновременно в Москве и Петрограде. Структура учреждений охраны памятников на рубеже 1910–1920-х гг. была крайне запутанной и часто менялась на ходу. Причем могли существовать параллельные органы с похожими названиями, что создавало еще большую неразбериху. Иногда полномочия прежних организаций явочным порядком отходили к их заново созданным или возрожденным «двойникам». Именно так произошло в конце 1919 г. с Московским отделом по делам музеев, до осени существовавшим параллельно со Всероссийским отделом

по делам музеев и охране памятников искусства и старины, а потом фактически узурпировавшим его функции.

23 августа 1919 г. П.П. Покрышкин подал рапорт о деятельности «комиссии Грабаря» в Новгороде. В рассматриваемом случае имели место не одни ведомственные склоки, а столкновение разных концепций, принципиально различных подходов к памятникам. Напомним, что Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960) и Александр Иванович Анисимов (1877–1937) представляли собой искусствоведов нового поколения, стремившихся извлечь древнерусскую живопись из-под позднейших записей. Однако это «извлечение» не обошлось без крупных потерь и издержек. «Традиционалисты», к числу которых принадлежали П.П. Покрышкин и К.К. Романов, предостерегали от слишком поспешного смывания поздних слоев живописи в погоне за древнейшими росписями, и часто бывали правы (ср.: Мусин 2010: 97–99).

Азартные, лихорадочные темпы поиска древнейшей живописи под поздними записями, с самого начала принятые «Комиссией по сохранению и раскрытию памятников древней живописи» под руководством И.Э. Грабаря, приводили петроградских реставраторов в ужас. Они видели, что работа ведется с откровенными нарушениями, и понимали: открытие будет чревато потерями (см.: Платонова 2015b).

Как глава Петроградского археологического отдела П.П. Покрышкин активно препятствовал стремлению И.Э. Грабаря вести работы в области изучения древнейшей русской живописи исключительно по собственному усмотрению.

Впрочем, деятельность Грабаря и его сотрудников почти сразу вызвала нарекания. В результате непосредственный надзор за этими работами был поручен Петроградскому отделу. К.К. Романовым была разработана инструкция по реставрации. В январе Археологический отдел признал работы И.Э. Грабаря опасными для икон, так как имели место отступления от инструкции: иконы с отставанием левкаса, доставленные в мастерскую, не закреплялись, происходило уничтожение слоев поздних записей безо всякой фиксации и т. д.

Попытки как-то изменить положение натыкались на сопротивление, прежде всего со стороны А.И. Анисимова, непосредственно руководившего работами. Стороны упорно отказывались слышать и понимать друг друга. При попытке передать работы в Петроградский отдел Главмузея московские мастера отказались работать с новыми руководителями.

К конфликту вокруг реставрации и исследования древнерусской живописи примешивался мощный «околонаучный фактор». Исход Гражданской войны в начале 1919 г. был неясен. «Для многих возможность поражения большевиков была реальностью. А подобный поворот событий… навсегда бы перечеркнул начинания исследователей древнего иконописания, поставив их перед необходимостью снова ожидать соизволения церковных властей, вынужденных при новой власти дать добро на расчистку легендарных святых икон, сосредоточенных в действующих храмах России…» (Рославский 2004: 275). В силу этого И.Э. Грабарь и его сотрудники оказались неспособны «приостановиться и поставить свои исследования, сообразуясь с требованиями, соответствующими важности… изучения редчайших образцов древнерусского письма…» (Там же).

Однако «административный ресурс», которым располагал И.Э. Грабарь, бессменный заместитель председателя Главмузея Н.И. Троцкой, в конечном счете оказался сильнее любых доводов. Когда в январе–феврале 1919 г. в Новгороде разгорелся упомянутый выше конфликт, вдруг выяснилось, что у самой Археологической комиссии не утверждена смета на первое полугодие. Одновременно пришли отношения тарифного отдела Комитета государственного контроля о прекращении производства содержания сотрудникам РГАК, работавшим в других учреждениях (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919. Д. 3а. Л. 45; РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 20. Л. 159). Учитывая, что практически все члены совета и правления являлись «совместителями», Н.Я. Марр опасался полной остановки деятельности Археологической комиссии. В этих условиях было решено провести проект о реорганизации ее в Академию как можно быстрее. В то же время Н.Я. Марр отказался внести в проект статью о закреплении за будущей Академией права руководить реставрационными работами.

П.П. Покрышкин был поражен количеством икон, сохранность которых оказалась под угрозой в результате действий московской комиссии. К подобным выводам позднее, через долгую череду сомнений, пришел и его бывший противник А.И. Анисимов. Потерь оказалось больше, чем принято считать. Лишь случайно до нас дошел текст доклада А.И. Анисимова, зачитанного в коллегии в августе 1920 г. В нем автор, которого в данном случае трудно заподозрить в необъективности, констатировал: «Федоровская икона Богоматери <…> раскрыта беспорядочно, <…> части одежды почти безнадежно уничтожены, лики младенца <…> без нужды были счищены зачем-то до левкаса и написаны вновь…» (цит. по: Рославский 2004: 325). Гораздо чаще реставрационные ошибки просто не предавались гласности.

В сложившейся ситуации П.П. Покрышкин спешил передать «новгородскую комиссию» под покровительство организуемой Академии, которая должна была объединить специалистов Петрограда и Москвы и тем самым прекратить ведомственный раздор (РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 39. Л. 8–9). На 1920 г. он планировал организацию в Новгороде экспедиции в составе 20 человек «для исследования в области строительных материалов, техники древних фресок и живописи и для производства анализов» (Там же. Л. 26–27). В то время отдел монументальных памятников, возглавляемый П.П. Покрышкиным, состоял из секции Северной области (К.К. Романов) и секции новой архитектуры (А.П. Удаленков). В него входили постоянные (Г.В. Стебницкий, О.М. Равицкая, Н.П. Удаленков) и временные научные сотрудники (А.М. Белавин, В.Г. Самойлов, П.С. Нагорный).

Однако планам не суждено было осуществиться. В конце 1919 г. научно-реставрационный центр, созданный П.П. Покрышкиным при Петроградском археологическом отделе, оказался фактически развален и превращен во второразрядную канцелярскую организацию. Все это так подействовало на ученого, что он навсегда оставил науку (см.: Платонова 2017а).

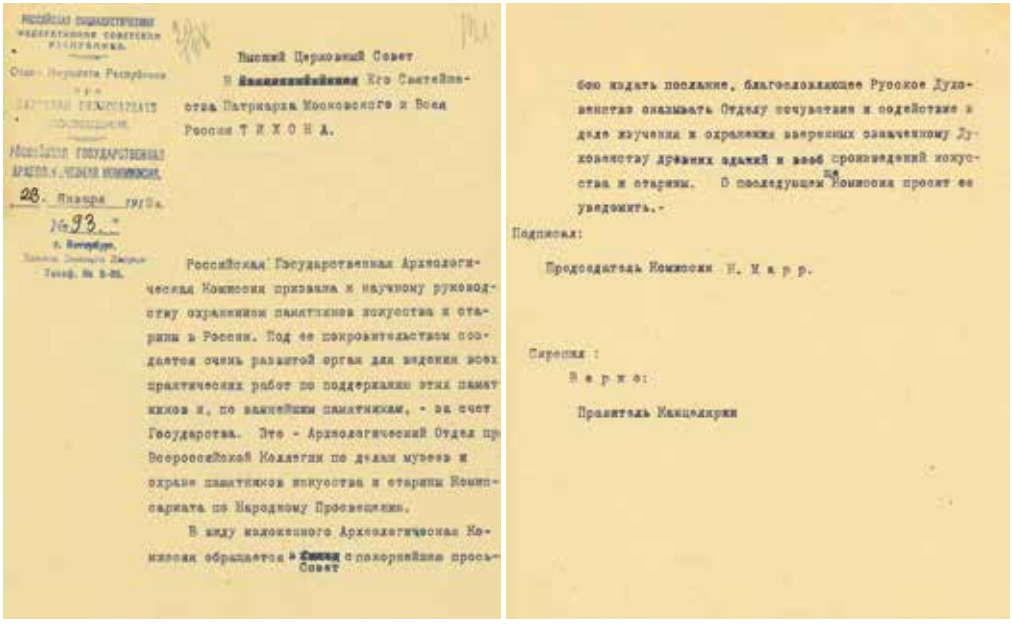
В 1919 г. административный орган РГАК — ее Правление — собирался более регулярно, однако реставрационные заседания отошли в археологический подотдел Главмузея — отдела по делам музеев Наркомпроса. 3 января 1919 г. по просьбе отдела музеев

Наркомпроса было решено обратиться к центральной духовной власти в целях развития сотрудничества в области охраны памятников церковной старины. Текст обращения был составлен П. П. Покрышкиным: будучи заведующим археологическим подотделом Совета Отдела по делам музеев, который должен был работать под непосредственным руководством V отдела РГАК (отдел монументальных памятников), он 26 декабря 1918 г. обратился в Комиссию с просьбой оказать всяческое содействие в деле облегчения сношения с духовенством путем авторитета Комиссии и личным обращением к патриарху (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 20. Л. 124).

23 января появился следующий документ №93 за подписью Н. Я. Марра:

«В Высший церковный совет его святейшества патриарха Московского и всея России Тихона.

Российская государственная археологическая комиссия призвана к научному руководству охранением памятников искусства и старины в России. Под ее покровительством создается очень развитой орган для ведения всех практических работ по поддержанию этих памятников, и по важнейшим памятникам, за счет государства. Это археологический отдел при Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Комиссариата по народному просвещению. Ввиду изложенного Археологическая комиссия обращается в Совет с покорнейшею просьбою издать послание, благословляющее русское духовенство оказывать отделу сочувствие и содействие в деле изучения и охранения вверенных означенному духовенству древних зданий и вообще произведений искусства и старины. О последующем Комиссия просит уведомить» (Там же. Л. 121 — 121 об.).



Высший Церковный Совет

Его Святейшества Патриарха Московского и Всея России ТИХОНА.

28. Января 1919 г.
№93.

Российская Государственная Археологическая Комиссия призвала к научному руководству охранением памятников искусства и старины в России. Под ее покровительством создается очень развитой орган для ведения всех практических работ по поддержанию этих памятников и, по важнейшим памятникам, - за счет Государства. Это - Археологический Отдел при Всероссийской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Комиссариата по Народному Просвещению.

В виду изложенного Археологическая Комиссия обращается в Совет с покорнейшею просьбою издать послание, благословляющее Русское Духовенство оказывать Отделу сочувствие и содействие в деле изучения и охранения вверенных означенному Духовенству древних зданий и вообще произведений искусства и старины. О последующем Комиссия просит ее уведомить.-

Подписал:

Председатель Комиссии Н. Марр.

Справка:

Верно:

Правитель Канцелярии

Обращение РГАК к патриарху Тихону 23 января 1919 г. с просьбой о содействии духовенства археологическому отделу Всероссийской коллегии по делам музеев Народного комиссариата по просвещению (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 20. Л. 121 — 121 об.)

Подобный опыт уже существовал. В конце июля — начале августа 1918 г. члены Комиссии по раскрытию памятников древнерусской живописи в лице И. Э. Грабаря, В. Т. Георгиевского и А. И. Анисимова получили благословенную грамоту патриарха Тихона (Белавина) на свою деятельность как «полезную для Святой Церкви» (ОР ГТГ. Ф. 68. Д. 257).

Заседания Совета РГАК продолжались, и состав Комиссии пополнялся. 16 января Н. Е. Макаренко был утвержден членом Совета Комиссии — экспертом по отделу русских древностей. В этот же отдел были избраны А. И. Кудрявцев, В. Н. Крейтон, В. Е. Лавровский, А. Ф. Малов и иеромонах Иннокентий (Тихонов) (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 20. Л. 126; РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 3а. Л. 2 — 2 об., 3). Избрание последнего было приметой времени. Иеромонаха Иннокентия (в миру — Борис Дмитриевич Тихонов, 1889–1937) в делопроизводстве предпочитали именовать «Иннокентием» Дмитриевичем. Принадлежа к братии Александро-Невской лавры, он в 1916 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию и был оставлен здесь для подготовки к званию профессорского стипендиата по кафедре церковной археологии и христианского искусства, т. е. должен был стать преемником профессоров Н. В. Покровского и Н. В. Малицкого. Его кандидатская работа касалась богослужебного облачения Русской церкви и должна была стать частью большого труда о литургических атрибутах православного Востока. Им был подготовлен путеводитель по Лавре под названием «Обзор святынь, церковно-археологических памятников и художественных сокровищ и исторических достопримечательностей Александро-Невской лавры». Согласно служебной записке А. А. Спицына от 9 октября 1919 г., Иннокентий планировал подготовить руководство по русской церковной археологии на иных основаниях, чем известный курс Н. В. Покровского (ср.: Покровский 1916; Протасов 1916: 591–596). Также темой его занятий в РГАК был народный календарь в связи с церковным, экономическим и поведенческим бытом. Здесь он заведовал одной из секций русского отдела (РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 654. Л. 1 — 3 об.).

Еще ранее, 24 октября 1918 г. бывший пресвитер собора Зимнего дворца протоиерей Алексей Михайлович Белавин обратился в РГАК с заявлением: «Прошу РАК дать мне работу в канцелярии ее», ссылаясь на то, что имеет подобный опыт. Протоиерей сообщал, что в связи с упразднением придворного духовенства с марта 1918 г. он лишен какого-либо заработка и сильно бедствует (РО. Ф. 1. Оп. 1-1918 г. Д. 2а. Л. 188). А. М. Белавин (1866–1931) в 1891 г. окончил духовную академию и позже был слушателем Археологического института. В РГАК он был принят научным регистратором и заведующим картотекой, однако впоследствии работал как временный сотрудник отдела монументальных памятников над историко-археологическим описанием Большого Успенского собора в Кремле и собирал материалы по Софийскому собору в Новгороде (РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 45. Л. 4).

Характерно, что Комиссия не только шла навстречу просьбам духовенства, но и активно привлекала преподавателей Петроградской духовной академии, используя потенциал богословского образования в изучении средневековых древностей. Впоследствии в РАИМК трудились Николай

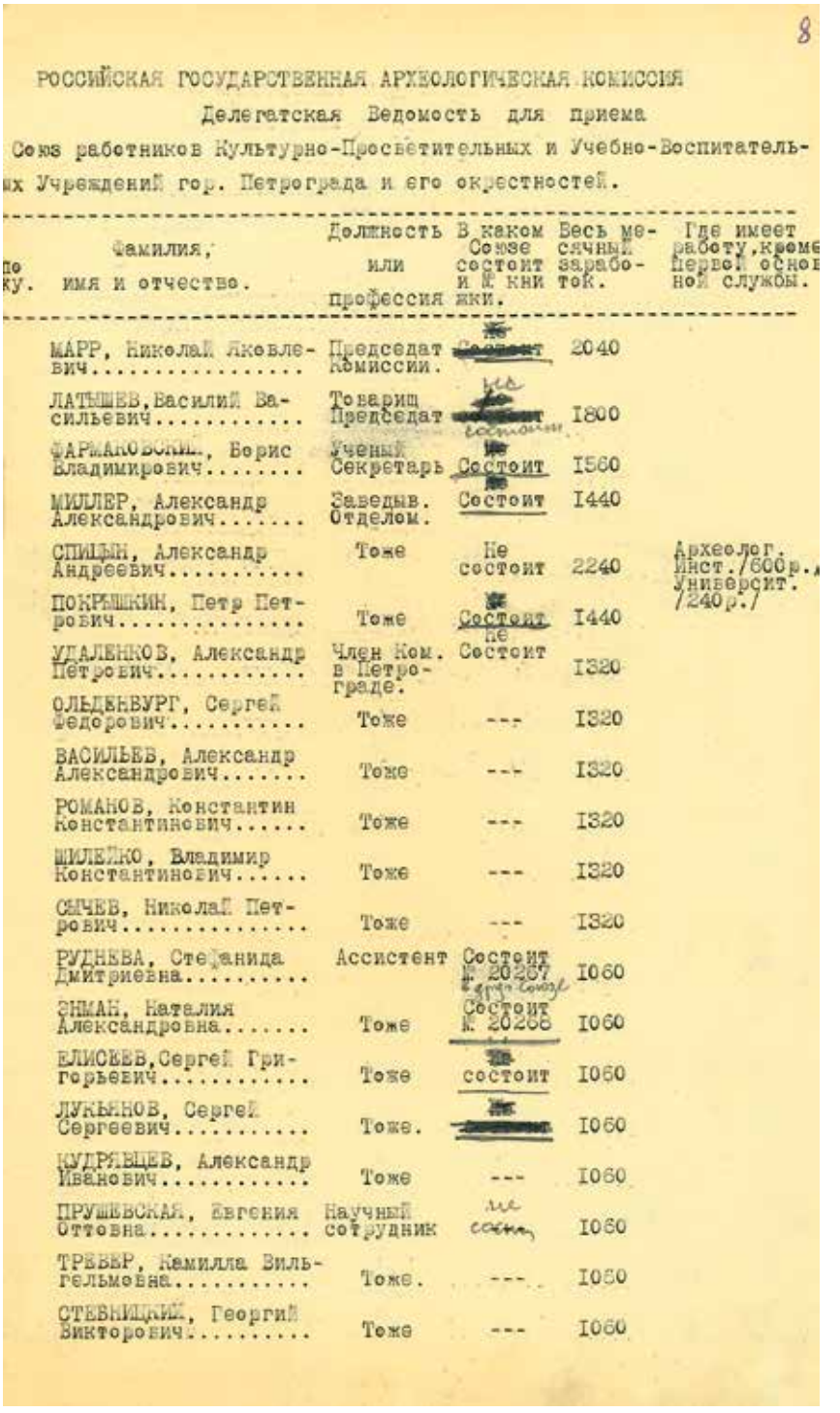
Владимирович Малицкий (1881–1938) и Иван Алексеевич Карабинов (1878–1937), специалисты по восточно-христианской археологии и литургии (Пивоварова 2004b: 426–437; Тарасов 2014; РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 267. Л. 6). В связи с созданием Постоянной комиссии по изучению миниатюры под руководством Н.П. Лихачева, 13 декабря 1919 г. Н.В. Малицкий принимается в Академию как научный сотрудник (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 39. Л. 16). И.А. Карабинов с 27 марта 1920 г. начинает работать в РАИМК в качестве сотрудника I разряда. Идея его привлечения в заведение, изучающее историю материальной культуры, принадлежит Н.В. Малицкому, тоже некогда доценту духовной академии по кафедре церковной археологии, одному из первых руководителей фотоархива ГАИМК (Длужневская 2003a: 349–360).

Новые веяния не обходили стороной и организационную жизнь Комиссии. 6 марта 1919 г. состоялось общее собрание служащих РГАК, которые коллективно вступили в культурно-просветительский союз (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 9. Л. 1), а 2 апреля 1919 г. был создан комитет младших служащих РГАК для отстаивания их интересов, председателем которого был избран Д.Т. Павлов (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 16. Л. 1).

Шла Гражданская война, и на сотрудников Археологической комиссии в полной мере обрушились все ее тяготы и лишения. Мужчины, родившиеся в 1899 г., тогда призывались на всеобщее военное обучение, для чего должны были явиться по адресу ул. Халтурина (ныне Миллионная), д. 33, в казарму бывшего Преображенского полка (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 19. Л. 1). Н.Я. Марр в связи с этим обращался в Особую столичную комиссию по отсрочкам при Комиссариате по военным делам, пытаясь добиться освобождения от военной службы для своих сотрудников (Там же. Л. 9 и сл.).

Население Петрограда активно привлекалось к трудовой повинности, связанной с заготовками дров и т. п. В связи с этим Н.Я. Марр опять же неоднократно просил соответствующие советские органы об освобождении сотрудников Археологической комиссии от таких работ, что отнюдь не всегда имело положительный результат (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 18. Л. 13–16).

Тяжелая продовольственная ситуация заставляла искать пути к спасению, которые раньше могли показаться абсолютно фантастическими. В 1919 г. был составлен список служащих РГАК, «желающих присоединиться к организации, посылаемой за продуктами в Тамбовскую губернию» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 14. Л. 1). Во главе списка, состоящего из 43 фамилий, стояли Н.Я. Марр, В.В. Латышев, Б.В. Фармаковский, А.А. Миллер, А.А. Васильев. Жизнь становилась день ото дня тяжелее. По воспоминаниям младшей дочери А.А. Спицына Надежды Александровны, зимой 1918/1919 г. и ее отец, и вся семья едва не умерли с голоду: «…папа был совсем не добытчик… Ученики помогали. Как-то достали рюкзак свеклы — ели без соли… Брат был в Красной армии… Я воровала дрова. Ходили ломать пустые дома. Папа специализировался по полам — ломом… Мы бы умерли, но пришло спасение — академический паек…» В «Удостоверении», выданном 5 апреля 1919 г. «профессору, члену Государственной археологической комиссии А.А. Спицыну» и сохранившемся в семейном архиве, значилось, что он «состоит в списке 12-ти лиц, которым, по ходатайству



8

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

Делегатская Ведомость для приема

Союз работников Культурно-Просветительных и Учебно-Воспитательных Учреждений гор. Петрограда и его окрестностей.

По ку.	Фамилия, имя и отчество.	Должность или профессия	В каком Союзе состоит и № кни жки.	Весь месячный заработок.	Где имеет работу, кроме первой основной службы.
	МАРР, Николай Яковлевич.....	Председат Комиссии.	Состоит	2040	
	ЛАТЫШЕВ, Василий Васильевич.....	Товарищ Председат	[illegible]	I800	
	ФАРМАКОВСКИЙ, Борис Владимирович.....	Ученый Секретарь	Состоит	I560	
	МИЛЛЕР, Александр Александрович.....	Заведыв. Отделом.	Состоит	I440	
	СПИЦЫН, Александр Андреевич.....	Тоже	Не состоит	2240	Археолог. Инст./600р., Университ. /240р./
	ПОКРЫШКИН, Петр Петрович.....	Тоже	Состоит	I440	
	УДАЛЕНКОВ, Александр Петрович.....	Член Ком. в Петрограде.	Не Состоит	I320	
	ОЛЬДЕНБУРГ, Сергей Федорович.....	Тоже	---	I320	
	ВАСИЛЬЕВ, Александр Александрович.....	Тоже	---	I320	
	РОМАНОВ, Константин Константинович.....	Тоже	---	I320	
	ШИЛЕЙКО, Владимир Константинович.....	Тоже	---	I320	
	СЫЧЕВ, Николай Петрович.....	Тоже	---	I320	
	РУДНЕВА, Степанида Дмитриевна.....	Ассистент	Состоит № 20267	I060	
	ЭНМАН, Наталия Александровна.....	Тоже	Состоит № 20266	I060	
	ЕЛИСЕЕВ, Сергей Григорьевич.....	Тоже	состоит	I060	
	ЛУКЬЯНОВ, Сергей Сергеевич.....	Тоже.	[illegible]	I060	
	КУДРЯВЦЕВ, Александр Иванович.....	Тоже	---	I060	
	ПРУШЕВСКАЯ, Евгения Оттовна.....	Научный сотрудник	не состоит	I060	
	ТРЕВЕР, Камилла Вильгельмовна.....	Тоже.	---	I060	
	СТЕВНИЦКИЙ, Георгий Викторович.....	Тоже	---	I060	

Делегатская ведомость — список служащих Комиссии на 11 марта 1919 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 9. Л. 8)

21	ЛИТОВСКИЙ, Александр Григорьевич.....	Научный сотрудник	Не состоит	I060	Не имеет
22	СИНИЦЫНА, Наталия Константиновна.....	Тоже.	---	I060	,,
23	ШЕРБАТСКАЯ, Екатерина Николаевна.....	Тоже	---	I060	,,
24	КУЗЬМИН, Иван Платонович.....	Тоже	Состоит	I060	,,
25	КРЕЙТОН, Владимир Николаевич.....	Тоже	Состоит	I060	,,
26	ЛАВРОВСКИЙ, Владимир Евгениевич.....	Тоже	---	I060	,,
27	МАЛОВ, Алексей Федорович.....	Тоже	---	I060	,,
28	ТИХОНОВ, Иннокентий Дмитриевич.....	Тоже	не сост	I060	,,
29	УДАЛЕНКОВ, Николай Петрович.....	Тоже	Состоит	I060	,,
30	МАРКОН, Исаак Ильевич	Тоже	не состоит	I060	,,
31	РАВИЦКАЯ, Ольга Михайловна.....	Тоже	---	I060	,,
32	БЕЛОВ, Алексей Михайлович.....	Завед.Объединенной библиотек.	---	I320	,,
33	РАБОВСКИЙ, Александр Сергеевич.....	Пом.Завед.	---	I060	,,
34	МЕЙЕР, Гэидон Робертович.....	Тоже	---	I060	,,
35	ЧЕРМЕНСКИЙ, Петр Николаевич.....	Каталогизатор.	---	930	,,
36	БЕЛКОВ, Евгений Христоторович.....	Тоже	---	930	,,
37	ДЬЯКОНОВСКАЯ, Александра Петровна.....	Тоже	---	930	,,
38	СТОЛИЦА, Елизавета Петровна.....	Корректор.	---	840	,,
39	ШЕГЛОВА, Нина Васильевна.....	Тоже.	---	840	,,
40	ЧИСТЯКОВ, Иван Федорович.....	Помощник фотографа	Состоит № 250	620	,,
41	ЛАТЫШЕВ, Петр Васильевич.....	Зав.складом изданий.	Не состоит	840	,,
42	ЧИСТЯКОВ, Арсений Иванович.....	Регистрат. склада.	Не состоит	660	,,
43	МИЛЛЕР, Борис Всеволодович.....	Правитель Канцелярии	---	I000	В Комисси изучен.пле ного соста России при Акад.Наук.
44	СУТУЛЛО, Илья Семенович.....	Делопроизводитель.	---	930	В Русском Археологич Обществе.
45	ШЕМАНИНОВ, Иван Иванович.....	Тоже	Состоит	930	В Археолог Институте

Делегатская ведомость — список служащих Комиссии на 11 марта 1919 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 9. Л. 8 об.)

9

46	ТУЛАС, Владимир Александрович.....	Бухгалтер	Не состоит.	930	Не имеет
47	СУХОДОЛЬСКИЙ, Николай Викторович.....	Счетовод	---	810	..
48	ФИЛИППОВ, Леонид Александрович.....	Конторщик	---	780	..
49	МАТЬЕВ, Сергей Александрович.....	Тоже.	---	780	..
50	ЛОКАЧЕВА, Людмила Петровна.....	Машинистка I разряда.	---	690	..
51	ПЛЕТТЕ, Ксения Генриховна.....	Тоже	---	690	..
52	ФЕДОРОВСКАЯ, ОЛЬГА Павловна.....	Машинистка 2 разряда.	---	620	..
53	КОКОВКОВ, Василий Кузьмич.....	Служитель	Состоит № 6201	500	..
54	КУЛЕБ, Михаил Борисович.....	Тоже	Состоит № 3257	500	..
55	КОНДАКОВ, Евгений Павлович.....	Тоже	Не состоит	500	..
56	ДЕНИСОВ, Филипп Петрович.....	Тоже	---	500	..
57	КОНДАКОВ, Константин Павлович.....	Тоже	---	500	..
58	ЛОГАШЕВ, Николай Яковлевич.....	Тоже	---	500	..
59	ПАВЛОВ, Дмитрий Тихонович.....	Тоже	Состоит № 14462	500	..
60	РЯБОВ, Григорий Матвеевич.....	Тоже	Не состоит	500	--

Правитель Канцелярии Б. Аммосов

11., Марта 1919 г.

Делегатская ведомость — список служащих Комиссии на 11 марта 1919 г. (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 9. Л. 9)

Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины и по распоряжению заведующего распределительной частью т. Молвина, присвоена дополнительная выдача по месячной норме для академиков». Удостоверение было подписано ученым секретарем отдела И. А. Орбели. Первым пайком, по свидетельству Н. А. Спицыной, оказался «хвост какой-то рыбы». Только потом им стали выдавать хлеб, муку, крупу, яблоки (записано Н. И. Платоновой 22 января 1988 г.).

Стоит обратить внимание на дату удостоверения — всего за полторы недели до подписания декрета об организации РАИМК. Таким образом, подготовка нового проекта и устава велась в стенах Комиссии именно тогда, когда по меньшей мере часть ее членов была на грани голодной смерти. От холода и голода в ту зиму скончался член Совета РГАК, выдающийся специалист по методологии истории и источниковедению академик А. С. Лаппо-Данилевский. Тяжело заболел и товарищ председателя комиссии В. В. Латышев. Его место временно занял А. А. Миллер.

Отметим по ходу дела: во второй половине 1919 г. смертность в Петрограде оказалась самой высокой по России — около 90 на 1000 душ населения (Корнатовский 2004: 463). По подсчетам современных исследователей, даже пайки 1-й категории («рабочие») удовлетворяли требованиям нормального питания примерно на 20%. Ученым и деятелям культуры, как правило, доставались куда более скудные пайки (Яров и др. 2013: 63–64). П. А. Сорокин приводит в своих воспоминаниях колоритный эпизод: закрывая очередное собрание профессорско-преподавательского состава Петроградского университета, «ректор обратился к присутствующим с речью, полной мрачнейшего юмора: “Господа, покорнейше прошу вас не умирать так быстро. Отходя в мир иной, вы находите успокоение для себя, но создаете массу проблем нам. Вы же знаете, как трудно обеспечить вас гробами <...> и как дорого стоит вырыть могилу для вашего вечного успокоения. Думайте прежде всего о своих коллегах и старайтесь протянуть как можно дольше...”» (Там же: 64).

Казалось бы, в подобных условиях работа археологических учреждений должна была вообще прекратиться. Но если ужас творится долго, включаются защитные реакции человеческой психики. Факт остается фактом: ни тяжелейшей зимой 1918/1919 г., ни позднее, в период осады города и усиления красного террора, в Археологической комиссии, преобразуемой в Академию, не прерывалась деятельность по формированию научных структур, определению концепции и т. д. Видимо, это по-своему помогало выжить: возвращало жизни смысл, позволяло абстрагироваться от настоящего и с надеждой думать о будущем. Что же касается повседневной административной, рутинной работы, то она тем более не прерывалась — с ней была связана основная деятельность сотрудников.

27 февраля Совет, почтив память А. С. Лаппо-Данилевского, по предложению Н. Я. Марра обсудил возможность организации «Академии археологии» на основе РГАК и слияние библиотек Комиссии и Эрмитажа в единую археологическую библиотеку. В связи с возможной реорганизацией Комиссии, что обсуждалось уже с осени 1918 г., было создано «особое совещание» под председательством самого Н. Я. Марра, в которое вошли С. А. Жебелев,

председатель РАО, С.Ф. Платонов, директор Археологического института, С.Ф. Ольденбург, секретарь Академии наук, А.А. Миллер, директор Русского музея, и Б.В. Фармаковский (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 3. Л. 7 об. — 8).

17 марта в РГАК происходило обсуждение положения о Российской государственной академии археологических знаний как своеобразной конфедерации всех археологических учреждений России. На нем выступил Н.Я. Марр и «указал на крайнюю желательность спешного разрешения давно назревшего вопроса об объединении всех учреждений и ассоциаций, имеющих отношение к археологии, в Российскую государственную академию археологических знаний» (Там же. Л. 9).

Положение об учреждении РГААЗ, которая должна была включить в себя реформированную РГАК и «сродные по научным задачам учреждения и ассоциации» (Там же. Л. 12 — 13 об.), предусматривало несколько пунктов. Академия создавалась «для научного исследования и научной охраны вещественных, как обиходных, так и монументальных, памятников» в составе РГАК, археологических музеев исследовательских и научно-учебных институтов. Она была обязана следить за планомерностью и научностью ведения археологических раскопок и разведок, право на производство которых выдавалось бы археологическим подотделом Всероссийского отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины на основе заключения Академии. Академия археологических знаний должна была поддерживать связь с национальными археологическими учреждениями, а в ее состав должны были входить археологические институты, Институт для изучения русской религиозной живописи, РАО, Палестинское общество, РИМ, МАО, Кавказский институт и Кавказский музей, Кружок любителей археологии в Ташкенте, Общество любителей истории, антропологии и этнографии в Казани, ОИИД и, по предложению Ф.И. Успенского, — РАИК. Предполагалось создание главного института экспериментальной археологии.

Проект положения и декрет о РГААЗ к тому времени уже были разработаны полностью (Там же. Л. 1 — 13 об.). 27 марта 1919 г. Н.Я. Марр с этими документами спешно выехал в Москву. Однако при рассмотрении вопроса об Академии в Главмузее в проект был внесен ряд коррективов, что и привело к переименованию Российской государственной академии археологических знаний в РАИМК и появлению нового проекта декрета.

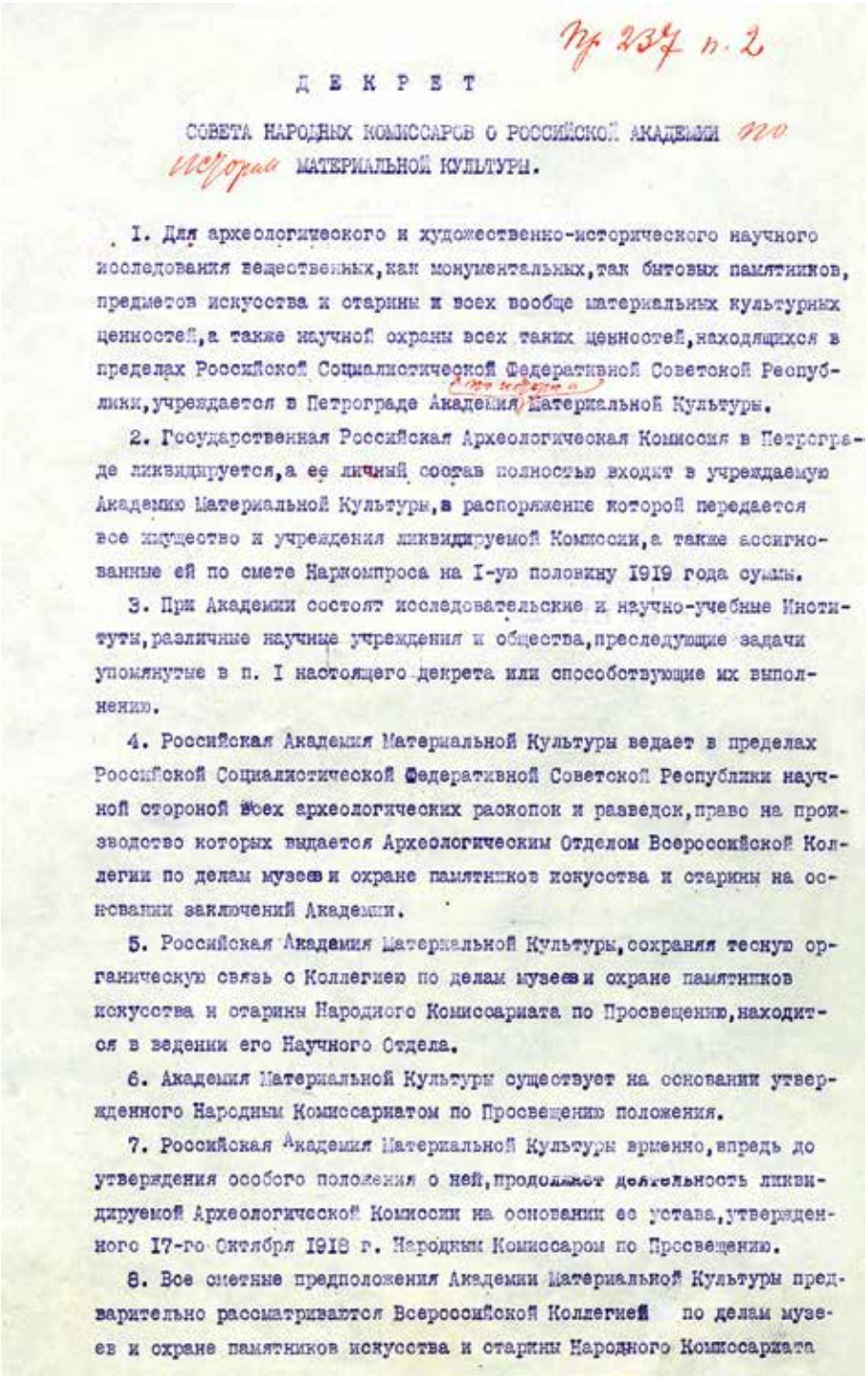
Источники недвусмысленно свидетельствуют, что ни один из членов Совета Комиссии не имел даже в мыслях противопоставить «старой» археологии «новую» историю материальной культуры. Такое название было предложено, как можно думать, А.В. Луначарским и М.Н. Покровским, скорее всего, в противовес основанной в Москве Н.А. Бердяевым Вольной академии духовной культуры (Бердяев 1990: 220–222; Зуев 1997: 71; Musin 2018). Впрочем, достоверных сведений о причине переименования Академии и непосредственных авторах нового варианта декрета до сих пор не обнаружено (ср.: Пескарева 1980: 28). Новое имя было воспринято специалистами как неожиданная и счастливая находка, ибо снимало целый ряд противоречий, успевших накопиться в русской науке в связи с широким толкованием понятия «археология» и сосуществованием с ним параллельного термина «палеоэтнология».

Новое название разрешало все возможные недоразумения, связанные с объединением в рамках Академии традиционно археологической тематики (восточная, классическая, скифо-сарматская, средневековая археология) с искусствоведческой и этнологической тематикой. Для всего этого создавалась единая эпистемологическая и организационная платформа. Как писал позднее А.А. Миллер, ставший одним из основателей РАИМК, «по первоначальному проекту Академии положено было за основание всестороннее изучение материальной культуры в вещественных памятниках, как древности, так и в живом быту...» (РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 4. Л. 40 — 41 об.). Определено было также и три главнейших направления работы, могущие быть охвачены в конечном счете единым методом. Эти три направления обусловили наличие в Академии трех отделений — этнологического, археологического и художественно-исторического.

Н.Я. Марр внес правку в проект нового декрета, которая отчасти была учтена (Пескарева 1980: 28). Так, пункт 5 о том, что на Академию возлагается «общее наблюдение за научностью деятельности всех культурно-исторических музеев республики», Н.Я. Марр перенес в самый конец декрета. Однако в окончательную редакцию это положение так и не попало. Им же был написан дополнительный пункт о том, что вплоть до утверждения особого положения о РАИМК Академия продолжает деятельность «ликвидированной» Археологической комиссии, руководствуясь уставом от 17 октября 1918 г.

18 апреля 1919 г. председатель Совнаркома В.И. Ульянов подписал декрет и внес редакционную правку в заголовок и в 1-й пункт: вместо слов «о Российской Академии материальной культуры» он пишет «о Российской Академии по истории материальной культуры» (Ленинские декреты 1974: 193; Декреты Советской власти 1971: 448–449; Ленин 1963: 451; В.И. Ленин. Биографическая хроника 1976: 78). Несмотря на кажущуюся странность такого грамматического управления, оно в целом было характерно для эпохи. Так, Наркомпрос именовался Народным комиссариатом «по просвещению». Оглашая текст декрета членам РГАК, Н.Я. Марр официально объявляет о создании даже не «Академии истории материальной культуры», а именно «Академии материальной культуры» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 3. Л. 18), однако в результате переписки, очевидно, где-то между 27 мая и 4 июня (день утверждения инструкции Наркомпроса по выборам в РАИМК) предлог «по» выпал, по крайней мере, из делопроизводства самой Комиссии. Это нашло отражение в окончательном названии Академии, хотя из Москвы продолжали приходить документы с изначальным наименованием (РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 1. Л. 1, 4, 6). Было ли с этим связано какое-либо обсуждение и дискуссия, нам остается неизвестным. Характерно, что заведующий информационным отделением Наркомпроса 28 июля 1919 г. просит РАИМК прислать ему текст декрета от 18 апреля, так как тот еще не был опубликован (Там же. Л. 76). Официальное опубликование декрета состоялось позднее.

Подписание декрета предполагало некоторый «ликвидационный период». Заседания Совета РГАК продолжались. Еще 29 апреля Н.Я. Марр добился для себя серьезных полномочий, так как было постановлено: «уполномочить



№ 237 п. 2

Д Е К Р Е Т

СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ О РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

1. Для археологического и художественно-исторического научного исследования вещественных, как монументальных, так бытовых памятников, предметов искусства и старины и всех вообще материальных культурных ценностей, а также научной охраны всех таких ценностей, находящихся в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, учреждается в Петрограде Академия Материальной Культуры.

2. Государственная Российская Археологическая Комиссия в Петрограде ликвидируется, а ее личный состав полностью входит в учреждаемую Академию Материальной Культуры, в распоряжение которой передается все имущество и учреждения ликвидируемой Комиссии, а также ассигнованные ей по смете Наркомпроса на I-ую половину 1919 года суммы.

3. При Академии состоят исследовательские и научно-учебные Институты, различные научные учреждения и общества, преследующие задачи упомянутые в п. I настоящего декрета или способствующие их выполнению.

4. Российская Академия Материальной Культуры ведает в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики научной стороной всех археологических раскопок и разведок, право на производство которых выдается Археологическим Отделом Всероссийской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины на основании заключений Академии.

5. Российская Академия Материальной Культуры, сохраняя тесную органическую связь с Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению, находится в ведении его Научного Отдела.

6. Академия Материальной Культуры существует на основании утвержденного Народным Комиссариатом по Просвещению положения.

7. Российская Академия Материальной Культуры временно, впредь до утверждения особого положения о ней, продолжает деятельность ликвидируемой Археологической Комиссии на основании ее устава, утвержденного 17-го Октября 1918 г. Народным Комиссаром по Просвещению.

8. Все сметные предположения Академии Материальной Культуры предварительно рассматриваются Всероссийской Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата

Декрет о создании Российской академии по истории материальной культуры, 18 апреля 1919 г., подлинник (РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9334. Л. 1)

по Просвещению и проходят по § § и статьям сметы, находящимся в распоряжении Научного-Отдела Наркомпроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ: В. Ульянов (Ленин)

Управляющий Делами Совета
Народных Комиссаров:

Секретарь: Л. Фотиева

Москва, Кремль
18-го апреля 1919 года.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

Декрет о создании Российской академии по истории материальной культуры, 18 апреля 1919 г., подлинник (РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9334. Л. 1 об.)

Утвержден в заседании Малого Совета
Совнаркома 18 апреля 1919 года.

ДЕКРЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

О РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

1. Для археологического и художественно-исторического научного исследования вещественных, как монументальных, так и бытовых, памятников, предметов искусства и старины и всех вообще материальных культурных ценностей, а также научной охраны всех таких ценностей, находящихся в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, учреждается в Петрограде Академия Истории Материальной Культуры.

2. Государственная Российская Археологическая Комиссия в Петрограде ликвидируется, а ее личный состав полностью входит в учреждаемую Академию Истории Материальной Культуры, в распоряжение которой передается все имущество и учреждения ликвидируемой Комиссии, а также ассигнованные ей по смете Наркомпроса на 1-ю половину 1919 г. суммы.

3. При Академии состоят исследовательские и научно-учебные институты, различные научные учреждения и общества, преследующие задачи, упомянутые в п. 1 настоящего декрета, или способствующие их выполнению.

4. Российская Академия Истории Материальной Культуры ведает в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики научной стороной всех археологических раскопок и разведок, право на производство которых выдается Археологическим Отделом Всероссийской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины на основании заключений Академии.

5. Российская Академия Истории Материальной Культуры, сохраняя тесную органическую связь с Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению, находится в ведении его Научного Отдела.

6. Академия Истории Материальной Культуры существует на основании утвержденного Народным Комиссариатом по Просвещению положения.

7. Российская Академия Истории Материальной Культуры, временно, впредь до утверждения особого положения о ней, продолжает деятельность ликвидируемой Археологической Комиссии, на основании ее устава, утвержденного 17-го октября 1918 г. Народным Комиссариатом по Просвещению.

8. Все сметные предположения Академии Истории Материальной Культуры предварительно рассматриваются Всероссийской Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению и проходят по §§ и статьям сметы, находящимся в распоряжении Научного Отдела Наркомпроса.

Председатель Сов. Нар. Ком. *Н. Ленин.*

Управляющий делами Сов. Нар. Ком. *В. Бонч-Бруевич.*

Секретарь *М. Фотиева.*

Декрет о создании Российской академии материальной культуры. Официальная публикация (РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 47. Л. 1)

председателя Комиссии и ученого секретаря во всех случаях, не терпящих отлагательства, принимать немедленно решения и приводить их в исполнение по всем делам совета, правления, отделов, комитетов и канцелярии, при условии принятия председателем и ученым секретарем на себя ответственности за эти решения» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 3. Л. 15). Это было продиктовано тем, что принятие безотлагательных решений было затруднено коллегиальным характером обсуждения Советом РГАК любых действий Комиссии. В качестве примера он приводил как раз обсуждение нового проекта декрета об Академии в Москве. Наделение председателя Комиссии дополнительными полномочиями поддержали тогда С.Ф. Ольденбург, Б.В. Фармаковский, А.А. Васильев, А.А. Миллер и С.А. Жебелев.

27 мая Совет РГАК почтил память убитого в Керчи В.В. Шкорпила. Наконец-то был оглашен текст декрета (Там же. Л. 18 об.). Информируя об этом Совет РГАК, Н.Я. Марр указал, что в уставе была сделана поправка, согласно которой «направления научной и научно-практической деятельности Академии ставятся в связь с вопросами, выдвигаемыми современным строем страны», хотя сам Н.Я. Марр протестовал против такой редакции, так как научная работа не стоит в связи с политическим устройством государства (Там же). В этот день Совет Комиссии обсуждал вопросы организации структуры новой Академии, которая должна была включать в себя образуемые «на местах» «археологические ячейки». Именно они должны были войти в состав будущего объединения, образовав из своих представителей избирательную конференцию, которая должна произвести выборы в Академию. Было отмечено, что число секций будущей Академии не может быть точно установлено в настоящее время. В результате было предложено создать специальную комиссию, которая должна выработать порядок избрания до 31 мая, однако ряд членов Совета РГАК, в частности С.А. Жебелев, выступили против спешки и формализации в этом деле (Там же. Л. 18–20). В результате «особая комиссия» все-таки была создана, и в нее вошли Н.Я. Марр, А.А. Миллер и Б.В. Фармаковский.

Если С.Ф. Ольденбург предполагал переизбрать тут же весь состав РГАК в число членов Академии, прежде всего входящих в Совет членов-экспертов, некогда связанных с ИАК, то Н.Я. Марр возражал против этого. Не исключено, что действия председателя, связанные с переименованием Академии и утверждением инструкции по выборам, осуществлявшиеся без обсуждения с членами Комиссии, могли вызвать протест некоторых из них. Этим могло объясняться поданное 27 июня 1919 г. Н.Я. Марром прошение об отставке, впрочем, оставшееся без удовлетворения. Характерно, что уже после создания РАИМК в конце августа Н.Я. Марр вновь пытался уйти в отставку в связи с нестроениями в Академии, вызванными, возможно, стилем его руководства. В этой связи Н.И. Троцкая была вынуждена послать 21 августа депешу в Петербург: «Коллегия по делам музеев и московские члены Академии протестуют против отставки Марра. Требуем от меньшинства подчинения воле избирательного собрания. В случае надобности москвичи выедут в Петроград» (РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 1. Л. 74).

Грядущая реорганизация Археологической комиссии поставила вопрос о новом помещении для Академии.

13 июня 1919 г. Н.Я. Марр обращается в Наркомпрос по поводу нового здания (Там же. Л. 7). 15 июля член коллегии комиссариата Л.Р. Менжинская сообщает, что еще 31 мая коллегия постановила передать для нужд Академии Мраморный дворец на Дворцовой набережной и выделить 3200 погонных саженей дров для его отопления (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 20. Л. 1, 7, 8 об.). Однако переехать туда Академии удалось только в 1920 г.

Фигура Н.Я. Марра является одной из самых парадоксальных в русской науке первой трети XX в. Современные представления о нем нередко являются отражением старых мифов, творившихся вокруг этого человека (а отчасти и им самим!) — вначале для прославления его, позднее — для ниспровержения его хрестоматийного образа (ср.: Гасанов 2014).

Легенда, созданная еще при жизни Марра в начале 1930-х гг., представляла его великим ученым, совершившим переворот во многих областях знания и практически в одиночку разработавшим проект новой Академии археологии (РАИМК/ГАИМК), якобы так и не оцененный по достоинству его окружением. Таким образом, сводились на нет заслуги таких соратников Н.Я. Марра, как В.В. Латышев, Б.В. Фармаковский, П.П. Покрышкин, С.Ф. Ольденбург, С.А. Жебелев, А.А. Миллер и других, сыгравших свою роль в деле преобразования РГАК в Академию и создания инфраструктуры отечественной археологии в целом (Целевая установка 1931: 1; Худяков 1933: 150–161).

Выдвижение Н.Я. Марра на пост председателя Археологической комиссии в 1918 г., как правило, объясняется причинами, далекими от науки (ср.: Сидорчук 2016). Считается, что после переворота этот человек якобы «сразу пошел на сотрудничество с большевиками и, следовательно, мог отстоять Комиссию от любых неприятностей» (Клейн 1993: 17; Формозов 1995b: 33–34). Однако поведение Н.Я. Марра, активно сотрудничавшего с Главмузеем, ничем не отличалось от поведения многих интеллигентов, всерьез озабоченных судьбой культурного наследия в России и прилагавших все усилия к его спасению в период Гражданской войны и разрухи.

Что же выдвинуло Н.Я. Марра на первый план научной жизни в переломном 1918 г. и поставило его «у руля» российской археологии? Ответ до смешного прост: блестящие организаторские способности. Эта сторона его таланта, прекрасно известная в свое время его коллегам по Археологической комиссии, оказалась прочно забытой сейчас. Скандальная слава Н.Я. Марра — автора «нового учения о языке» стерла память о его научно-организационной деятельности в археологии в 1900–1920-х гг. Между тем она была напряженной и результативной на удивление.

Накануне революции Н.Я. Марр был признанным авторитетом в области восточной археологии, награжденным Большой Золотой медалью имени графа А.С. Уварова за раскопки в Ани. Анализ сохранившейся полевой документации и прочих материалов, связанных с его раскопочной деятельностью, не подтверждает хлестких обвинений в безграмотном ведении работ, выдвинутых позднее его недоброжелателями. Его способности и энергия организатора помогли ему в 1910-х гг. превратить пустынное городище Ани, затерянное в глухой армянской провинции, в мощный археологический центр, которому не хватало лишь официального

постановления правительства, чтобы стать Кавказским археологическим институтом (Платонова 1998: 374–376).

С самого начала Н.Я. Марр сумел заинтересовать перспективой своих исследований широкие круги армянской интеллигенции, что вызвало щедрый поток пожертвований. Его стараниями на городище оборудуются археологический музей и библиотека, налаживается экскурсионное дело. Земли, на которых располагалось городище, передаются в собственность Археологической комиссии. Для того чтобы провести это решение в жизнь, потребовалась многолетняя «бумажная война», так как, по существу, подобный акт был невозможен. В российском законодательстве не было параграфа, который позволял бы узаконить такую передачу казенных земель. Однако Н.Я. Марр добился по этому случаю Высочайшего повеления. Более того, ИАК получила дополнительный участок земли для сдачи его в аренду крестьянам и обеспечения Анийского музея доходами (РО. Ф. 1. Оп. 1-1904 г. Д. 79. Л. 108, 134).

Можно с полной уверенностью утверждать, что ни один археолог в царской России не мог похвалиться такой блестящей победой над всесильной бюрократией, как Н.Я. Марр. Когда в 1914 г., благодаря своим связям с министром народного просвещения Л.А. Кассо, он сумел провести в Государственной думе закон о ежегодном отпуске из Государственного казначейства 5000 руб. на свои раскопки (сумма огромная по тем временам!) (Там же. Л. 144–145), вряд ли это кого-то всерьез удивило. Способность к преодолению препятствий и отсутствие страха перед чиновниками были неотъемлемыми качествами Н.Я. Марра. Впрочем, к этим чертам его хрестоматийного образа следует добавить тонкое чутье конъюнктуры и незаурядные дипломатические способности, помогавшие Н.Я. Марру оставаться в почете во все времена, без ущерба для своего «имиджа» независимого и несдержанного на язык ученого.

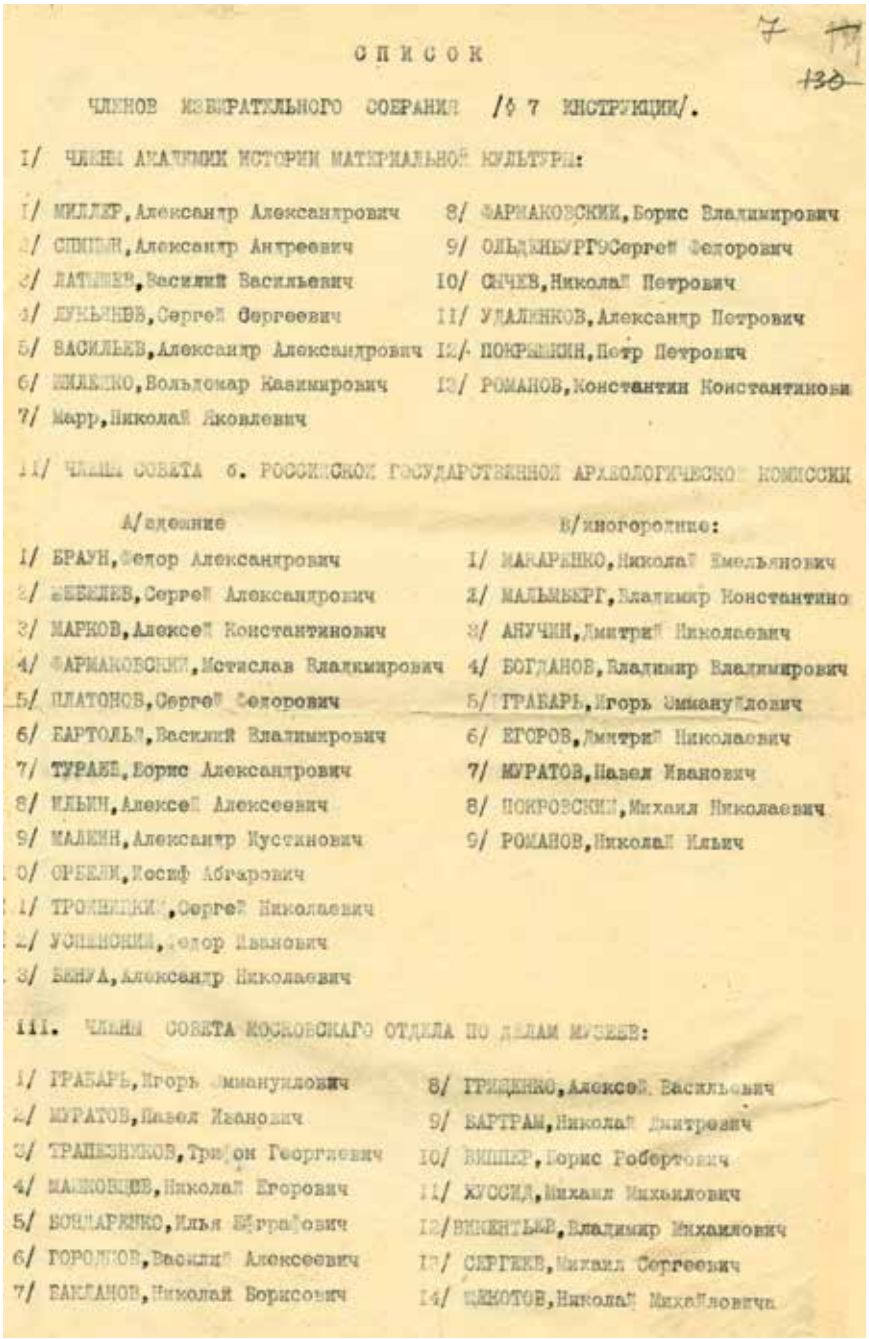
Роль Н.Я. Марра в проведении в жизнь проекта об Археологической академии в 1918–1919 гг. была огромной, если не сказать — решающей. Не случайно, когда в июне 1919 г. с ним от переутомления произошел нервный срыв, и он подал заявление об уходе с поста председателя РГАК, коллеги почти единодушно решили, что принять эту отставку нельзя. Показательно в данном случае прозвучала речь С.А. Жебелева, заявившего на Совете РГАК, что он «вполне понимает то тяжелое состояние, в котором оказался Н.Я. Марр, переобремененный... крайне нервною работою административного характера, но... с другой стороны, Н.Я. Марр положил столько труда и сил на проведение в жизнь намеченной реформы и так тесно связал себя с нею, что теперь остается или отказаться вообще от... реформы и тем самым погубить и организуемую Академию, и ликвидируемую Комиссию, или же убедительно просить Н.Я. Марра взять свое прошение обратно...» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 3. Л. 22–23).

21 июня на чрезвычайном совете РГАК были предприняты конкретные шаги по реорганизации РГАК. Еще 4 июня на коллегии Наркомпроса была утверждена инструкция по выбору членов Академии (РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 1. Л. 23 — 23 об.; РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 3. Л. 21 — 21 об.). Но Петроградская коллегия по делам музеев в лице Г.С. Ятманова выступила против некоторых положений инструкции, связанных с расширенным

представительством московских чиновников. Это могло повлечь за собой отсрочку выборов в новую Академию. В результате переговоров заседание Совета РГАК было намечено на 15 июля, и 7 июля началась рассылка приглашений (РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 1. Л. 18, 21). Инструкция предполагала, что члены Археологической комиссии переименовываются в членов Академии истории материальной культуры, их кандидатуры рассматриваются правлением РГАК и утверждаются ее Советом в качестве руководителей секций. Члены бывшей Археологической комиссии, не утвержденные ее Советом в качестве руководителей секций, не входят в состав Академии. До определения личного состава бюро РАИМК председатель и члены правления РГАК руководят ее работой. Избирательное собрание включает в себя членов РА ИМК, членов Совета уже бывшей РГАК, членов Московской коллегии по делам музеев, т. е. отдела Наркомпроса, а также ряд делегатов: от Академии наук и Петроградского университета — по два, Московского университета — 2, от РАО и МАО — по 4, от Петроградского археологического института, Музея антропологии и этнографии и Комитета для изучения Средней и Восточной Азии — по 1, а также по 2 лица от музейных деятелей Петрограда и Москвы, персонально приглашенных соответствующими коллегиями по делам музеев. Предложение от 27 мая о предоставлении избирательного голоса РАИК, Палестинскому обществу, Этнографическому отделу Географического общества, Румянцевскому музею, Музею изящных искусств, Московскому обществу любителей естествознания и этнографии, Антропологическому музею при Московском университете, Музею искусства и быта («Строгановке»), Третьяковской галерее, Оружейной палате и Московскому археологическому институту Наркомпросом поддержано не было (Там же. Л. 23 — 23 об.; РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 3. Л. 19 об.). Известно, что еще 1 июня МАО, согласно предложению Отдела по делам музеев и охране памятников старины и искусства, высказало готовность вступить в новое научное объединение при сохранении автономии (РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 1. Л. 36 — 36 об.).

1 июля на заседании Совета рассматривалось заявление Н.Я. Марра о «сложении с себя обязанностей председателя б. Археологической комиссии и временно исполнения обязанностей председателя Академии истории материальной культуры ввиду чувствуемого им упадка сил вследствие отвлечения от чисто научных занятий и непрерывных... работ организационного характера». В процессе обсуждения С.А. Жебелев, С.Ф. Ольденбург и И.А. Орбели обещали ему «полное содействие в дальнейшей работе», а некоторые члены Совета предложили наделить своего председателя «самыми широкими полномочиями по осуществлению реформ» и даровать «неограниченные полномочия с правом давать отдельные поручения членам Комиссии по его усмотрению». Совет просил С.А. Жебелева, В.В. Латышева, С.Ф. Ольденбурга и Б.В. Фармаковского принять на себя переговоры с Н.Я. Марром. Н.Я. Марр остался в Академии (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 3. Л. 22 — 23 об.).

Тогда же на основании устава «б. РГАК» избрала в свой Совет Д.Н. Анучина, И.Э. Грабаря, П.П. Муратова и Н.И. Романова, которые были



СПИСОК

ЧЛЕНОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ /§ 7 ИНСТРУКЦИИ/.

I/ ЧЛЕНЫ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ:

1/ МИЛЛЕР, Александр Александрович
2/ СПИЦЫН, Александр Антреевич
3/ ЛАТЫШЕВ, Василий Васильевич
4/ ЛУКЬЯНОВ, Сергей Сергеевич
5/ ВАСИЛЬЕВ, Александр Александрович
6/ ЖИЛЕНКО, Вольдемар Казимирович
7/ Марр, Николай Яковлевич
8/ ФАРМАКОВСКИЙ, Борис Владимирович
9/ ОЛЬДЕНБУРГ Сергей Федорович
10/ СМЧЕВ, Николай Петрович
11/ УДАЛЬЦОВ, Александр Петрович
12/ ПОКРОВСКИЙ, Петр Петрович
13/ РОМАНОВ, Константин Константинович

II/ ЧЛЕНЫ СОВЕТА Б. РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

А/здание

1/ БРАУН, Федор Александрович
2/ БЕЛЯЕВ, Сергей Александрович
3/ МАРКОВ, Алексей Константинович
4/ ФАРМАКОВСКИЙ, Мстислав Владимирович
5/ ПЛАТОНОВ, Сергей Федорович
6/ БАРТОЛЬД, Василий Владимирович
7/ ТУРАЕВ, Борис Александрович
8/ ИЛЬИН, Алексей Алексеевич
9/ МАЛЕИН, Александр Кустинович
10/ ОРБЕЛИ, Иосиф Абгарович
11/ ТРОИЦКИЙ, Сергей Николаевич
12/ УСПЕНСКИЙ, Федор Иванович
13/ БЕНУА, Александр Николаевич

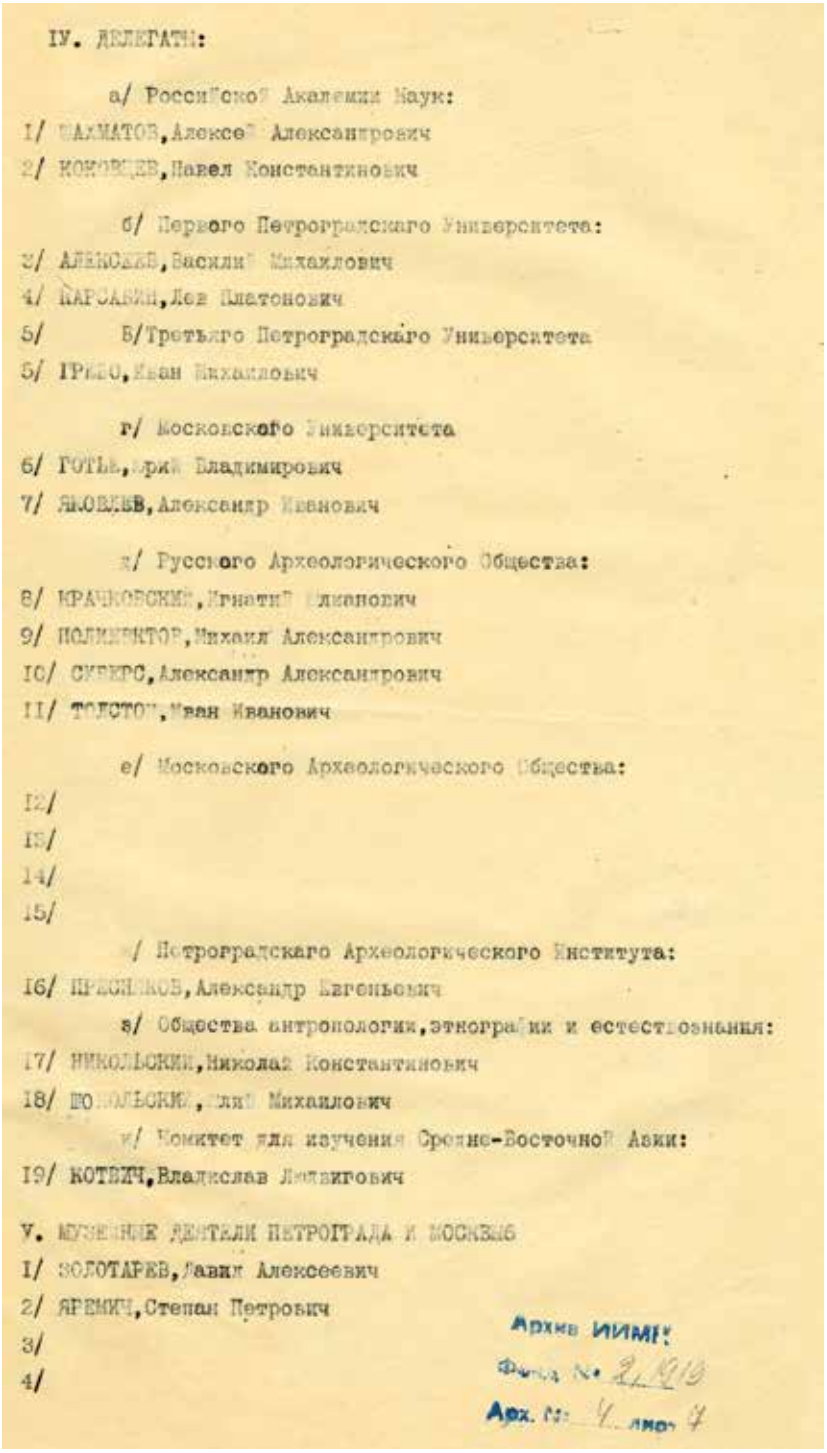
Б/многоротник:

1/ МАКАРЕНКО, Николай Емельянович
2/ МАЛЬМБЕРГ, Владимир Константино
3/ АНУЧИН, Дмитрий Николаевич
4/ БОГДАНОВ, Владимир Владимирович
5/ ГРАБАРЬ, Игорь Эммануилович
6/ ЕГОРОВ, Дмитрий Николаевич
7/ МУРАТОВ, Павел Иванович
8/ ПОКРОВСКИЙ, Михаил Николаевич
9/ РОМАНОВ, Николай Ильич

III. ЧЛЕНЫ СОВЕТА МОСКОВСКАГО ОТДЕЛА ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ:

1/ ГРАБАРЬ, Игорь Эммануилович
2/ МУРАТОВ, Павел Иванович
3/ ТРАПЕЗНИКОВ, Трифон Георгиевич
4/ МАЛИНОВСКИЙ, Николай Егорович
5/ БОГДАРЕНКО, Илья Кириллович
6/ ГОРОДЦОВ, Василий Алексеевич
7/ БАКЛАНОВ, Николай Борисович
8/ ГРЯЗНОВ, Алексей Васильевич
9/ БАРТРАМ, Николай Дмитриевич
10/ ВИППЕР, Борис Робертович
11/ ХУССИД, Михаил Михайлович
12/ ВИКЕНТЬЕВ, Владимир Михайлович
13/ СЕРГЕЕВ, Михаил Сергеевич
14/ ЩЕКОТОВ, Николай Михайлович

Список членов избирательного собрания РАИМК, июль 1919 г.
(РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 1. Л. 130)



IV. ДЕЛЕГАТЫ:

а/ Российской Академии Наук:

1/ ШАХМАТОВ, Алексей Александрович
2/ КОНОВАЛОВ, Павел Константинович

б/ Первого Петроградского Университета:

3/ АЛЕКСЕЕВ, Василий Михайлович
4/ ЛАРОСАВИЙ, Лев Платонович

5/ б/Третьего Петроградского Университета

5/ ГРЕВС, Иван Михайлович

г/ Московского Университета

6/ ГОТЬЕ, Юрий Владимирович
7/ ЯКОВЛЕВ, Александр Иванович

д/ Русского Археологического Общества:

8/ КРАЧКОВСКИЙ, Игнатий Юлианович
9/ ПОЛИВКТОВ, Михаил Александрович
10/ СУВОРОВ, Александр Александрович
11/ ТОЛСТОЙ, Иван Иванович

е/ Московского Археологического Общества:

12/
13/
14/
15/

ж/ Петроградского Археологического Института:

16/ ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ, Александр Евгеньевич

з/ Общества антропологии, этнографии и естествознания:

17/ НИКОЛЬСКИЙ, Николай Константинович
18/ ЮШКОВСКИЙ, Юлий Михайлович

и/ Комитет для изучения Средне-Восточной Азии:

19/ КОТВИЧ, Владислав Людвигович

V. МУЗЕЙНЫЕ ДЕЯТЕЛИ ПЕТРОГРАДА И МОСКВЫ

1/ ЗОЛОТАРЕВ, Павел Алексеевич
2/ ЯРЕМИЧ, Степан Петрович
3/
4/

Архив ИИМК
Фонд № 2, 1919
Арх. №: 4 лист 7

Список членов избирательного собрания РАИМК, июль 1919 г.
(РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 1. Л. 130 об.)

предложены Н.Я. Марру «московскими деятелями», очевидно, из коллегии Наркомпроса, а также А.Н. Бенуа, В.В. Богданова, Д.Н. Егорова и М.Н. Покровского, заместителя наркома. Последняя «четверка» была предложена лично Н.Я. Марром и утверждена Правлением РГАК, поскольку в окончательный список избранных 1 июля должны были войти еще три лица «по указанию Москвы», однако такого указания «не последовало». Способ «выдвижения кандидатур» новых членов вызвал на заседании дискуссию, а С.С. Лукьянов при голосовании воздержался, «не считая выставленные кандидатуры для себя вполне выясненными» (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 3. Л. 23 об. — 24; РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 1. Л. 39). Все эти действия были предприняты для формирования «правильного состава» избирательного собрания.

На заседании Совета 15 июля, уже под председательством Н.Я. Марра, прошли первые выборы в Академию и переизбрание членов бывшей Комиссии, хотя формального утверждения положения об Академии так и не произошло. Ряд членов Совета бывшей Комиссии, прежде всего москвичи, уведомили о невозможности прибыть на заседание. Так, И.Э. Грабарь прислал телеграмму, где сообщалось, что поездку в Петроград ему запрещают врачи (РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 1. Л. 46). Впрочем, это не помешало ему принять участие в собрании под давлением советских чиновников.

Было утверждено основное деление будущей Академии на отделения, тогда как отделы, секции и постоянные комиссии могли иметь лишь временный характер. При голосовании по отделениям в члены Академии были избраны 12 человек: А.А. Миллер, А.А. Спицын, В.В. Латышев, С.С. Лукьянов, В.К. Шилейко, Н.Я. Марр, Б.В. Фармаковский, С.Ф. Ольденбург, Н.П. Сычев, А.П. Удаленков, П.П. Покрышкин и К.К. Романов. Следующие члены Академии должны были быть избраны 5 августа.

Реформа Комиссии совершалась постепенно. Медленно определялась и структура будущей Академии. В составе отделений намечались разряды, комиссии и подкомиссии. Так, в Академии предполагалось образовать 3 отделения — этнологическое, археологическое и художественно-историческое (Там же. Л. 97). По ходу этого процесса вспыхивали споры, некоторые из которых представляют для историка немалый интерес. Таков был, к примеру, спор между заведующим I отделением А.А. Миллером и ученым секретарем РАИМК И.А. Орбели о пределах компетенции отделения этнологии.

Точка зрения А.А. Миллера заключалась в том, что этнология не должна трактоваться «в замкнутых формах науки о расах и их отличиях физических и культурных». Сам он видел необходимость распространить метод исследования, выработанный палеоэтнологами на материалах эпохи камня, далеко за пределы этой области. Специфика изучения более поздних эпох — появление этнической терминологии и абсолютных дат — по его словам, нисколько не могла «послужить основанием утверждению, что эти древности должны быть исследуемы совершенно иным методом». Их изучение, независимо от датировки, следовало бы производить как изучение «вещественных памятников этнологии, то есть во всей совокупности культурно-исторических фактов, принимая во внимание данные сравнительной этнографии, антропологии и т. д. Лишь в такой постановке можно обеспечить для этой категории древностей правильный подход, и этим дело

подвинуть далее той формы изучения, которую можно назвать лишь описательной». Введение именно в отделение этнологии разрядов «древностей» (с последующим подразделением их по географическому признаку) А.А. Миллер считал «крайне желательным и диктуемым назревшей потребностью изменить весь метод их исследования» (РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 4. Л. 35–37).

Заведующему I отделением возражал И.А. Орбели, традиционно относивший к понятию «этнология» этническую антропологию, сравнительную этнографию и первобытную археологию. Разряды «древностей», по его мнению, должны были числиться в составе отделения археологического. Несогласованность позиций в данном вопросе привела к тому, что упомянутые разряды несколько раз меняли свое место в структуре РАИМК.

Стремление поставить изучение археологических памятников на твердый фундамент точных методов проявилось в создании в составе Академии Института археологической технологии (первоначальное название — Институт экспериментальной археологии), о котором речь шла на заседании Совета 15 июля (РО. Ф. 1. Оп. 1-1919 г. Д. 3. Л. 26). В нем должны были изучаться «с естественнонаучной точки зрения все вопросы, возникающие в недрах Академии, но не разрешимые при условии применения одних лишь филологических, археологических и историко-художественных методов» (РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 4. Л. 39). В Институте археологической технологии были основаны отделения — химико-технологическое и художественно-реставрационное. Шла организация групп по исследованию технологии керамики, стекла, фаянсов, эмалей, строительных материалов, ювелирного дела и т. д.

Оценивая проект Академии, воплощенный в жизнь в 1919 г., и целый ряд сопутствующих ему замыслов, нельзя не вспомнить слова А.С. Лаппо-Данилевского: «Всякая деятельность измеряется не только результатом, но и задачами» (ср.: Пресняков 1922: 90). Однако и значение результатов, достигнутых учеными уже на рубеже 1919–1920 гг., было налицо. В России был создан крупный научный центр, стремившийся объединить на базе общего методологического подхода все важнейшие направления археологического и историко-культурного исследования. Наряду с традиционной археологической тематикой важное место стало занимать технологическое изучение древних материалов, которое в свою очередь ввело в оборот понятие эксперимента в археологии. Заметную роль в жизни Академии с самого начала стали играть палеоэтнологи — в первую очередь ученики и последователи Ф.К. Вовка. Таким образом, на практике удалось преодолеть традиционную оторванность первобытной археологии от исследования более поздних эпох. Палеоэтнологи привнесли с собой в Академию общую установку на обязательное изучение живой культуры при отработке методологии изучения древних памятников. Значение этой установки для археологической науки 1920-х гг. в СССР трудно переоценить.

Преобразование Археологической комиссии в Академию истории материальной культуры приближалось к своему финалу. Избирательное собрание, куда упомянутые в инструкции ученые учреждения отправили своих делегатов, приступило к работе 5 августа. Впрочем, понадобилась активная переписка с руководителем Главмузея Н.И. Троцкой, дабы московские избиратели приехали на заседание. Н.Я. Марр писал, что

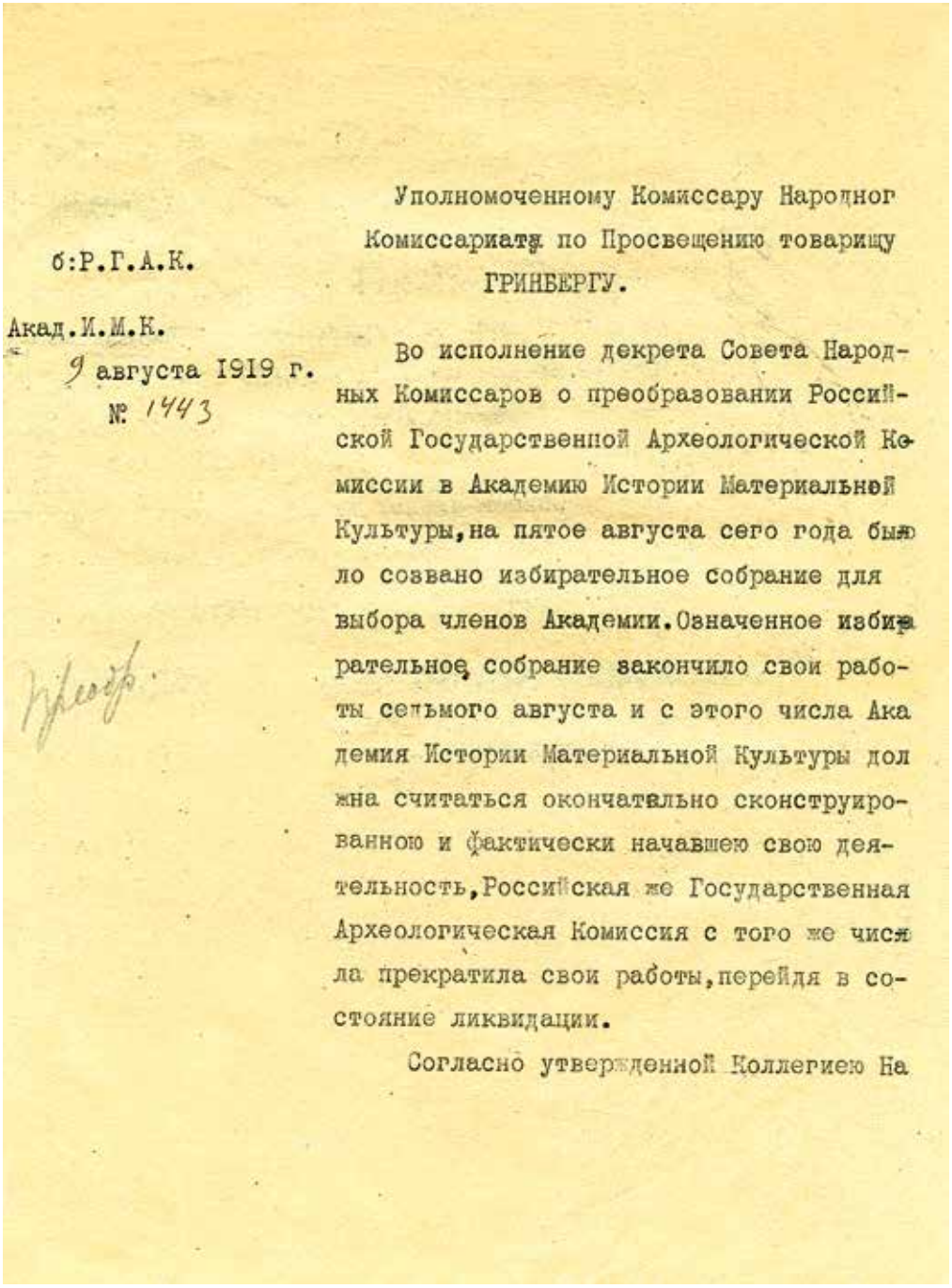
156

СПИСОК

членов Академии Истории Материальной Культуры.

	Отделения	Отдела	Секции	Примечания:
1. Айналов, Дмитрий Власьевич	III	I	2	вне города
2. Анучин, Дмитрий Николаевич	I	I	2	в Москве
3. Бакланов, Николай Борисович	III	I	2	в Москве
4. Бартольд, Василий Владимирович	I	3	3	
5. Бенуа, Александр Николаевич	III	I	4	
6. Богданов, Владимир Владимирович	I	I	2	в Москве
7. Васильев, Александр Александрович	II	I	4	
8. Грабарь, Игорь Эммануилович	III	2	3	в Москве
9. Елисеев, Сергей Григорьевич	III	I	6	
10. Кобелев, Сергей Александрович	II	I	2	
11. Кондаков, Никодим Павлович	III	I	5	вне города
12. Латышев, Василий Васильевич	II	I	2	
13. Лукьянов, Сергей Сергеевич	II	I	3	
14. Мальмберг, Василий Константинович	III	3	I	в Москве
15. Марр, Николай Яковлевич	II	2	2	
16. Миллер, Александр Александрович	I	I	I	
17. Муратов, Павел Павлович	III	I	4	в Москве
18. Ольденбург, Сергей Федорович	II	3	2	
19. Орбели, Иосиф Абгарович	II	2	4	
20. Покрышкин, Петр Петрович	III	3	3	
21. Романов, Константин Константинович	III	3	4	
22. Спицын, Александр Андреевич	I	2	2	
23. Сычев, Николай Петрович	III	2	I	
24. Тураев, Борис Александрович	II	I	I	
25. Удальцов, Александр Петрович	III	3	2	вне города
26. Фармаковский, Борис Владимирович	III	I	I	
27. Шилейко, Вольдемар Казимирович	II	2	I	
28. Шмит, Федор Иванович	III	3	2	вне города.

Список избранных членов РАИМК, 7 августа 1919 г.
(РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 1. Л. 156)



Уполномоченному Комиссару Народног
Комиссариата по Просвещению товарищу
ГРИНБЕРГУ.

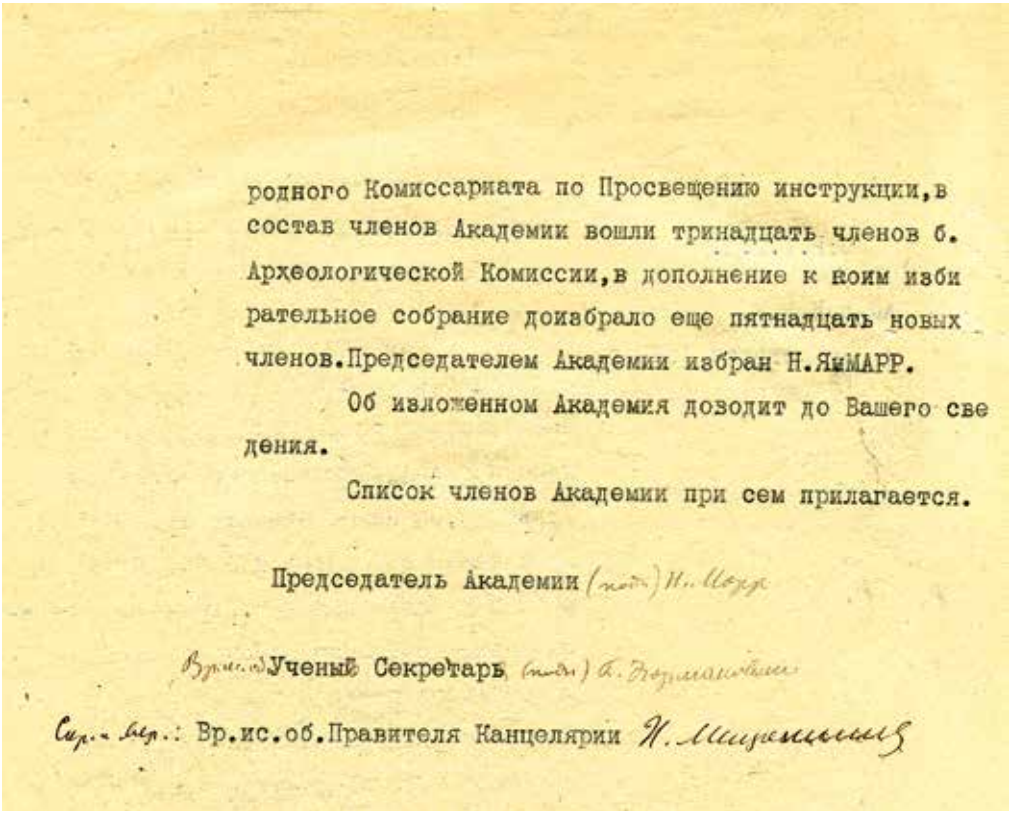
б:Р.Г.А.К.

Акад.И.М.К.
9 августа 1919 г.
№ 1443

Во исполнение декрета Совета Народных Комиссаров о преобразовании Российской Государственной Археологической Комиссии в Академию Истории Материальной Культуры, на пятое августа сего года было созвано избирательное собрание для выбора членов Академии. Означенное избирательное собрание закончило свои работы седьмого августа и с этого числа Академия Истории Материальной Культуры должна считаться окончательно сконструированною и фактически начавшею свою деятельность, Российская же Государственная Археологическая Комиссия с того же числа прекратила свои работы, перейдя в состояние ликвидации.

Согласно утвержденной Коллегией На

Письмо Н.Я. Марра заместителю наркома просвещения Союза коммун Северной области З.Г. Гринбергу о ликвидации РГАК и начале деятельности РАИМК, 9 августа 1919 г. (РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 1. Л. 63)



родного Комиссариата по Просвещению инструкции, в состав членов Академии вошли тринадцать членов б. Археологической Комиссии, в дополнение к коим избирательное собрание доизбрало еще пятнадцать новых членов. Председателем Академии избран Н. Я. МАРР.

Об изложенном Академия доводит до Вашего сведения.

Список членов Академии при сем прилагается.

Председатель Академии (подп.) Н. Марр

Врио Ученый Секретарь (подп.) А. Фортунатов

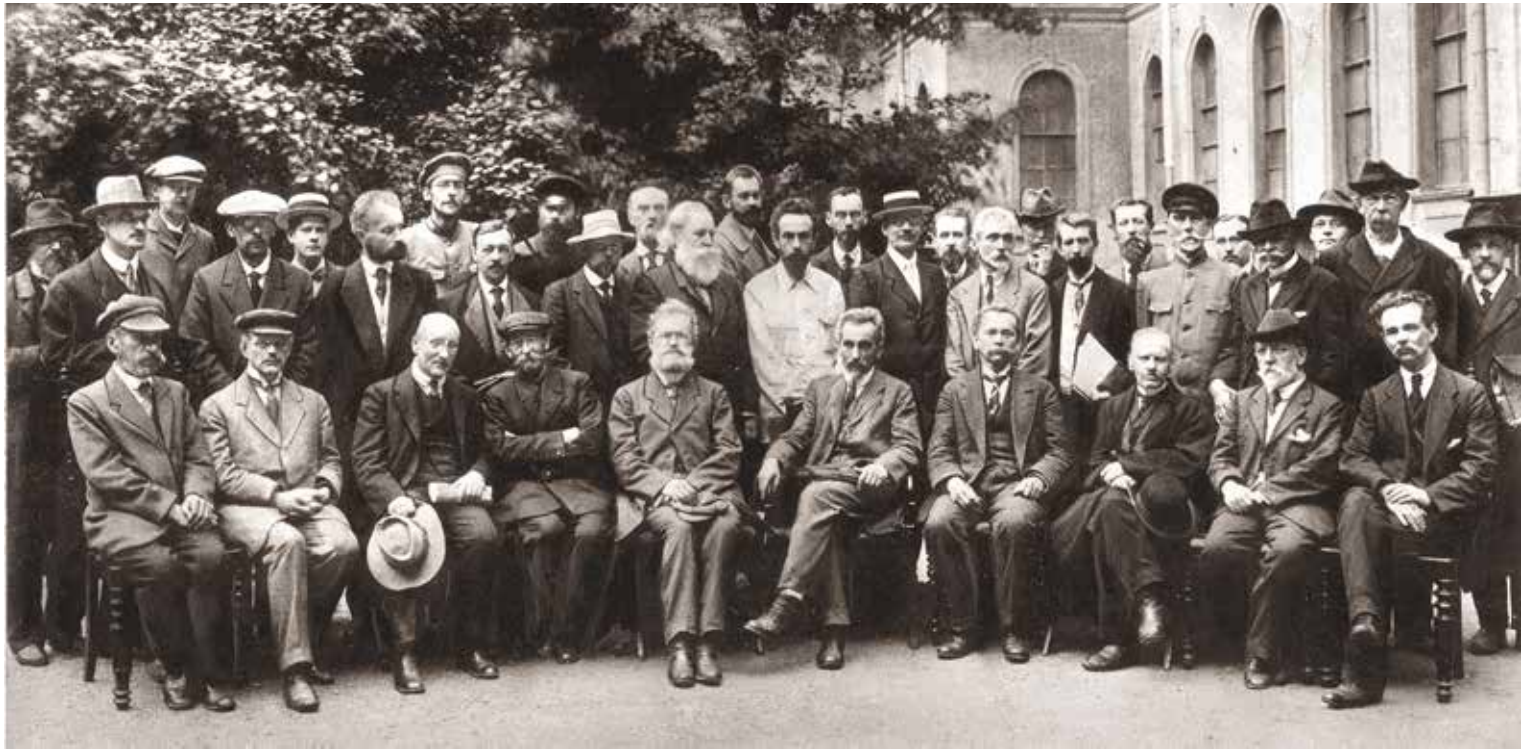
Сир.-лер.: Вр.ис.об.Правителя Канцелярии И. Мирошников

Письмо Н.Я. Марра заместителю наркома просвещения Союза коммун Северной области З.Г. Гринбергу о ликвидации РГАК и начале деятельности РАИМК, 9 августа 1919 г. (РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 1. Л. 63 об.)

он уверен, что ею «сделано все, чтобы московские члены избирательной сессии своевременно прибыли» (РО. Ф. 2. Оп. 1-1919 г. Д. 1. Л. 60, 71).

В итоге собрание избрало не 14, как предполагалось, а 16 членов новой Академии. В нее вошли Д.В. Айналов, Д.Н. Анучин, Н.Б. Бакланов, В.В. Бартольд, А.Н. Бенуа, В.В. Богданов, А.А. Васильев, И.Э. Грабарь, С.Г. Елисеев, С.А. Жебелев, Н.П. Кондаков, В.К. Мальмберг, П.И. Муратов, И.А. Орбели, Б.А. Тураев и Ф.И. Шмит. Еще 16 июля Н.Я. Марр писал Г.С. Ятманову, что общее количество членов Академии «определяется в 27», по отделениям уже избрано 13 (на самом деле 12) и свободных вакансий имеется 14 (Там же. Л. 45)

9 августа Н.Я. Марр отправил заместителю наркома просвещения Союза коммун Северной области Захару Григорьевичу Гринбергу (1889–1949) письмо, где сообщал о прекращении существования Археологической комиссии и начале деятельности Академии истории материальной культуры. Избирательное собрание для выборов членов Академии, созванное 5 августа, закончило 7 августа все свои труды, и с этого числа «Академия истории материальной культуры должна считаться окончательно сконструированною и фактически начавшей свою



Общая фотография членов РАИМК и участников избирательного совещания в саду Старого Эрмитажа, 7 августа 1919 г. (ФО. Нег. II 99124). Сидят (слева направо): В.В. Бартольд (РАИМК, I ПУ), Б.В. Фармаковский (РАИМК), И.Э. Грабарь (РАИМК, Главмузей), С.Ф. Ольденбург (РАИМК), В.В. Латышев (РАИМК), Н.Я. Марр (РАИМК), А.А. Васильев (РАИМК), А.А. Шахматов (АН), В.К. Мальмберг (РАИМК), Н.П. Сычев (РАИМК). Стоят (слева направо): П.К. Симони, М.В. Фармаковский (член Совета РГАК), А.С. Раевский (заведующий библиотекой РГАК), А.А. Миллер (РАИМК, Русский музей), С.С. Лукьянов (РАИМК), К.К. Романов (РАИМК), В.К. Шилейко (РАИМК), И.И. Толстой (РАО), П.П. Покрышкин (РАИМК), Д.А. Золотарев (РЭМ), Б.А. Тураев (РАИМК, I ПУ), Н.П. Лихачев, Н.Б. Бакланов (РАИМК), И.А. Орбели (РАИМК), А.М. Эфрос, Ю.М. Шокальский (ОЛЕАЭ), И.Ю. Крачковский (РАО), В.В. Богданов (РАИМК), С.П. Яремич (Эрмитаж), Б.Ф. Адлер (ОЛИАЭ), С.Н. Тройницкий (член Совета РГАК), В.А. Щавинский, И.И. Мещанинов, А.А. Ильин (член Совета РГАК), С.Г. Елисеев (РАИМК), А.К. Марков (Эрмитаж), В.К. Никольский (ОЛЕАЭ)

деятельность, Российская же государственная археологическая комиссия с того же числа прекратила свои работы, перейдя в состояние ликвидации» (Там же. Л. 63 — 63 об.). Такие же письма были отправлены в Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Москве и в Коллегию по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Петрограде.

В результате в состав Академии вошли 13 членов бывшей Археологической комиссии, тогда как еще 15 были избраны вновь. Этот исторический момент завершения работы избирательного собрания и существования Археологической комиссии 7 августа оказался увековечен. Фотограф И.Ф. Чистяков, понимая исключительную значимость события, запечатлел группу участников собрания в саду Старого Эрмитажа, где последнее время размещалась РГАК и где происходило само собрание. И.Ф. Чистяков сделал стеклянный диапозитив размером 24×30 см, видимо, использовав для съемки аппарат, с которым он не расставался со времени экспедиции Н.И. Веселовского в Самарканд в 1895 г. Изначально снимок не был «расшифрован». Много позже, в 1960-е гг., научную атрибуцию фотографии сделал Михаил Петрович Грязнов (1902–1984), в то время — заведующий сектором ЛОИА АН СССР, который начал трудиться в РАИМК еще в 1922 г.

На фотографии нет некоторых выборщиков: П.К. Коковцева (Российская академия наук), Л.П. Карсавина (I Петроградский университет), И.М. Гревса (III Петроградский университет), Ю.В. Готье и А.А. Яковлева (оба — Московский университет), А.Е. Преснякова (Петроградский археологический институт), М.А. Полиевктова и А.А. Сиверса (оба — Русское археологическое общество). Очевидно, они не смогли прибыть на заседание. Некоторые приглашенные к избранию организации так и не откликнулись на приглашение — например, Московское археологическое общество.

Нет на фотографии 9 членов только избранной Академии — Д.В. Айналова, Д.Н. Анучина, А.Н. Бенуа, С.А. Жебелева, Н.П. Кондакова, П.П. Муратова, А.А. Спицына, А.П. Удаленкова и Ф.И. Шмита, которые по разным причинам не принимали участия в работе избирательного собрания. Остальные 19 членов новой Академии истории материальной культуры и 18 членов избирательного собрания этой Академии остались на диапозитиве фотографа Императорской археологической комиссии (Длужневская 2003b: 236–244).

С момента, запечатленного на фотографии, закончилась история Археологической комиссии, сначала императорской, а затем российской и государственной, и началась история ее академических преемников: Российской академии истории материальной культуры — Государственной академии истории материальной культуры — Института истории материальной культуры АН СССР — Института археологии АН СССР и ныне двух самостоятельных институтов — Института археологии и Института истории материальной культуры РАН.

А.Е. Мусин, Н.И. Платонова

Summary

THE IMPERIAL ARCHAEOLOGICAL COMMISSION (1859–1917) — THE FIRST STATE INSTITUTION OF RUSSIAN ARCHAEOLOGY

In the mid-19th century, Emperor Alexander II was carrying out large-scale liberal reforms. In the course of these reforms, a problem was put forward about public preservation of historical monuments and archaeological sites as national cultural heritage. A step to this direction was undertaken in 1859 when the Imperial Archaeological Commission (IAC) was organized in Saint-Petersburg. Over the second half of the 19th and beginning of the 20th century, the Commission remained the single State body concerned with archaeology and protection of sites and monuments on the territory of Russian Empire. In its activities, this Institution combined scientific-research, organizational, monitoring and controlling functions. In the present monograph mainly created by the collective of the Institute for the History of Material Science, Russian Academy of Sciences, the history of the first archaeological institution in Russia is systematically presented and analysis of its activities proposed for the first time.

The organization of IAC was preceded by a long process of formation of the interest of the Russian society to the archaeology. The immediate precursor of IAC was the "Office of Archaeological Researches" founded in 1841 by the Minister for Home Affairs Lev Perovsky (1796–1856). The activities of the Office were concerned with investigations of archaeological sites of Kerch and Bosporos, Chersonesos, kurgans in the surroundings of Vladimir and Suzdal and settlements of the Golden Horde on the Volga River. During this period, the main principles which afterwards lay in the foundation of IAC were established.

After the death of Lev Perovsky, the investigations were entrusted to Count Sergey Stroganov (1794–1882). The result of this appointment was that the assistant of Lev Perovsky and his nephew Count Alexey Uvarov (1824–1884), who planned to stand himself at the head of Russian archaeology, left Saint-Petersburg and moved to Moscow where in 1864 he founded the Moscow Archaeological Society in opposition to the Imperial Archaeological Commission. The confrontation between two Institutions however became actually a stimulus for the progressive advancement of the science and protection of monuments of antiquity.

In 1857, Sergey Stroganov proposed to organize the "Main Archaeological Commission". That project became the basis of IAC, the statute of which was approved on February 2, 1859, by Emperor Alexander II. That statute secured for the Commission the right to conduct "earthen excavations", monitoring of the

discoveries of hoards and archaeological objects in Russia and supervision over building activity at archaeological sites. The principles underlying the foundation of IAC were partly oriented to France and its "Commission des Monuments Historiques" (1837). The experience of the activities of IAC was used in organizing archaeological institutions in some European countries (Austria, Italy).

The activity of IAC may be subdivided through three periods connected with its chairmen: 1859–1882 when Sergey Stroganov was the chairmen of IAC, 1882–1886 when it was headed by the Director of the Imperial Hermitage Museum Alexander Vasil'chikov (1832–1890), and 1886–1918 when the Commission was directed by Count Alexey Bobrinskoy (1852–1927). Originally, the staff of the Commission consisted of eight persons. In the activity of the Commission, such famous historians and archaeologists took part as Ivan Zabelin (1859–1876), Vladimir Tiesenhausen (1825–1902) and Nikodim Kondakov (1876–1891). Initially, the Commission was housed in the palace of Stroganov in Nevsky Prospect in Saint-Petersburg.

The activities of the Commission have established the system of regulation of archaeological researches in Russia, which with several alterations existed until the beginning of the 21st century. This system was based on the "Otkryty list" (laissez-passer) as individual authorizations for researchers to conduct excavations with the indispensable submission of a report to the archives of the Commission. This practice has initiated the creation of the unique corpus of sources for the archaeology, architectural monuments and sites of different nations and modern states of East-Central Europe and Asia.

The main activity of the Commission in 1859–1886 included excavations of sites of the Scythian culture and Classical Greek antiquities on the Taman Peninsula, in the Crimea (Kerch, Bosporos) and on some other territories, now in Ukraine. Nevertheless, the widespread opinion that the Commission studied exclusively the Classical and Scythian antiquities is incorrect: already then the first investigations in Siberia, Central Asia were conducted as well as studies of sites of the Bronze and Stone ages in Northern Russia. The finds came predominantly to the collections of the Imperial Hermitage Museum in Saint-Petersburg and Historical Museum in Moscow.

Another important responsibility of the Commission was the acquisition of monetary hoards and treasures of historical objects found on the territory of Russian Empire. The first investigator of hoards was a curator of the Hermitage collections Julian Iversen (1859–1900). Simultaneously, the Commission consulted the restoration and conservation activities of the Ministry of Home Affairs, primarily for the monuments of the defensive architecture and church buildings. For that purpose, the staff of the Commission included a representative of the Academy of Arts Feodor Solntsev (1859–1892). Protection of the monuments of archaeology also was an important task of the Commission. In 1866, Sergey Stroganov achieved the prohibition of treasure-hunting in Russia. The Commission, as the central state institution, actively collaborated with provincial Statistic Committees and Archive Commissions in the field of studies and protection of local monuments and sites.

During the chairmanship of Alexander Vasil'chikov, the reforms of the Commission's activities were prepared. These reforms took place already under Count

Alexey Bobrinskoy. In 1886–1887, an interdisciplinary program for studies of Slavic-Russian archaeology, the eastern Black-Sea region, Siberia etc. was developed. During that period, the Commission was moved to an office in the Winter Palace in Saint-Petersburg. On March 11, 1889, Emperor Alexander III approved by his decree the exclusive right of the Commission to conduct archaeological excavations and to license their execution on state and public lands. Simultaneously, the Commission, together with the Academy of Arts, was charged with supervision over restoration and protection of objects of art and architectural monuments.

In 1890, the "Regulations for the Archaeological Commission and Academy of Arts on the order of consideration of petitions about restoration of historical monuments" were approved. Beginning with 1894, special sessions of IAC began to consider projects of restorations an conservations. The main specialists of IAC in the branch of restoration were Petr Pokryshkin (1870–1922), Konstantin Romanov (1882–1942) and Dmitry Mileev (1878–1914). The Commission got also Vladimir Suslov (1857–1921), Nikolay Sultanov (1850–1908), Ieronim Kitner (1839–1929) and Georgy Kotov (1859–1942) to take part in the architectural restorations. These activities resulted in establishment of standards of modern scientific restoration, using primarily the archaeological approach, which are efficacious even in the 21st century. Among the most successful restoration projects of IAC, noteworthy are the Church of the Transfiguration of the Saviour on the Nereditsa hill near Novgorod, Church of the Transfiguration of the Saviour at Berestovo in Kyiv, the Saint Boris and Gleb church at Kolozha in Grodno, the Saint George church in Yuryev-Polskoy, Cathedral of the Dormition of Mother of God in the Moscow Kremlin, Ipatyevsky Monastery in Kostroma, Ferapontov Monastery in Vologda region, Bakhchisarai Palace in Crimea, Smolensk and Pskov city walls etc.

Among the most important problems of IAC in the restoration issues were its relations with the Russian Orthodox Church. As early as 1893, the Ober-Procurator of the Holy Synod Konstantin Pobedonostsev (1827–1907) confirmed that restoration of churches must be conducted with permission of the Commission, however in practice many churches were disfigured by illiterately made repairs. Part of the difficulties proceeded from contradictions in Russian law. Notwithstanding the fact that the Commission had succeeded in developing an algorithm of its relations with the clergy, during the World War I, under the conditions of the general crisis of the Russian State and society, the Synod attempted to withdraw religious monuments from the public control.

The new objectives and expansion of the geography of researches of IAC demanded a new staff of the Commission. That approval was received in 1888 and 1902. The membership of the Commission included Alexander Spitsyn (1858–1931), Nikolay Veselovsky (1848–1918), Vasily Latyshev (1855–1921), Boris Farmakovsky (1870–1928) and others.

Alexey Bobrinskoy actively used his right of appointment of corresponding members and honorary members of the Commission. Among the corresponding members appointed in 1886–1917 were Vladimir Stasov (1824–1906), Vasily Radlov (1837–1918), Dmitry Samokvasov (1843–1911), Innokenty Lopatin (1839–1909), Alexander Bertier-Delagard (1842–1920), Alexander Lappo-Danilevsky (1863–1919), Yulian Kulakovsky (1855–1919), Nikolay Pantusov (1849–1909),

Valentin Zhukovsky (1858–1919), Vladimir Malmberg (1860–1921), Sergey Zhebelev (1867–1941), Emil Roesler (?–?), Alexey Markov (1858–1920), Nikolay Marr (1864–1934), Mstislav Farmakovsky (1873–1946), Alexander Malein (1869–1938) and others. There was yet another category of assistants of the Commission — supernumerary members. They included Nikolay Pokrovsky (1848–1917) — an expert on Christian archaeology and Orthodox art, Vladimir Antonovich (1834–1908), Bohdan Khanenko (1849–1917), Ernst von Stern (1859–1924), Mikhail Rostovtsev (1870–1952), Alexey Shirinsky-Shikhmatov (1862–1930), Feodor Braun (1862–1942), Nikolay Bulychev (1852–1919) et al.

In 1909, the 50th anniversary of the Commission and 25th anniversary of the activities of its chairman Alexey Bobrinskoy became something like summing up of the results of the works of IAC. The special role of the Commission is noteworthy regarding the studies of Scythian and Greek and Roman antiquities. The commission excavated about fifty 'Royal' kurgans containing rich Scythian burials from which the artistic gold objects are housed now in the Special Treasury of the State Hermitage Museum in Saint-Petersburg. Studies of Bosporan sites were continued: the Commission was in charge of the Kerch Museum of Antiquities which directed the archaeological excavations in this region. The museum was headed by Alexander Lyutsenko (1807–1884), Stepan Verebryusov (1819–1884), Fedor Gross (1822–1897), Karl Dumberg (1862–1931) and Vladislav Shkorpil (1853–1918). Funerary catacombs, important Classical, Jewish and Christian antiquities were here discovered.

Since 1888, according to an order of Emperor Alexander III, IAC was entrusted with the direction of researches in the area of the Tauric Chersonesos and its surroundings. Karol Kościuszko-Waluszyński (1847–1907) was appointed the head of the excavations in Chersonesos. During the later years, the excavations were directed by Robert Loeper (1865–1918) and Leonid Moiseev (1882–1946). Under the direction of the Archaeological Commission, living blocks, buildings and necropolis dated to the Classical, Hellenistic, Roman and Byzantine periods had been discovered and investigated, as well as several dozens of Christian churches and basilicas. In 1902, the systematic excavations of Olbia began under the direction of Boris Farmakovsky, and in 1904 – the archaeological researches of Berezan Island began under the direction of Ernst von Stern. An expansive project came to be that of excavations in 1908–1914 of one of the first medieval stone church of Eastern Europe — the Church of the Tithe in Kyiv conducted under the direction of Dmitry Mileev. During the period of 1890–1914, the Commission was financing altogether up to twenty expeditions annually throughout more than fifteen provinces and regions of Russian Empire. It must be noted however that the level of understanding of archaeological evidence gained remained behind its accumulation.

In the field of the archaeology of the Stone Age, the studies of the Commission revealed several important Neolithic sites of Eastern Europe. In 1905, Alexander Spitsyn discovered a Paleolithic site at Borshevo, Voronezh region. The same researcher also wrote in 1915 a synthetic and generalizing work on the Russian Paleolithic where he had summarized the results of archaeology of the Early Stone Age in Eastern Europe and comprehensively characterized the sites of Caucasus and Siberia. Nevertheless, it must be

noted here that the major researches on the Stone Age were carried out the sphere of activities of the Commission.

During investigations of archaeological sites of Siberia separated by thousands kilometers from the scientific centers of European Russia, the Commission maintained close relations with local archaeologists and ethnologists directing their efforts and licensing their excavations. At the funds and on the instructions of the Commission, the archaeological sites of Siberia were studied since the 1860s by Vasily Radlov (1837–1918), Dmitry Klements (1848–1914), Alexander Adrianov (1854–1920) and other scholars.

Members of the Commission participated personally in investigations of antiquities of the Caucasus and Ciscaucasia. In 1887, Dmitriy Bakradze (1826–1890) proposed a program of archaeological exploration of the area of Sukhumi, and in 1889 IAC carried out description and photographing of objects of Georgian Christian art from sacristies of churches and monasteries in Georgia. Since 1892, Nikolay Marr conducted longstanding investigations of the ancient Armenian capital Ani, medieval towns, fortresses and churches (Dvin, Akhtamar). Simultaneously, the explorations of sites of the Bronze and Middle Ages (dolmens, the Maikop kurgan and the Koban culture) were carried out through the efforts of Nikolay Veselovsky and Emil Roesler.

The initiative of studies of architectural and archaeological monuments in Central Asia also mainly belongs to IAC. In 1900s–1915, IAC just kept under control the works in this region, gathered and distributed local collections and stray finds through museums. Photographing of architectural, ethnographic and historical monuments was conducted. The first archaeological excavations are connected with the names of Nikolay Pantusov who investigated in 1860s–1890s Christian Nestorian cemeteries near the Syr-Darya River, and Nikolay Veselovsky who continued archaeological and architectural researches since 1884 until the beginning of the 20th century. In 1890 and 1896, Valentin Zhukovsky observed several archaeological sites.

In the 1880s, Alexey Bobrinskoy and Vladimir Antonovich developed a program of interdisciplinary research in the field Slavic and medieval archaeology on the territory of Ukraine. Excavations of kurgans were started in the Dnieper River region, Bielorus' and Novgorod region. At Gnezdovo near Smolensk, the Commission organized in 1890s-1900s excavations of kurgans and the settlement which initiated researches in the Viking Age in Eastern Europe. The systematization of mediaeval Slavic archaeology was proposed by Alexander Spitsyn. Of note is the IAC's contribution to studies of mediaeval archaeological sites of Eastern Europe. These included the Malaya Pereshchepina hoard found in 1912 — the supposed funerary complex of Khan Kubrat, excavations of the settlement of Mayatskoe conducted by Nikolay Makarenko (1877–1938) in 1908–1909, sites of Ugro-Finnish and Baltic tribes — Lyadinsky and Lyutsinsky necropolis investigated in 1889–1891 by Evdokim Romanov (1855–1922), Vladimir Sizov (1840–1904), Vladimir Yastrebov (1855–1899) et al. The archaeology of the region of Perm of the 8th-9th centuries and sites of the Vyatka region also were included in the sphere of interests of IAC, inter alia due to the fact that a very rich collection of local archaeological materials belonged to Sergey Stroganov. Alexander Spitsyn proposed the first archaeological periodization of the Perm and Kama regions

local history and distinguished a number of local archaeological cultures.

By 1917, the Commission was a serious academic institution both in the branch of architectural and archaeological researches. It became the organizing centre of Russian archaeology actively collaborating with public structures and planning new directions of researches. It is exactly inside the academic community rather than at the communistic authority after the October 1917 that the idea sprang up to transform the Commission into the "Academy of Archaeological Sciences" in order to focus efforts of its members exclusively onto the scientific sphere.

In October of 1918, Anatoly Lunacharsky (1875–1933) approves the new regulations of the Russian State Archaeological Commission. Nikolay Marr became its chairman whereas Alexey Bobrinskoy had to emigrate. On April 19, 1919, the decree on the foundation of the Russian Academy for the History of Material Culture was signed by the chairman of the Bolsheviks government Vladimir Ulyanov. In the early August, elections to the new Academy took place. The Academy was housed in the Marble Palace in Petrograd. We should regard August 7, 1919, as the first day of the Academy for the History of Material Culture and the last day of the history of the Archaeological Commission.

On the basis of the Imperial Archaeological Commission and Academy for the History of Material Culture the modern archaeological institutions of Russia have emerged. The practices established by the Commission were put into the foundation of the present-day regulation of archaeological researches and the system of protection of archaeological sites. The experience of the Commission undoubtedly indicates that the protection of the cultural heritage may be effective only in the case where it is carried out within an academic system. The protection and restoration of historical monuments must be subdued to scientific goals and architectural researches. The role of IAC manifested in the establishing national archaeological and site protection systems of the European and Asiatic countries which once constituted the Russian Empire. The editorial activities of IAC have been reflected in 65 titles of periodicals and non-periodicals: Reports of IAC, Proceedings of IAC, and Materials on the Archaeology of Russia etc. Nikodim Kondakov's publication "Russian Hoards" (1896) and Yakov Smirnov's "Oriental Silver" (1909) are special contributions to the Art history. The materials of IAC kept in the Manuscript and Photographic departments of Scientific archives of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg (9,030 files and over 100,000 photographic imprints and negatives) conceal unique possibilities for future scientific discoveries and constitute an invaluable contribution of the Commission to studies and preservation of archaeological and cultural heritage of the World.

Translated by Alexey Gilevich

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ ИА НАНУ — Архитектурно-археологическая экспедиция Института археологии Национальной академии наук Украины. Киев

АВ — Археологические вести. Санкт-Петербург

АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук. Санкт-Петербург

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Москва

АГСП — Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955

АЕ — Археографический ежегодник. Москва

АИЗ — Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским московским археологическим обществом. Москва

АЛЛУ — Археологічний літопис Лівобережної Україны. Полтава

АЛЮР — Археологическая летопись юга России. Киев

АН — Академия наук

АН УССР — Академия наук Украинской Советской Социалистической Республики

АО — Археологические открытия. Москва

АП — Археологічні пам'ятки Української Радянської Соціалістичної Республіки. Київ

АС — Археологический съезд

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград

БАН — Библиотека Академии наук. Санкт-Петербург

БИ — Боспорские исследования. Симферополь; Керчь

ВАИ — Вестник археологии и истории, издаваемый Петербургским археологическим институтом. Санкт-Петербург, Петроград

ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси

ВДИ — Вестник древней истории. Москва

Вестник ВГУ — Вестник Воронежского государственного университета

Вестник ИРГО — Вестник Императорского русского географического общества Санкт-Петербург

Вестник КГУ — Вестник Кемеровского государственного университета

Вестник ТГУ — Вестник Томского государственного университета

ВСОИРГО — Восточно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества. Иркутск

ГААК — Государственный архив Алтайского края. Барнаул

ГАГС — Государственный архив г. Севастополь

ГАПК — Государственный архив Пермского края. Пермь

ГИМ — Государственный исторический музей. Москва

ГКУ ЯО ГАЯО — Государственное казенное учреждение Ярославской области «Государственный архив Ярославской области». Ярославль

ГРМ — Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

ГРАК — см. РГАК

ГЭ — Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург

ДАИС — Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. Екатеринбург

ДБ — Древности Боспора. Москва

ДБК — Древности Боспора Киммерийского. Санкт-Петербург

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург

Журнал ИРВИО — Журнал Императорского русского военно-исторического общества. Санкт-Петербург

Записки ИАН — Записки Императорской академии наук. Санкт-Петербург, Петроград

Записки ИИМК РАН — Записки Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург

Записки ИООИД — Записки Императорского одесского общества истории и древностей. Одесса

Записки ИРАО — Записки Императорского русского археологического общества. Санкт-Петербург

Записки ИРГО — Записки Императорского русского географического общества. Санкт-Петербург

Записки ВОИРАО — Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. Санкт-Петербург

Записки КОИРГО — Записки Кавказского отделения Императорского русского географического Общества. Тифлис

Записки ОАО — Записки Одесского археологического общества

ЗВОИРАО — см. Записки ВОИРАО

ЗООИД — см. Записки ИООИД

ЗКОИРГО — см. Записки КОИРГО

ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Санкт-Петербург

ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук. Москва

ИАК — Императорская археологическая комиссия. Санкт-Петербург, Петроград

ИАН — Императорская академия наук. Санкт-Петербург, Петроград

ИАХ — Императорская академия художеств. Санкт-Петербург, Петроград

Известия ВСОИРГО — Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск

Известия ГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград

Известия ИАК — Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург, Петроград

Известия ИРГО — Известия Императорского русского географического общества. Санкт-Петербург, Петроград

Известия ОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР. Москва

Известия ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук (Академии наук СССР). Санкт-Петербург, Ленинград; Москва

ИИЕТ РАН — Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской Академии наук. Москва

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург

ИМАО — Императорское Московское археологическое общество

ИНУАК — Известия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии

ИОАИЭКУ — Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете

ИООИД — Императорское Одесское общество истории и древностей

ИПБ — Императорская Публичная библиотека. Санкт-Петербург

ИПУАК — Известия Пермской губернской ученой архивной комиссии

ИРАО — Императорское Русское археологическое общество. Санкт-Петербург, Петроград

ИРВИО — Императорское Русское военно-историческое общество. Санкт-Петербург, Петроград

ИРГО — Императорское Русское географическое общество. Санкт-Петербург, Петроград

ИРИМ — Императорский Российский исторический музей. Москва

ИТУАК — Известия Таврической губернской ученой архивной комиссии. Симферополь

КБН — Корпус боспорских надписей / отв. ред. В.В. Струве. М.; Л.: Наука, 1965

КДА — Киевская духовная академия

КОИРГО — Кавказское отделение Императорского русского географического общества. Тифлис

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва

КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской Советской Социалистической республики. Киев

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Ленинград; Москва

КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Москва

ЛГУ — Ленинградский государственный университет. Ленинград

ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР. Ленинград, Санкт-Петербург

МАД — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала

МАИАСК — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Москва

МАИАСП — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Москва

МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь

МАК — Материалы по археологии Кавказа, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. Москва

МАО — см. ИМАО

МАР — Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. Санкт-Петербург, Петроград

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Санкт-Петербург

МВД — Министерство внутренних дел

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград

МИАР — Материалы и исследования по археологии России. Москва: ИА РАН

МИД — Министерство иностранных дел

МНП — Министерство народного просвещения

НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев

НА ИИМК РАН — Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург

НА НЗХТ — Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь

НБУ — Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського. Київ

НИМ РАХ — Научно-исследовательский музей Российской академии художеств. Санкт-Петербург

НИС — Новгородский исторический сборник. Новгород; Ленинград, Санкт-Петербург

НУАК — Нижегородская губернская ученая архивная комиссия

ОИАК — см. Отчет ИАК

ОИРК ГЭ — Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург

ОЛДП — Общество любителей древней письменности. Санкт-Петербург

ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете

ОЛИАЭ — Общество любителей истории, антропологии и этнографии при Казанском университете

ОЛЯ — Отделение литературы и языка АН СССР. Москва

ООИД — см. ИООИД

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Москва

ОР ГТГ — Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Москва

Отчет ИАК — Отчет Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург, Петроград

ПАВ — Петербургский археологический вестник

ПАО — Псковское археологическое общество

ПИАСХ — Проблемы археологии античного и средневекового Херсонеса 1888–1988. Тезисы докладов. Севастополь

ПИФК — Проблемы истории, филологии и культуры. Москва; Магнитогорск

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской Империи: Собрание первое. 1649–1825: в 50 т. / под ред. М. М. Сперанского. СПб.: Типография II Отделения Его Императорского Величества Канцелярии, 1830; Собрание второе. С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года: в 55 т. СПб.: Типография II Отделения Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1885; Собрание третье. С 1 марта 1881 года по 1913 год: в 33 т. СПб.; Пг.: Государственная типография, 1885–1916

ПУ — Петроградский университет

ПУАК — Пермская губернская ученая архивная комиссия

РА — Российская археология. Москва

РАЕ — Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург

РАН — Российская академия наук

РАО — см. ИРАО

РАИК — Русский археологический институт в Константинополе. Стамбул

РАИМК — Российская академия истории материальной культуры. Петроград, Ленинград

РГААЗ — Российская государственная академия археологических знаний

РГАК — Российская государственная археологическая комиссия. Петроград

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Москва

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории. Москва

РГБ — Российская государственная библиотека. Москва

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Москва

РГИА — Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург

РИМ — см. ИРИМ

РКИСВА — Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. Санкт-Петербург

РНБ — Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург

РО НА ИИМК РАН — Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург

РСФСР — Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

РУАК — Рязанская губернская ученая архивная комиссия

РФСР — Российская Федеративная Советская Республика

СА — Советская археология. Ленинград; Москва

САИ — Свод археологических источников. Москва

СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград

СГЭ — Сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург

СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) Российской академии наук. Санкт-Петербург

СПбПУ — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

СПбДА — Санкт-Петербургская духовная академия

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

СЭ — Советская этнография. Москва

ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург

ТОАМ — Труды Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург

ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург

Труды КЧНИИ — Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института сельского хозяйства. Черкесск

Труды ПАО — Труды Псковского археологического общества

Труды ПУАК — Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии

Труды РУАК — Труды Рязанской губернской ученой архивной комиссии

Труды САИПИ — Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово

ТУАК — Таврическая губернская ученая архивная комиссия. Симферополь

УОЛЕ — Уральское общество любителей естествознания. Екатеринбург, Свердловск

Учен. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета

ФО НА ИИМК РАН — Фотографический отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург

ХСб — Херсонесский сборник. Севастополь

ЦГАРФ — Центральный государственный архив Российской Федерации. Москва

ЦИАМ — Центральный исторический архив г. Москвы

ЧИОНЛ — Чтения в историческом обществе преподобного Нестора летописца. Киев

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

BGAEU — Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Berlin

ESA — Eurasia Septentrionalis antiqua. Bulletin et mémoires consacrés à l'archéologie et l'ethnographie de l'Europe Orientale et de l'Asie du Nord. Helsinki

IOSPE, I^2 — *Latyschev B.* Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. I (Ed. 2). Petropoli: Societas Archaeolicae Imperii Russici, 1916

PAU — Polska Akademia Umiejętności. Kraków

RQ — Römische Quartalschrift über die Christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte. Rome

ZfE — Zeitschrift für Ethnologie. Berlin

БИБЛИОГРАФИЯ ИЗДАНИЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ / РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1866–1918. № 1–37

№ 1. Древности Геродотовой Скифии: Сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях. 1866. Вып. 1. [Текст]. [6] с., 28 с., XVI с.: ил.

Атлас. 23 л. ил.

№ 2. То же. 1872. Вып. 2. [Текст]. С. 29–118, XVII–CXXVII с.: ил.

Атлас. 23 л. ил.

№ 3. *Радлов В.В.* Сибирские древности. 1888. Т. 1. Вып. 1. IV с., 40 с., 20 с.: ил.; 6 л. ил., 1 л. карт.

№ 4. Древности Северо-Западного края. Т. 1. Вып. 1.

Авенариус Н.П. Дрогочин Надбужский и его древности. Описание некоторых древностей найденных в Витебской губ. / сост. по материалам Имп. археологической комиссии. 1890. 60 с.: ил.; 7 л. ил., 1 л. карт.

№ 5. *Радлов В.В.* Сибирские древности. 1891. Т. 1. Вып. 2. С. 41–80; 52 с.: ил.; 8 л. ил.

№ 6. Древности Южной России. Т. 1.

Кулаковский Ю.А. Керченская христианская катакомба 491 г. 1891. 30 с.: ил.; 4 л. ил.

№ 7. Древности Южной России. Т. 2.

Мальмберг В.К. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 гг.; *Орешников А.В.* Обозрение монет, найденных при херсонесских раскопках в 1888 и 1889 гг. 1892. 46 с.: ил.; 4 л. ил.

№ 8. Древности Южной России. Т. 3.

Стржиговский И., Покровский Н.В. Византийский памятник, найденный в Керчи в 1891 г. 1892. 37 с.: ил.; 5 л. ил.

№ 9. Древности Южной России. Т. 4.

Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889–1891 гг. 1892. 4 с., 64 с.: ил.; 1 л. ил.

№ 10. *Ястребов В.Н.* Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. 1893. 63 с., 31 с.: ил.; 15 л. ил.

№ 11. Древности Юго-Западного края.

Антонович В.Б. Раскопки в стране древлян. 1893. 78 с.: ил.; 7 л. ил.

№ 12. Древности Южной России. Т. 5.

Бертье-Делагард А.А. Раскопки Херсонеса. 1893. 64 с.: ил.

№ 13. Древности Южной России. Т. 6.

Лаппо-Данилевский А.С., Мальмберг В.К. Курган Карагодеуашх. 1894. 192 с.: ил; 9. л. ил.

№ 14. Древности Северо-Западного края. 1893. Т. 1. Вып. 2. Люцинский могильник. 49 с., 36 с.: ил.; 15 л. ил.

№ 15. *Радлов В.В.* Сибирские древности. 1894. Т. 1. Вып. 3. 146 с., XIX с.: ил.; 8 л. ил.

№ 16. Древности Закаспийского края.

Жуковский В.А. Развалины старого Мерва. 1894. [4] с., 217 с.: ил.; 8 л. ил.

№ 17. Древности Южной России. Т. 7.

Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 гг. 1895. 4 с., 86 с.: ил.; 1 л. ил.

№ 18. *Бранденбург Н.Е.* Курганы Южного Приладожья. 1895. XVI с., 156 с.: ил.; 14 л. ил.

№ 19. Древности Южной России. Т. 8.

Кулаковский Ю.А. Две керченские катакомбы с фресками + прил. Христианская катакомба, открытая в 1895 г. 1896. 72 с.: ил.; 14 л. ил.

№ 20. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского / обработал для издания А.А. Спицын. 1896. 124 с.: ил.; 19 л. ил., 1 л. карт.

№ 21. Обсуждение проекта стенной росписи Новгородского Софийского собора. 1897. 46 с.: ил.

№ 22. *Хвольсон Д.А., Покровский Н.В., Смирнов Я.И.* Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае. 1899. [4] с., 44 с.: ил.; 1 л. ил.

№ 23. Древности Южной России. Т. 9.

Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 гг. 1899. 74 с.: ил.

№ 24. Древности Южной России. Т. 10.

Жебелев С.А. Пантикапейские Ниобиды. 1901. 54 с.: ил.; 3 л. ил.

№ 25. *Спицын А.А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы. 1901. Вып. 1. 119 с.: ил.; 30 л. ил.

№ 26. Древности камской чуди по коллекции Теплоухова: Атлас рисунков с предисл. А.А. Спицына. 1902. 70 с.: ил.; 39 л. ил.

№ 27. *Радлов В.В.* Сибирские древности. 1902. Т. 2. Вып. 1. 36 с.: ил.; 6 л. ил.

№ 28. *Сизов В.И.* Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. 1902. 136 с.: ил.; 14 л. ил.

№ 29. Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова / обработал А.А. Спицын. 1903. 124 с.: ил; 7 л. ил.

№ 30. *Покрышкин П.П.* Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903 и 1904 годах. 1908. 36 с.: ил.; 27 л. ил.

№ 31. *Придик Е.М.* Мельгуновский клад 1763 года. 1911. 24 с.: ил.; 5 л. ил.

№ 32. *Жебелев С.А., Мальмберг В.К.* Три архаических бронзы из Херсонской губернии. 1907. 57 с.: ил.; 4 л. ил.

№ 33. *Веселовский Н.И.* Гератский бронзовый котелок 559 года хиджры (1163 г. по Р.Х.): Из собрания графа А.А. Бобринского. 1910. 24 с.: ил.; 10 л. ил.

№ 34. Доклады, читанные на Лондонском Международном конгрессе историков в марте 1913 г. графом А.А. Бобринским, Е.М. Придиком, М.И. Ростовцевым, Б.В. Фармаковским и Э.Р. фон Штерном. 1914. 120 с.: ил; 59 л. ил.

№ 35. *Лукьянов С.С., Гриневич Ю.П.* Керченская кальпида 1906 года и поздняя краснофигурная живопись. 1915. 144 с.; 11 л. ил.

№ 36. *Тревер К.В.* Ольвийская полихромная амфора 1901 года. 1918. 68 с.: ил.; 10 л. ил. (издан Археологической комиссией).

№ 37. *Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма: С приложениями академика П.К. Коковцева и С.И. Руденка. 1918. 102 с.: ил.; 10 л. ил., 1 л. карт. (издан Государственной археологической комиссией).

Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1901–1918. Вып. 1–66 + Прибавления

Вып. 1. 1901.

Вып. 2. 1902 + Прибавление к вып. 2 [Хроника и библиография. Вып. 1].

Вып. 3. 1902 + Прибавление к вып. 3 [Хроника и библиография. Вып. 2].

Вып. 4. 1902.

Вып. 5. 1903 + Прибавление к вып. 5 [Хроника и библиография. Вып. 3].

Вып. 6. 1904 + Прибавление к вып. 6 [Хроника и библиография. Вып. 4].

Вып. 7. 1903.

Вып. 8. *Фармаковский Б.В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. 1903.

Вып. 9. 1904 + Прибавление к вып. 9 [Хроника и библиография. Вып. 5].

Вып. 10. 1904 + Прибавление к вып. 10 [Хроника и библиография. Вып. 6].

Вып. 11. 1904.

Вып. 12. 1904.

Вып. 13. *Фармаковский Б.В.* Раскопки в Ольвии в 1902–1903 гг. 1906.

Вып. 14. 1905 + Прибавление к вып. 14 [Хроника и библиография. Вып. 7].

Вып. 15. 1905.

Вып. 16. 1905 + Прибавление к вып. 16 [Хроника и библиография. Вып. 8].

Вып. 17. 1905.

Вып. 18. 1906 + Прибавление к вып. 18 [Хроника и библиография. Вып. 9].

Вып. 19. 1906 + Прибавление к вып. 19 [Хроника и библиография. Вып. 10].

Вып. 20. 1906.

Вып. 21. *Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе. 1907 + Прибавление к вып. 21 [Хроника и библиография. Вып. 11].

Вып. 22. 1907 + Прибавление к вып. 22 [Хроника и библиография. Вып. 12].

Вып. 23. 1907.

Вып. 24. *Султанов Н.В.* Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири. 1907.

Вып. 25. 1907.

Вып. 26. Вопросы реставрации. Вып. 1. 1908 + Прибавление к вып. 26 [Хроника и библиография. Вып. 13].

Вып. 27. 1908 + Прибавление к вып. 27 [Хроника и библиография. Вып. 14].

Вып. 28. Вопросы реставрации. Вып. 2. 1908.

Вып. 29. 1909.

Вып. 30. 1909.

Вып. 31. Вопросы реставрации. Вып. 3. 1909 + Прибавление к вып. 31 [Хроника и библиография. Вып. 15].

Вып. 32. Вопросы реставрации. Вып. 4. 1909.

Вып. 33. 1909.

Вып. 34. Вопросы реставрации. Вып. 5. 1910 + Прибавление к вып. 34 [Хроника и библиография. Вып. 17].

Вып. 35. 1910.

Вып. 36. Вопросы реставрации. Вып. 6. 1910.

Вып. 37. 1910 + Прибавление к вып. 37 [Хроника и библиография. Вып. 18].

Вып. 38. *Гейкель Г.К.* [*А.О.*] Из финляндской археологической литературы. 1911.

Вып. 39. Вопросы реставрации. Вып. 7. 1911 + Прибавление к вып. 39 [Хроника и библиография. Вып. 19].

Вып. 40. 1911.

Вып. 41. Вопросы реставрации. Вып. 8. 1911.

Вып. 42. + Прибавление к вып. 42 [Хроника и библиография. Вып. 20]. 1911.

Вып. 43. *Макаренко Н.Е.* Археологические исследования 1907–1909 гг. 1911.

Вып. 44. Вопросы реставрации. Вып. 9. 1912 + Прибавление к вып. 44 [Хроника и библиография. Вып. 21].

Вып. 45. 1912.

Вып. 46. Вопросы реставрации. Вып. 10. 1912 + Прибавление к вып. 46 [Хроника и библиография. Вып. 22].

Вып. 47. 1913.

Вып. 48. Вопросы реставрации. Вып. 11. 1913 + Прибавление к вып. 48 [Хроника и библиография. Вып. 23].

Вып. 49. 1913.

Вып. 50. Вопросы реставрации. Вып. 12. 1913 + Прибавление к вып. 50 [Хроника и библиография. Вып. 24].

Вып. 51. 1914.

Вып. 52. Вопросы реставрации. Вып. 13. 1914 + Прибавление к вып. 52 [Хроника и библиография. Вып. 25].

Вып. 53. 1914.

Вып. 54. 1914 + Прибавление к вып. 54 [*Хогарт Д.Г.* Иония и Восток: Шесть лекций проч. в Лондонском университете / пер. с англ. В.В. Латышева; под ред. и с предисл. Б.В. Фармаковского].

Вып. 55. Вопросы реставрации. Вып. 14. 1914.

Вып. 56. 1914 + Прибавление к вып 56 [Хроника и библиография. Вып. 26].

Вып. 57. Вопросы реставрации. Вып. 15. 1915 + Прибавление к вып. 57 [Хроника и библиография. Вып. 27].

Вып. 58. 1915 + Прибавление к вып 58 [Хроника и библиография. Вып. 28].

Вып. 59. Вопросы реставрации. Вып. 16. 1915 + Прибавление к вып. 59 [Хроника и библиография. Вып. 29. 1916].

Вып. 60. 1916.

Вып. 61. Вопросы реставрации. Вып. 17. 1916.

Вып. 62. *Адрианов А.В.* К археологии Западного Алтая. 1916.

Вып. 63. 1917 + Прибавление к вып. 63 [Хроника и библиография. Вып. 30. 1916].

Вып. 64. Вопросы реставрации. Вып. 18. 1917 + Прибавление к вып. 64 [Хроника и библиография. Вып. 31].

Вып. 65. 1918.

Вып. 66. Вопросы реставрации. Вып. 19. 1918 + Прибавление к вып. 66 [Хроника и библиография. Вып. 32].

Указатели

Указатель статей, помещенных в выпусках 1–20 // Известия ИАК. 1906. Вып. 20. С. 151–162.

Указатель статей, помещенных в выпусках 21–40 // Известия ИАК. 1911. Вып. 40. С. 165–174.

Указатель статей, помещенных в выпусках 41–60 // Известия ИАК. 1916. Вып. 60. С. 117–128.

Отчеты Императорской археологической комиссии. 1859–1915 гг. СПб.; Пг., 1862–1918

1859 (1862) + Атлас; 1860 (1862) + Атлас; 1861 (1863) + Атлас; 1862 (1863) + Атлас; 1863 (1864) + Атлас; 1865 (1866) + Атлас; 1866 (1868) + Атлас; 1867 (1868) + Атлас; 1868 (1869) + Атлас; 1869 (1870) + Атлас; 1870/1871 (1874) + Атлас; 1872 (1875) + Атлас; 1873 (1876) + Атлас; 1874 (1877) + Атлас; 1875 (1878) + Атлас; 1876 (1879) + Атлас; 1877 (1880) + Атлас; 1878/1879 (1881) + Атлас; 1880 (1882) + Атлас; 1881 (1883) + Атлас; 1882/1888 (1891) + Атлас; 1889 (1892); 1890 (1893); 1891 (1893); 1892 (1894); 1893 (1895); 1894 (1896); 1895 (1897); 1896 (1898); 1897 (1900); 1898 (1901); 1899 (1902); 1900 (1902); 1901 (1903); 1902 (1904); 1903 (1906); 1904 (1907); 1905 (1908); 1906 (1909); 1907 (1910); 1908 (1912); 1909/1910 (1913); 1911 (1914); 1912 (1916); 1913/1915 (1918).

Comte-rendu de la Commission Impériale Archéologique pour les années 1859–1903. Saint-Pétersbourg, 1860–1906

1859 (1860) + Atlas; 1860 (1861) + Atlas; 1861 (1862) + Atlas; 1862 (1863) + Atlas; 1863 (1864) + Atlas; 1864 (1865) + Atlas; 1865 (1866) + Atlas; 1866 (1867) + Atlas; 1867 (1868) + Atlas; 1868 (1869) + Atlas; 1869 (1870) + Atlas; 1870/1871 (1874) + Atlas; 1872 (1875) + Atlas; 1873 (1876) Atlas; 1874 (1877) + Atlas; 1875 (1878) + Atlas; 1876 (1879) + Atlas; 1877 (1880) + Atlas; 1877 (1880) + Atlas; 1878/1879 (1881) + Atlas; 1880 (1882) + Atlas; 1881 (1883) + Atlas; 1882/1883 (1893); 1896/1903 (1898/1906).

+ Приложения: Альбом рисунков, помещенных в Отчетах Императорской археологической комиссии за 1882–1898 гг. / сост. В.В. Латышев СПб., 1906. 376 с.

Отдельные издания Императорской археологической комиссии

Указатели к Отчетам Императорской археологической комиссии за 1882–1898. СПб., 1906.

Доклады Императорской археологической комиссии за 1882–1888 годы. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1891. CCCXXXIV с., 44 с., [1] с.

Бобринской А.А. Выставка древностей, добытых Императорской археологической комиссией в 1888–1890 гг. на воззрение государя императора. СПб.: Тип. Товарищества Общественная польза, 1891. 44 с.

Выставка древностей, представляемых Императорской археологической комиссией на воззрение государя императора: [1893 г.] / предисл. А.А. Спицына. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1894. 32 с.

Выставка древностей, представляемых Императорской археологической комиссией на воззрение государя императора: [1894 г.] / предисл. А.А. Спицына. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1895. 32 с.

Выставка древностей, представляемых Императорской археологической комиссией на воззрение государя императора: [1895 г.] / предисл. А.А. Спицына. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1896. 36 с.

Выставка [древностей, добытых Императорской археологической комиссией в 1895 и 1896 гг.]. СПб., 1897. 14 с. (Из Правительственного вестника № 70).

Выставка [древностей, добытых Императорской археологической комиссией в 1897 г.]. СПб., 1898. 14 с. (Из Правительственного вестника № 71).

Восточное серебро: Атлас древней и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Издание Императорской археологической комиссии ко дню пятидесятилетия ее деятельности / предисл. Я.И. Смирнова. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 2 февраля 1909 г. 18 с.; 130 отд. л.: ил.

Кондаков Н.П. Русские клады: Исследование древностей великокняжеского периода / издание Императорской археологической комиссии. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1896. Т. 1. 214 с.: ил.; 20 л. ил.

Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. Императорская археологическая комиссия. 2-е изд., пересмотр. Киев: Типолитогр. С.В. Кульженко, 1914. IV с., 156 с.: ил.; 7 л. ил., 3 л. карт. 1-е. изд. Киев, 1906.

Латышев В.В. Понтика: Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря / издание Императорской археологической комиссии. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1909. XIV с., [2] с., 430 с.: 4 л. ил.

Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году / издание Императорской археологической комиссии. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1870. X с., 40 с.

Мечети Самарканда. Вып. 1. Гур-Эмир / издание Императорской археологической комиссии. СПб., 1905. IX с.: ил.; 18 отд. л. ил. (Рус., фр.).

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России / Императорская археологическая комиссия. СПб.: Тип. товарищества Голике и Вильборг, 1913–1914. Т. 1– [2] + Приложение: *Шкорпил В.В.* Катакомбы на северном склоне Митридатовой Горы: (Объяснение к табл. I– II). С. 508–509. Т. 1. [Текст]. Описание и исследование памятников. 1914. XVII с., 537 с.: ил.; [Т.] 2. Атлас. 1913. [4], 12 с.; 112 отд. л. ил.

Самоквасов Д.Я. Сборник топографических сведений о курганах и городищах в России: Волынская губерния / издание Императорской археологической комиссии. СПб., 1888. 99 с. (литогр. изд.).

Сборник археологических статей, поднесенных графу А.А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской археологической комиссии: 1886–1911. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1911. [6], 276 с.: ил.; 34 л. ил., портр.

Спицын А.А. Археологические разведки / Императорская археологическая комиссия. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1908. 96 с. ил.

Спицын А.А. Археологические раскопки / Императорская археологическая комиссия. СПб.: Тип. товарищества Голике и Вильборг, 1910. 129 с.: ил.

Спицын А.А. Производство археологических раскопок / Императорская археологическая комиссия. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1895. 71 с.: ил.

Церкви Костромской епархии: По данным архива Императорской археологической комиссии. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1909. 242 с.: ил.

Протоколы Императорской археологической комиссии с учеными Обществами по вопросам об открытии и сохранении памятников древности, на основании Высочайшего повеления, объявленного г. министром Императорского двора в предложении от 11 марта 1889 года, за № 733. [СПб. 27 апреля 1889]. 26 с.

[Экземпляр находится в Отделе БАН при ИИМК РАН].

Каталог Библиотеки Императорской археологической комиссии. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1904. 448 с.

Каталог Библиотеки Императорской археологической комиссии: Дополнение за 1904 год. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1905. 124 с.

Каталог Библиотеки Императорской археологической комиссии: Дополнение за 1905–1906 годы. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1907. 80 с.

Каталог Библиотеки Императорской археологической комиссии: Дополнение за 1907–1909 годы. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1910. 60 с.

Составил Л.М. Всевиов

БИБЛИОГРАФИЯ

А.Л. Раскопки в курганах, находящихся на предполагаемой местности древней Нимфеи // Древности. Труды ИМАО. 1869. Т. 2. Вып. 1. С. 54–55.

Абрамишвили Р.М. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике // ВГМГ. 1957. Вып. 21. А–В. С. 115–140. (Груз. Рез. рус.).

Абрамишвили Р.М. Основные итоги археологической экспедиции Большого Тбилиси // Тбилиси: археологические памятники. Тбилиси: Мацниереба, 1978. Т. 1. С. 7–27. (Груз. Рез. рус., фр.).

Абрамова М.П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. 1974. № 2. С. 195–212.

Авенариус Н.П. Дрогичин Надбужский и его древности. Описание некоторых древностей, найденных в Витебской губернии. СПб.: Издание ИАК, 1890. 60 с.: ил. (Древности Северо-Западного края. Т. 1. Вып. 1. МАР. № 4).

Авенариус Н.П. Несколько слов о дрогичинских пломбах // Записки ИРАО. Новая серия. 1892. Т. 6. С. 279–288.

Авенариус Н.П. Заметка о раскопках в Минской губернии в 1889 и 1890 гг. // Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Вильно: Тип. А.Г. Сыркина, 1893. С. 42–43.

Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 по поручению Императорского Русского географического общества и его Западно-Сибирского отдела членом-сотрудником А.В. Адриановым: Предварительный отчет. Омск: Тип. Окружного штаба, 1888. 144 с. (Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Кн. 8. Вып. 2).

Адрианов А.В. Томская старина // Город Томск. Томск: Сибирское изд-во печатного дела, 1912. С. 101–183. (Бесплатное приложение к журналу «Санкт-Петербургская жизнь» за 1912 г.).

Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (Из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.). Пг.: Б. и., 1916. 94 с.: ил., карт. (Известия ИАК. Вып. 62).

Адрианов А.В. Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува). Томск: Изд-во ТомГУ, 2008. 146 с.: ил.

Айбабин А.И., Ачкинази И.В., Голофаст Л.А. Раскопки зольника римского времени у подножья горы Митридат в Керчи // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Период дестабилизаций и катастроф. Материалы VI Боспорских чтений / ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь: Б. и., 2005. С. 7–11.

Айналов Д.В. Развалины храмов. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1905. 144 с.: ил. (Памятники христианского Херсонеса. Вып. 1).

Айналов Д.В. К вопросу о строительной деятельности св. Владимира // Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. Пг.: Тип. Я. Башмаков и К°. 1917. Вып. 1. С. 20–39.

Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 414 с.: ил.

Акопян Т.Х. Ани — столица средневековой Армении: История и судьбы городища. Ереван: Изд-во ЕреванГУ, 1985. 316 с.: ил.

Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849. М.: Наука, 1988. 704 с.

Алексеев А.Ю. К вопросу о дате сооружения Чертомлыцкого кургана (по керамическим материалам) // АСГЭ. 1981. Вып. 22. С. 75–88.

Алексеев А.Ю. Курган Цимбалка и дата его сооружения // СГЭ. 1982. Вып. 47. С. 33–35.

Алексеев А.Ю. Курган Чмырева Могила и дата его сооружения // СГЭ. 1985. Вып. 50. С. 31–35.

Алексеев А.Ю. О датах скифских курганов Бабы и Раскопана Могила // СГЭ. 1987. Вып. 52. С. 28–31.

Алексеев А.Ю. Скифская хроника: (Скифы VII–IV вв. до н. э.: ист.-археол. очерк). СПб.: Петербургкомстат, 1992. 206 с.: ил., карт.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. 416 с.: ил.

Алексеев А.Ю. К портрету И.Е. Забелина на фоне археологии // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова / отв. ред. А.Д. Столяр. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2004. С. 37–48.

Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 271 с.: ил.

Алексеев А.Ю. Серебряные килики из скифских курганов Солоха и Бабы // Stratum plus. 2015. № 3. С. 1–15.

Алексеев А.Ю. Александропольский курган в Эрмитаже // Полин С.В., Алексеев А.Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье. Киев; Берлин: Видавець Олег Філюк, 2018. С. 466–581. (Серия «Курганы Украины». Т. 6).

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык: Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев: Наукова думка, 1991. 413 с.: ил.

Алексеев Л.В. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. (Из истории прикладного искусства Полоцкой земли) // СА. 1957. № 3. С. 224–244.

Алексеев Л.В. Археология и краеведение Беларуси. XVI в. — 30-е годы XX в. Минск: Беларус. навука, 1996. 208 с.: ил.

Алексеева Е.П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа // Учен. зап. ЛГУ. № 85. Сер. ист. наук. 1949. Вып. 13. С. 191–257.

Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии: (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М.: Наука, 1971. 356 с.: ил.

Алексеевская Л.М. Лира из Керчи // Известия ИАК. 1915. Вып. 58. С. 140–152.

Алекшин В.А. Александр А. Миллер, исследователь древних и традиционных культур Кавказа // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера): Материалы Международной научной конференции и Гумбольдт-лектория / ред. кол. М. Кашуба, С. Райнхольд, В. Алекшин. СПб.: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ, 2015. С. 29–33.

Алекшин В.А. Парижские университеты А.А. Миллера и его контакты во Франции с Ф.К. Волковым (1901–1905) // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской): сборник научных статей / отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 219–226.

Алиев К. Кавказская Албания (I в. до н. э. — I в. н. э.). Баку: Элм, 1974. 364 с.

Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991. 240 с.

Алябьева Т.К. Деятельность Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины в России: (1909–1917). М.: Народный учитель, 2001. 148 с.

Ананьев В.Г. «Побольше уважения к культурным традициям» или «хаос и бесхозяйственное ведение дела»: нереализованные планы объединения этнографических музеев Петрограда в 1917–1920 гг. // Вестник ТГУ. 2017. № 421. С. 66–71.

Ананьич Б.В. И.И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб.: Лики России, 2007. 174 с.: ил.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 178 с.: ил.

Антонова И.А. Монастырь святого равноапостольного князя Владимира в Херсонесе // Причерноморье. История, политика, культура. Сер. А. 2011. Вып. V (II). С. 6–28.

Антонова И.А., Филлипенко А.Ф. Монастыри Крыма: история и легенды // Боги Тавриды: История религий народов Крыма / ред. А.Я. Глушак, П.И. Артюх. Севастополь: Б. и., 1997. С. 138–158.

Антонович В.Б. Древности Юго-Западного края: Раскопки в стране древлян. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1893. 78 с.: ил. (МАР. № 11).

Антонович В.Б. Погребальный тип могил радимичей // АИЗ. 1893. Т. 1. № 9–10. С. 316–318.

Антонович В.Б. О раскопках в бывшей земле радимичей // ЧИОНЛ. 1894. Т. 8. С. 14–15.

Антонович В.Б. Археологическая карта Киевской губернии. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1895. 140 с.

Антонович В.Б. Раскопки курганов в западной Волыни // Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899 г. / ред. П.С. Уварова, С.С. Слуцкий. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1901a. Т. 1. С. 134–140.

Антонович В.Б. Археологическая карта Волынской губернии // Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899 г. / ред. П.С. Уварова, С.С. Слуцкий. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1901b. Т. 1. С. 1–133.

Антонович В.Б. О каменном веке в западной Волыни // Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899 г. / ред. П.С. Уварова, С.С. Слуцкий. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1901c. Т. 1. С. 141–147.

Анучин Д.Н. Доисторическая археология Кавказа // ЖМНП. 1884. Т. 231. Январь. С. 201–237.

Анучин Д.Н. Россия в археологическом отношении // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1899. Т. 55. Россия и С–Саваран. С. 423–430.

Анучин Д.Н. Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М.: Синодальная тип., 1890. 426 с.: ил.

Анфим (*Казимиров*), *игумен*. Историческая записка о Херсонисском Св. Владимира монастыре // Записки ИООИД. 1877. Т. 10. С. 427–430.

Анфимов Н.В. Племена Прикубанья в сарматское время // СА. 1958. Т. 18. С. 62–71.

Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар: Традиция, 2011. 263 с.: ил.

Апакидзе А.М. Города древней Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1968. 296 с.: ил.

Аракелян Б.Н. Древний Арташат. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1975. 52 с.: ил. (Арм.).

Аркас Н., Брун Ф. Археологическая разведка некоторой части Ольвии // Записки ИООИД. 1872. Т. 8. С. 412–415.

Армашевский П.Я., Антонович В.Б. О находке костей мамонта в Киеве совместно с кремневыми орудиями. Дневник XI съезда русских естествоиспытателей и врачей // Записки Киевского общества естествоиспытателей. 1895. Т. XIV. Вып.1. С. VIII–IX.

Артамонов М.И. Из истории методики археологических раскопок // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 1–2. С. 142–164.

Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 1961. Вып. 2. С. 57–87.

Артамонов М.И. История хазар / под ред. и с примеч. Л.Н. Гумилева. Л.: Изд-во ГЭ, 1962. 524 с.: ил.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артия; Л.: Советский художник, 1966. 120 с.: ил., карт.

Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы: (от появления на исторической арене до конца IV в.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 156 с.: ил.

Артамонов М.И. Немировское городище: анализ полевой документации из раскопок 1909–1910 гг. // МАИЭТ. 1998. Т. 6. С. 59–76.

Артюх Е.А. Деятельность В.В. Радлова на Алтае (1858–1871) // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Материалы Всероссийской (с междунар. участием) 43-й археолого-этнографической конференции молодых ученых. Томск, 1–3 апреля 2003 г. Томск: Изд-во ТомГУ, 2003. С. 20–21.

Артюх Е.А. Алтайский период в деятельности В.В. Радлова. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. 292 с.: ил.

Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова (1843–1911) / сост., вступ. статья и коммент. С. П. Щавелева; ред. А. А. Формозов. Курск: Изд-во Курского государственного медицинского университета, 2007. 506 с.: ил.

Архипова Е. И. Будівельні матеріали Десятинної церкви // Церква Богородиці Десятинна в Києві: до 1000-ліття освячення / ред. П. П. Толочко. Київ: АртЕк, 1996. С. 55–60.

Арциховский А. В. Курганы вятичей. М.: РАНИОН, 1930. 223 с.: ил.

Арциховский А. В. Забелин-археолог // Историко-археологический сборник / ред. А. П. Смирнов. М.: Красный печатник, 1948. С. 5–11.

Арциховский А. В. Пути преодоления влияния Н. Я. Марра в археологии // Против вульгаризации марксизма в археологии / отв. ред. А. Д. Удальцов. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 51–69.

Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. 254 с.: ил.

Ахундов Т. И. Северо-Западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку: Элм, 2001. 260 с.: ил.

Ашик А. Б. Боспорское царство. Одесса: Тип. т-ва. Неймана и К°, 1848–1849. Ч. 1. 117 с.: ил., карт.; Ч. 2. 89 с.: ил.; Ч. 3. 96 с.: ил.

Бабенко Л. А. Золотые нашивные бляшки из кургана Верхний Рогачик: критика источника // РА. 2015. № 3. С. 67–78.

Бадер О. Н. Археологические памятники Прикамья и их научное выявление: Пособие для начинающих археологов и краеведов. Молотов: Молотовгиз, 1950. 118 с.: ил.

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. // Бартольд В. В. Сочинения. М.: Наука, 1966a. Т. 4. С. 21–94.

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 года командированного Русским Комитетом проф. В. В. Бартольда // Бартольд В. В. Сочинения. М.: Наука, 1966b. Т. 4. С. 130–133.

Бартольд В. В. Поездка в Самарканд с археологической целью // Бартольд В. В. Сочинения. М.: Наука, 1966c. Т. 4. С. 139–140.

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В. В. Сочинения. М.: Наука, 1977a. Т. 9. С. 199–482.

Бартольд В. В. Памяти В. А. Жуковского // Бартольд В. В. Сочинения. М.: Наука, 1977b. Т. 9. С. 689–703.

Баликян О., Оганесян Д. Докладные записки Х. Дадяна о раскопках в Звартноце // Herald of the Social Sciences. 1984. № 5. С. 78–87.

Басаргина Е. Ю. Историко-археологическая экспедиция в Трапезунд (1916 г.) // ВИД. 1991. Т. 23. С. 295–306.

Басаргина Е. Ю. Слово С. А. Жебелева, посвященное памяти Р. Х. Лепера / подгот. к изд. Е. Ю. Басаргиной // Деятели русской науки: Исторические очерки / ред.-сост. М. Ф. Хартанович. СПб.: Европейский дом, 1996. Вып. 3. С. 96–194.

Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе: очерки истории. СПб.: Дм. Буланин, 1999. 244 с.: ил.

Басаргина Е. Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков (очерки истории) / отв. ред. И. П. Медведев, Б. И. Козлов. М.: Индрик, 2008a. 656 с.: ил.

Басаргина Е. Ю. К биографии Р. Х. Лепера // История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР, проф. А. А. Спицына (Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г. / отв. ред. Е. Н. Носов, И. Л. Тихонов. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2008b. С. 228–231.

Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг.: сборник / ред. В. М. Батчаев, Т. Б. Барцева, Б. М. Керефов. Нальчик: Эльбрус, 1985. Т. 2: Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н. э. — II в. н. э.). С. 7–115.

Баукова А. Вплив Імператорської археологічної комісії на дослідження античних пам'яток Керченського півострова // Археологічні дослідження Львівського університету. 2006. Вип. 9. С. 54–57.

Бахмат К.П. Вікентій Вячеславович Хвойка (до 50-річчя з дня смерті) // Археологія. 1964. Т. 17. С. 188–195.

Башина С.Н., Арапова Д.Ю., Бекмаханова Н.Е. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 452 с.

Беленицкий А.М., Зеймаль Е.В. Рукописное наследие Я.И. Смирнова // Художественные памятники и проблемы культуры Востока / науч. ред. В.Г. Луконин. Л.: Изд-во ГЭ, 1985. С. 9–14.

Беленко М., Радієвська Т. Палеолітичні дослідження В.В. Хвойки // Вікентій В'ячеславович Хвойка та його внесок у дослідження давньої історії України. Тематичний збірник наукових праць (до 160-річчя від дня народження) / ред. Н.Г. Ковтанюк. Київ: Такі справи, 2010. С. 30–43.

Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Фресковые и эпиграфические находки в Сентинском храме // РА. 2004. № 3. С. 175–176.

Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Фрески Сентинского храма и проблемы истории аланского христианства в X в. // РА. 2005. № 1. С. 130–146.

Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Нижний Архыз и Сенты — древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М.: Индрик, 2011. 392 с.: ил.

Беликова О.Б. Последняя экспедиция А.В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект). Томск: Изд-во ТГУ, 2014. 567 с.: ил.

Белковская В.М. Архитектор П. Покрышкин и его исследования Люблинского тюремного замка // Sztuka Europy Wschodniej. T. III. Polscy i rosyjscy artyści i architekci w koloniach artystycznych zagranicą i na emigracji politycznej 1815–1990 / red. J. Malinowski, I. Gavrash, D. Ziarkowski. Warszawa: Polski Instytut Studiów nad Sztuką Świata; Toruń: Wydawnictwo Tako, 2015. S. 121–128.

Белов Г.Д. Римские приставные склепы № 1013 и 1014 в Херсонесе // ХСб. 1927. Вып. 2. С. 105–146.

Белов Г.Д. Херсонес Таврический: Ист.-археол. очерк. Л.: Тип. № 2 Упр. изд-в и полиграфии Ленгорисполкома, 1948. 150 с.: ил.

Беляев Л.А. Раскопки (археологический комплекс) // Методика реставрации памятников архитектуры / ред. Е.В. Михайловский. М.: Стройиздат, 1977. С. 58–62.

Беляев Л.А. Проведение археологических исследований при реставрации памятников истории и культуры: полевые исследования. М.: Росреставрация, 1991. 52 с.

Беляев Л.А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение: Учебное пособие для вузов. М., 1998. 574 с.: ил.

Беляев Л.А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. 2-е изд. М.: Алетейя, 2000. 576 с.: ил. (Византийская библиотека).

Беляшевский Н.Ф. Бивни мамонта с нарезами из стоянки на Кирилловской улице в Киеве // АЛЮР. 1900. Апрель. С. 71–72.

Беньковский П. О терракотовых повозках из Пантикапея // Известия ИАК. 1904. Вып. 9. С. 63–72.

Бенуа А.Н. Дневник 1918–1924 годов. М.: Захаров, 2010. 810 с.: ил.

Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М.: Новое лит. обозрение, 2003. 522 с.: ил.

Бердинских В.А. История кладоискательства в России. М.: Захаров, 2005. 238 с.: ил.

Бердяев Н.А. Самопознание: (опыт философской автобиографии). М.: Междунр. отношения, 1990. 336 с.

Березовская Л.Ю. Фотографии древностей Минусинского и Красноярского музеев в собрании фотоархива ЛОИА АН СССР // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края: Сб. науч. трудов / ред. А.М. Буровский. Красноярск: Изд-во КГУ, 1992. Т. 1. С. 36–37.

Берже А.П. Записки об археологии Кавказа // Труды II Археологического съезда в Санкт-Петербурге. 1872 г. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1876. Т. 1. С. 1–13.

Бертье-Делагард А.Л. Раскопки Херсонеса. СПб.: Издание ИАК, 1893. 64 с.: ил. (Древности Южной России. Т. 5. МАР. № 12).

Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе: Крещальня, Крепостная ограда. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1907. 208 с.: ил. (Известия ИАК. Вып. 21).

Бертье-Делагард Александр Львович (1842–1920): [Биобиблиогр. справ.] / предисл., сост. Н.Н. Колесникова. Симферополь: МИЦ, 2002. 44 с.

Бертье-Делагард А.Л. Избранные труды / ред.-сост. И.Н. Храпунов, А.А. Стоянова. Т. 1–3. Симферополь: Доля. Т. 1. 2009. 244 с.: ил.; Т. 2. 2011. 270 с.: ил.; Т. 3. 2012. 316 с.: ил.

Берх В.Н. Путешествие в Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб.: Воен. тип. Главного штаба его императорского величества, 1821. 234 с.

Бессонова С.С. Глиняні жертовники лісостепового Подніпров'я ранньоскіфського часу // Археологія. 1996. № 4. С. 25–40.

Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 140 с.: ил.

Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи: (по материалам раскопок 1988–1996 гг.). Киев; Краков: ИА НАНУ, Ягеллон. ун-т, 2001. 158 с.: ил.

Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Сборник / ред. В.И. Марковин. Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 1. С. 112–163.

Бич О.И. Архив А.А. Спицына: (крайние даты архивных материалов 1880–1931 гг.) // СА. 1948. Т. 10. С. 21–52.

Бич О.И. Архивные данные о статуях, найденных в Керчи в 1850 г. // СА. 1958. Т. 28. С. 87–90.

Блаватский В.Д. Материалы по истории Пантикапея. План города // Материалы исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху / ред. В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 1. С. 9–62. (МИА. № 19).

Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. М.: Изд-во МГУ, 1953. 304 с.: ил., карт.

Блаватский В.Д. Архаический Боспор // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху / отв. ред. М.М. Кобылина. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. С. 7–44. (МИА. № 33).

Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964a. 232 с.: ил.

Блаватский В.Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н.э. — III в. н.э.) // СА. 1964b. № 4. С. 25-35.

Блаватский В.Д. Античная полевая археология. М.: Наука, 1967. 208 с.: ил. (МИА. № 146).

Бломбергова М.М. Археологические исследования поляков в Сибири в XIX в. // Польша и Россия: историко-культурные контакты / отв. ред. В.Н. Иванов. Якутск; Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2001. С. 10–12.

Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград: Учебное пособие. Волгоград: Изд-во ВолгогрГУ, 2006. 226 с.: ил.

Бобринской А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы: Дневники пятилетних раскопок. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887. Т. 1. 170 с.: ил.

Бобринской А.А. Доклад о действиях Археологической комиссии за 1888 г. // Отчет ИАК за 1882–1888 гг. 1891. С. CCII–CCCXXXIV.

Бобринской А.А. Описание могил, открытых в 1891 г. в дер. Капканы близ Ени-кале // Отчет ИАК за 1891 г. 1893. С. 47–57.

Бобринской А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1894. Т. 2. 229 с.: ил., карт.

Бобринской А.А. Сведения о различных курганах и земляных сооружениях, находящихся в Зеньковском у. Полтавской губ. в окрестностях с. Глинища и на границе Полтавской и Харьковской губерний // Отчет ИАК за 1895 г. 1897. С. 125–128.

Бобринской А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1901. Т. 3. 116 с.: ил., карт.

Бобринской А.А. Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1901 году // Известия ИАК. 1902. Вып. 4. С. 24–50.

Бобринской А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губернии // Известия ИАК. 1905. Вып. 14. С. 1–43.

Бобринской А.А. Отчет о раскопках близ сел Журовки и Капитановки (Чигиринского уезда Киевской губернии) // Известия ИАК. 1905. Вып. 17. С. 77–98.

Бобринской А.А. Херсонес Таврический: исторический очерк. СПб.: Тип. Скороходова, 1905. 196 с.: ил.

Бобринской А.А. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1905 году // Известия ИАК. 1906. Вып. 20. С. 1–16.

Бобринской А.А. Киевская губерния (раскопки А.А. Бобринского) // Отчет ИАК за 1904 г. 1907. С. 99–106.

Бобринской А.А. Исследования в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1907 году // Известия ИАК. 1910. Вып. 35. С. 48–60.

Бобринской А.А. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1908 году // Известия ИАК. 1910. Вып. 35. С. 61–85.

Бобринской А.А. Отчет об исследованиях в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1909 году // Известия ИАК. 1911. Вып. 40. С. 43–61.

Бобринской А.А. Киевская губерния (раскопки графа А.А. Бобринского) // Отчет ИАК за 1908 г. 1912. С. 158–162.

Бобринской А.А. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1911 году // Известия ИАК. 1913. Вып. 49. С. 89–100.

Бобринской А.А. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1912 году // Известия ИАК. 1914. Вып. 54. С. 99–108.

Бобринской А.А. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1913 году // Известия ИАК. 1916. Вып. 60. С. 1–6.

Бобринский А.А. Граф Алексей Александрович Бобринской. 1852–1927. Сын об отце // Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты об историческом и культурном достоянии / подг. к публикации, предисл. и примеч. И.Л. Тихонов; ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: Вести, 2003. Вып. 4. С. 479–532.

Болсуновский К.В. Родовой знак Рюриковичей, великих князей киевских. Геральдическое исследование, предназначенное к чтению на XIV Археологическом съезде в г. Чернигове. Киев: Тип.-лит. С.В. Кульженко, 1908. 8 с.

Болтенко М.Ф. Стародавня руська Березань // Археологія. 1947. Т. 1. С. 39–51.

Болтенко М.Ф. Исторические судьбы острова Березани // Записки ОАО. 1960. Т. 1 (34). С. 38–46.

Болтрик Ю.В. Завершение исследований кургана Огуз // АО за 1981 г. 1982. С. 244–245.

Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Оружие из скифского кургана Огуз // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Материалы X Боспорских чтений / ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь: Б.и., 2009. С. 39–45.

Болтрик Ю.В., Фиалко О.Е. Останні дослідження кургану Чмирева Могила // Археологія і давня історія України. 2012. Вип. 8. С. 50–57.

Большаков А.О., Ильина Ю.И. Египетские скарабеи с острова Березань // ВДИ. 1988. №3. С. 51–67.

Бонгард-Левин Г.М. Научная командировка или эмиграция? Два года в Англии // Скифский роман / ред. Г.М. Бонгард-Левин. М.: РОССПЭН, 1997. С. 124–144.

Бонитенко А.К. «Я беззаветно служил искусству всю свою жизнь». Из воспоминаний академика архитектуры В.В. Суслова // Люди и судьбы на рубеже веков. Воспоминания. Дневники. Письма. 1895–1925 / ред. А.К. Бонитенко. СПб.: Лики России, 2000. С. 142–162.

Борисковский П.И. Палеолит Украины: Ист.-археол. очерки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 464 с.: ил. (МИА. №40).

Борисковский П.И. Очерки по палеолиту бассейна Дона: Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 231 с.: ил., карт. (МИА. №121).

Боровкова В.Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь: Изд. благотворит. фонда «Деметра», 1999. 160 с.: ил. (Древности Керчи. Вып. 4).

Бороздин И. Русская археология в 1911 г. // Известия ИАК. 1912. Прибавления к вып. 44. Хроника и библиография. Вып. 21. С. 170–176.

Бочарников С. О памятниках древности в г. Зарайске и его окрестностях. Варашев камень // Древности. Труды ИМАО. 1885. Т. 10. С. 82–88.

Бочкарев В.С., Шарафутдинова Э.С., Резепкин А.Д., Трифонов В.А., Бестужев Г.Н. Работы Кубанской экспедиции в 1978–1980 гг. // Древние культуры евразийских степей: по материалам археологических работ на новостройках. Сб. статей / отв. ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1983. С. 82–88.

Брайчевський М.Ю. В.В. Хвойка та Імператорська археологічна комісія // Археологія. 1989. № 3. С. 126–137.

Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1895. 156 с.: ил., карт. (МАР. № 18).

Бранденбург Н.Е. Старая Ладога / рисунки и техническое описание ак. В.В. Суслова. СПб.: Издание ИРАО, 1896. 324 с.: ил., карт.

Браун Ф.А. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. // Известия ИАК. 1906. Вып. 19. С. 81–116.

Браун Ф.А. Шведская руническая надпись, найденная на о. Березани // Известия ИАК. 1907. Вып. 23. С. 66–75.

Брашинский И.Б. Аттическая расписная и чернолаковая керамика V в. до н. э. из Елизаветовского могильника // ТГЭ. 1976. Т. 17. С. 98–111.

Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли: (На примере Северного Причерноморья). Л.: Наука, 1984. 248 с.: ил.

Брун Ф.К. Донесение о поездке к устьям Буга и Днепра // Записки ИООИД. 1863. Т. 5. С. 985.

Брун Ф.К. Древности Геродотовой Скифии: Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1866. Вып. 1. С. 1–28. (МАР. № 1).

Брун Ф.К. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею земель. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1869. CX с.: карт.

Брун Ф.К. Древности Геродотовой Скифии: Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1872. Вып. 2. С. 29–118. (МАР. № 2).

Брунов Н. Памяти Д.В. Айналова // Архитектура СССР. 1940. № 4. С. 66.

Бузескул В.П. Открытия XIX и начала XX в. в области истории древнего мира. Ч. 2. Древнегреческий мир. Пг.: Academia, 1924. 182 с.

Бузескул В.П. Изучение древностей северного побережья Черного моря и их значение с точки зрения греческой и мировой истории. Киев: Изд. Укр. акад. наук, 1927. 24 с.

Буйских С.Б. Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги) // ХСб. 1991. Вып. 11: ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Ю.Г. Виноградова. С. 34–43.

Буйских С.Б. К истории открытия Бейкушского святилища // Северное Причерноморье в античное время: Сб. трудов к 70-летию С.Д. Крыжицкого / ред. П.П. Толочко. Киев: ИА НАНУ, 2002. С. 21–32.

Булычев Н.И. Журнал раскопок 1899 г. по берегам Оки. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1899. 23 с.: ил.

Булычев Н.И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1899. 78 с.: ил., карт.

Буниятов Н.Г. Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни. Ереван: Гос. изд-во архит. и градостроительства, 1933. 122 с.: ил. (Рус., арм.).

Буслаев Ф.И. Мои воспоминания. М.: В.Г. фон-Бооль, 1897. 387 с.

Бутенев Н.Ф. Некоторые соображения о первобытных жителях Северной России, по найденным остаткам их быта // Записки ИРГО. 1864. Кн. 4. С. 1–20.

Бутягин А.М. Хронология Семибратних курганов и история Синдики // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. Тезисы докл. темат. науч. конф. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 1996 г. / отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 45.

Бутягин А.М. Средневековый некрополь Мирмекия // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений / ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь: Б. и., 2003. С. 38–41.

Бутягин А.М. К интерпретации зольников Мирмекия (свидетельства Павсания и боспорская культовая практика) // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции / ред. кол. М.Ю. Вахтина и др. СПб. ИИМК РАН, 2005. С. 101–107.

Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. Мирмекий в свете новых археологических открытий. СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. 80 с.: ил.

Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. Курганный некрополь аристократии Боспора. Симферополь; Керчь: Майстер Книг, 2014. Т. II. Курганы на мысе Ак-Бурун. 184 с. (Боспорские исследования. Supplementum 13).

Бутягин А.М., Чистов Д.Е. Святилища Мирмекия VI–IV вв. до н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Материалы VIII Боспорских чтений / ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь: Б.и., 2007. С. 46–55.

Бухерт В.Г. С.Ф. Платонов и кружок русских историков // АЕ за 1999 г. 2000. С. 126–143.

Быковская Н.В. Неизвестная война // Керченская старина / ред.-сост. Н.В. Быковская и др. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. Вып. 1. С. 29–46.

Бэр К.М. О древнейших обитателях Европы // Записки ИРГО. 1863. Кн. 1. Отд. II. С. 2–20.

Бэр К.М. О первоначальном состоянии человека в Европе // Месяцеслов за 1864 (високосный) г. Приложение. СПб.: Б. и., 1864. С. 25–65, 75.

Бэр К.М., Шифнер А.А. О собирании доисторических древностей в России для этнографического музея // Записки ИАН. 1862. Т. 1. Кн. 1. С. 115–123.

В.И. Ленин. Биографическая хроника / ред. Г.Н. Голиков и др. Т. 7. Март — ноябрь 1919 г. М.: Политиздат, 1976. 700 с.

Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия Лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1973. Вып. 6. С. 91–159.

Вадецкая Э.Б. Сказы о древних курганах. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1981. 114 с.: ил. (Страницы истории нашей Родины).

Вайнштейн С.И., Кляшторный С.Г. В.В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов // Тюркологический сборник 1971. М., 1972. С. 20–31.

Ванчугов В.П. Одесское Общество Истории и Древностей на рубеже XIX–XX вв. и Э.Р. Штерн // 150 лет Одесскому Обществу Истории и Древностей. 1839–1989. Тезисы докладов юбилейной конференции. 27–28 октября 1989 г., г. Одесса / отв. за вып. В.Н. Станко. Одесса: Одесское археол. о-во; Одесский археол. музей, Одесская гор. типография облполиграфиздата, 1989. С. 24–27.

Ванчугов В.П. Э.Р. фон Штерн и археология Северного Причерноморья на рубеже XIX и XX веков // Borysthenika–2004. Материалы международной научной конференции к 100-летию начала исследования острова Березань Э.Р. фон Штерном / отв. ред. С.Д. Крыжицкий. Николаев: ИА НАНУ, Нац. ист.-археол. заповедник «Ольвия», 2004. С. 7–13.

Варнеке Б.В. Материалы для биографии Н.П. Кондакова / публ. И.В. Тункиной // Диаспора. Новые материалы / отв. ред. О.А. Коростелев. Париж; СПб.: Athenaeum; Феникс, 2002. Вып. 4. С. 72–152.

Васильев С.А. Изучение палеолита в России: прошлое, настоящее и перспективы на будущее // Stratum Plus. 2001 / 2002. № 1. С. 21–170.

Васильев С.А. Древнейшее прошлое человечества: Поиск российских ученых. СПб.: ИИМК РАН, 2008. 180 с.: ил.

Васильева Р.В. Главное археологическое учреждение царской России: Императорская археологическая комиссия. 1859–1917 гг. Заметки архивиста // Культурное наследие Российского государства. Прошлое и современность. Ученые и политики об историческом и культурном достоянии / ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: Вести, 2000. Вып. 2. С. 177–187.

Васильева Р.В. Документы Н.П. Кондакова в рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН (Краткий обзор) // Никодим Павлович Кондаков. 1844–1925. Личность, научное наследие, архив: к 150-летию со дня рождения. Сб. по материалам юбил. выставки и конференции / ред. И.Д. Соловьева. СПб.: Palace Editions, 2001. С. 43–45.

Вахтина М.Ю. «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора. Межвуз. науч. сб. / отв. ред. Е.А. Молев. Воронеж; Белгород: ВГПИ, Упринформпечать, 1991. С. 3–11.

Вахтина М.Ю. Скифское погребение у Цукурского лимана на Тамани // Скифия и Боспор (Материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева) / ред. Б.А. Раев. Новочеркасск: Б. и., 1993. С. 51–58.

Вахтина М.Ю. Основные категории греческой импортной керамики из раскопок Немировского городища // МАИЭТ. 1998. Т. 6. С. 122–139.

Вахтина М.Ю. О некоторых греческих элементах женского погребения в кургане Карагодеуашх // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. Декабрь 1999 / ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С 195–199.

Вахтина М.Ю. Еще раз о погребении в кургане Темир-Гора и некоторых вопросах греческой колонизации Киммерийского Боспора // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы III Боспорских чтений / ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь: Б.и., 2002. С. 31–36.

Вахтина М.Ю. Об иконографии женских божеств на зеркале и ритоне из Келермеса // БИ. 2004. Вып. 7. С. 63–68.

Вахтина М.Ю. О композиции на золотой треугольной пластине из женского погребения кургана Карагодеуашх // Материалы V Кубанской археологической конференции / ред. И.И. Марченко. Краснодар: Б. и., 2009. С. 39–43.

Вахтина М.Ю. Об украшениях из женской гробницы кургана Карагодеуашх (по материалам научного архива ИИМК РАН) // Таврические студии. 2016. № 10. С. 24–31.

Вахтина М.Ю. История раскопок кургана на Темир-Горе (по материалам Научного архива ИИМК РАН) // Российские археологи XIX — начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора / ред. В.А. Горончаровский. СПб.: Изд-во РХГА, 2017a. С. 44–68.

Вахтина М.Ю. О находке первого образца греческой керамики на Немировском городище // Північне Причерномор'я за античної доби (на пошану С.Д. Крижицького) / гл. ред. Н.О. Гаврилюк. Київ: Стародавній світ, 2017b. С. 250–255.

Вахтина М.Ю. Боспорская элита до эпохи Спартокидов // БИ. 2017c. Вып. 34. С. 25–111.

Вахтина М.Ю. Об устройстве каменной гробницы в кургане Карагодеуашх // Археологія і давня история України. 2018. Вип. 2. С. 164–171.

Вахтина М.Ю., Скорый С.А., Ромашко В.А. О месте находки скифского навершия с изображением Папая // Записки ИИМК РАН. 2010. № 5. С. 161–178.

Вдовиченко Є.В. Меценат науки (пам'яті Георгія Льововича Скадовського) // Археологія. 2006. № 3. С. 108–110.

Вейнер П.П. Библиографические листки. «Старые годы», их история и критика en connaissance de cause (комментарии) / вступ. статья, сост., коммент. И.А. Золотинкиной. СПб.: Коло, 2008. 286 с.: ил.

Векилова Е.А. Палеолитическая стоянка Боршево 1 // Палеолит и неолит СССР / ред. А.П. Окладников. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 111–136. (МИА. № 39).

Вельмин С.П. Археологические изыскания ИАК в 1908 и 1909 гг. на территории древнего Киева // Военно-исторический вестник. 1910. № 7–8. С. 1–33.

Вельмин С.П. Раскопки Императорской археологической комиссии в Киеве в усадьбе Десятинной церкви летом 1911 г. (Университетские известия. Октябрь. Прибавл. II) // Отчет о деятельности Историко-этнографического кружка при Университете Св. Владимира за 1911–1912 гг. Киев: Б. и., 1914. С. 4–7.

Вельтман А.Ф. Царский златой венец и царские утвари, присланные греческими императорами Василием и Константином первовенчанному великому князю Владимиру Киевскому // ЧОИДР. 1860. Кн. 1. С. 29–44.

Верхоланцев В. Город Пермь, его прошлое и настоящее (краткий историко-статистический очерк). Пермь: Электро-тип. губернского земства, 1913. 204 с.

Веселовский Н.И. Отзыв о научной деятельности барона В.Г. Тизенгаузена // Записки ИРАО. Новая серия. 1887a. Т. 2. С. CXIV–CXIX.

Веселовский Н.И. Сообщение Н.И. Веселовского о курганах в Бердянском уезде, читанное в Общем собрании ИРАО 20 октября 1887 г. // Записки ИРАО. Новая серия. 1887b. Т. 3. С. LXIX–LXXVII.

Веселовский Н.И. История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846–1896. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1900. 516 с.: портр.

Веселовский Н.И. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах южной России и на Кавказе // Известия ИАК. 1910. Вып. 35. С. 1–11.

Веселовский Н.И. О раскопках в Кубанской губернии // Отчет ИАК за 1909–1910 гг. 1913. С. 147–151.

Веселовский Н.И. Бронзовый панцирный нагрудник с изображением головы Медузы // Известия ИАК. 1918. Вып. 65. С. 1–8.

Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX в. М.: Искусство, 1986. 382 с.: ил.

Вздорнов Г.И. Волотово. Фрески церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода. М.: Искусство, 1989. 344 с.: ил.

Вздорнов Г.И. Реставрация и наука: очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М.: Индрик, 2006. 412 с.: ил.

Винберг Н.А. Некоторые вопросы советской отраслевой библиографии по археологии (из опыта работы библиотеки Ленинградского отделения Института археологии АН СССР) // 250 лет Библиотеке Академии наук СССР: Сборник докладов юбил. науч. конф., 25–26 ноября 1964 г. / отв. ред. М.С. Филиппов. М.; Л.: Наука, 1965. С. 217–232.

Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.): (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972. 392 с.: ил., карт.

Виноградов В.Б., Деппуева Д.Е. Монетные находки и клады на территории Кабардино-Балкарии (до конца XVIII века) // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный: Чечено-Ингушский гос. универ. им. Л.Н. Толстого, 1987. С. 75–89.

Виноградов Ю.А. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора / отв. ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1992. С. 99–120.

Виноградов Ю.А. Курган Ак-Бурун (1875 г.) // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева) / ред. Б.А. Раев. Новочеркасск: Б. и., 1993. С. 38–51.

Виноградов Ю.А. О ритонах из кургана Карагодеуашх // ПАВ. 1993. №6. С. 66–71.

Виноградов Ю.А. О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны // Таманская старина. 1998. Вып. 1. С. 62–68.

Виноградов Ю.А. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. №3. С. 101–115.

Виноградов Ю.А. Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum Plus. 2000. №3. С. 98–128.

Виноградов Ю.А. К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Ю.В. Андреева / ред. В.Ю. Зуев. СПб.: ГЭ, Алетейя, 2000. С. 227–232.

Виноградов Ю.А. Из истории археологических раскопок на мысе Ак-Бурун под Керчью // АВ. 2001. № 8. С. 311–315.

Виноградов Ю.А. «Там закололся Митридат...». Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху: (VI–I вв. до н. э.). СПб.: Петербургское Востоковедение; М.: Филоматис, 2004a. 208 с.: ил. (Militaria Antiqua. IV).

Виноградов Ю.А. Курган Малая Близница (история изучения и датировка) // БИ. 2004b. Вып. 7. С. 89–111.

Виноградов Ю.А. Бронзовый панцирь из Елизаветинского кургана // Боспорский феномен: Проблема письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции / ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 264–271.

Виноградов Ю.А. Счастливый город в войне: Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н.э. — IV в. н.э.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 252 с.: ил. (Militaria Antiqua. IX).

Виноградов Ю.А. Золотой курган (Алтын-Оба) // БИ. 2007. Вып. 17. С. 5–20.

Виноградов Ю.А. Большой лекиф Ксенофанта. СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. 62 с.: ил. (Античность в Эрмитаже).

Виноградов Ю.А. Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК — РАИМК (ГАИМК) — ИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 7–36.

Виноградов Ю.А. Курган на Лысой горе под Таманью // Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова / ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, Г.Р. Цецхладзе. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. С. 113–118.

Виноградов Ю.А. Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917). Симферополь; Керчь: Б.и., 2012. 368 с.: ил. (Боспорские исследования. Вып. 27).

Виноградов Ю.А. Курган Мирзы Кекуватского // ДБ. 2012. Вып. 16. С. 39–50.

Виноградов Ю.А. Об изучении курганного некрополя Юз-Оба // Фидития. Памяти Ю.В. Андреева / ред. М.Ю. Вахтина, Ю.А. Виноградов, В.А. Горончаровский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 39–51.

Виноградов Ю.А. Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014) / отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 160–190.

Виноградов Ю.А. Острый или Десятый курган некрополя Юз-Оба // БИ. 2014a. Вып. 30. С. 535–552.

Виноградов Ю.А. Курган у села Баксы в Восточном Крыму // БИ. 2014b. Вып. 30. С. 510–528.

Виноградов Ю.А. Еще раз о кургане у села Баксы в Восточном Крыму // БИ. 2014c. Вып. 30. С. 529–534.

Виноградов Ю.А. Об одной гробнице, открытой во время раскопок Ф.И. Гросса под Керчью в 1885 г. // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова (1914–1998) / отв. ред. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб.: Нестор-История, 2014d. С. 24–32.

Виноградов Ю.А. Российский археолог Федор Иванович Гросс // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности: к 70-летию В.П. Толстикова / отв. ред. Д.В. Журавлев. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2015. С. 317–326.

Виноградов Ю.А. Юз-Оба — некрополь боспорской знати. Культура и хронология // РАЕ. 2015–2016. № 5–6. С. 79–99.

Виноградов Ю.А. Богатое эллинистическое погребение Тузлинского некрополя // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола / науч. ред. Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер. М.: ГИМ, 2016. С. 19–22.

Виноградов Ю.А. Российский археолог Кирилл Родионович Бегичев // БИ. 2017a. Вып. 35. С. 364–388.

Виноградов Ю.А. Древности Боспора Киммерийского в рисунках К.Р. Бегичева и Ф.И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН). Симферополь; Керчь: Изд-во ООО «Соло-Рич», 2017b. 184 с.: ил. (Боспорские исследования. Supplementum 17).

Виноградов Ю.А. Культура боспорской элиты при Спартокидах // БИ. 2017c. Вып. 34. С. 112–223.

Виноградов Ю.А. Керченские археологи во время Крымской войны // Российские археологи XIX — начала XX в. и курганные древности европейского Боспора / отв. ред. В.А. Горончаровский. СПб.: Изд-во РХГА, 2017d. С. 23–44.

Виноградов Ю.А. Курганный некрополь Пантикапея // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев / отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017e. С. 67–110.

Виноградов Ю.А. Склеп Сорака // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии / отв. ред. Ю.А. Виноградов, М.В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН, Лема, 2017f. С. 40–52.

Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. — середина III в. н.э.). СПб.: Нестор-История, 2009. 348 с.: ил. (Труды ИИМК РАН. Т. XXV).

Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т.I. История изучения и топография. Симферополь; Керчь: Майстер Книг, 2012. 286 с.: ил. (Боспорские исследования. Supplementum 9).

Виноградов Ю.А., Медведева М.В. Из истории создания «Античной декоративной живописи на юге России» М.И. Ростовцева // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии / отв. ред. Ю.А. Виноградов, М.В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН, Лема, 2017. С. 9–30.

Виноградов Ю.А., Никоноров В.П. Деревянная основа седла из керченского кургана второй половины IV в. до н.э. // БИ. 2009. Вып. 22. С. 127–134.

Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю. Погребения с фигурными сосудами из некрополя Фанагории // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции / ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: ИИМК РАН, 2007. Ч. 1. С. 220–224.

Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. М.: Наука, 1989. 248 с.: ил.

Вишневский Б.Н. Географ-краевед И.Я. Кривощеков. Пермь: Кн. изд-во, 1961. 204 с.: ил., карт.

Власов В.П. Лепная керамика первых веков н. э. из зольника Пантикапея // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений / ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь: Б. и., 2003. С. 56–58.

Власова Е.В. Курган Васюринская гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже / гл. ред. Е.Н. Ходза. СПб.: Изд-во ГЭ, 2004. С. 158–174.

Власова Е.В. Семибратние курганы. Синды // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья: материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.Ф. Гайдукевича, Санкт-Петербург, 7–8 апреля 2005 г. / отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2005. С. 70–74.

Власова Е.В. Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани / гл. ред. Г.М. Бонгард-Левин. М.: Наука, 2010. Т. III. С. 199–262.

Власова Е.В. Серебряные изделия из кургана Куль-Оба // Таврические студии. 2016. №10. С. 51–59.

Волков Ф.К. Палеолитическая стоянка в с. Мезине Черниговской губернии // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове. 1908 г. / ред. П.С. Уварова. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, преемник В.И. Воронов, 1911. Т. 3. С. 263–270.

Волков Ф.К. Палеолит в Европейской России и стоянка в с. Мезине Черниговской губернии [протокол доклада и дискуссии по нему]. Протоколы ОРСА ИРАО за 1909 год. Ч. II // ЗОРСА. 1913a. Т. IX. С. 299–306.

Волков Ф.К. Новейшие направления в антропологических науках и ближайшие задачи антропологии в России // Ежегодник Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете. 1913b. Т. 4. С. 1–8.

Волков Ф.К. Приложение 1. Каменный век в России // Гернес М. Первобытная культура. Ч. 1. Каменный век / ред. Ф.К. Волков. Рига: Изд-во «Наука и Жизнь», 1914. С. 171–179.

Волков Ф.К. Антропология и ее университетское преподавание // Ежегодник Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете. 1915. Т. 5. С. 99–107.

Вольная Г.Н. О начальном этапе истории изучения зооморфного искусства Кавказа раннего железного века // Археологический альманах. 2010. № 21. С. 333–344.

Вольтер Э.А. Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1890. Ч. 1. Праздники и семейные песни латышей. 401 с. (Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. 15. Вып. 1).

Воронин Н.Н. Развитие славяно-русской археологии в СССР // Славяне. 1948. № 7. С. 25–30.

Воронин Н.Н. Некоторые вопросы методики раскопок древнерусского города // КСИИМК. 1951. Вып. 38. С. 152–161.

Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.: Наука, 1979. 416 с.: ил.

Воронина Р.Ф. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX — начало XI века: По материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 гг. М.: ИА РАН, 2007. 162 с.: ил.

Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969. 94 с.: ил.

Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М.: Наука, 1975. 169 с.: ил., карт.

Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Кн. изд-во, 1979. 126 с.: ил.

Воронов Ю.Н. Диоскуриада — Себастополис — Цхум. М.: Наука, 1980. 128 с.: ил., карт. (Страницы истории нашей Родины).

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., Жуковский М.О., Кузнецов В.Д. Курган Боюр-Гора (Буерова могила) — усыпальница элиты столицы Азиатского Боспора // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола / отв. ред. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб.: Палаццо, 2016. С. 147–164.

Всевиов Л.М. Издательская деятельность Императорской археологической комиссии // АВ. 2018. № 24. С. 383–400.

Вовк Хв. Передісторичні знахідки на Кирилівській улиці у Києві // Матеріали до українсько-руської етнології. Т. I. Львів: НТШ, 1899a. С.1–12.

Вовк Хв. Палеолітичні знахідки на Кирилівський улиці у Києві (додаток до попередньої статті) // Матеріали до українсько-руської етнології. Т. I. Львів: НТШ, 1899b. С. 211–219.

Высочайшее посещение Императорской археологической комиссии // Известия ИАК. 1904. Прибавление к вып. 9. Хроника и библиография. Вып. 5. С. 1–2.

Высочайшие посещения Императорской археологической комиссии и музеев // Известия ИАК. 1914. Прибавление к вып. 56. Хроника и библиография. Вып. 25. С. 1–5.

Высочайше утвержденное 16-го июня 1870 года городовое положение с обсуждениями. СПб.: Хоз. департамент МВД, 1871. 240 с.

Выставка древностей, доставленных в Археологическую комиссию в 1888–1890 гг. СПб.: Б. и., 1891. 43 с.

Вяткин В.Л. Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 году // Известия РКИСВА. 1908. № 8. С. 2–36.

Вяткин В. Афрасиаб — городище былого Самарканда: Археологический очерк. Ташкент: Главнаука Наркомпроса УзССР, 1927. 65 с.: ил.

Вяткин В.В. Александр Андреевич Спицин // Вопросы истории. 2014. № 12. С. 38–50.

Гаврилов А.К. Петербург в судьбе Генриха Шлимана. СПб.: Коло, 2006. 447 с.: ил.

Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: Эпоха энеолита и ранней бронзы. М.: Наука, 1991. 262 с.: ил.

Гадирова-Атеши Н. История археологии Кавказа. Баку: Изд-во Университета Хазар, 2017. 414 с.: ил.

Гадирова-Атеши Н. Немецкие и другие европейские исследования на Кавказе // Azərbaycan MEA-nın Xəbərləri. İctimai elmlərseriyası. 2016. № 4. С. 79–97.

Гадло А.В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья // Древности Дагестана: сб. статей / отв. ред. В.Г. Котович. Махачкала: Б. и., 1974. С. 141–150.

Гайдукевич В.Ф. Строительные керамические материалы Боспора // Известия ГАИМК. 1934. Вып. 104: Из истории Боспора. С. 211–315.

Гайдукевич В.Ф. Археологическое изучение Мирмекия // Археологические памятники Боспора и Херсонеса / ред. С.А. Жебелев, В.Ф. Гайдукевич. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1941a. С. 96–109. (МИА. № 4).

Гайдукевич В.Ф. Укрепленная villa rustica на Темир-горе // СА. 1941b. Т. 7. С. 45–60.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.: ил.

Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // АГСП. 1955. Вып. 1. С. 23–147.

Гайдукевич В.Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // Боспорские города. II. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. / ред. В.Ф. Гайдукевич, Т.Н. Книпович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 9–148. (МИА. № 85).

Гайдукевич В.Ф. Виноделие на Боспоре // Боспорские города. II. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. / ред. В.Ф. Гайдукевич, Т.Н. Книпович М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 352–457. (МИА. № 85).

Гайдукевич В.Ф. Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. Варшава: S. n., 1959. 122 с.: ил. (Советско-польские раскопки Мирмекия. Т. 2).

Гайдукевич В.Ф. Мирмекийские зольники-эсхары // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 28–37.

Гайдукевич В.Ф. Античные города Боспора: Мирмекий. Л.: Наука, 1987. 178 с.: ил.

Гайдуков П.Г. Иван Иванович Толстой как коллекционер // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. Т. III. С. 203–205.

Гайдуков П.Г. К 150-летию со дня рождения Ивана Ивановича Толстого // РА. 2008. № 4. С. 159–166.

Гайдуков П.Г. «Воспоминания» В.Г. Дружинина как источник по истории Императорской археологической комиссии // РА. 2010. № 4. С. 136–142.

Галай Ю.Г. Отечественное законодательство XVIII–XX вв. по охране памятников археологии // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сб. науч. и метод. статей. Нижний Новгород: Изд-во НижГУ, 2004. С. 132–146.

Галай Ю.Г. «Комиссия Горького» и проблема сбережения памятников истории и культуры при Временном правительстве // Человек и мир в творчестве М. Горького. Горьковские чтения 2006 г. Материалы Международной конференции / отв. ред. Г.С. Зайцева. Нижний Новгород: Изд-во НижГУ, 2008. С. 370–376.

Галанина Л.К. Панафинейская амфора — награда атлету в Афинах. Л.: Изд-во ГЭ, 1962. 24 с.: ил.

Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья: (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга). М.: Наука, 1977. 68 с.: ил., карт. (Археология СССР. САИ. Вып. Д1–33).

Галанина Л.К. Курджипский курган: (Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н. э. Л.: Искусство, 1980. 128 с.: ил.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997. 296 с.: ил. (Степные народы Евразии. Т. I).

Галанина Л.К., Алексеев А.Ю. Древности скифской эпохи из Прикубанья // Античное наследие Кубани / ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. Т. III. С. 170–196.

Гамкрелидзе Г.А. Материалы к истории археологии в Грузии во второй половине XIX века // Исторический сборник АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1977. Вып. 7. С. 228–338. (Груз. Рез. рус.).

Ганзенко Л.Г., Коренюк Ю.О., Меднікова О.Ю. Нові дослідження археологічних колекцій стінопису Десятинної церкви та прилеглих споруд // Церква Богородиці Десятинна в Києві: до 1000-ліття освячення / ред. П.П. Толочко. Київ: АртЕк, 1996. С. 68–73.

Гартвиг А. Школа рисования в приложении к искусствам и ремеслам, учрежденная в 1825 г. графом С.Г. Строгановым: ее возникновение и развитие до 1860 г. М.: Склад изд. в Строгановском центр. уч-ще техн. рисования, 1901. 416 с.: ил.

Гасанов М.Р. Ученый с мировым именем (к 150-летию со дня рождения Н.Я. Марра) // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4. С. 136–141.

Герман П.В. Сибирский период научной деятельности Г.О. Оссовского // Вестник ТГУ. История. 2013. №3 (23). С. 116–119.

Геродот. История в девяти книгах / пер. и прим. Г.А. Стратановского; под общ. ред. С.Л. Утченко; ред. пер. Н.А. Мещерский. Л.: Наука, 1972. 600 с.: карт. (Памятники исторической мысли).

Герц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова. М.: ИМАО, 1870. 128 с.

Герцен А.Г., Науменко В.Е. Церковь святого Георгия Мангупского городища. Общие итоги археологических исследований 2015–2016 гг. // Археология античного и средневекового города: сборник статей в честь С.Г. Рыжова / ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь; Калининград: РОСТ-ДОАФК, 2018. С. 12–44.

Глаголев А.А. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников, составляемое при Министерстве внутренних дел. СПб.: Тип. МВД. Ч. 1. О русских крепостях. 1838. 52 с.; Ч. 2. Описание церквей и монастырей. 1840. 215 с.

Гладкий И.Е. Хищнические раскопки близ станицы Таманской, Кубанской области, в 1916 г. и открытие саркофага в кургане Лысой горы: Из прошлого Тамани. Екатеринодар: Б. и., 1916. 23 с.

Глазенап С. Раскопки обсерватории Улуг-бека в Самарканде // Известия ИАК. 1909. Прибавление к вып. 31. Хроника и библиография. Вып. 15. С. 33–35.

Глазов В.Н. Отчет о поездке 1903 г. в Крестецкий уезд Новгородской губернии // Известия ИАК. 1904. Вып. 6. С. 50–60.

Гнездовский могильник: Исследования и публикации / ред. В.Л. Егоров. М.: ГИМ, 1999. Ч. 1. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). 156 с.: ил. (Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. 36).

Гобеджишвили Г.Ф. Бедени — культура курганных погребений. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 146 с.: ил. (Груз. Рез. рус.).

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во ИркутГУ, 1985. 280 с.: ил.

Горбунова К.С. Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // Культура и искусство античного мира / ред. К.С. Горбунова. Л.: Аврора, 1971. С. 18–38.

Горбунова К.С., Передольская А.А. Мастера греческих расписных ваз. Л.: Изд-во ГЭ, 1961. 120 с.: ил.

Горбунова К.С. О характере поселения на острове Березань // Проблемы археологии / отв. ред. Л.С. Клейн. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. Вып. 2. С. 170–174.

Горбуров Е., Горбуров К. Николай Николаевич Пантусов (1849–1909) // Емінак. 2016. № 3 (2). С. 118–123.

Гордиенко Э.А. Икона святителя Николы на круглой доске из Никольского собора в Новгороде // НИС. 2008. Вып. 11 (21). С. 82–97.

Городцов В.А. Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки в связи с открытиями в окрестностях с. Дубровичи Рязанского уезда // Труды VIII Археологического съезда в Москве. 1890 г. / ред. П.С. Уварова. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1897. Т. 3. С. 161–199.

Городцов В.А. Следы неолитических стоянок в окрестностях Нижнего Новгорода // АИЗ. 1897. Т. 5. № 3. С. 70.

Городцов В.А. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902 г. / ред. П.С. Уварова. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1905. Т. 1. С. 515–673.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г. // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе. 1905 г. / ред. П.С. Уварова. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. Т. 1. С. 211–214.

Городцов В.А. Остатки неолитических стоянок в с. Сормове // Известия НУАК. 1909. Т. 7. Сб. в память В.И. Срезневского. С. 180–183.

Городцов В.А. Бытовая археология: (Курс лекций, читанный в Московском археологическом институте). М.: Московский археологический институт, 1910. 424 с.: карт.

Городцов В.А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове. 1908 г. / ред. П.С. Уварова. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, преемник В.И. Воронов, 1911. Т. 3. С. 93–161.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М.: Синодальная тип., 1916. 106 с.: ил.

Городцов В.А. Археология. Каменный период. М.; Пг.: Госиздат, 1923. Т. 1. 397 с.: ил.

Городцов Василий Алексеевич. Дневники. 1928–1944: в 2 кн. / сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых; отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. М.: Триумф принт, 2014. Кн. 1. 1928–1935. 688 с.; Кн. 2. 1936–1944. 694 с.

Городцов Василий Алексеевич. Дневники ученого. 1914–1918: Из собрания Государственного исторического музея: в 2 кн. / сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых, Г.С. Марштупа, Т.А. Цыпина; отв. ред. А.Д. Яновский. М.: ГИМ, 2019. Кн. 1. 1914–1915. 544 с.; Кн. 2. 1916–1918. 384 с.

Горончаровский В.А. Между империей и варварами: Военное дело Боспора римского времени. СПб.: Петербургское Востоковедение; М.: Филоматис, 2003. 222 с.: ил. (Militaria Antiqua. II).

Горончаровский В.А. О хронологии Семибратних курганов // Причерноморье в античное и раннесредневековое время / отв. ред. А.Н. Коваленко. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН. 2013. С. 161–173.

Горончаровский В.А. Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // БИ. 2014. Вып. 30. С. 553–618.

Горончаровский В.А. Цари и аристократия Синдики V — начала IV в. до н.э. // БИ. 2017a. Вып. 34. С. 224–260.

Горончаровский В.А. Дело о Львином кургане // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев / отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017b. С. 111–129.

Горончаровский В.А. «Сын античной мудрости...» (В.К. Мальмберг) // Записки ИИМК РАН. 2019. № 21. С. 140–152.

Горончаровский В.А., Иванчик А.И. Синды // Античное наследие Кубани / гл. ред. Г.М. Бонгард-Левин. М.: Наука, 2010. Т.I. С. 219–234.

Горчакова Е.С. Херсонесский монастырь в Крыму в память 900-летней годовщины крещения св. равноапостольного князя Владимира. (988–1888). М.: Тип. Л. и А. Снегиревых, 1888. 24 с.: ил.

Горький М. Херсонес Таврический // Исторический журнал. 1938. № 3. С. 39–47.

Грач А.Д. Археологические исследования в Западной Туве // КСИЭ. 1955. Вып. 23. С. 19–33.

Грач Н.Л. Круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба (к вопросу о мастерских) // ТГЭ. 1984. Т. XXIV. С. 100–109.

Грехова Л.В., Попова Т.Б., Раушенбах В.М., Цветкова И.К. Карта памятников палеолита, мезолита и неолита в Окском бассейне // Грехова Л.В., Полякова Г.Ф., Попова Т.Б.,

Раушенбах В.М., Цветкова И.К. Окский бассейн в эпоху камня и бронзы / ред. В.М. Раушенбах. М.: ГИМ, 1970. С. 231–250. (Труды ГИМ. Вып. 44).

Грибанова Н. «Втрачене» джерело про археологічні дослідження 1908–1914 рр. // Церква Богородиці Десятинна в Києві: до 1000-ліття освячення / ред. П.П. Толочко. Київ: АртЕк, 1996. С. 24–28.

Григорьев В.В. Жизнь и труды П.С. Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб.: ИРАО, 1861. 306 с.: портр.

Григорьева О.В., Лазаревская Н.А. Материалы Александра А. Миллера в фондах Научного архива ИИМК РАН // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера): Материалы Международной научной конференции и Гумбольдт-лектория / ред. кол. М. Кашуба, С. Райнхольд, В. Алекшин. СПб.: ИИМК РАН; Евразийское отделение ДАИ, 2015. С. 33–38.

Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического I. Подстенный склеп и ворота Херсонеса, открытые в 1899 г. Севастополь: Изд. Херсонесского музея, 1926. 76 с.: ил. (Херсонесский сборник. Вып. 1).

Гриневич К.Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927 гг.). Севастополь: 2-я Тип. Крымполиграфтреста, 1927. 52 с.: ил.

Гриневич К.Э., Кудь-Белова Л.Н., Белов Т.Д. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р.Х. Лепера в 1908–1912 гг.; Описание найденных монет при раскопках Северо-Восточной части Херсонеса в 1908–1912 гг.; Терракоты Херсонеса из раскопок 1908–1912 гг. Севастополь: 2-я Тип. Крымполиграфтреста, 1930. 245 с.: ил. (Херсонесский сборник. Вып. 3).

Гриневич К.Э. Оборона Боспора Киммерийского // ВДИ. 1946. № 2. С. 160–164.

Гриневич К.Э. Юз-Оба (Боспорский могильник IV в. до н. э.) // Археология и история Боспора. Сб. статей. Симферополь: Крымиздат, 1952. Т. 1. С. 129–147.

Гуммель Я.И. Археологические очерки. Баку: АзФан, 1940. 166 с.: ил.

Гурулева В.В. С.Г. Строганов — первый президент Императорской Археологической комиссии // Хранитель. Исследователь. Учитель. К 85-летию В.М. Потина: сб. науч. статей / ред. кол. Г.В. Вилинбахов и др. СПб.: Изд-во ГЭ, 2005. С. 153–162.

Гущин А.С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. М.; Л.: Соцэкгиз, Лен. отд-ние, 1936. 82 с.: ил.

Гущян Л.С. Ванская экспедиция петербургских востоковедов в 1916 г. // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 35–43.

Д.В. Милеев // Архитектурно-художественный еженедельник. 1915. № 17. С. 194.

Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. 192 с.: ил., карт.

Давыдов А.И. Императорская археологическая комиссия и охрана памятников Городца в конце XIX — нач. XX века // Городецкие чтения / ред. А.Ф. Баусов. Городец: Б. и., 2012. С. 135–144.

Давыдов А.И. Императорская археологическая комиссия и охрана памятников деревянной архитектуры Нижегородского Поволжья в конце XIX — начале XX века [2013]. URL: http://opentextnn.ru/space/cult/?id=6908 (дата обращения: 01.12.2019).

Данилевич В.Е. Остатки неолитической культуры на территории Херсонеса // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1913. Т. 19. Памяти профессора Е.К. Редина († 27 апреля 1908 г.). С. 235–249.

Данилов И. Правительственные распоряжения относительно древностей с императора Петра I, особенно в царствование императора Александра II // ВАИ. 1886. Вып. 6. С. 1–50.

200-летие [Двухсотлетие] Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904: Историческое исследование. СПб.: Изд-во Товарищества Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 754 с.

Девель Т.М. Обозрение коллекций собрания фотоархива Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра АН СССР // СА. 1950. Т. XII. С. 289–336.

Девель Т.М. Альбом фотографий миссии полковника Н.П. Игнатьева в Хиву и Бухару 1858 г. // Страны и народы Востока (география, этнография, история, культура). 1994. Вып. 28. С. 259–271.

Деген Б.Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 213–316. (МИА. № 3).

Дедабришвили Ш.Ш. Курганы Алазанской долины. Тбилиси: Мецниереба, 1979. 76 с.: ил. (Труды Кахетинской археол. экспедиции. № 2).

Декреты Советской власти: 1 апреля — 31 июля 1919 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; АН СССР / подг. С.Н. Валк и др. М.: Политиздат, 1971. Т. 5. 720 с.

Джавахишвили А.И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V–III тыс. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1973. 376 с.: ил., карт.

Джавахишвили А.И., Глонти Л.И. Археологические раскопки, проведенные в 1954–1961 гг. на селище Квацхелеби (Твелипиакохи). Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР, 1962. 74 с.: ил. (Груз. Рез. рус.). (Урбниси. Т. 1).

Джапаридзе О.М. К этнокультурной истории грузинских племен в III тысячелетии до н. э.: по данным археологии. Тбилиси: Мецниереба, 1976. 358 с. (Груз. Рез. рус.).

Джапаридзе О.М. У истоков истории Грузии. Тбилиси, 2003. (Груз.).

Джуракулов М.Д. Археологическая деятельность А.В. Комарова в Закаспии // Труды Самаркандского гос. ун-та. Нов. сер. Археология Узбекистана. 1964. Вып. 135. С. 129–143.

Дирин А.А. Мыс «Зюк» и сделанные на нем археологические находки // Записки ИООИД. 1896. Т. 19. С. 121–131.

Длужневская Г.В. Изучение памятников Средней Азии в период деятельности Императорской археологической комиссии (1859–1917): фотоматериалы Научного архива Института истории материальной культуры РАН // РА. 2008. № 3. С. 157–164.

Длужневская Г.В. Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях: по материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН: [Альбом]. 2-е изд. СПб.: Лики России, 2010. 304 с.: ил.

Длужневская Г.В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЭлекСис, 2011. 296 с.

Длужневская Г.В. Научный архив Института истории материальной культуры РАН: история архива и хранители «вечности» // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 292–318.

Длужневская Г.В. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ИИМК РАН, Лема, 2014. 218 с.

Дмитриев В.А. Палеоэтнология и хранитель этнографического отдела Русского музея А.А. Миллер // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 43–50.

Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д.Я. Самоквасовым в августе 1909 г. М.: Синодальная тип., 1915. 40 с.

Добычина М.А., Иванов В.А. Николай Иванович Булычов (1852–1919) // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. 2016. Калуга, 2016. С. 48–53.

Доклады, читанные на Лондонском Международном конгрессе историков в марте 1913 г. графом А.А. Бобринским, Е.М. Придиком, М.И. Ростовцевым, Б.В. Фармаковским и Э.Р. фон Штерном. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1914. 180 с.: ил. (МАР. № 34).

Долбежев В.И. Об орнаментах и формах бронз, находимых в доисторическом кладбище близ селения Уолла-Кобан (Терской области) // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Б. и., 1888. Вып. 6. Приложение. С. 50–76.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1985. 496 с.: ил., карт. (Археология СССР).

Древние христианские храмы и св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь в Зеленчукском ущелье Кавказского хребта Кубанской области Баталпашинского уезда. Одесса: Тип. Е. И. Фисенко, 1897. 48 с.: ил.

Древний город Нимфей: Каталог выставки / отв. ред. С. П. Борисковская. СПб.: Изд-во ГЭ, 1999. 138 с.: ил.

Древности камской чуди по коллекции Теплоухова: Атлас рисунков с предисл. А. А. Спицына. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1902. 150 с.: ил. (МАР. № 26).

Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Л.: Огиз, 1933. 27 с.: ил. (Материалы ГАИМК. Вып. 2).

Древности Северо-Западного края. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1893. Т. 1. Вып. 2. Люцинский могильник. 47 с. (МАР. № 14).

Думберг К. Е. Извлечение из отчета о раскопках гробниц в 1899 г. // Известия ИАК. 1901. Вып. 1. С. 80–90.

Думберг К. Е. Извлечение из отчета о раскопках гробниц в 1900 г. // Известия ИАК. 1902. Вып. 2. С. 40–60.

Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа: История Армянского нагорья с 150 по 500 гг. до н. э. Хурриты, лувийцы, протоармяне. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1968. 266 с.: ил., карт.

Дэвлет М. А. Д. А. Клеменц как археолог // СА. 1963. № 4. С. 3–9.

Дэвлет М. А. Петроглифы Енисея: История изучения (XVIII — начало XX в.). М.: ИА РАН, 1996. 250 с.: ил.

Дэвлет М. А. Александр Васильевич Адрианов: (к 150-летию со дня рождения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 66 с. (Труды САИПИ. Вып. 1)

Дюбрюкс П. Собрание сочинений: в 2 т. / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Коло, 2010. Т. I. Тексты. 728 с.; Т. II: Иллюстрации. 310 с.

Евгеньев А. А. Археология и общество в середине XIX — начале XX века (по материалам Оренбургской губернии) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 3 (27). С. 80–96. URL: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/8_27_2018.pdf (дата обращения: 01.12.2019).

Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., Лисицына О. В. Древнее расселение и земледелие на восточном берегу оз. Ильмень по данным археологии и палеогеографии // Записки ИИМК РАН. 2007. № 2. С. 215–256.

Ернштедт Е. В. Монументальная живопись Северного Причерноморья (общий обзор памятников живописи) // АГСП. 1955. Вып. 1. С. 248–285.

Есаян С. А. Оружие и военное дело древней Армении: (III–I тыс. до н. э.). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1966. 158 с.: ил.

Есаян С. А. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении: (III–I тыс. до н. э.). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976. 272 с.: ил., карт.

Есаян С. А. Армения и русские археологи. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1977. 62 с. (Научно-информационный бюллетень. Сер. 4. Научно-аналитический обзор).

Ефименко П. П. Некоторые находки каменных орудий в Тверской и Новгородской губерниях и их место в системе европейской палеоэтнологии // Русский антропологический журнал. 1916. Кн. 37–38. № 1–2. С. 66–82.

Ефименко П. П. Некоторые итоги изучения палеолита СССР // Человек. 1928. Вып. 1. С. 45–59.

Ефименко П. П. Первобытное общество. Л.: Соцэгиз, 1938. 636 с.

Ешевский С. В. Заметка о пермских древностях // Пермский сборник. М.: Б. и., 1859. Кн. 1. С. 132–142.

Ёлшин Д. Д. Раскопки Императорской археологической комиссии в Киеве 1908–1914 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2007. Вып. 4. С. 226–230.

Ёлшин Д.Д. Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. 22 с.

Ёлшин Д.Д. К вопросу о реконструкции первоначального облика Десятинной церкви в Киеве // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной / ред.-сост. А.А. Пескова и др. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 363–370.

Ёлшин Д.Д. Чертежи первых археологических раскопок Десятинной церкви в Киеве как источник для архитектурной реконструкции храма // Seminarium Bulkinianum. III: к 75-летию со дня рождения Вал. А. Булкина / ред. И.В. Антипов, И.А. Шалина. СПб.: Каламос, 2012. С. 70–94.

Ёлшин Д.Д., Мелюх Е.Ю., Ходаковский Е.В. Дмитрий Васильевич Милеев (1878–1914): архитектурная археология и реставрация в России в начале XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 398 с.

Жебелев С.А. Пантикапейские Ниобиды. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1901. 58 с.: ил. (Древности Южной России. Т. 10. МАР. № 24).

Жебелев С.А. Ученые заслуги Б.В. Фармаковского // Отчет ИМАО. 1915. С. 1–9.

Жебелев С.А. Введение в археологию. Пг.: Наука и школа, 1923. Ч. 1. История археологического знания. 199 с. (Введение в науку).

Жебелев С.А. Памяти Бориса Владимировича Фармаковского // СГАИМК. 1929. Вып. 2. С. V–XXVI.

Жебелев С.А. Памяти Д.В. Айналова // Известия ОЛЯ. 1940. Т. 1. С. 133–135.

Жебелев С.А. Археолог-энтузиаст: (Памяти А.А. Спицына) // СА. 1948. Т. 10. С. 9–11.

Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / отв. ред. И.В. Тункина. М.: Индрик, 2017. 670 с. (Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 5).

Жервэ Н.Н. Археологическая деятельность и коллекции В.С. Передольского в оценке А.А. Иностранцева // Вопросы геологии и археологии: Тезисы докладов международного симпозиума, посвященного 150-летию со дня рождения А.А. Иностранцева / ред. В.А. Прозоровский. СПб.: СПбГУ, 1994. С. 9–60.

Жилина Н.В. Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М.: Наука, 2001. 246 с.: ил.

Жиль Ф.А. Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1854. Т. 1. 280 с.; Т. 2. Атлас. LXXXVI табл.: карт. (Текст парал. на рус. и фр. яз.).

Жиль Ф.А. Музей Императорского Эрмитажа: Описание различных собраний, составляющих музей, с историческим введением об Эрмитаже императрицы Екатерины II и об образовании музея Нового Эрмитажа. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1861. 409 с.

Жуков Ю.Н. Сталин: операция «Эрмитаж». М.: Концептуал, 2019. 224 с.: ил.

Жуковский В.А. Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1894. 218 с.: ил. (МАР. № 16).

Журавлев Д.В., Костромичев Д.А. Р.Х. Лепер и его раскопки Херсонесского некрополя // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Материалы XVII Боспорских чтений / ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь: Б.и., 2016. С. 152–156.

Журавлев Д.В., Костромичев Д.А. Комплексы с ювелирными изделиями из херсонесского некрополя. Ч. 1. Материалы раскопок Р.Х. Лепера в 1909–1910 гг. М.: РИА Внешторгиздат, 2017. 184 с.: ил.

Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. 1. 1917–1919 гг. СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. 602 с.: портр. (Сер. Страницы истории Эрмитажа).

Забелин И.Е. В чем заключаются основные задачи археологии как самостоятельной науки? // Труды III Археологического съезда в Киеве. 1874 г. Киев: Тип. Имп. Киев. ун-та им. св. Владимира, 1878. Т. 1. С. 1–17.

Забелин И.Е. Речь // Речи, говоренные на заседании Императорского ОИДР 4 мая 1882 г., посвященном незабвенной памяти бывшего председателя графа С.Г. Строганова. М.: ИОИДР при Моск. ун-те, 1893. С. 1–4.

Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. 4-е изд. с доп. М.: Ступин, 1918. Ч. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. 792 с.

Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 384 с. (Записки прошлого).

Забнин С.И. Новооткрытая палеолитическая стоянка в Крыму: предварительное сообщение // Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии. 1928. №2 (59). С. 146–157.

Завитневич В.З. Область дреговичей как предмет археологического исследования // Труды КДА. 1886. Т. 8. С. 569–603.

Завитневич В.З. Из археологической экскурсии в Припятское Полесье // ЧИОНЛ. 1890. Кн. 4. Отд. 2. С. 1–29.

Завитневич В.З. О курганах Минской губернии // Календарь Северо-Западного края за 1890 г. / ред. М. Запольский. М.: Рассвет, 1890. С. 9–15.

Завитневич В.З. Замок князя Семена Олельковича и летописный Городец под Киевом (Результат пробной археологической раскопки) // ЧИОНЛ. 1891. Кн. 5. Отд. 2. С. 134–141.

Завитневич В.З. К вопросу об имени «Русь» // ЧИОНЛ. 1892. Кн. 6. Отд. 2. С. 18–20.

Завитневич В.З. Вторая археологическая экскурсия в Припетское Полесье // ЧИОНЛ. 1892. Кн. 6. Отд. 2. С. 2–72.

Завитневич В.З. Курганы-майданы // ЧИОНЛ. 1893. Кн. 7. Отд. 1. С. 4–5.

Завитневич В.З. Археологические изыскания в бассейне р. Березины, произведенные летом 1893 г. // ЧИОНЛ. Киев, 1894. Кн. 8. Отд. 1. С. 8–9.

Завитневич В.З. Археологическая поездка по Черниговской и Минской губерниям // Древности. Труды ИМАО. 1894. Т. 15. Вып. 2. С. 121–124.

Завитневич В.З. Формы погребального обряда в могильных курганах Минской губернии // Труды IX Археологического съезда в Вильне. 1893 г. / ред. П.С. Уварова, С.С. Слуцкий. М.: Тип. Г. Лисснера и Ремана, 1895. Т. 1. С. 221–235.

Завитухина М.П. К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I // Культура и искусство петровского времени. Публикации и исследования / ред. Г.Н. Комелова. Л.: Изд-во ГЭ, 1977. С. 63–69.

Заднепровская Т.Н. К истории библиографии отечественной археологии // Традиции российской археологии: Материалы методологического семинара ИИМК РАН / ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 62–65. (Археологические изыскания. Вып. 33).

Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонякова Н.А. Сокровища хана Кубрата: Перещепинский клад. СПб.: Славия, 1997. 336 с.: ил.

Замятнин С.Н. Исследования по первобытной археологии в СССР за 25 лет // КСИИМК. 1946. Вып. 13. С. 191–195.

Замятнин С.Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910–1915 гг.) // СА. 1946. Т. 8. С. 9–50.

Записки КОИРГО. Тифлис, 1871. Т. 1. №2.

Записки разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества / под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1911. Т. 1.

Записки разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества / под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1913. Т. 2.

Заседание Совета XI Археологического съезда // Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899 г. / ред. П.С. Уварова, С.С. Слуцкий. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1902. Т. 2. С. 29–31.

Заседание Киевского исторического общества Нестора Летописца, посвященное анализу ряда сообщений участников XII АС // Известия ИАК. 1903. Прибавление к Вып. 5. Хроника и библиография. Вып. 3. С. 21–24.

Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 5–17.

Засецкая И.П. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя (конец IV — начало VII в.) // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 97–106.

Засецкая И.П. Михаэльсфельд — эталонный памятник раннего средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // АСГЭ. 2010. Вып. 38. С. 123–159.

Захарова Е.Ю. Становление воронежской археологии: роль Н.Е. Макаренко // История археологии: личности и школы: материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки [Киев (5–8.10.2010)] / отв. ред. Н.И. Платонова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 157–161.

Захарова Е.Ю. Роль Императорской археологической комиссии в археологии центрального Черноземья России // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 1. С. 33–37.

Захарова А.В., Цыпкина А.Г. Малоизвестные росписи трапезундских храмов по материалам экспедиции Ф.И. Успенского 1916–1917 гг. // Византийский временник. 2016. Т. 75. № 100. С. 178–196.

Зинько Е.А. Склеп Деметры. Симферополь: Б. и., 1994. 16 с.: ил.

Зинько Е.А., Буйских А.В., Русяева А.С., Савостина Е.А., Стриленко Ю.Н., Ягги О. Склеп Деметры. Киев: Мистецтво, 2009. 184 с.: ил.

Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября. Л.: Наука, 1988. 350 с.

Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., Пилингер Р., Пюльц А. Раскопки т. н. «базилики Крузе» в Херсонесе (украино-австрийский проект) // ХСб. 2003. Вып. 12. С. 229–247.

Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса // ХСб. 1997. Вып. 8. С. 30–45.

Зубар В.М. Історія розкопок і топографія античного некрополя Херсонесу // Археологія. 1978. № 25. С. 50–59.

Зубов В.П. Страдные годы России: Воспоминания о революции (1917–1925). М.: Индрик, 2004. 320 с.: ил.

Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман / ред. Г.М. Бонгард-Левин. М.: РОССПЭН, 1997. С. 50–83.

Зуев В.Ю. К юбилею Александра Ефимовича Люценко // Боспорский феномен: Сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции / Ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: ИИМК РАН, 2007. Ч. 1. С. 8–13.

И.Б. Археологическая комиссия // Словарь Граната. М.: Изд. тов. А. Гранат и К°, 1911. Т. 3: Анафилаксия — Археологические общества. С. 630.

Иванов А. Золотой набор китайского форменного пояса // Известия ИАК. 1902. Вып. 3. С. 106–171.

Иванов Е.Э. Херсонес Таврический. Симферополь: Тип. Таврического губернского земства, 1912. 378 с.: ил. (ИТУАК. № 46).

Иванова А.П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1953. 192 с.: ил.

Иванова А.П. Скульптура и живопись Боспора: Очерки. Киев: Изд-во АН УССР, 1961. 150 с.: ил.

Ивановский А.А. По Закавказью / ред. П.С. Уварова. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1911. 194 с.: ил. (МАК. Т. 6).

Ивановский В.В. [1]. Введение в государственное право и учение об организации верховой власти // Известия и ученые записки Казанского университета. 1895. Кн. 7–8. С. 287–372; Кн. 9. С. 91–144; Кн. 10. С. 1–82; Кн. 11. С. 1–64. Кн. 12. С. 1–48. [2]. Русское государственное право // Известия и ученые записки Казанского университета. 1896. Кн. 1. С. 1–68; Кн 2. С. 35–110; Кн. 3. С. 31–70; Кн. 4. С. 83–136; Кн. 6–7. С. 65–128; Кн. 8–9. С. 1–36; Кн. 10. С. 65–130; Кн. 11. С. 1–42.

Игнатьева О.В. Пермский звериный стиль: история коллекций и их изучения. Пермь: ПГПУ, 2009. 159 с.

Игнатьева О.В. А.Е. Теплоухов: 200 лет со дня рождения // Пермский край: историко-культурное наследие прошлого: материалы двенадцатой научно-практической конференции [XII Смышляевские чтения] (май 2011), посвященной 175-летию Пермской краевой библиотеки им. А.М. Горького / сост. В.Н. Шумилова, М.Н. Хабирова. Пермь: Б. и., 2011. С. 205–210.

Игнатьева О.В. Коллекционеры на хозяйственной службе графов Строгановых. Отец и сын А.Е. и Ф.А. Теплоуховы в письмах и дневниках 1831–1902 гг. // История в эго-документах: Исследования и источники. Сб. статей и документов. / гл. ред. Н.В. Суржикова. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 87–99.

Игнатьева О.В. Коллекционирование в России. XVIII–XX вв. К формированию европейской идентичности образованных классов. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2015a. 260 с.: ил.

Игнатьева О.В. Крепостные коллекционеры графов Строгановых: казус Теплоуховых // Вестник ПГУ. Серия История. 2015b. № 1 (28). С. 195–204.

Иерусалимская А.А. «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ: (К выставке «Сокровища искусства Древнего Ирана, Кавказа и Средней Азии). Л.: Б. и., 1972. 14 с.: ил.

Иессен А.А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // ИГАИМК. 1935. Вып. 120. С. 7–237.

Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 3–50. (МИА. № 3).

Иессен А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья: ее предпосылки и особенности. Л.: Тип. им. Володарского, 1947. 92 с.: карт.

Иессен А.А. К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. 1950. Т. 12. С. 157–200.

Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / ред. Е.И. Крупнов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 75–124. (МИА. № 23).

Иессен А.А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // Труды Азербайджанской экспедиции / ред. А.А. Иессен, К.Х. Кушнарева. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 2. 1956–1960 гг. С. 10–35. (МИА. № 125).

Иессен А.А., Пиотровский Б.Б. Моздокский могильник. Л.: Б.и., 1940. 52 с.: ил., карт. (Археологические экспедиции ГЭ. Вып. 1).

Из истории строительства советской культуры. 1917–1918: Документы и воспоминания / ред. В.Н. Кучин. М.: Искусство, 1964. 383 с.

Извлечение из Всеподданнейшего отчета об археологических изысканиях в 1853 г. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1855. 134 с.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья: (Курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968. 268 с.: ил., карт.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна реки Тясмин (VII–VI вв. до н. э.). Киев: Наукова думка, 1975. 224 с.: ил., карт.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1983. 380 с.: ил.

Императорская археологическая комиссия. Петербург. [Циркуляры Министерства внутренних дел, относящиеся к вопросам правительственного надзора над производством археологических раскопок, охраной и реставрацией памятников древности; газетные статьи (1866–1888) и письма в редакции]. [СПб.]: Б. и.; Б. г.

Императорская археологическая комиссия (1859–1917): у истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия: к 150-летию со дня основания: в 2 т. / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин; под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. Т. 1. 1191 с.: ил.; Т. 2. 207 с.

Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914) / под ред. П. С. Уваровой, И. Н. Бороздина. Т. 2. Биографический словарь членов общества. Список трудов членов общества, помещенных в изданиях общества. М.: А. А. Левенсон, 1915. 445, 256 с.: 24 л. портр.

Иностранцев А. А. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 243 с.: ил.

Иоаннисян О. М. К вопросу о происхождении мастеров Дмитриевского собора во Владимире // Труды по русской истории: сб. статей в память о 60-летии И. В. Дубова / ред. Ю. Г. Алексеев. М.: Парад, 2007. С. 277–315.

Иодковский И. И. Церкви, приспособленные к обороне в Литве и Литовской Руси // Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников, состоящей при ИМАО. 1915. Т. 6. С. 249–311.

Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей Т. II. СПб.: Имп. археограф. комиссия, 1908. 108 с. разд. паг., 938 стб.

Исаков М. М. Археологические памятники Дагестана: Материалы к археологической карте // МАД. 1959. Т. 1. С. 195–242.

Исследования А. А. Спицына в Воронежской губернии // Отчет ИАК за 1905 г. 1908. С. 82–84.

Историография общественных наук в Узбекистане: биобиблиографические очерки / сост. Б. В. Лунин. Ташкент: Фан, 1974. 368 с., портр.

История и практика археологических исследований. Материалы международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А. А. Спицына. Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г. / ред. Е. Н. Носов, И. Л. Тихонов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 398 с.: табл.

История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. / ред. П. М. Шаститко, А. А. Вигасин и др. М.: Восточная литература, 1997. 534 с.

Івакін Г. Ю., Іоаннісян О. М. Перші підсумки вивчення Десятинної церкви у 2005–2007 рр. // Дьнєслово: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України П. П. Толочка з нагоди його 70-річчя / відп. ред. Г. Івакін. Київ: Корвінпресс, 2008. С. 191– 213.

Івакін Г. Ю., Козюба В. К., Єлшин Д. Д., Лукомський Ю. В., Манігда О. В., Чекановський А. А. Дослідження Десятинної церкви в Києві 2005 р. // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. Київ; Запоріжжя: Дике Поле, 2006. С. 171–175.

Кавтарадзе Г. Л. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1983. 156 с.: ил.

Кадеев В. И. К 75-летию К. Э. Гриневича // СА. 1967. № 4. С. 187–189.

Казакевич Н. И. Западноевропейский фарфор в Эрмитаже. История собрания. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Нестор-История, 2005. 378 с.: ил.

Калинин А. И. О некоторых аспектах среднеазиатской политики России в 40–80-х гг. XIX в. // Восточный архив. 2000. № 4–5. С. 49–54.

Калиновский В. В. Посещение императором Николаем II «склада местных древностей» в Херсонесе в 1902 г. в контексте взаимоотношений археологов и православного духовенства // Вопросы музеологии. 2017. № 2 (16). С. 67–77.

Каль Е. Ф. Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки. Ташкент: Тип. Окр. штаба, 1889. 80 с.

Каменецкий И. С. Начало археологического изучения Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии / отв. ред. А. А. Формозов, И. С. Каменецкий. М.: Богород. печатник, 1998. Вып. 2. С. 127–146.

Каменский И. Обращение осетин в христианство в XVIII веке // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881 г. / ред. П. С. Уварова. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1887. С. 140–160.

Канторович А. Р. Конские налобники / наносники с петлей и крючком и их связь с некоторыми мотивами скифо-сибирского звериного стиля // Ранній залізний вік Євразії. До 100-річчя від дня народження О. І. Тереножкіна. Матеріали міжнар. наук. конф. (16–19 травня 2007 р.) / відп. ред. С. А. Скорий. Київ; Чигирин: ІА НАН України, Національний історико-культурний заповідник «Чигирин», 2007. С. 74–77.

Капошина С. И. Из истории греческой колнизации Нижнего Побужья // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху / ред. В. Ф. Гайдукевич. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 211–254. (МИА. № 50).

Карасев А. Н. Борис Владимирович Фармаковский // КСИИМК. 1948. Вып. 227. С. 5–7.

Карасев А. Н. Б. В. Фармаковский и Ольвия // Художественная культура и археология античного мира. Сб. памяти Б. В. Фармаковского / ред. кол. Н. И. Сокольский и др. М.: Наука, 1976. С. 13–21.

Карасев А. Н. Планы Ольвии XIX в. как источники для исторической топографии города // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху / ред. В. Ф. Гайдукевич. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 9–34. (МИА. № 50).

Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева: Отчеты и материалы [Киев. археол. экспедиции] (1938–1947 гг.). Киев: изд-во и тип. изд-ва Акад. наук Укр. ССР во Львове, 1950. 252 с.: ил.

Каргер М. К. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1–2. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 1. 1958. 579 с.: ил.; Т. 2: Памятники Киевского зодчества X–XIII вв. 1961. 661 с.: ил.

Карейша Д. Археологические изыскания близ древних Пантикапея, Фанагории и Херсонеса // Журнал МВД. 1846. Ч. 16. № 11. С. 248–310.

Каробушкіна Т. М. Археолаг С. А. Дубінскі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1986. № 4. С. 23–25.

Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Пг.: Переселенческое гл. упр. землеустройства и земледелия, 1914. Т. 1. Урянхайский край. 341 с.: ил., карт.

Кац В. И. Записка графини П. С. Уваровой о Херсонесе // ПИАСХ. 1988. С. 58–60.

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма: (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: Благотворит. фонд «Деметра», 2007. 478 с.: ил. (Боспорские исследования. Вып. 18).

Кац В. И. Начало раскопок Императорской археологической комиссии в Херсонесе Таврическом // Stratum plus. 2014. № 3. С. 353–364.

Качалова В. Г. Государственная политика России в области охраны культурных ценностей (XVIII–XX вв.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2000. 42 с.

Качалова И. Я. Проблема завершения реставрации стенописи Успенского собора в 1910–1918 гг. // Материальная база сферы культуры. Отечественный и зарубежный опыт решения управленческих и научно-технических проблем: Информационный сборник. М.: Б. и., 1998. Вып. 4. С. 36–44.

Кашаев С. В. Тузлинские курганы (по материалам публикаций и архивов) // РАЕ. 2013. № 3. С. 360–409.

Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Иудаизм на Боспоре — археологический контекст // Материалы одиннадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике / ред. Р. М. Капланов. М.: Б. и., 2004. С. 13–24.

Кашаев С. В., Кашовская Н. В. О еврейской надгробной надписи из архива ИИМК // Материалы тринадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике / ред. Р. М. Капланов. М.: Б. и., 2006. С. 312–318.

Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Камни и надписи Боспора // Альманах РГБ. Восточная Коллекция. М., 2006. № 2. С. 55–60.

Кашаев С.В., Кашовская Н.В. Иудейская диаспора на Боспоре по данным археологии // Archeologia Abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / ред.-сост. Л. А. Беляев. М.: Индрик, 2009. С. 55–77.

Кеппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических: [С карт. Юж. Крыма и принадлежащим к ней указ.]. СПб.: Печатано при Имп. акад. наук, 1837. 419 с.: ил. (Крымский сборник).

Кеппен П.И. Крымский сборник: О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. [Репринт. изд]. М.: Галерия, 2016. — 424 с.: ил.

Кибальчич Т.В. Древности (Указатель к археологическим находкам, 1875–76 гг.). Киев: Университетская тип., 1876. 46 с.

Кіліевич С.Р. До питання про будівельну справу в Києві в X ст. // Археологія Києва. Дослідження і матеріали / відп. ред. П. П. Толочко, Я. Є. Боровський. Київ: Наукова думка, 1979. С. 11–18.

Килиевич С.Р. Детинец Киева IX — первой половины XIII веков (по материалам археологических исследований). Киев: Наукова думка, 1982. 172 с.: ил.

Кинжалов Р.В. Ашнакский могильник. Публикация материалов могильника II в. н. э., открытого в 1909 г. в Армении // ТГЭ. 1961. Т. 5. С. 51–63.

Кирпичников А.Н. Крепость древнего Гдова. СПб.: Вести, 2000. 56 с.: ил.

Кисель В.А. Стилистическая и технологическая атрибуция серебряного зеркала из Келермеса // ВДИ. 1993. № 1. С. 111–125.

Кисель В.А. Келермесская пантера и костромской олень // Боспорское царство как историко-культурный феномен: Материалы конференции / сост. В.А. Хршановский. СПб.: Б. и., 1998. С. 62–66.

Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 188 с.: ил.

Кисель В.А. Рассказ Геродота и ритуальные сосуды древних кочевников // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. Вып. 3 (31). С. 69–79.

Китлова Е.А. История Общего архива Министерства императорского двора: 1869–1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 24 с.

Китова Л.Ю. К вопросу о становлении сибирской археологии и критериях периодизации её истории // Вестник КГУ. 2014. Т. 2. № 3 (59). С. 24–30.

Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. 128 с.: ил.

Клейн Л.С. Генрих Шлиман в Петербурге // Шлиман. Петербург. Троя. [Каталог выставки] / ред. М.Б. Пиотровский. СПб.: Славия, 1998. С. 8–15.

Клейн Л.С. Принципы археологии. СПб.: Бельведер, 2001. 152 с.

Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004. 480 с.: ил.

Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 688 с.

Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: Евразия, 2014a. 704 с.

Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.: Евразия, 2014b. 640 с.

Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Минусинск. Томск: Издание И. Кузнецова, 1886. 185 с.: ил.

Клетнова Е.Н. О раскопках на Смядыни произведенных Смоленской ученой архивной комиссией в сентябре 1909 г. Смоленск: Б. и., 1912. 27 с. (Оттиск из Смоленской Старины; Т. II).

Книги сошного письма Пермские-Чердынские и Чердынского уезда: Письма и меры писца Ивана Игнатьевича Яхонтова да подьячего Третьяка Карпова восемьдесят седьмого года (1579 года) / изд. В. Шишонко. [Пермь]: Тип. Губ. правл., 1879. 44, 53 с.

Книпович Т.Н. К вопросу о времени первого сношения греков с областью р. Танаиса в VII–V вв. до н. э. // ИГАИМК. 1934. Вып. 104. С. 90–110.

Книпович Т.Н. Танаис: Историко-археологическое исследование. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 180 с.: ил., карт.

Ко дню семидесятилетия В.В. Радлова 5 января 1907 г.: [Труды В.В. Радлова в хронологическом порядке]. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1907. 111 с.: ил.

Кобылина М.М. Фанагория // Фанагория / ред. А.П. Смирнов. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 5–101. (МИА. № 57).

Кобылина М.М. Скульптура // Античные государства Северного Причерноморья / отв. ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1984. С. 212–214. (Археология СССР).

Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья / ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 83–97. (Археология СССР).

Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы: Века и народы. М.: Наука, 1984. 194 с.: ил., карт. (По следам исчезнувших культур Востока).

Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наукова думка, 1981. 160 с.: ил, карт.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка, 1989. 331 с.: ил.

Козенкова В.И. Кобанская культура: Восточный вариант. М.: Наука, 1977. 88 с.: ил. (Археология СССР. САИ. Вып. В2–05).

Козенкова В.И. Некоторые археологические критерии в этногенетических исследованиях: (На материале кобанской культуры Кавказа) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии: Сб. статей / отв. ред. М.Б. Мужухоев. Грозный: Б. и., 1981. С. 45–57.

Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант. М.: Наука, 1982. 176 с.: ил., карт. (Археология СССР. САИ. Вып. В2–05а).

Козуб Ю.І. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. е. Київ: Наукова думка, 1974. 184 с.: ил.

Козюба В.К. Городище на Старокиївській горі // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Збірка наукових праць / голов. ред. О.П. Моця. Київ: Корвінпресс, 2004. С. 139–152.

Козюба В.К. Дослідження садиби Десятинної церкви у Києві в 1908–1914 рр. (за матеріалами щоденників Д.В. Мілєєва) // Ruthenica. 2005. Т. 4. С. 169–214.

Козюба В.К. Місто Володимира у Києві: історична реальність чи історіографічний міф? // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Збірка наукових праць. / ред. Г.Ю. Івакін та ін. Коростень: ІА НАНУ, 2008. Т. 1. С. 237–271.

Козюба В.К. Фотографії та малюнки розкопок В.В. Хвойки 1907–1908 рр. в садибі М.М. Петровского у Києві // Науково-дослідницька та просвітницька діяльность Вікентія Хвойки. До 160-річчя з дня народження. Матеріали науково-практичної конференції, с. Халеп'я, 19 лютого 2010 року / ред. Н.В. Конволюк. Трипілля: Б. і., 2010. С. 59–78.

Колесников А.А. Русские военные исследователи Азии (XIX — начало XX века). Душанбе: Дониш, 1997. 316 с.

Колеснікова В.А. До історії досліджень В.В. Хвойки у садибі М. Петровського в Києві // Наукові записки з української історії. Вип. 16. Збірник наукових статей, присвячений пам'яті В.В. Седова / гол. ред. В.П. Коцур. Переяслав-Хмельницький: Державний вищий навчальний заклад «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди», 2005. С. 259–266.

Колеснікова В.А. Вікентій (Чеслав) Хвойка. Сторінки науковой біографії. Київ: Корвінпресс, 2007. 191 с.

Колеснікова В.А. Сторінки життя Вікентія Хвойки. Київ: Б. і., 2008a. 75 с.

Колеснікова В.А. Його називали археологом-революціонером (біграфічний нарис) // Хвойко В.В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Київ: ІА НАНУ, 2008b. С. 153–157.

Колесникова М.Е. Особенности археологических исследований на Северном Кавказе в конце XVIII — нач. XIX вв. // Из истории земли Ставропольской. Сб. статей. Ставрополь: Ставроп. гос. пед. ун-т., 1996. Вып. 3. С. 48–51.

Кольченко В.А. Припишпекское (Кара-Джигачское) средневековое христианское кладбище по данным архивных документов о раскопках 1886 года // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шелковом пути. Материалы международной научно-практической конференции, 12–13 июня 2017 года / ред. К.М. Байпаков. Алматы: Центр сближения культур, 2017. С. 164–179.

Кольченко В.А. Христианское кладбище монгольского времени на городище Бурана (по данным архивных документов о раскопках 1886 года) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Памяти Г.А. Федорова-Давыдова / ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань; Кишинев: Stratum, 2019. Т. 2. С. 209–221.

Комаров А.В. Общий очерк Закаспийской области в археологическом отношении // Новости и Биржевая газета [Санкт-Петербург]. 1888. №62, 65. С. 1–2. = *Комаров А.В.* Закаспийская область в археологическом отношении // Туркестанские ведомости [Ташкент]. 1888. №24–25.

Комарова И.И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов // АЕ за 1986 г. 1987. С. 85–96.

Комарова И.И. Справочник научных обществ России [2007]. URL: www.snor.ru (дата обращения: 01.12.2019).

Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. 380 с.: ил., карт.

Кондаков Н.П. Из путевых впечатлений. Древности Синайского монастыря. Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1882. 160 с.: ил.

Кондаков Н.П. Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса: Тип. А. Шульце, 1887. 52 с.: ил.

Кондаков Н.П. Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии / груз. надписи прочтены и истолкованы Д. Бакрадзе. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1890. 180 с.: ил.

Кондаков Н.П. История и памятники византийской эмали. Византийские эмали собрания А.В. Звенигородского. СПб.: А. Звенигородский, 1892. 395 с.: ил.

Кондаков Н.П. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. СПб.: Издание ИАК, 1896. Т. 1. 214 с.: ил.

Кондаков С.Н. Императорская археологическая комиссия // Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. Т.I. С. 276.

Кондаков Н.П. Воспоминания и думы // Мир Кондакова. Публикации. Статьи: Каталог / ред.-сост. И.Л. Кызласова. М.: Рус. путь, 2004. С. 13–104.

Конецкий В.Я. Об ориентировке погребенных в Федовском могильнике // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / отв. ред. А.Д. Столяр. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 74–76.

Конецкий В.Я. Хронология и этапы формирования Федовского могильника: (к вопросу о сложении средневековых погребальных памятников в центральных районах Новгородской земли) // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 89–97.

Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / пер с англ. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 320 с.: ил.

Кононов А.Н. В.В. Радлов и отечественная тюркология // Тюркологический сборник. 1971. Памяти акад. В.В. Радлова. М.: Наука, 1972. С. 7–15.

Константин Багрянородный. Об управлении империей: [греч. текст, пер., коммент.] / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1989. 493 с.: ил., карт. (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Копейкина Л.В. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. 1972. №1. С. 147–159.

Кореневский С.Н. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Сборник / ред. В.И. Марковин. Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 1. С. 254–299.

Кореневский С.Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья: (Нежинские курганы эпохи бронзы района Кавказских минеральных вод). М.: Наука, 1990. 174 с.: ил., карт.

Кореневский С.Н. Древнейшие скотоводы и земледельцы Предкавказья: Майкопско-Новосвободненская общность. М.: Наука, 2004. 244 с.: ил.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 158 с.: ил.

Корзухина Г.Ф. Новые данные о раскопках В.В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве // СА. 1956. Т. 25. С. 318–337.

Коридзе Д.Л. К истории колхидской культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1965. 168 с.: ил. (Груз. Рез. рус.).

Корнатовский Н.А. Борьба за Красный Петроград. М.: Вече, 2017. 528 с.

Коровина А.К. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957. № 2. С. 174–187.

Королев А.Е. Псковский край в археологических исследованиях Н.К. Рериха // Археология Петербурга. 1998. № 2. С. 46–48.

Королькова Е.Ф. Сибирская коллекция Петра I — первое российское археологическое собрание // Основателю Петербурга: каталог выставки [в Гос. Эрмитаже] / ред. М.Б. Пиотровский. СПб.: Славия, 2003a. С. 190–199.

Королькова Е.Ф. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. 2003b. Вып. 36. С. 28–59.

Королькова Л.В. Н.И. Репников — исследователь Северо-Запада России // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова / отв. ред. А.Д. Столяр. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2004. С. 118–125.

Корпус боспорских надписей / отв. ред. В.В. Струве. М.; Л.: Наука, 1965. 952 с.: ил.

Косик О.В. Голоса из России: Очерки сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е — начало 1930-х годов). М.: Изд-во ПСТТУ, 2011. 280 с.

Котович В.Г. Новые археологические памятники южного Дагестана // МАД. 1959. Т. 1. С. 121–156.

Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982. 238 с.: ил, карт.

Кошеленко Г.А. Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928) // Портреты историков. Времена и судьбы / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2004. Т. 3. Древний мир и средние века. С. 269–285.

Крамаровский М.Г. Шапка Мономаха: Византия или Восток? // СГЭ. 1982. Вып. 47. С. 66–70.

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.: ил.

Крамаровский М.Г. Белореченский могильник и вопрос о культуре провинции Кремук // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского: Тезисы докладов / ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. С. 51–53.

Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы: Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Евразия, 2012. 490 с.: ил.

Крапивина В.В. Ольвия: Материальная культура I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1993. 183 с.: ил., карт.

Краткие протоколы заседаний [II Археологического съезда]. Заседание 8 декабря. Выступление П.И. Лерха: «Какие замечаются черты сходства и различия в материале и форме, а поэтому и в цели назначения каменных орудий, которые находятся в Финляндии, Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерниях и Прибалтийском и Северо-западном краях?» // Труды II Археологического съезда в Санкт-Петербурге / ред. А.С. Уваров. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1881. Вып. 2. С. 10–14.

Краткое историческое описание Первопрестольной соборной Десятинной церкви в Киеве. СПб.: Тип. К. Крайя, 1829. 32 с.: ил.

Крелленберг Б.Е. Раскопки Четырехугольника в Болгарах в 1915 г. // ИОАИЭКУ. 1919. Т. 30. Вып. 1. С. 89–95.

Кропоткин В.В., Шелов Д.Б. Памяти А.Л. Бертье-Делагарда // СА. 1971. № 1. С. 140–142.

Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II–I тыс. до н. э. // Древние племена и народности Кавказа / ред. Б.Б. Пиотровский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 7–146. (МИА. № 68).

Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода: Опыт периодизации памятников энеолита и бронзы // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / ред. Е.И. Крупнов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 7–74. (МИА. № 23).

Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М. Изд-во АН СССР, 1957. 176 с.: ил., карт.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.: ил., карт.

Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я. Курганы у станицы Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии. Сб. статей / отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 9–48.

Крыжицкий С.Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев: Наукова думка, 1985. 192 с.: ил.

Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1993. 248 с.: ил.

Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. Ольвия. Раскопки, история, культура. Николаев: Возможности Киммерии, 1997. 192 с.: ил. (Николаевская библиотека. Вып. 4).

Крыжицкий С.Д. Архитектура Ольвийского полиса в графических реконструкциях. Симферополь; Керчь: Б. и., 2012. 382 с.: ил. (МАИЭТ. Supplementum 11).

Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А., Русяева А.С., Скржинская М.В., Крапивина В.В., Анохин В.А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев: ІА НАНУ, 1999. 478 с.: ил.

Крылов А.Н. Мои воспоминания. 9-е изд. СПб.: Политехника, 2003. 508 с.: ил.

Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 138 с.: ил., карт. (МИА. № 106).

Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII вв. // СА. 1973. № 2. С. 60–74.

Кузнецов В.Д. Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // ПИФК. 2004. Т. 14. С. 105–122.

Кузнецов В.Д. Фанагория: история исследования и новые находки // РА. 2007. № 2. С. 5–15.

Кузнецов В.Д. Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики) // Материалы по археологии и истории Фанагории / ред. В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин. М.: ИА РАН, 2018. Вып. 4. С. 117–135. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 7).

Кузнецов В.Д., Ворошилов А.Н., Жуковский М.О. Курган Боюр-Гора (предварительная публикация) // Материалы по археологии и истории Фанагории / ред. В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин. М.: ИА РАН, 2016. Вып. 2. С. 279–324. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 4).

Кузнецов-Красноярский И.П. Древние могилы Минусинского округа. Томск: Типо-литография В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1889. 36 с.: ил.

Кузнецова Т.М. О хронологии могильника группы кургана «Солоха» // Древности скифской эпохи. Сб. статей / отв. ред. В.Г. Петренко, Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2006. С. 227–236. (МИАР. № 7).

Кузнецова Т.М. Загадки Темир-Горы // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции / ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: ИИМК РАН, 2002. Ч. 2. С. 79–90.

Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А. Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб.: Дмитрий Буланин, 1987. 230 с.: ил.

Кузьминых С.В., Белозерова И.В. В.А. Городцов об идеальном типе археологических музеев и единой системе экспозиции археологических памятников // Образы времени. Из истории древнего искусства: к 80-летию С.В. Студзицкой / отв. ред. И.В. Белоцекровская. М.: Изд-во ГИМ, 2012. С. 22–34. (Труды ГИМ. Вып. 189).

Кузьминых С.В., Сорокин А.Н. «Ты сгорел на полуслове...» (А.С. Смирнов в истории российской археологии) // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 278–312.

Кузьмищев А.Г. Березань в археологических исследованиях Э.Р. фон Штерна // БИ. 2012a. Вып. 26. С. 433–461.

Кузьмищев А.Г. Археологические исследования Э.Р. фон Штерна: Березань, Тира, Петрены // Археологія і давня історія України. 2012b. Вип. 9: Історія археології: дослідники та наукові центри. С. 139–147.

Кузьміщев О.Г. Е.Р. фон Штерн у вітчизняній історіографії // Археологія. 2013. № 4. С. 121–130.

Кузьміщев О.Г. Боспорські дослідження Е.Р. фон Штерна // Археологія. 2014. № 4. С. 134–138.

Кузьміщев О. Науково-педагогічна та організаційна діяльність Ернста Романовича фон Штерна // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 2015. Вип. 19. С. 46–57.

Кукина Д.А. История открытия Стасовского склепа в Керчи // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии / отв. ред. Ю.А. Виноградов, М.В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН, Лема, 2017. С. 31–39.

Кулаковский Ю.А. Керченская христианская катакомба 491 г. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1891. 30 с.: табл. (Древности Южной России. Т. 1. МАР. № 6).

Кулаковский Ю.А. Две керченские катакомбы с фресками. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1896. 62 с.: табл. (Древности Южной России. Т. 8. МАР. № 19).

Кулаковский Ю.А. О керченских катакомбах с фресками // Труды IX Археологического съезда в Вильне. 1893 г. / ред. П.С. Уварова, С.С. Слуцкий. М.: Тип. Г. Лисснера и Ремана, 1902. Т. II. С. 111–112.

Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. Киев: Типо-литография И.Н. Кушнеров и К°, 1906. 146 с.: ил.

Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1989. 156 с.: ил.

Кусцинский М.Ф. Отчет о раскопках в Смоленской губернии в 1874 году // Древности. Труды ИМАО. 1881. Т. 9. Вып. 1. С. 1–6.

Куфтин Б.А. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии // КСИИМК. 1940. Вып. 5. С. 5–35.

Куфтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1941. Т. 1. Опыт периодизации памятников. 491 с.: ил.

Куфтин Б.А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-араксский энеолит // ВГМГ. 1944. Т. XIII-B. С. 1–171.

Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси: Техника да шрома, 1949–1950. Т. 1–2. Т. 1. Абхазская экспедиция 1932 г. под руководством акад. И.И. Мещанинова. Три этапа истории культурного и этнического формирования дофеодальной Абхазии. 360 с.: ил.; Т. 2. Археологические изыскания в Рионской низменности и на черноморском побережье 1935 и 1936 годов. 332 с.: ил.

Кушнарева К.Х. Тазакендский могильник в Армении // СА. 1960. № 1. С. 137–147.

Кушнарева К.Х. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э.: Этапы культурного и социально-экономического развития. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. 312 с.: ил., карт. (Археологические изыскания. Вып. 9).

Кушнарева К.Х., Рысин М.Б. Вооружение и военное дело населения Кавказа в доурартское время // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Ю.В. Андреева / ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Изд-во ГЭ, 2000. С. 70–90.

Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л.: Наука, 1970. 192 с.: ил.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 212 с.: ил.

Кызласова И.Л. Академик Н.П. Кондаков: Поиски и свершения. СПб.: Алетейя, 2018. 582 с.: ил. (Сер. Новая Византийская библиотека. Исследования).

Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1. Повесть временных лет. Л.: Археографическая комиссия, Изд-во АН СССР, 1926. 579 стб.

Лазарев В.Н. Никодим Павлович Кондаков: (1844–1925). М.: Изд. автора, 1925. 47 с.: портр.

Лазаревский Я.М. Курганы Таманского полуострова // Известия ИРАО. 1861. Т. 2. С. 28–32.

Лазенкова Л.М. Керченский музей древностей. Исследователи. «Почтенный» археолог А.Е. Люценко // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции / ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: ИИМК РАН, 2001a. Ч. 2. С. 287–292.

Лазенкова Л.М. Керченский музей древностей. Исследователи. «Археологическая» судьба К.Е. Думберга // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений / ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь: Б. и., 2001. С. 72–77.

Лазенкова Л.М. Карл Думберг и его идея строительства Керченского музея древностей // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции / ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: ИИМК РАН, 2002a. Ч. 2. С. 334–340.

Лазенкова Л.М. Керченский музей древностей. Исследователи. В.В. Шкорпил // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы III Боспорских чтений / ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь: Б.и., 2002b. С. 145–152.

Лазенкова Л.М. Керченский музей древностей. Основатели. Исследователи. Керчь: Б. и., 2003. 76 с.

Лазенкова Л.М. К.Э. Гриневич и Керченский музей древностей // Научный сборник Керченского заповедника. 2006. Вып. 1. С. 20–33.

Лалаянц Е.А. Археологические раскопки в Эриванской губернии // Известия ИАК. 1905. Прибавление к вып. 14. Хроника и библиография. Вып. 7. С. 46– 49.

Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья (Критический очерк отечественной теории колонизации). Киев: Наукова думка, 1966. 240 с.: ил., карт.

Лаппо-Данилевский А.С., Мальмберг В.К. Древности кургана Карагодеуашх как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV–III вв. до Р.Х. СПб.: Изд-во Имп. акад. наук, 1894. 192 с.: табл. (Древности Южной России. Т. 6. МАР. № 13).

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг.: Изд-во Рос. гос. Академической тип., 1923. Вып. 1. 278 с.

Лапшин В.А. Начальный этап освоения Суздальского ополья древнерусским населением // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов всесоюзной конференции (Суздаль, 1987 г.) / отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 147–148.

Лапшин В.А. О методике раскопок Владимирских курганов // Уваровские чтения — I, [посвященные 165-летию со дня рождения Алексея Сергеевича и 150-летию Прасковьи Сергеевны Уваровых]. Тезисы докладов. Муром: Муромский историко-художественный музей, 1990. С. 6–8.

Лапшин В.А. Борьба за охрану памятников археологии в России во второй половине XIX — XX в. // Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты, деятели Церкви об историческом и культурном достоянии / ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: Вести, 2002. Вып. 3. С. 79–86.

Латуха Т.И. Археологические исследования В.В. Хвойки летописного Белгорода // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини: Тези доповідей першої науково-практичної конференції. Білогородка; Київ: Б. і., 1991. С. 55–56.

Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвия. СПб.: Тип. Д.С. Балашева, 1887. 314 с.

Латышева В.А. К.Э. Гриневич как археолог // Древности 2004. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: НМЦ, 2004. С. 284–294.

Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.: ил.

Леві О.І. Ольвійські виноробні // АП. 1958. Т. 7. С. 29–39.

Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л.: Наука, 1985. 152 с.: ил.

Левина Р.Ш. Из истории библиотеки ЛОИА // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 80–87.

Левина Р.Ш. Библиотека ИИМК // АВ. 1995. № 4. С. 322-324.

Левина Р.Ш. Формирование в Петербурге–Ленинграде основной археологической библиотеки России // Традиции российской археологии: Материалы методологического семинара ИИМК РАН / отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1996. Вып. 33. С. 66–68. (Археологические изыскания. Вып. 33).

Левицький І.Ф. Про вік стоянки, відкритої В.В. Хвойкою в Іскоростi // Археологія. 1950. № 4. С. 56–162.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е. изд. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1963. Т. 38. Март — июнь 1919 г. 579 с.

Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1969. Т. 34. С. 287–339.

Ленинские декреты. 1917–1922: Библиография / ред. П.П. Гуреев. М.: Известия, 1974. 662 с.

Лепер Р.Х. Из раскопок в Херсонесе в 1906–1909 гг. // Известия ИАК. 1911. Вып. 42. С. 92–197.

Лепер Р.Х. Херсонесские надписи // Известия ИАК. 1912. Вып 45. С. 23–70.

Лепер Р.Х. Археологические исследования на Мангупе в 1912 г. (Предварительное сообщение) // Известия ИАК. 1913. Вып. 47. С. 73–79, 146–154.

Лепер Р.Х. Дневники раскопок херсонесского некрополя // ХСб. 1927. Вып. 2. С. 189–256.

Лерх П.И. Орудия каменного и бронзового веков в Европе // Известия ИРАО. 1863a. Т. 4. Вып. 2. С. 145–170.

Лерх П.И. Орудия каменного и бронзового веков в Европе // Известия ИРАО. 1863b. Т. 4. Вып. 4. С. 310–334.

Лерх П.И. Библиография: В. Макушев: Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб., 1861 // Известия ИРАО. 1863 с. Т. 4. Вып. 3 С. 267–270.

Лерх П.И. Орудия каменного и бронзового веков в Европе // Известия ИРАО. 1865a. Т. 5. Вып. 4. С. 201–219.

Лерх П.И. Археологическое путешествие П.И. Лерха в северные губернии // Известия ИРГО. 1865b. Т. 1. № 10. С. 196–197.

Лерх П.И. Каталог древностей, собранных во Франции, Швейцарии, Германии и принесенных в дар Московскому публичному музею А.М. Р...ой. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1865c. 11 с.

Лерх П.И. Некролог Л.Ф. Радлова // Известия ИРГО. 1866. Т. 1. № 11–12. С. 205–206.

Лерх П.И. Библиография: А. Котляревский: О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868 // ЖМНП. 1868a. Ч. 140. С. 613–635.

Лерх П.И. Библиография: А. Гатцук: Исследование курганов Московской губернии в 1863 и 1864 гг. // Известия ИРАО. 1868b. Т. 6. Отд. 2. Вып. 1. С. 26–28.

Лерх П.И. Библиография: А. Богданов: Курганное племя Московской губернии. Предварительная заметка (Московские Университетские известия. 1865 г. № 3) // Известия ИРАО. 1868c. Т. 6. Отд. 2. Вып. 1. С. 28–29.

Лерх П.И. Открытие следов древних копей в Южной России // Известия ИРАО. 1868d. Т. 6. Отд 2. Вып. 1. С. 104–106.

Лерх П.И. Применение химии в археологии // Известия ИРАО. 1868e. Т. 6. Отд. 2. Вып. 1. С. 134–135.

Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году // Отчет ИАК за 1867 г. 1868f. С. XXIII–XXXI.

Лерх П.И. Краткие протоколы заседаний [II Археологического съезда]. Заседание 8 декабря. Выступление П.И. Лерха: «Какие замечаются черты сходства и различия в материале и форме, а поэтому и в цели назначения каменных орудий, которые находятся в Финляндии,

Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерниях и Прибалтийском и Северо-Западном краях?» // Труды II Археологического съезда в Санкт-Петербурге / под ред. А.С. Уварова. СПб.: Изд. тип. Имп. акад. наук, 1881. Т. 2. С. 10–14.

Лесная Е.С., Дорошко О.П. Комплекс керамики классического времени из раскопок Р.Х. Лепера в Херсонесе // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.) / отв. ред.-сост. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб.: Палаццо, 2016. С. 393–400.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М.: Наука, 1965. 112 с.: ил., карт. (Археология СССР. САИ. Д1–31).

Ливанов Ф.В. Херсонес (древний Корсунь) в Крыму с открытым в нем первоклассным монастырем святого Владимира: Историческое описание. М.: Б. и., 1874. 95 с.: ил.

Лисовский В.Г. Академик архитектуры Владимир Васильевич Суслов (1854–1921): Каталог выставки. Л.: Искусство, 1971. 64 с.: ил.

Литовиченко Л.А. И.Е. Забелин — историк и археолог [1820–1908] // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Киев: Наукова думка, 1991. С. 271–285.

Ломтатидзе Г.А. Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтаврского могильника. Тбилиси: Мецниереба, 1974. 190 с.: ил. (Груз. Рез. рус.).

Лордкипанидзе Г.А. Колхида в VI–II вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1978. 170 с.: ил.

Лордкипанидзе О.Д. Древняя Колхида: Миф и археология. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1979. 232 с.: ил.

Лордкипанидзе О.Д. Наследие древней Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 437 с.: ил.

Лосский Б.Н. Наша семья в пору лихолетия 1914–1922 // Минувшее: Исторический альманах. 1993. № 12. С. 28–167.

Лукьянов С.С., Гриневич Ю.П. Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1915. 156 с.: ил. (МАР. № 35).

Лунин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Ташкент: Фан, 1979. 182 с.: ил.

Луняк Є. Етнографічні студії Жозефа де Бея на Придніпров'ї наприкінці XIX ст. // Історія і культура Придніпров'я. Невідомі та маловідомі сторінки. 2013. Вип. 10. С. 168–172.

Люценко А.Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях Фанагорийского городища // Труды III Международного съезда ориенталистов / ред. В.В. Григорьев. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1876. Т.I. С. 573–580.

Ляшко С.М. Життєпис роду Гамченків: проблеми просопографії в контексті особливостей історичного часу та джерельної бази // Українська біографістика: Збірник наукових праць. 2012. Вип. 9. С. 110–158.

Мавлеев Е.В. Удивительные приключения Венеры в России // Санкт-Петербург и античность / ред. Е.В. Мавлеев. СПб.: С.-Петерб. Фонд культуры, 1993. С. 108–121.

Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в. Махачкала: Дагучпедгиз, 1968. 340 с.: ил.

Макаренко Н.Е. Археологические исследования в 1907–1909 гг. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1911. 130 с.: ил. (Известия ИАК. Вып. 43)

Макаренко Н.Е. Художественные сокровища Императорского Эрмитажа: Краткий путеводитель. Пг.: Издание Общины Св. Евгении, 1916. 308 с.: ил.

Макарий (Миролюбов), архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М.: Тип. В. Готье, 1860. Ч. 1. Древние церкви в Новгороде и его окрестностях. 645 с. (Репринт. СПб., 2003).

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.: ил.

Маковская Л.К. Николай Ефимович Бранденбург (очерк биографии) // Артиллерийский музей. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи / науч. ред. В.М. Крылов. СПб.: АРТ-ПАЛАС, 2001. С. 11–15.

Максимова М.И. Серебряное зеркало из Келермеса // СА. 1954. Т. 21. С. 281–305.

Максимова М.И. Панафинейская амфора из Зеленского кургана // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 15–20.

Максимова М.И. Львиные псевдоскарабеи // ТГЭ. 1962. Вып 7. С. 122–132.

Максимова М.И. Заметка об Ахтанизовском кладе // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 55–58.

Максимова М.И. Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979. 152 с.: ил.

Максимова М.И., Наливкина М.А. Скульптура // Античные города северного Причерноморья: очерки истории и культуры / ред. В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Вып. 1. С. 297–324.

Малеин А.И. Карл Карлович Герц (1820–1883): Биографический очерк. СПб.: Императорская Академия наук на средства капитала им. Проф. К.К. Герца, 1912. 24 с.: портр.

Малиновский А.Ф. Историческое описание древнего Российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты, в Москве обретающегося. М.: Тип. Императорского Московского ун-та, 1807. Ч. 1. 139 с.: ил.

Мальмберг В.К. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 гг. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1892. 46 с.: ил. (Древности Южной России. Т. 2. МАР. № 7).

Мальмберг Я.Н. Из глубины времен (В.К. Мальмберг — К.Е. Думберг — В.Г. Тизенгаузен) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2 (24). С. 77–83.

Манцевич А.П. Березанская амфора // Известия ГАИМК. 1927. Т. 5. С. 283–295.

Манцевич А.П. О пластине из кургана Карагодеуашх (к толкованию сюжета) // АСГЭ. 1964. Вып. 6. С. 128–138.

Манцевич А.П. Парадный меч из кургана Солоха // Древние фракийцы в Северном Причерноморье / отв. ред. Т.Д. Златковская, А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1969. С. 96–118. (МИА. № 150).

Манцевич А.П. Мастюгинские курганы по материалам Государственного Эрмитажа // АСГЭ. 1973. Вып. 15. С. 12–46.

Манцевич А.П. Курган Солоха: публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1987. 144 с.: ил.

Маркевич А.И. Владимир Николаевич Ястребов // Записки ИООИД. 1900a. Т. 22. С. 43–48.

Маркевич А.И. Иван Кассианович Суручан // Записки ИООИД. 1900b. Т. 22. С. 49–51.

Маркевич А.И. Иван Ираклиевич Курис // Записки ИООИД. 1900c. Т. 22. С. 79–81.

Маркевич А.И. Стихотворения археологов Е.Е. Люценко и барона В.Г. Тизенгаузена // ИТУАК. 1910. №. 44. С. 64–89.

Маркина Г.К. Строительство железнодорожной магистрали Петроград — Царское Село — Новгород и борьба за сохранение новгородских памятников старины // НИС. 2000. Вып. 8 (18). С. 331–362.

Марков А.К. Топография кладов восточных монет: (сасанидских и куфических). СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1910. 149 с.

Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 152 с.: ил., карт. (МИА. № 93).

Марковин В.И. Дагестан и горная Чечня в древности: Каякентско-хорочоевская культура. М.: Наука, 1969. 116 с.: ил., карт. (МИА. № 122).

Марковин В.И. Дольмены Северо-Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. 328 с.: ил.

Марковин В.И. Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа / ред. К.Х. Кушнарева, В.И. Марковин. М.: Наука, 1994a. С. 254–286.

Марковин В.И. Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа / ред. К.Х. Кушнарева, В.И. Марковин. М.: Наука, 1994b. С. 287–333.

Марковин В.И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.: Наука, 1997. 404 с.: ил.

Марр Н.Я. Фармаковский // СГАИМК. 1929. Т. 2. С. I–IV.

Марр Н.Я. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л.; М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 60 л.: ил. (ИГАМК. Вып. 105).

Марр Н.Я., Орбели И.А. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Раскопки двух ниш на Ванской скале и надписи Сардура Второго из раскопок западной ниши. Пг.: Академическая тип., 1922. 67 с.: ил. (Русское Археологическое общество. Доклады).

Марти Ю. Памяти В.В. Шкорпила // ИТУАК. 1919. № 56. С. 144–147.

Марти Ю. Сто лет Керченского музея: (исторический очерк). Керчь: 4-я Тип. Крымполиграфреста, 1926. 96 с.: ил.

Мартиросян А.А. Город Тейшебаини: По раскопкам 1947–1958 гг. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1961. 159 с.: ил.

Мартиросян А.А. Армения в эпоху бронзы и железа. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1964. 305 с.: ил., карт.

Мартиросян А.А. Аргиштихинили. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1974. 178 с.: ил., карт. (Археологические памятники Армении. Т. 8. Урартские памятники. Вып. 1).

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. 208 с.: ил.

Мартынович А. Воронежская ваза 1911 г. из раскопок на урочище «Частые курганы» // Журнал ИРВИО. 1912. Кн. 8–9. С. 203–207.

Марченко И.Д. Об античных глазурованных сосудах из музеев СССР // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 21–32.

Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. М.: Полиграф, 2000. 281 с.: ил. (Pontus Septentrionalis. II).

Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М.: Наука, 1981. 126 с.: ил., карт.

Масленников А.А. Зенонов Херсонес — городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора / отв. ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1992. С. 120–173.

Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула: Гриф и К°, 2003. 280 с.: ил.

Массон В.М. Кавказский путь к цивилизации: вопросы социокультурной интерпретации // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла / отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 124–133. (Археологические изыскания. Вып. 46).

Массон В.М. Ранние комплексные общества Восточной Европы // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла: (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации) / отв. ред. В.М. Массон. СПб.: Европейский Дом, 2000. С. 135–166. (Археологические изыскания. Вып. 63).

Матвеева П.А. «Все человечество едино»: В.В. Радлов и МАЭ. СПб.: Б. и., 2014. 256 с.: ил.

Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским археологическим обществом. М.: Б. и., 1911. 62 с.

Матющенко В.И. 300 лет истории сибирской археологии. Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. Т. 1. 550 с.: ил.

Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могилы и Великие женские божества Скифии // Культура Востока. Древность и раннее средневековье / науч. ред. В.Г. Луконин. Л.: Аврора, 1978. С. 131–150.

Мачинский Д.А. О семантике келермесского зеркала // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского (14.II.1908 — 15.X.1990): к 90-летию со дня рождения. Тезисы докладов. СПб.: ГЭ, 1998a. С. 57–60.

Мачинский Д.А. Страна аримаспов, простор ариев и «скифские» зеркала с бортиком // Проблемы археологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998b. Вып. 4: История и культура древних и средневековых обществ. С. 102–117.

Медведев М.И. Законодательные акты в сфере охраны культурного наследия Кубани XIX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 4 (34). С. 210–220.

Медведева М.В. Петр Петрович Покрышкин и проблемы охраны памятников: (по материалам архивов ИИМК РАН) // АВ. 2004. № 11. С.379–387.

Медведева М.В. Деятельность архитектора К.К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества по документам из собрания Научного архива ИИМК РАН // АВ. 2005. № 12. С. 291–301.

Медведева М.В. Археологическое изучение средневековых памятников на Северо-Западе России в исследованиях Императорской археологической комиссии // Вестник молодых ученых. Сер. Исторические науки. 2006. № 2. С. 180–190.

Медведева М.В. Императорская археологическая комиссия и изучение средневековых древностей Северо-Запада России (по материалам Научного архива ИИМК РАН) // РА. 2007a. № 3. С. 157–170.

Медведева М.В. Изучение и охрана памятников археологии и архитектуры эпохи средневековья Северо-Запада России в деятельности Императорской археологической комиссии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007b. 22 с.

Медведева М.В. Из истории «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины» // АВ. 2007c. № 14. С. 259–267.

Медведева М.В. Императорская археологическая комиссия и проблемы сохранения древних стен Пскова в конце XIX — начале XX в. // Диалог культур народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова / отв. ред. Н.В. Хвощинская, А.Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 474–483.

Медведева М.В. Археологический надзор при строительстве железнодорожной насыпи к югу от Новгорода в 1916–1917 гг. Хроника событий. Взгляд со стороны Императорской археологической комиссии // Новгород и Новгородская земля: история и археология / отв. ред. В.Л. Янин. Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2013. Вып. 27. С. 342–349.

Медведева М.В. Стены и башни новгородского Кремля в рукописных и фотодокументах Научного архива ИИМК РАН // Новгород и Новгородская земля: история и археология / отв. ред. В.Л. Янин. Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2014. Вып. 28. С. 336–345.

Медведева М.В. Клетнова Е.Н. и археологическое изучение памятников Смоленской губернии: материалы Научного архива ИИМК РАН // Вязьма сквозь войны: Материалы IV Клетновских чтений (Вязьма, 26–27 марта 2015 года) / науч. ред. Т.В. Сергина. Вязьма: Полимир, 2015a. С. 10–24.

Медведева М.В. Иван Федорович Чистяков // АВ. 2015b. № 21. С. 432–438.

Медведева М.В. Обследование стен новгородского Кремля в 1910 г.: рукописные и фотографические документы из собрания Императорской археологической комиссии // Новгородский архивный вестник. 2016. Вып. 13. С. 66–82.

Медведева М.В. Война, наука и жизнь: материалы Буковинской экспедиции 1916–1917 гг. в архиве ИИМК РАН // 1917 год: Российская археология на переломе эпох. Материалы международной конференции / отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2017a. С. 46–48.

Медведева М.В. Архитектор С.С. Некрасов и его коллекция фотографий начала XX в. из собрания Научного архива ИИМК РАН // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой / ред.-сост. А.Е. Мусин, О.А. Щеглова. СПб.: ИИМК РАН, 2017b. С. 311–321. (Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII).

Медведева М.В. Светопись Боспорской археологии в XIX — начале XX в. (к истории формирования фотоколлекций по изучению античной живописи юге России в собрании архива ИИМК РАН) // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии / отв. ред. Ю.А. Виноградов, М.В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН, Лема, 2017c. С. 56–66.

Медведева М.В. Гнездовский археологический комплекс: материалы документального наследия Императорской археологической комиссии в научном архиве ИИМК РАН // Гнездовский археологический комплекс. Материалы и исследования / отв. ред. С.Ю. Каинов. М.: ГИМ, 2018. Вып. 1. С. 267–285.

Медведева М.В., Мусин А.Е., Александрович В.С. По следам ученой поездки П.П. Покрышкина 1916–1917 гг.: к 100-летию Буковинской экспедиции Археологической комиссии и Академии наук // АВ. 2017. № 23. С. 416–421.

Медведева М.В., Соболев В.Ю. Археолог Владимир Нилович Глазов // АВ. 2014. № 20. С. 395–426.

Медведь А.Н. Высочайшее повеление 1889 г. и взаимоотношения научных обществ во второй половине XIX в. // Восточноевропейский археологический журнал. 2002. № 2 (15), март–апрель. URL: http://archaeology.kiev.ua/journal/020302/medved.htm (дата обращения: 01.12.2019).

Медникова Е.Ю. Деятельность академика архитектуры П.П. Покрышкина в Императорской археологической комиссии (по материалам рукописного архива ИИМК РАН) // АВ. 1995. № 4. С. 302–311.

Медынцева А.А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV вв. М.: Наука, 1977. 312 с.: ил.

Медынцева А.А. Подписные шедевры древнерусского ремесла: Очерки эпиграфики XI–XIII вв. М.: Наука, 1991. 239 с.: ил.

Мезолит СССР / ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука, 1989. 352 с.: ил., карт. (Археология СССР. [Т. 2]).

Меликишвили Г.А. Наири-Урарту. Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР, 1954. 446 с.: ил.

Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР, 1959. 508 с.: 3 л. карт.

Мельников П.И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. 1841. Т. XVIII. Раздел VII. Смесь. С. 1–10.

Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1977. 276 с.: ил., карт.

Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации: Тексты. Перевод. Комментарий. М.: Восточная литература, 2001. 495 с.: ил., карты.

Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М.: Наука, 1981. 112 с.: ил.

Мережковский К.С. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму // Известия ИРГО. 1881. Т. 17. Вып. 2. С. 104–130.

Мечети Самарканда: Альбом архитектурных рисунков и чертежей. Вып. 1. Мечеть Гур-Эмир. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1905. 8 с.: ил.

Мещанинов И.И. Ассирийская бусина из Азербайджана // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. 1926. № 2. С. 49–66.

Микеладзе Т.К. Археологические исследования в низовьях р. Риони: (материалы к истории древнего Фасиса). Тбилиси: Мецниереба, 1978. 115. с.: ил. (Груз. Рез. рус.). (Труды Кахетской археологической экспедиции. Т. 1).

Милеев Д.В. Вновь открытая церковь XI в. в Киеве и положение исследований в связи с новыми застройками города // Труды IV съезда русских зодчих. СПб.: Государственная тип., 1911. С. 117–121.

Милеев Д.В. Древние полы в Киевском соборе Св. Софии // Сборник археологических статей, поднесенных графу А.А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской археологической комиссии (1886–1911). СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1911. С. 212–221.

Милеев Д. Реставрация стенописи Троицкого собора в Ипатьевском монастыре // Архитектурно-художественный еженедельник. 1914. № 3. С. 27–32.

Миллер А.А. Раскопки в районе древнего Танаиса // Известия ИАК. 1910. Вып. 35. С. 86–130.

Миллер А.А. Раскопки у станицы Елисаветовской в 1911 году // Известия ИАК. 1914. Вып. 56. С. 220–247.

Миллер А.А. Работы Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 1–2. С. 47–51.

Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М.: Имп. Моск. ун-т, 1881–1887. Вып. 1–3. Ч. 1. Осетинские тексты. 1881. 164 с.; Ч. 2. Исследования. 302 с.; Ч. 3. Иследования. 1887. 216 с.

Миллер В.Ф. Терская область: Археологические экскурсии. СПб.: Тип. А.И. Мамонтова, 1888. 135 с.: ил. (МАК. Вып. 1).

Миллер Г.Ф. Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах [Имп. акад. наук]. 1764. Декабрь. С. 483–516.

Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропол. кн. изд-во, 1971. 248 с.: ил.

Минасян Т.Н. Польские монеты из кладов на территории СССР и Польши в собрании Эрмитажа // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Сб. статей / ред. В.М. Потин. Л.: Аврора, 1977. С. 198–204.

Миронов А. Первые годы деятельности Императорской археологической комиссии. 1859–1860 гг. // Вестник всемирной истории. 1900. № 2. С. 258–259; № 4. С. 240–245; № 8. С. 231–238.

Михайлов К.А., Ёлшин Д.Д. Новые архивные материалы по археологическому изучению древнего Киева // АВ. 2004. № 11. С. 226–232.

Михайлова Е.Р. О топохронах, варангике и метафизике Петербурга: Идеи Г.С. Лебедева в археологии Северо-Запада // Университетская археология: прошлое и настоящее: Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию первой в России кафедры археологии / отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. С. 19–25.

Михайловский Е.В. Реставрация памятников архитектуры: Развитие теоретических концепций. М.: Стройиздат, 1971. 192 с.: ил.

Могилянский Н. Несколько слов по поводу статьи А.А. Спицына // ЖМНП. Новая серия. 1916. Т. 62. С. 328–336.

Моисеев Л.А. Раскопки в Херсонесе // Отчет ИАК за 1913–1915 гг. 1918. С. 53–71.

Молева Н.В. Китейское святилище // Ритуал и ритуальный предмет: сб. науч. трудов / ред. А.В. Коновалов. СПб.: ГМИР, 1995. С. 42–48.

Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора: избранные труды. Нижний Новгород: Б. и., 2002. 132 с.: ил.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов: Изд-во СаратГУ, 1999. 678 с.: ил.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б. Амфоры V–II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»: Каталог. Саратов: Тип. «Новый проект», 2017. 208 с.: ил.

Монгайт А.Л. Старая Рязань // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 4 / ред. Н.Н. Воронин. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 228 с.: ил. (МИА. № 49).

Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.: ил.

Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. 957 с.

Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 167 с.: ил. (МИА. № 100).

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре ранней бронзы: Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука, 1975. 416 с.: ил., карт.

Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / ред. К.Х. Кушнарева, В.И. Марковин. М.: Наука, 1994. С. 158–225.

Муравьев А.Н. Грузия и Армения: в 3 ч. СПб.: Типография III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1848. Ч. 1. 395 с.; Ч. 2. 333 с.; Ч. 3. 315 с.

Муравьев М.Н. Записки о мятеже в Северо-Западной России в 1863–1864 гг. // Русская Старина. 1882. Т. XXXVI. Вып. 11. С. 387–432; Вып. 12. С. 419–646; Т. XXXVII. Вып. 1. С. 131–166; Вып. 2. С. 231–394; Вып. 3. С. 615–630: Т. XXXVIII. Вып. 4. С. 193–206.

Муральт Э.Г. Хронологическое обозрение древних могил, находящихся по обе стороны Боспора Киммерийского // Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества. 1850. Т. 2. С. 306–329.

Мурзакевич Н.Н. Херсонесская церковь Св. Василия (Владимира) // Записки ИООИД. 1863. Т. 5. С. 996–997.

Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1984. 136 с.: ил.

Мусин А.Е. К вопросу о перспективах изучения русской церковной культуры в российской археологии // АВ. 1993. № 2. С. 145–156.

Мусин А.Е. 150 лет со дня рождения Н.В. Покровского // НИС. 1999. Вып. 7 (17). С. 262–266.

Мусин А.Е. Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 371 с.: ил.

Мусин А.Е. О роли личности в археологии. Императорская археологическая комиссия на первом этапе своего существования (1859–1882) // Записки ИИМК РАН. 2007a. № 2. С. 269–286.

Мусин А.Е. Связь времен // Записки ИИМК РАН. 2007b. № 2. С. 287–290.

Мусин А.Е. II Тверской областной археологический съезд и его место в развитии церковной археологии в России // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Материалы III Тверской археологической конференции и 8-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / ред. И.Н. Черных. Тверь: Б. и., 2007c. Т. 2. С. 16–22.

Мусин А.Е. Церковная старина в современной России. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 456 с.: ил.

Мусин А.Е. Колокол святого Юра 6849 года: между Львовом, Плоцком, Петербургом и Теребовлей // Княжа доба: історія і культура. 2017. Вип. 11. С. 95–119, 254–255.

Мусин А.Е. Императорская археологическая комиссия и Польша: материалы по истории церкви Благовещения в Супрасле в архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сб. научных статей / ред.-сост. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 240–263.

Мусин А. Зимненская икона Божией Матери, ее первоначальный убор и украшения из коралла в европейской религиозной культуре // Культура і мистецтво західноукраїнських земель 2011, 2012 / відп. ред. В. Александрович. Львів: Б. і., 2019. С. 55–104.

Мусін О. Історична пам'ять у міському просторі: парадокси церковно-політичного відтворення національних святинь у Росії та Україні // Місто: історія, культура, суспільство. 2018. № 1 (5). С. 131–155.

Неверов О.Я. История собирательства // Эрмитаж. История и современность (1764–1988) / общ. ред. В.А. Суслов. М.: Искусство, 1990. С. 171–176.

Неверов О.Я. Коллекция А.В. Новикова // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы. Тезисы докладов. Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Нимфейской археол. экспедиции и 70-летию со дня рождения Н.Л. Грач / ред. С.П. Борисковская и др. СПб.: Изд-во ГЭ, 1999. С. 58–60.

Неолит Северной Евразии / ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. 380 с.: ил., карт. (Археология. [Т. 3]).

Непомнящий А.А. Подвижник изучения боспорских древностей: Ю.А. Кулаковский // БИ. 2003. Вып. 3. С. 366–375.

Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. 429 с.: ил. (Биобиблиография крымоведения. Вып. 3).

Непомнящий А.А. Профессор Николай Эрнст: страницы крымского краеведения. Киев: Изд. дом «Стилос», 2012. 463 с.

Нестуля А.А. Меморіальна дошка археологу і мистецтвознавцю М.О. Макаренку // АЛЛУ. 1998. № 1–2. С. 173.

Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова думка, 1978. 152 с.: ил, карт.

Низовский А.Ю. Зачарованные клады России. М.: МАИК «Наука / Интерпериодика», 2001. 303 с.: ил.

Никодим Павлович Кондаков (1844–1925). Личность, научное наследие, архив: к 150-летию со дня рождения: Каталог / ред. И.Д. Соловьева. СПб.: Palace Editions, 2001. 166 с.: ил.

Никанор (Каменский), архиепископ. Херсонисский монастырь в Крыму: История его и настоящее состояние. Варшава: Губернская Тип., 1907. 34 с.: ил.

Николаев А.Л. Археологические институты дореволюционной России: Монография. Нижнекамск: Изд-во НМИ, 2008. 177 с.

Николаева Н.А., Сафронов В.А. Курганный могильник эпохи бронзы у сел. Дзаурикау: (Межвуз. сб. статей) // Проблемы археологии Северной Осетии / отв. ред. М.М. Блиев. Орджоникидзе: Сев.-Осет. гос. ун-т, 1980. С. 18–80.

Николаева Н.С. Формирование государственной системы охраны памятников во второй четверти XIX века (сравнительный анализ: Франция и Россия) // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. 2008. № 37. С. 261–271.

Николаева Н.С. Роль Археологической комиссии в формировании музейных собраний во второй половине XIX в. // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 112–121.

Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. М.: Наука, 1971. 194 с.: ил. (Археология СССР. САИ. Е1-49).

Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские змеевики-амулеты. М.: Наука, 1991. 124 с.: ил.

Новокрещенных Н.Н. Археологические исследования в западной части Пермской губернии // Труды ПУАК. 1901. Т. 4. С. 107–141.

Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костище // Труды ПУАК. 1914. Т. 11. С. 19–92.

Носенко В.П. К истории военного строительства на острове Березань // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΩΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского (1928–2004) / ред. А.Д. Столяр. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 269–278.

Носов Е.Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли: (К вопросу о славянском расселении) // НИС 1982. Вып. 1 (11). С. 43–78.

Носов Е.Н. Древние достопамятности Отечества и народов, его населявших, в коллекциях Института истории материальной культуры РАН // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга / сост. Ю.А. Петросян, Е.А. Иванова. СПб.: Наука, 2003. С. 375–408.

Носов Е.Н., Гайдуков П.Г. Академик Борис Александрович Рыбаков и его вклад в становление и развитие славяно-русской археологии // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. Т. 1. С. 30–33.

Носов Е.Н., Хвощинская Н.В., Медведева М.В. Новгородская Русь: Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. СПб.: ЛИК, 2012. 224 с.: ил.

Носоновский М.И. Еврейские эпиграфические памятники Восточной Европы. Бостон: Б. и.; Victoria (B.C.): Trafford, 2002. 170 с.: ил.

Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894 / сост. под рук. В.С. Кривенко. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1901. Ч. 1. Кн. 2. [Паг.]: 295 с., 50 с., 309 с.

Обсуждение проекта стенной росписи новгородского Софийского собора / издание Императорской археологической комиссии. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1897. 46 с.: ил. (МАР. № 21).

Оганесян К.Л. Эребуни: к 2750-летию основания Еревана. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1968. 64 с.: ил.

Олейников Д.И. Большая кавказская война // Северный Кавказ в истории России. XIX век / ред. В.М. Безотосный. М.: ГИМ, 2004. С. 48–65.

Ольденбург С.Ф. Василий Васильевич Радлов. 5 января 1837 — 29 апреля / 12 мая 1918. Некролог // Азиатский сборник = Mélanges Asiatiques. Список статей по востоковедению, напечатанных в Известиях Академии наук за время 1895–1917 гг. Новая сер. Пг.: Академия наук, 1918. С. 1233–1236.

Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. М.: Наука, 1966а. 71 с.: ил. (Археология СССР. САИ. Д1–27).

Онайко Н.А. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Причерноморье // Культура античного мира: к сорокалетию научной деятельности В.Д. Блаватского. Сб. статей / отв. ред. А.И. Болтунова. М.: Наука, 1966b. С. 159–176.

Онайко Н.А. Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике // Художественная культура и археология античного мира: Сб. памяти Б.В. Фармаковского / ред. кол. Н.И. Сокольский и др. М.: Наука, 1976. С. 102–162.

Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка близ Новороссийска // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 93–100.

Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // ВДИ. 1982. № 2. С. 106–122.

Описание Десятинной церкви в Киеве. Киев: Тип. И. и А. Давиденко, 1872. 25 с.: ил.

Описание памятников русской архитектуры по губерниям. I. Архангельская губерния // Известия ИАК. 1911. Вып. 39. Вопросы реставрации. Вып. 7. С. 102–162.

Описание памятников русской архитектуры по губерниям. I. Архангельская губерния // Известия ИАК. 1911. Вып. 41. Вопросы реставрации. Вып. 8. С. 78–222.

Описание памятников русской архитектуры по губерниям. II. Вятская губерния (уезды Вятский и Глазовский) // Известия ИАК. 1912. Вып. 44. Вопросы реставрации. Вып. 9. С. 95–142.

Орбели И.А. Избранные труды. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1963. 684 с.: ил.

Орешников А.В. Несколько замечаний о древностях, найденных в с. Парутино в 1891 г. // Древности. Труды ИМАО. 1894. Т. 15. Вып. 2. С. 1–13.

Орешников А.В. Дневник. 1915–1933 / отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.: Наука, 2010. Кн. 1. 1915–1924. 660 с. (Научное наследство. Т. 34).

Орлов А.С. Библиографии русских надписей X–XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 239 с.

Островерхов А.С. Стекло архаической Березани // Древнее Причерноморье (Чтения памяти проф. П.О. Карышковского). Тезисы докладов конференции (9–11 марта 1989 г.) / отв. ред. А.В. Гудеова. Одесса: Б. и., 1989. С. 41–43.

Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ с археологической целью в 1867 году // Известия ИРАО. 1876. Т. 8. Вып. 4. С. 362–366.

Отчет Императорского Российского исторического музея за XXV лет (1883–1908). М.: Синодальная тип., 1916. 209 с.: ил.

Охотников С.Б., Островерхов А.С. Скарабеоид с Березани // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического музея. 1993. С. 69–74.

Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов / сост. Г.Г. Анисимов. М.: Сов. Россия, 1973. 192 с.

Охрана памятников истории и культуры в России XVIII — начала XX в.: Сб. документов / сост. Р.Е. Альтшулер, К.М. Пескарева, Н.С. Трусова и др. М.: Б. и., 1978. 356 с.

Охрана культурного наследия России в документах XVII–XX вв.: Хрестоматия для вузов. Т. 1 / сост. Л.В. Карпова, Н.А. Потапова, Т.П.Сухман. М.: Весь мир, 2000. 528 с.

Очерки археологии Пермского Предуралья: Учеб. пособие для студентов и аспирантов / ред. А.М. Белавин. Пермь: РИО ПермГПУ, 2002. 253 с.: ил.

Очерки истории русской и советской археологии. Сб. статей. Вып. 1 / отв. ред. В.И. Гуляев, А.А. Формозов. М.: Наука, 1991. 164 с.

Очерки истории отечественной археологии. Сб. статей. Вып. 2 / отв. ред. А.А. Формозов, И.С. Каменецкий. М.: Богород. печатник, 1998. 232 с.

Очерки истории отечественной археологии. Сб. статей. Вып. 3 / сост. А.А. Формозов; отв. ред. И.С. Каменецкий, А.А. Узянов. М.: Наука, 2002. 200 с.

Очерки истории отечественной археологии. Сб. статей. Вып. 4 / сост. А.А. Формозов; отв. ред. И.С. Каменецкий, А.А. Узянов. Москва: ИА РАН, 2015. 266 с.

Очир-Горяева М.А. Верховые кони в скифском погребальном обряде // Вестник Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН. Археология. 2014. № 2. С. 78–82.

Очир-Горяева М.А. Сопровождающие погребения коней в скифских курганах Северного Причерноморья // Вестник Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН. Археология. 2017. № 3 (31). С. 100–109.

Павлова В. Київський археолог Сергій Вельмін // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 2015. Вип. 19: Історія археології: міжособистісні та інституціональні комунікації. С. 82–92.

Павловский И.Ф. Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII века. Полтава: Полтав. учен. архивная комис., 1912. 238 с.

Палеолит СССР / ред. П.И. Борисковский. М.: Наука, 1984. 384 с.: ил., карт. (Археология СССР).

Пампелли Р. Мои воспоминания // Культурные ценности 2002–2003 гг. СПб.: Европейский дом, 2004. С. 147–166.

Памяти Н.В. Султанова // Известия ИАК. 1909. Вып. 31. Вопросы реставрации. Вып. 3. С. I–IV.

Памяти С.М. Дудина // СМАЭ. 1930. Т. 9. С. 353–357.

Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации / ред. А.С. Щенков. М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 2002. 525 с.: ил.

Памятники архитектуры в Советском Союзе: Очерки истории архитектурной реставрации / общ. ред. А.С. Щенков. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 694 с.: ил.

Пантусов Н.Н. Христианское кладбище близ Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // Записки ВОИРАО. 1887. Т.I. Вып. II. С. 74–83.

Панченко А.А., Петров Н.И., Селин А.А. «Дружина пирует у брега...»: На границе научного и мифологического мировоззрения // Русский фольклор. 1999. Т. 30. С. 82–91.

Папанова В.А. Некрополь Ольвии (история исследования, итоги раскопок). Бердянск: ИА НАНУ, 1993. 94 с.: ил.

Папанова В.А. Урочище Сто могил — некрополь Ольвии Понтийской: монография. Київ: Знання України, 2006. 278 с.: ил.

Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наукова думка, 1974. 229 с.: ил.

Паромов Я.М. Укрепленные дома азиатского Боспора // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции / ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: ИИМК РАН, 2001. Ч. 1. С. 79–85.

Паромов Я.М. Курганный некрополь Гермонассы // ДБ. 2002a. Т. 5. С. 192–206.

Паромов Я.М. Курганный некрополь Кеп // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции / ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: ИИМК РАН, 2002b. Ч. 1. С. 274–279.

Паромов Я.М. Курганный некрополь Фанагории (общая характеристика) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции / ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: ИИМК РАН, 2004a. Ч. 1. С. 287–292.

Паромов Я.М. Фанагорийские курганы с фигурными полихромными сосудами // ДБ. 2004b. Т. 7. С. 309–316.

Пахомов Е.К. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку: Изд-во АН АзССР, 1949. Вып. 4. 116 с.: ил.

Пахомов Е.К. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку: Изд-во АН АзССР, 1957. Вып. 7. 124 с.: ил.

Пекарская Л. Неизвестный древнерусский клад из раскопок Императорской археологической комиссии в Киеве в 1914 году // В камне и в бронзе: сборник статей в честь Анны Песковой / ред.-сост. А.Е. Мусин, О.А. Щеглова. СПб.: ИИМК РАН. С. 415–424. (Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII).

Переводчикова Е.В. Типология и эволюция скифских наверший // СА. 1980. № 2. С. 23–44.

Переводчикова Е.В. Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. 1987. № 4. С. 44–58.

Переводчикова Е.В. Скифский звериный стиль и греческие мастера // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы 3-го археологического семинара / отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск: Новочерк. музей истории дон. казачества, 1992. Ч. 2. С. 65–70.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. 206 с.: ил.

Переводчикова Е.В., Фирсов К.Б. Орнаментированный предмет из кургана Козел: пережиточный гальштатский стиль в скифских царских курганах? // АВ. 2004. № 11. С. 128–137.

Передольская А.А. Фанагорийские фигурные вазы. Л.: Изд-во ГЭ, 1936. 14 с.: ил.

Передольская А.А. Вазы Ксенофанта // ТОАМ. 1945. Т. 1. С. 47–67.

Передольская А.А. Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. 1962. Вып. 7. С. 46–92.

Передольская А.А. Кто же расписал пелику из Баксы? // Культура и искусство античного мира. Л.: Аврора, 1971. С. 45–55.

Передольский В.С. Бытовые остатки насельников ильменско-волховского побережья и земель Велико-Новгородского державства каменного века. Объяснение Археологической выставки в Николаевском дворце в С.-Петербурге. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1893. 340 с.: ил.

Передольский В.С. Новгородские древности: Записка для местных изысканий. Новгород: Губернская тип., 1898. 732 с.

Перечень важнейших газетных и журнальных статей о XII Археологическом съезде в Харькове // Известия ИАК. 1903. Прибавление к вып. 5. Хроника и библиография. Вып. 3. С. 97–98.

Пескарева К.М. К истории создания Российской Академии истории материальной культуры // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 26–32.

Пескарева К.М., Рябинин Е.А. Первое государственное учреждение отечественной археологии: (к 125-летию создания Археологической комиссии) // СА. 1984. № 2. С. 299–307.

Петри Б.Э. Вторая поездка в Предбайкалье // Известия РКИСВА. Сер. 2. 1914. № 3. С. 89–106.

Петров М.І. Воспоминания старого археолога // Просемінарій. Медієвістика. Історія церкви, науки і культури. 1997. Вип. 1. С. 33–134.

Петрова Э.Б. Античная Феодосия: История и культура. Симферополь: Санат, 2000. 261 с.: ил., карт.

Печенкин Н. Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга 1888–1902 гг. СПб.: Т-во Р. Голике и Вильборг, 1908. 223 с.: ил., карт.

Печенкин Н.М. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса // Известия ИАК. 1911. Вып. 42. С. 108–126.

Печенкин Н.М. Шверинский курган // ИТУАК. 1914. № 51. С. 186–194.

Пивоварова Н.В. Коллекция копий фресок и фрагментов росписей древнерусских храмов в собрании Государственного Русского музея // Софійські читання. Вип. 2: сакральні споруди у житті суспільства: історія і сьогодення. Матеріали Другої міжнародної науково-практичної конференції «Софійські читання» (м. Київ, 27-28 листопада 2003 р.) / відп. ред. Н.М. Куковальска. Київ: Фенікс, 2004a. С. 228–231.

Пивоварова Н.В. Забытые имена в русской церковной археологии: И.А. Карабинов и Н.В. Малицкий // Искусство христианского мира. 2004b. Вып. 8. С. 426–437.

Пигарев Е.М. История изучения Селитренного городища // Пигарев Е.М. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище). Йошкар-Ола: Б. и., 2015. С. 11–46. (Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 7: Селитренное городище).

Пидопличко И.Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев: Наукова думка, 1969. 164 с.: ил.

Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тыс. до н. э.: Курс лекций. Л.: ЛГУ, 1949. 132 с.: ил.

Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур I–III. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1950–1953. (Археологические раскопки в Армении. №1, 2, 5). Кармир-Блур I. 1950. Результаты работ Археологической экспедиции Ин-та истории АН АрмССС и Гос. Эрмитажа за 1939–1949 гг. 100 с.: ил.; Кармир-Блур II. 1952. Результаты работ Археологической экспедиции Ин-та истории АН АрмСССР и Гос. Эрмитажа за 1949–1950 гг. 90 с.: ил.; Кармир-Блур III. 1953. Результаты работ Археологической экспедиции Ин-та истории АН АрмССР и Гос. Эрмитажа за 1951–1953 гг. 75 с.: ил.

Пиотровский Б.Б. Ванское царство: Урарту. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Восточная литература, 1959. 284 с.: ил.

Пиотровский Б.Б. Искусство Урарту VIII–V вв. до н. э. Л.: Изд-во ГЭ, 1962. 126 с.: ил.

Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. Л.: Аврора, 1970. [38 с.]: 52 л. ил.

Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа: Краткий очерк. Материалы и документы. М.: Искусство, 2000. 575 с.: ил.

Пицхелаури К.Н. Основные проблемы истории племен восточной Грузии в XV–VII вв. до н. э.: (по археологическим материалам). Тбилиси: Мецниереба, 1973. 232 с.: ил. (Груз. Рез. рус., англ.).

Писцовые книги Пермской губернии Соликамского и Кунгурского уездов / ред. В. Шишонко. Пермь: тип. Губ. правл., 1872. 177 с.

Пицхелаури К.Н. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси: Мецниереба, 1979. 156 с.: ил. (Труды Кахетской археол. экспедиции. Т. 3).

Платонова Н.И. Российская Академия истории материальной культуры: Этапы становления (1918–1919) // СА. 1989. №4. С. 5–16.

Платонова Н.И. Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // АВ. 1998. №5. С. 371–382.

Платонова Н.И. Записки белого офицера // Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты об историческом и культурном достоянии / ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: Вести, 2003. Вып. 4. С. 588–596.

Платонова Н.И. Александр Андреевич Спицын о предмете, задачах и методах археологии // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. статей памяти проф. И.В. Дубова / ред. А.Н. Кирпичников, В.Н. Седых. СПб.: Изд. СПбГУ, 2004. С. 134–149.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России (последняя треть XIX — первая треть XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008a. 51 с.

Платонова Н.И. Палеоэтнологическая школа в археологии и Федор Кондратьевич Волков // Вестник ТомГУ. 2008b. №315. С. 96–103.

Платонова Н.И. Учитель и ученик: граф Сергей Григорьевич Строганов и академик Федор Иванович Буслаев // Мир историка. Историографический сборник. Омск: ОмГУ, 2009a. Вып. 5. С. 31–51.

Платонова Н.И. Александр Андреевич Спицын о теории археологии // РА. 2009b. №3. С. 129–137.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России: вторая половина XIX — первая треть XX в. СПб.: Нестор-История, 2010a. 316 с.

Платонова Н.И. Карл Максимович Бэр и начало исследований первобытных древностей России // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К°, 2010b. С. 611–622.

Платонова Н.И. Граф Сергей Григорьевич Строганов: 1810-е — 1840-е годы // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран / отв. ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. СПб.; М.: Ломоносовъ, 2010c. Т II. С. 147–158.

Платонова Н.И. Первые шаги в деле охраны памятников революционного Петрограда (к публикации документов из личного архива П.П. Покрышкина) // РАЕ. 2014. №4. С. 480–498.

Платонова Н.И. Археология и власть в России 1920-х годов: выработка новой научной идеологии // Верхнедонской археологический сборник. 2015a. Вып.7. С. 58–76.

Платонова Н.И. Архитектор-археолог П.П. Покрышкин: страницы биографии // КСИА. 2015b. Вып. 241. С. 422–437.

Платонова Н.И. П.П. Покрышкин и сложение школы архитектурно-археологических исследований в России // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания. Тезисы докладов Международной конференции «Ученые и идеи: страницы истории археологического знания», Москва, 24–25 февраля 2015. М.: ИА РАН, 2015c. С. 44–45.

Платонова Н.И. Последние годы П.П. Покрышкина // В камне и в бронзе: сборник статей в честь Анны Песковой / ред.-сост. А.Е. Мусин, О.А. Щеглова. СПб.: ИИМК РАН, 2017a. С. 445–452. (Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII).

Платонова Н.И. Документ эпохи: В.А. Городцов и его дневники (рец.: Городцов Василий Алексеевич. Дневники. 1928–1944: в 2 кн. / сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых; отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. М.: Триумф-принт, 2014. Кн. 1. 686 с.; Кн. 2. 694 с. // АВ. 2017b. № 23. С. 379–384.

Плетнева С.А. От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 199 с.: ил. (МИА. № 142).

Плетнева С.А. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 184 с.: ил., карт.

Погребова М.Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука, 1977. 188 с.: ил., карт.

Погребова М.Н. Памятники скифской культуры в Закавказье // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье / ред. Л.А. Литвинский. М.: Наука, 1981. С. 42–58.

Подъяпольский С.С., Бессонов Г.Б., Беляев Л.А., Коркин В.Д., Постникова Т.М., Табунщиков Ю.А. Реставрация памятников архитектуры. 2-е изд. М.: Стройиздат, 2000. 288 с.

Покровская Э.В. Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин // КСИА АН УССР. 1962. Вип. 12. С. 73–81.

Покровский Н.В. Губернские ученые архивные комиссии. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1908. 24 с.

Покровский Н.В. Губернские ученые архивные комиссии // ВИА. 1909a. Вып. 18. С. 27–48.

Покровский Н.В. Памятники церковной старины в Костроме. СПб.: Синодальная тип., 1909b. 59 с.: ил.

Покровский Н.В. Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Пг.: Тип. А.Н. Лавров и К°, 1916. 216 с.: ил.

Покровский Ф.В. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы // Труды IX Археологического съезда в Вильне. 1893 г. / ред. П.С. Уварова, С.С. Слуцкий. М.: Тип. Г. Лисснера и Ремана, 1897. Т. 2. С. 190–196.

Покрышкин П.П. Краткие советы для производства точных обмеров в древних зданиях // Известия ИАК. 1905. Вып. 16. С. 120–123.

Покрышкин П.П. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903–1904 гг. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1906. 36 с.: ил. (МАР. № 30).

Покрышкин П.П. Проветривание зданий, особенно холодных // Известия ИАК. 1910. Вып. 34. Вопросы реставрации. Вып. 5. С. 85–87.

Покрышкин П.П. Ремонт и выпрямление колокольни при Боровско-Успенской церкви в г. Архангельске // Известия ИАК. 1913. Вып. 48. Вопросы реставрации. Вып. 11. С. 43–45.

Покрышкин П.П. Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства // Известия ИАК. 1915a. Вып. 57. Вопросы реставрации. Вып. 15. С. 178–190.

Покрышкин П.П. Памяти Д.В. Милеева // Известия ИАК. 1915b. Вып. 57. С. 1–2.

Покрышкин П.П., Романов К.К. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии // Известия ИАК. 1908. Вып. 28. С. 107–155.

Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев: Научно-производ. кооператив «Археология», 1992. 202 с.: ил.

Полин С.В. Раскопки Александропольского кургана в 1851–1856 гг. // Полин С.В., Алексеев А.Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье. Киев; Берлин: Видавець Олег Філюк, 2018a С. 40–137. (Сер. Курганы Украины. Т. 6).

Полин С.В. Раскопки Александропольского кургана в 2004–2009 гг. // Полин С.В., Алексеев А.Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье. Киев; Берлин: Видавець Олег Філюк, 2018b С. 145–466. (Сер. Курганы Украины. Т. 6).

Полин С.В., Алексеев А.Ю. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье. Киев; Берлин: Видавець Олег Філюк, 2018. 930 с.: ил. (Сер. Курганы Украины. Т. 6).

Полиэн. Стратегемы / отв. ред. А.К. Нефедкин. СПб.: Евразия, 2002. 606 с.

Полное собрание законов Российской Империи: Собрание первое. 1649–1825: в 50 т. / под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Типография II отделения Его Императорского Величества Канцелярии, 1830; Собрание второе. С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года: в 55 т. СПб.: Типография II Отделения Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1885; Собрание третье. С 1 марта 1881 года по 1913 год: в 33 т. СПб.; Пг.: Государственная типография, 1885–1916.

Половцов А.В. Крупная утрата. Гангольф Егорович Кизерицкий. М.: Университетская тип., 1904. 45 с.

Половцова С.А. Курган Солоха близ с. Знаменки Мелитопольского уезда Таврической губернии. СПб.: Б. и., 1914. 22 с.: ил. (Гермес. 8-й год издания).

Поляков И.С. Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1881. 167 с.: ил. (Записки ИРГО. Т. 9).

Пономарев Д.Ю. Новый могильник с искусственно деформированными черепами на Боспоре // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф. Материалы IV Боспорских чтений / ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь: Б.и., 2003. С. 210–216.

Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. / науч. ред. Б.Г. Литвак. М.: Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР, 1990. 186 с.

Прендель Р.А. Археологические расследования на острове Березани // Труды VI Археологического съезда в Одессе / ред. П.С. Уварова. 1884 г. Одесса: Тип. А. Шульце, 1886. Т.I. С. 216–219.

Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: (1870–1929). Пг.: Колос, 1922. 96 с. (Биогр. б-ка).

Придик Е.М. Мельгуновский клад 1763 г. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1911. 30 с.: ил. (МАР. № 31).

Придик Е.М. Новые кавказские клады // Доклады, читанные на Лондонском Международном конгрессе историков в марте 1913 г. графом А.А. Бобринским, Е.М. Придиком, М.И. Ростовцевым, Б.В. Фармаковским и Э.Р. фон Штерном. СПб.: Издание ИАК, 1914. С. 94–110. (МАР. № 34).

Прозоровский Д.И. Смоленский клад // Известия ИРАО. 1872. Т. 7. С. 72–88.

Прозрителев Г.Н. Мажары: Один из древнейших городов Северного Кавказа. Ставрополь: Ставропольский губернский стат. комитет, 1906. 16 с.: ил.

Прокопенко Ю.А. О находках на Северном Кавказе монет XV–XVII веков чеканов русских княжеств, России и государств Западной Европы // Из истории земли Ставропольской. Сб. статей. Ставрополь: Ставроп. гос. пед. ун-т., 1996. Вып. 3. С. 65–72.

Протасов Н.Д. Рец. на: *Покровский Н.В.* Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Пг., 1916 // Богословский вестник. 1916. Т. 1. № 3–4. С. 591–596.

Проводы профессора Э.Р. фон Штерна. Одесса: Б. и., 1911. 14 с.

Протокол заседания Отделения русской и славянской археологии ИРАО 28 февраля 1909 г. // ЗОРСА. 1913. Т. 9. С. 289–294.

Протокол распорядительного заседания Императорского Московского археологического общества, 27 апреля 1907 г., под председательством графини П. С. Уваровой // Древности. Труды ИМАО. 1909. Т. 22. Вып. 1. С. 122–124.

Протоколы // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове. 1908 г. / ред. П. С. Уварова. М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, преемник В. И. Воронов, 1911. Т. 3. Протоколы. С. 1–16.

Протоколы Подготовительного комитета V Археологического съезда в Тифлисе / ред. И. Д. Мансветов. М.: Б. и., 1879–1882. — 621, 42 с.: ил.

Протоколы Подготовительного комитета V Археологического съезда в Тифлисе // Древности. Труды ИМАО. 1882. Т. 9. Вып. 1. С. 105–621.

Протоколы IX Археологического съезда // Труды IX Археологического съезда в Вильне. 1893 г. / ред. П. С. Уварова, С. С. Слуцкий. М.: Тип. Г. Лисснера и Ремана, 1897. Т. 2. С. 3–126.

Протоколы заседаний XI Археологического съезда // Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899 г. / ред. П. С. Уварова, С. С. Слуцкий. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1902. Т. 2. С. 1–177.

Протоколы соглашения Императорской археологической комиссии с учеными обществами по вопросам об открытии и сохранении памятников древности, на основании Высочайшего повеления, объявленного г. министром императорского двора в предложении от 11 марта 1889 года, за № 73. СПб.: Б. и., 1889. 26 с.

Протоколы реставрационных заседаний Императорской археологической комиссии // Известия ИАК. 1908. Вып. 26. Вопросы реставрации. Вып. 1. С. 25–27.

Прохорова Т. А. Материалы по подготовке К. Э. Гриневичем работы «Древности Пантикапея» (по архивным документам Херсонесского музея-заповедника) // Таврические студии. 2016. № 10. С. 150–153.

Прошлое Урала в фотографиях / сост. Г. В. Длужневская, Б. Б. Овчинникова и др. Екатеринбург: Виролл ЛТД, 1993. 197 с.: ил.

Пругло В. И. К вопросу о дате кургана Большая Близница // СА. 1974. № 3. С. 64–77.

Прушевская Е. О. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // Известия ИАК. 1917. Вып. 63. С. 31–58.

Путятин П. А. О гончарном искусстве в каменном веке // Известия ИРГО. 1884. Т. 20. Вып. 3. С. 208–309.

Путятин П. А. Орнаментация древнего гончарства // Труды VI Археологического съезда в Одессе. 1884 г. Одесса: Тип. А. Шульце, 1886. Т. 1. С. 72–85.

Пучков А. А. Юлиан Кулаковский и его время: из истории антиковедения и византинистики в России. СПб.: Алетейя, 2004. 495 с.: портр. (Византийская библиотека. Исследования).

Пушкина Т. А. Первые Гнездовские клады: история открытия и состав // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина) / ред.-сост. Т. А. Пушкина. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 370–377.

Пятидесятилетие Виленской Комиссии для разбора и издания древних актов: 1864 — 17.IV.1914. Юбилейная записка. Вильна: Тип. Осипа Завадского, 1914. 48 с.: 12 л. портр.

Пятышева Н. В. Таманский саркофаг. М., 1949. 36 с.: ил. (Труды ГИМ. Памятники культуры. Т. 2).

Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры. Л.: Б. и., 1930. 94 с. (ИГА ИМК. Т. 7. Вып. 3–4).

Радиевская Т. Н., Беленко Н. Н. Первый археологический опыт Викентия Хвойки // История археологии: личности и школы: Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В. В. Хвойки (Киев, 5–8 октября 2010 г.) / отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 32–40.

Радієвська Т., Беленко М. Перший археологічний досвід В. В. Хвойки // Науково-дослідницька та просвітницька діяльність Вікентія Хвойки. До 160-річчя з дня народження. Матеріали науково-практичної конференції Київського обласного археологічного музею / ред. Н. В. Конволюк. Трипілля: Б. і., 2010. С. 97–122.

Радлов В.В. Сибирские древности. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1888. Т. 1. Вып. 1. 60 с.: ил. (МАР. № 3).

Радлов В.В. Сибирские древности. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1891. Т. 1. Вып. 2. 70 с.: ил. (МАР. № 5).

Радлов В.В. Сибирские древности. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1894. Т. 1. Вып. 3. 168 с.: ил. (МАР. № 15).

Радлов В.В. Атлас древностей Монголии. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1892–1899. (Труды Орхонской экспедиции. Вып. 1–4). Вып. 1. 1892. 70 л. табл.; Вып. 2. 1893. 18 л. табл., 2 л. карт.; Вып. 3. 1896. 14 л. табл.; Вып. 4. 1899. 14 л. табл.

Радлов В.В. Сибирские древности. Т. 2. Вып. 1. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1902. 50 с.: ил. (МАР. № 27).

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1893–1911. Т. 1–4. Т. 1. 1916 стб.; Т. 2. 1816 стб.; Т. 3. 2204 стб.; Т. 4. 1932 стб.

Радлов В.В. Из Сибири / примеч. и послесл. С.И. Вайнштейн. М.: Наука, 1989. 749 с.: ил.

Радлов Н. [Э.] Два черепка с о. Березани // Известия ИАК. 1910. Вып. 37. С. 81–86.

Радлов Н.Э. Две панафинейские амфоры, найденные в южной России в 1911 г. // Известия ИАК. 1912. Вып. 45. С. 76–91.

Разгон А.М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917) // История музейного дела в СССР: сборник статей. Труды Научно-исследовательского института музееведения. 1957. Вып. 1. С. 73–128.

Разгон А.М. Российский Исторический музей. История его основания и деятельности (1872–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. Труды Научно-исследовательского института музееведения. 1960. Вып. 2. С. 224–299.

Разгон А.М. Археологические музеи в России (1861–1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. Труды Научно-исследовательского института музееведения. 1961. Вып. 3. С. 189–230.

Разгон А.М. Охрана исторических памятников в России (XVIII в. — первая половина XIX в.) // Очерки истории музейного дела в СССР. Труды Научно-исследовательского института музееведения. 1971. Вып. 7. С. 292–365.

Райков Б.Е. Введение в автобиографию К.М. Бэра // *Бэр К.М.* Автобиография. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 12–29.

Раушенбах В.М. Среднее Зауралье в эпоху камня и бронзы. М.: Госкультпросветиздат, 1956. 151 с.: ил., карт. (Труды ГИМ. Вып. 29).

Резепкин А.Д. Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Сб. статей / отв. ред. П.У. Аутлев. Майкоп: Б. и., 1988. С. 156–163.

Резепкин А.Д. Курган 31 могильника Клады: Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья: (По материалам археол. работ в зонах мелиорации Краснодар. края). Сб. статей / отв. ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1991. С. 167–198.

Репников Н.И. Отчет о раскопках в Бежецком, Весьегонском и Демянском уездах в 1902 г. // Известия ИАК. 1904. Вып. 6. С. 12–20.

Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // Известия ИАК. 1906. Вып. 19. С. 1–80.

Репников Н.И. Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г. // ХСб. 1927. Вып. 2. С. 147–186.

Репников Н.И. Раскопки в городище Старой Ладоги // Старая Ладога. Л.: Государственный музей этнографии, 1948. С. 11–70.

Рерих Н.К. К древностям валдайским и водским // Известия ИАК. 1901. Вып. 1. С. 60–68.

Рерих Н.К. Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой // ЗОРСА. 1903. Т. 5. Вып. 1. С. 14–43.

Рерих Н.К. Каменный век на озере Пирос // ЗОРСА. 1905. Т. 7. Вып. 1. С. 160–169.

Реслер Э.А. Археологические раскопки в Елизаветпольской губернии в 1901 г. // Известия ИАК. 1905. Вып. 16. С. 1–26.

Реутов А.А. До проблеми реконструкції Десятинної церкви // Церква Богородиці Десятинна в Києві: до 1000-ліття освячення / ред. П.П. Толочко. Київ: АртЕк, 1996. С. 32–34.

Речи, говоренные на заседании Императорского Общества истории и древностей Российских 4 мая 1882 г., посвященном незабвенной памяти бывшего председателя графа С.Г. Строганова. М.: ИОИДР при Моск. ун-те, 1882. 10 с.

Риттер К. О древнейших поселениях сваестроителей по разным швейцарским озерам // Вестник ИРГО. 1859. Т. 26. № 8. С. 76–82.

Родевич В.М. Урянхайский край и его обитатели // Известия ИРГО. 1912. Т. 48. Вып. 1. С. 128–188.

Розен В.Р. Памяти барона Владимира Густавовича Тизенгаузена. 1825–1902 // ЗВОРАО. 1906. Т. 16. Вып. 2–3. С. 231–236.

Романов К.К. Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском (краткий отчет о разведке) // Известия ИАК. 1910. Вып. 36. Вопросы реставрации. Вып. 6. С. 70–93.

Романчук А.И. Возрождение античного города: научно-популярный очерк изучения. Свердловск: Изд-во УралГУ, 1991. 164 с.: ил.

Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во УралГУ, 2000. 330 с.: ил.

Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1–2. Тюмень: Б. и., 2008. Т. 1: Античный полис. 720 с.: ил.; Т. 2: Византийский город. 622 с.

Романчук А.И. К.К. Косцюшко-Валюжинич: Этюды повседневности. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2014. 348 с.

Романчук А.И. К.К. Косцюшко-Валюжинич: биография и некоторые аспекты деятельности // Археология античного и средневекового города: сборник статей в честь С.Г. Рыжова / ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь; Калининград: РОСТ-ДОАФК, 2018. С. 205–216.

Рославский В.М. Становление учреждений охраны и реставрации в РСФСР 1917–1921 гг.: Игорь Грабарь и реставрация. М.: Полимаг, 2004. 392 с.

Ростовцев М.И. Древние костяные шашки с юга России // Известия ИАК. 1904. Вып. 10. С. 109–124.

Ростовцев М.И. Боспорское царство и южнорусские курганы. СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1912. 21 с.: ил.

Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // Известия ИАК. 1913. Вып. 49. С. 1–62.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Т. 1. Описание и исследование памятников. СПб.: Издание ИАК, 1913–1914. 538 с.: ил.

Ростовцев М.И. Стеклянные расписные вазы позднеэллинистического времени и история декоративной живописи // Известия ИАК. 1914. Вып. 54. С. 111–120.

Ростовцев М.И. Воронежский серебряный сосуд // Доклады, читанные на Лондонском Международном конгрессе историков в марте 1913 г. графом А.А. Бобринским, Е.М. Придиком, М.И. Ростовцевым, Б.В. Фармаковским и Э.Р. фон Штерном. СПб.: Издание ИАК, 1914. С. 79–93. (МАР. № 34).

Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Труды ИМАО. 1916. Т. 25. С. 1–24.

Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг.: 9-я Гос. тип., 1918. 124 с.: ил., карт. (МАР. № 37).

Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Пг.: Огни, 1918. 190 с.: ил. (Круг знания).

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. [Л.]: Тип. 1-й Ленингр. трудовой артели печати, 1925. 621 с.: ил.

Ростунов В.Л. Вопросы бытования куро-аракских племен на Центральном Кавказе и их роли в этнокультурном процессе второй половины III — начала II тыс. до н. э. // Этнокультурные

проблемы бронзового века Северного Кавказа. Сб. науч. трудов / отв. ред. Т.Б. Тургиев. Орджоникидзе: СОГУ, 1986. С. 24–45.

Рудаков В.Г. История изучения Селитренного городища // РА. 2000. № 2. С. 180–191.

Рудаков В.Е. Археологическая деятельность гр. А.А. Бобринского (По поводу 25-летия его председательствования в Имп. археологической комиссии) // Исторический вестник. 1911. № 3. С. 1060–1068.

Руденко С.И. Памяти Федора Кондратьевича Волкова: к пятидесятилетию со дня смерти / подготовка текста, ред. и коммент. Н.И. Платоновой // АВ. 2003. № 10. С. 361–366.

Руднева С.Д. Амфора милетского стиля из окрестностей станицы Таманской // Известия ИАК. 1912. Вып. 45. С. 104–110.

Руссов А.А. Отчет о летних и осенних археологических работах (1880) в Южном Дагестане // Древности. Труды ИМАО. 1882. Т. 8: Протоколы Подготовительного комитета V Археологического съезда в Тифлисе. С. 503–621.

Русский биографический словарь. В 26 томах. М.: Аспект-Пресс, 1999. 18200 с. (Репринтное воспроизведение изд. 1909 г.).

Рыбаков Б.А. Радзімічы // Працы сэкцыі археалогіі Беларускай АН. 1932. Т. 3. С. 81–151.

Рыбаков Б.А. Поляне и северяне: (К вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днестре) // СЭ. 1947. Т. 6–7. С. 81–105.

Рыбаков Б.А. Уличи (историко-географические заметки) // КСИИМК. 1950. Вып. 35. С. 3–17.

Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XV веков. М.: Наука, 1964. 48 с.: ил. (Археология СССР. САИ. Е1–44).

Рысин М.Б., Красниенко С.В., Субботин А.В. Об ограблениях памятников археологии в Карачаево-Черкесской Республике // РА. 2003. № 3. С. 173–175.

Рычков Н.П. Продолжение Журнала или Дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства (в 1770 году). СПб.: Имп. акад. наук, 1772. 132 с.: карт.

Рюмин А.А. На острове воспоминаний // Наше наследие. 1991. № 5 (23). С. 153.

Рябинин Е.А. Н.К. Рерих и Императорская археологическая комиссия // Петербургский Рериховский сборник. СПб.: Агни, 1999. Вып. 2–3. С. 15–34.

Рябцева С. Знахідки з розкопок Десятинної церкви у коллекції Державного Ермітажу (каталог) // Церква Богородиці Десятинна в Києві: до 1000-ліття освячення / ред. П.П. Толочко. Київ: АртЕк, 1996. С. 192–204.

Сабатье П.П. Керчь и Боспор. Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Боспорского. СПб.: Имп. акад. наук, 1851. 128 с.: ил.

Савельев П.С. Известия о курганах и городищах // Известия ИРАО. 1859. Т. 1. С. 148–151.

Савельев Ю.Р. Н.В. Султанов (1850–1908). Заказчики и зодчий // Архитектурное наследство. 2003a. Вып. 45. С. 194–2013.

Савельев Ю.Р. Николай Султанов. СПб.: Белое и черное, 2003b. 38 с.: ил. (Архитекторы Санкт-Петербурга).

Савенков И.Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия ВСОИРГО. 1886. Т. 17. Вып. 3–4. С. 26–101.

Савенков И.Т. О древнейших памятниках изобразительного искусства Енисея. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1910. 553 с.: ил.

Савостина Е.А. Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА. 1989. № 2. С. 84–99.

Савостина Е.А. Тема надгробной стелы из Трехбратнего кургана в контексте античного мифа // Историко-археологический альманах / отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; Краснодар; М.: Армавирский краеведческий музей, 1995. Вып. 1. С. 10–119.

Самоквасов Д. О заслугах Е.Д. Фелицына (в деле изучения Кубанских древностей) // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881 г. / ред. П.С. Уварова. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1887a. С. LV.

Самоквасов Д.Я. Могильные древности Пятигорского округа // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881 г. / ред. П.С. Уварова. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1887b. С. 37–60.

Самоквасов Д.Я. Сборник топографических сведений о курганах и городищах в России: Волынская губерния. СПб.: Б. и., 1888. 99 с. [Литогр. изд.].

Самоквасов Д.Я. Основание хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава: Тип. М. Земкевич, 1892. 101 с.: ил.

Самоквасов Д.Я. Могилы русской земли: Описание археологических раскопок и собрание древностей. М.: Синодальная тип., 1908. 276 с.: ил.

Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М.: Наука, 1996. 348 с.: ил.

Сарабьянов В.Д. История архитектурных и художественных памятников Ферапонтова монастыря. М.: Индрик, 2014. 151 с.: ил.

Сатеев О.И., Ульянова О.А. Работы Карагодеуашхского отряда в 1988–1989 гг. // КСИА. 1993. Вып. 210. С. 85–91.

Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. 1974. Вып. 7. С. 23–306.

Саханев В.В. Серебряные сосуды с золоченым орнаментом из Чмырева кургана // Известия ИАК. 1912. Вып. 45. С. 111–131.

Сахаров И.П. Записка для обозрения русских древностей. СПб.: Тип. Я. Трея, 1851. 80 с.

Сборник археологических статей, поднесенный графу А.А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской археологической комиссии (1886–1911). СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1911. 276 с.: ил.

Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской академии художеств за сто лет ее существования / сост. П.Н. Петров. СПб.: Тип. В. Спиридонова, 1866. Ч. 3. 455 с.

Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг.: Тип. Мин-ва земледелия, 1916. Т. 1. 710 с.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / сост. В.Г. Тизенгаузен. СПб.: Изд. на иждивение гр. С.Г. Строганова, 1884. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. 564 с.

Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1865 и 1866 годы / сост. Д. Чудовский. СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1873. 432 с.

Свинин В.В. Археологические памятники Байкала и их исследователи // Древности Байкала: Сб. науч. трудов / отв. ред. В.М. Массон. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. С. 111–113.

Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Издание 1842 г.: [в 15 т.]. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1842. Т. 10: Свод законов гражданских и межевых. Ч. 1 и 2. 1123 с.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.: ил., карт. (Археология СССР. [Т. 14]).

Селиванов А.В. Отчет о раскопках в Старой Рязани // Труды РУАК. 1888. Т. 3. №8. С. 159–162.

Сементовский А.М. Памятники старины Витебской губернии. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1867. 74 с.: ил.

Семенов С.А. Из Петербурга в Ленинград. Вехи профессионального пути археолога С.А. Дубинского // Бюллетень ИИМК РАН. 2018. №8. С. 241–247.

Семянчук Г.Н. Пасьляслоуе // *Дубінскі С.А.* Бібліографія па археолёгіі Беларусі и сумежных краін. Спадчына археолага / под. ред. Г.Н. Семянчука. Беласток: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2010. С. 333–336.

Сергеев С.И. Памятники древности близ сел Искора, Губдора и Верхне-Воровского Чердынского уезда // Труды ПУАК. 1896. Вып. 3. С. 34–36.

Сердоков Д.Я. Чмырева Могила // ИТУАК. 1899. №30. С. 80–81.

Серых Д.В. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 24 с.

Серых Д.В. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX — начале XX в.: монография. Казань: Отечество, 2014. 188 с.

Сецинский Е. Археологическая карта Подольской губ., с картой, 3 табл. планов городищ, указателем географических имен и предметным указателем // Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899 г. / ред. П.С. Уварова, С.С. Слуцкий. М.: Тип. Г. Лисснера и Ремана, 1901. Т. 1. С. 197–354.

Сивков А.В. Дворцы Эрмитажа в советский период. СПб.: Изд-во ГЭ, 2018. 547 с.: ил.

Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М.: Искусство, 1985. 28 с.: ил.

Сидорчук И.В. Деятельность Н.Я. Марра на посту председателя Государственной академии истории материальной культуры (1919–1920, 1922–1934 гг.) // Научно-технические ведомости СПбПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4 (255). С. 96–107.

Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии: Отчет. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1889. 183 с.: ил. (МАК. Т. 2).

Сизов В.И. О происхождении и характере курганных височных колец преимущественно так называемого московского типа // АИЗ. 1895. Т. 6. С. 177–187.

Сизов В.И. Длинные курганы Смоленской губернии [Протоколы] // Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899 г. / ред. П.С. Уварова, С.С. Слуцкий. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1902. Т. 2. С. 81–82.

Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1902. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. 162 с.: ил. (МАР. № 28).

Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов / ред. В.Ф. Гайдукевич. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 3–107. (МИА. № 69).

Силантьева Л.Ф. Семибратние курганы и их значение для изучения культуры синдов // Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа. Л.: ГЭ, 1967. С. 46–48.

Симоненко А.В. О позднескифских налобниках // Древности степной Скифии. Сб. науч. трудов / отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1982. С. 237–245.

Синай. Византия. Русь. Православное искусство с 6 до начала 20 века: Каталог выставки / ред. О. Баддлей. СПб.: Изд-во ГЭ, 2000. 488 с.: ил.

Сіткарьова О.В. Архітектура Києво-Печерської лаври кінця XVIII — XX століття Київ: Головархітектура; НДІТІАМ, 2001. 338 с.: іл.

Скопа В.А. Н.Н. Пантусов — секретарь Семиреченского областного статистического комитета и выдающийся исследователь Семиречья // Novainfo.ru. 2017. Т. 1. № 59. С. 194–198.

Скорый С.А., Хохоровски Я. Большой Рыжановский курган. Киев: Издатель Олег Филюк, 2018. 432 с.: ил.

Скорый С.А., Хохоровски Я., Григорьев В.П., Рыдзевская Я. Центральная могила Большого Рыжановского кургана // Археологія. 1999. № 1. С. 94–105.

Скуднова В.М. Аттические чернофигурные килики из Березани // СГЭ. 1955. Вып. 8. С. 35–37.

Скуднова В.М. Хиосские кубки из раскопок на острове Березани // СА. 1957a. № 4. С. 128–139.

Скуднова В.М. Обомки чернофигурных сосудов мастера Софилоса из Березани // СГЭ. 1957b. Вып. 12. С. 48–49.

Скуднова В.М. Родосская керамика с о. Березани // СА. 1960. № 2. С. 153–167.

Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л.: Искусство, 1988. 180 с.: ил.

Славин Л.М. Основные этапы изучения Ольвии // Записки ОАО. 1960. Т. 1 (34). С. 47–59.

Смирнов А.С. Представления об охране древностей в обществе и государственных институтах Российской империи // Археология восточноевропейской лесостепи. Эпоха металла Восточной Европы (историография, публикации). Воронеж: Б. и., 2006. Вып. 20. С. 67–73.

Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи. Очерки институциональной истории науки XIX — начала XX в. М.: ИА РАН, 2011a. 592 с.: ил.

Смирнов А.С. «Признать в Императорской археологической комиссии правительственный центр» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011b. № 2 (32). С. 395–408.

Смирнов А.С. Ф.Р. Мартин и организация Самаркандской экспедиции Н.И. Веселовского в 1895 г. // РАЕ. 2012. № 2. С. 703–712.

Смирнов А.С. Археологические организации и властные структуры Российской империи (в контексте внутренней и внешней политики второй половины XIX — начала XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013. 52 с.

Смирнов А.С. «Обратиться к славному прошлому». Рец.: Мусин А.Е., Носов Е.Н. (ред.). Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Т. 1–2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009 // РАЕ. 2014. № 4. С. 619–632.

Смирнов А.С. Граф Алексей Александрович Бобринский и новая власть // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015a. Вып. 2. С. 300–308.

Смирнов А.С. Взаимодействие российской и германской археологии в конце XIX — начале XX в. за пределами Российской империи // Уральский исторический вестник. 2015b. Т. 3 (48). С. 7–15.

Смирнов И.Н. Чудские древности // Энциклопедический словарь. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1903. Т. 39. Чугуев — Шен. С. 20–23.

Смирнов Я.И. Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1909. 18 с.: ил.

Смирнов Я.И. Ахалгорийский клад [Посмертное издание]. Тифлис: Музей Грузии, 1934. 73 с.: ил.

Смирнов Н.Ю. «Плетеный узел» раннескифской культуры: (Орнаментальный мотив в контексте культурогенеза) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: Материалы тематической науч. конф. / отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 290–294.

Смирнова Г.И. Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике // МАИЭТ. 1998. Т. 6. С. 77–121.

Смирнова Г.И., Вахтина М.Ю., Кашуба М.Т., Старкова Е.Г. Городище Немиров на реке Южный Буг: по материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН. СПб.: Изд-во ГЭ, ИИМК РАН, 2018. 334 с.: ил.

Смирнова О.И. Место труда В.А. Жуковского «Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва» в истории изучения среднеазиатских городов // Очерки по истории русского востоковедения. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Сб. V. С. 50–58.

Смолин В.Ф. Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников старины в России // Известия ИАК. 1917. Вып. 63. С. 121–148.

Смолин В.Ф. Отчет об археологических раскопках в Болгарах в июне 1915 г. // ИОАИЭКУ. 1919a. Т. 30. Вып. 1. С. 67–73.

Смолин В.Ф. Краткий отчет о раскопках в Болгарах летом 1916 г. // Известия ОАИЭКУ. 1919b. Т. 30. Вып. 1. С. 113–116.

Снегирев И.М. Древности Российского государства. М.: Тип. Александра Семена, 1849–1853. Отд. 1. Святые иконы, кресты, утварь храмовая и облачение сана духовных лиц. 1849. 232 с.: ил.; Отд. 2. Древний чин царский, царские утвари и одежды. 1851. 142 с.: ил.; Отд. 3. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. 1853. 296 с.: ил., Альбом. 296 с.: ил.; Дополнение к Отд. 3. Русские старинные знамена. 383 с.: ил.; Отд. 4. Древние великокняжеские, царские, боярские и народные одежды, изображения и портреты. 1851. 92 с.: ил., Альбом. 76 с.: ил.; Отд. 5. Древняя столовая и домашняя утварь. 1853. 134 с.: ил., Альбом. 146 с.: ил.; Отд. 6. Памятники древнерусского зодчества. 1853. 114 с.: ил., Альбом. 80 с.

Соболев В.Ю. Клады и случайные находки на территории Большого Петербурга // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А.Д. Грача / отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 280–289.

Собрание определений и постановлений Священного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. М.: Изд-во Соборного совета, 1918; 2-е изд., М.: Новоспасский монастырь, 1994. Вып. 1–4. 186 с.: ил.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. 1483 с.

Соколов В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // ИТУАК. 1919. № 56. С. 39–53.

Соколов В. Курганы Лысой горы близ Тамани и находки в них // ИТУАК. 1919. № 56. С. 60–63.

Соколов Г.И. Античное Причерноморье: Памятники архитектуры, живописи и прикладного искусства: [Альбом]. Л.: Аврора, 1973. 192 с.: ил.

Сокольский Н.И. Валы в системе обороны Боспора // СА. 1957. Т. 27. С. 92–106.

Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М.: Наука, 1969. 192 с.: ил. (Археология СССР. САИ. Вып. Г1–17).

Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1971. 291 с.: ил. (МИА. № 178).

Соловьев С.Л. История археологических исследований на Березани // Борисфен — Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа / ред. С.Л. Соловьев. СПб.: Изд-во ГЭ, 2005a. С. 31–41.

Соловьев С.Л. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье // Борисфен — Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье: Каталог выставки / ред. С.Л. Соловьев. СПб.: Изд-во ГЭ, 2005b. С. 6–24.

Сорокин П.Е. Археологическое изучение Троице-Петровского собора // Археологическое наследие Санкт-Петербурга / отв. ред. П.Е. Сорокин. СПб.: ИИМК РАН, 2003. Вып. 1. С. 25–74.

Сорокина И.А. Полевые археологические исследования в России в 1946–2000 гг.: (по архивным материалам и публикациям). Тула: Гриф и К°, 2008. 244 с.: ил., карт.

Сорокина И.А. Императорская археологическая комиссия и становление полевых исследований в отечественной археологии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 4 (26). С. 13–21.

Сорокина И.А. Археологический подотдел в системе Наркомпроса (1918–1926 гг.) // КСИА. 2016. № 245. Ч.I. С. 244–256.

Сорокина И.А. Центральное археологическое бюро: проект В.А. Городцова (1923 год) // КСИА. 2018a. № 253. С. 432–444.

Сорокина И.А. Первые советские инструкции по проведению полевых исследований памятников археологии (1927 г.): к истории создания // Известия Самарского научного центра РАН. 2018b. Т. 20. № 3. С. 537–543.

Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М.: Сов. Россия, 1957. 64 с.: ил. (Труды ГИМ. Памятники культуры. Т. 26).

Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X в.): Очерки истории и культуры. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского; Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. Ч.I. 600 с.: ил. (Византия и ее окружение)

Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков: Майдан, 2000. 826 с.: ил., карт.

Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917: Биобиблиографический справочник / авт. и сост. Г.И. Качалина, В.Ф. Мурашкина, Е.М. Яковлева. СПб.: Изд-во ГЭ, 2004. 172 с.: портр.

Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX в.: сб. документов / сост. В.С. Дедюхина и др. М.: Отечество, 1997. 395 с.

Спасский Г. Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М.: Университетская тип., 1846. 152 с.: ил.

Спасский И.Г. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. 1970. Т. 8. С. 123–234.

Список ученых трудов А. А. Спицына // СА. 1948. Т. 10. С. 12–20.

Спицын А.А. Определение времени Люцинского и Лядинского могильников // АИЗ. 1894. Т. 2. С. 403–406.

Спицын А.А. Производство археологических раскопок. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1895. 70 с.: ил.

Спицын А.А. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1896a. 124 с.: ил., карт. (МАР. № 20).

Спицын А.А. Предполагаемые литовские курганы VIII–IX вв. Обозрение некоторых губ. и областей России в археологическом отношении: I. Могилевская губерния. II. Черниговская губерния. III. Воронежская губерния. IV. Саратовская губерния. V. Самарская губерния // Записки ИРАО. 1896b. Новая серия. Т. 8. Вып. 1–2. С. 115–159.

Спицын А.А. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении: VI. Новгородская губерния. VII. Псковская губерния. VIII. Витебская губерния. IX. Петербургская губерния. X. Тверская губерния // Записки ИРАО. 1897. Новая серия. Т. 9. Вып. 1–2. С. 237–293.

Спицын А.А. О степени достоверности записки Ибн-Фадлана // Записки ИРАО. 1899a. Т. 11. Вып. 1–2. С. 161–166.

Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899b. Т. 8. С. 301–340.

Спицын А.А. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении: XI. Смоленская губерния. XII. Орловская губерния. XIII. Калужская губерния. XIV. Тульская губерния. XV. Московская губерния. XVI. Владимирская губерния. XVII. Ярославская губерния. XVIII. Костромская губерния. XIX. Рязанская губерния. XX. Курская губерния. XXI. Киевская губерния. XXII. Подольская губерния. XXIII. Волынская губерния. XXIV. Минская губерния. XXV. Гродненская губерния. XXVI. Виленская губерния // Записки ИРАО. 1899c. Новая серия. Т. 11. Вып. 1–2. С. 177–302.

Спицын А.А. Курганы с окрашенными костяками // Записки ИРАО. 1899d. Т. 11. Вып. 1–2. С. 53–133.

Спицын А.А. Раскопки, произведенные в 1897 г. близ д. Башмачки Екатеринославского уезда // Известия ИАК. 1901a. Вып. 1. С. 63–79.

Спицын А.А. Гляденовское костище // Записки ИРАО. 1901b. Вып. 1–2. С. 228–269.

Спицын А.А. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1902a. 150 с.: ил. (МАР. № 26).

Спицын А.А. Шаманские изображения // ЗОРСА. 1902b. Т. 8. Вып. 1. С. 29–145.

Спицын А.А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1903. 124 с.: ил. (МАР. № 29).

Спицын А.А. Поездка 1903 г. на оз. Кафтино и Бологое и раскопки близ Рыбинска // Известия ИАК. 1904. Вып. 6. С. 65–78.

Спицын А.А. Владимирские курганы // Известия ИАК. 1905a. Вып. 15. С. 84–172.

Спицын А.А. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб 1904 г. // Известия ИАК. 1905b. Вып. 17. С. 115–126.

Спицын А.А. Старейшие русские могильники в Новгородской области // Известия ИАК. 1905c. Вып. 15. С. 1–15.

Спицын А.А. К вопросу о Мономаховой шапке // ЗОРСА. 1906a. Т. 8. Вып. 1. С. 146–184.

Спицын А.А. Серогозские курганы // Известия ИАК. 1906b. Вып. 19. С. 157–174.

Спицын А.А. Могильник V века в Черноморье // Известия ИАК. 1907. Вып. 23. С. 103–107.

Спицын А.А. Археологические разведки. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1908a. 96 с.: ил.

Спицын А.А. Исследования А.А. Спицына в Воронежской губернии // Отчет ИАК за 1905 г. 1908b. С. 82–84.

Спицын А.А. Фалары южной России // Известия ИАК. 1909a. Вып. 29. С. 18–53.

Спицын А.А. Некоторые Закавказские могильники // Известия ИАК. 1909b. Вып. 29. С. 1–17. [Подпись А.С.].

Спицын А.А. Археологические раскопки. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильбор, 1910. 125 с.

Спицын А. Археологическая императорская комиссия // Новый энциклопедический словарь / под общ. ред. К.К. Арсеньева. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1911a. Т. 3: Антидот — Аскаций. Стб. 847–848.

Спицын А.А. Скифы и гальштат // Сборник археологических статей, поднесенных графу А.А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской археологической комиссии (1886–1911). СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1911b. С. 155–168.

Спицын А.А. Раскопки 1910 г. в Лужском уезде Петроградской губернии // Известия ИАК. 1914. Вып. 53. С. 81–94.

Спицын А.А. Русский палеолит // ЗОРСА. 1915. Т. 11. С 3–51.

Спицын А.А. Курганы скифов-пахарей // Известия ИАК. 1918a. Вып. 65. С. 153–156.

Спицын А.А. Раскопки курганной группы у д. Гришкиной, Устюженского уезда Новгородской губернии // Известия ИАК. 1918b. Вып. 65. С. 153–156.

Спицын А.А. Мои научные работы // Seminarium Kondakovianum. 1928. Т. 2. С. 331–342.

Спицын А.А. [*и др.*] Конспекты лекций по истории и древностям Великого Новгорода, читанных в 1909 году в Новгородском обществе любителей древностей г.г. лекторами Императорского Археологического института. Новгород: Новгород. о-во любителей древности, 1910–1911. 130 с.

Спицын А.А., Каменский В.И. Стоянка каменного века близ г. Балахны // ЗОРСА. 1905. Т. 7. Вып. 1. С. 1–72.

Стародубцев В.М. Новые возможности археологического исследования на мысе Ак-Бурун // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции / ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: ИИМК РАН, 2004. Ч. 1. С. 156-160.

Стародубцев В.М. Ак-Бурунский некрополь в документах инженерного департамента // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции / ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 112–117.

Старостин Д.Н. Трапезундская экспедиция (1916–1917 гг.) // Новейшая история России. 2014. №3 (11). С. 283–291.

Стеганцева В.Я. Императорская археологическая комиссия и ее роль в исследовании бронзового века Северного Кавказа // VII Исторические чтения памяти М.П. Грязнова / ред. С.В. Татауров. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. С. 28–35.

Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // АЕ за 1974 г. 1975. С. 38–55.

Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 304 с.: ил., карт. (Археология СССР. [Т. 18]).

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. 464 с.: ил., карт. (Археология СССР. [Т. 10]).

Стефани Л. Объяснение некоторых художественных произведений, открытых в Южной России в 1875 г. // Отчет ИАК за 1876 г. 1879. С. 5–222.

Стефани Л. Объяснение некоторых художественных произведений, открытых в Южной России в 1876 г. // Отчет ИАК за 1877 г. 1880. С. 3–296.

150 [Сто п'ятдесят] святинь Великої Волині / фот. О. Харват, текст В. Луц, М. Бендюк. Рівне: У Харватері істин, 2011. 211 с.: іл.

Стоянов Р.В. Некрополь Херсонеса Таврического классического и эллинистического периодов: история изучения, проблематика // Stratum Plus. 2000. № 3. С. 129–140.

Стоянов Р.В. Некоторые аспекты хронологии и районирования Херсонесского некрополя классического и эллинистического периодов // ХСб. 2003. Вып. 12. С. 165–186.

Стоянов Р.В. Мемориальный погребальный комплекс IV в. до н. э. возле южных городских ворот Херсонеса Таврического // Stratum Plus. 2005. № 3. С. 324–375.

Стоянов Р.В. Таблицы к дневнику Н.И. Репникова о раскопках некрополя Херсонеса Таврического в 1908 г. // ХСб. 2011. Т. 16. С. 181–192.

Стоянов Р.В. Из истории исследования кургана Кара-Оба // БИ. 2014. Вып. 30. С. 619–638.

Страбон. География: В 17 кн. / пер. [с греч.], статья и коммент. Г.А. Стратановского; под общ. ред. проф. С.Л. Утченко; ред. перевода проф. О.О. Крюгер. Л.: Наука, 1964. 943 с.

Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму. Севастополь: Крымиздат, 1961. 248 с.: ил. (Херсонесский сборник. Вып. 6).

Строганов С.Г. Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме, строен от 1194 до 1197 г. М.: Тип. А. Семена, 1849. 25 с.: ил.

Струве Ф.А. Археологические разыскания в Южной России, по отчетам Императорской археологической комиссии // Записки ИООИД. 1867. Т. 6. С. 555–591.

Суслова А.В. Некоторые данные к характеристике деятельности академика архитектуры В.В. Суслова в области реставрации и охраны новгородских памятников (1891–1900 гг.) // НИС. 1959. Вып. 9. С. 191–218.

Суслова А.В. Исследование и подготовка к реставрации Спасо-Нередицкой церкви академиком архитектуры В.В. Сусловым в 1896–1898 гг. // НИС. 1993. Вып. 4 (14). С. 208–214.

Суслова А.В., Славина Т.А. Владимир Суслов. Л.: Стройиздат, 1978. 88 с.: ил. (Мастера архитектуры).

Сысоев В.М. Археологическая экскурсия по Закубанью // МАК. 1904. Т. 9. С. 89–169.

Сысоев В.М. Евгений Дмитриевич Фелицын // МАК. 1904. Т. 9. С. I–VII.

Сысоев В.М. Армянские церкви и монастыри. СПб.: Тип. Г. Лисснера и Д. Савко, 1916. 244 с.: ил.; табл. (МАК. Т. 13).

Такайшвили Е. Археологические экскурсии, разыскания и заметки. Борчалинский уезд, Триалетское приставство // Известия Кавказского отделения ИМАО. 1913. Вып. 3. С. 11–176.

Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // Материалы и исследования по истории Урала и Приуралья. Т. 3 / ред. В.Н. Чернецов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 33–96. (МИА. № 22).

Талько-Гринцевич Ю.Д. Население могил и кладбищ забайкальских // Бурятиеведение [Верхнеудинск]. 1928. № 1–3. С. 91–103.

Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья / ред. и авт. предисл. С.С. Миняев. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1999. 124 с.: ил. (Археологические памятники сюнну. Вып. 4).

Тарасов И. Жизненный путь профессора Санкт-Петербургской духовной академии Ивана Алексеевича Карабинова (1878–1937) // Христианское чтение. 2014. № 4. С. 125–155.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб.: Тип. Балашева, 1897. 374 с.; Т. 2. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1906. 548 с.; Т. 3. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1906. 534 с.

Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. 240 с.: ил., карт.

Техов Б.В. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э.: (По материалам Тлийского могильника). М.: Наука, 1980. 94 с.: ил.

Тизенгаузен В.Г. Новейшие археологические раскопки на Таманском полуострове (Письмо К.К. Герцу) // Древности. Труды ИМАО. 1869. Т. 2. Вып. 1. С. 39–46.

Тизенгаузен В.Г. В защиту ибн-Фадлана // Записки ВОРАО. 1900. Т. 13. С. 24–32.

Тизенгаузен В.Г., Веселовский Н.И. Петр Иванович Лерх: (некролог) // ЖМНП. 1884. № 11. Отд. 4. С. 57–66.

Тиханова М.А. Из прошлого Института археологии АН СССР (РАИМК — ГАИМК) // КСИА. 1980. Вып. 163. С. 34–36.

Тихомиров П.И., протоиерей. Историческое описание Новгородского Знаменского собора: [С приложением изображения чудотворной иконы Знамения Божией Матери и вида Знаменского собора]. Новгород: Типо-лит. Губернского управления, 1889. 174 с.: ил.

Тихонов И.Л. Из эпистолярного наследия А.А. Спицына: (Письма к С.Ф. Платонову) // СА. 1991. № 2. С. 81–101.

Тихонов И.Л. Предводитель дворянства, сенатор, депутат, министр, археолог: Граф А.А. Бобринской // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. Т. 1. С. 72–88.

Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003a. 332 с.: ил.

Тихонов И.Л. Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А.А. Бобринской // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова / отв. ред. А.Д. Столяр. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003b. С. 95–117.

Тихонов И.Л. «Интерес к археологии появился у меня в университете»: А.А. Спицын // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003c. Т. 2. С. 91–111.

Тихонов И.Л. Исследователь Прибалтики: этнограф, лингвист, археолог Э.А. Вольтер // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. статей памяти профессора И.В. Дубова / ред. А.Н. Кирпичников, В.Н. Седых. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 160–163.

Тихонов И.Л. «Как поссорились Сергей Григорьевич и Алексей Сергеевич...» (К вопросу об истоках конфликта между Археологической комиссией и Московским Археологическим обществом) // IN SITU: к 85-летию профессора А.Д. Столяра / ред.-сост. Л.А. Вербицкая. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 358–370.

Тихонов И.Л. Рецензия: *Хартанович М.Ф.* Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 8. История. 2007a. Вып. 1. С. 312–320.

Тихонов И.Л. Русский востоковед, нумизмат, археолог В.Г. Тизенгаузен // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004) / отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Нестор–История, 2007b. С. 220–244.

Тихонов И.Л. Г.Ф. Миллер как археолог // Г.Ф. Миллер и русская культура / отв. ред. Д. Дальманн, Г.И. Смагина. СПб.: Росток, 2007c. С. 84–96.

Тихонов И.Л. Императорская археологическая комиссия (1859–1918 гг.): к 150-летию создания // Из истории отечественной археологии: Сб. науч. трудов / отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Полиграф. центр ВоронГУ, 2008a. Вып. 1. С. 13–65.

Тихонов И.Л. Императорская археологическая комиссия — «придворная контора по добыванию древностей» или общероссийский центр археологии? // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008b. Т. 3. С. 244–246.

Тихонов И.Л. Триада деятельности А.А. Спицына в Петербурге: Археологическая комиссия, Русское археологическое общество, Университет // История и практика археологических исследований: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР, профессора А.А. Спицына. Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г. / отв. ред. Е.Н. Носов, И.Л. Тихонов. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2008c. С. 163–183.

Тихонов И.Л. Императорская археологическая комиссия: структура и кадровый состав // РА. 2009a. № 4. С. 5–17.

Тихонов И.Л. Я.И. Смирнов в Петербургском университете: студент, магистрант, приват-доцент // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сб. статей / под ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009b. Вып. 8. С.449–470.

Тихонов И.Л. Императорская археологическая комиссия — единственный государственный орган археологии и охраны памятников старины в Российской империи // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие» / отв. ред. А.А. Бондаренко,

В. Л. Мельников. СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2009с. Т. IV: Охрана культурных ценностей: петербургские традиции. С. 28–77.

Тихонов И. Л. Рец.: *Николаев А. А.* Археологические институты в дореволюционной России. Нижнекамск, Изд-во НМИ, 2008. 177 с. // РА. 2011. № 1. С. 174–185.

Тихонов И. Л. История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII — первая четверть XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2013. 54 с.

Тихонов И. Л. Много историй одной науки (о различных жанрах в истории археологии) // КСИА. 2015. № 240. С. 302–317.

Тихонов И. Л. Ф. А. Браун — профессор, декан, проректор Санкт-Петербургского университета // Клио. 2016. № 8 (116). С. 72–83.

Тишкина Т. В. Архивные материалы о сотрудничестве Н. С. Гуляева и Д. А. Клеменца // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: Сб. докладов междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения чл.-корр. РАН С. В. Киселева. Минусинск. 20–26 июня 2005 года. Красноярск: РИО КГПУ, 2005. С. 257–260.

Тищенко А. В. Отчет о раскопках 1910 и 1911 гг. в Новгородской губернии // Известия ИАК. 1914a. Вып. 53 С. 1–22.

Тищенко А. В. Раскопки близ им. Паниковичей Псковского уезда // Известия ИАК. 1914b. Вып. 53. С. 23-28.

Толстиков В. П. К проблеме образования Боспорского государства: (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н. э.) // ВДИ. 1984. № 3. С. 24–59.

Толстиков В. П. Пантикапей — столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора / отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1992. С. 45–99.

Толстой И. И. О русских амулетах, называемых «змеевиками» // Записки ИРАО. 1888. Т. 3. № 13. С. 363–413.

Толстой И. И. Дневник 1906–1916 / публикация Л. И. Толстой. СПб.: Фонд регион. развития Санкт-Петербурга, 1997. XIII, 728 с.: портр. (Дневники и воспоминания петербургских ученых).

Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1–6. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1887–1899. Вып. 1. Классические древности Южной России. 1889. 120 с.: ил.; Вып. 2. Древности скифо-сарматские. 1889. 162 с.: ил.; Вып. 3. Древности времен переселения народов. 1890. 158 с.: ил.; Вып. 4. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. 1891. 176 с.: ил.; Вып. 5. Курганные древности и клады домонгольского периода. 1897. 268 с.: ил.; Вып. 6. Памятники Владимира, Новгорода и Пскова. 1899. 186 с.: ил.

Торопова Е. В. История археологического изучения Новгородской земли (30-е гг. XVIII — начало XX века): учебное пособие. Великий Новгород: Издательско-полиграфический центр Новгородского государственного университета, 2016. 207 с.

Трапш М. М. Культура цебельдинских некрополей // Трапш М. М. Труды: в 4 т. Тбилиси: Мецниереба, 1971. Т. 3. 256 с.: ил., карт.

Тревер К. В. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э. — IV в. н. э.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 294 с.: ил.

Тревер К. В. Очерки по истории культуры Кавказской Албании IV в. до н. э. — VII в. н. э. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 391 с.: ил.

Трейстер М. Ю. Металлические сосуды из Зеленского кургана и некоторые находки из Карагодеуашха (к вопросу о контактах Северной Греции и Боспора во второй половине IV в. до н.э.) // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции / отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Ч. 2. С. 180–186.

Трейстер М. Ю. Серебряные сосуды из тайника Чмыревой Могилы // ДБ. 2009. Т. 13. С. 414–460.

Трейстер М.Ю. Импортная металлическая посуда в Скифии. Атрибуции и интерпретация исторического контекста // ПИФК. 2010. № 1 (27). С. 217–251.

Третьяков П.Н. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // СА. 1937. Т. 4. С. 33–51.

Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита — средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья: (По материалам археол. работ в зонах мелиорации Краснодар. края). Сб. статей / отв. ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1991. С. 92–166.

Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881 г. / под. ред. П.С. Уваровой. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1887. 411 с.: ил.

Туаллагов А.А. Зеленчукская надпись: монография. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 429 с.: ил., карт.

Тункина И.В. Неизданная работа М.И. Ростовцева «Классические и скифские древности северного побережья Черного моря» // ПАВ. 1993. № 5. С. 22–24.

Тункина И.В. А.С. Уваров и древности Южной России (конец 1840-х — начало 1850-х гг.) // Погибшие святыни. Охраняется государством. 4-я Российская научно-практическая конференция. СПб.: Б. и., 1996. Ч. 1. С. 163–181.

Тункина И.В. М.И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман / ред. Г.М. Бонгард-Левин. М.: РОССПЭН, 1997. С. 84–123.

Тункина И.В. В.В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / ред. И.П. Медведев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 172–288.

Тункина И.В. Иван Алексеевич Стемпковский: Материалы к биографии // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Ю.В. Андреева / ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Изд-во ГЭ, 2000a. С. 357–379.

Тункина И.В. Н.Я. Марр и Ф.А. Браун: история взаимоотношений (1920–1925 гг.) // Stratum plus. 2000b. № 4. С. 384–391.

Тункина И.В. К истории изучения Херсонеса-Корсуня в конце XVIII — середине XIX в.: Охрана руин Херсонеса и проекты возведения памятника на месте крещения князя Владимира // Москва-Крым: Историко-публицистический альманах. М.: Фонд развития экономических и гуманитарных связей «Москва-Крым», 2001. Вып. 3. С. 96–120.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002a. 676 с.: ил.

Тункина И.В. Б.В. Варнеке: Материалы для биографии Н.П. Кондакова / публ., предисл., коммент. И.В. Тункиной // Диаспора: Новые материалы / отв. ред. О.А. Коростелев. Париж; СПб.: Athenaeum, Феникс, 2002b. Вып. 4. С. 72–152.

Тункина И.В. Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни: (по материалам эпистолярного наследия) // Мир русской византинистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / под ред. И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 641–766.

Тункина И.В. Сокровища Литого кургана и академик Г.Ф. Миллер // ВДИ. 2006a. № 3. С. 135–155.

Тункина И.В. К столетию Первого международного археологического конгресса в Афинах // In situ: к 85-летию профессора А.Д. Столяра / отв. ред. А.А. Никонова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006b. С. 377–386.

Тункина И.В. «Отец боспорской археологии» Поль Дюбрюкс // Дюбрюкс П. Собрание сочинений: в 2 т. / сост. и отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Коло, 2010a. С. 13–101.

Тункина И.В. Раскопки Д.В. Карейши и А.Б. Ашика в Восточном Крыму (1831–1835 гг.) // Дюбрюкс П. Собрание сочинений: в 2 т. / сост. и отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Коло, 2010b. С. 533–588.

Тункина И.В. История изучения // Античное наследие Кубани / ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010c. Т. 1. С. 23–128.

Тункина И.В. Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871 гг. Киев: Болеро, 2011. 240 с.; ил.

Тункина И.В. «Открытие» прошлого // Всемирная история / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2013a. Т. 4: Мир в XVIII веке. С. 233–255

Тункина И.В. Академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е.Е. Келера (новые архивные материалы) // ВДИ. 2013b. №1. С. 197–214.

Тункина И.В. Неизданная записка И.Н. Бороздина и Д.Н. Анучина о подготовке истории 50-летия деятельности Московского археологического общества // БИ. 2015. Вып. 31. С. 405–413.

Тункина И.В. Русское археологическое общество в 1899–1924 гг.: Взгляд С.А. Жебелева // Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / ред. И.В. Тункина. М.: Индрик, 2017a. С. 7–15. (Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 5).

Тункина И.В. Косцюшко-Валюжинич, или Костюшко-Валюжинич Карл (Николай Карл) Казимирович (1847–1907) // Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / ред. И.В. Тункина. М.: Индрик, 2017b. С. 370–371. (Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 5).

Тункина И.В. Лепер Роман (Роберт Георг) Христианович // Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / ред. И.В. Тункина. М.: Индрик, 2017c. С. 396–397. (Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 5).

Тункина И.В., Застрожнова Е.Г. Пантусов Николай Николаевич // Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / ред. И.В. Тункина. М.: Индрик, 2017. С. 473–474. (Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 5).

Тункина И.В., Савинов Д.Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб.: ООО «ЭлекСис», 2017. 168 с. (Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 6).

Тураев Б.А. Скарабеи с о. Березань // Известия ИАК. 1911. Вып. 40. С. 118–120.

Турцевич А.О. Краткий исторический очерк Виленской комиссии для разбора древних актов: 1864–1906. Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1906. 68 с.: ил.

Тышкевич К. Свинцовые оттиски, найденные в реке Буг у Дрогичина // Древности. Труды ИМАО. 1865. Т. 1. С. 115–122.

Тютрюмов И.М. Общее положение о крестьянах. СПб.: Юридический магазин И.И. Зубкова, 1911. 834 с.

Уваров А.С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1856. Вып. 1–2. 184 с.

Уваров А.С., [*Перовский Л.А.*] Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических раскопках в 1853 г. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1855. 189 с.: ил.

Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического съезда в Москве. 1869 г. / ред. А.С. Уваров. М.: Синодальная тип., 1871. Т. 2. С. 633–847.

Уваров А.С. Мегалитические памятники в России // Древности. Труды ИМАО. 1876. Т 6. Вып. 3. С. 269–290.

Уваров А.С. Археология России. М.: Синодальная тип., 1881. Т. 1. Каменный век. 438 с.: ил., карт.

Уваров А.С. К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881 г. / ред. П.С. Уварова. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1887. Приложения. С. 1–9.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1900. 381 с.: ил. (МАК. Т. 8).

Уварова П.С. Коллекция Кавказского музея. Археология. Тифлис: Тип. Канцелярии главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1902a. 231 с.: ил. (Museum Caucasicum. Т. 5).

Уварова П.С. Отчет председателя предварительного комитета // Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899 г. / ред. П.С. Уварова, С.С. Слуцкий. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1902b. Т. 2. С. 49–56.

Уварова П.С. Некоторые дополнительные сведения о дольменах Кавказа // МАК. 1904. Т. 9. С. 170–175.

Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во Сабашниковых, 2005. 296 с.: ил. (Записки прошлого).

Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н. э.: Каталог выставки. СПб.: Славия, 1995. 272 с.: ил.

Указатель к коллекции древностей из раскопок и случайных приобретений Е.А. Зноско-Боровского. Канев: Б. и., 1897. 23 с.

Университетская археология: прошлое и настоящее: Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию первой в России кафедры археологии / отв. ред. И.Л Тихонов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. 244 с.

Успенский А.И. Церковно-археологическое хранилище при Московском дворце в XVII в. М.: ИОИДР при Моск. ун-те, 1902. 92 с.

Устав строительный, измененный по продолжениям 1876 и 1879 г.г., с разъяснениями по решениям Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената и приложением циркуляров Министерства внутренних дел и позднейших узаконений. 3-е изд. СПб.: Тип. придв. книгопр. К.К. Ретгера, 1881. 428 с.

Уткин А.В., Костылева Е.Л. К вопросу о культурной принадлежности «неолитических» погребений на стоянке Черная Гора // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: Охранное изучение и музеефикация: (Материалы научной конференции). Рязань: Б. и., 1994. С. 76–79.

Фабрициус И.В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР: [Междуречье Днестра и Южного Буга]. Киев: Изд-во АН УССР, 1951. Вып. I. 131 с.: ил., карт.

Фармаковская Т.И. Борис Владимирович Фармаковский / авт. предисл. А.С. Русяева. Киев: Наукова думка, 1988. 216 с.: ил.

Фармаковский Б.В. Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии // Известия ИАК. 1902. Вып. 3. С. 1–20.

Фармаковский Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году // Известия ИАК. 1903. Вып. 8. С. 1–70.

Фармаковский Б.В. Заметка о времени сосуда, найденного в одной могиле с костяными тессерами // Известия ИАК. 1904. Вып. 10. С. 125–127.

Фармаковский Б.В. Раскопки Ольвии в 1902–1903 гг. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1906. 306 с.: ил. (Известия ИАК. Вып. 13).

Фармаковский Б.В. Архаический период в России // Доклады, читанные на Лондонском Международном конгрессе историков в марте 1913 г. графом А.А. Бобринским, Е.М. Придиком, М.И. Ростовцевым, Б.В. Фармаковским и Э.Р. фон Штерном. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1914. С. 15–78. (МАР. №34).

Фармаковский Б.В. Ольвия. М.: Т-во скоропечат. А.А. Левинсон, 1915. 36 с.: ил.

Фармаковский Б.В. К истории учреждения Российской Академии истории материальной культуры. Пг.: Б. и., 1921. 11 с.

Фармаковский Б.В. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. Пг.: Гос. издательство, 1921. 44 с.: ил. (Записки РАИМК. Вып. 1).

Фармаковский Б.В. Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 г. // Сообщения [Сб. ГАИМК]. 1926. Т. 1. С. 143–163.

Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние булгары на Северном Кавказе // Из истории Карачаево-Черкесии. Сб. статей / отв. ред. Р.Х. Джанибекова. Ставрополь: Кн. изд-во, 1970. С. 336–372. (Труды КЧНИИ. Вып. 6).

Федосеев Н.Ф. Судьбы керченских археологов // Материалы юбилейной конф., посвящ. 175-летию музея / ред. П.И. Иваненко. Керчь: Б. и., 2001. С. 18–29.

Федосеев Н.Ф. Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований. Симферополь: Бизнес-Информ, 2017. 315 с.: ил.

Фелицын Е.Д. Западнокавказские дольмены // МАК. 1904. Т. 9. С. 1–38.

Фиалко Е.Е. Об античном саркофаге из кургана Огуз // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докл. респ. конф. молодых ученых, Киев, апр. 1981 / отв. ред. В.Ф. Генинг. Киев: Б. и., 1981. С. 62–68.

Фиалко Е.Е., Болтрик Ю.В. Ларец из кургана Огуз // СА. 1986. № 2. С. 241–247.

Филимонов С.Б. «Моя биография» А.И. Маркевича // Археология Крыма. 1997. № 1. С. 185–188.

Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // Труды Восточного отдела ИРАО. 1858. Т. 3. Вып. 3. С. 131–132.

Фоменко В.А. О роли белореченской археологической культуры в этногенезе населения Центрального Кавказа // Общество: философия, история, культура. 2018. № 3. С. 40–43.

Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР. 1961. 128 с.: ил.

Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965. 160 с.: ил., карт.

Формозов А.А. Археология в Академии наук // СА. 1974. № 2. С. 3–13.

Формозов А.А. Молодой Забелин // Куранты: Историко-краеведческий альманах. М.; Калинин: Московский рабочий, 1983a. С. 221–232.

Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России: первые книги. М.: Наука,1983b. 128 с.: ил.

Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин: очерк жизни и творчества. М.: Московский рабочий, 1984. 240 с.: ил.

Формозов А.А. Страницы истории русской археологии / отв. ред. В.В. Кропоткин. М.: Наука, 1986. 240 с.: ил.

Формозов А.А. Следопыты земли Московской. М.: Московский рабочий, 1988. 140 с.: ил.

Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. 2-е изд., доп. М.: Сов. Россия, 1990. 108 с.

Формозов А.А. Эпизоды из жизни историка Забелина // Московский журнал. 1993. № 11. С. 59–61.

Формозов А.А. А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // РА. 1993. № 3. С. 228–245.

Формозов А.А. Археология на страницах «Журнала Министерства внутренних дел» // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки: Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки» / ред. И.Л. Тихонов. СПб.: СПбГУ, 1995. Вып. 1. С. 28–35.

Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. М.: Изд-во ИА РАН, 1995. 114 с.

Формозов А.А. Иван Егорович Забелин: Очерк жизни и творчества // Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVIII столетиях. М. Языки русской культуры, 2001. Т. 2. С. 573–722.

Формозов А.А. Историография русской археологии на рубеже XX–XXI веков: (Обзор книг, вышедших в 1997–2003 гг.). Курск: Изд-во КГУ, 2004a. 67 с.: ил.

Формозов А.А. Человек и наука: из записей археолога. М.: Знак, 2005. 224 с.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006. 344 с.

Формозов А.А. Записки русского археолога (1940–1970-е годы) / текст книги подготовлен к изданию М.К. Трофимовой. М.: Гриф и К°, 2011. 289 с.: ил.

Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры: (Вариант 1962–1963 годов с дополнениями [1970–1980-х гг.]) / текст книги подготовлен к изданию С.П. Щавелевым. Курск: Изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2018. 121 с.: ил.

Халилов Дж. А. Археологические памятники Западного Азербайджана в эпоху бронзы и начала железного века: (Бассейн рек Шамхорчай и Зегамгай). Баку: Изд-во АН АзССР, 1959. 172 с.: ил.

Халилов Дж. А., Бабаев И. А. О городах Кавказской Албании // СА. 1974. № 4. С. 98–109.

Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии: (1857–1868). М.: Изд-во вост. лит., 1960. 272 с.

Ханенко Б. И., Ханенко В. Н. Древности Приднепровья. Киев: Фототипия и Тип. С. Кульженко, 1899. Вып. 2. Эпоха, предшествующая Великому переселению народов. Ч. 1. 44 с.: ил.

Ханенко Б. И., Ханенко В. Н. Древности Приднепровья. Киев: Фототипия и Тип. С. Кульженко, 1900. Вып. 3. Эпоха, предшествующая Великому переселению народов. Ч. 2. 22 с.: ил.

Ханенко Б. И., Ханенко В. Н. Древности Приднепровья. Киев: Фототипия и Тип. С. Кульженко, 1902. Вып. 6. Древности Поднепровья и побережий Черного моря. 44 с.: ил.

Ханзадян Э. В., Мкртчян К. А., Парсамян Э. С. Мецамор: (Исследования по данным раскопок 1956–1966 гг.). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973. 216 с.: ил. (Арм. Рез. рус, англ.).

Хартанович М. Ф. Императорская археологическая комиссия. XIX век // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2004 г. М.: Диполь-Т, 2004. С. 699–701.

Хартанович М. Ф. Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга XIX века. СПб.: Нестор-История, 2006. 232 с.

Харьковская губерния: [О предстоящем с 15–27 авг. 1901 г. XII Археологическом съезде] // Известия ИАК. 1902. Прибавление к вып. 3. Хроника и библиография. Вып. 2. С. 66–67.

Хахутайшвили Д. А. Уплисцихе: Результаты археологических изысканий 1963–1969 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1970. Т. 2 (Дофеодальный период). 216 с.: ил. (Груз. Рез. рус.).

Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширака III–I тыс. до н. э. Ереван: ЕреванГУ, 1975. 280 с.: ил.

Хачатрян Ж. Д. Античный некрополь [Гарни]: (Результаты раскопок 1956–1972 гг.). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976. 136 с.: ил. (Археологические раскопки в Армении. № 15. Гарни. Вып. 5).

Хачатрян Т. С. Артикский некрополь: каталог. Ереван: Изд-во ЕГУ, 1979. 404 с.: ил.

Хачатурова Е. А. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына // Античное наследие Кубани / ред. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. Т. III. С. 12–55.

Хвойко В. В. Раскопки в окрестностях м. Райгород и с. Пруссы Черкасского у. и с. Яровое Черниговского уезда Киевской губернии // АЛЮР. 1900. № 2. С. 8–9.

Хвойко В. В. Киево-Кирилловская палеолитическая стоянка и культура эпохи мадлен // АЛЮР. 1903. № 1. 1904. С. 26–36.

Хвойко В. В. Раскопки курганов при с. Оситняжке, Чигиринского у. Киевской губ. // АЛЮР. 1904. № 4–5. С. 7–12.

Хвойко В. В. Городища Среднего Приднепровья, их значение, древность и народность // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902 г. / ред. П. С. Уварова. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1905. Т. 1. С. 93–204.

Хвойко В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена: (по раскопкам). С приложением описания раскопок в ус. М. М. Петровского в г. Киеве и с. Белогородка Киев. уезд. Киев: Тип. «Т-ва Синькевич», 1913. 104 с.: ил.

Хвойко В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам): с приложением описания раскопок в ус. М. М. Петровского в г. Киеве и с. Белгородка Киевского уезда. Київ: ІА НАНУ, 2008. 158 с.: ил.

Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1884. 528 стб.: табл.

Хвощинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 290 с.: ил. (Труды ИИМК РАН. Т. VI).

Херсонес — Взгляд из прошлого: Альбом / сост. А. Н. Шершевский, В. В. Медведева. Севастополь: Этна, 1996. 148 с.: ил.

Хойслер А. Эрнст фон Штерн, археолог в Одессе и Халле // Традиции российской археологии: Материалы методологического семинара ИИМК РАН / отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 54–56. (Археологические изыскания. Вып. 33).

Хорошкевич А.Л. Российская власть, фундаментальная наука и будущее страны (Рец.: *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2004) // Отечественные записки. 2004. №. 5. С. 347–352.

Хорошкевич А.Л. «Антиформозовиана» и ее подтекст. Заметки источниковеда // Архив русской истории. 2007. Вып. 8. С. 681–701.

Хрушкова Л.Г. Византийский мрамор Херсонеса Таврического: начало изучения // МАИАСК. 2017. Вып. 9. С. 311–341.

Худяк М.М. Из истории Нимфея VI–III вв. до н. э. Л.: Изд-во ГЭ, 1962. 64 с.: ил.

Худяков М.Г. Китайский фарфор из раскопок 1914 г. в Болгарах // ИОАИЭКУ. 1919. Т. 30. Вып. 1. С. 117–120.

Худяков М.Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л.: ОГИЗ; ГАИМК, 1933. 160 с. (Библиотека ГАИМК. № 3)

Царевская Т.Ю. Роспись церкви Феодора Стратилата на Ручью и ее место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века. М.: Северный паломник, 2007. 612 с.: ил.

Цветаева Г.А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // Материалы по истории Северного Причерноморья в античную эпоху / Ред. В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т.I. С. 63–86. (МИА. № 19).

Цветаева Г.А. 1957. Курганный некрополь Пантикапея // Пантикапей / отв. ред. И.Б. Зеест. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 227–250. (МИА. № 56).

Цветкова И.К. Стоянка Черная Гора // КСИИМК. 1959. Вып. 75. С. 114–122.

Цветкова И.К. Погребения поздняковской культуры на Черной Горе // Древности Восточной Европы: Сб. науч. статей / отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 284–292. (МИА. № 169).

Цветкова И.К. Племена Рязанской культуры // Грехова Л.В., Полякова Г.Ф., Попова Т.Б., Раушенбах В.М., Цветкова И.К. Окский бассейн в эпоху камня и бронзы / ред. В.М. Раушенбах. М.: ГИМ, 1970. С. 97–153. (Труды ГИМ. Вып. 44).

Цветкова И.К. Черногорский неолитический могильник // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы / отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: ГИМ, 1985. С. 80–99. (Труды ГИМ. Вып. 60).

Целевая установка и новые задачи // СГАИМК. 1931. № 2. С. 1.

Церква Богородиці Десятинна в Києві: до 1000-ліття освячення / ред. П.П. Толочко. Київ: АртЕк, 1996. 223 с.

Церкви Костромской епархии: По данным архива Императорской археологической комиссии. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1909. 242 с.: ил.

Цитланадзе Л.Г. Археологические памятники Хеви (Казбегский клад). Тбилиси: Мецниереба, 1976. 118 с.: ил. (Груз. Рез. рус.).

Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Изд-во «Европа», 2006. 128 с.: 50 карт.

Цыпкина А.Г. Трапезундская научная экспедиция 1916–17 гг. Новые архивные материалы // Причерноморье в Средние века. Сер. Труды Исторического факультета МГУ / под ред. С.П. Карпова. М.; СПб.: Алетейя, 2015. Вып. 9. С. 212–237.

Цыпкина А.Г. Трапезундская экспедиция (1916–1917) и археологические общества // Вестник Московского государственного университета. Сер. 8: История. 2016a. № 4. С 64–80.

Цыпкина А.Г. Опись материалов Трапезундской экспедиции Ф.И. Успенского (1916–1917) // Византийский временник. 2016b. Т. 75. № 100. С. 197–212.

Черненко Е.В. Погребения с оружием из некрополя Нимфея // Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы): Сб. статей / отв. ред. А.М. Лесков. Киев: Наукова думка, 1970. С. 190–198.

Черненко Е.В. Оружие из Семибратних курганов // Скифские древности / отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1973. С. 64–81.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. С. 53–82.

Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии: (Материалы к археологической карте). Нальчик: Эльбрус, 1969. 152 с.: ил.

Чилашвили Л.А. Городище Урбниси: (Историко-археологическое исследование). Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР, 1964. 183 с.: ил. (Груз. Рез. рус.).

Чистов Д.Е. Некоторые проблемы изучения Мирмекия второй половины V — начала III в. до н. э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э. Материалы международной конференции. Тамань. 2000 / ред. С.Л. Соловьев. СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. С. 193–201.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. О так называемых касожской, белореченской и старокабардинской «археологических культурах» // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения»: Материалы международной научной конференции / отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, 2018. С. 507–509.

Шаманаев А.В. Документы по истории археологических исследований Херсонеса в государственном архиве города Севастополя // ДАИС. 2004. Вып. 4. С. 251–261.

Шаманаев А.В. Документы Одесского общества истории и древностей об организации археологических раскопок в Херсонесе в 1870 — 1880-х гг. // ДАИС. 2005. Вып. 5. С. 384–394.

Шаманаев А.В. Вывоз из Херсонеса российских культурных ценностей за рубеж в XIX в. // Известия Уральского государственного университета. 2007. Вып. 49. Сер. 2. Гуманит. науки. Вып. 13. С. 110–118.

Шаманаев А.В. Н.П. Кондаков и проект музея древностей в Херсонесе // Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 15 (186). С. 76–80.

Шаманаев А.В. Императорская археологическая комиссия и сохранение крепости Каламита в начале XX в. // Античная древность и средние века. 2015a. Вып. 43. С. 331–343.

Шаманаев А.В. Проект «христианского музея» в Херсонесе второй половины 1870-х годов // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015b. Вып. 2 (10). С. 29–39.

Шаманаев А.В. Вопросы охраны культурного наследия на всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX — начало XX в.). Екатеринбург: Изд-во УралГУ, 2017. 198 с.

Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2018. 136 с.

Шаманаев А.В., Мусин А.Е. Исследования Херсонеса и Императорская археологическая комиссия в 1860 г. // АВ. 2009. № 16. С. 267–282.

Шамба Г.К. Эшерское городище: (основные результаты археологических раскопок 1968, 1970–1977 гг.). Тбилиси: Мецниереба, 1980. 70 с.: ил.

Шамрай В.С. Евгений Дмитриевич Фелицын: биографический очерк // Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1907. Т. 19. № 1. С. 71–88.

Шауб И.Ю. Погребения кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 27–33.

Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Изд-во филол. факультет СПбГУ, 2007. 484 с.: ил. (Историческая библиотека).

Шауб И.Ю. «Про неправду все написано!» (О попытках ревизии традиционных взглядов на некоторые памятники Боспора и Скифии) // БИ. 2015. Вып. 31. С. 214–222.

Шауб И.Ю. Боспорское жречество // БИ. 2017. Вып. 34. С. 288–324.

Шварц А.Н. По поводу вазы с рельефными изображениями, найденной в с. Парутине // Древности. Труды ИМАО. 1894. Т. 15. Вып. 2. С. 14–27.

Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 222 с.: ил. (Причерноморье в античную эпоху. Вып. 9).

Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–V вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования / ред. А.П. Новосильцев. М.: Наука, 1985. С. 5–187.

Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. СПб.: Искусство-СПб, 1999. 480 с.: ил.

Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М.: Центрполиграф; СПб.: Мим-Дельта, 2005. 420 с.: ил.

Шереметев С.Д. Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма / отв. ред. С.Г. Черных. СПб.: Изд-во Пушк. фонда, 2001. С. 310–341.

Шидловський П.С. Дослідження крем'яного інвентарю Кирилівської стоянки // Вісник Київського національно університету. 2012. № 112. С. 53–59.

Шильц В. О находке золотого гребня из кургана Солоха // АСГЭ. 2003. Вып. 36: Материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти А.П. Манцевич посвящается. С. 68–71.

Ширинский-Шихматов А.А. Федовский могильник: Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. // Труды II-го областного Тверского археологического съезда 1903 г. 10–20 августа. Тверь: Б. и., 1906. Отд. I. С. 53–62.

Шишкина Г.В., Сулейманов Р.Х., Кошеленко Г.А. Согд // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1985. С. 273–292. (Археология СССР. [Т. 7]).

Шкорпил В.В. Керамические надписи, найденные при раскопках на северном склоне горы Митридат в г. Керчи в ноябре и декабре 1901 г. // Известия ИАК. 1902. Вып. 3. С. 122–165.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1901 г. // Известия ИАК. 1903. Вып. 7. С. 74–93.

Шкорпил В.В. Отчет об археологических раскопках в окрестностях г. Керчи в 1902 г. // Известия ИАК. 1904. Вып. 9. С. 73–177.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // Известия ИАК. 1905. Вып. 17. С. 1–76.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // Известия ИАК. 1907. Вып. 25. С. 1–66.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 году // Известия ИАК. 1909a. Вып. 30. С. 1–50.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках, произведенных в 1906 году в г. Керчи и его окрестностях // Известия ИАК. 1909b. Вып. 30. С. 51–98.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // Известия ИАК. 1910. Вып. 35. С. 12–47.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1908 г. // Известия ИАК. 1911a. Вып. 40. С. 62–91.

Шкорпил В.В. Боспорские надписи, найденные в Керчи в 1910 г. // Известия ИАК. 1911b. Вып. 40. С. 92–114.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. // Известия ИАК. 1913a. Вып. 47. С. 1–41.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и в ст. Таманской в 1910 г. // Известия ИАК. 1913b. Вып. 47. С. 42–72.

Шкорпил В.В. Датированные керамические надписи из Зеленского кургана // Известия ИАК. 1914a. Вып. 51. С. 119–128.

Шкорпил В.В. Названия гончарных мастеров в керамических надписях // Известия ИАК. 1914b. Вып. 51. С. 129–139.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // Известия ИАК. 1914c. Вып. 56. С. 1–74.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. // Известия ИАК. 1916. Вып. 60. С. 7–35.

Шкорпил В.В. Из архива Керченского музея древностей. VII. Павловский курган // ИТУАК. 1918. № 55. С. 97–109.

Шлейхер А. Краткий очерк доисторической жизни северо-восточного отдела индо-германских языков. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1865. 66 с. (Приложение к Запискам ИАН. Т. 8. № 2).

Шматько О.Н. Становление российской системы охраны историко-культурного наследия в XIX — первой трети XX в. (на материалах памятников Северного Кавказа): автореф. дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. 26 с.

Шмидт А.В. Туйский всадник: (К вопросу о раннеисторических связях между Уралом и Средней Азией) // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук. 1925. Т. 1. С. 410–434.

Шмидт Р.В. К исследованию боспорских оборонительных валов // СА. 1941. Т. 7. С. 268–279.

Шовкопляс И.Т. Мезинская стоянка. Киев: Наукова думка, 1965. 365 с.: ил.

Шовкопляс Г.М. Вікентій В'ячеславович Хвойка — видатний український археолог // Вікентій В'ячеславович Хвойка та його внесок у вітчизняну археологію (до 150-річчя від дня народження). Тематичний збірник наукових праць / відп. ред. Н.Г. Ковтанюк. Київ: ТОВ «ІІІ Лтд», 2000. С. 4–25.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка, 1987. 180 с.: ил.

Штейн В. Бронзовый браслет с острова Березань // ИГАИМК. 1927. Т. 5. С. 449–462.

Штерн Э.Р. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории Черноморской колонизации // Записки ИООИД. 1900a. Т. 22. С. 1–21.

Штерн Э.Р. Античная глазированная посуда с юга России // Записки ИООИД. 1900b. Т. 22. С. 22–56.

Штерн Э.Р. О новейших раскопках в г. Аккермане и на острове Березани // Записки ИООИД. 1901. Т. 23. С. 88–91.

Штерн Э.Р. О пробных раскопках на острове Березани // Записки ИООИД. 1904. Т. 25. С. 97–100.

Штерн Э.Р. Могильная находка в Ольвии в 1891 г. // Записки ИООИД. 1907. Т. 27. С. 88–100.

Штерн Э.Р. Феодосия и ее керамика. Одесса: Тип. Шульца, 1906. 91 с.: ил. (Музей ООИД. Вып. 3).

Штерн Э.Р. Отчет о раскопках на острове Березани летом 1913 г. Одесса: Славянская тип. Е. Хрисогелос, 1914. 33 с.

Шульц П.Н. Раскопки кургана Кара-Оба в 1968 г. // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев, 1968. Вып. 3. С. 140–144.

Шульц П.Н. Курган Кара-Оба близ Керчи (раскопки 1967–1969 гг.) // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 55–62.

Щавелев С.П. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д.Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и ее результаты) // СА. 1992. № 1. С. 255–263.

Щавелев С.П. Первооткрыватели курских древностей: Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 3. Советское краеведение в провинции: взлет и разгром (1920 — 1950-е гг.). Курск: Изд-во Курского мед. ин-та, 2002. 197 с.

Щавелев С.П. Власть археологии и археология власти ([Рец.:] *Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века). М.: ИА РАН, 2011. 592 с.) // РАЕ. 2012. № 2. С. 765–780.

Щавелев С.П. Рец.: *Жебелев С.А.* Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: исторический очерк. Приложение: биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / отв. ред., сост., вступит. статья И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2017. 672 с. (Ad fonts: Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 5) // РА. 2019. № 2. С. 171–176.

Щеглов А.Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма / ред. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Б. и., 1994. С. 8–42.

Щеглов А.Н. Э.Р. Штерн в России (несколько поправок и заметок к тезисам А. Хойслера) // Традиции российской археологии: Материалы методологического семинара ИИМК РАН. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 56–57. (Археологические изыскания. Вып. 33).

Щеглов А.Н. Неизвестный план Херсонесского городища // Памятники старины: концепции, открытия, версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого, 1919–1997. Сб. науч. статей / ред. С.В. Белецкий, А.Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН; Псков: Псков. гос. объед. ист.-архит. и худож. музей-заповедник, 1997. Т. 2. С. 392–396.

Щенков А.С. Археологическая комиссия // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия. М.: Православная энциклопедия, 2001. Т. 3: Анфим Лаврет — Афанасий. С. 499

Щербак А.М. В.В. Радлов и изучение памятников рунической письменности // Тюркологический сборник. 1971. Памяти акад. В.В. Радлова. М.: Наука, 1972. С. 54–63.

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правления, 1913. Т. 2. История войны казаков с закубанскими горцами: с военно-исторической картой Кубанского области за время с 1800 по 1860 года. 848 с.: ил.

Щербина Ф.А. Собрание сочинений / сост., науч. ред., вступ. ст., коммент. В.К. Чумаченко. (Сер. 1. Неизданные сочинения). Краснодар: Книга, 2014. Т. 4: Пережитое, передуманное и осуществленное. 554 с.

Щитников Ф.Е. Отчет о раскопках 37 курганов в Лужском уезде // Труды ПАО. 1913. Вып. 9. С. 35–49.

Эварницкий Д.И. Извлечение из отчета о раскопках, произведенных им близ села Михайлово-Апостолова Херсонской губ. и уезда // Отчет ИАК за 1897 г. 1900. С. 133–137.

Эйльбарт Н.В. Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич — исследователь Забайкалья, 1850–1936. М.: Наука, 2003. 164 с.: ил.

Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 246 с.

Энман Н.А. Навкратийский кубок, найденный на о. Березани // Известия ИАК. 1911. Вып. 40. С. 142–158.

Энман Н.А. Ионийская амфора с Таманского полуострова // Известия ИАК. 1912. Вып. 45. С. 92–103.

Энциклопедический словарь Россия / под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. Л.: Лениздат, 1991. 922 с.: ил., 1 вкл. (Репринт. Воспроизведение издания: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, тома 54 и 55. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1898).

Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа / отв. ред. К.Х. Кушнарева, В.И. Марковин. М.: Наука, 1994. 384 с.: ил., карт. (Археология. [Т. 4]).

Юргевич В. Новейшие археологические открытия в Крыму // Записки ООИД. 1875. Т. IX. С. 403–409.

Юргевич В. Исторический очерк пятидесятилетия Императорского Одесского общества истории и древностей: 1839–1889. Одесса: Тип. А. Шульце, 1889. 121 с.

Ядрышников В.А. Спасо-Нередицкий монастырь: история строительства и реставрации // НИС. 2000. Вып. 8 (18). С. 53–82.

Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес: XII–XIV вв. Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 258 с.: ил. (МИА. № 17).

Яковенко Е.В. Нове про розкопки В.В. Хвойки біля с. Пастирського // Археологія. 1966. Т. 20. С. 180–184.

Яковенко Э.В. Уздечный набор V в. до н. э. из Восточного Крыма // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 54–60.

Яковенко Э.В. Курган на Темир-Горе // СА. 1972. № 3. С. 259–267.

Яковенко Е.В. Скіфи Східного Криму в V–III ст. до н. э. Київ: Наукова думка, 1974. 152 с.: іл.

Яковенко Э.В. Погребение богатой скифянки в кургане на Темир-Горе // Скифы и сарматы / отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1977. С. 140–145.

Яковлев П.С. Императорская археологическая комиссия // ВИА. 1888. Вып. 7. Отд. 3. С. 20–22.

Якубовский Ю. «Незаменимые люди» // Туркестанские ведомости [Ташкент]. 1904. Год 35. № 149. С. 653–654.

Якубовский А.Ю. Из истории археологического изучения Самарканда // ТОВЭ. 1940. Т. 2. С. 285–337.

Яров С.В., Мусаев В.И., Чистиков А.Н., Балашов Е.М., Рупасов А.И. Петроград на переломе эпох: Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. М.: Центрполиграф; СПб.: Изд-во Русская тройка, 2013. 542 с.

Ястребов В.Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1893. 88 с.: ил. (МАР. № 10).

Abramowicz A. Historia archeologii polskiej: XIX i XX ww. Warszawa; Łódź: IHKM PAN, 1991. 208 s.

Andronicos M. Vergina: The Royal Tombs. Athens: Ekdotike Athenon, 1984. 244 p.

Archéologie et droit de l'urbanisme en Europe / dir. Y. Jégouzo, P.L. Frier. Paris: Sirey, 1995. 342 p.

Audac A. Le service des monuments historiques sous la III-ème République // Pour une histoire des politiques du patrimoine / dir. P. Poirrier, L. Vadelorg. Paris: Comité d'histoire du ministère de la culture, Documentation française, 2003. P. 173–198. (La Documentation française / Ministère de la Culture, Comité d'Histoire. 20. Travaux et documents. 16).

Baer K.E. Projet concernant des expéditions archéologiques et ethnographiques en Russie // Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. 1864. Vol. 7. P. 288–295.

Bapst G. Souvenirs du Caucase: fouilles sur la grande chaîne. Paris: E. Leroux, 1885. 35–46 p.

Bapst G. Souvenirs de deux missions au Caucase: notes et documents. Paris: E. Leroux, 1886a. 31 p.

Bapst G. Sur la provenance de l'étain dans le monde ancien, extrait du compte rendu des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. Paris: Imprimerie nationale, 1886b. 11 p.

Bapst G. Les Fouilles de Siverskaia (Caucase). Paris: A. Levy, 1887. 13 p.

Bayern Fr. Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde in Kaukasien / Hrsg. R. Virchow. Berlin: Asher; Behrend, 1885. 60 S.

Belck W. Archäologische Forschungen in Armenien // BGAEU. 1893. Bd. 8. S. 61–82.

Belck W. Armenische Expedition // BGAEU. 1898. Bd. 4. S. 414–416.

Bentz M. (Hrsg.) Panathenäische Preisamphoren. Eine athenische Vasengattung und ihre Funktion vom 6.–4. Jahrhundert v. Chr. Basel: Vereinigung der Freunde Antiker Kunst c/o Archäologisches Seminar der Univ., 1998. 240, 136 S.: il.

Bercé F. Des monuments historiques au patrimoine, du XVIIIe à nos jours, ou «Les égarements du cœur et de l'esprit». Paris: Flammarion, 2000. 225 p.: il.

Bercé Y.M. À la découverte des trésors cachés — du XVIe siècle à nos jours. Paris: Perrin, 2004. 318 p.

Bilewicz H. Między Krakowem a Petersburgiem. Casus bizantyńsko-ruskich malowideł lubelskich w pierwszych dekadach XX wieku // Kaplica Trójcy Świętej na Zamku Lubelskim. Historia, teologia, sztuka, konserwacja. Materiały sesji zorganizowanej w Muzeum Lubelskim 24–26 kwietnia 1997 roku / red. B. Paprocka, J.A. Sil. Lublin: Muzeum Lubelskie, Polskie Towarzystwo Turystyczno-Krajoznawcze, 1999. S. 175–207.

Billod C. Les encensoirs syro-palestiniennes de Bale // Antike Kunst. 1987. Bd. 30. P. 39–56.

Blombergowa M.M. Участие поляков в русских археологических съездах (1869–1914) // Fasciculi Archeologiae Historicae. 1986. T. 1. S. 19–27.

Blombergowa M.M. Polscy członkowie rosyjskich towarzystw archeologicznych 1839–1914. Wrocław; Łódź etc.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1988. 143 s. (Acta Archaeologica Lodziensia. Nr. 35).

Blombergowa M.M. Juliana Talko-Hryncewicza i Gotfryda Ossowskiego kontakty z Cesarską Komisją Archeologiczną w Petersburgu // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1989 R. 35. Nr 2. S. 271–282.

Blombergowa M.M. Badania archeologiczne Polaków na terytorium Imperium Rosyjskego w XIX i początku XX wieku. Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe, 1993. 125 s. (Acta Archaeologica Lodziensia. Nr. 35).

Blombergowa M.M. W sprawie badań archeologicznych Jana Czerskiego na terenie Kraju Przybajkalskiego uwag kilka // Przegląd Archeologiczny. 1996. T. 43. S. 184–185.

Blombergowa M.M. Zbiory, kolekcje, muzea tworzone przez Polaków w imperium rosyjskim (poza Królestwem) w XIX i na początku XX wieku // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1997. R. 42. Nr 2. S. 87–104.

Blombergowa M.M. Badania archeologiczne Juliana Talko-Hryncewicza na Ukrainie i na Zabajkalu // Analecta. 2001. R. 10. Z. 1. S. 137–151.

Blombergowa M.M. Kontakty Polaków z Cesarskim Rosyjskim Towarzystwem Archeologicznym w Petersburgu // Analecta. 2003. R. 12. Z. 1–2. S. 1–17.

Blombergowa M.M. Badania archeologiczne Polaków na Podolu prowadzone w XIX i na początku XX wieku // Analecta. 2005a. R. 14. Z. 1–2. S. 217–226.

Blombergowa M.M. Leon Barszczewski — badacz starożytnej Samarkandy // Archeologia Żywa. 2005b. Nr 1 (131). S. 35–40.

Blombergowa M.M. Michał Kuściński — pierwszy badacz Gniezdowa // Folia Praehistorica Posnaniensia. 2005c. T. 13–14: Księga pamiątkowa K. Siuchnińskiego. S. 29–37.

Boardman J. The History of Greek Vases. Potters, Painters and Pictures. London: Thames & Hudson, 2001. 320 p.

Boüard, de, M. Les Sociétés savantes de Normandie et la recherche archéologique (XIXe — XXe siècles) // Etudes normandes. 1985. N°3. P. 35–46.

Braun F., Arne T. Den svenska runstenen från ön Berezanj utanför Dneprmynningen // Fornvännen årgång. 1914. Vol. 9. S. 44–48.

Braund D.C. The Baksy Krater, Teutaros and Heraklion: Heracles and the Scythian Bow in Graeco-Scythian Art and Culture(s) // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира / отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 113–125.

Brückler T., Nimeth U. Personenlexikon zur österreichischen Denkmalpflege 1850–1990–2002 / Hrsg. Bundesdenkmalamt. Wien: Verlag F. Berger, 2001. 320 S.: il.

Buko A. Zespół wieżowy w Stołpiu: badania 2003–2005. Warszawa: IAE PAN, IA UW, 2009. 375 s.: il.

Buko A. (red.). Średniowieczny zespół rezydencjonalny na Górze Katedralnej w Chełmie. Warszawa: IAE PAN, 2019. 464 s.: il.

Charmes X. Le Comité des travaux historiques et scientifiques: Histoire et documents. Paris: Impremirie nationale, 1886. Vol. 1–3. Vol. 1. 497 p.; Vol. 2. 747 p.; Vol. 3. 770 p.

Chetraru N., Răileanu N. Jon Casian Surucian în archeologia çi muzeologia basarabeană. Chişinău: Tyragetia, 2001. 256 p.: il. (Series Biblioteca "Tyragetia". IV).

Chochorowski J. Scytyjski książę z Ryżanówki // Alma mater — miesięcznik UJ. 2008. Nr 99. S. 185–195.

Chochorowski J. Godfryd Ossowski (1835–1897) — genialny samouk, archeolog, wybitny uczony, niezwykły człowiek… technik drogowy syberyjskiego traktu pocztowego // Na srebrnym koniu. Archeologiczne skarby znad Morza Czarnego i Kaukazu / red. A. Kokowski, M. Wemhoff. Lublin: Instytut Archeologii UMCS, 2011. S. 215–295.

Chochorowski J. Godfryd Ossowski (1835–1897) — niespokojny duch XIX-wiecznej archeologii // Nasi mistrzowie / red. M. Rybicka, M. Rzucek. Rzeszów: Instytut Archeologii UR, 2016. S. 9–58.

Chochorowski J., Skoryj S. Ryžanovka, Raj. Zvenigorodka, Obl. Čerkassy (Ukraine). Ein skythisches Hügelgräberfeld — Großer Ryžanovka-Kurgan // Recherches archéologiques de 1993–1998 / red. B. Wojciech, J. Poleski. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2004. S. 221–242.

Cook R.M., Dupont P. East Greek Pottery. London; New-York: Routledge, 1998. 226 p.: il.

Dettloff P. Działalność konserwatorska Towarzystwa Opieki nad Zabytkami Przeszłości // Polskie dziedzictwo kulturowe u progu niepodległości. Wokół Towarzystwa Opieki nad Zabytkami Przeszłości / red. E. Manikowska, P. Jamski. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego, 2010a. S. 126–165.

Dettloff P. Restauracja kościoła św. Jakuba w Sandomierzu // Polskie dziedzictwo kulturowe u progu niepodległości. Wokół Towarzystwa Opieki nad Zabytkami Przeszłości / red. E. Manikowska, P. Jamski. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego, 2010b. S. 189–197.

Dzik M. Średniowieczne cmentarzysko w Rogawce w pow. siemiatyckim w świetle badań Siergieja Dubinskiego w 1910 roku // Światowit. 2012. T. X (LI)/B. S. 205–236.

Dzik M. Przemiany zwyczajów pogrzebowych w międzyrzeczu Bugu i górnej Narwi (XI–XV w.). Rzeszów: Oficyna Wydawnicza „Zimowit", 2015. T. 1–2. T. 1. 321 s.: il.; T. 2. 255 s.: il.

Frycz J. Restauracja i konserwacja zabytków architektury w Polsce w latach 1795–1918. Warszawa: PWN, 1975. 341 s.

Fless F., Lorenz A. Die Nekropolen Pantikapaions im 4. Jh. v. Chr. // Bilder und Objekte als Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzenmeergebiet. Kolloquium im Zschortau /Sachsen vom 13.2. — 15.2.2003 / Hrsg. F. Fless, M. Treiste. Rahden/Westf.: Leidorf, 2005. S. 17–25.

Gadirova-Ateshi N. Critical Remarks on Archaeological Research in the 19th and 20th Centuries on the Late Bronze and Early Iron Ages in the Southern Caucasus // Ancient Near Eastern Studies. 2017a. Vol. 54. P. 183–212.

Gadirova-Ateshi N. 185 Jahre deutsche und europäische Archäologie im Kaukasus. Eine kritische Analyse und Bestandsaufnahme vergangener und aktueller Forschungen // Praehistorische Zeitschrift. 2017b. Bd. 92 (1). P. 241–277.

Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin: Akademie Verlag, 1971. 604 S.: Taf.

Gardner E.A. Ornaments and armour from Kertch in the New Museum in Oxford // Journal of Hellenic Studies. 1884. Vol. 91. P. 35–47.

Gold der Skythen: Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg [Katalog zur Ausstellung in Hamburg vom 25. September bis 28. November 1993] / Hrsg. B. Gossel-Raeck, R. Busch. Neumünster: Wachholtz, 1993. 262 S.: il. (Veröffentlichungen des Hamburger Museums für Archäologie und die Geschichte Harburgs, Helms-Museum. Nr. 67).

Goriunova O.J. Badania archeologiczne J. D. Czerskiego na terenie Kraju Przybajkalskiego // Przegląd Archeologiczny. 1992. T. 40. S. 141–148.

Gorshenina S., Sonntag H.S. Early photography as cultural transfer in imperial Russia: visual technology, mobility and modernity in the Caucasus and Central Asia // Khazar Journal of Humanities and Social Sciences. 2018. Special Issue. P. 322–344.

Gran-Aymerich E. Naissance de l'archéologie moderne. 1798–1945. Paris: CNRS, 1998. 533 p.

Gran-Aymerich E. Les politiques française de l'archéologie sous la III-ème République // Pour une histoire des politiques du patrimoine / dir. P. Poirrier, L. Vadelorg. Paris: Comité d'histoire du ministère de la culture, Documentation française, 2003. P. 199–210. (La Documentation française / Ministère de la Culture, Comité d'Histoire. 20. Travaux et documents. 16).

Guerquin B. Zamki w Polsce. Warszawa: Arkady, 1974. 321 s.: il.

Joseph de Baye, de la Marne au Caucase. Catalogue de l'exposition organisée par les Archives départementales de la Marne. Châlons-en-Champagne: Archives départementales de la Marne, 2013. 38 p.

Häusler A. Ernst von Stern in Odessa und Halle. Zum 125. Geburtstag // Etnographisch–Archäologische Zeitschrift. 1984. Bd. 25. S. 683–695.

Heid S., Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16. bis 21. Jahrhundert. Bd. 1–2. Regensburg: Schnell + Steiner, 2012. Bd. 1: A–J. 697 S.; Bd. 2: K–Z. 716 S.

Jacobson E. The Art of the Scythians: The interpenetration of cultures at the edge of the Hellenic world. Leiden; New-York; Köln: Brill, 1995. 215 p. (Handbook of Oriental Studies. Vol. 2).

Jamski P. Ochrona ruin zamkowych. Przykład Czerska // Polskie dziedzictwo kulturowe u progu niepodległości. Wokół Towarzystwa Opieki nad Zabytkami Przeszłości / red. E. Manikowska, P. Jamski. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego, 2010. S. 199–212.

Jokilehto J. A History of Architectural Conservation. Lomdon: Routledge, 2002. 370 p.: il.

Journal Oficiel de la République Française. Lois et réglement. 4 janvier 1914. [Paris]. 4 p.

Kerschner M. Zum Beginn und den Phasen der griechischen Kolonisation am Schwartzen Meer // Eurasia Antiqua. 2006. Bd. 12. S. 227–250.

Kerschner M., Schlotzhauer U. A New Classification System for East Greek Pottery // East and West. 2005. Vol. 4 (1). P. 1–56.

Khrushkova L. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (1. Folge) // RQ. 2011. Bd. 106. S. 229–252.

Khrushkova L. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (2. Folge) // RQ. 2012a. Bd. 107 (1–2). S. 74–165.

Khrushkova L. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (3. Folge) // RQ. 2012b. Bd. 107 (3–4). S. 202–248.

Khrushkova L. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (4. Folge) // RQ. 2013. Bd. 108. S. 254–287.

Khrushkova L. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (5. Folge) // RQ. 2014. Bd. 109. S. 134–165.

Khrushkova L. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (6. Folge) // RQ. 2015. Bd. 110. S. 117–135.

Koller M. Zur Geschichte der Restaurierung in Österreich // Geschichte der Restaurierung in Europa. Bd. 1. Akten des internationalen Kongresses Restauriergeschichte XIII. Interlaken 1989. Worms: Werner, 1991. S. 65–85.

Krasnodębski D. Fiodora Vasileviča Pokrovskiego obraz archeologiczny Podlasia // Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu / red. M. Dulinicz. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej; Warszawa: IAiE PAN 2003. S. 63–71.

Kuliauskas P., Gintautas Z. Lietuvos Archeologijos Istorija (iki 1945 m.). Vilnius: Diemedis, 1999. 328 p.

Le Antichità di Ercolano Esposte / ed. P. Carcani. Naples: Stamperia reale, 1755–1792. Vols. 1–9. Vol. 1–5. Le Pitture antiche d'Ercolano e contorni incise con qualche spiegazione. Vol. 7–8. De' bronzi di Ercolano e contorni incisi con qualche spiegazione; Vol. 9. Le Lucerne ed i candelabri d'Ercolano e contorni incise con qualche spiegazione. 346 p.

Le nouveau droit de l'archéologie préventive / dir. P.L. Frier. Paris: Harmattan, 2004. 275 p.

Lehmann-Haupt C.F. Armenien einst und jetzt. Hildesheim; Zürich; New York: Olms 1910. Bd. 1: Vom Kaukasus zum Tigris und nach Tigranokerta. 543 S.

Léon P. Les principes de la conservation des monuments historiques. Evolution des doctrines // Centenaire du Service des monuments historiques et de la Societé française d'archéologie / Congrès Archéologique de France. XCVII[e] session tenue à Paris en 1934. Paris: A. Picard, 1935. T. 1. P. 17–52.

Léon P. La Vie des monuments français: destruction, restauration. Paris: éditions A. et J. Picard et Cie, 1951. 584 p.: il.

L'odyssée de Paul Nadar au Turkestan, 1890: photographies de Paul Nadar / introduction, choix des photographies et des textes cités par A.-M. Bernard et C. Malécot. Paris: Monum, éd. du Patrimoine, 2007. 269 p.: il.

Markle M.M. The Makedonian sarissa, spear and related armour // American Journal of Archaeology. 1977. Vol. 83. 3. P. 323–339.

Mordvinceva V. Sarmatische Phaleren. Rahden/Westf.: Leidorf 2001. 97, 57 S.: il. (Archäologie in Eurasien. Bd. 11).

Morgan, de, J. Mission scientifique au Caucase: études archéologiques & historiques. Paris: Leroux, 1889. T. 1–2. T. 1: Les premiers âges des métaux dans l'Arménie russe. 231 p.; T. 2: Recherches sur les origines des peuples du Caucase. 305 p.

Moussine A. Le patrimoine religieux dans les travaux de Léonid Zouroff // Missions du musée de l'homme en Estonie — Boris Vildé et Léonid Zouroff au Setomaa (1937–1938) / dir. T. Benfoughal, O. Fishman, H. Valk. Paris: Musée national d'Histoire naturelle, 2017. P. 507–525.

Musin A. Die Anfänge Russischer Forschungen der Christlichen Archäologie: Beitrag und Vermächtnis der Kaiserlichen Archäologischen Kommission in Russland (1859–1917) // RQ. 2010. Bd. 105 (3–4). S. 258–282.

Musin A. “Geschichte” bauen im postsowjetischen Osteuropa. Religion und Politik bei der Rekonstruktion von Kirchen in Russland und der Ukraine // Geschichte bauen. Architektonische Rekonstruktion und Nationenbildung vom 19. Jahrhundert bis heute / Hrsg. A. Bartetzky. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2017a. S. 323–353.

Musin A. Osiemnastowieczny kościół drewniany Świętej Trójcy w Myszyńcu: ostatnia nadzieja // Fines testis temporum. Studia ofiarowane Profesor Elżbiecie Kowalczyk-Heyman w pięćdziesięciolecie pracy naukowej / red. M. Dzik, G. Śnieżko. Rzeszów: Oficyna Wydawnicza Zimowit, 2017b. S. 149–174.

Musin A. L’histoire de la culture matérielle en Russie au XXe — début XXIe siècle: entre les enjeux politiques, les tâches académiques et les réalités archéologiques // La culture matérielle: un objet en question. Anthropologie, archéologie et histoire, Colloque, 9 et 10 octobre 2015 / dir. L. Bourgeois, L. Feller. Caen: PUC, 2018. P. 57–75.

Musin A. Zabytki Supraśla w Sankt Petersburgu: materiały dotyczące historii i konserwacji cerkwi Zwiastowania Bogarodzicy (1907–1910) w archiwum Cesarskiej Komisji Archeologicznej // Freski supraskie — relikty XVI-wiecznego malarstwa postbizantyńskiego w kolekcji Muzeum Ikon w Supraślu / red. A. Ruta. Supraśl: Muzeum Podlaskie w Białymstoku, Instytucja Kultury Województwa Podlaskiego, 2019. S. 13–64.

Niculică B.P. Karl Adolf Romstorfer, un pionnier de la recherche des dépôts de bronzes de la Bucovine // Signa Praehistorica. Studia in honorem magistri Attila László septuagesimo anno / eds. N. Bolohan, F. Măţău, F. Tencariu. Iaşi: Ed. Univ. “Alexandru Ioan Cuza”, 2010. P. 321–341.

Ossowski G. Wielki kurhan Ryżanowski według badań dokonanych w latach 1884 i 1887. Kraków: Komisja Akademji Umiejętności w Krakowie, 1888. 52 s.

Parlasca K. Gepapyris — nicht Dynamis. Die bronzebüste einer bosporanischen Königin in Sankt Petersburg // Eurasia Antiqua. 2009. Bd. 15. S. 241–257.

Pfrommer M. Studien zu alexandrinischer und grossgriechischer Toreutik frühhellenistischer Zeit. Berlin: Gebr. Mann, 1987. 312, 62 S.: il. (Archäologische Forschungen. Bd 16).

Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks. Tübingen: Wasmuth, 1990. 470 S.: il. (Istanbuler Forschungen. Bd. 37).

Pfrommer M. Metalwork from the Hellenized East. Catalogue of the Collection. Malibu, Calif.: J. Paul Getty Museum, 1993. 256 p.: il.

Pharmakowsky B. Olbia 1901–1908. Fouilles et trouvailles // Известия ИАК. 1909. Вып. 33. С. 103–136.

Pic M. Le baron de Baye (1853–1931), collecteur de céramiques dans l’empire russe pour le musée de Sèvres // Revue des musées de France. 2016. n° 5. P. 73–84.

Picchelauri K. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien. Espelkamp: Leidorf, 1997. 87, 116 S.: il. (Archäologie in Eurasien. Bd 4).

Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. Leningrad: Aurora Art, 1986. 184 p.: il.

Platonova N. Archival Studies in the History of Russian Archaeology — Methods and Results // Archives, Ancestors, Practices. Archeology in the Light of its History / eds. N. Schlanger, J. Nordbladh. New York; Oxford: Berghan books, 2008. P. 47–57.

Poppe A. On the so-called Chersonian Antiquities // Medieval Russian Culture / eds. H. Birnbaum, M. S. Flier. Los Angeles: University of California Press, 1984. Vol. 1. P. 71–104. (California Slavic Studies. XII).

Pravilova E. Contested Ruins: Nationalism, Emotions, and Archaeology at Armenian Ani, 1892–1918 // Ab Imperio. 2016. Vol. 1. P. 69–101.

Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilizations of Anau. Washington: Carnegie Instituition of Washington, 1908. Vol. 1–2. Vol. 1. 402 p.; Vol. 2. 350 p.

Qədirova-Atəşi N. Emil Röslerin arxeoloji qazintilarinin orijinal hesabatlari (tədqiqatlarin ilkin nəticələri) // Gənc Alimlərin Əsərləri. 2014. № 10. S. 213–219.

Radloff W. Aus Sibirien: lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten. Berlin: Schletzer, 1884. Bd. 1–2. Bd. 1. 534 S.; Bd. 2. 486 S. (Studia Eurasia. Bd. 10).

Rampley M. The Vienna School of Art History: Empire and the Politics of Scholarship, 1847–1918. *University Park*: Pennsylvania State University Press, 2013. 296 p.

Recambert C. Le droit de l'archéologie française. Paris: Picard, 1996. 256 p.

Rezepkin A.D. Das Frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. Rahden/Westf.: Leidorf, 2000. 74, 85 S.: il. (Archäologie in Eurasien. Bd 10).

Romstorfer K. Cetatea Sucevii descrisă pe temeiul propriilor cercetări făcute între anii 1895–1904. Bucureşti: Institutul de Arte Grafice "Carol Göbl", 1913. 112 p.: il.

Rösler E. Zwei Gräber von Schuscha (Transkaukasien) // ZfE. 1892. Bd. 24. S. 566–569.

Rösler E. Berichtet in einem Briefe an Hrn. Rud. Virchow aus Schuscha, Transkaukasien über neue Grabfunde von Chodschali // ZfE. 1895. Bd. 27. S. 549–551.

Rösler E. Bericht über neue Ausgrabungen bei Gülaplu, Transkaukasiens // ZfE. 1896. Bd. 28. S. 398–402.

Rösler E. Mitteilungen über archäologische Funde in Transkaukasien. // ZfE. 1897. Bd. 29. S. 209–213.

Rösler E. Bericht über seine für die kaiserl. Russische Archäologische Commission unternommenen Untersuchungen im Gouv. Elisabethpol // ZfE. 1898. Bd. 30. S. 290–329.

Rösler E. Bericht über die für die kaiserl. Russische Archäologische Commission im Jahre 1899 unternommenen archäologischen Forschungen in Transkaukasien // ZfE. 1901. Bd. 33. S. 78–150.

Rösler E. Bericht eingegangen über archäologische Forschungen und Ausgrabungen in Transkaukasien // ZfE. 1902. Bd. 34. S. 137–191, 221–245.

Rösler E. Bericht über archäologische Ausgrabungen in Transkaukasien // ZfE. 1905. Bd. 37. S. 114–151.

Rösler E., Belck W. Archäologische Thätigkeit im Jahre 1893 in Transkaukasien // BGAEU. 1894. Bd. 8. S. 213–241.

Rostovtzeff M.I. La peinture décorative antique en Russie Méridionale. Saint-Pétersbourg: S.N., 1913–1914. Vol. I: Texte. Description et étude des monuments. 716 p.; Vol. 2: 112 pl. [2e éd. / dir. A. Barbet. Paris: Académie des Inscriptions et Belles-lettres, Boccard, 2003–2004]. (Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. T. 28).

Rostowzew M. Skythien und der Bosporus. Berlin: H. Schoetz & Co., 1931. Bd. 1: Kritische Übersicht d. schriftl. u. archäolog. Quellen. 651 S.

Róziewicz J. Polsko-rosyjskie powiązania naukowe (1725–1918). Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1984. 348 s.

Różycka-Bryzek A. Freski bizantyńsko-ruskie fundacji Jagiełły w kaplicy Zamku Lubelskiego. Lublin: Muzeum Lubelskie, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000. 163 s.: il.

Rydzewski J. Zabytki z Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego w zbiorach Muzeum Archeologicznego w Krakowie // Materiały Archeologiczne. 2016. T. 41. S. 211–243.

Saujot C. Le droit français de l'archéologie. Paris: Éditions Cujas, 2007. 352 p.

Schaefer Cl. F. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale (IIIe et IIe millénaires): Syrie, Palestine, Asie Mineure, Chypre, Perse et Caucase. London: Oxford University Press, 1948. 653 p.: il.

Schmidt A.V. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja // ESA. 1929. Vol. 4. S. 9–21.

Schwarzmaier A. Die Gräber in der Blisniza und ihre Datierung // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1990. Bd. 111. S. 105–137.

Shefton B. The krater from Baksy // The Eye of Greece. Studies in the Art of Athens / eds. D. Kurtz, *B.* Sparke. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 149–181.

Skory S., Chochorowski J. The Great Ryzhanovka Barrow: an intact burial of a Scythian nobleman // Archaeology now: New finds and fresh perspectives. Great Discoveries of our Time / ed. B.M. Fagan. New York: Thames & Hudson, 2007. P. 70–71.

Skrzyński T. Okres syberyjski w działalności Gotfryda Ossowskiego (1893–1897) // Polscy odkrywcy, badacze i eksploratorzy Syberii oraz Azji Środkowej (XIX — początek XX wieku) /

red. G. Pełczyński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2018. S. 155–173. (Acta Universitatis Wratislaviensis. Nr 3847).

Smirnov A. The Impact of State Power on Archaeological Science in the Russian Empire // Complutum. 2013. Vol. 24 (2). P. 121–130.

Sobol L. Zarys głównych kierunków działań Grona Konserwatorów Galicji Zachodniej z lat 1888–1905 // Wiadomości Konserwatorskie. 2008. T. 24. S. 95–102.

Solcanu I. Commentaires des historiens autrichiens et polonais sur les monuments d'art du nord de la Moldavie // Studia Antiqua et Archaeologica. 2000. Vol. 7. P. 215–228.

Solovyov S.L. Ancient Berezan. The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. 148 p.: il.

Staszel J., Wójcik Z. Związki Juliana Talko-Hryncewicza z Polską Akademią Umiejętności i Uniwersytetem Jagiellońskim w Krakowie // Historii nauki PAU. 2010. T. 10. S. 83–110.

Stoyanov R.V. The Shverin Burial-Mound // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2009. Vol. 15. P. 199–214.

Strahlenbergs P.J. Das Nord und östlich Theil von Europa und Asia. Stockholm: Verlegung des Autoris, 1730. 438 S.

Supady J. Zasługi polskiego lekarza i antropologa Juliana Talko-Hryncewicza dla nauki rosyjskiej // Archiwum Historii i Filozofii Medycyny. 2012. T. 75. S. 131–134.

Svedin M. Archaeology in the shadow of Political Changes — Archaeological relations between Sweden and Eastern Europe 1846–2006 // Cultural interaction between East and West. Archaeology, artifacts and human contacts in northern Europe / eds. U. Fransson, M. Svedin, S. Bergerbrant, F. Androshchuk. Stockholm: Stockholms University, 2007. P. 24–41. (Stockholm Study in Archaeology. Vol. 44).

Svetikas E. Alytaus kapinynas; christianizacijos šaltiniai. Vilnius: Diemedžio leidykla, 2003. 443 s.

Świechowski Z. Katalog architektury romańskiej w Polsce. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2000. 724 s.

Szczerba A. Rola Carskiej Komisji Archeologicznej w ochronie zabytków archeologicznych na obszarze Imperium Rosyjskiego // Analecta. Studia i materiały z dziejów nauki. 2010. R. XIX. Z. 1–2. S. 7–21.

Szczerba A. Problem ochrony zabytków archeologicznych na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej pod panowaniem rosyjskim. Łódź: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 2012a. 287 s. (Monografie Instytutu Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego. T. IX).

Szczerba A. Prawno administracyjna ochrona zabytków w Królestwie Polskim // Analecta. Studia i materiały z dziejów nauki. 2012b. R. XX. Z. 1. S. 1–17.

Szczerba A. Rola rosyjskich zjazdów archeologicznych w dyskusji nad ochroną zabytków archeologicznych w XIX i na początku XX wieku Analecta. Studia i materiały z dziejów nauki. 2013. R. XXII. Z. 1–2. S. 147–166.

Szyposz J. Grono Konserwatorów Galicji Zachodniej // Słownik polskich towarzystw naukowych / red. L. Łoś, B. Sordylowa, B. Krajewska-Tartakowska. Wrocław: Zakł. Nar. im. Ossolińskich, 1994. T. II. Towarzystwa naukowe i rozpowszechniające naukę działające w przeszłości na ziemiach polskich. Cz. 2. S. 52–55.

Tallgren A.M. Ėtudes sur le Caucase du nord // ESA. 1929. Vol. 4. P. 22–40.

Tallgren A.M. The Kazbek treasure // ESA. 1930. Vol. 5. P. 109–182.

Tallgren A.M. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit // ESA. 1931. Vol. 6. S. 126–144.

Trujillo M.A.L. French influences on the first administrative inventory of Spanish Cultural Heritage (1844). URL: http://www.lopeztrujillo.com/docs/frenchinf uenceslopeztrujillo.pdf (date of access: 01.12.2019).

Tunkina I. Academician G.F. Miller and the Treasures from Litoi Kurgan // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2007. Vol. 13 (3–4). P. 193–224.

Ustinova Ju. The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God. The Religions in the Graeco-Roman World, 135. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. 321 p.: il.

Vadelorge L. La commission départementale des Antiquités de la Seine — Inférieur: modéle ou alternative à la politique des monuments historique (1818–1848) // Pour une histoire des politiques du patrimoine / dir. Ph. Poirrier, L. Vadelorge. Paris: Comité d'histoire du ministère de la culture, Documentation française, 2003. P. 67–86. (La Documentation française / Ministère de la Culture, Comité d'Histoire. 20. Travaux et documents. 16).

Verdier P. Le service des monuments historiques. Son histoire. Organisation. Administration // Centenaire du Service des monuments historiques et de la Societé française d'archéologie / Congrès Archéologique de France. XCVII[e] session tenue à Paris en 1934. Paris: A. Picard, 1935. T. 1. P. 53–286.

Vickers M. Scythian treasures in Oxford. Oxford: Ashmolean Museum, 1979. 56 p.: il.

Vickers M. Scythian and Thracian antiquities in Oxford. Oxford: Ashmolean Museum, 2002. 80 p.: il.

Vinogradov Ju. A. Die Kaiserische Archäologische Komission und die Erforschung der Klassischen Altertümer im Nördlichen Schwarzmeergebiet (1859–1917) // Hyperboreus. Studia classica. 2013. Vol. 19. S. 239–271.

Vinogradov Ju. G. Die bosporanischen Herrscher // Rostowzew M. Skythien und der Bosporus / Hrsg. H. Heinen. Stuttgart: Franz Steiner, 1993. Bd. 2. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes. S. 223–224.

Virchow R. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Kaukasus. Berlin: A. Asher, 1883. 157 S.

Virchow R. Über die Kulturgeschichtliche Stellung des Kaukasus. Berlin: Verlag der Königl. Akademie der Wissenschaften, 1896. 75 S.: il.

Wąsowicz A. Olbia Pontique et son territoire. L'aménagement de l'espace. Paris: Les Belles Lettres, 1975. 251 p.: il.

Wawrzeniecki M. Józef Nowalski // Kwartalnik Klasyczny. 1928. T. 2 (4). S. 453–454.

Woźny M. Początki Grona Konserwatorów Galicji Zachodniej w świetle krakowskich materiałów // Rocznik Krakowski. 2011. T. LXXVII. S. 77–88.

Woźny M. Włodzimierz Demetrykiewicz (1859–1937). Prehistoryk z przełomu epok. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, Muzeum Archeologiczne w Krakowie, 2018. 557 s.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Территориально-административная приуроченность памятников и населенных пунктов, связанных с исследованиями Императорской археологической комиссии, дается на начало XX в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

вол. — волость
г. — город
губ. — губерния
д. — деревня
м. — местность
мест. — местечко
мог. — могильник
мон. — монастырь
о-в — остров
обл. — область
оз. — озеро
окр. — округ
отд. — отдел
п. — поселок
пер. — переулок
пос. — посад
п-ов — полуостров
р. — река
с. — село
сел. — селение
ст. — станица
стан. — станция
у. — уезд
ул. — улица
ур. — урочище
ус. — усадьба
х. — хутор

Абакан, р. 836, 840, 845, 849, 853, 865
Абакано-Перевозное, с., Минусинский у., Енисейская губ. 843, 849
Абаканская застава, Минусинский у., Енисейская губ. 857, 858
Абинская, ст., Кубанская обл. 559, 1013–1014
Аблайкитские палаты (Аблайкет Палат), Усть-Каменогорский у., Семипалатинская обл. 838, 840
Абхазия 922, 955, 1421
Австро-Венгрия 90, 166, 273
Агафоновский мог., Чердынский у., Пермская губ. 910
Агдам, сел. и стан., Елизаветпольская губ. 973
Адаго, гора, Сухумский окр., Кутаисская губ. 952
Адагум, р. 572
Аджигола, м., Херсонская губ. 665
Аджимушкай, с., Таврическая губ. 442, 461, 482, 503, 649
Адыгея 632, 923
Аждага-юрт (Вишап-нер), ур., Эриванская губ. 964
Азербайджан 287, 935, 1035
Азия 14, 38, 40, 834, 849, 921, 1348
Азов, г. 1010
Азов, городище 235, 1009
Азовское море 428, 502, 921
Аир-Кезень, ущелье, Копальский у., Семиреченская обл. 1063
Айдашинская пещера, Ачинский у., Енисейская губ. 858
Ак-Бурун, мыс, Таврическая губ. 376, 380, 381, 403, 426,
Ак-Карча, сопка, Тургайский у., Тургайская обл. 1089
Аккерман, г. 1382, 1385
Аккерманский у., Бессарабская губ. 341
Акмолинская обл. 312, 313, 1059, 1064, 1087–1090
Акстаф, р. 927
Аксютинцы, с., Роменский у., Полтавская губ. 591, 592, 612
Ак-там, могила, Джаркендский (Джаркентский) у., Семиреченская обл. 1063
Ак-Тепе (Ак-Дабе), курган, Семипалатинская обл. 1062
Алаверды (Алаверди), г. 935, 1382
Алазань, р. 944, 945
Алды, аул, Грозненский окр., Терская обл. 985
Александрия, с., Благодарненский у., Ставропольская губ. 1023
Александрова гора, городище, Переславский у., Владимирская губ. 98
Александровка, д., Белебеевский у., Уфимская губ. 915
Александровский у., Архангельская губ. 812
Александровский у., Екатеринославская губ. 315
Александровский у., Ставропольская губ. 995

Александрополь, г., Эриванская губ. 938, 971
Александрополь (Александровск), с., Екатеринославский у. 539, 540, 541, 554
Александропольский курган (Луговая Могила), Екатеринославский у. 81, 110, 538, 539, 541, 543, 546, 592, 653
Александропольский у., Эриванская губ. 982
Алишар, пост, Эриванская губ. 1026
Алкужи, д., Моршанский у., Тамбовская губ. 801
Алматинка, р. 1062
Алмалык, древний г. 1064
Алтай 131, 277, 278, 835, 836, 841, 850, 856, 871, 872
Алустон, крепость, Таврическая губ. 253, 1385, 1386
Алушта, с., Таврическая губ. 253, 1386
Алхан-Юрт, сел., Грозненский окр., Терская обл. 985
Алчедат, д., Томская губ. 863
Альт-Раден, ус., Баусский у., Курляндская губ. 1142
Америка (США) 733, 786
Амстердам, г. 7, 143
Амударья, р. 1056, 1058, 1072
Амур, р. 786, 829
Амурская обл. 280, 312, 833
Ананьинский мог., Елабужский у., Вятская губ. 131, 791
Анапа, г. 162, 262, 399, 435, 438, 491, 558, 1013, 1015, 1020, 1032
— Анапские курганы 400, 438
— Бугаз, коса 431, 435, 436, 468, 524
Анапская, ст., Темрюкский отд., Кубанская обл. 1023
Анау (Аннау), городище, Асхабадский у., Закаспийская обл. 1072–1074, 1084, 1085
Ангара, р. 856
Англия 82, 175, 273, 307, 404, 504, 733, 788
Ангодайская степь, Томская губ. 836
Андижан, г. 1089
Андрюковская, ст., Майкопский отд., Кубанская обл. 1020, 1021
Ани, древний г. 407, 289, 301, 311, 340, 341, 958–964, 971, 1045, 1451
Аниковский мог., Чердынский у., Пермская губ. 904, 906, 907
Аннам (Вьетнам) 249
Анненбург (Анненбурге), ус., Баусский у., Курляндская губ. 1142
Апалева, д., Гдовский у., Санкт-Петербургская губ. 1197
Апостоловский р-н, Днепропетровская обл. 592
Аптера, г. 152
Апшеронская, ст., Таманский отд., Кубанская обл. 1039
Арабат, м., Таврическая губ. 557, 1386
Арагац, гора 828, 960, 961
Арагви, р. 930
Аракс, р. 929, 958, 971, 977, 978
Арасан, м., Джаркендский (Джаркентский) у., Семиреченская обл. 1063
Ардатовский у., Нижегородская губ. 795
Арин-берд, телль, Эриванская губ. 966
Армавир, древний г., Эриванская губ. 929, 959–961, 977, 1026
Армавир, г., Лабинский отд., Кубанская обл. 1023
Армения 282, 312, 827, 922, 927, 938, 946, 958–968, 981, 982, 1046, 1055, 1382
Арпа-чай, р. 971, 1026
Арташат (Арташар), м., Эриванский у. 958, 982
Артюхов, х., Кубанская обл. 559
Артюховский курган, ст. Сенная, Кубанская обл. 158, 392, 399, 400, 466, 560, 653
Архангельск, г. 51, 232, 812, 813, 1237, 1243, 1331
— Боровско-Успенская церковь 51, 1237, 1331–1333
Архангельская губ. 36, 135, 208, 312, 313, 344, 346, 790, 1093, 1109, 1208, 1241, 1268, 1286, 1331
Архангельский у., Архангельская губ. 344, 812
Археополис, древн. г. 1421, 1422, 1432
Арчадзор, с., Елизаветпольская губ. 971, 975
Аршан-Хундуй Царам, падь, Троицкосавский у., Забайкальская обл. 870
Асанское, с., Минусинский у., Енисейская губ. 865
Асиль-Арык, м., Сырдарьинская обл. 1089
Аскыз, с., Минусинский у., Енисейская губ. 860
Асса, р. 992
Астраханская губ. 36, 120, 135, 312, 340, 921, 1109, 1111
Астрахань, г. 241, 556, 1112
— кремль 1243
Асхабад (Ашхабад), г. 1078
Атажукина I, аул, Нальчикский окр., Терская обл. 992
Аттика 274, 623
Аулие-Ата, г., Сырдарьинская обл. 1083
Аулиеатинский у., Сырдарьинская обл. 1073, 1075
Афины, г. 118, 274, 297, 302, 406, 462, 472, 522, 526, 1026, 1415
Афон, мон. 37, 102
Афонтова гора (с. Ладейское), Краноярский у., Енисейская губ. 819, 827, 828, 880
Афрасиаб (Афросиаб), городище, Самаркандская обл. 1066, 1067, 1084–1087, 1090
Ахалкалаки, сел., Ахалцихский у., Тифлисская губ. 949
Ахилий (Ахиллион), древнее поселение, коса Чушка, Таманский п-ов 409, 436
Ахмаха, сел., Елизаветпольская губ. 975
Ахметовская, ст., Кубанская обл. 1049
Ахпат, мон., Эриванская губ. 1382, 1382
Ахсыкет, древний г. 307, 1065

Ахтала, сел., Александропольский у., Эриванская губ. 935
Ахтанизовская (Ахтанизовка), ст., Таманский отд., Кубанская обл. 386, 421, 431, 470
Ахтанизовский лиман 365, 435, 477, 1009
Ахтуба, р. 1110
Ачандара, с., Сухумский окр., Кутаисская губ. 952
Ачинский у. (окр.), Енисейская губ. 847, 849, 860
Ашнак, сел., Эчмиадзинский у., Эриванская губ. 977, 978

Бабы, курган, Херсонская губ. 602–609, 647
Бабий бугор, городище, Астраханская губ. 1109
Бабукова, аул, Нальчикский окр., Терская обл. 998
Бавария 188
Багаран, с., Карская обл. 982
Базаиха, мог., Енисейская губ. 857
Байкал, оз., Иркутская губ. 866
Бакинская губ. 926, 1031
Бакланский мог., Бугурусланский у., Уфимская губ. 916
Бакота, с., Ушицкий у., Подольская губ. 292, 308, 1120
Бакоты, мон., Подольская губ. 308, 1152
Баксан, р., Нальчикский окр., Терская обл.
Баксы, курган, Таврическая губ. 433, 438
Баксы, с., Таврическая губ. 426, 427, 430, 432
Баку, г. 37, 926, 971, 973, 1037
Балахны, Балахнинский у., Нижегородская губ. 320, 808
Балгота, мог., Ялтинский у., Таврическая губ. 1160, 1161
Балта, стан., Владикавказский окр., Терская обл. 983, 993
Балтийское море 719, 900
Бар, г. 33
Баракаевская, ст., Майкопский отд., Кубанская обл. 1049
Барандат, м., Мариинский у., Томская губ. 863, 864
Барнаул, г. 278, 834, 835, 877
Барнаульский у. (окр.), Томская губ. 866, 882
Басандайка, р. 866
Баталпашинск, г. 1022
Баталпашинский отд., Кубанская обл. 995, 1052
Батени, с., Минусинский у., Енисейская губ. 827
Батуми (Батум), г. 1382, 1384
Батумская обл. 313, 1382
Батыр, оз., Мангышлакский у., Закаспийская обл. 1088
Бауск, г. 1142
Баусский у., Курляндская губ. 1142–1145, 1349
Бахмутский у., Екатеринославская губ. 595
Бахчисарай, г. 36, 1237, 1393
— Бахчисарайский дворец 36, 1252, 1388–1395
Баш-Шурагале, сел., Эриванская губ. 966
Башкирия 895
Башмачки, с., Екатеринославский у., Екатеринославская губ. 609
Беахни-Куп, мог., Владикавказский окр., Терская обл. 983, 991, 992
Беверин, городище, Вольмарский у., Лифляндская губ. 1143
Бежецкий у., Тверская губ. 142
Бейкуши, д., Херсонская губ. 715
Беларусь 71, 1097, 1243, 1249, 1365
Белавино, д., Люблинская / Холмская губ. 1365
Белая, р., Кубанская обл. 1014, 1016
Белая, р., Пермская губ. 895
Белгород, г.
— Успенско-Николаевский собор 1237
Белгород, древний г. 1229
Белгородка, с., Киевская губ. 1229, 1230
Белебеевский у., Уфимская губ. 915
Белев, г. 1095
Белино, д., Великолукский у., Псковская губ. 1196
Белое море 208
Белое, оз., Виленская губ. 353
Белое, оз., Новгородская губ. 122, 1097
Белозерск (Белозеро), г. 1096, 1097
Белореченская, ст., Майкопский отд., Кубанская обл. 1016, 1020, 1024, 1025
Белые Кресты, погост, Устюженский у., Новгородская губ. 1140
Бельбек, р. 770
Бельковский мог., Чердынский у., Пермская губ. 910, 1041
Бельск, с., Зеньковский у., Полтавская губ. 596
Бельский у., Гродненская губ. 1183, 1191
Бельское городище (г. Гелон), Бахмутский у., Екатеринославская губ. 596
Бенджамен, древний г. 1113, 1114
Бенокское, сел., Майкопский отд., Кубанская обл. 1025
Бердичевский у., Киевская губ. 1120
Бердянск, г. 1024
Бердянский у., Таврическая губ. 749, 1012
Берег, ур., Пятигорский отд., Терская обл. 933
Березань, о-в 14, 255, 296, 694–742, 1206
Березина, р. 1129
Березовский у., Тобольская губ. 880–882
Березье, д., Новоладожский у., Санкт-Петербургская губ. 1196
Берельская степь, Южный Алтай 837
Берлин, г. 79, 86, 278, 283, 733, 834, 983, 1032, 1035, 1035, 1090
Беслан, сел., Владикавказский окр., Терская обл. 989
Бесленеевская, ст., Кубанская обл. 1015
Бессарабская губ. (Бессарабия) 36, 119, 144, 241, 312, 341, 598
Беш-Килисса, городище, Нахичеванский у., Эриванская губ. 340

Биармия 900
Биделик, ручей, Урянхайский край 871
Бижиктиг-Хая, скалы, Урянхайский край 871
Бийский у. (округ), Томская губ. 835
Биря, р. 859
Биш-Тала-Юкари, с., Андижанский у., Ферганская обл. 1090
Благовещенская, ст., Кубанская обл. 434
Благодатное, с., Духовщинский у., Смоленская губ. 1167
Благодарненский у., Ставропольская губ. 1023
Ближние Бацики, д., Бельский у., Гродненская губ. 1183
Блыставицы, с., Киевская губ. 1120
Блясинское сельское общество, Полоцкий у., Витебская губ. 149
Бобровское, оз., Виленская губ. 353
Бобруйск, г. 1130
Бобруйский у., Минская губ. 1130
Богдановка, имение, Херсонская губ. 665
Бодзентин, пос., Келецкий у. 341, 342
Болгария 153
Болгары (Болгар), с. и городище, Спасский у., Казанская губ. 913, 1114, 1115
Бологое, с. и стан., Валдайский у., Новгородская губ. 320, 808
Большая Алматинка, р. 1062
Большая Аникова, д., Чердынский у., Пермская губ. 903–905
Большая Белозерка, с., Мелитопольский у., Таврическая губ. 554–555, 617
Большая Близница, курган на Тамани 41, 157, 374, 381–387, 393, 400, 421, 422, 431, 434, 482, 511, 512, 539, 561
Большая Знаменка, с., Мелитопольский у., Таврическая губ. 557, 640
Большая Нанога, городище, Екатеринбургский у., Пермская губ. 915
Большие Серогозы, с., Мелитопольский у., Таврическая губ. 557
Большое Владимирское, сел., Семипалатинская обл. 1073, 1089
Большое и Малое, оз., Ачинский у., Енисейская губ. 849
Большое Пичугино, с., Мариинский у., Томская губ. 863
Большой Анзас, р. 883
Большой Барандат, с., Мариинский у., Томская губ. 863
Большой Зеленчук, р. 949, 950, 1023
Большой Катандинский курган, Ангодайская степь 42, 131, 836–838, 841
Большой Рыжановский курган, Звенигородский у., Киевская губ. 575–579
Бонн, г. 106, 283
Бор, д., Крестецкий у., Новгородская губ. 1176
Бори, сел., Шоропанский у., Кутаисская губ. 949, 1026
Борисов, г. 1130
Борисовский у., Минская губ. 1125
Борисовы камни, р. Западная Двина 1149
Борки, с., Змиевский у., Харьковская губ. 1273
Боровика, х., Кубанская обл. 407
Боровичский у., Новгородская губ. 1150
Боровой Форпост, с., Павлодарский у., Семипалатинская обл. 835
Боровский мон., Калужская губ. 149
Борщово (Боршево, Борщёво), с., Коротоякский у., Воронежская губ. 822, 827
Боспор, обл. и древнее государство 30, 67, 128, 260, 297, 354–537, 568, 623, 651, 664, 690, 938, 955, 1432
Бостон, г. 733
Брест (Брест-Литовск), г. 281
Брестский у., Гродненская губ. 1352, 1353
Бродовский мог., Кунгурский у., Пермская губ. 909, 910
Бронницкий у., Московская губ. 1237, 1347
Брюссель, г. 143
Брюховецкая, ст., Таманский отд., Кубанская обл. 1023
Буг Западный, р. 1120, 1125
Буг Южный, р. 101, 554, 596, 656, 658, 668, 686, 732
Буго-Днепровский (Березанский, Бугский) лиман 654, 655, 674, 694, 715, 709, 719
Буды, городище, Борисовский у., Минская губ. 1125
Буерова могила, курган, Таманский п-ов 393, 395, 435
Буки, с., Сквирский у., Киевская губ. 1120, 1122
Буковина 36, 1240, 1416
Буран, городище, Токмакский у., Семиреченская обл. 284, 1061
Бурдаковский мог., Чердынский у., Пермская губ. 910, 1097
Бутаково, д., Белозерский у., Новгородская губ. 1097
Бухара, г. 108, 109, 1058, 1065, 1066, 1078, 1082, 1089, 1080
Бухарест, г. 1153
Бухтарма, р. 857

Вага, р. 1327
Вагаршапат, м., Эриванская губ. 959
Валдайский у., Новгородская губ. 1157, 1159
Ван, древний г. 965–967
Вани, сел., Кутаисская губ. 946
Варениковская, ст., Кубанская обл. 399
Варнавин, г. 1327, 1328
— Церковь свт. Николая 1327
Варшава, г. 224, 279, 294, 672, 933, 1123, 1362
Варшавская губ. 226, 312, 1365

Васильевское, д., Калужская губ. 1132
Васильковский у., Киевская губ. 132
Васюринская гора, Кубанская обл. 386–394, 421, 431, 466, 511, 512
Веденский окр., Терская обл. 985
Ведено, аул, Грозненский окр., Терская обл. 985
Веджини, сел., Сигнахский у., Тифлисская губ. 944, 945
Вейсенштейн, г. и замок, Эстляндская губ. 1380
Великая, р. 1255, 1260
Великие Будки, с., Роменский у., Полтавская губ. 611, 613
Великобритания 90, 504, 1216
Великолукский (Великолуцкий) у., Псковская губ. 1107
Великоустюжский у., Вологодская губ. 1191
Вельский у., Вологодская губ. 1192
Вена, г. 90, 143, 210, 297, 672, 983, 1240
Вербовец, г. 1108
Вербовка, с., Чигиринский у., Киевская губ. 650
Вергина, г. 501, 566
Веремиевка, с., Золотоношский у., Полтавская губ. 590
Верненский у., Семиреченская обл. 1063, 1064, 1090
Верный (Алма-Ата), г. 1062, 1064
Верх-Боровское, с., Чердынский у., Пермская губ. 906, 907
Верхнеднепровский (Верхне-Днепровский) у., Екатеринославская губ. 282
Верхнеудинский у., Забайкальская обл. 870, 883
Верхние Салты (Верхняя Салты, Верхнее Салтово), слобода, Волчанский у., Харьковская губ. 309, 1165
Верхние Серогозы, с., Мелитопольский у., Таврическая губ. 467, 614
Верхний Рогачик, с. и курган, Мелитопольский у., Таврическая губ. 552, 625, 635
Верхняя Чебула, д., Мариинский у., Томская губ. 863
Верхоленский у., Иркутская губ. 828
Верхотурье, г. 915
Веселое, с., Сочинский окр., Черноморская губ. 953
Вестеръетланд, регион, Швеция 718
Ветлуга, р. 1327
Взвад, с., Старорусский у., Новгородская губ. 1188
Визна, замок, Ломжинский у., Гродненская губ. 1125
Виленская губ. 1126–1128, 1241, 1286, 1349
Виленская, слобода, Киевская губ.
Вильканцы, мест., Лидский у. 1128
Вильно (Вильнюс), г. 1126, 1130, 1243, 1286, 1377–1379
Винница, г. 1120
Винницкая обл., Украина 598
Винницкий почтовый тракт 597
Вирап, м., Эриванская губ. 982
Витебск, г. 235
Витебская губ. 36, 135, 149, 222, 312, 313, 1128, 1141, 1151, 1165
Вишап-нер, см. Аждага-юрт
Вишера, р. 896
Владивосток, г. 877
Владикавказ, г. 242, 983–985, 1028, 1032, 1041, 1044, 1051
Владикавказский окр., Терская обл. 987, 991, 993, 1027, 1055
Владимир, г. 41, 50, 83, 103, 116, 122, 239, 277, 1106, 1155, 1244, 1247, 1295
— Дмитриевский собор 83, 103, 1243, 1294
— Покровская церковь на Нерли 1249
— Успенский собор 1155, 1244, 1247
— Успенская церковь Рождественского мон. 1249
Владимир-Волынский, г. 177, 184, 210, 303, 1049, 1273, 1397
— Успенский Мстиславов храм 177, 184, 1273, 1274
— Федоровщина, ур. 177
Владимиро-Суздальское ополье 86, 99, 1111
Владимирская губ. 81, 132, 142, 313, 1102, 1104, 1105, 1165, 1167, 1231, 1275, 1278, 1290, 1291, 1293
Владимирские курганы, Владимирская губ. 78, 81, 99, 1111
Влодава, г. 1120
Вовнигский, порог на р. Днепр 543
Водская пятина, Новгородская земля 1156
Вознесенский посад, Шуйский у., Владимирская губ. 1103
Вознесенское, с., Мариинский у., Томская губ. 863
Воймерицы, д., Боровичский у., Новгородская губ. 1150, 1153
Войска Донского (Донская) обл. 36, 120, 312, 313, 556, 563, 648, 954, 955, 1005, 1009–1012, 1049, 1052, 1123
Войсковицы, стан., Царскосельский у., Санкт-Петербургская губ. 1187, 1194
Волга, р. 320, 556, 808, 899, 909, 1109, 1114, 1132, 1159
Волгоградская обл. 1110
Волжская Болгария 882
Вологда, г. 254, 1109, 1175, 1177
Вологодская губ. 36, 42, 109, 147, 183, 208, 313, 344, 636, 1099, 1191, 1195, 1241, 1331
Волосово, д., Царскосельский у., Петроградская губ. 796
Волхов, р. 796, 805, 1093, 1135, 1196
Волчанский у., Харьковская губ. 1165
Волынская губ. 36, 175, 182, 184, 185, 226, 278, 292, 312, 313, 575, 581, 598, 796, 797
Вольмарский у., Лифляндская губ. 1143
Вольное, с., Лабинский отд., Кубанская обл. 1123

Вопь, р. 1167
Ворнакский мог., Эриванская губ. 927, 846, 960
Ворона, мыза, Глуховский у., Черниговская губ. 1173
Воронеж, г. 73, 285, 633
Воронежская губ. 147, 238, 309, 312, 313, 632, 823, 1165
Воронец, мон. св. вмч. Георгия, Буковина 37, 1240
Вороновка-Куцеволовка, с., Верхнеднепровский у., Екатеринославская губ. 1333, 1334
Ворскла, р. 596
Воскресенка (Воскресенск), с., Екатеринославская губ. 81
Выг-озеро 791
Высоцкое, с., Ставропольская губ. 1023
Высочице, с., Меховский у., Келецкая губ. 1373
— Церковь свт. Николая 1373–1375
Вытегра, г. 791
Вычегда, р. 790, 914
Вышевичи, м., Волынская губ. 1120
Вяземский у., Смоленская губ. 1163
Вязовская вол., Великолукский у., Псковская губ. 1107, 1108
Вятка, г. 251, 790, 791, 917
Вятка, р. 790
Вятская губ. 32, 36, 42, 109, 183, 250, 305, 311–314, 344, 790, 791, 900, 909, 1141

Гагры, г. 926, 953
Гайманова Могила, курган, Васильевский р-н, Запорожская обл.,Украина 623
Галиат, с., Владикавказский окр., Терская обл. 938, 984, 990–992
Галиция 269, 301
Гамбург, г. 108, 110
Гарни, древний г. 959, 967, 968
Гатлукай, с., Кубанская обл. 262
Гдов, г. 1186, 1252
Гдовский у., Санкт-Петербургская губ. 1156, 1187, 1193, 1195, 1197
Гегамские горы 964, 965
Гелатский мон., Грузия 1044
Геленджик, г. 955, 1004
Гельсингфорс (Хельсинки), г. 174, 849, 863, 1073, 1075
Геническ, г. 557
Гераклейский п-ов 339, 816
Гераклея (Гераклий), древнее поселение 491
Герат, г.
Геремесий (Гермесов, Гермесий), х., Екатеринославский у. 541, 543–545
Геркуланум, древний г. 90, 143
Германия 110, 175, 208, 209, 211, 255, 286, 287, 291, 296, 298, 733, 737, 786, 822, 831, 1095, 1096, 1370, 1413
Гермонасса, древний г. 388, 399, 408, 503, 524
Геттинген, г. 143
Гизель-дон, р. 1032
Гисарлык, древний г. 162
Глдани (Глдань), сел., Тифлисский у., Тифлисская губ. 971
Глумичи, с., Новоградволынский у., Волынская губ. 796, 797
Глуховский у., Черниговская губ. 1173
Гляденовское костище, Пермский у. 907, 911–913
Гнездово, д., Смоленский у. 1165, 1167, 1169, 1171–1174
Гниловская, ст., Войска Донского обл. 1008
Годлик, р. 953, 954
Голицыно, с., Елизаветпольский у. 971
Головки, с., Киевская губ. 1120
Гонцы, с., Лубенский у., Полтавская губ. 819
Горадис, сел., Джабраильский у., Елизаветпольская губ. 973
Горбуновский торфяник, Екатеринбургский у., Пермская губ. 916
Горбунята, мог., Кунгурский у., Пермская губ. 909
Горгиппия, древний г. 490, 491
Гори, г. 946
Горийский у., Тифлисская губ. 990, 993
Городище, с., Новгородский у. 1305, 1430
Городск, с., Киевская губ. 1120
Горы, ус., Новгородская губ. 1158
Горынь, р. 1120
Горячеводская, ст., Пятигорский окр., Терская обл. 998
Гостогаевская, ст., Таманский отд., Кубанская обл. 434
Готланд, о-в 718
Гочево, д., Обоянский у., Курская губ. 1106, 1179
Греми, сел., Сигнахский у., Тифлисская губ. 944, 945
Греция 37, 50, 118, 274, 286, 301, 302, 445, 446, 450, 461, 500, 566, 568, 583, 728
Грихново, д., Великолукский у., Псковская губ. 1093, 1107, 1108
Гришкова (Гришкино), д., Устюженский у., Новгородская губ. 1198, 1430
Гродненская губ. 36, 222, 226, 312, 806, 1125–1128, 1183, 1184, 1191, 1352, 1353
Гродно, г. 244, 1149, 1237
— Борисоглебская (Коложская) церковь 1348–1350
Грозненский окр., Терская обл. 987, 993
Грозный, г. 983, 985, 1044
Грубск, с., Сквирский у., Киевская губ. 1120
Грудята, д., Пермская губ. 910
Грузия 37, 307, 922, 937, 939, 944, 946, 949, 981, 1044, 1045, 1382
Губская, ст., Майкопский отд., Кубанская обл. 1020
Гулыджан (Кулиджан), с., Александропольский у., Эриванская губ. 982

Гуморы (Хуморы), мон. Успения Богородицы, Буковина 37, 1240
Гунделен, сел., Нальчикский окр., Терская обл. 944
Гурзуф, с., Ялтинский у., Таврическая губ. 1160
Гурийская, ст., Кубанская обл. 1023
Гурия, м., Тифлисская губ. 306
Гурьевский завод, Томская губ. 882
Гюлистан, г. 922, 1110
Гюляфлю, с., Шушинский у., Елизаветпольская губ. 971
Гяур-Кабристани, м., Мервский у., Закаспийская обл. 1073
Гяур-Кала, цитадель Мерва, Мервский у., Закаспийская обл. 1084

Дагестан 922, 929, 931, 939, 1030, 1031, 1042, 1044
Дагестанская обл. 926, 982
Дальние Бацики, д., Бельский у., Гродненская губ. 1183
Дания 286, 786, 788
Дарданеллы, пролив 731
Даурия, м., Забайкальская обл. 789, 836
Дашалти, сел., Елизаветпольская губ. 975
Двин (Дувин), м., Александропольский у., Эриванская губ. 958–961, 964, 982, 1045
Двина Западная, р. 1129
Двина Северная, р. 208, 1332
Девичья, д., Великолукский у., Псковская губ. 1108
Девичья гора, м., Таврическая губ. 775
Дворниково, д., Мариинский у., Томская губ. 863
Деев курган, Мелитопольский у., Таврическая губ. 254, 640–642
Демянский у., Новгородская губ. 1159
Дербент, г. 921, 931
Деревская пятина, Новгородская земля 1159
Дерпт, г. 118, 136, 160, 186, 256, 286, 296, 444, 459, 1126
Десна, р. 1132
Дешлагар, сел., Дагестанская обл. 931
Джакульская (Чаа-хольская) долина 874
Джаникент (Джанкент), древний г. 131, 1058
Джаркенд (Джонкент, Джанкент, Джаркент), г. 1063
Джаркендский (Джанкентский, Джаркентский) у., Семиреченская обл. 1063, 1083
Джатасский мог., Минусинский окр. 847
Джебраильский у., Елизаветпольская губ. 971, 974
Джеванширский у., Елизаветпольская губ. 971, 974
Джейраховское ущелье, Владикавказский окр., Терская обл. 987, 991, 992
Джигинка см. Михаэльсфельд
Джулек, укрепление, Сырдарьинская обл. 1060
Дженда, г. 1060
Джумаши, мон., Грузия 306
Дивное, с., Ставропольская губ. 1028, 1030
Дигория 987, 992,
Дижон, г. 143
Динабургский у., Витебская губ. 1141
Диоскурия (Диоскуриада), колония 951
Дмитриев, г. 614
Дмитриевское, с., Аулиеатинский у., Сырдарьинская обл. 1073
Дмитриевское, с., Пишпекский у., Семиреченская обл. 1088
Днепр, р. 101, 183, 279, 331, 540, 543, 552–554, 590–592, 594, 596, 611, 636, 665, 719, 1118, 1120, 1132, 1136, 1170
Днепровские пороги, Екатеринославский у. 331, 543, 617, 719
Днепропетровская обл., Украина 592
Днестр, р. 36, 596, 1149
Дно, стан., Порховский у., Псковская губ. 1157
Долгое, оз., Виленская губ. 357
Дон (в древности — Танаис), р. 42, 104, 183, 248, 420, 524, 556, 629, 1046
Донец, р. 1011
Донецкое городище, Харьковская губ. 1165, 1168
Донифарс, с., Владикавказский окр., Терская обл. 989
Драгомирны, мон. Сошествия Св. Духа, Буковина 37, 1240
Дранкис, ус., Вольмарский у., Лифляндская губ. 1143
Дрисса, р. 149
Дрогичин Надбужский, г. 46, 794, 1123–1125, 1128, 1184, 1192
Дубно, мест., Кременецкий у., Волынская губ. 1120
Дубовское городище, Астраханская губ. 1113
Дубовый Рынок, мыс, Таманский п-ов 365, 386, 409
Дубровка, д., Калужская губ. 1132
Дудрипш, гора, Кутаисская губ. 952–953
Дулицкое, с., Киевская губ. 133
Думная гора, Енисейская губ. 851
Дурмен, кишлак, Ташкентский у., Сырдарьинская обл. 1070
Духовщинский у., Смоленская губ. 1165
Дыг, сел., Зангезурский у., Елизаветпольская губ. 971, 975
Дыргджын, сел., Тифлисская губ. 992
Дьяково, с., Московский у. 186
— Церковь св. Иоанна Предтечи 186

Евлах, стан., Елизаветпольская губ. 974
Евпаторийский у., Таврическая губ. 312, 637
Евпатория, г. 36, 103, 340, 779–782
Евразия 360

Европа 12, 38, 40, 85, 88, 90, 91, 102, 106, 110, 125, 164, 583, 788, 793, 834, 896, 921, 1054, 1153, 1206, 1216, 1348, 1397
— Восточная 66, 82, 150, 308, 332, 635, 653, 694, 716, 910, 1116–1118, 1141, 1165, 1198
— Западная 7, 279, 294, 749, 787, 830, 937, 1095
Египет 81, 175, 299, 445, 450
Едимоново, с., Корчевский у., Тверская губ. 1327
Ейский отд., Кубанская обл. 1010
Екатеринбургский у., Пермская губ. 312, 796, 800–803, 863, 915
Екатериновка, с., Осиновский у., Пермская губ. 917, 919
Екатеринодар, г. 261, 440, 506, 513, 527, 569, 1015
Екатеринослав, г. 152, 543, 546
Екатеринославская губ. 41, 81, 98, 99, 114, 120, 135, 147, 158, 282, 309, 312, 313, 315, 538, 541, 542, 546, 554, 596, 609, 613, 617, 1097, 1165, 1333
Екатеринославский у., Екатеринославская губ. 539, 541, 546, 550
Елабуга, г. 11, 791
Елевферия (Эвферий), св., о-в 694, 719
Еленендорф, колония, Елизаветпольская губ. 971, 1030
Елизаветград (Елисаветград), г. 538, 1009
Елизаветградский (Елисаветградский) у., Херсонская губ.
Елизаветинская, ст., Кубанская обл. 636, 647, 648, 1023
Елизаветовская, ст., Ростовский окр., Войска Донского обл. 629, 955, 1047
Елизаветовское городище, Войска Донского обл. 254, 420, 524, 1046
Елизаветополь (Гянджа), г. 309
Елизаветпольская (Елисаветпольская) губ. 312, 313, 926, 970, 971, 973, 974, 981, 1031, 1034, 1035, 1037
Ельнинский у., Смоленская губ. 1132
Еманаевское городище, Вятская губ. 900
Еникале (Ени-Кале), крепость, Таврическая губ. 357, 421, 427, 433, 491, 502, 649
Енисей, р. 795, 804, 835, 842, 849, 850, 856, 871, 873
Енисейск, г. 877
Енисейская губ. 278, 312, 313, 799, 833, 847, 854, 857–860, 863, 878, 880, 883
Ессентуки, г. 1001
Ессентукская, ст., Александровский у., Ставропольская губ. 998

Жаботин, с., Черкасский у., Киевская губ. 588–590
Жареный бугор, городище, Астраханская губ. 1112
Житомир, г. 576, 579, 581, 598, 1118, 1119
Житомирский у., Волынская губ. 1120
Жуковка, д., Калужская губ. 1132

Забайкальск, г. 877
Забайкальская обл. (Забайкалье) 312, 833, 834, 868, 869–871, 877, 878, 883, 884
Закавказье 36, 131, 162, 253, 282, 287, 823, 830, 922, 926, 927, 937, 939, 949, 954, 958, 961, 964, 966, 978, 982, 1037, 1038, 1053–1055, 1330
Закан-Юрт, аул, Грозненский окр., Терская обл. 985
Закаспийская обл. (край) 280, 285, 308, 1059, 1072, 1073, 1078, 1080, 1088
Заколпье, с., Меленковский у., Владимирская губ. 1165, 1167
Залахтовье, д., Гдовский у., Санкт-Петербургская губ. 1186, 1187, 1193
Замораевское (Замараевское), с., Шадринский у., Пермская губ. 902
Замошье, д., Лужский у., Санкт-Петербургская губ. 1181–1187
Замошье, д., Псковский у. 1181
Зангезурский у., Елизаветпольская губ. 971
Зарадятский мог., Соликамский у., Пермская губ. 911
Зарайск, г. 1108, 1237, 1243
Зарушад, м., Эриванская губ. 971
Зауралье, Зауральская степь 895, 1058
Званка, ст., Новоладожский у., Санкт-Петербургская губ. 1196
Звенигородский у., Киевская губ. 265, 576, 578, 579
Зверовическая вол., Краснинский у., Смоленская губ. 140
Зекари, с., Тифлисская губ. 991
Зеленский курган (Зеленская гора), Таманский п-ов, Кубанская обл. 514–516, 525, 623
Зеленчук, р. 1023
Зеленчукское ущелье 949, 950, 1330
— Александро-Афонская пустынь 1329
Зенонов Херсонес, городище, Таврическая губ. 491
Зеравшан, р. 1056, 1060, 1077
Зерты, сел., Елизаветпольская губ. 975
Зерцало, с., Мариинский у., Томская губ. 863
Зимно, с. и мон., Владимир-Волынский у., Волынская губ. 1150
Златоуст, г. 233
Змеиная пещера, Крым 803
Змеиногорский у., Томская губ. 858
Змеиный Городок, мыс, Керченский п-ов 436, 485, 486, 649
Змеиный залив, Керченский п-ов 483, 485–487
Змеиный курган, в западной части хребта Юз-Оба, Керченский п-ов 423
Знаменка, с., Екатеринославский у. 610, 614, 640

Знаменское, с., Минусинский у., Енисейская губ. 849
Зобачева, д., Пермская губ. 910
Золотая Орда 78, 104–106, 254, 288, 1114
Золотоношский у., Полтавская губ. 590
Зубова, х., Кавказский отд., Кубанская обл. 262
Зугдидский у., Кутаисская губ. 951
Зуевский мог., Сарапульский у., Вятская губ. 909
Зюк, мыс, Керченский п-ов 489, 491

Ивангород, г. 1241
Игуменский у., Минская губ. 1129
Изборск, г. 1237, 1256, 1257
Или, р. 1083
Илийская долина, Аулиеатинский у., Сырдарьинская обл. 1083
Илимск, г. 36
Илурат, древний г. 370, 418
Ильинское, с., Пермский у. 897, 898, 910, 916
Ильинское, с., Херсонская губ. 654, 656
Ильмень, оз. 803
Ильская, ст., Кубанская обл. 827, 828
Имеретинская (Грузино-Имеретинская) губ. 307, 312, 949
Имирзех (Имирзек), ур., Эриванская губ. 966
Ингулец, р. 538, 665
Ингури, р. 959
Инкерман, древний г. и крепость 133, 281
Иолатанский, оазис, Тедженский у., Закаспийская обл. 1072
Иония, обл. 733
Иран 285, 683, 880, 922, 937
Ирбитское городище, Пермская губ. 896
Иркутск, г. 233, 306, 817, 827, 845, 853, 873
Иркутская губ. 856, 1241
Ирландия 788
Ирпень, р. 1118, 1120, 1229
Иртыш, р. 878, 880, 914
Исаковский (Исаково), п., Челябинский у., Оренбургская губ.
Исеть, оз. 863
Искор, с. и городище, Чердынский у., Пермская губ. 896, 906
Искорость (Искоростень), м., Волынская губ. 823–827, 1120, 1230
Испания 91, 297, 831
Иссык-Куль, оз. 1064, 1083,
Истяцкие Юрты, с., Тобольская губ. 880
Итака, о-в 162
Италия 37, 82, 88, 90, 115, 166, 175, 200, 208, 273, 274, 286, 291, 292, 450, 452, 788
Ишим, г. 306

Кабарда 923, 949, 987, 992, 993, 998, 1004
Кавказ 14, 35, 36, 38, 44, 46, 77, 102, 131, 162, 179, 186, 224, 226, 254, 289, 306, 307, 331, 573, 581–584, 636, 648, 806, 826, 921–1055, 1241, 1381, 1403
— Западный 574, 923, 959, 1004, 1054
— Северный 36, 253, 921, 922, 926, 937, 955, 963, 998, 1002, 1011, 1020, 1032, 1046, 1052
— Северо-Западный 923, 955, 1014, 1054
— Центральный 987, 994, 995, 1051, 1054
— Южный 958, 978, 981, 1044
Кавказская, ст., Кавказский отд., Кубанская обл. 1021
Кавказское побережье 382, 922, 931, 954, 1004, 1031, 1033
Казалинск, г. 1058
Казанская губ. 312, 1115
Казанская, ст., Кубанская обл. 1024
Казань, г. 36, 85, 152, 278, 873, 897, 1167, 1243
Казачья бухта, Севастопольский у., Таврическая губ. 756
Казачья Лопань, с., Харьковский у. 610, 611
Казбек, стан., Тифлисская губ. 938, 986
Казека, древнее поселение 422, 428
Казмалар, сел., Закатальский окр. 1029, 1031
Каинский у., Томская губ. 849, 866
Каир, г. 273, 302, 526
Кайсын, сел., Владикавказский окр., Терская обл. 993
Кала-тапа (тепе), курган, Елизаветпольская губ. 971–975
Каллахта, с., Владикавказский окр., Терская обл. 1027
Кайчак, д., Мариинский у., Томская губ. 863
Калечье-Поле, д., Виленская губ. 353
Калужская губ. 1132–1134, 1286
Кальник, д., Липовецкий у., Киевская губ. 1122
Кама, р. 790, 791, 895, 896, 899, 901, 902, 908, 909, 910, 913, 914
Каменец-Литовск (Каменец-Литовский), г. 1125, 1352, 1354
— Белая вежа 1352, 1353
Каменец-Подольский, г. 826, 1354, 1355, 1357, 1358
Каменецкий (Каменец-Подольский) у., Подольская губ. 1239, 1328
Каменно-Каширск, с., Волынская губ. 580
Каменско-Никопольская переправа 592
Камень Писаный, скала на р. Вишера, Пермская губ. 896
Камунта, с., Владикавказский окр., Терская обл. 936, 938, 990, 991, 1027
Камышовская, ст., Войска Донского обл. 564
Канглы, аул, Ставропольская губ. 998
Кандия (Ираклион), г., о-в Крит 152
Канея (Ханья), г., о-в Крит 152
Кара-Агач, ур., Акмолинский у., Акмолинская обл. 36, 1087
Карабалгасун, городище, Монголия 843
Карабах 922, 971

Карабетова гора, ур., Таманский п-ов 431, 512
Карабулак, сел., Елизаветпольская губ. 973
Кара-Бурун, мыс, Керченский п-ов 406
Карагодеуашх, курган у ст. Крымская, Кубанская обл. 280, 282, 564–574, 958
Кара-Киат, имение, Таврическая губ. 602
Каракулин (Каркакулин), д., Казанский у. 901, 902
Карантинная балка, Севастопольский у., Таврическая губ. 758
Карантинная бухта, Севастопольский у., Таврическая губ. 759, 775, 779
Карантинное, с., Астраханская губ. 1112
Кара-Холь, оз. 835
Карачаево-Черкесия 955, 1022
Карачай, Северо-Кавказский регион 923
Карачарово, с., Муромский у., Владимирская губ. 819, 826, 827, 828
Каргополь, г. 791
Каргопольский у., Олонецкая губ. 791, 792, 1131, 1421
Карелия 784, 1431
Каркара, р. 835
Каркарчай, р. 971, 973
Карлсруэ, г. 158, 160
Кармир-берд, с., Эриванская губ. 978, 981
Карповка, с., Сочинский окр., Черноморский губ. 954
Каррас, сел., Пятигорский отд., Терская обл. 1004
Карсская обл. 926, 958, 959, 961, 971, 982
Карталинское ущелье 993
Карт-Джурт, аул, Баталпашинский отд., Кубанская обл. 1052
Карымская, д., Красноярский у., Енисейская губ. 858, 883
Касан, древний г. 307
Касимов, г. 236
Каспийское море 253
Катанда (Катандинская), д., Бийский у., Томская губ. 836
Катанда, р. 836
Катунь, р. 835
Кафтарлу, с., Эриванская губ. 960
Кафтино, оз. 1159
Кахетия 922, 945
Каякент (Кая-Кент), стан., Дагестанская обл. 993
Кварели, сел., Сигнахский у., Тифлисская губ. 944, 945
Кексгольмские мог., Кексгольмский у., Выборгская губ. 1175
Келасури, сел., Сухумский окр., Кутаисская губ. 944, 952
Келермесская (Келермес), ст., Майкопский отд., Кубанская обл. 533, 987, 1021, 1023, 1039–1041, 1422
Келецкая губ. 341, 342, 1373–1375
Кембридж, г. 143
Кемский у., Архангельская губ. 344
Кемь, г. 812
Кепы, городище, Таманский п-ов 524, 525
Керки (Атамурат), г. 1072
Керкинитида, древний г. 708
Керченский п-ов 76, 112, 128
Керчь, г. 14, 36, 41, 42, 47, 48, 75, 76, 79, 80, 87, 103, 110–115, 128, 145, 158, 162, 182, 256, 260, 262, 277, 283, 305, 311, 320, 336, 354–536, 539, 550, 556, 561–564, 583, 648, 655, 658, 664, 668, 691, 753, 757, 1014, 1033, 1048, 1097, 1198, 1295, 1387, 1418, 1420, 1450
— Аджимушкайская ул. 483, 649
— Анфестерия склеп 401
— Арестантские казармы 381, 427, 438
— Босфорская ул. 411
— Булганак, с. 427
— Глинище, район г. 381, 426, 427, 450, 488, 497
— Госпитальная ул. 498, 499, 531
— Деметры склеп 48, 467, 505
— Джарджава, сел. 427, 430
— Езерского сад 527
— Завод Зидорфа 461
— Змеиный мыс 436, 486, 648
— Золотой курган 357, 397, 421, 425, 426, 485, 500, 510, 524
— Институтская ул. 428
— Капканы, с. 432, 483, 486, 487, 502, 649
— Карантинная слободка 381, 431, 436, 453, 460, 477, 502
— Карантинное шоссе 464, 501
— Кара-Оба, курган 360, 362, 365, 366, 375, 428, 563
— Катерлес, сел. 427, 430, 436
— Копрома, сел. 428
— Львиный курган 464–466
— Мама́, сел. 489, 490
— Мелек-Чесменский курган 259, 269, 274, 459
— Мелек-Чесма, р. 427
— Мирзы Кекуватского земли, курган 482
— Митридат, гора 75, 76, 256, 259, 360, 370, 381, 401, 410–417, 421, 423–427, 430, 431, 437, 450, 451, 453, 456, 457, 459, 470–473, 476, 482, 483, 486, 488, 492, 494, 497, 498–505, 520, 521, 526, 535
— Новый карантин, м. 417, 427, 431, 436, 453, 459, 479, 482, 501, 523
— Павловича дача 460
— Павловская батарея 357, 372, 380
— Патиниоти курган 623
— Первая Подгорная ул. 500
— Собачий курган 462
— Сорака склеп 487
— Такиль, мыс 428
— Татарская слободка, сел.

— Темир-гора, курган 401, 402, 418–422, 436, 503, 561–563
— Тиритакский вал 481
— Тюркмен, сел. 428
— Царский курган 42, 146, 182, 257, 371, 397, 405, 406, 447–449, 456, 494, 495, 506, 507
— Церковь св. кн. Александра Невского 412, 413, 521
— Церковь св. Иоанна Предтечи 1295–1296
— Церковь Покрова Божией Матери 518
— Чернявского сад 488
— Шлагбаумская ул. 498
— Эспланадная ул. 505
Кидомля, с., Бежецкий у., Тверская губ. 142
Киев, г. 31, 50, 68, 81, 86, 117, 138, 144, 152, 174, 176, 213, 215, 219, 220, 236, 283, 286, 294, 300, 305, 332, 550, 576, 594–598, 609, 669, 690, 801, 807, 819, 820, 824, 826, 827, 1004, 1118, 1120, 1122, 1130, 1161, 1167, 1200, 1202–1236, 1285, 1322, 1359, 1418, 1432
— Алексеевская ул. 176
— Большая Житомирская ул. 138
— Бусловское урочище 1361
— Владимирская ул. 1212, 1213
— Вознесенский спуск 1122
— Георгиевская ул. 1211
— Десятинный пер. 1213
— Киево-Печерская Лавра 1213, 1245, 1249, 1358–1362
— Кирилловская ул. 803, 819
— Кирилловская церковь 175, 176
— Кияновский спуск 1122
— Митрополитанская ус. 1211, 1214, 1215, 1219, 1221, 1223
— Михайловский Златоверхий мон. 176, 1167, 1322
— Подол 819
— Собор св. кн. Владимира 1212
— Софийский собор 117, 174, 215, 1235
— Старокиевская гора 332 , 1211
— Стрелецкая ул. 1211
Усадьбы
— Белянкина ус. 1217
— Петровского М.М. ус. 1203, 1226–1229
— Зивала (Зивеля) ус. 803
— Крестьянского поземельного банка ус. 1211, 1212, 1219, 1221
— Новицкой ус. 1211, 1219
— Трубецкого ус. 1211, 1219
— Церковь Богородицы Десятинной 213, 332, 1202–1236
— Церковь Спаса на Берестове 36, 147, 210, 1213, 1230, 1237, 1285, 1359, 1360
— Церковь Трех Святителей 1205
Киевская губ. 36, 180, 292, 311–313, 546, 575–578, 584, 587, 649, 1108, 1109, 1121, 1122, 1135, 1241, 1406
Киевский у., Киевская губ. 265, 1120
Киевское Полесье 45, 1118
Кижская вол., Петрозаводский у., Олонецкая губ. 791
Киммерик, древний г. 422
Киргизская степь 278, 834, 1062, 1064
Киргизстан 1061
Киркенида, древний г. 340
Кирсанов, г. 150
Кисанта, р. 994
Кисловодск, г. 987, 1001, 1403, 1411
Кисловодская, ст., Пятигорский отд., Терская обл. 1004
Киснема, д., Белозерский у., Новгородская губ. 1097
Китей, древний г. 370, 422
Кишинев, г. 241
Кленники, д., Минская губ. 1129
Клюково, д., Бельский у., Гродненская губ. 1183
Клязьма, р. 84
Кносс, м., о-в Крит 1216
Княжа Гора (Княжья Гора), городище, Демянский у., Новгородская губ. 1159
Княжполь, с., Каменецкий у., Подольская губ. 1239, 1327
Кобань (Кобан), сел. и р., Владикавказский окр., Терская обл. 932, 938, 983–992, 1032, 1033
Коблев, м., Одесский у., Херсонская губ. 665
Ковель, г. 580
Ковельский у., Волынская губ. 580
Ковенская губ. 132, 147, 226, 240, 313, 1126–1128, 1239, 1241
Ковшич, д., Краснинский у., Смоленская губ. 140
Козел (Новоалександровская Могила), курган, Мелитопольский у., Таврическая губ. 552, 553
Козельская Введенская пустынь, Калужская губ. 149
Козлики, д., Бельский у., Гродненская губ. 1183
Коканд, г. 1078, 1080
Кокандский у., Ферганская обл. 1056
Кокшенгская вол., Тотемский у., Вологодская губ. 1109
Кола, г., Кутаисская губ. 944, 945
Колва, р. 903, 905, 907
Колодистое, с., Звенигородский у., Киевская губ. 265
Колодня, д., Смоленская губ. 1169
Колодькова могила, курган, Таманский п-ов 513
Коломенский у., Московская губ. 142, 1107
Коломенское, с., Московский у. 1237
Коломна, г. 33, 143, 1243
Коломцы, ур., Новгородский у. 309, 804–806
Колыванский у., Томская губ. 859

Кольский у., Архангельская губ. 344
Комарова гора, ур., Люцинский у., Витебская губ. 1141
Константиновская колония, Пятигорский отд., Терская обл. 933, 998
Константиновская, ст., Лабинский отд., Кубанская обл. 1011
Константинополь (Стамбул), г. 274, 303, 305, 697, 1421
Концепольских замок, м. Русец, Лаский у., Петраковская губ. 1376, 1378
Копал, г., Семиреченская обл. 1062, 1063
Копальский у., Семиреченская обл. 1063
Копенгаген, г. 108, 109, 143, 291, 787, 791, 1153
Копены, с., Минусинский у., Енисейская губ. 855–858
Кореиз, с., Таврическая губ. 321
Корея 1432
Корокондама, древний г. 524, 525
Коростыево, с., Киевская губ. 1120
Короткова, д., Шадринский у., Пермская губ. 902
Корца, с., Владикавказский окр., Терская обл. 993
Корчевский у., Тверская губ. 1327
Костенки, с., Воронежский у., Воронежская губ. 817, 823, 826–829, 831
Кострома, г. 36, 51, 236, 1210, 1212, 1221, 1237, 1247
— Богоявленский собор 154, 1246
— Ипатьевский мон. 51, 213, 1332
— Кресто-Воздвиженский Анастасьинский женский мон. 1247
— Русинная ул. 1336
— «Старый Двор», гостиница 1336
— Троицкий собор Ипатьевского мон. 1335
Костромская губ. 293, 313, 344, 801, 1208, 1241, 1328
Костромская, ст., Майкопский отд., Кубанская обл. 254, 1020–1024, 1049
Котельни, с., Житомирский у., Волынская губ. 1120
Котельнический у., Вятская губ. 796
Кочкорская долина, Пишпекский у., Семиреченская обл. 1063, 1090
Кошарка (Юзефовка), с., Чигиринский у., Киевская губ. 650
Кошелевка, д., Пермская губ. 919, 920
Кошо-Цайдам, м., Монголия 843
Краганы, с., Киевская губ. 1120
Краков, г. 575–580, 1373, 1378
Краснинский у., Смоленская губ. 140
Красноалександровский, аул, Сочинский окр., Черноморская губ. 953
Красное, с., Владимирская губ. 1106
Краснокутская, ст. и курган, Екатеринославская губ. 546, 653
Красноярск, г. 306, 819, 836, 842, 843, 853, 858, 859, 863, 877, 880
Красноярский у. (окр.), Енисейская губ. 312, 819, 853, 854, 858, 859, 877, 878, 883
Кременец, г. 1120
Кременецкий у., Волынская губ. 1358
Крестецкий у., Новгородская губ. 1175
Кривое, оз., Виленская губ. 353
Крит, о-в 152
Кротенко, х., Таманский п-ов 503, 504, 512, 523–525
Крохинский посад, Новгородская губ. 1097
Круглолесское, с., Ставропольская губ. 1030
Крым, п-ов 12, 35–38, 50, 77, 80, 133, 153, 239, 250, 275, 281, 306, 307, 339, 415, 482, 492, 534, 584, 602, 613, 747, 781, 785, 803, 816, 819, 826, 921, 1045, 1051, 1161, 1234, 1243, 1385, 1388–1394
— Крым Восточный 75, 131, 369, 380, 422, 432, 490, 750
Крымск, г. 568
Крымская, ст., Таманский отд., Кубанская обл. 564, 570, 572, 958, 1015
Кубанская обл., Кубань 36, 71, 103, 131, 158, 254, 261, 308, 312–314, 320, 382, 455, 526, 557, 569–573, 632, 636, 647, 648, 921, 923, 926, 937, 955, 958, 987, 995, 997, 999, 1000, 1004, 1011, 1014, 1020, 1023, 1025, 1031, 1039, 1041, 1046–1051, 1406
Кубань, р. 469, 477, 558, 956, 958, 1014, 1022, 1031
Кужорская (Кужарская), ст., Майкопский отд., Кубанская обл. 1023
Кузнецк, г. 846
Кузнецкий у. (окр.), Томская губ. 846
Кулиджан, с., Александропольский у., Эриванская губ. 982
Кулики, аул, Ставропольская губ. 1023
Кулундинская степь, Семипалатинская обл. 835
Куль-Оба, курган, Таврическая губ. 76, 357, 403, 422, 424, 482, 525, 568, 623
Куль-Тепе (Культепе), городище, Таврическая губ. 422
Куляры, аул, Грозненский окр., Терская обл. 985
Кумбулта, с. и мог., Владикавказский окр., Терская обл. 933–935, 992
Кумылжинская, ст., Войска Донского обл. 564
Кунград, г. 1058
Кунгур, г. 909
Кунгурский у., Пермская губ. 909, 910
Куота, р. 953
Кураминский у., Сырдарьинская обл. 307, 1065
Курган, г. 863
Курджипс, р. 1014
Курджипский курган, Кубанская обл. 653
Курляндская губ. 226, 312, 1142–1145, 1239, 1241, 1349
Курск, г. 554, 1179

Курская губ. 36, 132, 269, 313, 554, 610, 614, 801, 1106, 1123, 1286
Куртинка, р. 1063
Куртинская вол., Верненский у., Семиреченская обл. 1063
Кустанайский у., Тургайская обл. 1090
Кутаисская губ. 312, 313, 926, 944, 951, 958, 1026, 1037, 1043
Кущи-Дамарчи, с., Шаруро-Даралагезский у., Эриванская губ. 971
Кызыл, г. 872
Кызыл-Агач, р. 1062
Кызыл-Агач, ур., Копальский у., Семиреченская обл. 1062
Кызыл-Куль, оз. 852, 853
Кюль-тепе, телль у г. Нахичевань, Эриванская губ. 978

Лабрис, древний г. 409
Ладожское оз. 796, 807
Лазаревское, сел., Сочинский окр., Черноморская губ. 953
Лаский у., Петраковская губ. 1376, 1378
Ласпинская бухта, Крым 340
Латвия 1377
Лац, с., Владикавказский округ, Терская обл. 933, 991, 993, 1027
Лебединка, с., Пишпекский у., Семиреченская обл. 1064, 1088
Лезгур (Лезгор), с. и мог., Владикавказский округ, Терская обл. 989, 990, 991
Лейден, г. 106
Лейпциг, г. 106, 118, 143, 209, 255, 1126
Лемешов курган, Екатеринославский у. 636
Леоново, д., Калужская губ. 1132, 1134
Лепельский у., Витебская губ. 1165
Лиахва, р. 991, 993
Лидский у., Виленская губ. 1126–1128
Лион, г. 143, 983
Липовецкий у., Киевская губ. 1122
Литой курган (Литая могила), Екатеринославская губ. 538
— Мельгуновский клад 538
Литва 278, 308, 795, 1127, 1128, 1349, 1377
Лифляндская губ. 226, 1142, 1143
Лихвинский у., Калужская губ. 808
Ловать, р. 1188
Ловницы, д., Валдайский у., Новгородская губ. 1186
Логойск, г. 1130
Лодейнопольский у., Олонецкая губ. 1331
Лодзь, г. 65
Ломжинская губ. 1125, 1370, 1372
Ломоватовка, р. 910
Лондон, г. 51, 106, 143, 293, 297, 303, 504, 526, 733, 1153
Луга, р. 1156
Лужский у., Санкт-Петербургская губ. 51, 238, 353, 1175, 1178, 1181–1190, 1197
Лунд, г. 787
Луцк, г. 1120, 1416
Лысая Гора, с., Екатеринославская губ. 592
Лысая гора, Таманский п-ов 503, 507, 518, 528, 529
Лысая гора (Баралык), м., Майкопский отд., Кубанская обл. 1023
Львов, г. 1378
Люблин, г. 37, 1361
— Тюремный замок 50, 66, 1238, 1362
Люблинская губ. 313, 1364, 1365
Людвиковский мог., Динабургский у., Витебская губ. 1141
Лудз (Лудза), с., Люцинский у., Витебская губ. 1141
Люцинский мог., Люцинский у., Витебская губ. 47, 222, 1141
Лядинский мог., Тамбовская губ. 150, 151, 1141
Ляхи, д., Бельский у., Гродненская губ. 1183, 1191

Магас, древний г., Баталпашинский отд., Кубанская обл. 950
Маджары, древний г. 921, 1031, 1033, 1110
Мазар, с., Верненский у., Семиреченская обл. 1063
Майкоп, г. 262, 1015, 1020, 1021, 1023, 1030, 1039, 1040
Майкопский курган, Майкопский отд., Кубанская обл. 254, 261, 987, 1019–1021, 1023, 1053
Майкопский отд., Кубанская обл. 1014, 1023–1025, 1049, 1051
Майэмир, р. 856, 857
Макарова, д., Мариинский у., Томская губ. 863
Македония 37, 500
Максимова, д., Шадринский у., Пермская губ. 902
Малая Азия 274, 278, 294, 733, 741, 937
Малая Аникова, д., Чердынский у., Пермская губ. 903–907
Малая Близница, курган на Тамани 374, 381, 387, 393, 400, 421, 431, 507, 510–512, 561
Малая Кабарда, м., Терская обл. 993
Малая Киргизка, р. 812
Малая Лепетиха, с., Екатеринославский у. 636
Малка, р. 993
Малмыжский у., Вятская губ. 314
Мало-Немнюжский приход, Архангельская губ. 1331
Малый Удрай, д., Лужский у., Санкт-Петербургская губ. 1181, 1182, 1188–1190
Мамай-кале, крепость, Сочинский отд., Черноморская губ. 954
Мамкоди, д., Тифлисский у. 971
Мангуп, древний г. 236, 255, 274, 614, 777, 778, 1432
Мангышлакский у., Закаспийская обл. 1088

Мараканда, древний г. 1067
Мариинская лесостепь 863
Мариинский у., Томская губ. 864
Мариупольский у., Екатеринославская губ. 613
Маркитантская гора, Таманский п-ов 431
Маркова, д., Пермская губ. 910
Мартвили, мон., Грузия 306
Марьевская, ст., Кубанская обл. 1023
Марьяновское, с., Апостоловский р-н, Днепропетровская обл. 592
Мастюгино, с., Воронежская губ. 632
Матура, р. 849
Мациорское городище, Улицкий у., Подольская губ. 1108
Маячный п-ов, Севастопольский у., Таврическая губ. 756, 775
Меана, сел., Мервский у., Закаспийская обл. 1073
Медведева, д., Великоустюжский у., Вологодская губ. 1191
Мезино, с., Кролевецкий у., Черниговская губ. 819, 826–829, 831
Меленки (Маленки), курган, Белозерский у., Новгородская губ. 1098
Мелеховская, ст., Войска Донского обл. 564
Мелитополь, г. 557, 636
Мелитопольский у., Таврическая губ. 550, 553–556, 614, 637, 640, 749
Мерв, древний г. 36, 46, 280, 285, 308, 1072, 1073, 1078, 1084, 1085, 1087
Мервский оазис, Мервский у., Закаспийская обл. 1056, 1072
Меррекюль, м., Везенбергский у., Эстляндская губ. 265, 266
Мерянская земля 1132
Месемврия (Несебр), г. 37
Мехтикенд, сел., Елизаветпольская губ. 974
Мец-Чал, мог., Елизаветпольская губ. 927
Мешхед, г. 308, 1072
Мещовский у., Калужская губ. 1132
Миасс, р. 916
Мизиново, д., Духовщинский у., Смоленская губ. 1165
Микены, древний г. 162
Милет, античный г. 328, 733, 741
Мильская степь 971, 973–975
Минино, с., Киевская губ. 1120
Миново, д., Смоленская губ. 1167
Минск, г. 1096, 1130
— Вознесенский мужской мон. 1096
— Петропавловский собор 1096
Минская губ. 36, 222, 226, 313, 1096, 1120, 1123, 1125, 1126, 1130
Минский у., Минская губ. 1129
Минусинск, г. 306, 309, 845, 849, 851, 859, 860, 871, 877
Минусинские степи 836, 843
Минусинский край (окр.) 226, 280, 309, 312, 843, 844, 847, 848, 850, 853, 857, 860, 874, 878, 883
Минусинский у., Енисейская губ. 819, 861, 874
Мирмекий, городище 370, 417–419, 433, 436, 437, 460, 477, 483, 485, 501, 502, 523, 525, 649
Миронег (Миронеги), д., Валдайский у., Новгородская губ. 1157
Миснево, д., Нерехтский у., Костромская губ. 801
Митава, г. 1142
Митино, д., Смоленская губ. 1169
Михаил Архангел, с., Новоладожский у., Санкт-Петербургская губ. 1135, 1195
Михайлово-Апостолово, с., Херсонский у. 602, 608
Михаэльсфельд, с., Кубанская обл. 469
Михейково, д., Духовщинский у., Смоленская губ. 1167
Мишкино, с., Шлиссельбургский у., Санкт-Петербургская губ. 1175
Могилев, г. 222, 1401
Могилевская губ. 202, 226, 312, 814, 1172
Могильный бугор, городище, Астраханская губ. 1113
Мозырский у., Минская губ. 1120
Молодечно, г. 353
Молоканские селения, Кубанская обл. 1032
Монголия 37, 278, 842, 843, 849, 872, 877
Мордвиновский курган, Днепровский у., Таврическая губ. 38, 1166, 1167
Мосальский у., Калужская губ. 1132
Москва, г. 11, 52, 54, 69, 72, 84, 85, 87, 99, 132, 151, 166, 169, 176, 183, 186, 208, 211, 217, 219, 236, 267, 269, 271, 291, 321, 337, 353, 481, 550, 575, 598, 608, 613,650, 659, 745, 768, 841, 845, 876, 909, 946, 958, 977, 981, 983, 987, 995, 1040, 1064, 1073, 1108, 1111, 1141, 1175, 1243, 1250, 1286, 1323–1325, 1330, 1394, 1414, 1433, 1435, 1437, 1445, 1446, 1450, 1453, 1456, 1462
— Английский клуб 1345
— Андроников мон. 1243
— Богоявленский мон. 1320
— Китай-город
— Кремль 51, 1237, 1321, 1348, 1435
— Крутицкий вертоград 1345
— Малая Дмитровка, ул. 176
— Новоспасский мон. 1243, 1326
— Собор Покровский (св. Василия Блаженного)
— Успенский собор
— Храм Христа Спасителя 1247
— Церковь свв. Андриана и Натальи
— Церковь Спаса на Бору 1321, 1347
Московия 7, 83, 272, 1132

Московская губ. 312, 1107, 1108, 1237, 1239, 1241, 1330, 1347
Мотронинское городище (городок), Чигиринский у., Киевская губ. 585, 599, 590, 596
Мошевое, д., Смоленская губ. 1196
Мощинский городец, ур., городище, Калужская губ. 1132
Мста, р. 1175
Мужи, с., Березовский у., Тобольская губ. 880, 881
Мунчак-тепе, Ташкентский у., Сырдарьинская обл. 1066
Муранка (Муранки), с. и мог., Сенгилеевский у., Симбирская губ. 1111–1113
Мургаб, р. 1072
Муром, г. 225
Мусиери, сел., Александропольский у., Эриванская губ. 935
Муслюмово, д., Шадринский у., Пермская губ. 914, 915
Мухорский залив, бухта Улан-Хада, оз. Байкал 866
Мцхет (Мцхети), г. 926, 927, 946, 948
Мысхако, д., Черноморская губ. 478, 1013
Мышайлы, оз. 863
Мышинец, пос., Остроленковский у., Ломжинская губ. 1370, 1372, 1373
Мюнхен, г. 106, 143

Накалакеви, сел., Сигнахский у., Тифлисская губ. 944
Нальчик, г. 1030
Нальчикский окр., Терская обл. 994, 995
Намданак, кишлак, Ташкентский у., Сырдарьинская обл. 1065
Нар, сел., Владикавказский окр., Терская обл. 992
Нарва, г. 1243, 1380, 1381, 1422
Нарымский край 850
Нарын, р. 1083
Нарынское укрепление, Пржевальский у., Семиреченская обл. 1063
Наушинский, п., Троицкосавский у., Забайкальская обл. 870
Нахичевань, г. 977, 978, 1026
Неаполь Скифский, древний г. 75, 81
Неаполь, г. 90
Недвиговский (Недвиговка), х. и городище, Войска Донского обл. 254, 630, 655, 1023
Некрасовская, ст., Кубанская обл. 1023
Некреси, сел., Сигнахский у., Тифлисская губ. 94, 945
Неман, р. 1129, 1351
Немира, р. 851, 860, 862
Немиров, м., Брацлавский у., Подольская губ. 596–596
Немировское (Щербатовское) городище, Брацлавский у., Подольская губ. 597, 599
Ненокский посад, Архангельский у., Архангельская губ. 808, 811, 812
Нерль, с., Владимирская губ. 1249
Нестеровская, ст., Терская обл. 992
Нижегородская губ. 212, 312, 795
Нижнее Поволжье 78, 793, 1109, 1159
Нижнее Поднепровье 128, 665
Нижнее Подонье 42, 81, 104, 524, 556, 938, 1010
Нижние Серогозы, с., Мелитопольский у., Таврическая губ. 467, 550, 614, 637, 640
Нижний Архыз, с., Баталпашинский отд., Кубанская обл. 950
Нижний Новгород, г. 211, 917, 1243
Нижняя Мулянка, р. 907, 909
Николаев, г. 75, 655, 659, 668–670, 673, 707
Николаевская, ст. (колония), Владикавказский окр., Терская обл. 933, 1004
Николаевское, оз., Терская обл. 1004
Никополь, г. 540, 546, 553, 592
Нимфей, городище, Таврическая губ. 406, 418, 422, 561
— Нимфейские курганы 404, 406
Ниса (Старая и Новая), городища, Мервский у., Закаспийская обл. 1073
Ницца, г. 1421
Новая Александрия, п., Ново-Александрийский у., Люблинская губ. 826, 827
Новая Ладога, с., Санкт-Петербургская губ. 1196
Новгород, г. 14, 207, 221, 238, 239, 275, 309, 340, 804, 805, 1004, 1093, 1101, 1158, 1197, 1208, 1237, 1316, 1430, 1432–1437
— Воскресенский мон. на Мячине оз. 1147
— Городской вал 1313
— Духовная консистория 1307, 1314, 1315
— Живоносного источника часовня 1306, 1307
— Зверин мон. 1147
— Знаменский собор 1143, 1146
— кремль (детинец) 236, 1243, 1306, 1310
— Борисо-Глебская башня 1309
— Владимирская башня 1309
— Воскресенская башня 1316
— Дворцовая башня 1308, 1309
— Живоносного источника башня 1306, 1309
— Княжая башня 1309
— Кукуй, башня 1309
— Лихудов (Лихудовский) корпус 1316, 1317
— Московский въезд 1309
— Покровская башня 1307
— Псковские ворота 1309
— Спасская башня 1306, 1309
— Николо-Дворищенский собор
— Перынь, ур. 1432
— Свято-Духовский мон. 1313
— Софийский собор 207, 264, 308, 1093, 1096, 1146–1148, 1287, 1297, 1439
— звонница Софийского собора 1309
— Церковь вмч. Феодора Стратилата 1316
— Церковь свв. Бориса и Глеба 1239

— Церковь свв. Петра и Павла в Кожевниках 1422
— Церковь Спаса на Нередице 270, 320, 340, 1297–1305
— Церковь Успения на Волотовом поле 1237, 1306
— Церковь свв. мчч. Флора и Лавра 1307
— Юрьев мон. 1302, 1305, 1307, 1308
Новгородская губ. 38, 41, 48, 135, 312, 313, 806, 814, 1140, 1150, 1157–1159, 1175, 1176, 1186, 1188, 1191, 1196–1199, 1237, 1241, 1311, 1406, 1430
Новгородский у., Новгородская губ. 805
Ново-Александровка (Новоалександровка), с., Мелитопольский у., Таврическая губ. 552
Новоград-Волынский, Новоградволынский у., Волынская губ. 801
Новодвинская крепость, Архангельская губ. 1267, 1268
Ново-Джерелиевская, ст., Таманский отд., Кубанская обл. 1023
Новолабинская (Ново-Лабинская), ст., Кубанская обл. 1021
Новоладожский у., Санкт-Петербургская губ. 1191, 1195
Ново-Михайловская, ст., Туапсинский окр., Черноморская губ. 953
Ново-Николаевка см. Шульговка
Ново-Павловка (Лысая Гора), с., Екатеринославский у., Екатеринославская губ. 592
Новоподзорная, д., Мариинский у., Томская губ. 863
Новорождествено, с., Бронницкий у., Московская губ. 1237, 1347
Новороссийск, г. 399, 479, 569, 1013
Новороссийский край 75–77, 114, 119, 281, 553, 1092, 1387
Новоселенгинский у., Забайкальская обл. 870
Новосокольники, ст., Порховский у., Псковская губ. 1157
Новочеркасск, г. и ст. 42, 314, 556, 564, 1005, 1009, 1010
— Старо-Черскасский войсковой собор 1237
Новый Бор, д., Тихвинский у., Новгородская губ. 1150, 1176
Новый Вишневец, мест., Кременецкий у., Подольская губ. 1358
Ныроб, с., Чердынский у., Пермская губ. 896, 907
Нюкское, с., Верхнеудинский у., Забайкальская обл. 883
Нюрнберг, г. 1095

Обоянский у., Курская губ. 1106
Обь, р. 914
Обухово (Малое Пичугино), д., Томская губ. 863
Овруч, г. 1208, 1220, 1237
— Церковь свт. Василия Великого 1208, 1220
Овручский у., Волынская губ. 1120
Оглахты, гора и д., Минусинский у., Енисейская губ. 849, 853, 857, 858
Огуз (Агуз), курган, Мелитопольский у., Таврическая губ. 254, 552, 636–640
Одесса, г. 75, 76, 112, 119, 144, 180, 273, 276, 281, 296, 654, 655, 696, 708, 715–718, 724, 731, 733, 736, 737, 738, 746, 1151, 1418
Одесский у., Херсонская губ. 312, 598, 697
Ока, р. 299, 320, 808, 819, 1132
Оксфорд, г. 143, 404
Окуловка, стан., Новгородская губ. 1158
Олава, усадьба, Трокский у., Виленская губ. 1126, 1127
Олимпия, древний г. 1206
Олонецкая губ. 36, 42, 108, 183, 208, 215, 344, 784, 792, 806, 1099, 1208, 1241, 1286, 1331, 1332, 1421, 1430
Ольвия, городище у с. Парутино, Одесский у., Херсонская губ. 14, 30, 36, 42, 43, 49, 75, 76, 86, 104, 133, 262, 271, 273, 305, 306, 320, 337–339, 418, 494, 503, 521, 526, 530, 532, 533, 654–697, 699, 709, 732, 757, 1198, 1206–1210, 1216, 1228, 1233, 1403, 1418, 1422, 1432
— Еврисивия и Ареты склеп 677, 679
— Зевсов курган 659, 660, 682
Ольгинское, сел., Сухумский окр., Кутаисская губ. 939, 942
Ольгопольский у., Подольская губ. 814, 815
Ольшанка, д., Льговский у., Курская губ. 801
Омск, г. 843, 863, 876
Омь, р. 837, 838
Онега, р. 208
Онежский у., Архангельская губ. 344, 791, 1093
Опук, гора, Керченский п-ов 428
Орак, улус, Минусинский у., Енисейская губ. 849
Ораниенбаум, г. 350
Орел, г. 1302
Оренбург, г. 533, 693, 1058
Оренбургская губ. 226, 312, 313, 1166, 1241
Оренбуржье 71, 1432
Орехов, с., Ставропольская губ. 1023
Орловская губ. 36, 312, 995, 1001
Ороп (Оропос), древний г. 522
Орхоменос, древний г. 162
Орхон, р. 278, 842, 843, 845, 849
Орхон, ур., Монголия 842
Осетия 929, 938, 939, 984, 987, 991–993, 1032, 1033
Осинский у., Пермская губ. 909, 917–919
Оситняжка, с., Чигиринский у., Киевская губ. 585, 586
Острая Могила, курган, Екатеринославский у. 541, 545
Острог, г. 182, 1237, 1355–1357
Отрар, древний г. 1070

Оханский у., Пермская губ. 896
Очаков, г. 663–665, 668–670, 694, 696, 697, 709, 711, 712, 729, 730, 733, 734, 736, 737
— Церковь св. Троицы 696
Ош, г. 1065
Ошколь, улус, Минусинский у., Енисейская губ. 849

Павлодар, г. 838
Панагия, мыс, Таманский п-ов 436, 503
Паниковичи, с., Псковский у., Псковская губ. 1176
Пантикапея (Пантикапей), древний г. 131, 265, 305, 370, 404, 410, 415, 421, 422, 424–426, 437, 460, 467, 468, 471, 475, 483, 486, 490, 498, 500, 501, 518, 520, 521, 522, 524, 525, 539, 668, 1031
Париж, г. 106, 288, 297, 676, 733, 983, 1032, 1042, 1043, 1212
Парканы, с., Тираспольский у., Херсонская губ. 144
Партенит, мыс, Таврическая губ. 1160
Парутино, с., Одесский у., Херсонская губ. 43, 654–680, 1418
Парфений, древний г. 430, 436, 491
Пастака (Дорт-Оба), с., Симферопольский у., Таврическая губ. 602
Пастырское, с. и городище, Чигиринский у., Киевская губ. 585, 596
Пашкины Юрты, с., Тобольский у. 880
Пелопонесс, п-ов 302, 623
Пенджикент (Педжикент), г. 1089
Пензенская губ. 299
Передняя Азия 98, 309, 937
Передольский погост, Лужский у., Санкт-Петербургская губ. 1331
Перекопский перешеек 233, 830
Перемышльский у., Калужская губ. 808
Переславль-Залесский, г. 35, 98, 203, 206, 207, 1147, 1276, 1292, 1295
— Преображенский собор 203, 1147
— Федоровская часовня 35, 45, 207, 308, 1276–1278
Переяславль, г. 142
Переяславская, ст., Таманский отд., Кубанская обл. 1023
Пермская губ. 48, 305, 312, 313, 796, 800–803, 836, 895–920, 1141, 1172, 1334
Пермь, г. 902, 908, 913
Пески, д., Демянский у., Новгородская губ. 1159
Песчаный курган, хребет Юз-Оба, Керченской п-ов 432
Петраковская губ. 580, 1376, 1378
Петровск, г., Дагестанская обл. 926
Петровская, ст., Кубанская обл. 1031
Петровское, с., Александровский у., Екатеринославская губ. 554
Петрозаводск, г. 350
— Александровский завод 350, 351
Петропавловск, г., Акмолинская обл. 1088
Петропавловская, ст., Майкопский отд., Кубанская обл. 1024
Пеуя, оз. 353
Печерский мон., Псковская губ. 1146, 1287
Печора, р. 914
Пешт, г. 1153
Пижемское городище, Вятская губ. 900
Пинежский у., Архангельская губ. 344, 1331
Пирос, оз. 807
Пишпек (Пишкек), г. 280, 284, 1062, 1088
Пишпекский у., Семиреченская обл. 1088
Пищино, д., Смоленская губ. 1167
Плесинский мог., Чердынский у., Пермская губ. 911
Пнева слобода, д., Смоленская губ. 1167
Побужье 599
Повенецкий у., Олонецкая губ. 792
Поволжье 75, 78, 104, 793
Подкамень, улус, Минусинский у., Енисейская губ. 849
Поднепровье 100, 128, 299, 320, 467, 541
Поднестровье 1120
Подольская губ., Подолия 33, 226, 292, 308, 312, 313, 596–599, 814, 1108, 1120, 1149, 1239, 1327, 1328, 1355, 1358
Подольский у., Московская губ. 1108
Полота, р. 1132
Полоцк, г. 353, 1149, 1151, 1243
— Софийский собор 1243
Полоцкий у., Витебская губ. 149
Полтавская губ. 36, 135, 139, 142, 240, 292, 311, 312, 313, 336, 344, 584, 590, 596, 613, 819, 1014, 1109
Полтавское, с., Сухумский окр., Кутаисская губ. 939, 940, 943, 944
Польша 36, 90, 308, 342, 576, 580, 826, 1212, 1216, 1349, 1362, 1432
Помпеи, древний г. 297, 445, 749
Пондико, древн. поселение 460
Поневеж (Поневежис), г. 283
Поной, с., Архангельская губ. 812, 813
Поречский у., Смоленская губ. 150
Поросье 611
Порфмион (Порфмий), городище, Керченский п-ов 430
Порхов, г. 1253
Порховский у., Псковская губ. 1157
Посожье 1122
Посулье 611
Потапово, д., Подольский у., Московская губ. 1108
Потрошилово, с., Минусинский у., Енисейская губ. 849
Пошехонский у., Ярославская губ. 1237
Пра, р. 814
Праздничный, п., Кубанская обл. 1024

Предкавказье 14, 921, 931, 937, 987, 1011, 1021, 1025, 1052, 1054, 1055
Предуралье 895, 899, 900, 910, 913
Пржевальский у., Семиреченская обл. 1063, 1064
Приазовье 255, 489, 492, 938
Прибалтийский край 195
Привислинский край 226
Приднепровье 131, 279, 546, 555, 556, 584, 585, 588, 596, 602, 636, 648, 653, 1204
Придонье 131
Прикамье 131, 895, 896, 911, 913
Прикубанье 282, 440, 557, 560, 564, 602, 653, 842
Приладожье 1136
Приморская обл. 280, 312, 833
Припятское Полесье 1129
Припять, р. 1118, 1129
Приуралье 131
Причерноморье 65, 67, 80, 271, 340, 404, 561, 933, 937
— Причерноморье Северное 64, 75, 99, 103, 131, 133, 281, 354, 403, 439, 501, 562, 565, 623, 644, 654, 694, 741, 832, 921, 1415
Прохладная, стан., Нальчикский окр., Терская обл. 993
Пруссия 166, 188
Прусы (Михайловка), с., Черкасский у., Киевская губ. 585, 586
Псебайская, ст., Лабинский отд., Кубанская обл. 1015
Псков, г. 35, 36, 45, 152, 238, 1243, 1253–1260
— Баториев пролом 1257
— Ввозские ворота 1257
— Власьевский спуск 1255
— Гремячая башня 1257
— Гремячие ворота 1253
— Довмонтова стена 1255
— Запсковье 1253, 1255
— Кисловская башня 1253
— Крепостные стены 36, 45, 49, 1243, 1253
— Мирожский мон. 35, 122, 203, 206–208, 210, 309, 1238
— Михайловская башня 1253, 1255
— Мстиславская башня 1259
— Петровская башня 1255
— Петровские ворота 1253
— Поганкины палаты 1254
— Преображенский собор Мирожского мон. 1275, 1279–1284, 1287–1289
— Церковь свв. Козмы и Дамиана 216
Псковская губ. 124, 214, 346, 1107, 1157, 1176, 1196, 1241, 1275
Псковский у., Псковская губ. 238, 1181
Псыгансу, сел., Нальчикский окр., Терская обл. 923
Пузеле, мест. и мог., Лидский у., Виленская губ. 1126
Пунук-тепе, Ташкентский у., Сырдарьинская обл. 1066
Пучуга, с., Вологодская губ. 1331
Пыштайнский мог., Чердынский у., Пермская губ. 910
Пьянковское костище, Осинский у., Пермская губ. 909
Пянтежское городище, Пермская губ. 896
Пятигорск, г. 998, 1002
Пятигорский отд. (окр.), Пятигорье, Терская обл. 931, 933, 995, 1001, 1002, 1004, 1055

Радовцы, г. и мон., Буковина 37, 1240
Радомская губ. 1376
Радомысльский у., Киевская губ. 1120
Раевская, ст., Таманский отд., Кубанская обл. 491, 1013
Раздан, р. 978
Райгород, с., Черкасский у., Киевская губ. 585, 586
Ракома, с., Новгородский у. 1432
Раскопана Могила, курган, Херсонская губ. 602, 605–609
Раставица, р. 1120
Ратегова, д., Чердынский у., Пермская губ. 906
Ревель (Таллинн), г. 33, 116, 1379
Редкин Лагерь, мог., Эриванская губ. 927–929
Реки, д., Гдовский у., Санкт-Петербургская губ. 1197
Реса, р. 1132
Речицкий у., Минская губ. 1120, 1130
Речицы, г. 1130
Речь Посполитая 66, 67, 1272, 1357
Рига, г. 207, 1141, 1359, 1380
Риень, р. 1106
Рижская губ. 312
Рим, г. 80, 88, 105, 115, 118, 143, 158, 160, 277, 297, 452
Ровенский у., Волынская губ. 1120
Рогачевский у., Могилевская губ. 1172
Рогачик, с., Мелитопольский у., Таврическая губ. 552, 625, 636
Рогнединский курган, Полоцкий у., Витебская губ. 149
Роговская, ст., Таманский отд., Кубанская обл. 647, 1023
Рождественское, с., Соликамский у., Пермская губ. 896, 916, 917
Романовская, ст., Войска Донского обл. 564, 1010
Роменский у., Полтавская губ. 613
Ромны, г. 612
Рона, р. 829
Рославль, г. 109
Росляково, д., Новгородская губ. 1097–1099
Ростов Великий, г. 98, 211, 248, 275, 1269
— Архиерейский дом Ростовского кремля 1269

Ростов-на-Дону, г. 262, 281, 556, 563, 630, 1007, 1010, 1030, 1039–1041, 1212
Ростовский окр., Войска Донского обл. 629, 1041
Рубцово, д., Рязанский у. 808
Румыния 37, 90
Русец, м., Ласкый у., Петраковская губ. 1376, 1378
Рутха, мог., Владикавказский окр., Терская обл. 992
Рухабад, мазар, г. Самарканд 1069
Рыбинск, г. 265
Рыжановка, с., Звенигородский у., Киевская губ. 575–579
Рябая Могила, курган, Херсонская губ. 614
Рязанская губ. 36, 312, 817, 1139, 1286
Рязань, г. 236, 1140
Ряховская, д., Онежский у., Архангельская губ. 1093

Саадак-Терек, ур., Урянхайский край 975
Саджавани, сел., Кутаисская губ. 946
Сайрам-су, м., Чимкентский у., Сырдарьинская обл. 108
Самара, г. 233
Самарканд, г. 36, 37, 50, 254, 278, 307, 325, 1059, 1066–1069, 1075–1081, 1084–1089, 1241, 1299, 1432
Самаркандская обл. 1059
Самбор, городище, Ломжинская губ. 1125
Самтавро, с., Тифлисская губ. 926–930, 946, 948
Санаин, мон., Эриванская губ. 1382, 1383
Сангарау-тепе, курган, Баталпашинский отд., Кубанская обл. 1022
Сандатовское, с., Ставропольская губ. 1031
Сандомеж (Сандомир), г. 1374, 1376, 1377
Санибай, сел., Владикавказский окр., Терская обл. 991
Санкт-Петербург, г.
— Александро-Невская лавра 1439
— Английская набережная 1337
— Васильевский остров 1338
— Гагаринский буян 1342
— Галерная ул. 68, 1408, 1412
— Дворец Бобринских 68, 1408, 1412
— Дом Полякова 1337
— Египетский мост 1342, 1343
— Екатерининский канал 1342, 1408
— Зимняя канавка 1409
— Иезуитский дом 315, 1408
— Итальянская ул. 315
— Малоконюшенный Треугольный мост 1342, 1344
— Миллионная ул. 159, 161, 1440
— Могилевская ул. 1342
— Мойка, р. 1342, 1344, 1409
— Мраморный дворец 1451
— Невский пр. 1409
— Рождественская 2-я ул. 614
— Румянцевский обелиск 1238, 1342
— Старый Гостиный двор 1337, 1338
— Стрелка Васильевского о-ва 1199, 1200
— Стрельна, мыза 1340
— Строгановский дворец 34, 96, 97, 161, 1409, 1410
— Таврический дворец 315, 319
— Троицкий собор 1237, 1339–1341
— Фонтанка, р. 1342, 1408
— Церковь св. ап. Матфея 1341, 1342
— Церковь св. вмч. Пантелеймона 1342
— Церковь св. Сампсония 1342
— Чернышев мост 1342, 1343
— Шереметьевский дом 1409
Санкт-Петербургская губ. 1135–1139, 1156, 1175, 1178, 1181, 1183–1190, 1193–1195, 1197, 1241, 1331
Сарай-аль-Джедил, г. 1110
Сарай-Берке, древний г. 1114
Сарайчик, м., Оренбургская губ. 1109
Сарапульский у., Вятская губ. 909
Саратов, г. 78, 1109
Саратовская губ. 312, 313, 1111, 1116
Сардар (Сарды), античный г. 733
Саргов, улус, Минусинский у., Енисейская губ. 852, 853
Саркел, древний г. 1011–1013
Сарское городище, Ярославская губ. 98
Сачхере, с., Кутаисская губ. 949
Саяны, горы 833, 846, 849, 851, 871–876
Саянский каньон 874
Себастополис, крепость 951
Себинское, оз. 1090
Севан, оз. 978, 1026
Севастополь, г. 221, 239, 272, 274, 275, 338, 340, 533, 534, 668, 719, 743–782, 1418
Севастопольская временная карантинная линия, Таврическая губ. 744
Севастопольская крепость, Севастопольский у., Таврическая губ. 746, 778
Северная Двина, р. 208, 1267, 1332
Северо-Восточная Азия 786
Северо-Западный край 222, 312, 1126, 1127, 1129, 1135, 1141
Селенга, р. 870
Селитренное, с. и городище, Астраханская губ. 1113
Селище с., Брацлавский у., Подольская губ. 598
Селянинский мог., Кунгурский у., Пермская губ. 910
Семеняки, х., Кубанская обл. 386, 407, 477, 478
Семипалатинск, г. 838
Семипалатинская обл. 312
Семиреченская обл. 44, 280, 284, 312, 313, 350, 1059, 1060
Семь Братьев (Семибратние) курганы, Кубанская обл. 43, 105, 398, 399, 557–559

Сенакский у., Кутаисская губ. 951
Сенная, ст., Кубанская обл. 80, 133, 158, 362, 386, 396, 397, 408, 430, 431, 455, 459, 470, 477, 491, 539, 560
Сенты, аул, Баталпашинский отд., Кубанская обл. 923, 995, 997, 999, 1000
— Сентинский храм 36, 995
Серахский оазис, Тедженский у., Закаспийская обл. 1072
Сербия 37, 1150, 1366
Сергиополь, г. 835, 1063
Серенск, г. 1132
Серпухов, г. 1243, 1266
Сессау, с., Баусский у., Курляндская губ. 1142
Сестрорецк, г. 599
Сибирь 7, 14, 36, 38, 45, 74, 75, 131, 163, 183, 226, 277, 280, 306, 322, 538, 652, 757, 789, 791, 826, 829, 833–885, 899
Сигнахи, Сигнахский у., Тифлисская губ. 944
Симбирская губ. 215, 312, 1111
Симферополь, г. 112, 236, 239, 256, 531, 602, 1391
Симферопольский у., Таврическая губ. 637
Синдика 399
Синеус, курган, Новгородская губ. 1097, 1098, 1100
Сицилия 90
Скандинавия 716, 822, 1142
Сквирский у., Киевская губ. 1120, 1122
Слащевская, ст., Хоперский окр., Войска Донского обл. 564
Слоновская Близница, курган, Екатеринославский у. 546
Случь, р. 1118, 1120
Смела, имение, Киевская губ. 332, 648, 986
Смирна (Измир), г. 118
Смоленск, г. 33, 36, 150, 154, 1208, 1243, 1250, 1252, 1258–1265, 1396
— Авраамиевская ул. 1261
— Александровская ул. 1261
— Богословская ул. 1250
— Веселуха, башня 1261, 1262, 1265
— Воскресенская башня 1261
— Губернаторский пролом 1261, 1263, 1264
— Гуркинская башня 1263
— Долгочевская башня 1262, 1263
— Донец, башня 1265
— Евстафиевская башня 1262, 1263
— Малаховские ворота 1260, 1263
— Никольская башня 1260, 1261, 1263
— Офицерская слободка 1260
— Собор на Протоке 154, 1250
— Троицкий пролом 1262
— Церковь в устье р. Чуриловки 1250, 1260
— Церковь свт. Тихона Задонского 1261
— Четырехугольная башня 1263
Смоленская губ. 140, 150, 299, 312, 346, 1132, 1165, 1169, 1251
Смоленский у., Смоленская губ. 1165, 1167
Смолино, п., Челябинский у., Оренбургская губ. 916
Смядынь, ур., Смоленская губ. 1208
— Борисоглебский монастырь 1208
Соленоозерная, д., Минусинский у., Енисейская губ. 849
Соликамск, г. 1239, 1334
— Воеводский дом 1335
— Церковь Вознесения Господня 1334
— Церковь Воскресения Христова 1334
Соликамский у., Пермская губ. 896, 903, 910
Солнцедар, п., Новороссийский окр., Черноморская губ. 955, 1004
Соловки, о-ва 791
Солонечная, р. 857
Солоха, курган, Мелитопольский у., Таврическая губ. 51, 254, 290, 320, 324, 332, 623, 636, 640–647, 653
Сюме, гора, Томская губ. 871–874
Сосновский, п., Челябинский у., Оренбургская губ. 916
София, г. 153
— Софийский собор 153
Сочи, г. 954, 955
Спас-Перекша, д., Калужская губ. 1132
Спасский у., Казанская губ. 1114
Спасское, с., Томский у., Томская губ. 863, 866, 867
Средние Озерцы, д., Лужский у., Санкт-Петербургская губ. 1175, 1178–1180
Средняя Азия 35–37, 131, 183, 213, 278, 307, 582, 833, 841, 856, 874, 899, 937, 1056–1091
Ставропольская губ. 254, 312, 313, 574, 926, 994, 995, 998, 1023, 1028–1031, 1042
Ставропольский край 921, 1004
Стамбул, г. 152, 303, 676, 697
Стара Загосч, Пинчувский у., Келецкая губ. 1374
Старая Ладога, с., Новоладожский у., Санкт-Петербургская губ. 38, 44, 122, 123, 238, 1079, 1135–1139, 1149, 1161, 1181, 1198, 1200, 1234, 1238, 1294
Старая Рязань, городище, Спасский у., Рязанская губ. 117, 308, 1101, 1135–1137, 1139, 1198
Старо-Марьевская, с., Кубанская обл. 1023
Старо-Ольговский городок, Рязанская губ. 808
Старо-Титоровская (Старотиторовская), ст., Кубанская обл. 431, 435
Старый Город, ур., Белозерский у., Вологодская губ. 1090
Старый Крым, с., Таврическая губ. 236, 306
Стеблеевская, ст., Таманский п-ов 381, 400, 430, 435, 468, 512
Стефан Цминда, аул, Тифлисская губ. 986
Стокгольм, г. 51, 110, 143, 302, 787, 896, 1153

Столпье, д., Люблинская/Холмская губ. 1364, 1365
Страдивка, с., Житомирский у., Волынская губ. 1120
Стрелецкая бухта, Севастопольский у., Таврическая губ. 755
Стрелецкий бугор, городище, Астраханская губ. 1113
Стугна, р. 1120
Студеницы, с., Житомирский у., Волынская губ. 826–828
Стырфаз, сел., Тифлисская губ. 992
Стырь, р. 1120
Су-Аргом, р. 983
Сувалкская губ. 1127, 1128, 1241
Судак, с., Таврическая губ. 133, 236, 281, 613
Суджинский мог., Троицкосавский у., Забайкальская обл. 868, 870
Судогодский у., Владимирская губ. 1165
Судский залив, Средиземное море 152
Суздаль, г. 1155
— Покровский монастырь 1155
Суздальское Ополье 99, 1111
Суксунский завод, Красноуфимский у., Пермская губ. 920
Сулекская писаница, Минусинский у., Енисейская губ. 849
Султан-Гора, курган, Кубанская обл. 434
Сунжа, р. 985
Сунженский отд., Терская обл. 261
Супрасльский мон., Белостокский у., Гродненская губ. 1366–1371
Сургут, г. 306
Суук-су, мог., Ялтинский у., Таврическая губ. 50, 281, 1160–1163
Сухая Ерба, д., Минусинский у., Енисейская губ. 849
Сухобузимское, с., Красноярский у., Енисейская губ. 859
Сухона, р. 208, 1191
Сухуми (Сухум), г. 939, 940, 944, 952, 1043
Сухумский окр., Кутаисская губ. 939, 944, 951, 1241
Сучава (Сучевица), г. и мон., Буковина 37, 1240
Сын-Таш, ур., Пишпекский у., Семиреченская обл. 1088
Сырдарьинская обл. 312, 350, 1059, 1065, 1070, 1073, 1088, 1089
Сырдарья, р. 131, 183, 793, 1058, 1059
Сырнь, д., Лидский у., Виленская губ. 1128
Сысола, р. 790
Сюрень, с., Таврическая губ. 828
Сюме, гора, Томская губ. 871–874
Сююрташ, м., Таврическая губ. 491
Сясь, р. 796, 1158

Таборы, ур., Демянский у., Новгородская губ. 1159
Табриз (Тебриз), г. 1073
Таврическая губ. 236, 254, 260, 312, 313, 533, 534, 550, 552–554, 557, 613, 640, 648, 954, 1011, 1083, 1160, 1166, 1385–1392, 1395, 1406
Таганрог, г. 562, 1010
Тагарский, о-в 847, 851
Тагаурия 984
Тазакенд, с., мог., Эриванская губ. 978–981
Тайгак, ущелье, Копальский у., Семиреченская обл. 1063
Талава (Имера), ист. обл., Вольмарский у., Лифляндская губ. 1143
Талас, р. 1075, 1083
Таман (Туман), с., Соликамский у., Пермская губ. 898
Тамань (Таманская), ст., Кубанская обл. 505, 512, 513, 517, 527–528, 1052
Тамань, Таманский п-ов 75, 76, 80, 87, 100, 101, 103, 104, 110, 128, 162, 279, 268, 381, 385, 387, 393, 400, 409, 414, 415, 421–436, 448, 455, 469, 470, 476, 477, 503–506, 511–513, 522, 523, 526, 527, 539, 561, 623, 785, 921, 938, 1009, 1051–1053, 1097
Тамбар, с., Мариинский у., Томская губ. 863
Тамбов, г. 239
Тамбовская губ. 36, 151, 312, 313, 801, 1123, 1440
Тамгалы-Таш (Тамгалы-Тас), ущелье, Копальский у., Семиреченская обл. 1062, 1063
Тамира, с., Верхнеудинский у., Забайкальская обл. 870
Танаис (Тана), древний г. 305, 420, 525, 630, 1023
Танге-Танды, ур., Самаркандский у., Самаркандская обл. 1089
Танищи, с., Белозерский у., Новгородская губ. 1237
Таргасуль, д., Минусинский у., Енисейская губ. 849
Тарский у., Тобольская губ. 882
Татарская, д., Красноярский у., Енисейская губ. 858
Ташеба, р. 852, 853
Таш-Качик, мыс, Керченский п-ов 428
Ташкент, г. 11, 271, 278, 307, 1060, 1070, 1071, 1424, 1445
Таш-Рабат, ур., Пржевальский у., Семиреченская обл. 1063
Тбилиси, г. 981
Тверская губ. 36, 142, 147, 295, 312, 345, 1109, 1123, 1159, 1166, 1286, 1327
Тверской у., Тверская губ. 347, 348
Тверь, г. 100, 336, 1109, 1159
— Церковь «Белая Троица» 1239
Теберда, р. 923, 995, 996
Тедженский оазис, Тедженский у., Закаспийская обл. 1072
Телави, с., Телавский у., Тифлисская губ. 944
Телецкое, оз. 835
Тельши (Тельшяй), г. 132
Темир-Суг, р. 873

Темир-Хан-Шура, с., Дагестанская обл. 939
Темрюк, ст., Кубанская обл. 513
Темрюкский отд., Кубанская обл. 558, 1053
Тепе-Кермен, городище, Таврическая губ. 113
Терек, р. 922, 983, 986, 991, 992
Терехово, д., Тарский у., Тобольская губ. 882
Тере-Холь, оз. 848
Термез, г. 1072
Терсакапский пикет, Семипалатинский у. 835
Терская обл. 312, 313, 632, 648, 926, 937, 938, 982, 983, 986, 987, 991–995, 1001–1014, 1027, 1031, 1044, 1047, 1048, 1403
Терский берег, Кольский п-ов 812
Тибис-сох (Тибис-сор), ур., Иргизский у., Тургайская обл. 1088
Тиринф, г. 162
Тисуль, д., Мариинский у., Томская губ. 863, 864
Титоровская (Титоровка), ст., Кубанская обл. 400, 409, 436
Тифлис, г. 52, 152, 179, 289, 307, 569, 926, 927, 929–931, 935, 944, 946, 956, 963, 964, 1026, 1030, 1032, 1036, 1041, 1053, 1382
Тифлисская губ. 312, 313, 926, 930, 944, 948, 961, 973, 986, 987, 990, 993, 1031, 1037, 1384
Тифлисская, ст., Кавказский отд., Кубанская обл. 1021, 1023
Тифлисский у., Тифлисская губ. 971
Тихвинский у., Новгородская губ. 1150
Тихоновский Козельский мон., Калужская губ. 149
Тли, с., Тифлисская губ. 992
Тобол, р. 1089
Тобольск, г. 36, 306, 538, 843, 863, 878, 881, 914, 1272
Тобольская губ. 278, 312, 313, 833, 835, 843, 863, 878, 880, 881, 1241
Тобольский у., Тобольская губ. 73
Токмак (Токамак), с., Верненский у., Семиреченская обл. 280, 284, 1061, 1089
Толстая могила, Екатеринославская губ. 543, 546, 550
Томаковка, с., Екатеринославский у. 546
Томск, г. 306, 812, 827, 829, 843, 845, 851, 865, 866, 874, 878, 1167
Томская губ. 36, 312, 833, 858, 859, 863–867, 878
Томский мог., Томский у. 851
Томская стоянка 829
Томь, р. 812, 845, 849, 851
Топосихинское костище, Пермская губ. 909
Топрах-кале (Топра-кала), м., Эриванский у. 966–967
Тотемский у., Вологодская губ. 1109
Тохмахан-Гель, ур., Эриванская губ. 966
Тоянов городок, м., Томский у. 865, 866
Трапезунд, г. 153
Третьяково, д., Мариинский у., Томская губ. 863
Триалети, плато, Тифлисская губ. 946
Троицкосавский у. (окр.), Забайкальская обл. 870, 877
Трокай, Трокский замок, Трокский у., Виленская губ. 1349
Трокский у., Виленская губ. 1126, 1127
Троя, древний г. 445, 1085
Трубск, городище, Киевская губ. 1120
Туапсе, г. 953, 954, 1023
Туба, р. 851, 853, 857
Тува 846, 871–874, 876
Туди-Калян, тепе, Ташкентский у., Сырдарьинская обл. 1066
Туди-Хурд, тепе, Ташкентский у., Сырдарьинская обл. 1066
Тузла, мыс, Таманский п-ов 435, 468, 470, 503, 504, 512, 523–525
Тула, г. 33, 116, 1096
Тульская губ. 36, 346, 1095, 1123, 1251
Тульская, ст., Майкопский отд., Кубанская обл. 1020
Тургайская обл. 1088–1090
Турин, г. 143
Туркестан, г. 1060
Туркестан Восточный (китайский) 37, 841, 1089
Туркестан Западный (Русский), Туркестанский край 108, 131, 254, 284, 307, 325, 793, 1056, 1060, 1064–1067, 1072, 1075, 1078, 1084, 1091
Туруханский у., Енисейская губ. 880
Турция 81, 82, 170, 303, 304, 583, 922, 923, 961, 965–967, 1033, 1046
Турья, с., Чигиринский у., Киевская губ. 649, 650
Тус, г. 308, 1072
Тьмака, р. 1109
Тюмень, г. 36, 843, 877

Убинское, с., Каинский у., Томская губ. 866
Убиенка, р. 863–865
Увек, с. и городище, Саратовская губ. 1109, 1111, 1113, 1114
Углич, г. 210, 211, 1267, 1270–1272, 1397
Углы, д., Новоладожский у., Санкт-Петербургская губ. 1191, 1195
Узбекистан
Узген (Узгент), г. 307, 1065
Уинская вол., Осиновский у., Пермская губ. 917, 918
Уйбат, р. 852
Украина 12, 36, 37, 71, 292, 598, 795, 986, 1093, 1108, 1118, 1166, 1198, 1204, 1231, 1243, 1272, 1365
Ула, р. 1128
Улуг-Хем (Улухэм) (Верхний Енисей), р. 871–873, 874
Ульский аул, Екатеринодарский отд., Кубанская обл. 636, 1001, 1021, 1023
Уманский у., Киевская губ. 578
Унтинг, ус., Курляндская губ. 1142

Урал, горы 75, 785, 786, 789, 796, 806, 836, 863, 895, 899, 900, 915–917, 920
Урал, р. 795
Уральская обл. 313
Урарту 966, 1026, 1055
Урол, п., Чердынский у., Пермская губ. 896
Урсула, р. 836
Урус-Мартан (Урус-Мартам), аул, Грозненский окр., Терская обл. 985
Урух, р. 991–993
Урянхайский край 36, 833–836, 849, 851, 857, 871, 873, 874, 875, 878
Уса, р. 1129
Усолье (Усоль), с., Пермская губ. 898
Успенское, с., Спасский у., Казанская губ. 1114, 115
Усть-Барандата, д., Томская губ. 863
Усть-Джегутинская, ст., Баталпашинский отд., Кубанская обл. 1022
Усть-Каменогорск, г. 838, 1090
Усть-Кяхта, слобода, Троицкосавский у., Забайкальская обл. 869, 870, 877
Усть-Медведицкая, ст., Войска Донского обл. 149, 564
Усть-Тартасский мог., Томский у. 863, 866
Устюженский у., Новгородская губ. 1140, 1199, 1430
Уфимская губ. 299, 312, 313, 916, 1241
Уч-тепе (тапа), курган, Елизаветпольская губ. 973, 975
Учкулан, аул, Баталпашинский отд., Кубанская обл. 1052
Уша, р. 1120
Уюкская котловина, Урянхайский край 873

Фанагория, древний г. 110, 133, 305, 410, 362, 367, 368, 382, 386, 387, 393, 395, 397, 404, 407–409, 418, 421, 470, 476–478, 523, 539, 560
Фаскау (Фасс-Кау), с. и мог., Владикавказский окр., Терская обл. 1033
Федово, д. и мог., Вышневолоцкий у., Тверская губ. 295, 298
Федоровский холм, Владимирская губ. 1106
Федоровское-Столыпино, с., Пошехонский у., Ярославская губ. 1237
Феодосийский у., Таврическая губ. 561
Феодосия, г. 33, 36, 75, 81, 103, 110, 113, 114, 133, 154, 234, 281, 423, 424, 428–431, 481, 1097, 1387–1389
— Карантинная горка 234
— Карантинная пристань 1387
— Крепостные стены 1387
— Лысая гора, ур. 429, 431
— Церковь св. Иоанна Богослова 1387
— Часовня св. Илии 429, 431
Ферапонтов мон., Новгородская губ. 1237, 1311–1313
Фергана, г. 284, 1056, 1060, 1063
Ферганская обл. 1058, 1065, 1070, 1089, 1090
Финляндия 44, 173–174, 200, 232, 860, 863, 1140, 1141, 1241
Финский залив 265, 331
Флоренция, г. 277, 1288
Фонтан, х., Таманский п-ов 397, 431, 470
Фракия 568
Франция 12, 82, 88–91, 103, 146, 166, 170, 171, 175, 208, 273, 286, 291, 584, 673, 788, 831, 1421

Хабаровск, г. 877
Хамаз (Ханаз), сел., Владикавказский окр., Терская обл. 1027
Ханкенди, сел., Елизаветпольская губ.
Харинский мог., Чердынский у., Пермская губ. 910
Харьков, г. 152, 221, 339, 609, 1001, 1231, 1286
Харьковская губ. 36, 221, 312, 313, 596, 609, 610, 1123, 1126, 1165, 1168, 1273
Хасав-Юртовский окр., Терская обл. 1004
Хатажукаевский аул, Майкопский отд., Кубанская обл. 1015
Хату, сел., Владикавказский окр., Терская обл. 993
Хаченагет, с., Елизаветпольская губ. 971
Хвце, сел., Горийский у., Тифлисской губ. 993
Хемчик, р. 849, 871–878, 880
Херсон, г. 675, 699, 735
Херсонес, городище, Севастопольский у., Таврическая губ. 14, 15, 36, 45, 46, 48–52, 59, 71, 76, 86, 103, 111, 152, 221, 245, 274–276, 280–282, 302, 305, 320, 323, 327, 333, 338, 339, 493, 504, 521, 525, 532, 534, 668, 670, 675, 692, 743–782, 816, 818, 1161, 1203, 1404, 1406
— Собор и мон. св. кн. Владимира 744–746, 748, 751, 766, 777
Херсонская губ. 312, 313, 598, 602, 613, 614, 665, 680, 697, 736, 1382, 1406, 1418
Херх, мог., Владикавказский окр., Терская обл. 983, 986, 991, 992
Хива, г. 1056, 1059
Ходжалы, с., Шушинский у., Елизаветпольская губ. 970, 971, 974, 975, 1035, 1036
Хозютино, д., Демянский у., Новгородская губ. 1159
Холм, г., Люблинская/Холмская губ. 37, 1365–1366
— Белавинская башня 37, 1365
— Соборная гора 37, 1366
Холмогорский у., Архангельская губ. 344, 812
Холодная балка, ур., Туапсинский окр., Черноморская губ. 953
Хоперский окр., Войска Донского обл. 149, 564
Хор-Гон, мог., Владикавказский окр., Терская обл. 992

Хорасан, обл., Тедженский у., Закаспийская обл. 308, 1072
Хохлач, курган у Новочеркасска, Войска Донского обл. 556, 557, 1005–1008
Христианское, сел., Владикавказский окр., Терская обл. 938
Хумаринское городище, Баталпашинский отд., Кубанская обл. 923
Хурзук, аул, Баталпашинский отд., Кубанская обл. 1052
Хуцубани, сел., Кутаисская губ. 946

Царам, р. 870
Царева Могила, курган, Екатеринославская губ. 614
Царевское городище, Астраханская губ. 120, 1109–1111
Царедар, сел., Войска Донского обл. 1010
Царицын, г. 1114
Царская, ст., Майкопский отд., Кубанская обл. 1020, 1021, 1023
Царское Село, стан., Санкт-Петербургская губ. 1302, 1410
Царскосельский у., Санкт-Петербургская губ. 1187, 1194
Царство Польское 66, 341, 1123
Цебельдинская долина, Сухумский окр., Кутаисская губ. 941–944, 952
Цемальден (Цемельдент), имение, Баусский у., Курляндская губ. 1142, 1144, 1145
Церковный, х., Кубанская обл. 1040
Цимбалова Могила (Цимбалка), курган, Мелитопольский у., Таврическая губ. 553, 554
Цимбалы, гора на Тамани 559
Цимлянская, ст., Войска Донского обл. 1010–1012
Цихисдзирская (Цихис-Дзири) крепость, Батумская обл. 1382, 1384
Цукурский лиман (Цокур-Лиман) 397, 431, 435, 468, 519, 524, 525

Чаатас, курганы, Енисейская губ. 853
Чаа-Холь, р. 871, 873, 874
Часовня, пустошь, Валдайский у., Новгородская губ. 1159
Частые курганы, ур., Воронежская губ. 631–632
Чебаки, с., Ачинский у., Енисейская губ. 848
Чегем, с. и ущелье, Терская обл. 993, 994
Челмужи, с. и погост, Олонецкая губ. 215, 1210, 1331
Челябинск, г. 233, 916
Челябинский у., Оренбургская губ. 895
Ченахча, сел., Елизаветпольская губ. 975
Червоная Могила, курган, Харьковский у., Харьковская губ. 610–611
Чердынский у., Пермская губ. 896, 903–906, 910, 1334
Череватово, с., Ардатовский у., Нижегородская губ. 795
Череми, сел., Сигнахский у., Тифлисская губ. 944, 945
Череповецкий у., Новгородская губ. 1191, 1196
Черкасский у., Киевская губ. 585
Черкассы, г. 546
Черная гора, ур., Рыбинский у., Ярославская губ. 816, 817
Чернигов, г. 279, 331, 1179, 1228, 1286, 1292
Черниговская губ. 36, 139, 292, 311, 312, 1109, 1130, 1166, 1173
Черное море 382, 399, 422, 428, 430, 523, 537, 654, 664, 680, 694, 696, 719, 732, 742, 921, 1418
Черноморская губ. 278, 312, 313, 569, 926, 951, 954, 955, 958, 1004
Черноморское побережье 162, 278, 354, 715, 720, 922, 931, 1033, 1092
Черноморские степи 537, 539, 1053
Черный Июс, р. 848, 856, 860
Черск, г., Гроецкий у., Варшавская губ. 37, 66, 1365, 1366
Чертово (Чортово) городище, Белебеевский у., Уфимская губ. 915
Чертомлык, курган, Екатеринославская губ. 42, 106, 129, 158, 545, 546, 550–554, 558, 625, 653
Чечня 992
Чигиринский у., Киевская губ. 587, 590, 650
Чигу (Чигучин), древний г. 1064
Чикманский мог., Пермская губ. 910
Чимкент, г. 1060, 1070
Чимкентский у., Сырдарьинская обл. 1088
Чинге, р. 871
Чиркаты, сел., Дагестанская обл.
Чита, г. 877
Чми, с., Владикавказский окр., Терская обл. 933, 936, 983, 991–993
Чмырева Могила, курган, Мелитопольский у., Таврическая губ. 614–629
Чодак, кишлак, Ташкентский у., Сырдарьинская обл. 1066
Чокракское оз., Феодосийский у., Таврическая губ. 422
Чорлен-тепе, городище, Сырдарьинская обл. 1065
Чу, р. 350, 1060, 1062, 1083
Чуваш, мыс, Тобольский у., Тобольская губ. 863
Чудское оз. 1186
Чуйская долина, Семиреченская обл. 350, 836, 1062, 1083
Чулым, р. 847, 848
Чуробаш (Чурубаш), с., Феодосийский у., Таврическая губ. 561
Чурумал-Бурханныг-Хая, скала, Урянхайский край 872, 874

Чусовая, р. 902
Чуфут-Кале, древний г. 133, 236
Чушка, коса, Таманский п-ов 409
Чуя, р. 835

Шабо, пос., Аккерманский у., Бессарабская губ. 341
Шадринский у., Пермская губ. 902
Шаманская падь, ур., Верхнеудинский у., Забайкальская обл. 870
Шаньково, д., Калужская губ. 1132, 1133
Шахово, д., Калужская губ. 1132
Шахрисябз, г. 307, 1070, 1071, 1078
Швейцария 181, 786, 788, 796
Шверин, г. 787
Шверинский курган, Таврическая губ. 775
Швеция 110, 208, 718, 786, 788, 793, 1198
Шексна, р. 1140
Шемен, д., Лодейнопольский у., Олонецкая губ. 1331
Шемокмеди, мон., Грузия 306
Шенкурск, г. 1238, 1327
Шенкурский у., Архангельская губ. 344
Шибановский мог., Пермский у. 910
Шигирский торфяник, Пермская губ. 796, 800–803
Шира, оз. 860, 861
Шираз, г. 285
Широкая балка, м., Новороссийский окр., Черноморская губ. 479
Шлиссельбургский у., Санкт-Петербургская губ. 1175
Шоан, аул, Баталпашинский отд., Кубанская обл. 923
Шоропани-Сарапанис, крепость, Шоропанский у., Кутаисская губ. 949
Шоропанский (Шорапанский) у., Кутаисская губ. 944
Шреш-блур, телль, Эчмиадзинский у., Эриванская губ. 977, 978
Шуйский у., Владимирская губ. 1103, 1106
Шульговка (Ново-Николаевка), с., Таврическая губ. 636
Шумейко, х., Роменский у., Полтавская губ. 613
Шумск, г. 1120
Шунгская вол., Повенецкий у., Олонецкая губ. 791
Шуша, г. 971, 974, 975
Шушинский у., Елизаветпольская губ. 970, 971

Щиглиевка, городище, Киевская губ. 1120

Эдинбург, г. 143
Эдисси, с., Тифлисская губ. 990, 991
Эзель, о-в 256
Элегест, р. 873
Эльбрус, гора 956
Эльтиген (Эль-Тегень), с., Феодосийский у., Таврическая губ. 418, 421, 428, 561
Эльхотово, сел., Владикавказский окр., Терская обл. 938
Эндери, сел., Дагестанская обл. 1031
Эриванская губ. 312, 313, 926, 958–960, 971, 973, 978, 979, 980, 982, 1026, 1383
Эриванский у., Эриванская губ. 958–961, 1026
Эривань (Эриван, Эребуни), г. 966, 1036
Эски-Кермен, городище, Таврическая губ. 1161
Эстляндская губ. 226, 313, 459, 1379–1381
Эстония 1377
Эфес, г. 733
Эчмиадзин, г. 224, 958, 977, 978, 981
Эчмиадзинский у., Эриванская губ. 958, 959, 977
Ашнак, сел., Эчмиадзинский у., Эриванская губ. 978

Юго-Западный край 132, 292, 308, 806, 1118, 1272, 1354
Южный кордон, м., Кубанская обл. 470, 503
Юз-Оба, хребет и курганная группа, Керченский п-ов 360–364, 376–381, 421, 426, 430, 432, 454, 460, 482, 483, 505, 508, 510, 561
Юмара, р. 1143
Юрьев-Польской, г. 35, 36, 45, 46, 206, 210, 214, 283, 309, 343, 1235, 1276, 1292
— Георгиевский собор 36, 46, 206, 210, 283, 308, 343, 1275, 1277, 1288, 1290
— Троице-Крестовоздвиженский храм 1291
Юхновский у., Смоленская губ. 1132

Ягнятин, с., Сквирский у., Киевская губ. 1120
Якутск, г. 877, 1251
— острог 36, 1237, 1251
Якутская обл., Якутия 36, 833
Ялонец, с., Ольгопольский у., Подольская губ. 814, 815
Ялта, г. 115, 281, 752
Ялтинский у., Таврическая губ. 1160
Ялуторовск, г. 863
Ялуторовский у., Тобольская губ. 863
Ямбургский у., Санкт-Петербургская губ. 1156
Ян-тепе (тапа), курган, Елизаветпольская обл. 973
Яренга, р. 790
Ярма, курган, Шушинский у., Елизаветпольская губ. 971
Яровое, с., Черкасский у., Киевская губ. 585
Ярославль, г. 189, 239, 268, 290, 814, 1235, 1435
Ярославская губ. 83, 98, 117, 312, 814, 1159, 1241, 1267
Ярославская, ст., Майкопский отд., Кубанская обл. 1014, 1015, 1020
Ярцево, д., Духовщинский у., Смоленская губ. 1165, 1167, 1169
Яя, р. 865

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абрамишвили Р. М. 927
Абрамов И. С. 1172, 1173, 1175
Август, имп. 478
Авдеев М. Ф. 1096, 1097
Авенариус В. П. 1123
Авенариус Н. П. 46, 222, 794, 1123–1125, 1128, 1183
Агапитов Н. Н. 877
Агафонов В. К. 1158
Агафоновы, скупщики археол. находок 917
Агжигитов Ш. 1030
Адлер Б. Ф. 1461
Адлерберг А. В. 43, 95
Адлерберг В. Ф. 82, 92, 95, 101, 539
Адрианов А. А. 1345
Адрианов А. В. 834, 850–857, 871, 872, 874, 876
Аиналов, рисовальщик 487
Айбабин А. И. 371
Айвазовский И. К. 428, 481
Айналов Д. В. 326, 744, 746, 755, 756, 1203, 1235, 1460, 1462
Аксаков К. С. 84
Акулиничев Ф. 314
Алабин П. В. 153
Александр (Кульчитский), еп. 185
Александр I, имп. 75, 350, 745
Александр II, имп. 7, 17–19, 62, 82, 87, 93, 130, 165, 174, 400, 423, 539, 745, 926, 1135, 1244
Александр III, имп. 21, 48, 62, 107, 157, 159, 206, 305, 306, 320, 438, 608, 748, 749, 757, 926, 1117, 1153, 1155, 1267
Александр Македонский, царь 511, 513, 516, 518
Александр Михайлович, вел. кн. 450
Александр Невский, св. кн. 1148
Александра Федоровна, имп. 320, 324, 326, 1041
Александр (Сухоруков), архим. 767
Александров А. И. 1114
Александров И. В. 842
Александрович В. С. 68, 73, 1240, 1416
Алексеев А. А. 1347
Алексеев А. Ю. 129, 381, 403, 541, 550, 555, 565, 566, 568, 592, 607–609, 617, 640, 644, 647, 652, 653
Алексеев Е. П. 1054
Алексеев Л. В. 1123, 1125, 1130, 1141, 1149, 1165
Алексеева Е. П. 1054
Алексеевская Л. М. 526
Алексий, архиеп. Новгородский 1148
Алексей Михайлович, царь 73, 895, 1247
Алексий (Молчанов), еп. 276
Алексей (Ржаницкий), еп. 745
Алексий (Симанский), еп. 1432
Алекшин В. А. 951
Али-Аухадэддин Энвери 285
Алиев В. Г. 1054
Алипий, св. преп. 1096
Алким, житель древнего Боспора 466
Алпатов В. М. 289
Алтунташ Исмаил 882
Альбов В., прот. 1381
Альквист А. Э. 789
Алябьева Т. К. 337, 1311
Ананов Ю. Е. 1136
Ананьич Б. В. 245, 247
Анастасий (Добрадин), еп. 1146
Анахин М. 554
Андреев Матвей, иерей 248
Андреев П. 1008
Андреевский И. Е. 195, 237, 238, 1272
Андриенков И. 1030
Ане К. 1027, 1042
Аниолек В. 341
Анисимов А. И. 1316, 1436–1439
Анищенко В. 1049
Анищенко Ив. 506, 535
Анна Иоанновна, имп. 1096
Анохин В. А. 392, 463, 520, 521
Антоний, монах, фотограф 1324–1325
Антоний (Павлинский), архиеп. 1249
Антонин (Державин), еп. 1287
Антонова И. А. 275, 339, 744, 746
Антонович В. Б. 45, 57, 290, 292, 308, 595, 598, 803, 806, 808, 819, 820, 824, 931, 932, 936, 938, 991, 1054, 1118, 1120–1123, 1129, 1149, 1152, 1155, 1198, 1272
Анучин В. И. 858–860
Анучин Д. Н. 62, 63, 100, 636, 821, 822, 939, 1453, 1460, 1462
Анфим (Казмиров), иг. 744, 746
Анфимов Н. В. 399

Апеельгрен-Кивало О. Х. 849, 872
Аплаксин А. П. 1340
Апухтин В. Р. 931, 995, 998, 1001–1004, 1054
Арапова Д. Ю. 1056
Аргот, супруг царицы Камасарии 415, 436
Ардашев Н.Н. 86
Ариапиф, скифский царь 647
Аристоник, древнегреч. кифаред 521
Аркас З. А. 745
Аркас Н. 655, 665
Армашевский П. Я. 819
Арсений (Стадницкий), архиеп. 1314, 1317
Артамонов М. И. 54, 129, 375, 382, 384, 385, 399, 403, 406, 506, 555, 568, 592, 599, 653, 935, 954, 1233
Артемида Агротера, древнегреч. богиня 365, 476, 540, 747
Артюх Е. А. 835
Артюхов, сотник 399, 466, 560, 561
Арутюнов, врач 1387
Архипов А. П. 1110
Архипова Е. И. 1231
Арциховский А. В. 100, 1117
Арцишевский И. 1354
Аспелин И. Р. 849, 850, 872, 1141
Афанасий (Соколов), архиеп. 148
Афанасий, пономарь 1327
Афанасьев А. 42, 111
Афродита Урания, древнегреч. богиня 478
Ахилл Понтарх, древнегреч. божество 694, 715, 728
Ахтырский, казак 1049
Ачкинази И. В. 371
Ашик А. Б. 76, 371, 385, 432, 440, 483, 561
Ашот III, царь 963

Бабенко В. А. 1165
Бабенко Л. А. 625, 629
Бабынин П. 1030
Бабыч М. П. 527, 528, 1048, 1049
Багалей Д. И. 1001
Бадер О. Н. 909–911
Бай, де, Ж. 1036
Байерн (Баерн) Ф. С. 927, 931
Бакланов Н. Б. 1460, 1461
Бакрадзе Д. З. 931, 939, 944
Баликян О. 958
Балицкий П. А. 1186
Баллод В. Ф. 1143, 1146
Балтазарович А. 440
Бальцер И. 341
Бапст А. 1043, 1044
Бапст Ж. 1042–1044
Барановский Г.В. 209
Барсукова Е. Б. 330
Барсукова Т. Н. 40, 1155
Бартоломей (Бартоломео) И. А. 441, 442, 1026
Бартольд В. В. 36, 53, 285, 963, 1058, 1073, 1083–1087, 1421, 1424, 1461
Барщевский И. Ф. 35, 45, 1089, 1275, 1280
Барышников М. Н. 291
Барятинский А. И. 922, 926
Басаргина Е. Ю. 154, 271, 274, 305, 338, 1240
Баттара-Коста, гр. 90
Батый, хан 1203
Баукова А. 67
Бахмат К. П. 1203
Башилов П. П. 1308, 1314
Башина С. Н. 1056
Бегичев К. Р. 41, 59, 111, 112, 356–369, 374, 377, 378
Бедряга А. И. 150
Безак А. П. 132, 144
Бекмаханова Н. Е. 1056
Белавин А. М. 915, 920
Белавин А., прот. 1437, 1439
Беленицкий А. М. 330,
Беленко М. 803, 826
Беленький И. Т. 931
Белецкий Д. В. 923, 949, 995
Беликова О. Б. 851, 857
Белковская В. М. 66, 1365
Белов Г. Д. 743, 758, 777
Белова Н. А. 16, 40
Белозерова И.В. 1428
Белоусов Е. Е. 866
Бельк В. 1035, 1041
Бельцов В. А. 817
Беляев Л. А. 154, 1230, 1397
Белянкин, землевладелец 1217
Беляшевский Н. Ф. 803
Бенешевич В. Н. 40
Бенуа А. Н. 1402, 1410, 1456, 1460, 1462
Беньковский П. 526
Бердинских В. А. 73, 300, 314
Бердяев Н. А. 1445
Берже А. П. 929
Берендтс Э. Н. 239
Беренштам В. Л. 931
Беренштам Ф. Г. 946, 947, 982, 1410
Берестецкая Т. В. 248
Бернардацци И. 923
Бернштам А. Н. 1161
Бертье-Делагард А. Л. 53, 58, 280, 281, 327, 482, 743, 747, 758, 752, 753, 755, 756, 1386, 1387, 1389, 1422
Берх В. Н. 896
Бескровная В. М. 953, 954
Бескровный И. С. 114

Бессонова С.С. 555, 568, 578, 584, 585, 590, 592, 596, 648
Бестужев-Марлинский А.А. 923
Бестужев-Рюмин К.Н. 73
Бибиков, купец 1250
Бибиков С.Н. 1161
Биджиев Х.Х. 923
Билибин И.Я. 37, 344
Биллер, механик, скупщик древностей 1034
Биркенберг В.С. 1257
Бич О.И. 40, 250, 465
Блаватский В.Д. 256, 401, 410, 411, 415, 437, 467, 470, 475, 485, 500, 521, 1207
Бларамберг И.П. 75
Блохин В.Г. 1110
Блудов А.Д. 161
Блудов Д.Н. 538, 1094
Бобриков, урядник 1024
Бобринская Д.А. 335
Бобринская Е.А. 335
Бобринская Е.Ю. 12
Бобринская Софья Алексеевна 335
Бобринская Софья Андреевна 335
Бобринской Алексей Александрович 32, 34, 35, 38, 44–53, 56, 62, 63, 68, 109, 140, 149, 163, 178–194, 203–210, 213, 215–219, 221–226, 230–233, 236–259, 261–264, 266–273, 276–277, 289, 294, 295, 298–309, 315, 316, 319–340, 344, 346, 347, 349, 424, 439–443, 449, 452, 457, 458, 460, 464, 467, 471, 481–486, 492–496, 499, 502, 505, 506, 525, 568–571, 575–584, 592, 594–596, 599, 608–613, 642–644, 648–652, 662, 663, 665–673, 676, 680–682, 697, 707–709, 729, 747, 751–754, 760, 766–768, 773, 774, 777–790, 807, 812, 816, 819, 820, 823, 824, 842, 848, 917, 927, 931, 939, 973, 975, 977, 978, 980, 983–987, 992, 993, 998, 1025–1028, 1035–1039, 1044, 1045, 1047, 1048, 1052, 1053, 1055, 1066, 1116, 1118, 1120, 1126, 1129, 1132, 1135, 1141, 1146, 1147, 1151, 1153, 1160, 1172, 1173, 1198, 1198, 1204–1206, 1209, 1228–1230, 1252, 1261, 1266, 1276, 1279, 1286, 1287, 1290, 1293, 1295, 1307, 1318, 1327, 1333, 1336, 1340, 1349, 1354, 1358, 1359, 1370, 1373, 1379, 1382, 1385, 1387, 1389, 1393, 1402, 1403, 1406, 1408, 1415, 1418–1422, 1424
Бобринской (Бобринский) Алексей Алексеевич 68, 181, 213, 340, 351, 353, 643, 682, 1403, 1412, 1421
Бобринской Андрей Александрович 335
Бобринской Б.А. 12
Бобровская Е.В. 16
Богаева Е.Ф. 215
Богаевский Б.Л. 1406
Богданов А.П. 1099
Богданов В.В. 1456, 1460, 1461
Боголюбский И.С. 851
Бодалев Ф. 1369, 1370
Боданинский У. 1393
Бодянский О.М. 83, 85, 1101
Бой К.К. 1142
Бойкова О.Ф. 100
Болсуновский К.В. 1203
Болтенко М.Ф. 695, 696, 719, 738, 739
Болтрик Ю.В. 627, 637
Большаков А.О. 701
Бонгард-Левин Г.М. 529
Бонитенко А.К. 207, 209
Боннель Э.И. 43, 61, 271
Боравская А. 1432
Боравский А. 1432
Борель П.Ф. 82, 82, 158
Борзых С. 437
Борисковский П.И. 803, 826
Борисов В.Л. 900, 910, 915
Боровкова В.Н. 489, 499, 531
Бородкин Ю.М. 865
Бороздин И.Н. 281, 297, 299
Бортвин Н.Н. 1088
Боткин М.П. 52, 57, 195, 284, 286, 288, 289, 291, 330, 335, 1287, 1342, 1359
Боткин П.К. 291
Бочарников С.И. 124, 125, 1108
Боярский А.Н. Э. 37
Брайчевский М.Ю. 1239, 1233
Брайчевський М.Ю. см. Брайчевский М.Ю.
Бранденбург Н.Е. 44, 122, 123, 150, 189, 238, 1005, 1010, 1011, 1035–1039, 1157, 1158, 1195, 1200
Брандт А.А. 778
Браницкий, гр. 133
Бранковичи, династия 1150
Бранковчи Йован, деспот 1150
Бранкович Мария-Магдалена, кн. 1150
Браун Ф.А. 48, 53, 57, 253, 255, 261, 262, 330, 335, 613–619, 625, 627, 670, 716–718, 1142, 1422
Брашинский И.Б. 516, 517, 629
Бржезицкий С. 598
Брокгауз Ф.А. 913
Броссе М.И. 152
Брун Ф.К. 119, 654, 655
Брунов Н.И. 756
Брюкс, де, П. см. Дюбрюкс П.
Будберг А.А. 264
Бужилова А.П. 1098
Бузескул В.П. 64
Букзель (Букзиль) Б. 445, 464, 479
Булич Б.Н. 148, 1115

Булычев Н. И. 46, 58, 295, 299, 330, 335, 808–810, 878, 879, 1130, 1132–1134
Бунге А. А. 167
Буниятов (Буниатов) Н. Г. 968
Бурло Ф. 518
Буслаев Ф. И. 83
Бутенев Н. Ф. 784, 789
Бутягин А. М. 370, 381, 399, 403, 404, 460
Бухарин М. 1082
Бухерт В. Г. 251
Буш В. В. 1148
Быковская Н. В. 416
Быковский К. 216
Бычков А. Ф. 166, 188
Бэр К. М. 783–786, 789–790, 795, 796, 821, 836
Бюлер Ф. А. 322

Вагин И. 300
Вадецкая Э. Б. 836, 848, 850, 858
Валк С. Н. 40
Валуев П. А. 142
Валь, фон, В. В. 575, 580, 1272
Вальтер А. Г. 1313
Ванчугов В. П. 711
Варлаам Хутынский, преп. 1147
Варнеке Б. В. 301, 332
Варсаблюк (Ворсаблюк, Версоблюк) П. 257, 451, 753
Василий (Юдин), иеромон. 744
Василий I, имп. 1256
Василий Острожский, кн. 1355
Васильев А. А. 53, 1424, 1440, 1450, 1460, 1461
Васильев В. А. 350
Васильев Г. В., свящ. 1073, 1089
Васильев К. 1093
Васильев С. А. 817, 822, 828, 832
Васильев, топограф 1066
Васильев, художник 61
Васильева А. В. 908
Васильева Р. В. 40, 68, 158, 180, 1151
Васильева, рисовальщица 487
Васильевский В. Г. 166
Васильчиков А. А. 44, 46, 56, 89, 107, 111, 139, 154, 158–180, 233, 423, 437, 1146, 1151
Вахтина М. Ю. 73, 404, 485, 518, 562, 566, 568, 592, 594, 597–599, 634, 653
Введенский И. 939
Вдовиченко Є. В. 698
Вейденбаум Е. 574
Вейнер П. П. 288
Вейс Н. К. 114
Вейтко В. А. 1128
Векилова Е. А. 823
Вельмин А. П. 1212
Вельмин В. П. 1212
Вельмин П. Д. 1212, 1226
Вельмин С. П. 1209, 1211–1214, 1217, 1219–1221, 1226, 1231, 1232, 1235, 1361
Вельтман А. Ф. 1093, 1094
Вельяминов А. А. 923
Вениамин (Быковский), еп. 1292
Вениамин (Казанский), еп. 1253
Веребрюсов С. И. 43, 44, 59, 113–114, 385, 399, 400, 404, 406–408, 417–424, 432–435, 437–438, 481, 493, 560
Веревкин А. Н. 347
Верещагин В. А. 1410
Верещагин В. В. 1269
Верещагин В. П. 1358
Верховец Я. Д. 117
Верховские, сестры 1166
Верхоланцев В. С. 899, 902, 903
Веселовский А. И. 1148
Веселовский К. С. 1008
Веселовский Н. И. 36, 39, 45, 47, 48, 56, 62, 77, 106, 107, 110, 183, 206, 213, 228, 230, 239, 240, 251, 253, 254, 257, 261–264, 268, 279, 290, 298, 301, 303, 307, 311, 320, 325, 326, 330, 332, 335, 464, 494, 555, 602, 617, 620, 621, 624–628, 630, 634–637, 640, 641, 643, 647–649, 772, 931, 987, 1005, 1011–1025, 1039–1041, 1052–1054, 1059, 1064–1071, 1084, 1086, 1089–1091, 1099, 1135, 1181, 1256, 1299, 1340, 1401, 1406, 1408, 1415, 1462
Весковали А. 115
Ветринский А. С. 480
Вехтюк В. 488
Вечтомов А. Д. 908
Вздорнов Г. И. 67, 208, 214, 1244, 1295, 1306, 1398
Виардо П. 158
Видеман Ф. И. 789
Викторов М. 270
Вильгельм II, кайзер 320
Вимпос С. 163
Виндгальм, лаборант 696
Винберг Н. А. 40, 1429
Виниус А. 1095
Виноградов А. Ю. 923, 949, 995
Виноградов В. Б. 1031, 1054
Виноградов Ф. 268
Виноградов Ю. А. 73, 321, 354, 356, 360, 362, 370, 375, 376, 380–382, 384, 393, 393, 397, 399, 400, 403, 404, 411, 432–435, 460, 469, 471, 479, 482, 485, 487–489, 498, 500, 510, 511, 517, 518, 536, 648, 690, 720, 741, 742
Виноградов Ю. Г. 690, 717
Виолле ле Дюк Е. 84
Вирхов Р. 287, 583, 935, 1027, 1034, 1035, 1041, 1044
Вите Л. 91

Витковский Н.И. 875
Витсен Н. 7
Витте С.Ю. 325
Владимир (Богоявленский), митр. 1146, 1320
Владимир (Добролюбов), архим. 1136
Владимир (Петров), еп. 949
Владимир (Тихоницкий), еп. 1366
Владимир Александрович, вел. кн. 43, 209, 1276, 1279–1282, 1391
Владимир Василькович, кн. 1125
Владимир Ольгердович, кн. 1031
Владимир Святославич, кн. 113, 745, 1203, 1233
Владимиров И.А. 931, 994–1000
Владимирский В., свящ. 795
Власов В.П. 371
Власова Е.В. 384, 388, 389, 392, 393, 395, 399, 434, 517, 559, 623
Власова Е.И. 40
Вовк Хв. см. Волков Ф.К.
Воейков В.Н. 507
Войтенко, землевладелец 411
Войцеховский Я. 1374
Волегов В.А. 897–899
Волегов Ф.А. 897
Волкенштейн, гр. 90
Волков Ф.К. 819, 823, 830
Волконский Г.П. 60, 115
Волконский П.М. 95
Воловенко П. 505
Волошкевич, землевладелец 464, 465
Волченко А. 464
Вольский И.П. 41, 61, 117, 118, 119, 154, 556
Вольтер Э.А. 271, 1125–1128, 1349
Воробьев М.Н. 118
Воронин Н.Н. 1208, 1233, 1236
Воронина Р.Ф. 1141
Воронов, помещик 939, 942
Воронов Ю.Н. 954, 955
Воронцов М.С. 75, 77
Воронцов-Дашков И.И. 34, 95, 96, 154, 161, 163, 168, 174, 182, 195, 190, 203, 242, 305, 1276
Ворошилов А.Н. 395
Ворсо Й.Я.А. 787, 788
Вреде Х. 90
Вруйр А.М. 965, 967
Всевиов Л.М. 321, 353
Всеволожский И.А. 159, 700
Вырубов Д.А. 994, 1026, 1030
Высотин К.И. 53, 61, 269
Высоцкий Н.Ф. 816
Вышеславцев В.
Вяткин В.В. 915
Вяткин В.Л. 1086, 1087

Габаев В.К. 873
Габе Р.М. 1421
Гаврилов А.К. 63
Гаврилова А.А. 841
Гагарин Г.Г. 154, 1246
Гагарин М.П. 74, 538, 883
Гагарин С.В. 1406
Гагик, арм. царь 963, 964
Гадирова-Атеши Н. 971
Гайдукевич В.Ф. 355, 370, 382, 393, 396, 401, 417–419, 437, 467, 475, 479, 481, 516, 518, 690
Гайдуков П.Г. 68, 103, 107, 109, 182, 247, 248, 252, 271, 290, 315, 319, 332, 1117, 1287
Галай Ю.Г. 1402
Галанина Л.К. 314, 565, 566, 584, 632, 634–636, 648, 653
Гамкрелидзе Т.А. 946, 949
Гамель И.Х. 1094, 1095
Гамченко С.С. 598–601, 814, 815, 1118, 1119
Гарелин Я.П. 1102
Гартвиг А. 83, 85
Гернес М. 830
Гатцук А.А. 132, 597, 1099, 1108
Гатцук С.А. 1159
Гедемин К. 1126
Гедеонов С.А. 41, 42, 60, 115, 116, 164, 159
Гейкель А.О. (Г.К.) 33, 863, 872, 1073, 1075
Геммельман К.Е. 746
Георгиевский В.Т. 1155, 1291, 1295, 1311, 1439
Георгий Михайлович, вел. кн. 51
Гермес, древнегреч. божество 485
Гермоген (Добронравин), еп. 1281, 1282
Гернгросс А.Р. 149
Гернес М. 830
Гернет К.К. 316
Геронтий (Артюховский), архим. 745
Геродот, древнегреч. историк 128, 540, 541, 627, 683
Герович П. 1385
Гертик П. 1390
Герц К.К. 151, 362, 364, 367, 368, 385, 407, 410, 455
Герцен А.Г. 778
Гизо Ф. 88
Гипеперия, мать царей Митридата VIII и Котиса I 479
Гиреи, династия 1006, 1031
Глаголев А.А. 77
Гладкой (Гладкий, Гладких) И.Е. 440, 512, 513, 518, 528, 1048, 1049
Глазенап С. 1087
Глазов В.Н. 1106, 1116, 1175, 1176, 1188, 1195, 1200
Глинка Ф.Н. 1109
Гмелин И.Г. 74
Гмелин С.Г. 922
Гобеджишвили Г.Ф. 927

Годовиков И. Д. 1254
Голаев Х. Б. 1052
Голдина Р. Д. 898
Голенищев В. С. 161
Голенищев-Кутузов, ген.-лейт. 142
Голицын М. А. 161
Голицын Ф. А. 161
Головин Ф. А. 1402, 1403, 1412, 1413
Голофаст Л. А. 371
Голубева О. Д. 289
Голубович В. 1216
Голубцов В. В. 1335
Гольмстен В. В. 915
Гоппе Э. 307
Горбунова К. С. 433, 559, 719
Гордиенко Э. А. 1316
Горностаев И. 160
Городцов В. А. 72, 596, 808, 816, 819, 823, 831, 933, 937, 949, 1053, 1427, 1428
Горончаровский В. А. 282, 362, 399, 409, 464–466, 469, 479
Горчаков А. М. 99
Горбуров Е. 284, 1060
Горбуров К. 284, 1060
Горький А. М. 1402
Готье Ю. В. 1462
Гоувальт С. О. 1379
Гохманы, скупщики антиквариата 669, 708, 734
Гошкевич В. И. 697, 699, 710, 733–736
Грабарь И. Э. 1436, 1436, 1439, 1453, 1456, 1460, 1461
Грановский Т. Н. 83
Гранэ И. Г. 873
Грацинский И. Ф. 896
Грач А. Д. 871
Грач Н. Л. 559, 623
Гревс И. М. 40, 1462
Грейг А. С. 743, 745
Греков Б. Д. 54
Грен А. Н. 1004
Грехова Л. В. 816
Грибанова Н. 1202, 1208, 1212, 1220, 1232
Григорий, патр. Антиохийский 302
Григорович В. И. 148
Григорьев В. В. 98
Григорьев В. П. 579
Григорьев П. 1197
Григорьева О. В. 16, 951
Гримм А. И. 160, 162
Гримм Д. И. 1273, 1276
Гринберг З. Г. 1459, 1460
Гриневич К. Э. 64, 376, 444, 518, 531, 535, 744–746, 758, 764, 772, 774, 778
Гриневич Ю. П. 526
Гриненко Л. О. 260, 339
Гринцевич А. 576
Грищенко С. Н. 678
Гросс И. Л. 112
Гросс Ф. И. 44, 47, 48, 56, 59, 111, 112–115, 255, 358, 374, 379, 383, 384, 390–392, 394, 398, 401–403, 405, 413, 415–417, 419, 420, 431, 433–441, 443, 460–461, 468, 470, 471, 477, 482, 487, 493, 562, 563
Гротен М. Н. 1181
Грязнов М. П. 1462
Грумм-Гржимайло Г. Е. 876
Гуляев Н. С. 846
Гумбольдт А. Ф. В. 784
Гурлянд И. Я. 227, 228, 230
Гурьева, помещица 1034
Гурьевы, помещики 404, 428, 561
Гурулева В. В. 68, 83, 84
Гурянко Г. 598
Гущин А. С. 178, 1115
Гущян Л.С. 967
Гюббенет А. Я. 233
Гюльдентштедт И. А. 922, 993

Давыдов А. И. 71
Даниил Галицкий, король Руси 1364, 1366
Данилевич В. Е. 816, 818
Данилов Г.М. 678
Данилов И. 354
Данилов, помощник П. П. Покрышкина 1209
Дворницкий, мировой судья 1272
Де Рибас И. 1391
Девель Т. М. 35–37, 1058
Дель И. Д. 57, 105,
Делянов И. Д. 167, 186, 187, 191, 743, 749
Демиденко Л. 481, 535
Демидов А. Н. 74
Демидов Н. 538
Демидов П. А. 1358
Демидов П. Н. 160
Демин М. А. 278
Денемарк В. Н. 40
Деникин А. И. 781
Деньер А. 82
Деппуева Д. Е. 1031
Деревенец А. 518, 529
Дерибас О. М 150, 1391
Дерпфельд В. 302
Джакомо Корнаро, консул 1010
Джанибек, хан 1031
Джапаридзе О. М. 1054
Джунковский, губ. казначей 140
Дзелихов Б. 1044
Дзендзич М., ксендз 1357, 1358
Дзероминский, собиратель древностей 878
Дзюба О. Ф. 814

Дикарев М. П. 1247
Динамия, царица 478–480
Диль Э. В. 350
Диофант, житель древнего Херсонеса 746
Дирин А. А. 489–491
Дирин С.Н. 814
Диттель И. Ф. 1101
Длужневская Г. В. 16, 35, 38, 40, 68, 73, 92, 180, 270, 833, 885, 895, 903, 916, 956, 958, 1086, 1091, 1201, 1440, 1462
Дмитриев А. В. 479
Дмитриев В. А. 951
Дмитриев-Мамонов А. И. 863
Дмитрий, владимирск. кн. 1290
Дмитрий, царевич 1267
Дмитрий Александрович, кн. 1294
Добровольский И. 345
Добронравов В., прот. 1293
Добрынин А. Ф. 40
Добужинский М. В. 1402
Докучаев В. В. 808
Долбежев В. И. 242, 931, 983, 984, 987–993, 1027, 1036, 1054
Долгорукий П. А. 335
Долинин, фотограф 863
Доманицкий В. Н. 265
Доманская Э. С. 29, 39, 40
Доманский Я. В. 104
Дондуков-Корсаков А. М. 179, 939
Дорн Д. А. 106
Дорнштруб П. П. 142
Дорошко О. П. 271
Дружинин В. Г. 35, 57, 68, 103, 109, 181, 201, 206, 228, 248–253, 270, 271, 315, 316, 332, 914, 915, 1156
Дружинина И.А. 1016
Дубинский С. А. 1182–1186, 1191, 1192
Дубов И. В. 1126
Дубогрызов Н. 1049
Дуве В. О. 149
Дудин С. М. 35, 37, 1083–1086, 1091
Думберг К. Е. 12, 47, 49, 57, 59, 195, 200, 256, 257, 259, 261–263, 423, 441, 443–445, 449, 453, 455–464, 466–481, 492–494, 520, 521, 526, 532, 637, 640, 642, 670, 673, 674, 977, 978, 1014
Дыминский А. И. 1108
Дьяков А. Н. 1307, 1310
Дэвлет М. А. 846, 851, 853, 856, 860
Дюбрюкс П. 75
Дюрст И. 1085

Евгений (Отмарштейн), иг. 133, 745
Евгеньев А. А. 71
Евмел, царь Боспора 407
Европеус Д. П. 1140
Евфимов Д. 257, 259, 262
Егоров, губернский регистратор 142
Егоров, керамист 1401
Егоров Д. Н. 1456
Ежов К. 1049
Екатерина II, имп. 895, 922
Елисеев С. Г. 1424, 1461
Еремеев И. И. 814
Ерицов (Ерицян) А. Д. 927, 931
Ермаков Д. И. 37, 928–930, 938, 940, 984, 1030, 1074, 1088
Ермолаев А. П. 877
Ермолов А. П. 922
Ернштедт Е. В. 382, 467, 487, 498, 500, 505
Ершова Т. А. 16, 1408
Есаян С. А. 981, 1026
Ефименко П. П. 806, 831
Ефимов Д. 1014
Ефимов Н. Е. 1210
Ефрон И. А. 913
Ефросиния Полоцкая, св. княгиня 1149
Ешевский С. В. 913

Ёлшин Д. Д. 68, 73, 215, 1202, 1208, 1201, 1218, 1219, 1232, 1233, 1236
Єлшин Д. Д. см. Ёлшин Д. Д.

Жебелев С. А. 29, 40, 49, 53, 59, 62, 64, 72, 128, 130, 131, 244, 247, 250, 254, 271, 272, 274, 277, 287, 296, 302, 305, 334, 335, 497, 526, 531, 667, 756, 779, 900, 1117, 1207, 1422, 1444, 1450–1453, 1460
Жервэ Н. Н. 12, 805, 806
Жилина Н. В. 1096
Жиль Ф. А. 76, 161
Житкевич (Жидкевич) Н.А. 730, 733, 735, 736
Житников В. Г. 420, 525, 629
Жуков Ю. Н. 1410
Жуковский А. Т. 1147
Жуковский В. А. 58, 280, 285, 1072–1074, 1091
Жуковский М. О. 395
Журавлев Д. В. 271, 274

Забелин И. Е. 41–43, 45, 56, 58, 87, 99–101, 103, 105, 106, 129, 133, 151, 177, 202, 216, 278, 336, 360, 381, 382, 387, 388, 393, 395, 407, 435, 541–548, 550, 551, 553–557, 650–652, 658–660, 662, 663, 682, 790, 1387
Забнин С. И. 803
Завитневич В. З. 222, 1129–1131, 1155
Завитухина М. П. 74
Заднепровская Т. Н. 1429
Закревский А. А. 85
Заленский В. 1173

Залесская В. Н. 336
Замысловский Е. Е. 166
Замятнин С. Н. 630, 632, 831
Запорожский Е. Р. 442, 464
Засецкая И. П. 500
Застрожнова Е. Г. 1060
Захаров А. 1108
Захаров Г. 1197
Захаров С. Д. 1098
Захарова А. В. 154
Захарова Е. Ю. 71, 632
Захарьянц М. 981
Зверев С. Е., свящ. 631–632
Згерский-Струмило О. Б. 874
Зеймаль Е. В. 330
Зейферт, землевладелец 546
Зеликман М. Н. 914
Зелютин Д. Е. 796, 802
Зименс, фон, В. 1035
Зиновьев Г. Е. 533, 534
Зинько В. Н. 360, 375, 376, 432, 460
Зинько Е. А. 467
Зичи Е. 581, 582
Знаменский М. С. 863, 876
Знаменский О. Н. 1402
Знаменровский-Сухер И. 1376
Зноско-Боровский Е. А. 584
Золотарев Д. А. 1461
Золотарев М. И. 744, 746
Зубарь В. М. 743, 755, 773
Зубов В. А. 961
Зубов В. П. 266, 1410, 1411
Зуев В. П. 314
Зуев В. Ю. 321, 356, 421, 529, 1445
Зырянов А. Н. 902
Зырянова С. Ю. 71
Зябин И. 1049
Зяблов С. 257, 451, 461, 658
Зяблов Ф. 480, 505

Ибн-Фадлан, араб. географ 265, 718
Ивакин Г. Ю. 1235
Івакін Г. Ю. см. Ивакин Г. Ю.
Иван III, вел. кн. 1031
Иван IV, царь, вел. кн. 1031, 1093, 1095, 1144, 1147, 1380, 1435
Иван Иванович, царевич 1146, 1147
Иванов А. А. 291
Иванов А. В. 1321
Иванов В. В. 1265
Иванов Д. 411
Иванов Е. И.
Иванов Е. Э. 743, 744
Иванов М. М. 961, 962
Иванов Н. А. 896
Иванов Н. Д. 41, 42, 60, 111
Иванова А. П. 401, 467, 487, 505
Иванова В. Н. 16
Ивановский А. А. 966, 973, 1034
Ивановский В. В. 95
Ивановский Л. К. 1156, 1157, 1182, 1188, 1200
Иванчик А. И. 409
Иверсен Ю. Б. 58, 135, 136, 277, 1097–1099
Игнатьев А. П. 595, 820
Игнатьев Н. П. 108, 1058
Игнатьева О. В. см. Игнатьева-Вильбоа О. В.
Игнатьева-Вильбоа О. В. 895, 897, 899, 920
Иессен А. А. 290, 923, 1053, 1054
Иентцен Ф. 79
Извеков Н., прот. 1322
Извольский П. П. 276, 1288
Износков И. А. 1114
Иловайский Д. И. 931
Ильин А. А. 53, 288, 1424, 1461
Ильина Ю. И. 701
Ильинская В. А. 403, 579, 585, 588, 589, 611–613, 648
Ильминский Н. И. 148
Иннокентий (Борисов), архиеп. 744, 745
Иннокентий (Тихонов), иеромон. 53, 1439
Иностранцев А. А. 309, 796, 805–807
Иоанн, иеромон. 1279
Иоанн Болгарский, протоиерей 922
Иоанникий (Надеждин), еп. 1267
Иоанникий (Руднев), митр. 1358
Иоаннисян О. М. 103
Иодковский И. 1369
Иосиф, патриарх Константинопольский 1039
Иосиф (Соколов), еп. 1349
Иохер А. А. 222
Исаев П. Ф. 195
Ислави М. В. 1307

Кагаров Е. Г. 715
Казакевич Н. И. 161
Казаков А. Н. 967
Кайсаров М. 895
Калантар А. А. 964
Калачов Н. В. 236
Каликин Ф. А. 1316
Калинин А. И. 1058
Калинин В. А. 288
Калиновский В. В. 71, 769
Каль Е. Ф. 222, 1070–1072
Калькани И. 411
Камасария, царица Боспора 415, 436
Каменецкий И. С. 568, 1031
Каменский В. И. 320, 808
Каменский И. Г. 920, 922
Каминский И. С. 1247

Каминский Ф. И. 819
Канторович А. Р. 667
Канторович, скупщик древностей 1040
Кануков Х. 983, 984, 987, 991, 1032, 1033
Капанцян Г. А. 964
Капошина С. И. 694, 701, 707
Карабинов И. А. 1440
Карасев А. Н. 273, 654, 667, 676, 683, 686, 690
Караулов В. Д. 1327
Каргер М. К. 1202, 1213, 1214, 1227, 1231, 1232, 1236
Карейша Д. В. 260, 561, 744
Карелин В. А. 1408, 1413, 1414
Карл III Бурбон, король 90
Карпов Л. И. 1341
Каррутерс Д. 874
Карсавин Л. П. 1462
Карташев А. В. 1291
Кассо Л. А. 1452
Кастелли К. К. 108, 136, 160
Кастрен М. А. 786, 789
Катонин Е. И. 1424
Кауфман, фон, К. П. 1058, 1060
Кафтарадзе К. З. 951
Кац В. И. 71, 748, 749, 771–773
Качалова И. Я. 1322, 1411
Кашаев С. В. 113, 435
Кашовская Н. В. 133
Кащенко Н. Ф. 814, 834, 876
Квартано Н. Н. 1026
Келлер Ф. 788
Кенион К. 1216
Кеппен П. И. 76, 675
Керенский А. Ф. 1403, 1410
Кибальчич Т. В. 178, 179, 611, 794, 1282
Кибовский А. В. 12
Кизерицкий Г. Е. 161, 573
Кикин А. П. 142, 1106, 1107
Килиевич С. Р. 1227, 1235
Кіліевич С. Р. см. Килиевич С. Р.
Кинжалов Р. В. 978
Кириллов Л. И. 1336, 1414
Кирпичников А. И. 304
Кирпичников А. Н. 1253
Кирчо Л. Б. 1091
Кирьяков Г. С. 819
Киселев В. 1129
Кисель В. А. 623, 634, 635
Китнер И. С. 48, 58, 209, 210, 280, 1297, 1342, 1390, 1414, 1422
Китнер Ю. И. 209
Китова Л. Ю. 71
Клапрот Г. Ю. 922
Клейн Л. С. 72, 74, 78, 84, 86, 100, 102, 162, 163, 181, 189, 250, 254, 273, 279, 289, 796, 820, 822, 823, 1216, 1227, 1451
Клекин П. С. 112
Клеменц Д. А. 833, 842–849, 851, 857, 860, 872, 885
Клеонов И. Л. 280
Клер О. Е. 915
Клетнова (Клетнева) Е. Н. 1397
Клименко Н. И. 1259
Клодт фон Юргенсбург М. П. 43, 61, 118–119, 154
Кляшторный С. Г. 841
Кнегницкий П. Е. 967
Книпович Т. Н. 564
Кобылина М. М. 367, 407, 465
Ковалев Е. П. 1083
Ковалевский Е. П. 230
Ковпаненко Г. Т. 584, 585, 648
Козенкова В. И. 1054
Козлов Г. К. 1030
Козловский В. Ф. 37, 1075, 1078, 1080, 1081
Козуб Ю. И. 690
Козырев А. А. 36, 1087
Козьминых Г. К. 897
Козюба В. К. 1202, 1214, 1220, 1227, 1230, 1232, 1233, 1235
Коковцев П. К. 1462
Колесников А. А. 1057
Колесникова В. А. см. Колеснікова В. А
Колеснікова В. А 585, 590, 826, 1203, 1204
Колесникова М. Е. 921, 922
Коловский З. М. 12
Колтовский М. Е. 257
Кольга И. 1014
Кольченко В. А. 1062
Колюбакин Н. П. 1026
Комаров А. В. 931, 1072, 1081
Комарова И. И. 145, 162
Комаровский А. Е. 58, 295
Комзолова А. А. 1135
Кон Ф. Я. 873
Кондаков Н. П. 37, 43, 46, 56, 59, 63, 102, 103, 138, 161, 163, 176–178, 219, 241, 247, 248, 261, 272, 275, 293, 304, 305, 306–308, 330, 332, 336, 347, 380, 388, 399, 403, 404, 418, 424, 431, 433, 435, 540, 545, 546, 550, 559, 750–754, 806, 931, 944, 1045, 1095, 1118, 1151, 1153, 1155, 1203–1205, 1228, 1247, 1273, 1277, 1293, 1295, 1316, 1392, 1432, 1560, 1462
Кондараки В. Х. 115
Конецкий В. Я. 298
Конкордин А., прот. 1147, 1148, 1316
Коннолли П. 501
Кононов А. Н. 841

Коноплянский Ю. 1263
Константин VII Багрянородный, виз. имп. 719, 1256
Константин Константинович, вел. кн. 38, 1158, 1203, 1213
Константин Николаевич, вел. кн. 38, 1058
Константинов И. И. 161
Копейкина Л. В. 403, 562
Копылов В. П. 420, 525, 629
Корецкий М. 529
Корзухина Г. Ф. 40, 1151, 1155, 1165, 1202, 1203, 1229, 1230, 1232, 1432
Корнатовский Н. А. 1444
Корнфельд Г. 316
Коробков Д. Ю. 744
Короваев Л. Е.
Коровина А. К.
Королев А. Е. 1159
Королькова Е. Ф. 13, 74, 623
Королькова Л. В. 1160
Коростовец И. В. 1380
Коростовцев М. А. 175
Косарь, художник 488
Косик О. В. 1212
Косс Ян 1370
Костылева Е. Л. 816
Костромичев Д. А. 271
Косцюшко-Валюжинич К. К. 49, 50, 57, 59, 266, 271, 272, 275, 276, 282, 302, 305, 311, 323, 752–757, 760, 761, 764, 766–773, 779, 816, 1161
Котис I, царь Боспора 479
Котис II, царь Боспора 498
Котляревский А. А. 1099
Котов Г. И. 48, 58, 210, 240, 281, 335, 1273–1275, 1282, 1287, 1295, 1297, 1359, 1387, 1391, 1422
Коханский Ф. 1184, 1192
Кочубей В. С. 583, 1045
Кошеленко Г. А. 667, 1067
Коялович М. И. 1128
Крамаровский М. Г. 1016, 1095
Крапивина В. В. 690
Красинский Э. 1377
Краснов Н. П. 1392
Краснодубровский С. С. 1112
Красовский А. К. 1249
Красовский М. 211
Крачковская В. А. 294
Крачковский И. Ю. 1461
Крейтон В. Н. 53, 1137, 1439
Крейтон С. Н. 824
Крелленберг Б. Е. 1115
Кривощеков И. Я. 917
Кривцов Г. Е. 1059
Крузе К. 76, 744
Крузе, фон, А. А. 1141
Крупнов Е. И. 1054
Крыжицкий С. Д. 474, 475, 654, 690, 720
Крыласова Н. Б. 915, 920
Крылов А. Н. 120
Крым-Гирей С. 1031
Крысин Г. П. 1403
Крюгер, учитель 1142
Крюгер Ф. 78
Ксения Тверская, св. княгиня 1327
Куборский Н. П. 1088
Кубрат, хан 336
Кудрявцев А. И. 1231, 1439
Кудряшов К. В. 1182, 1186–1189
Кудряшов П. 1101
Кузнецов А. К. 877
Кузнецов В. А. 923
Кузнецов В. Д. 395, 397, 720
Кузнецов С. К. 833, 851, 865, 866, 876
Кузнецов С., сторож 505
Кузнецов С. С. 807
Кузнецов-Красноярский И. П. 833, 851, 860–862, 876, 885
Кузнецова Е. В. 271, 271, 743
Кузнецова Т. М. 403, 419
Кузьменко М. А. 214
Кузьмищев А. Г. 296, 711
Кузьміщев О. Г. см. Кузьмищев А. Г.
Кузьмин, топограф 1066
Кузьмина Н. Н. 1316
Кузьминский К. С. 100
Кузьминых С. В. 70, 72, 1428
Кукина Д. А. 16, 467
Кулаковский Ю. А. 48, 51, 53, 58, 248, 280, 283, 295, 401, 441, 452, 460, 487–493, 526, 664, 668, 670, 673–675, 694, 608, 710, 1422
Кулемзин А. М. 865
Кулешевич И. П. 479
Кулисич, домовладелец 113
Кун А. Л. 1059
Куник А. А. 106, 164, 1094
Курис И. И. 654, 655
Куркин, служащий ИАК 61
Кустов П., прот. 1281
Кусцинский М. Ф. 1165
Кутебаров И. 1058
Куфтин Б. А. 937, 949, 981, 1053, 1054
Кушелев-Безбородко Г. А. 42, 655, 656
Кушнарева К. Х. 981, 1054
Кушнер Н. С. 697, 710
Кызласов Л. Р. 850, 873
Кызласова И. Л. 102, 103

Лавров Н. Ф. 1188, 1191, 1196
Лавровский В. Е. 1439

Лаговской А. Е. 152
Лазарев В. Н. 102, 103
Лазаревская Н. А. 885, 951
Лазаревский Я. М. 357, 1097–1099
Лазарев-Станишев С. Н. 1358
Лазенкова Л. М. 110, 112, 129, 260, 356, 421, 431, 435, 444, 459, 493, 533, 535
Лалаянц (Лалаян) Е. А. 978
Ланг Ф. 42, 61
Ланжерон А. Ф. 75
Лансере Н. Е. 1239, 1342
Лапин В. В. 701, 707, 727, 742
Лапин С. А. 1089
Лаппо-Данилевский А. С. 48, 53, 54, 58, 280, 282, 286, 336, 565, 566, 568, 572, 573, 958, 1422, 1444, 1457
Лапшин В. А. 8, 68, 149, 1111
Ларионов, губ. инженер 1388
Латуха Т. И. 1230
Латынин Б. А. 250
Латышев В. В. 47, 49, 56, 244, 263, 280, 320, 323, 324, 327, 335, 491, 497, 516, 531, 654, 701, 728, 737, 774, 780, 1002, 1207, 1227, 1229, 1288, 1330, 1342, 1377, 1401, 1403, 1414, 1421, 1422, 1424, 1440, 1444, 1451, 1453, 1456, 1461
Латышева В. А. 535
Леббок Дж. 788
Лебедев А. К. 277
Лебедев Г. С. 65, 68, 69, 354, 439, 526, 574, 636, 1229, 1234
Лебедев, купец 1253
Лебединцев П., прот. 147
Лебедянская А. П. 1429
Лев VI, имп. 1256
Леви Е. И. 654, 660, 690
Леві О. І. см. Леви Е. И.
Левина Р. Ш. 40, 1429
Левис-оф-Менара, фон, К. 1380
Левитский (Левицкий) Н. Л., прот. 696, 697, 699, 707–709, 711
Левицкий И. Ф. 826
Левицький І. Ф. см. Левицкий И. Ф.
Левицкий О. И. 1272
Левкон, царь Боспора 380, 410, 428
Левшинов, земский начальник 917, 919
Лейбин А. 1063
Лейпунская Н. А. 654, 690
Лейхтенбергский Н. Н. 1158
Лемме, коллекционер 669
Ленин В. И. см. Ульянов В. И.
Ленорман Ш. 91
Леонов Г. А. 573
Леонтович В. Г. 1240, 1357, 1416
Леонтьев П. М. 81
Лепер Р. Х. 50, 52, 53, 57, 59, 271–276, 330, 339, 771, 774–779
Лепехина Е. В. 288
Лепихин А. Н. 908
Лермонтов М. Ю. 923
Лерх П. И. 34, 42, 43, 44, 60, 106, 108–110, 115, 125, 131, 135, 165, 249, 783–785, 787–794, 808, 820, 822, 826, 836, 1057–1060, 1099
Лесная Е. С. 271
Лешке Г. Б. 297, 733, 741
Либавич, фотограф 1140
Либеров П. Д. 632
Ливен А. Х. 60, 115
Ливия, имп. 478
Лизимах, правитель Фракии 561
Линевич А. С. 41, 60, 104, 105, 120, 122, 357, 1109, 1247, 1248
Линниченко И. А. 1228
Липгарт Э. К. 288
Липко-Парфиевская (Парафиевская) А. А. 444
Липсиус Ю.-Г. 296
Лисицына О. В. 814
Лисовский В. Г. 207, 208
Литвинов Б. 1084, 1086, 1087
Литвинова Е. 529
Литовиченко Л. А. 550
Лихачев Н. П. 267, 347, 1440, 1461
Лиш Г. Ф. 788
Лобанов-Ростовский А. Б. 43, 165, 170
Ломтатидзе Г. А. 927
Лопатин И. А. 50, 58, 280, 842, 851
Лопатин Т. 505
Лоран Ш. Г. 1041, 1042
Лордкипанидзе О. Д. 927
Лосский Б. Н. 301
Лосский Н. О. 301
Лохвицкий К. А. 1210
Лукомский Г. К. 1355, 1410
Лукьянов С. С. 53, 526, 530, 1456, 1461
Луначарский А. В. 53, 534, 1406, 1408–1411, 1413, 1415, 1422, 1423, 1429, 1432, 1445
Лунин Б.В. 1065, 1066
Лыжина Е. 163
Львов Ю. 1101
Львова З. А. 336
Люценко А. Е. 41, 43, 59, 81, 87, 110, 112–114, 129, 130, 133, 356–360, 368–372, 374–376, 380–382, 388, 392, 396, 397, 401, 403, 404, 409–415, 417–419, 421, 431, 437, 440, 450, 461, 477, 486, 540, 561–563, 658, 1034
Люценко Е. Е. 39, 130
Ляшко С. М. 599

Маврогордато П. А. 637
Маевский К. Я. 1260, 1262

Мазараки С. А. 612–613
Мазиров Л. 357
Мазка В. 257
Майков В. В. 166
Майков Л. Н. 935
Макаренко Н. Е. 38, 53, 159, 161, 309, 315, 330, 335, 336, 632, 824, 915, 1159, 1160, 1161, 1165–1168, 1439
Макарий (Миролюбов), архим. 344, 1144, 1146
Макарий (Гневушев), архим. 1326
Макаров А. А. 230
Макаров Н. А. 12, 1098
Макаров П. М. 1402
Маковская Л. К. 189
Максимов В. Н. 1358
Максимова М. И. 392, 393, 395, 399, 400, 465, 469, 516, 560, 634, 653
Макушев В. 1099
Малама Я. Д. 261
Малеин А. И. 52, 53, 59, 272, 284, 362, 368, 1414, 1422
Маленко И. Ф. 257, 259, 262, 1014, 1024, 1039
Малинов А. 282
Малиновский А. Ф. 1094
Малиновский П. П. 1413
Малицкий Н. В. 1439, 1440
Малов А. Н. 53
Малов А. Ф. 1439
Малько В. 667
Мальмберг В. К. 12, 53, 59, 104, 256, 282, 286, 327, 655, 566, 568, 572, 573, 754, 958, 1422, 1460, 1461
Мальмберг Я. Н. 12, 104, 256, 286, 458, 459
Мандрик М. В. 16
Манфреди, консул 584
Манцевич А. П. 568, 640, 647, 653, 741
Мариньи Т. 922
Мария Павловна, вел. кн. 1307
Маркевич А. И. 130, 492, 654, 662, 665, 1392
Маркина Г. К. 1302
Марков А. К. 50, 282, 288, 530, 1099, 1422, 1461
Марковин В. И. 1021, 1054
Марр Н. Я. 38, 47, 50, 53, 57, 255, 282, 289, 307, 311, 335, 533, 667, 927, 931, 949, 958–961, 963–968, 978, 1025, 1045, 1046, 1402, 1406, 1413, 1415, 1421, 1422, 1424, 1427, 1429, 1435, 1437, 1438, 1440, 1444, 1445, 1446, 1450–1453, 1456, 1457, 1459–1461
Марти Ю. Ю. 64, 80, 110, 112, 114, 260, 465, 564, 531, 536
Мартиросян А. А. 927, 978, 981, 1054
Мартынов А. 216
Мартынов А. И. 865
Мартынов, художник 1321
Мартынович А. И. 632
Мартьянов Н. М. 851, 876, 877
Марченко И. Д. 664
Марченко К. К. 420
Марченко Л. В. 743, 773
Масленников А. А. 369, 393, 481, 491
Маслинов С. 505, 535
Маслов К. И. 117
Маслюк А. 576
Масолов А. А. 335
Масоно, винодел 584, 1045
Матвеев И. А. 877
Матвеев Н. Г. 1343
Матевеева Л. В. 283
Матевеева П. А. 278
Матвеева Ю. П. 877
Матющенко В. И. 850, 877
Мацулевич Л. А. 647, 1432
Мачинский А. В. 40
Мачинский Д. А. 555, 634
Машуков В. Д. 1332
Медведев И. Н. 41, 44, 61, 83, 111, 241, 1154, 1200
Медведев И. П. 244, 293
Медведев М. И. 71
Медведева М. В. 16, 39, 40, 68, 73, 180, 190, 212–214, 321, 353, 487–489, 495, 500, 510, 1116, 1142, 1143, 1165, 1175, 1181, 1182, 1201, 1221, 1237, 1240, 1253, 1302, 1306, 1311, 1393, 1397, 1400, 1416
Медведь А. Н. 67
Медем О.М. 1306
Медникова Е. Ю. 212, 1220, 1221, 1237, 1299
Медынцева А. А. 1150
Мей А. 1155
Мейендорф П. К. 835
Мельгунов А. П. 538
Мельников П. И. 897
Мельников П. П. 143
Мельникова Е. А. 717–718
Мельничук А. Ф. 908
Мелюкова А. И. 546, 653
Мелюх Е. Ю. 68, 1208
Мемнон, древнегреч. полководец 521
Менгли-Гирей, хан 1031
Менжинская Л. Р. 1450
Менье Г. 835
Мережковский К. С. 819, 830
Месроп (Смбатянц), архиеп. 981, 1381
Мессершмидт Д. Г. 74, 833
Метаркин П. 626, 627
Мефодий, архим. 1287
Мещанинов И. И. 971, 1461
Миклашевский М. П. 541, 543, 545
Милеев Д. В. 61, 215, 335, 1202, 1205, 1207–1236, 1241, 1247, 1330–1332, 1335–1337, 1357, 1396

Милеева Е. В. 1209, 1336
Миллер А. А. 53, 524, 525, 630, 931, 951–956, 1005, 1046, 1047, 1053, 1054, 1382, 1424, 1427, 1440, 1444, 1446, 1450, 1451, 1457, 1461
Миллер В. И. 1341
Миллер В. Ф. 1054
Миллер Г. Ф. 74, 75, 322
Миллер О. Ф. 1148, 1345
Милорадович С. Д. 1321
Миницинский Н. 1258
Минко Н. К. 916
Минцлов С. Р. 36, 834, 872–875
Миран-шах, мирза 1066
Мирза Кекуватский 483
Мирза Улугбек 1060, 1087
Мирза Ахмед-Ага Магомед-Оглы 973
Миронов А. 128
Митридат VI Евпатор, царь Боспора 362, 469
Митридат VIII, царь Боспора 479
Митров Е. 257, 428
Михаил Николаевич, вел. кн. 224, 582, 927
Михаил Федорович, царь 1247
Михайлов К. А. 1232
Михайлов У. 42, 112, 241
Михайлова Е. Р. 68
Михайловский Е. В. 1302, 1397
Михно П. С. 877
Мишон А. 37
Мищенко Ф. Г. 1114, 1115
Млокосевич А. Л. 1026, 1030
Могилянский Н. М. 827, 830
Моисеев Л. А. 57, 59, 338–340, 678, 776, 779–782, 1406
Моисеева Н. Д. 16
Молвин, сов. чиновник 1440
Молева Н. В. 370
Молчановский Ф. Н. 1214
Монахов С. Ю. 271, 272, 517, 743
Монгайт А. Л. 1139
Монпере Д. 922
Монтаг А. 1387
Морган Дж. П. 664
Морган, де, Ж. 153, 827, 935, 937
Моргунов Д. В. 614
Мордтманн А. Д. 152
Моренцов И. 1049
Мортилье Л. Л. Г. 823, 829
Морозов Е. Л. 1297
Мостиц А. П. 877
Мошинский Ф. 576
Моцира А. 529
Мунчаев Р. М. 931
Муравьев М. В. 1310
Муравьев М. Н. 1135
Муравьев Н. А. 922
Муравьев Н. В. 222
Муравьев Н. Я. 961
Мюральт Э. Г. 376
Мурадошвили Т. 1031
Муратов П. И. 1460, 1462
Муренко А. С. 1057, 1058
Мурзакевич Н. Н. 144, 654, 745, 746
Мурзин В. Ю. 403, 550, 653
Мусин А. Е. 11, 16, 40, 55, 68, 73, 133, 180, 218, 293, 336, 353, 742, 745, 769, 832, 1150, 1366, 1201, 1210, 1240, 1400, 1416, 1462
Мусин-Пушкин А. А. 670, 672, 673, 675, 676, 679, 680, 682, 685
Мусин-Пушкин А. И. 656, 658
Мусина-Пушкина Л. А. 656, 658, 663, 665, 668–670
Мутусов С. 1379
Мышковская Анастасия 1370
Мясоедов В. К. 1316

Нагорный П. С. 1437
Надар Г. 1078
Надар П. 37, 1065, 1068, 1082
Назаров И. С. 1089
Наливкина М. А. 465
Наполеон III, имп. 88
Нариов А. 239
Нарышкин Н.А. 923
Наседкин С. Н. 53
Нат А.А. 376
Наум, архим. 1277
Науменко В. Е. 778
Наумов О. В. 12
Нащокина М. В. 211
Небольсин В. Ф. 1351
Неверов О. Я. 161, 493
Неверовский А. А. 1026
Невярдовский К. Д. 132
Некрасов С. С. 36, 1393–1395
Нелидов А. И. 303
Непомнящий А. А. 256, 487, 803
Нерадовский П. И. 347, 1311
Нестеров, сотник 314, 1015
Неструх Ф. П. 1281, 1287
Нестуля А. А. 1161
Нехорошев Н. Н. 1059
Нечаев, землевладелец 546
Нечогин П. С. 1062
Нижильский Г. 1049
Низовский А. Ю. 73
Никитин М. Н. 40
Никитин Н. В. 216, 748
Николаев А. Л. 208
Николаева Н. С. 65, 68
Николаева Т. В. 140

Николаева Т. И. 209
Николай I, имп. 76, 168, 277, 745, 923, 1266
Николай II, имп. 10, 23–28, 232, 301, 320, 330, 340, 507, 582, 758, 759, 769, 824, 825, 1354
Николай Александрович, цесаревич 84, 87
Николай Михайлович, вел. кн. 337, 730, 731
Николай (Зиоров), еп. 767–769
Николай, архим. 1287
Никольский В. К. 1461
Никольский М. В. 966
Никоноров В. П. 360
Нина, игум. 1313
Новальский И. С. 672, 673
Новиков А. В. 493
Новиков Е. П. 303
Новиков Н. 1030
Новицкая, землевладелица 1211, 1219
Новокрещенных Н. Н. 900, 902–904, 907–912, 917
Новосадский А. 272
Носенко В. П. 729
Носов Е. Н. 12, 68, 298, 1117, 1302
Носоновский М. И. 133

Оболенский А. В. 1311
Оболенский А. Д. 223
Оболенской Д. А. 335
Овчинников М. П. 876
Оганесян Д. 958
Огден Д. 375, 382, 384, 406, 517
Окладников А. П.
Окулич-Казарин Н. Ф. 1255
Олег, кн. 1135
Олейников Д. И. 922
Оленин А. Н. 77, 78, 117
Ольденбург С. Ф. 53, 285, 842, 1084, 1424
Ольшевский К. И. 314, 931, 983, 897, 1026–1030, 1042, 1054
Ольшевский, ксендз 580
Онайко Н. А. 479, 592, 613
Оненц Т. 963
Орановский Е. В. 1415
Орбели И. А. 53, 931, 964, 966, 967, 1424, 1444, 1453, 1456, 1457, 1460, 1461
Ордэ Н. 1075, 1078
Орешников А. В. 107, 202, 266–268, 327, 664
Орик, сын Ариапифа 647
Орлов А. С. 1150
Орлова-Чесменская А. 1307
Основский А. 257, 505
Оссовский Г. 66, 575–579, 834, 863–865
Остер П. А. 1040
Островерхов А. С. 701
Островских П. Е. 878
Острогский В. А. 1182, 1185, 1186
Остроумов Н. П. 1070, 1424
Очир-Горяева М. А. 627
Ошурков В. А. 872

Павел I, имп. 78
Павел, иг. 1281
Павлов Д. Т. 39, 207, 1440
Павлова В. 1232
Павловский А. А. 327
Павловский И. Ф. 1165
Павлюченко, казак 1049
Паевский Л. С., свящ. 1352–1354
Палинов К. П. 314
Палладий (Ганкевич), еп. 185
Палладий (Раев), еп. 1109
Паллас П. С. 922
Пампелли Р. В. 1084, 1085, 1087
Панкратьев Г. А. 1075–1078
Пантусов Н. Н. 44, 48, 58, 131, 183, 280, 283, 284, 307, 1060–1063, 1091
Панченко А. А. 1135
Папанова В. А. 654, 663
Парович-Пешикан М. 690
Парис, античный герой 664
Парляска К. 479
Паромов Я. М. 395, 399, 479
Парфений (Левицкий), архиеп. 346
Парфений (Попов), еп. 148
Пассек Т. С. 250
Пассек В. В. 101
Патиниоти Н. Ю. 623
Пахомов Е. К. 1031
Певцов М. В. 876
Переводчикова Е. В. 553, 559, 592
Передольская А. А. 432, 433
Передольская А. В. 805
Передольский В. С. 309, 804–806
Перескоков М. Л. 908
Перисад I, царь Боспора 478
Перисад II, царь Боспора 561
Перисад III, царь Боспора 410, 436
Перовский Л. А. 78–82, 86, 87, 95, 191, 375, 424, 428, 539–541, 654, 744, 1097, 1108–1110
Пескарева К. М. 29, 40, 65, 92, 94, 180, 1092, 1424, 1445, 1446
Петерсен В. Г. 1176
Петр (Могила), митр. 1210
Петр I, имп. 7, 74, 81, 84, 103, 137, 158, 160, 538, 921, 1199, 1200
Петр Николаевич, вел. кн. 1392
Петр Петрович, цесаревич 74
Петренко С. П. 627
Петри Б. Э. 866, 876
Петров, учитель 896
Петров В. 1088
Петров Н. 1197

Петров Н.И., совр. автор 1135
Петров Н.И. 1149, 1322, 1326
Петров Н.С. 138, 190, 191, 242, 271, 1028
Петрова Э.Б. 200, 481
Петровский М.М. 1203, 1226, 1229
Петровский Н.М. 1088
Петровский Н.П. 36, 37, 1071, 1087
Печенкин Н.М. 730, 756, 770, 775
Пивоварова Н.В. 293, 1231, 1439
Пидопличко И.Г. 803
Пилингер Р. 744
Пиотровский Б.Б. 981, 1053
Пиотровский М.Б. 12, 319
Писарев С.П. 1250, 1261
Пискарев, чиновник по археологической части 541
Питт-Риверс А. 1217
Пицхелаури К.Н. 927, 1054,
Платонов С.Ф. 53, 248, 251, 1424, 1444
Платонова Н.И. 65, 68, 72, 73, 83, 212, 289, 353, 784, 787, 807, 822, 823, 832, 1117, 1201, 1409, 1411, 1417, 1424, 1428, 1436, 1437, 1444, 1452, 1462
Плотников В.А. 37, 344
Плотников И.К. 1353, 1354
Плотников, урядник 1040
Плюснин В. 796
Плюшкин Ф.М. 51
Победоносцев К.П. 184, 216, 753, 766, 767, 769, 1146, 1147, 1275, 1276, 1287, 1294
Погодин С. 282
Погребенко, казак 1050
Подгорбунский И.А. 877
Подобедов В.А. 1197
Подъяпольский С.С. 1243, 1297, 1302, 1397
Пожалостин И.П. 117
Покровская Э.В. 590
Покровский М.Н. 1445, 1456
Покровский Н.В. 52, 57, 103, 226, 236, 238, 290, 292, 293, 330, 334–336, 347, 768, 1128, 1136, 1275, 1336, 1359, 1402, 1439
Покровский С.И. 1115, 1186
Покровский Ф.В. 1128
Покрышкин П.П. 36–38, 51, 57, 68, 209, 212–213, 231, 240, 300, 320, 326, 330, 335, 342, 345–347, 1067, 1202, 1208, 1209, 1213, 1217, 1221, 1226, 1230, 1237–1241, 1252, 1254–1267, 1288, 1296, 1298–1312, 1316–1318, 1321, 1322, 1326, 1331–1337, 1340–1342, 1347, 1351, 1354, 1357, 1360, 1361, 1364–1377, 1392, 1393, 1401, 1408–1418, 1421, 1424, 1430, 1432, 1436, 1438, 1451, 1456, 1461
Полежаев А.И. 923
Полесский-Щепило М.Н. 154, 1250
Поливанов В.Н. 1111–1113
Полиевктов М.А. 1462
Полин С.В. 393, 517, 540, 653
Полиэн, древнегреч. историк 521
Половцов А.А. 248, 347
Половцов А.В. 164
Половцова С.А. 644
Полторацкая Л.К. 840
Поляков А.Г. 37
Поляков И.С. 783, 791, 819, 822
Поляков Н.С. 931
Полякова М.А. 186
Померанцев А.Н. 335, 347, 1335
Помяловский И.В. 188, 195, 1276, 1277
Попов А. 216
Попов К. 238
Попов Т. 138
Попов Х.И. 149, 564, 1012
Попова Т.Б. 816
Порфирий, иг. 1281
Постников П., свящ. 1095
Потанин Г.Н. 323, 871, 876
Потапов А.Л. 1135
Потоцкий И.О. 922
Потемкин, майор 923
Потин В.М. 84
Поярков Ф.В. 1064, 1089
Прахов А.В. 138, 166, 174–178, 184, 303, 1151, 1152, 1272, 1273
Преженцев А.Б. 1377
Прендель Р.А. 696, 709
Преображенский М.Т. 210, 335, 1273, 1282, 1287–1289, 1293, 1297, 1340, 1341, 1359, 1387,
Пресняков А.Е. 1457, 1462
Придик Е.М. 526, 531
Прозоровский В.А. 807
Прозоровский Д.И. 238, 1165
Прозрителев Г.Н. 921, 1031
Проскура К.А. 1027, 1042
Проскуряков П.С. 858, 883
Протасов Н.Д. 1439
Прохоров В.А. 277
Прохорова Т.А. 535
Пругло В.И. 385
Прусевич А.Н. 1355
Прушевская Е.О. 53, 518, 526
Прыгунов В. 505
Прытков П.А. 61
Пурцеладзе Д.П. 944–946
Путятин П.А. 38, 806, 808, 1157
Пучков А.А. 249, 283, 287, 487, 670, 674
Пушкин А.С. 79, 1401
Пушкина Т.А. 1465
Пюльц А. 744
Пятышева Н.В. 518

Равдоникас В.И. 64, 250, 1161, 1430
Равицкая О.М. 1437

Рагоза А. Ф. 801
Радиевская Т. Н. 803, 826
Радієвська Т. см. Радиевская Т. Н.
Радлов В. В. 42, 45, 53, 58, 131, 183, 277, 278, 280, 306, 322, 501, 526, 783, 819, 833, 834–844, 849, 860, 885, 1060, 1084
Радлов Л. Ф. 783, 786, 787–789, 1111
Радлов Н. Э. 711
Раевский А. С. 49, 51, 60, 61, 268, 269, 330, 331, 335, 773, 1161, 1337, 1342, 1429, 1461
Раевский П. М. 1160
Разгон А. М. 65
Разумовский А. К. 79
Райков Б. Е. 784
Рамазан А. 1386
Раппопорт П. А. 1208
Распопов А. 1048
Раушенбах В. М. 796, 816
Рево (Рева) К. П. 812, 811–813
Редигер А. Ф. 774
Редин Е. К. 1146
Резепкин А. Д. 1022
Рейггс Я. 922
Реметалк, царь Боспора 367
Репников Н. И. 38, 39, 320, 330, 335, 773, 774, 796, 824, 1159–1164, 1234
Рерих Н. К. 807, 1158, 1159, 1288, 1308, 1311, 1402
Реслер Э. А. 59, 282, 287, 931, 968–977, 981, 1034–1039
Реутов А. А. 1233
Решетов А. М. 278
Ржаницын Н., свящ. 1109
Рипас, инженер-поручик см. Дерибас О. М.
Риттер К. 784, 796
Робертс К. В. 504
Рогалева, крестьянка 1093
Рогов А. П. 789
Родевич В. М. 873
Родзянко М. В. 527, 1046
Розен В. Р. 104
Ролле Р. 550, 653
Романов Е. Р. 47, 202, 221, 222, 1141, 1149
Романов К. К. 36, 38, 51, 53, 59, 213, 214, 240, 347, 677, 678, 680, 796, 951, 968, 1207, 1236, 1241, 1256, 1257, 1259, 1289–1291, 1311, 1316, 1337, 1341, 1342, 1379, 1414, 1415, 1422, 1427, 1432, 1437, 1461
Романов Н. В. 1351
Романов Н. И. 1453
Романович М. Е. 35
Романович Ф. И. 478
Романович Ф. С. 262, 1030, 1040
Романченко Н. Ф. 1339
Романчук А. И. 272, 275, 282, 339, 743, 744, 746, 753, 772
Ромашко В. А. 592, 594
Рославский В. М. 1436, 1437
Ростовцев М. И. 51, 53, 58, 128, 130, 131, 592, 597, 321, 324, 335, 340, 375, 376, 382, 384, 388, 389, 392, 393, 395, 399, 400, 403, 406, 408, 433, 434, 465, 467–469, 474, 475, 479, 488, 495, 498, 500–501, 505, 511, 516, 518, 523–526, 529, 531, 533, 535, 537, 540, 562, 568, 579, 602, 609, 631, 632, 637, 647, 651, 652, 672, 693, 732, 733, 741, 778, 1414, 1415, 1422, 1432
Ростовцев Н. Я. 1075
Рот В. Н. 771–773
Рувинский, ювелир 1040
Руденко С. И. 819, 915
Руднев А. Д. 53
Руднева С. Д. 526
Рудольф, австр. имп. 1095
Ружинский, житель Тобольска 878
Румянцев В. 217
Румянцев Н. П. 75, 87
Русов А. А. 931
Рыбаков Б. А. 1117, 1150
Рыдзевская Я. 579
Рыдзевский К. Н. 327
Рысин М. Б. 1055
Рычков Н. П. 896
Рычков П. И. 896
Рюрик, кн. 1096
Рябинин Е. А. 65, 92, 94, 180, 1092, 1159

Сабанеев Д. А. 309, 310, 335
Сабанеев Е. А. 1239, 1342
Сабинус, горожанин 306
Саблер В. К. 767
Сабуров П. А. 161
Савваитов П. И. 789
Савельев П. С. 39, 41, 56, 78, 81, 83, 86, 87, 98, 99, 106, 367, 1102, 1111
Савельев Ю. Р. 210, 211, 214, 1267, 1298
Савенко А. И. 1228, 1230
Савенков И. Т. 819, 833, 851, 857, 859, 877, 880
Савинов Д. Г. 74
Савицкий В. К. 1025
Савмак, скифск. царевич 400
Савостина Е. А. 434, 568
Савромат II, царь Боспора 523
Садиков П. А. 1182, 1184
Садовников С. В. 1293
Сазоновы, землевладельцы 150
Самойленко, атаман 504, 517
Самойлов В. Г. 53, 1414
Самоквасов Д. Я. 45, 51, 57, 181, 183, 201, 238, 279, 290, 299, 309, 315, 331, 335, 399, 421,

439, 579, 794, 931, 931–937, 1001–1004, 1054, 1106, 1123, 1128, 1173
Самокшин Н. С. 96
Сангушко, княж. род 580
Сапрыкин С. Ю. 479
Сарацинская В. 1362, 1363
Сардур, царь Урарту 967
Сатеев О. И. 568
Сатир, владыка Боспора 433
Сафонов (Софонов) Н. М. 264, 1247
Сафьянов Г. П. 871
Саханев В. В. 38, 623, 647, 1004, 1166
Сахаров И. П. 77, 147, 1108
Сахаров Ф. 1049
Светикас Е. 1128
Свинин В. В. 866
Святослав, владимирск. кн. 1290
Севиринов, крестьянин 1050
Седов В. В. 1130
Селиванов А. В. 808, 1064, 1090, 1137
Селин А. А. 1135
Семен Олелькович, кн. 1130
Семенов А. А. 1183
Семенов Н. 1381
Семенов, асессор 985
Сементовский А. М. 1125
Семеняка П. П. 386, 407, 478
Семянчук Г. Н. 1183
Серафим, иг. 1329
Сергеев С. И. 49, 900, 903, 905–908, 915, 1169–1174
Сергей Михайлович, вел. кн. 730, 738
Сергий (Спасский), архиеп. 1155, 1295
Сергий (Страгородский), архиеп. 1291
Серджи Г. 1085
Серебряный, поставщик строительных материалов 724
Серых Д. В. 152
Сецинский Е. 596, 597
Сибирский А. А. 80, 81, 83, 87, 253, 269, 428, 481
Сивков А. В. 316
Сигизмунд III, король 235
Сидорчук И. В. 1451
Сизов В. И. 1012, 1141, 1165, 1169, 1172, 1250
Сиверс А. А. 1462
Силантьева Л. Ф. 399, 404, 406, 559
Симоненко А. В. 667
Симони П. К. 1461
Симонович Е., свящ. 796, 797
Синельников А. Н. 602, 608
Синеус, кн. 1097, 1098, 1100
Сиротина О. А. 16
Сіткарьова О. В. 1213, 1230
Скадовский Г.Л. 697–708, 710, 711, 732
Скиндер В. А. 981, 982
Скопа В. А. 284
Скорый С. А. 579, 584, 585, 590, 592, 594, 596, 648
Скубетов М. И. 330, 771, 773
Скуднова В. М. 690, 701
Славин Л. М. 754
Славина Т. А. 207, 1279, 1280, 1297, 1397
Слонский, повар Березанской экспедиции 721
Словцов И. Я. 876
Смирнов А. С. 13, 16, 64, 68–72, 88, 109, 127, 145, 149, 152, 153, 163, 182, 303, 987, 1067, 1402, 1403, 1418
Смирнов В. Д. 306
Смирнов И. Н. 901, 902, 913, 914, 1114, 1115
Смирнов Я. И. 39, 307, 324, 327, 330, 335, 880, 882, 883, 931, 949, 962–968, 978, 1026, 1090, 1203, 1290, 1424, 1429
Смирнова Г. И. 597–599
Смирнова О. И. 1073
Смолин В. Ф. 73, 130, 193, 1115
Смолиньский Й. 1362
Смычков А. 630
Снегирев И. М. 174
Собко Н. П. 117
Соболев В. Ю. 1116, 1175, 1182, 1200
Соболевский А. И. 186, 283, 1148
Соколов В. В. 409, 506, 512, 518, 528
Соколов Г. И. 401, 465, 467, 468, 479, 481, 518
Сокольский Н. И. 388, 481
Солнцев Ф. Г. 41, 47, 61, 115, 117, 205, 206, 1244, 1245, 1247, 1249
Соловьев В. В. 517, 519
Соловьев Л. Ф. 1272
Соловьев С. Л. 696, 701, 738, 741
Соловьев С. М. 83, 1094
Солодовников А. В. 277
Солтыкович Г. 257
Сорокин А. Н. 70
Сорокин П. А. 1444
Сорокин Н. В. 915
Сорокин П. Е. 1341
Сорокина И. А. 13, 69, 70, 260, 1424, 1427
Сорокина Н. П. 524
Сорочан С. Б. 272, 743, 773
Сосновский В. И. 140
Сосновский Г. П. 856
Сосновский Ю. 37
Софонов К. Т. 1115
Спарток, владыка Боспора 407
Спасский И. Г. 136, 160, 288, 314
Спегальский Ю. П. 1288
Спицын А. А. 10, 38, 47, 50, 51, 53, 57, 63, 68, 107, 201, 239, 250–253, 261, 265, 298, 300–302, 308, 311, 320, 321, 324, 330, 332, 335, 336, 347, 469, 500, 526, 599, 605, 610, 611, 632, 636, 637, 640, 647, 772, 783, 804, 808, 823,

826–827, 829–831, 884, 895–906, 909, 911–916, 931, 933, 937, 953, 977, 980, 1001, 1004, 1035, 1092, 1095, 1106, 1111–1113, 1117, 1123, 1130, 1135, 1141, 1142, 1156, 1157, 1159, 1161, 1172, 1173, 1176, 1179, 1181–1183, 1186–1200, 1216, 1217, 1226, 1230, 1326, 1340, 1377, 1382, 1394, 1401, 1406, 1414, 1415, 1418, 1420–1422, 1439, 1440, 1456, 1462
Спицына Д. С. 900
Спицына Н. А. 1440, 1444
Спицын-Первый А. П. 113, 412, 414, 415
Срезневский И. И. 1148
Старжевский А. 1329
Стародубцев В. М. 380
Старостин Д. Н. 154
Стасов В. В. 45, 50, 58, 132, 138, 277, 467, 1389
Стахеев Н. Д. 1385, 1386
Стебницкий Г. В. 1437
Стеганцева В. Я. 68, 1055
Стеллецкий Д. С. 1311
Стемпковский И. А. 75, 401, 410, 411, 425, 584
Стенбок-Фермор А. А. 796
Степанов П. А. 916
Степанский А. Д. 65
Стерлигов, владелец усадьбы 1136, 1140
Стефани Л. Э. 41, 45, 58, 115, 118, 119, 129, 130, 153, 163, 164, 277, 278, 439, 466, 538, 559
Стефанский А. М. 113
Стржалецкий А. Я. 1362
Стржиговский Й. 103
Столица Е. П. 53
Стоюнин В. Я. 181
Стоянов Р. В. 362, 758, 773, 774, 782
Страбон, антич. автор 436, 569
Страхова Я. А. 12
Стремоухов П. П. 232
Стрижова Н. Б. 186
Строганов А. Г. 1383
Строганов С. Г. 14, 34, 39, 42, 44, 56, 62, 68, 82–85, 87, 88, 90–93, 96, 99, 101, 103, 105–107, 111, 113, 115–117, 119, 120, 125, 127, 128, 130, 132, 133, 138, 140–147, 150–152, 154–163, 188, 288, 305, 308, 311, 354, 357, 358, 359, 362, 365, 368, 369, 371, 373–375, 397, 407, 410, 414, 421, 423, 539–541, 553, 554, 556, 654–658, 662, 745, 791, 836, 897–900, 931, 1007, 1094, 1095, 1101, 1102, 1108, 1109, 1141, 1199, 1245, 1247, 1249–1253, 1260, 1266, 1292, 1354, 1388
Струве Ф. А. 63, 655
Струков В. Н. 142
Струков Д. М. 133, 753, 931, 949, 950, 1022, 1330
Султанов Н. В. 39, 48, 49, 50, 57, 210, 211, 226–228, 240, 294, 1253, 1254, 1260, 1262, 1267, 1269, 1271, 1275–1277, 1298, 1342, 1351
Сулейманов Р. Х. 1067
Сурма, станичный атаман 527
Суручан И. К. 662, 663, 665, 669, 675
Сусанна, иг. 1247
Суслов А. В. 40
Суслов А. И. 268
Суслов В. В. 38, 122, 207–209, 264, 335, 751, 1147, 1260, 1263, 1269, 1275–1284, 1287–1302, 1306, 1335, 1342, 1347, 1352, 1354,
Суслов И. А. 34, 42, 43, 49, 60, 107–109, 111, 135, 136, 158, 176, 241, 242, 261–268, 330, 335, 438, 442, 493, 673, 752, 1040, 1123, 1132, 1140, 1153
Суслов Н. И. 61
Суслов, художник 1088
Суслова А. В. 207, 208, 1279, 1280, 1297, 1397
Сутулло И. С. 34, 46, 51, 60, 261, 263, 269, 331, 1401
Сухарев М. М. 554
Суходольский Н. В. 51, 60, 269, 330, 1232, 1401
Суходольский С. П. 226, 227
Сухомлинов В. А. 339, 731
Сухорукова А. С. 247
Сысоев В. М. 455, 931, 995, 1054
Сычев Н. П. 38, 40, 53, 212, 1096, 1241, 1424, 1456, 1461

Такайшвили Е. С. 946–949
Талицкий М. В. 910, 913
Талько-Грынцевич (Гринцевич) Ю. Д. 66, 576–578, 834, 868–870, 877
Тамара, груз. царица 991
Тарасова, помещица 1129
Тарногурский С.С. 656
Татищев В. Н. 921
Таубе М. А. 222
Тебеньков М. М. 1030
Тенишева М. К. 1261
Теплоухов А. Е. 899, 902, 913, 916
Теплоухов С. А. 873
Теплоухов Ф. А. 261, 900, 902, 903, 907, 909, 913
Тер-Аветисян С. В. 967
Тереножкин А. И. 403, 589
Терентьев М. А. 1056
Терещенко А. В. 78, 81, 540, 1110
Терещенко М. А. 1203
Терлецкий И.А. 469, 498, 499, 503, 513, 531
Тер-Мовсесян Месроп, архим. 981
Тетеревников Н. К. 1110
Тиверий Юлий Евпатор, царь Боспора 235
Тизенгаузен В. Г. 34, 39, 42–44, 48, 49, 56, 68, 104–110, 113, 117, 124–126, 129, 132, 133, 140,

142, 148, 152, 154, 158, 167–170, 176, 181–183, 190, 195, 206, 242–244, 248, 249, 252, 253, 256, 261, 263–268, 279, 286, 289, 305, 322, 323, 384, 388, 395–400, 407–409, 421, 422, 435, 440–444, 458, 468, 478, 482, 488, 554, 556–560, 563, 580, 655, 658, 661–663, 749, 751, 764, 787, 845, 848, 902, 974, 980, 1005, 1006, 1009, 1013, 1028, 1099, 1109, 1110, 1127, 1144, 1275, 1292, 1295, 1357
Тилен В. 140
Тимур, хан 1114, 1116
Тиньков И. 1095
Тихомиров Д. 1136
Тихомиров П.И. 1143
Тихон (Белавин), патриарх 1438
Тихонов И.Л. 67, 68, 70, 71, 87, 104, 106, 108, 128, 129, 149, 180, 181, 250, 253, 254, 255, 282, 301, 353, 397, 556, 787, 807, 1126, 1128, 1181, 1182
Тихонов Н. 896
Тихонов Н.Н. 968
Тихонравов К.Н. 1102–1106
Тишенинов В.К. 1345
Тищенко А.В. 302, 1176, 1186,
Ткачева, помещица 1039
Тлесон, антич. мастер 701
Токарский Н.М. 964
Толмачев В.Я. 796, 800, 803, 916
Толмачев Н.А. 148
Толстиков В.П. 471
Толстой Д.А. 106, 161, 164, 165, 249, 746
Толстой Д.И. 347
Толстой И.И., младший 247, 1461
Толстой И.И., старший 45, 47, 52, 57, 122, 136, 137, 140, 165, 177, 178, 190, 194, 195, 219, 245, 247–249, 264, 301, 309, 330, 380, 403, 540, 546, 550, 555, 1095, 1137, 1273, 1277, 1282, 1358, 1359, 1390
Толстой И.М. 247
Толстой Л.Н. 186, 923
Толстопят, пристав 504, 517
Томсен В. 842, 850
Тонкова Р. 272
Тораманян Т. 963
Торопова Е.В. 807
Тотлебен Э.И. 143
Тревер К.В. 53
Трейстер М.Ю. 566, 568, 623
Трепов Ф.Ф. 823, 824
Третьяков П.Н. 1117,
Третьяков, купец 150
Трифон (Туркестанов), еп. 1320
Троицкий П., свящ. 1396
Тройницкий А.Г. 146, 147
Тройницкий А.Н. 1252
Тройницкий Н.А. 1186
Тройницкий С.Н. 1411
Троцкая (Седова) Н.И. 1414, 1437, 1450, 1457
Троцкий Л.Д. 1414
Трофимов К.Д. 1175, 1178, 1180
Трубецкой С.Н. 202
Трубецкой, землевладелец 1211, 1219
Трубников И. 1310
Трутовский В.К. 189
Туаллагов А.А. 949
Тугаринов А.Я. 877
Тункина И.В. 16, 62, 72, 74–77, 80, 87, 111, 118, 129–131, 178, 244, 253, 255, 271, 272, 287, 301, 302, 306, 354, 418, 482, 465, 529, 623, 653, 654, 694, 743, 744, 746, 747, 1060, 1155
Тураев Б.А. 286, 701, 1424, 1460, 1461
Тургенев И.С. 158
Турчанинов-Орловский В.М. 1317
Тышкевич К. 1125
Тышковская, землевладелица 576
Тхань Тхаи, имп. Аннама 249
Тютрюмов И.М. 194

Уваров А.С. 78, 80, 81, 83, 85–87, 99, 111, 150–154, 164, 166, 186, 311, 654, 675, 694, 744, 749, 819, 822, 826, 828, 831, 929, 931, 935, 956, 1054, 1102, 1108, 1109, 1111, 1165, 1250, 1451
Уваров С.С. 77, 83–85
Уварова П.С. 65, 85, 186, 189, 194, 195, 202, 207, 217–219, 221, 224, 232, 236, 238, 240, 252, 263, 266, 276, 281, 299, 327, 340, 578, 582, 665, 669, 670, 748, 749, 752, 759–761, 764, 769, 772, 857, 929, 933, 938, 985, 1001, 1032, 1034–1036, 1041, 1054, 1136, 1228, 1277, 1293, 1320
Угринович И., свящ. 1327
Удаленков А.П. 53, 1240, 1414, 1421, 1424, 1437, 1462
Удаленков Н.П. 53, 1437
Удинцев Д.А. 900, 904, 905, 915
Уиллер М. 1216
Уильямс Д. 375, 382, 384, 399, 406, 517
Ульянов В.И. 1412, 1417, 1446
Ульянова О.А. 568
Ульяновський В. 292
Умеров Г. 1386
Урусбиев И. 1026, 1033
Усов С.С. 878
Успенский А., прот. 1422
Успенский А.И. 73
Успенский Ф.И. 153, 276, 301, 304, 1445
Уткин А.В. 816
Ушаков С.В. 744, 746
Ушаков Н. 37
Ушар М. 1380, 1381

Фабрициус И. В. 694
Файбисович В. М. 78
Фармаковская Т. И. 273, 1403, 1412, 1415
Фармаковский Б. В. 36, 39, 49, 51, 57, 64, 215, 267, 271, 273, 301–303, 306, 320, 321, 330, 335, 336, 339, 340, 343, 354, 395, 497, 512, 526, 530, 532, 533, 640, 667, 668, 672, 675, 676, 678, 679–694, 696, 697, 708, 710–712, 719, 729, 732, 734, 735, 1052, 1155, 1202, 1205–1209, 1214, 1216, 1217, 1220, 1221, 1223, 1228, 1229, 1233, 1384, 1401, 1403, 1406, 1412, 1414, 1415, 1421, 1422, 1424, 1428, 1429, 1440, 1450, 1451, 1453, 1456, 1461
Фармаковский М. В. 53, 59, 283, 290, 320, 728, 1414, 1422, 1422, 1424, 1461
Федор Алексеевич, царь 73, 105
Федор Иоаннович, царь 1095
Федоров Л. А. 40
Федоров Н. В. 857, 859, 1077
Федосеев Н. Ф. 256, 356, 421, 431, 459, 536, 562
Федотов, унтер-офицер 1042
Федриков, околоточный надзиратель 282
Фелицын Е. Д. 314, 455, 564–574, 955–958, 1015, 1054
Фельдт К. А. 110–111
Феогност (Лебедев), еп. 1287, 1294
Феоктист (Попов), еп. 185
Феофан (Ильминский), еп. 1334
Фердинанд IV, король 90
Фетисов А. М. 284, 1062
Фиалко Е. Е. 627, 637
Фикерт Э. К. 353
Филимонов Г. Д. 103, 938, 1054
Филимонов С.Г. 492
Филимонова Ю. Д. 195
Филипп II Македонский, царь 566
Филиппов Л. А. 51, 61, 269
Филиппова Л. А. 1316
Филиппович В. И. 1101
Филлипенко А. Ф. 746
Филлипов К. 140
Филопатра, жительница древнего Боспора 466
Финогеев Д. 1112
Фиркович А. 923
Фирсов К. Б. 553
Фирсов Н. А. 1114, 1115
Флавиан (Городецкий), митр. 1359
Флейшер С. Н. 1047
Флетчер Дж. 83, 85
Флоринский В. М. 876, 877
Фогель А. 707, 708
Фолленвейдер Г. Г. 1159
Фоменко В. А. 1016
Фомин Ф. М. 1288, 1306
Фонтана Я. 341
Формозов А. А. 65, 69, 72, 77, 86, 99–101, 103, 181, 281, 300, 354, 381, 555, 787, 817, 821, 1451
Фохт Л. 1141
Фредерикс В. Б. 48, 96, 243, 267, 329, 760, 764, 1153, 1354
Френ Х. Д. 106
Фриде А. Я. 1267
Фроленко, домовладелец 952
Фролов А. И. 186
Фролов Г. 1088
Фролов Э. Д. 283, 296
Фрицин (Фритцше) Ю. Ф. 1008
Фронберг, землевладедец 954, 955

Халатьянц Б. М. 982
Халфин Н. А. 1056
Ханенко Б. И. 50, 52, 58, 228, 288, 294, 295, 330, 331, 335, 584, 585, 587, 589, 596, 613, 637, 1203, 1204
Ханенко В. Н. 294, 584, 585, 587, 613
Харин И. П. 1015
Хартанович М. Ф. 67, 162
Хачатрян Т. С. 966
Хачатурова Е.А. 574
Хачик (Дадян), архим. 267, 958, 959, 968, 981
Хвойко (Хвойка) В. В. 585–596, 803, 819–821, 824, 826, 1202–1205, 1226–1231, 1236
Хвольсон Д. А. 133, 236, 284
Хвостов А. А. 232
Хвощинская Н. В. 1187, 1302
Хегер (Гегер) Ф. 992
Херхеулидзев (Херхеулидзе) З. С. 522, 744
Хицунов П. И. 113, 401, 403, 418–420, 563, 655, 1005
Хмелевский, мещанин 133
Хмельницкий Богдан, гетман 597
Ходаковский Е. В. 68, 73, 215, 1208, 1331, 1335
Ходжаш С. И. 175
Ходкевич А. 1366
Хойслер А. 296, 711
Хорошкевич А. Л. 69
Хохоровски Я. 579
Худяк М. М. 418
Худяков М. Г. 64, 1115, 1451

Царевская Т. Ю. 1316
Цареградский В. П. 1213
Цветаева Г. А. 380, 400, 465, 485
Цветкова И. К. 816
Цилосани Н. О. 931
Цитланадзе Л. Г. 949
Цуциев А. 924, 926
Цыпкина А. Г. 154

Чагин Ф. И. 1275
Чайковский К. Ф. 907, 911, 912

Чарковский П. В. 978–981
Чарторыйский Александр, кн. 1150
Часовщиков В. 564
Чеканов В. Ю. 283
Чекановский А. Л. 817
Чепелевский И. И. 1351
Черепанов Н. А. 350, 1149
Черкасский А. М. 74
Черков В. Н. 511
Черненко Е. В. 404, 559
Чернушенко Д. С. 610–611
Чернышев М. 257
Чернявский В. И. 951
Чернявский, землевладелец 488
Черский И. Д. 817, 876
Четверкина Е. В. 16
Чеченов И. М. 1054
Чингисхан, хан 1059
Чираджиев К. 1063
Чириков Г. И. 1316, 1369
Чириков М. Г. 1247
Чириков М. О. 1335, 1360, 1365
Чистов Д. Е. 370, 418
Чистяков И. Ф. 35, 38, 249, 270, 271, 864, 946, 960, 962, 970, 979, 980, 1059, 1067, 1070, 1088, 1115, 1149, 1151, 1152, 1299, 1302–1305, 1336, 1338, 1367–1370, 1462
Чистяков П. П. 1359
Чугунов С. М. 812, 833, 863, 866, 867, 876
Чудковский Д. Н. 1159
Чураковский Г. К. 985
Чурекова Н. Б. 271, 272, 743

Шалубеев А. 1392
Шаманаев А. В. 71, 133, 152, 745–747, 764
Шаманская У. 499
Шамиль, имам 923
Шантр Е. Э. 583
Шауб И. Ю. 385, 395, 568
Шахматов А. А. 1461
Шаховской С. В. 1379
Шваб М. 619
Шварц А. Н. 276, 664
Шварцмайер А. 385
Шверин К. И. 756
Шегрен А. М. 789
Шелов Д. Б. 281, 518, 520
Шелов-Коведяев Ф. В. 481
Шемякин М. 744
Шепелев Л. Е. 97, 99, 160
Шереметев Д. А. 335
Шереметев С. Д. 321
Шереметев С. А. 956
Шероцкий К. В. 1232
Шестаков С. А. 260
Шеффер П. Н. 347
Шидловський П. С. 803
Шилейко В. К. 1424
Шильц В. 640, 643, 644
Шинкаренко Т. П. 1282
Ширинский-Шихматов А. А. 58, 295, 298, 1422
Шифнер А. А. 784
Шишкин Н. П. 581
Шишкин П. А. 124, 1107, 1108
Шишкина Г. В. 1067
Шкорпил В. В. 49, 50, 53, 57, 59, 133, 259, 260, 303, 330, 334, 338, 375, 459, 480, 489, 493–533, 773, 778, 780, 1387, 1406, 1450
Шкорпил В. В., младший 534–535
Шлейхер А. 787
Шлиман Г. 44, 162–163
Шляков И. А. 1269
Шляпкин И. А. 1146–1151, 1432
Шматько О. Н. 71
Шмидт А. 1246
Шмидт А. В. 898
Шмидт Г. 1085
Шмидт П. П. 720, 729
Шмидт Р. В. 481
Шмидт Э. 1142, 1143, 1349
Шмит Ф. И. 774, 1460, 1462
Шовкопляс Г. М. 529, 1203
Шовкопляс И. Т. 819
Шокальский Ю. М. 1461
Шрамко Б. А. 596
Шренк Л. И. 786
Штейн В. Ф. 741
Штейн С. В. 931
Штерн, фон, Э. Р. 50, 51, 53, 58, 273, 295, 296, 470, 664, 695, 699–701, 707–721, 725, 727–729, 732, 736, 737–742, 1422
Штукенберг А. А. 1114
Штюрмер Б. В. 239
Шукевич В. А. 222, 1126, 1128, 1377, 1378
Шульц Д. Г. 314, 632–634, 1037–1041
Шульц П. Н. 360, 563
Шумаков Е. 132, 795

Щавинский В. А. 1461
Щавелев С. П. 13, 72, 279, 1106, 1123
Щеглов А. Н. 296, 362, 711, 756, 771
Щегловитов И. Г. 1365
Щенков А. С. 67
Щербак А. М. 842
Щербаков Н. А. 286
Щербакова Е. Н. 61
Щербаковский В. Н. 37
Щербина Ф. А. 574, 956, 1031
Щербина-Крамаренко Н. Н. 1067
Щитников Ф. Е. 352, 353

Щукин М. 898
Щукин П. И. 914
Щусев А. В. 1067, 1203, 1311, 1345, 1348, 1359

Эванс А. 1216
Эварницкий Д. И. 222, 602–609
Эдельштейн М. 113
Эдинг, фон, Д. Н. 915
Эйльбарт Н. В. 66, 871
Эйснер А. П. 949
Эйхталь, де, Л. 835
Элерт А. Х. 74
Эммануэль Г. А. 923
Энгельгардт Н. 1261
Энгельгардт П. И. 1258
Энман Н. А. 53, 526, 530, 701
Эренбург А.Г. 1307
Этельред II, король 1182
Эфрос А. М. 1461

Юлдашев Вали-Ахун 1083
Юницкий П. 140
Юргевич В. Н. 62, 746, 756
Юрий Долгорукий, кн. 1149
Юров, уездный исправник 577

Яворская Л. В. 1110
Ягич И. В. 1148
Ядринцев Н. М. 45, 306, 842–845, 860, 876
Ядрышников В. А. 1298
Яковенко Э. В. 381, 401, 403, 562, 563, 590
Яковлев А. А. 1462
Яковлев П. С. 63
Якубовский А. Ю. 1069, 1086
Якубовский Ю. 1075
Якунин А. А. 905
Якши-Мурат, министр 1058
Яновский К. П. 1034, 1035
Яремич С. П. 175, 1461
Яров С. В. 1444
Ярослав Мудрый, кн. 1235
Ярослав Всеволодович, кн. 1303
Ясави Ахмед 1060
Ястребов В. Н. 150, 665–668, 675, 1005, 1009, 1010, 1141
Ятманов Г. С. 1409, 1414, 1452
Яхонтов И. 895
Яценко Е. 1155

Abramowicz A. 66
Andronicos M. 566
Arne T. 718
Audac A. 91

Baer K. E. 785
Bapst G. 1037
Baye, de, J. см. Бай, де, Ж.
Bayern Fr. 921
Belck W. 971, 1035
Bentz M. 516
Bercé F. 89
Bercé Y. M. 90
Bilewicz H. 66
Billod C. 1031
Blombergowa M. M. 66, 575, 576, 871
Boardman J. 701
Boüard, de, M. 89
Braun F. 718
Braund D.C. 433
Brückler T. 90
Buko A. 1366

Charmes X. 88
Chetraru N. 662
Chochorowski J. 575, 579
Cook R. M. 403, 562

Dettloff P. 66, 1374
Dubois de Montpereux F. 489
Du Brux P. см. Дюбрюкс П.
Dupont P. 403, 562
Dzik M. 1184

Fless F. 400
Frycz J. 90, 1374

Gadirova-Ateshi N. R. 287, 965
Gajdukevič V. F. 385, 393, 433
Galanina L. 540, 550, 555, 568, 608, 632, 635, 653
Gardner E. A. 89
Gintautas Z. 1128
Gorshenina S. 1056, 1057
Grach N. 540, 550, 555, 568, 608, 632, 635, 653
Gran-Aymerich E. 89
Guerquin B. 341
Guizot F. см. Гизо Ф.

Häusler A. 711

Immonen V. 173

Jamski P. 66
Jokilehto J. 90

Kerschner M. 562
Khrushkova L. 71
Krasnodębski D. 1128
Kuliauskas P. 1128

Lehmann-Haupt C. F. 967
Léon P. 89
Lorenz A. 400

Markle M. M. 501
Mordvinceva V. 393, 469
Morgan J. P. см. Морган Дж. П.
Morgan, de, J. 837
Mousssine A. 1146
Musin A. 68, 71, 73, 106, 224, 297, 1210, 1366, 1373, 1445

Niculică B. P. 90
Nimeth U. 90
Nowalski J. 672

Ossowski G. 578

Parlasca K. 478
Pfrommer M. 385, 393, 469, 517
Pic M. 1036
Piotrovsky B. 540, 550, 555, 568, 602, 632, 635, 653
Pravilova E. 961
Pumpelly R. 1085

Răileanu N. 662
Radloff W. 841
Recambert C. 91
Romstorfer K. 90
Rostowzew (Rostovcev, Rostovtzeff) M. 297, 321, 388, 392, 393, 433
Rösler E. 971, 1035
Róziewicz J. 66
Różycka-Bryzek A. 66, 1365

Qədirova-Atəşi N. см. Gadirova-Ateshi N. R.
Schaeffer Cl. F. 1053
Schlotzhauer U. 562
Schmidt A. V. 1053
Schwarzmaier A. 385
Shefton B. 433
Skoryj S. 579
Sobol L. 90
Solcanu I. 90
Solovyov S. L. 694, 695, 701, 720, 728
Sonntag H. S. 1056, 1057
Staszel J. 66
Stoyanov R. V. 756
Strahlenbergs P. J. 896
Supady J. 66
Svedin M. 302
Svetikas E. 1128
Świechowski Z. 1374
Szczerba A. 66, 67, 153
Szyposz J. 90

Taavitsainen J.-P. 173
Tallgren A. M. 938, 1053
Trujillo M. A. L. 91

Ustinova Ju. 568

Vadelorge L. 89
Verdier P. 88, 89
Vickers M. 404
Vinogradov Ju. A. 354, 693, 694
Vinogradov Ju. G. 436
Viollet-le-Duc E. E. см. Виолле ле Дюк Е.
Virchow R. 935, 1035

Waşowicz A. 690
Wawrzeniecki M. 672
Wójcik Z. 66
Woźny M. 90

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белавин Андрей Михайлович — доктор исторических наук, профессор, проректор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета по научной работе и внешним связям, заведующий кафедрой древней и средневековой истории России.

Научные интересы: средневековая археология Урала и Поволжья.

e-mail: belavin@pspu.ru

ORCID: 0000-0003-4620-2882

Белова Наталья Андреевна — научный сотрудник Рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: история археологии, архивное дело.

e-mail: admin@archeo.ru

Васильев Сергей Александрович — доктор исторических наук, заведующий отделом палеолита Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: каменный век Сибири, палеолитические жилища и поселения, заселение человеком Америки, этноархеология, история археологии.

e-mail: sergevas@AV2791.spb.edu

ORCID: 0000-0003-4730-3300

Вахтина Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: античная археология Северного Причерноморья, история и археология Боспора, греко-варварские взаимодействия, греческая архаическая керамика.

e-mail: vakhtina@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-7245-2642

Виноградов Юрий Алексеевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: античная археология и история.

e-mail: vincat2008@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4447-5679

Всевиов Лев Михайлович — главный библиотекарь отдела Библиотеки РАН при Институте истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: библиография, археология, история издательского дела.

e-mail: bibl_mem@archeo.ru

ORCID: 0001-8381-4774

Длужневская Галина Вацлавовна (1946–2014) — доктор исторических наук, заведующая фотоархивом Ленинградского отделения Института археологии АН СССР / Института истории материальной культуры РАН (1985–2004), заведующая Научным архивом Института истории материальной культуры РАН (2004–2014). Научные интересы: археология Центральной Азии и Сибири, востоковедение, архивоведение, история фотографии.

Ёлшин Денис Дмитриевич — кандидат исторических наук, ученый секретарь сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа.

Научные интересы: архитектура и строительное дело Древней Руси.

e-mail: denis.jolshin@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5099-3931

Игнатьева-Вильбоа Оксана Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета.

Научные интересы: история частного коллекционирования в России, пермский звериный стиль, региональная идентичность

e-mail: ignatieva2007@rambler.ru

ORCID : 0000-0002-9374-7378

Кирчо Любовь Борисовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: археология Центральной Азии и Среднего Востока эпохи неолита–бронзы.

e-mail: l_kirtcho@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6131-1393

Крыласова Наталья Борисовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН.

Научные интересы: средневековая археология Урала и Поволжья, история костюма.

e-mail: n.krylasova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2032-8292

Лазаревская Наталья Александровна — научный сотрудник Фотографического отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Научные интересы: археология Южной Сибири и Центральной Азии скифского времени, изучение документального культурно-археологического наследия России.

e-mail: lazarevskaya_n@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0045-5745

Лапшин Владимир Анатольевич — доктор исторических наук, директор Института истории материальной культуры РАН, заведующий Отделом славяно-финской археологии.

Научные интересы: средневековая археология Северной Руси и Северной Европы.

e-mail: vladimirlapshin51@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5892-4423

Медведева Мария Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующая Научным архивом Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: история и археология Древней Руси, история археологии, история архивного дела и фотографии.

e-mail: marriyam@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3592-6260

Мусин Александр Евгеньевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: средневековые история и археология Восточной Европы, история Церкви и церковной культуры, история археологии.

e-mail: aemusin64@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8862-236X

Носов Евгений Николаевич (1949–2019) — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института истории материальной культуры РАН (1998–2015), заведующий кафедрой археологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (2002–2018), научный руководитель Института истории материальной культуры Российской академии наук (2016–2019).

Платонова Надежда Игоревна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: история и археология Древней Руси, история науки.

e-mail: niplaton@gmail.com

ORCID: 0000–0003–1432–720X

Рысин Михаил Борисович — кандидат исторических наук, специалист по культуре Кавказа эпохи палеометалла, хронологии и периодизации культур, связям Кавказа с цивилизациями Переднего Востока, типологии металлических изделий и керамике культуры строителей дольменов Западного Кавказа.

Стеганцева Вероника Яковлевна — младший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН.

Научные интересы: археология эпохи средней бронзы южнорусских степей.

e-mail: veronika_s@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3130-0359

Стоянов Роман Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, Центр античной и восточной археологии, Институт классического Востока и античности, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Научные интересы: классическая археология и история.

e-mail: roman.stoyanov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2290-154X

Тихонов Игорь Львович — доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Научные интересы: история археологии.

e-mail: i.tikhonov@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-8489-7772

Научное издание

Императорская археологическая комиссия (1859–1917):
история первого государственного учреждения
российской археологии от основания до реформы

Коллективная монография в 2 т.

Т. 2.

Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева

Корректор М. А. Иванова
Цветокоррекция И. Н. Лицука
Оригинал-макет С. Г. Бочаровой
Дизайн обложки О. Д. Курты

Подписано в печать 04.12.2019. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 59,15.
Тираж 1000 экз. Заказ № 714

Отпечатано в ООО «Невская Типография»,
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

ISBN 978-5-9072-980-7-1